

ГОДЪ

СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

1.

П Р И

1869

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сто три дня изъ дѣтской жизни императора Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ *С. А. Порошина*, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
2. Письмо *С. А. Порошина* къ графу Г. Г. Орлову.
3. Записка императора Павла къ ген. лейт. Амбразанцеву.
4. Вѣдомости о великомъ князь Павлѣ Петровичѣ.
5. Письма (4) *С. А. Порошина* къ Академику Миллеру. Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья графа *А. С. Уварова*.
7. Письма (19) *В. А. Жуковскаго* къ тоіерею И. И. Базарову 1848—49.
8. Послѣдніе дни жизни *В. А. Жукова*. Статья *Н. Н. Базарова*.
9. Къ исторіи Шведской войны 1788 г Академика *Я. К. Грота* (по Шведск. книгамъ)
10. Письма (7) *В. А. Озерова* къ А. Оленину.
11. Письмо *В. А. Озерова* къ *Ф. А. Лубцову*.
12. Изъ давнихъ воспоминаній, статья *В. Селиванова*.
13. Поминки по Бородинской битвѣ хотвореніе князи *И. А. Вяземск*
14. Воспоминанія о 1812 годѣ. *Его*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шалаевой.

1869.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ ВЪ 1833 ГОДУ.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°. 8 нел., 462, 092, VII и 2 нел. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. М. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р. Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ прилѣжаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ИЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

зданіе Русскаго Архива. Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к. къ этому второму изданію прибавлено:

- 1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ „Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова“.
- 2) „Тайныя Наставленія“ въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.
- 3) Польскій Катихизисъ.
- 4) Подробное оглавленіе всей книги.

См. на внутренней сторонѣ задней обертки.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.
1869

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ

БИБЛИОТЕКАРЕМЪ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.
(1869)

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1870.

СОДЕРЖАНИЕ РУССКАГО АРХИВА

ЗА 1869 ГОДЪ.

(Седьмой годъ изданія.)

1. О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ. Статья *Д. В. Польнова*. 1729.
2. Домъ, гдѣ жилъ Карлъ XII, подъ Полтавою. *Л. Коростовцова*. 1722
3. Росписи царской охоты, утвержденныя импер. Петромъ II-мъ, 1675
4. Письмо князя *Кантемира* къ Θεодану Прокоповичу о пасторѣ Милъгардѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. И. Григоровича*. 578
5. Михайло-Медвѣдь, разбойничій есауль. Статья *Н. П. Розонова*. 1082
6. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758 г. Черта Русской политики Елизаветинскаго времени. 737
7. Письма къ *И. И. Шувалову*:
 - 1) *Графа А. Б. Бутурлина*. 1767
 - 2) *Графа М. Л. Воронцова*. 1774
 - 3) *Графа И. Г. Чернышева* 1779
8. Записки *Екатерины II* къ Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой. 193
9. Письмо *Екатерины II* къ *С. А. Колычеву*. 209
10. Письмо *Екатерины II* къ гр. *В. П. Мусину-Пушкину*. 208
11. Для біографіи гр. Ланжерона. Записка *Екатерины II*. 206
12. Письмо *Екатерины II* къ гр. *Н. П. Румянцову* о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича. 202
13. Письма *Екатерины II* къ митрополиту Димитрію Свѣчену съ примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. 196
14. Автобіографія *С. П. Румянцева*. 839
15. Изъ бумагъ *графа С. П. Румянцева* (объ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ) 1953
16. Письма *графа С. П. Румянцева* къ отцу его графу Румянцеву-Задунайскому. 853
17. Письма *А. Н. Моркова* къ графу *С. П. Румянцеву*. 866
18. Переписка *графа Г. Г. Орлова* съ *Ж. Ж. Руссо*, съ предисловіемъ *В. В. Андреева*. 581
19. Два письма *Г. Н. Теплова*. 216
20. Письмо *М. П. Нарышкиной* къ *С. А. Колычеву*. 213
21. Два письма *Суворова* къ *С. А. Колычеву*. 210
22. Письмо *Искры* къ графу *П. А. Зубову*. 1566
23. Письмо (кн.) *А. А. Безбородка* къ *С. С. Зиновьеву* о нашихъ сношеніяхъ съ Испанією. 210
24. Къ исторіи Шведской войны 1788 года. Академика *Я. К. Грота* (по Шведскимъ книгамъ) 111.
25. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаго*. 584
26. Хозяйственное распоряженіе князя Потемкина (о вислицахъ). 920
27. Письма Германской принцессы (тещи в. кн. Константина Павловича) о Русскъ Дворѣ 1795 г. 1089.
28. Изъ бумагъ *Гавриила*, митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго. Извлечено, съ примѣчаніями *Н. И. Григоровичемъ*. 1569

*

29. Сто три дня изъ дѣтской жизни императ. Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ *С. А. Порошина*, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. 1.

30. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. 68
31. Письмо С. А. Порошина къ графу Г. Г. Орлову. 64
32. Записки императора Павла къ ген. лейт. Амбразанцеву. 66.
33. Письма С. А. Порошина къ Академику Миллеру. 72
34. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замятка В. В. Андреева. 517
35. Рапортъ губернатора Карльева императору Павлу о православіи въ Минской губерніи, 1559
36. Изъ записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла. 1869.
37. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны съ С. И Плещееву, по кончинѣ императора Павла. 1951.
38. Изъ давнихъ воспоминаній, статья В. В. Селиванова. 153
39. Разсказы князя С. М. Голицына, записанные М. П. Полуденскимъ 627
40. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ князя Н. В. Репнина. Статья М. Ѳ. Де-Пуле, по ново-найденнымъ бумагамъ. 525
41. Иринеи, архіепископъ Псковскій. Статья Н. И. Григоровича. 1103
42. Неизданная ода графу Потоцкому 1803 года (о правахъ дворянства), съ предисловіемъ М. Н. Лонгинова. 1377
43. Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья графа А. С. Уварова. 75
44. Записка, поданная кн. А. Б. Куракинымъ императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. 1125
45. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. 759.
46. Переписка его же съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено Г. Н. Александровымъ). 763
47. Объясненіе императора Александра Павловича съ канцлеромъ его графомъ Н. П. Румянцевымъ (собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1812 года). 609.
48. Поминки по Бородинской битвѣ. Стихотвореніе П. А. Вяземскаго. 175.
49. Воспоминанія о 1812 годѣ. Его же. 181
50. Переписка между С. А. Масловымъ и И. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ. 061
51. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ (Изъ подлинныхъ донесеній императору Александру Павловичу.) 1387
52. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 годѣ. Записка Шевалье д'Изарна съ предисловіемъ и примѣчаніями г. Гадарюелл. 1399
53. По поводу статьи: „Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ“. Старожила города Москвы. 2021
54. Переправа черезъ Березину. (Изъ Записокъ адмирала Чичагова). 1147
55. Дневникъ свитскаго офицера (С. Г. Хомутова). 1813 годъ. 220
56. Баронъ К. Ѳ. Левенштернъ и письма къ нему великаго князя Михаила Павловича, гр. Аракчеева и пр. съ примѣчаніями М. И. Семевскаго. 1496
57. Объ обращеніи въ католичество графини М. А. Воронцовой, замѣтка графа М. Д. Бутурлина. 1712
58. Изъ Записокъ Архимандрита Фотія. 1822 годъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 929
59. Письма князя А. Н. Голицына къ графинѣ А. А. Орловой - Чесменской. 1822 и 1823 годы. 943
60. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Смоленскаго кладбища въ Спб. Н. И. Григоровича. 075
61. Письма изъ Вѣны отъ князя Александра Борисовича Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1807 года. 385

62. Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ въ 1826 году. *А. П. Языкова*. 1462
63. Описаніе столовыхъ часовъ графа Аракчеева, съ замѣткою *г. Пашкевича* и съ нотами. 1183
64. Надпись на иконѣ графа Аракчеева. 076
65. Князь А. С. Меншиковъ. 1067
66. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа *А. А. де Бальмена* 1818 годъ. 647
67. Тоже, 1819 годъ—765
68. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ“, замѣтка *И. И. Семеновскаго*. 053
69. Частное письмо * о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государств. секретаря *А. Н. Оленина*). 731
70. Записка *А. Н. Райки* объ убіеніи графа Каподистріи. 881
71. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея) *Ф. Н. Фортунатова*, бывшаго директора Олонедкой гимназіи. 305
72. Переписка епископа-князя *Симона Гедройца* съ (гр.) *Д. Н. Блудовымъ* и другими лицами во время Польскаго мятежа 1831 года. 1485
73. Записка генералъ-адъютанта *Отроценки* о послѣдователяхъ Коначскаго. 1207
74. Императоръ Николай 1-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ. Статья *Н. И. Григоровича*. 739
75. Православные Латыши въ 1841 и 1842 годахъ. Историческій очеркъ *Ю. Ф. Самарина*. 1224
76. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клигера*. 964
77. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго*. 1005
78. Изъ Крымскихъ воспоминаній послѣдней войны *С. Д. Кожухова*. 381
79. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника *К. Л. Кустодіева*. 751
80. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Записка *графа С. С. Ланскаго* (1859) съ предисловіемъ *Н. П. Семенова*. 1362
81. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. *Гр. А. В. О.-Д.* 1045
82. Старинное остроловіе. 1568
83. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1867 г. изъ Справочнаго Словаря *Г. Н. Геннади*. 1985
84. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе *К. Н. Батюшкова*. 1191
85. Письмо *Бумарина* къ *И. Н. Липранди* объ изданіи Сѣверной Пчелы. 1553
86. Воспоминаніе о М. И. Глинкѣ. *В. Н. Кашперова*. 1137
87. Письма *М. И. Глинки* къ *К. А. Булгакову*, съ нотами и съ примѣчаніями *М. Н. Лопшинова* и князя *В. Ф. Одоевскаго*. 341
88. Письма *М. И. Глинки* къ *В. Н. Кашперову*. 1143
89. Изъ бумагъ *Н. И. Греча* (Письма *А. С. Стурдзы*, *А. С. Пушкина*, *С. Н. Глинки*, *А. А. Бестужева* и стиховъ *А. Е. Измаилова*). 600
90. Неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*. 379
91. Письмо *Жуковскаго* къ графинѣ *С. М. Соллогубъ* по случаю кончины дѣтей ея. 958
92. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ графу *М. Ю. Вьельгорскому*. 644
93. Письма (19) *В. А. Жуковскаго* къ протоіерею *И. И. Базарову*, 81.
94. Послѣдніе дни жизни *В. А. Жуковскаго*. Статья *И. И. Базарова*. 99
95. Воспоминаніе о *Е. А. Жуковской*. *И. И. Базарова*. 2023
96. Письмо *Калайдовича* къ архим. *Амвросію* (Сообщено *П. М. Строевымъ*). 1715
97. Историческая замѣтка о запискѣ *Карамзина*: „Мнѣніе Русскаго гражданина“. 303

98. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову. 587
99. Два письма *Н. М. Карамзина* къ Н. И. Гречу. 1723
100. Два письма *Карамзина* къ Жуковскому въ Дерптѣ. 1383
101. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ, *Н. А. Лавровскаго* 2017
102. Черта изъ жизни А. С. Норова, *М. Н. Лонгинова* 066
103. Памяти А. С. Норова, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. 067
104. О библиотекѣ А. С. Норова, замѣтка *С. А. Соболевскаго*. 064
105. Письма *В. А. Озерова* къ А. Н. Оленину. 123
106. Письмо *В. А. Озерова* къ *Ө. А. Голубцову*. 151.
107. Къ біографіи В. А. Озерова, *И. П. Варнаховскаго*. 2029.
По поводу предвѣдущей статьи, замѣтка князя *П. А. Вяземскаго*, 2032.
108. Литературный вечеръ у П. А. Плетнева, статья *И. С. Тургенева*. 1663
109. П. А. Плетневъ, статья *Я. К. Грота*: 2089
110. Незданные стихи *А. С. Пушкина*: 1. Изъ Кавказскаго Пѣнника. 2. О Псковѣ. 1724
111. Два автографа *Пушкина*, съ объясненіями *М. Н. Лонгинова*. 1063
112. Стихи на могильномъ камнѣ актера Сандунова. 1568
113. Письмо *Сперанскаго* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено барономъ *М. А. Корфомъ*). 919
114. Письма *Сперанскаго* къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*. 1682 и 1966.
115. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ. 1177
- *
116. Театръ графа Каменскаго къ Орлѣ. (Изъ Записокъ *графа М. Д. Бутурлина*). 1708
117. Педагогъ прошлаго времени (Дюгуровъ) статья профессора *Н. А. Лавровскаго*. 1541
118. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья *Ө. В. Чижова*. 2045
119. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свигригайлѣ (Сообщено барономъ *М. А. Корфомъ*) 613
120. Библиографическія замѣтки: неизвѣстныхъ стихотворенія Пушкина, Кольцова и Баратынскаго и эпиграмма Крылова, *И. И. Ханенка* 073 и 2026
121. Еще о Лафермьерѣ, замѣтка князя *М. А. Оболенскаго*. 2090
122. Письмо къ издателю отъ *графа А. Ө. Ростопчина*. 0935
123. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ. Замѣтка *Г. П. Галагана*. 1718
124. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзинныхъ) архелогическая замѣтка князя *М. А. Оболенскаго*. 1076
125. Мелочи, замѣтки и поправки. 1726 и 2091.
126. Новыя явленія въ Русской библиографіи. *С. А. Соболевскаго*. 921
127. Литературно-историческія замѣчанія. *М. И. Погодина*, 2092
128. Для біографіи *И. И. Лажечникова*, замѣтка *М. Н. Лонгинова*. 2101
129. Надпись подъ портретомъ гр. А. П. Бестужева. 2104
130. Духовное завѣщаніе Колычева. 2104
131. О подпискѣ на стипендію Е. П. Ковалевскаго. 2106
132. Поправка и объясненіе (о потомствѣ княгини Н. Б. Долгорукой). 077
133. Книжныя заграничныя вѣсти. 025
134. Приобрѣтенія Чертковской библиотеки въ 1868 году. 039
135. Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВЪ 1869 ГОДА *)

- Ааронъ*, архіеп. Новгородскій (?), упом. въ Синод. Богословскаго мон. 1077.
- Ааронъ*, іером., казнач. М. Богоявл. мон., его дѣятельн. въ нашествіе Французовъ на Москву 1389.
- Абаза*, Александръ Агг. 1041.
- Абакумовъ*, Ѳад. Ив., посѣщаетъ Пушкина 1064, 1068.
- Абель*, дѣвица, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 450, 459, 476, 481.
- Абулази-Ханъ*. Сочинит. Монгол. и Тат. Исторіи, 621, 622, 623. 625.
- Августинъ*, (Виноградскій), архіеп. Московскій, 1179. 1387.
- Австрійцы*, 287. 288. 296. 299. 1155. 1768.
- Австрія*, 1127 — 1131, 1134.
- Агамоновъ*, Мих. Андр. 1985.
- Агавья Петровна* (?) 1788 г. упом. въ пис. М. Пв. Нарышкиной 215.
- Аделунъ*, Николай Фридрих., секрет. в. кн. Ольги Николаевны, 106.
- Адлербертъ*, гр. Влад. Ѳедор., мин. Двора, 375.
- Адріанъ*, патр. Всероссійскій, упом. въ Синодикѣ Богослов. мон. 1077.
- Аккобургская станція*, на Кавказѣ, 1062.
- Аксаковъ-шутъ*, упом. въ Дневникѣ Порошина, 11, 12.
- Аксаковъ* (Ив. Серг.), «*о купцахъ и торговль*» 036.
- Аксаковъ*, Серг. Тим., его воспоминанія 2043.
- Аксиньино*, подмоск. гр. Румянцова, 842.
- Аксиотти*, гражд. губерн. Навплии, 893.
- Акчуриновъ*, наход. при фельдм. гр. А. Б. Бутурлинѣ, 1772.
- Аладьинъ*, Абрамъ Семен., упом. въ пис. М. И. Глинки, 367. 369.
- Алединскій*, Никол. Александр, 1041.
- Александра Николаевна*, в. кн., 647.
- Александра Павловна*, в. кн. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 392. 394. 509. 515; въ пис. Герм. принц. о Русск. Дворѣ 869. 875. 1096. Кончина 1931, 1946.
- Александра Ѳеодоровна*, имп. 647. 648. въ пис. о происшествіи 14 Дек. 1825 г., 733.
- Александровскій уѣздъ*, (Влад. г.), крестьянск. движеніе при имп. Павлѣ, 547.
- Александровъ*, гор. Влад. губ., 1395.
- Александровъ*, упом. въ Зап. Саблукова 1921.
- Александровъ*, Петръ Александр., 1985, 1986.
- Александръ Павловичъ*, (импер.), Лагарпъ 75,

*) Названіе монастырей и церквей помѣщены подъ словами *Монастыри* и *Церкви*.

76. 78 -- 81. упом. въ пис. Озерова къ Оленину 146, къ Голубцову 151. 152. Воспитавіе при немъ въ кад. корпусахъ 160, военная служба 166. Будучи в. княземъ, приводитъ въ чувство одного офицера, упавшаго въ обморокъ 171. 1812 годъ: 181. 183. 184. 192. 01; 1813 годъ: 221 — 227; 229 — 239 241. 244. 247 — 251; 253. 254. 256. 258—260; 262 — 264. 266 — 270; 272. 274 — 286; 287—291; 293 — 296. 298. 300 — 302. Разговоръ его съ Е. А. Энгельгардтомъ по поводу записки Карамзина о Польшѣ 303. 304. Былъ воспріемникомъ королевы Викторіи 027, 028. упом. въ пис. кн. Куракина 1807 г., 388. 390. 391. 394. 405. 407. 408. 409. 410. 411. 419. 422. 424. 425. 426. 428. 431. 433. 434. 435. 436. 437. 440. 449. 455. 456. 459. 460. 464. 465. 466. 467. 469. 470. 488. 489 497. 502. 503. 506. 507. 512. 517. Крестьянское движеніе при немъ 577. (упом. 589) упом. въ пис. Карамзина 591. 593; 597. (упом. 601). Его письмо къ графу Н. П. Румянцову 609 — 614. (упом. 623); разрѣшаетъ напечатать сочин. Абулгази-хана 624. 625.

Имп. Павелъ поручаетъ ему разобратъ бумаги и-цы Екатерины 642. 643. Отвѣтъ его на выходку Савари 636. Намѣреніе отречься отъ престола 643. Упом. въ бумагахъ гр. Бальмена 652. 654, 674. 675. 699. 701. 715—717. 718. 776. 780. 790. 792. 797—803. 806. 807. 823—825. 836 Посѣщаетъ Смоленское кладбище 075. 076. (упом. 758) упомин. въ пис. гр. Ростопчина къ в. кн. Екатер. Павловнѣ 760. 762, къ цесарев. Константину Павловичу 763. Сватовство 203. 205. Обрученіе и бракосочетаніе 860. (упом. 929.) въ Запискахъ Фотія 931. 935 942. въ письм. кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой 945. 947. 956. 957. 958. Служба при немъ кн. А. С. Меншикова 1067. 1069. 1070. Наружность и нравственныя качества (1795 г.) 1091. 1092. 1094. 1095. 1097. 1098. 1100 (1101) Не награждаетъ Иринея, архіеп. Псковск. 1113. 1114. Указъ объ увольненіи его 1114. (упом. 1116. 1118. 1121). Возстановляетъ ордена учрежденныя Екатер. В. 1123. Записка п. ему кн. А. Б. Куракинымъ послѣ Аустерлицкаго сраж. 1125—1138. 1812 годъ:

1152. 1169. 1175. Столовые часы, изображающіе гр. Аракчеева у его могилы 1183 — 1189. 1190. Принимаетъ Поляковъ подъ свое покровительство 1209; объявляетъ неодобреніе свое на счетъ всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую 1263—1265. Указъ о неувольненіи въ отставку изъ военной службы ранѣе 12 лѣтъ дворянъ не получившихъ офицерскаго чина до этого срока 1377—1379. Потребовалъ отъ настоятелей Москов. монастырей описанія, что происходило въ нашествіе непріятели 1387. (упом. 1426) Похвальный о немъ отзывъ французск. гренадера, въ Тильзитѣ 1433 (упом. 1448) Воспоминанія о немъ въ селѣ Грузинѣ 1466—1475. 1477—1479. 1481. 1482—1484. Рескрипты его къ гр. Аракчееву (за «доброе сельское хозяйство») 1473. 1474; (за артиллерию) 1477. послѣднее письмо къ гр. Аракчееву 1471. 1472. упом. въ посланіи митр. Юсафата Булгака 1489. Дозволяетъ издавать «Сѣв. Пчелу» 1554. 1555 (упом. 1600. 1601) упом. въ письмахъ гр. Аракчеева 1656, бар. Меллера-Закомельскаго 1659.

- Письмо его къ гр. Аракчееву 1660 — 1662, къ гр. П. А. Толстому о Сперанскомъ 1684. упомин. въ письм. Сперанскаго 1686, 1689 1690, 1695, 1696. 1979; жалуесть ссыльному Сперанскому 6000 р. жалованья 1688. Варшавская его рѣчь 1697; о послѣдствіяхъ этой рѣчи 1697—1701. Кончина 731; жизнь при Павлѣ 1887. 1888. 1896. 1901. 1927, 1928. 1933, 1934; 1935. 1936. Воцареніе его 1942—1944. 1946, 1948. 1949, 1950. 1899. 1900 упом. въ письмѣ импер. Маріи Ѳеодоровны 1951 — 1953. Записка о вольныхъ земледѣльцахъ 1953—1966. Докладъ о «Поликсенѣ» Озерова 2032, 2039. 2040.
- Александръ II* Николаевичъ (импер.), упом. въ пис. Жуковскаго 81. 82. 86. 87. 88 (упом. 311) В. Б. Бажановъ посвящаетъ Ему свои «Поучительныя слова и рѣчи» (2-е изд. 1837 г.) 314. П. А. Плетневъ преподаесть Ему Русскую Словесность 332 (упом. 337). М. И. Глинка посвящаетъ Ему свой торжественный польскій 350. 374. 375. Разказы кн. С. М. Голицына 632. 4 Июня 1835 посѣщаетъ Св. Синодъ 746. 748. 750 (упом. 758). Членъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, 1011. 1039. Крестьянская реформа, 1363. Записка Министра Ланскаго 1364 — 1376. (упом. 1558. 1700).
- Александръ*, герц. Виртембергскій въ пис. кн. А. Б. Куракина 412. 414. 415. 417. А. А. Бестужевъ у него адъютантомъ 053. 735 (упом. въ разказахъ кн. С. М. Голицына 639?)
- Алексій* Св. митр. Киевскій. Его иконное изображеніе въ Грузинск. соборѣ, 1476.
- Алексій* Михайловичъ, царь, его крестъ 1126; упом. 1193.
- Алексій* Петровичъ, царев. его кончина 634.
- Алексѣевъ*, Аван. крестьянинъ, 532.
- Алексѣевъ*, Ив. Алексѣев., сенат. 1378.
- Алексій*, сынъ священника, 1084—1086.
- Алена Михайловна*, упом. въ Дневн. Порош., 5.
- Алеуты*, 1645.
- Алешенка*, село 546, 571.
- Алимпіевъ*, Александръ Петр., 1041.
- Алисовъ*, мичманъ 31.
- Алмейда*, полковн, коменд. Навплійскій крѣп. 883, 885, 886, 888, 892, 895, 915.
- Аллатовъ*, Дм. бѣглый казакъ 973, 975.
- Алферовскій*, Вас. Абрам., 1039.
- Алферьевъ*, Н. В., женатъ на княг. Еникѣевой 1972
- Альбертъ*, герц., 399, 403.
- Амбразанцовъ*, ген. лейт., записка къ нему в. кн. Павла Петровича, 66.
- Амбразанцовъ - Нечаевъ*, Серг. Никол., открыль бумаги Порошина, 3. 4. 64. 67.
- Амбразанцовъ - Нечаевъ*, Алексѣй Серг, флиг.-адъют., 3, 4.
- Амеросій* (Юшкевичъ), архіеп. Новгород. 196.
- Амеросій* (Подобѣдовъ), архіеп. Казан. 1112 митр. Новгород. 1116, 1596.
- Амеросій*, архіеп. Московскій 632, 842.
- Амеросій* (Серебренниковъ), еп. Екатеринбургскій 1603, 1605 — 1607, 1609.
- Амеросій*, сочинит. Исторіи Россійск. Іерархіи, п. къ нему Калайдовича 1715—1717.
- Амерстъ* (Amherst), лордъ 652—655.
- Амфилохій*, от. въ пис. кн. А. Н. Голиц. къ гр. А. А. Орловой 957.
- Ананьинъ*, Александръ Андр., 1041.
- Анапа*, крѣп. 1072.
- Анастасевичъ*, библиографъ, 923, 924.
- Анастасій*, еписк. Могилевскій 1592.
- Анастасія*, царица, упом. въ Синод. Богословскаго мон., 1077.

- Ангальтз*, гр. (Федоръ Евстаф.), путешествіе въ Финляндію (?) 120. директорство въ 1 кадетск. корпусѣ 160 — 163, 165.
- Ангелисз*, 902.
- Англія* и *Англичане*, 19 20, 36, 758, 1132, 1134, 1931.
- Андреевскій*, корн. Конной гвардіи 1933, 1937, 1938.
- Андреевское*, село, Влад. губ. и уѣзда, кн. Воронцова 1727, 1728. галерея 1728. 2090.
- Андреевз*, Ардал. Мих., пис. Марлинск. 606 — 608.
- Андреевз*, В. В., его статьи 517, 581.
- Андреевз*, Михаилз, священ., 1084—1087.
- Андреевз*, Мих., мундшенкз 1638.
- Андреевз*, Констант. «орловщикз» 1680.
- Андреевз*, фельдг. 574.
- Андроникз*, его мощи 1391.
- Аникьевскій*, сенат, 1377, 1378.
- Анна Иоанновна*, императ., рассказы гр. Н. И. Панина и др. в. кн. Павлу Петр. объ ея времени 53, 55, 59. Озеровъ имѣлъ намѣреніе написать трагедію, взятую изъ ея царствованія 143. Обращ. Миллярда въ православіе 578, 579, 581. упом. въ Синод. Богословскаго мон. 1077. закладываетъ на Невск. просп. церковь Рожд. Богородицы 1111.
- Анна*, королева Англ., 580.
- Анна Карловна*, граф. въ Дневникъ Порошина 17, 24.
- Анна Павловна*, в. кн., рассказы Амеліи Мюррей, 027, наружность 490, 498.
- Анна Теодоровна* (Юлія), в. кн., супр. Константина Павловича, ея пріѣздъ въ Россію 1089. поправ. Екатеринбургъ 1091. въ письмахъ матери 1092. 1096—1100; упом. 1901.
- Анненковз*, Пав. Вас, 1041.
- Анрепз*, лейбъ-гусарз, 223.
- Антитинз*, Ив. Ѳом, мѣщанинз, калуж. 1063 посѣтилъ Пушкина, 1064. Записка къ нему Пушкина 1064. 1068. свѣдѣнія о немъ 1725. 1726.
- Антомарки*, хирургъ при Наполеонѣ, 821. 822. 824. 834. 838.
- Антоній* (Знаменскій), архіеп. Ярослав. 1581, 1582, 1614, 1615.
- Антоній* (царев, Карталинскій), архіеп. Нюноцминдскій, 1614 — 1616.
- Антоній*, еп. Олонекскій, викарій Новгород. митрополи, погребаетъ митр. Дим. Съченова 196.
- Антоній*, настоят. Троиц. Зеленецк. мон-ря 1106.
- Антоній*, настоят. Богословск. монаст., 1078.
- Антонз*, эрцгерц, 392, 395, 452, 454, 462.
- Антуанетта*, сестра в. кн. Анны Теодоровны 1092. 1097.
- Аноія* (Козловская), игум. Алексѣев. монастыря, въ Москвѣ, ея дѣятельность въ нашествіе Французовъ 1396.
- Апокалипсисз*, вопросъ Жуковскаго какъ объясняютъ его наши церк. писатели 95, 96 для «Странствующаго Жидда» 108.
- Аполлосз*, настоят. Воскресенск. мон-ря, 1106, 1107.
- Аполлосз*, еп. Новгородскій, упом. въ Синод. Богослов монастыря 1077.
- Апраксина* (ур. Соймонова), А граф. Леонт. супр. фельдм. Степ. Федор, въ Дневникъ Порошина, 24, 38, 42.
- Апраксина* (ур. гр. Разумовская), граф. Елизавет. Кирил. въ пис. гр. Ростопч. къ в. кн. Екатер. Павловнѣ 760.
- Апраксинскій театрз* въ Москвѣ см. *Москва*.
- Апраксинз*, гр. (Александръ Петр.), поруч. лейбъ-гусар., 760.
- Апраксинз*, гр. Никол. Александр, 1041.
- Апраксинз*, Петр. Федор., бриг. въ Дневникъ Порошина 54.
- Апраксинз*, Степ. Степ. 191. 257. крестьянское движеніе въ его дере-

- вняхъ 546, 547, 554, 555, 557, 564, 568 — 570, 573, 575.
- Апраксинъ* (?) въ Дневникѣ свитскаго офиц. 1813 года 271.
- Апухтинъ*, прап. уб. 1476.
- Аракчеева*, Елизав. Андр., мѣсто ея погребенія 1482.
- Аракчеева* (ур. Хомутова), граф. Нат. Ѳеодор., 1477. 1898.
- Аракчеевскій* Кад. Корпусъ, 1484.
- Аракчеевъ*, гр. Алексѣй Андр. въ Дневн. свитск. Офиц. 302, покровительствуетъ Магницкому 624, надпись на принадлежавшей ему иконѣ 076 (упом. 344.) противникъ кн. П. М. Волконск. 1070. описаніе его стол. часовъ 1183—1190, въ пользу его памяти 1190—1192. Грузино 1462 — 1484. (упом. 1543) любитъ и уважаетъ Шишкова 1554. к. проситъ его доложить Государю о дозволеніи издавать «Сѣв. Пчелу» 1554; его корпусъ 076; письма къ б. Левенштерну 1756, 1757; письмо имп. Александра I-го 1660 — 1662; ожд. замѣны себя Сперанскимъ 1696; въ письм. Сперанск. 1702, 1973, 1982; его характеристика 1897, 1898, 1899, 1900, 1903; сосланъ имп. Павломъ 1929.
- Аракчеевъ*, Андр. Андр. мѣсто его погребенія 1482.
- Арбузовъ*, гвард. экип. лейт., 740.
- Арембергъ*, кн. 1586 — 1588; его дочь 1587 — 1589.
- Арендтъ*, Никол. Ѳед. докторъ, 1045.
- Арзамасцы*, члены Общества, 1384. 1385.
- Аристидъ*, послѣд. Киринейской шк. 321.
- Аркадій*, о. письмо къ нему 949—951.
- Арманъ*, 1451, 1455.
- Армфельтъ*, (бар. Густавъ-Маврикій) въ пис. А. И. Маркова къ гр. С. П. Румянцову 1794 года 867, 868, 870 872, 873, 875.
- Армфельтъ*, 518
- Арнольдъ*, Артуръ, 402.
- Арнотъ*, врачъ, на о-вѣ св. Елены 834. 835.
- Арсеній*, еп. Вологодскій, пис. къ нему Поздѣва по пов. возмущенія крестьянъ 538 — 540; его посланіе къ Вологод. сельск. духовенству, 540—542.
- Арсеній*, еп. Ростовскій и Ярославскій 1105.
- Артуазскій*, герц. 861.
- Архаровскій полкъ*, 159. 172. 564.
- Архаровъ*, Никол. Петр., 170. 530. 531. 563. 564. 565. въ разказахъ кн. С. М. Голицына 640. 641.
- Арцу-Чермоевъ*, азіатск. офиц. 1004
- Аршеневскій*, казначей капитула Рос. Орд. 417, 421.
- Аршеневскій*, сенат., 1911.
- Астафьевъ Алексѣй*, бургом. 2050.
- Астраханская* епархія, 1108.
- Астраханскій* ком. по крестьян. дѣламъ 1369.
- Аттила*, 1452.
- Аугартенъ*, въ Вѣнѣ 387 — 390.
- Аугсбургъ*, гор. 1784.
- Ауэрбахъ*, Ив. Богд. 1986.
- Аѳанасьевъ*, Александръ Никол., 3.
- Аѳанасьевъ*, въ письм. Сперанск. 1975.
- Ахкентъ*, аулъ 1053.
- Ахнацевъ*, ген. м. 1770.
- Ахульто*, скала, 1051.
- Ашильта*, аулъ 1051.
- * *
- Багратионъ*, кн. Петръ Ив. Бородино 08, 061, 063. (упом. 429. 438) его жена 430, 439 жалоба на него 1634 1635.
- Багратионъ* (ур. гр. Скавронская, княг. Екатерина. Павл.) живетъ въ Вѣнѣ 430. 439.
- Барневъ*, ген. 297.
- Баденцы*, 294.
- Бажановъ*, А. Н., 1986.
- Бажановъ*, Васил. Бор. протопресв., въ пис. Жуковскаго 97; преподаваніе его въ Спб. универс. 311—314.
- Бажановъ*, архит. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1840.
- Базарджикъ*, 1709.

- Базаровъ**, протоіер. Ив. Ив. письма къ нему Жуковскаго 81—100; описаніе послѣд. дней Жуковскаго 99—111. сообщаетъ стих. его 382. воспом. объ Е. А. Жуковской 2023—2026.
- Базель**, гор. 297.
- Базенъ**, ген. лейт., 743.
- Базинеръ**, 404.
- Базуновъ**, Алексан. Оеодор. его изданіе. 927.
- Байеръ**, его Москов. лѣтопись 590.
- Байронъ**, 903, 2093.
- Бакмейстеръ**, библиогр. 1717.
- Баконъ**, Ив., совѣтн. комерцъ-коллегіи, 1753, 1754, 1761.
- Бакстеръ**, докторъ на о-въ св. Елены, 686, 689, 704, 706, 708, 709, 724, 727, 773, 775, 785, 787.
- Бакчисарай**, гор. 382.
- Балабинъ**, Евг. Петр. 1041.
- Балашовъ**, (Александръ Дмитр.), мин. полиціи, 1686, 1688.
- Баллю**, проф. харьк. Унив. 1548 (его жена 1548. 1549) 2017.
- Балдонъ**, сел. (Курляндск. г., Митавск. у.), цѣлебныя воды 1516, 1524, 1525, 1528, 1534, 1537, 1538, 1540.
- Балькомбъ**, торговый домъ, 663 664. 669, 676, 677, 721, 723, 766, 768, 770, 772.
- Бальменъ** (де), гр. А-ль Ант., Русск. приставъ на остр. св. Елены, 647—731; 765—838.
- Барановскій** Ст. Ив. 2086.
- Барановъ**, гр. Эдуардъ Троф. Виленскій ген. губ., 525.
- Барантъ** (де), 1459.
- Баранцовъ**, ген. ад. 1024.
- Баратынскій**, Евг. Абрам. 042. 055. упом. 1143 1672. 2028, 2029. 2089.
- Баратынскій**, Лев. Евг., издатель соч. своего отца 2028.
- Барбье**, бібліотекарь Наполеона I-го, 028.
- Барвицъ**, прапорщ. 1218.
- Барклай-де-Толли**, кн. Мих. Богд., одерживаетъ побѣду 244; главнокомандующій 245 247. 248. 251. 284. 298. 301; въ Зап. Чичагова 1151. (упом. 1148).
- Барсуковъ**, Никол. Плат., сообщ. письмо Булгарина къ Липранди 1553. 1554.
- Бартенева**, Праск. Арс., фрейл. 363. въ пис. М. И. Глинки 374. 375.
- Бартенева**, Ипатій Арсен., 1041.
- Бартенева**, 363.
- Бартоломей**, команд. Лейб. Гв коннопіонерн. п. 1515, 1519, 1535.
- Барфодъ**, Шведскій ученый, 111. о женидьбѣ гр. Разумовскаго 114. о плѣнныхъ Шведахъ въ Россіи 119 и др. 121. 122.
- Баршъ**, въ Дневн. свитск. офиц. 1813 г. 295.
- Барышниковъ**, Никол. Петр., 1063. Замѣтка 1725, 1726.
- Барятинская** (принц. Екат. Петр. Голштейнъ-Бекская), въ Дневникѣ Порошина 17.
- Барятинская** (ур. Келлеръ), княг. Марія Оеодор., 1542.
- Барятинскій**, кн. Александръ Ив. фельдм. взятіе Шамиля 1045, 1048—1050, 1052. 1053, 1055—1057, 1059, 1060, 1063.
- Барятинскій**, кн. Ив. Ив. его Курское село Ивановское 1542. Дюгуръ 1543. 1545.
- Барятинскій** (Ив. Сергѣев?), кн., въ Дневн. Порош. 1765 г., 16.
- Баскаковъ**, студ. Пб. унив., 308.
- Басси**, музык. 1144.
- Бастенъ**, издат. путеводаителя по Россіи 035.
- Баташева домъ**, въ Москвѣ 1411.
- Батурскъ**, лордъ, въ Донесен. гр. Бальмена 666, 672, 708—713. 716. 717, 729, 730, 776, 777. 780, 782, 794, 795, 801, 802, 827, 831.
- Батьки**, село 1721, 1722.
- Батюшковъ**, Конст. Никол., отзывъ о немъ Озерова 137; въ Воспомин. кн. Вяземск.; о 12 годѣ 08. его прогулка по Москвѣ 1191—1208. Арзамасецъ 1384. 1385. 055.

- Батюшковъ*, Помп. Никол. 1041.
- Бауеръ*, ген. 1712.
- Баумартенъ*, поруч., 45.
- Бауценъ*, гор. 237.
- Бахманъ*, бриг. 1769.
- Бахметевъ*, Алексѣй Никол. въ Воспомин. кн. Вяземск. 07, 08, 010.
- Бахтинъ*, Никол. Ив. (чл. Госуд. Сов.), б. со-трудн. кн. Меньшикова по преобраз. Морск. Министерства, 1071.
- Базтуринъ*, стихотв. 351.
- Базъ*, 361. 379.
- Базъ*, Генр. Эбергард., 1044.
- Башиловъ*, акад. 2100.
- Беатриса*, эриг. герц. въ донесеніяхъ кн. А. В. Куракина 392, 395, 399, 403, 427, 436, 443, 445. 448. 452, 458, 461, 485, 494.
- Безбородко*, кн. Александръ Андр. (уп. 195) письмо его къ С. С. Зиновьеву 210 — 213. въ пис. М. П. Нарышкиной 214. За Ясскій трактатъ получилъ Андреевск. ленту 406. 409. 410 (упом. 572). упом. въ Автобіогр. 852 и въ пис. гр. С. П. Румянца. 859. 862. его письмо къ нему 863. 864. переписка съ митр. Гаврииломъ 1585, 1619 — 1627; въ письм. и Павла 1593; въ Зап. Саблукова 1885, 1887, 1889.
- Безбородко*, приставомъ при ех-королѣ Ст. Понятовскомъ въ Гроднѣ, 572.
- Béeseau*, перев. Евгенія Онѣгина на французск. яз. 035.
- Безо*, аббатъ, настоятель церкви Св. Людовика, въ Москвѣ, его книжка о воспитаніи, 1543.
- Безобразовъ*, Влад. Павл. акад. 1041.
- Безобъденные*, раскольн. секта, 629.
- Бейеръ*, Петръ, егеръ 1679.
- Бекетовъ*, Платонъ Петр., 1116.
- Беклешовъ*, ген. прок., 1911, 1912.
- Бекъ*, Александръ Христов., медикъ 1044.
- Бекъ*, ген. 1802, 1803.
- Бекъ*, бар., лейт. 1769.
- Белау*, въ письм. гр. И. Гр. Чернышева 1789, 1792.
- Беллини*, 342.
- Бемъ*, ссыльный 1687.
- Беневени*, Фіори, переводч. 1765.
- Бенедекъ*, Австр. полковод., 1075.
- Бенедиктовъ*, В. Г. 1669.
- Бенкендорфъ*, г-жа, въ донесен. кн. А. В. Куракина, 442, 444.
- Бенкендорфъ*, графъ Александръ Христоф. участие въ дѣлахъ Остзейскихъ 1280. 1287. 1294—1296, 1304. 1310, 1311. 1317. 1319, 1320, 1328, 1340—1342, 1346 1348. 1349, 1352, 1354. (упом. 1557).
- Бенисенъ* гр. Леонтій Леонт. въ Дневн. свитск. офицера. 274. 278 —
- 282; въ Записк. Саблукова 1943, 1944.
- Бенуа*, 27.
- Бергъ*, бригад. въ плѣну у Шведовъ въ 1788 году, 117.
- Бергъ*, генер. поруч. 45. 1773?
- Березина*, р., въ 1812 г. 1147—1178. 1462.
- Березинъ-Ширяевъ*, Яковъ Федулов., его Матер. для библиогр. 933. 934.
- Берлинъ*, г. 1773
- Бернадотъ*, принцъ Шведскій 249. 266. 1069.
- Бернардо-Жилли*, Гаско-нецъ 23.
- Бернулли*, ученый, его путешествіе по Лифляндіи и Курляндіи 400.
- Берлинъ*, г. 1773.
- Берольдиненъ*, 417, 420, 423.
- Бертранъ*, графиня, въ Донесен. гр. Бальмена, 691., 721, 722. 729, 730. 777. 781, 785. 787. 809. 810. 822. 824. 826. 835. 836. 838.
- Бертранъ*, гр. въ Донесен. гр. Бальмема 649 — 651, 652 — 654, 659, 660, 662 — 664, 667 — 669, 673—677. 686. 688, 689, 691, 692, 696—698. 700, 702, 703, 707—709, 721, 723, 726. 729, 730, 770, 772, 779, 784 — 787, 793 — 798, 800 804, 805, 807, 832. 837.
- Беръ*, его изданіе 404.
- Бестужева-Рюмина* (ур. кн. Долгорукая), гр.

- супр. гр. Андр. Алек- *Беттихеръ*, генераль-су- *Блашке*, Эдуардъ Леонть-
сѣевича 37. перинтенд. указалъ на ев., врачъ 1044.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. вызовъ Грете въ Рос- *Блекмей*, капит. 704,
Алексѣй Петровичъ. Гр. сію, 317. 706, 710, 713.
Н. И. Панинъ разска- *Бетховенъ*, 349, 359, 378. *Блудова*, гр. Антонина
зывалъ о немъ в. к. *Бетчеръ*, резид. 1758. Дм., 039.
Павлу Петр. 53; про- *Бецкій*, Ив. Ив., въ Дневн. *Блудовъ*, (гр.) Дм. Никол.
ситъ Екатер. о «посла- Порошина, 14, 15, 23, изд. XII тома исторіи
ніи» сына его «на усми- 27, 28, 34, 38, 41, 58. Г. Рос. 339. объ Озе-
реніе» въ Свирскій мом. въ письм. гр. И. Г. ровъ 124. 125. (упом.
201. 202, ненависть къ Чернышева 1858. 039) о сочиненіи Копе-
нему Фридриха вел. 1776, 1778. упом. 2104. бу «Свитригайло» 626,
Бестужевъ-Рюминъ, гр. *Бибииковъ*, Александръ 627. переписка съ нимъ
Андрей Алексѣев. Екат- Ильичъ, въ Дневникъ кн. Гедройца 1485-1542,
ерина на куртагъ об- Порошина 4. 5. 11. 20. обвин. кн. Шаховска-
ручила его съ кн. Дол- 23. 28; въ пис. гр. С. П. го въ паденіи Полик-
горукою 37; обѣдаетъ у Румянцова 853. ны 2041. уп. 2092. 2100.
в. кн. Павла Петр. 60; *Бибииковъ*, Алексѣй (Иль- *Блумбергъ*, Андр. Григ.,
заключенъ въ Свирскій ичъ), въ Дневникъ По- 1041.
мом. 201. 202. рошина, 27, 29.
Бестужевъ (Марлин- *Бибииковъ*, Вас. (Ильчъ), *Блюмеръ*, Игнатій, бри-
скій), Александръ Алек- въ Дневникъ Порошина гадн. ген. 1222.
сандр. пис. къ А. М. 23. 36. 38. *Блюхеръ*, 274, 277, 304.
Андрееву 606 — 608. *Бибииковъ*, Дм. Гавр. Кн. *Боальде*, 1708.
участв. въ возмущеніи Вяземскій о немъ 175. *Бобейко*, 601.
14 Декабря 1825 г. 735, *Бибииковъ*, М. Л., 039. *Боборыкинъ*, Петръ, статьи
051. его дружба съ Ры- въ Бородинской битвѣ 038.
лѣевымъ и участие въ *Билевичъ*, Степ. помѣщ. *Бобринскій*, гр. Алек-
Альманахъ „Звѣздоч- 1514. сандръ Алексѣев., 1041.
ка“ 053, 055 — 058 *Биларскій*, Петръ Спи- *Бобринскій*, гр. Влад.
(1669). рид., академ. 1987, Алексѣев., 1041.
Бестужевъ, Никол. Алек- 1988. *Бобринскій*, гр. олигель-
сандр. декабристъ, 052, адъютантъ. посланъ въ
053, 055. Лифляндію 1302; его
Бестужевъ, штаб. ка- *Бингамъ*, Джорджъ, генер. *Бобринскій*, іером. 1496.
пит. Лейбъ-Гвардіи Мо- бриг. на о-въ св. Еле- *Бобруйскъ*, гор. 1154.
сковскаго полка, дека- ны 804. 805. 1156.
бристъ, 051. *Битъ*, цитадель въ Пав- *Бобръ*, р., 1148, 1149.
Беспды, село, Московск. ловскъ, 1925. *Бово* (Beauveau), г-жа
у., 1085. *Биронъ*, 59. 143. 665, 671.
Бетли, аулъ 1053. *Бистромъ*, ген. лейт., *Боганинъ*, Тахтаралей,
Бетлингъ, академ. 323. 740. переводч. 1765.
Бетси, любимица Напо- *Блазиусъ*, путешеств., 036. *Богдановичъ*, Ип. Ѳеодор.,
леона I-го 673, 674. *Блаказъ*, гр. въ пис. Су- секретаремъ при кн.
ворова 210. *Бланкенгаель*, Виль- А. М. Бѣлосельскомъ,

- въ Дрезденѣ 22, подно-
сить в. кн. Павлу Пет-
ровичу свою поэму *Су-
губое Блаженство* 22
- Богдановичъ*, М. И. военн.
исторіогр., 010, 063.
- Богемія*, 251, 252, 453,
463.
- Богородское* (Масальское)
село, Москов. уѣзда,
1084, 1085, 1087.
- Бодѣ*, бар. М. Л., сообщ.
пис. Екатер. и Суво-
рова 213; 2105.
- Бодиско*, Орлов. помѣщ.,
546, 571.
- Бодиско*, лейтен. гвард.
экип., декабристъ 052.
- Бокъ*, генер. 855, 856, 864.
- Бокъ* (фонъ), Остзейскій
публиц. 1260, 1276,
1282.
- Болдино*, Нижегород. имѣ-
ніе Пушкина 1065.
- Болеславъ* Смѣлый, кор.
Польскій 1722.
- Бологовской*, помѣщ. 533.
- Болотниковъ*, въ Днев-
никѣ Порошина 17.
- Бонами*, ген. 062, 063.
- Бонапартисты*, 656, 657,
688, 690.
- Борисовъ*, адмир. 846.
- Борисовъ*, гор., въ 1812 г.
1147 — 1151; 1153 —
1158; 1160, 1161, 1163,
1168, 1174.
- Бородинская* битва, 1452.
- Бороздинъ*, Г. А. 061, 063.
- Бороздинъ*, К. М. 338.
- Бортнянскій*, отзывъ о
немъ М. И. Глинки 359,
360.
- Боръ*, гр. Александръ
Михаил. 1041.
- Боссаковский*, Осипъ
Франц., 1041.
- Боссетъ*, въ Дневн. По-
рош., 33.
- Ботвинко*, въ пис. къ еп.
князю Гедройцѣ 1509.
- Брамбеусъ* бар. см. *Сен-
ковский*.
- Браницкій*, вождь Тарго-
вицкой конфедер. сати-
ра на него 585.
- Брасово*, село Ст. Ст.
Апраксина, Орловск. г.
Сѣвск. уѣзда 546, 548,
554, 555, 556, 557,
569—571.
- Бразманъ*, фельдъ-егерь
574.
- Бревертъ*, вице-презид.
Юстиць-Колегіи 1734—
1736, 1749, 1760.
- Бретель*, 1789, 1792.
- Брзожовскій*, кол. ас.
Ордеръ къ нему Потем-
кина 921.
- Брикнеръ*, проф. 111.
- Брилово*, деревня, 1159 --
1164, 1166, 1172.
- Брисъ*, священ. на о-вѣ
св. Елены 687, 689,
714, 716.
- Бровковъ*, въ Дневн.
свитск. офиц. 1813 г.
220, 222, 241, 245,
246, 248, 255, 266, 269.
- Бронштейнъ*, Пав. Яковл.
докторъ 1044.
- Брунъ*, Пав. Конст., док-
торъ 1045.
- Брутъ*, Александръ Ив.
субъ-инспект. Спбург.
студентовъ, 308, 315,
326, 328, 329.
- Брюловъ*, 348.
- Брюно*, философъ 065.
- Брюсъ* (урожд. Румянцо-
ва), гр. Праск. Алек-
сандр., въ Дневн. По-
рошина 42. 56. 57; въ
Автобіогр. гр. С. П.
Румянцова 847
- Брюсъ*, гр., 194
- Брюсъ*, Романъ, ген. л.
1755, 1756.
- Буало*, 142
- Буве*, отецъ, 1401.
- Бувъ*, р. 1152.
- Будбергъ*, бар. (Андр.
Яковл.), въ пис. кн.
А. Б. Куракина 420,
423, 426, 436; при во-
спитаніи в. кн. Алек-
сандра и Констант.
Пав. 1092—1094, 1095,
1097, 1098.
- Будбергъ*, сек. маіоръ,
замѣститель гр. С. П. Ру-
мянцова въ Стокголь-
мѣ 882.
- Будбергъ*, бар. въ пис.
Жуковскаго 81—83.
- Будбергъ*, бар., Эстляндск.
гражд. губерн. 1526.
- Будошники*, 630.
- Булатовъ*, полковн. 736,
052.
- Бумаковъ*, Александръ
Ив. 350, 351.
- Бумаковъ*, Александръ
Яковл., москов. почтъ-
директоръ 367.
- Бумаковъ*, Конст. Алек-
санр. письма М. И.
Глинки 341, 346, 349—
380. 1137.
- Бумаковы*, 372.
- Бумаринъ*, Фад. Венед.,
335. язвительные отзы-
вы о М. И. Глинкѣ
341. 342; въ пис. С. Н.
Глинки 604; сотруд-

- нивъ Полярной Зв. 056; письмо къ И. П. Липранди 1553—1559; отзывъ о немъ Греча 1559; Пушкина 2068.
Бульчевъ, Демьянъ Дем. 1040, 1041.
Бульчевъ, Ив. Демьян. 1041.
Бульмеринкъ, о Нижегородармаркѣ, 036.
Булнъ, Ив. Петр. въ Швеціи 118. 119.
Буонавита овецъ, 821. 822. 824. 826. 830.
Бурбоны, 665, 670.
Бурцева, помѣщица 1085.
Бутера (ур. кн. Шаховская), кн. 1589.
Бутервекъ, проф. 330.
Буткевичъ, Пав. свящ. 1499, 1500.
Бутковъ, П. Г. 2099.
Бутлеръ, ген. 1771, 1783, 1784.
Бутовичъ, Викентій, 1525, 1519, 1520.
Бутурлина, (ур. гр. Воронцова), гр. Анна Артем. 1712.
Бутурлина (ур. кн. Куракина), гр. Ек. Бор., 1814, 1819.
Бутурлинъ, гр. Александръ Бор., фельдм., въ Дневникѣ Порошина, 13, 14, 43, 59; письма къ И. И. Шувалову 1767—1774.
Бутурлинъ, гр. (Дм. Пет.), 1711
Бутурлинъ, Дм. Петро, воен. писат., 532.
Бутурлинъ, гр. Мих. Дм., о театрѣ графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ 1707—1712; замѣтка о гр. М. А. Воронцовой 1712—1714.
Бутурлинъ, гр. Пет. Александр., 1787, 1788.
Бутурлинъ, флиг. адъют., посылается въ Лифляндію 1325, 1326. 1329, 1331, 1336, 1351.
Бутырскій, Никита Ив. проф. Спб. унив. 329—331. 335.
Бычковъ, Аван. Ѳеодор. академ, его библиографич. труды 921, 922.
Бышчевъ, писатель 340.
Былецкій, Матв., переводч. 1765.
Былинскій, критикъ 1141, 1669, 1670.
Быловъ, упр. гр. И. Г. Черн. 1817, 1825.
Былошицкій, Александръ переводч. 1664.
Быльскій, писат. 1722.
Быляевъ, Илья Вас., 1988.
Быляевъ, учен. Вологодск. гимназіи 322.
Быляцы, село 1395.
Бюллеръ, бар. Ѳеодоръ Андреев., 1041.
Бюцлау гор. 234. 240.
Бурсъ, Аврора, директриса Им. театра, въ Москвѣ 1454.
Валетеймъ, * * * придворная дама 1101.
Валетеймъ, Як. Гр. 1045.
Валетеймъ, Сам. Бери. 1045.
Валнеръ, Андр. Андр., 1042.
Валнеръ, его виды Кавказа, 036.
Вадбольскій, декабристъ 052.
Вадковскій, Ѳ. Ѳ. въ Дневн. Порошина 32.
Вайзманъ, Вильямъ, капит. 816. 817.
Вакселева, помѣщица 533.
Ваксманъ, Адольфъ Карл-врачъ 1044.
Валицкій, студ. Дерптск. унив. 1214.
Валскій уездъ, 1285, 1320.
Валлиано, маіоръ 901, 912, 917, 918.
Валуева, въ пис. кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой 954; въ Зап. Саблукова? 1917.
Валуевъ (Дм. Александр.), приобрѣлъ греч. рукопись «Краткое исповѣданіе Православной церкви» 94: ум. въ Новгородѣ, на пути въ Германію 94.
Валуевъ, Петръ Петр. убитъ при Бородинѣ 178. 179. 06.
Валуевъ (Петръ Степ.), 761.
Вальмутъ, мыза 1345.
Вальденбергъ, Максимъ Григор. врачъ, 1044.
Вальтеръ - Скоттъ, 188: его романами Карамзинъ «освѣжалъ душу» 592.
Вальцъ, Карлъ Фридрих., врачъ 1044.
Вамонъ, капит., 816. 817.
Ванорлей, художн. 1815, 1819.
Варженевскіе, 1453.

- Варлаамъ* (въ мѣрѣ Новгородскій посадникъ *Своеземцевъ*), св., основатель Бѣгосл. монастыря 1077, 1078.
- Варлаамъ*, игум. Богословскаго м—ря 1078.
- Варлаамъ* архим. Голутвинскій, 041.
- Варлаамъ*, архим. Ростовскаго Борисоглѣбск. мон. 1105.
- Варна*, крѣп., 1072.
- Варсанوفій*, игум. Богословск. м—ря; 1078.
- Варсановія*, монах. предсказываетъ о рожденіи и. Павла 1126.
- Варшава*, г. 224. 1220.
- Варшавская чернь*, 1490.
- Василій Великій*, 1453.
- Василій Иоанновичъ*, в. кн. 1080. 1716.
- Василій Исаврійскій*, его сочиненія 1115.
- Васильевъ*, Александръ, священ. 1396.
- Васильевъ*, Александръ Серг. 1042.
- Васильевъ*, гр. (Алексѣй, Ив.), 1691.
- Васильевъ*, Алексѣй охотникъ 1679.
- Васильевъ*, Тим. Серг., 1042.
- Васильевъ*, Іоаннъ, свящ. 1392.
- Васильевъ*, Іосифъ, протоіерей, его пис. къ кн. П. А. Вяземскому о кончинѣ Плетнева 337.
- Васильевъ*, секр. 740.
- Васильевъ*, танц. 1709.
- Васильчиковъ*, маіоръ, команд. конной гвардіи, 1886.
- Васильчиковъ*, Алексан-тъ Алексѣев. сообщ. пис. Екатерины, 208; гр. Ростопчина 749.
- Васильчиковъ*, камерг. въ Автобіографіи С. П. Румянцова 842.
- Вассіанъ*, іером., о кончинѣ м. Димитрія Сѣченова 196.
- Ватъе*, ген. 010.
- Вахтмейстеръ*, гр. Іоаннъ и Николай, 119.
- Вахутинъ*, въ Дневн. Свитск. офиц 1813. г., 221, 222, 224 — 226, 228, 235, 237, 241, 242, 244, 246, 248, 256, 267, 284, 296.
- Вевиржанъ*, мѣст. 1512.
- Ведровъ*, В. Ѳ., замѣтка объ изд. книги *Correspondance sur Louis XVI, Marie Antoinette etc.* 025. 026.
- Ведроша*, р. 1716.
- Вейдель*, Марія Родіон. см. гр. Панина.
- Вейкартъ* (Жерве?), 1983.
- Веймарнъ*, (Ив. Ив.), 28. 29.
- Веймарны*, 1280.
- Веймарскій* вел. герцогъ, (отець супруга в. кн. Маріи Павловны?) 286, 430, 439.
- Веймаръ*, 286.
- Вейтко*, Андр. Валер., врачъ 1044.
- Вейцель*, Яг. переводч. 1749, 1760, 1764.
- Великополье*, Новгородское имѣніе гр. Сперанск. 1689. 1973.
- Веліо*, бар. Ив. Осип., 1042.
- Веліо*, полков. 049.
- Веллингтонъ*, 304.
- Велье*, погостъ 1262.
- Венденскій уѣздъ*, 1262, 1285, 1320. 1321, 1324. 1350.
- Венденъ*, гор. 1291, 1292, 1320, 1351.
- Ведениктъ*, іером. 1594.
- Венеровскій*, въ письм. И. Г. Чернышева 1758.
- Веніаминъ*, (еписк. Нижегород. и Арзамасскій), его *Новая Скрижалъ* 038.
- Вережкинъ* Петръ Влад., 1042.
- Верещанинъ*, Москов. купеческій сынъ, его смерть 011-016, 935, 936, 1401, 1445; останки 1446.
- Вершинъ*, чин. 1084.
- Верлинъ*, д-ръ 708 — 710, 712, 714, 721, 722, 770, 772, 773, 775.
- Вернеръ*, въ Днев. Порош., 4.
- Вернизоберъ*, Яковъ, переводч. 1749, 1760, 1766.
- Вернаховскій*, И. П., общ. матер. для біогр. Озерова 2029 — 2032.
- Верросскій уѣздъ*, 1262, 1320, 1321.
- Верстовскій*, 363.
- Верховскій*, Тимоев. протоіерей Спб. Никол. единовѣр. ц. 1602.
- Верхоустье*, погостъ 1262.
- Веселковъ*, кол. ас. 1487.
- Веселово*, 1152, 1153. 1156, 1157, 1160, 1161.
- Веселовскій*, Ив. Сем., 1988.

- Вессельюфъ*, помѣстье, 1324.
- Вешняковъ*, *Ө.*, его *De l'economie de travaux scientifiques et esthétiques*, 037.
- Виель*, Фил. Филип. 033; директоръ Департ. Дух. дѣлъ 1489.
- Видалъ*, соч. о Восточн. войнѣ 751.
- Викторія*, корол. Великобр., 027, 028.
- Викторовъ*, А. Е., его библиограф. труды 921. 922.
- Викторъ*, іером. 1388.
- Викторъ*, маршалъ, 1154, * 1175, 1428.
- Вилейскій* повѣтъ, 1561.
- Виленская* губ. 1124, 1487, 1491.
- Виленская общая коммиссія* по крестьянск. дѣламъ 1366; комитетъ 1373, 1374.
- Виллерсъ*, (содерж. института въ Москвѣ), 1409, 1410. У него жилъ К. *Ө.* Калайдовичъ 1717.
- Виллерсъ*, Лука, бухг. 1751, 1760.
- Виллерсъ*, ас. 1753, 1761. (*Вильгельмъ*), пр. Виртембергскій, 449, 459, 476, 481.
- Вилькомиръ*, гор. 1343.
- Вильна*, гор. 1125, 1157, 1211—1214, 1216, 1434, 1458, 1510.
- Вильсонъ*, 271.
- Винтеръ*, Нассауск. чиновн., 88.
- Винценероде*, бар., ген., 225, 1436, 1462.
- Виньоль*, священ., 821, 822, 826.
- Виртемберцы*, 1422.
- Вистъ*, Фр., секр. 1756, 1757.
- Витвортъ*, лордъ, 1930.
- Виткенштейнъ*, въ Дневн. Свитск. офиц., 241, 245, 272—274, переправа черезъ Березину 1149, 1151—1156, 1158, 1159, 1165, 1167—1170, 1174, 1176. (1652).
- Витебская*, губ. 1335.
- Витовтъ*, в кн. Литовскій, 1080.
- Вишневскій*, лейтен., декабристъ, 740.
- Вишняковъ*, въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 221. 224—226. 228. 241—243, 254, 267, 296.
- Виардо*, 346.
- Виельморская*, (ур. кн. Биренъ - Курляндская, Луиза Карловна), граф. въ пис. Жуковскаго 960, 964.
- Виельморскій*, (Иосифъ Михайл.), графъ, его кончина 960.
- Виельморскій*, гр. Матвѣй Юр. предложилъ образовать общество для вспомошествованія бѣднымъ, 1006, 1022, 1039; посѣщаетъ М. И. Глинку въ Берлинѣ 1141.
- Виельморскій*, гр. Мих. Юр. письмо къ нему Жуковскаго 644—648 его романы пѣлъ М. И. Глинка 343, к. скорбѣлъ объ его кончинѣ 376 (упом. 352. 1039.)
- Владевичъ*, Филоѳ. протоіер. 1631.
- Владимірская* губ., 547, 553, 564.
- Владимірскій комитетъ* по крестьянск. дѣламъ 1370, 1372.
- Владиміровецъ*, Яковъ Петр., 1042.
- Владиміръ*, архіеп. Казанскій 930.
- Владиміръ*, іеродіаконъ, 1388.
- Владиславлевъ*, издатель 1557; на вечерѣ у П. А. Плетнева 1666, 1667, 1670.
- Водовъ*, Никол. Ив. 1042.
- Водонкуръ*, Вильгельмъ, генер. 1151.
- Воейковъ*, (Алексѣй Васильев?), въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 231, 267, 280, 291.
- Воейковъ*, Александръ *Өеодор.* помѣщ. свои произведенія въ *Полярн. Зв.* 055; профес. Дерптскій 1384; въ пис. Карамзина 1386; на вечер. у Плетнева 1666 1669.
- Воейковъ*, губернат. Орловскій, 554, 557, 568, 569—573.
- Воейковы*, 533, 547, 559.
- Возняковскій*, Михаилъ Стан. врачъ, 1044.
- Войновъ*, ген. 1157, 1160, 1171, 1172.
- Волковъ*, Александръ, капит., 1946.
- Волковъ*, Никол. Ст., 1042.
- Волконская*, (ур. кн. Бѣлозерская Бѣлоселъ

- ская), Зенаида Александр. посланіе къ ней Козлова 058.
- Волконскія*, княжны, 227, 229. 233.
- Волконскій*, кн. Мих. Никит., 201.
- Волконскій*, кн. Петръ Михаил., въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 221, 223, 226, 228, 230—232, 235, 237 — 239, 241—244, 246, 248, 250, 251, 253, 254, 256, 257, 266 — 268, 280, 291, 295, 296, 301, 302. Въ донесен. гр. Балмена 688, 691. (упом. 1069), противникъ гр. Аракчеева, 1070.
- Волода*, гор. 553, 1387, 1389, 1391, 1393.
- Вологодская шил.* 319.
- Вологодская куб.* 531.
- Вологодская епархія* 1579.
- Вологодскій комитетъ* по крестьянск. дѣламъ, 1370.
- Волховъ*, р., 1463, 1481.
- Волынскій*, Артемій Петр., упом. въ пис. Озерова 143. 144. 150. Статьи о немъ 032.
- Волынскіе*, 2104 и 2105.
- Вольмарскій округъ* 1320, 1321, 1325.
- Вольтеръ*, его «сентенціи» читаль в. кн. Павелъ Петровичъ 27. Dictionnaire philosophique 50. С. Н. Глинка не признавалъ его истиннымъ трагикомъ 142. 143. (упом. 582) бар. Гриммъ препровождаетъ къ нему стихи гр. С. П. Румянцова 844; пис. къ Епиналь 844; отношенія къ Гримму 844. предсказываетъ постигнутому его гр. С. П. Румянцову карьеру 844. (упом. 847, 1774, 1776, 1777, 1779, 1857, 1861,.
- Вольфъ*, Сигизм., совѣтн. Ю. коллегіи 1735, 1736, 1749, 1760, 1766.
- Вонифатій*, іерод., 1388
- Ворки*, мѣстечко 1518.
- Воробьева*, А. Я., актриса, 342.
- Воробьевы горы*, видъ съ нихъ на Москву 029.
- Воронежскій комитетъ* по крестьянск. дѣламъ 1370. 1371.
- Воронежъ*, гор. 1781, 1782.
- Вороновъ*, Андр. Степ. 337.
- Воронова*, гр. Елиз. Ром. 1807. 1811. 1838. 1890.
- Воронова*, гр. Мар. Арт. ея обращеніе въ католичество 1712—1714.
- Воронова*, (ур. кн. Трубецкая, въ 1-мъ бракѣ Столыпина) кн. Мар. Вас. 1728.
- Вороновъ*, гр. Александръ Роман, государств. канцл., 1727. мѣсто его погребенія 1728.
- Вороновъ-Дашковъ*, гр. Ив. Ил. 1039.
- Вороновъ*, гр. Мих. Илар., канцл. письмо его къ И. И. Шувалову 1774—1779. пом. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1784, 1785, 1788, 1791, 1794, 1795, 1797—1801, 1806, 1807, 1808, 1810, 1812, 1815, 1820, 1832, 1838, 1852, 1853, 1865.
- Вороновъ*, (кн.) Мих. Сем. намѣстникъ Кавказскій 982, 987; проектъ объ освобожденіи крестьянъ 1070; Турецкая война 1072.
- Вороновъ*, гр. Ром. Илар. 1781, 1782, 1789, 1792.
- Вороновъ*, кн. Сем. Мих. 1727. 1728, 1772, 1947.
- Вороновъ*, гр. (Сем. Ром.?), 1800, 1808, 1812.
- Вороновы*, 740.
- Вранель*, бар., кавказскій генер. 1047, 1054. 1055. 1056.
- Вреде*, ген. 294.
- Всеволожская* (Соф. Серг.), 224.
- Всеволожскій* (Сергій и Илья Алексѣевичи?). Пожалованы Екатериною (1765 г.) камеръ-юнкерами 54.
- Всеволожскій*, (Никол. Сергѣев. путешествъ), объ его Московской типографіи 1456. 1457. въ *Воспоминаніяхъ* г-жи Фюзи 1457
- Вульфъ* (фонъ), 1314, 1319.
- Вурмъ*, ротм. 52.
- Вурмъ*, Яг. переводч. 1749, 1760.
- Вучаховскій*, Герм. Оед. врачъ 1044.
- Вурбовъ*, редакторъ Revue positive, 038.
- Въжайцы*, мѣст. 1512.

- Вьна**, гор. 387, 390, 393, 396, 428, 437, 1825.
- Вьискій дворъ**, 1774.
- Вюрцау**, имѣніе гер. Людвига въ Курляндіи 419, 422.
- Вяземская** (ур. Трубецкая, Елена Никитишна?), княг., 5.
- Вяземскій**, кн. Александръ Егор. 1042.
- Вяземскій**, кн. Александръ Алексѣев, ген. пр., въ Дневникѣ Порош. 4, 8, 26, 32, 33; въ пис. Екатер. 200; въ разсказахъ кн. С. М. Голицына 630, 631; письма къ митр. Гавриилу 1616—1619.
- Вяземскій**, кн. Александръ Серг. 1711.
- Вяземскій**, кн. Андр. Ив. его дружба съ гр. Л. К. Разумовскимъ 02.
- Вяземскій**, кн. Петръ Андр. начерталъ характеристику Озерова 124, 125, 132, 150; его Поминки по Бородинской битвѣ 175—182, Воспоминанія о 1812 г. 181—185, 01—011; мнѣніе о романѣ «Война и Миръ» 185—01; 1713 о гр. Ростопчинѣ 011—016; пис. къ нему протоіер. Васильева о кончинѣ Плетнева 337; упом. въ письм. Карамзина къ гр. С. П. Румянцову 596, Жуковскому 1383—1385. въ письм. Жуковского къ гр. Мих. Ю. Вельгорскому 644—646.
- Вяземскій**, кн.? упом. въ пис. гр. О. В. Ростопчина 762.
- Вязмитиновъ**, Серг. Кузмичъ, воен. мин. 1377, 1379, 1380.
- Вятская губ.** 1366,
- Габонскій**. тит. сов., 1486, 1488, 1507, 1517, 1524, 1525, 1528, 1537—1540.
- Гавриилъ**, митр. Новгр. и Спбургскій, отвѣтъ имп. Павлу 644. Членъ Св. Синода 1108, 1110; получаетъ отъ Павла золотую медаль 1112; отъ имп. Екатерины бархатную мантию 1118, 1119. бумаги его 1569—1650.
- Гага**, загородное мѣсто близъ Стокгольма 117.
- Гагарина** (ур. Кондоиди) кн. Ел. Пв. 1647—1649.
- Гагарина** (ур. кн. Лопухина, Анна Петр.), 1939.
- Гагаринъ**, кн. Левъ Никол., 1042.
- Гагаринъ**, Матвѣй (Алексѣевичъ?) въ Дневн. Порош. 28, 48
- Гагаринъ**, князь Петръ Иван., 1647—1649.
- Гагаринъ**, кн. Серг. Вас., въ Дневн. Порош., 4, 28, 31—33, 37, 38, 41, 50, 55.
- Гагаринъ**, кн. Ѳеодоръ Ѳеодор., (ген. маіоръ), адъютантъ кн. П. И. Багратіона 08, въ пис. Пушкина 1066. 1068.
- Гагаринъ**, кн., въ пис. Жуковского 87, 88.
- Галемейстеръ** (фонъ), 1287, 1294, 1314, 1319, 1320, 1324, 1351.
- Гадарюэль**, 1404.
- Гадонъ**, Тельшевскій маршалъ, 1498, 1504, 1505.
- Гаевскій**, Викторъ Павл., 1042.
- Гайосъ**, архим. 1628, 1629.
- Гакстаузенъ**, (бар. Августъ), путешествен., 032 кievскія лещеры 036.
- Галаганъ**, Григ. Павл., 1718—1721.
- Галаховъ**, Пв. Ал., 1039.
- Галиція**, 453, 463, 1128, 1129.
- Галартъ**, ген. 1757.
- Галле**, 295.
- Гальбе**, оф. 267, 270, 273, 282.
- Гамбурцы**, 23.
- Гамильтонъ**, переводч. 1754.
- Гамильтонъ**, художн., 1816, 1820.
- Гаммъ**, о саранчѣ 036.
- Гамперле**, адъютантъ 1548, 1549.
- Ганстенъ**, о чудесахъ природы въ Ширванѣ 036.

- Ганибалъ*, Абр. Петр. его дружба съ фельдм. гр. А. Б. Бутурлинымъ 1767, 1768.
- Гарновскаго* домъ, въ Петербургъ 1930.
- Гартинъ*, (Мартынъ.....?), полковн. упомянутъ въ Дневникѣ Свитск. офиц. 1813 г., 241, 242, 248, 296.
- Гартманъ*, Карл. Карл., врачъ 1045.
- Гатчина*, 1878, 1879, 1880, 1914, 1915, 1951.
- Гатчинская армія* и флотъ 1879, 1880, 1881, 1883, 1887, 1888, 1889.
- Гаувицъ*, гр. 1133.
- Гауке*, Маврикій, гр., 1222.
- Гаусманъ*, Ал. Сем., врачъ 1045.
- Гвоздикова*, (урожд. Коростовецъ), 1722.
- Гвоздиковъ*, пом. 1722.
- Гебель*, 359.
- Геберъ*, Генр., кам.-шрейб. 1747.
- Гевеъ*, Генр. 1760.
- Геденъ*, об. кригсъ-фиск. 1756—1759.
- Гедеоновъ*, О. А. 356.
- Гедеоновъ*, Ст. Ал., 1042.
- Гедеоновъ*, намѣстн. Александроневской л., 1115.
- Гедеоновъ*, Богоявленск. архим., 1389.
- Гедройца*, кн. Іосифъ, еп. Самогитскій, 1489, 1507, 1517, 1518, 1520, 1526, 1530, 1538.
- Гедройца*, кн. Симонъ, еписк. Адрамитенскій, его переписка въ 1831 г. съ (гр.) Д. Н. Блудо-
- вымъ 1485. 1491, 1496 (Георгъ IV), кор. Англ. —1499. 1501—1507. (принцъ-регентъ 793, 1512—1514. 1515—794.) 1517—1521. 1523-- (Георгій?), пр. Мекленбургъ-Стрѣлецкій 476, 481.
1525. 1526 — 1533, *Георгія* св. кавалеры 208.
- 1537—1542; съ бар. *Герасимовъ*, пропорщ. 1217. 1218.
- М. И. Паленымъ 1492— *Герасимовъ*, Андрей, 1495, 1499—1501. 1507 свящ. 1399.
1508. 1514. 1515. 1425; *Герасимовъ*, мѣщан. г. съ О. К. Ширманъ 1517. Колы 1632.
- 1523. 1533 — 1536; *Герасимъ*, игум. Богословскій, 1078.
- письмо къ нему пред- *Герасимъ*, митр. Кіевскій водителя мятежниковъ 616, 618—620.
- 1508—1510; его пле- *Герасимъ*, еписк. Герсовскій, 1607—1609.
- мянники 1526. *Герасимъ*, (Князевъ), архим. 1593.
- Гейдельбергъ*, гор. 292, *Гербачевскій*, Пв. Мих., 1042.
- 293.
- Гейденрейхъ*, Людв. Андр. *Гербертъ*, лордъ 846.
- врачъ 353, 368, 369. *Гердербъ*, 1385.
- Гейденрейхъ*, Ферд., про- *Герлицъ*, гор. 236,
- тонатар. 1749, 1760. *Германія*, 1815, 1820.
- Гейкингъ*, бар. 1275. *Германъ*, филологъ 316.
- Гейллензе*, помѣстье *Германъ*, музыкантъ 361.
1333. *Германъ*, ген. пор. 209.
- Гейнау*, гор. 233. *Германъ*, архіеп. Новгород. 1077.
- Гейне*, филологъ 318. *Германъ*, игум. Духов-скій, 196.
- Гейнюкъ*, аулъ, 1062. *Гермесъ*, Богд. Андр. Пермск. губерн. 1686.
- Гейсмаръ*, ген. лейт., 1215. *Гермросъ*, 240.
- Гельциусъ*, 848. *Гернутерство* и *Гернутеры*, 198, 199, 234, 236, 248, 1261, 1327.
- Гельманъ*, комиссаръ, *Гернутъ*, гор. 236.
1334. *Геродотъ*, 327.
- Гельманъ*, полицейм. 1439. *Геротій*, игум. Богословскій 1078.
- Геннадій*, архим. 579. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Гендель*, 360, 361. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Генингъ*, архивариусъ Ке- *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- нигсбергскій, 613, 614. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Геништа*, 355, 359. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Генрихъ*, пр. 853. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Генрихъ IV*, кор. фр. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- 206, 207, 1219. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Георгій*, принцъ Ольден- *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- бургскій, 763, 764. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- Георгъ*, II, кор. Англ. 581. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- (*Георгъ*, III), кор. Англ. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,
- 846, 847; королева 847. *Герцъ*, въ Парижѣ, 365,

- Гессе*, коменд. Московскій, 170—174.
- Гиббонъ*, (Эдуардъ), историкъ, его сочин. руководствовался Лагарпъ 76; его замѣчаніе о храбрости 137. 138.
- Гильдебрантъ*, 1211 — 1214, 1215, 1217, 1218 — 1220.
- Гимры*, мѣсто рожденія Шамиля, 1052.
- Гинкуло*, 601.
- Гинтеръ*, Ив., совѣтн. 1755, 1756.
- Гинтеръ*, Ив., секр. 1753, 1761.
- Гинтилло*, каноникъ Самогитскій, 1486, 1487, 1495, 1498, 1499, 1501, 1507, 1508, 1517, 1524, 1528, 1537—1540.
- Гирдвойнъ*, римск. кат. свящ. 1499, 1500.
- Гіонъ*, г-жа, 1197.
- Гіонъ*, врачъ, 194, 195.
- Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу*, 1363.
- Глазовъ*, оф. 222.
- Глазуновъ*, Александръ Ильичъ, 927—932, 934.
- Глатцъ*, гор., 250, 251, 1772.
- Глинка*, Мих. Ив., воспом. о немъ М. Н. Лонгинова и кн. В. О. Одоевскаго 340—349. В. Н. Кашперова 1137—1144; его письма къ К. А. Булгакову 349—380. къ В. Н. Кашперову 1143—1146 (1668).
- Глинка*, Серг. Никол. замѣчанія Озерова объ его Русск. Вѣстн. 129.
- 142 (1202) его трагедія Михаилъ Черниговскій 142, 143. пис. къ Н. И. Гречу 603 (уп. 751).
- Глинка*, Федоръ Никол. посѣщаетъ литерат. собранія К. О. Рылѣва 054, помѣщаетъ свои произвед. въ Полярной Зв. 055.
- Глинка*, проживаетъ въ Парижѣ и издаетъ *О Наукъ человеческого Общества* 038.
- Глотовъ*, морякъ, деревенскій сосѣдъ кн. А. С. Меньшикова и первый наставникъ его въ морскомъ дѣлѣ 1071.
- Глухово*, село Московской губ. Дмитр. у. родовая отчина кн. М. А. Оболенскаго 1080.
- Гльбовъ*, (Александръ Ив.) 1807, 1811, 1830, 1831.
- Гльбъ Святославиць* (ст. 17), с. кн. Святослава Иоанновича, кн. Смоленскій 1080.
- Глюкъ*, 359, 361, 378, 379.
- Глюкъ*, Хр., ас. 1745, 1759.
- Гльдичъ*, Никол. Ив. его перев. Иліады 109. 339; въ пис. Пушкина 602, помѣщ. свои произ. въ Полярн. Зв. 055.
- Гоа*, его конфектный магазинъ, въ Москвѣ, 1196.
- Гогель*, капит. 066.
- Гоголь*, Никол. Вас. 190, 339, 645, 1141, 1670. 1672, 1713.
- Голенбовскій*, Петръ, секр. 1765.
- Голенищевъ-Кутузовъ*, П. Вас. запр. Плетневу переписываться съ Пушкинымъ 2069.
- Голенищевъ-Кутузовъ*, гр. Арк. Павл. 357.
- Голенищевъ-Кутузовъ*, кн. Смоленскій, Мих. Илл. въ Записк. Порошина 4, 8, 31—33; въ *Поминкахъ по Бородинской битвѣ* и въ Воспомин. о 12-мъ годѣ кн. Вяземскаго 175, 176, 03 (09) 014. директорство въ 1-мъ Кадетск. Корпусѣ 165.; въ Дневникѣ Свитск. офиц. 1813 г. 224, 234, 235, 237, 240. Бородинск. битва 061, 062; переправа черезъ Березину 1152—1154, 1156, 1158, 1164, 1165, 1167—1170, 1175 (1209) упом. 1406, 1430, 1652.
- Голицына*, (ур. кн. Куракина), кн. Татьяна Борисовна, супруга фельдм. кн. Мих. Мих. 841, 851.
- Голицына*, (ур. гр. Чернышева), кн. Анна Григ. 1853, 1856, 1857.
- Голицына* (ур. Чернышова), княг. Нат. Петр. 12.
- Голицына* (ур. граф. Шметау), княг. Амалия Самуил. Выдержки изъ ея дневника и переписки 028. славилась своимъ bel esprit 028.
- Голицына* (ур. Шувалова). Праск. Ив. 1858.
- Голицына* (ур. Энгельгардтъ), кн. В. В. 1853.

- Голицына*, княг. бригадирша, ея имѣніе (Родогощь) въ Сѣвскомъ у. 546, 554, 568.
- Голицынъ*, кн. Александръ Мих. (фельдм.?) 52, 1570.
- Голицынъ*, кн. Александръ Мих. вице-канцлеръ, въ Дневн. Порош. 5, 11, 18, 21, 26, 28—30, 32, 34, 37, 41. 50, 52, 59.
- Голицынъ*, кн. (Александръ Мих.), оберъ-камергеръ 851.
- Голицынъ*, кн. Александръ Никол. Коцебу представляетъ ему свое соч. о Свитригайлѣ 616—626; свиданіе и бесѣды съ Фотіемъ 932—936. Фотій миритъ его съ митр. Серафимомъ 931; дѣлаетъ наставленіе Фотію, что и какъ говорить съ Царемъ 927; Фотій не сообщаетъ ему о предметѣ своей бесѣды съ Царемъ 942—942; Фотій заступається за него 943, 944. Письма его къ граф. А. А. Орловой 943—958, обращеніе Эстовъ 1266 (оберъ-прокуроръ Сената 1378) письмокъ Моск. Архіеп. Августину 1387. упом. 1552, 1702 въ письмахъ гр. Сперанскаго 1979, 1982; его докладъ о «Поликсенѣ» 2032, замѣчаніе о немъ кн. П. А. Вяземскаго 2036, 2039.
- Голицынъ*, кн. Александръ Ѳеодор. 1767.
- Голицынъ*, кн. Алексѣй, сенаторъ (1758 г.) 740.
- Голицынъ*, кн. Григ. 763.
- Голицынъ*, кн. Дм. Алексѣев. послан. въ Голландіи, 028.
- Голицынъ*, кн. Дм. Влад. Москов. генер. губернат., 632.
- Голицынъ*, кн. Левъ Григ. 362, 363.
- Голицынъ*, кн. Мих. Мих. фельдм. 841, 851, 1067.
- Голицынъ*, кн. Петръ Мих. полковн. (1765 г.) 56.
- Голицынъ*, кн. Серг. Григ. 362, 363.
- Голицынъ*, кн. Серг. Мих. его рассказы 627—644.
- Голицынъ*, кн. Серг. Павл. 1042.
- Голицынъ*, кн. Як. Александр. 763. 764. его жена 763, 764, сынъ 763, 764.
- Голицынъ*, кн. Ѳед. Ник. 1867, 1868.
- Голицынъ*, кн. Ѳед. Серг., 1853.
- Голицынъ*, кн., гофмаршалъ (1765 г.) 28.
- Голицынъ*, кн. его имѣніе въ Владимірск. губ. 547.
- Голицынъ*, кн. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1806, 1810.
- Голицынъ*, кн. команд. Конной Гвардіи, 1909.
- Голицынскіе* крестьяне 573.
- Голландеръ*, Альбертъ, педагогъ 032.
- Голландцы*, 23.
- Головинъ*, въ Дневн. Порош., 33.
- Головкина*, гр. 533, 538.
- Головинъ*, Вас. Мих. на о. св. Елены, 784, 786, 789, 790—792.
- Головцынъ*, въ Дневн. Порошина, 4, 5.
- Голотль*, аулъ 1053.
- Голубинскій*, Ѳеод. Александр. протоіер., проф. Московск. Д. Академіи, его рукоп. замѣч. на книгу Штрауса 317.
- Голубцовъ*, Ѳеод. Александр., управляющ. м—мъ фин. 139, 146, письмо къ нему Озерова 151.
- Гольдернесъ*, лѣди, въ Автобіогр. С. П. Румянцева, 846.
- Гольдиненъ*, мѣст. 1320.
- Гильштейнъ*, Петръ, актуаріусъ 1753, 1761.
- Гомеръ*, 88, 133, 144, 327, 645.
- Гончаровъ*, (Ив. Александр.), писатель 035.
- Гончаровы*, 1726.
- Гораций*, 321, 1071.
- Горбуновъ*, Ор. Ѳед. 1989.
- Горбуновъ*, Ѳ. А. 1190.
- Горбуны*, дер. 1085.
- Гордонъ*, лордъ, 846, 907.
- Горжды*, мѣст. 1512.
- Горностаевъ*, проф. Акад. Худ. 745.
- Городецкій*, кварт. надз. 1216.
- Городковъ*, Мих. Ив., 1042.
- Городковъ*, Мих. Родіон. врачъ 1045.
- Горрекеръ*, майоръ, 676, 677, 698, 700

- Горскій*, губ. марш., *Гребнеръ*, Генр., канцел. 1514. 1747, 1760.
- Горскій*, Иосифъ, ст. сов. вице-губернаторъ, декабристъ, 051. *Греве*, почмейст. Тверской, 760.
- Горсъ*, въ бумаг. гр. Бальмена 777, 781. *Грейзъ*, Сал. Карл. адм. переписка съ митр. Гаврииломъ 1581 — 1585.
- Горчаковъ*, (Андр. Ив.), его Рижскій полкъ былъ назначенъ для усмиренія крестьянъ, 553 — 556, 567, 568, 572. *Грейзъ*, адм. 1070; пис. къ б. Левенштерну 1659, 1660.
- Горчаковъ*, кн. Алексан-ъ Мих. (канцлеръ?) упом. въ пис. Жуковскаго, 95, 96, 98. *Греки*, 226, 227, 593, 905—908, 912, 1431, 1799.
- Горьловъ*, Герас. Вас. 1042. *Грефе*, Карлъ Бог. врачъ, 1044.
- Государственный Советъ*, 1135, 1661, 1662. *Грефе*, Θεод. Бог. акад. и проф. 315 — 325, 327—329.
- Гофманъ*, Богд. Еф., врачъ, 1044. *Гречь*, Алексѣй Никол. 1555, 1556.
- Гофманъ*, 1766. *Гречь*, Никол. Ив. 335, 340, письма къ нему Стуреды 600, 601, Пушкина 602, 603 (стихи А. Е. Измайлова 603—606; литер. собранія 053, 054. Отношенія къ Булгарину по изд. Пчелы 1553—1559, письмо къ нему Карамзина 1723, 1724 свѣдѣн. о немъ 1989 — 1996.
- Гофренъ*, 127. *Грибоьдовъ*, Александръ Серг. 191, помѣщ. свои произв. въ *Полярн. Зв.* 055.
- Гохенеръ*, издатель 036. *Грибе*, ген. м. 389, 390.
- Граббе*, Пав. Христоф. переп. съ С. А. Малословымъ 061 — 064; (1051); сыновья 1057. *Григорій* Назіанзинъ, 1115.
- Граве*, вице-губ. во Владимірѣ 563. *Григорій* Памблакъ, митр. Кіевскій, 616, 619.
- Граве*, Ив. актуар. 1746, 1760. 1766. *Григорій*, архіеп. Тверскій (митроп. С. Петербургскій), 314, 745.
- Граль*, живопис., 209. *Григорій*, свящ. 542.
- Граковскій*, Тимоф. Никол. 042, 1672. *Григорій*, свящ. 1613.
- Гранъ*, 1509. *Григоровичъ*, (Дм. Вас.), писатель 1141.
- Грассъ*, живоп., 033. *Григоровичъ*, Никол. Ив. начальникъ Синод. Архива въ С. Петербургѣ, сообщ.: письма Екатери. въ митр. Димитрію 196—202; кн. Кантемира къ Θεофану 578 — 581. О посѣщеніи имп. Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища 075, 076, имп. Николаемъ — Св. Синода 739—752, Ириней Псковскій 1103 — 1126; матеріалы для биограф. м. Гавриила 1560 — 1650.
- Грабенка*, писат. 1667, 1669. *Григорьевъ*, Ап. Ал. 1671.
- Григорьевъ*, Вас. Вас. профес. 305 (1042) *Григорьевъ*, пом. свои произв. въ *Полярн. Зв.* 055.
- Гримъ*, бар. 843, 844, 847. *Гриневичъ*, его диссертация, 1550.
- Громонъ*, акт. 401. *Гротъ*, Констан. Карл. 1042.
- Гротъ*, Як. Карл. Акад. сообщилъ: «Къ истор. Шведск. войны въ 1788 г.» III — 124 и письма къ И. И. Шувалову 1769. *Груберъ*, абб. начальн. Іезуитской коллегіи,

- въ Пбургѣ, 633.
- Грузино**, село, 1189—1192; восп. о немъ 1462—1484. «Грузинскій монастырь» 1656.
- Груль**, Христ., комисс. 1748, 1760, 1766.
- Грушлавки**, 1505.
- Грюнъ**, ген. 508, 513.
- Грязновъ**, Тим., 1831.
- Губеръ**, переводч. Фауста 1667, 1670.
- Гуенбергеръ**, Карлъ Ив. врачъ 1045.
- Гурертъ**, врачъ, 98.
- Гудовичъ**, гр. Андр. Ив. 03.
- Гудовичъ**, гр. Ив. Вас., фельдм. главнок. въ Москвѣ, «опеленали мерзавцы» 761; смѣненъ 184. Его братъ 764.
- Гудсонъ-Лоу**, губернк. о-ва св. Елены, 647, 650, 653, 655—657, 659, 660, 668 673, 676—684, 686—688, 690—693, 695—698, 701—710, 712, 713, 719—724, 726, 727, 729, 730.
- Гунзахъ**, столица Аварскаго ханства. 1053.
- Гунибъ**, 1048, 1053—1058.
- Гуниъ**, капит. 784, 786.
- Гурю**, ген. 655—662, 664—666, 668—673, 699, 701, 1151.
- Гурко**, Александръ Осип. 1041, 1042.
- Гурни**, слесарь, 1444.
- Гурьевъ**, Александръ Гр. 1838, 1848, 1851, 1861. 1865.
- Гурьевъ** (.....? Григ.) 1838, 1848, 1851, 1857. 1861, 1865.
- Гурьевъ**, (графъ) Дм. Александровичъ, 1378 въ письм. Сперанскаго 1658, 1696, 1699, 1700—1703. 1971, 1972. 1973, 1974, 1876. 1977. 1882. 1984 упом. 1851.
- Гурьевъ**, Селив. Дан. 1816.
- Густавъ III**, кор. Шведскій, III, 112, 115, 117—122, 124, 209, 845, 873; его супруга 117.
- (**Густавъ IV**), кор. Шведскій 863, '868—870, 872, 874, 875, 1134.
- Гюве**, архитект., 1189.
- Гювигъ** Як. совѣтн. 1753, 1761, 1766.
- Гюю**, Викторъ 074.
- Гюе**, факторъ типографіи, 1456.
- Гюппе**, его обзоръ управ. Польск. респ. 026
- * * *
- Даву**, маршалъ, 063, 1424.
- Давыдова**, пом. 547, 559.
- Давыдова**, домъ въ Москвѣ 1425.
- Давыдовъ**, Ден. Вас. пом. свои произв. въ Полярной Зв. 055; 2094.
- Давыдовъ**, (книгопродавецъ?) 1557.
- Д'Аламбертъ**, 5, 582.
- Далеръ**, Ив. Христіан. 1042.
- Далинъ**, (Олофъ), историкъ Шведскій 9.
- Далоко**, учит. муз., встрѣча его съ имп. Павломъ 167, 169.
- Дамъ**, художн. 1816, 1820.
- Данауровъ**, ген. 1895.
- Дандли**, дочь Гельвеціуса 848.
- Данилевскій**, (Михайловскій?), в. ист. 248.
- Даниловъ**, богачь, 1921.
- Даниель-Бекъ**, султ. Элисуискій 1049, 1055.
- Данилъ**, патр. Антиох., 1607.
- Данилъ**, Александровичъ кн. Московскій, его св. мощи 1393.
- Данилъ**, иг. Богословскій 1078.
- Данилъ**, иг. Долматовскій 1617.
- Данія**, 1133.
- Дармштадтъ**, гор. 292.
- Д'Артуа**, гр. 848, 853.
- Дарья Алексеевна**, кн?, въ Зап. Порош. 17, 24.
- Дарю**, гр. 1457.
- Даунъ**, гр. 1769.
- Дашкова**, (ур. Воронцова) кн. Ек. Ром., 214, 642, 850. 1782, 1833.
- Дашковъ**, (Дм. Вас.), обвиняль кн. Шаховскаго въ паденіи «Поликсены» 2041; 2099.
- Дворянство** (французское), 206, 207
- Дебнеръ**, пробствъ 1341.
- Де-Бошанъ**, его Critique histor. 1457.
- Де-Вильеръ**, Шарль 1442.
- Де-Витте**, полк. 1505, 1525.
- Девозъ**, художн. 1815, 1819.
- Де-Горсъ**, кап. 811, 812, 828, 829.
- Деуровъ**, Ант. Ант., рект. Спб. унив. 306, 307, 335; професс. въ

- Харьк. 1541—1553; сочин. 1546; его семейство 1542.
- Дезинъ* (фонъ), служащій въ Адмиралтействѣ, 882.
- Декалсз*, Андрей 1761.
- Деламиль*, кап. 119.
- Деларю*, Мих. Дан., 041, 042; перев. изъ В. Гюго 074. 2075.
- Делейенз*, Як., ас., 4755, 1760.
- Делинь*, проф. 503, 507, 519. 524.
- Дельвинъ* бар. Ант. Ант., 042, упом. въ пис. Пуш. 602, помѣщ. свои произ. въ Пол. Зв. 055; его біографію собир. писать Пушкинъ 2068. 2069
- Дельямъ*, подп. 564.
- Делюсине*, прап., 1213, 1214, 1216—1219.
- Демарсе*, его изрѣченіе 604.
- Демидовскія импнія*, 547.
- Демидовъ*, (Пр. Акин?) 4.
- Демидовъ*, Лавръ Льв., воспом. о немъ 155—157.
- Демидовъ*, его домъ въ Петербургѣ, 1841.
- Демосеенъ*, 185, 328.
- Демчинскій*, Алекс. Вадим., врачъ, 1996.
- Денъ*, муз., снош. его съ М. И. Глинкою, 1141, 1143. 1144. 1145. 1146.
- Деньш*, 1461.
- Депрерадовичъ*, ген. 1930.
- Де-Пуа*, кн. 848.
- Де-Пуле*, Мих. Оед. Крестьянск. движ. при имп. Павлѣ 525—577.
- Дергачъ*, прап., уб. 1476.
- Деревяницкій* Новгородскій мон. См. *Монастыри*.
- Державина* (ур. Дьякова), Дар. Алексѣевна, 931.
- Державинъ*, Гавр. Ром., стих. надъ гробн. Инокент. архіеп. Пск. 198 (упом. 331) стих. Памятн. Герою 552. Мин. Юст. 1377—1380. Сенат. 1567. почетн. чл. Харьк. Универс. 2020 2021. Пушкинъ о немъ 2069.
- Дерикеръ*, Вас. Вас., 1040, 1042.
- Дертскій универс.*, 1214.
- Дертскій уѣздъ*, 1320, 1321.
- Дертъ*, гор. 1261. 1322. 1324.
- Де Таранъ*, княг. (Луиза Эмма) 1712.
- Де-Шликъ*, канон. 1505, 1506.
- Джаксонъ*, лейт. 663, 669, 708, 709.
- Джемаль-Эддинъ*, сынъ Шамяля 1050.
- Джоліо*, Мих. Лук., ген. м., его принош. въ Чертк. библ. 039.
- Дземьшкевичъ*, Март. Петр., врачъ, 1045.
- Дивовъ*, Ник. Адр. 587. привелъ въ поряд. Румянц. бум. 588, 612, 613, 840; часть оныхъ представилъ имп. Николаю 840.
- Дивовъ*, камерг. 863.
- Дидро*, 582.
- Д'Изарнъ*, свѣдѣн. о немъ 1400; его разск. о 1812 г. 1405 — 1441 (1442, 1445, 1462) 2021. 2022.
- Димитрій Св.*, царев., вскрытіе его мощей 634.
- Димитрій*, изъ князей Смоленскихъ 1080.
- Димитрій* (Съченовъ) митр. Новгород., пис. къ нему Екатер. 196—202 (упом. 1570).
- Дистъ*, въ Дневн. Свитск. Офиц. 1813 г. 302.
- Дицъ*, въ пис. Сперанск. 1685.
- Дмитревскій*, акт., 20, 56.
- Дмитревскій*, Петръ, сынъ акт. 56.
- Дмитріева-Мамонова*, гр. Марія Александр., 87.
- Дмитріевъ-Мамоновъ*, гр. Матвѣй Александров., 01, 02.
- Дмитріевъ - Мамоновъ*, Матвѣй Вас. 634.
- Дмитріевъ*, Ив. Ив., стихъ изъ его *Модной Жены* 182, 183; пис. къ Деларю 042. Записки 530. пис. къ нему Карамз. 587. помѣщ. свои произв. въ Пол. Зв. 055. стихъ изъ его басни *Чижикъ и Зяблица* 1555. почетн. Чл. Хар. ун. 2020; 2095.
- Дмитріевъ*, Ив. Ив., свѣд. о немъ, 1996.
- Дмитріевъ*, Мих. Ал. 013, 319; 2092—2096.
- Дмитріевъ*, Христоф., переводч. 1765.
- Дмитрій Демьяновичъ*,? упом. въ Зап. Порош. 20.

- Дмитрій Донской*, 131, 142.
- Дмитрій Самозванецъ*, 593. 1872.
- Днѣпръ*, р. 1165.
- Доббертъ*, Як. Дан., лейбъ-хирургъ 1997.
- Добролюбовъ*, Серг. Мих., врачъ 1045.
- Доброхотовъ*, Ив. Серг., врачъ 1045.
- Добряковъ*, Ник. Ив. 327.
- Довкинъ*, резид. англ. въ Навпліи 892.
- Довята*, мятежн. 1504.
- Докучаевъ*, Н. М. 106.
- Домовъ*, Аван. Иванов., Московск. городск. голова, обновитель Симонова м-ря 629.
- Доморукая* (ур. гр. Бутурлина), кн. Ек. Алек. 13.
- Доморукая* (ур. Дезвортъ), княг. Марія 077.
- Доморукая*, княжна Ек. Дм. 077, 078.
- Доморукая* (ур. Шеретева), кн. Нат. Бор., 077, 078.
- Доморукая*, княжна Нат. Дм., 077, 078.
- Доморукая* (ур. Хитрово), кн. Соф. Никан. 077.
- Доморукіе*, кн. 077, 078.
- Доморукій*, кн. Алексан. Ив. по поводу его некролога 077, 078.
- Доморукій*, кн. Дм. Ив., его собр. автогр. 213. упом. 077; свѣд. о немъ 1997,
- Доморукій*, кн. Ив. Алексѣев., 077.
- Доморукій*, кн. Ив. Мих., 077, 078.
- Доморукій*, кн. Ник. Ал. Полтавск. предв. двор., 372.
- Доморукій*, кн. Ник. Ан. Вилен. губ., 1215 — 1217.
- Доморукій*, кн. Вас. Серг., 1042.
- Доморукій*, кн. Юр. Вл., 566, 567. 572.
- Доморукій*, кн. Як. Ѳед., 1381. 1382.
- Долтухо*, чечен. 979.
- Домбровский*, ген. 1173.
- Домбровский*, всендзъ 546.
- Домеръ*, его труппа 1455.
- Дометій*, протоіер. 196.
- Домонтовичъ*, тайн., сов. 335.
- Дональдсонъ*, портн. 1924, 1925.
- Донаурова*, (ур. Веригина), Марья Ѳедот. 1951, 1953.
- Донауровъ*, Мих. Ив. 1953.
- Дондуковъ-Корсаковъ*, кн. М. А., попеч. Спб. учеб. окр. 319, 320.
- Донецкая*, станица 1635.
- Донской*, секр. консист., 1087. 1088.
- Донъ Педро*, муз. 346.
- Доримедонта*, иг. Зачатейская 1397.
- Д Орреръ*, б. воспитат. Д. В. Венецитинова 2021.
- Доровеевъ*, Кондр., охотн. 1679.
- Доровей*, іером. 1606.
- Досадинъ*, въ журн. кн. Репн. 562.
- Досивей*, еписк. Орловскій и Сѣвскій, 1636.
- Досивей*, іером., настоят. пр. церкви въ Килѣ 1593, 1594.
- Драсковичъ*, ген. фельдм. 1770.
- Древицкій*, маіоръ, уб. 1476.
- Дрезденъ*, 238, 240.
- Дружининъ*, Александръ Вас. 1042.
- Дружининъ*, Н. И. 327.
- Дубянский*, Ѳеодоръ Яковл., духовникъ 9, 10.
- Дука*, ген. 1709.
- Думашевъ* - старшій, въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1786.
- Думеркъ*, ген. 1173.
- Дуппельтъ*, ген. м. 1320.
- Дурасовъ*, Московск. полицейм. 012.
- Дурново*, въ Дневн. свит. Офиц. 1813 г. 231, 246, 248, 257, 261, 267, 296, 302.
- Дурова*, (ур. Заборовская), 041.
- Дуровъ*, на его дочери б. женатъ И. Н. Скобелевъ 041.
- Духовная Коммиссія* «объ установленіи народныхъ учил.» 1572 — 1574, 1578, 1579.
- Душенька*, Богдановича 22.
- Дьяконовъ*, Пв. Пв. 1042.
- Дюбордье*, маіоръ 114.
- Дювержье - де - Гораннъ*, писат., 1403.
- Дюкло*, 1455.
- Дюма*, 1453.
- Дюмарескъ*, 55.
- Дюръ*, Н. О. 350.
- Дюфуръ*, ген. 063.

Евгеній, м. Кіевскій, его словари 926.
Евгеній, (Булгаръ), архі-еп. Славенскій и Херсонскій 1598.
Евгеній, папа, его буллы 618, 628.
Евгеній, герц. 427, 436.
Евдокимовъ, кавказск. ген. 1055, 1060.
Евдокимовъ, Савелій, охотн. 1679.
Евреиновъ, Мих. Мих., его приношеніе въ Чертк. библіот. 040.
Евреиновъ, Пав. Алекс. 1701.
Евреиновъ, въ пис. гр. И. Г. Чернышева, 1856.
Еврипидъ, 149.
(Евсевій), экзархъ Грузіи, 1063.
Евоимій, иг. Богословскій 1078.
Евали, ауль 1051,
Египетъ, 1431.
Егоровъ, Емельянъ, свящ. 1397, 1398.
Егоровъ, художн. 1180.
Егоровъ, поруч., уб. 1476.
Езерскій, маіоръ 468, 471.
Екатерина I, имп. 634, 635.
Екатерина II, Великая, имп. въ Зап. Порош. 1, 4—8, 10, 12—21, 24, 27, 30—32, 34—38, 40—60, знала о существованіи этихъ Записокъ 62, 63, въ письм. Порошина 64. Швед. война 1788 г. 12, 115, 116, 119—121, ея вѣкъ 158, 159, 525—530, 576; воспит. въ кад. корп. 160—165; служба 165;

записки ея къ Ан. Н. Нарышк. 193—195; пис. къ мит. Дмитрію 196—202; гр. Н. П. Румянц. 202—206; высокое мнѣніе ея о французск. дворянствѣ 206—208; письма къ фельдм. гр. В. П. Мусину-Пушк. 208, 209, къ С. А. Колычеву 209; снош. съ Испанією 211; сожалѣть о кончинѣ М. П. Нарышк. 213; историкъ кн. М. М. Щербатовъ находился въ числѣ недовольныхъ ею 220; открытіе памятника Петру Великому 526; сл. при ней Репнина 549; приглаш. Ж. Ж. Руссо въ Россію 581, 582; польскія сатиры 585, спокойствіе въ минуту опасности 614; рассказы кн. С. М. Голиц. 629—631, 635, 637—644; записка гр. Ростопчина 759; упом. въ Автобіографіи и пис. гр. С. П. Румянцова 842—844, 850—854, 856, 858, 860, 861, 862, 864, 865, 866, 881, 882; дѣла Шведск. 867, 869, 870, 872, 874, 875, 879; картина ея двора 1089—1102; проповѣди Иринея 1106; дѣла синод. 1106—1112, 1587—1623, 1627—1629, 1629, 1632, 1633; жалуетъ митр. Гавріила и Платона бархатными мантиями 1118, 1119; учрежд. ею ордена 1123;

рескрипты архіеп. Иринею 1123—1125; восп. Троицкаго старца о ея воцареніи 1180; указы ея о службѣ дворянъ 1377; деньги 1461; рескрипты митр. Гавріилу 1569—1589; повелѣла при молебствіи о Чесменской побѣдѣ возглашать *вѣчную память* Петру Великому 1596, 1597; занятія Русскою исторією 1624, 1625; уп. въ пис. гр. И. Г. Чернышева 1805—1812. 1845, 1873, въ Зап. Саблукова 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1885, 1887, 1889—1891, 1933.

Екатерина Павловна, (в. кн.) 395 въ письм. кн. Курагина 386, 388, 391, 394, 395, 397, 398, 401—404, 439, 443—452, 454, 456—463, 465, 466, 469, 472—477, 478—483, 489, 492, 494, 497, 508, 514, письма гр. О. В. Ростопчина 759—762.

Еламинъ, А. А. 2094.

Еламинъ, Ив. Перф. 11, 23, 26, 27, 30, 44, 48, 50.

Елена Павловна, в. кн. 1096.

Елена Павловна, в. кн. 647; отзывъ о ней кн. А. Н. Голиц. 957, 958.

Еленскій, Алексій, заключенъ въ Соловецкій мон. 1632.

Елисавета Алексеевна, (импер.) избр. въ суп.

- в. кн. Александру Павловичу 202—206; обручение 860; черезъ Карамзина просить гр. Н. П. Румянцова доставить ей книгу Брюса 591, 592, (593) издателя Поляри. Звѣзды поднесли ей послѣдній томъ своего сборника 055 (1712), упом. въ Зап. Саблукова 1901, 1942, 1946.
- Елизавета Петровна** (имп.), 3, 8, 12, 122, 134, 195, 199, 408, 841, 1126, 1261. 1767. 1773, 1775, 1776. 1777, 1778, 1779, 1784, 1798—1802, 1806, 1810, 1830, 1831, 1846, 1847.
- Елизавета**, эрцгерцог., 392, 395. 428, 437.
- Елисаветградъ**, гор. 1606.
- Елиатовъ**, 558.
- Елидифора**, иг. Иван. мон. 1394.
- Емельяновъ**, въ Дневн. Свит. оф. 1813 г. 221, 223, 225, 231, 239, 240. 245.
- Енгель**, О. И., 129.
- Еникъевъ**, Сулейманъ, переводч. 1765.
- Енкуватовъ**, кн. Степ., 1679.
- Епиналь**, г-жа 844.
- Ермолаевъ**, Ив., сенатск. об. секр. 740.
- Ермолаевъ**, Ис., ег. 1679.
- Ермоловъ**, Александръ Петров., фаворитъ 854.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., участіе въ Бородинск. битвѣ 061—063; во время опалы у деревенскаго священника учился по-латынѣ и тоже совѣтовалъ кн. А. С. Меншикову 071.
- Ермоловъ**, Никол. Алексѣев., солд. л. гв. преобр. п. 411.
- Ермоловъ**, полковн. партизанъ, 1173, 1174.
- Еропкина** полкъ 024.
- Еропкинъ**, Петръ Дм. 14.
- Еропкинъ**, пом. 533.
- Ершовъ**, Ал. Ст, свѣд. о немъ 1997. 1998.
- Есиповъ**, Г. В. сообщ. Роспись охоты царской 1681.
- Есиповъ**, Казанскій денут. 2059.
- Естифеевъ**, Яковъ подъячій 2050.
- Есфирь**, иг. Рождеств. мон. 1394.
- Ефи....?...**, фрейл. 31.
- Ефремова** казачій полкъ 573.
- Ефремовъ**, Петръ Александр., принадлежащій ему экземп. *Звѣздочки* 057.
- Ефремъ**, иг. Богословскій 1078.
- Жагоры**, мѣст. 1499.
- Жаровскій** (Jarowzku), перевелъ на французскій яз. книгу Ратча 035.
- Жеаръ**, мѣст. 1320.
- Железевичъ**, Руд. Андр., 1042.
- Жераръ**, ген. 886, 888—890. 896, 900—903, 912, 914, 915, 916, 918.
- Жераръ**, библиогр. 1456.
- Жеребцова** (ур. гр. Зубова, Ольга Ал.), 1930, 1932.
- Жиды**, 221, 222, 225.
- „Жизнь за Царя“**, 341, 342, 344. 348, 352, 375, 1144, 1168.
- Жоку**, бар. 848.
- Жомини**, ген. 253, 258.
- Жоржъ**, актр. 127, 1202.
- Жуковская** Алекс. Вас. (фрейл.) 97. 98, 99, 100, 101, 102, 103. 104, 105, 106, 107, 110, 645, 646.
- Жуковская** (ур. Рейтернъ), Елиз. Алексѣевна 91—93. 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 645, 646; 964. воспоминаніе о ней 2023—2026.
- Жуковский**, Вас. Андр. письмо его къ протоіер. Базарову 81—106, послѣдніе дни жизни 99—108, 110, 111. Сочиненія 108—110; мысли о церкви 109, 110; участіе въ войнѣ 1812 г. 05, 06, 010; близость съ Плетневымъ 332; биографія 336; стихотвор. привѣстіе в. кн. Маріи (Николаевнѣ 1851 г.) 372—382; письмо къ гр. Мих. Ю. Вельгорскому 644—648; помѣщ. свои произвед. въ Поляри. Зв. 055, письмо къ гр. Соф. Мих. Сологубъ 958—964; пріятельск. отнош. съ М. И. Глинкою 1139 (1141) письма къ нему Карамз. 1383—1386. упом. въ Воспомин. И. С. Тургенева 1670, 1672, 1675, 1700; отвѣтъ его ген. Башуцкому 1726; женитьба 2023—2026;

- обвинялъ кн. Шаховскаго въ паденіи Поликсены 2041. (2043). Упом. 2069.
- Жуковский*, Пв. Вас, 97—107. 110.
- Жуковский* (Бернетъ) стихотвор. 1670, 1671.
- Жуковъ*, Вас. Гр., 1039.
- Жюльены*, сем. 1455, 1456. * *
- Заблоцкий*, Пав. Парен. врачъ 1045.
- Заборовскій*, И. А. 040, 566.
- Завадовскій*, гр. Петръ Вас. 407, 411, 845, 853, 865, 1548.
- Завалишинъ*, Дм. Ир. 1184.
- Завитаевъ*, Оад., охотн. 1679.
- Заволодскій*, нѣкто 1304.
- Загорскій*, литерат. 055. 2099.
- Загоскинъ*, Мих. Никол. 340.
- Загряжская*, (ур. гр. Разумовская), Нат. Кир. 214, 1883, 1884.
- Загряжскій*, шталмейст. 1397.
- Задлеръ*, Карлъ Карл. 1044.
- Зайковский*, Дм. Дм., свѣд. о немъ 1998.
- Зайончекъ*, ген. 1128, 1173.
- Зайцевъ*, Ал. Ег., свѣд. о немъ 1998, 1999.
- Закревскій*, Ив. Вас., чл. Общ. посѣщ. бѣдн. 1042.
- Залеманъ*, Юлій Мих., врачъ 1044.
- Залувецкіе*, казаки, 1926.
- Зальцъ*, Ант., ас., 1745, 1759.
- Зальевъ*, Левъ, переводч. 1765.
- Зальскій*, марш. 1514.
- Зандтенъ*, Герн., кам. шрейберъ 1751, 1760.
- Запорожская Сечь*, 26.
- Зарудный*, изюмскій деп. 2060.
- Застукий*, подпр., уб. 1476.
- Зауръ*, чеченецъ 971—974, 976, 979. 987.
- Зедерюльмъ*, Карлъ Алб., свѣд. о немъ 317. 1999, 2000.
- Земинцевъ*, И. А. 943.
- Звѣздочка*, альманахъ 053—060.
- Здекауеръ*, Ник. Оед. врачъ, 1045.
- Зеелиндъ*, Ив., кам. шreib. 1747. 1760.
- Зеки*, Мих., учит., 1765.
- Зембинъ*, мѣст. (Минск. губ., Борисовск. у.) 1153, 1157, 1160, 1162—1165, 1169, 1171.
- Зибертъ*, Сам. Ив., экзекут. Моск. Почтамта 366, 370.
- Зимляковъ*, Харит. Ник., 1042.
- Зиновьевъ*, упом. въ Зап. Порош. 32.
- Зиновьевъ*, Ст. Ст., послан. въ Испаніи, письм. къ нему гр. А. А. Безбородк. 210—213.
- Злобина* 1685.
- Злобинъ*, Конст. 1688, 1690, 1983.
- Знаменка*, слоб. 1603
- Зонтагъ*, Анна Петр. 96.
- Зоричъ*, Сем. Гавр. 845.
- Зотова* гр. Екатер. Петр. 1397.
- Зубовъ*, А—ъ Андр. губ. прок. 306.
- Зубовъ*, гр. Вал. Александр. 1378.
- Зубовъ*, гр. Ник. Ал. 1885, 1930.
- Зубовъ*, гр. Плат. Александр. 641, 857, 859. 861, 864, 870; отзвѣвъ А. И. Маркова 871. 876; другъ в. кн. А. и Конст. Павл. 1094, 1098, (1097) п. Искры 1566—1568, уп. 1885.
- Зубовы*, 1929, 1930, 1931.
- Зыбинъ*, адъют. гр. Ожаровскаго 257. * *
- Иббеліонъ*, 676, 677.
- Инатій* (Брянчанinovъ), архіеп., 2000 2001.
- Иванова*, дер. 558.
- Ивановское*, село, 1542.
- Ивановъ*, Василий, протоіер. 1636, 1637.
- Ивановъ*, Ив. «колоколешникъ» 1681.
- Ивановъ*, Яковъ, егеръ 1679.
- Ивановъ*, Оедоръ, 1639.
- Ивановы*, казаки 988, 989, 994, 996, 997, 1001.
- Иванчинъ Писаревъ* (Ник. Дм.) 056.
- Ивинъ*, Евгр. Петр., 1042.
- Игельстромъ*, (Осипъ Андр.), 406, 409.
- Инатій*, игум. 1078.
- Инатъевъ*, Ав. Ив. бригад. 1642.

- Инатъевъ*, пом. 533.
Инатъевъ, камеръ-л. 6.
Инуменъ, гор. 1154.
Изабелла II-я 752.
Извъковъ, пом. 533.
Излеръ, Ив. Ив. 1018, 1042.
Измайлова, пом. 533.
Измайлова, село 1677.
Измайловъ, А—ъ Ев. 056, 603.
Измайловъ, Владиміръ Вас. 056, п. Карамз. 599, 600.
Измайловъ, бриг. 49.
Измаилъ, игум. 1078.
Иксуль, графиня, 417, 420.
Иксуль, 298.
Иларіонъ (Кондратовскій) еп. 1590—1592, 1603.
Илшиъ, Оед. Сам., 2001.
Илличевскій, Томскій губ. 1979.
Ильинъ, Вас. Вас., 1147, 1148.
Ильинъ, Мих. Оедор., 1040, 1042.
Ильинъ, ген. 1657.
Ильинъ, полк. 1657.
Ильинъ, кирасиръ 54.
Ильинъ, Ив., помытчикъ 1680.
Ильясъ, 981, 983—987.
Иязовъ, Ив. Никит., 572, 574.
Инокентій, еп. 929.
Инокентій, архіеп. Псков. 197, 198, 1108, 1110, 1113, 1572, 1573.
Инокентій, архіеп. Херсонскій 96. 313.
Инсарскій, Вас. Ант., 1005—1046.
Ионъ, пис-ца 029.
- Ираклій*, ц. Карталин. 1616.
Ираклій, архим. 1392.
Иринархъ (еписк. Рижскій), 1279—1329. уда-леніе изъ Риги 1340, 1348.
Иринархъ, игум. 1078.
Ирпелей, архіеп. 1103—1126.
Иркутскъ, гор., 1979.
Исаевъ, Оедоръ, «волтор-нистъ» 1679.
Исаія, игум. 1078.
Исакъ Константиновъ, 1482.
Искра, Андрей, п. къ кн. Зубову 1566—1568.
Искрицкій, Ал Ал., 2001.
Исленьева, домъ въ Мос-квѣ 632.
Исленьевъ, ген. ад. 1463, 1464.
Ичь-Кале въ Навплии 883, 910, 911.
 * *
Иоакимъ, архим. 1616.
Иоанникій, иг. 1078.
Иоанникій, архим. 196.
Иоаннъ Алексѣевичъ, ц., 1077, 1080.
Иоаннъ Грозный, 1472.
Иоаннъ, протоіер. духовн. Имп. Екатер. 1107.
Иоаннъ, эрцъ-г. 392, 395, 444, 446, 450, 460, 451—455, 462, 464, 467, 470, 473, 475, 476, 478, 479, 486, 490, 494, 499, 508, 510, 513, 515.
Иоаннъ, мон. 949—951.
Иосафъ, игум. 1616.
Иосафъ, архим. 1605—1609, 1613.
Иосафъ, іером. 1626.
- Иоассонъ* (Смогоржевскій), митр. 1620—1622.
Иовъ, патр., 1077.
Иовъ, архіеп. 1564, 1565.
Иона, митр., 745.
Иона, игум. 1077, 1078.
Иона, іером 1391.
Иосафатъ (Булгакъ), митр. 1489, 1490.
Иосифъ, имп. Австрійскій 212, 428, 437.
Иосифъ, эрцг. 509, 515, 413, 416, 444, 446. 1391.
Иосифъ, Бонапартъ 758.
Иосифъ, игум. 1078.
Иохемсъ, Авр. переводч. 1750, 1751, 1759.
 * *
Каанъ Андр. Оедор. 1044.
Кабановъ, фельдъег., 563, 565, 568. 572.
Кабатъ, Ив. Ив. 1045.
Казань, гор. 1430. 1449.
Казачковскій, 573.
Казы-Кумухское Хан-ство 1061.
Казы-Магомъ, 1049, 1061.
Казы-Мулла, 1052.
Каинъ, Иванъ, 1088.
Каисъ, Андр. 1766.
Кайсаровъ, Паис. Серг. 06.
Кайсаровъ, Юл. Мих. 1042.
Калайдовичъ, Конст. Оед. 596, 921, 1715—1717.
Калачовъ, Никол. Вас. 3, 737—740.
Кальнофойскій 1716.
Каменецкій, Вален. Іордан. 1046.
Каменская Мар. Ив. (ур. Ешимовичъ) гр. 1711.
Каменская, (ур. Левши-на), гр. 1710, 1711.

- Каменскій*, гр. Мих. Оедот. его повара, 5; посѣщаль в. кн. Павла 37, 59.
- Каменскій*, гр. Никол. Мих. 145, 1069, 1173.
- Каменскій*, гр. Серг. Мих. 1707—1712.
- Каминскій*, ген. 1173.
- Кампанелла*, филос. 065.
- Кандіотти*, Георгій, 882, 884, 885, 913.
- Кандуріотти*, 913.
- Канифировъ*, казакъ, 4.
- Канкринъ*, гр. Ег. Франц. 01; (уп. 233, 1487, 1488, 1553.)
- Кантемиръ*, кн. Антиохъ Дм. 578—581.
- Канцiani*, танц. 1917.
- Канцлеръ*, Готфр., 1753. 1761.
- Карповъ*, Вас. Ник. 2001, 2002.
- Капеллини*, докт. 430, 439.
- Капкистъ*, Вас. Вас. 133.
- Каподистрія*, гр. Августинъ, 888, 893, 915.
- Каподистрія*, гр. Ив. Ант. 600; 881—919.
- Капцевичъ*, ген. 05.
- Каражда*, кн. 888, 889, 891.
- Карамзина*, Екат. Андр. 648; 590, 598, 600, 1386; 594; 1384.
- Карамзинъ*, Юасафъ, мон. 1079, 1080.
- Карамзинъ*, Андр. Никол. 1039—1041.
- Карамзинъ*, Никол. Мих. отв. къ гр. Ростопчину 185; записка о Польшѣ, 303, 304; п. къ гр. Румянцову 587—599,
- В. В. Измайлову, 599. 600; замѣч. на книгу Коцебу 617, 625—628; снош. съ Жуковскимъ, 645; уп. въ п. гр. Ростопчина. 764; дружба гр. С. П. Румянцова, 840; отзывъ Сперанскаго 919, 920. 1693. 1694. (уп. 1141); п. къ Жуковскому 1383—1386, къ Гречу 1723, 1724. его снош. съ Харьк. Унив. 2017—2021, уп. 2043, 2044.
- Карамзины*, 644 — 646.
- Каранай*, гора, 1052.
- Карасъ*, докт. 1419, 2022.
- Каратаевъ*, 921.
- Карату*, ауль, 1049, 1050.
- Каратынинъ*, акт. 1709.
- Караянни*, 895, 897, 909, 918, 919.
- Кармофъ*, 1667, 1669.
- Карлово*, дер. 1555. (*Карлъ-Евгеній?*), пр. Виртембергскій, 1814, 1819.
- Карлъ*, герц. Зюдерманл. 121, 209, 868 — 870, 874—876.
- Карлъ*. эрцг. 392, 395, 413, 416, 444, 446, 454, 463, 473, 479, 509, 514, 1133.
- Карлъ*, пр. Курляндскій, 44.
- Карлъ X*, кор. Франц. 1186.
- Карлъ XII*, Шведскій, 1721—1723
- Карпьевъ*, 1547, 1559.
- Карпьевъ*, Е. В. 1721.
- Карцева*, ея театръ 1455.
- Карцевъ*, пом. 547.
- Касанъ*, (Вареол. Касино), свящ. 579.
- Касаткина*, княг. 533.
- Кассіанъ*, рект. 1105, 1599.
- Кастеръ*, мыза, 1263.
- Кастренъ*, 404.
- Кауницъ*, гр. 1794—1796.
- Кауфманъ*, Анжелика, 1093.
- Каховскій*, декабр. 051.
- Каховскій*, Мих. Вас. 1604, п. къ м. Гавриилу 1628.
- Кашинъ*, гимназ. 327.
- Кашперовъ*, Владим. Никит. 347, 364, 365, 377; его жена, 377, 1142, 1146; восп. о Глинкѣ 1137—1144; п. Глинки, 1143—1146.
- Кашталинскій*, 33.
- Квановскій*, Варс. свящ., 1519, 1520.
- Квасниковъ*, Андр. куп. 200, 201.
- Квистъ*, Яковъ, переводч. 1746, 1760.
- Квитницкій*, ген. лейт., 1213.
- Кедрскій*, Ал. Вас. свѣд. о немъ, 2002.
- Кейтъ*, Выборг. губер. 113.
- Кельдерманъ*, Ив. переводч. 1764.
- Кель*, Як. Карл., музык. 369, 370.
- Кемизъ*, Луд. Мар., 2002, 2003, 2004.
- Кербергъ*, пасторъ 1263.
- Кернеръ*, 103.
- Керфъ*, Ив. курьеръ 1766.
- Кибитъ-Магомъ*, наибъ 1053.
- Киль*, гор. 1593, 1594.
- Кириловъ*. П. его словарь, 042.
- Кириловъ*, Ив. Алексѣев. врачъ, 1044.
- Кириловъ*, подпор., 1476.

- Кириллъ*, св., Бѣлоз. 1078.
Киришъ, подполк. 1287.
Кирьевъ, А-тъ Дм. 1042.
Киселевъ, гр. Пав. Дм. 1359.
Китайскіе домики, въ Царск. Сель, 590, 596.
Китайцы, на о-въ св. Елены, 810, 812—815.
Кистеръ, А-тъ Александр. врачъ, 1046.
Кичеевъ, П. Г., 600.
Клейнау, ген., 272, 275, 276—282.
Клейнмихель, (гр.) Петръ Андр. 1469.
Кленментини, 1443.
Клементьево, село 1104.
Клингеръ, Ив., 964—1006.
Клиниспоръ, б. ген. поруч., 864, 869, 874.
Ключаревъ, Оед. Петр. Моск. Почтъ-Дир., 011, 012; его сынъ, 011, 012, 762.
Кноррингъ, полк., 1153, 1154, 1156.
Княвчи, село 1636, 1637.
Княжевичъ, (Дм. Макс.), 056.
Княжнинъ, (Як. Бор.), 164, (2038)
Кобазини, актрисы, 1710, 1711.
Кобенцль, гр. Лудв., 392, 393, 395 (1815, 1820?) 428, 437.
Ковалевскій, Ег. Петр., 039, 2105.
Ковалевскій, Оск. Юліан. врачъ, 1044.
Ковалевскій, 1550.
Ковнацкій, марш. Шавельскій, 1498, 1502, 1504.
Ковно, гор., 1320.
Кожевниковъ, подпор., 052.
Кожинъ, ген. м. 1830.
Козельскій, Яковъ 2060.
Козловскій, кн. А-й Семен., 43.
Козловскій, кн. П. Б. 1712.
Козловскій, Юр. Юр., врачъ, 1044.
Козловскій, тайн. сов. 43.
Козловъ, Апол. Ив., 242, 243, 247—249.
Козловъ, Гр. Ив. 1685.
Козловъ, Ив. Ив. 340, 056, 058.
Козловъ, Ив. Моск. куп. 1392.
Козминъ, 40.
Кознаковъ, Петръ Всевол. 1042.
Койсу, рѣка, 1047, 1048, 1051—1053, 1058.
Койсубу, 1052.
Кокбурнъ, адм., 649, 650.
Кокенузенъ, 1343.
Кокоревъ, Ег. Вас. 408.
Кокоревъ, Кондр. Алвдр. діа.к. 955.
Кола, гор. 1633.
Коленкуръ, герц. 010, 1165, 1459.
Коленцъ, совѣтн. ком. кол. 1753.
Колетти, 893, 915.
Коллеръ, ген. 299.
Коллоредо, ген. 278, 279.
Колмаковъ, П. Е., 359.
Кологривовъ, полк. 1895, 1896.
Колокотрони, 893, 916.
Коломна, гор. 1447.
Коломудартти, 889, 890, 902, 916, 917.
Колошинъ, Никол. Никол. 1042.
Кольбергъ, 1772.
Колычова, Нат. Зах., 213.
Колычовъ, Гр. Ив. 2104.
Колычовъ, Ив. Никит. 2104.
Колычовъ, Степ. Алексѣев. 213, 209, 210, 213.
Колычовъ, Ст. Ст. 215, 853.
Коль, 404.
Коль, торгов. домъ, 676, 677.
Колубакинъ, маіоръ, 558.
Кольцовъ, А. В., 1668, 1671, 1772, 2026, 2027, 2028.
Комаровскій, гр. Евгр. Оедот., 468, 471.
Комаровъ, А-тъ Ал-вдр. 1042.
Комаровъ, Пензенск. казначей, 1976.
Комарскій, 1208, 1211, 1214, 1215, 1218—1220.
Конде, 210, 503, 507, 1400.
Кондратьевъ, пор. 1476.
Коновницынъ, гр. А-й Петр. 1042.
Коновницынъ, гр. Петръ Петр. 221, 230, 063.
Конрадинъ, гр. 037.
Константинополь, 1431.
Константиноу Ивановичъ, кн. Острожскій 1717.
Константиноу Константиновичъ, кн. Острожскій, 1717.
Константиноу Николаевичъ, в. кн., 647, 1036—1039.
Константиноу Павловичъ, (цесаревичъ), ученигъ

- Лагарпа, 75; его портретъ, 040; въ донесеніяхъ кн. Куракина, 388, 390, 425, 435, 444, 446, 469, 472, 488, 497, 510, 515; любимъ матерью, 633; 14 декабря 1825 г. 735, 736, 053; переписка съ гр Растопчинымъ 763—766; 845; первая женитьба, 1089, 1091, 1092, 1096 — 1102; наружность 1091; застѣнчивъ 1093; привязанъ къ воспитателю бар. Будбергу, 1093, 1094; качества 1094—1096; мнѣніе о придворныхъ, 1095; дружба съ П. А. Зубовымъ, 1098; вторая супруга, 633, 758, упом. 222, 248, 261, 1601, 1870; жизнь при Павлѣ 1887, 1888, 1896, 1897, 1920, 1921, 1927, 1928, 1934, 1935, 1936, 1940.
- Контъ*, Ог. 1706.
- Конхидатль*, аулъ, 1048, 1050, 1051.
- Конхидатльскій* мостъ, 1050.
- Кончи*, 1219.
- Коньяръ*, Мод. Маврик. Волог. вице-губерн. 353.
- Коню*, 1442.
- Копля*, докт. 646.
- Коптевъ*, Ив. «облудчешникъ» 1681.
- Корзинг-Круковскій*, В. В. 1649, 1662.
- Корелы*, 126.
- Кореневъ*, Андр. Петр. 1042.
- Коркодиновы*, князья, 1078—1082.
- Корнилиусъ*, Христ. кам. шрейберъ 1748, 1760.
- Корниловичъ*, А—тъ Осип. 052, 053, 056.
- Корниловъ*, (Влад. Алексѣев.), адм. 382.
- Корниловъ*, ген. 1170.
- Коробьинъ* Г. М. 66.
- Коробьинъ*, Гр. Ник., 158.
- Королевичъ*, студ. 1219.
- Короновскій*, 2073.
- Коропацкій*, Григ. семин, 532, 536, 539, 540.
- Коростовцевъ*, Люб. 1721. —1723.
- Коростовцовы* (Хоростовецкіе), 1722.
- Корсаковъ* Мих., 1042.
- Карсаковъ*, 563, фельдъег. 571.
- Корсики*, Гер. Дем. 1042.
- Корфъ*, бар. Мод. Андр. 613—628, 920, 1968.
- Корфъ*, бар. Никол. Ник. 1042.
- Корфъ*, 1808, 1812.
- Корцаны*, мѣст. 1503.
- Косиковскій*, Всевол. Андр. 1042.
- Костромская*, губ. 531, 1370.
- Костюшка*, 1128.
- Котлубицкій*, полк. 1896.
- Котляревскій*, пис. 060.
- Козиусъ*, ст. секр. 1745, 1760.
- Козъ*, 036.
- Коцебу*, Авг. 613—628.
- Коцебу*, лейтен., 681, 683, 684.
- Кочубей* гр-ня Мар. Вас., 1883, 1884.
- Кочубей*, Вас. Арк. 1042.
- Кочубей*, Вас. Вас. 1042.
- Кочубей*, гр. Викт. Павл., 1884.
- Кочубей*, Никол. Арк. 1042.
- Кошелевъ*, Род. Александр. 943.
- Кошелевъ*, 214.
- Кояловичъ*, истор. 615.
- Кравченко*, пѣвчій 1709.
- Краевскій*, Андр. Александр, 1013, 1042, 1557.
- Кранихфельдъ*, 328.
- Краснопольскій*, Алекс-ъ Андр. 1046.
- Красноустьевъ*, 96.
- Красовскій*, полк. 1170, 1171.
- Кребель*, Руд. Христіан. врачъ 1046.
- Кребилюнъ*, траг., 143.
- Крейтонъ*, 468, 469, 472.
- Крейцъ*, гр. 111.
- Кремеръ*, г-жа 1689.
- Кремневъ*, бунтов. 538.
- Креницинъ*, А. Н., 057.
- Кренишъ*, 564, 566.
- Крестовскій*, 035.
- Кретишненъ*, 1503, 1508, 1512, 1523, 1524.
- Крешевъ*, стихотв. 1671.
- Кривцовъ*, Ник. Ив. 1440.
- Криницкій*, духовн. Государынь, 746, 935.
- Криницынъ*, лейтен., 880, 881.
- Кристафовичъ*, Мих. Ег. 1042.
- Кроаты*, 1799.
- Крокъ*, 35.
- Кромпейнъ*, Ери. 1766.
- Кромы*, 554.
- Кропотевъ*, (Ив. Ив. полковн.) 36, 43.
- Кроточинъ*, гор., 229.
- Кругъ*, истор. 614, 615.

- Крузъ*, (А-ъ Ив. адм.), 5, 9—11, 14, 17—19, 25, 26, 28, 29, 35, 42.
- Крусали*, истор. 1755, 1765.
- Крыловъ*, пенз. 042.
- Крыловъ*, Ив. Андр. 129, 131, 039, 056, 074.
- Крымаъ*, 381.
- Крюкова* Праск. Алексан. 1685.
- Кубена*, рѣка, 540.
- Кувальдинъ*, Пав. Ив. 1042.
- Кудашевъ*, кн. 222.
- Кудрявой*, Ѳеодоръ, охотн. 1679.
- Кудрявцевъ*, Петръ Никол. профес. 1141.
- Кудряшевъ*, Пав. Ив. 1042.
- Кузминская* волость, Серпух. у. 1113.
- Кузминъ-Короваевъ*, подпор. 1211—1214, 1217—1219.
- Кузминъ*, Фил. охотникъ 1679.
- Кузминскій*, Г. И., 363.
- Кукольникъ*, Нест. Вас. 342, 352, 353, 356, 1669.
- Кулаковский*, Генр. Казим. врачъ 1046.
- Кулевчи*, дер. 1653.
- Куликовский*, Адамъ, св. 1496, 1499, 1500, 1502.
- Куличевскій*, маіоръ, 1476.
- Кулонъ*, об. инж. 1747.
- Кулье*, погость, 1262.
- Кульманъ*, Ф., 1005.
- Куммеръ*, типогр. 616.
- Кумухъ*, крѣп. 1061.
- Купицкій*, 601.
- Куракинъ*, кн. (А-ъ Бор.) воспит. съ в. к. Павломъ 7—10, 13, 14, 16—19, 21 — 24, 31, 53; письма къ и-цѣ Маріи Ѳеод. (1807 г.), 385—517; въ разсказѣ в. к. Павла 520, 523; разбир. бумаги Екатер., 642, 643; записка послѣ Аустерлицкаго сраж. 1125—1138.
- Куракинъ*, А-й Бор. перев. Озерова въ Лѣсной Деп. 124, геи. прокур. 531, 562, 563, 569; посланъ для принятія тѣла имп. Александра 631, 632; отзывъ имп. Николая 632. письм. къ м. Гавриилу 1641—1646.
- Куракинъ*, кн. Бор. Александр. 59.
- Куракъ*, 1061.
- Курбатовъ*, 2094.
- Куртаны*, село (Тверской губ. Бѣжец. у.), 1482.
- Курдюковъ*, офиц. 1727.
- Курше*, скульпт. 1189.
- Куркинъ*, бунтов. 554.
- Курляндская* губ. 1124.
- Курляндія*, 1275.
- Курнатовскій*, 1221.
- Курскъ*, 1542, 1543.
- Курута*, маіоръ, 1102.
- Курциусъ*, 326.
- Куршаны*, мѣст. 1503.
- Куршидъ*, паша, 593.
- Кустодіевъ*, К. Л., свящ., 758.
- Кутайсова* гр. Анна Петр. 1894.
- Кутайсовъ*, гр. А-ъ Ив. 061, 062. 1894; письма къ б. Левенштерну 1657, 1658.
- Кутайсовъ*, гр. Ив. Пв., 1894, 1923, 1939.
- Кутайсовъ*, гр. (Пв. Ив?), 1894.
- Кутневичъ*, Вас. Ив. оберъ-св. 746.
- Кутузовъ*. См. *Голенцевъ-Кутузовъ*.
- Кушелевъ*, (Гр. Гр.) 23. письма къ м. Гавриилу 1640, 1894.
- Кудды*, равн., 1053.
- Кюзель*, Авг. Ѳеодор. 1042.
- Кюнержъ*, 326.
- Кюрсоръ*, maitre d'hôtel, 821, 822.
- Кюхельбекеръ*, Вильг. Карл. 736, 052, 054, 056.
- Кюхельбекеръ*, лейтен., декабр. 740. * *
- Лабедойеръ* (La Bédouère), 665, 671.
- Лабзинъ*, А-ъ Ѳеодор. 929, 1969.
- Лабома*, 1454.
- Лавальеръ*, г-жа, 849.
- Лаво* (de), 1455.
- Лаврентій*, архим. Хутынский, 196.
- Лаврентій*, архим. Златоустовскій, 1391.
- Лавровскій*, Никол. Алексѣевичъ проф., 1553, 2017—2021.
- Лазаръ*, его бумаги, 75—82.
- Лазранжъ*, ген., 1456.
- Ладанъ*, Ал. Ос., 1042.
- Лажечниковъ*, Ив. Ив. 2101—2103; его братъ 2103.
- Лазаревъ* (Христоф. Іоак), 1973.
- Лазаревъ*, полковн. 1055.
- Лазаревъ*, 1695.
- Лайрицъ*, Пав. герингутеръ, 198.
- Ламартинъ*, любимъ имп. Николаемъ, 641.

- Ламбертъ*, ген. 1147, 1149, 1163.
Ламбъ, ген. л. 1905., 1906.
Лами, худож. 1187, 1189.
Лансдорфъ, 719, 720.
Ланжеронъ, (гр. А-ъ Оед.), 206—208, 303, 1147, 1157, 1159—1161, 1164.
Ланской, Серг. Степ. его записка по крестьян. дѣлу, 1362 — 1376; членъ Общ. посѣщ. бѣдн., 1039.
Ланской, ген., 1169.
Ланской, губерн. Гр. Р. стопчинъ просить защитить его отъ гр. Гудовича, 761, 762.
Ланской, бригад. 856.
Лантини, танц. 1917.
Ланцовъ, Серг., охотн. 1679.
Ланшинъ, Григ. Ив. латинистъ 335.
Ларионовъ, Гер., кречетникъ 1680.
Ларрей (Larrey), бар. 1441.
Ласси, ген. 1802, 1803.
Ласъ-Казз, 659, 660, 663, 668, 700, 702, 784, 786, 837.
Латапи, полковн. 653, 655.
Латкинъ, Вас. Ник., 2004.
Латыши, православные, въ 1841 и 1842 г., 1224 — 1361; личныя права, 1225, 1226; общественн. устройство, 1227 — 1247; поземел. отношенія 1247—1254; церковная обстановка, 1254—1267; организація двор. и дух. сословій, 1267—1279; проводники церков. порядковъ и интересовъ Рос- сѣи въ Прибалт. краѣ, 1279 — 1281; влеченіе къ Православію, 1283—1361.
Лаудонъ, фельдм. 032, 1768—1770, 1773.
Лаутонъ, Карлъ Ив. 1042.
Лафермьеръ, Францъ Гер. 1727, 1728, 2090.
Лачиновъ, 1086.
Лебедевъ, Николъ Андр. 1042.
Левекъ, 843, 1871, 1872, 2020.
Левентауптъ, 742.
Левенштимъ, Вас. Ив. 1042.
Левенштернъ, Карлъ Оед. 1649. 1660.
Левинстонъ, акуш. 773, 775.
Левинъ, Ив. 1755, 1760.
Левуцкій, фотогр. 376.
Левро, 1457.
Легранъ, ген. 1173.
Лейоръ, фабрик. 1189.
Лейбницъ, 5.
Лекенъ, 127.
Лентьево, село кн. Щербатова, 562.
Леонова, Дар. Мих. актр., 354, 355, 356, 360, 362, 364 — 366, 368 — 370, 1145.
Леонтъевъ, Мих. Ив. 1040, 1042.
Леопольдъ, имп. 453, 462.
Леопольдъ, кор. Бельгійскій, 1101.
Лепель, гор. 1155.
Лермонтовъ, Мих. Юр. 352, 354, 054. 1970.
Лескюръ, 025, 026.
Лессенсъ, преф. 1426, 1437.
Лестокъ, стихи на его бракъ, 042.
Лефортъ, Ив. ас., 1753, 1761.
Либау, Андр. Андр. врачъ, 1046.
Либеръ-Волковецъ, дер. 1653.
Ливенъ, граф-ня Шарл. Карл. 444, 446; 943, 944; 1096. 1874, 1900, 1901, 1945.—1948.
Ливенъ, Ив. Ром., 1633.
Ливенъ, кн. (Карлъ Андр.), 313, 314, 626 — 628, 1933.
Ливенъ, кн. Пав. Ив. 1042.
Ливенъ, гр. (Христ. Андр.), 686, 688, 711, 713.
Ливерпуль, лордъ, 652, 654, 790, 792—794.
Липовская, княг. 385, 388.
Ликово, 1166.
Ликъ, Пруск. гор. 222.
Лилъева, (Шифердекеръ), актр., 360.
Линденеръ, ген. м. 553—556, 568, 570 — 575, 1549.
Липецкій, у. 546, 573.
Липранди, Ив. Петр. ген. м. 1553—1559.
Липранди, Пав. Петр. ген. лейт., 383, 384, 017—020, 022, 024.
Лисаневичъ, маіоръ, 560, ген. м. Спб. оберъ-полиц. 1906, 1907, 1913.
Лисенко, 161.
Листеръ, маіоръ. 704, 706—709, 726, 729.
Литвиновъ, 871, 876 — 880.
Литта, адм. 1900.
Лихачевъ, 530.

- Лихачевъ*, офиц., 750.
Лихтенваль, Герм. Генр. 1042.
Лихтенштейнъ, кнг. 427, 436.
Любри, офиц., 1216.
Любановъ, Мих. Евст. 056.
Любановъ-Ростовскій, кн. Дм. Пв. 405, 409.
Любановы-Ростовскіе, кн. ихъ домъ и усыпальница въ Москвѣ, 1395.
Любау, гр. 1165.
(Любковичъ), Австр. послан. 34.
Ловейка, офиц. 234.
Ловичъ, княг. 633.
Логановскій, худ. 073.
Логовщина, помѣщ. 533.
Лоди, пѣвецъ 362.
Лозанна, 75.
Ломоносовъ, Мих. Вас. слова в. кн. Павла объ его кончинѣ, 13; (митр.) Платонъ о немъ 14; в. кн. Павелъ «рецитировалъ» строфу изъ его оды, 23; надгробн. пѣснь, 24; (упом. 331, 332).
Лонинъ, Дм. Ник. 1042.
Лонинъ, Мих. Никол. воспом. о М. И. Глинкѣ, 340—380; объ А. С. Норовѣ, 066—068; о Пушкинѣ, 1063—1068, 1725; въ Общ. посѣщ. бѣдн., 1039; объ Одѣ гр. Потоцкому 1377—1383. уп. 1685; 2063—2065; 2103 (Лажечн.)
Лондонскій банкъ, 1459.
Лондонъ, 1202.
Лопухинъ, Ив. Влад. 536, 552.
Лопухинъ, кн. Петръ Вас. письма м. Гавр. 1647, 1648, 1982, 2098.
Лопухинъ, офиц. 231.
Лопухины, 55, 1926.
Лоранж, герцогиня 1789, 1792.
Лоренцъ, Иванъ, гернгут. 198.
Лористонъ, ген., 1430, 1459.
Лоскутовъ, Иркутск испр. 1979.
Лоусъ, опис. Москвы, 397.
Лубяновскій, О. П., сенат. 1721, 1722.
Лука (Конашевичъ), іер. 578.
Лукашевичъ, его библ. 922.
Лукашевскій, офиц., 241.
Лукіанъ, протоіер. 1110.
Лукники, 1503, 1504, 1506.
Лухъ, село, 1104.
Лытсрево, с. Ярослав. г. 220.
Львовъ, П. А., 762.
Льсковка, дер. 546.
Львовгорская, (Вальдберхова), актр., 1549.
Любенъ, гор., 233.
Люберсъ, бар. 1754, 1755, 1760.
Любомирскій, кн. Ксаверій, 920, 921.
Людовикъ XIV, 206—208.
Людовикъ XVI, 025, 847, 848, 1545, 1546.
Людовикъ XVIII, 665, 670, 1714.
Людовикъ Филиппъ 641.
Лудовикъ, эрцгерц. 392, 395, 411, 415, 419, 422, 427, 436, 466, 469, 502, 503, 506, 507.
Люддекъ, гор., 249, 250.
Люттихъ, 1459.
Лютъенсъ, капит. 833.
Лядовъ, К. Н., капелмейст. 347.
Маасъ, проф. 2020.
Мавромихали, Георгій, 884, 885, 886, 894, 895, 896, 887, 898, 901, 902, 909, 914, 915, 817, 818.
Мавромихали, Констант. 884—886, 889, 897, 909, 914, 918.
Мавромихали, сем., 903, 904, 905, 907, 909.
Мадалина, монах. 1397.
Маглицкій, Мих. Леонт. 323, 344, 623, 624, 1543, губерни. въ Симбирскѣ 1694—1696, 1701, 1703, 1969, 1974, 1975 (его жена 1695).
Мадера, остр. 1035.
Мадонисъ, 57.
Мазена, 1566.
Майборода, пѣвчій 1594.
Майковъ, Аполл. Алексан. 040
Майковъ, Аполл. Никол. 348.
Майноты, 903—905.
Макарій, митр., 1077.
Макарій, еписк. Орловскій 1570.
Макарій, (Долгобородовыхъ), Богослов. мон. 1078.
Макарій, іером. 1645.
Макаровъ, пом., 547.
Макдональдъ, 1428.
(Максимиліанъ, IV Юсифъ), кор. Баварскій, 446.
(Максимиліанъ), пр. Баварскій, 443, 446, 449, 459, 476, 481, 482.
Максимиліанъ, герцогъ. Лейхтенбергскій, 1007,

- 1012, 1015, 1016, 1017, 1035, 1036, 1039.
- Максимъ*, католикосъ Имеретинскій 1628—1631.
- Макшеева*, пом. 533.
- Макшеевъ*, Звениг. городн. 630.
- Малаховскій*, 4.
- Мальхинъ*, Петръ Вас. 2004.
- Малербъ* (de) Антуанъ, аб. 1451.
- Малецкій*, студ. 1214, 1220.
- Малиновскій*, А-й Ѳеодор. 589.
- Малоросіяне*, отзывъ Г. Н. Теплова, 218, 1888.
- Малькольмъ*, 678, 679, 777, 781.
- Мальманенъ*, псевдон. гр. Крейца, 111.
- Малютинъ*, подп., 052.
- Малля*, Бор. Ив. 1046.
- Мамоновскій* полкъ, 02.
- Мамоновы*. См. *Дмитріевы-Мамоновы*.
- Манекины*, маіоры, 46, 51.
- Мансуровскій* полкъ, 42.
- Мансуровъ*, Бор. Павл. 1042.
- Мантейфель*, гр., кирасиръ 1709.
- Мантейфель*, ген. 1747.
- Маньянъ*, Ив. 1761.
- Маратъ*, 306.
- Маргарита*, игум. 1396.
- Марини*, Ант., переводч. 1765.
- Маринъ* (Серг. Никиф.), подпор. 1933.
- Марія Александровна*, Императрица 375.
- Марія-Антуанета*, кор., 393, 519, 848, 849, 1712.
- Марія-Луиза*, имп. 665, 671, 697, 699, 701, 715, 717.
- Марія Терезія* имп. 397, 401, 428, 438, 1806, 1811.
- Марія Николаевна*, в. кн., 98, 379—382; 647, 1017.
- Марія Павловна*, в. кн. 285, 286.
- Марія Ѳеодоровна* имп. въ Дневн. Свитск. офиц. 286; письма къ ней кн. А. Б. Куракина 385—517; путешествіе 518, 519; Павелъ скрывалъ отъ нея видѣніе Петра I, 520, 525; въ пис. Карамзина, 593; въ разсказахъ кн. С. М. Голицына, 632, 633, 635, 636, 638, 639, 693; 14 Дек. 1825 г., 733; Бес-тужевъ и Рылѣвъ под-носятъ ей «Полярн. Зв.» 055; въ рѣчи имп. Ни-колая въ Св. Синодѣ, 747; въ Автобіогр. гр. С. П. Румянцова, 845; въ Павловскомъ двор-цѣ даетъ аудіенцію Фо-тію, 942—944, (уп. 1138); ея благотворите-льн. учрежденія, 1428. (1641.) въ Записк. Саб-лукова 1874—1876, 1878, 1879, 1923, 1932, 1937, 1945—1951, п къ С. И. Плещеву 1951—1953 (упом. 2037).
- Марія Ѳеодоровна*, вел. княгиня цесаревна 031.
- Маркевичъ*, Бол Михайл. (881), 1042.
- Марковъ*, гр. Иракл. Ив. 09; 856.
- Марковъ*, (гр.) Арк. Ив. 112, 864. 866—882.
- Маркусъ*, Мих. Ант. 1044.
- Марлье*, 036.
- Martin*, его библиогр. си-стема, 929.
- Мартинисты*, 852.
- Мартыновъ* 1685.
- Миртыновъ*, Мих. Алек-севичъ, 1042.
- Марцелла*, 601.
- Маршанъ*, камерд. Напо-леона I, 652, 654, 668, 673.
- Масальскій*, ротм., 33.
- Масальскій*, (Петръ Григ.) 056, 1688.
- Масловъ*, ген. м. 49.
- Масловъ*, Ив. Ильичъ, 040, 1039, 1040.
- Масловъ*, Никол. Дм. 1043.
- Масловъ*, Степ. Алексѣв. 061—064.
- Массонъ*, миссъ, 649, 650.
- Матвѣевъ*, гр. Андр. Ар-там. 1735.
- Матрена Даниловна*, шу-товка, 639.
- Маттеи*, 76.
- Матюшкина*, Анна Алек-сѣвна 24.
- Матюшкинъ*, (Дм. Мих.), 18.
- Мацневъ*, (Вас. Осип.), 182. 183.
- Мелорскій*, Е. свящ., 764.
- Медвѣева*, пом., 533.
- Медвѣевъ*, 863.
- Медвѣдь*, Михаилъ, еса-улъ, 1082—1088.
- Медеръ*, актеръ, 290.
- Межовъ*, Влад. Изм. 927—932, 934.
- Мезонъ*, ген., 1165.

- Мей*, 1790, 1792.
Мейндорфъ, 221, 222.
Мейндорфъ, бар. 1280, 1358.
Мейперсъ, проф. 2020.
Мейербергъ, музык. 343, 348, 1142, 1144.
Мейеръ, Дм. Ив. 042.
Мелиссинъ, (два брата), 28.
Меллеръ, Ѳеодор. Ив. 1044.
Меллеръ-Зикомельскій, б. (Ег. Ив.?) 1659, 2092.
Мельмуновъ, А-й Петр. 4, 5, 8, 28, 33, 43, 59, 1633, 1831, 1837.
Мельмуновъ, Ник. Ал., 036. 2005.
Меньшикова, кн. Екат. Никол 1067.
Меньшиковъ, кн. А-ъ Дан. 634, 1067, 1462, 1473, 1748, 1756, 1757.
Меньшиковъ, кн. А-ъ Серг. 390, Вост. война, 018, 019, 020, 022, 751, 754, 758, биограф. очеркъ, 1067—1076.
Меньшиковъ, кн. Серг. Александр. 20, 1067, 1068.
Минстербергъ, 1770.
Меркель, Гавр., 033.
Мердеръ, Карлъ Карл. 1558.
Мерсье, гр. 1864.
Мертваго, Бор. Дм. 1661.
Мерфельдтъ, г-жа, 385, 388.
Мессершмидтъ, А-ъ Егор. 1046.
Местръ, гр. 613, 1712.
Метакса, гр. Андр. 905.
Метишевскій, Филиппъ, полков. 1222.
Меттернихъ, кн. 418, 419, 422; 664. 670.
Мещериновъ, ген. 1170.
Мещерскій, кн. Петръ Серг. об. прок. Синода, 742. 1266.
Меводій, еп. Воронежскій 1635.
Миквицъ, Ѳеодоръ Дм. 1044.
Миклашевскій, Мих. Ос. 1043.
Микульшинъ, прап., 1476.
Миличъ, гор., 230, 232.
Миллеръ, акад., письма Порошина, 72—74 (уп. 331).
Миллеръ, о Кіевскихъ пещ. 036.
Миллеръ, Никол. Алексан. 1043.
Миллеръ, Эрн. Логин. 1044.
Милорадовичъ, гр. Мих. Андр. 175, 03, 04, 05, 07, 08, 09, 010; кончина, 735. 1727 (1169).
Мильярдъ, Мих. пасторъ, 578—581.
Милютинъ, Дм. Алексѣевичъ, ген. адъют., 1055, 1056.
Минихъ, фельдм., 20, 25, 28, 44.
Минихъ, 32, 59.
Минкина, Настасья Ѳеодор. 1475, 1483, 1899.
Минскъ, гор., 1151—1154, 1157, 1174.
Минлевъ, пѣвчій 1709.
Митава, 1124, 1342.
Митрополя, игум. 1396.
Миттендорфъ, ассес. 878, 879.
Митусовъ, вице-губер., 559, 560, 573, 574.
Михаилъ, митроп. 1115.
Михаилъ Николаевичъ, великій князь, 647.
Михаилъ Павловичъ, в. кн., въ письм. кн. Буракина 391, 394, 432, 441; ему посвященъ 2 й вып. «Карманнаго Словаря», 042, его невѣста, 958; 647; 14 Дек. 1825 г., 731, 732, 736, 050. письма къ б. Левенштерну 1654. 1655.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 749.
Михайловъ, Андрей 1104.
Михайловскій, Вас. свящ. 038.
Михайловскій, Варш. польскій шляхт. 032.
Мицкевичъ, 362.
Міаулисъ, 899, 900.
Млава, 223.
Млины, мѣст. 1722.
Могилатовъ, Никол. Петр. 1043.
Могилянскій, 1688.
Можайскъ, гор. 1431.
Мозырскій повѣтъ 1565.
Мозырь, гор. 1153.
Мойеръ, Марья Андр., 1385.
Мойеръ, Ив. Филип., 1385.
Моллеръ, адм. 052.
Молоствовъ, 239, 262.
Молчановское, дѣло 1692.
Молчановъ 2069.
МОНАСТЫРИ.
Александро-Невская Лавра 644, 932, 934, 1114, 1614 1626 1890.
Алексѣевскій, (женскій), въ Москвѣ, 1396, 1397.
Александровскій, 202.
Андроневъ, въ Москвѣ, 1391.
Бородинскій, 1452, 1453.
Богородичный (старообрядческій), 1606.
Богословскій, 1076—1080.

- Богоявленскій*, въ Москвѣ, 1389, 1390.
Вознесенскій (женскій) въ Москвѣ 1394.
Высокопетровский, 1630.
Георгиевскій, (женскій), въ Москвѣ 1396.
Далматовъ, 1571, 1616.
Даниловъ, въ Москвѣ, 1392, 1393.
Деревяницкій Новгородскій 1462.
Девичій, въ Юрьевѣ. 1396.
Законоспаскій, 1387. 1388.
Зачатейскій въ Москвѣ, 1397, 1398.
Златоустовъ, въ Москвѣ, 1391.
Знаменскій, въ Москвѣ 1105.
Ивановскій (женскій), въ Москвѣ, 1394.
Ипатьевскій, 749. 751.
Кирилловъ, Бѣлозерскій, 1617.
Кіевобратскій, 1105.
Корсунскій, 1607.
Крестовоздвиженскій, въ Москвѣ 1393, 1394.
Крестиненскій, *Бернардинскій* 1506.
Никитскій, въ Москвѣ 1396.
Николаевскій *Греческій*, въ Москвѣ 1388, 1389.
Новинскій, въ Москвѣ, 1388.
Новодевичій, въ Москвѣ, 1389.
Отенскій *Новгородскій* 1617.
Псково-Печерскій 1262.
Покровскій, въ Москвѣ 1391
Полоцкій *Богоявленскій* *Пыскорскій* 1616.
Рождественскій, (женскій), въ Москвѣ, 1394—1396.
Ростовскій *Борисоглыбскій*, 1105.
Санакарскій, близъ Темникова 1628.
Симоновъ Петра, на Афонѣ, 1609.
Симоновъ, въ Москвѣ 629.
Соловецкій, 1571.
Спасо Евѣимьевъ, въ Суздалѣ, 1618, 1637, 1638.
Спасскій, въ Астрахани 1631.
Страстной. въ Москвѣ, 1398, 1399.
Тихвинскій, 1592.
Троцко-Серіева Лавра, 1392.
Цывеука Пустынь, 535.
Чудовъ, 1087, 1392.
Монацкій, бунтов. 538.
Монбельаръ, 1459-
Монтебелло, г-жа, 665, 671.
Монтебелло, герц. 1543.
Монтолонъ, гр. и графиня, 652—657, 659. 660, 667, 673, 680, 681, 686, 687, 689, 691, 692, 698—701, 715, 717, 721—724, 726, 727, 777, 778, 779, 781—785, 787—789, 793—798, 800—802, 806—808, 822—825, 829, 830, 832, 838.
Моншеню, марк. 668, 673, 698, 700, 708, 709, 711, 724, 727, 729, 730, 777, 779, 781, 783, 785, 787, 790, 791, 796—798, 800, 811, 812.
Мопертюи, лейт. 1462.
Моравія, 1128.
Моранъ, ген. 688, 691.
Мордвинова, Ек. Александр., 1869.
Мордвиновъ, Михаилъ г. 1869.
Мордвиновъ, Сем. Пв. адм. 37.
Мордвиновъ, Сем. Александр. 1043.
Мордвиновъ, графъ Никол. Сем. 1682, 1690.
Морицъ Саксонскій, 032.
Моро, ген. 253, 258, 259.
Морозовъ, 564, 566, 571.
Морочанинъ, Петръ, св. 737, 740.
Морошкинъ, Ѳедоръ Лук. 042.
Мортъе, марш. 1414, 1437.
Москва, Прегулка 1191—1208; Англ. клубъ 182, 1206; Арбатъ 1411, 1413 Боровицкіе ворот 1441. Бѣлый гор. 1436, Варварка 1416, Владим. застава 1409. Воронц. поле 1413, Воскресенск. ворот. 1436, Воси. домъ 1428, 1437, 1439, 1440. Городъ 1410, 1411, 1413, 1435; Гост. Дворъ 1412. Дорогом. заст. 1409, 1411; Ив. Великій 1437, 1438. Калужская улица 1398. Калужск. вор. 1437. Кам. мостъ 1441. Китай гор. 397. Красная пл. 1449, Красносельская улица 154. Крас. вор. 1413, Кремль 252, 397, 1193, 1194, 1388, 1390, 1407, 1408, 1410, 1424, 1429, 1427, 1437, 1441. Крым. мостъ 1397, 1398; Кузн. мостъ 1195, 1445. Купечество 629 1435. Лубянка 1421, 1445; Мед. Акад. 1424. монастыри 1387—1399. Мясниц. ул. и вор. 1419—1421. Никольск. ул. и вор. 1407, 1424,

- 1435, 1438. Нѣм. слобода 1406. Ольховцы 153—157, 171, 172. Павлов. больница 7. Петровка 1445. Петров. дворець 1413, 1414, 1420. 1414. Покровка 1411, 1420, Пречистенка 1413, Пруды 154, 1205. Пятниц. ул. 1412. С. Петербургск. застава 1421. Слобод. дворець 170, 183; Сокольничье поле 154; Солянка 1410, 1411; Софійка 1446 Столѣшник. переул. 1445 Тверская ул. 1389, 1413, 1436, 1445. Тверск. бульварь 1198. Театры 1204, 1205, 1455, 1708. Универс. 1858. Француз. колонія, 1459, 1460. Якиманск. ул. 1412, Яузская ул. 1411. Яуз. мостъ 1411. Сходство съ Прагой 252. Описание, изд. въ Лондонѣ 029; пребыв. Фуанцузовъ 1405—1462. 2021—2023; упом 1104, 1365, 1379, 1380.
- Мотонисъ* Николай, Гадяцк. депутат. 2060.
- Моцартъ*, 359, 378, 1139. 1709.
- Мошинскій*, 1212—1215, 1217—1220.
- Мошкова*, Агрип. Алексѣвна, 579.
- Мошковъ*, П. П., гофъ-ин. 579.
- Музовскій*, Никол. Вас. духовн. Ихъ Величествъ 746.
- Мундтъ*, Никол. Петр., 1043.
- Муравьева*, А-а Гр., 595.
- Муравьева*, Екат. Ѳедор., 595.
- Муравьева*, Алекс. Мих. 1869.
- Муравьевъ*, Андр. Никол.; 96. 1689.
- Муравьевъ*, Мих. Никит., 1191.
- Муравьевъ*, гр. Мих. Никол., 1869.
- Муравьевъ*, Никит. Мих. 595. 054. 1948.?
- Муравьевъ*, Никол. Мих. 1043.
- Муравьевъ*, г. маіоръ, (Никол. Никол.) училь русскому языку невѣсту вел. кн. Константина Павл. 1102,? 1869.
- Муравьевъ*, (Карскій), Николай Никол. 241, 254, 299, 1869.
- Муравьевъ?*, 1469.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. А. Ив. об. прок. Синода, 1110.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. А-й Ив. 1043.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. Валент. Плат. фельдм., 43, 45, 51, 56, 208.
- Мусинъ-Пушкинъ*, Мих. Никол., 324.
- Мутонъ*, Франц., 016, 936, 1401, 1446.
- Муханова*, Нат. Александр., 1884.
- Мухановъ*, А-ъ Ильичъ капит., 1884.
- Мухановъ*, Серг. Ильичъ 643. 1920, 1932, 1945. 1946, 1947, 1948.
- Мухортовъ*, Зах. Никол. 1039, 1041.
- Миценскъ*, гор., 953.
- Мюллеръ*, Ив. ас. 1748, 1760, 1766.
- Мюратъ*, 06. 07, 1388, 1407, 1411.
- Мюррей*, 035.
- Мюррей*, Амелія, 027.
- Мяковъ*, Никол. Дм. 1043.
- Мяновскій*, Осип. Игнат. врачъ, 1046.
- * * *
- Набоковъ*, Петръ Ив. 1043.
- Набоковъ*, 20, 30.
- Навляя*, 910—912.
- Нагаевъ*, 42.
- Нагель*, Б. И., 317.
- Надиръ*, шахъ, 46.
- Назарета*, монах. 1398.
- Назарьевъ*, П. А., учит. 309.
- Наполеонъ I*, имп., въ запискѣ князя Куракина, 1127—1131, 1133, 1135, 1136; въ 1807 году, 412, 415, 418, 421, (въ р. церкви въ Парижѣ его поминали 631); нашествіе на Россію, 181—184; 04, 011, 015, 016, 227, 236; письма изъ Россіи, 028, 029; письма къ нему им. Александра, 609, 611, 613 (пристрастіе къ нему гр. Н. П. Румянцева, 614), 1148—1156, 1158, 1164, 1165, 1168, 1174, 1208—1210, 1401—1404, 1409—1411, 1413—1415, 1424. 1426, 1428, 1429, 1431—1434, 1436, 1438, 1443, 1448, 1451, 1453, 1454, 1457—1460, 1466, 1467, (1550—1552); въ 1813 году, 247, 249,

- 266, 282, 284, 291, 298, 300, 304; на о-въ св. Елены, 647—731, 758, 765—838; упом. 1063, 1069, 1446, 1684, 1686 импер. Павелъ вызывалъ его на дуэль 1293 (1948).
- Наполеонъ III**, 757.
- Нарбоннъ**, гр, 610, 612, 613.
- Нарбуты**, мятежн., 1514.
- Нарва**, гор. 1735.
- Нартовъ**, Андр. Андр. 2020.
- Нарышкина**, Анна Никит. зап. къ ней и-цы Екате- ринъ, 193—195; услуги ея Екатеринъ, 195; 845, 854.
- Нарышкина**, Марія Павл. п. къ С. А. Колычеву, 213—215; въ п. Г. Н. Теплова, 218.
- Нарышкинъ**, А-тъ Алек- сандр., 193, 194, 845, 866.
- Нарышкинъ**, А-тъ Льв. ди- рект. театровъ, 130, 131, 141, 142, 150, 151, 2029—2032, 2036—2039, 2041.
- Нарышкинъ**, Дм. Ив. 363.
- Нарышкинъ**, Ив. 467, 470.
- Нарышкинъ**, Сем. Кир. егерм. 213.
- Нарышкинъ**, Эм. Дм. 1043.
- Нарышкинъ**, адъют. Вин- ценгероде, 1462.
- Насъдкинъ**, свящ. 1634—1636.
- Наталія Алексъевна**, в. кн., 206, 843, 844.
- Наумовъ**, Ив. Григ. 842.
- Наумовъ**, фельдъег. 569, 572.
- Наурузовъ**, кн. Кабар- динскій, 1050.
- Находкинъ**, Моск. голо- ва, 1425, 1426.
- Начи**, село, 1563.
- Нащокинъ**, Пав. Воин. п Пушкина, 1065—1068; крестиль у Пуш- кина сына 1066, 1067. (1726).
- Неаполь**, 1133.
- Нееловъ**, о Бород. битвѣ, 063.
- Ней**, 665, 671, 063.
- Нейбеверсгофъ**, помѣстье, 1334, 1336; безпорядки, 1343; экзекуція, 1352.
- Нейгаузенъ**, помѣстье, 1334.
- Нейдгардтъ**, ген., 297, 302, 734.
- Нейлантъ**, Яковъ, 1315.
- Нейсъ**, крѣп., 1770.
- Некрасовъ**, Никол. Алек- сѣев. 1043.
- Нелединскій — Мелецкій**, Юр. Александр. 1646, 1647.
- Нелидова**, Екат. Иван. 393, 396, 414, 416, 432, 433, 441, 444, 446, 1875, 1879, 1916, 1917, 1918,
- Нелидовъ**, ген. 1900.
- Нелюбовская**, -дер. 533.
- Неплюева**, Анна Гр. 217.
- Неплюевъ**, Д....., п къ м. Гавріилу 1649.
- Неплюевъ**, Сем. Алексан. 217, 218.
- Нероновъ**, полк., 49.
- Несвижъ**, гор. 1154.
- Несецкій**, писат. 1722.
- Нессельродъ**, гр. (Виль- гельмъ), 212, 854.
- Нессельродъ**, гр. Карлъ Вас. (камплеръ), въ письмѣ и. Александра къ гр. Н. П. Румянцо- ву, 609, 611; Вост. вой- на, 755 757. 758; (уп. 823—825, 838.) началъ службу въ конной гв. 1870; въ п. Сперанск. 1982.
- Нестеровичъ**, перев. 615, 620, 628.
- Нестеровы**, 167.
- Неудачинъ**, 1971.
- Нечаева**, 3.
- Нечаевъ**, Ив. Ив., 3.
- Нечаевъ**, Ст. Дм. об. пр. Синода, 739, 743, 744, 746, 749, 750.
- Нешторкевичъ**, Вик Ва- лент. 1044.
- Нидерланды**, 1459.
- Нижне-Ковыльская**, кр. 1650.
- Нижнеудинскъ**, гор. 1980.
- Нижскій-Новгородъ**, 1447, 1456, 1683.
- Никаноръ**, митр. 1025.
- Никита**. Прокофьевъ, бѣг- лый 547.
- Никитенко**, А-тъ Вас. 332, 337, 338; (1033, 1039—1041).
- Никитинъ**, ген., 062.
- Никифорова**, помѣщ. 547.
- Никифоръ**, еписк. 1108.
- Никифоръ**, архіеп. Славен- скій 1597—1599.
- Никодимъ**, архіеп. 1585, 1586, 1626.
- Никола**, Жанъ-Батистъ, аб. 1451.
- Николаи**, бар., 1877, 1895.
- Николай Александровичъ**, цесаревичъ, 1373.
- Николай Павловичъ**, имп. въ изд. Запис. Пороши- на, 2; милостивъ къ

- Жуковскому, 102, 103; въ 1-й Спб. гимназіи 313; въ письм. кн. Куракина, 432, 441; крест. движеніе, 577; соизволеніе на напечатаніе буллѣ, къ сочиненію Коцебу, 626; рассказы кн. С. М. Голицына, 631, 632, 641; въ пис. Жуковскаго, 647; 14 дек. 1825 г., 731—736, 049—051; посвящаетъ св. Синодъ 739—752; Испанецъ Видалъ о немъ 755, 757, 758; Н. А. Дивовъ подноситъ Румянц. бумаги 840; Кавказ. дѣла, 987; учрежденіе общ. пос. бѣдныхъ, 1028, 1030; принимаетъ на службу кн. А. С. Меншикова, 1071, 1072; (упом. 1187, 1218, 1463, 1557) Прибалт. дѣла, 1295, 1310—1312, 1319, 1323, 1325, 1327, 1329, 1333, 1335, 1337, 1339, 1340, 1343, 1346—1348, 1353, 1358; записка къ Аракчееву, 1479; Пол. мятежъ 1831 г., 1485—1487, 1489—1492, 1494, 1495, 1498, 1499, 1505, 1507, 1512, 1516, 1517, 1528—1530, 1533, 1535—1540, 1557, 1558; кончина, 355. уп. 1900, 1927.
- Никольское*, село, 546, 558.
- Никольское (Желтухино)*, село, 1084, 1085.
- Никольск*, кап. 804, 809, 813, 814, 833.
- Никонъ*, патр. 527.
- Никонъ*, архиманд. 629.
- Нилусъ*, ген. лейт. 1642.
- Ниротъ*, бар., вице-презид. Камеръ Коллег., 1734, 1735, 1744, 1760.
- Новаковский*, Ант. Игнат. 1043.
- Новемясто*, мѣст., 1512, 1515.
- Новиковъ*, Никол. Ив. 532.
- Новиковъ*, Евг. Пет. 1043.
- Новицкій*, Юсифъ, 1222.
- Новосельскій*, Никол. Александр., 1043.
- Новосильцевъ*, Никол. Никол., 1070, 1509, 2020.
- Новый Свержень*, 1154.
- Нодье*, Карлъ, 606.
- Нолькенъ* (фонъ), б. Фридрихъ, Швед. посолъ 113, 115—117. его жена 115.
- Нонна Паннопольскій*, 323.
- Нордгеймъ*, скульпт. 647.
- Нормандецъ*, Испанскій посл. 211, 212.
- Норовъ*, Авр. Серг. 056; его библіотека, 064, 065; черта изъ его жизни, 066—068; Памяти его, 067—074; помощн. печ. Человѣк. Общест. 1025, 1029; отзывъ кн. В. О. Одоевскаго, 1025. его статья о Войнѣ и Мирѣ 1713.
- Норовъ*, Никол. Никол. сенат. 352.
- Носовъ*, актеръ, 042.
- Носовъ*, Ѳеодоръ, 1604.
- Нотбекъ*, повѣр. въ дѣлахъ въ Швеціи, 878, 879.
- Нуммерсъ* (фонъ), Лифл. помѣщ. 1336.
- Оберкирхъ*, бар-са, 518—520, 524—526.
- Обертъ*, Карлъ Стан. 1041. 1043.
- Оберъ*, 350.
- Оберъ*, Ѳеодор. Никол. 351.
- Оберъ-Шальме*, г-жа, 1414, 1415, 1453, 1454.
- Ободовскій*, Плат. Григ. 056. 1043.
- Оболенская*, княг. Агрип. Юрьевна 284.
- Оболенскій* кн. А—ъ Петр. 284.
- Оболенскій*, кн. Андр. Петр. 590, 761.
- Оболенскій*, кн. Дм. Александр. 1013, 1043.
- Оболенскій*, Евг. Петр. декабристъ, 731, 735, 052; его записки, 053, 054; замѣтка 1727.
- Оболенскій*, кн. Мих. Андр. 72, 74; 1076—1082.
- Оболенскій*, кн. Никол. Серг. 1137.
- Оболяниновъ*, Петръ Хрисанов., 1894, 1930, 1931, 1932, 1936.
- Обрьковъ*, Алексѣй Мих. 18.
- Огаревъ*, пом., 533.
- Огонь-Догановскій*, поруч. 1218.
- Оде-де-Сюнг*, А—ъ Карл. 1039, 1040.
- Оденне* (Дерптскаго у). 1333.
- Одинецъ*, унт. оф., 1219.
- Одоевскій*, кн. А—ъ Ив. 052, 054.

- Одоевскій*, кн. Влад. Федор. его прим. къ письмамъ М. И. Глинки, 341, 342, 344, 346 — 348, 1137; предс. Общ. посѣщ. бѣдн., 1005, 1008 — 1010, 1013—1016, 1018, 1019, 1024—1039; посѣщ. М. И. Глинку въ Берлинѣ, 1141. на вечерѣ у Плетнева 1667.
- Одоевскій*, кн. Ив. сенат. 740.
- Озерецковскій*, протоіер. 1644.
- Ожаровскій*, гр. (Адамъ Петр). ген., 257.
- Озерова*, мать писателя, 135.
- Озеровъ*, А—ъ отецъ писателя, 123, 125, 134, 135.
- Озеровъ*, А—ъ Петр. 1043.
- Озеровъ*, Владисл. Александров. 123—125, п. къ А. Н. Оленину, 126—151; къ Ф. А. Голубцову, 151, 152. докладъ о Поликсенѣ 2029—2032; замѣч. кн. П. А. Вяземскаго 2032—2045.
- Озеровъ*, П. П. 104, 106.
- Озерскій*, А—ъ Дм. 1043.
- Озерскій*, полков. 1216.
- Ознобишинъ* (Д. П?), писатель, 058.
- Ознобишинъ*, Ив. Ильичъ, 1043.
- Окель*, Петръ Федор. врачъ, 1044.
- Окель*, Федоръ Петр. врачъ, 1046.
- Околинскій*, писат. 1722.
- Оксенштирнъ*, гр. 112.
- Оленина*, Варв. Алексѣевна, 731, 735, 1191.
- Оленина* Елиз. Марк. въ п. Озерова 129, 132, 138, 141; ея письмо о 14 Дек. 1825 г., 731, 732.
- Оленинъ*, А—й Никол. п. къ нему Озерова, 123—151; п. о 14 Дек. 1825 г., 731 — 736, 049—053; 1727; свѣдѣнія о немъ, 734, 735; отн. къ Батюшкову, 1191.
- Оленинъ*, Григ. Никан. 731.
- Оленинъ*, Никол. Алексѣев. 133, 135.
- Оленинъ*, Петръ Никол. 732.
- Оленины*, 762.
- Омзаръ*, 1211, 1214, 1219.
- Оминъ*, сочинитель, 056.
- Омицъ*, Петръ Ив. ген. анш, 8, 16.
- Олсуфьевъ*, Адамъ Вас. 28, 38.
- Омыа*, (Зайцева), игум. 1396
- Омыа Николаевна*, в. кн. 97, 98. 647; 106, 757.
- Ольдеконъ*, ген., 301.
- Ольсинъ*, 924—932.
- Ольсяды*, мѣст., 1505.
- О'Меара*, докторъ, 658, 659, 677—681, 685—693, 695—677 704—706, 708 — 714, 716, 721 — 724, 726, 727, 729, 730, 769 — 772, 784 — 786, 793, 795, 817, 818.
- Онега*, гор. 1633.
- Опочининъ*, К. П. 1013.
- Опошень*, мѣст. 1722.
- Оранскій*, пр. 027.
- Орель*, гор. 553.
- Оренбургская*, губ. 1687.
- Орлова*, гр. Анна Алексѣевна, убѣжд. Фотія написать Записки, 929; ея домъ въ Спб. 931, 935, 941; и-ца Марія Θεод. и гр. Ливенъ благодарятъ ее за случай видѣть Фотія, 944; п. къ вей кн. А. Н. Голицына, 943—958.
- Орловскій*, офиц., 244, 258, 259, 261, 263—265, 267, 269, 275, 280, 285, 288, 290, 295, 296, 299, 302.
- Орловъ*, гр. Алексѣй Григ. верховная ѣзда, 60; 1889, 1890, 1891.
- Орловъ*, кн. Григ. Григ. 5, 7, 11, 12, 16, 15, 17, 20, 21, 26, 34, 36, 41, 43, 44, 60, 64; п. къ нему Порошина, 64, 65, 199; пригл. Руссо въ Россію, 581—584; въ автоб. гр. С. П. Руминцова, 842.
- Орловъ*, Мих. Федор. флигель-ад. 1169.
- Орловъ*, (кн. Ник. Алексѣев?) 1945.
- Орловъ*, гр. въ п. гр. Ростопчина 759.
- Орловъ-Давыдовъ*, гр. (Анат. Вл.) его п. о вз. Шамяля, 1045—1063.
- Орловы*, 196, 208.
- Орреръ*, 1419, 1422.
- Орукъ*, ген., 1149, 1153, 1175.
- Орша*, 1716.
- Осиновъ*, Андр. 532, 533.

- Осокинъ*, А-ъ Гавр. 1043.
Осинъ-Юртъ, аулъ. 968.
Остенъ-Сакенъ, бар.
 Карлъ Пв. 6, 20, 28, 52.
Остенъ-Сакенъ, ген.,
 1093, 1874.
Остенъ-Сакенъ, гр. Фаб.
 Вильг. 1151. 1653.
Остервальдъ, 6—8, 12—
 14, 26, 33, 35, 38, 39.
Остервальдъ, Пв., секрет.
 1749, 1760, 1766.
Остергарденъ, Михайлъ,
 курьеръ 1765.
Остерманъ, гр. Андр.
 Пв. 122. 1764.
Остерманъ, гр. Пв. Ан-
 дреев. вице-канцл. 120,
 122, 123; 852, 867,
 872; въ п. гр. Ростоп-
 чина 759, п. къ митр.
 Гавриилу 1639.
Остолоповъ, (Н. О?), 056.
Островскій, писатель,
 039, 1141.
Островъ, село 955.
Острогъ, г. 1716.
Отроценко, Евдок. Алек-
 сандр. 1223.
Отроценко, ген. ад.,
 1207—1223.
Отто, Фсдоръ Пв. врачъ,
 1046.
Обфенбергъ, бар. Фсд.
 Петр., 1708.
Очкинъ, Амилій Никол.
 1043.
Ошмяны, 1510.
Павелъ, архим. 198.
Павелъ (Пономаревъ),
 архим. 1109.
Павелъ, келейный, 198.
Павелъ I (имп.), 951;
 дѣтская его жизнь 1—
 66; записка къ Амбра-
 занцову 66, 67; словесн.
 упражненія, 67, 68; въ-
 домости о немъ, 68—72;
 служба и жизнь при
 немъ, 165—172; въ п.
 Екатерины 209; въ п.
 кн. Куракина, 391, 394,
 407, 408, 410, 411, 419,
 423, 432, 441, 456, 466,
 500, 504; видѣніе ему
 Петра I, 517—526; крес-
 тьянск. дѣ. 525—577;
 рассказы кн. С. М.
 Голицына, 633, 634,
 639 — 644; въ п. гр.
 Ростопчина 759. 765;
 въ автоб. гр. С. П. Ру-
 мянцева 843—845; въ
 п. Герм. принцессы
 1091, 1092 (1102); мни-
 мое его пожалованіе
 арх. Ириню аксельбан-
 товъ, 1103, 1115—1123,
 1138, 1275; расположе-
 ніе къ архіеп. Ириню,
 1112, 1113; рескрипты
 къ нему, 1125, 1126;
 Казан. Соборъ, 1111;
 бракъ съ Марією Фсд.
 привлекъ въ Рос фран-
 цузовъ, 1459; даруетъ
 Грузино гр. Аракчееву,
 1462; воспоминаніе о
 немъ гр. Аракчеева,
 1468; память о немъ въ
 Грузинъ, 1473, 1475—
 1477, 1479, 1482; (упом.
 1549); рапортъ ему о
 православіи въ Мин-
 ской губерніи 1559 —
 1566, его рескрипты м.
 Гавриилу 1589 — 1596
 (1634 — 1636, 1639,
 1642, 1646—1650) его
 приписка къ чину ко-
 ронованія 1640, 1641.
 (1727) упом. 1845. Вос-
 пом. о его времени
 1889 — 1951; въ письмѣ
 имп. Маріи Фсдоровны
 1951—1953.
Павловскій, Адамъ, свящ.
 1499, 1500.
Павловскій, еписк., 1535.
Павловскъ, близъ Петер-
 бурга, 391, 394; его
 сады 1384. (1878, 1879.
 1923, 1949, 1950.
Павловъ, Никол. Пв. 1043.
Павловъ, Никол. Филип.
 въ п. М. И. Глинки,
 363; его романъ, 364,
 372.
Павскій, протоіерей, 311.
Паленъ, (урожд. Ше-
 пингъ, Ульяна Пва-
 новна), граф., 1901.
Паленъ, б. Матв. Пв.
 Лиол., Эстл. и Курл.
 ген. губ., 1249, 1275—
 1277; прав. Латыш. въ
 1841 и 1842 г., 1278,
 1284—1287, 1292, 1294,
 1295, 1304, 1310, 1313,
 1314, 1317—1324, 1328,
 1329, 1333, 1335, 1337
 —1346, 1348 — 1353,
 1357, 1358, 1360; учас.
 въ усмирении Пол. мя-
 тежа, 1486 — 1488,
 1491 — 1293, 1495—
 1497, 1499, 1500, 1502
 —1505, 1507, 1508,
 1512—1514, 1515, 1517,
 1521, 1525—1527, 1531,
 1532, 1535, 1537, 1538,
 1540.
Паленъ, гр. (Пав. Петр).
 272, 273, 1149, 1152,
 1171.
Паленъ, (Петр. Алексѣв.).
 гр., Пб. ген. губ., 1124.

- 1900, 1901, 1906, 1907, 1908, 1913, 1923, 1929, 1931, 1947.
- Паленз*, гр., пред. ком. о Лифл. крестьян., 1358.
- Палены*, 1280.
- Палицинз*, 2021.
- Пальминз*, проф., 335.
- Панаевз*, (Влад. Иван.?), 056.
- Панаевз*, Ив. Ив., 1039.
- Панина*, гр. Марья Род.? 6, 12.
- Панинз*, гр. Викт. Никит.; у него бумаги гр. Н. И. Панина, 2; его наставникъ, 317; мин. юст. 1244, 1245.
- Панинз*, гр. Никит. Ив. Порошинаъ даетъ ему свои Записки, 2; не возвращаетъ ихъ, 2, 61; въ сихъ Запискахъ, 4—45, 48 — 53, 55 — 61; удаление Порошина, 62, 63; управ. Коллегіею Иностран. дѣлъ 423; п. Г. Н. Теплова, 218; отзывъ Н. А. Саблукова 1876, 1877.
- Панинз*, гр. (Ник. Петр.), 1900.
- Панинз*, гр. Петръ Ив. 6, 10, 13—17, 19, 21, 24, 27, 29, 31, 33, 34, 37, 40—42, 47—50, 52, 57; смерть Порошина 66; жертвуетъ рекрутъ. 208.
- Панины*, гр. 1649.
- Пановз*, поруч. 049, 051.
- Панскіе Бугры*, въ Нижнемъ 1683, 1685.
- Парижз*, 1446, 1455.
- Пармантье*, проф. 2018.
- Партиносз*, Андр. 895, 897, 909, 918, 919.
- Парфеній*, игум., 1078.
- Парфеній*, архим. 1393.
- Пассовз*, профес. 316.
- Пастуховз*, 4, 16.
- Пастуховз*, 851.
- Патроцкій*, писат. 1722.
- Паули*, Ив. 1746, 1747, 1760.
- Паулуччи*, марк., 033.
- Паціентовз*, Евг. Петр. 041.
- Пашино*, П. И., 933.
- Пашкевичъ*, О. 1183 — 1192.
- Пекарскій*, Петръ Петр. 041, 922.
- Пеликанз*, Евг. Венцес., 1046.
- Пеликанз*, 1509.
- Пеллионз*, подп., 890, 891, 896, 902, 903.
- Пемброкз*, мил. 431, 440.
- Пемброкз*, мил. 846.
- Перекусигина*, Марья Сав. 218.
- Перервинская*, семинар. 1105.
- Переяславль-Зальскій*, 547, 1625.
- Пермь*, г. 1364, 1687.
- Перовскій*, (Погорѣльскій), А-й Алексѣев. 340.
- Перовскій*, гр. Левъ Алексѣев. 221, 223, 248, 254; его слова о кн. А. С. Меньшиковѣ, 1075; мин. вн. д. 1235, 1359.
- Персонз*, Ив. Ив., 2005, 2006.
- Перфильевз*, 16.
- Перцовз*, Никол. Петр. 1040, 1043.
- Першеренз*, дѣвица, 1442.
- Пестель*, (Ив. Бор.), 1966, 1978, 1981, 1982.
- Петергофз*, 1923.
- Петрова 1-я*, А. Я., актр. 342, 344, 345, 1668.
- Петрова 2-я*, Анюса, актр. 344.
- Петрово-Соловова*, Мих. Федор. 1043.
- Петровскз*, гор., 547.
- Петровз*, Конст. егеръ 1679.
- Петровз*, Матв. охотн. 1679.
- Петровз*, Мих. охот., 1679.
- Петровз*, Ос. Аѳ., пѣвецъ 342. 354.
- Петръ Ивановичз*, свящ. 1394.
- Петръ Великій*; храбрость, 5; въ вѣдомости о в. кн. Павлѣ Петр. 68, 70; въ Парижѣ, 59; похвала Озерова, 149; его изображеніе, 040; видѣніе Павлу, 517 — 562; заходитъ въ раскол. церковь, 629; запрещ. хоронить въ колодахъ, 629; кончина, 634; св. Синодъ; 741 — 744; упом. въ автоб. гр. С. П. Румянцова. 850; записанъ въ Синод. Богосл. мон. 1077. 1080 (упом. 1082); положеніе о занятіи церковно-служительскихъ мѣстъ, 1083; молотокъ и песоч. часы въ Сенатѣ 1739, жалуетъ кн. Меньшикову Грузино, 1473; Мазепа и Искра, 1566; (упом.

- 1320). Духовн. Реглам. 1574—1577; молебствія о Чесменской побѣдѣ 1596, 1597. присяга пноземцевъ, 1729 — 1766; уш. 1775, 1777, 1779, 1881.
- Петръ II*, имп. 077, 078. роспись его охоты, 1675 — 1681.
- Петръ III*, имп.. Кантата, на его праздникъ, 042; запрещ. Екатер. бю-хать табакъ, 641, 642; отношенія къ ней, 642. Перенесеніе останковъ, 644, 1890; воспом. о немъ Троицкаго старца, 1180; указы его 1377. упом. въ п. гр. И. Г. Черныш. 1805, 1806 — 1812, 1825, 1828, — 1830, 1837, 1838, 1841, 1844, 1845, 1848, 1864, 1865; упом. 1891.
- Петръ св.* митр. 1630.
- Петръ*, Семіоновъ, свящ. 1126.
- Петръ*, Хрисологъ, 1115.
- Петцольдъ*, Авг. Вас. 1043.
- Петцольдъ*, 036.
- Пещерскій*, 1818, 1821.
- Пивоваровъ*, Вас. Андр. 1043.
- Пименовъ*, художн. 073, 074.
- Пироговъ*, Никол. Ив. 1046.
- Писаревъ*, А. И. 2092.
- Павильщиковъ*, 923, 924.
- Плалменъ*, адм., 718, 817, 818.
- Платенъ*, ген. 1772, 1773.
- Плалтеръ*, заговорщ. 1214-его крестьянъ, 531—536, 536—540, 551—553, 563—565.
- Платеръ*, ген. 1814, 1819.
- Платовъ*, Матв. Ив. 277, 291, 301, 1168, 1174, 1176.
- Плетищевъ*, 1895.
- Платонъ*, (митр. Москов.), законоуч. в. кн. Павла 4, 6—14, 17, 21, 23, 25, 30, 36, 40, 53, 54, 58—60.; церков. исторія, 616, 619, 1715; получилъ медаль отъ Павла, 1112; мантию отъ Екатерины 1118, 1119. упом. 1573, 1630, 1649.
- Платонъ*, 321.
- Плетневъ*, Петръ Александр. 337. 339; профес. въ С.Пбург. Универс. 332—334, 336, 339; кончина 337; уп. 056; въ п. Жуковскаго 958. воспом. о немъ Тургенева 1663—1676, Грота 2067—2089.
- Плешеница*, 1169.
- Плещеева*, Нат. Ѳедот. 1951, 1953.
- Плещеевъ*, Серг. Ив. 1877. 1951—1953.
- Пломриджъ*, кап. 816, 817, 830, 831, 832.
- Плуняны*, мѣст., 1503—1505, 1507, 1508, 1512, 1522, 1523.
- Плюскова*, Нат. Як. 646, 648.
- Новодянъ*, мѣст. 1515.
- Подгорецкій*, Рич. Ос., 2006.
- Подновье*, въ Нижн. 1685.
- Подъячева*, дер. 2104.
- Поздъевъ*, Осипъ Алексѣевичъ масонъ, 27, 157. 158; возмущеніе
- Поляковъ*, кирас. 45.
- Поляковъ*, 1454.
- Покровскій*, В. С. 306.
- Полаженъ*, 1503.
- Полевой*, Никол. Алекс. 2078. 2092—2094.
- Полевой*, Ксеноф, Алекс. 2006—2008.
- Полетика*, 1649.
- Поликаръ*, келейн., 198.
- Полянскъ*, гр-я. 848, 849.
- Политковскій*, А-ъ Гавр. 1043.
- Полотняный Заводъ*, 1064, 1068, 1725.
- Полситня*, дер. 1113.
- Полторацкій*, Дм. Марк. 1398.
- Полторацкій*, Серг. Дм. 042.
- Полуденскій*, Мих. Петр. 627. 628.
- Полуденскій*, Петръ Сем. 627.
- Поль*, (фонъ), 1350.
- Польша и Поляки*, 19—21, 116, 221, 227, 1128; послѣдов. Конарскаго, 1207 — 1223; (1392, 1429, 1430); мятежъ 1831 г., 1485 — 1542, 1553; (упом. 1554).
- Польновъ*, А-й Яков. 531.
- Польновъ*, Вас. Алексѣев. 2100.
- Польновъ*, Матв. Вас. сен. 2046.
- Польновъ*, Дмит. Вас., 1729 — 1766; объ его трудахъ 2045 — 2066.
- Полянская*, 12.
- Полянскій*, 6, 17.
- Полтавская*, бат. 8.

- Померанія*, 774.
Понятовскій, кн. 1392.
Поповъ, Вас. Степ. 4, 1567, 1601, 1629—1632.
Поповъ, Дм. Прок. 315. 325—328.
Поповъ, Ив. Ник., 1686.
Поповъ, фельдъ ег. 566.
Порошинъ, Андр. Ив. ген. пор., 7.
Порошинъ, Викт. Ст. изд. Зап. Порошина, 2; ему, а не Лескюру прин. издав. Correspondance sur Louis XVI, 025, 026.
Порошинъ, Ив. Андр. 2.
Порошинъ, Сем. Андр. восп. в. кн. Павла 517, 518; неизд. тетрадь его Запис., 1—61; участь его, 61—66; п. къ гр. Г. Г. Орлову, 64, 65; акад. Миллеру, 72—74; бумаги его, 67, 68.
Портеръ, Марія Фед. 942.
Порфирія, мон. 1397.
Потемкинъ, А-ъ Мих. 1039.
Потемкинъ-Таврической, кн. Гр. Александр. взятіе Бендеръ, 124; кирасир. полкъ, 158; Екатер. считала его геніемъ, 582; князь Циціановъ дост. ему шубу, 628, 629; гр. С. П. Румянцовъ не х. подчин. ему 845; ордеръ Брзожовскому объ уничтож. висѣлицъ 920—922; служба въ Сѣнодѣ 1570 письма къ м. Гавріилу 1596—1616.
Потоцкій, Игнат. 572.
Потоцкій, гр. Сев. Осип. ода ему, 1377—1383; попеч. Хар. ун. 1542, 1543, 1545, 1547, 1548, 1550—1552; 2018, 2021.
Потоцкій, гр. Стан. Осип. умерщвленъ 1222.
Потоцкій, гр. (Стан. Стан?), 107, 278, 279, 281.
Потоцкій, Феликсъ, 585.
Потуловъ, Никол. Григ. 1043.
Розъ, 80.
Прага, 251—253, 453, 463.
Прейсъ, Вилльямъ, 1334.
Пресонъ, Ив. Ив., 1044.
Примъ, ген., 758.
Приценстернъ, Карлъ, шт. ком., 1750—1752, 1759.
Пріютино, дер. 129.
Проворовъ, А-ъ Ив. 1040, 1043.
Прозоровскій, кн. А-ъ Александр. бриг. 49; главноком. въ Москвѣ, 165, 166; въ 1805 г. подн. имп. А-у ленту Военнаго Орд. 1138.
Прозоровъ, А-ъ Мих. 1044.
Прокопьевъ, Гавр. 533.
Протасова, Екат. Аѳ. 1384—1386.
Протасовъ, Андр. Ив. 1384.
Протасовъ, гув. в. князей Александра и Кон. Павл. 1874.
Протасовъ, гр. Никол. Александр. об. прок. Сѣнода, дѣла Лифл. 1281, 1290, 1296, 1310, 1318, 1319, 1341.
Провъздемская, дер. 2104.
Пружань, 1151.
Прянисниковъ, Фед. Ив. 1039.
Исарева, дер. 1113.
Исковъ, 1342, 1345, 1725, 1726.
Иуачевскій, б. 526, 527, 536—538, 518, 1289, 1430.
Иургольдъ, Дан. Федор. 1043.
Иутята, Никол. Вас. 1039—1041.
Иучкова, Ек. Наум. 2008.
Иучковъ, Пав. Леон. 2098.
Иушкина, Нат. Никол. 1063.
Иушкинъ, А-ъ Александр. 1066.
Иушкинъ, А-ъ Серг., замѣч. кн. Вяземскаго о его исторической драмѣ 188, 189; переводъ Онѣгина на фран. яз. 035; пис. къ Де-ла-рю, 042; (упом. 339); къ Гречу, 602, 603; два его стихотв. 073, 074; два его автографа, 1063—1068; друж. отн. къ М. И. Глинкѣ, 1139, 1141. Встрѣча съ И. С. Тургеневымъ, 1663—1666; благогов. Кольцова 1671, 1672; дружба съ Плетневымъ 1672, 1673, 1675, 1767, 2067—2069, упом. 1668, 1669, неиздан. его стихи 1724—1726; пис. къ Плетневу 2069—2070. Отзывъ Плетневу 2079; Погодину 2093.
Иушкинъ, Вас. Льв. 056; наслѣдство его, 1066, 1067.
Иушкинъ, Левъ Серг. 602.
Иушкинъ, Григорій 2093.
Иуцинъ, Ив. Ив. 052, 054.

- Пуцинъ*, кап. 32.
Пуцинъ, кап. 052.
Пфѣль, А—ъ Карл. 1043.
Пфуль, ген., 420, 423.
Пиавы, 1048.
Пылаевъ, А—ъ унт. оф. 1641.
- * *
- Равентлау*, гр. 112.
Радецкий, ген. 263, 270, 298.
Радзивиловичъ, Игн. Ос. врачъ 1044.
Радищевъ, А. Н. 1728.
Радогочи, мѣст. 546, 554, 556, 568—571.
Раевскій, Никол. Никол. ген., 200, 061—063.
Раевскій-сынъ, Ник. Ник. 1726.
Разевичъ, Ал-ъ Федор. врачъ 1044.
Разумовская, гр., Ек. Ив. 17.
Разумовская, (ур. Лигновская), гр. 114.
Разумовская, (ур. гр. Тюргеймъ), гр. 114.
Разумовская, гр. Флейлина, 13.
Разумовскій, гр. Ал-й Григ., 1806, 1810.
Разумовскій, гр. Андр. Кир. въ Стокгольмѣ, 111—115, 120; жалобы кн. А. Б. Куракина. 430, 439, 440.
Разумовскій, гр. Кирил. Гр. 6, 12, 13, 841, 865.
Разумовскій, гр. Левъ Кир. 02.
Райзеръ, ассес., 1754, 1760.
Райко, Н., А. подполк., 881, 886, 888, 891—893, 914.
Райковскій, С. А., 042.
- Ральстонъ*, о Крыловѣ, 039.
Рамазановъ, Ник. Александр. ваятель, 2008.
Рамбургъ, 248.
Ранцовъ, 846.
Ратонъ, 1790, 1792.
Рачинскій, Ал-ъ Викт. 1542.
Ратъ, 403. 035.
Рашевскій, майоръ, 1494, 1495, 1501.
Рашель, 1018.
Рабиндеръ, 18, 20.
Реджина, 81, 86—88.
Реджисо, герц. 1173.
Реймеръ, архивар., 1760, 1766.
Рейнгольдъ, Эм. Ив. лейб-мед. 2008, 2009.
Рейневаль, 811, 812.
Рейперъ, ген. 1100.
Рейнъ, проф., 111.
Рейтеръ, тестъ Жуковского, 104, 106, 2025, 2026.
Рейтъ, проф., 1548.
Рейхенбахъ, гор., 236.
Ренне, Марія Андр. 1901.
Ренни, кап. 816, 817.
Ренъ, ген., 1757, 1758.
Репнинъ, кн. Никол. Вас. 406, 409, 410; усмиряетъ крестьянъ, 543—545, 548—561. Журналъ, 562—575, (576, 577); уп. 639; въ пис. гр. С. П. Румянцева, 853; откр. Вил. и Слон. губ. 1124. уп. 1829.
Ретово, мѣст., 1512, 1515.
Ржевускій, вождъ Тарговицкой конф. 585.
Ржевускій (Ржеутскій), 4.
Ржевускій, 1789, 1792.
- Ржевускій*, изд. 032.
Рибасъ, Настасья Ив. 15.
Рибасъ, Осип. Мих. адм. 15; покров. Озерову, 124. уп. 1900.
Рибинскій, ген., 1758.
Риш, гор., 1428, 1785, 1786.
Ридъ, Томасъ, ген. ад., 704, 706, 804, 805, 809, 810.
Рижскій, И. С. рект. 2018.
Рикетсъ, 790, 792—795.
Рикманъ, 890.
Рихертъ, Якимъ, переводч., 1746, 1760.
Рихманъ, проф., 1780, 1782.
Ричардсонъ, его анекд. о Россіи, 581, 582.
Ричмондскій, герц. 582, 583.
Ричо, 1061.
Ришелье, герц. 724, 727, 785, 787, 811, 812.
Робеспьеръ, 306, 1472, 1541, 2018.
Родзянко, Арк. Гавр. 056.
Родионовъ, комисс. Жуковского, 647.
Рожерсонъ, врачъ 133.
Розавенъ, абб. 1712 — 1714.
Розановъ, Н. П., 1082—1088.
Розе, Ек. Ив. 219.
Розенбахъ, 267.
Розенбергеръ, Карлъ Отт. врачъ 1044.
Роллеръ, декорат. 345.
Романова, 029, 030.
Романовы, (при Годуновѣ), 593. царственный домъ 1926, 1927.
Ромбекъ, г-жа, 393, 395, 431, 440.

- Ромерова*, послѣдов. про- паг. Конарскаго, 1214, 1219.
- Ромеръ*, ссыльный, 1211.
- Ромасъ*, имѣніе кн. В. О. Одоевскаго, 1024, 1025, 1030 (1031 — 1035).
- Ропша*, дер. 17.
- Россины*, 1709.
- Россиены*, 1518.
- Ростовцовъ*, гр. Як. Ив. 1362—1364, 1376.
- Ростовъ*, гор., 533.
- Ростопчина*, гр. Екат. Петр., 761, 765
- Ростопчина*, гр. Евд. Петр. 1671.
- Ростопчинъ*, гр. Андр. Оедор., 935, 936.
- Растопчинъ*, гр. Пав. Оед., 765.
- Растопчинъ*, гр. (Серг. Оедор.), 761.
- Ростопчинъ*, гр. Оедоръ Вас. 67; 184, 185, 191, 01, 04, 011—016; за- писка о воцареніи Пав- ла I, 518 (572); разбир. бумаги Екатер., 642, 643; п. къ в. к. Екат. Павл. 753—762; къ в. к. Конст. Павл. 763—766; упом. въ п. сына 935, 936; въ разказахъ Московск. французовъ 1401, 1443, 1445, 1448, 1450, 1456. (1596) от- зывъ Н. А. Саблукова 1900; сосланъ 1929, 2023.
- Ротари*, портретистъ, 1845.
- Ротъ*, кирас. кап., 231.
- Рохита*, свящ., 1520.
- Рубановскій*, 27, 29.
- Рубини*, 343, 346, 356.
- Рубинштейнъ*, А., 1141.
- Рудаковъ*, помѣщ., 547.
- Рудановскій*, Григ., Су- нодал. об.-секр., 1110.
- Рудзевичъ*, ген., 1159, 1170, 1171.
- Рудковскій*, Конст., кам. лакей 1934, 1935.
- Рудольфъ*, эрцгерц., 392, 395.
- Рудольфъ*, Мих. Дав., 2009.
- Руенъ*, б. 891—897, 901—903, 916—918.
- Румянцова*, гр. Екат. Мих. 841—843, 845.
- Румянцова*, гр. Мар. Андр. 44, 841.
- Румянцовъ*, Никита Ив., 195.
- Румянцовъ*, гр. Никол. Петр. 195, п. къ нему Екатерины 202 — 206, Александра Павл. 609 — 614, 1661 (упом. 587) въ пис. Карамзина, 590 — 596, 598, поруч. пе- ревести соч. Коцебу 615; ценз затрудненія, 616, 620, 623—625, 626; п. къ кн. А. Н. Голицыну 621—623, 625; (упом. 839, 840); въ автобіогр. брата, 842, 846, 849—851, 855, 856, въ п. Сперанск. 1982?
- Румянцовъ*, гр. Петръ Александр. его харак- теръ, 4; покр. Пороши- ну 66; (упом. 549, 839); въ автобіогр. гр. Серг. Петр. 841, 842, 844, 852, п. къ нему гр. Серг. Петр. 853—866; слухъ о вступленіи его во 2-й бракъ, 866. упом. 1591, 1814, 1819.
- Румянцовъ*, гр. Серг. Петр. пис. Карамзина 587—599; автобіогр. 839—854; п. къ отцу, 853—866; п. А. И. Моркова, 866—880; записка о Шведской его поѣздкѣ, 880—882, о вольныхъ земледѣльцахъ 1953—1966.
- Руничъ*, (Дм. Павл.), 943.
- Руничъ*, Влад. губ. 1639.
- Руновскій*, Андр. Макс., Нижегород. губ. 1683, 1684.
- Рупейко*, Юсифъ, насто- ят. Шадовской церкви, 1502 — 1505, 1522, 1530—1533, 1536.
- Руссовъ*, Степ. историкъ 2096—2098.
- Руцукъ*, кр. 1173.
- Рыжовъ*, А-й Сид., 1043.
- Рыльева*, Нат. Мих. 054.
- Рыльева*, Кондр. Оедор., декабристъ, 051—060; письм. къ Пушкину 1725, 1726.
- Рыльева*, Никита Ив. об. полицм. 639.
- Rusch*, ученый, 76.
- Рякуновъ*, Андр., охотн. 1679.
- * *
- Сабантеевъ*, (Ив. Вас.) ген. 1171, 1172.
- Сабининъ*, свящ., 85.
- Саблукова*, (урожд. Ан- герштинъ), Юлія 1870, 1871, 1902, 1913, 1914.
- Саблукова*, (ур. Волкова), Ек. Андр., 1869, 1907, 1908.

- Саблуковъ*, А-ъ Алек-
санд., упом. въ За-
писк. сына. 1869, 1873,
1879, 1884, 1893, 1895,
1905, 1906, 1907, 1908,
1910, 1911, 1912, 1914,
1940, 1949.
- Саблуковъ*, Ник. Алексан.
Записки 1869 — 1871.
- Саблуковъ*, шт. кап. убит.
1476.
- Сабуровъ*, акт. 2094.
- Савва*, (Любимъ) архим.
1627.
- Савва*, св. мощи 1391.
- Савва*, іером. 1391.
- Савелій Данилычъ*, 18.
- Саретло*, 1051.
- Садовскій*, Ант. Ив. 1046.
- Say*, 80.
- Саксенъ Кобургская*, гер.
п. къ мужу о Русск.
Дв. 1795 г., 1089—
1102.
- Саксенъ-Кобургскій* герц.
476, 481.
- Саксонцы*, 235, 1154.
- Салаватъ*, гора, 1062.
- Саловъ*, О. А. ген., 1721.
- Сальдеризъ*, 4, 5, 9, 11 —
15, 17—20, 22, 23, 27—
29, 32—36, 38, 39, 41,
42, 44, 50, 54—60.
- Салтыковъ*, кн. А-й Дм.
путеш. 374.
- Салтыковъ*, кн. Дм. Петр.
1043.
- Салтыковъ*, гр. Ив. Петр.
37, 45, 46; ген.-маіоръ,
45; Москов. в. губ.
173. 572. (фельдмар.
1873?)
- Салтыковъ*, гр. Ник. Ив.,
п. гр. С. П. Румянцо-
ва 1965, 1966.
- Салтыковъ*, гр. Петръ
Сем. фельдм. 43, 59.
- Салтыковъ*, Серг. Вас.
1823, 1825, 1826, 1845,
1848.
- Самочиція*, въ Польск.
мятежъ 1485 — 1539.
- Самойловъ*, Вас. Вас.
актеръ, 350, 354.
- Самуилъ*, 1062.
- Самуилъ*, митр. 1105,
1631.
- Сандуновъ*, Никол. Никол.
1568.
- Сандуновъ*, С. Н., акт.
1568.
- Санктпетербургъ*, Исаак.
площ. 734. Іезуит.
Колл. 633; 1-й кад. кор-
пусъ 160—165. 1844;
Кам. островъ 35, 1874.
1875; Михайл. зам.
518, 1929, 1930, 1931,
1934, 1935, 1938, 1939,
1943; Мойка 37; Морс-
кая ул. 1857. Морской
корпусъ 1845, Нева
1092, 1093; Паж. корп.
164; Педагог. Инст. 305;
Семинарія 1580; Си-
нодал. подв. 308; уни-
верс. 305—340; Фон-
танка 37. Черная р.
37; Эрмитажъ 843, 1092,
1093, 1101; замѣчан.
о немъ Озерова 140.
Воспит. Домъ 1949.
- Сантини*, 785, 787.
- Сасъ*, 5, 16.
- Сахаровъ*, (Ив. Петр.),
921.
- Свиньина*, вдова, 1557.
- Свиньинъ*, Пав. П. 408,
1557.
- Свислоцъ*, 1154, 1155.
- Свиршайло*, 613—628.
- Своеземцовъ*, Вас. Ст.
посадн. Новгор. См.
Варлаамъ.
- Свѣчина* Соф. Петровна,
1713. 1714.
- Себастьяни*, ген., 1407,
1408, 1421.
- Севастьяновъ*, Петръ Ив.
2009—2012.
- Сеноръ*, гр. 1402, 1403,
1450, 1451, 1457, 1458.
- Селавинъ*, полковн. 221,
229, 239, 254.
- Селезневъ*, Андр. Ив.
1043.
- Селивановъ*, В. В. 153—
174.
- Селивановъ*, Мих. егерм.
1678, 1681.
- Селивановъ*, вахм. 1634,
1635.
- Селивановы*, 24.
- Семевскій*, М. И. 3, 053
—060; 1649 — 1662,
2096.
- Семенова*, акгр 123, 2033.
- Семеновскій*, полкъ 1946.
- Семеновъ*, Никол. Петр.
сенат. 1362—1376.
- Семеновъ*, Саратов. по-
мѣщ. 1975.
- Семенъ*, Авг. 1456, 1457.
- Семивраш*, дер. 2104.
- Семиковъ*, Петръ, полк.,
412.
- Семіоновъ*, Петръ, свящ.,
1392.
- Семіонтовскій*, Тимо-
ѳей, ген. 1222.
- Семякинъ*, ген. маі. 021.
- Сенковскій*, Осипъ Ив.
1669, 056, 335, 1670.
- Сенъ-Симонъ*, 1201.

- Сенявинъ*, И. Г., 1249, 1282, 1359.
Серапионъ, игум. 1077, 1078.
Серапионъ, іеродіак. 1606.
Серафимъ, митр. 313; въ разказахъ кн. С. М. Голицына, 631; членъ Св. Синода, 745; въ Зап. Фотія, 929—937; 939, 941, 942, 944; въ письм. кн. А. П. Голицына 945, 947; (упом. 1179); грамота Груз. собору, 1480, 1481.
Сербиновичъ, Конст. Ст. 338.
Сербы, 737—740.
Серій, келарь 1077.
Серій, Св. чудотв. 1182.
Сертеевъ, докт. 042.
Сеславина, партиз. 1168, 1169.
Сестринцевичъ - Богушъ, митроп. 598.
Сетерландъ, Эдуардъ, 037.
Сибирскій, кн. 1892.
Сибирь, 982, 1366.
Сиверсъ, гр. А—ъ Кар. 1043.
Сиверсъ, гр. Эдуардъ Карл. 1043.
Сиверсъ, гр. Як. Еф. 41, 42, 63; 861, 865, 880, 881; 1361.
Ситаревичъ, протоіер., 1644.
Сигизмундъ, Авг. 615, 618, 619.
Сидовъ, г-жа, 406, 407.
Силистрія, кр. 1653.
Симеонъ, иг. 1078.
Симеонъ, архим. 1387.
Симонинъ, (Ив. Матв.), 1796 2090.
Симсонъ, врачъ, 133.
Синопское, сраж. 756.
Синявичъ, Яковъ, переводч., 1755, 1764.
Синявскій, корон. гетм., 1758.
Скавронскій, (гр. Март. Карл. ген. анш.) 44.
Скобелева, (ур. Дурова), 041.
Скобелевъ, П. Н., 293, 041; 1666, 1670.
Скобельцинъ, Ив. Новгор. пом. 2052.
Скрытцинъ, В. В., 1340—1343.
Скуридинъ, 1683.
Славилъ, Ал. Пв., 2012, 2013.
Славянка, р. 1384.
Слингеръ, Васил. Матв. 1043.
Слободскій, ген. м., 310.
Словцовъ, П. А., 1984.
Слонецкій, Никол. Дем. 1040.
Сльпцовъ, Гр. протоіер., 1659.
Сталовскій, курьеръ, 572.
Смирдинъ, А—ъ Филип. 924—932; 1067.
Смирновскій, Пл. Сем. 1043.
Смирновъ, Вл. Сав. 1039.
Смолинъ, А-й купецъ, 1617, 1618.
Сморонъ, 1153. 1154.
Спазинъ, Пав. Ив. 1043.
Снегиревъ, Ив. Мих. 929.
Снядецкая, 1214, 1216, 1218, 1219, ея отецъ, 1216.
Соболевскій, Серг. Александр. 064, 065; 921—935.
Соболевъ, воен. начал. 1221.
Собранъ, гр., 848.
Созоновъ, 246.
Соймоновъ, Петръ Александр. п. къ м. Гаврилу, 1627, 1628.
Соковнинъ, Андр. Ник. 158, 159, 164, 165, 167, 171.
Соколовъ, Дм Александр. 1043.
Соколовъ, Ив. Як. проф., 315, 326—328.
Соколовъ, чин. 1014, 1015.
Сокольникъ, село 573.
Солданъ, г-жа, 227, 234—236.
Солнцовъ, Петръ Александр. 1711.
Соловьевъ, Серг. Мих. 216—220; 549.
Солоубъ, гр. Владим. Александр. 644—648, 958—964; 1006, 1022, 1039.
Солоубъ, Софія Мих. п. Жуковск. 958—964.
Солтнеръ, Георгъ, 1750, 1751, 1760.
Солмерсетъ, Чэрльсъ, лордъ, 830, 832.
Сомовъ, маіоръ, 564—567.
Сомовъ, Орестъ Михаил. 051, 054, 060.
Сопинка, дер. 546.
Сопиковъ, Вас. 921—923, 925.
Сосеротъ, А—ъ Карл. врачъ, 1045.
Софія, пр. Саксенъ-Кобургская, 1092, 1097.

- Софья Степановна*, граф. *Степобокъ*, гр. 869, 874.
 въ п. М. П. Нарыш-
 киной 1788 г., 214. *Степанова*, Ан. Матв.
 пѣв. 350, 351, 1668. *Строгоновъ*, А-ъ Серг.
 9, 10, 11, 17, 19, 21,
 22, 24, 26, 28—30, 35,
 52; 407, 411; 640, 641;
 1378, 1379, 1825, 1828.
- Спасскій*, Григ. 1295—
 1298, 1310. *Степановъ*, Степ. свящ.,
 1627. *Строевъ*, Пав. Мих. акад.
 921, 1715—1717.
- Сперанская* Елиз. Мих. *Степановъ*, Ст. Лог. 1043. *Струговщиковъ*, А-ъ Ник.
 1682, 1685, 1687, 1689
 —1691, 1983. *Степановъ*, Федоръ, егеръ,
 1679. 1043.
- Сперанскій*, (гр.) Мих. *Стефанъ*, Яворскій, 11.
 Мих. отзывъ объ Озе-
 ровѣ, 125, (упом. 329);
 укоризны, 1380; учреж-
 дение Госуд. Совѣта
 1662; п. къ А. А. Сто-
 лыпину 919, 920, 1682
 —1708. 1966—1984. *Стефанъ* (Калиновскій),
 архим. 578.
- Сперанскій*, Козьма Мих. *Стивенсъ* Елиз. Андр.
 1686, 1689. 1685, 1687, 1689, 1690.
- Спренипортенъ*, 111. *Стобеусъ*, А-ъ Яковл.
 1043.
- Ставриковъ*, 254, 255,
 268. *Стобеусъ*, Ник. Яв. 1043.
- Стадионъ*, гр. 387—516. *Стойковичъ*, А. И. 2018.
- Стадницкій*, гр. Владисл.
 Ксав. 1043. *Стоко*, хирургъ. 704, 706,
 767 — 775, 793, 795,
 814—818, 821.
- Стакельбергъ*, (гр. От-
 тонъ—Магнусъ), 52,
 858—864, 869, 874. *Столыпина* Вѣра Никол.
 1692. 1983.
- Стакельбергъ*, А. Ф. 1297,
 1351. *Столыпино*, село, 1687.
- Стакла*, дер. 1159. *Столыпинъ*, А-й Емел.
 1690. 1970.
- Станевичъ*, марш. Рос-
 сійск. пов. 1504. *Столыпинъ*, Арк. Ал-ев.
 1682, 1683; п. Сперан.
 919, 920, 1683 — 1704,
 1966—1984.
- Станиславскій*, 563. *Столыпинъ*, Аѳ. Алексѣев.
 066, 067.
- Станиславъ Лецинскій*,
 1757. *Столыпинъ*, Гр. Дан. 1973.
- Станиславъ Понятов-
 скій*, 116, 546, 572,
 575; сат. на него, 585.
 (1787—1789, 1792). *Столыпинъ*, Дм. Александ.
 1043.
- Станфель*, кап. 816, 817. *Столыпинъ*, Дм. Арк. 1683,
 1704 — 1708, 1966 —
 1968.
- Старково*, село, 1086. *Столыпины*, 1682, 1692.
- Стахово*, 1158, 1163,
 1170, 1171. *Стрекаловъ*, Ст. Фод. 204,
 206.
- Стацевичъ*, свящ., 325. *Стрикъ*, Генр., 1736, 1749,
 1759.
- Стедингъ*, 867, 868, 872,
 873. *Строгоновъ*, гр. А-ъ Гр.
 1281, 1310, 1311, 1321,
 1322, 1324, 1337—1340,
 1343, 1346, 1348, 1353.
- Судайнъ*, кап. 821. *Сулковский*, 1789, 1792.
- Суворова*, кн. Варв. Ив.
 841. *Сумароковъ*, (А-ъ Петр.)
 6—8, (13), 15, 21, 23,
 26, 27, 30, 58; 142.
- Суворовъ*, кн. А-ъ Вас.
 6; 209, 210; 265; 549.
 1930, 1931.
- Суворовъ*, свящ., 1304. *Сумгулъ*, 1062.
- Суда*, Ив., переводч.,
 1765. *Суворовъ*, пом. 533.
- Сулмароковъ*, (А-ъ Петр.)
 6—8, (13), 15, 21, 23,
 26, 27, 30, 58; 142.
- Сухаревъ*, шт. кап., декабр.
 051.
- Сушко*, 1062. *Суфолькъ*, 1854, 1857.
- Сухорукъ*, Григ. 570. *Суларевъ*, А-ъ 049.
- Сушковъ*, Дм. Петр. 351. *Сушорукъ*, Григ. 570.
- Сушковъ*, Серг. Петр. 1043. *Сытинъ*, А-ъ 1619.
- Сытинъ*, А-ъ 1619. *Сѣверинъ*, Дм. Петр. 86.
- Сѣверинъ*, Дм. Петр. 86. *Сюррюгъ*, аб. 1401—1403,
 1442, 1450, 1451.
- Сюррюгъ*, аб. 1401—1403,
 1442, 1450, 1451.
- Тавица*, игум. 1398.
- Тайдаловъ*, пом. 533.

- Тайловъ*, пог. 1262.
Талызинъ, А —ъ Ѳед. 5, 6, 10, 12, 13, 18, 20, 21, 23, 29, 35, 58.
Талызинъ, ген. 1930, 1931.
Тамикъ чеч. 1001, 1004.
Тамбурины, 346.
Танусъ, аулъ 1053.
Таньевъ, ст. секр. 1324, 1339, (1469?)
Тараканова, княж. 032.
Тарамъ, чеч. 968, 971—983, 985, 986, 988, 991, 993, 994, 997, 998, 1000, —1002, 1004.
Тархановъ, кн. 1057.
Татищевъ, Вас. Никит. 331, 622, 2086, 2099.
Татищевъ, 209.
Татищевъ, 248.
Татьяна Александровна, 215.
Таубертъ, академ. 5.
Таuletъ бар. 1397, 1398.
Тверь, г. 1112.
Тевкелевъ, Муртоза, переводч. 1755, 1765.
Теге, паст. 1778.
Телкинъ, подп. 46, 51.
Тельши, гор. 1503—1506.
Тенени, мѣст. 1512, 1515.
Тепловъ, Гр Ник. 14, 19, 20, 32, 33, 37, 48, 50, 59, 216—220.
Тизенаузенъ, 293.
Тимитли, резид. набба 1053.
Тилле, Георгъ, 1753, 1761.
Thielke, инж. 76.
Тильманъ, 256.
Тимирязевъ, 231.
Тимковский, Ил. Ѳед. проф. 1547.
Тимошеевъ, Никол. Ил. 1043.
Тимошеевъ, стихот. 1671.
Тинина, дер. 1113.
Тиришъ, филол. 316.
Тихменевъ, Петръ Александр., 931.
Тихомировъ, Спб. проф. 310.
Тихоновъ, 224.
Тихонъ, еп. 108—110.
Тишкова, дер. 1113.
Ткачевъ, Гр. Гр. 2013, 2014.
Ткачевъ, солд. 981, 983, —988.
Тобольскъ, гор. 1978, 1979.
Товій, архим. 933.
Толмачевъ, Як. Вас., Спб. проф. 329, 330.
Толстой, гр. Дм. Андр., 751.
Толстой, гр. Левъ Ник. 185—192, 01, 066, 935, 1713.
Толстой, гр. Ник. Александр., об. гофм. 1481, 1683.
Толстой, гр. Петръ, Александр. 631, 632, 1133, 1523, 1683, 1684.
Толстой, гр. (Американецъ), Ѳед. Ив. 602.
Толстой, гр. Ѳед. Петр. 1670.
Толь, ген. (гр.) 219, 223, 224, 226, 228, 230, 232, 235, 237, 241 — 246, 248, 250, 253 — 257, 269 — 261, 263, 265 — 257, 269, 270, 272 — 290, 292—304.
Толь, гр. Конст. Карл. 1043.
Томилова, ея домъ въ Спб. 353, 372.
Томскъ, гор. 1979.
Тонкачевъ, Маметъ, переводч., 1765.
Торбьевъ, Ив. Ив. 534, 535.
Торвальдсенъ, 184.
Тармасовъ, гр. (А —ъ Петр.) 1151. команд. к. гв. 1931, 1940 1942, 1943.
Траверсе, марк. 1070.
Трамповскій, ген. 1060, 1061.
Транзее, (Фонъ), 1334.
Трассенъ, 1417 — 1419.
Третьяковский, 22.
Трейденъ, Иркутск. губ. 1645.
Трейтике, Кильск. проф. 031.
Трескинъ, 258, 267, 270, 276, 280, 285, 287, 288, 293 — 295, 298, 299, 302.
Трескинъ, Никол. Ив., 1979, 1966, 1980, 1981, 1982, 1984.
Третьяковъ, Авг. Александр., врачъ 1044.
Три Руки, 66.
Трифена, игум. 1394.
Трифилій, мон. 1177, 1178, 1179 — 1182, (1183, 1174).
Троцинскій, Дм. Пр. 572, 882, 1378, 1379, 1632—1639.
Трубецкой, кн. Ник. Ив. 064.
Трубецкой, кн. (Серг. Никит.) 51, 54.
Трубецкой, кн. Серг. Петр., 052, 054.
Трубецкой, кн. вице-губ. 1214, 1216, 1217.
Трубецкой, кн. 34.

- Трубецкой*, кн. его домъ въ Москвѣ, 1411.
- Труммеръ*, 1748, 1760.
- Тунтъ*, 210.
- Туманскій*, В. И. 056, 059.
- Тунъ* (фонъ), графиня, 114.
- Тшинтапъ*, учен. 75.
- Турженевъ*, А-ъ Ив., 645, 943, 1969, 1984.
- Турженевъ*, Ив. Серг., 032, (1141), посѣщ. въ Берлинѣ М. И. Глинку 1142; восп. о П. А. Плетневѣ. 1633—1676; 2067—2089.
- Турнэ*, Арнольдъ, 1401. 1448, 1449.
- Турція*, 754, 1130.
- Турчидагъ*, аулъ 1055.
- Тутолминъ*, (Ив. Аким.) 1437, 1438.
- Тутолминъ*, Тимоѳ. Ив., 762, Олонец. нам. 1633.
- Тучкова*, Марг. Мих. 1452.
- Тучковъ*, (А-ъ Алексѣев.), ген. м., 1452.
- Тучковъ*, подп. 561.
- Тущины*, 1048, 1055.
- Тышкевичъ*, гр. 1514.
- Тълесницкій*, оф. 1711.
- Тюель*, бар., 802, 803.
- Тюленъ*, маіоръ 393, 396, 414, 417, 429, 438.
- Тюрень*, 294.
- Тютчевъ*, Ник. Ник., 1043.
- * *
- Убри* (П. Я?), диплом., 1138.
- Уваровъ*, гр. А-й Серг., 82. (1039) его Архивъ 1405.
- Уваровъ*, (гр.) Серг. Сем., попеч. 305, 619, 620; мин. 318—320, 323—325, 335; презид. Акад. Н. 623. отзывъ Сперанск. 919, 1693 (1399, 1440, 1543) въ п. Сперанск. 1984.
- Уваровъ*, (Фед. Петр.), ген. 280, 283, 290, 554. 1926, 1928, 1937, 1939, 1942, 1946, 1950.
- Удино*, марш. 1149, 1150 1163.
- Уимперъ*, Фрид., путеш. 033, 034.
- Умцукуль*, аулъ 1052.
- Ундольскій*, Вуколь Михаил., 921.
- Урусова*, княжна игум. 1453.
- Урусовъ*, кн. флиг. ад. 1325, 1329, 1331, 1336.
- Уса*, 1061.
- Усовъ*, пор., уб. 1476.
- Устряловъ*, Ник. Гер., 331.
- Ухолодо*, 1159.
- Ушаковъ*, Андр. Ив., 579.
- Ушаковъ*, Никол. Апол. 1043.
- Ушаковы*, 1930.
- Ушаковъ*, офиц. 1933, 1934, 1941, 1942, 1943.
- Ушаковъ*, Фед., мон. 1571.
- Ушинскій*, К. 338.
- * *
- Фадпеевъ*, 1658.
- Фасановъ*, свящ. 1296.
- Фаркюгаръ*, 651, 653.
- Фарнагенъ фонъ Энзе*, 013, 015.
- Фелькерзамъ*, бар. 033, 1275.
- Фенъ*, бар., 1151.
- Фердинандъ*, VII, кор. Испанск., 752.
- Фердинандъ IV*, кор. Неапол. 1133, 1134.
- Фердинандъ*, герц. братъ имп. Маріи Ѳ. 411, 412, 414—423, 427, 436, 500—507.
- Фердинандъ*, герц. Вюрцбургскій 452, 462.
- Фердинандъ*, (Миланскій), эрцг. 392, 395, 399, 455, 465.
- Фердинандъ*, эрцъ-г. 450, 460, 476, 481, 484—486, 490, 493, 494, 498, 499, 513, 515.
- Ферзинъ*, пѣв. 366, 367, 369.
- Ферморъ*, (гр. Вилимъ Вилим.), 14.
- Фикъ*, Генр., 1736—1744, 1755.
- Фикъ*, кам. сов., 1744, 1745, 1760.
- Филаретъ*, м. Московскій, 96. (313. 314) замѣчан. о соч. Куцебу 616, 617—619, 627. Разсказы кн. С. М. Голиц. 632, (745, 929) Воспом. старца Трифиллія 1179—1182, свидѣнія о немъ 2014, 2015, 2100.
- Филаретъ*, м. Киевскій, 1341, 2100.
- Филаретъ*, еп. Рижскій. 96, 1350.
- Филатьевъ*, кори. кон. гв. 1944.
- Филлимоновъ*, Владим. 056.
- Философовъ*, Ник. Дм., 1040, 1043.
- Философовъ*, М. М., ген. губ. Минскій 545, 546, 560, 561, 574.
- Философовъ*, 27, 33, 37.
- Фильдъ*, пьянисть 1442.

- Фильдс*-отець, 1442. 470, 471, 472, 473 — 699, 702, 853, 854,
Фильдс, г-жа, 1443. 475, 478 — 480, 484, 1771, 1773, 1774—1776,
Финкз, Ив., егерь, 1679. 486, 487, 489, 492, 1777, 1778, 1779, 1784
Фитинговз Бор. Павл., 495 — 497, 501, 505, 1878.
 1043. 508, 509, 511, 513, *Фридрихз*, герц. Кобургъ-
Фитинговз, б., 033. 514, 516 (708, 710 Заальфельдскій, 1100.
Фишерз, 648. 1127) въ Дневн. Хом. *Фрокманз*, 1143.
Фласз, (фонъ-деръ), Фр. 249, 250, 286 — 289, *Фроловз*, Пет. Александр.
 Фр., врачъ 1041. 292, 293, 295. (776. 2015, 2016
 708). *Фроманз*, посольск. пе-
Флорида-Гланка, гр., 708). *Францз*, эрц. г. 456, 465. реводч., 419, 423, 500,
 Испанск. мин. 211, 212. *Фридбергз*, Петръ Ив., 504.
Флуз, ген. пор., 1748. *Фридбергз*, 1044.
Фоксз, подп. 052. *Фредро*, гр. Максимил.
Фокз, фонз, 2068. Максимил., 1044
Фонз Визинз, Ден. Ив. *Фрейбургз*, г. 295.
 63, 64. *Фрейтагз*, ген. 979.
Фонз Визинз, Ив. Алек- *Фрейтагз*, проф., 321.
 сандр., 061, 064. *Френз*, академ. 623, 624.
Фонтанз, гр. 604. *Фридерика* пр. Баденская,
Фонтенель, 5. 202—206.
Фортуатовз, А-й Осе- *Фридериксз*, Ив. Евст.,
 доров., 309. 1044.
Фортуатовз, Оед. Ник. *Фридериксз*, ген. 735.
 его Воспомиан. о С. *(Фридрихз - Августз I)*,
 Пбургск. ун. 305—340. кор. Саксонскій, 235,
Фотій, архим., его За- 403; его дочь 399, 403,
 писки 929—944, въ п. 443, 445.
 кн. Голиц. къ гр. Ор- *(Фридрихз-Вильгельмз I)*,
 ловой 943—954, 956, кор. Прусскій, 1102.
 957. *(Фридрихз - Вильгельмз*
Фоулерз, торг. домъ, 676, *II)*, кор. Прусскій 117.
 677. *(Фридрихз - Вильгельмз*
Франкфуртз, гор. 288— *III)*, кор. Прусскій 222,
 290. 227, 232, 249, 288, 1131,
 1134.
Францз I, имп. Австр., *(Фридрихз - Вильгельмз*
 1793, 1795, 1806, 1811. *IV)*, пр. Прусскій, 274,
Францз II, имп. Австр. 443, 446, 1144.
 293; коронація 206; въ *(Фридрихз II)*, кор. Вир-
 письм. кн. А. Б. Кура- тембергск. 411, 413—
 кшна 386, 389, 397 — 418, 420, 421, 423,
 404, 413, 415 — 419, 450, 476, 481, 502, 506,
 422, 428, 438, 443, 445, 643.
 446 — 449, 451, 452, *Фридрихз II Великій*, кор.
 454 — 458, 461 — 463, Прус. 14, 025, 124, 163,
 464 — 465, 467, 468, 835.

- Холмъ*, 560.
Хоменовскій, полк. 258, 263, 266.
Хомутова, (ур. Энгельгардтъ) Нат. Александр. 219.
Хомутова, Ан. Гр. 219.
Хомутовъ, Григ. 228, 247, 253, 268.
Хомутовъ, Мих. Григ. (атам.) 227, 228, 239, 242, 246—249, 262—264, 267, 268, 278, 280, 284, 291.
Хомутовъ, Серг. Гр., его Дневникъ 219—304.
Хомяковъ, А-й Ст. 056, 058, 059.
Хоростовцы, (Хоростовцы) мѣст. 1722.
Храповицкій, ген. губ. Вилен. 1534.
(Христианъ, VII), кор. Датскій, 1134.
Хруцово, дер. 546.
Хруцовъ, Дм. Петр., 1009, 1013, 1016, 1018, 1039.
Худобашевъ, другъ Лазаревыхъ 1695.
 * *
Царскіе колоды, сел., 1061, 1062.
Царское Село, 860, 1816, 1820.
Цастровъ, ген. пор. 1770.
Цебриковъ, пор., декабр. 052.
Цейеръ, (Фр. Ив.), 1969, 1974, 1981, 1982.
Центаровъ, ген. 1755, 1757.
 ЦЕРКВИ.
 (Православныя и инославныя).
Алексѣевская, въ Ригѣ 1296.
Андреевскій, соб. въ с. Грузинѣ 1472—1480.
Архангельскій, соб. въ Москвѣ 632.
Воскресенская, Замоскворѣцкаго сорока, 1646, 1647.
Воскресенскій, соб. въ Колѣ, 1632, 1633.
Георгиевская, въ Москвѣ, 1389.
Доминиканская, въ Ригѣ, 1500.
Казанскій, Соб. (Рождество Богородицы), въ Спб. 937, 1111, 1176, 1600.
Лазаревская, (кладбищ.), въ Москвѣ 1568.
Людовика, св., въ Москвѣ, 1401, 1402, 1442, 1451, 1452, 1543.
Николай Морскаго, въ Спб. 29.
Николаевская, на Студинахъ, въ Москвѣ, 1104.
Петропавловскій, Соб. въ Спб. 1571, 1625, 1890.
Покровская, въ Москвѣ 156.
Седми Вселенскихъ Соборовъ, въ Св. Синодѣ, 739—745, 746, 750.
Серіевская, въ Рогожской 1391.
Смоленское, кладб., въ С. Петерб. 075, 076.
Спасопретображенская, на Глинищахъ, въ Москвѣ 1592.
Спасопретображенская, (старообрядческая), въ Елисаветградѣ 1606.
Спасопретображенскій, Соб. въ Спб. 1640.
Троицкій, соб. на Петербургской Сторонѣ, 742.
Успенскій. Соб. въ Москвѣ, 631.
Якобитатская, 1262.
Цытовяны, мѣст., 1509.
Цициановъ, кн. адъют. Потемкина, 628, 629.
 * *
Чаадаевъ Муромскій депутат. 2059.
Чаадаевъ, Петръ Яковл., его портретъ 039. посл. къ нему Пушкина 602.
Чамберленъ, Англ. пов. въ Рио-Жанейро, 719, 720.
Чаплингъ, 239, 246.
Чаплицъ, ген., 1153, 1157, 1159—1164, 1166—1168, 1171—1175.
Чарторижскій, кн. Адамъ 644, 1897.
Чарторижскій, князь (Адамъ - Казимиръ), 1787—1789, 1792.
Чарторижскій, кн. Константинъ, 1897.
Челищевъ, майоръ, 28, 39, 40.
Чередневъ, Косьма протоіер., 1104.
Черепье, мѣст., 1154.
Черкасовъ, Дан., охотн. 1679.
Черкасскій, кн. Вл. Александр., Моск. гор. голова, 1685.
Черкасскій, кн., 30.
Чернодировъ, Ем., крест. 558, 569, 570.
Чернышева гр. Елисавет. Осиповна, 1780, 1787.
Чернышова, (ур. Исленьева), гр. Анна Александр. 5, 1787, 1788, 1794, 1795, 1807, 1811, 1858.
Чернышовъ, гр. Гр. Ив. 127, 935.
Чернышовъ, гр. Зах. Гр. 4, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 22, 26, 30, 34, 37, 38, 41,

- 52, 59, 60, 61. 1619—1621, 1769.
- Чернышовъ*, гр. Ив. Гр., 6, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 40, 41, 44, 50, 52, 61; его п. къ И. И. Шувалову 1779—1870.
- Чернышовъ*, гр. Петръ Гр. 12, 15, 24, 39, 1800, 1801, 1826, 1839.
- Чертковъ*, кап. испр., 560.
- Чесной*, Гавр., 1679.
- Четвертинскій*, кн. (Бор. Ант.), 02, 03.
- Чеченцы*, 964—1006.
- Чивилевъ*, А-ъ Ив., 2016, 2017.
- Чижевъ*, Ѳедоръ Васил. его статья 2066.
- Чипріяни*, 661, 662, 687, 689.
- Чирахи*, 1061.
- Чиркаты*, ауль, 1051.
- Чистовичъ*, Як. Алексѣев. врачъ 1046.
- Чичаговъ*, адм., Записки 1148—1178; дружба съ Саблуков. 1870; 1925, 1926.
- Чичеринъ*, Ник. Ив.?, 33.
- Чолоковы*, фрейл. 17, 31.
- Чоху*, 1054.
- Чудова*, ст., 1463.
- Чудское озеро*, 1263, 1264.
- Чупятовъ*, юрод. 22, 23.
- Шавли*, гор. 1342, 1491, 1501.
- Шавровъ*, Ив. Вл., 1046.
- Шадъ*, проф. 1548, 1550, 2018.
- Шаликовъ*, кн 558, 559.
- Шамардинъ*, Пав. Яковл., 1044.
- Шамбре*, марк. 1151, 1170.
- Шамиль*, 971, 976, 983; взятіе 1045—1063.
- Шанделье*, пов. 821, 822.
- Шампионъ*, гр., 1450.
- Шанкло*, графиня, 393, 395, 427, 437.
- Шарлотта*, принц. 664, 670.
- Шармуа*, проф., 336.
- Шателе*, ген., 264, 265.
- Шатнеръ*, Ив., паст., 1762, 1764.
- Шафирова*, фрейл., 6.
- Шахматовъ*, А-ъ. Никол. 2040—1044.
- Шаховская*, кн. Варв. Александ., 1586—1588.
- Шаховская*, (ур. Шаховская) кн. Елиз. Бор. 1586—1589.
- Шаховскій*, кн. А-ъ Алек-сандр. 129—131; 056, 2045.
- Шаховскій*, кн. Бор. Гр. 1586.
- Шаховской*, кн. Петръ Ѳедор. 1589.
- Шаховской*, кн. И. Л., 599.
- Шаховской*, кн. Як. Петр. 38, 1589.
- Шаховской*, кн. Ив. под-полк. кир., 60.
- Шванвицъ*, Март., 1747, 1760.
- Шварценбергъ*, кн. 257, 258, 261, 263, 264, 269—272, 284—287, 290, 295, 296, 299—302; 1151—1156.
- Швейдницъ*, крѣп. 1769—1771.
- Швекини*, мѣст., 1512.
- Шверинъ*, Густ. Ад., 1026, 1028.
- Шебашевичи*, мѣст., 1157, 1158, 1161, 1167.
- Шевелкинъ*, Ив. Вас., 2017.
- Шевичъ*, ген. лейт., 558, 559, 575.
- Шевіусъ*, Францъ, 1764.
- Шедо-Ферротъ*, его соч. 035.
- Шейлингъ*, Вас. Хр., врачъ, 1044.
- Шеллеръ*, Альб. Георг., врачъ, 1044.
- Шеллингъ*, 1550.
- Шелиотъ*, Францискъ, 1501, 1509, 1513.
- Шениъ*, А-й Никол., 1137.
- Шеншинъ*, Вас. Никан., 735.
- Шеняевскій*, поруч., 1217, 1218.
- Шенелевъ*, сенат. 1377, 1378.
- Шереметева*, гр. Анна Петр. 5, 16, 17, 39, 63.
- Шереметевъ*, гр. Бор. Петр., 1757, 1758.
- Шереметевъ*, гр. (Дм Ник?), 85.
- Шерметевъ*, гр. Петръ Бор. 32, 63, 208.
- Шестакова*, (ур. Глинка) Людм. Ив. 370, 372.
- Шеферъ*, Ист. сем. войны, 025.
- Шешковский*, (С. И.), 164, 165.
- Шешовская*, дер. 2104.
- Шиллеръ*, 149.
- Шиллинги*, 442, 444.
- Шиловъ*, Серг. Серг., 1044.
- Шиниловъ*, Ив. Вас., 1044.
- Шиповъ*, маіоръ, 38.

- Ширманъ*, Игн. Фр., 1084, 1085.
- Ширманъ*, Фед. Карл., ген., 1502, 1503, 1516, 1517, 1519—1522, 1524, 1527, 1528, 1530, 1533—1535, 1537, 1538, 1540.
- Ширяевъ*, библиогр. 921.
- Шишкинъ*, его ст. 032.
- Шишкова*, ур. Нарбутъ, супр. адм. Шишкова, 1554.
- Шишкова*, пом. 533.
- Шишковъ*, А-ъ Семен., 302; въ п. Пушкина, 602; мин-ръ 626; нелюбовь къ Гречу, 1553, 1554; объ изд. Сѣв. Пчелы, 1554; въ п. Сперанск. 1970; замѣчаніе кн. П. А. Вяземскаго 2043, 2044; избр. въ чл. Харьк. ул. 2020.
- Шкляревскій*, студ. 339.
- Шлаттеръ*, Генр., 1754, 1760.
- Шлафъ*, секр. Швед. пос. 120.
- Шлегель*, Фр., 332
- Шлеттерманъ*, Ив. кам. шрейб., 1747, 1760.
- Шлецеръ*, (Авг. Людов.), 331.
- Шлитпенбахъ*, Ант. ген. лейт., 1734, 1735, 1755, 1756.
- Шлиссельбургъ*, г. 1891.
- Шлютеръ*, сестра Канкрива, 1553.
- Шмиденъ*, Ив., секр., 1755, 1760.
- Шмиденъ*, Фридр., 1731—1734, 1748, 1760, 1766.
- Шмидтъ*, грав 1845.
- Шмидтъ*, куп. 288.
- Шмидтъ*, Ив., камер., 1746, 1760, 1766.
- Шнее*, Андр. Андр., врачъ, 1044.
- Шнейдеръ*, Богол. Христ., врачъ, 1044.
- Шольцъ*, Вас. Богд., врачъ, 1044.
- Шопенауеръ*, г-жа, 285.
- Шоруминъ*, разбойн. 1087.
- Шпанасъ*, Георг. актуар., 1750, 1751, 1760.
- Шнейрманъ*, Март., ком., 1753, 1761.
- Шиноли*, об. кривсѣ физк., 1759.
- Шпоръ*, отзывъ Глинки 359.
- Шрамъ*, 234, 257, 258, 287, 299.
- Шродеръ*, г-жа, 290.
- Штейнманъ*, директ. 323.
- Штейнмецъ*, Карлъ, копействъ 1749, 1760.
- Штейнгель*, ген., 1152, 1153.
- Штерича*, домъ въ Спб. 307.
- Штеричъ*, Е. П., 1145.
- Штиръ*, пис. 82—84, 86.
- Штольбергъ*, (ур. Шпее), граф. 964.
- Штольбергъ*, гр., сынъ поэта, 964.
- Шторре*, Петръ Андр. врачъ, 1044.
- Штофельнъ*, ген. пор., 4, 5.
- Штраубъ*, Гавр. 1766.
- Штраусъ*, его книга, 317.
- Штуцманъ*, Серг. Ив., капельм. 354—356, 368.
- Штюмеръ*. б., 664, 667, 670, 672, 691, 692, 698, 700, 702, 703, 715, 717, 784, 786, 790, 791.
- Шубертъ*, Ив., 1765.
- Шувалова*, (ур. гр. Салтыкова) Екат. Петр., гр. 204, 206; 414, 417, 503, 507?
- Шувалова*, (ур. кн. Одоевская), гр. Анна Иван., 1813, 1818.
- Шуваловъ*, гр. Андр. Петр., 843.
- Шуваловъ*, Ив. Ив., 13, 194, 1767—1870.
- Шуваловы*, 740.
- Шульгинъ*, Дм. Ив., Спб., ген. губ. 1039.
- Шульцъ*, Вильг., секр. 1750, 1751, 1760.
- Шульцъ*, Герм. Федор., врачъ, 1044.
- Шульцъ*, Ив. Егор., врачъ, 1046.
- Шумскій*, сынъ гр. Аракчеева, 1483.
- Шустовъ*, А-ъ Смарагд, 1044.
- Щелягинъ*, Москов. куп., 198.
- Щенской* Потоцкій (Феликсъ), 585.
- Щенинъ-Ростовскій*, кн., декабр. 735, 051.
- Щепкинъ*, Мих. Семен., 1712.
- Щербатовъ*, кн. А-й Григ. 1172.
- Щербатовъ*, кн. Влад. Ив. 562.
- Щербатовъ*, кн. Мих. Мих. истор. 331; п. къ нему Г. Н. Теплова, 216—218, 220; въ ком. объ уложеніи 2061.
- Щербатовъ*, кн. Ив. сенаторъ (1758 г.), 740.

- Щербатовъ*, кн., камеръ юнк. 853.
- Щербатовъ*, км. маіоръ-24.
- Щербатовъ*, кн., 106.
- Щербининъ*, А-ъ Гр. 1044.
- Щербининъ*, 248, 256 — 258, 266, 267, 270, 273, 278, 285, 288, 291, 295, 296.
- Щуленниковъ*, Мих. Павл., 1044.
- Щура*, 1057, 1061.
- * * *
- Эверсъ*, Густавъ, 1386.
- Эйзенлатеръ*, студ. 1214.
- Эйская земля*, 1284.
- Эйхвальдъ*, Карлъ Ив. врачъ, 1046.
- Эквили*, графиня, 503, 507.
- Эккартъ*, 031.
- Эляшевичъ*, шт. кап., 1216.
- Эме*, Март., 1454.
- Эпинусъ*, Фр. Ив., 13, 37, 39.
- Эмичевъ*, А-й Пв. 1044.
- Эмме*, Густ. Карл. 1044.
- Энгельскій*, герц. 1459.
- Эренбергъ*, 345.
- Эриба*, крѣп., 1049.
- Эристовъ*, кн. Дм. Ив. 1066.
- Эристаъ*, герц. Кобургскій, 1101.
- Эртель*, москов. об. пол. 168.
- Эртель*, 268, 1152, 1153.
- Эссенъ*, (Петръ Кирил.) 1151.
- Эстергази*, гр. 428, 437.
- Эстергази*, гр. 1817, 1821.
- * * *
- Юзефовичъ*, Мих. Влад. 1724—1726.
- Юли*, поруч. Архар. полка, 172—174.
- Юнкеръ*, адъют. 04, 07.
- Юринъ*, пом., 546, 558.
- Юрьевъ*, гор., 1395, 1396.
- Юрьевъ*, Егоръ, коноваль, 1681.
- Юсуповъ*, кн. Борисъ Григор., сенат. 740.
- Юсуповъ*, кн. (Никол. Бор.) 631, 632, 634; упом. 1905, 1911.
- Юсуповъ*, кн. Никол. Борис., 1044.
- Юферовъ*, подполк. 1217.
- Юшковъ*, 6, 24.
- * * *
- Яужинскій*, его дѣло, 37.
- Языковъ*, А-ъ Петр., о Грузинѣ. 1462—1484.
- Языковъ*, Дм. Пв. 2101.
- Языковъ*, Мих. Алексан. 1044.
- Языковъ*, Никол. Мих., 340, 056, 059.
- Яковлевъ*, А-ъ Алексѣев., об. прок. Свюда, 1122.
- Яковлевъ*, Влад. Дм. 042.
- Яковлевъ*, Ив. Алексѣев., богачъ, въ п. М. И. Глинки, 377.
- Яковлевъ*, поруч., 1476.
- Яковлевъ*, вахм. 1634, 1635.
- Яковлевъ*, Яковъ, крест., 532, 533.
- Якубовичъ*, 736, 052.
- Якушкинъ*, Вячесл., Иван., 1044.
- * * *
- Яндоуровъ*, подпор., 1476.
- Янишки*, мѣст., 1491 — 1493, 1498.
- Яновскій*, Валер. Андр. врачъ, 1046.
- Ярковскій*, А-ъ Альберт., 1044.
- Ярошевскій*, Плат. Иван., врачъ, 1046.
- Яуза и Яузка*, р. 1411, 1413.
- Яхмсенъ*, камериръ, 1750, 1760.
- Яхнакъ*, публиц. 033.
- Яцевичъ*, 1504. 1505.
- Яценковъ*, ценис. 619.
- * * *
- Ѳаворскій*, Макс. Андр., 2017.
- Ѳедоровъ*, Никол. Мих., 1044.
- Ѳедоровъ*, Пав. Степ., 351, 352, 360.
- Ѳедоровъ*, фельдъ ег. 565.
- Ѳеодоръ* Іоанновичъ, царь, 593.
- Ѳеодосій*, игум. 1078.
- Ѳеофанъ* Прокоповичъ, архіеп. 196, 217; п. кн. Кантемира, 578 — 587, (919, 1693.)
- Ѳеофанъ*, архим. 1391.
- Ѳеофанъ*, (Леонтовичъ), мон. 1571.
- Ѳеофилъ*, епис. Черниг., 1603.
- Ѳомилъ Евстиней*, дьякъ 2050.
- Ѳомы Келтійскаго* о Подражаніи Христу, замѣч. Сперанскаго, 1969, 1970.
- Ѳотинъ*, Антоній, толмачъ, 1765.

П О П Р А В К И.

Къ стр. 1725. Стихотвореніе *Псковъ* приписано Пушкину на основаніи преданія. Нынѣ намъ сообщено изъ источника вполне достовѣрнаго, что стихотвореніе это сочинилъ нѣкто *В. Панкратъевъ*, и что въ первоначальномъ видѣ оно разнствуетъ съ напечатаннымъ: напр. въ первомъ стихѣ вмѣсто *песчаныхъ скалъ* надо *кремнистыхъ скалъ* и въ пятомъ стихѣ вмѣсто *честныхъ благъ* — *чистыхъ благъ*.

Къ стр. 1953. Г-жу Плещееву звали Натальею не *Федоровною*, а *Федотовною*; равно и сестра ея была *Марья Федотовна Донаурова*.

Тамъ же, въ переводѣ письма Императрицы *Маріи Федоровны* къ Плещееву неточность въ русскомъ переводѣ, въ концѣ: слѣд. вмѣсто напечатаннаго: „вашу пріятельницу *Марію*“ — *вашъ добрый другъ Марія*.

Стр. 2092. Вмѣсто *А. П. Писареву* слѣдуетъ *А. И. Писареву*.

Въ Русскомъ Архивѣ будущаго 1870 года появятся между прочимъ:

Неизданныя бумаги императрицы *Екатерины II-й*.

Донесенія князя *А. Б. Куракина* императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ.

Записки *Н. В. Берга* о Польскихъ заговорахъ послѣ 1831 года.

Автобіографія *В. С. Хвостова*.

Письма цесаревича *Константина Павловича* къ маркизѣ де Кюбьеръ.

Письма *Сперанскаго* къ *А. А. Столышину* и *Ф. И. Цейеру*.

Записки *И. П. Липранди* (по поводу Воспоминаній Вигеля).

Переписка Русской знати при Петрѣ II-мъ.

Письма графа *З. Г. Чернышова* къ *И. И. Шувалову* съ театра Семилѣтней войны.

Статья объ отношеніяхъ Екатерины II-й къ Святѣйшему Синоду.

Бумаги графа *К. Е. Сиверса*.

Статьи *И. С. Аксакова*, *Л. И. Арнольди*, *А. А. Васильчикова*, *Г. Н. Геннади*, *М. Ф. де Пуле*, *М. Н. Лонгинова*, князя *М. А. Оболенскаго*, *С. А. Рачинскаго*, *Д. Н. Свербеева*, *В. В. Селиванова*, *Ю. Ф. Самарина*, *М. И. Селевскаго*, *Ф. В. Чижова* и др.

СТО ТРИ ДНЯ ИЗЪ ДѢТСКОЙ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

(Неизданная тетрадь Записокъ С. А. Порошина.)

1765 ГОДЪ.

Значеніе подневныхъ Записокъ С. А. Порошина давно признано какъ учеными изыскателями Русской исторіи XVIII вѣка, такъ и вообще любителями дѣльнаго историческаго чтенія. Записки эти, „служащія къ исторіи его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, наслѣдника престолу Россійскаго“, содержатъ въ себѣ, на ряду съ указаніями первой исторической важности, живую, безпристрастно начертанную картину Екатерининскаго двора въ началъ великаго царствованія, когда Екатерина только что успѣла окончательно утвердиться на престолѣ (Записки начинаются на 5-й день послѣ казни Мировича), и на первомъ мѣстѣ въ этой картинѣ — чудесный отрокъ, надежда Россіи. Привлекательная личность автора Записокъ, его добросердечіе, правдивость и откровенная преданность своему царственному питомцу внушаютъ довѣріе къ его разсказу и сообщаютъ ему (при всей отрывочности изложенія) большую занимательность, такъ что читатель невольно сѣтуетъ на тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя воспрепятствовали Порошину вести далѣе дневникъ его. Онъ занимался имъ около полутора года, съ Сен-

тября 1764 до Марта 1766; но и за это время Записки не были доселѣ извѣстны въ полномъ своемъ составѣ. 13 Декабря 1765 года Порошинъ отчиталъ: „По желанію его превосходительства Никиты Ивановича (Панина) отнесъ я къ нему показать нѣсколько изъ начальныхъ тетрадей сего журнала“. Панинъ не возвратилъ ему этихъ тетрадей, какъ свидѣтельствуегъ Порошинъ подъ 28 числомъ Декабря того же года. Сохранились ли онѣ въ бумагахъ Панина, или принадлежавшихъ внучатному его племяннику графу Виятору Никитичу Панину, намъ неизвѣстно.

Порошинъ женатъ не былъ. Внучатный его племянникъ, недавно умершій профессоръ Викторъ Степановичъ Порошинъ издалъ въ 1844 г. Записки своего дѣда по подлинной его рукописи, съ особаго (какъ намъ извѣстно) разрѣшенія покойнаго государя Николая Павловича. Въ этомъ печатномъ изданіи недостаетъ Записокъ съ 26 Марта по 13 Юля 1765 года, и издатель свидѣтельствуегъ (стр. 319), что ихъ нѣтъ и въ его рукописи. Точно такой же пропускъ и въ экземплярѣ Записокъ, который былъ еще въ 1787 г. списанъ у брата Порошина, статскаго совѣтника Ивана Андреевича Н. Н. Бантышемъ Каменскимъ

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 1

и положенъ на храненіе въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (№ 146) и съ которымъ мы свѣрили печатное изданіе*). Пропущенныхъ мѣсяцевъ нѣтъ и въ недавно найденномъ Куракинскомъ рукописномъ экземплярѣ, который впрочемъ гораздо полнѣе печатнаго и по поводу открытія котораго написана прекрасная статья М. И. Семеваго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866, кн. 8-я.

Счастливымъ случаемъ помогъ найти казавшееся утраченнымъ. У сочинителя Записокъ, Семена Андреевича Порошина, была сестра, въ замужествѣ за Ив. Ив. Нечаевымъ, къ которой и перешли нѣкоторые бумаги брата. Бумаги эти хранились въ имѣніи ея, селѣ Новоспаскомъ Сызранскаго уѣзда, Сибирской губерніи, нынѣ принадлежащемъ ея правнуку флигель-адъютанту, полковнику Алексѣю Сергѣевичу Амбразанцеву - Нечаеву. Въ помѣщеніемъ домъ этого села Новоспасскаго никто не живетъ. Лѣтомъ прошедшаго 1868 года отецъ г-на Амбразанцева-Нечаева, Сергѣй Николаевичъ Амбразанцевъ заѣхалъ въ опустѣлый домъ, и по указанію слугъ, нашелъ тамъ заложенные въ старинной люстрѣ бумаги, среди которыхъ и открылась собственноручная тетрадь С. А. Порошина, въ листъ на 64 страницъ, содержащая въ себѣ именно тѣ самыя числа Записокъ, которыхъ не имѣется въ печатномъ изданіи, за исключеніемъ первыхъ семи дней, находящихся и въ печати, но уже въ распространенномъ видѣ что показываетъ, что Порошинъ сначала просто дѣлалъ отмѣтки, а потомъ въ болѣе свободное время переписывалъ ихъ и добавлялъ подробностями. Издаваемая нынѣ тетрадь принадлежитъ очевидно къ такимъ первоначальнымъ, еще не переѣденнымъ, наброскамъ Записокъ.

*) Изъ этого списка напечатаны А. Н. Аоанасьевымъ въ Архивѣ, Н. В. Калачова (1862, кн. 4-я) тѣ мѣста Записокъ, которыя не попали въ изданіе 1844 г.; въ нихъ разсказана жизнь Великаго Князя Павла Петровича въ царствованіе Елизаветы.

Съ просвѣщенной обязательностью и съ согласіемъ сына своего, Н. С. Амбразанцевъ доставилъ намъ какъ эту, такъ и другія свои находки. Неразборчивую рукопись своего дѣда-дяди онъ почти всю переписалъ, что стоило довольно большаго труда. Къ глубокому пригорю нашему, къ нему уже не дойдетъ нынѣшнее заявленіе признательности нашей и всѣхъ любителей Русской исторіи: онъ скончался 18 Сентября 1868 года. — Найденная тетрадь открывается слѣдующимъ росписаніемъ:

17. Четвергъ	Фейерверкъ.
18. Пятница	Пастуховъ.
19. Суббота	
20. Воскресеніе	
21. Понедѣльникъ я дежурный	} Къ Государынѣ, Чернышевъ, Штофовъ, Голыцынъ, кн. Вяземской,
22. Вторникъ Перовильевъ.	
23. Среда Пастуховъ.	(Мольгуновъ, Саллернъ.

Марта 19-го. Обѣдали Гагаринъ и Салдернъ. Ходили портреты смотрѣть. Учился. Къ Государынѣ идтить было хотѣли; однако Ржеутской и Малаховскій у Никиты Иваныча ¹⁾ засидѣлись. Въ берланъ играли. Ужинать и спать.

20. Воскресеніе. Одѣвшись съ Платономъ. Въ церковь. Послѣ обѣдни аудіенція Малаховскому. Обѣдали: Салдернъ, Кутузовъ, Бибииковъ, Филозофовъ. Послѣ обѣда у электрической машины и попрыгивалъ. На куртагъ. Государыня въ цикеть. Послали Малаховскаго смотрѣть внутреннихъ покоевъ. На куртагъ Бибиикова послать. Съ куртага до ужины о первомъ Колбергскомъ походѣ и о Демидовѣ. Заужиномъ о взятіи Колберга. Какъ Вернера казакъ Канифировъ въ полонъ взялъ. О капитанѣ Поповѣ. О зеленой батарее. Характеръ Чернышева и Румянцова. Спать десятаго въ исходѣ.

¹⁾ Панина, который былъ оберъ-гомейстеромъ Павла Петровича и въ то же время управлялъ иностранною коллегіею.

21. Послѣ ученья à la guerre. Обѣдали г. Салдернъ и Крузъ. Грамотѣ про себя. О Нѣмецкомъ языкѣ. Никита Иванычъ о своей небоязливости. Гос. Петръ Великій по разсужденію больше храбръ былъ. О нашемъ кровопусканіи. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ, Чернышова и Вяземская. Мало людей. Орловъ въ цинкѣ съ Бибиковымъ бились. Пришедь ужинать и спать.

22. Послѣ ученья Таубертъ статулку прислалъ. Въ билиардъ. Обѣдали Салдернъ, Мельгуновъ, Штофельнъ и Головцынъ. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ. Орловъ и Голицынъ. Великій Князь въ билиардъ съ Талызинымъ. Въ половинѣ девятаго назадъ. За столъ, спать въ исходѣ десятаго.

23. Середа. До обѣда не знаю что. Послѣ обѣда учился. Послѣ того къ Государынѣ ходилъ. Тамъ пѣвчіе маленькіе пѣли. Государыня въ билиардной въ карты играла, а Великій Князь въ берланъ и въ посыльные короли игралъ съ Шереметьевой и Састъ. Возвратился, ужиналъ и спать легъ.

24. Послѣ ученья въ билиардъ игралъ. Бѣгалъ. Рѣзовъ и своенравенъ сталъ. Рѣзвился. Съѣли за столъ. Никого постороннихъ не было. Говорилъ Никита Иванычъ по большой части со мною. Потомъ о астрономіи. Съ Великимъ Княземъ о паралаксистъ. На чемъ земля стоитъ. О Фонтенелъ о Даламбертѣ, о Лейбницѣ, потомъ о нашихъ дамахъ. Объ Аленѣ Михайловнѣ. Поѣхали гулять по набережной и по Мойкѣ, оборота назадъ. Крикъ. Камеръ-лакея разжаловалъ. Учился Великій Князь. Берланъ, брань со мною. Къ Государынѣ, не выходила. Въ билиардной съ нами только

дежурные кавалеры. Пришли назадъ, отужинавши спать.

25 Марта. Сегодня Пятница, Благовѣщеніе. Конной гвардіи праздникъ. Одѣвшись читалъ Его Высочество съ отцемъ Платономъ. Потомъ пошелъ въ церковь, прошелъ въ билиардную. Государыня finement остряся выговаривала, и говорила, что во всемъ любить порядокъ: j'aime que toutes les choses soient dans leurs formes ²⁾. Петировалася, но Государь къ себѣ пошелъ. Простилъ Игнатьева ³⁾; Полянскому велѣли написать челобитную. Представляли Суворова. Государыня пошла за столъ. Въ галереи кушали съ конно-гвардіи штабъ и оберъ офицерами. Мы съѣли за столъ. Передъ обѣдомъ Никита Ивановичъ игралъ въ шахматы съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ. Обѣдали у насъ Захаръ, Строгоновъ, Суворовъ, Гетманъ, Панинъ, Юшковъ.—О Каменскова поваряхъ, о Нерчинскихъ рудахъ, объ отцѣ моемъ и проч. Послѣ обѣда электризація, шашки. Просилъ я о ливреѣ, но не сдѣлалось. Въ берланъ играли Великой Князь, Остервальдъ, Талызинъ, Сакенъ, Куракинъ; пошли къ Государынѣ. Въ посыльные короли и фрейлины Шафирова и Вейделева Марья ⁴⁾. Пришедь съѣли ужинать. За столомъ по большей части тихо. Спать легъ въ поддесятаго.

26. Читалъ я письмо свое къ Сумарокову. Очень понравилось. Съѣлъ учиться. Въ билиардъ игралъ. Долго на дворъ смотрѣлъ, какъ караулъ смѣнялся. Съѣли за столъ. О трусости князя

²⁾ Хитро выговаривала... Люблю, чтобы всякая вещь была въ своемъ видѣ.

³⁾ Камерлакея, котораго Панинъ наканунѣ хотѣлъ разжаловать въ лакея, за то что опоздали экипажи въ прогуль. См. печатное изданіе Записокъ Порошина, стр. 318.

⁴⁾ Марья Родіоновна, вскорѣ вышедшая за графа Петра Ив. Панина.

Куракина и о дуеляхъ. Никита Ивановичъ говорилъ, что и Государю куражъ надобенъ. Послѣ стола читалъ Никита Иван. мое къ Сумарокову письмо и хвалилъ его. Стороннихъ никого у насъ не обѣдало. Учился Его Высоч-во у меня очень хорошо. Въ берланъ играли онъ, я, Остервальдъ и Куракинъ двѣ пульки, одну выигралъ Куракинъ, другую я. Пріѣхалъ его преподобіе, въ началѣ осьмага часу началась всенощная. Благодично стоялъ Государь. Приходилъ Григорій Орловъ отъ Государыни звать въ церковь, однако Велик. Князь велѣлъ себя извинить, отслушалъ всенощную дома. Съ вербой рѣзвился. Съѣли за столъ. Ужиналъ у насъ отецъ Платонъ. Шутилъ по большей части надъ княземъ Куракинымъ о новоизобрѣтенныхъ словахъ его. Встали. Отецъ Платонъ уѣхалъ. Г. Фузадѣ обрѣзывалъ Его Высоч-ву ногти. Легъ опочивать въ исходѣ десятаго часу.

27. Въ седьмомъ часу. За чаемъ о наступающемъ говѣніи. Обуватца сталъ, мокрица ползла; боялся, чтобъ не раздавили и кричалъ. Мундиры французскіе. Кормилица приходила. Въ церковь пошли. Опять туда проводили Государыню. Въ бильярдной Платонъ поднесъ ей книгу⁵⁾. Цесаревичъ за нею пошолъ и смотрѣли садъ. Возвратился къ себѣ. Платонъ поднесъ и ему оную книгу. Иванъ Григорьичъ батюшкины⁶⁾ письма мнѣ показывалъ. О больницѣ⁷⁾. Письмо архимандрита читано. Съѣли за столъ. О церковныхъ обрядахъ, о пѣніи стол-

⁵⁾ Это были вѣроятно его Поучительныя слова. См. печатный каталогъ Чертковой библ., № 3305.

⁶⁾ Отецъ Порошина, генераль-поручикъ Андрей Ивановичъ въ это время управлялъ Козывановскренскими горными заводами.

⁷⁾ Вѣроятно о Павловской больницѣ въ Москвѣ, которая учреждена была въ память выздоровленія Великаго Князя отъ тяжкой болѣзни и тогда строилась.

повомъ и знаменномъ. Пѣли Платонъ и Никита Ивановичъ. Обѣдали Платонъ только и Кутузовъ. Какъ пошолъ я провожать Кутузова, присылалъ за мною раза три Цесаревичъ; когда я вошелъ, то онъ лежалъ ничкомъ передъ нами у дверей, салфетки свертывалъ и рѣзвился. Такъ встрѣтилъ меня. Поѣхалъ я съ Остервальдомъ кататца. Рѣзвился между тѣмъ Великій Князь; въ вечеру былъ у Государыни, мало тамъ было. Играла она въ ломберъ съ Захаромъ Чернышевымъ и Вяземскимъ. Пришедъ спать легъ, поужинавши. Государыня въ саду была, какъ я мимо ѣхалъ.

28. Вставши чай безъ молока пилъ, потомъ попрыгивалъ. Весьма опечаленъ былъ, что мясо ѣсть велѣлъ Никита Ивановичъ⁸⁾. Къ обѣдни пошли. Во второмъ часу въ началѣ пришли. Уволенъ на всю недѣлю отъ ученья, радость превеликая. — Рыбу ѣсть съ среды, радость же. Обѣдали у насъ генераль-аншефъ Петръ Ивановичъ Олицъ и генераль-поручикъ Мельгуновъ. Говорили за столомъ о Украинскихъ мѣстахъ, о рыбной ловлѣ и прочее, о теченіи рѣкъ тамошнихъ, о Полтавской баталіи очень много, потому, что Олицъ самъ на ономъ мѣстѣ былъ и видѣлъ, гдѣ былъ нашъ станъ, ретраншементъ и Государева ставка. Послѣ обѣда отъ Сумарокова получилъ я письмо; докладывалъ Никитѣ Ивановичу. Пошолъ къ ефимонамъ. Передъ тѣмъ разбранился съ Великимъ Княземъ, заставляя его играть на музыкѣ. Весьма неохотно пошолъ, заицицался своимъ правомъ, что совсѣмъ нынѣ уволенъ отъ ученья; лѣнтяй; послѣ того игралъ съ Кура-

⁸⁾ По болѣзненному сложенію Великаго Князя ему не позволяли держать постовъ, въ которыхъ онъ привыкъ въ царствованіе Елизаветы.

кинымъ въ шахматы, рѣзвился, ужинать, спать легъ.

29. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ съ Платономъ Священное Писаніе. Около станка потомъ забавлялся. Ходилъ я съ Платономъ рѣвки смотрѣть, вчерась вскрылась. Пошли въ церковь, отъ туда тотчасъ къ себѣ. Никита Иванычъ въ шахматы игралъ съ Крузомъ. Сѣли за столъ, обѣдали г. Салдеръ, (Строгоновъ и Крузе. Говорили о уменьшеніи воды въ моряхъ и о Далиновой исторіи ⁹⁾, потомъ о древнемъ мореплаваніи, о Соломонѣ, объ Офирѣ. Вообще о путешествіяхъ. Встали и рѣвки смотрѣть ѣздилъ. Цесаревичъ водилъ по столу шашки строемъ, игралъ потомъ въ шахматы съ Куракинымъ. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, была заутреня.

30. Одѣвшись къ обѣдни ходилъ. Пришедши Куракина валяли и въ шахматы играли. Обѣдалъ Иванъ Григорычъ и Строгоновъ; передъ обѣдомъ маріонетова театру смотрѣлъ. Великій Князь ходилъ по театру, Никита Иванычъ трясъ досками нарочно, чтобъ Его Высоч-во смѣлъ былъ. За обѣдомъ о строеніи. Иванъ Григорычъ о своемъ домѣ, о заводахъ и откупахъ. Послѣ обѣда мы всѣ исповѣдались. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, всенощная началась; до того Великій Князь шашки въ строй устанавливалъ и ходилъ взадъ и впередъ, готовясь къ исповѣди; отецъ Платонъ и Никита Иванычъ дали ему къ тому наставленіе. Послѣ всенощной сѣли за столъ, послѣ ужина послали за духовникомъ отцомъ Феодоромъ ¹⁰⁾. Великій Князь пошелъ на исповѣдь. Прежде заставили читать *Впрюу*, вѣсколько сбился, испугавшись духовника. Былъ на исповѣди съ четверть

часа. Потомъ пошелъ Никита Ивановичъ. Великій Князь послѣ сказывалъ намъ, какъ его духовникъ о рѣзости спрашивалъ его голосомъ. Никита Иван. оговорилъ его таquinerie ¹¹⁾. Легъ спать въ десятомъ.

31 Марта. Въ шесть всталъ, въ семь совсѣмъ готовъ былъ. Отецъ Платонъ читалъ молитвы къ причащенію. Пошли въ маленькую придворную церковь, причащались тамъ. Пришедъ чай пили, потомъ пошли въ большую церковь смотрѣть омовеніе погъ. Оттуда пошли за Государыней, потомъ къ себѣ. Въ шахматы играли, Куракина валяли и на бутылку сажали, въ бильбокетъ. Сѣли за столъ, обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ, гр. Иванъ Григорычъ, Талызинъ, Крузъ, Строгоновъ. Говорили о ядахъ разныхъ потомъ о французскомъ министерствѣ. Встали, опять валяли Куракина. Всѣ разѣхались, многіе въ католическую церковь поѣхали. Мы съ Цесаревичемъ двое только остались. Говорили о милостяхъ, о щедрости. Мои рефлексіи о предупреденіи просьбъ. Читалъ службу пасхальную. Великій Князь въ шахматы игралъ съ Куракинымъ. Читалъ я Сорена. Пріѣхалъ Платонъ, пѣли мы. Началась служба, рано кончилась, часу въ девятомъ; въ большой церкви первое еще Евангеліе читали. Сѣли за столъ. Никита Иванов. съ нами же. Говорили о церемоніи умовенія, о Императрицѣ, короляхъ и о Императорѣ. О нашихъ нѣкоторыхъ духовныхъ. Послѣ ужина о томъ, что растетъ Великій Князь, о нетерпѣнн его. Ушелъ Никита Ивановичъ. Великій Князь легъ спать. Было три четверти десятого, на той половинѣ служба еще продолжалась. За ужи-

⁹⁾ Извѣстная исторія Шведскаго государства.

¹⁰⁾ Феод. Яковлевичемъ Дубянскимъ.

¹¹⁾ Задирчивость.

ною просилъ я Платону на рясу. Согласился на табакерку. Звѣзда на кафтанѣ.

АПРѢЛЬ.

1 Апрѣля. Одѣвшись читалъ съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе, потомъ въ желтой комнатѣ забавлялся. Григорій Орловъ былъ и игралъ съ Никитой Иванычемъ въ шахматы. Съѣли за столъ, обѣдали Григорій Григорычъ, Захаръ Чернышевъ, Иванъ Перфиловичъ, вице-канцлеръ, Салдернъ, Строгоновъ и Крузъ. Орловъ разсказывалъ traits¹³⁾ объ Андреюшкѣ и о Каинѣ. Захаръ Григорычъ омошенникахъ Московскихъ. Рефлексія его: а небось на доброе столько смыслу не имѣли. О вчерашнемъ приключеніи въ Морской церкви. Встали. Захаръ о вице-полковникѣ. Пошли къ вечернѣ. Платонъ проповѣдывалъ очень хорошо. Къ плащаницѣ прикладывались. Его Высоч-во очень чинно кланялся и прикладывался. Пришли, въ воланы играли, смѣялись. Въ вечеру заутреня, у насъ Платонъ служилъ. Съѣли ужинать. Никита Иванычъ тутъ же съѣлъ и очень былъ веселъ. Платонъ, хотя не ужиналъ, однако тутъ же съѣлъ. Шутилъ съ нимъ много Никита Ивановичъ. Его Высоч-во, вставши изъ за стола, скоро легъ опочивать, въ десятомъ часу въ исходѣ.

2 Апрѣля. Всталъ въ семь, одѣвшись пошелъ къ обѣдни; въ боковой комнатѣ стоялъ. Сидѣлъ, какъ паремьи читали. Пришелъ во второмъ уже часу. Съѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только Александръ Бибииковъ и Строгановъ О Яворскомъ и о чудныхъ его и тогда употребительныхъ текстахъ (гдѣ слаще любовь якъ между ногъ) и проч. Анекдоты о глупыхъ полахъ. О Аксако-

¹³⁾ Черты.

въ и обѣ архивѣ, а Никита Иванычъ говорилъ, что оный Аксаковъ сумасшедшій¹³⁾. Послѣ стола платѣ свое показывалъ Великій Князь Никитѣ Ивановичу и роздалъ Савелью Данилову, Ивану Иванычу и кормилицыну сыну. Я табакерку Никитѣ Иванычу показывалъ для Платона. Велѣлъ поискать у Французовъ. Въ воланы мы играли. Великій Князь читалъ mineю общую и ходилъ къ Государынѣ, она откушала уже. Ужинать и спать.

3 Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Всталъ въ шесть. Одѣлся. Въ восемь началась заутреня, служилъ отецъ Платонъ. Послѣ заутрени орденъ на Остервальда. Къ обѣдни въ малую церковь. Послѣ обѣдни привѣтствіе Платоново. Послѣ разговѣлись. Попрыгивалъ и яйцами бился и каталъ въ спальнѣ. Въ воланы. Къ вечернѣ, оттуда къ Государынѣ. Тамъ въ билиардной игралъ въ берланъ и въ короли съ Паниной и Полянской. Государыня въ ломберъ съ Кириломъ Григорычемъ и съ Григорьемъ Орловымъ. Къ себѣ пошли. Я въ шахматы. Никита Иванычъ спросилъ, что думаемъ: о Платонѣ, о монашествѣ.... Ужинать. Раздѣлся, спать положили десятого въ десять.

4 Апрѣля. Одѣвшись въ церковь, Великій Князь рапортъ подноситъ. Пришедъ оттуда, въ шахматы играли. Обѣдали у насъ графъ Захаръ и Иванъ Григорычъ Чернышевы, Салдернъ, Талызинъ и графъ Петръ Григорычъ Чернышовъ. Говорили объ экономіи, какъ Петръ Григорычъ¹⁴⁾ мѣдными деньгами дочерямъ

¹³⁾ Елатерина въ Запискахъ своихъ разсказываетъ объ этомъ Аксаковѣ, придворномъ шутѣ, какъ онъ испугалъ Елизавету, принеся ей ежа въ своей шапкѣ.

¹⁴⁾ Конечно Чернышевъ. Дочери его, впоследствии — одна графиня Дарья Петровна Салтыкова, другая княгиня Наталья Петровна Голицына.

выдастъ жалованье. Вставъ изъ за стола, лйцами всѣ катали, и Никита Иванычъ гонялъ Куракина кругомъ, заставляя его подносить и поднимать лйца. Съ Талызинымъ барахтался онъ. Яицъ въ карманъ насовали. Бились. Куракину карманъ вырѣзалъ. Никита Иванычъ трунилъ надъ нимъ. Отдыхалъ Великій Князь Въ берланъ. Пошолъ къ Государынѣ. Я между тѣмъ къ золотарямъ ѣздилъ и къ отцу Платону. Тамъ былъ архіерей Ростовской и архимандритъ Троицкой, лйцами бились. Отецъ Платонъ католическія мощи миѣ показывалъ. У Государынѣ Цесаревичъ въ берланъ съ фрейлиной граф. Разумовской и Хитрово и потомъ въ посыльные короли игралъ. Шалилъ много. Государыня играла въ ломберъ съ графомъ Кирилой Григорьевичемъ и съ Петромъ Иванычемъ Панинымъ. Иванъ Григорьевичъ Никитѣ Иванычу между тѣмъ рассказывалъ объ Александрѣ Борисовичѣ Бутурлинѣ, какъ онъ при покойной императрицѣ Ивану Иванычу ¹⁵⁾ приплясывалъ и свою Катерину Александровну выхвалявалъ. Очная ему ставка съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Пришедъ домой сѣли мы за столъ. Послѣ стола тотчасъ спать легъ. Десятаго часу было двадцать пять минутъ.

5. Всталъ въ семь часовъ. Приѣхавъ я сказалъ ему о смерти Ломоносова. Отвѣтилъ: *что о дуракъ жальтъ, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ* ¹⁶⁾. Платонъ приѣхалъ.

¹⁵⁾ Шувалову. — Гр. Екатерина Александровна, дочь фельдмаршала Бутурлина, впоследствии супруга известнаго князя Ю. В. Долгорукаго.

¹⁶⁾ Этотъ отзывъ 10-лѣтняго Великаго Князя относится, конечно, къ юзачичимъ работамъ Ломоносова, который на свою квартиру Полтавской баталіи дѣйствительно истратилъ много казенныхъ денегъ. Въ этомъ отзывѣ слышится вліяніе Сальдерна, Остервальда, Эллиуса, можетъ быть Сузарокова и др. Въ подлинной рукописи слова эти подчеркнуты.

О Ломоносовѣ еще, и онъ сожалѣлъ, возбуждая къ тому и Великаго Князя. Остервальдъ пришелъ, тому сказала я, а ничего не отвѣчалъ. Табакерку подарилъ Великій Князь отцу Платону. Пришолъ Никита Иванычъ, къ Государынѣ прошолъ и генералъ поручикъ и сенаторъ Ерошкинъ. Собрался было Государь къ обѣдни, однако не былъ. Никита Иванычъ затворился на той половинѣ съ Бецкимъ. Игралъ Великій Князь въ воланы, а потомъ à la guerre. Обѣдали у насъ Салдернъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, Петръ Иванычъ и Григорій Николаичъ. Говорили о завсденіи здѣсь художествъ и что вчерась нѣкто Государынѣ сказалъ, что надобно здѣсь стараться приращеніе дѣлать, а основаніе изъ чужихъ краевъ брать надобно. О Цорндорфской баталіи Петръ Иванычъ, о Ферморѣ въ дезавантажъ его. Захаръ Григорьевичъ о Александрѣ Борисовичѣ. Il mettait en parallèle le grand savoir du Roi de Prusse avec la parfaite ignorance de notre marechal ¹⁷⁾. Примѣръ тому. Послѣ обѣда десерту смотрѣли изъ здѣшнева фарфору и изъ тѣста. Никита Иван. и протчіе пошли къ нему. Цесаревичъ игралъ въ воланы и поѣхалъ съ Крузомъ кататца. На комеди народной былъ. Приѣхалъ Цесаревичъ, волосы убиралъ, рассказывалъ я ему о томъ. Рефлексія его о раздачѣ своихъ кавалерій. Досадилъ я ему. Пошли на куртагъ, который былъ въ галлерей. Государыня въ пикетъ играла. Цесаревичъ такъ стоялъ. Пришедъ туда, раздражилъ онъ Куракина своею шалостію, тотъ и ужинать не остался. Послѣ сдѣлался очень вѣжливъ. Спать десятаго три четверти.

¹⁷⁾ Сравнивалъ великое знаніе Пруссаго короля съ полнымъ невѣжествомъ нашего фельдмаршала.

6. Всталъ въ исходѣ седьмаго. За чаемъ о качеляхъ и о гуляньѣ. Убирался пѣль и на часы смотрѣлъ. Считалъ, въ которыхъ часахъ прежде сего за кушаньемъ посылавали. Говорилъ передъ тѣмъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то. *Avec les meilleurs intentions du monde vous vous ferez hair, monseigneur*¹⁸⁾. Убравшись пошелъ со мною въ желтую и кругомъ бѣгалъ. Очень сталъ *étouffé*¹⁹⁾ и непріятель порядочныхъ разговоровъ и разсужденій. До обѣда морскихъ кадецкихъ офицеровъ представляли. Зачалъ учиться. Рѣзвился, въ биліардъ игралъ. Сѣли за столъ, стороннихъ никого кромѣ Салдерна. Никита Иванычъ у графа Петра Григорьича обѣдалъ. Государыня тамъ кушала. Послѣ обѣда игралъ Великій Князь въ берланъ. Въ вечеру къ Государынѣ ходилъ. Пришелъ назадъ въ началѣ девятаго. Ужиналъ, спать легъ.

7. Учился. Никита Иванычъ у брата обѣдалъ. Послѣ обѣда прѣхалъ и поѣхали съ Цесаревичемъ гулять. Были на публичной комедіи. Описаніе оной комедіи. Денегъ дали. Въ берланъ. Къ Государынѣ ходилъ. Уживать и спать. Я былъ у Сумарокова.

8. Вставъ учился. Пожаръ сдѣлался у Нѣмецкой кирки. Цесаревичъ ходилъ къ Государынѣ. Потомъ пошли къ Настасьѣ²⁰⁾ и оттуда смотрѣли. Изъ стороннихъ никто не обѣдалъ. Изъ Синода по утру поднесли книги. Мнѣ пожаловалъ осьмогласникъ и четиминейю. Былъ у насъ Орловъ. Ку-

ракина въ русскомъ языкѣ экзаминовали. Въ вечеру Цесаревичъ къ государынѣ не ходилъ, для того что по утру видѣлся, и притомъ Никитѣ Иванычу недосугъ было. Въ берланъ игралъ, въ биліардъ. Ужинать и спать въ обыкновенное время. Государыня севодни на публичной комедіи быть изволила, верхомъ въ мундирѣ конной гвардіи²¹⁾. Пожаловала денегъ.

9. Одѣвшись учился. Обѣдалъ графъ Захаръ Григорьичъ, Петръ Иванычъ. О лагерѣ, что за столомъ вмѣсто бутылочъ бочки будутъ. Потомъ о экономическихъ учрежденіяхъ. О ландмилицкихъ полкахъ и ихъ екипажѣ, что Олицъ сказывалъ, какъ въ дорогу собираться чтобъ всему мѣсто, все приготовлено было. Послѣ обѣда учился Цесаревичъ. Въ подлomberъ съ Куракинымъ. Кукольниковъ театру смотрѣть ходили. Къ Государынѣ. Тамъ они играли въ карты съ Петромъ Иванычемъ Панинымъ и съ Григорьемъ Григорьичемъ. Великій Князь въ берланъ, въ шкапъ и разныя карточные штуки съ фрейлинами Шереметевой и Сасъ. Къ себѣ пришедъ, сѣли ужинать и спать. Государыня севодни въ мундирѣ пѣшей гвардіи верхомъ ѣздила до Трехъ Рукъ и тамъ кушала. Назадъ по полудни часу въ пятномъ прибыла въ каретѣ, а въ карты играла уже раздѣвшись, въ кофточкѣ.

7. Четвергъ . . . Пастуховъ.

8. Пятница . . . Барятинскій.

9. Суббота . . . У Государыни, на балъ, у Трехъ Рукъ.

10. Воскресенье . Я дежурный.

11. Понедѣльникъ. Перепальевъ.

12. Вторникъ. . . Пастуховъ

18) Хотя у васъ наилучшія намѣренія; но вы можете сдѣлать, что васъ, государь, стануть ненавидѣть.

19) Вѣтренъ.

20) Камеръ-юнгфера Настасья Ивановна Соколова, побочная дочь Бецкаго, вышедшая вносѣдствіи за Рыбаса.

21) Это была пятница Святой недѣли. Качели и народныя игры. Въ этомъ видѣ, отиѣнно прекрасномъ по свидѣтельству современниковъ, Екатерина показывалась простому народу.

10 Апрель. Воскресенье. Одѣвшись съ отцомъ Платономъ читалъ Священное Писаніе. Рапорты недѣльные отъ морскихъ принималъ. Въ церковь. Государыня въ фонарикѣ, не очень была здорова. Пришедъ окно отворили. Радость крайняя. Не отходилъ отъ окна и поскакивалъ. Черни много зѣвало. Нищему рубль далъ. Обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ, г. Салдернъ и Крузъ. Петръ Иванычъ похвалы солдатамъ нашимъ. О Цорндорфской, Франкфуртской и Пальцигской баталяхъ. Что на спектаклѣ народъ тихъ и не пьянъ. Рефлексія, что народъ у насъ исправляется, да мы не исправляемся. Послѣ обѣда подломберъ съ Куракинымъ. Танцы и вчерась танцы. Къ Государынѣ на балъ. Государыня совсѣмъ на выходила. Цесаревичъ открылъ балъ съ графиней Анной Карловной. Потомъ поднималъ я для него гетманшу: нога болитъ. Танцевалъ съ княгиней Дарьей Алексѣвной, съ Шереметсвой и нѣкоторыми. Шутилъ, пока былъ гр. Иванъ Григорьичъ, съ княгиней Барятинской. Потомъ еще менусть съ большою Чоглоковой. Смотрѣлъ на контраданцы. Слезки было навернулись. На балѣ Никита Иванычъ разсуждалъ со мною о Французяхъ. Прямой былъ конфіансъ. Цесаревичъ о Волотниковѣ за меня просилъ гр. Чернышева. Шутилъ, чтобъ посадить его въ болото. За ужиномъ о балахъ и о танцахъ. Куракина походъ къ Строгонову. Цесаревичъ опочивать легъ въ исходѣ десятаго.

11. За чаемъ говорилъ со мною о Чоглоковой, о вчерашнемъ карабинерномъ офицерѣ, о Полянскомъ и представлялъ. Во время убирания шутилъ. Убравшись, въ желтую. Орловъ приходилъ. О деревнѣ ево Ропшѣ. О болѣзни государыниной. Заснула

она. Потомъ тотчасъ за нимъ прибѣжали. Великою Князь сердился и кропотался. Изъ стороннихъ Салдернъ только обѣдалъ. Учился до обѣда. Послѣ обѣда у окна смотрѣлъ. Шутки съ Куракинымъ. Въ шахматы игралъ. Поскакивалъ и кланялся нарочно низко мимоходящимъ. Шутя на ухо со мною перебранивался. Учился у меня хорошо. Цугъ его лошадокъ передъ окно приводили. Танцевалъ. Никита Иванычъ смотрѣлъ. Онъ лишь только пріѣхалъ, ѣздилъ верхомъ прогуливаться. Цесаревичъ у Государыни былъ. Она все еще немогла лихорадкой.

12 Апрель. Проснулся въ семь часовъ. Учился. По утру ходилъ къ Государынѣ. Въ сапоги еще съ утра обулся и очень радъ былъ, что на манежъ идти. Государынѣ полегче. Тамъ гулялъ въ саду Великій Князь. Съѣли за столъ; обѣдали Крузъ и Салдернъ. Послѣ обѣда тотчасъ на манежъ. Тамъ часа два были. Великій Князь ѣздилъ на воронинькой турецкой лошадаѣ, которую прислалъ Обрѣзковъ. Спотыкнулась, и онъ самъ удержалъ. Какъ отѣзжалъ, то зачалъ ѣздить Ребиндеръ. Никита Иванычъ ѣздилъ же. Савелій Данилычъ на чаленькой, прежней Великаго Князя. Выводили маленькихъ Великаго Князя лошадей. Куракина учили. Стрѣляли. Были съ Великимъ Княземъ вице-канцлеръ, Матюшкинъ и Талызинъ. Его Высочество бѣгалъ по манежу и очень весель былъ. За балюстрадой и стороны офицеры, кромѣ конюшенныхъ, кое-кто были. Съ манежу къ себѣ, потомъ тотчасъ на комедію: *Medisant et Indiscret*, балетъ Аполонъ и Дафна. Аплодировали много. Государыни не было. «Кулаки мои больше еще устали нежели я», сказалъ Великій Князь.

Три четверти девятого было, какъ все кончилось. Ужиналъ Великій Князь, надъ Куракинымъ шпынялъ, какъ онъ не поворотливъ и трусливъ и какъ сегодня упалъ въ манежъ. Въ исходѣ десятого раздѣлся и легъ Его Высоч-во.

13. Всталъ въ семь. Учился. Обѣдали Салдернъ только и Талызинъ. Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ кругъ дворца. Радъ очень былъ. Въ берланъ играли, въ воланы. Къ Государынѣ; она не выходила, хотя уже здорова была. Ужинать и спать.

14. Огучась по утру ходилъ Великій Князь къ Государынѣ. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, Строгановъ, Салдернъ, Талызинъ. Петръ Иванычъ о межеваніи говорилъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. Въ окно долго смотрѣлъ. Погода хороша была. Въ воланы играли. Ужинать и спать.

15. Всталъ въ семь часовъ. На балконѣ смотрѣли. Учился. Графъ Иванъ Григорьевичъ съ патентами. Великій Князь подписалъ нѣсколько. Аглинской пасторъ поднесъ Польшу и съ отцемъ Платономъ познакомился. Въ зеленой кафтанъ и въ сапоги одѣтъ былъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, Строгановъ, Талызинъ, Крузь и Тепловъ; говорили о комерціи и о продуктахъ земли. Пророчество Крузово, что въ Америкѣ желѣзные заводы будутъ, и Англичане ничего желѣза отъ насъ брать не будутъ. Никита Иванычъ пророчествовалъ, что когда до того дойдетъ, то Американскія селенія за Агличанами не останутся. О тиранствѣ Агличанъ надъ областями Американскими. Иванъ Григорьевичъ объ Аглинскомъ народѣ. „Купецъ банкротомъ сдѣлался отъ долговъ, заимодавцы послѣднее отдали, чтобъ воз-

становить кредитъ, и удалось.“ О преніяхъ ихъ. Теплоу о разводѣ у нихъ земледѣльства, въ голодное время, наложеніемъ награжденія тѣмъ, кои хлѣбъ за границу выпускать будутъ. Какой бы кто прожектъ ни принесъ, въ Парламентѣ червонные. Послѣ обѣда Григорій Орловъ пришолъ. Въ воланы, шалилъ и adresse ²²⁾ свою показывалъ. Въ манежъ поѣхали съ нами Орловъ, Иванъ Чернышевъ, Александръ Бибииковъ и Строгановъ. Великій Князь хорошо ѣздилъ à deux reprises ²³⁾. Долгошея свихнулъ шею. Иванъ Григорьевичъ съ Орловомъ черезъ стулья въ ложѣ прыгали. Изъ манежа домой. Тамъ чаю напильсь. Приѣхалъ къ Никитѣ Ивановичу Остенъ, и Великій Князь съ нетерпѣніемъ дожидался. Учился между тѣмъ боротца. Пошли наконецъ въ спектакль. Трагедія Хоревъ. Ссора у мужа съ женою и парадный балетъ съ волынкой. Государыня была. Дмитревскій очень хорошо игралъ. Пришедъ къ себѣ, сѣли ужинать. О спектаклѣ говорили. Польскую карту передъ ужиномъ раскладывалъ. Его Высоч-во опочивать легъ въ исходѣ десятого. Очень усталъ.

16. Всталъ почти въ половинѣ осьмова и нахмурился, что поздно. Однакожь развеселился. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашней манежной ѣздѣ, и что ему хочется быть лѣтъ въ пятнадцать. Проворства Дмитрія Демьяновича, и во вторыхъ его поставилъ. Одѣвшисъ патенты подписывалъ. Въ биль-бокеть игралъ. Учился. За столъ сѣли; обѣдали графъ Минихъ, Салдернъ, Строгановъ, Талызинъ, Ребиндеръ, князь Сергѣй Меншиковъ, Набоковъ. Послѣ обѣда

²²⁾ Ловкость.

²³⁾ Въ два прѣвѣста.

Орловъ приходилъ, проказилъ и протясъ ушолъ. Пошли къ Государынѣ. Она поѣхала въ Сарское Село. Великій Князь до самаго крыльца. внизъ ее проводилъ. Часъ былъ четвертый. Пришли мы къ себѣ. Радовался Цесаревичъ, что хлопотъ убыло. Игралъ въ воланы. Учился у меня очень хорошо. Фектовалъ. Въ берланъ. Алисоново путешествіе. Въ подломберъ. Въ берланъ. Ужиналъ. Какъ зачалъ раздѣватца, пришло Никита Иванычъ и былъ тутъ, пока Государь легъ въ поддесятомъ. Потомъ Никита Иванычъ самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строганова слуги наряжались въ бѣлую рубашку и въ парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ.

17. Воскресенье. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ Священное Писаніе съ отцомъ Платономъ. Пошолъ къ обѣдни. Слушалъ изъ боковой. Потомъ въ церковь ко кресту ходилъ. Во время обѣдни со мной много разговаривалъ. Къ себѣ возвратился. Весьма многіе за нимъ пришли. Съ полчаса побыли и ушли. Многихъ вице-канцлеръ звалъ къ себѣ обѣдать. Чтеніе и задача Сумарокова Притчей. Великой Князь Польскую карту вмѣсто декораціи установилъ. Обѣдали у насъ только Петръ Иванычъ Панинъ и Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ. Петръ Иванычъ говорилъ о своихъ депансахъ, потомъ о деревенской экономіи, потомъ о стрѣльбѣ и объ охотѣ. Послѣ обѣда Великова Князя Никита Иванычъ заставлялъ въ биль-бокетъ играть. Очень искусно игралъ. Потомъ много играли мы въ воланы. Послѣ Великой Князь съ Куракинымъ сѣлъ играть въ свой подломберъ. Послѣ ужина съ Никит. Иваныч. и съ

Куракинымъ, и къ Строганову ходили. Его Высочество недолго былъ; тамъ пугали Куракина.

18. Послѣ ученя рѣзвился. Смотрѣлъ книги въ своей библиотекѣ, ружьемъ тамъ дѣлалъ. За столъ мы сѣли. Только Салдернъ былъ. Никита Иванычъ со мною о Тредьяковскомъ, о сочиненіяхъ его и анекдотахъ и проч. Послѣ обѣда бѣгалъ со мною Его Высочество изъ комнаты въ комнату. Учился у меня очень хорошо. Естампы смотрѣлъ. Танцевалъ. Въ берланъ, ужиналъ. Никита Иванычъ приходилъ, поговорилъ. Государь спать легъ.

19. Вставъ, учился по обыкновенному. Богдановичъ поднесъ ²⁴⁾ поему. Захаръ Григорычъ пріѣхалъ. Ему, Никитѣ Иванычу и Великому Князю читалъ я письмо Чупятова ²⁵⁾. Много смѣялись. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ гр. Захаръ Григорычъ. О строгости его говорили. Потомъ о субординаціи. Никита Иванычъ, какъ камердинеры должны насъ слушаться. О просьбѣ благороднымъ образомъ. Никита Иванычъ говорилъ, что читать книгъ ему некогда. Великой Князь на то: «Вотъ вчера съ, какъ у меня вы были, могли бы и читать.» Говорилъ Никита Иванычъ, что онъ не попустому къ нему ходитъ, но примѣчаетъ его поступокъ, что надо отмѣнить, что дать времени и тому подобное. Читали послѣ обѣда Богдановичеву поему. Очень хвалилъ Никита Иванычъ. Между тѣмъ за великапомъ послали. Ужасное чудовище: три аршина и пять вершковъ. Ущу-

²⁴⁾ И. Ѳ. Богдановичъ вѣроятно пріѣзжалъ на время изъ Дрездена, гдѣ онъ служилъ секретаремъ посольства при князѣ Бѣлосельскомъ; поэма его есть *Сугубое Блаженство*, въ 3 пѣсняхъ. Душенькою онъ прославился гораздо позднѣе.

²⁵⁾ Извѣстный юридическій.

пывали его и проходили подъ ноги и подъ руки. Имя Бернардо Жилли. Портретъ его и фамиліи. Пожаловалъ ему Никита Иванычъ отъ Великаго Князя 300 рублей. Отъ роду ему двадцать седьмой годъ. Гасконецъ съ нимъ. Дивились ему всѣ ужасно. Послѣ учился Великій Князь. Въ воланы играли. Пошли въ комедію. Комедія была *Ecole des amis*, балетъ со змією. Маленькая піеса *Triple mariage*. Въ сіе время изъ Сарскаго Села пріѣзжіе приходили: Бецкой, Елагинъ, Василий Бибииковъ; первые двое долго съ Никитою Ивановичемъ говорили и на комедію совсѣмъ почти не смотрѣли. Бибииковъ сказывалъ, что и въ Сарскомъ Селѣ вѣрно быть спектаклямъ, въ пятницу французскимъ, а во вторникъ русскимъ. Послѣ комедіи сѣлъ Государь ужинать. Говорили о покойномъ Ломоносовѣ, реци-тировалъ послѣднюю его строфу изъ одной оды О Сумороковѣ. потомъ о великанѣ. Послѣ ужины скоро спать легъ, въ исходѣ десятаго.

20. Всталъ въ семь. Одѣвшись у меня патенты подписывалъ. Потомъ учился. Я между тѣмъ отцу Платону читалъ Суморокова притчу и письмо Чупятова. Великій Князь потомъ въ воланы. Послѣ *danses rabattues* съ Куракинымъ. Никита Иванычъ въ сіе время пріѣхалъ. Ѣздилъ верхомъ съ нимъ Александръ Бибииковъ, Салдернъ да Кушелевъ; обѣдали у насъ Салдернъ и Талызинъ. Говорили о вчерашнемъ гигантѣ, Никита Иванычъ, чтобъ его ко двору сюда взять. Обѣ..... ²⁶⁾ о Гамбургцахъ и о Голландцахъ, о правленіи ихъ и о вольности. Послѣ обѣда пѣшкомъ гулять по Луговой и кругомъ. Великій Кн. въ воланы. Учиться сѣлъ. Очень

²⁶⁾ Неразобранное слово.

хорошо у меня учился. Фектовалъ, былъ тутъ Никита Иванычъ и скоро ушолъ. Въ берланъ дѣлъ пули. Одну Куракинъ, другую Великій Князь выигралъ. Въ воланы Его Высоч-во и въ *danses rabattues*. Ломоносову надгробную пѣсню читали. Ужинать. Заужиномъ Богдановичеву епитафію Ломоносову. О дѣвкахъ Американцахъ. О воспитаніи Куракина и сравненіе онаго съ воспитаніемъ Великаго Князя между мамками. Послѣ ужина въ Средиземное море собрался ѣхать и считалъ, сколько чего взять надобно. Спать десятаго сорокъ минутъ.

Р. С. Курьеры изъ Сарскаго Села и отсюда каждый день.

21 Апрѣля. Рожденіе Государыни-во. Къ обѣдни. Послѣ обѣдни столъ большой.— Анна Карловна, Агриѣена Леонтьевна, Матюшкина, княгиня Дарья Алексѣевна, Морские, Селивановы и Петръ Григорычъ и Иванъ Григорычъ и другіе, всево кувертовъ на 30. Въ вечеру ничего публичнаго не было. У насъ въ комнатахъ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

22. Одѣвшись учился. Передъ обѣдомъ дежурной маіоръ гвардіи Щербатовъ поднесъ рогъ Сибирскаго барана въ 13-ть фунтовъ. Опъ у насъ только обѣдалъ изъ чужихъ. Никита Иванычъ кушалъ у брата. Послѣ обѣда Цесаревичъ учился. Берланъ и воланъ очень въ модѣ. Ужинать и спать.

23. Одѣвшись учился. Обѣдалъ у насъ Юшковъ и Строгановъ. Говорили о Московской губерніи, потомъ о мѣрахъ, о футахъ и рутахъ, о счетахъ. Строгановъ говорилъ, что счоты его предками вошли въ Россію. О народномъ употребленіи счотамъ. Послѣ обѣда Юшковъ откланялся.

Великой Князь жаловался головою. Раздѣть его велѣлъ Никита Иванычъ, и положили, не уснетъ ли онъ. Легче стало; играли въ берланъ, потомъ смотрѣлъ онъ естампы. Въ опочивальнѣ ужиналъ и спать легъ.

24. Воскресенье. Одѣвшись съ отцомъ Платономъ у обѣдни. Послѣ сѣли за столъ. Никит. Иван. посылалъ за Крузомъ, чтобъ Великаго Князя покормить умѣренно, а самъ поѣхалъ на званой обѣдъ къ Миниху. Онъ всю его родню звалъ. Послѣ обѣда въ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

25. Въ фракъ одѣлся. Слабительное принималъ, въ спальнѣ кушалъ. Потомъ въ бильбокетъ, въ воланы, въ берланъ, въ гусекъ. Я читалъ ему свѣтилъ описаніе Отужинавши спать. Сегодня ѣздилъ я съ Ники. Иван. въ манежъ. Ѣздили тамъ, онъ очень благосклоненъ ко мнѣ былъ, а за столомъ обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорычъ Чернышовъ. Никита Иванычъ рассказывалъ о вчерашнемъ обѣдѣ Миниха, какъ онъ его заподличивалъ, и показывалъ всю свою послѣ обѣда канцелярію, какъ планы у него расположены. Говорили тутъ о Минихѣ, о зубной болѣзни. Гр. Иванъ Григорычъ показывалъ мнѣ зубы. Одинадцати нѣтъ. Послѣ обѣда большой планъ о лѣсахъ отдалъ Великой Князь Чернышову, чтобъ отвезъ въ коллегію. Самъ подписалъ на немъ: *Отдать въ Адмиралтейскую коллегію*, а я въ низу подписалъ годъ и число.

26. Всталъ въ седьмомъ Пивъ чай, спрашивалъ меня, чтó я вчерась съ Крузомъ говорилъ о Новѣгородѣ и о собачкѣ, коя оттуда. Потомъ стошнило. Положилъ я его въ постель. Вырвало. Далъ пить еси ранѣ²⁷⁾. Заснулъ.

²⁷⁾ Хлѣбная вода.

Проснувшись гораздо легче. Пріѣхалъ Крузь и Фузадье, я посылалъ. У Никиты Иван. конференція о новой Сербіи и Запорожской Сѣчѣ съ Вяземскимъ и Захаромъ. Великой Князь кушалъ въ опочивальнѣ. Послѣ кушанья въ берланъ и гусекъ. За большимъ столомъ изъ постороннихъ Елагинъ, Сумороковъ и Строгоновъ. Брань у Елагина съ Сумороковымъ. Никита Иванычъ на силу прекратилъ. Въ вечеру комедія *Bourgeois à la mode*. Балетъ *Magicien*, пѣса *Chasseur*, опера *comique*. Великаго Князя не было.

27. Всталъ въ 8-мъ часовъ. Сердился, что проспалъ и кричалъ на камердинера, для чего не разбудилъ. Одѣлся и учился, какъ обыкновенно. Кушалъ за большимъ столомъ. Никита Иваныча тутъ же, а по утру былъ въ манежѣ Никита Иванычъ. Стороннихъ никого не обѣдало. Послѣ обѣда учился Великій Князь, потомъ въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать. Я пріѣхалъ сей день послѣ обѣда, и Никита Иванычъ говорилъ, для чего я не былъ на манежѣ. Знакъ благосклонности. Великій князь ужиналъ за большимъ столомъ. Спать въ полдесятаго.

28. Вставши и одѣвшись, учился Астрономіи не весьма охотно. Въ воланы. У Ники-Иваныча конференція: Григорій Орловъ, Захаръ, вице-канцлеръ и еще незнаю кто. Никита Иванычъ съ ними и обѣдалъ у себя. У насъ изъ постороннихъ никто не обѣдалъ. Для Великаго Князя Фузадье былъ. Остервальдъ тутъ же. Говорили о строеніи, во что станеть; Фузадье съ обыкновенною простотою, какъ я зачалъ строить, не имѣя ни полушки въ карманѣ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился у меня изрядно. Призывалъ его Никита Иванычъ къ себѣ, играли тамъ въ берланъ. Ужинать и спать.

29. Одѣвшись учился. Государыня изъ Сарскаго Села прибыла въ Сенатъ. Какъ пріѣхала изъ Сената, Цесаревичъ ходилъ къ ней. Простился съ нею, а она поѣхала кушать къ Бецкому. Откушавши въ четвертомъ часу, опять въ Сарское Село. Великій Князь у себя кушалъ. Графъ Иванъ Григорьичъ и Салдернъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедію. Игрокъ, балетъ со змѣей и Пустомеля. Дмитревскова въ ложу приводили. Послѣ комедіи въ воланы. Ужинать и спать. На меня все таки сердить.

30 Апрѣля. Одѣвшись обыкновенно учился. Съѣли обѣдать. Обѣдали Алексѣй Бибииковъ, Философовъ и Сумороковъ. Сумороковъ о великанѣ, о Елагинѣ, о подлости. Никита Иванычъ о Поздѣевѣ. Сумороковъ о механическомъ правилѣ. Послѣ обѣда пріѣхалъ Бецкой. Подарилъ Великому Князю двухъ капуциновъ на картинѣ. Послѣ обѣда учился. Въ воланы, въ берланъ. Пришолъ Ники. Иван., игралъ въ воланъ. Потомъ со мною читалъ Волтеровы сентенціи. Ужинать съѣли. Никита Иванычъ съ нами же. Говорили о Бенуа и о Руссо со мною. Послѣ ужины силу пробовавали. Рогъ и штуцеръ я поднималъ. Спать. Къ Никитѣ Иванычу братъ его пріѣхалъ.

МАЙ.

1 Маія. У обѣдни былъ. Послѣ обѣдни многіе приходили. Обѣдалъ только Салдернъ. Послѣ обѣда очень тихо и пусто было. Цесаревичъ нигде не ѣздилъ. Никита Иванычъ съ братомъ верхомъ въ Катерингофъ. Я былъ у Рубановскова и въ девятомъ вернулся. Играли въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать.

2. Одѣвшись учился, а потомъ въ воланы. Ники. Иванычъ не обѣдалъ, и никою чужихъ не было. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

3. Одѣвшись учился. Съѣли за столъ. Обѣдали дежурный Челищевъ, Салдернъ, Крузь, Строгоновъ и гофмаршалъ Голицынъ. Ники. Иван. поутру въ десять часовъ въ Сарское поѣхалъ. Я обѣдалъ у графа Сакена. Были тамъ: тайный совѣтникъ графъ Минихъ, два брата Мелисины, Бецкій. Изъ иностранныхъ: Англинской, Шведской, Дацкой, Прусской. Потомъ я къ великану. Во дворцѣ комедія: *Le legataire* и *Somnambule*. Балетъ (...²⁸). Великій Князь не былъ. Игралъ между тѣмъ. Шахматы разставлялъ и въ воланъ. Въ осьмомъ часу пріѣхалъ Никита Иванычъ изъ Сарскаго, приходилъ къ Великому Князю и ушолъ. Съѣли мы ужинать, потомъ спать. Заужиномъ о лунатикахъ и о балетахъ.

4. Одѣвшись учился. Обѣдали у насъ вице-канцлеръ, Салдернъ, князь Матвѣй Гагаринъ и Челищевъ. О лошадяхъ говорили. Послѣ обѣда дацкихъ лошадей смотрѣли. Гулять поѣхали въ каретахъ на Литейную, въ лѣтній дворецъ, въ садъ, и погулявши опять въ каретахъ домой. Пріѣхавши не учился, въ воланъ и въ берланъ. Ужинать и спать.

5 Мая. Одѣвшись въ колетъ, къ балкону. Много со мной шутилъ. Потомъ учился. Пошолъ на . . . и пробѣжалъ къ Никитѣ Иванычу. Онъ одѣвался. Къ себѣ пошли и въ воланы. Пришелъ Ник. Иванычъ, съѣли за столъ. Обѣдали у насъ Адамъ Олсуфьевъ, Веймарнъ, Бибииковъ, князь Сергѣй Гагаринъ, Мельгуновъ и

²⁸) Перазобранное слово.

Кружъ. Послѣ обѣда въ манежъ. Тамъ поѣзда, гулять по улицамъ верхомъ. Изъ постороннихъ съ нами Салдернъ, Алексѣй Бибииковъ и Талызинъ; на Литейную и кругомъ. Chemin de bonpe aventure ²⁹⁾ черезъ Миліонную, дома. Чаю напились, не учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

6. За чаемъ о вчерашнемъ гуляньѣ разговаривали. Потомъ кирасирскую амуницію и сапоги я ему велѣлъ примѣрять. Я былъ у Рубановскова, въ Корпусъ и на Петербургской сторонѣ. Обѣдали у Великаго Князя Веймарія, вице-канцлеръ и Петръ Ивановичъ Панинъ. До обѣда и послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ въ воланы, въ берланъ. Ужинать и спать.

7. Одѣвшись учился. Строгонова человекъ шуточное письмо читали. Въ воланы. Обѣдать. За обѣдомъ о моемъ житьѣ, потомъ о кадетскомъ строеніи и вообще о строеніяхъ. Въ воланы. Астрономію; на токарномъ станкѣ планеты устанавливалъ. У меня хорошо учился. Берланъ, ужинать и спать. Никита Ивановичъ обѣдалъ у брата и потомъ верхомъ ѣздилъ; говоритъ, что борется съ лихорадкой. У насъ изъ постороннихъ за столомъ ни одной души не было.

8 Маія. По утру занемогъ головою, тошнилось и рвало. Кушалъ слегка въ опочивальнѣ, сперва немножко въ часъ, потомъ въ пятомъ, а тамъ ужиналъ. Забава берланъ только.

9. Лѣкарство принималъ и во фракѣ былъ, кушалъ въ опочивальнѣ и сожалѣлъ, что для сегодняшняго праздника не могъ въ Морской церкви быть. Кушалъ въ опочивальнѣ. Я былъ въ Морской церкви, я и Иванъ Чернышевъ. Сказывали, какъ много тамъ людей было. Естампы смотрѣли,

²⁹⁾ Путь добраго похода, нѣ.

послѣ обѣда въ берланъ. Читалъ Его Высочество Кандида. Ужинать и спать. Ники. Иван, кушалъ сегодня у вице-канцлера.

10. Всталъ въ 7-мъ часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Никита Иван. въ шлафоркѣ еще приходилъ смотрѣть. Никит. Ивановичъ у себя обѣдалъ. Приходилъ къ намъ графъ Захаръ Григорьичъ и Салдернъ. Гр. Захаръ читалъ со мной Eloge de Daguessau. Обѣли они у Ники. Иваныча. У насъ изъ стороннихъ Строгановъ только. Говорено о разныхъ пародіяхъ и нѣсколько о гражданскихъ законахъ. Послѣ стола въ воланы. Учился. На комедію. Комедія русская *Jean de France*, балетъ Гранжеевъ со змѣей, маленькая піеса: *Сильной видящій*. Передъ комедіей писалъ я стихи на Филидора и attelage à la grec. Послѣ комедіи ужинали; о Сумароковъ, о его трагедіяхъ и притчахъ и скоро спать, десять часовъ было.

11. Всталъ четверть осьмага. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашнемъ балетѣ и кое о какихъ вчерашнихъ его примѣчаніяхъ, о лѣтнемъ дворцѣ, о переходѣ туда и проч. Во время убирания волосовъ сперва твердилъ Платоновъ урокъ изъ Богословія, потомъ фаворы сочиненія читалъ, оперу comique *Anette et Lubin* и *Fête d'amour*. Одѣвшись бѣгалъ кругомъ въ желтой комнатѣ. Въ началѣ одинадцатаго сѣлъ учиться, потомъ въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ, дежурный гвардіи майоръ кн. Черкасской и Набоковъ. Никита Ивановичъ тутъ же обѣдалъ. Послѣ обѣда учился Великій Князь у меня очень хорошо. Потомъ стали понаѣзжать изъ Сарскаго Села, Елагинъ, гофмаршалъ и проч. Въ седьмомъ часу и Государыня изъ Сарскаго прибыть изволила. Поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, за со-

бой ему ийтить въ опочивальню приказала. Черезъ полчаса времени вышла, и онъ за нею. Надъ Гагаринымъ шутить изволила и то съ тѣмъ, то съ инымъ говорила. Черезъ полчаса времени или меньше изволила пойти ко всеобщей, а мы къ себѣ. Тамъ съ княземъ Сергѣемъ Гагаринымъ и со мною разсуждалъ Ники. Ивановъ, какъ бы здѣсь въ деревняхъ завести фермы. Пришелъ братецъ его, пошли они къ себѣ, а Великій Князь скоро съѣлъ ужинать и потомъ спать, десятого въ половинѣ.

12 Маія. Вознесеніе Господне. Его Высоч-во одѣвшись изволилъ читать съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе. Въ церковь. Отъ туда къ Государынѣ. Туда въ билиардную мичмана Алисова приводили, который прѣхалъ изъ Остѣ-Индіи. Предъ тѣмъ въ кавалергардской представляли Государынѣ всѣхъ офицеровъ, кои 21-го Апрѣля по вышедшимъ докладамъ произведены. Пошли мы къ себѣ. Туда позвали Алисова. Обѣдалъ онъ у насъ. Еще обѣдали гр. Иванъ Григорьичъ и Кутузовъ. Алисовъ за обѣдомъ и послѣ обѣда про Остѣ-Индію разсказывалъ. Иванъ Григорьичъ про флотъ и неудовольствіе его по оному. Послѣ обѣда Великій Князь по собственному своему побужденію выпросилъ Алисову 30-ть имперіяловъ, кои я ему отдалъ. Играли мы въ воланъ, потомъ въ цинкъ. Съ Цесаревичемъ были я только и маленькой Куракинѣ. Тутъ, отвора окно, съ фрейлинами говорили: Хитрово, двѣ Чоглоковы и Ефи. Великій Князь шутилъ. Пошли потомъ въ берланъ ³⁰⁾. Послѣ къ Государынѣ, тамъ большой берланъ былъ, и она играть изволила. Въ пули червонецъ съ пятьдесятъ, раздѣлили ихъ

³⁰⁾ Не много оторвано листа въ подлинной тетради.

за тѣмъ, что для Великаго Князя поздно-вато становилось. Остальные онъ выигралъ. Государыня короля сбросила для него, какъ мнѣ показалось. Государыня говорила объ обычаяхъ по смерти Французскаго короля, о коронаціи цесарской. Въ берланъ играли: Никита Ивановъ, вице-канцлеръ, генералъ Голицынъ, молодой Минихъ, Вадковскій, Вяземскій, Гагаринъ, Зиновьевъ, Шереметевъ, Государыня и нашъ. Потомъ пришелъ къ себѣ ужинать и спать.

13. Одѣвшись учился, въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедію; комедія была *La gouvernante de la chaussée*, маленькая піеса *Somnambule*, балетъ Гранжеевъ Аполонъ и Дафна. Послѣ большой піесы пошли въ ложу къ Государынѣ. Послѣ маленькой піесы, Государыня откланялась, забывшись, и ретировалась, а Великій Князь остался въ ея ложѣ, и тутъ до конца балету смотрѣли. Со мной много разговаривалъ. Пришедъ, ужинать и спать.

14 Маія. Всталъ въ семь. Одѣвшись, учился. Пришелъ офицеръ 2-го ранга капитанъ Пущинъ докладываетца о трешкотѣ, сдѣланномъ для Государыни. Привели его передъ дворецъ по Невѣ. Съѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Вяземской и Кутузовъ. У Вяземскаго съ Никитою Ивановымъ какая-то комиссія секретная. Послѣ обѣда пошли всѣ трешкотъ смотрѣть. Дожжикъ шолъ. Однакожь Великій Князь на трешкотъ сходилъ и все тамъ высматривалъ. Возвратясь учился, о пространствѣ всего мірозданія. Разсужденіе. Уменя очень хорошо учился. Къ Государынѣ пошли, тамъ берланъ большой играли. 1) Государыня, 2) Великій Князь. 3) Никита Ивановъ. 4) Вице-Канцлеръ 5) Генералъ Голицынъ 6) Князь Сергѣй Гагаринъ,

7) Чичеринъ, 8) Вяземскій, 9) Головинъ, 10) Мельгуновъ, 11) Кашталинскій. Надъ Гагаринымъ много смѣялись. Пулю опять раздѣлили не доигравъ. Орловъ изъ Краснова Села пріѣхалъ. Пришедъ сѣли мы ужинать. Вскорѣ спать. Не уснулось съ вечера Его Высочеству, велѣлъ я суконные занавѣсы раздёрнуть и двери растворить. Заснуло часу въ одиннадцатомъ.

15. Всталъ въ началъ осьмова. За чаемъ говорили мы о верховой ѣздѣ. Убираясь твердилъ отвѣтъ Боссету. Сегодня послѣ обѣдни ему аудіенція. Послѣ обѣдни аудіенція Боссету, сперва у Государыни, потомъ у насъ. Его Высоч-во отвѣтствовалъ изрядно. Физиономія Боссетева мнѣ понравилась. Обѣдали у насъ Петръ Ивановичъ Панинъ, гр. Иванъ Григорьичъ, г. Салдернъ, Кутузовъ, Михайла Михайловичъ Филозофовъ, отставной ротмистръ Масальской. Говорили о здѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ, о великанѣ и проч. Его Высоч-во изъ за стола вскакивалъ, — поносъ сдѣлался. Послѣ обѣда попрыгивалъ и игралъ въ воланы. Я ѣздилъ прогуливаться съ г. Остервальдомъ и разговаривали кое о чемъ. Въ вечеру на куртагѣ. Куртагъ былъ въ галерей съ музыкою. Ея Величество, какъ обыкновенно, въ пикетъ играть изволила. Великій Князь стоялъ тутъ. Куртагъ кончился въ 8-мъ часовъ. Пришли мы къ себѣ. Ужинать и спать.

16. Одѣвшись учился. Сѣли обѣдать. Никита Ивановичъ у насъ кушалъ. Изъ постороннихъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня хорошо. Потомъ играли въ биліардъ, мнѣ проигралъ онъ шесть рублей, да еще полтинникъ пробилъ о закладъ. Я вчера съ говорилъ, что сегодни хороша погода будетъ, а онъ изволилъ утверждать, что дурна и пробилъ.

1. 2

Подъ вечеръ къ Государынѣ ходилъ, тамъ берланъ. Пришедъ ужинать и спать.

17. Одѣвшись учился Его Высоч-во Сѣли за столъ, обѣдалъ у насъ вице-канцлеръ и Салдернъ. О короляхъ и принцахъ Нѣмецкихъ разсуждали, кто каковъ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился. Потомъ на комедію, русская (Менехли.....), балетъ *Аполонъ и Дана*. Піеса Новопріѣзжіе. Послѣ ужинать и спать.

18. Не учился поутру. Сегодни переездъ въ Лѣтній дворецъ, суетился, чтобъ все было убрано. Въ первомъ часу поѣхали. Онъ въ каретѣ съ Государыней, сидѣлъ противъ нее; протчѣ по чинамъ сидѣли. Мы въ церемоніи жъ были. Тамъ Трубецкой и Бецкой съ хлѣбомъ да съ солью Государыню встрѣтили. Въ церковь она прошла и къ иконамъ прикладывалась; отъѣзжая изъ Зимняго дворца, также. Потомъ ретировалась къ себѣ. Великій Князь у нее кушалъ. Мы у себя. Послѣ обѣда пришелъ къ себѣ. Играли двѣ партіи въ берланъ, также и въ воланы. Къ Государынѣ пошли, тамъ большой берланъ былъ. Пришелъ гр. Григорій Григорьичъ. Ево яхту сегодня спускали, тамъ они обѣдали и послѣ куликнули всѣ. Не доигравъ пули, раздѣлили. Пришедъ къ себѣ сѣли мы ужинать. Потомъ спать.

19. Семикъ. Одѣвшись учился Великій Князь какъ обыкновенно. Обѣдать долго дожидались Никиту Ивановича. Онъ былъ въ комиссіи о разсмотрѣннй крѣпостей. Мы между тѣмъ въ воланы играли, и Великій Князь попрыгивалъ, не скучая излишне. Пріѣхалъ Никита Ива. съ гр. Захаръ Григорьичемъ, съ вице-канцлеромъ и съ Петромъ Ивановичемъ, которые, погода нѣсколько, поѣхали къ Лобковичу на званой обѣдъ. У насъ обѣ-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 2

далъ Крузь только. Послѣ обѣда съ той половины камеръ-юнкеръ Талызинъ приходилъ. Поѣхали въ каретахъ гулять на Васильевской Островъ, мимо биржи, на большую перспективу. Недоѣзжая до Галерной гавани, воротились, и тамъ съ большою перспекты поворотили по осьмой линіи на среднюю. Проѣхали мимо Корпуса и назадъ восвояси. Приѣхавъ отдохнули, послѣ чаю играли въ воланъ. И со мной у окна сидя, Великій Князь съ полчаса порядочно разговаривалъ. Не учился послѣ обѣда, и къ Государынѣ не ходили. Ужинать и спать. Ужиналъ у насъ Строгановъ, говорили о спектакляхъ. Потомъ спать.

20 Мая. За чаемъ разговаривалъ со мною порядочно о нравоучительныхъ матеріяхъ и входилъ въ мои разсужденія. Убираючись изъ Богословія урокъ твердилъ и потомъ Фаворитишны сочиненія читалъ. Убравшись игралъ со мною въ воланы. Потомъ сѣлъ учиться. Отучась въ воланы. За столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ съ нимъ по большой части о Голштинскихъ дѣлахъ, а я съ Крокомъ о Каменномъ островѣ разсуждалъ, который совсѣмъ уже купленъ за 30-ть тысячъ и съ 1-го числа сего Маія числится за Великимъ Княземъ. Съ г. Остервальдомъ я разговаривалъ также о книгахъ. Послѣ обѣда Великій Князь въ билиардъ игралъ. Ники. Иванычъ скоро къ себѣ пошолъ. Гораздо былъ невеселъ. Я, вѣдучи во дворецъ часу въ первомъ, встрѣтилъ въ Миліонной Государыню, не знаю въ чьей каретѣ четверней ямскихъ; одна изволила сидѣть, и занавѣсы опущены. Назадѣ только одинъ лакей придворный. Часу въ седьмомъ Государыня и Великій Князь приѣхали въ Зимній дворецъ на комедію.

Комедія была: *L'homme singulier*, пьеса *Anette et Lubin*. Балетъ новый..... *Le vendange* въ первый разъ. Въ десятомъ часу въ исходѣ все кончилось. Великій Князь, приѣхавши и покушавши, въ одиннадцатомъ легъ опочивать.

Отъ 1-го Мая до 3-го Іюня недостаетъ вступовъ Дневника. Еще не найдены.

ІЮНЬ.

3 Іюня. Вставши, одѣлся и учился. За Богословіей шалилъ. Платонъ и я журили. Въ билиардъ. Приходилъ Григорій Григорычъ и звалъ къ себѣ на яхту, которая нѣсколько выше большова Каменнаго дворца стояла. Сѣли мы обѣдать: Салдернъ, Кропотовъ и Василій Бибииковъ. За столомъ читали Англинское о своевольствѣ тамошнева народу и разсуждали о Англинскомъ правленіи. Послѣ обѣда, какъ уснулъ Никита Иванычъ, поѣхали мы въ баржѣ отъ пристани, что у дворца на Фонтанкѣ. Приѣхали. Государыня тамъ уже была. Яхта очень хороша, убрана вся краснымъ деревомъ. Имя ей Алексѣй. Какъ Государыня зачала ее хвалить, то графъ подарилъ ее Государынѣ. Подняли тотчасъ военный флагъ. Отъ туда поѣхали ниже по Невѣ, къ мосту, на государынину яхту, которой имя Андрей. Отътуда въ каменной дворецъ пристали и пошли на комедію: *Surprise de la haine*, балетъ *Le magicien*, пьеса: *On ne s'avise jamais de tout*. Отъ туда въ каретахъ домой. Великаго Князя Государыня посадила съ собою; двое ихъ только. Какъ шли черезъ покои графа Гри-

горя Григорьича, тутъ показывалъ онъ Государынѣ модель береговъ Мойки, Черной рѣчки и Фонтанки, какъ положено ихъ дѣлать. Споръ былъ. Пришли мы домой. Я къ Никитѣ Иванычу за дѣломъ былъ. Писали письмо въ Академію Художествъ и еще кое-что. Великій Князь межъ тѣмъ отужиналъ, я пришедъ положилъ его почивать. Десять било уже, потому велѣлъ себѣ особый столъ накрыть.

4. Юня. Великій Князь за чаемъ со мной по большей части о вчерашнемъ вояжѣ. За убираніи жъ пѣлъ изъ фаворитишныхъ оперъ. Учился. Послѣ ученья въ билиардъ. Обѣдали у насъ Гагаринъ, князь Сергѣй и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Епиноса диссекцію глаза. Цесаревичъ очень любопытствовалъ. Потомъ въ берланъ. Ужинать и спать. Государыня севодня послѣ обѣда въ Катерингофъ ѣздить изволила.

5. Воскресенье. Одѣвшись къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни къ Государынѣ. Тамъ словесно репортовалъ Великій Князь Государынѣ, гдѣ находится теперь Мордвиновъ со флотомъ. Отъ туда къ себѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали всѣ три брата графовъ Чернышовыхъ, Петръ Ивановичъ Панинъ, вице-канцлеръ и Философовъ. Послѣ обѣда кирасирскую своихъ кучеровъ амуницию Его Высоч-во всю смотрѣлъ. Хвалили. Въ воланы. На куртагъ. Тамъ долго разговаривалъ Его Высоч-во съ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ и со мною. Также говорилъ съ Каменскимъ. На куртагъ обручила Государыня Бестужева съ княжной Долгоруковой. Отъ туда домой ужинать и спать.

6. Одѣвшись учился. Потомъ игралъ въ волчки. У Никиты Иваныча комиссія была о Ягужинскова дѣлѣ.

Послѣ комиссіи обѣдали у насъ гр. Захаръ Чернышевъ, князь Яковъ Петровичъ Шаховской, Олсуфьевъ и Гагаринъ. Недокушавши, принужденъ былъ Его Высоч-во встать и ийтить къ Государынѣ. Она отбыть изволила на яхту Андрей, чтобъ ийтить въ Кронштатъ, а отъ туда далѣе къ Красной Горкѣ, гдѣ флотъ для дѣланія эволюцій дожидается. Проводя часу въ шестомъ, поѣхалъ Государь гулять верхомъ въ Катерингофъ. У Захара Григорьича на дачѣ былъ, что подъ Катерингофомъ и отъ туда пѣшкомъ въ Катерингофъ. Дома часовъ въ девять, ужинать и спать.

7. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился, въ билиардъ игралъ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ дежурный маіоръ Шиповъ и Василій Бибииковъ. Говорили по большей части о кирасирскихъ полкахъ и вообще о службѣ. Никита Иван. обѣдалъ севодня на дачѣ Аграфены Леонтьевны на Охтѣ. Послѣ обѣда, попрыгавъ, учился Его Высоч-во. Потомъ пошли мы въ садъ самъ третей только: Его Высоч-во, Остервальдъ и я; тамъ немногихъ встрѣтили, всѣ въ комедіи были. Комедія была: *Безстыдный любопытный*, піеса: *Нечаянное возвращеніе*, балетъ съ зміемъ. Погулявъ въ саду, пришли мы къ себѣ. Его Высоч-во шутилъ со мною кое о чемъ. Ужинать и спать.

8. Всталъ въ семь; одѣвшись, учился. Потомъ въ билиардъ. Ники. Иван. поѣхалъ обѣдать къ Бецкому и отъ туда въ корпусъ. Тамъ экзамень. Обѣдалъ у насъ только Салдервъ. Говорили о Голштиніи, о Нѣмецкихъ земляхъ и о власти Цесарей. Вставши изъ за стола, рѣзвился Его Высоч-во. Изъ окна желтой комнаты черезъ дворъ съ фрейлинами кланялся. Потомъ въ учительскую пошли для то-

во, что тамъ похолоднѣй было, а день весьма жаркой. Тамъ самъ другъ со мною сидя, о всѣхъ своихъ секретяхъ разговаривалъ. Потомъ учился у меня изрядно, у Епинуса лѣнивенько, о Антильяхъ севодня. Потомъ еще играли мы въ билиардъ. Пошли въ садъ самъ третей только: онъ, г. Остервальдъ и я. Встрѣтили графа Петра Григорьича съ дочерью и графиню Анну Петровну³¹⁾. Тамъ домой. Читали Нуме. Ужинать и спать. Заужиномъ о партикулярной экономіи и о моемъ домѣ. Положивъ Его Высоч-во, пошелъ я въ садъ. Прислалъ онъ туда за мною, что жарко спать. Пришелъ я, теплую фуфайку съ него велѣлъ скинуть и уложилъ его.

9. Въ началѣ осьмова. За чаемъ говорили объ освященіи знаменъ, потому что меня севодни въ бомбардирской полкъ звали, гдѣ освящены будутъ данныя туда нынѣ новыя знамена, коихъ въ артиллеріи прежде сего никогда не бывало. За убираньемъ балетъ пѣлъ. Учился. Съли за столъ. Салдернъ обѣдалъ только. Никита Иванычъ нездоровъ былъ и у себя кушалъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. Игралъ. Учился. Въ билиардъ. Ужинать и спать. Гулять никуда не ходилъ, потому что вѣтрено было. Я былъ въ бомбардирскомъ полку, обѣдалъ тамъ. Послѣ обѣда ученье было генераловъ и министровъ.

10. Юня. Одѣвшись учился. Въ билиардъ. Обѣдать съли. Изъ постороннихъ только дежурный маіоръ Челищевъ. Никита Иванычъ говорилъ по большей части о кадетскомъ корпусѣ и о тамошнихъ наукахъ. Третьяго дня на экзаментъ ему очень понравилось. Послѣ обѣда учился Его

³¹⁾ Шереметеву, которая потомъ была невѣстою Н. И. Панина.

Высоч-во, потомъ черезъ садъ изволилъ пойтить Миліонною пѣшкомъ въ комедію. Комедія была: *La fausse confidence* Marivauf, балетъ Гранжеевъ, піеса: *Letourderie de Mr Fagon*. Отъ туда въ каретахъ домой. Ужинать и спать. Никита Иванычъ отъ Козмина получилъ письмо, отвѣтъ на его о здоровьѣ Великаго Князя; притомъ увѣдомляетъ, что Государыня завтра прибыть изволитъ.

11. Всталъ въ семь. Поутру, отучась, ходилъ по саду по большому и по третьему. Съли за столъ. Обѣдали у насъ горной Суворовъ и Челищевъ. Говорили о старинной службѣ и о нынѣшней, о деньщикахъ Государевыхъ. Также о заводахъ. Послѣ обѣда учился Великой Князь у меня посредственно. Потомъ подписалъ письмо и штучку въ Академію Художествъ. Часу въ седьмомъ пошли къ Государынѣ во внутренніе покои и тамъ въ верхній маленькой садикъ. Ждали ее съ часъ, однако какъ прибыть не изволила, пошли къ себѣ и съли ужинать. Лишь отужинали, въ девять часовъ прибыла Государыня, ѣхала отъ Петергофа сухимъ путемъ. Замѣшгалась за тѣмъ, что на дорогѣ попался бомбардирскій полкъ, которой шолъ въ лагерь, и его смотрѣла. На водѣ очень понравилось. Великій Князь сказалъ Государынѣ, что онъ за столомъ еще сидѣлъ, какъ она прибыла. Послѣ сцена о томъ и слезы; въ одинадцатомъ опочивать легъ.

12. Воскресенье. Всталъ въ семь и одѣвшись, съ отцемъ Платономъ въ церковь, отъ туда къ Государынѣ. Домой пришелъ. Иванъ Григорьичъ расписывалъ о морскихъ эволюціяхъ послѣднихъ, также и о флагманахъ во флотѣ. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, гр. Иванъ

Григорьичъ, князь Сергѣй Васильичъ и г. Салдернъ. Послѣ обѣда рѣзвился Его Высоч-во даже и слишкомъ самовольно. Одѣлся потомъ въ сапоги и въ адмиральской мундиръ. Поѣхали въ шестомъ часу къ Сиверсу на дачу, что на Петергофской дорогѣ, на 12-й верстѣ отъ Петербурга, смотрѣть оттуда бомбардирскаго полку, которой маршировала мимо въ лагерь. Звалъ графъ Григорій Григорьичъ. Государыня также бытъ изволила Великій Князь, спустя нѣсколько послѣ Государыни, особо своей свитой поѣхалъ. Пока дожидались полку, Государыня въ ломберъ играла съ Захаромъ Чернышевымъ и съ генераломъ княземъ Голицынымъ, а Его Высоч-во въ берланъ въ другой комнатѣ. Какъ графъ Орловъ пришолъ доложить, что полкъ маршируетъ, то пошли смотрѣть въ верхъ. Я, тамъ постоявъ, въ низъ сошолъ, чтобъ ближе видѣть. Слишкомъ 3000 всѣхъ людей по респорту было, 44 орудія. Какъ двое бомбардировъ занемогли и вышли къ сторонѣ изъ фрунту, Государыня послала къ нимъ водки и денегъ. Какъ полкъ прошолъ, сошли въ низъ. Съели ужинать. Послѣ ужина Государыня съѣла доигрывать пулю, а мы поѣхали. Въ началѣ двѣнадцатаго пріѣхали. Тотчасъ почивать. Соненъ былъ.

13. Одѣвшись учился. Въ билиардъ. Съели за столъ. Я сего утра долго былъ одинъ у Никиты Ивановича, и онъ очень благосклонно и повѣренно разговаривалъ, также ѣздилъ отъ Его Высоч-ва къ Бецкому съ письмомъ и со штучкой. Съели за столъ. Изъ постороннихъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятомъ въ началѣ поѣхали смотрѣть Петра Ивановича Панина Финляндскую дивизію изъ деревяннава зимнева дворца, гдѣ она

мимо маршировала. Петръ Ивановичъ самъ предводительствовалъ. Шестъ полковъ было пѣхотныхъ, одинъ гусарской и Архангелогородской карабинерной Мансурова. Полки очень поправились. Какъ поѣхали смотрѣть, то Его Высоч-во съѣлъ съ Государынею противъ ее, а съ нимъ рядомъ графиня Брюша: трое. Назадъ также. Пріѣхавъ въ началѣ осьмова часу, по саду по большому съ Государыней гулять пошли. Погода хороша была. Государыня приказала подать придворныя шлюпки и поѣхала по Невѣ гулять, а нашъ генералъ-адмиралъ до дому. Съели мы ужинать и все о полкахъ разговаривали. Его Высоч-ву очень понравились. Въ три четверти десятова опочивать.

14. Всталъ въ исходѣ седьмова. За чаемъ о полкахъ. Потомъ о мундирахъ Гребецкихъ, коимъ нынѣ я обрзцовый сдѣлалъ. Убравшись ружьемъ салютировалъ и артикулъ дѣлалъ, вспоминая о вчерашнемъ войскѣ. Потомъ тавлейки по столу водилъ вмѣсто полковъ. Учился. Въ билиардъ. Съели за столъ. Обѣдали Салдернъ, Крузь и Нагаевъ, коему недавно Анненскую ленту дали, за которую онъ изъ Кронштата благодарить пріѣхалъ. Говорили о кампаментѣ, также о китахъ. Никита Ивановичъ обѣдалъ у Аграфены Леонтьевны³²⁾, она больна. Послѣ обѣда поѣхали опять къ Сиверсу на дачу, и Великій Князь съѣлъ съ Государыней, рядомъ съ Великимъ Княземъ Брюша. Тамъ се водни гвардія мимо въ лагерь проходитъ. Назадъ въ двѣнадцатомъ.

15. Всталъ, было десять минутъ девятого. Сердился, что поздно, торопился. Въ часъ съ четвертью совсѣмъ

32) Вдова фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина.

одѣлся. Учился, въ бильярдѣ, обѣдали у насъ Мельгуновъ и Кропотовъ. Никита Иванычъ задумчивъ былъ. Послѣ обѣда, попрыгавши, Его Высочество учится сѣлъ. У меня хорошо учился. Въ берланъ играли. Государыня севодни куда-то ѣздить изволила; говорятъ, что въ Красное Село. Часу въ седьмомъ пришолъ къ намъ Никита Иванычъ, пошли мы въ садъ. Тамъ видѣли штрауса, коево недавно привезли, и особливой домикъ въ саду сдѣлали. Пришедъ домой, ужинать. Послѣ ужины Великій Князь пѣлъ ариетты изъ оперы *Marchal*; опочивать въ половинѣ десятова.

16. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился. Въ бильярдѣ. Утро говорили о походѣ нашемъ въ Красное Село, которой послѣ завтра назначенъ. Обѣдали у насъ князь Алексѣй Семеновичъ Козловской и еще Козловской тайной совѣтникъ, губернаторъ Смоленской и вице-полковникъ Пушкинъ, которой изъ лагеря привезъ къ Его Высоч-ву репортъ и списокъ. Говорили тутъ, какъ Великому Князю къ полку пріѣхать, какъ командовать. Сіи дни у него только что полки да барабаны въ головѣ. Въ концѣ обѣда пришелъ фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Въ сапогахъ и въ шарфѣ, бодръ еще. Послѣ обѣда учился у меня Великой Князь не такъ чтобы. Все въ головѣ лагерь. Въ вечеръ Государыня за нимъ присылала. Тамъ въ берланъ играли. Пришедъ, ужинать и спать. Государыня севодня прибыла, ночевала въ Красномъ Селѣ, тамъ инкогнито по лагерю ходила. Сегодня видѣлъ я письмо благодарственное къ гвардіи за исправность ея въ маршѣ въ лагерь, отъ гр. Орлова къ фельдмаршалу Бутурливу именемъ Ея Величества.

17. Одѣвшись учился. Очень етюдиді. Все о лагерь. Сѣли за столъ. Обѣдали принцъ Карлъ Курляндскій и Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ рапортовъ отъ Его Высоч-ва приготовить. Послѣ обѣда учился и рѣзвился. Въ комедію. *Jaloux desabusé*. Балетъ Парадисовъ съ волынкой. Маленькая піеса *L'etourderie*. Изъ комедіи поѣхавъ сѣлъ Цесаревичъ съ Государыней; еще сѣла Марья Андревна³³⁾. Пріѣхавъ, ужинать и спать.

18. Отѣздъ въ Красное Село. Потру учился Его Высоч-во, отучасъ въ бильярдѣ игралъ. Фельдмаршалъ Мигихъ представлялъ ему внука своего, полку Его Высочества офицера. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ графъ Иванъ Григорычъ и Салдернъ, говорили о походѣ. Часу въ седьмомъ поѣхали. Въ девятомъ часу пріѣхали въ Красное Село. Тутъ встрѣтилъ во дворцѣ графъ Григорій Григорычъ, также Скавронской и Елагинъ. Черезъ часъ времени пріѣхала и Государыня въ новопостроенный дворецъ подлѣ стараго, въ коемъ мы расположились. Мы въ то самое время ужинали. Вставъ, встрѣтили Государыню. Она услышавъ, что мы встали изъ за стола, тотчасъ Великова Князя отпустила. Доужинали мы и положили Великова Князя спать. У него все лагерь въ головѣ былъ. Насилу я уложилъ его, сказавъ, что ежели все о томъ думать и худо спать будетъ, не выспится, и завтра Никита Иванычъ и въ армію передъ сорокъ тысячъ не повезетъ. Идучи еще къ постели жмурился, для того чтобъ поскорѣ заснуть.

19. Воскресенье. Вставъ въ десятомъ часу, одѣлся Его Высоч-во въ

³³⁾ Графиня Румянцова, мать вышеупомянуемой Брюши, и графа Задунайскаго.

сапоги и въ колетъ. Я посылалъ въ полкъ за ординарцемъ и послалъ вахмистра курьеромъ. Отобъдавъ часу въ четвертомъ, поѣхали въ каретахъ въ лагерь, котораго правое крыло версты съ полторы отъ Краснаго Села стояло. Лошадей верховыхъ за нами вели. Армія стояла въ двѣ линіи, а главная квартира была къ лѣвому флангу на отлогости горы Дудоровской. Приѣхали мы на правой флангъ первой линіи, гдѣ стоялъ Наслѣдниковъ Кирасирской полкъ. Тутъ за фронтомъ вышли изъ кареты и пошли въ ставку вице-полковника графа Пушкина. Всѣ офицеры полка тутъ. Его Высоч-ву подалъ рапорты генераль-поручикъ отъ кавалеріи Бергъ, бригадно ево командиръ генераль-маіоръ графъ Салтыковъ, вице-полковникъ и перваго ескадрону ево роты поручикъ Баумгартенъ. Прошли между палатокъ и перваго ескадрону и людей посмотрѣть. Первый кирасиръ Позняковъ ужасно большой мужикъ и лошадь большая. Велѣли ему сѣсть на лошадь и смотрѣли ево. Часу въ пятомъ данъ сигналъ, чтобъ выводить полки въ линію. Зачали выводить и тотчасъ вывели. Его Высоч-во сѣлъ тутъ на лошадь въ кирасѣ и во всемъ уборѣ. Какъ скоро Государыня къ правому флангу приѣхала и генераль-поручикъ Бергъ кавалерійскимъ полкамъ командовалъ: «слушай, палаша вонъ», то и Его Высоч-во вынялъ свой палашъ и повторилъ оную команду своему ескадрону. Государыня, поровнявшись противъ ево, приказала ему за собой ѣхать. Пока мимо полку ево ѣхала, то онъ за нею ѣхалъ въ кирасѣ и держа палашъ въ рукахъ; какъ же скоро полкъ проѣхали, то палашъ положилъ онъ въ ножны, и Ники. Иван. кирасу велѣлъ съ него снять;

и такъ поѣхали за Государыней. Тутъ Его Высоч-во подалъ рапортъ бригадному своему командиру Ивану Петровичу Салтыкову. Такихъ рапортовъ пять-шесть было пригото-влено, чтобъ раздать генераламъ, однако не дошло время; всѣ остались у меня. Одинъ прилагаю здѣсь въ оригиналъ. Такимъ образомъ ѣхалъ Его Высоч-во съ праваго флангу въ доль по фронту до самаго лѣваго флангу, а потомъ съ лѣваго флангу второй линіи до праваго флангу онаго за Государыней верхомъ. Государыня была верхомъ же, въ мундирѣ мужскомъ конной гвардіи. Отдавали честь и склоняли знамена. Какъ приѣхали на правой флангъ второй линіи, сошли съ лошадей, и былъ бѣглой огонь. По окончаніи онаго изволила Государыня сѣсть въ карету, а Его Высоч-во въ свой фаetonъ, и поѣхали въ главную квартиру. Туда велѣно быть всѣмъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, коихъ всѣхъ Ея Велич-во жаловала въ рукѣ. Его Высоч-ву приказано показать свою опочивальню и прочіе покои въ ставкахъ. Мы за нимъ тудажъ ходили. Между прочимъ была тутъ Персидская ставка, подаренная здѣшнему двору отъ шаха Надира. Потомъ, погода сѣли мы въ кареты, поѣхали домой въ Красное Село. Тамъ поужинавши спать.

20. Его Высоч-во всталъ въ восемь часовъ, одѣлся въ кирасирское платье, только полегче, шелковое, и шпага вмѣсто палаша, сапоги легкіе Обѣдалъ между прочими у насъ Его Высоч-ва полку вице-полковникъ, подполковникъ Телкинъ и два маіора тогоже полку Маневины. Сказывали, какъ всѣ кирасиры обрадованы, что видѣли Государя передъ фронтомъ. Всѣ движенія его примѣтили. Въ пятомъ часу

поѣхали въ лагерь. Петра Ивановича дивизія отдѣлилась отъ главной арміи; такимъ образомъ, какъ скоро данъ сигналъ, въ пять минутъ весь лагерь той дивизіи сняли и вступили въ походъ двумя колоннами, коихъ tête и queue³⁴⁾ составляла кавалерія. Государыня, Великій Князь и великое множество генераловъ, волонтеровъ ѣхали тутъ подлѣ верхами, и мы тутъ же. Государыня пѣсни пѣтъ указала марширующимъ. Вступили они въ лагерь подъ мызою Сиворицами двумя жъ колоннами и въ дѣѣ линіи расположились. На правомъ флангѣ была высота, на которой сдѣлали батарею. Обѣ колонны потянулись вдоль назначенныхъ линій и стали на мѣсто въ одно почти время. Обозъ составлялъ третью колонну. Какъ скоро дошли, свернули знамена, а какъ сигналъ данъ, чтобъ ставить лагерь, тотчасъ помаршировали отводные и палочные караулы, а прочіе принялись ставить палатки. Весь лагерь поставленъ былъ въ четыре минуты. Ея Величество таковыми проворствомъ и исправностью и регулярствомъ чрезвычайно была довольна. Изволила съ Его Высоч-мъ въ фаetonѣ поѣхать въ квартиру къ командующему генералу Панину. Квартира была въ оной мызѣ Сиворицахъ, верстахъ въ двухъ позади второй линіи. Свѣтелочки изрядныя, накрытъ былъ столъ. Государыня и Его Высоч-во ужинали. Тотчасъ послѣ ужина мы поѣхали въ каретахъ, а Государыня еще осталась изволила. ѣхали сквозь лагерь, часть былъ двѣнадцатый. Солдаты изъ палатокъ кучами выбѣгали и смотрѣли съ жадною радостію на Цесаревича. Домой пріѣхали въ началѣ перова. Тотчасъ Великій Князь раздѣлся и легъ опочивать.

³⁴⁾ Голову и хвостъ.

21. Всталъ въ исходѣ осьмова. Поутру шашки вмѣсто войска разставивалъ и въ барабанъ билъ. Только что тѣ и въ головѣ. Обѣдали у насъ Елагинъ, Тепловъ и Гагаринъ. Послѣ обѣда поѣхали въ каретахъ въ лагерь въ главную квартиру. Государыня поѣхала верхомъ въ пѣхотной гвардіи мундирѣ, въ четвертомъ часу рекогносцировать непріятельскую армію. Цесаревичъ за нею жъ верхомъ, и мы всѣ. Въ конвоѣ были впереди коръ-волянъ³⁵⁾, состоящій изъ карабинернова Петербургскаго полку, козаковъ, гусаръ и баталіона Суздальскаго пѣхотнаго полку. По сторонамъ конвоировали гусарской полкъ и казачей полкъ. Позади полкъ конной гвардіи. Какъ скоро на высоты противъ праваго непріятельскаго лагеря пришли, началось сраженіе между нашими передовыми войсками и ево форпостами. Съ ево пригорка изъ двухъ пушекъ зачали стрѣлять. Тутъ его резервы, приступивъ къ пикетамъ, впередъ маршировали, а со сторонъ вся конница авансировала. У оной пѣхоты, какъ Петръ Ивановичъ самъ мнѣ послѣ сказывалъ, было 11-ть пушекъ, подъ которыя ему насъ подманить хотѣлось: для того уступалъ. Однихъ легкихъ войскъ только было сраженіе и, какъ выше сказано, изъ оныхъ пушекъ перестрѣливались. Потомъ Государыня послала къ Панину, что пора перестать, и все кончилось. Намъ съ горы все видно было, и спектакль очень хорошей (описать надобно подробноѣ). Пріѣхали домой въ каретахъ. Ужинать и спать.

22. Всталъ въ восемь часовъ. Никита Ивановичъ не очень здоровъ былъ. Никуда не ѣздили, и день дождливой былъ, и въ арміи растагъ³⁶⁾ и обѣимъ

³⁵⁾ Летучій отрядъ.

³⁶⁾ Роздыхъ.

арміямъ вина дать велѣли. Между тѣмъ какъ Петръ Ивановичъ чело-вѣкъ въ 70-ть ѣздилъ сегодняшніе форпосты рекогносцировать, то у насъ въ лагерѣ потревожились. Министры были въ ставкѣ Государыни; какъ пришли сказать, что непріятель приближается, всѣ засуматошились и разбѣжались. У здѣшнихъ форпостовъ съ тѣми конвойными была перестрѣлка. У Цесаревича обѣдали сегодня генераль-маіоръ Масловъ, полковникъ Нероновъ и бригадиръ князь Прозоровской, кои при здѣшной арміи волонтерами изъ своихъ дивизій пріѣхали. День мы въ карты играли, а самъ только рѣзвился и въ барабанъ колотилъ. Въ вечеру непріятельской генераль къ намъ въ гости пріѣзжалъ. Говорили о вчерашней сшибкѣ. Ужинать и спать.

23. Всталъ въ осьмомъ. Никита Ивановичъ слабительное принималъ. Я ѣздилъ поутру въ лагеръ къ генераль-квартирмейстеру, чтобъ планы и проекты присылалъ въ Великому Князю. По утру сталъ было я изъ инструкціи короля Прусскова читать Его Высоч-ву, для какой причины баталіи и какъ даются, однако совсѣмъ никакой аттенціи не было: шашечки свои ставилъ, имажинировалъ небылицы и колотилъ въ барабанъ. Послѣобѣда, часу въ четвертомъ, поѣхали мы въ главную квартиру. Никита Ивановичъ оставался за болѣзнію дома, Великому Князю верхомъ не велѣлъ безъ себя ѣздить, и такъ поѣхали мы въ каретѣ. Отъ туда поѣхалъ я одинъ къ легкому корпусу бригадира Измайлова. Какъ обходилъ оной непріятеля, былъ я тамъ и смотрѣлъ. (крытый маршъ прекрасно былъ дерижированъ, и деплоировались очень скоро. Впрочемъ учрежденія здѣшнія нужно выбрать и опи-

сать съ разсужденіями изъ здѣшнихъ приказовъ, а непріятельскія изъ присылаемыхъ ко мнѣ записокъ. Государыня съ Дудоровской горы изволила пріѣхать, непріятельская пѣхота уже деплоировалась. Великій Князь тутъ же пріѣхалъ, только въ фаетонѣ. И лишь непріятель сталъ ретироватся, то послалъ онъ меня спросить Государыню, домой ли ему, или въ главную квартиру ѣхать. Велѣно домой. Пріѣхавши разставилъ шашки. Ужинать и спать.

24. Его Высоч-во кушалъ и весь день былъ дома. Обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорьичъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я верхомъ въ главную квартиру и отъ туда въ непріятельскій лагеръ съ билетомъ, которой я получилъ отъ Никиты Ивановича. Сегодня вся здѣшняя конница приходила къ непріятельскому лагерю. Пушками и послѣшними распоряженіями отбились. Я съ Петромъ Ивановичемъ во все время ѣхалъ съ нимъ верхомъ и въ Красное Село пріѣзжалъ. Разсказывалъ Великому Князю о севоднишномъ дѣлѣ. Отужинавши Великій Князь спать легъ въ одинадцать часовъ.

Потомъ пошолъ я къ Никитѣ Ивановичу. Тамъ Петръ Ивановичъ былъ, Салдернъ и вице-канцлеръ. О военныхъ учрежденіяхъ говорили. Сегодня получилъ я отъ Никиты Ивановича *Dictionnaire philosophique de Voltaire*. который онъ нарочно для меня велѣлъ сюда взять.

25. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, шашки разставлялъ, въ барабанъ билъ и съ собаками игралъ. Обѣдали у насъ гр. Иванъ Григорьичъ, Елагинъ, Тепловъ и кн. Сергій Гагаринъ. Сей день генеральная баталія. Приказъ отданъ поутру, чтобы въ пять колонъ выступить всей арміи и проч. (Смот-

ри Приказъ). Въ четвертомъ часу поѣхали мы въ главную квартиру въ каретахъ. Никита Иванычъ выѣхалъ севодня. Оттуда верхомъ за Государыней къ непріятельскому лагерю. Какъ на правомъ ево флангѣ переднюю вышину взяли и большой его пикетъ сбили, то поставили тутъ наши пушки и стали стрѣлять по большой ево батарее. Тутъ мы подъѣхали. Четвертая колонна отъ сего мѣста въ право зачала строится. Конфузія въ бомбардирскомъ полку. Стали приходять и прочія колонны и деплоироватца. Поѣхали мы на правой флангѣ. Какъ отъ туда помаршировала наша конница передъ фрунтомъ на лѣвое крыло, то за нею пѣхота заходила въ лѣвой флангѣ къ непріятелю. Однако онъ растянулъ фронтъ, построивъ обѣ линіи въ двѣ шеренги и перемѣняя позицію лѣваго своего фланга, коимъ ретировался, маневрировалъ своею конницею. Изъ мелкова ружья далеко стрѣлять зачали. Великій Князь все былъ на правомъ нашемъ крылѣ за Государынею. Какъ непріятель ретировался, то мы сѣли въ кареты и поѣхали домой. Государыня тутъ еще осталась. Армія осталась еще въ ружьѣ и выставила ведеты. Ночью и армія возвратилась. Великій Князь севодни очень усталъ. На мѣстѣ баталіи, верхомъ сидя, покушалъ кренделя. Домой пріѣхавши и не ужиналъ, легъ опочивать, было въ началѣ одинадцатаго.

26. Всталъ въ восемь; представлены были Его Высочеству поутру всѣ офицеры его полку и Трубецкова третьяго кирасирскаго. Обѣдать изъ нихъ оставлены Пушкинъ, Телкинъ и одинъ Манекинъ, другой при полку былъ дежурной. Трубецкой одинъ оставленъ былъ при его полку. Обѣдалъ еще у насъ вчерашній непрі-

тель Петръ Ивановичъ, гр. Иванъ Григорычъ и Строгоновъ. Говорили о вчерашнемъ сраженіи, и болѣе говорилъ Петръ Иванычъ и удивлялся, что послѣ никто не выѣзжалъ на мѣсто баталіи, чтобы видѣть, какъ онъ стоялъ и какъ перемѣнялъ позицію. Чужестранные министры всѣ вчерась туда выѣзжали, и онъ имъ толковалъ. Послѣ обѣда всѣ разѣхались. Великій Князь рѣзвился и никуда не ѣздилъ. Ужинать и спать. Никита Иванычъ ѣздилъ послѣ обѣда верхомъ съ Захаромъ Григорычемъ, съ братомъ и съ вице-канцлеромъ смотрѣть приуготовленные въ полѣ для военнаго празднества залы. Въ главной квартирѣ севодни всѣ гвардіи офицеры допущены къ рукѣ.

27. Одѣвшись рѣзвился съ собачкою и шашки ставилъ и караулъ смѣнялъ и проч. Въ главной квартирѣ поутру допущены севодня къ рукѣ всѣ офицеры дивизіи князя Александра Михайловича Голицына, а послѣ полудни и всѣ же офицеры дивизіи Петра Иваныча Папина. Никита Иванычъ обѣдалъ севодня у брата своего въ Сиворицахъ. У насъ обѣдалъ Тепловъ и присланные изъ кирасирскаго Его Высоч-ва полку ротмистръ Вурмъ, Штакельбергъ и Сакенъ. Послѣ обѣда поѣхали мы въ каретахъ въ главную квартиру. Тамъ оную дивизію къ рукѣ Государыня жаловала. Мы между тѣмъ на Дудоровскую гору поѣхали, и Цесаревичъ верхомъ взѣзжалъ на самую верхушку; въ тамошнемъ садикѣ были. Съѣхали на другую сторону въ лагерь конной гвардіи. Тутъ показывали Его Высоч-ву, гдѣ изъ земли родникъ бьетъ, и онъ воду пилъ отъ туда. Мужикъ огороднику, которой насъ по Дудоровской горѣ водилъ, пожаловалъ Цесаревичъ 5-ть рублей. Пріѣхавши

домой, игралъ Цесаревичъ съ кн. Куракинымъ въ подломберъ. Потомъ ужинать и спать. Никита Иванычъ ужиналъ съ нами и говорилъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ, какъ онъ при Государѣ сюда прїѣзжалъ министромъ и о революціяхъ при Аннѣ Іоанновнѣ и по смерти ея.

28. Поутру одѣвшись, поѣхали мы за Его Высоч-мъ въ главную квартиру. Онъ наряженъ былъ въ колеть, палашъ и большіе свои сапоги. Тамъ, принеся Государынѣ поздравленіе, поѣхалъ съ нею въ поставленную недалеко отъ главной квартиры на горѣ Преображенскаго полку полковую церковь. Около вся армія стояла въ парадѣ. Панина дивизія тутъ же. По окончаніи обѣдни былъ троекратной бѣглый огонь. Очень хорошо шолъ. Послѣ сего поѣхали мы въ Красное Село. Тамъ въ большой залѣ приготовленъ былъ столъ, за коимъ Государыня и Его Высоч-во кушали; до полковничьяго чину всѣ туда приглашены были. Послѣ стола тотчасъ потомъ Цесаревичъ къ себѣ. Въ седьмомъ часу поѣхалъ онъ къ генераламъ на балъ. Съѣлъ съ Государыней. Мы также званы всѣ туда. Описание онаго праздника. Менуетовъ пять протанцовавши, занемогъ Его Высоч-во. Сыро было, да и за обѣдомъ можетъ быть лишнее скушалъ. И такъ ни ужины, ни фейерверка не дождавшись, поѣхали мы въ Село. Рвало Великаго Князя; напоивши чаемъ, положилъ его Никита Иванычъ спать.

29. Опочивалъ очень хорошо и поутру 29-го одѣлся; однако не выходилъ, и всѣмъ приходившимъ для поздравленія съ именинами отказывано. Государыня въ сельской церкви обѣдню слушала. Платонъ послѣ обѣдни говорилъ проповѣдь. Государыня плакала. Послѣ обѣдни заходить изволи-

ла къ Великому Князю. Поговоривъ о вчерашнемъ ево припадкѣ, говорила похвалу Платону. Его Высочество севодня совсѣмъ не выходилъ на ту половину и забавлялся. Тамъ въ вечеру былъ во дворцѣ балъ и ужинъ. Государыня однакоже кушать не изволила. Его Высоч-во обѣдалъ у себя за большимъ столомъ, а ужиналъ одинъ. Опочивать легъ въ десятомъ. Вчерась двое Всеволожскихъ сдѣланы камеръ-юнкерами, а всѣмъ бывшимъ при вступленіи на престолъ дано 4,000 руб. За севодни ничево.

30 Іюня. Проснулся въ осьмомъ, совсѣмъ здоровъ былъ. Отѣздъ севодня. Надѣлъ вице-полковничей мундиръ. Обѣдали у насъ бригадиръ Петръ Ѳедорычъ Апраксинъ и кн. Сергѣй Трубецкой. Отобѣдавши не успѣли мы еще пойтить на ту половину, какъ Ея Величество отбыть уже изволила. Спустя нѣсколько времени поѣхали и мы. Прїѣхали нѣсколько прежде Государыни, въ городъ съ нею разѣхались. Какъ прибыла Государыня, то пошли къ ней. Цесаревичъ въ берланъ игралъ тамъ. Потомъ къ себѣ ужинать и спать. При отѣздѣ изъ Краснова Села пожаловалъ Цесаревичъ бывшему у него на ординарїи вахмистру Толю изъ своихъ рукъ имперіалами 100 руб. и обѣщалъ представить о немъ военной коллегіи, чтобъ произвести въ офицеры, а третьяго дни черезъ меня изволилъ отослать въ полкъ свой кирасиру Ильину 100 руб., который переломилъ себѣ ногу во время бывшихъ маневровъ.

Іюль.

1 Іюля. Одѣвшись учился и такъ и сякъ. Потомъ въ биліардъ, сѣли обѣдать, изъ постороннихъ только Сал-

дернѣ. Говорили о казни Лопухиныхъ и о другихъ анекдотахъ, также о владѣннн императрицы Анны Иоанновны. Рефлексія Никиты Иваныча, что ежелибы и теперь ихъ братьѣ боярамъ дать волю и ихъ слушались, тобъ другъ друга и нынче сѣчь и головы рубить зачали. И такъ въ оныхъ строгостяхъ винилъ министерство. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. — Въ вечеру поѣхали въ каменной зимней дворецъ на комедію: *Les fausses confidences*, новой совѣзмъ балетъ Невильевъ *Chasseurs*, опера comique. Возвратясь, не ужинавши, легъ Его Высочество опочивать. Жаловался, что голова болитъ и тошнитца.

2. Всталъ въ осьмомъ. Учился, потомъ въ биліардъ, обѣдалъ у насъ Салдернъ, князь Сергѣй Васильичъ Гагаринъ, который севодня откланивался, чтобъ ѣхать въ Москву. Шутили надъ нимъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ пришелъ Никита Ивановичъ, выбирали обрашки бархату на платье. Фланговый бархатъ (37). Смѣялись. Пошли въ садъ гулять. Никита Иванычъ морализировалъ о непостоянствѣ и легкомысліи Великому Князю, и я очень радъ былъ, что тоже самое ему говорилъ, что отъ меня прежде неоднократно говорено Его Высоч-ву. Пришедъ назадъ, ужинать и спать. Государыня севодня изволила ѣздить на охоту съ соколами.

3. Воскресенье. Проснулся Его Высоч-во въ восемь часовъ. Жаловался головою. Давали ему докторы какую-то бѣлую эмульцію. Одѣли ево въ фракъ. Не выходилъ. Онъ севодня обѣдалъ и ужиналъ въ опочивальнѣ. Между тѣмъ забавлялся, раскладывалъ Норвежскую и Россійскую карту принесенную отъ Дюмареска, также крѣ-

37) Не описана ли это?

сками маралъ кое-что. За большимъ столомъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Иванычъ разсуждалъ о смерти, и очень хорошо. Куртагъ севодня очень недолго продолжался. Государыня по саду гулять изволила, и публика также гуляла.

4. Всталъ въ исходѣ осьмага. Здоровъ, слава Богу. За чаемъ шутили со мною. За убраньемъ читалъ и распѣвалъ изъ Служебника. Учился. Игралъ навязавши къ мазу (38) веревочекъ съ коклюшками, бѣгалъ по биліардной, представляя, что это штандартъ. Все лагерь въ головѣ. За столъ мы сѣли, изъ постороннихъ только Салдернъ Никита Иванычъ мало разговаривалъ. Послѣ обѣда учился у меня Великій Князь очень хорошо. Когда Никп. Иван. пришелъ, то въ вечеру ходили мы на карусель, тутъ дамы учились. Пришедъ рѣзвился. Ужинать и спать. Я ѣздилъ отъ нево Брюсшу звать въ кумы у Дмитревскова съ нимъ. Онъ подписалъ севодня представленіе о Толѣ.

5. Всталъ въ осьмомъ часу. Принималъ въ презервативъ по совѣту докторовъ слабительное. Одѣтъ былъ въ фракъ. Не выходилъ нигуда и не учился. Забавлялся, разставляя шашки и попрыгиваючи. Севодни были на комедіи, французская *Le dissipateur*, піеса *Somnambule*, балетъ съ змѣей. Государыня изволила присутствовать.

6. Одѣвшись, учился. Потомъ въ церковь ходилъ крестить у Дмитревскова сына Петра съ графиней Прасковьей Александровной Брюсшой. Пришедъ къ себѣ порѣзвился. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ вщъ-полковникъ Валентинъ Пушкинъ, полковникъ князь Петръ Голицынъ, который севодня отъѣзжалъ въ Москву къ

38) Мазъ у биліарда.

полку своему, Салдернъ и Петръ Ивановичъ Панинъ. Послѣ обѣда не учился Его Высоч.-во, ѣздилъ за Государыней на охоту за Ямскую съ соколами и съ кречетами. Государыня въ конно-гвардейскомъ мундирѣ была и какъ выѣхали за Ямскую, то верхомъ изволила сѣсть, и мы всѣ верхомъ сѣли, а Его Высоч.-во сѣлъ въ таратайку и тутъ же ѣздилъ. Съ нимъ сидѣли Никита Ивановичъ, Салдернъ и графиня Брюсса. Назадъ пріѣхали мы въ исходѣ девятова. Ужинать и спать.

7. Проснулся въ седьмомъ часу. Въ девятомъ совсѣмъ готовъ былъ. Въ началѣ одиннадцатаго поѣхали мы на иновгурацію Академіи Художествъ водою. Его Высоч.-во въ шлюпку сѣлъ съ Государынею. Какъ подѣ мостъ стали подѣзжать, то на носу всю рѣзбу обломали. Очень низко было. Наверху жь шли люди и кареты ѣхали. Его Высочество очень испугался. Въ Академіи великолѣпная церемонія. Назадъ поѣхали также водою, и Его Высоч.-во сѣлъ съ Государынею. Пріѣхавши домой, сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятомъ поѣхалъ Его Высоч.-во въ Катерингофъ. Тамъ долго пѣшкомъ ходили, и Его Высоч.-во попрыгивалъ. За домомъ къ водѣ скинулъ съ него Никита Ивановичъ шпагу, кафтанъ и кавалерію, и онъ бѣгалъ. Потомъ пошли, гдѣ лошади наши передъ дворцомъ стояли. У разнощика апельсины брали. Двое ихъ было. Цесаревичъ обоимъ пожаловалъ по червонному. Поѣхали назадъ верхами же. Переѣхавши Калининъ мостъ, видѣли въ окнѣ Мадониса сумасшедшева. Остановливался Великій Князь, заставляли ево играть на скрипкѣ; игралъ онъ, но не гораздо хорошо; видно, что недавнишня ево композиція. Пріѣхавши

ужинать и спать. Государыня сегодняшняго вечера изволила ѣздить по Невѣ водою.

8. Всталъ въ семь. Одѣвшись, твердилъ рѣчь для отвѣту академическому корпусу художествъ. Потомъ учился съ отцомъ Платономъ. Въ одиннадцать часовъ пришелъ Бецкой и принесъ всѣ книги учрежденія академическаго, привелъ всѣхъ профессоровъ и всѣхъ чиновныхъ въ Академіи Художествъ; говорилъ самъ Его Высочеству краткую рѣчь, благодарственную, что Его Высочество похотѣлъ у нихъ быть сочленомъ. По окончаніи рѣчи отвѣтствовалъ Его Высочество своею рѣчью, а секретарь Академіи поднесъ потомъ Его Высочеству жетонъ, который у меня и хранится. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ Талызинъ и Платонъ только обѣдали. Въ обѣдъ пришелъ Сумароковъ и сѣлъ. Говорилъ много о своей обидѣ. Послѣ обѣда учился Его Высочество. Потомъ пошли въ садъ и ходили по большому и по среднему садамъ. Тамъ ужинать и спать. Государыня сегодня на охоту съ соколами изволила ѣздить.

9. Всталъ въ семь часовъ. За чаемъ шутилъ со мною кое о чемъ. Все я примѣчаю, что онъ *plus dissipé*³⁹⁾. За убираньемъ волосовъ считалъ, сколько онъ верстъ на своемъ вѣку переѣздилъ. Потомъ заупрямился нѣсколько. Поморализировалъ я, что не весьма было пріятно. Одѣвшись учился. Потомъ въ биліардъ. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Талызинъ и Салдернъ. Говорили о здѣшнихъ воспитательныхъ училищахъ. Послѣ обѣда поѣхали мы водою на Каменный Островъ. Его Высочество и мы, въ баржѣ, ку-

³⁹⁾ Болѣе разсѣянъ.

да прежде лошади были переправлены. Верхомъ тамъ ѣздили и все осматривали. Оттуда водою жъ поѣхали. На Малой Невкѣ рыбаки рыбу ловили, тянули тую. Пристали мы и велѣли тянуть тую; на счастье Его Высочества вытянули они большую лосось. Цесаревичъ пожаловалъ имъ имперіалъ. Пріѣхавши домой, сѣли мы ужинать и потомъ спать.

10. Воскресенье. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, съ отцомъ Платономъ. Въ церковь. Къ себѣ. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ приходилъ прощаться. Въ бытность въ Красномъ Селѣ пожалованъ онъ на мѣсто покойнаго Куракина въ Москву сенаторомъ и камеръ-коллегіи президентомъ. Потомъ полковникъ Каменскій представлялъ своего полку капитановъ, чтобъ доказать что они всѣ ребята изрядные; а онъ на сихъ дняхъ выговаривалъ, будто оные очень плохи. Сѣли за столъ. Великій Князь съ крайнимъ удовольствіемъ кушалъ вчерашнюю лосось. Обѣдали у насъ молодой Минихъ, вице-канцлеръ, Тепловъ и Салдернъ. Говорили, какъ покойный государь въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Іоанновны, кои и послѣ стола продолжались. Шуты на лицахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной. Тиранства ея правленія. Потомъ рѣзвился Великій Князь въ билиардной. Въ вечеру на куртагъ. Государыня въ пикеть. Великій Князь разговаривалъ по большей части въ диванной съ Петромъ Салтыковымъ. Передъ куртагомъ представлялъ графъ Чернышевъ Его Высочеству пріѣхавшихъ изъ вояжа четырехъ нашихъ морскихъ офицеровъ, коихъ Его Высочество на куртагъ представлялъ Государынѣ. Въ десятомъ часу куртагъ кончился. При-

шедъ къ себѣ играли мы въ билиардной. Потомъ ужинать и спать.

11. Всталъ въ семь. Одѣвшись учился. Потомъ въ билиардъ, и шашки какъ куклы разстановивалъ. Sehr kindish и dissipé ⁴⁰⁾. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ отецъ Платонъ и гр. Андрей Алексѣичъ Бестужевъ. Послѣ обѣда рѣзвился В. Кн., со штандартомъ бѣгалъ (къ поясу привязалъ коклюшки). Учился у меня изрядно. Пришолъ Никита Ив. Пошли къ Государынѣ. Оттуда за Ея Величествомъ на карусель. Тамъ ѣздили дамы и потомъ мужчины. Государыня въ мужскомъ платьѣ, мундиръ пѣхотной гвардіи гродетуровой. Государыня изволила ѣздить, такъ какъ шефъ Славянской кадрили. Только платья ни у кого еще не было, потому что это только пробы. Гр. Григорій Григорычъ былъ тутъ жевъ колясочкѣ. Уже болѣе недѣли, какъ онъ въ ней всюду по дворцу и по садамъ разѣзжаетъ. Ушибъ онъ себѣ ногу, скакавши въ маленькомъ саду черезъ канаве. Часу въ десятомъ все кончилось. Лучше всѣхъ ѣздили, какъ мнѣ показалось, гр. Алексѣй Григ. Орловъ и кн. Иванъ Шаховской, лейбъ-кирасирскаго полку подполковникъ, что со мной были въ корпусѣ. Пришедъ домой, побранилъ Никита Ив. гораздо Великаго Князя за его бѣшенство и кривлянье. Все головою внизъ мотаеть. Отужинавши, положили мы его почивать. Былъ десятой въ половинѣ.

12. Всталъ въ семь часовъ. Учился. На билиардъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григ. и Салдернъ. Говорили по большей части про агременты ⁴¹⁾ жизни въ чужихъ краяхъ, про загородной дворъ графа Зах. Гр. и проч.

40) Очень ребячливъ и разсѣянъ.

41) Пріятности.

Послѣ обѣда переодѣлся В. Кн. въ свой кирасирской вице-мундиръ. Учился. Поѣхали верхомъ гулять въ Катерингофъ. Не доѣзжая туды, увидѣли Захара и Ивана Григоричей въ строящемся домѣ. Тутъ сошли съ лошадей. Ходили по двору и смотрѣли, какъ землю возили. Пошелъ дожидечь. Съли мы въ кареты и поѣхали домой. Ужинать и спать.

Далѣе за тѣмъ 13 Іюля и послѣдующіе дни уже имѣются въ печатномъ изданіи Записокъ Порошина 1814 года.

Никита Ивановичъ Панинъ, обер-гофмейстеръ, главный воспитатель и такъ сказать, опекунъ одиннадцатилѣтняго Великаго Князя, прослышавъ о Запискахъ Порошина, взялъ у него просмотрѣть ихъ и не возвратилъ. При всемъ простосердечіи своемъ, Порошинъ почувалъ бѣду. «Отъ его превосходительства поднесенныхъ ему тетрадей моихъ Записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худаго, ни добраго не слыхалъ отъ его превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журнала становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если онѣ не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть», пишетъ онъ 28 Декабря 1765 года.

Порошину было въ это время всего 24 года. Сибирякъ по рожденію, воспитанныкъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, честною душою и открытымъ сердцемъ преданный наукамъ и своей должности, одушевленный возвышенными помыслами о благѣ отечества и своего возлюбленнаго питомца, въ добавокъ занимавшійся стихотворствомъ,—онъ не имѣлъ и не успѣлъ пріобрѣсти опытности житейской. Не нашлось человѣка, который бы шепчулъ этому достойному юношѣ, что

избытокъ усердія можетъ повести иногда къ послѣдствіямъ пагубнымъ. Онъ не чаялъ души въ своемъ Великомъ Князѣ, и не задумывался показывать свои Записки о немъ не только ближайшимъ пріятелямъ, но и «нѣкоторымъ изъ любопытныхъ купцовъ (вѣроятно пріѣзжимъ Сибирякамъ) особливо такія въ нихъ мѣста, кои о Его Высочествѣ могутъ подать высокое мнѣніе» (Р. Вѣстн. 1866, книга 8-я, стр. 429). Порошинъ не сообразилъ, что эта откровенность могла быть крайне непріятна не только начальнику его Панину, но и всемъ приближеннымъ Великаго Князя, на взглядъ которыхъ таковое ежедневное записываніе всего случавшагося, всякаго разговора и мелочнаго случая могло казаться нѣкотораго рода соглядатайствомъ. Въ усердіи своемъ Порошинъ забывалъ, что особеннымъ, едва ли не безпримѣрнымъ въ исторіи политическимъ положеніемъ Великаго Князя предписывалась крайняя осторожность во всей его общественной обстановкѣ. Панинъ потребовалъ у Порошина его Записокъ вѣроятно по приказанію самой Государыни; ибо не можетъ быть, чтобы Екатерина, недреманное око которой проницало повсюду, и которая такъ хорошо знала силу печатнаго, письменнаго и устнаго слова, не провѣдала о непрошеномъ придворномъ лѣтописцѣ. Порошинъ былъ увѣренъ, что Государыня не знаетъ о существованіи его Записокъ; а она между тѣмъ не только знала, а кажется, даже и намекала о томъ Порошину. Въ день Рождества Христова 1765 года (когда тетради Записокъ уже были у Панина) Государыня изволила говорить, что уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ Государь Цесаревичъ давалъ знать Ея Величе-

ству, что прошлаго году о Рождествѣ въ первый день ввечеру были у Ея Величества святошныя игры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы и нынѣ тоже сдѣлать, и для того изволила усмѣхаючись говорить Великому Князю, чтобъ онъ послѣ обѣда кафтанъ изволил надѣть полегче, и былъ ввечеру къ Ея Величеству на игрище. При томъ изволила Государыня сказать Великому Князю: *Конечно этотъ день у васъ въ календарь записанъ, также и тотъ, какъ мы въ послѣдній разъ у Сиверса были*» (тамъ катались на салазкахъ). Порошинъ былъ тутъ и слышалъ эти слова, по всему вѣроятію для него и сказанныя.

Дальнѣйшихъ объясненій, кажется, не было. Друзья убѣждали Порошина не оставлять Записокъ; онъ продолжалъ ихъ, но уже изрѣдка. Между тѣмъ товарищи его-Нѣмцы (которымъ давно онъ приходился сдѣланъ, завладѣвая исключительно довѣріемъ и послушаніемъ Великаго Князя) воспользовались неловкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился относительно Панина. Порошинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ стоить только разъ поставить въ замѣшательство, сбить что называется съ толку, чтобы они сами подали на себя врагамъ своимъ орудіе какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или поступкомъ. Панинъ (хотя ему тогда было уже 47 лѣтъ) не утратилъ еще намѣренія жениться и имѣлъ въ виду богатѣйшую въ Россіи невѣсту, старшую дочь графа Шереметева, фрейльну графиню Анну Петровну (впослѣдствіи она и была невѣстою Панина, но не успѣла выйти за мужъ, скончавшись отъ оспы въ 1768 г.) Ей-то несчастный Порошинъ оказалъ какую-то невѣжливость, какъ сообщаетъ Фонтъ-Визинъ

въ письмѣ къ своимъ родителямъ въ Москву (Соч. Фонтъ-Визина, изд. 1866, стр. 386), что и послужило предлогомъ къ удаленію его отъ двора. Такъ какъ онъ состоялъ въ военной службѣ, то его перечислили въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, находившійся въ Малороссіи, въ городѣ Ахтыркѣ. Тщетно обращался онъ къ заступничеству графа Григорія Орлова. Ему велѣно немедленно ѣхать въ полкъ. Въ день отъѣзда изъ Петербурга, 15 Апрѣля 1766 года, онъ написалъ гр. Орлову слѣдующее письмо, черновой подлинникъ котораго передалъ намъ С. Н. Амбразанцевымъ:

Собственноручное черновое письмо С. А. Порошина къ графу Г. Г. Орлову.

„Къ гр. Григорію Григорьевичу.

Милостивый Государь. Хотя по великодушному и милостивому Вашего Сіятельства за меня заступленію желаемого нынѣ и не послѣдовало; но благодарность моя за Ваши ко мнѣ благодѣянія столь-же велика, какъ бы я и получилъ все, о чемъ Ваше Сіятельство предстательствовали. Я болѣе утруждать Ея Императорское Величество уже не осмѣливаюсь. Конечно я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями, къ крайнему моему соболѣзнованію и отягченію, еще большій гнѣвъ на себя обратилъ. Я Вамъ, милостивой государь, чистосердечно признаюся и клянуся Вашему Сіятельству Сердцевѣдцемъ Богомъ и честію, что кромѣ моего проступка, о коемъ Ваше Сіятельство вѣдать изволите, ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ либо внушеніемъ донесено Ея Величеству что нибудь большее. Мнѣ болѣе теперъ не остается, какъ сносить въ терпѣ-

ни свою судьбину, чтобъ оная хотя со временемъ перемѣнилася, чтобъ я былъ въ прежнемъ своемъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, въ коемъ бы больше былъ доволенъ и которое бы желаніямъ и намѣреніямъ моимъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, болѣе соотвѣтствовало. Во всемъ томъ, милостивой государь, кромѣ Васъ никакой надежды не имѣю. Вы великодушнымъ своимъ представительствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенному моему духу спокойство. Не предайте меня, милостив. государь, забвенію: умножишася паче власть главы моя ненавидящія мя туне. Придохъ во глубины морскія, и буря потопила. Отъ Вашего Сіятельства руки ожидаю себѣ единія помощи. Я по особливому повелѣнію долженъ сегодня ѣхать неотмѣнно. И такъ теперь ѣду, увозя въ сердцѣ своемъ наиболѣе чувствительнѣйшую къ Вамъ благодарность за Ваши ко мнѣ отеческія милости. Пребываю по гробъ съ отличнымъ почтеніемъ и чистосердечною преданностью и пр.

15 Апр.
1766 году.“

*

Въ проѣздъ черезъ Москву, Порошинъ нашелъ случай переслать графу Орлову другое, чрезвычайно замѣчательное, письмо отъ 3 Мая 1766 года, которое уже напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1867, стр. 192—196, и въ которомъ онъ краснорѣчиво, но безуспѣшно излагаетъ свою невинность, будучи все еще убѣжденъ, что его погубили завистливые Нѣмцы-товарищи, и не сознавая настоящей причины своего несчастія. Нынѣ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, можно сказать, что то было несчастіемъ и для его царственнаго питомца, который

I. 3

въ Порошинѣ лишенъ былъ образцоваго наставника.

Дальнѣйшая судьба Порошина мало извѣстна. По свидѣтельству издателя его Записокъ и вѣроятно благодаря заступничеству графа Орлова, черезъ два года полевой службы, онъ сдѣланъ былъ командиромъ Старооскольскаго полка. Конечно, не красна была его обстановка въ Малороссійскихъ степяхъ послѣ разнообразія и высокаго интереса Петербургской дѣятельности. Началась Турецкая война 1769 года, и Старооскольскій полкъ выступилъ въ походъ. Графъ Румянцевъ, зная приверженность Порошина къ Павлу Петровичу, принялъ его подъ свое покровительство. Но вотъ пронесся слухъ, что, вмѣсто Румянцева, главноначальствующимъ будетъ графъ Петръ Ивановичъ Павинъ, тотъ самый Павинъ, который четыре года такъ дружелюбно развѣждалъ съ Порошинымъ по Красносельскому лагерю. Это такъ поразило Порошина, что случайная болѣзнь его перешла въ смертельную. Онъ скончался 12 Сент. 1769 г. и похороненъ въ Елизаветградской крѣпости.

Можетъ быть, императоръ Павелъ вспомнилъ Порошина, начертывая слѣдующую записку его родственнику.

Собств. невручная Записка Императора
Павла къ ген.-лейт. Амбразанцову.

„Гатчина. Октября 1, 1799.

Зная усердіе ваше, назначаю васъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго батальона. Вашъ же получаетъ Г. М. Коробьинъ. Пріѣзжайте сюда. Вашъ благосклонный Павелъ.“

Вложено въ маленькій конвертъ съ надписью другою рукою: «Господину Генералу-Лейтенанту Амбразанцову,

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 3

въ Казань.» Тутъ же приписано третьейею рукою (кажется графа Ростопчина): «Пріѣхать прямо въ Гатчино, не заѣзжая въ Петербургъ.»

*

Кромѣ вышеприведеннаго, въ бумагахъ Порошина, открытыхъ С. Н. Амбразанцевымъ, сохранились еще слѣдующія.

Словесныя упражненія Великаго Князя Павла Петровича.

(Собственноручная его тетрадь, сохранившаяся въ бумагахъ Порошина.)

1.

Se rendre tellement maître de sa langue et de son visage, qu'ils ne trahissent jamais les secrets du cœur, est un art qu'il ne faut pas ignorer. *Paul.*

Съ 8 Аврѣл 1763.

Овладѣть своею рѣчью и выраженіемъ лица своего, такъ чтобы они никогда не выдавали тайнъ сердца— есть искусство, коимъ не слѣдуетъ пренебрегать. *Павелъ.*

8 Апрель 1763.

2.

La gloire d'un Roi est la prospérité de ses peuples: son pouvoir et son autorité resident dans les coeurs de ses sujets. *Paul.*

Съ 18 Septembre 1763

Слава Государя есть благоденствіе его народовъ: его сила и значеніе утверждаются на сердцахъ его подданныхъ. *Павелъ.*

18 Сентября 1763.

3.

Soyés juste et impartial, et agissés avec les hommes comme vous voudriés qu'ils fissent avec Vous. La meilleure défense d'un Prince est sa bonté et sa vertu. *Paul.*

Съ 25 Septembre 1763.

Будьте справедливы и безпристрастны, и поступайте съ людьми такъ, какъ хотите, чтобы они съ Вами поступали. Лучшая оборона Государю есть его доброта и доблесть. *Павелъ.*

25 Сентября 1763.

4.

Celui qui néglige sa réputation est bien disposé à compter pour peu la vertu. Il ne faut jamais chagriner personne. *Paul.*

Ce XX Octobre MDCCCLXIII.

Кто небрежетъ о томъ, какая про него молва, тотъ склоненъ пренебрегать добродѣтелью. Не слѣдуетъ никогда огорчать кого либо. *Павелъ.*

20 Октября 1763.

*

Изъ Записокъ Порошина извѣстно, что иногда о состояніи Великаго Князя составлялись особенныя Вѣдомости, которыя даже и печатались и были ему показываемы. Такихъ печатныхъ Вѣдомостей намъ не случалось видѣть; но въ бумагахъ его воспитателя сохранились слѣдующіе рукописные листы подобнаго содержанія.

ВѢДОМОСТИ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ.

I.

Письмо г-на Правомыслова, отставнаго капитана, изъ С. Петербурга отъ Марта 1760 года къ г-ну Люборусову, отставному капитану въ Москвѣ.

Конечно, другъ мой, опечалились вы прежнимъ моимъ письмомъ о Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. И подлинно было чему намъ тогда печалиться, слыша, что правнукъ Петра Великаго ведетъ себя не (*) Ахъ! не токмо языкъ мой не можетъ выговорить, но и мыслить ужасаюсь, столько то было для насъ печально.

Но теперь я васъ друга моего обрадую: Его Высочество сталъ съ нѣкотораго времени отмѣнять свой нравъ: учится хотя не долго, но охотно; не изволить отказывать, когда ему о томъ напоминають; когда же у него временемъ охоты нѣтъ учиться, то Его Высочество нынѣ очень учтиво изволить говорить такими словами: *Пожалуйте погодите или пожелайте до*

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

завтра, не такъ какъ прежде бывало, вспыхнетъ и головушкою закинувъ съ досадою и съ сердцемъ отвѣчать изволить: *вотъ ужь, нелекая!* Какія то неприличныя слова въ устахъ Великаго Князя Россійскаго!

Вы знаете, кто мнѣ всѣ сіи вѣсти приносить; тѣ же гренадеры лейбъ-компаніи и гренадеры гвардіи: имъ можно самимъ слышать, для того что лейбъ-компаніи стоятъ на бекетѣ у самыхъ дверей почивальни, а подь окномъ почивальни жь ставятъ часоваго изъ гвардіи гренадеръ.

Кромѣ того нельзя ничему утаить-ся, что бѣ Его Высочество ни сдѣлалъ; можно смѣло сказать, что за поступками Его Высочества столько шпіоновъ, сколько людей въ Петербургѣ: всѣ стараются всякими образы вѣдать, что Великій Князь дѣлаеть, чтобъ по тому разсуждать могли, какого онъ нрава.

Я вамъ объявилъ нѣсколько, какъ можно разными образы свѣдать, что Его Высочество изволить дѣлать. Напримѣръ, я, какъ вамъ сказалъ, вѣдаю отъ лейбъ-компаніи и гвардіи гренадеръ; другой отъ истопника; иной отъ повареннаго мальчика; а иной примѣтитъ по лицу комнатныхъ Его Высочества и тѣхъ, которые повседневно при немъ бываютъ: а именно, когда Великій Князь себя хорошо ведетъ, тогда они веселы и сами стараются о томъ разсказывать всѣмъ людямъ; когдаже не такъ идетъ, какъ надобно, тогда они печальны, и лица ихъ такъ пасмурны, какъ осенняя погода.

Дни съ три тому назадъ примѣтили, слава Богу, что всѣ комнатные Великаго Князя веселы стали. Мнѣ о томъ тотчасъ дали знать на Приморской дворъ, куда я ѣздилъ прокатываться съ пріятелями. Можете себѣ представить, сколь жадно мнѣ

хотѣлось вѣдать, что было причиною веселости комнатныхъ Его Высочества. Подумайте, гдѣ и отъ кого я то свѣдалъ? Прежде пріѣзда моего въ Петербургъ у Матисовой деревни отъ Красносельскаго крестьянина. Тутъ опустился у нашей кареты пасъ. Мы принуждены были вытить изъ кареты, а тѣмъ временемъ наѣхалъ на насъ оной крестьянинъ, возвращаясь изъ Петербурга, куда онъ на придворную поварню отвозилъ уголья. Какъ людей у насъ было немного, то я попросилъ крестьянина, чтобъ намъ пособилъ хотя бы лошадей подержать. Онъ безъ всякихъ отговорокъ, выскоча изъ саней, сказалъ мнѣ обыкновенною крестьянскою своею рѣчью: *Заразъ, доброй господинъ*. Между тѣмъ какъ онъ лошадей держалъ, а люди подымали насъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, спрашивалъ у него откуда онъ и за чѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ крестьянинъ изъ Краснаго Села, возилъ уголья на дворцовую поварню и ѣдетъ назадъ домой. Видя, что крестьянинъ мужикъ веселый, не плутъ и отвѣчалъ порядочно, спросилъ я у него еще, не слышалъ ли онъ какихъ новыхъ вѣстей? *Какъ батюшка не слыхатъ!* (отвѣчалъ мнѣ съ веселымъ лицомъ) *Навелъ Петровичъ ужь по толкѣмъ читаетъ и пишетъ. Еще баютъ, что будетъ разуменъ какъ Петръ Алексѣевичъ, ужь теперъ понимаетъ все.*

Знаете ли, мой другъ, отъ кого онъ все сіе слышалъ? Отъ повареннаго мальчика, которому сказалъ обойщикъ или портной работникъ, а сей самъ все слышалъ въ комнатѣ Великаго Князя, будучи туда призванъ зашивать сукно на полу. Я съ радости хотѣлъ было обнять и разцѣловать крестьянина, далъ ему рубль за доб-

рыя вѣсти и приказалъ ему, чтобъ о томъ всему своему селу рассказалъ. Я теперь увѣренъ, что сіи вѣсти скоро до Риги, оттуда въ Пруссію, а изъ Пруссіи далѣе въ чужіе края дойдуть, потому что Красное Село лежитъ на большой дорогѣ къ Ригѣ.

Я прошу такъ же и васъ, моего друга, къ пріятелямъ нашимъ въ городахъ о томъ отписать, чтобъ и они съ нами порадовались. А я, впредь чтò будетъ, о всемъ порядочно буду васъ увѣдомлять.

II.

Изъ Санктъ Петербурга въ 7 день Октября 1760 года.

Къ совершенной радости нашей Его Императорское Высочество Государь Великій Князь, слава Богу, совсѣмъ выздоровѣлъ отъ приключившагося ему припадка. Сему скорому облегченію не мало помогло стараніе господина оберъ гофъ-мейстера, такъ же и послушаніе, которое Его Высочество во время своей болѣзни изволилъ ему во всемъ оказывать, особливо въ кушаньи и въ приниманіи лекарствъ. Больше всего надобно удивляться, а притомъ радоваться тому, что Его Высочество дѣлалъ оное не съ принужденія, но по разсудку, когда представлено было, чтò для здоровья его то необходимо нужно было, хотя иногда лекарства ему и очень претительны были.

Во время болѣзни науками Его Высочество не утруждали; потому думали, что Его Высочество или нѣсколько запомнеть, чтò уже изволилъ выучить, или по меньшей мѣрѣ неохотно за ученье опять примется. Напротивъ того, къ неизреченному удовольствію нашему, Великій Князь ни мало ничего не запомнеть, и вчера зачалъ продолжать ученіе свое

съ охотою; оное примѣчено потому, что въ первые вечера дѣланы были ему вопросы въ Географіи по глобусу: Его Высочество на ономъ показывалъ безъ остановки, правильно и изрядно все, чтò онъ до сихъ поръ зналъ по однимъ только картамъ; все сіе насъ несказанно веселить, особливо разумныя разсужденія Государя Великаго Князя, какъ самъ нынѣ удовольствіе находить, когда что знаетъ.

ПИСЬМА ПОРОШИНА КЪ АКАДЕМИКУ МИЛЛЕРУ.

1

Милостивый Государь,

Поселившаяся въ домѣ вашемъ во сна, принуждаетъ меня теперь противъ моей воли сдѣлаться неучтивымъ, и послать переписанное по повелѣнію вашему письмо съ человѣкомъ, да и въ прочемъ возвращаетъ на нѣкоторое время входъ въ домъ вашъ, чтò всегда почитаю за важную часть моего счастья. Но что касается до перваго, то вѣдая, что положенная о вослѣ заповѣдь вамъ довольно извѣстна, думаю, что сія моя неучтивость отъ васъ мнѣ милостиво упущена будетъ, а помышляя о послѣднемъ, льщу себя пріятною надеждою дожидаться паки радостныхъ тѣхъ дней, увѣряя васъ при томъ, что я всегда пребуду съ почтеніемъ вашъ, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Семень Порошинъ.

17^{IX}/_{IS} 55.

2.

Monsieur,

Je vous prie très humblement, de m'envoyer par le porteur de ce billet quelque dictionnaire de mythologie, Alle-

mand ou François. Je vous le rendrai au bout de quelques jours avec beaucoup de reconnoissance. Quant aux mémoires géographiques, que je tiens de vous, je vous les présenterai moi-même dès que je serai en état de sortir: l'indisposition, où je me trouve présentement, m'oblige à garder la chambre.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Porochin.

26 Octob.
1759.

М. Г. Поворнѣйше прошу васъ прислать мнѣ съ подателемъ сей записки какой либо мнѳологическій лексиконъ, нѣмецкій или французскій. Съ великою благодарностью возвращу вамъ его черезъ нѣсколько дней. Что касается до географическихъ записокъ, которыя взяты у васъ мною, то я представляю ихъ лично, какъ только мнѣ можно будетъ выйти изъ дому: въ настоящее время я не такъ здоровъ и долженъ оставаться въ своей комнатѣ. Съ почтительною преданностью емь и пр. 26 Окт. 1759.

3.

Monsieur,

Il y a un livre, intitulé: *Histoire de la maison de Stuart*, qui vous est certainement connu. Je suis présentement dans le cas, qu'il faut nécessairement que je l'aye pour quelques jours. Si vous l'avez dans votre bibliothèque, ou que vous le pouvez procurer de quelqu'un de vos amis, faites moi, Monsieur! je vous prie très humblement, ce plaisir infini et envoyez moi ce livre-là par le porteur de ce billet. Je n'ai pu le trouver dans la librairie de l'Académie. Il ne me reste donc de moyen dans cette occasion, que de m'adresser à vous. Je vous le rendrai la semaine prochaine avec une reconnoissance,

ce, proportionnée au besoin que j'en ai: et ce besoin est extrême et pressant.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Poroschin.

le 2 Novembre 1761.

Есть книга, которую вы конечно знаете, подъ заглавиемъ: *Исторія дома Стюартовъ*. Въ настоящемъ случаѣ мнѣ необходимо имѣть ее на нѣсколько дней. Если она имѣется въ вашей библиотекѣ или вы можете достать ее отъ кого либо изъ вашихъ друзей, поворнѣйше прошу васъ, м. г., оказать мнѣ безконечное удовольствіе и пришлите эту книгу съ подателемъ этой записки. Я не могъ найти ее въ академической книжной лавкѣ, и мнѣ не остается другаго средства какъ обратиться за нею къ вамъ. Возвращу вамъ ее на той недѣли съ благодарностью, соответственной той нуждѣ, каковую имѣю въ этой книгѣ: а нужда эта настоятельна и чрезвычайна. Съ почтительною преданностью и пр. 2 Ноября 1761.

4.

Monsieur,

C'est justement *m. Hume*, qui est l'auteur du livre en question. Je vous répète encore ma très humble prière, de me le procurer pour quelques jours, s'il est possible, et de me le faire tenir par le porteur de ce billet. Vous obligerez infiniment, Monsieur, votre très avoué et très obéissant serviteur S. Poroschin.

le 3 Novembre 1761.

М. г. Сочинитель книги, о которой идетъ рѣчь, есть навѣрное г. Гюмъ. Повторяю вамъ покорную мою просьбу достать мнѣ ее на нѣсколько дней, если возможно, и прислать съ подателемъ этой записки. Безконечно одолжите, м. г., вашего преданнаго и поворнѣйшаго слугу. 3 Ноября 1761.

Подлинники находятся въ письмахъ къ проф. Миллеру отъ разныхъ особъ. № 546, Портфель 8-я, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщены княземъ М. А. Оболенскимъ.

БУМАГИ ЛАГАРПА, (*)

хранящіяся въ публичной библиотекѣ въ Лозаннѣ.

30 Марта 1838 года скончался въ Лозаннѣ Лагарпъ (Frédéric César de La Harpe) бывшій воспитатель и наставникъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ оставилъ по духовному завѣщанію часть своихъ бумагъ публичной библиотекѣ города Лозанны, между тѣмъ какъ другая, и вѣроятно бѣльшая, часть этихъ бумагъ, препровождена была, какъ говорятъ, въ Петербургъ.

Всѣ бумаги Лозанскія переплетены и составляютъ одиннадцать томовъ разнаго формата. На каждомъ изъ нихъ стоитъ имя Лагарпа: *F. C. de la Harpe*, съ заглавіемъ полного содержанія всей книги. Всѣ эти книги, писанныя рукою самого Лагарпа, состоятъ изъ выписокъ, подготовительныхъ записокъ для уроковъ великихъ князей и изъ разныхъ примѣчаній, между которыми сохранилось нѣсколько неизданныхъ еще писемъ Лагарпа къ императору Александру Павловичу въ 1815 году.

Вотъ заглавія этихъ одиннадцати томовъ:

1. Débris et brouillons de notes historiques destinées pour les grands ducs de Russie.

2. Notes historiques, depuis les plus anciens temps jusqu'à l'invasion des Mogols.

3. Extraits relatifs à l'histoire d'Allemagne depuis l'an 1024.

4. Extraits relatifs à l'histoire d'Italie depuis l'an 455.

5. Extraits de thèmes destinés à servir de base aux leçons d'histoire.

6. Histoire de la migration des peuples. Extraits de Thunmann sur les peuples orientaux. Notes sur l'Empire des Mogols. Notes historiques sur la Grèce.

7. Extrait de grammaire universelle de Court de Gibélin. Notes sur la grammaire grecque de Matthæi.

8. Extrait des mémoires de Thielke sur la fortification.

9. Extraits de thèmes.

10. Extraits d'une histoire romaine dictée au grand duc Alexandre. Notes sur l'histoire grecque.

11. Notes astronomiques. Extrait de l'ouvrage de Rusch sur les banques. Notes statistiques sur le commerce de St. Péterbourg.

Перелистывая эти бумаги Лагарпа, можно получить вѣрное и ясное понятіе какъ о способѣ воспитанія, который былъ принятъ Лагарпомъ, такъ и о личномъ его возрѣвнн на исторію. Хотя эти черновыя записки составляютъ подготовительныя работы самого наставника къ урокамъ, и даже не назначались, по видимому, для передачи въ руки великимъ князьямъ, но все таки изложеніе ихъ довольно окончено и даже довольно обработано. Историческіе факты не отмѣчены бѣгло какъ на запискахъ для памяти, а напротивъ того описаны во всей подробности, такъ что вѣроятно Лагарпъ по этимъ тетрадамъ прямо читалъ или диктовалъ великимъ князьямъ, предоставляя себѣ только незначительныя поясненія или пополненія. Такому способу преподаванія служатъ еще доказательствомъ и самыя вышеприведенныя заглавія этихъ записокъ.

Что касается собственно до пониманія исторической науки, то Лагарпъ, хотя и руководствуется часто сочиненіемъ Гиббона, но при изложеніи историческихъ событій совершенно упускаетъ изъ виду философскую ихъ критику и обращаетъ вниманіе только на нравственную сторону, такъ что его преподаваніе исторіи получаетъ видъ курса нравственности, самой чистой и самой возвышен-

(*) Сл. въ Русскомъ Архивѣ 1867, стр. 75—94, статью «Лагарпъ въ Россіи».

ной, основанной на исторических фактахъ. Послѣ описанія каждаго событія, Лагарпъ отмѣчаетъ, какое нравственное заключеніе можетъ быть изъ него выведено, постоянно примѣняя его къ положенію, къ которому назначенъ его воспитанникъ.

При такомъ возрѣніи на исторію, на этихъ нравственныхъ выводахъ изъ событийъ отразились личныя убѣжденія Лагарпа, которыми онъ руководствовался и въ политической своей дѣятельности. Какъ уроженецъ Швейцаріи, онъ въ особенности живо сочувствовалъ Греческой и Римской исторіи и въ запискахъ по этой части положилъ яркій отпечатокъ своихъ чувствъ. Восхваляя свободу и гражданскія учрежденія республики, онъ защищаетъ противъ всякаго обвиненія тѣхъ, которые стояли за неприкосновенность Римской свободы. Отъ того онъ огораживаетъ поступки Силлы, и нападаетъ на дѣйствіи Кесаря и Августа. Все возрѣніе Лагарпа на этотъ періодъ Римской исторіи какъ бы сосредоточивается въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Aucune creature vivante ne supporte, sans se déffendre, les maux qu'on lui fait. L'abeille pique la main qui la presse, la fourmie pince le talon qui l'écrase; pourquoi donc un homme aurait-il seul le droit de blesser un autre ou de lui faire du tort, sans que cet autre eût le droit de se défendre? Il y a de la faiblesse, sans doute, à se plaindre pour des bagatelles, mais lorsque les maux sont intolérables, lorsque tous les moyens de s'y soustraire ont manqué, les hommes ne prennent plus conseil que de leur désespoir, dont les suites sont toujours incalculables.»

Далѣе, изобразивъ достоинства Силлы какъ гражданина и какъ диктатора, Лагарпъ упрекаетъ его за нападеніе на республику, потому что этимъ онъ далъ дурной примѣръ соотечественникамъ и потомству, и закончиваетъ свою мысль словами: «Or, Monseigneur, tout homme, quel qu'il soit, est responsable des suites de bon ou mauvais exemple qu'il donne;

«plus il est élevé, plus il est en vue, plus aussi il doit éviter d'en donner un qui lui attire (le blâme des hommes honnêtes) les reproches des gens de bien.» Видно, Лагарпъ остановился на этой мысли, потому что переправилъ даже выраженіе первоначальной фразы.

Еще одинъ примѣръ, и достаточно ясно будетъ обозначенъ способъ Лагарпа выводить нравственное заключеніе изъ каждаго историческаго происшествія.

По поводу избранія молодаго Сципіона въ полководцы, онъ замѣчаетъ: «que Scipion n'avait que 24 ans et qu'on avait violé les lois en le nommant; or, Monseigneur, les lois sont respectées dans les républiques plus qu'ailleurs, et personne n'ose les violer impunément, parcequ'elles sont faites pour tous et ne dispensent personne.»

Между этими записками Лагарпа, именно въ одиннадцатомъ томѣ, сохранились два черновыя письма, писанныя къ Александру Павловичу въ 1815 году. Хотя они представляютъ намъ только отрывокъ переписки, существовавшей между Лагарпомъ и Государемъ, но весьма любопытны какъ доказательство откровенности бывшаго наставника къ своему воспитаннику, и искренности его чувствъ не только къ Государю, но также и къ Россіи. Судя по десятидневному сроку между обоими письмами, можно предполагать, что переписка велась довольно часто, въ особенности, если припомнимъ то уваженіе, которое Александръ Павловичъ выказывалъ Лагарпу. Всѣмъ извѣстно, что въ 1814 году Государь навѣстилъ Лагарпа на его дачѣ Plessis-Piquet, и взялъ его съ собою на Вѣнсвій конгрессъ, послѣ котораго Лагарпъ окончательно поселился въ Лозаннѣ.

Передавая здѣсь эти два черновыя письма Лагарпа, я отмѣчаю всѣ провѣренныя въ нихъ мѣста, всѣ поправки и измѣненія, находящіяся въ подлинникѣ. Вычеркнутыя фразы и слова отмѣчены скобками, а приписки на поляхъ обозначены звѣздочкою, *

1.

Sire,

Agreez encore ces 2 extraits ¹⁾ avec mes vœux de nouvelle année. Je sçais bien que Votre Majesté Impériale n'a pas le tems de lire ces paperasses dans ce moment, je la prie seulement de vouloir les garder pour celui où elle en aura davantage (mais ce tems arrivera et c'est pour celui-ci qu'elles sont destinées).

L'auteur du plan de Finances, dont j'ai eu l'honneur de vous parler ²⁾, Sire, est revenu. Je lui ai fait des questions, aux quelles il m'a promis de répondre. Si j'avais le rapport du Comte de Capo d'Istria dont V. M. I. m'a parlé, probablement il me fournirait de nouvelles questions à faire à l'auteur, dont je joindrai ensuite les réponses à ce même rapport pour revoir dans l'occasion.

Recevez, Sire, avec les assurances de mon respect, celles du dévouement sans bornes de votre fidèle Laharpe.

^{1/13} Janvier. 1815.

(Вся слѣдующая приписка къ этому письму вычеркнута.)

Il y a dans le Morning-Chronicle de 15 Décembre, sous le nom de Antonio di Ravenna, une lettre très virulente contre la Russie dans laquelle vous avez votre part. Ceux qui vous défendent doivent s'attacher à développer tout ce que l'Angleterre a acquis depuis 50 ans. Il faut lui faire dire son chapelet, grain par grain, sans humeur, en donnant chaque fait comme un argument de plus de sa modération et de la sécurité qu'elle doit inspirer à tous ³⁾. A force de le répéter chacun le croira, et il ne sera pas facile aux Anglais de persuader le contraire.

¹⁾ За этими письмами слѣдуетъ: „Extrait d'un projet sur les Finances“, расположенный для введеня орокомъ до 1824 г. За тѣмъ идутъ выписки изъ de Say. Объ этихъ двухъ выпискахъ упоминается въ письмахъ.

²⁾ Вѣроятно въ Вѣнѣ?

³⁾ Тутъ слѣдуетъ это отнести къ Александру Павловичу?

2.

Vienne. 11 Janvier. 1815.

Sire,

J'ai l'honneur d'adresser à V. M. I. le № 2 des extraits de Say. La parenthèse coloriée contient des notes, dont vous pouvez vous passer si le tems vous manque. Vous aurez incessamment la suite (* persuadé que ces matières sont en 1-ère ligne, parmi celles qui doivent contribuer à la gloire (prosperité) de votre règne) j'ai un plaisir à m'en occuper (elles me font oublier les misères de tout espèce). Je me console un peu avec elles des obstacles, que des âmes grossières mettent à la Régénération de l'Europe, que vous avez voulue, en pensant que nul au moins ne pourra vous (пропускъ). Si votre intention est toujours d'accorder à l'auteur une décoration, ne pourrait-elle lui parvenir par le G-l Pozz? (Je desirerais que). L'Auteur est actuellement en Ecosse (Angleterre), où il a été reçu avec la plus grande distinction (la plus haute) par les concitoyens d'A.....melh (? трудно разобрать). S'il y recevait la nouvelle, que vous aussi, Sire, l'estimez, ce qu'il vaut, cela produirait un très bon effet (Je sçais qu'il y). Il recueille des matériaux pour une 3-ème edition (qui sera encore plus parfaite). (On doit vous) J'ai appris par mon ami Portugais: 1°, que son gouvernement n'a pas ratifié la cession de la Guyane faite gr....(не разобрано) à la France par son Ministre dans le traité de Paris, à l'instigation de l'Angleterre. 2°, que le gouvernement de Brésil, blessé de l'abandon qu'on a fait de ses intérêts, malgré la coopération contre l'Ennemi commun, ne veut point traiter pour sa conquête. Il se place (? не разборчиво) comme s'il était sous la tutelle de l'Angleterre, dont il a beaucoup à se plaindre. 3°, que le Prince Régent desire confier ses intérêts à V. M. I. et la prier d'être mediatrice entre la France et lui pour cet objet. Une note doit avoir été présentée à Votre Ministère dans ce but. (Il ne m'appartient pas d'avoir un avis) tout cela n'est point de mon ressort, seulement il me paraît qu'une nation (пропущено слово) par les sacrifices et le dévouement qu'elle a montré à ses amis, lorsqu'elle possède les

Ports de Lisbonne, de Baya, de Rio de Janeiro et ceux des bouches de l'Amasone et de l'Orénoque (* empêchera de faire reposer la prospérité de la Russie sur des bases, qui assurent à jamais le bonheur de ses habitants. C'est vers ce seul avenir que je tourne désormais mes regards). Письмо

не окончено. Любопытно бы было сравнить эти черновые письма съ отправленными подлинниками.

Гр. Уваровъ.

Порѣчье 17 Іюня
1868.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО.

къ

ПРОТОІЕРЕЮ И. И. БАЗАРОВУ. 1848—1852.

Печатаются съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ въ Русскій Архивъ отцомъ протоіереемъ Ивановъ Ивановичемъ Базаровымъ, нынѣ настоятелемъ Православной церкви въ Штутгардѣ. Ему же принадлежатъ и примѣчанія къ этимъ письмамъ. Напоминаю читателямъ, что отецъ Базаровъ напутствовалъ Жуковскаго въ жизнь вѣчную.

I.

Извините меня, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ (1), что такъ долго не подавалъ вамъ никакого знака жизни, получивъ отъ васъ такое значительное письмо, и бумаги, касающіяся нашей бѣдной сиротки: этому причина та, что я самъ хотѣлъ быть во Франкфуртѣ; хотѣлъ лично объ этомъ дѣлѣ переговорить съ барономъ Будбергомъ и потомъ отъ себя дать ему ходъ, отправивъ бумаги ваши къ Великому Князю; но я занемогъ простудю; дожидался для отъѣзда во Франкфуртѣ, чтобы эта простуда совсѣмъ миновалась. Она прошла, но теперь выходитъ на повѣрку, что я не прежде буду во Франкфуртѣ какъ къ новому году. Далѣе откладывать нашего дѣла мнѣ не хочется: на записку мою, посланную къ Вели-

кому Князю и которую Онъ долженъ былъ имѣть въ рукахъ 31 Октября, я еще не имѣлъ отвѣта. Я намѣренъ послать къ Нему ваши бумаги. Но я не желаю въ этомъ случаѣ дѣйствовать въ рознь съ барономъ Будбергомъ, который имѣетъ обязанность именемъ нашего правительства войти въ это дѣло. Въ слѣдствіе всего этого прошу васъ:

1-е. Приказать поскорѣе переписать всѣ (при семь приложенныя) ваши бумаги и доставить копію къ барону Вудбергу, давъ ему при томъ знать, что вы ко мнѣ одинъ экземпляръ ихъ отправили.

2-е. Мнѣ же, немедленно по переписаніи, возвратитъ бумаги, которыя я тотъ часъ отправлю къ Великому Князю.—Прошу меня увѣдомить, что будетъ стоить переписка.

Благодарю васъ душевно за трудъ, который вы на себя взяли и который такъ совѣстливо исполняете. Ваши замѣчанія на Штира (2) тѣмъ болѣе заставляютъ меня желать, чтобы вы занялись пересадкою этого плодороднаго дерева на нашу Русскую почву.

(1) На первыхъ порахъ знакомства, Жуковскій по ошибкѣ называлъ отца Базарова Василіемъ Ивановичемъ.

(2) Die Heben des Herrn Jesus — книга, испещренная еврейскими и греческими словами, которыя В. А. просилъ меня переводить для него. Б.

Штиръ чистый, глубокомысленный и глубоко-ученый Христианинъ. Чтò въ его доктринѣ не сходно съ нашимъ исповѣданіемъ, на то можно указать съ надлежащимъ опроверженіемъ; но то, чтò въ немъ со всѣми исповѣданіями согласно, то будетъ для насъ сокровищемъ; и вы сдѣлаете большое добро, сдѣлавъ это сокровище доступнымъ нашимъ Русскимъ, православно-вѣрующимъ.

Простите, любезнѣйшій Василій Ивановичъ; присылайте скорѣ бумаги назадъ. Я предувѣдомилъ Будберга о томъ, что онъ ихъ отъ васъ скоро получить. Съ совершеннымъ почтеніемъ искренно преданный вамъ.

Жуковский.

18/30 Ноября
Baden-Baden am Graben
Haus Kleinmann.
(1848).

II.

20 Декабря 1848
1 Января 1849

Почтеннѣйшій Василій Ивановичъ. Благодарю васъ сердечно за доставленные мнѣ вами бумаги, за трудъ, который вы на себя взяли, сдѣлавъ такъ совѣстливо переводъ Еврейскихъ и Греческихъ словъ, которыми испещрена книга Штира, и наконецъ за ваше письмо, въ которомъ вы съ такою основательностію выражаете свое мнѣніе о книгѣ Штира и препятствіяхъ, которыя могутъ у насъ встрѣтиться ея переводу. Я съ вами во всемъ совершенно согласенъ. Но я не полагалъ, чтобы Штира можно было перевести вполне на Русскій языкъ. Я думалъ только, нельзя ли изъ него извлечь многое, могущее быть весьма назидательнымъ для православныхъ читателей. Самое необхо-

димое для сохраненія нашего чистаго Православія состоитъ въ томъ, чтобы не вводить никакихъ самотолкованій въ ученіе нашей церкви: авторитетъ ея долженъ быть безъ апелляціи. Въ этомъ отношеніи должна дѣйствовать одна вѣра, покоряющая разумъ. Съ другой стороны этотъ покорный разумъ долженъ вводить вѣру въ практическое употребленіе жизни: безъ этаго введенія вѣры въ жизнь, не будетъ живой вѣры.— Вотъ чего бы я желалъ для бóльшаго, дѣйствительнѣйшаго распространенія чистаго Православія, дабы оно, проникнувъ въ дѣйствія ежедневной жизни, было источникомъ, оживленіемъ и храненіемъ нравственности домашней и публичной. Мы видимъ, что здѣсь въ Германіи отъ дерзкаго самотолкованія произошло безвѣріе; у насъ отъ нетолкованія происходитъ мертвая вѣра, почти тоже чтò безвѣріе. И едва ли мертвая вѣра не хуже самого безвѣрія. Безвѣріе есть бѣшенный, живой врагъ; онъ дерется, но его можно одолѣть и побѣдить убѣжденіемъ. Мертвая вѣра есть трупъ—чтò можно сдѣлать изъ трупа?

Увѣдомьте, чтò я долженъ вашему писарю? Я бы сердечно желалъ помочь ему. Какая сумма нужна ему для переѣзда въ Россію? Нельзя ли сдѣлать для этого сборъ между нашими Русскими?

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ. Холодъ не пускаетъ меня во Франкфуртъ. Съ истиннымъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковский.*

Скоро пошлю вамъ остальные томы Штира.

III.

Спѣшу отвѣчать на письмо вашего высокопреподобія; оно писано 4 Іюня, а дошло до меня 16-го Іюня, и полу-

чено мною въ Тунѣ, гдѣ я временно поселился ⁽³⁾. Сижу у озера и жду погоды.

Къ несчастію не могу дать вамъ никакого разрѣшительнаго отвѣта на письмо ваше. Графъ Шереметевъ или не получилъ моего письма, или получилъ и не отвѣчалъ на него, или отвѣчалъ да письмо пропало, что теперь въ порядкѣ вещей. Все это плохо для бѣднаго Б.—Я бы радъ помочь ему, да средствъ на то не имѣю. Сдѣлайте попытку у Герцога, авось это удастся. Если же не удастся, то увѣдомьте меня опять: можемъ тогда прибѣгнуть къ коллектѣ. Посмотрите, нельзя ли будетъ сдѣлать теперь этой операциі. Мой адресъ: à Berne, poste restante.

Мои книги пока поберегите у себя. Ваши къ нимъ примѣчанія будутъ мнѣ добрымъ и наставительнымъ о васъ воспоминаніемъ. Преданный вамъ. *Жуковский*.

А что наша сиротка?

Адресъ: A Monsieur Sabinine, aumônier de l'Eglise Grecque à Weimar, pour remettre à Monsieur Bazaroff.

IV.

Два слова въ отвѣтъ на письмо ваше, любезный Иванъ Ивановичъ: я собралъ здѣсь 120 франковъ для вашего путника; пошлю ихъ къ вамъ изъ Бадена, гдѣ надѣюсь быть около 25 Іюля. До тѣхъ поръ можете, если нужно, употребить въ пользу Б. эту сумму изъ вашихъ денегъ. О дѣвочкѣ буду писать изъ Бадена. Получи-

⁽³⁾ Въ 1849 г. по случаю вспыхнувшего въ Баденѣ возстанія, Ж. удалился временно въ Швейцарію; не смотря на собственное безпокойство, онъ не перестаетъ беспокоиться о нуждающихся въ его покровительствѣ. Б.

ли ли вы второй томъ Одиссеи, посланный вамъ чрезъ Сѣверина? Увѣдомьте. И пишите въ Бадень, poste restante. Преданный вамъ. *Жуковский*.

Адресъ: A Monsieur Bazaroff, Ecclesiastique de l'Eglise Greco-Russe à Wiesbade.

11 Іюля 1849.

V.

Мнѣ бы давно слѣдовало написать къ вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, но все откладывалъ по своей благоумной привычкѣ. А между тѣмъ я успѣлъ побывать въ Варшавѣ; при свиданіи съ Великимъ Княземъ я говорилъ Ему о нашей сироткѣ и оставилъ о ней Ему записку; но еще по этому предмету не имѣлъ никакого отъ Него отзыва. Прошу васъ меня увѣдомить, нѣтъ ли какого о ней назначенія во Франкфуртѣ и что съ нею творится. Можетъ быть, я самъ скоро побываю во Франкфуртѣ. Я объ этомъ васъ увѣдомлю.

Вотъ просьба: нѣтъ ли у васъ Славянской Библии, безъ которой вы могли бы на время обойтись? Я отправилъ свою со всѣми моими книгами и пожитками въ Россію, полагая, что самъ туда поѣду и вотъ сижу какъ ракъ на мели. Вы очень одолжите меня, если дадите вашу Библию.

Что дѣлаетъ Штиръ? прислалъ ли я вамъ вторую часть Одиссеи? Съ истиннымъ почтеніемъ преданный вамъ.

Жуковский.

Бадень Бадень 11-го Іюля (1849).

VI.

Я еще не благодарилъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за доставленіе мнѣ Штира и за вашъ переводъ Греческихъ и Еврейскихъ

словъ, съ помощію котораго теперь эта прекрасная книга сдѣлалась мнѣ совершенно доступна. Благодарю душевно.

На счетъ нашей сиротки отвѣчаю вамъ слѣдующее.

Я не могу самъ входить въ письменное сношеніе съ нашею миссіею о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя она должна сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, потому что не хочу имѣть новыхъ непріятностей по этому предмету. Но вы знаете обстоятельства и подробности этого дѣла; переговорите лично съ княземъ Гагаринымъ.

Мое же мнѣіе, которое прошу васъ сообщить князю, слѣдующее:

1-е. Миссія получила отъ высшаго начальства повелѣніе выслать Реджину въ Петербургъ. За ея содержаніе въ пансіонѣ до теперешней минуты слѣдуетъ заплатить; кто и изъ какихъ денегъ заплатить?

2-е. Въ слѣдствіе этого надобно отнестись къ начальству, и до тѣхъ поръ не выдавать требуемаго имѣнія, оставшагося послѣ Мамоновой ⁽⁴⁾, наслѣдникамъ, пока не получитъ разрѣшенія на счетъ уплаты за Реджину въ Висбаденъ.

3-е. Я въ бытность мою въ Варшавѣ лично говорилъ съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ о томъ, не лучше ли будетъ оставить Реджину у ея родныхъ, а за ученіе, которымъ она теперь пользуется въ Висбаденѣ, заплатить, опредѣливъ ей годовое содержаніе, которое она могла бы послѣ получать у родныхъ своихъ въ Миланѣ. Объ этомъ я Великому Князю оставилъ и записку, но еще на записку мою нѣтъ никакого разрѣ-

шенія. На сихъ дняхъ буду объ этомъ писать къ Великому Князю, и отвѣтъ конечно не замедлитъ.

4-е. Изъ всего этого слѣдуетъ, что во всякомъ случаѣ надобно будетъ дожидаться отвѣта отъ Великаго Князя, который я не замедлю сообщить миссіи, которая въ тоже время получитъ и разрѣшеніе отъ начальства; да и нельзя иначе какъ подождать разрѣшенія съ обѣихъ сторонъ: въ теперешнюю пору нельзя посылать малютки въ Петербургъ; надобно дожидаться весны. Сообщите все это князю Гагарину.

Очень радъ, что моя поэтическая слава заглянула въ Висбаденъ и что Винтеръ ⁽⁵⁾, хотя и холоденъ быть долженъ по своему имени, съ такимъ жаромъ принялъ участіе въ моей Гипперборейской Одиссеѣ.

Простите, будьте здоровы; увѣдомьте меня о дальнѣйшемъ ходѣ нашего дѣла.

Благодарю за Библию; не найдется ли купить во Франкфуртѣ изданія библейскаго общества? Я бы желалъ имѣть его. Да нѣтъ ли у васъ нашего пространнаго Катехизиса? Я всѣ свои книги уславъ въ Петербургъ; теперь многое покупаю въ двойнѣ.

Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковский.*

8 Декабря 1849. Баден-Баденъ.

VII.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ. Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе отправить приложенное письмо изъ Висбадена немедленно по полученіи. Въ немъ есть статья, которую я же-

(4) Графиня Марья Александровна Мамонова, дѣвица (сестра послѣдняго графа Мамонова), на попеченіи которой состояла сирота Реджина. П. Б.

(5) Винтеръ (по русски зима) — одинъ Нассаускій чиновникъ, который, прослышавъ про переводъ Одиссея Жуковскимъ, рѣшился выучиться Русскому языку, чтобы прочесть твореніе Гомера по русски Б.

далъ бы видѣть въ Англійской газетѣ, но не желаю, чтобы знали, откуда она прислана. Если вы любознательствуете ее прочитать, то найдете въ *Beilage* къ № 92 *Allgemeine Zeitung*, подъ титуломъ: *Englische und Russische Politik*. Прошу васъ франкировать письмо. Мы, если Богъ позволитъ, увидимся на страстной недѣлѣ. Преданный вамъ. *Жуковский*.

VIII.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за воспоминанія и за добрыя желанія на новый годъ; желаю сердечно, чтобы онъ для васъ начался и кончился съ благословеніемъ Божиимъ, по вашему желанію. Если по первому дню года судить, то весь годъ будетъ для насъ благополученъ.—Теперь, правда, только 1 часъ по полудни, и до сихъ поръ все въ порядкѣ; не знаю что скажетъ вечеръ. Но Богъ съ нами. И такъ повторяю Его именемъ мое желаніе вамъ всѣхъ благъ и прошу васъ вѣрить моему искреннему къ вамъ уваженію. Искренно преданный. *Жуковский*.

Баденъ-Баденъ. 1850 $\frac{1}{13}$ Января.

IX.

Благодарствуйте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за книгу; принимаю ее, какъ подарокъ. А васъ прошу принять приложенный подарокъ и отъ меня. Сверхъ того получите мою статуяку. Вытребуйте ее сами отъ скульптора Онъ живетъ во Франкфуртѣ, въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ (въ *Salzenhausen. Salzweidel'sche Garten*), имя его *Mordheim*. Я къ нему писалъ объ этомъ предметѣ.

Я увѣдомлю васъ, когда мы отправимся въ путь. Преданный вамъ.

Жуковский.

12 Юли (1850).

X.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за доставленіе книгъ; но нельзя ли ихъ мнѣ у себя продержать? Между ними есть одна, которую я бы желалъ и завладѣть: это описаніе Палестины съ картинами; что вы за нее заплатили? Прошу васъ ее мнѣ за ту же цѣну уступить. Или не хотите ли со мною помѣняться: у меня есть сводъ Новаго Завѣта, на Нѣмецкомъ, Греческомъ и Латинскомъ; я вамъ его посылаю для разсмотрѣнія; увѣдомьте, согласны ли вы на мѣну; а я уже добуду себѣ другой экземпляръ. О вашемъ манускриптѣ поговоримъ послѣ; теперь я его еще не успѣлъ прочитать; но когда поѣду въ Россію, могу взять съ собою, если вы на это согласитесь; можетъ быть, найду случай и отдать его въ печать. Преданный вамъ *Жуковский*.

XI. (6)

Не могу не выразить вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, того участія, которое произвело во мнѣ извѣстіе о несчастіи, васъ постигшемъ. Сердце вамъ его предсказывало, когда васъ такъ тревожила необходимость долѣе остаться въ Баденѣ. Такъ Богу угодно: въ этомъ словѣ и единственно возможное изъясненіе нашихъ земныхъ бѣдствій, и единственное въ нихъ утѣшеніе. Вы это знаете мыслию, дѣломъ и вашимъ высокимъ священническимъ назначеніемъ, съ которымъ такъ согласна ваша душа и ваша практическая жизнь. Прошу васъ сказать мнѣ о себѣ слово. Я не опасаюсь, чтобы исполненіе этой просьбы для васъ было отяготительно; напротивъ, думаю, что, говоря о

(6) Писано по полученіи извѣстія о кончинѣ моей жены. Б.

своемъ горѣ съ людьми, которые понимаютъ его и раздѣляютъ, отымаешь у него часть его тяжести. Помогите вамъ Податель креста нести Имъ поданный крестъ и быть предъ Нимъ въ минуты Его испытанія такимъ, какъ Онъ того требуетъ. Если бы я съ своей стороны могъ подать вамъ совѣтъ, я бы вамъ сказалъ: прїѣзжайте въ началѣ Іюля въ Баденъ на новое мѣсто, на новый воздухъ: это подкрѣпитъ васъ физически; а вы должны думать о сохраненіи себя для вашего семейства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ искренно преданный вамъ. *Жуковский.*

1^{1/2} Іюля 1850. Баденъ

Жена моя всѣмъ сердцемъ раздѣляетъ съ вами ваше горе: и я и она понимаю всю вашу теперешнюю безотрадность; мы желали бы съ нашей стороны подать вамъ дружескую руку помощи. Прїѣзжайте къ намъ въ Баденъ: здѣсь по крайней мѣрѣ чувство одиночества не будетъ для васъ такъ ощутительно. Во всякомъ случаѣ прошу васъ сказать намъ о себѣ нѣсколько словъ; мы нетерпѣливо желаемъ имѣть извѣстіе о томъ что съ вами происходитъ.

XII.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбою, которой исполненіе можетъ имѣть великое вліяніе на цѣлую жизнь мою. Моя жена давно уже чувствуетъ необходимость вступить въ кругъ церкви, болѣе утверждающей вѣру христіанскую. Принадлежа до сихъ поръ исповѣданію протестантскому, она никогда не колебалась въ своей вѣрѣ; но съ нѣкотораго времени чувствуетъ, что ей необходимо ученіе болѣе положительное, и авторитетъ непотря-

саемый. Я съ своей стороны не убѣждалъ ее ни къ чему, какъ ни важно для меня и для нашихъ дѣтей ея присоединеніе къ намъ въ святилищѣ нашей церкви. Въ дѣла вѣры никто со стороны мѣшаться не долженъ: здѣсь все должно происходить безъ посредника между Богомъ и душою. Но для совершенія такого важнаго перехода нужно имѣть ясное понятіе о главномъ предметѣ, о церкви. Здѣсь я не могу взять на себя *потребовать*, чтобы жена моя выбрала непременно изъ двухъ католическихъ церквей нашу православную: все должно предоставитъ ей произвольному выбору или лучше сказать тому, что Богъ положить ей на сердце. Прежде однако, чтобы имѣть ей возможность сдѣлать этотъ выборъ, нужно ей знать, въ чемъ состоитъ различіе двухъ церквей и въ чемъ превосходство нашей. — Я бы давно обратился къ вамъ по сему предмету; но вашъ отъѣздъ остановилъ меня (?). Къ священнику П. я не обратился для того, что не полагаю, чтобы онъ съ надлежащею убѣдительностію, ясностію и краткостію могъ изложить истины нашей церкви. Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Мы остаемся здѣсь до 26 Іюля новаго стиля. Нынче 15-е Іюля. Это письмо получите вы не прежде какъ завтра 16; останется всего на все десять дней, изъ коихъ половину жена моя должна провести въ постель. — Какъ вы думаете? Можно ли будетъ въ эти четыре дня, употребляя на каждый день часа по четыре, дать вамъ ей общее, но ясное повятіе о главныхъ пунктахъ, составляющихъ преимущество нашей церкви предъ всѣми другими? Если вы думаете, что можете это сдѣлать съ нѣкоторою полнотою,

(?) Зиму съ 1850 на 1851 г. провель я въ Россіи. Б.

то прїѣзжайте къ намъ. Я полагаю, что всего вѣрнѣе будетъ, если вы проведете у насъ 21, 22, 23, 24 и 25 числа Іюля; къ этому времени можетъ жена уже встать съ постели. Я долженъ вамъ сказать однако, что пишу къ вамъ безъ ея вѣдома; согласится ли она употреблять свое короткое остальное время на эти бесѣды, я не знаю. Но не хочу ей говорить напередъ, чтобы не дѣлать ей принужденія. Вашъ прїѣздъ долженъ быть для нея неприготовленнымъ событіемъ. Отвѣчайте мнѣ немедленно съ свойственною вамъ искренностію. Я бы радъ былъ, чтобы первое, столь важное, поученіе было ей отъ насъ: вашъ языкъ будетъ ей по уму и по сердцу. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

Если прїѣдите, не говорите ей, что вызваны мною.

XIII.

Посылаю вамъ, почтениѣйшій Иванъ Ивановичъ, мое засвидѣтельствованное нашею миссіею письмо о моемъ камердинерѣ; весьма нужно совершить бракъ безъ замедленія; обстоятельство, мною въ письмѣ означенное, кажется даетъ на то полное право и обязанность. Я увѣренъ, что вы съ своей стороны сдѣлаете все, что законно—возможно. Прошу васъ объ отвѣтѣ на письмо мое. Если статья о церкви переведена, то прошу васъ велѣть ее для меня переписать на мой счетъ (Латинскими буквами) и прислать мнѣ ее поскорѣе; хорошо бы, когда бы и съ замѣчаніями вашими. Если же еще не переведена статья, то не лѣнитесь, примитесь за дѣло. Мы можемъ тотчасъ статью тиснуть. Съ искреннимъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковскій.*

Рукопись, о которой здѣсь говорится, начинается такими словами: «Въ числѣ даровитыхъ молодыхъ людей, вышедшихъ въ послѣднее время изъ Московскаго Университета, особенно былъ замѣчателенъ Валуевъ, какъ ревностный труженикъ науки и добра. Посланный медиками за границу, для поправленія здоровья, пострадавшего отъ излишнихъ умственныхъ напряженій, онъ и тамъ не терялъ изъ виду предметовъ, которые были единственною цѣлью его жизни, и воротился въ Москву съ собраніемъ весьма люботныхъ книгъ и рукописей. При разборѣ прїобрѣтенныхъ имъ матеріаловъ, одинъ изъ его друзей былъ пораженъ особеннымъ характеромъ весьма не старой Греческой рукописи подъ названіемъ: «Краткое исповѣданіе Православной церкви», прїобрѣтенной Валуевымъ, кажется, въ Венеціи. Иное пониманіе церкви, не какъ общества, не какъ собирательной и условной единицы, но какъ лица живаго и органическаго; приведеніе всѣхъ разнородныхъ явленій духовно-христіанскаго міра къ неизмѣнному и коренному единству; ясное отдѣленіе вѣры отъ знанія вѣшняго; простота и строгость догматическихъ опредѣленій; совершенное отсутствіе утилитарности и юридической вазульности которыми полны всѣ книги богословскія, писанныя на Западѣ или подъ вліяніемъ западнаго ученія; устраненіе сухой схоластики и гадательнаго мистицизма:—таковы отличительныя черты этой рукописи. Она была вскорѣ переведена на Русскій языкъ. Въ то же самое время Валуевъ обратилъ вниманіе на общее и почти невѣроятное невѣжество западныхъ писателей, даже самыхъ ученыхъ, во всѣхъ предметахъ, касающихся Православной церкви. Валуевъ рѣшился издать за границу переводъ этой короткой рукописи, дабы сколько нибудь ознакомить западныхъ читателей съ духомъ и жизнью Православной церкви. Онъ думалъ исполнить свое намѣреніе въ Германіи. куда снова ѣхалъ по предписанію медиковъ въ 1845 году; но смерть настала его на дорогѣ въ Новгородъ и не допустила его прибавить этотъ трудъ къ добрымъ трудамъ, которыми была такъ богата его молодая жизнь. Друзья его исполняютъ теперь волю своего незамѣнимаго и незабвеннаго друга.»

NB. Рукопись эта переведена мною на нѣмецкій языкъ, но не была напечатана и хранится доннынъ у меня. Б

XIV.

Баденъ 29 Ноября (11 Декабря)
1851 года.

Почтениѣйшій Иванъ Ивановичъ, благодарю васъ за доставленіе исправленной рукописи и спѣшу возвратитъ вамъ вашу. О ея напечатаніи поговоримъ послѣ: мой еще больной глазъ лишитъ меня въ продолженіи нѣкотораго времени возможности прочи-

тать переводъ вашъ и ваши на него замѣчанія. Рукопись по своему содержанию достойна того, чтобъ издать ее въ свѣтъ; но если въ ней заключаются такія мѣста, которыя несогласны съ ученіемъ нашей церкви, то на такія мѣста нужно сдѣлать возраженія, дабы вмѣстѣ съ истиною не пустить въ свѣтъ заблужденія. Словомъ, объ этомъ дѣлѣ мы переговоримъ послѣ. Василій (*) сдѣлаетъ такъ, какъ вы совѣтуете: до этого можетъ быть не дойдетъ; но если ребенокъ будетъ въ опасности, то будетъ поступлено по вашему. Здѣсь вопросъ: если случится вблизи протестантскій или католическій священникъ, то можно-ль обратиться къ одному изъ нихъ для совершенія крещенія? Крещеніе есть таинство общее всѣмъ исповѣданіямъ; и ребенокъ, окрещенный священникомъ католическимъ или протестантскимъ, можетъ, не смотря на то, принадлежать Православію; такъ ли это?

Вы меня очень бы одолжили, еслибы написали вкратцѣ для меня раздѣленіе нашего христіанскаго горя сравнительно съ католическимъ. Иль нѣтъ ли у васъ книги, въ которой бы было такое раздѣленіе? Такъ же нѣтъ ли у васъ на Русскомъ языкѣ священной исторіи? Не можете ли прислать всѣ эти книги? Еще одна задача и, можетъ быть, довольно трудная: помогите моему невѣжеству, напишите вкратцѣ, какъ изъясняетъ наша церковь или наши церковные писатели главные видѣнія Апокалипсиса? Это мнѣ весьма нужно, для чего,—скажу послѣ; но вы весьма меня обяжете, если просвѣтите мое невѣжество. Простите. Прошу васъ не замедлить отвѣтомъ на это письмо.

Передайте мой дружескій поклонъ князю Горчакову. Преданный вамъ съ истиннымъ почтеніемъ. *Жуковскій*.

(*) Камердинеръ Жуковскаго.

XV.

Бадень $\frac{5}{17}$ Декабря 1851.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, спѣшу отвѣчать вамъ на ваши три вопроса. 1-й объяснится поправкою ошибки писавшаго мое письмо: вмѣсто *горя* поставьте *года*, и вамъ будетъ ясно, чего я желаю. На 2-й вопросъ слѣдующій отвѣтъ: пришлите мнѣ исторію библейскую Филарета и ея продолженіе Иннокентія, исторію священную Зонтагъ и Красноцвѣтова. На третій вопросъ отвѣчать нечего: я желаю знать, нѣтъ ли у васъ объясненія Апокалипсиса, утвержденного нашею церковію; если нѣтъ, то и не нужно. Смыслъ главныхъ видѣній Апостола мнѣ нуженъ въ поэтическомъ отношеніи, какъ нибудь справлюсь. Вы меня весьма обяжете, не замедливъ прислать мнѣ желаемыя мною книги. — Присоедините къ нимъ исторію Русской церкви Муравьева и Филарета.

XVI.

Бадень $\frac{3}{15}$ Января 1852 г.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, благодарю васъ за ваше дружеское письмо и приношу вамъ свое поздравленіе съ новымъ годомъ, желая, чтобы онъ для васъ и начался и кончился счастливо и народилъ для васъ много веселыхъ сыновей, внуковъ и правнуковъ, и такъ далѣе. Я весьма благодаренъ вамъ за предложеніе доставить мнѣ книгу Муравьева и переводъ Псалмовъ; вы меня обяжете, если не замедлите прислать эти книги. Простите. Прошу васъ поздравить отъ меня князя Горчакова и его семейство съ новымъ годомъ. Преданный вамъ. *Жуковскій*.

Адресъ: Seiner Hochwürdigkeit. Dem Herrn Probst Bazaroff in Stuttgart. Kronenstrasse № 33.

XVII.

Баденъ 17/29 Января 1852 года.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, пользуюсь отъѣздомъ Василья, чтобы обратиться къ вамъ съ покорною просьбою. Я желалъ бы съ моими дѣтьми говѣть на 6-й недѣли поста, не прежде, ибо намѣренъ по возможности приготовить дѣтей къ причащенію Св. Таинъ взглядомъ на Катихизисъ; очень сожалѣю, что первая ихъ исповѣдь была не передъ вами, но вы въ то время были въ Россіи. Отецъ П. пріѣзжалъ къ намъ изъ Штутгардта съ позволенія Великой Княгини, и въ этотъ разъ я могу просить Ея Высочество о такомъ же позволеніи и для васъ; желаю только, чтобъ вашъ пріѣздъ къ намъ былъ не раньше и не позже 6-й недѣли поста; благоволите меня объ этомъ въ свое время предупредить. Благодарю васъ за доставленіе книгъ; но я только гляжу на нихъ, читать же ихъ не могу еще: глаза мѣшаются.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть искренно преданный вамъ.

Жуковский.

XVIII.

Баденъ 29 Февраля (12 Марта) 1852.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, извините, что я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо; вы все еще его получите во время. Вотъ въ чемъ дѣло: во первыхъ благодарю васъ за доставленіе мнѣ манускриптовъ Бажанова о церкви и неизвѣстнаго о Москвѣ; они должны пока остаться подъ спудомъ: мой глазъ не позволитъ мнѣ читать ихъ, также какъ не позволяетъ по сию пору про-

I. 4

читать вашего перевода. Прошу васъ положить къ стопамъ Ея Императорскаго Высочества мою сердечную благодарность за сообщеніе этихъ бумагъ. Я могу рѣшительно сказать вамъ напередъ, что поѣздка въ Штутгардъ для меня совершенно не возможна; глазу моему почти нисколько не лучше, а Гутертъ не хочетъ начинать моего леченія до тѣхъ поръ, пока не установится теплая погода, которая до сей поры стояла все прескверная. И такъ, если будетъ возможно, пріѣзжайте въ Баденъ по вашему назначенію. Долгъ платежомъ красенъ; вы прислали маѣ рукописное, а я посылаю вамъ печатное — одинъ экземпляръ для васъ, а другіе два прошу васъ отдать отъ меня князю Горчакову; можетъ быть, одинъ изъ нихъ захочетъ имѣть Государыня Великая Княгиня. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. *Жуковский.*

Это было собраніе мелкихъ стихотвореній, изданныхъ особою книжкою подъ названіемъ: Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. 1852., и содержавшее въ себѣ 6 стихотвореній: 1, Плячка, 2, Котикъ и Козликъ, 3, Жаворонокъ, 4, Мальчикъ съ пальчикъ, 5, Царскосельскій Лебедь и 6, Народная пѣсня. Подъ стихотвореніемъ Лебедь находится приписка, сдѣланная рукою Василья подъ диктовку Жуковскаго такого содержания: «Этотъ Лебедь не выдумка, а правда. Я самъ видѣлъ въ Царскомъ Селѣ стараго лебедя, который всегда былъ одинъ, никогда не повидалъ своего уединеннаго пруда, и когда являлся въ обществѣ молодыхъ лебедей, то они поступали съ нимъ весьма неучтиво. Его называли Екатерининскимъ Лебедемъ.»

Л/В. Въ моемъ собраніи стихотвореній Жуковскаго, полученномъ отъ самого автора, находится также стихотвореніе: Ея Имп. Выс—ству Государынѣ В. К. Маріи Николаевнѣ Привѣтствіе отъ Русскихъ, встрѣтившихъ ее въ Баденѣ 1/13 Іюля 1851 г., равно какъ на нѣмецкомъ языкѣ переводъ 6-ти стихотвореній Жуковскаго подъ названіемъ: *Opfergabe für die deutschen Freunde Souffowitsch's*. 1850, съ надписью рукою Жуковскаго: «Ив. Ив. Базарову на дружеское воспоминаніе отъ автора.» И наконецъ нѣмецкій же переводъ: *Zoſeph von Madowitz, wie ihn seine Freunde fennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimath. Manuscript. 1850.*

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 4

XIX.

Баденъ $\frac{7}{19}$ Марта 1852.

Почтениѣйшій Ивалъ Ивановичъ. Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ переѣздить нельзя, принуждаютъ меня къ вамъ обратиться и просить васъ переѣздить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. По вашимъ обстоятельствамъ уже вамъ нельзя быть у насъ во время великаго поста; еще менѣе на святой недѣли. Не можете ли пріѣхать въ понедѣльникъ на Оминой недѣли и пробить

до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми? Прошу васъ покорнѣйше не замедлить меня уведомить, можете ли вы исполнить мою просьбу, и какое время для васъ удобнѣе; надобно только такъ устроить, чтобъ наше дѣло не столкнулось съ проѣздомъ Великихъ Князей черезъ Баденъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. *Жуковскій.*

В. А. Жуковскій скончался на Оминой недѣлѣ въ ночь съ пятницы на субботу 12 Апрѣля 1852

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО.

Письмо изъ Стутгарда $\frac{17}{18}$ Апрѣля 1852 года.

Конечно, печальная вѣсть о концинѣ нашего маститаго поэта Жуковскаго достигла и до васъ. Богъ судилъ мнѣ быть свидѣтелемъ его предпоследнихъ минутъ: онѣ были такъ христіански-назидательны и такъ поэтически-высоки, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ подѣлиться моими собственными впечатлѣніями, которыя я собралъ у смертнаго одра нашего поэта-христіанина, во-первыхъ, съ вами, а чрезъ васъ—и со многими другими, которые уважали въ Василіѣ Андреевичѣ его талантъ, его душу, его многополезную жизнь.

Еще въ началѣ великаго поста я получилъ приглашеніе отъ В. А. Жуковскаго пріѣхать къ нему на шестой недѣлѣ для пріобщенія его съ дѣтьми Св. Таинъ, такъ какъ болѣзнь его глаза не позволяла ему самому выѣхать изъ Бадена. Но въ то время, какъ я собирался уже отправиться къ нему, получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ: „Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ переѣздить нельзя, принуждаютъ меня обратиться

къ вамъ и просить васъ переѣздить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. Не можете ли вы пріѣхать въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ и пробить до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Св. Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми?“ Добрый старецъ, пиша эти строки, не зналъ того, что это распоряженіе было выше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной вѣры христіанина за два дня предъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ „истѣе причаститься въ невечернемъ дни Царствія Христова“.

$\frac{17}{18}$ Апрѣля, въ понедѣльникъ Оминой недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ, и нашелъ Василія Андреевича въ постелѣ очень больнымъ. Домашніе его всѣ были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало безотчетно на сердцахъ всѣхъ. Супруга его напередъ предварила меня, что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Тайны, надѣясь въ Петровскій постъ исполнить это святое дѣло со всѣмъ благоговѣніемъ

емъ и рассчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть *).

На другой день, въ 11 часу утра, я вошелъ къ нему въ спальную. Его первые слова были: „Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите, въ какомъ я положеніи. . . совсѣмъ разбитый. . . въ головѣ не клеится ни одна мысль. . . какъ же такимъ явиться предъ Нимъ?“ Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ: „Но чтобы вы сказали теперь, если бы самъ Господь захотѣлъ притти къ вамъ? Развѣ отвѣчали бы ему, что васъ нѣтъ дома?“ Въмѣсто отвѣта онъ заплакалъ. „Въ святомъ таинствѣ, продолжалъ я, надо различать двѣ стороны: разъ человѣкъ приходитъ къ І. Христу, ища покаянную душею примиренія съ нимъ; въ другой разъ Онъ Самъ приходитъ къ человѣку и требуетъ только отворить Ему двери сердца.“ „Такъ приведите мнѣ Его, этого святаго Гостя“, проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкою, говорилъ ей: „Вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ!“ Я обѣщалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣдью и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по избрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы, напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени. „Да“—говорилъ онъ — „вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ-три“.

*) Обращеніе въ Православіе супруга Жуковскаго? П. Б.

Въ это время вошла снова его супруга и стала его упрасивать, чтобы онъ успокоился и не говорилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: „Ахъ, мой другъ, что ты такъ заботишься объ этомъ (указывая на тѣло свое) брennemъ трупъ? Душа наша важнѣе всего.“ Однако я поспѣшилъ его оставить, и, освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытъ.

17 Апрѣля, въ среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбиваетъ душу. Это—дьявольское искушеніе, idee fixe, которая насъ сводитъ съ ума,—мысль: что будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею послѣ меня!“ Я напомнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. „Да“—отвѣчалъ онъ — „это убѣжденіе есть.“ Слезы докончили его исповѣдь. „Жизнь, все жизнь“—продолжалъ онъ какъ бы про себя—„исполненная пустоты.“ Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подзвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: „Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые!“ Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; за тѣмъ онъ уснулъ спокойно.

18 Апрѣля, въ четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи, онъ отвѣчалъ: „Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себѣ Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она долж-

на оставаться, какъ сокровище, въ насъ.“ Потомъ онъ просилъ меня прѣхать къ нему въ Іюнѣ или даже Маѣ. Я общался прѣхать, какъ можно скорѣе. Спусти нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. „Вы на пути“ — сказалъ онъ мнѣ, — „какое счастье итти куда захочешь. ѣхать куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ), чтобы вы знали, что послѣ меня останется. Я написалъ поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — „Странствующій Жидъ“, въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ, по нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее по нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по своему, пусть прибавляетъ, — но мысль мою онъ пойметъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я рассказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геосиманскую молитву. Но вы прѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности.“

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. „Я хочу писать къ Государю,“ говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ. — „Василій (позвалъ онъ человѣка), мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ?“ — Три часа, отвѣчали ему. „Какъ идетъ время!“ Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ началъ говорить: „Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать

одиночество — вотъ что больно!“ Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: „Но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно, оставить все женѣ, привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи!“ При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Прощайте!... Богъ знаетъ, увидимся ли еще“. Я было возразилъ противъ этого надеждою, но онъ отвѣчалъ: „Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ овра дружей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости.“ Я вышелъ.

$\frac{1}{2}$ Апрѣли я былъ въ Карлсруэ у П. П. Озерова. По причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгартъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковскій скончался въ ночь съ пятницы на субботу въ 1 ч. и 37 минутъ по полуночи. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человѣка, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по полудни мы отправились вмѣстѣ съ г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта старикъ Рейтернъ, безрукій воинъ Русской службы, которому не суждено было принять послѣдній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представлявшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндой изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталого пѣвца, тихимъ своимъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ рассказовъ того же человѣка я узналъ, что онъ съ пятницы на субботу

къ вечеру былъ больше въ забытьи; однако узналъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же уснулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ второго часа по полуночи два послѣдніе вздоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человѣка только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ..... Мы начали литію. Продолженіе пасхальнаго по- праздниства какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю; и когда я, стоя лицомъ къ лицу умершаго, возгласилъ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ,“—то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимаеъ сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего. Признаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключавшейся въ этой торжественной пѣсни воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ брэннымъ остаткомъ человѣка, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою во Иисуса Христа!....

Послѣ службы, супруга Жуковскаго еще разъ съ восторгомъ вспомнила о той святой радости, которой онъ былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Тайнъ. „Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Иисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ“. Я повялъ вполне это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по принятіи Св. Тайнъ. Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ-философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ 1¹/₃ Апрѣля, онъ уже сталъ помышлять о переходѣ въ другой міръ. Еще за три недѣли до своей смерти, въ кругу друзей своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ

І. Христа, ожидающемъ христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно об- судилъ онъ и будущность своего семейства, вскорѣ долженствовавшаго осиротѣть. Какъ спокойно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного завѣщанія его своему человѣку. „Василій,“ говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: „ты, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ же на глаза по гульдену и подвяжи мнѣ ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертваго“. Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродушія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слетѣло съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

1¹/₃ Апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покойнаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгартѣ о кончинѣ столько уважаемаго старца, отправила въ Баденъ своего секретаря Н. О. Аделунга для выраженія своего соболѣзнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ для отпѣванія тѣла покойнаго. Приѣхали также изъ Стутгардта кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруэ П. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь передъ отпѣваніемъ мы еще разъ собрались въ кругу семейства: вдова Жуковскаго, безрукій Рейтернъ, тестъ покойнаго, съ своею супругою, г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣднія слова Жуковскаго, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно христіанской кончинѣ. Такъ г-жа Жуковская разсказала намъ, что, наканунѣ смерти своей, въ пятницу, онъ увѣрялъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. „Да, другъ мой“— говорилъ онъ ей, — „это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ зади дѣтей моихъ въ то время, когда они приобщались Св. Тайнъ. Онъ будетъ съ нами. Онъ мнѣ самъ сказалъ

это“. Послѣ подошла къ нему г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: „Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Нѣтъ, я серьезно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи?“ Она дѣйствительно имѣла на себѣ крестъ съ частию древа Господня; но, по собственному ея признанію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызать оный, что онъ и сдѣлалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Въ пятницу же, поздно вечеромъ, онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: „Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой—это терпѣніе.“ Уже поздно вечеромъ, когда онъ находился въ забытіи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: „Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова!“ И это было послѣднее слово Жуковского, который, какъ зрѣлый плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его

Въ понедѣльникъ $\frac{1}{4}$ Апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный повозъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: „Святый Боже!“ и несли на пяти подушкахъ тридцать орденовъ и знаковъ отличій, русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ римско-католическій деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ — почестъ исключительно оказанная памяти Жуковского, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто *), но во всякомъ случаѣ

*) Какъ извѣстно, Жуковский похороненъ въ Невской Лаврѣ. Памятникъ, воздвигнутый надъ его могилою, по общественной подпискѣ, содержитъ въ се-

и это временное мѣсто погребенія великаго поэта Русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто и съ благоговѣніемъ прочтетъ: „Здѣсь было погребено тѣло Жуковского“.

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковского осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его поэмы: „Странствующій Жидъ“, осталась еще одна пѣснь Иліады и много мелкихъ произведеній, большею частию въ прозѣ. О „Странствующемъ Жидѣ“ я съ любопытствомъ спрашивалъ у писца, которому Жуковский диктовалъ эту поэму, и узналъ отъ него, что въ этой поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о Вѣчномъ Жидѣ, изобразилъ всю чудную исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковского. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми офьяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По рассказамъ писца, Жуковский писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая поэма не dokonчена.

бѣ, въ сожалѣнію, невѣрныхъ обозначеній дня и года его рожденія. Онъ родился 29 Генв. 1783 г., какъ означено было тогда же въ святцахъ, принадлежавшихъ одной близкой ему особѣ. И. Б.

Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить своему избранному пѣвцу такое вдохновеніе,—а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, то Его же премудрости прилично было и остановить трестъ книжника-сорописца на томъ предѣлѣ, далѣе котораго еще не возно- силось вѣдѣніе человѣка, озаренное да- же Духомъ Святымъ. На счетъ пере- вода Иліады В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ снмъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что имѣетъ мысль перевести и Иліаду, какъ онъ перево- дилъ Одиссею. „Для этого“—говорилъ онъ —„я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ про- читаю тоже самое по нѣмецки, и затѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ схо- дится отъ слова до слова со стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ мой; а въ другой разъ я поправляю свой переводъ по Гнѣ- дичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноску, что это не мой стихъ. Но (приба- вилъ онъ) вы пока объ этомъ не гово- рите никому.“

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ по дѣлу, и оставался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Ва- силій Андреевичъ просилъ меня про- смотрѣть нѣкоторыя, написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. „Я хочу“—говорилъ онъ мнѣ—„попробовать, нельзя ли сдѣлаться философомъ, не учившись философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я догма- тикъ не учился, то вы посмотрите хо- рошенько, не сдѣлалъ ли я какой ошиб- ки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать христіанство: но мы живемъ въ церкви, и безъ церкви жить не мо- жемъ. Человѣку нужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, ко- торый бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Чтѣ сталося съ протестанствомъ послѣ того, какъ Лю- теръ отвергъ церковь? Церковь его бы-

ла тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ са- мья основанія церкви. И вотъ теперь въ Германіи смотрите, чтѣ дѣлается въ протестанствѣ. Чтѣ такое церковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращать- ся, сколько хочешь, съ твоимъ разу- момъ; но не выходи за предѣлы этого круга. А внѣ церкви что? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихъ.“ Эти мысли были любимой темою его частыхъ собесѣдованій со мною. Хри- стіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспо- мнить теперь и съ своей стороны о ка- комъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго поэта. Это было въ Февралѣ нынѣшняго года. Ва- силій Андреевичъ прислалъ мнѣ малень- кое собраніе своихъ стихотвореній, все- го на восьми печатныхъ осьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Пав- лу Васильевичу и Александрѣ Василь- евнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: Птичка и Котикъ Усатый, сложены имъ для перваго уче- нія дѣтей своимъ Русскому произноше- нію. Но надобно было, чтобы получив- ши эту книжку, я развернулъ ее на пя- томъ стихотвореніи: Царскосельскій Ле- бедь. Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, про- пѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ, на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оно бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ.... И навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса впередъ взоръ ужъ не горящій.

Прочитавъ это стихотвореніе и пере- вернувъ страницу, на которой послѣд- ній (VI) номеръ составлялъ: Боже, Ца- ря Храни! Я невольно подумалъ: неу-

желя это въ самомъ дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самага, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковского, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій....

І. Базаровъ.

(Перепечатано, съ дозволенія автора, изъ Извѣстій 2 го отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 1-й стр. 249—256).

КЪ ИСТОРИИ ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1788 ГОДУ. *)

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій. — Русскіе плѣнные въ Швеціи. — Дипломатическая полемика.

Когда въ Стокгольмѣ начались настоящія приготовленія къ войнѣ, то Густавъ III приказалъ объявить датскому

*) Извлечено изъ шведскихъ источниковъ, преимущественно изъ *Достопамятностей* Бареода (Märkvärdigheter rörande Sveriges förhållanden, 1788—1792, Stockh. 1846). Авторъ, умершій около 1820 г. хотя и занималъ скромное мѣсто въ шведской гражданской службѣ, имѣлъ обширныя связи съ лицами, игравшими роль въ политическихъ событіяхъ, велъ съ нѣкоторыми изъ нихъ переписку и притомъ обладалъ основательными свѣдѣніями въ исторіи. Г. Брикнеръ въ прекрасной статьѣ своей («Конфедерация въ Аньяла», Журн. Мин. Н. Пр 1868 мартъ; на-прасно называетъ Бареода секретаремъ Спренгпортена (689). Въ томъ жѣстѣ книги: „Anjala-Förbundet“, на которое онъ при этомъ ссылается, сказано: «Одинъ изъ его (Спренгпортена) современниковъ, секретарь Бароодъ». Название же *секретарь* употребляется въ Швеціи вообще какъ титулъ незначительнаго чиновника, не имѣющаго опредѣленнаго званія. Замѣчу кстати, что имя *Мальманенъ*, выставленное въ главіи монографіи „Anjala-Förbundet“ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрылъ себя графъ Крейцъ. Предпринявъ этотъ трудъ въ 40-хъ годахъ, онъ только что кончилъ съ отличіемъ курсъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ и, помнится, ѣздилъ не только въ Стокгольмъ, но и въ Петербургъ для собиранія въ архивахъ матеріаловъ къ своему изслѣдованію. Въ настоящемъ очеркѣ я отчасти пользовался также книгою покойнаго профессора Рейна: «Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790», изд. въ Гельсингфорсѣ 1860 г.

министру, что они предприняты въ обезпеченіе противъ замысловъ Россіи. Графъ Равентлау тотчасъ же сообщилъ это русскому посланнику графу Разумовскому, который вслѣдъ за тѣмъ, $\frac{1}{2}$ іюня, подалъ королю рѣзкую и оскорбительную ноту: обращаясь въ ней къ верховному суду націи и всѣхъ, участвующихъ въ государственномъ управленіи, онъ нарочно отдѣляя короля отъ подданныхъ и увѣряя шведскій народъ въ дружелюбіи и благосклонности русской императрицы. $\frac{1}{2}$ іюня графъ Оксеншернъ отвѣчалъ на это декларациею, въ которой значилось, что послѣ такого поступка Разумовскій уже не можетъ почитаться посломъ и, превысивъ свои обязанности, лишается всѣхъ своихъ правъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему дано знать, чтобы онъ болѣе не являлся ко двору и въ скорѣйшемъ времени оставилъ бы Швецію, на что онъ однакожъ отвѣчалъ, что долженъ дожидаться повелѣній своего правительства.

Когда Густавъ III въ 1784 г. находился въ Неаполѣ, русскимъ посломъ при тамошнемъ дворѣ былъ тотъ же графъ (впослѣдствіи князь) Разумовскій; по инструкціямъ своего правительства, онъ въ то время всячески старался угождать шведскому королю, и умѣлъ своимъ характеромъ и обширными познаніями внушить ему особенное къ себѣ расположеніе. Въ 1786 году русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Морковъ былъ отозванъ Екатериною по жалобѣ Густава на его вмѣшательство въ дѣла шведскаго сейма: тогда король просилъ назначить на этотъ постъ Разумовскаго, который и былъ переведенъ туда изъ Копенгагена, гдѣ онъ до тѣхъ поръ занималъ должность полномочнаго министра. Въ Стокгольмѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и тонкостью; являлся гордымъ при дворѣ и крайне любезнымъ въ частныхъ домахъ, нерѣдко приглашая къ себѣ ни карты многочисленныхъ гостей. Изъ своихъ оконъ видѣлъ онъ, какъ снаряжались къ войнѣ, и часто проѣзжалъ мимо лагеря, причемъ обнаруживалъ необыкновенную вѣжливость,

раскланиваясь съ офицерами. Когда ему отказано было отъ двора, онъ нарочно сталъ показываться на гульбищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ собиралась публика. Тоже дѣлалъ онъ, когда началась война; когда же отняты въ морскихъ сраженіяхъ русскіе флаги были вывѣшены передъ дворцомъ, онъ явился въ толпѣ на внутренней дворцовой площади. Наконецъ узнали, что онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ оппозиціонной партией, и ему объявлено, чтобъ онъ въ назначенный день удалился, если желаетъ избѣгнуть большихъ непріятностей.

Разумовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ иноземныхъ пословъ, которые наиболѣе вредили Швеціи; его происки производили самыя гибельныя дѣйствія. Мѣсто русскаго посла въ Стокгольмѣ издавна считалось почетнымъ, такъ какъ оно сопровождалось удвоеннымъ жалованьемъ, и притомъ лицо, занимавшее этотъ постъ, могло располагать еще значительными суммами для подкуповъ, не будучи связано никакого отчетностью. О размѣрѣ этихъ суммъ можно судить по тому, что генералъ Кейтъ, въ званіи выборскаго губернатора, въ теченіе одного года, истратилъ 23.000 руб. на уплату шпіонамъ. Какія же нужны были средства для удовлетворенія цѣлой партіи? Послѣ русскаго посольства въ Варшавѣ самымъ выгоднымъ было стокгольмское, въ составъ котораго входила цѣлая канцелярія съ совѣтниками, секретаремъ, переводчикомъ и актуаріусомъ.

Съ этой многочисленной свитой графъ Разумовскій наконецъ, 11 августа н. ст. 1788 г., пустился въ море: самъ онъ сѣлъ на прекрасно устроенную яхту, а его подчиненные размѣстились на двухъ казенныхъ судахъ; ихъ повезли на Любекъ въ отплату за то, что шведскій посолъ въ Петербургѣ, баронъ фонъ Нолькенъ, долженъ былъ отправиться черезъ Польшу. 15-го августа графъ Андрей Кириловичъ стоялъ еще у острова Даларё, чтобы, подъ предлогомъ противнаго вѣтра, познакомиться съ важ-

нѣйшими изъ его жителей. 21 августа онъ присталъ въ Висби, страдая морскою болѣзною, которая однакожь прошла при выходѣ на берегъ, такъ что онъ могъ спокойно прогуливаться по городу, распрашивая подробно о состояніи и оборонительныхъ средствахъ Готланда. На это горожане стали жаловаться; тогда ему предложили, не возьметъ ли онъ, для избѣжанія непріятностей, артиллерійскаго офицера въ провожатые; но онъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется всякому насилію, нежели согласится ходить съ конвоемъ. Когда графъ выразилъ желаніе предпринять поѣздку для обозрѣнія острова, то народъ просилъ губернатора удалить опаснаго путешественника. Начальнику этого транспорта, майору Дюбордьё (Dubordieu) многіе серьезно напоминали, что пора продолжать плаваніе. Ночью большая толпа собралась передъ квартирою графа, гдѣ въ собственной комнатѣ его не рѣшались зажигать свѣчъ. Хозяину грозили, что истребятъ его домъ, если онъ не выпроводитъ непріятныхъ гостей. Это ускорило отъѣздъ изъ Висби, 22-го послѣ полудня. 26-го августа вышли на берегъ въ Карлсгамнѣ; здѣсь графъ Разумовскій велъ себя уже осторожниѣе и встрѣтилъ болѣе учтивое обращеніе. Такъ какъ яхта требовала почпки, то онъ прожилъ нѣсколько дней въ лоцманскомъ домѣ у пристани и только 31-го числа вышелъ прогуляться по городу, магистратъ котораго предложилъ ему кое-какое угощеніе (тамошній бургомистръ былъ изъ семейства, всегда принадлежавшаго къ партіи Шапокъ). 3-го сентября суда отравились уже прямо въ Любекъ, а оттуда графъ Разумовскій продолжалъ путь въ Вѣну *).

*) Здѣсь Барфодъ, кажется, ошибочно прибавляетъ, что въ Вѣнѣ Разумовскій *ескорѣ* женился на богатой графинѣ фонъ Тунзъ; въ біографіи этого вельможи, помѣщенной въ словарь Бантыша-Каменскаго (СПб. 1847. г. II:) сказано, что онъ женился въ Вѣнѣ гораздо позднѣе, именно въ 1816 г., и притомъ на графинѣ Тюркеймъ (ум. 1829); первую же супругою его была княжна Лигновская.

При русскомъ дворѣ многіе считали войну съ Швеціей несвоевременно и потому были крайне раздражены противъ Разумовскаго, ускорившаго разрывъ своими интригами: даже родной его братъ отнесся къ нему враждебно. Русскіе купцы, которые въ силу трактатовъ издавна имѣли товарные склады въ Стокгольмѣ и тѣмъ совершенно устраняли Шведовъ отъ торговли произведеніями Россіи, получили позволеніе продать свои запасы и произвести взысканія по своимъ претензіямъ, послѣ чего они были отправлены вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ. Это внезапное перемѣщеніе было имъ тяжко: старшіе изъ нихъ совершенно водворились въ Швецію, а младшіе по большей части тамъ выросли. Нѣкоторые изъ нихъ просили было предоставить имъ право гражданства, но по военнымъ обстоятельствамъ желаніе ихъ не могло быть исполнено.

Только что императрица получила извѣстіе о стокгольмскихъ событіяхъ, шведскому министру при петербургскомъ дворѣ предписано было немедленно удалиться. Баронъ Фридрихъ фонъ Нолькенъ, отецъ котораго уже занималъ этотъ постъ при началѣ шведской войны въ 1741 году, самъ находился въ томъ же званіи съ 1773 г. и въ Петербургѣ женился на Лифляндской графинѣ Мантейфель. Положеніе посла въ этой столицѣ требовало большихъ издержекъ, и онъ прожилъ все женино имѣніе. До сихъ поръ поведеніе его вполне одобрялось дворомъ и правительствомъ Швеціи; но когда возникла война, онъ тотчасъ подвергся осужденію недовольныхъ; люди же безпристрастные, но малосвѣдущіе, думали, что онъ ложными извѣстіями о военныхъ силахъ Россіи внушилъ королю излишнюю самонадѣянность. Поводомъ къ такому предположенію послужилъ перевѣсъ Россіи на морѣ, тогда какъ прежде ходили слухи, что она терпитъ недостатокъ въ моряхахъ и особенно въ искусныхъ офицерахъ. Въ этомъ противорѣчій баронъ Нолькенъ, однакожъ не былъ виноватъ. Онъ доста-

вилъ вѣрный списокъ русскимъ судамъ съ подробными свѣдѣніями о ихъ вооруженіи и количествѣ экипажа на каждомъ, но эти показанія не были тогда обнаружены. Людей дѣйствительно недоставало въ той части русскаго флота, которой предназначалось оставаться въ Балтійскомъ морѣ; не полонъ былъ составъ экипажей и на судахъ, отправлявшихся въ Средиземное море, еслбъ въ распоряженіи у императрицы не было множества англичанъ для подкрѣпленія не столь искусныхъ въ морскомъ дѣлѣ русскихъ.

Министру и секретарю шведскаго посольства было приказано ѣхать либо моремъ изъ Кронштадта, либо сухимъ путемъ черезъ Польшу. Первое было неисполнимо, потому что, хотя посолъ предлагалъ 10,000 рублей, нельзя было достать нейтральнаго судна для переѣзда въ шведскую гавань; итакъ надобно было рѣшиться на послѣднее. Посольство выѣхало изъ Петербурга 14-го іюля. Путешествіе черезъ Псковъ и Полоцкъ было крайне тяжело по сильному зною и въ высшей степени непріятно, такъ какъ манифестъ о войнѣ съ Швеціей, только что обнаруженный, возбуждалъ въ массѣ жителей большое озлобленіе. Но путешественниковъ охранялъ офицеръ, сопровождавшій ихъ до самой границы. За нею они очутились на польской землѣ. Дороги были въ жалкомъ положеніи, и можно было подвигаться не иначе, какъ съ фурманами изъ евреевъ, которые за все брали въ-три-дорога. Во всей Польшѣ господствовала общая вражда противъ русскихъ, и въ одной Литвѣ можно было набрать цѣлую армію изъ людей, готовыхъ напасть на безпокойныхъ сосѣдей. 7-го августа баронъ Нолькенъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ король-вассалъ не допустилъ его къ себѣ. Между вельможами было большое броженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось въ нихъ такое колебаніе, что многіе, обнаруживавшіе неудовольствіе противъ русскаго правительства, впоследствии оказывали ему преданность. 15 августа посольство пред-

ставлялось прусскому королю въ Лигницѣ. Онъ изъявилъ много дружелюбія къ королю шведскому и желанія блага его государству. Во всѣхъ прусскихъ областяхъ народъ показывалъ рѣшительную неприязнь къ русскимъ. Потомъ баронъ Нолькенъ продолжалъ путь черезъ Берлинъ и Стральзундъ въ Швецію.

Пропуская подробности военныхъ дѣйствій и останавливаясь на разсказѣ о плѣнныхъ и о переговорахъ между обоими государствами.

Русскіе военноплѣнные были сперва перевезены въ Або, а оттуда на нѣсколькихъ судахъ, подъ прикрытіемъ казенной яхты, отправлены въ Швецію. 1-го сентября прибыли они въ Стокгольмъ и на слѣдующій день высадились на берегъ передъ собравшеюся огромною толпою народа. Матросовъ и солдатъ было до 980, все рослые, дюжіе ребята: назначавшаяся въ Архипелагъ экспедиція составляла цвѣтъ русскихъ морскихъ силъ. Плѣнные были отвезены въ Гагу (загородное мѣсто близъ Стокгольма) для работъ, съ содержаніемъ по 4 шилл. въ день, и размѣщены въ нарочно построенныхъ для этой цѣли баракахъ. Они не могли жаловаться на свое положеніе и въ свободные часы забавляли публику пляской, которою однажды любовалась королева, оставившая имъ въ подарокъ 100 риксдалеровъ. Любопытно, что между этими военноплѣнными оказалось нѣсколько переодѣтыхъ женщинъ, которыхъ пришлось отправить въ родильный домъ. Къ числу офицеровъ, кромѣ бригадира Берга, принадлежали: 1 подполковникъ, 1 майоръ, 1 капитанъ-поручикъ, 8 поручиковъ, 3 баталіонные поручика, 4 прапорщика и 15 кадетъ (гардемариновъ). Изъ Стокгольма ихъ черезъ нѣсколько времени перевели въ Упсалу, гдѣ кадеты могли продолжать свои военныя упражненія. Замѣчательно, что всѣ эти мальчики были очень некрасивы собой и что почти всѣ офицеры говорили только по русски. Къ этому современному извѣстію шведа о на-

шихъ плѣнныхъ присоединю то, что одинъ изъ нихъ въ старости самъ припомнилъ о своемъ пребываніи въ Швеціи. Это былъ покойный Ив. Петр. Бунинь (умершій въ 1838 году, 86-и лѣтъ отъ роду). Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, два наши фрегата, шедшіе изъ Ревели, во время густаго тумана, очутились вдругъ посреди непріятельской эскадры и послѣ непродолжительной перестрѣлки были взяты въ плѣнъ. На одномъ изъ этихъ фрегативъ находился съ нѣсколькими товарищами гардемаринь Бунинь. Его посадили сначала въ свеаборгскій казематъ, гдѣ онъ, лежа на солонѣ, получалъ пищу сквозь отверстіе въ потолокъ. На четвертые сутки вошелъ къ нему комендантъ крѣпости, прося отъ имени короля извиненія въ такомъ жестокомъ обращеніи, которое будто бы произошло по ошибкѣ. Плѣнныхъ отвезли на фрегатъ короля, стоявшій передъ Гельсингфорсомъ. Густавъ III очень милостиво разговаривалъ съ плѣнными (черезъ переводчика, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по-французски) и объявилъ имъ, что въ вознагражденіе за то, что они вынесли, онъ пошлетъ ихъ учиться въ университетскіе города—однихъ въ Або, а другихъ въ Упсалу. Но замѣтивъ, что одинъ молоденькій гардемаринь плачетъ, и узнавъ, что причиною тому предстоящая разлука съ товарищами, король согласился всѣхъ ихъ отправить въ Упсалу. Между тѣмъ на берегу раскинута была палатка, и плѣнныхъ позвали туда обѣдать. Въ Упсалѣ они приняты были очень радушно: имъ назначено было по 900 риксдалеровъ (около 300 р. сер.) на посѣщеніе лекцій въ университетъ и сверхъ того суточное содержаніе. Но такъ какъ имъ, по незнанію шведскаго языка, невозможно было пользоваться тамошними лекціями, то это распоряженіе, съ позволенія короля, вскорѣ было измѣнено, и плѣннымъ офицерамъ предоставлено обучать гардемариновъ военнымъ наукамъ, причемъ однажды разъ назначенное содержаніе было всѣмъ имъ сохранено. Такъ про-

жили они въ Упсалѣ два съ половиной года и только при размѣнѣ плѣнныхъ возвратились на родину.

Съ плѣнными Шведами въ Россіи, по свидѣтельству Барфода, также обращались человѣколюбно. Но вслѣдствіе попытокъ нѣкоторыхъ къ бѣгству, всѣ они изъ Петербурга были удалены во внутреннія губерніи, отчасти въ Москву. Изъ нижнихъ чиновъ многіе успѣли однакожъ, съ опасностью жизни, освободиться и достигнуть отечества: они не могли свыкнуться съ пищей, которую получали на ровнѣ съ нашими солдатами. Изъ Шведовъ, бывшихъ тогда въ русскомъ плѣну, особенно извѣстенъ графъ Вахтмейстеръ, котораго у насъ ошибочно называютъ адмираломъ. На шведскомъ кораблѣ *Принцъ Густавъ*, взятомъ русскими въ сраженіи при Гохландѣ, было два графа Вахтмейстера: одинъ, командиръ его, подполковникъ графъ Гансъ (Іоаннъ) Вахтмейстеръ, а другой, начальникъ авангарда, полковникъ Класъ (Николай) Вахтмейстеръ, меньшой братъ перваго, храбрый морякъ, отличившійся во французской кампаніи какъ въ Америкѣ, такъ и въ Вестъ-Индіи. Отплывая въ послѣдній разъ отъ Гельсингфорса, онъ сказалъ, что не отдастся въ плѣнъ живымъ. Это и было бы имъ исполнено, еслибъ пороховая камера не слишкомъ налдилась водою, такъ что не могла вспыхнуть, когда его братъ хотѣлъ зажечь ее. Такъ какъ графъ Класъ Вахтмейстеръ, въ качествѣ начальника авангарда, поднялъ вице-адмиральскій флагъ, то русскіе и показали ему особенной почетъ, и сама императрица отличила его своимъ вниманіемъ *). Впослѣдствіи король пожаловалъ ему за храбрость командорскую ленту ордена меча.

Военныя дѣйствія были уже въ полномъ ходу, а объявленія войны еще не послѣдовало. На первый случай король, тотчасъ по прибытіи въ Финляндію, отправилъ капитана Деламиль (*Dé la Myle*) къ русскому двору съ ультиматумомъ,

*) Ср. въ *Сочин. Державина*, 2-е, Ав. изд.; т. I, стр. 211.

который 12-го іюня переданъ былъ секретаремъ шведскаго посольства Шлафомъ русскому вице-канцлеру графу Остерману. Въ этой нотѣ Густавъ предлагалъ миръ, но съ тѣмъ, чтобы Россія, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, возвратила тѣ части Финляндіи, которыя пріобрѣла по мирнымъ трактатамъ нюстадскому и абовскому; далѣе онъ требовалъ, чтобы графъ Разумовскій былъ строго наказанъ за свое поведеніе въ Швеціи; чтобы Екатерина приняла посредничество этого государства для мира съ Портою и отказалась отъ Крыма; чтобы наконецъ она отозвала всѣ отправленные ею въ Балтійское море корабли, разоружила свой флотъ, велѣла отступить войскамъ отъ границы, а королю позволила бы остаться вооруженнымъ, пока будетъ заключенъ миръ между Россіей и Портою. Отвѣтомъ былъ, какъ легко догадаться, гордый отказъ. Послѣ того Густавъ разослалъ къ иностраннымъ дворамъ, изъ Гельсингфорса, декларацію отъ 21 іюля, въ которой исчислилъ причины, побудившія его вооружиться: продолжительныя старанія Россіи нарушить спокойствіе Швеціи и произвести разладъ между правительствомъ и народомъ, дѣйствія Разумовскаго, переходъ Спренгпортена въ службу къ императрицѣ, путешествіе, предпринятое русскимъ генераломъ Ангальтомъ, въ концѣ 1786 г., въ Финляндію, чтобы разузнать состояніе и образъ мыслей тамошнихъ жителей; король прибавлялъ, что онъ готовъ возстановить миръ, если Россія приметъ предложенныя ей условія. Эта декларація Густава была напечатана въ Петербургѣ (въ сентябрѣ 1788) съ обширными, весьма рѣзкими, возраженіями и съ приложеніемъ относившихся къ дѣлу документовъ.

Въ этихъ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ *) важна особенно ссылка на ста-

*) Полное заглавіе брошюры: «Примѣчанія и историческія объясненія на объявленіе короля Шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ въ 21 день іюля 1788 года, съ приложеніями». Въ нашихъ рукахъ сдѣланное тогда же французское изданіе этихъ бумагъ: «Observations et Eclaircissements historiques sur

тью нюстадскаго договора, которую Россія гарантировала Швеціи образъ правленія 1721 года статью, ловко придуманную вождами шведской аристократіи, чтобы съ иноземною помощью подавлять по обстоятельствамъ всякое сопротивленіе своей власти. Обвиненіямъ Густава петербургскій кабинетъ противопоставляетъ съ своей стороны двѣ жалобы: 1, король пытался побудить лифляндское дворянство къ возстанію, обѣщая однимъ принять ихъ въ шведскій государственный совѣтъ, а другимъ дать орденъ серафимовъ; 2, герцогъ Карлъ съ флота послалъ курляндскому дворянству воззваніе съ предложеніемъ избрать его владѣтельнымъ герцогомъ. По мнѣнію Барфода, только первое изъ этихъ двухъ обвиненій заслуживаетъ вниманія. Онъ оправдываетъ попытку Густава тѣмъ, что въ Лифляндіи господствовало общее неудовольствіе. „Учрежденіемъ новаго земскаго управленія, говоритъ Барфодъ, древнее устройство этого края было совершенно измѣнено, и, что еще хуже, права городского сословія нарушены съ отгнѣною главныхъ его льготъ и преимуществъ. Возбужденный этимъ въ городахъ ропотъ еще усиливался вслѣдствіе того, что при путешествіи императрицы въ Крымъ съ нихъ были произведены, подъ видомъ добровольныхъ приношеній, огромные поборы, которые были разложены на имущество всѣхъ торгующихъ. Сверхъ того Лифляндія, наравнѣ съ цѣлымъ государствомъ, была истощена расходами на военныя потребности. Крестьяне этого края, стеная подъ игомъ помѣщичьей власти, съ отчаяніемъ ждали своего освобожденія и были готовы, при первой надеждѣ на помощь, возстать на своихъ притѣснителей. Оттого тамошнее дворянство жило въ безпрестанномъ страхѣ, и правительство старалось какъ можно долѣе скрывать отъ народа вспыхнувшую со Швеціей войну, такъ что

la déclaration de S. M. le Roi de Suède en date de Helsingfors du 21 Juillet 1788. Avec des annexes.

подъ опасеніемъ смертной казни запрещено было говорить о какой либо съ этой стороны опасности. Поэтому высадка въ Лифляндіи, о которой въ то время были толки и здѣсь, не осталась бы конечно безъ дѣйствія; но на помощь дворянства нельзя было рассчитывать. Охраняемое русскимъ правительствомъ, оно не захотѣло бы перейти подъ власть шведской короны, подъ которою всѣ сословія пользуются равными правами. Какъ упомянутый отвѣтъ, такъ и нота русскаго правительства къ иностраннымъ посламъ и самое объявленіе войны, обращенное къ собственнымъ его подданнымъ, написаны слогомъ, обыкновенно неупотребительнымъ между коронованными особами; все это дышетъ особенною непріязнью противъ короля лично, тогда какъ народу заявляется доброе расположеніе и дружеское любіе“.

„Въ этомъ, говоритъ Барфодъ, явно выражается озлобленіе графа Остермана противъ шведскаго королевскаго дома. Этотъ вельможа, къ счастью своему, былъ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ при кончинѣ императрицы Елисаветы, которой вступленіе на престолъ ознаменовалось паденіемъ отца его. Послѣ шведской революціи (1772) онъ былъ отозванъ для назначенія въ должность вице-канцлера, которую отецъ его нѣкогда занималъ такъ долго и такъ блистательно. Во время послѣдняго пребыванія своего въ Швеціи, онъ совершенно овладѣлъ партіей Шапокъ и принудилъ дворъ отдаться въ руки Шляпъ, т. е. той партіи, которая въ 1756 году такъ оскорбила королевское семейство. По его же проискамъ, во время сейма 1765 г., состоялись тѣ вредныя постановленія, которыя такъ разстроили горную и мануфактурную промышленность въ Швеціи, что нѣсколько тысячъ годовныхъ работниковъ были вынуждены искать убѣжища въ Россіи, гдѣ они много способствовали къ улучшенію горныхъ заводовъ: русское желѣзо стало соперничать съ шведскимъ. Въ 1772

году Остерманъ всячески старался склонить свой дворъ къ тому, чтобы, въ силу старинной гарантіи, новый образъ правленія былъ отмѣненъ при пособіи Пруссіи, которая въ то время соблюдала согласіе съ русскимъ дворомъ. Однакожь ударъ былъ отведенъ тогдашнимъ первымъ министромъ графомъ Панинымъ, который былъ долго посланникомъ въ Швецію; онъ умѣлъ снискать тамъ уваженіе и двора и народа, и навсегда сохранилъ память о томъ. Въ упомянутомъ отвѣтѣ своемъ русскій дворъ ссылается на тогдашнее бездѣйствіе свое; но оно было вынуждено необходимостью, вслѣдствіе раззорптель-

ной, хотя и славной, войны съ Турками, къ которой присоединился еще грозный пугачевскій бунтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ новое столкновение съ Швеціей могло казаться опаснымъ, тѣмъ болѣе, что помощь Пруссіи была ненадежна: ибо хотя Фридрихъ II въ своихъ сочиненіяхъ и не обнаруживаетъ большой пріязни къ лицу Густава III, однакожь онъ никогда не могъ бы серьезно дѣйствовать во вредъ своему племяннику, въ угожденіе Россіи, въ которой самъ долженъ былъ видѣть опаснѣйшаго себя врага. "

Я. Гротъ.

П И С Ь М А

В. А. ОЗЕРОВА КЪ А. Н. ОЛЕНИНУ. 1808. 1809.

Печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся у дочери А. Н. Оленина, Варвары Алексѣевны Олениной и обязательно сообщенныхъ ею въ Р. Архивъ.

Драгоценныя письма эти вскрываютъ (хотя далеко не вполне) загадочную доселѣ личность одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей словесности. Имя Озерова не умретъ въ исторіи Русскаго театра, гдѣ онъ

невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлалъ;

а злосчастная судьба его привлекаетъ къ нему сочувственное вниманіе: чиновникъ Русской службы въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, онъ внезапно пріобрѣтаетъ громкую славу въ области изящной словесности и столь же внезапно гибнетъ гдѣ-то въ глухомъ краю Россіи, лишившись разсудка, еще въ нестарыхъ лѣтахъ возраста. Біографія Озерова скудна подробностями. Онъ родился 29 Сент. 1769, въ Зубцовскомъ у. Тверск. губ. и, какъ кажется, рано лишился матери. Отецъ его, вторично

женившійся, отдалъ его въ Сухоп. Шляхетный корпусъ, гдѣ онъ пробылъ 12 лѣтъ и учился съ отличіемъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ адъютанты къ графуде Бальмену и участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789). Впослѣдствіи онъ рассказывалъ своему двоюродному брату графу Д. Н. Блудову (которому, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, не нужно было родства, чтобы быть ему другомъ) какъ Потемкинъ, полураздѣтый и растрепанный, вбѣжалъ въ палатку, гдѣ застѣдали явившіеся изъ Бендеръ паші, и закричалъ на нихъ, чтобы городъ былъ сданъ въ 24 часа, иначе онъ разгромитъ Бендеры своею арміею, и при этомъ такъ сильно ударилъ по столу, уставленному чашками съ кофеемъ, и шербетомъ, что все разлетѣлось въ дребезги. — Потомъ Озеровъ служилъ при Сухоп. корпусѣ. Князь Алексѣй Борис. Куракинъ перевелъ его въ лѣсной департаментъ, гдѣ онъ и пользовался особеннымъ покровительствомъ адмирала Рибаса. Озерова переименовали генералъ-маіоромъ, и онъ объѣзжалъ лѣса

Казанской и Симбирской губерній. Престарѣлый отецъ перевезъ его, уже больного, изъ Казанской деревни къ себѣ въ Зубцовскую, гдѣ онъ и умеръ въ ноябрѣ 1816 года, задолго передъ кончиною лишившись не только разсудка, но даже и способности говорить. (Свѣдѣнія эти записаны со словъ гр. Д. Н. Блудова). Сперанскій рѣзко отзывается о талантѣ Озерова (См. Р. Арх. 1868, стр. 1730.)

Превосходная характеристика Озерова, какъ писателя, начертана княземъ П. А. Вяземскимъ, въ статьѣ его „О жизни и о сочиненіяхъ Озерова“, помѣщаемой въ собраніи сочиненій сего послѣдняго. „Горе тому, кто съ дарованіемъ получилъ отъ природы и душу чувствительную, ввѣрившую свои наслажденія и горести самовластію чуждаго произвола. Слезами кровавыми заплатитъ онъ за рукоплесканія, мгновенно похищенные у вѣтренной толпы, сегодня ослѣпленной, а завтра смотрящей съ убійственнымъ равнодушіемъ на бореніе любимца своего съ злобою враговъ.“

А. Н. Оленинъ, къ коему писаны письма, былъ издавна другомъ и сподвижникомъ Озерова въ его занятіяхъ словесностью (См. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1867 г., стр. 146, гдѣ напечатано письмо А. Н. Оленина къ Озерову по поводу представленія „Эдипа“). Слѣдующія письма изображаютъ намъ и А. Н. Оленина, этого ревностнаго друга, добраго совѣтника, ходатая и пособника столь многихъ дѣятелей Русской художественной мысли и слова. Оленину Озеровъ посвятилъ свою трагедію „Фингалъ.“ Трагедія „Поликсена“, о которой говорится въ этихъ письмахъ, была послѣднимъ печатнымъ произведеніемъ Озерова. Говорятъ, что неудача ея, въ связи съ неудачею по службѣ, была причиною болѣзни Озерова, а колкіе отзывы литературныхъ недоброжелателей послужили первымъ поводомъ къ умственному его разстройству. *П. Б.*

I.

Октября 12-го дня 1808 года.
Зубцовскаго уѣзда село Казанское.

Не вы виноваты въ прерваніи нашей переписки, любезнѣйшій и почтенный другъ Алексѣй Николаевичъ, но я передъ вами съ повинною головою. Не сдержавъ моего слова и не окончивъ Поликсены къ назначенному времени, не могъ рѣшиться писать къ вамъ и жаловаться на собственную мою лѣнь и на простывшую во мнѣ склонность къ стихамъ и къ трагедіямъ. — Повѣрите ли вы, что я до сего дня только половину пятаго дѣйствія написалъ; остается болѣе ста стиховъ и цѣлыхъ три явленія сочинить. Чувствуя, что мое воображеніе охладѣло, не принимаюсь и за перо, чтобы Поликсена не упала въ Ледовитое море и не утопилась, вмѣсто того, что ей должно заколоться на могилѣ своего любовника. Главная же причина моей медленности въ сочиненіи есть удаленіе мое отъ искреннихъ и просвѣщенныхъ друзей, въ числѣ которыхъ считаю васъ изъ первыхъ. Никто здѣсь не въ состояніи сказать мнѣ: это дурно, это хорошо, это перемѣнить надобно; никому здѣсь не рѣшусь я прочесть страницы стиховъ. О вкусѣ моихъ сосѣдей посудите изъ того, что по зимамъ ѣздятъ они въ Москву любоваться всѣми частями Русалки, а лѣтомъ съѣзжаются къ одному здѣшнему дворянину удивляться великолѣпію большаго балета съ маленькими разговорами, сочиненія самого господина помѣщика. Вообразите себѣ длинный, узкій и невысокій ящикъ—это театръ; сорокъ человекъ дворовыхъ людей, всѣ изъ Корель (и ни на одномъ порядочнаго человѣческаго лица) марширующихъ по музыкѣ, и часто не

въ такту, вотъ дѣйствующіе воины; и наконецъ камердинера средняго роста, худошаваго, въ шлемѣ и въ епанчѣ, обложенной позументами, сидящаго на колесницѣ бумажной, это герой балета — Александръ Македонскій; передъ нимъ современникъ Грековъ Арлекинъ, и вы будете имѣть понятіе о полномъ семъ зрѣлищѣ. Два раза былъ я званъ сочинителемъ сего славнаго балета, но посовѣстился ѣхать, чтобъ не плакать съ сожалѣніемъ о мертвыхъ Грекахъ, о живыхъ Корелахъ и о невѣжествѣ моего сосѣдушки. Прошу покорно занять такіе умы печатными листками Драматическаго Вѣстника и спорами объ игрѣ госпожи *Жоржъ*. Очень благодарю васъ за сообщеніе мнѣ извѣстій о сей актрисѣ. Изъ различныхъ мнѣній объ ней, я представляю себѣ, что ея искусство не доходитъ до того совершенства, чтобы скрываться отъ зрителей и не казаться подражаніемъ природѣ, но самую природою, не изученнымъ чувствомъ и страстью, но чувствомъ истиннымъ и страстью подлинною. Увѣряюсь болѣе въ томъ успѣхомъ г-жи *Жоржъ* въ роль Семирамиды, которая болѣе *déclamatoïge*, нежели естественна, какъ мнѣ помнится: давно не читалъ сей трагедіи. *Что касается до произношенія стиховъ нараспѣвъ, то и я не люблю его, когда оно единообразно, или напыщено, подобно тому, какъ графъ Чернышевъ¹⁾ произноситъ стихи въ подражаніе, какъ сказываютъ, Лекену; носъ другой стороны не любилъ я никогда Гофрена въ трагедіяхъ: онъ прекрасно читалъ басни, сказки, и хорошо произносилъ стихи въ комедіяхъ, очень мнѣ нравился даже*

¹⁾ Графъ Григорій Ивановичъ, любитель театра, самъ писавшій Французскія драматическія сочиненія.

въ роли Августа, особливо въ 5 дѣйствіи, но несносенъ былъ для меня въ Агамемнонѣ, въ Зопирѣ, особливо же въ роли Жооба. Какъ можно стихи сего необыкновеннаго и свыше вдохновеннаго лица произносить какъ простую прозу и терять согласіе и звучность стихотворства! Если бы актеры и судьи театральнаго искусства захотѣли поприлежнѣе разсматривать драматическія сочиненія, они бы увидѣли, что авторы указываютъ, такъ сказать, какимъ образомъ должно произносить стихи. Вездѣ, гдѣ должно занять умъ, возбудить вниманіе зрителей и поражать воображеніе, тамъ сочинители стараются красотою, согласіемъ и звучностью стиховъ прельстить слухъ, и такіе стихи должны быть произносимы съ силою, съ важною въ голосѣ и чтобъ сохраненъ былъ необыкновенный языкъ стихотворства. Смѣшно бы было, если бы актеръ сказалъ какъ прозу:

Et la rame inutile
Fatigua vainement une mer immobile.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, по сильнымъ движеніямъ страсти, по истиннымъ изображеніямъ чувства, сочинитель считаетъ, что зритель долженъ забыть все и слѣдовать за дѣйствующимъ лицомъ и, такъ сказать, уличить себя въ немъ, тамъ употребляются самыя простыя и обыкновенныя выраженія и обороты, слѣдовательно и актеръ долженъ произносить сіи стихи почти такъ какъ прозу. Все бы засмѣялись, если бы Андромаха нараспѣвъ сказала Пирру:

Je ne fai pas encore embrassé и пр.

Я такъ однакоже заговорился, что и весь листъ исписалъ. Бесѣда моя съ вами сего утра мнѣ находка; не ос-

тавилъ бы ее и долго, долго говорилъ бы о томъ, о семъ, но вспомнилъ, что письмо мое посылать надобно въ городъ за одинадцать верстъ, почта принимается до 2-го часа, теперь било одинадцать, и я долженъ кончить мое болтанье. Прощайте, продолжайте меня любить и вѣрьте, что я навсегда истинно преданный вамъ отъ всей души и покорнѣйшій слуга Владиславъ Озеровъ.

Милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ засвидѣтельствуйте, пожалуйста, мое совершенное почтеніе; я въ мысляхъ обѣ руки ея цѣлую и всякій день воображаю себѣ, что она еще въ Пріютиаѣ, потому что время стоитъ удивительно хорошее; не Октябрь, а будто Августъ: такъ тепло у насъ.

P.S. Прочитавъ посылаемый листокъ, посмѣйтесь со мною надъ издателемъ Глинкою. Онъ прибавляетъ въ свой журналъ новую статью о *иноплеменныхъ*: вѣрно считаетъ, что слово иностранннй не Русское и въ Русскомъ Вѣстникѣ не можетъ быть употреблено.

II.

29-го Октября 1808 г. Изъ села Казанскаго.

Уфѣ, насилу кончилъ пятое дѣйствіе, и полный списокъ трагедіи съ нынѣшнею почтою въ особливомъ ящикѣ препровождаю къ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Николаевичъ. Сдѣлайте милость, прочитайте ее всю съ начала до конца съ откровенными и просвѣщенными вашими и моими пріятелями, которые и прежде подавали мнѣ полезныя совѣты, съ О. И. Енгелемъ, кн. А. А. Шаховскимъ, съ И. А. Крыловымъ; рассмотрите ее съ строгостью, особливо же 5-ое дѣйствіе, о

I. 5

которомъ не у кого было мнѣ здѣсь спроситься. Если Поликсена будетъ осуждена, возвратите ее мнѣ для всеожженія; когда же, по общему суду и приговору, признано будетъ, что ее можно представить публикѣ, то уже прошу васъ по дружбѣ вашей ко мнѣ принять мою Троянку подъ ваше покровительство; да попросите и князя Александра Александровича, чтобы онъ ее не оставилъ своею милостию. Вы увидите при чтеніи пятого дѣйствія, что оно изъ всѣхъ, до нынѣ мною написанныхъ, самое театральное; но, не содержа почти ни одной сентенціи, безъ которыхъ, по мнѣнію академиковъ, трагедія не можетъ имѣть никакого достоинства, сіе дѣйствіе, основанное на борьбѣ страстей, требуетъ великаго искусства отъ актеровъ, особливо же отъ актрисъ. Надъ сими вы и князь Шаховской имѣете большую силу, власть, права и преимущества, — что помѣщаю въ скобкахъ; — я хотѣлъ было говорить и о репетиціяхъ, и просить васъ, чтобы вы на нихъ были вмѣсто меня чрезвычайнымъ посломъ, полномочнымъ министромъ и полною грамотою аккредитованнымъ; но вспомнилъ, что напередъ нужно будетъ согласиться съ его высокопревосходительствомъ Александромъ Львовичемъ²⁾. Захотите ли вы дружески меня одолжить и принять на себя договоръ съ его высокопревосходительствомъ? Сей договоръ короткій: если Александру Львовичу угодно будетъ заплатить мнѣ отъ Театральной Дирекціи три тысячи рублей выводу, то предаю мою единородную дочь на позорище какъ Петербурга, такъ и Москвы. Убѣдите Александра Львовича, чтобы не спорилъ въ цѣнѣ; право лишняго не прошу, считая,

²⁾ Нарышкинымъ, директоромъ императорскихъ театровъ.

что на обоихъ столичныхъ театрахъ за одно представленіе Дирекція выручить свои деньги. Я и за Дмитрія Донскаго не настоящую цѣну взялъ, получилъ только двѣ тысячи пять сотъ рублей. Трагедія, какъ говорили и теперь можетъ быть говорить, по обстоятельствамъ написанная, слѣдовательно которой представленіе не надобно было мнѣ задерживать торгомъ, чтобы обстоятельства не прошли; они же такъ скоротечны въ нашемъ вѣкѣ. Когда же судъ нашихъ общихъ пріятелей одобрить Поликсену, но Александръ Львовичъ не соизволитъ на просимую мною цѣну, обратите мнѣ рукопись назадъ; долежится, можетъ быть, до лучшаго времени, а я съ моей стороны ни рублемъ не спущусь. Если публика по своей благосклонности считаетъ во мнѣ нѣкоторый талантъ, то пора признать въ Россіи, что таланты не для дневнаго пропитанія трудятся. Съ нетерпѣливостью буду ожидать вашего отвѣта. Но прежде заключенія моего письма, нужно мнѣ просить васъ, чтобы погрѣшности или слабости въ слогѣ, особливо 5-го дѣйствія, если онѣ не такъ велики, не останавливали бы переписки ролей; въ случаѣ, если трагедія будетъ принята Дирекцію, вы и князь А. Ал. и Иванъ Андреевичъ можете сами ихъ поправить, а то въ сношеніяхъ нашихъ потеряется время. Когдаже найдете грубыя и большія ошибки или совершенныя неясности мыслей, то, пожалуйста, объ нихъ мнѣ сообщите. Между прочимъ не остановятъ ли васъ при чтеніи два выраженія, которыя я наудачу поставилъ; именно 5-го дѣйствія въ 6-мъ явленіи, когда Уллисъ возвѣщаетъ, что боги даруютъ Грекамъ вѣтръ —

И разрѣшаютъ путь изъ сей земли *безгодной*;
— *безгодная* земля вмѣсто несчастная

земля. Безгодье, существительное, въ Словарѣ Академическомъ находится, прилагательнаго же безгодный нѣтъ. Мнѣ кажется, что оно въ стихотворствѣ лучше можетъ быть употреблено нежели злополучный, въ которомъ слогъ лишній. Еслиже не покажется слово, то напишите изъ сей земли *голодной*, чтобы было въ рѣзю. Другое выраженіе въ томъ же явленіи въ роляхъ Кассандры:

Слѣзните покидать Троянскій брегъ *кручинный*;

Кручинный вмѣсто печальный, и столько же звучное слово. Въ Словарѣ говорится, что принадлежитъ къ простому или низкому слогу. Не знаю почему, мнѣ оно нравится; если же вамъ не понравится, поставьте Троянскій брегъ *пустынный*, который я избѣгалъ, чтобы не повторять; и при томъ же кручинный, т. е. печальный, лучше выражаетъ состояніе Троянской земли. Весь листъ исписалъ. Vale et aimez moi. Преданный всею душою Владиславъ Озеровъ.

Мое истинное, совершенное и непремѣнное почтеніе засвидѣтельствуйте, пожалуйста, милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ. Будетъ ли она плакать отъ 5-го дѣйствія?

Размышленіе, которымъ Несторъ оканчиваетъ трагедію, согласно съ вашей системою и съ образомъ мыслей Греческихъ философовъ³⁾. Предпре-

³⁾ Вотъ эти заключительные стихи трагедіи Поликсена:

Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игрищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится:

Счастливейе сто врать, кто къ жизни не родится.

«Син стихи, послѣдніе изъ извѣстныхъ оставшихся по немъ, и какъ пѣснь лебедя предсказывающіе его кончину, скрываютъ тайное предчувствіе ужасной судьбы, омрачившей западъ жизни чувствительнаго поэта.» (Кн. Вяземскій, О жизни и сочиненіяхъ Озерова.)

дѣленіе—fatalisme, которое впрочемъ замѣчается въ одной рѣчи Спасителя, когда говоритъ объ Искаріотскомъ. Мысль послѣднихъ двухъ стиховъ принадлежитъ Гомеру, по увѣренію В. В. Капниста, а я взялъ ее изъ Voyages d'Anacharsis.

III.

23-го Ноября 1808 года. Село Казанское.

Получивъ письмо ваше отъ 6-го Ноября писанное, радовался вашему веселому духу, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ.

Веселья духъ, въ письмѣ ль, въ рѣчахъ ли заключенный,
Спокойства, счастья въ насъ есть признакъ несомнѣнный.

Съ нетерпѣливостью ожидалъ послѣдующаго вашего увѣдомленія, считая, что сообщите мнѣ ваше мнѣніе о пятомъ дѣйстви и о развязкѣ Поликсены; но съ душевнымъ прискорбіемъ читалъ письмо ваше отъ 17-го числа, получивъ оное третьяго дня, въ день,

Когда плодомъ любви прежде нежной
Свой воспріялъ полезный вѣкъ
Зоиловъ врагъ, талантовъ другъ надежный
И строго честный человекъ.

Изъ послѣдняго вашего извѣщенія видѣлъ, что моя Троянка, прикатившая къ вамъ на саняхъ, по зимнему пути, толкнулась въ ваши двери совсѣмъ не ко времени и не кстати. Искренно раздѣляю вашу горестъ о болѣзни Николая Алексѣевича ⁴⁾, надѣясь твердо при томъ, что больной излѣчится непременно и скоро, безъ всякаго послѣдствія. Г-да Рожерсонъ и Симсонъ, по моему мнѣнію, попали на истинную причину корчей, которыя васъ такъ справедливо встрево-

⁴⁾ Старшій сынъ А. Н. Оленина, павшій въ Бородинскомъ сраженіи.

жили, и въ подтвержденіе моего мнѣнія разскажу вамъ случай, бывшій съ моимъ отцемъ. Лѣтъ 17 или 18 ти, служа сержантомъ въ Преображенскомъ полку, былъ онъ наряженъ во внутренней караулъ. День былъ праздничный. Императрица Елизавета Петровна шествовала въ церковь; въ самое шествіе, и такъ сказать въ ея глазахъ, съ батюшкою сдѣлалась дурнота: онъ упалъ, и его схватили корчи. Тотъ же часъ отвезли его домой въ полкъ, а Императрица, жаловавшая память покойнаго нашего дѣда, который считался исправнѣйшимъ полковникомъ того времени, прислала своего лейбъ-медика осмотрѣть и освѣдомиться о больномъ. Сей лейбъ-медикъ и полковный штабъ-декарь объявили, что батюшка одержимъ падучею болѣзнію. Императрица была государыня слабая, набожная до суевѣрности и, слѣдовательно, боязливая и малодушная, повелѣла моего отца отставить отъ службы изъ сержантовъ порутчикомъ. Но отставка, исцѣляющая моральныя болѣзни, совсѣмъ недѣйствительна въ физическихъ: ⁵⁾ припадки продолжались, и батюшка пріѣхалъ въ деревню, въ отчаяніи отъ мысли, что у него падучая болѣзнь. Однимъ жаркимъ утромъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, ходивши много въ саду, онъ почувствовалъ жажду, и сорвавъ яблоко съ дерева скушалъ. Вошедъ потомъ въ покой, приказалъ подать себѣ водки. Лишь только выпилъ рюмку, то съ нимъ сдѣлалась страшная дурнота, черви показались, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней ояъ отъ нихъ совершенно избавился. Съ того времени ни падучей болѣзни, ни корчей, ни судорогъ съ батюшкой не случалось и,

⁵⁾ Можетъ быть, намекъ на собственное положеніе писавшаго.

благодареніе Богу, здравствуетъ онъ 73-й годъ, имѣвъ отъ двухъ женъ 22 человѣка дѣтей. Вотъ вамъ цѣлая поѣсть къ вашему успокоенію. Будемъ же надѣяться, что и вашъ милый Николай Алексѣевичъ выздоровѣетъ, будетъ такіе же годы, или и долѣе, жить и оставить по себѣ 12 потомственныхъ колѣнъ, какъ дѣлывали добрые люди во времена Израильскихъ патріарховъ.

Въ той мысли, что вашему сыну гораздо лучше и что безпокойство ваше миновалось, буду вамъ еще разъ говорить о Поликсенѣ. Видное дѣло, что мнѣ уже не читать здѣсь вашего о ней сужденія, которое прошу васъ доставить уже ко мнѣ въ Казанскую деревню, надписывая ваши письма въ Чистополь, отъ котораго я буду жить въ 30 верстахъ за студеною рѣкою Камою. Нѣкоторыя обстоятельство той деревни ⁶⁾, единственной моей собственности, требуютъ непремѣннаго моего путешествія; и какъ ни грустно мнѣ разставаться съ батюшкою и съ родными и далѣе и далѣе отъѣзжать отъ пріятелей и друзей, но я принялъ на себя крестъ и отправляюсь въ путь черезъ два дни, въ слѣдующій четвергъ, т. е. 26-е число сего мѣсяца. Я надѣюсь, что наша дружба не растянется по мѣрѣ разстоянія и будетъ такая же тѣсная, хотя переписка сдѣлается медленнѣе, и потому рѣшился просить васъ, до отъѣзда моего, о перемѣнѣ нѣкоторыхъ стиховъ въ посланномъ къ вамъ списокѣ, буде моя трагедія признана будетъ пріятелями нашими достойною представленія, и буде Дирекція ее приметъ. Перемѣны нужны въ слѣдующихъ стихахъ:

⁶⁾ Эта деревня, вѣроятно, была наслѣдствомъ отъ матери (урожденной Блудовой?). Въ дальней деревнѣ этой Озеровъ заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

1-ая во 2-мъ дѣйстви, во 2-мъ явленіи, въ ролю Гекубы, вмѣсто стиха:

Какъ роковой вѣщунъ, всегда Кассандры гласъ и проч.

Написать:

Какъ вѣщій роковой, всегда Кассандры гласъ и пр. ⁷⁾

2-ая въ 5 дѣйств., во 2 явл., въ ролю Пирра, въ стихѣ:

И съ радостью бѣ ему внималъ Ахилловъ прахъ.

частицу *бѣ* замазать. Такъ какъ 5-го дѣйствія я никому не читалъ, то и самъ не замѣтилъ моего дурачества, а какъ сталъ про себя вслухъ говорить стихи, то неблагопристойность звука *и съ радостью бѣ ему* такъ меня поразила, что я расхохотался надъ собою. Судите, что бы случилось въ ложахъ.

3-я въ 5 же дѣйстви, въ 5 явл., въ ролю Гекубы, вмѣсто стиха:

О варваръ, ты и въ томъ отказываешь мнѣ, —
—написать:

И въ сей отрадѣ ты отказываешь мнѣ!
О бичь! и пр.

4-ая въ томъ же дѣйств., въ 6-мъ явленіи, въ ролю Кассандры, вмѣсто сихъ стиховъ:

Почто, Агамемнонъ, меня ты вопрошаешь?
О царь несчастливый, не будешь средь пиршествъ и пр.

—написать:

Почто, несчастный царь, меня ты вопрошаешь?
О горе и тебѣ! Не будешь средь пиршествъ и проч.

5-ая, въ 3 дѣйстви, въ 4 явлен. въ ролю Гекубы, вмѣсто полустишія

Оставь просить меня.

—написать:

Оставь. оставь меня ⁸⁾

⁷⁾ Этой перемѣны не сдѣлано въ печатномъ текстѣ Поликсены.

⁸⁾ Этой перемѣны тоже не сдѣлано.

Вотъ всѣ небольшія перемѣны, которыя я придумалъ въ стихахъ на первый случай, оставляя общую вычитку ихъ съ вашего приговора до того времени, какъ стану издавать сію трагедію въ печать, исключая однако же тѣхъ словъ и выражений, которыя вы непременно сочтете неприличными, не свойственными и неясными, что и прежде предоставилъ я въ вашу волю перемѣнять, отмѣнять и замѣнять.

Но отъ моихъ стиховъ, которыми вамъ долго докучаю, обращусь къ прекраснымъ стихамъ Константина Николаевича⁹⁾, за доставленіе которыхъ васъ искренно благодарю. Прелестную его басню почитаю истинно драгоценнымъ вѣнкомъ моихъ трудовъ. Его самого природа одарила всѣми способностями быть великимъ стихотворцемъ, и онъ уже съ молода поетъ соловьемъ, котораго старыя пѣвчія птицы въ дубравѣ надъ Ипокреномъ заслушиваютъ и которымъ могутъ восхищаться. Если будете имѣть случай писать къ нему, изъясните, пожалуйста, ему мою благодарность. Въ хлопотахъ и сборахъ къ отъѣзду не имѣю досужнаго часа, чтобы достойно отвѣчать на его милые стихи¹⁰⁾ и благодарить какъ за оныя, такъ и за письмо, отъ него мною прежде полученное. Изъ-за Камы пришлю вамъ мое къ нему отвѣтствіе. Страшно слышать, что онъ съ Шведами перестрѣливается. Право нужно поберегать сего молодого человѣка и обратить пылкость и воображеніе его на славу другаго рода, къ которой произвела его природа. Почти весь Русскій народъ способенъ стрѣляться. *La valeur, говоритъ Гиббонъ, est la qualité de*

⁹⁾ Какіе именно это стихи, намъ неизвѣстно.

¹⁰⁾ Батюшкова.

*l'homme la plus commune*¹¹⁾; но рѣдки, рѣдки превосходныя дарованія, которыя переносятъ славу народа и въ тѣ времена, когда сей самый народъ, подъ тягостью оковъ, разламываетъ памятники громкихъ предковъ для огороженія садовъ своихъ властелиновъ, что случилось съ Греками, что случится и съ Французами. Но я коснулся до политики; чтобы о ней не заболтаться, окончу мое письмо, поручая себя въ продолженіе вашей дружбы, по которой, надѣюсь, что вы не забудете закамскаго отшельца, всѣмъ сердцемъ и душою вамъ преданнаго. Владиславъ Озеровъ.

Милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ прошу засвидѣтельствовать мое истинное и всесовершенное высокопочитаніе. Письмо ея, изъ Торжка писанное, я въ свое время получилъ; оно было въ отвѣтъ того, которое я къ ней писалъ, и въ сердцѣ моемъ благодарилъ я за благосклонное онаго содержаніе.

IV

Декабря 30-го 1808 года.

Изъ села Краснаго Яра.

Такъ, хвала и благодареніе изобрѣтателямъ письма, посредствомъ котораго черезъ разстояніе полутора тысячи верстъ перелетаютъ къ вамъ мои мысли и чувства, будто бы я самъ; и, ставъ посреди вашего мирнаго, добраго и любезнаго семейства, благодарю васъ за дружбу истекшихъ лѣтъ, поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю вамъ многія будущія лѣта проводить въ радости, въ утѣшеніи и въ добромъ здоровьи. Элоиза приписыва-

¹¹⁾ Храбрость есть въ человѣкѣ самое рядовое свойство.

еть любви изобрѣтеніе письма: L'art d'écrire fut sans doute inventé par l'amante captive et l'amant agité¹²⁾). Я съ нею не согласенъ и скорѣе припишу сей даръ дружбѣ. Любовь въ первую недѣлю разлуки потоскуеть, во вторую пожалѣеть, въ третью забываетъ. А дружба и мѣсяцы и годы съ тою же живостью занимаетъ наши души. Вы мнѣ новый тому опытъ явили свиданіемъ вашимъ съ Федоромъ Александровичемъ Голубцовымъ¹³⁾, о которомъ я васъ въ моихъ письмахъ никогда и беспокоить не хотѣлъ. Чувствую и признаю всю цѣну вашего поступка. Но вы назовете меня неблагодарнымъ, когда узнаете, что мое желаніе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ вашему желанію, и что, исключая васъ, почтениѣйшій и любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, и исключая нѣкоторое малое число милыхъ пріятелей, которыхъ я покинулъ въ Петербургѣ, я ни о комъ и ни о чемъ тамъ оставленномъ не тужу. Здѣсь живу я въ настоящей хижинѣ, потому что мой домъ неотдѣланный стоить безъ печей и безъ окончинъ; но, признаюся вамъ, что мою беспечную и свободную жизнь не промѣняю ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто. Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ, находяся въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ и служивъ оберъ-офицеромъ болѣе 20 лѣтъ. Если не могъ быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По Лѣсному же Департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ въ продол-

женіе 7-ми лѣтъ болѣе милліона трехъ сотъ тысячъ рублей дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Но вмѣсто поощреній и награжденій, я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Последнее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ, не могли меня исключить изъ подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій не можетъ быть честнымъ челоувѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти. Чтѣ же касается до обществъ, пиршествъ и празднествъ столицы, признаюсь вамъ, что кромѣ пріятныхъ часовъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ друзьями просвѣщенными, вообще жизнь Петербургская не только мнѣ наскучила, но даже несообразностями, которыя встрѣчалъ въ ней, сдѣлалась несносною. Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ,

Порокъ съ безстыднымъ лбомъ, ступая по
паркету,
Разврата счастья примѣръ являетъ свѣту;
Тамъ зависть, исушась отъ похвалы чужой,
Вокругъ достоинства вращается змѣей,
И алчная корысть, холодная сурога,
И кровныхъ, и друзей, и честь продать готова.

Вы заключите изъ сихъ строкъ, что я сдѣлался точно Альцестомъ и почти отгадаете. Кажется, навсегда я прощаюсь съ службою, съ такою называемымъ счастьемъ и даже со славою, до которой трудно достигнуть, труднѣе удержать и которая, за ми-

¹²⁾ Искусство писать было изобрѣтено безъ сомнѣнія дашенною свободою любовницею и взволнованнымъ любовникомъ.

¹³⁾ Голубцовъ управлялъ министерствомъ финансовъ и былъ передъ тѣмъ начальникомъ Озерова.

нутныя наслажденія самолюбія, составляетъ долговременныя и сердечныя огорченія. Съ симъ расположеніемъ духа не поспѣваю, когда вы, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, возвратите мнѣ скорѣе Поликсену, по несогласію Александра Львовича принять ее на театр. Моя Троянка, надѣвъ колпакъ, заснетъ со мною въ Красномъ Яру; но и въ моихъ снахъ и мечтахъ буду вспоминать о вашей дружбѣ и мыслю и сердцемъ буду съ вами. Преданный вамъ отъ души Владиславъ Озеровъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое искреннее и совершенное почтеніе милостивой государыни Елизаветѣ Марковнѣ.

V.

25 Марта, 1809 года, изъ села
Краснаго Яра.

Правда, что поспѣтовалъ на васъ, почтенный и любезнѣйшій другъ Алексѣй Николаевичъ: почти три мѣсяца вы ко мнѣ не писали. Какъ авторъ отправленной къ вамъ Поликсены, любопытствовалъ знать о судьбѣ сей Троянки и ваше о ней сужденіе; а такъ какъ всею душою къ вамъ привязанный, нетерпѣливо желалъ знать собственно о васъ и о миломъ вашемъ семействѣ. Время такъ стеклось, что нѣсколько почти я ни отъ кого извѣстій не получалъ, ни отъ родныхъ, ни отъ пріятелей, ни отъ друзей, и признаться, что въ моей закамской пустынѣ вачивалъ приходить въ унывіе, считая, что меня, какъ отшельца сего міра, весь міръ хочетъ уже забыть. Четыре дни тому назадъ порадованъ былъ вашимъ письмомъ, тѣмъ болѣе, что изъ него вижу новое еще доказательство вашей продолжающейся ко мнѣ друж-

бы. Ей одной могу приписать чудо, что Алексѣй Львовичъ согласился на выдачу 3.000 рублей за Поликсену, чего онъ не хотѣлъ заплатить и за Дмитрія, хотя по тогдашнимъ обстоятельствамъ можно было полагать, что та трагедія будетъ имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ. Не надѣялся такой благоклонности отъ Александра Львовича. Благодареніе вамъ, почтеннѣйшій другъ: еще дня два-три поговорять обо мнѣ послѣ перваго представленія Поликсены въ шумныхъ и легкомысленныхъ бесѣдахъ Петербургскихъ, нѣсколько недѣль побранять меня въ журналахъ и нѣсколько мѣсяцевъ понадуются и кричатъ противъ меня будутъ послѣдователи стараго слога, стараго Сумароковскаго вкуса, выдающіе себя съ своимъ школярнымъ ученіемъ сорокалѣтней давности за судей всѣхъ сочинителей; и наконецъ Глинка въ Русскомъ Вѣстникѣ, гдѣ помѣщаются статьи о иноплеменныхъ, скажетъ, можетъ быть: какой вздоръ писать трагедію, которой содержаніе взято не изъ Россійской исторіи. Шутите его Вѣстникомъ и его сочиненіями! Какой-то Московскій книгопродавецъ объявилъ въ газетахъ, что всякій истинный Россіянинъ и любитель словесности долженъ непременно имѣть Русскій Вѣстникъ въ своей библіотекѣ, что мнѣ и привело на память стихъ Буало о Котенѣ:

Qui méprise Cotin, n'estime pas son Roi.
Et n'a selon Cotin ni Dieu, ni foi, ni loi. ¹⁴⁾

Прочитайте изъ любопытства предисловіе г-на Глинка, напечатанное при трагедіи его, Михаила Черниговскаго. Изъ его разсужденій выводится заключеніе, что ни Корнель, ни Расинъ,

¹⁴⁾ Кто презираетъ Котена, тотъ не уважаетъ своего государя и у него (по мнѣнію Котена) нѣтъ ни Бога, ни вѣры, ни закона.

ни Волтеръ, ни Кребильонъ не были истинными трагиками, хотя мы всё упражняющіеся въ трагическомъ искусствѣ почитаемъ ихъ своими учителями. Ни одинъ изъ нихъ, исключая Волтера въ трагедіи *Adelaide de Guesclin*, не заимствовалъ своихъ героевъ изъ Французской исторіи; а истинная трагедія должна быть почерпнута, по мнѣнію учителя-Глинки, изъ исторіи своего отечества. Убѣждаясь доводомъ его, я весьма расположенъ приняться за сочиненіе новой трагедіи, взятой изъ нашей исторіи, изъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны. Можетъ быть, я вамъ уже говорилъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, о смерти Волинскаго, пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту Русскаго народа. За сіе сочиненіе желалъ бы я приняться, но не имѣю источниковъ, изъ которыхъ бы занять нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла. По вашимъ связямъ съ министрами и другими сильными людьми въ довѣрїи и власти, не можете ли открыть производство слѣдственнаго дѣла надъ Волинскимъ и мнѣ о томъ сообщить? Я чувствую самъ, что такая трагедія никогда не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, но примусь ее писать для моихъ прїятелей. И какое широкое поле для сочинителя, чтобъ показать во всемъ блескѣ правду Русскаго боярина, должность вельможи и сенатора, и противуположить злоупотребленія временщика-иностранца, алчущаго одной своей корысти и, можетъ быть, ненавидящаго народъ, ввѣренный управленію его слабою Государынею; и наконецъ представить несчастное положеніе народа подъ слабымъ и недовѣрчивымъ правленіемъ! Вы чувствуете, какія истинныя картины можно изобразить, заимствуя кое-что изъ

нашихъ временъ. Много вы бы меня одолжили сообщеніемъ того, что о жизни и смерти Волинскаго отыскать можете. Не отлагая времени, занялся бы симъ сочиненіемъ, какъ бы скоро спущенъ былъ корабль съ Гомеровскими лицами. Разсчитываю, что вы теперешнее мое письмо получите послѣ праздниковъ и, можетъ быть, въ такое время, когда уже Поликсена или освидстана или одобрена публикою. Не утаите, пожалуйста, отъ меня ничего, и, если дурно будетъ принята, не щадите моего маленькаго самолюбія. Я самъ что-то не надѣюсь на успѣхъ сей трагедіи. Въ собраніи, при первомъ ея представленіи, едва ли будетъ сто челоувѣкъ, которымъ Гомеръ знакомъ; и въ двухъ тысячахъ челоувѣкахъ навѣрное положить можно, что болѣе тысячи девяти сотъ зрителей скорѣе захопаютъ въ ладоши при полустижіи:

„Я Россѣ, сего довольно“,
нежели при воззваніи Гекубы:

„О Гекторъ! о мой сынъ! гдѣ ты? гдѣ ты въ сей часъ?
Ахъ мертвъ! далеко ты! не вступишься за насъ“.

Если же вы получите сіе письмо до представленія Поликсены, или хотя и послѣ перваго представленія, но передъ вторымъ, то сдѣлайте мнѣ милость, введите двѣ небольшія перемѣны, которыя бы болѣе еще поразили внѣшнія чувства зрителей. Первая въ третьемъ дѣйствіи, когда Улиссъ призываетъ воиновъ: *вступите воины!* чтобъ Поликсена сказала — *страхъ!* а Кассандра — *горе!* и бросилась бы послѣдняя бѣжать изъ шатра, какъ будто за Агамемнономъ, съ которымъ и возвращается въ слѣдующемъ явленіи ¹⁵⁾. Вторая въ

¹⁵⁾ Этой перемѣны не сдѣлано.

пятомъ дѣйствіи, когда Агамемнонь устремляется противъ Пирра на битву, чтобы и тотъ и другой ударили мечами по своимъ щитамъ,—обыкновенный вызовъ въ сраженіе. Съ симъ звукомъ вбѣжитъ Поликсена и остановить всѣхъ. Я замѣчалъ, что нужны иногда и шумъ и движеніе на театрѣ, чтобъ зрителей... разбудить, когда започиваютъ. Я шучу, а право неизвѣстность томить. Чтобы и васъ не утомить моимъ длиннымъ письмомъ, окончу его, поручая себя вашей дружбѣ. Всѣмъ сердцемъ и навсегда преданнѣйшій вамъ и вѣрно покорнѣйшій слуга Владиславъ Озеровъ.

Засвидѣтельствуйте, пожалуйста, мое истинное и совершенное почтеніе милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ, у которой обѣ ручки мысленно цѣлую.

P. S. Я было прошедшею осенью приготовилъ и приношеніе Поликсены; кому же вы думаете? человѣку, котораго едвали въ лице знаю, но о храбрости котораго много слышался и въ реляціяхъ начитался: графу Николаю Михайловичу Каменскому. Посмѣйтесь надо мною, но прочитайте ¹⁶⁾.

Счастливый Русскихъ вождь, достойный сынъ героя,
 Который указалъ тебѣ къ безсмертью путь;
 Прими сей даръ въ часы, когда ты послѣ боя
 На свѣжи лавры вновь возсядешь отдохнуть!
 Я пѣлъ Ахилловъ гробъ и почести отъ Грековъ,
 Какъ браней божеству возданныя ему;
 Но пѣсь внимать въ хвалу безстрашныхъ
 Человѣковъ,
 Кому пріятіе какъ духу твоему?
 Не ты ль пренесъ орловъ Россійскія державы
 Въ непроходиму дѣбрь, покрыту вѣчнымъ
 Льдомъ,
 Гдѣ только между горъ лишь гулъ гремѣлъ
 Ихъ славы,
 Куда не ширили полета и съ Петромъ,

¹⁶⁾ Напечатано и въ собраніи сочиненій Озерова.

Гдѣ нынѣ ожилъ Финнъ въ тѣни ихъ крылъ
 Могучихъ;
 Не ты ль еще предъ симъ, когда Европы
 Врагъ
 На Пруссовъ громъ навелъ, не ты ль въ
 Пескахъ сыпучихъ
 Остановлялъ его почти чрезъ каждый шагъ,
 И тамъ, и здѣсь, вездѣ съ мечемъ ему встрѣ-
 чался,
 И Галловъ изумлялъ твой быстрый всюду
 Ходъ;
 Въ наукѣ ратовать ты волхвомъ имъ ка-
 зался,
 Заставилъ гордость ихъ чтить Русскихъ
 Воеводъ.
 Мужайся! Простирай свой бѣгъ къ побѣдамъ
 Новымъ,
 И будь страшилищемъ отечества враговъ!
 Россія наградитъ тебя вѣнцемъ лавровымъ,
 И честь твою вѣкамъ предастъ языкъ боговъ.

VI.

25-го Юня 1809 года. Изъ села Краснаго Яра.

Недоумѣваю о вашемъ молчаніи, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ; по послѣднему вашему письму отъ 5-го Марта, на которое я вамъ отвѣтствовалъ съ первою случившеюся почтою, ожидалъ было отъ васъ присылки обѣщанной тетради; съ того времени однакоже ни тетради, ни листочка, ни строчки отъ васъ не получаю ¹⁷⁾. Или ваше дружество ко мнѣ измѣнилось? Сокрушительно о томъ мыслить, особливо въ тоже время, какъ всякая надежда къ возобновленію нашихъ свиданій почти пропадала, и что слѣдовательно я не могу у васъ спросить, чѣмъ я передъ вами провинился. Путь къ Петербургу, по видимому, мнѣ закрывается. Мое состояніе не позволяетъ мнѣ жить въ той столицѣ, а пенсіонъ, котораго я по справедливости ожидать могъ, мнѣ отказывается. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Ѳ. А. Голубцева предписаніе съ изъявленіемъ высочайшей воли Государя въ разсуж-

¹⁷⁾ Поликсена была уже обнародована: ее представили въ первый разъ на придворномъ С. Петербургскомъ театрѣ 14 Мая 1809 г. и потомъ напечатали.

деніи моей отставки; для любопытства посылаю къ вамъ при семъ копию съ письма министерскаго кандидата ¹⁸⁾ и съ моего къ нему отвѣта, не распространяясь въ дальнѣйшія размышленія объ оказанномъ мнѣ несправедліи, по сравненію со многими другими взысканцами Фортуны и мощныхъ яснѣйшихъ пановъ министровъ. Несказанно болѣе меня беспокоитъ мысль о Поликсенѣ, которою я имѣлъ нескромность васъ обременить. Говорятъ-же, что поэты нѣсколько сумасшедши и питаются дымкомъ, или просто сказать, чадомъ. По сей статьѣ и я поэтъ и признаюсь вамъ, что авторская слава драгоцѣннѣе для меня, нежели милости царскія и сокровища земныя. Судите изъ сего о моей душевной тревогѣ, когда, получивъ четыре недѣли тому назадъ извѣстіе отъ одного изъ моихъ пріятелей, что на другой день его письма, то есть 14 Маія, назначено по театральнымъ объявленіямъ первое представленіе Поликсены съ именованіемъ автора ясными и всѣми буквами, я послѣ того ни отъ васъ и ни отъ кого другаго изъ Петербурга ни малѣйшаго увѣдомленія о послѣдствіи представленія не получаю. Неуспѣху Поликсены я бы не удивился, помня, что Расинова Федра была дурно принята Парижскою публикою, и что его Аволю давали читать въ наказаніе. Моя Поликсена гораздо слабѣе Расиновыхъ трагедій, могла имѣть такую же участь, какую имѣла Федра, хотя я считаю ее лучше первыхъ моихъ трагедій; на все надобно случай и удачу. Удивляюсь только тому, что вы ни слова мнѣ о неуспѣхѣ не опишите. Ожидалъ отъ дружбы вашей участія въ успѣхѣхъ, утѣшенія въ не-

удачѣ. Теперь остается мнѣ изъяснить вамъ послѣднюю и препокорнѣйшую просьбу: объ отобраніи отъ театральн. Дирекціи трагедіи моей Поликсены въ случаѣ, если она была представлена безъ успѣха, или въ томъ случѣ, если она донинѣ не была играна, и чтобы вы благоволили ее ко мнѣ возвратитъ, оставя у себя копию съ нея, буде она вамъ будетъ угодна, но съ условіемъ, чтобы никому ее не давать списывать, ниже читать кромѣ въ кругу вашихъ родныхъ и пріятелей. Утѣшусь легко о забвеніи меня свѣтомъ, но никогда не утѣшусь о потерѣ вашей дружбы, которую дорого цѣнилъ, которой старался сдѣлаться достойнымъ тѣмъ совершеннымъ почтеніемъ и тою душевною преданностью, которыя и понынѣ къ вамъ сохраняю, оставаясьна всегда вашимъ вѣрнопокорнѣйшимъ слугою. Владиславъ Озеровъ.

VII.

2 Іюля. 1809. Село Красный Яръ.

На другой день по отправленіи послѣдней моей грамотки къ вамъ, почтеннѣйшей и любезной Алексѣй Николаевичъ, привезено мнѣ было съ почты ваше письмо отъ 4-го Іюня писанное. Оно несказанно меня порадовало, успокоивъ въ разсужденіи вашей ко мнѣ дружбы, сомнѣніемъ въ которой я столько былъ огорченъ, какъ вы могли замѣтить изъ той моей грамотки, въ досадѣ на васъ писанной. Чтò цѣнимъ дорого, того и утрата чувствительна. Перваго же вашего письма отъ 18 Маія съ извѣстіемъ о представленіи Поликсены, на которое вы въ нынѣшнемъ письмѣ ссылаетесь, я понынѣ не получилъ, и гдѣ и какъ оно затерялось, не понимаю. Очень жаль, что я не могъ читать ва-

¹⁸⁾ Этой копія у насъ не имѣется

шего описанія о дѣйствіи, произведенномъ надъ зрителями первымъ представленіемъ моей Троянки, и знать, какія мѣста болѣе принесли удовольствія и которыя показались слабы. Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей, то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ. Доказательство, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стоянь и моленія Гекубы извлекали слезы изъ глазъ Аѳинянь и всѣхъ Грековъ, и они же черезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ съ небольшимъ за столѣтъ молчаливо протекали межъ болотъ Невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковыя сосны и тощія берега. О, безсмертный Еврипидъ! Въ сочиненіяхъ твоихъ исполнился вдохновенія неподражаемый Расинъ, и ты удѣлилъ искру слабому моему таланту, чтобы возбудить состраданіе чрезъ тысячи лѣтъ къ бѣдствіямъ злополучной Трои. Но болѣе еще безсмертенъ и благословенъ Петръ Великій, истинный отецъ отечества, который просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ открылъ имъ новый источникъ наслажденій, наслажденій сердца и ума. Признаюсь вамъ, что я не столь выгоднаго мнѣнія былъ о вкусѣ Петербургской публики, чтобы думать, что третье дѣйствіе болѣе другихъ понравится. Считалъ, что, привыкшіе видѣть на театрѣ чрезвычайныя и неожиданныя происшествія и занимать зрѣлищемъ болѣе подлежащимъ вышнимъ чувствамъ, они предпочтутъ 5-ое дѣйствіе 3-му, что бы навѣрное сдѣлали Нѣмцы, боготворящіе своихъ Шиллеровъ и Коцебуевъ, у которыхъ всѣ красоты появляются прыж-

ками. Я безмѣрно радъ, что вкусъ истинный образуется. Но радъ за тѣхъ новыхъ нашихъ сочинителей, которые предпримутъ трудиться для театра. Мое же намѣреніе остановиться на Поликсенѣ. И такъ не уговаривайте меня, почтенный другъ, чтобы я не принимался за трагедію Волинскаго. Ни сей трагедіи, ни другихъ писать болѣе не хочу¹⁹⁾ Моя благодарность къ публикѣ, достойной чтобы для нея трудились, останется безмѣрною; моя признательность къ дружбѣ вашей, которую мнѣ доставило слабое мое дарованіе, пребудетъ навсегда въ душѣ моей; но тысячи неприятностей, навлеченныхъ мнѣ званіемъ автора и обиды, которыя, можетъ быть, оное навело мнѣ по службѣ, заставляютъ меня отстать отъ стихотворства, бросить перо, приняться за заступъ и, обрабатывая свой огородъ, возвратиться опять въ толпу обыкновенныхъ людей. Послѣднюю несправедливость терплю отъ Александра Львовича; не онъ ли обѣщалъ вамъ въ письмѣ отъ Февраля мѣсяца, съ котораго вы копію ко мнѣ доставили, что онъ дастъ *предписаніе кому слѣдуетъ для доставленія къ вамъ требуемыхъ сочинителемъ за трагедію 3-хъ тысячъ рублей послѣ втораго ея представленія по заведенному будто порядку?*

Два раза Поликсена играна, почему же теперь отлагаетъ Алекс. Львов. платежъ до 3-го представленія? Убѣдительнѣйше васъ прошу требовать моей трагедіи отъ Дирекціи обратно, не допуская, чтобы она въ третій разъ была играна, или бы предста-

¹⁹⁾ Въ статьѣ князя П. А. Вяземскаго, помѣщенной при Сочиненіяхъ Озерова, сказано, что живучи въ деревнѣ, Озеровъ написалъ три дѣйствія новой трагедіи *Медея*, но въ припадкѣ унынія кинулъ ихъ въ огонь.

влена была у двора. Для моей славы довольно и двухъ представлений; для имени Александра Львовича довольно и сей его неправды противъ меня. Неприятно буду ожидать вашего отвѣта и присылки Поликсены, а денегъ Нарышкинскихъ право мнѣ не надобно. Въ мысляхъ отъ всего сердца обнимаетъ васъ преданнѣйшій вамъ душою Владиславъ Озеровъ.

ПИСЬМО ОЗЕРОВА КЪ Ѳ. А. ГОЛУБЦОВУ ²⁰⁾.

Милостивый государь

Едодоръ Александровичъ!

Я имѣлъ честь получить предписание вашего высокопревосходительства съ объявленіемъ высочайшей Е. И. В. воли о томъ, что я могу быть уволенъ отъ службы безъ пенсіона, поелику я не выслужилъ и узаконеннаго къ получению въ пенсіонъ половиннаго жалованья тридцати пяти лѣтнаго срока. Принимая съ должнымъ благоговѣніемъ такое всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе, всепокорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, донести Е-го И-му В-ву, что по моей болѣзни, будучи не въ состояніи продолжать службу, я почту высочайшею милостию всякую отставку, какую благоудно будетъ Е. В. мнѣ пожаловать.

При семъ случаѣ позвольте привести на память вашему высокопревосходительству, что въ формальномъ прошеніи объ отставкѣ, посланномъ отъ меня въ Лѣсной Департаментъ въ Іюль мѣсяцъ прошлаго года, я не испрашивалъ полного жалованья въ прибавокъ къ пенсіону, пожалованному мнѣ въ 1801-мъ годѣ, какъ изволите увѣриться изъ по-

²⁰⁾ Сохранилось въ спискѣ.

длиннаго прошенія, внесеннаго къ вамъ въ свое время отъ Департамента. Узаконеніе о тридцати пяти лѣтней службѣ и о пенсіонахъ мнѣ было извѣстно, и я не могъ требовать того, что мнѣ симъ узаконеніемъ не предоставлено и чего я смѣлъ надѣяться отъ единственной щедроты Государя Императора. О сей надеждѣ я отважился изъяснить вамъ въ особливомъ письмѣ отъ 31-го Декабря, пять мѣсяцевъ спустя послѣ прошенія, когда благодарилъ васъ за благосклонные ваши обо мнѣ отзывы, которые казались быть увѣреніями вашего ко мнѣ благорасположенія; я считалъ, что по разсмотрѣніи моихъ трудовъ по Лѣсному Департаменту можетъ быть принято будетъ во вниманіе, что я доставилъ казнѣ до одного миліона трехъ сотъ тысячъ рублей сбора черезъ новую и мною обработанную статью ежегодныхъ доходовъ, и что потому, при увольненіи отъ дѣлъ, я не буду сравненъ съ такими чиновниками, которые хотя и долѣе меня служили, но отправляли должности обыкновенныя и не принесли видныхъ и нѣсколько значущихъ заслугъ; наконецъ я уповалъ на правосудіе: не то, которое основывается на узаконеніяхъ, но то, на которомъ основываются и самые законы, когда они мудрые ²¹⁾.

Съ достожднымъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ честь имѣю быть вашъ, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга *Вл. Озеровъ*.

Апрѣля 8-го дня
1809-го года.

²¹⁾ Подъ вліяніемъ этихъ служебныхъ отношеній, Озеровъ могъ вложить своему Улиссу такіе стихи:

Ослабнутъ, и падутъ, и заустѣютъ грады,
Гдѣ мужъ съ заслугами оставленъ безъ награды.

(Поликсена, дѣйств. 3, явленіе 4-е).

ИЗЪ ДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Что за чудная улица была наши Ольховцы! Мнѣ кажется, что въ цѣлой Москвѣ такой улицы теперь не приищешь: всегда суха, а мостовой нѣтъ. Да и зачѣмъ быть мостовой, когда песокъ сыпучій? Поперекъ улицы протекаетъ рѣчка, чрезъ которую перекинутъ деревянный мостокъ съ некрашенными перилами. Рѣчка эта беретъ начало изъ Краснаго пруда, и Богъ ее знаетъ, какъ она прозывается; но, протекая многія усадьбы и наполняя собою зеркальные пруды, въ которые глядѣлись рощи ольхъ, липъ и березъ въ уединенныхъ садахъ, впадаетъ въ тихоструйную Язу.

Въ будни, тишина на улицѣ была не возмутимая: проѣдетъ телѣга, провезутъ бревна или доски изъ лѣснаго ряда... но по песку, что по коврику—не прогремитъ колесо, не дребезжитъ телѣга. Только на рѣчкѣ, возлѣ моста, раздаются, бывало, мѣрные удары валька по тряпью, всполаскиваемому босоногой бабой въ ситцевомъ, съ крупными цвѣтистыми разводами, фартукѣ и съ засученными высоко рукавами. Проходя, бывало, по улицѣ, я любилъ заглядывать въ щели стараго, потемнѣвшаго дощатаго забора, съ кирпичными выбѣленными столбами, тянувшагося почти въ длину всей улицы, и съ наслажденіемъ любовался прудомъ, кое-гдѣ подернувшимся зеленью и окруженнымъ старыми липовыми аллеями. Мнѣ казалось, что тамъ обитаетъ какой-то особенный міръ: тамъ, во множествѣ, вили гнѣзда грачи, стаями порхали, чирикавъ, воробьи и щебетали другія птички. У корней деревьевъ и по лужайкамъ, цвѣли ландыши и кучами синѣли незабудки. Кое-гдѣ въ аллеяхъ еще стояли чугунныя, покрытыя ржавчиною, статуи Цереръ и Юнонь, а по срединѣ сада возвышался одноэтажный домъ съ

флигелями, — остатокъ барственной роскоши временъ Екатерининскихъ; но домъ и флигеля давно ужъ были въ запустѣніи.

Домовъ на улицу глядѣло не много: первой, другой—да и обчелся. Возлѣ нашего дома коротенькій переулочекъ выходилъ въ поле къ Красному пруду, поросшему по крайямъ кугою и айромъ, и къ длиннымъ низкимъ сараямъ Полеваго двора. Теперь все это поле застроено станціями желѣзныхъ дорогъ, и тамъ, гдѣ почти непрерывно, въ продолженіи сутокъ, слышится адскій визгъ локомотивовъ, тогда, невозмутимая тишина ночей нарушалась только изрѣдка протяжными, окликами часовыхъ у Полеваго двора, крикомъ дергача въ густой травѣ, да гармоническимъ кваканьемъ болотныхъ лягушекъ.

Да, на Ольховцахъ было домовъ немало, это правда; но общество было, и это общество, обитавшее на Ольховцахъ и въ близъ лежащей Красносельской улицѣ, составляло свой кругъ, не нуждавшійся въ дальнѣйшемъ развитіи и довольный собою.

Этотъ кругъ хотя и обиталъ, въ географическомъ отношеніи, въ Москвѣ—первопрестольной столицѣ, но сохранялъ во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ характеръ простоты чисто сельской, — характеръ дворянъ помѣщиковъ. Обширные дворы, поросшіе травой, пространные сады и огороды при усадьбахъ, большое количество лошадей въ конюшняхъ, коровы, домашняя птица и многолюдныя женатыя дворни, сильно напоминали деревню. Прибавьте къ этому немощенную улицу, да собственные покосы на захваченныхъ пустошахъ Сокольниковъ поля и близъ громовыхъ колодезей, и тогда вы не удивитесь, что и въ нравахъ этого уголка Москвы не было ничего такого, что давало бы

хоть малѣйшій намекъ о затѣяхъ и приличіяхъ такъ называемаго большаго свѣта. Не думайте однакожь, чтобъ обитатели этого края были такъ кто-нибудь; напротивъ, — это, по большей части, были столбовые дворяне, имѣвшіе значительныя помѣстья, но жившіе тихо, тихо, жившіе для себя и считавшіе душевное и тѣлесное спокойствіе безцѣннымъ сокровищемъ, цѣлью жизни. Лѣтнимъ вечеркомъ, бывало, выдетъ кто-нибудь и сядетъ на улицѣ на лавку у своихъ воротъ. Увидитъ это сосѣдь, другой, третій, подойдутъ—и возлѣ воротъ соберется кружокъ; разговоръ длится долго, спокойно, и не видать, какъ уходитъ время, и только пора ужинать разведетъ бесѣдующихъ по домамъ. Иногда двое или трое такихъ сосѣдей, говоря о качествахъ лошадей, перейдутъ къ четвертому на его конюшню, прямо, не заходя въ домъ, — навѣстятъ обитателей стойловъ, долго разсуждаютъ тамъ съ кучеромъ, перейдутъ оттуда въ каретный сарай, уйдутъ, а хозяинъ и не знаетъ, что у него на дворѣ были гости.

Не смотря на эту общую простоту нравовъ, они, т. е. обитатели Ольховцевъ, не были такъ однообразны, какъ люди нынѣшняго вѣка; напротивъ, каждый изъ нихъ былъ, болѣе или менѣе, въ своемъ родѣ оригиналъ.

Вотъ хоть бы, напримѣръ, *Лавръ Львовичъ Демидовъ*, — господинъ сложенія сухощаваго, немолодой лѣтами, но прямой, что называется проглотилъ аршинъ. Всегда въ сѣромъ фракѣ съ обтяжными пуговицами, въ узкихъ панталонахъ, въ англійскихъ съ раструбами сапогахъ, и ходящій твердою и быстрою походкой. . . . У него въ домѣ, и во всемъ хозяйствѣ, и въ особенности въ конюшнѣ, порядокъ, порядокъ, и экономія, и чистота. . . . и если чистоту эту невѣжливо нарушала муха, то и тогда неизбежно было, если не взысканіе съ домочадцевъ, то ужъ выговоръ, строгій выговоръ. А объ пыли и не говорите. . . . нигдѣ! . . . На дворѣ всегда бѣгало съ дюжину ма-

ленькихъ шавокъ-позвонковъ; бѣленькія-косматыя, совершенно одна въ одну, и привѣтствовали каждаго, входящаго въ калитку, такимъ звонкимъ, учащеннымъ лаемъ, и вертѣлись около него такъ быстро и дружно, хотя и безъ малѣйшаго вреда, что заставляли невольно остановиться и выждать, когда, на дай собаченокъ, выйдетъ кто-нибудь изъ всегда-запертыхъ дверей дома—посмотрѣть кто пришелъ. Ворота рѣшетчатого забора съ улицы всегда были затворены, и отворялись только тогда, когда хозяинъ, въ удовлетвореніе своей страсти „къ лошадамъ“, выѣзжалъ или верхомъ, или лѣтомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а зимою въ санкахъ, прокатиться, проматъ застоявшуюся лошадь, что дѣлалось попеременно, каждый день по нѣскольку разъ.

Лѣтній костюмъ его для верховой ѣзды состоялъ изъ куртки сѣраго сукна, панталонъ въ обтяжку въ сапоги и круглой шляпы на головѣ. Зимой надѣвалась длинная куртка на лисьемъ мѣху, теплый ваточный картузъ, а на ногахъ бѣлые, вязаные, знаете, лохматые женскіе сапоги. . . . Послѣднее было нѣсколько смѣшно для другихъ, но для Лавра Львовича это было все равно: онъ жилъ для себя.

На страстной недѣлѣ, всѣ обитатели Ольховской улицы ходили къ службамъ въ приходскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы — говѣли. Вы развѣ не говѣете? спросилъ мой отецъ Лавра Львовича, когда возвращался отъ обѣда, и встрѣтивъ его на улицѣ, гоняшаго на кордѣ лошадь. „Нельзя-съ“ отвѣчалъ онъ: „у меня-съ три лошади стоять съ развязанными на блоки хвостами, англезируются-съ. Это очень опасно-съ, хвостъ можетъ зарости на сторону-съ. . . . я изъ конюшни почти и не выхожу-съ. . . . тамъ я и сплю, и чай пью-съ и обѣдаю. . . . Чтожь-съ, пойдешь въ церковь, будешь думать о хвостахъ. . . . нельзя-съ. . . .“

Когда открылась Николаевская желѣзная дорога, что было много лѣтъ спус-

тя описываемаго мною времени, и изъ всѣхъ обитателей Ольховцевъ едва ли не онъ одинъ оставался еще въ живыхъ и не покидалъ этой богоспасаемой улицы.... и Лавръ Львовичъ выѣхалъ по-смотреть на невпданное движеніе. Сталъ на полверсты отъ дебаркадера, возлѣ дороги, на ровномъ мѣстѣ, и когда тронувшійся поѣздъ поровнялся съ нимъ, онъ пустился скакать въ перегонку. „Нѣтъ-съ, не обгонишь“, говорилъ онъ послѣ, „не обгонишь-съ. Лошадь, знаете, устаетъ, а машина идетъ себѣ все шибче-съ и шибче.“

Но несравненно интереснѣе была личность *Поздьева*. Домъ его былъ каменный, неопредѣленной, уродливой архитектуры, съ тоненькими деревянными колонками, съ высокой тесовой крышей, съ ветхими рамами въ окнахъ, съ обвалившейся штукатуркой, и выкрашенный густо, но пятнами, желтой краской. Впрочемъ, обо всемъ этомъ хозяинъ мало заботился; духъ его былъ занятъ другимъ. Онъ былъ старикъ лѣтами, съ лицомъ некрасивымъ, собой черноватый и рябой, но съ добродушнымъ и кроткимъ выраженіемъ въ чертахъ. Поступь скромная, тихая; одѣтъ онъ былъ всегда въ мундирномъ сюртукѣ отставнаго моряка, и мало ехшася съ сосѣдями. Чаше всего онъ встрѣчался въ церкви, потому что былъ очень богомоленъ. Его окружала какая-то таинственность. Онъ былъ масонъ и стоялъ во главѣ Московскихъ масоновъ высшаго круга: его они считали святымъ. Разъ на страстной недѣлѣ, между зауреней и обѣдней, когда всѣ, оставшіеся въ церкви, присѣли отдохнуть, и мнѣ не было мѣста, онъ посадилъ меня возлѣ себя. Я былъ лѣтъ девяти. Говоря со мною о томъ, о семъ, онъ спросилъ меня вдругъ: „гдѣ присутствіе души въ человѣкѣ?“ Я подумалъ, — и отвѣчалъ, что душа въ головѣ, потому-де что всякое разсужденіе творится въ мозгу. Онъ улыбулся. „Нѣтъ, — сказалъ онъ, — душа въ крови“. И въ подкрѣпленіе этого привелъ текстъ, кажется,

изъ какого-то псалма, но изъ какого — рѣшительно не помню. Когда онъ умиралъ, къ нему собрались всѣ масоны и бредъ его агоніи записывали, какъ пророчество.

Позднѣе я видѣлъ въ одномъ домѣ, съ которымъ я былъ знакомъ, гдѣ хозяинъ тоже былъ масонъ и находился при кончинѣ Поздьева, картину послѣднихъ его минутъ, снятую съ натуры. Въ большихъ волтеровскихъ креслахъ сидитъ въ халатѣ умирающій. Передъ нимъ столъ покрытый скатертью, а на столѣ икона Пречистой и Распятіе. Передъ святыней горятъ въ высокихъ подсвѣчникахъ свѣчи. Потухающіе взоры умирающаго обращены на святое изображеніе. Масоны — свидѣтели происшествія, тихо группируются въ комнатахъ въ разныхъ положеніяхъ, а за высокою спинкою креселъ, приложивъ ухо, стоитъ Григорій Николаевичъ Коробьянъ, извѣстный въ свое время членъ Московскаго Общества С. Хозяйства, агрономъ, и человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ: человѣкъ далеко опередившій свое время.

Третій сосѣдъ нашъ былъ *Андрей Николаевичъ Соколовъ*. Этого человѣкъ инаго покроя. А. Н. воспитывался въ вѣкъ Екатерины съ пажемскомъ корпусѣ, потомъ служилъ въ Кирасирскомъ великолѣпнаго князя Потемкина полку, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ былъ въ молодости знакомъ съ моимъ отцомъ и если не было дружбы искренней, задушевной, то знакомство ихъ восходило ко временамъ ихъ воспитанія въ Петербургѣ. Андрей Николаевичъ былъ членомъ Московскаго Человѣколюбиваго Общества и въ послѣдствіи былъ избранъ въ вице-президенты этого общества. Имѣлъ на шеѣ Владиміра и въ петлицѣ Анну, держалъ себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ истинному президенту. Съ чиновниками обращался гордо, говорилъ имъ: ты, братецъ, сударь,.... и все это такъ величественно. Домикъ его былъ не великъ, комнатки маленькія,

но теплыя и убранныя чисто. Я любилъ съ батюшкою ходить къ Андрею Николаевичу, сидѣть съ ними — и слушать воспоминанія прошлаго, касательно ихъ воспитанія въ корпусахъ (батюшка воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ), о службѣ ихъ и о блаженныхъ временахъ Екатерининскихъ. Съ полчаса спустя, послѣ чаю, Андрей Николаевичъ, бывало, посмотрѣвъ на меня, говаривалъ: „Молодому-то человѣку съ нами скучно, надобно позабавить его,“ и, сказавъ это, выходилъ въ дверь, сдѣланную въ видѣ шкафа, драпированнаго зеленою тафтою, въ свою спальню, и оттуда выносилъ глубокую тарелку, наполненную черносливомъ, винными ягодами, пряниками, изюмомъ, разными орѣхами и конфетами, и ставилъ предо мною. Разумѣется, я былъ доволенъ очень, слушалъ и ѣлъ, ѣлъ и слушалъ. Еслибъ я былъ одаренъ острой памятью, я бы рассказалъ много забытаго и незамѣченнаго другими, или непереданнаго современниками Екатерины; но, къ несчастію, я былъ еще слишкомъ молодъ, слушалъ все, какъ сказки и, подъ вліяніемъ молодого поколѣнія, на стариковъ и на рассказы ихъ смотрѣлъ ужъ какъ на что-то младенческое, не стоящее большаго вниманія. Я не понималъ еще интереса всего мною слышаннаго и теперь съ грустью вспоминаю о своей глупости.

— „И нашъ мундиръ былъ по моему очень красивъ“, говаривалъ мой отецъ: „бирюзовые лацканы и воротникъ....“

— „Ну что вашъ мундиръ гарнизонный?“ перебивалъ Андрей Николаевичъ (батюшка служилъ въ Архаровскомъ полку), „какой ужъ мундиръ! гвардейскіе мундиры, или хоть бы нашъ Кирасирскій князя Потемкина полка—такъ, дѣйствительно, были богаты. Этотъ полкъ считался собственною гвардіею Князя: на него онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ. Сверхъ кирасы надѣвался красный суконный супервейсъ съ вышитыми на груди и на спинѣ серебромъ орлами. Лошади тысячныя, а что за народъ то?... гиганты!....“

— „Тогда и въ корпусѣ одѣвались хорошо, продолжалъ отецъ; офицеры воспли по два золотыхъ шарфа чрезъ оба плеча крестъ на крестъ, съ большими кистями (и отецъ мой разводилъ при этомъ руками, показывая величину колоссальныхъ кистей.) Особенно мнѣ нравились кадеты-егеря, зеленыя курточки подъ цвѣтъ травы, кругленькая шляпа съ зеленымъ перышкомъ. Бывало, залагутъ въ траву, такъ отъ травы ихъ не отличишь“, и при дальнѣйшемъ разсказѣ рѣчь заходила о разницѣ между современнымъ (при Александрѣ 1-мъ) корпуснымъ воспитаніемъ и воспитаніемъ при Великой Екатеринѣ, подъ отеческимъ, нѣжнымъ и благороднымъ надзоромъ графа Ангальта.

— „Когда отвозилъ моихъ дѣтей въ корпусъ, я ужаснулся той переменѣ, какую я нашелъ теперь. Куда дѣвалась вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещью рѣдкой, а тутъ каждый офицеръ дереть, когда ему вздумается. Стыдъ наказанія пропасть,—разницы между кадетомъ и солдатомъ не стало. Невѣжество, необразованность.... такъ ли было въ наше время?... Бывало, графъ Ангальтъ, если случится какая нибудь шалость, онъ не разыскивалъ преступника. Онъ созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанности, о правилахъ человѣка, говорилъ, что онъ не хочетъ даже знать, кто сдѣлалъ дурно,—онъ не хочетъ знать того, кто пятнаетъ званіе кадета, пятнаетъ свое доброе имя; говорилъ долго, возбуждалъ въ кадетяхъ слезы умиленія, и можно было ручаться за то, что, по окончаніи его рѣчи, кадеты сами расправятся и крѣпко отгаскаютъ преступника. Маленькіе кадеты были на попеченіи у женщинъ; одѣты были въ курточки кофейнаго цвѣта и, переходя отъ возраста къ возрасту, постепенно мѣняли и платья и образъ занятій. Въ одной изъ залъ была устроена библіотека; на столахъ лежали всевозможныя книги на иностранныхъ языкахъ; разумѣется, были и Русскія, но очень мало. Книги эти придѣланы были къ столамъ, такъ что можно было ихъ читать;

но унести было нельзя. Разумѣется, кадеты болѣе рвали, нежели читали и когда графъ Ангальтъ видѣлъ, что книга изорвана, говаривалъ бывало, — что его „очень радуется, что кадеты такъ любятъ чтеніе и такъ часто упражняются въ этомъ занятіи, что книга изорвалась отъ частаго употребленія“... и тутъ же приказывалъ изорванную книгу замѣнить новою.

„Кромѣ фехтованія, верховой ѣзды и другихъ гимнастическихъ упражненій, было въ корпусѣ особое зданіе для *Jeu de raquette*, и для этой игры кадеты одѣвались въ особую легкую одежду и, какъ мнѣ помнится, въ желтыя нанковыя курточки. Графъ Ангальтъ наблюдалъ за наклоностію всякаго кадета. Вотъ, напримѣръ, говорилъ мой отецъ: я всегда имѣлъ любовь къ садоводству, и графъ Ангальтъ сдѣлалъ меня Директоромъ корпуснаго сада; я былъ и кадетъ и Директоръ не по одному названію, а съ полной свободой распоряженій. Въ саду я своими руками вырылъ бесѣдку или гротъ. Бесѣдка эта состояла изъ ямы, которая по краямъ обсажена была кустами, а въ срединѣ былъ устроенъ круглый столъ изъ дерну. Графъ Ангальтъ часто посѣщалъ мою бесѣдку и разъ, заставъ меня съ товарищами вокругъ стола, прозвалъ меня *chevalier de table ronde*. Лѣтними утрами онъ часто прѣзжалъ въ корпусъ, и когда выходилъ прогуляться въ садъ, я обязанъ былъ встрѣтить и привѣтствовать его въ качествѣ Директора рѣчью на французскомъ языкѣ, на тему о садѣ, о пользѣ и пріятности садоводства и пр. Я никогда не обладалъ хорошею памятью и, начавши рѣчь: *Votre Excellence*, скоро заикался... и тогда графъ Ангальтъ, обращаясь къ моему помощнику Лисенкѣ, говорилъ: *Lisenco, continuez*, и Лисенко окончивалъ рѣчь. Вся каменная, ошекатуренная стѣна кругомъ сада была расписана разными предметами изъ натуральной исторіи, разными геометрическими, алгебраическими и арифметическими задачами, шарадами на французскомъ и русскомъ

I. 6

языкахъ, и дѣльными и пустыми, но постоянно занимавшими кадетъ. Стѣна эта называлась *Muraille Parlante*; помню я, что на этой стѣнѣ были изображены всѣ народы земнаго шара въ ихъ національныхъ одеждахъ, и между европейскими народами, одинъ былъ изображенъ голымъ съ кускомъ сукна въ рукахъ. Острижъ живописецъ, расписывавшій стѣну, на вопросъ графа Ангальта что это значитъ, отвѣчалъ: „это я написалъ Франдуза, и такъ какъ у нихъ мода ежедневно мѣняется, то въ настоящее время я не знаю, какого покроя Франдузы носятъ свое платье.“ На этой же стѣнѣ, по приказанію графа Ангальта, нарисованы были его похороны: кадеты несутъ гробъ, а могилу ему роютъ кролики. Что за мысль была сочинить такую картину, Богъ его знаетъ.

„Какъ любитель садоводства, я дѣлалъ выписки изъ ботаническихъ книгъ, записывалъ, что могъ услышать по этому предмету, переводилъ съ французскаго все, что касалось до садоводства, и такимъ образомъ составилось у меня нѣсколько довольно толстыхъ тетрадей. Графъ Ангальтъ узналъ объ этомъ, велѣлъ тетради мои переплестъ въ кожаный корешокъ и подарилъ мнѣ. На переплетѣ вытѣсненъ золотой орелъ, листы съ золотымъ обрѣзомъ, а на корешкѣ напечатано золотомъ: „Новый совершенный Русскій садовникъ“, и моя фамилія. *

„На здоровье кадетъ обращалось особенное вниманіе, и потому разъ каждый мѣсяцъ, и ужъ непременно всѣмъ поголовно, давали очистительное. Чтобы кадеты не сопротивлялись и не было бы имъ противно принимать лекарство, очистительное имъ давали въ разварномъ черносливѣ, который очень часто подавали намъ въ ужинѣ въ видѣ супа. Ничего не подозрѣвая, кадеты ѣли сладкое кушанье... и только ужъ ночью, когда начиналась страшная бѣготня по галлереймъ догадывались, что надъ ними подшутили.

* Книга эта теперь хранится у меня.

„Графъ Ангальтъ былъ нѣсколько педантъ. Одѣвался всегда въ Прусскій мундиръ и имѣлъ длинную косу. Одна ботфорта была со шпорой, другая безъ шпоры. Вотъ какъ объясняли это. Когда Фридрихъ Великій потерялъ сраженіе при Коллинѣ, то, повстрѣчавъ при отступленіи графа Ангальта, который командовалъ какою-то частью его войскъ, сказалъ: *Sie haben ein Sporn verloren!* Графъ Ангальтъ, въ память словъ его, скинулъ одну шпору, и уже не надѣвалъ ее.

„Онъ былъ безъ руки, потерявъ ее въ сраженіи; но это нельзя было почти замѣтить, такъ хорошо была сдѣлана искусственная рука на пружинѣ, которую онъ то держалъ впереди, то отбрасывалъ на сторону, ударивъ ее нѣсколько разъ другою рукою по искусственнымъ пальцамъ въ перчаткѣ, въ которыхъ держалъ золотую табакерку съ табакомъ. При пріѣздѣ его въ корпусъ, кадеты встрѣчали его съ восторгомъ и любовью. *Bon jour, mes enfants, bonjour, mes enfants; il est temps de se lever!* кричалъ онъ, проходя по спальнямъ, если случалось пріѣзжать рано утромъ; и конечно, тѣ, которые еще хотѣли спать, особенно шалуны, при этомъ случаѣ начинали его ругать: Чортъ тебя принесъ! ишь тебѣ не спится и пр... Иногда графъ слышалъ это; но, какъ будто не понимая по русски, оставался и ласково и привѣтливо. Разъ шалуны на *Muraille Parlante* нарисовали портретъ Ангальта въ каррикатурѣ, съ огромнымъ краснымъ носомъ и предлинною косою. Графъ, проходя мимо, остановился, долго смотрѣлъ и обратясь къ провожавшимъ его офицерамъ и кадетамъ, сказалъ: „Какъ мнѣ пріятно, что меня такъ любятъ кадеты, что даже нарисовали мой портретъ, чтобы чаще видѣть меня хоть въ изображеніи. Мнѣ это очень, очень пріятно. Пожалуйста не стирайте и не велите стирать!...“ и чтожь? кадеты со слезами, какъ милости, просили графа, чтобы позволилъ стереть.

„Да что ужъ говорить о графѣ Ангальтѣ: — сама-то Императрица, бывало,

какъ пріѣдетъ въ корпусъ, маленькіе кадеты бросались къ ней, какъ къ матери, лѣзли къ ней на колѣни, когда она садилась въ кресла, чтобы отдохнуть, и она была такъ милостива, что ласкала ихъ и ни подъ какимъ видомъ не позволяла ихъ отъ себя отгонять.

„Учителя у насъ, говорилъ отецъ, были самые лучшіе во всемъ Петербургѣ; вотъ хоть, напримѣръ, Княжнинъ — писатель училъ у насъ словесности. Княжнинъ одѣвался очень скромно, но необыкновенно чисто и опрятно; руки у него были полныя, бѣлыя и замѣчательно красивы. Кадеты чрезвычайно его любили и уважали.

„— Однако, какъ слышно было, и онъ не миновалъ рукъ Шишковскаго?

„— Кадеты узнали это и сговорились отомстить, сговорились высѣчь Шишковскаго. Случай скоро открылся. Не помню по какому только случаю, — было ли это гулянье — только и Шишковскій появился у насъ въ саду; какъ теперь помню его небольшую мозглявую фигурку, одѣтую въ сѣрый сюртучекъ, скромно застегнутый на всѣ пуговицы, и съ заложенными въ карманы руками. Человѣкъ 40 кадетъ нарѣзали жидкихъ хлыстовъ, заткнули ихъ подъ спинки мундировъ и стали сѣдить Шишковскаго въ аллеяхъ сада. Вѣроятно онъ замѣтилъ что-нибудь недоброе, сталъ торопливо пробираться къ воротамъ и уѣхалъ. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, кадеты, видя свою неудачу, выхватили хлысты и, махая въ воздухъ, кричали ему въ догонку: „Счастливъ твой Богъ, что ушелъ.“

— „А у насъ, перебилъ Андрей Николаевичъ, въ Пажескомъ корпусѣ его такъ и высѣкли, какъ слѣдуетъ высѣкли: поймали, растянули и высѣкли розгами. Государыня была очень недовольна. Нѣсколько пажей наказали жестоко и исключили изъ корпуса. Страшный человѣкъ былъ этотъ Шишковскій; бывало, подойдет такъ вѣжливо, такъ ласково, попроситъ пріѣхать къ себѣ объясниться... да ужъ и объяснится!...“

— „Конечно, страшный человекъ, а все таки, проговорилъ мой отецъ, при Екатеринѣ какъ-то всѣ были довольны и забывали даже и объ Шишковскомъ. Вотъ хоть бы опять обращусь къ корпусу. Послѣ графа Ангальта, директоромъ корпуса былъ сдѣланъ Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ. Переворотъ былъ такъ крутъ, жестокия наказанія сдѣлались до того невыносимы, что, какъ я слышалъ, двое кадетъ бросились изъ оконъ съ верхняго этажа на мостовую и, конечно, расшиблись до смерти.

— „Екатерина была мудрая Государыня, говорилъ Андрей Николаевичъ. И странная вещь: когда она скончалась, и вѣсть эта дошла до Москвы, съ какою радостью вся знать поѣхала въ Петербургъ съ поздравленіемъ къ новому Императору. Поѣхали-тотуда, Богъ вѣсть, съ какими надеждами, а возвратились съ опущенными головами....

— „Да, помню.... какже.... помню, говорилъ мой отецъ: съ кончиною Императрицы все пошло на вонтараты. Служба при Екатеринѣ была спокойная: бывало, отправляясь въ караулъ (тогда въ караулъ стояли безсмѣнно по цѣлымъ недѣлямъ), берешь съ собою и перину съ подушками, и халатъ, и колпакъ, и самоваръ. Пробьютъ вечернюю зорю, поужинаешь, раздѣнешься и спишь, какъ дома. Въ особенности мнѣ нравилось стоять въ караулѣ у главнокомандующаго князя Прозоровскаго, который лѣтомъ всегда жила въ Петровскомъ. Встанешь, бывало, съ солнцемъ и пойдешь себѣ, не одѣваясь, а такъ въ халатѣ и колпакѣ, въ лѣсъ за грибами. Я это очень любилъ. Чай, кофе, завтракъ, все приносилось на гаубтвахту отъ князя, а обѣдать караульные офицеры всегда приходили къ нему. Смѣшно вспомнить, какъ я, по неопытности, раза два попалъ въ просакъ на этихъ обѣдахъ. Былъ, видишь ли ты, какой-то постный день, когда я по обыкновенію обѣдалъ у князя. Подаютъ кушанья, я вижу скоромное и отказался, и думалъ, что никто не замѣтитъ; но князь замѣ-

тилъ, понялъ причину и со всевозможной заботливостію приказалъ подавать мнѣ постное. Я сильно сконфузился, да дѣлать было нечего. Тѣмъ же лѣтомъ случилось мнѣ опять быть въ караулѣ у Прозоровскаго. Это было уже Успенскимъ постомъ. Когда сѣли за столъ, подходитъ ко мнѣ человекъ и спрашиваетъ, что я кушаю— постное или скоромное? Ну теперь буду умнѣе, думаю себѣ, и чтобы снова не отличиться отъ другихъ, отвѣчалъ: скоромное. Вотъ мнѣ и подали скоромное,— а я... глядь.... другимъ-то всѣмъ подаютъ и рыбу и уху,— всѣ ѣдятъ постное.

„Да, со вступленіемъ на престолъ государя Павла, служба сдѣлалась тяжелой, строгая, а мундиры при Павлѣ все-таки много были удобнѣе и покойнѣе теперешнихъ *. Теперь несчастнаго солдата тянутъ, тянутъ, такъ что жалко смотрѣть; а тогда мундиры были широкіе, просторные, съ запасомъ и застегивались по сезонамъ. Въ зимній сезонъ подъ мундиръ надѣвался полушубокъ, и лацканы были застегнуты на всѣ пуговицы. Чтобы мундиръ спокойно надѣвался на полушубокъ, по швамъ выпускались запасы. Весною полушубокъ снимался, запасы ушивались, лацканы отворачивались, хотя и оставались застегнутыми на всѣ крючки. Также и осенью. Въ лѣтній сезонъ лацканы были стянуты на серединѣ груди только крючка на два или на три. По моему, это было очень хорошо; но за то ужъ пукли, да косы доходили несчастныхъ солдатъ. Бывало, когда готовятся въ караулъ, или въ парадъ, еще съ вечера начнется причесываніе головъ; сколько сала вымазывалось, сколько муки высыпалось на головы! Для солдатъ, вмѣсто пудры, отпускалась простая ржаная мука. Причесется солдатъ съ вечера, и ужъ всю ночь лечь ему нельзя: спать сидя, чтобы не измять буклей. Много бывало случаевъ, что и крысы отъѣдали косы у сонныхъ. Особенно чаще всего

* Рассказъ относится ко времени Александра 1-го (началу 20-хъ годовъ)

случалось это несчастіе въ Красныхъ Казармахъ: такая тамъ была бездна крысъ. Безобразны и неудобны до крайности были также на солдатахъ огромныя треугольныя шляпы. Бывало, на ученые скомандуютъ на плечо, или пойдутъ въ штыки бѣглымъ шагомъ, такъ шляпы и летятъ съ головъ. Нарочно наряжались команды для подбирания шляпъ

— „А помнишь ты, спросилъ Андрей Николаевичъ, когда послѣдовало повелѣніе, чтобы всѣ, встрѣчавшіеся съ Императоромъ на улицѣ проѣзжающіе, выходили изъ экипажей?

— „Какъ не помнить! Мущины должны были выходить совсѣмъ на мостовую, а дамамъ дозволялось становиться на приступкѣ... Сколько изъ этого и смѣху-то и горя было!

„Разъ, ѣдемъ мы съ матушкой въ каретѣ, вдругъ человѣкъ кричитъ намъ: Государь ѣдетъ, Государь ѣдетъ! Кучеръ остановилъ лошадей, лакей отворилъ дверцы и откинулъ приступки;...и матушка блѣдная, дрожащая бросилась вонъ и сѣла на приступкѣ. Я кричу матушкѣ: пустите, матушка, пустите! а она сидитъ, какъ мертвая.—Я вижу, что дѣло-то плохо, перепрыгнулъ черезъ нее и сталъ во фронтъ.

„Къ счастью, это былъ не Государь, а пустой экипажъ съ конвоемъ.

— „А Далеко-то, Далеко-то, помнишь его?

— „Далеко? какой же это Далеко?—говорилъ Андрей Николаевичъ, припоминая былое. Далеко-вотъ что училъ у твоихъ Нестеровыхъ музыкѣ и пѣнію Варвару Александровну? Какъ же...помню...помню!—Онъ всхлебнулъ горячку отъ такой встрѣчи“.

—Какимъ же это образомъ?

—Вотъ это какъ. Ѣхалъ онъ надрожкахъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ давать уроки (онъ всегда одѣвался щегольски)...а было очень грязно... Вдругъ у Красныхъ Воротъ на встрѣчу ему Государь. Онъ глядь,—грязно. Башмаковъ марать не захотѣлось, онъ и сталъ

на приступочкѣ дрожать по дамски. Это увидѣли, сочли за неуваженіе и приказали обвести Далеку кругомъ Красныхъ Воротъ по колѣна въ грязи три раза. Разумѣется ужъ, послѣ этого было не до уроковъ: возвратился домой, да и слегъ.

„А дядюшку Сергѣя Николаевича такъ, кажется, и посѣкли въ Тайной. Бѣдный старикъ, послѣ того, былъ такъ напуганъ, что если слышитъ, бывало, колокольчикъ, такъ и затрясется и поблѣднѣетъ. Все ему казалось, что фельдъегерь ѣдетъ взять его. Да тогда и не онъ одинъ приходилъ въ ужасъ и блѣднѣлъ при звукѣ колокольчика... Смѣшно,—когда къ нему пріѣхалъ Эртель, чтобы отвезть его въ Тайную. Чего онъ тутъ не обѣщалъ: и корову-то англійскую, и какихъ, какихъ подарковъ не обѣщалъ, а какъ выпустили, такъ и обмануль!

— „Да за что же его взяли въ Тайную?

— „Лакей донесъ, что онъ говорилъ о курносыхъ.

„Богъ знаетъ, какъ и объяснить это? вѣдь сердцемъ-то Павелъ былъ предобрый и превеликодушный. Вотъ какой, наприкладъ, случай былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, когда Государь узналъ моего батюшку-тестя и полюбилъ его.

„Когда Государь изволилъ ѣхать по Нижегородской губерніи, то на пути къ Нижнему—на гатяхъ, проложенныхъ по болотамъ—встрѣтили Государя огромныя толпы народа и, при приближеніи экипажа, упали всѣ на колѣна. Государь приказалъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и милостиво спросилъ, чего они отъ него просятъ? Защити, Государь! кричалъ народъ. Исправникъ замучилъ насъ совсѣмъ: поголовно и день и ночь работали на дорогѣ; дома свои позабыли, какъ стоятъ. Государь страшно вспылалъ.—Гдѣ исправникъ? подать его сюда!—Исправникъ ни живъ, ни мертвъ явился предъ разгнѣваннымъ Государемъ, блѣдный, трепещущій, оправдываться ужъ куда тебѣ, и не думалъ.—Повѣситъ его сейчасъ... вскричалъ Государь...повѣситъ на первой соснѣ! Всѣ были въ

ужасъ. Исполненіе должно было послѣдовать немедленно, но кто-то изъ приближенныхъ къ Императору осмѣлился замѣтить, что по законамъ русскимъ безъ суда не наказуютъ. Народъ также, какъ услышалъ такой приговоръ, приступилъ къ Государю съ моленіемъ о милости: говорили, что исправникъ до нихъ всегда былъ добръ, но что онъ и самъ подъ началомъ, и Государь взмилосердился.

„По приѣздѣ въ Нижній Новгородъ, Государь былъ сильно недоволенъ губернаторомъ, и когда всѣ почетныя лица изъ служащихъ въ городѣ были приглашены къ столу Государя, губернаторъ приглашенъ не былъ. Батюшка-тесть въ то время командовалъ въ Нижнемъ гарнизоннымъ батальономъ, и хотя былъ только въ чинѣ маіора, однако удостоился и онъ чести быть тоже приглашеннымъ. За столомъ Государь вспомнилъ о губернаторѣ... глаза засверкали, и изъ устъ раздались гнѣвные рѣчи... Всѣ молчали, потупи глаза, никто не смѣлъ взглянуть на Государя. Одинъ только батюшка-тесть рѣшился говорить. Государь! сказалъ онъ: Корабль, пускающійся по волнамъ морскимъ всегда надѣется достигнуть желанной пристани; но достигнетъ-ли онъ ее, Богу только извѣстно; одна буря, и корабль разбитъ о подводный камень. Также и нашъ достойный губернаторъ думалъ сдѣлать тебѣ угодное, и вмѣсто милости, заслужилъ гнѣвъ. Прости меня, Государь, за мое дерзкое слово!

„Всѣ присутствовавшіе еще болѣе потупили глаза, всѣ съ трепетомъ ожидали новаго порыва гнѣва... Нѣсколько секундъ длилось томительное молчанье. Государь съ удивленіемъ озиралъ маіора, смотрѣвшаго на него съ покорностію и спокойствіемъ честнаго человѣка.

— „Ты добрый старикъ, сказалъ Государь.... спасибо тебѣ. Есть у тебя сыновья?

— „Никакъ нѣтъ, Ваше Величество! у меня только дочери.

— „Ну все равно: когда у тебя будетъ зять, отдай его мнѣ.

„Скоро послѣ того, Архаровъ впалъ въ немилость, а батюшка-тесть сдѣланъ былъ шефомъ 10-ти батальоннаго Московскаго гарнизоннаго полка, и до конца жизни Государь не измѣнилъ къ нему своего благоволенія.

— „Ну, ты и не воспользовался милостию Государя, когда женился на Александрѣ Петровнѣ? спросилъ Андрей Николаевичъ.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ мой отецъ, я женился, а Государя не стало. Такъ и погибла открывавшаяся мнѣ, счастливая будущность. Впрочемъ, и я самъ набрался страху не мало.—Какъ это?

— „А вотъ какъ. На другой день по прибытіи Государя Павла для коронаванія въ Москву, мнѣ досталось быть за дежуръ-маіора. По новому уставу надобно было ввечеру рапортовать лично Государю; но порядка этого у насъ въ Москвѣ еще не знали. (У насъ еще продолжался порядокъ Екатерининскаго времени). Не смотря на это, я таки отправился къ коменданту Гессе, чтобы узнать отъ него, чтѣ мнѣ дѣлать? А комендантъ Гессе и самъ ничего не зналъ: думалъ, думалъ, да и не велѣлъ мнѣ беспокоить Государя. На другой день, послѣ смѣны карауловъ, требуютъ меня къ Государю. Онъ имѣлъ тогда свое мѣстопробываніе въ Слободскомъ дворцѣ. При входѣ въ залу, меня окружили и генералъ-адъютанты и всякіе другіе генералы, ужъ я теперь и не помню кто... видѣлъ я только ленты, да звѣзды, и всякой мнѣ замѣчалъ: „какъ же я могъ не прійти съ вечернимъ рапортомъ къ Государю?“—Да объ этомъ никто мнѣ не говорилъ, отвѣчалъ я.—„Этого не можете говорить Государю, не можете.... слышите ли?“ твердили мнѣ... Вскорѣ вышелъ камеръ-лакей, ввелъ меня въ другую залу и оставилъ одного. Вотъ и стою я посреди комнаты, а сердце такъ и замираетъ. Прямо предо мною притворенная дверь. Смстрю—вотъ кто-то пріотворилъ ее и чьи-то глаза озираютъ комнату; вотъ остановились на мнѣ.... и дверь снова притворена. Черезъ нѣсколько минутъ опять

повторилось тоже самое, опять глаза озирають комнату, опять смотрятъ на меня, и чувствую я, что отъ этихъ глазъ сердце у меня леденеетъ... Все это продолжалось съ добрыхъ $\frac{1}{2}$ часа. Дверь то пріотворялась, то опять затворялась раза четыре. Наконецъ дверь совсѣмъ отворилась, и Государь входитъ. Глаза его были налиты кровью и онъ пыхтѣлъ что, какъ извѣстно, было при знакомѣ затаеннаго гнѣва. Онъ подошелъ ко мнѣ молча, обошелъ нѣсколько разъ кругомъ, осматривая меня съ ногъ до головы, и, остановившись противъ меня, грозно спросилъ: „Какъ ты смѣлъ, щенокъ, не придти ко мнѣ съ вечернимъ рапортомъ?“ Я едва могъ выговорить „виновать...“—„Щенокъ, повторилъ Государь, продолжая меня осматривать, если ты впередъ осмѣлишься не исполнять своей обязанности, ты улетишь туда, куда и воронъ костей не заносилъ...“ Далѣе ужъ я и не помню ничего... и когда Государь вышелъ, я упалъ безъ памяти на полъ. Воды, воды! слышалось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ спрыски холодной воды на лицѣ, и, когда открылъ глаза, увидалъ, что около меня суетился Великій Князь Александръ Павловичъ, стараясь привести меня въ чувство!

Вотъ такъ-то, бывало, бесѣдовали пріатели, вспоминая бывшее. Я сидѣлъ и слушалъ, и хотя въ послѣдствіи случилось мнѣ часто слышать отъ отпа рассказы, приведенные мною; но никогда эти рассказы не производили на меня такого впечатлѣнія, и никогда эти рассказы не были передаваемы такъ опредѣленно, такъ плавно и спокойно, какъ въ маленькой гостинной Андрея Николаевича, оклееной малиновыми съ золотыми звѣздочками бумажками русскаго издѣлія, бумажками, продававшимися по 20 к. асс. за кусокъ въ 3 аршина.

Странное дѣло! Началъ я рассказывать про Ольховскую улиду и про ея обитателей, а свелъ на рассказы объ отцѣ, объ его воспитаніи, да о службѣ при Павлѣ. Какая бы, казалось, тутъ

связь? А между тѣмъ связь существовать. На Ольховцѣ въ то время доживали свой вѣкъ личности одной эпохи съ батюшкою. Рассказами этими дополнялся характеръ всѣхъ остальныхъ лицъ, которые, болѣе или менѣе, унесли изъ протекшей жизни и до могильной доски духъ времени своего прошедшаго.

Кажется, что въ рассказѣ своемъ отецъ мой коснулся коменданта Гессе *). Объ Гессе я слышалъ отъ отца много смѣшнаго. Это былъ вполне нѣмецъ-служака, но добродушный и слабый до невозможности. Кто не знаетъ, что при Павлѣ военные всѣ носили прусскія косы. „Разъ у меня была горячка, и волосы всѣ выгѣзли, рассказывалъ мой отецъ. Когда я выздоровѣлъ и явился по службѣ къ Гессе, онъ вдругъ спрашиваетъ: „а гдѣ вашъ косъ?“ У меня была горячка, ваше превосходительство, и волосы выгѣзли!—Это не отговорка, — гдѣ вашъ косъ?

„Напрасно я ссылаюсь на болѣзнь: Гессе приставалъ неотступно, страшалъ гаубтвахтою, арестомъ и только едва, едва я отъ него отдѣлался.

Первый его врагъ въ архаровскомъ полку былъ поручикъ Юни—повѣса съ ногъ до головы. Разъ Юни приходитъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ былъ коротко знакомъ со всѣми плацъ-адъютантами; взошелъ и видить, что кто-то у стола стоитъ къ нему задомъ, нагнувшись, и что-то пишетъ. Юни, полагая, что это кто-либо изъ плацъ-адъютантовъ, пожелалъ поиграть въ чехарду, разбѣжался, сѣлъ къ стоящему у стола верхомъ на спину, схватилъ косу въ руки—и ну прищипывать, приговаривая и подергивая за косу: ну! ну! Долго барахтался несчастный подсѣдельный; но когда ему удалось повернуть лицо, Юни съ ужасомъ увидѣлъ, что это былъ комендантъ Гессе.

*) Объ этомъ Гессе см. въ Запискахъ Болотова въ Р. Архивѣ 1864, стр. 706. Гессе оставался комендантомъ Московскаго Кремля и въ 1812 году, см. Записки С. Н. Глинки. Сиб. 1836, стр. 53.

Разумѣется, ѣздокъ сейчасъ соскочилъ со спины коменданта и, вытянувшись въ струну, могъ только проговорить: „Виноватъ, ваше превосходительство!“

— А! вскричалъ Гессе. Это ви, ви ѣздитъ на московскій комедіантъ, пошालуйте со мной?!

Пошелъ Юни вслѣдъ за Гессе. Сѣли въ карету молча и поѣхали къ военному генераль-губернатору Салтыкову.

Приѣхали. Гессе велѣлъ о себѣ доложить, что ему нужно видѣть генераль-губернатора, которому имѣетъ сообщить очень важное дѣло. Салтыковъ не заставилъ себя дожидаться, бросилъ занятіе и вышелъ въ приемную, озабоченный тѣмъ, что предстоитъ ему услышать.

— Что вамъ угодно мнѣ сказать, генераль? спросилъ онъ у Гессе.

Я привезъ, ваше сіятельство, къ вамъ съ мой жалобъ: вотъ этотъ господинъ офицеръ, что изволить ѣздитъ на Московскій комедіантъ.

— Какъ ѣздитъ! Что вы говорите, генераль?

— Мой стоялъ, писалъ, а поручикъ Юни пригъ на спина, взялъ кость, и ну! ну! ну!

Салтыковъ взглянулъ на Юни, всего сжавшагося и стоявшаго съ потупленною визъ головою, какъ какой несчастный, взглянулъ на коменданта и не могъ удержать порыва смѣха. Выхватилъ изъ кармана платокъ, зажалъ имъ себѣ ротъ, махнулъ рукою и, вырнувъ, убѣжалъ вонъ изъ залы.

Не помню чѣмъ, какъ рассказывалъ отецъ мой, кончилось это дѣло; но, кажется, что Юни просидѣлъ трое сутокъ на гаубтвахтѣ и былъ выпущенъ.

Другой разъ, тотъ же Юни стоялъ въ караулѣ на гаубтвахтѣ. Соскучился и,

узнавъ, что въ домѣ генераль-губернатора балъ, оставилъ караулъ и отправился на балъ.

Увидалъ его Гессе танцующимъ и подошелъ къ нему, чтобы поймать, когда тотъ окончитъ танецъ. Юни замѣтилъ, и лишь только танецъ кончился, онъ юркнулъ чрезъ толпу въ другую комнату, подцѣпилъ даму, и когда комендантъ отыскалъ его, онъ уже преисправно вытанцовывалъ съ другою дамою. Опять сталъ дожидаться Гессе, и опять Юни состряпалъ такую же штуку. Гонялся, гонялся Гессе и вдругъ потерялъ Юни изъ вида; искалъ, искалъ, наконецъ рѣшился ѣхать домой.

Прозвжая мимо гаубтвахты, зашелъ онъ въ нее, глядитъ, а ужъ Юни, какъ ни въ чемъ не бывалъ, сидитъ въ караульной комнатѣ. — А, ви тутъ! А кто это въ шолкова шулочки на башмачки пригъ, пригъ?

— Не знаю и не понимаю, ваше превосходительство, что изволите говорить.

— О! мой видѣлъ, мой видѣлъ самъ у генераль-губернаторъ, ви въ шолкови шулочки на башмачки пригъ! пригъ!

— Никогда, ваше превосходительство! я стою въ караулѣ, какъ же можно, чтобъ я прыгалъ на балъ?

— Ну такъ шортъ, дѣволь тамъ билъ!

— Можетъ быть, ваше превосходительство, только не я. И Гессе, не могли уличить его, ушелъ.

Юни умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я зналъ его лично уже въ глубокой старости и въ чинѣ статскаго совѣтника, проживавшаго свой вѣкъ на Покровскѣ. До конца жизни онъ умѣлъ сохранить веселость и юморъ въ разговорѣ.

В. Селивановъ.

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Посвящается Дмитрію Гавриловичу Бибикову.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Быль онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и храднокровно
Велъ полки въ кровавый бой:
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Вавизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ коня,

И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
„Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать.“

II.

И Кутузовъ предо мной,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Черезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось—

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь дальбу, огонь и шумъ.

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

Отъ вождя, къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на-лету!

Противъ насъ дружины—ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;

Славой блещущія лица,
И—въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.

Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой:
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.

И впервые въ грудь счастливаца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.

Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святая стѣна
Въ казнь себѣ усвоить врагъ.

День насталь! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Приунывшихъ усачей.

И, на пиръ веселый словно,
Каждый радостно летить:
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадить.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ:
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ,
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды.

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрасть.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ:
Въ этотъ день рѣшить-бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она:
И вцѣпившихся другъ въ другъ
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься *битвой исполинской*,
Славься ввѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
Кто-бы могъ признать меня?
Я-ль въ воинственномъ нарядѣ,
Всадникъ борзаго коня?

Полно, я-ли? вотъ задача!
На себя гляжу-ль во снѣ?
Мой двойникъ, меня дурача,
Не мерещится-ли мнѣ?

Нѣтъ, нагрянула невзгода,
И я—баричъ и Москвичъ—
Я услышалъ гласъ народа,
Божій гласъ и Царскій кличъ.

Полно шляндать по бульвару
И по Прѣсенскимъ прудамъ,
И—Макарову подъ пару—
Быть поэтомъ *милыхъ дамъ*.

Риѣмы прочь, и перья въ папку,
И долой мой модный фракъ:
Я надѣлъ медвѣжью шапку,
Я Мамоновскій казакъ;

Я съ приволья прямо въ сѣчу,
Съ лона нѣги молодой
Прямо ядрамъ я на-встрѣчу,
Прямо въ Бородинскій бой!

Но мундиръ мой небывалый,
Но медвѣжьей мой нарядъ—
Хоть красивый, ходъ удалый,—
Чуть не вышли мнѣ въ-накладъ.

Князь *Московский* смотритъ *Принцемъ*,
И Донецъ на всемъ скаку
Мчится съ роковымъ гостинцемъ
Къ самозванцу-козаку. *)

Но вступилось Провидѣнье,
И тутъ кто-то въ, добрый часъ
Объяснилъ недоумѣнье
И меня отъ смерти спасъ.

Чтобъ избѣгнуть доли тяжелой,
Киверъ я съ себя сорвалъ:
Тутъ-же форменной фуражкой
Жизнь свою застраховалъ.

Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
Гдѣ-жъ красавецъ боевой?
Женскихъ клятвъ и поцѣлуевъ,
Женскихъ слезъ кумиръ молодой?

Гдѣ-же онъ—веселой рѣчью,
Радость дружескихъ пировъ,
Витязь смѣлый подъ картечью
Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
Талисманомъ въ день борьбы,
Но себя не оградилъ онъ
Отъ таившейся судьбы.

Между ядеръ пролетѣло
Развѣ нѣсколько минутъ,
Въ немъ ужъ сердце онѣмѣло,
И огонь его задутъ.

*) См. ниже на стр. 06 разсказъ автора о Бородинской битвѣ.

Окровавленный онъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.

Ужъ давно молва забыла,
Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
Безъмянная могила
Неизвѣстный прахъ таитъ.

Кто отыщеть въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Но твой образъ, витязъ юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Окликаются съ тобой.

Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отыскалъ:
Будь мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ-бы прахъ твой ни лежалъ!

IV.

И тебя-ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Бородинскій сослуживецъ.
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты—отмѣченный счастливецъ
Блескомъ почестей и ранъ.

Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось: „Бородино“.

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ—
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Росписался на тебѣ.

Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.

За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.

Помнишь, какъ средь перепалки
Пуль и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,

Подъ картечью былъ, какъ дома,
Иль съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!

Ты, обстрѣленная пташка,
Тутъ порхалъ, головорѣзъ!
Я-жъ, смиренная букашка,
Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзъ.

Подъ огнемъ неугомоннымъ
И мой конь не уцѣлѣлъ:
„Пѣвшій не товарищъ коннымъ“,
Молвилъ я—и на-мель сѣлъ.

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ-же выручилъ меня:
Что въ бою дороже золота,
Ты въ займы мнѣ далъ коня.

Былъ и тотъ не долговѣченъ,
И какъ-разъ ядромъ однимъ
Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ;
Конь мой палъ, и я подъ нимъ.

Тѣмъ покончился смиренно
Мой воинственный походъ!
Но въ преданьяхъ незабвенно
Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ.

Съ той поры умчало время
Много лицъ, событій лѣтъ;
Разрослось другое племя,
И чего не видѣлъ свѣтъ!

Но въ полетѣ быстрокрыломъ
Время избранныхъ шадить:
Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
Грудь твоя еще горитъ.

Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,
А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,

Вѣрный совѣсти глагоду,
 Шелъ ты съ ней ея путемъ.
 Людямъ свойственны ошибки:
 Ошибаться могъ и ты,
 Но ты не былъ флюгеръ гибкій
 У вергливой суеты.
 Часто, и съ двумя руками,
 Мѣсть и почестей ловецъ
 Не сведетъ концовъ съ концами,
 Обезсиленный дѣлецъ.
 Разъ принявшись за дѣло,
 Не боялся ты трудовъ
 И одной рукой смѣло
 Съ зломъ бороться былъ готовъ.
 У иныхъ—примѣръ не новый—
 „Двѣ огромныя руки“ *)
 На себя служить готовы,
 И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
 Если въ помощь ихъ зовещь,
 Не найдешь живаго пальца,
 Полмизинца не найдещь.

Цѣлый міръ имъ будь поставщикъ;
 А радѣть-ли о другомъ—
 Каждый пальчикъ и суставчикъ
 Въ нихъ разбитъ параличомъ.

Если-жъ гдѣ тобой замѣченъ
 Случай пользы данъ принести—
 Позабывъ, что ты увѣченъ,
 Помнишь ты, что совѣтъ есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
 Съ другомъ связь твоя крѣпка:
 И на дружбу и на службу
 Горяча твоя рука.

ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ.

Написанное мною стихотвореніе: „Поминки по Бородинской битвѣ“ дало мнѣ мысль перебрать въ годовыя моей все, что сохранилось въ ней изъ воспоминаній о томъ времени. 1812 годъ останется навсегда знаменательною эпохою въ нашей народной жизни. Равно знаменательна она и въ частной жизни того, кто прошелъ съюзъ нее и ее пережилъ. Предлагаю здѣсь сыромяные и старые пожитки памяти моей.

I.

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, казалась вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, въ которыхъ вынуждало насъ честолюбіе Наполеона. Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не изьяснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто не могъ предвидѣть ея исхода. Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлать недоступною русскому народному чувству. Въ

началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрывала въ себѣ и тѣ событія и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стычкахъ съ непріятелемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрь Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ-же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которые не хотѣли или не умѣли, признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человекъ—кажется, Мацневъ—забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

*) Стихъ въ балладѣ Жуковскаго, „Адельстанъ“. П. Б.

„Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ“.¹⁾

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мадневъ не предвидѣлъ, что этотъ Миловзоръ-Наполеонъ скоро будетъ *тутъ*, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомятая самонадѣянность. Не одинъ Русскій, но вообще и каждый человѣкъ, крѣпокъ заднимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли быть правы и тѣ, которые желали войны, и тѣ, которые ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно-ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

Съ пріѣзда Государя въ Москву, война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ-сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденіи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія Государя въ собраніе Дворянства и Купечества, созванное въ Слободскомъ Дворцѣ²⁾ все было рѣшено, все было готово, чтобы на дѣлѣ оправдать вѣру Царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ Его единогласнымъ и единодушнымъ отвѣтомъ было—принести на пользу Отечества поголовно имущество свое и себя. Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободской Дворецъ предъ собраніемъ. Наружность Его была всегда обаятельна. Тутъ Онъ былъ величаво-спокоенъ, но видимо-озабоченъ. Въ выраженіи лица Его обыкновенно

было замѣтно, и при улыбкахъ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ Государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда пріятливая улыбка не озаряла лица Его; только на челѣ Его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Государя. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчестья и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ-бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободской Дворецъ. Тутъ невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ, Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ Дворцѣ, а окончаніе въ Тюильерійскомъ.

Самое назначеніе предъ тѣмъ Графа Ростопчина Главнoкомандующимъ въ Москву на мѣсто Фельдмаршала Гр. Гудовича, который былъ изнуренъ годами и, слѣдовательно, не достаточно бдителенъ и дѣятеленъ, было уже предвѣстникомъ новаго настроенія, новаго порядка. Ростопчинъ могъ быть иногда увлекаемъ страстною натурою своею, но на ту пору онъ былъ именно человѣкъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ. На-

¹⁾ Изъ „Модной Жены“. П. Б.

²⁾ Нынѣ Ремесленное Учебное Заведеніе П. Б.

полеонъ это понялъ и почтилъ его личною ненавистью. Карамзинъ, поздравляя Гр. Ростопчина съ назначеніемъ его, говорилъ, что едва-ли не поздравляетъ онъ *Калифа на часъ*; потому-что онъ одинъ изъ немногихъ предвидѣлъ паденіе Москвы, если война продолжится. Какъ-бы то ни было, но на этотъ *часъ* лучшаго калифа избрать было невозможно. Такъ-называемыя „афиши“ Гр. Ростопчина были новымъ и довольно знаменательнымъ явленіемъ въ нашей гражданской жизни и гражданской литературѣ. Знакомый намъ „Сила Андреевичъ“ 1807 года нынѣ повышенъ чиномъ. Въ 1812 году онъ уже не часто и не съ Краснаго Крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашаетъ свои *Мысли вслухъ* изъ своего Генераль-Губернаторскаго дома, на Лубянкѣ. Карамзину, который въ предсмертные дни Москвы жилъ у Графа, разумѣется, не могли нравиться ни слогъ, ни нѣкоторые приемы этихъ летучихъ листовъ. Подъ прикрытіемъ оговорок, что Ростопчину, уже и такъ обремененному дѣлами и заботами первой важности, нѣтъ времени заниматься еще сочиненіями, онъ предлагалъ ему писать эти листки за него, говоря въ-шутку, что тѣмъ заплатитъ ему за его гостепріимство и хлѣбъ-соль. Разумѣется, Ростопчинъ, по авторскому самолюбію, тоже вѣжливо отклонилъ это предложеніе. И признаюсь, по-миѣ, поступилъ очень хорошо. Нечего и говорить, что подъ перомъ Карамзина эти листки, эти бесѣды съ народомъ были-бы лучше писаны, сдержаннѣе, и вообще имѣли-бы болѣе правительственнаго достоинства. Но за то лишились-бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламеняющей силы, которая въ это время именно возбуждала и потрясала народъ. Русскій народъ—не Авіяне: онъ, вѣроятно, мало былъ-бы чувствителенъ къ плавной и звучной рѣчи Демосеена и даже худо понялъ бы его.

II.

Въ романѣ, или исторіи: „Война и миръ“, знаменательные дни 12—18 июля

1812 года представлены съ другой точки зрѣнія и расцвѣчены другими красками. Отдавая полную справедливость живости разсказа въ художественномъ отношеніи, смѣю думать, что и мои впечатлѣнія, какъ очевидца этого событія, могутъ быть приняты въ соображеніе: едва-ли они не вѣрнѣе и ближе къ истинѣ, хотя слишкомъ полустолѣтнее разстояніе могло, разумѣется, ослабить и приглушить эти впечатлѣнія. Мимоходомъ наткнувшись на упоминаемую книгу, не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣтокъ на содержаніе ея, особенно-же по тому предмету, котораго я коснулся выше. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ остаюсь въ 1812 году: слѣдовательно, не выхожу изъ круга, который я себѣ предначерталъ. Книга: „Война и миръ“, за исключеніемъ раманической части, не подлежащей нынѣ моему разбору, есть, по крайнему разумѣнію моему, протестъ противъ 1812-года; есть апелляція на мнѣніе, установившееся о немъ въ народной памяти и по изустнымъ преданіямъ и на авторитетъ русскихъ историковъ этой эпохи: школа отрицанія и униженія исторіи подъ видомъ новой оцѣнки ея, разувѣренія въ народныхъ вѣрованіяхъ,—все это не ново. Эта школа имѣетъ своихъ преподавателей и, къ сожалѣнію, довольно много слушателей. Это уже не скептицизмъ, а чисто нравственно-литературный материализмъ. Безбожнѣе опустошаетъ небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и невѣріе опустошаютъ землю и жизнь настоящаго отрицаніемъ событийъ минувшаго и отрѣшеніемъ народныхъ личностей. Лѣтъ 30 тому и болѣе, видѣлъ я въ Саратовскомъ острогѣ раскольника, принадлежавшаго толку *Нѣтовщины*. Сектаторы убивали другъ-друга. Обрекающій себя на смерть клалъ голову свою на деревянный чурбанъ, и очередной отрубалъ ее. Видѣнный мною удѣлѣлъ одинъ отъ побіенія болѣе 30-ти человекъ въ одну ночь на деревенскомъ гумнѣ. Въ числѣ убитыхъ были мужчины, женщины, старики, дѣти. Предъ кончиной своей каждый говорилъ: *Прекрати меня, ради Хри-*

ста! Не знаю, ради чего или кого дѣйствуютъ историческіе *прекращатели*; но не мѣшало-бы и этому толку присвоить себѣ прозваніе: *Нѣтовщина*,

Возвратимся къ нашему предмету.

Сей протестъ противъ 1812 года, подъ заглавіемъ: „Война и миръ“, обратилъ на себя общее вниманіе и, судя по нѣкоторымъ отзывамъ, возбудилъ довольно-живое сочувствіе. Въ этомъ изъясненіи, вѣроятно, уплачивается заслуженная дань таланту писателя. Но чѣмъ выше талантъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ быть осмотрителенъ. Къ тому-же, признаніе дарованія не всегда влечетъ за собой, не всегда застраховываетъ и признаніе истины того, чтó воспроизводитъ дарованіе. Таланту сочувствуешь и поклоняешься; но, выѣтъ съ тѣмъ, можешь позволить себѣ и оспаривать сущность и правду рассказовъ, когда онѣ кажутся сомнительными и положительно-невѣрными. Тутъ даже, можетъ-быть, возлагается и обязанность оспаривать ихъ. Я именно нахожусь въ этомъ положеніи. Такъ мало осталось въ живыхъ не только изъ дѣйствовавшихъ лицъ въ этой народной эпической драмѣ, громко и незабвенно озаглавленной: „1812 годъ“; такъ мало осталось въ живыхъ и зрителей ея, что на долю каждаго изъ нихъ выпадаетъ долгъ подавать голосъ свой для возстановленія истины, когда она нарушена. Новыя поколѣнія забывчивы; а читатели легковѣрны, особенно же, когда увлекаются талантомъ автора.

Вотъ почему я, одинъ изъ немногихъ, пережившихъ это время, считаю долгомъ своимъ изложить, по воспоминаніямъ моимъ, то, чтó было, и какъ оно было.

III.

Начнемъ съ того, что въ упомянутой книгѣ трудно рѣшить и даже догадываться, гдѣ кончается исторія и гдѣ начинается романъ, и обратно. Это переплетеніе, или, скорѣе, перепутываніе исторіи и романа, безъ сомнѣнія, вредитъ

первой и окончательно, передъ судомъ здравой и безпристрастной критики, не возвышаетъ истиннаго достоинства послѣдняго, то-есть романа. Встрѣча историческихъ именъ или именъ извѣстныхъ, но отчасти искаженныхъ и какъ-будто указывающихъ на дѣйствительныя лица, съ именами неизвѣстными и вымышленными, можетъ-быть, неожиданно и пріятно озадачиваетъ нѣкоторыхъ читателей, мало знакомыхъ съ эпохою, мало взыскательныхъ и простодушно поддающихся всякой приманкѣ. Но истинному таланту не должно было-бы выгадывать подобные успѣхи и подстрекать любопытство читателей подобными театральными и маскарадными продѣлками. Вальтеръ-Скоттъ, создатель историческаго романа, могъ *поэтизировать и романизировать* историческія событія и лица: онъ бралъ ихъ изъ дальней старины. Къ тому-же, и въ вымыслахъ, онъ всегда оставался вѣренъ исторической истинѣ, т. е. ея нравственной силѣ. Пушкинъ, въ исторической своей драмѣ, много выдумалъ: напримѣръ, сцену Дмитрія съ Мариной въ саду. Но эта сцена *могла быть* и, во всякомъ случаѣ, именно такъ и *могла быть*. Когда знаешь исторію, то убѣждаешься, что поэтъ остался вѣренъ ей въ изображеніи характеровъ пылкаго самозванца и честолюбивой полячки ¹⁾ Событія-же и лица историческія, намъ современные, или почти-современныя, такъ-сказать не отывшія еще на почвѣ настоящаго, требуютъ въ возсозданіи своемъ гораздо большей осмотрительности и точнѣйшаго соблюденія сходства.

Если нельзя всегда быть фотографомъ, то должно, по-крайней-мѣрѣ, быть строгимъ историческимъ живописцемъ (*peintre d'histoire*), а не живописцемъ фантастическимъ и юмористическимъ.

Съ исторіей надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно-ли да и не противно-ли всѣмъ условіямъ литературнаго благопріятія и вкуса низводитъ историческую картину до каррикатуры и

до пошлости? Есть доля пошлости въ натурѣ человѣка: не споримъ. Нѣтъ великаго человѣка для камердинера его, говорятъ французы: и это правда. Но писатель не камердинеръ. Онъ можетъ и долженъ быть живописцемъ и судьео историческаго лица, если оно подвергается подъ его кисть. Онъ долженъ смотрѣть ему прямо въ глаза и проникать въ умъ и душу его, а не довольствоваться однимъ улавливаніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ его слабостей и промаховъ, вдоволь шпыняя надъ ними. Презрѣніе есть часто лживый признакъ силы. Оно иногда просто доказываетъ одно непониманіе того, что выше и чище насъ. Новѣйшая литература наша, по слѣдамъ французской — т. е. по слѣдамъ ея второстепенныхъ писателей, — любитъ *попшлять* жизнь, дѣйствія, событія, самыя страсти общества. Она все низводитъ, все сплющиваетъ, суживаетъ. Пора людямъ съ талантомъ нѣсколько возвысить общій уровень умозрѣнія и творчества. Нѣкоторые повѣствователи и драматурги любятъ выводить на-показъ личности посредственныя, слабоумныя, слабодушныя или производить такихъ чудаковъ, которыхъ образа и подобія въ обществѣ не встрѣчается. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ на авторѣ никакой нравственной и логической отвѣтственности. Это не живыя лица, а какія-то привидѣнія прихотливаго или большого воображенія. Съ ними много церемониться нечего. Относительно-же первыхъ, съ высоты авторства своего, повѣствователи до пресыщенія трунять надъ своими находками и добиваютъ ихъ до окончательнаго ничтожества. Во первыхъ, лежачаго не бьютъ: людей, уже избитыхъ природою, незачѣмъ добивать перомъ. Нѣтъ, попробуйте силы свои — а въ нѣкоторыхъ изъ васъ этихъ силъ довольно, — попробуйте

справиться съ личностями умными, съ характерами возвышенными и благородными, хотя и волнуемыми страстью, — однимъ-словомъ, съ личностями, выходящими изъ среды дюжинныхъ: а, воля ваша, въ нашихъ рядахъ отыщутся и такія личности. Не оставайтесь на лощинахъ, на плоскостяхъ, гдѣ, разумѣется, дѣйствовать легче и вольнѣе, и гдѣ разгулу болѣе простора. Потрудитесь всходить на пригорки и насъ самихъ взводите на нихъ. Тамъ воздухъ чище, благораствореннѣе; тамъ болѣе свѣта; тамъ небосклонъ обширнѣе; тамъ яснѣе и дальше смотришь; тамъ и вы и лица, вами выводимыя, будутъ болѣе на виду. Предъ вами жизнь со всѣми своими тайнствами, глубокими пропастями, свѣтлыми высотами, со своими назидательными уроками; предъ вами исторія съ своими драматическими событіями и так же со своими уроками, еще болѣе наставительными, чѣмъ первая. А вы изъ всего этого выкраиваете однихъ Добчинскихъ, Бобчинскихъ и Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ. Къ чему такое недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ своему дарованію? Къ чему такое презрѣніе къ читателямъ, какъ-будто имъ не по глазамъ и не по росту картины болѣе величавыя, болѣе исполненныя внутренняго и нравственнаго достоинства? Къ тому-же, не забывайте, что Гоголь уже гениально разработалъ и истощилъ до самой сердцевины поле нашей пошлости. Какъ послѣ Гомера нечего писать новую Иліаду, такъ послѣ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ нечего гоняться за *Ильями Андреичами*, за *Безухими* и за *старичками-вельможами*, у которыхъ въ такую минуту, когда дѣло, или, по крайней-мѣрѣ, слово шло о спасеніи отечества, одно выражалось въ нихъ — что *имъ очень жарко*. Не спорю, можетъ-быть, были тутъ и такіе; но не на нихъ должно было остановиться вниманіе писателя, имѣющаго несомнѣнное дарованіе. Къ-чему, въ порывѣ юмора, впрочемъ, довольно-сомнительнаго, населять собраніе 15-го числа, которое все-таки оста-

1) Въ „Капитанской дочкѣ“ есть также соприсношение исторіи съ романомъ; но соприсношение естественное и выѣстъ съ тѣмъ мастерское. Тутъ исторія не вредитъ роману; романъ не дурачитъ и не позоритъ исторію.

нется историческимъ числомъ, *стариками подслыховатыми, беззубыми, пльшивыми, оплывшими желтымъ жиромъ, или сморщенными, худыми?* Конечно, очень пріятно сохранить въ цѣлости свои зубы и волоса: намъ-старикамъ даже и завидно на это смотрѣть. Но чѣмъ-же виноваты эти старики, изъ коихъ нѣкоторые, можетъ-статься, были—да и, навѣрное, были—сподвижниками Екатерины; чѣмъ-же виноваты и смѣшны они, что Богъ велѣлъ имъ дожить до 1812 г. и до нашествія Наполеона? Можно, пожалуй, если есть недостатокъ въ сочувствіи, не преклоняться предъ ними, не помнить ихъ заслугъ и блестящаго времени; но, во всякомъ случаѣ, можно и должно, по-крайней-мѣрѣ, изъ благопріятія, оставлять ихъ въ покоѣ.

Воля ваша, нельзя описывать историческіе дни Москвы, какъ Грибоѣдовъ описывалъ въ комедіи своей ея ежедневную жизнь. Да и въ самой комедіи есть уже замашки карриатуры. Могли быть Фамусовы и въ Москвѣ 1812 года, но были и не одни Фамусовы. А въ книгѣ „Война и миръ“ все это собраніе состоитъ изъ лицъ подобнаго калибра. Это лица вымышленныя: авторъ воленъ въ вымыслахъ своихъ—пожалуй; но зачѣмъ тогда выводить тутъ-же, напри- мѣръ, Ст. Ст. Апраксина, лицо очень дѣйствительное и въ то время извѣстное въ Московскомъ обществѣ? Къ-чему выводить *en toutes lettres*, Гр. Ростопчина, лицо еще болѣе извѣстное и въ Москвѣ и въ исторіи 1812 года? И, выводя эту энергическую и рѣзко выдающуюся личность, можно-ли ограничиться нѣкоторыми виѣшними примѣтами, какъ въ видѣ, выданномъ отъ полиціи, или отмѣткою, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ и съ лентой чрезъ плечо? Да, онъ и былъ генералъ и слѣдовательно, не могъ быть иначе, какъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ чрезвычайномъ собраніи и въ присутствіи Государя долженъ былъ онъ быть неминуемо и съ лентой чрезъ плечо, какъ и всѣ прочіе, имѣвшіе орденскіе знаки.

Что это за характеристика? А, между тѣмъ, тутъ обнаруживается притязаніе или попопзновеніе придать картинѣ исторической оттѣнокъ. Вотъ, что должно сбивать легковѣрнаго читателя, и что, по моему мнѣнію, нехорошо и непростительно.

А въ какомъ видѣ представленъ Императоръ Александръ въ тѣ дни, когда Онъ появился среди народа Своего и вызывалъ его ополчиться на смертную борьбу съ могущественнымъ и счастливымъ непріателемъ? Авторъ выводитъ Его передъ народъ—глазамъ своимъ не вѣришь, читая это—съ „бисквитомъ, который Онъ доѣдалъ“. — „Обломокъ бисквита, довольно большой, который держалъ Государь въ рукѣ, отломившись, упалъ на землю. Кучеръ въ поддевку (замѣтьте, какая точность во всѣхъ подробностяхъ) поднялъ его. Толпа бросилась къ кучеру отбивать у него бисквитъ. Государь подмѣтилъ это и (вѣроятно, желая позабавиться?) велѣлъ подать Себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать ихъ съ балкона...“

Если отнести эту сцену къ исторіи, то можно сказать утвердительно, что это басня; если отнести ее къ вымысламъ, то можно сказать, что тутъ еще болѣе исторической невѣрности и несообразности. Этотъ разсказъ изобличаетъ совершенное незнаніе личности Александра I. Онъ былъ такъ размѣренъ, расчетливъ во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ и малѣйшихъ движеніяхъ; такъ опасался всего, что могло показаться смѣшнымъ или неловкимъ; такъ былъ во всемъ обдуманъ, чиненъ, представителемъ, оглядливъ до мелочи и щепетливости: что, вѣроятно, Онъ скорѣе бросился-бы въ воду, нежели-бы рѣшился показаться предъ народомъ, и еще въ такіе торжественные и знаменательные дни, *допдающимъ бисквитъ*. Мало того: Онъ еще забавляется киданьемъ съ балкона Кремлевскаго Дворца бисквитовъ въ народъ,—точъ-въ-точъ какъ въ праздничный день старосвѣтскій помѣщикъ кидаетъ на драку приники деревенскимъ

мальчишкамъ! Это опять карикатура, во всякомъ случаѣ совершенно неумѣстная и несогласная съ истиной. А и сама карикатура—остроумная и художественная—должна быть правдоподобна. Достоинство исторіи и достоинство народнаго чувства, въ самомъ пылу сильнѣйшаго его возбужденія и напряженія, ничего подобнаго допускать не могутъ. Исторія и разумныя условія вымысла тутъ равно нарушены....

Не идемъ далѣе: довольно и этой выписки, чтобы вполне выразить мнѣніе наше.

IV.

Теперь, спускаясь съ общихъ соображеній о событіяхъ, смиренно обращаюсь къ самому себѣ. Постараюсь припомнить частные случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка. заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812-го года.

Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образовать народное ополченіе. Гр. Мамоновъ подалъ чрезъ Гр. Радошчина Государю письмо, въ которомъ онъ всеподданнѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10,000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить Графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составить конный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать за деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро

полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки поставить полки на собственные издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда Оберъ-Прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ Департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но чувствуя, что одного мундира недовольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто Полковаго Командира Князю Четвертинскому—тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я уже однажды говорилъ*), что никогда не готовился къ военной службѣ. Нездоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ вѣздомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огнестрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованью, но послѣ того разнакомился и съ рапирой. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смолоду былъ я довольно старообразенъ, и казацкій мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда Гр. Левъ Кириловичъ Рааумовскій, пріятель отца моего, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старыхъ казаковъ, которыхъ онъ у Гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батуриинѣ. Къ тому-же, я только-что предъ тѣмъ женился и только-что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ, или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго Двор-

*) Р. Архивъ 1866. стр. 231.

ца. Туда былъ наряжаемъ и я на дежурства, дѣлалъ смотры, переклички и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между-тѣмъ Милорадовичъ былъ прїѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у прїятеля своего и моего свояка Кнзя Четвертинскаго. Я также былъ на этомъ обѣдѣ. Милорадовичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и признательностью принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, прїѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первые мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по Московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣчены послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской,—24 августа. Между прочими былъ Гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

По прїѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милорадовича. Въ этомъ исканіи, проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я разслышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поровнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: „да не забудь принести вяземскихъ пряниковъ!“ На мое-ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою кѣмъ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно сказано случайно—не знаю. Но помню еще и теперъ, что это меня—новичка въ военномъ званіи—нѣсколько смутило и озадачило. Благоразуміе однако взяло верхъ, и, не доискиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ нашелъ я Милорадовича и

засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много разспрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о Гр. Ростопчинѣ, который, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ прїѣздомъ совершенно кстати, потому-что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему ненужной, потому-что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувашаго богатырскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. Нѣ-скоро одѣлся я и пошелъ къ Милорадовичу. Всѣ были уже на коняхъ. Но, на бѣду мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до меня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и уныніемъ. Мнѣ живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенія. Прїѣхать въ армію, какъ-нарочно, ко дню сраженія, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣніяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и удручала. Невольно говорилъ я себѣ: „къ-чему было выскочкой изъ ополченія кидаться въ воинственные, дѣйствующіе ряды?“ Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженія не добуду себѣ лошади, то непременно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ-ли-бы я свое намѣреніе, но, по крайней-мѣрѣ, на ту пору крѣпко зашло оно у меня въ головѣ. По счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милорадовича, Юнкеръ, случайно подѣхалъ и, вида мое отчаяніе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовав-

шись, и какъ-будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свисту Милорадовича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой мирный московскій баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлыстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значеніи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ лошади Милорадовича. Онъ сказалъ: „Богъ мой! видите, непріятель отдастъ намъ честь.“ Но, для сохраненія исторической истины, долженъ я признаться, что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно-неправильно.

На полѣ сраженія встрѣчался я также со многими своими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ-же, какъ Милорадовичъ, враждебно, но охотно, обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ *языколюбцамъ*, что привычка говорить по-французки не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно порусски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россію, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, еслибъ не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженія. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя, или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и неловкимъ провинціаломъ въ блестящемъ и многолюдномъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнію, не встрѣтился я на полѣ сраженія съ Жуковскимъ, который такъ-же, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ воины. Онъ съ Московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль. Но былъ и снѣ

подъ ядрами, потому-что Бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сдачи Москвы онъ причисленъ былъ къ Штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едвали даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его въ отечественной войнѣ остался „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“.

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, несовсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутый медвѣжьемъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на батарее, дѣйствовавшей въ полномъ разгарѣ. Тутъ подъѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сыграть на до мной плохую шутку. „Сейчасъ“, продолжалъ онъ: „остановилъ я летѣвшаго на Васъ казака, который говорилъ мнѣ: „посмотрите, Ваше Благородіе, куда врѣзался проклятый француз!“ Поблагодарилъ я незнакомца за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нельзя-же мнѣ бросить киверъ и развѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ виѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергардскій офицеръ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ-быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдный Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ было быть принятымъ за француза. Во время сраженія, разнесся слухъ у насъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ; но послѣ оказалось,

что принять былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера, знаетъ-ли онъ, что Миуратъ взятъ въ плѣнь?—Знаю“, отвѣчалъ тотъ.

„А это кого ты ведешь?“ спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ адъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ въ тупикъ, по образу пѣшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдѣлось, что я недаромъ облачился въ казацкій чепмень. Я понялъ значеніе французскаго выраженія: „le bapême de feu“ Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь; но все-же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку, или ногу, хотя—каюсь—и не желалъ-бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человекъ и выручилъ меня изъ бѣды. Адъютантъ Милорадовича, Д. Г. Бибиковъ, сжалился надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло дивизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убитая лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣсколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметевѣ.

Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его подалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налево, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ раны, генералъ изъявлялъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднѣе Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больно, и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднимъ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело-раненый Кн. Багратионъ. Шуринъ мой, кн. Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, напоилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ, или даже полуудачѣ не могла никому приходиться въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣсколько ослабѣла и остыла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артиллерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это стѣснилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали и нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторые дома были раззорены; выбиты и вынесены были окна и двери. Милора-

довичъ увидѣлъ солдата, выходящаго изъ одного дома съ разными пожитками. Онъ его остановилъ и далъ приказаніе его расстрѣлять. Но, кажется, это было болѣе для острастки, и казнь не была совершена. Мы расположились въ какомъ-то домѣ, оказавшемся нѣсколько болѣе удобнымъ. Генераль проткнувалъ мнѣ приказы по отдѣленію войскъ, находившихся подъ его начальствомъ и остававшихся еще въ Подольскѣ. Тутъ же пригласилъ онъ меня съ нимъ отобѣдать, извиняясь, что худо меня накормить, когда могли-бы мы хорошо пообѣдать у Гр. Маркова, начальника Московскихъ Дружинъ, который звалъ его и перенесъ на поле сраженія свое московское хлѣбосоольство и гостеприимство. Милорадовичъ былъ обыкновенно невзыскателенъ въ своихъ житейскихъ потребностяхъ. Да къ тому-же, щедрый и расточительный на деньги, иногда оставался онъ безъ гроша въ карманѣ. Рассказывали, что, во время походовъ, бывало, воротится онъ въ свою палатку послѣ сраженія и говоритъ своему слугѣ: „Дай-ка мнѣ пообѣдать!“

— „Да у насъ ничего нѣтъ“, отвѣчаетъ тотъ.

„Ну, такъ дай чаю!“

—И чаю нѣтъ.

„Такъ трубку дай!“

—Табакъ весь вышелъ.

„Ну, такъ дай мнѣ бурку!“ скажетъ онъ, завернется въ нее и тутъ-же заснетъ богатырскимъ сномъ. Онъ былъ весьма пріятнаго и плѣнительнаго обхожденія, внимателенъ и привѣтливъ къ своимъ подчиненнымъ.

Многимъ уже извѣстно было на другой день, что я лишился двухъ лошадей, и меня поздравляли съ этимъ починомъ. Дѣло въ томъ, что Милорадовичъ самъ рассказывалъ объ этомъ въ Главной Квартирѣ Кутузова. Послѣ этого минутнаго знакомства, мы всегда съ нимъ оставались въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вотъ и вся моя Иліада! Разумѣется, могъ-бы я, не хуже другихъ, справляясь съ реляціями и описаніями войны,

войти въ болѣе подробный рассказъ о положеніи разныхъ отрядовъ войска и о движеніи ихъ на Бородинскомъ полѣ. Но я никогда и ни въ чемъ не любилъ шарлатанить. Да, кажется, еслибъ и захотѣлъ, не съумѣлъ бы. Во время сраженія я былъ, какъ въ темномъ, или, пожалуй, ослабленномъ лѣсу. По природной близорукости своей, худо видѣлъ я, что было предъ глазами моими. По отсутствію не только всѣхъ военныхъ способностей, но и простого навыка, ничего не могъ я понять изъ того, что дѣлалось. Рассказывали про какого-то воеводу, что, прикладъ ему служебныхъ бумагъ, онъ иногда спрашивалъ своего секретаря: „а это мы пишемъ, или къ намъ пишутъ?“ Такъ и я могъ-бы спрашивать въ сраженіи: „а это мы бьемъ, или насъ бьютъ?“ Благодаря генерала Богдановича, узналъ я изъ книги его, что генераль Бахметевъ потерялъ ногу (а, слѣдовательно, я лошадь свою) въ 2 часа пополудни, когда „Коленкуръ повелъ въ атаку дивизію Ватъе, между тѣмъ-какъ продолжалась усиленная канонада, что заставило нашу пѣхоту перестроиться въ карѣ подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ баттарей.“¹⁾

V.

Жуковский вынесъ изъ Бородинской битвы „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“. Какой-же будетъ мой итогъ за этотъ день? Самый прозаическій. На повѣрку выходитъ, что заплатился я одною кошкою и двумя лошадьми. Въ избѣ, которую уступилъ мнѣ Милорадовичъ, нашелъ я кошку. Я къ этому животному имѣю неодолимое отвращеніе. Предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, загналъ я ее въ печь и крѣпко-на-крѣпко закрылъ заслонку. Не знаю, что съ нею послѣ было: выскочила-ли она въ трубу, или тутъ скончалась. Нерѣдко послѣ совѣсть моя напоминала мнѣ это звѣрское малодушіе. Тогда еще не былъ я

¹⁾ „Исторія Отеч. войны 1812-го года“, соч. Генерала Богдановича. т. II. стр. 210.

членомъ Общества Покровительства Животныхъ, и объ этомъ покровительствѣ мало кто думалъ. Что касается до лошадей, то расскажу слѣдующее. Однажды пріѣхалъ ко мнѣ изъ внутренней губерніи сосѣдъ мой по деревнѣ. Я не зналъ, о чемъ вести съ нимъ разговоръ. Благо, была предъ тѣмъ холера въ этой сторонѣ, и я спросилъ его, не много-ли пострадала деревня его? „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ: „благодаря Бога, пожертвовалъ я только одной старухой.“ А мнѣ нельзя даже похвалиться и такимъ жертвованіемъ, потому что павшія подо мной лошади не мнѣ принадлежали. Стало-быть, въ эти достопамятные дни самоотверженія, частныхъ и общихъ жертвъ, я ни собою, ни крѣпостною собственностью моею не пожертвовалъ.

VI.

Въ дополненіе ко всему сказанному считаю не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ о Гр. Ростопчинѣ.

Въ исторической или гражданской жизни его есть одна темная страница: темная и по печальному событію, которымъ ознаменована; темная и по сбивчивымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о ходѣ и подробностяхъ сего событія. Каждому ясно, что мы говоримъ о смерти Верещагина.

Вотъ что сохранилось въ памяти моей изъ этого эпизода 1812 года, и что рассказывалось о немъ въ Москвѣ. Купеческій сынъ Верещагинъ знакомъ былъ съ сыномъ Московскаго Почтъ-Директора Ключарева. Вслѣдствіе этого знакомства имѣлъ онъ возможность читать запрещенные цензурою нумера иностранныхъ газетъ. Оно переводилъ изъ нихъ на русскій языкъ то, что касалось до Россіи и до намѣреній Наполеона. Можетъ-быть, иное и самъ сочинялъ въ этомъ смыслѣ; но положительнаго извѣстно то, что предосудительные, особенно по важности и смутности тогдашнихъ обстоятельствъ, листки были перехвачены полиціей. Гр. Ростопчинъ не могъ не обратить на это дѣло бдительнаго и строгаго вниманія. По легко-

мыслию-ли поступалъ Верещагинъ, по злему-ли умыслу—онъ все-же былъ виновенъ передъ закономъ. Гр. Ростопчинъ приказалъ задержать его и предалъ суду. Соучастіе въ этомъ сына Ключарева—также легкомысленное, или задуманное—было, во всякомъ случаѣ, не менѣе предосудительно, особенно-же—не должно терять это изъ виду—въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Подозрѣнія, павшія на Почтовое Вѣдомство, должны были быть разъяснены, ибо тайныя и неблагонамѣренныя дѣйствія его могли имѣть вредныя послѣдствія для безопасности государства. Москва не находилась дѣйствительно и законно въ осадномъ и на военномъ положеніи; но нравственно не была она въ мирныхъ условіяхъ обыкновеннаго порядка. Почтъ-Директоръ Ключаревъ, допустившій, помалой-мѣрѣ, недостаточно бдительною, нарушеніе закона, по которому запрещенные нумера газетъ должны оставаться тайными, былъ удаленъ отъ своего мѣста и отправленъ въ Воронежъ. Нѣкоторые полагали, что принадлежность его къ масонству была одна изъ причинъ неблаговоленія къ нему Ростопчина. Едва-ли можно согласиться съ этимъ предположеніемъ. Тутъ дѣло шло не о масонствѣ. Къ тому-же, другіе масоны не были потревожены. Для пылкаго и властолюбиваго Гр. Ростопчина достаточно было, что Ключаревъ, вѣдомо или невѣдомо, допустилъ злоупотребленіе въ своемъ вѣдомствѣ, и къ тому-же совершенное сыномъ его; а еще болѣе, что присланный для производства первоначальнаго слѣдствія, полицеймейстеръ Дурасовъ встрѣтилъ сопротивленіе въ Почтамтѣ и былъ допущенъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Почтъ-Директора. Въ то-же время выраженіе Ростопчина въ одной изъ его афишъ, что у него болѣвъ глазъ, а теперь смотритъ онъ въ *оба*, относилось, по общему отзыву, къ удаленію Ключарева. Въ книгѣ: „Чтенія въ Обществѣ Исторія и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за ок-

тябрь—декабрь 1866 г.“, напечатаны довольно обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія и описанія всего этого происшествія. Не имѣя предъ глазами подлинныхъ документовъ, на которые ссылается авторъ описанія, не могу ни убѣдиться въ достовѣрности всѣхъ свѣдѣній, ни оспаривать ихъ. Извѣстно, что производимыя слѣдствія содержатъ въ себѣ вообще нерѣдко много сбивчивыхъ и даже невѣрныхъ показаній. Въ одномъ изъ этихъ извѣстій авторъ, оспаривая сужденія Фаригагена и М. А. Дмитріева о смерти Верещагина, говоритъ, что *эта жертва принесена Гр. Ростопчинымъ единственно для личнаго спасенія, въ самой рѣшительной моментъ. отъ этой буйной, стоявшей лицомъ-къ-лицу черни и пр.* (стр. 253). Тутъ-же несчастный Верещагинъ названъ юнымъ мученикомъ и прибавлено, что *настаетъ пора, когда безпристрастный судъ истории, произнося свой приговоръ о личности и бывшихъ сильныхъ міра и братій малыхъ, воздастъ коемуждо по дѣломъ его.* (Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ. стр. 258.).

Начнемъ съ того, что мученикомъ обыкновенно называемъ мы человека, который претерпѣваетъ и погибаетъ за правое дѣло. Какова ни была-бы участь Верещагина, нельзя признать, что пострадалъ онъ за правое дѣло; и слѣдовательно, безпристрастному суду исторіи нечего входить здѣсь въ личности сильныхъ міра и братій малыхъ. Къ тому-же, не должно забывать, что юный мученикъ и одинъ изъ братій малыхъ, о коемъ идетъ рѣчь, былъ впоследствии законно признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ тому, чтобы „заключавъ въ кандалы, сослать его въ Нерчинскъ, вѣчно на каторжную работу“.

Нельзя такъ вольно и произвольно обращаться съ исторіей и вносить свои догадки въ число положительныхъ указаній или истинъ. Самая смерть Верещагина могла пасть скорбнымъ и тягостнымъ воспоминаніемъ на Ростопчи-

на. Не нужно еще отъ себя прибавлять къ тому малодушное, позорное и даже преступное побужденіе. Многіе въ то время и—откровенно сознаюсь—въ числѣ непоследнихъ и я, осуждали сей поступокъ Ростопчина. Но никому изъ насъ не приходило въ мысль отнести сей поступокъ къ его трусости, или чувству самохраненія. Мы всѣ знали, что Московскій Главнокомандующій могъ 20 разъ въ день выѣхать изъ города, не подвергая себя нареканію или насильственнымъ нападеніямъ черни, которая впрочемъ, никогда и не помыслила-бы напасть на него. Ростопчинъ въ афшахъ своихъ увѣрялъ народъ, что *злодѣй въ Москву не будетъ*: но онъ тутъ только подтверждалъ завѣренія самого Кутузова. Во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой не обманывали народъ умышленно, а развѣ обманывали они сами себя.

Позднѣе мнѣ самому случалось нерѣдко слышать отъ очевидцевъ, или причислявшихся къ очевидцамъ, подробные рассказы о смерти Верещагина. Но разнорѣчивые и, нерѣдко, противорѣчивые рассказы о томъ не оставили во мнѣ убѣжденія о достовѣрности подробностей всего происшествія. Очныя ставки и свидѣтельства, дѣланныя подъ присягою, въ законныхъ слѣдствіяхъ, доказываютъ намъ, различіемъ указаній, что и сами очевидцы нерѣдко смотрятъ совершенно различно на одно и то-же дѣло.

По моимъ личнымъ воспоминаніямъ и внутреннему убѣжденію, прихожу къ слѣдующему заключенію: Гр. Ростопчинъ виновенъ тѣмъ, что онъ превысилъ и во зло употребилъ власть свою и поступилъ внѣ закона, предавъ Верещагина расправѣ черни, а не окончательному приговору законнаго суда. Законность такое святое дѣло, что ни въ какомъ случаѣ нарушать ее не слѣдуетъ. Законъ долженъ быть охраной частной личности и общества—равно въ мирное, какъ и въ смутное время. Чрезвычайныя обстоятельства могутъ вынудить потребность временныхъ и чрезвычай-

ныхъ законовъ, провозглашаемыхъ государственною властью. Въ настоящемъ случаѣ этого не было. Но въ поступкѣ Ростопчина ничего не было преднамѣреннаго, обдуманнаго и—тѣмъ болѣе— не было удовлетворенія личныхъ выгодъ. Нисколько не сравнивая одного поступка съ другимъ, скажу, что Ростопчинъ въ минуту великой скорби, великаго раздраженія, предалъ Верещагина на жертву народу, какъ послѣ предалъ онъ огню свой домъ въ селѣ Вороновѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не приносилъ никакой пользы общественному дѣлу. Существеннаго вреда неприятелю онъ также этимъ не наносилъ. Но въ нравственномъ, или политическомъ отношеніи могло побудить его желаніе тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ озадачить и напугать неприятеля. Въ этомъ соображеніи можно согласиться съ Фарнгагеномъ, что Гр. Ростопчинъ принесъ Верещагина въ жертву для *усиленія и роднаго негодованія*. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ давалъ Наполеону и французамъ какъ-будто предчувствіе того ожесточенія, съ которымъ будутъ

встрѣчены они въ *гостепріимной* Москвѣ. Когда одно подозрѣніе въ измѣнѣ законному Государю и Отечеству и въ сочувствіи къ неприятелю могли побудить народъ на такое дѣло, то неприятель могъ ясно постигнуть народное чувство и дальнѣйшія послѣдствія его. Такое предположеніе подкрѣпляется и тѣмъ, что Ростопчинъ избавилъ отъ казни француза Monton, который могъ ожидать той-же участи. Если предполагать, что Ростопчинъ приготовилъ эту трагическую сцену *ради лично спасенія своего*, то, разумѣется, для выигранія времени и большаго развлеченія народа, онъ долженъ былъ бы и другую жертву предать черни. Но вмѣсто того онъ отпустилъ его, говоря ему: „Поди, расскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ“.

Въ этихъ словахъ едва-ли нѣ заключается разгадка и объясненіе поступка Ростопчина.

Князь Вяземскій.

Царское Село
Сентябрь 1868 г.

Стихотворенія КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

Вышла вторая книга

ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., съ Русскимъ Архивомъ 1869 г. съ пер. и доставкою 10 р.)

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М. 1865. 8°. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 рубля.

Воспоминанія графа *Соллогуба*. М. 1866. мал. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.

Записки *г. Бассевича* о Россіи при Петрѣ Великомъ. М. 1866. бол. 8°. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой. № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая стоитъ 2 р. 50. к. съ пер. 3 р.; вторая — 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Желающіе получить Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Баунова, по подписки изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) — 4 р., 1865, 1866 (съ портретомъ имп. Екатерины II въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) — по 5 р.; 1868 г. — 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *все шесть летъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ, высылаютъ съ пересылкою 29 р., а выписывающіе при томъ и *два книги Осмнадцатаго вѣка* — платятъ съ пересылкою за все восемь книгъ 34 руб.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, надписываютъ свои требованія въ Москву, П. П. Бартеневу или въ Берлинскій почтамтъ и высылаютъ на Русскія деньги за *Р. Архивъ* 1869 года: въ Германію 8 р., во Францію и Бельгію 8 р. 50, въ Англію 9 р. въ Швейцарію и Италію 10 р. и въ томъ же размѣрѣ платятъ за доставку «Осмнадцатаго Вѣка».

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартенева.**

ГОДЪ

СЕДЬМЫЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

2.

ПРИ

1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Записки *Екатерины II* къ *Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой*.
2. Письмо *Екатерины II* къ митрополиту *Димитрію Свѣчену* съ примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. 1763—1766.
3. Письма *Екатерины II* къ гр. *Н. П. Румянцову* о невѣстѣ для великаго князя *Александра Павловича*. 1792.
4. Для біографіи гр. *Ланжерона*. Замятка *Екатерины II*.
5. Письмо *Екатерины II* къ гр. *В. П. Мусяну-Пушкину*.
6. Письмо *Екатерины II* къ *С. А. Колычеву*. 1796.
7. Два письма *Суворова* къ *С. А. Колычеву*. 1799.
8. Письмо (кн.) *А. А. Безбородко* къ *С. С. Зиновьеву* о нашихъ сношеніяхъ съ *Испанією*. 1785.
9. Письмо *М. П. Нарышкиной* къ *С. А. Колычеву*. 1788.
10. Два письма *Г. Н. Теллова*.
11. Дневникъ свитскаго оицера (*С. Г. Хомутова*). 1813 годъ.
12. Историческая замѣтка о запискѣ *Карамзина*: „Мнѣніе Русскаго гражданина“.
13. Воспоминаніе о *С.-Петербургскомъ университетѣ* (до поводу 50 лѣтняго юбилея) *Ө. Н. Fortunatova*, бывшаго директора *Олонцкой гимназіи*.
14. Письма *М. И. Глипки* къ *К. А. Булгакову*, съ нотами и съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова* и князя *В. Ө. Одоевскаго*.
15. Неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*.
16. Изъ *Крымскихъ воспоминаній* послѣдней войны * * *.
17. Книжныя заграничныя вѣсти.
18. Приобрѣтенія *Чертковской* оиблютеки.

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Волькова.

1869.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дука де-Лерія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.
- II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скарвронской.
- III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
 - а) Собственноручная записка Императрицы.
 - б) Указъ Кабинету.
 - в) Упражнения въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.
 - г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ
 - д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *И. П. Петрова*.
 - е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.
- IV. Густавъ Биренъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.
- V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.
- VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маціевича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича*.
- VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.
- VIII. Масонскія бумаги:
 - а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
 - б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковину.
 - в) Письма *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*.
 - г) Изъ донесенія князя *Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).
- IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.
- X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.
- XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II:
 - а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
 - б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено княземъ *М. А. Оболенскимъ*).
- XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 р. 50 к., съ пер. 4 р. вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ЗАПИСКИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ АННѢ НИКИТИШНѢ НАРЫШКИНОЙ.

(Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у Николая Андреяновича Дивова).

1.

„Желаю вамъ здравствовать. Будешь ли на куртагѣ? Прошу послѣ куртага ко мнѣ побывать отужинать и съ Александромъ Александровичемъ (1). А раздѣваться вамъ должно у меня, въ короткой юбкѣ и въ мантильи. Я сама не иначе одѣнусь. Тысячу лѣтъ тебя не видала, и ты мнѣ сегодня очень надобна.“

Писано на лоскуткѣ бумаги карандашомъ. Эта записка, какъ и другія, относится, можетъ быть, еще къ тому времени, когда Екатерина была великою княгинею.

2.

„Матушка Анна Никитишна. Сердечно сожалью, что вы не очень здоровы и что я васъ давно не видала. Пожалуй, матушка, прикажи своей Катеринушкѣ сдѣлать корнеты (2), сколько выйдетъ изъ приложенныхъ кружевъ, да еще изъ блонды одинъ; и какъ возможно, чтобъ оный кудрявѣ былъ. Прощай, голубушка. Ужась какъ скучно, что давно тебя не видала“.

Писано карандашомъ.

3.

„Mes belles amies. Voici mon billet pour sans pareil que je vous recommande à toutes les deux. L'une pour le faire passer à l'autre, et celle-ci pour le faire aller plus loin. Adieu, mes chères amies, portez vous bien et aimez

(1) Мужемъ Анны Никитишны.

(2) Коробочки для конфетъ, въ видѣ рожковъ.

moi autant que je vous aime. Adieu, princesse, adieu, comtesse. Je vous embrasse de tout mon coeur“. *На оборотѣ:* „Государынь моей Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной“.

4.

„Душа моя Анна Никитишна. Скажи Александру Александровичу, чтобъ онъ пожаловалъ сходилъ отъ меня къ Ивану Ивановичу Шувалову и сказалъ бы ему отъ меня, что я приказала ему напоминать его прошлогодское (sic) обѣщаніе о графѣ Брюсѣ, чтобъ его къ намъ въ камеръ-юнкеры. Я просила тогда, и Иванъ Ивановичъ обѣщалъ при случаѣ сдѣлать, а нынѣ случай очень хорошій. Et qu'il lui dise qu'il m'obligera par-là. Adieu, la belle aux yeux bleux! Que votre mari aille là-bas et qu'il vienne me porter la reponse. Je vous embrasse.“

5.

„Comme je sais que vous êtes une d'ames très charitables, que vous fréquentez aux dépens de votre santé les morts et les malades, j'espère que vous étendrez vos bonnes oeuvres jusqu'à moi. Je suis tombée malade et prête à recevoir l'extrême onction; ne serait ce que pour vous voir, je me la ferais donner. Daignez donc m'honorer de votre visite, si des saignées, des purgations, des lavemens et sudorifiques ne vous retiennent à la maison. En fin, je vous veux à corps et à cris, et malgré les brouillards et le mauvais temps, venez, ne serait ce que pour faire rire Gyon
РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 7.

qui est témoin de ce testament que je vous adresse ⁽³⁾. *Et n'oubliez pas de m'apporter de quoi rire, car une personne qui se purge est toujours mélancolique.*

Писано карандашемъ на длинной бумагѣ.

6.

Анна Никитишна. Желая оказать вамъ опытъ моего особливаго къ вамъ благоволенія, посылаю при семь знаки ордена святаго Екатерины, которые вы на себя возложите и будьте увѣрены, что я навсегда пребуду вамъ доброжелательная „Екатерина“.

Въ Киевѣ. 20 Марта 1787 года.

Только подпись собственноручная; остальное писано гр. А. А. Безбородкою.

Объ услугахъ, которыя А. Н. Нарышкина оказала Екатеринѣ въ 1789 году, см. Записки Храповицкаго подъ 18, 19, 21, 23 числами Юня и 2 Юля сего года. Изъ Кіева Государыня послала ей парчи (т. же, стр. 23), а 19 Мая 1788 г. Храповицкій записалъ: „Выведенъ совѣтъ, чтобъ очистить комнаты Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (въ Царскомъ Селѣ), но такъ расположено, чтобъ не было комнатъ для княгини Дашковой. „Съ одною хочю проводить время, а съ другою нѣтъ, онѣ же и въ ссорѣ за клочъ земли“. 24 Юня 1791 Екатерина заѣзжала къ ней на дачу ея по Петергофской дорогѣ. — А. Н. Нарышкина дѣтей не имѣла и, овдовѣвъ, жила съ двоюроднымъ племянникомъ своимъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ на Англійской набережной, въ домѣ бывшемъ Румянцевскаго Музея; здѣсь она и скончалась въ глубокой старости, въ Февралѣ 1820 г. Она была дочь, если не ошибаемся, Никиты Ивановича Румянцева.

Четыре письма императрицы Екатерины II-й къ Дмитрію (Сѣченову), митрополиту Новгородскому. (1763—1766 г.)

Екатерина II глубоко цѣнила дѣятельность окружавшихъ ее лицъ, которыя были достойными сподвижниками ея славы, и къ числу которыхъ безъ сомнѣнія принадлежитъ Дмитрій, митрополитъ Новгородскій, скончавшійся въ Москвѣ въ 1767 г. 14 Декабря ⁽¹⁾. Когда стало извѣстно Государынѣ о кончинѣ архипастыря, то она поручила тайному совѣтнику Теплову ⁽²⁾, чтобы онъ объявилъ преосвя-

⁽¹⁾ Считаемо уместнымъ сказать здѣсь о кончинѣ и погребеніи святаго. Иеромонахъ Василій, находившійся при митрополитѣ въ Москвѣ, въ 1767 году, 15 Декабря, доносилъ Св. Синоду о смерти святаго такъ: „Минушаго Ноября съ 22 числа сего 1767 года означенный синодальный членъ, преосвященный Дмитрій, митрополитъ Новгородскій заболѣлъ, а сего Декабря 14 дня пополуни, въ третьемъ часу въ половинѣ, волею Божіею умре“. О погребеніи почившаго архипастыря мы находимъ слѣдующее извѣстіе изъ доношенія Св. Синоду, отъ 3 Генвара 1768 г., архимандритовъ: Юрьевскаго Іоанникія и Хутынскаго-Лаврентія, Духовскаго-Игумена Германа и Соевійскаго протоіерея Дометія: „Викарій (Новгородскій) преосвященный Антоній, епископъ Олонецкій, въ Новгородѣ прибылъ и тѣло преосвященнаго Дмитрія, митрополита Новгородскаго (которое въ Новгородѣ привезено 28 числа въ вечерѣ), его преосвященствомъ съ находящимися въ Новгородѣ и въ близости онаго, также и нѣкоторыми пріѣхавшими при означенномъ преосвященномъ епископѣ Антоніѣ Олонецкой епархіи архимандритами, игуменами и прочими градскими священнослужителями сего Генвара 2 числа въ Новгородскомъ соборѣ, подлѣ прочихъ онаго преосвященнаго митрополита антедессоровъ, по примѣру покойныхъ Новгородскихъ архіепископовъ Θεодана и Амвросія, по надлежащему церковноположенію погребено“.

⁽²⁾ Григорій Николаевичъ Тепловъ, членъ Комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, одинъ изъ секретарей Екатерины II. Онъ находился въ короткихъ связяхъ съ Орловыми и былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ вступленію на престолъ Екатерины. Умеръ въ 1780 году.

⁽³⁾ Гюнъ—известный при Елизаветѣ врачъ.

щенному Иннокентію, епископу Псковскому, присутствовавшему тогда въ Синодѣ, ея желаніе относительно похоронъ почившаго архипастыря и оставшагося послѣ него имущества. Изъ предложенія его Св. Синоду отъ 17-го Декабря 1767 года мы узнаемъ о желаніяхъ Императрицы слѣдующее :

„1) чтобы тѣло покойнаго синодальнаго члена, преосвященнаго Димитрія, митрополита Новгородскаго, со всякою великолѣпною погребальною церковною церемоніею, до пристойнаго здѣсь, по разсужденію Святѣйшаго Синода, мѣста отправлено было“.

„2) Потомъ оное покойнаго тѣло, для совершеннаго и надлежащаго погребенія, отправить въ Новгородъ, при одной изъ духовныхъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода, персонъ: при чемъ и всѣмъ тѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, кои при ономъ покойномъ преосвященномъ Димитрѣ здѣсь находились, тудажъ слѣдовать“.

„3) Какъ на здѣшніе всѣ принадлежащіе къ той церемоніи расходы, такъ и на отправку показанной свиты изъ Москвы деньги держать изъ наличныхъ оставшихся послѣ того покойнаго денегъ и изъ надлежащаго ему по штату Святѣйшаго Синода заслуженнаго жалованья“.

„4) И о всемъ ономъ распоряженіе учинить Ея Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволила мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ и о долгахъ, если какіе на ономъ преосвященномъ покойномъ оказаться могутъ, мнѣ жъ разсмотрѣвъ, донести Ея Императорскому Величеству обстоятельно (3)“.

(3) Въ Январѣ 1768 года, въ Москвѣ, преосвященный Иннокентій представилъ Государынь: „Резеръ, кому и сколько долженъ остался покойный преосвященный Димитрій, Митрополитъ Новгородскій:

«1. Въ канцелярію Святѣйшаго Синода, взятыми подъ росписку тысяча рублей — 1000 р.»
Противъ этого долга Екатерина собственноручно написала слѣдующее „*списъ синодальныхъ денегъ не взыскивать*“.
Екатерина.

Исполняя это Высочайшее повелѣніе, преосвященный Иннокентій (4), при разборѣ бумагъ покойнаго архипастыря, между прочимъ нашелъ и четыре собственноручныхъ письма Императрицы, по докладѣ о которыхъ Екатеринѣ, она повелѣла „отослать въ Новгородскую духовную Консисторію для храненія, въ незабвенную память къ нему, преосвященному“.

II колий Григоровичъ.

I.

„Преосвященной Димитрій! Между поселянами нынѣ сюда въ Россію прѣзжающими явились депутаты Гернгутскіе (5), которые просили меня,

„2) Архимандриту Ростовскому Іаковлевскаго монастыря Павлу, съ даннымъ отъ его преосвященства своеручнымъ письмомъ, пять сотъ рублей—500 р.“

„3) Московскому купцу Щелягину за взятой подъ шубу полупесцовой вѣхъ и за китайку на покрышку оной, шубы, о чемъ засвидѣтельствовали келейные, двадцать пять рублей — 25 р.“

„4) Келейныхъ регистратора Поликарпа и Павла, держанныхъ въ болѣзни и прежде болѣзни преосвященнаго на домашніе его преосвященства расходы и на лекарства, о чемъ засвидѣтельствовали домовою конторы служители, двѣсти пятьдесятъ два рубля—252 р.“ Всего 1777 рублей.

На уплату онаго долга состоятъ въ наличности собственной его преосвященства суммы 778 рублей; недостаетъ 999 рублей.

Иннокентій, епископъ Псковскій“.

(4) Въ 1763 году Иннокентій переведенъ съ Тверской каѣдры на Псковскую; скончался въ С.-Петербургѣ въ 1799 году, 24 Января, и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Надъ гробницею его вырваны стихи Державина:

„Витія о тебѣ не возгласитъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ“.

(5) Гернгутеры—одна изъ сектъ реформатской церкви, два депутата которой Павелъ Лайрицъ и Иванъ Лорецъ прѣехали въ Россію просить, до времени, поселиться въ ней.

„Сего Декабря 3 дни, пишетъ митрополитъ Димитрій въ предложеніи Св. Синоду, 22 Декабря 1763 г., Всепресвѣтлѣйшала, Самодержавнѣйшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская именнымъ своимъ, объявленнымъ мнѣ чрезъ ге-

чтобъ имъ позволено было Сѣноду или архіерею, кого я означу, предложить догматы ихъ вѣры, которые лишь (какъ они сказываютъ) разнствуютъ отъ лютеранскихъ одними обрядами; а сіи по-

нераль-адъютанта и кавалера, графа господина Орлова, указомъ повелѣтъ соизволила съ вышедшими сюда изъ за границы иноземцами, Герингутами именуемыми, имѣть разговоры, дабы узнать состояніе ихъ вѣры и обрядовъ и донести Ея Императорскому Величеству, по которому Высочайшему указу я со оными Герингутами, изъ коихъ двое: одинъ архидіаконъ, а другой ассесоромъ называющійся, ко мнѣ и присланы были, разговоры троекратно имѣлъ, и письменныя о состояніи секты ихъ на латинскомъ языкѣ извѣстія, отъ нихъ мнѣ объявленныя, разсматривалъ, и изъ того примѣчено мною, что ученіе ихъ сходствуетъ съ лютеранскимъ, а паче реформатскимъ ученіемъ, съ малою токмо нѣкоторою отлѣною. А что касается до обрядовъ и честнаго христіанскаго обхожденія, то уподобляютъ они себя первенствующимъ христіанамъ и называются обще Братствомъ Евангелическимъ. О чемъ я персонально и Ея Императорскому Величеству донести счастье имѣлъ; а сегожь Декабря 18 дня, чрезъ означеннаго графа, господина Орлова, объявлено мнѣ паки именное Ея Императорскаго Величества Высочайшее повелѣніе, чтобъ о ономъ о всемъ предложить мнѣ письменно къ общему разсужденію Святѣйшему Правительствующему Сѣноду, что можно допустить ихъ къ населенію и жительству въ Россіи, о чемъ бы по тому жъ представить Ея Императорскому Величеству отъ Святѣйшаго Сѣнода докладомъ⁶.

Въ тотъ же день Св. Сѣнодъ приготовилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ повторилъ почти то же, что предложилъ Св. Сѣноду преосвященный Димитрій; что же касается до поселенія ихъ въ Россіи, доносилъ: „На поселеніе къ жительству въ Россіи позволить можно, такъ какъ и прочіе лютеранской и реформатской и прочихъ религій люди свободнымъ здѣсь жительствомъ безпрепятственно пользуются, то чію притомъ крѣпкое учинить имъ должно подтвержденіе, чтобы они во всю въ Россіи бытность никого изъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству ни подъ какимъ видомъ, въ силу указовъ, своей секты учинить и во оную совращать отнюдь не могли“⁷.

Результатъ этого дѣла былъ самый благотворный, какъ для Герингутеровъ, такъ и для другихъ чужестранныхъ народовъ, которымъ разрѣшено „приходить въ подданство и селиться на земляхъ въ Имперіи Ея Императорскаго Величества.“⁸ Сл. Р. Архивъ 1868, стр. 1391 о томъ, какъ поступлено съ Герингутерами при Елизаветѣ Петровнѣ.

слѣдніи говорятъ, что они нигдѣ терпимы быть не должны; того ради извольте, ваше преосвященство, выслушать ихъ и потомъ дать мнѣ знать ваше мнѣніе. Одинъ изъ сихъ депутатовъ умѣетъ по-латыни и по-гречески и кажется весьма ученъ. Впрочемъ въ ожиданіи Вашего отвѣта, препоручая себя молитвамъ Вашимъ, есмь къ Вамъ съ отличнымъ благоволеніемъ добросклонная

Екатерина.

Дек. 3-го ч. 1763 г.

II.

Преосвященный Димитрій! Вручителя сего, князя Вяземскаго⁽⁶⁾, посылаю къ вамъ для объясненія нѣкотораго сумнительства, касающагося до раскольниковъ; прошу прислать чрезъ него ко мнѣ отвѣтъ⁽⁷⁾. *Екатерина.*

III.

Преосвященный Владыко! Купца Тарусскаго Андрея Квасникова⁽⁸⁾, который по безумію своему пророчествуетъ, извольте затворить въ монастырь епархіи Вашей Іверской и тамъ содержать его не токмо necessarily, но и приказать, чтобъ никого къ нему, а особливо изъ простыхъ людей, не допускать; пера, бумаги и чернилъ не давать и ничѣмъ ему писать не позволять, дабы онъ сумозбродными своими разговорами и письменными сказками не могъ никого приводить въ соблазнъ.

Чего ради и нынѣ при немъ найденныя бумажки и сумозбродныя рукописныя книги огню предайте келейно. Для лучшей же осторожности приставте къ нему двухъ гарнизон-

⁽⁶⁾ Князь Александръ Андреевичъ Вяземскій, Генераль-Прокуроръ, Дѣйствительный Тайный Советникъ, — умеръ въ 1793 году.

⁽⁷⁾ Числа, мѣсяца и мѣста, откуда писано письмо, не означено.

⁽⁸⁾ О личности Андрея Квасникова мы сообщить никакихъ свѣдѣній не можемъ.

ныхъ солдатъ безсмѣнно, и какъ ему Квасникову производить пищу и содержаніе братское изъ Коллегіи Экономіи, такъ и солдатамъ, къ нему опредѣленнымъ, обыкновенную дачу гарнизонную отъ того мѣста, откуда они до сего получали. О чемъ Вы сами извольте снестися какъ съ Коллегіею Экономіи, такъ и съ Губернаторомъ Новгородскимъ ⁽⁹⁾. *Екатерина*.

Марта 13 дня 1763 года.

IV.

Пресвященный Владыко! Неприличные въ гражданскомъ житіи поступки и непослушаніе Графа Андрея Бестужева ⁽¹⁰⁾ принудили отца его просить меня о посланіи его на усми-

⁽⁹⁾ На оборотъ письма адресъ: Митрополиту Димитрію Новгородскому.

⁽¹⁰⁾ Графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ, сынъ знаменитаго Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева. — Какіе именно „поступки и непослушаніе“ были причиною, что отецъ просилъ Императрицу „на усмиреніе“ посадить сына въ монастырь, намъ неизвѣстно. Что же касается до времени, проведеннаго графомъ Андреемъ Алексѣвичемъ въ монастырь, оно было весьма не продолжительно: онъ освобожденъ былъ Высочайшимъ указомъ 1766 года 27 Мая.

Въ свѣдѣніи Прав. Сената Св. Синоду читается: „Имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Сенату Мая отъ 27 дня сего года за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, между прочимъ, высочайше повелѣно: находящагося подъ началомъ въ Свирскомъ Александровскомъ монастырѣ графа Андрея Бестужева-Рюмина изъ монастыря освободить, а отъ генералъ-аншефа, сенатора и кавалера князя Михаила Шикитича Волконскаго Сенатъ увѣдомленъ, что о содержаніи онаго, графа Бестужева-Рюмина свѣдѣніе имѣетъ Св. Прав. Синода членъ, пресвященный митрополитъ Новгородскій Димитрій, а для призора при немъ, графъ, въ томъ монастырѣ находится майоръ съ командою; и во исполненіе того имяннаго Ея Императорскаго Величества указа Прав. Сенатъ приказали: о свободѣ означеннаго графа Андрея Бестужева-Рюмина изъ монастыря въ Св. Прав. Синодъ сообщить свѣдѣніе, а къ находящемуся при немъ, графъ, въ ономъ монастырѣ майору съ нарочныхъ курьеромъ послать указъ, предписавъ въ немъ, чтобъ оной майоръ съ нимъ графомъ Бестужевымъ-

реніе въ Свирскій монастырь ⁽¹¹⁾: чего ради Ваше преосвященство извольте отъ себя дать повелѣніе къ архимандриту того монастыря, чтобъ онаго Бестужева туда принявъ, содержали по предписанію отцовскому подъ началомъ до тѣхъ поръ, доколѣ новаго повелѣнія о свободѣ его не послѣдуетъ. Вамъ доброжелательная *Екатерина*.

Въ 31 день Января 1766 года.

Въ С.-Петербургѣ.

Дмитрій Съченовъ имѣлъ цѣну въ глазахъ Государыни, какъ усердный пособникъ правительства при отобраніи церковныхъ имѣній. П. Б.

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II-й къ графу Н. П. Румянцову.

Monsieur le comte Roumenzoff. J'ai recue par le dernier courrier que vous nous avez expédié de Coblenze votre lettre du ¹/₁₁ Mai concernant vos excursions à Carlsrouhe. J'y ai vue avec contentement que d'après mes derniers ordres vous avez fait les démarches que vous avez jugé convenable pour mettre en train l'affaire que me tient à cœur; que ces ordres vous sont venu à tems, et que vous avez eu celui de prévenir toute autre vue d'arrangement qui aurait pu contrecarrer mes intentions. Les details dans lesquels vous entrez au sujet des deux princesses, Louise et Frederique de Bade, sont infiniment intéressants et ne laissent rien à souhaiter. Vous n'avez rien dit de trop à la Princesse

Рюминимъ изъ того монастыря вѣхалъ въ С.-Петербургъ и представилъ его въ Сенатъ“.

⁽¹¹⁾ Свирскій, или Троицко-Александро-Свирскій монастырь, находится въ уѣзд. г. Лодейное Поле, въ 35 в. отъ Олонца.—нынѣ общежительный 2-го класса. Основанъ, какъ говоритъ преданіе, въ XV вѣкѣ препод. Александромъ Свирскимъ (См. Полн. Собр. Истор. Свѣдѣн. о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчат. церквахъ въ Россіи. Сост. А. Ратшинимъ. Москва 1852 г. стр. 417).

Héréditaire de Bade de ma part. J'ai toujours eue pour elle une affection particulière, et je sais que la sienne pour la Russie et pour moi ne s'est jamais démentie. Je suis enchantée de l'empressement qu'elle a montré à faciliter vos ouvertures et à aplanir les difficultés sur le changement de religion. J'attends avec impatience les portraits de deux princesses que vous promettez de m'envoyer. L'embaras qui s'est présenté au sujet de voyage de la Princesse Héréditaire qui ne saurait quitter son epoux pour m'amener ses filles, comme vous l'avez prévu, n'en est pas un essentiel à la chose même et au quel l'on ne puisse remédier. Il me prive à la vérité du plaisir de revoir encore une fois Madame la Princesse Héréditaire que j'aime et estime; mais j'entre parfaitement dans sa situation et ne puis qu'approuver ses raisons. D'ailleurs, la confiance qu'elle me témoigne en me donnant ses deux filles me dédommage en quelque façon de cette privation. Aussi j'ai crue qu'il convenait d'y repondre avec célérité, et quoique assurément l'age des princesses pourroit faire remettre encore d'une couple d'année leur venue en Russie, j'ai pensée qu'en y venant dès ces heures, que ce même age rendrait l'une ou l'autre d'autant plus propre à s'accoutumer au pays dans le quel elle était prédestinée à passer le reste de ses jours et que l'autre ne manquerait pas pour cela d'un établissement convenable à sa naissance. En consequence de cette reflexion j'ai prise la résolution de vous prescrire de demander, le plutot que faire ce pourra, à Madame la Princesse Héréditaire de Bade ses deux filles les princesses Louise et Frederique. Vous lui direz que je me charge volontiers d'achever leur éducation et de les établir toutes les deux. L'inclination de mon petit fils Alexandre guidera son choix; celle qui restera, je chercherai à l'établir dans son tems.

Pour racourcir les formes, la comtesse douairière Schouvaloff partira ces jours-ci, sous pretexte d'aller prendre les eaux d'Aix-la-Chapelle, accompagnée de l'ancien ami de la maison, le conseiller privé Strekaloff. Si la Princesse Héréditaire, comme elle l'a proposée elle même, son mari et son beau père consentent de me remettre les jeunes princesses, vous conviendrez avec la susdite comtesse et le conseiller privé Strekaloff du lieu où il sera de leur convenance et de celle de Princesse Héréditaire de recevoir les jeunes princesses. La comtesse Schouvalow voyage sous son propre nom, et les princesses garderont l'incognito jusqu'aux frontières de Russie. Arrivées à Pétersbourg, les deux princesses demeureront dans mon palais, dont l'une j'espère ne sortira jamais et l'autre pour être mariée convenablement. Je n'ai que faire de vous dire qu'elles y seront fournies et entretenues à mes depens: cela va sans dire et est hors de doute pour vous. Vous ferez bien de laisser passer le tems du couronnement de l'Empereur et la bagarre à cette occasion de Francfort avant que les Princesses se mettent en chemin, afin que l'incognito et le secret de voyage en soient mieux gardé. Par là on évitera quantité de choses incommodes de par le chemin, aux quelles la comtesse Schouvalof et sa famille ne seront point exposées si le secret est gardé. Adieu. Portez vous bien. Catherine.

à Czarsco Celo le 4 Juin 1792.

Переводъ. Господинъ графъ Румяновъ. Съ послѣднимъ курьеромъ я получила письмо ваше изъ Кобленца отъ 1 (12) Мая, касательно вашихъ поѣздокъ въ Карлсруэ. Съ удовольствіемъ усмотрѣла я, что, согласно съ послѣдними моими приказаніями, вы приняли мѣры, какія нашли нужными, для того, чтобы дать ходъ дѣлу, которое близко моему сердцу; что приказанія сіи дошли до васъ во-время, и что вы могли поэтому

устранить всякій иной способъ дѣйствія, который послужилъ бы помѣхою моимъ намѣреніямъ. Сообщаемыя вами подробности, относящіяся до двухъ Баденскихъ княженъ Луизы и Фредерики, необыкновенно какъ занимательны и вполне удовлетворительны. Вы не сказали лишняго наследственной княгини Баденской отъ моего имени. Я всегда особенно любила ее, и знаю, что она постоянно оказывала приверженность къ Россіи и ко мнѣ. Я восхищена ея готовностью помогать вамъ и уладить затрудненія относительно переменъ религіи. Жду съ нетерпѣніемъ общаемыхъ вами портретовъ обѣихъ княженъ. Вы предугадали, что найдено будетъ неловкимъ самой наследственной княгини покинуть супруга и везти ко мнѣ дочерей своихъ; но это затрудненіе не важно, и ему легко пособить. Правда, я лишаюсь удовольствія еще разъ увидать любимую и уважаемую мною наследственную княгиню; но положеніе ея для меня вполне понятно, и я раздѣляю ея доводы. Въ лишеніи моемъ я нѣкоторымъ образомъ вознаграждена тѣмъ довѣріемъ, которое она мнѣ оказываетъ, отдавая мнѣ двухъ своихъ дочерей. И такъ я нахожу приличнымъ не замедлять дѣла съ нашей стороны, и, хотя конечно, судя по возрасту княженъ, можно бы отложить ихъ прибытіе въ Россію еще на годъ или года на два; но мнѣ кажется, что если онѣ придутъ теперь же, то самый этотъ возрастъ скорѣе поможетъ имъ привыкнуть къ той странѣ, въ которой одной изъ нихъ суждено остаться навсегда. (Судьба сестры ея будетъ устроена, и не въ ущербъ ея происхожденію). На основаніи этихъ доводовъ, я рѣшилась предписать вамъ, чтобы вы просили у наследственной княгини Баденской дочерей ея, княженъ Луизу и Фредерику, елико возможно скорѣе. Скажите ей, что я охотно берусь довершить ихъ воспитаніе и устроить ихъ обѣихъ. Внукъ мой Александръ выберетъ ту, которая ему болѣе понравится; сестру ея, когда придетъ время, я устрою. Чтобы упростить дѣло,

на дняхъ отправится отсюда вдовствующая графиня Шувалова, подѣ предложомъ поѣздки на Ахенскія воды; ее сопровождаетъ старинный другъ дома, тайн. сов. Стрекаловъ. Если наследственная княгиня (согласно ея собственному предложенію), ея мужъ и свекоръ согласны будутъ отпустить ко мнѣ молодыхъ княженъ, то вы съ вышеупомянутою графинею и съ тайнымъ совѣтникомъ Стрекаловымъ уговоритесь, гдѣ будетъ приличнѣе принять молодыхъ княженъ. Графиня Шувалова путешествуетъ подѣ собственнымъ именемъ, а княжны сохраняютъ инкогнито до предѣловъ Россіи. По прибытіи въ Петербургъ, обѣ княжны поселятся въ моемъ дворцѣ, въ которомъ одна изъ нихъ, какъ надѣюсь, будетъ жить всегда, а другая выѣдетъ изъ этого дворца для приличнаго замужества. Остается прибавить, что все содержаніе ихъ будетъ на мой счетъ; это само собою разумѣется, и вы въ этомъ не сомнѣваетесь. Лучше подождать, когда кончится коронація императора, и Франкфуртъ поуспокоится. Это нужно для того, чтобы не произошло лишней огласки въ путешествіи княженъ. И дорога будетъ гораздо покойнѣе для графини Шуваловой и ея семейства, при соблюденіи тайны. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина. Царское Село 4 Юня 1792.

Наслѣд. Княгиня Баденская была сестра покойной Великой Княгини Натальи Алексѣевны. См. все это письмо съ Осмн. Вѣкомъ, кн. I, стр. 339—342. П. Б.

ДЛЯ БИОГРАФІИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

Собственноручная замѣтка Екатерины II.

„J'ai lue avec d'autant plus de plaisir la lettre que Monsieur de Langeron m'a écrit de Vienne que j'ai crue y reconnaître l'esprit et les maximes de cette illustre noblesse Francoise à la tete de laquelle les Roys et notamment Henri IV et Louis XIV se disoit invincible et l'étoit en effet, le premier

ayant reconquis son Royaume avec quatre cens Gentilhommes Français donnant l'exemple à quelques troupes Allemandes et Suisses, et le second ne résista-t-il pas à l'Europe entière liguée contre lui? La splendeur de ce regne due presque toute entière au courage, à la capacité, à l'habileté et aux autres belles, grandes et aimables qualités de la Noblesse qui l'entouroit et qu'il employoit, a duré jusqu'à nos jours dans l'opinion publique. Je souhaite et je désire que mes chevaliers de S-te George rendent au plutôt la paix et la tranquillité à leur patrie et à leur Roy ce qui lui appartient de droit pour la prospérité du Royaume et le bien de ses sujets. Je pense qu'il ne seroit ni difficile ni guère même risqué de renvoyer quelques certaines d'Abbés, de Procureurs et d'Avocats dans leurs galetas; l'opinion publique aisément, surtout chez un peuple léger, se rangeroit du côté de la valeur et de la justice, et comme la magnanimité accompagne toujours le grand ouvrage en diminueroit par elle le nombre des coupables, et on ne s'appliqueroit qu'à ramener l'ordre et la discipline en détruisant l'Anarchie, cause de tous les malheurs“.

Переводъ. Письмо господина Ланжерона, которое онъ написалъ ко мнѣ изъ Вѣны, я прочла съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности потому, что въ письмѣ этомъ, какъ мнѣ кажется, выражены духъ и правила того славнаго Французскаго дворянства, стоя во главѣ котораго, короли, а именно Генрихъ IV и Людовикъ XIV, почитали себя непобѣдимыми, и дѣйствительно были такими: ибо первый изъ нихъ, съ четырьмя стами Французскихъ дворянъ, увлекавшихъ примѣромъ своимъ немногія Нѣмецкія и Швейцарскія войска, успѣлъ возвратить себѣ свое королевство; а Людовикъ XIV противостоялъ цѣлой Европѣ, соединившейся противъ него. Блескъ сего царствованія сохранился въ общественномъ мнѣніи до нашихъ дней, а

этимъ блескомъ оно почти исключительно одолжено мужеству, талантности, пригодности и другимъ прекраснымъ, великимъ и любезнымъ качествамъ дворянъ, коими окружалъ себя и черезъ которыхъ дѣйствовалъ Людовикъ XIV. Мое намѣреніе и воля, чтобы мои кавалеры св. Георгія (*) доставили скорѣе своему отечеству миръ и спокойствіе, а королю своему то, что ему принадлежитъ по праву, для процвѣтанія королевства и во благо подданныхъ. По моему мнѣнію, можно бы безъ труда и даже безъ всякой опасливости спровадить домой на чердакъ—нѣсколько сотенъ аббатовъ, прокуроровъ и адвокатовъ. Общественное мнѣніе, и особливо въ народѣ удобоподвижномъ, легко преклоняется на сторону внутренней силы и правды. Къ тому же съ великимъ дѣломъ неразлучно великодушіе, въ силу котораго виновныхъ окажется не очень много. Забота должна быть одна—возстановить порядокъ и повиновеніе, подавивъ анархію, причину всѣхъ несчастій.

(Сообщено В. И. Ламанскимъ).

Письмо Екатерины II къ фельдмаршалу графу В. П. Мусину-Пушкину.

(Собственноручное).

„Графъ Валентинъ Платоничъ. Естьли судить по морскому дѣлу о сухопутномъ, то великое вѣроятіе есть, что вы имѣете дѣло съ весьма вѣтренными людьми. Вицъ-адмиралъ Шведской рѣдкой вертопрахъ, я его послала на житье къ Москвы (sic). Въ сей древней столицѣ, услыша, что здѣшной городъ добровольно подпискою собралъ до 700 рекрутъ, начали подписку и тамъ: графъ Шереметьевъ подписалъ одинъ 500, графъ Панинъ со сто душъ по одному; графы Орловы съ 25 душъ по одному, болѣе того

(*) Т. е. Французскіе эмигранты.

еще неизвѣстно; только по тому судить, много соберутъ изъ одинаго усердія къ общему дѣлу. Татищевъ довелъ три баталіоны гвардіи и три аскадроны до Краснаго Села. Теперь отъ васъ зависитъ ихъ обратитъ, куда полѣзны быть могутъ. Я писала къ Вел. Кн., чтобы онъ Татищеву послалъ на встрѣчу кавалерію Святыя Анны. Отовсюду приходятъ извѣстіи, что поступки Короля Шведскаго не только порочать, но признавають ихъ за сумашедшими (sic). Старайтесь узнать отъ Шведскихъ плѣнныхъ, гдѣ Король, и не знаютъ ли убить, раненъ, или здоровъ ли герцогъ Сюдерманландской; подозрѣвають, что едва не струхнулъ ли; его корабль первой Шведскую линію баталію (sic) разорвалъ.

Прощайте, Богъ съ вами; желаю всякое благополучіе и пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

С. П. іюля 16, 1788 г.

(Сообщено А. А. Васильчиковымъ).

Письмо Екатерины II къ С. А. Колычову.

(Собственноручное).

„Степанъ Алексѣевичъ. При семъ прилагаю полученное письмо; изъ онаго усмотрите чего требуетъ отъ меня какой-то Берлинской живописецъ именемъ Гралья. Но какъ я не получила миниатюрный портретъ королевы Англійской и не знаю, какому Герману онъ оный ввѣрилъ, то прошу съ нимъ о семъ изъясниться и ко мнѣ отписать. У насъ въ службѣ есть генералъ-поручикъ Германъ, тотъ въ Литвѣ, а иного не знаю. Пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Марта 3 числа. 1796 года».

(Сообщено, какъ и два письма Суворову, барономъ М. Л. Боду).

Два письма Суворова къ С. А. Колычову.

1.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! Графъ Блаказъ С. Аулиза явился у меня съ почтеннѣйшимъ вашего превосходительства письмомъ, и желаніе его вступить въ корпусъ принца Конде удовлетворить не оставлю. Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга „К. Италійскій Г. А. Суворовъ-Рымникскій“.

Октября 13 дня 1799 года Г. Линдау.

2.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! При семъ для свѣдѣнія вашего превосходительства препровождаю переписку мою съ герцгерцогомъ. Неудовольствіе его, что я не соглашаюсь на его требованія, обнаруживается довольно въ сихъ бумагахъ; но слава и честь высочайше ввѣреннаго мнѣ войска для меня священнѣе, и всѣ замыслы Тугута не вовлекутъ меня въ разставленные имъ сѣти; я твердое принялъ намѣреніе дать войскамъ нашимъ нужный отдыхъ, снабдить ихъ всѣми потребностями, и потомъ уже расположить свои дѣйствія. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга „К. Италійскій, Г. А. Суворовъ-Рымникскій“.

Г. Линдау Октября 17 дня 1799 года.

Письмо графа (князя) А. А. Безбородка къ С. С. Зиновьеву (посланнику въ Испаніи).

Милостивый государь мой Степанъ Степановичъ. Прежде нежели приступлю бесѣдовать съ вами, милостивый государь мой, о дѣлахъ до службы ка-

сающихся, дозвольте мнѣ принести вамъ искреннее поздравленіе по случаю пожалованія васъ кавалеромъ ордена св. Анны, коего знаки съ симъ нарочнымъ доставляются. Ваше превосходительство будьте увѣрены, что съ перваго знакомства нашего, возмѣвъ отличное почтеніе къ преизящнымъ свойствамъ вашимъ, приму я всегда нелицемѣрное участіе вездѣ, гдѣ дѣло будетъ итти о пользѣ или удовольствіи вашемъ.

Письма ваши ко мнѣ о торговлѣ нашей съ Гишпанією были представлены ея императорскому величеству. Заключение съ сею державою коммерческаго трактата не токмо не встрѣчается у насъ ни малаго препятствія, но еще напротивъ того представляется весьма полезнымъ и нужнымъ. Мы собственно съ Гишпанією не имѣемъ такихъ взаимныхъ интересовъ, кои бы насъ другъ противъ друга поставляли; ибо я не считаю, по тѣмъ выгоднымъ описаніямъ, кои ваше превосходительство о графѣ Флорида-Бланкѣ и о прочемъ дѣлаете, чтобъ Мадридской дворъ, по крайней мѣрѣ впредъ, былъ вездѣ тѣню Версальскаго, какъ то у насъ доселѣ въ политическихъ картинахъ, министрами сообщаемыхъ, сказано было. Ея величество имѣетъ особенное благоволеніе и склонность къ Гишпанской націи, и не отречется конечно ободрять ея торговлю; но надобно, чтобъ тутъ было взаимство выгодно. Сей послѣдній пунктъ донныѣ былъ подверженъ разнымъ сомнѣніямъ. Г. Нормандесъ (*) изъяснялся со мною, будто бы положеніе ихъ съ другими державами противоположаетъ тутъ препятствія; но вы сами примѣчаете, что безъ равенства и заплаты въ пользу нашей коммерціи ничто и насъ не обязываетъ фаворизировать торгъ Гишпанскій. Большая часть нашихъ продуктовъ служатъ къ замѣнѣ первыхъ ихъ нуждъ; напротивъ того,

вещи, отъ нихъ получаемыя, принадлежатъ къ тѣмъ, кои намъ для прихотей надобны, и которыми мы отъ другихъ себя довольствоваться можемъ. Ваше превосходительство согласитесь, что главныя выгоды отъ насъ въ трактатахъ дозволяемыя, и имянно: 1-е, право платить пошлины вмѣсто ефимковъ въ натурѣ ходячею монетою, дѣлающее разницы отъ 8 и до 12 процентовъ; 2-е, убавка четвертой части пошлины въ трехъ портахъ Черноморскихъ; и 3-е, ничего незначущій сборъ съ Гишпанскихъ винъ, — заслуживаютъ взаимство и въ пользу нашего торга. Императоръ призналъ необходимость сего равенства, какъ то усмотрите изъ копій торговаго съ нимъ постановленія, недавно заключеннаго, и къ коему приобщаются наши непрѣмѣнныя правила, каковыя вручилъ я г-ну Нормандесу. Доставляю вамъ при томъ и списокъ съ проекта торговаго трактата съ Неаполитанскимъ дворомъ, на который, яко на сущій ультиматъ нашъ, ожидаемъ мы скорой рѣшительнаго отвѣта. Нѣтъ надобности вамъ дѣлать формальнаго какаго либо подвига у тамошняго министерства; но надѣется ея императорское величество, что вы, милостивый государь мой, пользуясь довѣренностью графа Флорида-Бланки, приличными внушеніями доведете его до того, что Мадридской дворъ снабдитъ нужными представленіями г-на Нормандеса на сію негоціацію: ибо не прежде какъ на точномъ откровеніи ихъ желанія мы можемъ приступить къ составленію проекта коммерческаго трактата; когда составленъ будетъ, довольно одной посылки курьера, чтобъ рѣшительно все распорядить и кончить.

Курьеръ настоящій поѣдетъ въ Лиссабонъ для увѣдомленія графа Нессельрода о данномъ ему отпускѣ. Вы можете его на возвратномъ пути продержать хотя и до двухъ недѣль, буде вамъ то будетъ нужно. Неизлишнимъ почитаю примѣтитъ вашему превосход-

(*) Испанскій посланникъ въ Россіи.

дительство, что все сіе дѣло такъ производить нужно, чтобъ оно не имѣло ни малаго вида настоянія съ нашей стороны; но шло бы оно, какъ служащее и собственнымъ пользамъ Гиспаній, и Мадритскимъ дворомъ прямо желаемое. Есмь всегда съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнымъ слугою графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 28. 1785 года.

Печатается съ подлинника, хранившагося въ богатомъ собраніи автографовъ у покойнаго сенатора князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго.

П. Б.

Письмо Маріи Павловны Нарышкиной къ Степану Алексѣевичу Колычеву (1).

13/24 іюля 1788 году. Изъ Санктпетербурга.

Государь мой братецъ Степанъ Алексѣевичъ! Получила я пріятное письмо ваше отъ ^{20 іюля} ~~1 іюля~~, въ которомъ вы пишете ко мнѣ, что кромѣ увѣдомленія моего о пожалованіи васъ камергеромъ никакого извѣстія ни отъ кого не получали; и я сколько радуюсь, что первая васъ съ симъ чиномъ могла поздравить, столь же и удивляюсь о дол-

говременномъ неполученіи вами надлежащаго извѣщенія и при семъ случаѣ не преминула я вамъ попенять, что вы ко мнѣ такъ рѣдко пишете: ибо не только всѣ наши знакомые меня объ васъ спрашиваютъ, но и самъ графъ Александръ Андреевичъ (2) желаетъ вѣдать, сколь вы ко мнѣ благодарны; но я не знаю, что имъ на то отвѣчать. Да и въ нынѣшнемъ письмѣ своемъ поспѣсивились вы изъяснить и того признанія, что все это плоды моего объ васъ попеченія. Я съ того самаго времени, какъ назначенъ былъ вамъ орденъ и не посланъ, безпокоилась и всюду мѣталась до полученія вами упомянутой Высокомонаршей милости, и въ то самое время имѣла счастье благодарить за васъ Всемилостивѣйшую Государыню, при которомъ случаѣ княгиня Катерина Романовна ошибкою доложила, что я благодарю за Кошелева, но сама Ея Величество, примѣтивъ ту ея ошибку, изволила подтвердить, что мнѣ братъ двоюродный Колычевъ, а не Кошелевъ. Примѣтно мнѣ и то, что вы меня не столь помните какъ я васъ, когда пріѣзжающимъ сюда чужестранцамъ не объясняете того, что я вамъ сестра двоюродная и не рекомендуюте мнѣ, думая, что я не умѣю ихъ принять; но я съ моей стороны, желая показать, что вы у насъ не бобыль, принимаю ихъ отъ васъ и потчую, которые, узнавъ про наше родство, весьма удивляются, что вы ихъ не упредили. А изъ сего я понимаю, что вы повидимому ни о комъ больше не думаете и почитаете единственными умницами жеманку свою графиню Софію Степановну, которая живучи теперъ въ Парижѣ, только что жеманится и улыбается, а другую кривобокую Наталію Кириловну (3). Но мы въ отмщеніе вамъ имѣемъ здѣсь при себѣ совершеннаго умницу

(1) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ род. 13 іюля 1746 года, ум. 14 марта 1805 г., погребенъ въ Невской Лаврѣ. Россійскій вице-канцлеръ, дѣйств. тайный совѣтникъ, былъ посланникомъ въ Гагъ, въ Берлинъ и посломъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ. Жена въ Наталья Захаровна Хитрово. — М. П. Нарышкина, ур. Валкъ-Полева, супруга славнаго егермейстера Семена Кириловича Нарышкина, и съ молодыхъ лѣтъ близкая къ Екатеринѣ особа. Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 29 маемъ 1793 г. отмѣчено: «Вчера ввечеру умерла Марья Павловна Нарышкина. Ея величество сказала мнѣ о томъ съ сожалѣніемъ, вспомя, что въ молодыхъ лѣтахъ вмѣстѣ съ нею рѣзались.» — Мы помѣщаемъ это письмо съ подлинника, хранившагося въ богатомъ семейномъ архивѣ барона М. Л. Воде. П. Б.

(2) Безбородко, начальникъ Колычева.

(3) Загряжскую, ур. гр. Разумовскую.

Степана Степановича Колычева ⁽⁴⁾, который знает, какъ меня почитать и для того имѣть намѣреніе ѣхать со мною вмѣстѣ къ Голандію васъ бранить. Онъ, живучи съ нами вмѣстѣ, какъ въ городѣ такъ и на приморской дачѣ, дѣлаетъ намъ весьма пріятную компанію, и всѣмъ даетъ тоны, и Татьяна Александровна съ Агаѣей Петровной не могутъ на него наглядѣться, и вы повѣрите не можете, какъ онъ раздородничалъ и похорошѣлъ. Притомъ же мы его привели совсѣмъ на истинный путь: нашли ему невѣсту преизрядную дѣвицу, совершенную красавицу, въ которую онъ влюбленъ и намѣренъ жениться; почему вы можете ожидать, что скоро будете у него кумомъ, и для того заблаговременно просимъ васъ назначить, кому вмѣсто васъ при купели стоять. Еще я васъ не преминула увѣдомить объ графѣ Петрѣ Кирилловичѣ ⁽⁵⁾, что онъ теперь находится подъ Шведскими пушками, и труситъ изо всей своей мочи; а я съ домашними моими, имѣя пребываніе на приморской моей дачѣ, нахожусь слава Богу здорова. Объ водѣ зельтерской присланный коносоментъ ⁽⁶⁾ я уже съ мѣсяцъ какъ получила, но корабль тотъ, на коемъ она вода отправлена, по сіе число въ Петербургъ еще не бывалъ. И за тѣмъ съ искреннимъ расположеніемъ пребываю на всегда вашего превосходительства государя моего покорная услужница Марья Нарышкина

⁽⁴⁾ Степанъ Степановичъ Колычевъ род. 8 марта 1756, ум. 6 мая 1810, погребенъ въ Невской Лаврѣ. Былъ гофмаршаломъ при имп. Екатеринѣ II, тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ.

⁽⁵⁾ Разумовскомъ, который, по матери своей гр. Екатеринѣ Ивановнѣ ур. Нарышкиной, приходился родственникомъ мужу писавшей это письмо.

⁽⁶⁾ Накладная.

ПИСЬМА Г. Н. ТЕПЛОВА.

1. Къ неизвѣстному лицу.

Мил. гос. мой князь Михайло Михайловичъ! Будучи вашего сѣятельства истиннымъ другомъ и почитателемъ вашихъ добродѣтелей, сердечно сожалѣю, что вы больны, тѣмъ паче что и причина прискорбія вашего (обойденіе чиномъ) меня столько же обременяетъ, какъ и ваши васъ неудовольствія. Весьма ложною я нахожу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ. Служба моя для меня при жизни моей была суетна; но не малымъ утѣшеніемъ служитъ, когда бѣдствующему есть товарищи. Трудъ и усердіе, даже до потерянія своего здоровья, мнѣ ваши извѣстны, а за соединенные таланты съ способностію и честною душою дорого всегда платить долженствуетъ отечество. Но не такъ дѣлается, м г.; часто таковы таланты и качества за безцѣнокъ идутъ въ свѣтъ, и мнѣ кажется счастливъ тотъ, кто самъ для себя проворствуетъ о приобрѣтеніи имѣнія, только бы огражденъ былъ друзьями и покровителями. Не будетъ ему никогда на пути его ни препинанія, ниже оскорбленія. Совѣсть его не угрызаетъ потому, что онъ ея не имѣетъ, а съ богатствомъ чести сами за нимъ гонятся, осканивая всѣхъ по пути порядочно идущихъ. Богомолы говорятъ, что все сіе судьбою устроивается, а разумные стѣсненнымъ духомъ воздыхаютъ и часто кончатъ жизнь свою поспѣшнѣе отъ сокрушенія. Стяжатели всѣ молятся прилежно и помолвившись смѣло и дерзко грабить и отнимать; а послѣ думаютъ, что молитва ихъ за Богомъ не пропала.... Я дни и ночи нераздѣльно употребилъ чрезъ 13 лѣтъ на службу⁽¹⁾. Некогда ни грабить, ни богатиться ду-

⁽¹⁾ Тепловъ считаетъ службу свою при Екатеринѣ.

шѣ моей, и безъ того безкорыстной; теперь, извурень будучи, состарѣлся и почувствовалъ такіа болѣзни, которыя повсядневно заставляютъ меня умирать. Не родился я ни богатъ, ни знатенъ, и вижу, что въ ту же нищету потомки мои возвращаются, въ которой я родился. Ветхозавѣтные пророки предсказали намъ будущую жизнь воздаяніемъ за наши добродѣтели, а истолкователи ихъ предсказанія въ Новомъ Завѣтѣ, такъ какъ Павелъ Апостолъ, дефиницію лестную сказалъ будущаго блаженства, что оно не ухо не слышало, ни око не видѣло, да и на сердце человѣку не всходило⁽²⁾. Сіи поучители дѣлаютъ должность свою искусно, ибо ежели бы они за добродѣтель обѣщали воздаяніа на семь свѣтѣ (а казалось бы награждать чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше), то бы стократно ложь ихъ обличалася, и вы бы и я собою то доказали по теперешнему; но они сіе дѣлаютъ для того, что съ того свѣта никто еще у насъ не бывалъ съ извѣстіемъ, и мы не знаемъ, кто изъ тѣхъ тамъ награжденъ, который любилъ государя и отечество, служилъ безкорыстно, вѣрно и честно. Вотъ, милостивый государь мой и любезный другъ, какъ за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадать! Однакожъ утѣшеніемъ остается то, что добродѣтельный человѣкъ, дѣлая благое, собственное въ себѣ изъ тою удовольствіе чувствуетъ и всякими препятствіями въ первомъ своемъ только движеніи оскорбляется, доколѣ къ разуму обратится, а обратившись напрягаетъ путь свой по той же дорогѣ, по которой честная душа его отъ рожденія повела. За симъ сей податель письма есть зять мой, за которымъ большая моя дочь Анна Григорьевна, г. полковникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ. Онъ характеру благороднаго и честной души, способ-

ности имѣеть къ службѣ не площадныя. Скучилъ быть членомъ въ Малороссійской коллегіи, сидя съ дураками Малороссіянами и ябедниками, чрезъ шесть лѣтъ. Я, зная нужду въ людяхъ для намѣстничествъ и зная его способность и многое чтеніе, которое природный его разумъ весьма украшаетъ, и перомъ дѣйствовать (такъ какъ имѣющаго уже великую практику въ дѣлахъ) много подкрѣпляетъ, посовѣтовалъ ему искать мѣста въ намѣстничествѣ Орловскомъ, гдѣ онъ изпомѣщенъ, и въ томъ адресоваться по порядку къ вашему сіятельству. Молодому человѣку, не изъ корысти, но изъ чести служащему, первое побужденіе есть самая честь. Примите его въ свою протекцію и, сколько сила ваша дѣйствовать можетъ, помогите ему честному человѣку представленіемъ вашимъ, когда дѣло дойдетъ до Орловской губерніи. Октября 17, 1777 года.

2. Къ графу Никитѣ Ивановичу Панину.

Вчера я на загородномъ дворѣ у Марьи Павловны⁽³⁾ обѣдалъ, гдѣ была и Марья Степановна⁽⁴⁾. Наканунѣ былъ я тощъ, безъ аппетита и о купаньи думать не могъ, что ужъ и давно со мною дѣлается. Столъ нашелъ жирный: щи богатыя и другія похлебки русскія столь густы и вкусны, что половину ѣсть, а другую хлѣбать должно; теленокъ въ аршинъ и больше городскаго, весь сокомъ молочнымъ напоенъ, грибы въ разныхъ горшкахъ, пироги мягкіе и пузатые, блины легкіе и толстые, сливки, въ которыхъ ложка торчкомъ стоитъ, все сіе и мертвому аппетитъ подастъ. Хотя всѣ три⁽⁵⁾..... стола въ одинъ рядъ поставлены были, однакожъ изобразить вамъ не могу, сколь пріятнаго

(3) Нарышкиной, письмо которой выше напечатано.

(4) Перекусихина.

(5) Неразобрано.

(2) Слышенъ воспитаникъ Феодана Прокоповича.

вида былъ сей столъ. Не шутя говорю, что сей столъ пирующимъ въ язычествѣ богамъ только приличенъ былъ. Я столъ много ѣлъ, что прежній свой вѣкъ здоровья помянулъ съ удовольствіемъ. Откуда взялись языкъ, веселыя мысли, забвеніе всѣхъ скукъ и досадъ: словомъ, съѣлъ я за столъ близехонько къ столу, но силою упругости чрева моего очутился подь конецъ стола на четверть нечувствительно отодвинутый. Не узналъ я себя въ

немощи; но что счастливѣе всего! Все съ рукъ сошло хорошо, и со всякимъ кушаньемъ, которое по на вѣки простился. О когда бы вся жизнь наша была такого сложенія! не знали бы мы ни скорби ни печали.

Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ; первое письмо писано вѣроятно къ историку кн. М. М. Щербатову, который тоже находился въ числѣ недовольныхъ Екатериною. Тепло-ва же Государыня должна была отдалить отъ себя вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ на него отъ его крестьянъ.

ДНЕВНИКЪ СВІТСКАГО ОФИЦЕРА.

1813 годъ.

(Посвящено другу и сестрѣ А. Г. Хомутовой).

Дневникъ этотъ веденъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Хомутовымъ. Онъ сохранился въ бумагахъ сестры его Анны Григорьевны (біографическое извѣстіе о ней и выдержки изъ ея Записокъ помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1867 года) и полученъ нами отъ Екатерины Ивановны Розе, которой принадлежитъ русскій переводъ этого Дневника, писаннаго въ подлинникъ по французски. Ею же сообщены и нижеслѣдующія свѣдѣнія объ авторѣ Дневника. *П. Б.*

Сергѣй Григорьевичъ Хомутовъ, родной братъ Анны Григорьевны Хомутовой, родился въ 1792-мъ году въ Москвѣ, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ окончивъ курсъ, поступилъ на службу въ 1811-мъ году подпоручикомъ, въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части; дѣлалъ кампаніи 1812 и 1813 г., участвовалъ въ сраженіяхъ: Бородинскомъ, при Красномъ, подь Лейпцигомъ, Бауценомъ и другихъ, состоя въ распоряженіи генерала Толя; въ 1814-мъ году былъ съ арміею въ Парижѣ, вернулся изъ кампаніи въ чинѣ капитана, кавалеромъ нѣсколькихъ орденовъ, и продолжалъ службу по свитѣ. Съ отрядомъ свитскихъ офицеровъ онъ находился, нѣсколько лѣтъ, для съѣмки въ Литвѣ; во время пребыванія въ Вильнѣ, женился на дочери бригаднаго генерала, Натальѣ Александровнѣ Энгельгардтъ. Въ 1824-мъ году произведенъ былъ въ полковника, но долженъ былъ оставить службу по слабости здоровья, въ особенности по болѣзни въ ногахъ, которыми въ скоромъ времени совершенно пересталъ владѣть. Всѣ медицинскія пособія остались безуспѣшны, и въ 1827-мъ году онъ, съ семействомъ, переселился на жительство въ свое имѣніе Ярославской губерніи, гдѣ и про-

жилъ 25 лѣтъ, не двигаясь съ кресла, но занимаясь по возможности устройствомъ имѣнія и воспитаніемъ дѣтей. До конца жизни зрѣніе ему не измѣнилось, и онъ, лишенный возможности двигаться, цѣлые дни проводилъ въ чтеніи, усердно слѣдя за политикою и литературою, но отдавая преимушество книгамъ духовнаго содержанія.

Въ постоянномъ физическомъ страданіи и мученической, однообразной жизни, Сергѣй Григорьевичъ, безъ малѣйшаго ропота, истиннымъ христіаниномъ, подавая дѣтямъ поучительный примѣръ терпѣнія и кротости, переносилъ грустную свою участь и до конца жизни сохранилъ свѣтлый пріятный умъ и превосходную память. Часто, съ интересными подробностями, рассказывалъ онъ своимъ приближеннымъ о своихъ походахъ и о пребываніи въ Парижѣ. Разговоръ его былъ живъ и занимателенъ, въ немъ виденъ былъ природный его умъ, глубокія познанія и многосторонняя образованность, и чувствовалась возвышенность прекрасной души. Въ 1852-мъ году С. Г. Хомутовъ скончался въ имѣніи своемъ, селѣ Лытаревѣ, Ярославской губерніи, гдѣ и похороненъ на семейномъ кладбищѣ.

1-го января.

Я сидѣлъ у Бровкова, когда пробило двѣнадцать часовъ; мы другъ друга поздравляли съ новымъ годомъ, и я пошелъ домой, читая молитвы, благодаря Бога за то, что благополучно провелъ протекшій годъ и вспоминая васъ всѣхъ, дорогихъ и

близкихъ моему сердцу. Сегодня мы перешли Нѣманъ съ мыслью и прискорбіемъ, что можетъ быть надолго оставляемъ отечество. Погруженный въ эти мысли я тащился съ Емельяновымъ въ обозѣ. Въ полдень мы пріѣхали въ Лейпуны, гдѣ намъ отведена была большая корчма. Теперь мы за границей, и намъ строго запрещено брать съ собой фуражъ, а надо получать его отъ комиссаровъ. На сегодняшній день, намъ принесли довольно много фуража; но какъ онъ былъ разобранъ безъ всякаго порядка, иному досталось слишкомъ много, а другимъ ничего. Въ арміи сдѣлалась перемѣна; нашъ князь Волконскій назначенъ Начальникомъ главнаго штаба, а полковникъ Селавинъ дежурнымъ генераломъ, на мѣсто Коновницина, который поѣхалъ въ Петербургъ. И такъ весь генеральный штабъ состоялъ изъ нашихъ офицеровъ, что придавало много блеска квартирмейстерской части.

3-го января.

Пришли въ Краснополь, гдѣ намъ дали порядочныя квартиры. Жиды вышли съ ковчегомъ на встрѣчу Императору и были намъ очень рады. Поляки тоже казались довольными; вѣроятно они видятъ всѣ обманы Французовъ; однако намъ извѣстно, что въ Варшавѣ всѣ противъ насъ вооружаются и поговариваютъ, что мы пойдемъ усмирить этотъ предполагаемый бунтъ и расцѣять народную милицію, которая далеко не то, что наше Русское ополченіе.

4-го января.

Пришли въ Сувалки. Вашутинъ, Вишняковъ, Мейендорфъ, Перовскій (*) и я стояли на одной квартирѣ и сами всѣ вмѣстѣ приготовляли себѣ обѣдъ.

5-го января.

Сегодня Сочельникъ, мы ничего не ѣли до трехъ часовъ и сами пѣли вечерню. Емельяновъ мнѣ далъ много

порученій, Бровковъ просилъ написать за него нѣкоторыя бумаги: все это помѣшало мнѣ быть у всенощной.

6-го января.

Пришли въ Роски. Жиды приняли насъ съ большой радостью, а тотъ Жидъ, у котораго мы стояли, напился пьянъ, чтобъ лучше доказать намъ свое удовольствіе и надобль намъ своими розказнями и похвалами. Противъ нашего дома былъ ровъ, мимо котораго шла большая дорога, и какъ было очень скользко, экипажи раскатывались, и многіе упали въ ровъ, между прочими князь Кудашевъ больно ушибся.

7-го января.

Намъ велѣно идти въ Ликъ; я взялъ ближайшую дорогу и пріѣхалъ туда въ полдень. Ликъ первый Прусскій городъ, и жители намъ очень рады; они поставили для Императора триумфальныя ворота, выбѣжали всѣ къ нему на встрѣчу съ радостными криками. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Добрые Пруссаки всегда нашими друзьями, съ прискорбіемъ шли драться съ нами и всегда желали обратить оружіе на Французовъ. Теперь ихъ желаніе исполнено; всѣ увѣряютъ, что ихъ король нашъ союзникъ и даетъ намъ пятьдесятъ тысячъ войска. Въ Ликѣ мы простояли два дня. Мейендорфъ посланъ къ великому князю вмѣсто Глазова, который опять къ намъ вернется.

11-го января.

Рано прибыли въ Юганисбургъ и пошли съ Вашутинымъ смотрѣть, какъ Пруссаки встрѣчали нашего Императора. Инвалиды выстроились въ двухъ линіяхъ отъ заставы до квартиры Его Величества, дѣлали различныя маневры и кричали вивать. Когда Государь сошелъ съ лошади, къ нему подошли двѣ молодыя дѣвицы и надѣли на него вѣнки изъ цвѣтовъ. Народъ окружилъ его квартиру съ восторженными криками, которые раздавались по всему городу.

(*) Левъ Алексѣевичъ

Вечеромъ, передъ домою Императора, поставленъ былъ транспарантъ, на которомъ было написано: Александру Великому, Избавителю Европы.

Когда Государь подошелъ къ окну, громкій крикъ и радостный вивать оглушили насъ. Императоръ принужденъ былъ послать князя Волконскаго благодарить народъ и просить чтобъ разошлись. Въ Иоганнсбургѣ мы простояли два дня, и народъ, все время, окружалъ квартиру Императора и кричалъ вивать, какъ только онъ подходилъ къ окошку.

12-го января.

Анрепъ изъ корпуса вышелъ въ лейбъ-гусары.

13-го января.

Слушали обѣдню въ придворной церкви, т. е. походной, Государя. Перовскій захворалъ и принужденъ здѣсь остаться.

18-го января.

Пришли въ Сановъ; погода скверная. Толя ожидаемъ завтра.

19-го января.

Въ Млавѣ всѣ квартиры были уже захвачены нашими офицерами, которые нарочно встаютъ съ зарею, чтобъ пріѣхать первыми. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, но Емельяновъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ комнату на верху у себя, и я довольно удобно расположился въ ней, со своими товарищами. Млава опять въ Польшѣ, и жители намъ не такъ рады; хотя они и вышли на встрѣчу Императору и иллюминировали городъ, но примѣтно, что они дѣлаютъ это все изъ трусости, а не отъ души.

20-го января.

Въ Млавѣ былъ отдыхъ, мнѣ поручили принять фуражъ, а вечеромъ генералъ приказалъ получить для него деньги, но какъ я ни старался, не могъ ничего добиться. Обѣщали выдать завтра.

21-го января.

Офицеры наши уѣхали, но какъ генералъ еще оставался, и я долженъ

былъ быть при немъ. Вашутинъ и Вишняковъ остались со мной, и Вишняковъ, который пріѣхалъ изъ Москвы, рассказывалъ намъ о славномъ карусель, въ которомъ онъ самъ участвовалъ въ кадрилѣ съ Всеволодской. Къ вечеру я получилъ деньги и отдалъ ихъ генералу.

23-го января.

Весь день простояли въ Раціензѣ. Императоръ велѣлъ всей арміи выдать половинное жалованье, и мнѣ приказали принять деньги, но коммиссія еще не пріѣзжала, и я отложилъ это дѣло до Плоцка, гдѣ, говорятъ, мы пробудемъ нѣсколько времени.

24-го января.

Пришли въ Плоцкъ и простояли цѣлую недѣлю. Я все бѣгалъ по коммиссіямъ, для полученія жалованія, но мнѣ было столько вездѣ затрудненія, что Толь вышелъ изъ терпѣнія и пожаловался свѣтлѣйшему князю, который позвалъ Тихонова, управляющаго коммиссіей, и сдѣлалъ ему разговоръ за неисправность, и онъ тотчасъ же выдалъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ. Страшно мнѣ было имѣть у себя такую большую сумму, и я просилъ Толя взять ее; но онъ не согласился, а я такъ объ ней беспокоился, что безпрестанно считалъ деньги, изъ за нихъ боялся уходить изъ дома и даже ни разу не былъ въ театрѣ, куда всякой вечеръ ходили мои товарищи.

28-го января.

Сегодня узнали о взятіи Варшавы и усердно молились за благодарственнымъ молебномъ, который служили съ большимъ великолѣпіемъ, какъ только получили радостное это извѣстіе.

1-го февраля.

Намъ приказано идти впередъ, но мы не могли тронуться съ мѣста, оттого что принуждены были перемѣнять экипажи: снѣгъ сошелъ, весна въ полномъ блескѣ, и наши сани не

могутъ болѣе намъ служить, а за по-
возки съ насъ взяли ужасно дорого.

2-го февраля.

Вышли изъ Плоцка. Погода пре-
красная. Мы ѣхали верхомъ и вполнѣ
наслаждались чуднымъ временемъ и
оживающей природой. Переѣхавъ Ви-
слу, товарищи мои остались отды-
хать, а Вашутинъ и я сѣдлали еще
двадцать верстъ.

3-го февраля.

Приѣхали въ Кладово, гдѣ Вишня-
ковъ приготовилъ намъ хорошія квар-
тиры. Повозка Ватушина, не смотря
на дороговизну, изломалась; онъ цѣ-
лый вечеръ возился съ ней, а я счи-
талъ деньги, раскладывалъ ихъ, снова
пересчитывалъ; а товарищи смѣялись
надо мной

5-го февраля.

Пришли въ Коло. Жиды устроили
великолѣпный балдахинъ для Импера-
тора, и многіе поѣхали къ нему на
встрѣчу въ богатыхъ одеждахъ. Въ
квартирахъ большое затрудненіе.

7-го февраля.

Пришли въ Конинъ, квартиры дур-
ны, и сами должны себѣ готовить ку-
шанье, кто какое умѣетъ. Время
дивное, все зелено, все цвѣтетъ, намъ
Русскимъ это удивительно: мы при-
выкли видѣть въ февралѣ снѣгъ, мо-
розъ и не цвѣты рвать, а кататься
съ ледяныхъ горъ.

8-го февраля.

Узнали, что Винценгероде одержалъ
побѣду близъ Калиша надъ Саксон-
цами.

9-го февраля.

Все еще стояли въ Конинѣ, дѣлать
было нечего, и мы ходили осматри-
вать развалины какого-то древняго
замка, названія его не помнѣть, но
судя по развалинамъ, онъ долженъ
былъ быть великъ. Съ уцѣлѣвшей,
хотя и довольно поврежденной, баш-
ни видъ открывается восхитительный.

10-го февраля.

Мы были на готовѣ идти въ Пин-
зернъ, но когда я зашелъ къ Емель-

VIII 2.

янову за планомъ, узнать, что дирек-
ція перемѣнена, и назначено идти въ
Ставичинъ. Я пришелъ сказать объ
этомъ товарищамъ, но они долго ду-
мали, что я шучу и не хотѣли вѣ-
рить. Мы поѣхали всѣ вмѣстѣ, на
дорогѣ встрѣтили князя Волконскаго
съ Толемъ и слѣдовали за ними.

11-го февраля.

Пришли въ Калишъ и, сколько ни
бѣгали за комендантомъ, сколько ни
упрашивали, не могли добиться хоро-
шихъ квартиръ. Должны были удо-
вольствоваться самыми посредствен-
ными, хотя и знали, что долго при-
дется въ нихъ жить. Вашутинъ и
Вишняковъ предложили мнѣ сѣлать
складчину, чтобъ держать вмѣстѣ
столъ, я на это съ удовольствіемъ
согласился, и мы еще болѣе подружи-
лись и все время жили въ ладу. По-
стараюсь ихъ описать тебѣ, чтобъ
ты знала моихъ товарищей, любезная
сестра. Вашутинъ очень тихъ, раз-
счетливъ, серьезенъ, любитъ зани-
маться, вообще его характеръ очень
сходенъ съ моимъ; Вишняковъ, на-
противъ, свѣтскій человѣкъ, никого
не боится, говоритъ чтò думаетъ, ве-
селый, серьезная мысль никогда и въ
голову не приходитъ, но такъ добръ
и милъ, что я и самъ съ нимъ изба-
ловался, и одинъ день, когда нечего
было дѣлать, все время повѣсничали
и проказничали. Калишъ довольно хо-
рошій городъ, окрестности очарова-
тельны, садъ и бульваръ красивы, но
изъ строеній, только кадетскій кор-
пусъ, гдѣ живетъ Императоръ, до-
стоинъ примѣчанія.

По воскресеньямъ я ходилъ въ при-
дворную церковь и открылъ еще одну
Греческую церковь, въ которой говѣлъ
на первой недѣлѣ великаго поста. Эта
церковь построена и содержана де-
сятью Греческими купцами, которые
живутъ въ Калишѣ; она нравится мнѣ
своей простотой и тѣмъ, что она какъ
будто въ забвеніи, посреди католи-
ковъ; священникъ, почтенный, доб-

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 8.

рый старичекъ, служить одинъ. Греки, которыхъ обыкновенно нельзя отличить отъ другихъ Поляковъ, тихо собираются въ этой церкви по праздникамъ и воскресеньямъ, и каждый что нибудь приноситъ, кто свѣчи, кто книги, вино и просфоры, и поютъ и читаютъ сами. Маленькое это общество православныхъ, посреди народа другого исповѣданія, совершающее собственное богослуженіе, напоминаетъ мнѣ собраніе древнихъ христіанъ.

На масляницѣ у насъ было много праздниковъ, но я не былъ ни на одномъ.

На первой недѣлѣ всѣ веселія прекратились: Императоръ говѣлъ, и Поляки удивлялись его набожности. Вспоминая, какъ Наполеонъ и его генералы были безбожны, они поняли, что Богъ явилъ Свое милосердіе надъ Русскими, а караль Французовъ, невѣрующихъ и поносившихъ святое Его Имя.

Въ первое воскресеніе поста, Государь поѣхалъ въ Бреславль видѣться съ Прусскимъ королемъ, пробылъ тамъ пять дней и возвратился въ армію.

Въ это время изъ Петербурга пріѣхали двѣ княжны Волконскія и г-жа Солданъ, племянница фельдмаршала. Калишъ не походилъ на главную квартиру, а скорѣе на маленькую резиденцію, гдѣ всѣ жили очень приятно и весело. Въ Калишѣ мы праздновали взятіе Гамбурга.

21-го марта.

Былъ славный парадъ и большой праздникъ для пріѣзда Короля Прусскаго, который пробылъ съ нами три дня. Лейбъ-гусарскій полкъ присоединился къ арміи, и братъ (*) пробылъ у меня двое сутокъ.

26-го марта.

Мы выступили въ походъ. Въ Калишѣ со мной случилось большое не-

(*) Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, впоследствии атаманъ Донскаго войска.

счастіе, по моему нерадѣнію, или скорѣе, отъ несчастной звѣзды моей. Ты вѣрно догадалась, что я хочу сказать, что потерялъ деньги.

Это такъ меня поразило, что нѣсколько дней я не могъ придти въ себя, однако имѣлъ присутствіе духа скрыть это отъ всѣхъ, объявивъ только горе свое моимъ друзьямъ и товарищамъ Вашутину и Вишнякову.

Изъ разныхъ способовъ, которые представлялись мнѣ возмѣстить мою потерю, я выбралъ самый вѣрный: во всемъ признаться батюшкѣ и, хотя мнѣ это и очень тяжело, просить его убѣдительно о помощи. Отвѣта еще я не получалъ и не могу описать тебѣ невыразимыхъ моихъ мученій. Боюсь, что огорчилъ батюшку, сдѣлалъ ему большой убытокъ и потерялъ хорошее мнѣніе, которое онъ имѣлъ обо мнѣ. Къ облегченію моего горя, я имѣлъ счастье получить Владиміра 4-ой степени и поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ батюшку, чтобъ радостью ослабить горе, которое я ему причинилъ. Брату я тоже ничего не говорилъ о моей потерѣ. Ему нужны были деньги, и я далъ ему сколько могъ, но съ тѣхъ поръ сталъ такъ скупъ, что во всемъ себѣ отказываю. Товарищи мои, даже люди мои, меня за это бранили, я же нимало этого не стыжусь и буду продолжать свою экономію, пока не наверстаю убытокъ батюшки.

Вотъ, любезная сестра, мои похвѣданія; журналъ мнѣ надоѣлъ, но обещаю тебѣ писать письма всякій разъ, что буду имѣть время. Это, надѣюсь, будетъ веселѣе и для тебя и для меня.

20-го апрѣля.

Герингсвальдъ въ Саксоніи.

26-го марта мы выступили изъ Калиша. Погода была чудная. Мы всѣ вмѣстѣ ѣхали верхомъ за княземъ Волконскимъ и Толемъ; но ихъ лошади были такъ хороши и бѣжали такъ скоро, что мы не могли за ними

поспѣть и пристали къ генералу Селавину, ѣхавшему шагомъ и забавлявшему насъ разказами о путешествіяхъ, которыхъ онъ, на своемъ вѣку, сдѣлалъ много. Этотъ Селавинъ исправлялъ должность дежурнаго генерала; онъ былъ очень добръ и исполнять свои обязанности съ большою точностью, но былъ такой страшный трусъ, что мнѣ никогда и нигдѣ не случилось видѣть ничего подобнаго. Особенно онъ боится лошадей, но какъ всѣ обыкновенно переѣзжаютъ верхомъ, то и онъ принужденъ ѣхать со всѣми, но ѣдетъ такъ тихо, что у насъ недостало бы терпѣнія, ежели бы не интересные его разказы. Онъ такъ слабо держитъ поводъ, что лошадь не чувствуетъ, есть ли на ней сѣдокъ и съ нимъ вмѣстѣ ложится на землю и отдыхаетъ, посреди дороги, а онъ не смѣетъ заставить ее встать, ударивъ шпорами. Къ вечеру мы пріѣхали въ Рожгово. Вишняковъ—адъютантъ Селавина, и потому получилъ порядочную квартиру. Мы всѣ трое расположились въ ней, но погода была чудная, и мы почти всю ночь провели на дворѣ. 27-го опять пустились въ дорогу и поѣхали опять съ Селавинимъ, чтобъ слушать его разказы и забавляться различными его приключеніями съ лошадью. Въ полдень прибыли въ Кроточинъ. Жители намъ обрадовались и вечеромъ иллюминировали городъ. Императоръ вошелъ въ него въ триумфальныя ворота, нарочно для него устроенныя, и громкое ура раздавалось цѣлый день. Наша квартира была противъ самой гауптвахты, и музыка играла до самой поздней ночи. Гуляя я встрѣтилъ двухъ княженъ Волконскихъ, подъ руку съ какимъ-то военнымъ; я поклонился имъ и хотѣлъ посторониться, чтобъ дать мѣсто дамамъ и зацѣпилъ шпагою за ихъ кавалера, котораго совсѣмъ не узналъ; онъ отвелъ мою шпагу и поклонился мнѣ рукой. Представъ себѣ мое за-

мѣшательство, когда я увидѣлъ въ немъ Императора. Я пишу тебѣ это за тѣмъ, чтобъ ты видѣла, какъ просто живетъ Государь, и какъ совсѣмъ не надо чиниться, когда встрѣтишься съ нимъ. 23-го я получилъ приказъ состоять при генералѣ, чему, сказать откровенно, очень радъ. Въ 10 часовъ мы выѣхали. Въ этотъ день мы должны были вступить въ Силезію. На границѣ намъ была сдѣлана славная встрѣча. Дорога на версту покрывалась народомъ съ обѣихъ сторонъ. Всѣ желали видѣть любимаго нашего Монарха; молодыя дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, въ вѣнкахъ, бросали передъ нимъ гирлянды и цвѣты; молодые люди стрѣляли изъ ружей, музыка играла, и восторженные вивать не умолкали. Ожидая князя Волконскаго, Толь разговаривалъ съ добрыми Пруссакими, а когда онъ пріѣхалъ, мы вступили въ Силезію. Вся дорога до Милича была усыпана жителями, принимавшими насъ съ радостными восклицаніями. Въ полмиль отъ города Государь догналъ насъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы въѣхали въ Миличъ съ большой церемоніей. Намъ отведена была квартира у одного Прусскаго офицера, который, отъ радости, не зналъ какъ угостить насъ, и безпрестанно т. е. всякіе полчаса, подавалъ кушанья, разные напитки и дорогія вина. Императоръ стоялъ въ богатомъ замкѣ одного вельможи, который нѣкогда былъ посланникомъ въ Россію. Вечеромъ садъ, примыкающій къ замку, былъ великолѣпно иллюминированъ, и мы долго гуляли и любовались иллюминаціей. 30-го марта въ Воскресенье устроили церковь въ замкѣ, я былъ у обѣдни; между тѣмъ князь и Толь уѣхали, и я поспѣшилъ догнать ихъ. На половинѣ дороги мы остановились у Коновничина, угостившаго насъ прекраснымъ обѣдомъ, послѣ котораго тотчасъ же мы опять пустились въ дорогу. Князь, узнавъ, что въ лѣсу, чрезъ который мы долж-

ны были проѣзжать, множество дикихъ козъ и зайцевъ, пожелалъ поохотиться и просилъ Дурнова и меня поѣхать впередъ — взглянуть, въ самомъ ли дѣлѣ много дичи. Только что мы вѣхали въ лѣсъ, встрѣтили трехъ козъ и поспѣшили объявить это князю. Онъ поскакалъ въ лѣсъ, стрѣлялъ нѣсколько разъ, но ничего не убилъ. Пріѣхали въ Ташенбургъ и очень обрадовались, узнавъ, что назначенъ отдыхъ, потому что лошади изнемогали отъ усталости послѣ неудачной охоты. Товарищи мои ожидали меня съ нетерпѣніемъ, потому что никакъ не могли растолковать Нѣмцамъ, чего желали и слѣдовательно голодали. 31-го пересматривалъ съ Емельяновымъ карты и планы все утро, а вечеромъ ходилъ къ Воейкову; его кирасиры расположились въ одной верстѣ отъ насъ.

6-го мая.

Рейхенбахъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ, любезная сестра, что мы дѣлали до 1-го апрѣля; слушай продолженіе. У Воейкова мы разговаривали о Петербургѣ и Москвѣ; онъ давно не получалъ писемъ и былъ грустенъ. У него я видѣлъ Тимирязева и познакомился съ Ротомъ, кирасирскимъ капитаномъ. Послѣ завтрака я поѣхалъ въ Винцигъ, нашелъ тамъ корпуснаго моего товарища Лопухина, служащаго въ Измайловскомъ полку. Съ нимъ вмѣстѣ я пошелъ смотрѣть на великолѣпную встрѣчу, приготовленную нашему Императору. Но я не буду болѣе описывать тебѣ эти встрѣчи, потому что онѣ почти одинакія въ каждомъ маленькомъ городкѣ: молодыя дѣвицы бросающія цвѣты, ружейные выстрѣлы, крики ура, триумфальные ворота, украшенные гирляндами и, посреди ихъ, пасторъ останавливаетъ Императора торжественной рѣчью, которую онъ повидимому слушаетъ очень внимательно. Вотъ что повторяется всякій

день и уже надоѣло своей однообразностью. Одинъ разъ только была маленькая перемѣна. За нѣсколько миль отъ Милича, насъ встрѣтила толпа мальчиковъ отъ 6 до 10 лѣтъ, подъ предводительствомъ старшаго мальчика, лѣтъ 12, держащихъ каждый зеленую вѣтку съ пестрымъ бантомъ и кричащихъ изъ всѣхъ силъ: Ура Александру. Миѣ это очень понравилось, и какъ это случилось въ самое вербное воскресенье (по Лютеранскому году) то напоминало миѣ Осанна въ Іерусалимѣ при входѣ Спасителя.

Теперь въ маломъ видѣ почти такія же обстоятельства. Господь пришелъ спасти міръ отъ ига дьявола, нашъ Монархъ приходитъ спасти Европу отъ ига послѣдователя демона. 2-го мы продолжали нашъ путь, и какъ въ этотъ же день, мы должны были переходить Одеръ, узнали, что король Прусскій насъ тамъ ожидаетъ, поэтому я не отставалъ отъ князя и Толя, и за нѣсколько верстъ до Одера Императоръ присоединился къ намъ. На мосту, по которому мы должны были проходить, насъ встрѣтилъ Прусскій король съ двумя сыновьями, очень красивыми молодыми людьми. Императоръ остановился, поговорилъ съ королемъ и принцами и поѣхалъ далѣе. Мы прошли мостъ при крикахъ ура и пушечныхъ выстрѣлахъ и остановились въ Штейнау, гдѣ видѣли Прусскую гвардію. Она показалась намъ очень красивою и отлично одѣтою. Хозяинъ нашей квартиры принялъ насъ очень радушно и весь день не переставалъ угощать насъ разными яствами и напитками.

3-го мы отправились въ Любенъ. Погода была прекрасная, и мы ѣхали тихо, чтобъ наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, представлявшимся намъ со всѣхъ сторонъ. Силезія, въ которой мы теперь находимся, очень живописна: на всякомъ шагу величе-

ственные горы, красивыя деревеньки изъ выбѣленныхъ домиковъ, съ возвышающимися колокольнями, поля и лѣса покрывающіеся молодой зеленью, и запахъ фіалокъ, которыми они усыпаны, все восхищало насъ, привыкшихъ видѣть у себя еще снѣгъ въ это время. Въ Любенѣ мы расположились въ довольно порядочной квартирѣ и вечеромъ отправились въ театръ. Можешь представить себѣ, какъ онъ хорошъ въ такомъ маленькомъ городкѣ. Одни актеры вовсе не знали роли и говорили безъ умолку, что приходило имъ въ голову; другіе кашляли все время, что имъ слѣдовало говорить; жара была нестерпимая, и я предпочелъ прогулку и пошелъ къ дому занимаемому Императоромъ, предъ которымъ цѣлый вечеръ играла музыка. 4-го мы поѣхали въ Гейнау. Генералъ Канкринъ обратилъ наше вниманіе на великолѣпное зрѣлище, открывающееся передъ нами съ лѣвой стороны дороги: вершины величественныхъ горъ Силезіи, покрытыя снѣгомъ, блистали отъ лучей солнца; красивые лѣсочки, хорошенкій городокъ Гейнау, и позади его на высокой горѣ между свѣжей зелени, древній замокъ, или лучше развалины его съ нѣсколькими удѣльными башнями. Въ Гейнау былъ отдыхъ, но къ несчастью хозяинъ нашъ былъ скупъ и непріятенъ, и чтобы получить отъ него, что намъ было необходимо, намъ стоило многихъ хлопотъ, не смотря на деньги, которыя мы давали ему не скупясь. Въ Гейнау мнѣ показывали какъ рѣдкость, церковь, построенную въ XIV вѣкѣ и замѣчательную готической архитектурой и вышиной колокольни. Я взлѣзалъ на нее нѣсколько разъ, чтобы любоваться прекрасными видами и встрѣтилъ на самой высотѣ двухъ княженъ Волкоцкихъ, восхищающихся тоже великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое я уже описалъ тебѣ; только съ колокольни, еще еще лучше. Вечеромъ я пошелъ

въ походную церковь, которую только что устроили, потому что завтра Вербное Воскресенье, и Императора ждали ко всенощной. Прекрасно было видѣть церковь, когда Государь, вся его свита и всѣ присутствующіе держали въ рукахъ вербы, уже совершенно зеленыя, съ зажженными свѣчами. Великолѣпныя службы, величіе мѣста, прелесть пѣнія придворныхъ пѣвчихъ, восхитили добрыхъ Нѣмцевъ, пришедшихъ посмотреть церемонію; да я и самъ никогда, кажется, не чувствовалъ такъ глубоко всю красоту нашей религіи, которая, даже внѣшними формами, умѣетъ трогать сердца и, какъ говорится, хватать за душу.

6-го. Мы получили приказъ выступать, но какъ Императоръ остался, чтобъ быть у обѣдни, то я тоже остался помолиться, уговорилъ даже товарищей. Въ ожиданіи Государя, мы разговаривали съ г-жей Солданъ и любовались на проходившихъ кирасировъ. Императоръ долго не приходилъ, товарищи мои потеряли терпѣніе и уѣхали. Послѣ обѣда я поскакалъ въ Бюнцлау. Погода была прескверная, и я очень торопился; вообрази мое удивленіе, когда при вѣздѣ въ Бюнцлау, Толь и товарищи мои догнали меня. Они останавливались на половинѣ дороги, чтобъ видѣть колонію Гернгутеровъ, и я очень сожалѣлъ, что и самъ не остановился тамъ, потому что давно уже желалъ видѣть эту секту, но не зналъ, что она у насъ на дорогѣ. По пріѣздѣ въ Бюнцлау, погода, которая прояснилась было, опять испортилась къ пріѣзду Императора и фельдмаршала Поднялся вѣтеръ, дождь, градъ и снѣгъ, все шло вмѣстѣ и, казалось, предсказывало намъ несчастье, которое должно было случиться въ этомъ городѣ. Мы печально сидѣли въ своей горенкѣ; вѣтеръ, дождь и градъ стучали въ стекла; Шрамъ и Ловейка пришли насъ извѣстить и рассказали

намъ, что только что видѣли представленіе Страстей Господнихъ. Мы полюбозытствовали тоже посмотрѣть, и мнѣ довольно понравилось. Машины были устроены просто, но представляли вѣрно всѣ замѣчательнѣйшія черты.

7-го назначенъ былъ походъ, когда мы получили извѣстіе, что фельдмаршалъ захворалъ. Князь Волконскій и Толь остались, а намъ приказано было выступать. Передъ отъѣздомъ, Ва-шутинъ и я пошли къ обѣднѣ, потому что сегодня начинается страстная недѣля. Прямо изъ церкви пустились въ путь, прошли границы Силезіи, вступили въ Саксонію и остановились въ маленькомъ городкѣ Лобанѣ. Саксонцы встрѣтили насъ съ такою же радостью, какъ и Пруссаки и, не смотря на то, что король ихъ еще нашъ непріятель, народъ насъ любитъ и гораздо болѣе желалъ бы сражаться за насъ, чѣмъ за Французовъ, зная, что свобода ихъ отъ того зависитъ. Чтобъ доказать свою радость нашему Императору, они вздумали, кромѣ народной встрѣчи, поставить на башню множество музыкантовъ, которые играли, какъ могли громче, и музыка эта раздавалась по всему городу. Хозяинъ нашей квартиры такъ былъ радъ, что не только самъ напился пьянъ, но и напоилъ всю свою многочисленную семью, и всѣ они пѣли, безпрестанно перебивая свои пѣсни, громкими криками: ура Александру! плясали и шумѣли, такъ что мы заперлись въ крошечную комнатку, оставя ихъ на просторѣ радоваться приходу Русскихъ.—8-е устроили походную церковь, и я пошелъ къ обѣднѣ. Въ ожиданіи Императора, разговаривалъ съ г-жей Солданъ. За службой я стоялъ очень близко отъ Государя и не могъ довольно надивиться его набожности и усердію въ молитвѣ. Нѣмцы, которые наполняли церковь, не вѣрили своимъ глазамъ, видя такого великаго монарха, такъ смирен-

но повергающагося передъ Всевышнимъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „О ежели бы чудовище Наполеонъ „былъ такъ богомоленъ, какъ вашъ „Императоръ, я увѣренъ, что онъ те- „перь обладалъ бы Россіей!“

Я посмѣялся надъ странной этой идеей. Послѣ обѣдни Императоръ вышелъ изъ церкви, и весь народъ бросился на лѣстницу, по которой онъ долженъ былъ сходить, такъ что онъ съ трудомъ могъ пройти, а г-жа Солданъ попала въ самую толпу и закричала мнѣ; я поспѣшилъ къ ней на помощь и, послѣ долгихъ усилій, благополучно привелъ ее домой. Послѣ обѣдни мы поѣхали въ Рейхенбахъ. Я слѣдовалъ за Императоромъ, желая видѣть, какъ его встрѣтятъ въ Герлицѣ, чрезъ который мы должны были проѣзжать. Встрѣча была великолѣпна, и хотя онъ всегда и вездѣ почти одинъ и тѣ же, но какъ городъ большой, то и стеченіе народа было велико. Императоръ остановился въ городской думѣ, вышелъ на балконъ и оттуда благодарилъ народъ, потомъ поѣхалъ далѣе. Я не могъ слѣдовать за нимъ, потому что лошадь моя очень устала, и я поѣхалъ одинъ потихоньку. Городъ Герлицъ великъ и очень хорошо выстроены, и я удивлялся, почему главная квартира не была тамъ назначена. Мнѣ кажется, что ей тамъ было бы гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Рейхенбахѣ, гдѣ не нашлось ни одного дома, годнаго для Государя, и онъ занялъ, за полмили отъ городка, домъ одного помѣщика, а мы помѣстились въ маленькомъ домикѣ одного добраго чловѣка, который насъ угощалъ очень радушно, но все скоромнымъ, такъ что я, желая поститься на страстной недѣлѣ, ничего не ѣлъ.—9-е мы пробыли въ Рейхенбахѣ. Государь очень рано поѣхалъ въ Геригутъ за милю отсюда, посмотрѣть на извѣстную секту, которая получила отъ города свое названіе. Государь возвратился въ началѣ 12 часа, и я не преминулъ пой-

ти въ домъ, гдѣ онъ квартировалъ, къ обѣднѣ; но весьма раскаялся, что пошелъ, во-первыхъ потому, что очень усталъ прошедъ нѣшкомъ, во-вторыхъ потому что церковь была устроена подлѣ царскаго кабинета и хотя всѣхъ пускали въ нее, но тамъ было только нѣсколько генераловъ, и я былъ между ними весьма некстати. Мнѣ кажется, что даже Государь замѣтилъ, что я былъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; однако я отстоялъ всю обѣдню и возвратился домой въ совершенномъ изнеможеніи. Князь Волконскій и Толъ пріѣхали изъ Бауцена и сказали намъ, что фельдмаршалъ отчаянно боленъ. Извѣстіе это опечалило насъ и всю армію. 10-го мы пошли въ Бауценъ. Мнѣ ужасно хотѣлось быть у обѣдни, но, вспоминая вчерашнюю, я не рѣшился идти къ церковь и поѣхалъ съ Вашутинымъ. Въ полдень мы уже были въ Бауценъ, на хорошенькой квартирѣ у добраго хозяина, который угостилъ насъ очень порядочно и удивилъ тѣмъ, что говорилъ по-русски, чему выучился въ Петербургѣ. Бауценъ изрядный городокъ, выстроенный въ древнемъ вкусѣ. Магазиновъ и лавокъ довольно много. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. 11-го страстная пятница; мнѣ очень хотѣлось быть у заутрени, зная, что Государь долженъ былъ присутствовать, и я бѣгалъ по всему городу, стараясь узнать, гдѣ будетъ поставлена церковь. Она была устроена въ самомъ дворцѣ, и я отправился туда, но не посмѣлъ взойти, увидавъ въ полуотворенную дверь, что тамъ только Государь, даже очень немного генераловъ. Печально я побрелъ домой и поѣхалъ съ товарищами въ Рейхсбергъ. 12-го мы должны были взойти въ Дрезденъ. Въ полномъ парадѣ мы пошли къ князю, но въ ту самую минуту, какъ мы собирались выступить, я увидалъ Императора, идущаго въ церковь и никакъ не могъ удержаться, чтобъ не попытаться идти за нимъ, и на этотъ разъ мнѣ уда-

лось хорошо отслушать обѣдню великой субботы. Князя я догналъ послѣ службы подъ самымъ Дрезденомъ, но завтра я расскажу тебѣ о нашемъ входѣ; сегодня прощай, усталъ и спать хочется.

Рейхсбергъ 7-го мая.

Я оставилъ тебя у воротъ Дрездена, любезная сестра, вотъ тебѣ продолженіе. Пріѣхавъ къ воротамъ города, мы нашли уже тамъ гауптвахту и 3-й корпусъ гренадеровъ, ожидающихъ насъ. Князь выстроилъ ихъ по дорогѣ; но, зная, что Императоръ пріѣдетъ только черезъ два часа, я поѣхалъ въ городъ, и мы за нимъ. Наша квартира была въ гостинницѣ Берлинъ, на лучшей площади, и не только наша комната, но даже и обѣдъ былъ порядочный. Не было только помѣщенія нашимъ лошадямъ; я взялся отыскать имъ конюшню, но не могъ заняться этимъ тотчасъ же, потому что князь поѣхалъ на встрѣчу Императору, и мы должны были слѣдовать за нимъ. Князь обѣхалъ всѣ войска и остановился во главѣ ихъ, ожидать Государя. Видъ этого побѣдоноснаго войска, разставленнаго больше чѣмъ на версту, по дорогѣ, въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ такого великаго Монарха, какъ нашъ. Толпа народа вышла къ воротамъ и была такъ велика, что съ трудомъ могли сберечь маленькое мѣстечко для Императора, и насъ князь отослалъ, чтобъ мы не затрудняли еще прохода, такъ какъ насъ было много. Императоръ скоро пріѣхалъ, сдѣлалъ смотръ войскамъ и съ триумфомъ въѣхалъ въ городъ, при звукахъ музыки, звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣлахъ и радостныхъ крикахъ публики. Посреди города, на большой площади (Неймарктѣ), гдѣ была наша квартира, Государь сталъ совсѣмъ противъ нашихъ оконъ, войска проходили мимо него парадомъ, что продолжалось около двухъ часовъ. Послѣ парада Императоръ поѣхалъ на свою квартиру, но народъ не далъ ему

покою востерженными своими криками. Ура и вивать раздавались вокруг дворца и заставляли Государя по нѣскольку разъ выходить на балконъ, или показываться у окна. Послѣ парада я искалъ по всему городу помѣщенія для нашихъ лошадей и, послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, нашелъ хорошій сарай въ томъ же домѣ, гдѣ квартировали, но который нашъ хозяинъ тщательно со всѣхъ сторонъ закрылъ, сберегая его для путешественниковъ, которые могли бы у него остановиться. Устроивъ нашихъ лошадей, я поспѣшилъ отдохнуть, чтобъ быть бодрымъ и свѣжимъ у заутрени (ты помнишь вѣдь, что я описываю тебѣ 12-го апрѣля, слѣдовательно завтра Свѣтлое Воскресенье 13-го). Ровно въ 12 часовъ, Емельяновъ, Селавинъ, нѣсколько офицеровъ и я были во дворцѣ. Служба началась и, когда кончилась заутрени, мы всѣ пошли поздравить Его Величество, и онъ каждому изъ насъ поцѣловалъ три раза. Послѣ христосованья началась обѣдня. Изъ церкви мы пошли поздравить князя. Въ 10 часовъ утра былъ опять парадъ, по случаю прихода кирасировъ и гвардейскихъ гусаровъ. Государь поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, и они прошли мимо него церемоньяльнымъ маршемъ по нашей площади. Остальную часть дня я провелъ съ знакомыми, которыхъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. Братъ тоже пришелъ и провелъ со мной два дня, также Чаплинъ и Молоствовъ, старинный, пансионскій мой товарищъ. Въ Дрезденѣ мы пробыли только три дня, и все время прошло въ праздникахъ и иллюминаціяхъ. Два раза я былъ въ театрѣ, вообще всѣ три дня были только балы, спектакли и всякаго рода увеселенія, и мы очень удивились, когда среди этихъ веселостей мы получили, во вторникъ вечеромъ, приказъ выступать на слѣдующій день. Всѣ бросились къ своимъ полкамъ, и братъ, который былъ у меня, не зналъ,

какъ ему доѣхать до своего полка; я долженъ былъ предложить ему моихъ лошадей, хотя и зналъ, что вернувшись въ ночь, онѣ очень устанутъ. Къ счастью мнѣ приказали остаться на нѣсколько дней, для полученія денегъ комиссіи, и Емельяновъ, оставшійся съ багажемъ, желалъ, чтобъ я былъ при немъ. Однако я скоро его оставилъ, потому что комиссія тоже уѣхала. Я выѣхалъ изъ Дрездена въ пятницу утромъ. Забылъ сказать, что намъ запретили брать съ собой экипажи, но мы понадѣялись, что ежели они поѣдутъ сзади и нѣсколько времени послѣ насъ, никто ихъ не замѣтитъ, и велѣли имъ ѣхать.

14 мая 1813 г.

18-го апрѣля я поѣхалъ изъ Дрездена въ моей каретѣ догонять армію и надѣялся застать и комиссію, чтобъ получить деньги. Въ Вальдгеймѣ я ночевалъ и нашелъ тамъ карету Вашутина и письмо отъ него. Онъ писалъ, что имѣть съ собой каретъ невозможно, и что они отсылаютъ свои въ Дрезденъ; я принужденъ былъ отослать туда же и мою, а самъ поѣхалъ съ Гернгроссомъ въ почтовой каретѣ. 19-го я засталъ комиссію въ Рахлицѣ, и какъ она отправлялась въ Герингсвальдъ, принужденъ былъ вернуться туда же и по обыкновенію добивался денегъ два дня, когда могъ получить ихъ въ два часа. Мнѣ было ужасно скучно, особенно когда я услышалъ сильную пушечную пальбу и узналъ, что 20-го было большое сраженіе подъ Люценомъ, а я не могъ принимать въ немъ участія. Тутъ же я получилъ извѣстіе, что мы лишились фельдмаршала, умершаго въ Бюнцлау, и эта грустная новость еще увеличила мою тоску. Одно утѣшеніе писать тебѣ, любезная сестра, и надѣюсь, что ты довольна мною. Наконецъ, 21-го утромъ, я окончилъ дѣла съ комиссіей, съ большимъ удовольствіемъ покинулъ Герингсвальдъ и возвратился въ армію, сильно боясь потерять по-

лученныя мною сорокъ тысячъ. Проѣхавъ Рахлицъ, я встрѣтилъ Бровкова, верхомъ передъ каретой, окруженной нѣсколькими нашими офицерами. Первая моя мысль была, что въ каретѣ Толь раненный, но Бровковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Толь не раненъ, но что у него лихорадка и что онъ ѣдетъ въ Дрезденъ лечиться, а я опять вернулся въ Рахлицъ, гдѣ Толь остановился отдыхать. Принявъ отъ меня отчетъ въ данномъ мнѣ имъ порученіи, генераль сначала приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Дрезденъ, но раздумавъ и послалъ меня въ армию роздать тамъ деньги, которыя я получилъ. Въ Рахлицѣ товарищи рассказали мнѣ вчерашнее дѣло. Оно кончилось безъ урона съ нашей стороны, но, не смотря на то, армія наша отступаетъ, и никто изъ нихъ не знаетъ тому причины. Когда Толь уѣхалъ, я отправился тоже, не зная совершенно, гдѣ найду главную квартиру. Въ Гелльгау нашелъ нашъ обозъ со множествомъ солдатъ, и думая, что главная квартира не замедлитъ придти, остался ночевать. 22-го утромъ мимо насъ все шло войско, и я узналъ, что главная квартира въ Рахлицѣ; опять я вернулся, но не нашелъ никого; мнѣ сказали, что она въ Пенигѣ, за милю оттуда и, не теряя ни минуты, я отправился въ Пенигъ. На дорогѣ встрѣтились мнѣ товарищи и сказали, что Императоръ и князь Волконскій уѣхали въ Дрезденъ на почтовыхъ, что князь Витгенштейнъ сдѣланъ главнокомандующимъ, и что во время болѣзни Толя, Гартингъ исправляетъ его должность, и что они ѣдутъ въ Рахлицъ, куда будетъ главная квартира. Опять я поѣхалъ назадъ съ ними въ Рахлицъ, гдѣ было много затрудненій и безпорядковъ въ квартирахъ; я нашелъ себѣ порядочную и расположился въ ней съ Лукашевскимъ и Муравьевымъ, только что пріѣхавшими изъ Петербурга. Вашутинъ и Вишняковъ были въ Дрезденѣ

при князѣ. Явившись къ Гартингу, я поспѣшилъ раздавать деньги всѣмъ, кого могъ найдти. 23-го мы опять начали ретироваться и пришли въ Герсдорфъ, гдѣ ночевали. Дорогой я встрѣтилъ брата, который сказалъ мнѣ, что въ послѣднемъ дѣлѣ былъ раненъ, слава Богу, легко. Вечеромъ Гартингъ далъ мнѣ писать нѣсколько бумагъ, желая оставить меня при себѣ, но я не могъ исполнить его желанія, имѣя порученіе отъ Толя; написалъ ему бумаги, роздалъ офицерамъ почти всѣ деньги и поспѣшилъ къ Толю въ Дрезденъ, гдѣ онъ приказалъ мнѣ остаться. Вашутинъ и Вишняковъ мнѣ очень обрадовались; они думали, что я раненъ или убитъ, потому что давно меня не видали и ничего про меня не слыхали.

Прощай, любезная сестра; товарищи пришли и мѣшаютъ мнѣ писать.

Деревня Гределицъ въ Силезіи.

20 мая 1813 г.

21-го Апрѣля я остался при Толя въ Дрезденѣ; мнѣ было скучно, потому что нечего было дѣлать, но я радъ былъ быть съ добрымъ моимъ генераломъ, и утѣшалъ себя мыслью, что когда Толь только выздоровѣетъ, то при немъ всегда будетъ много работы. 23-го вечеромъ получили приказъ ѣхать въ Бишофверду, и я отправился съ Вашутинымъ и Вишняковымъ. Печально выѣхали мы изъ города и, проѣзжая мостъ, вспомнили, съ какимъ триумфомъ, такъ еще недавно, вступали въ него; теперь темнота ночи, родъ таинственности, окружающій отступленіе нашихъ войскъ, безпорядокъ обоза, прискорбіе и уныніе во всѣхъ сердцахъ и на всѣхъ лицахъ, дѣлали наше путешествіе очень печальнымъ. Всю ночь мы проѣхали и съ разсвѣтомъ прибыли въ Бишофверду. Послѣ отдыха, мы всѣ собрались пить чай, какъ пришелъ Аполлонъ Ивановичъ Козловъ; я ему очень обрадовался, а также и извѣстіямъ о всѣхъ васъ. 27-го получили приказъ

идти въ Пильницъ. Весь день мы слышали пушечные выстрѣлы; князь Волконскій и Толь, несмотря на болѣзнь, поѣхали туда и вечеромъ когда возвратились, сказали намъ, что непріятель перешелъ Ельбу. Это извѣстіе заставило насъ еще скорѣе отступать. 28-го утромъ мы пошли въ Бауценъ, гдѣ были только къ вечеру и остановились на прежнихъ своихъ квартирахъ, но теперь не было болѣе празднествъ и иллюминацій; грусть и печаль встрѣтили насъ въ городѣ, всѣ почитали насъ совершенно разбитыми, а мы и сами не знали, чему приписать поспѣшную нашу ретираду. Все 29-е мы провели въ Бауценѣ, а 30-е утромъ Толь поѣхалъ выбирать позицію; я хотѣлъ ѣхать съ нимъ, но онъ приказалъ мнѣ отправляться въ Вюршенъ занять помѣщеніе для главной квартиры и для него самаго.

Вюршенъ, маленькая деревенька, за позиціею, которую мы выбрали. Я нашелъ довольно хорошую квартиру для Толя, а мы всѣ помѣстились въ сараѣ, хотя и должны были оставаться около пяти дней. Найти чего нибудь съѣстнаго не было никакой возможности, мы должны были довольствоваться тѣмъ, что привезли съ собой. Толь всякій день ѣздилъ на позицію и опять захворалъ, что заставило его опять возвратиться въ Рейхенбахъ. Онъ взялъ меня съ собой.

21-го мая 1813 г.

Въ Рейхенбахъ мы пріѣхали 5-го мая и расположились въ старыхъ своихъ квартирахъ. Мнѣ было ни весело, ни скучно. Я писалъ, читалъ, гулялъ, часто ходилъ къ генералу, здоровье котораго поправлялось. Онъ обѣщалъ какъ скоро узнаемъ, что назначено будетъ сраженіе, мы поѣдемъ въ армию. 6-го я ѣздилъ въ Герлицъ и провѣлъ тамъ цѣлый день съ Аполлономъ Ив. Козловымъ, 8-го опять поѣхалъ въ Герлицъ съ Вишняковымъ, который за мной заѣхалъ, чтобъ сдѣлать кое-какія покупки. Онъ рассказалъ

мнѣ, что Барклай одержалъ побѣду надъ непріателемъ, взявъ въ плѣнъ три тысячи человекъ и нѣсколько пушекъ. Вечеромъ мы услышали сильную канонаду и, думая, что непріятель напалъ на нашу позицію, очень торопились вернуться въ Рейхенбахъ, боясь не застать тамъ Толя; но къ счастью нашли его только собирающимся, въ надеждѣ, что завтра будетъ сраженіе. На слѣдующее утро мы услышали частые пушечные выстрѣлы и поѣхали съ Толемъ въ Вюршенъ. Тамъ все уже было въ волненіи; князь уѣхалъ на поле сраженія. Толь сейчасъ туда же отправился, и я за нимъ. На маленькомъ пригоркѣ стоялъ Императоръ, мы встали туда же и могли видѣть все прекрасно. Сраженіе было очень жарко, непріятель сперва атаковалъ нашъ лѣвый флангъ, но его отбили, потомъ онъ бросился въ центръ, но также былъ отбитъ; все шло хорошо, и мы начали думать, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Вдругъ въ 4 часа пополудни мы узнали, что непріятель бросился на нашъ правый флангъ, и мы принуждены были ретироваться. Отступление сдѣлано было въ величайшемъ порядкѣ, что довольно удивительно въ подобныхъ случаяхъ. Во время сраженія, Толь по обыкновенію былъ вездѣ, и я всюду за нимъ слѣдовалъ, и онъ давалъ мнѣ различныя порученія; могу сказать, что никогда еще не бывалъ въ такихъ опасностяхъ; между прочимъ мы пробывали съ полчаса на батарее, гдѣ ядра сыпались со всѣхъ сторонъ, каждую минуту, и много людей было убито и ранено въ нашихъ глазахъ; насъ Богъ помиловалъ. При генералѣ Толѣ новый офицеръ на ординарцахъ, Орловской. Къ вечеру, когда сраженіе кончилось, г. Толь со мной поѣхалъ на дрожкахъ въ Рейхенбахъ, куда должна была придти армія.

10-го мы встали очень рано, а г. Толь уже уѣхалъ. Вашутинъ и я поспѣши-

ли его догнать и, узнавъ, что главная квартира назначена была въ Лобанѣ, поѣхали туда; въ Герлицѣ нашли Толь отдыхающаго, и сами остановились. Пока мы съ Вашутинымъ пили чай, Толь поѣхалъ дальше; я поскакалъ за нимъ, но вообрази мое удивленіе и испугъ, когда, проѣхавъ нѣсколько верстъ, я увидѣлъ его лежащаго на травѣ, и узналъ отъ Бровкова, что онъ упалъ съ дрожекъ, которыя чрезъ него переѣхали. Толь очень страдалъ, мы бережно положили его въ коляску и тихонько повезли въ Лобань, гдѣ докторъ осмотрѣлъ его, скоро помогъ ему и успокоилъ насъ, сказавъ, что генералъ скоро поправится.

11-го мая мы поѣхали и прибыли въ Лобенбергъ, гдѣ намъ дали прескверныя квартиры, а лошадямъ нашимъ и совсѣмъ не было мѣста. Опять мы въ Силезіи, и не знаю, куда мы теперь пойдемъ; нельзя сказать, чтобъ мы были разбиты, напротивъ всякой день ознаменованъ какою нибудь выгодой, однакоже мы все ретируемся; въ арміи безпорядокъ, Витгенштейнъ потерялъ голову, прочіе генералы сами не знаютъ, что дѣлаютъ, всѣ хотятъ командовать, всѣ хотятъ умничать, оттого страшная сумятица; одинъ Толь, хотя онъ теперь и совсѣмъ почти здоровъ, ни во что не входитъ, и мнѣ кажется онъ отлично дѣлаетъ. Говорятъ, Барклай де Толли будетъ сдѣланъ главнокомандующимъ.

23-го мая 1813 г.

12-го мая мы должны были выступить изъ Лобенберга. Генералъ, почти совершенно здоровый, хотѣлъ ѣхать со мной на дрожкахъ; я болѣе двухъ часовъ его дождался, наконецъ онъ объявилъ, что будетъ дожидаться гр. Витгенштейна и просилъ насъ ѣхать впередъ. Въ три часа мы были въ Голдбергѣ. Первый, кого я встрѣтилъ, былъ Емельяновъ, квартира его была у самыхъ воротъ, и я прямо пошелъ къ нему, и съ нимъ вмѣстѣ разсматривали гидравлическую машину, по-

средствомъ которой пропускается вода маленькой рѣчки, текущей въ самомъ городѣ, построенномъ на высокой горѣ. Потомъ я пошелъ въ свою квартиру, гдѣ уже нашелъ товарищей и Чаплина, дежурнаго офицера при Великомъ Князѣ. 13-го мая мы пошли въ Изеръ.

Я тебѣ не говорю ничего обо всѣхъ городахъ, черезъ которые мы проходимъ, потому что описывалъ ихъ, когда мы шли въ Силезію; всѣ они на одинъ манеръ, всѣ обнесены одной или двумя стѣнами, всѣ хорошо выстроены; здѣсь каждая деревня могла бы быть у насъ порядочнымъ уѣзднымъ городомъ.

14-го мая въ Изерѣ былъ отдыхъ; въ этотъ день раздавали награды за Люценское сраженіе: Дурновъ получилъ чинъ и Владимира 4-й ст., Вашутинъ тотъ же крестъ, Созоновъ Анну 2-й ст. всѣ, которые были при князѣ Волконскомъ награждены, кромѣ бѣднаго Вишнякова, которому ничего не дали. Нашъ Бровковъ тоже ожидалъ награжденія и чрезвычайно осердился, что ничего не получилъ.

Мы весь день поздравляли новыхъ кавалеровъ и пиروвали съ ними. 13-го мая пошли въ Стригау; я ѣхалъ съ генераломъ и когда устроилъ его на квартирѣ, пошелъ въ свою и долго спорилъ съ хозяевами объ обѣдѣ, но ни къ чему не повелъ нашъ споръ: мы должны были удовольствоваться однимъ варенымъ картофелемъ.

16-го мая пошли въ Шведницъ, я опять поѣхалъ съ г. Толемъ, на дороге встрѣтилъ брата и сказалъ ему пріятную новость, что для него есть на почтѣ деньги, чтобъ онъ пріѣзжалъ ихъ получить. Въ Шведницѣ мы скоро нашли квартиру генерала, но она была занята, и мнѣ стоило много труда отыскать другую порядочную. Шведницъ довольно большой городъ, фортификаціи сдѣланы вокругъ всего города, и многіе полагаютъ, что мы здѣсь долго останемся.

17-го мая я имѣлъ счастье получить письмо отъ батюшки, въ которомъ онъ мнѣ прощаетъ мой проступокъ и такъ милостивъ, что обѣщаетъ заплатить за меня деньги, которыя я потерялъ. Все безпокойство мое кончилось, и я не сумѣю рассказать, какъ велика моя радость. Послѣ обѣда пріѣхалъ братъ съ Аполлономъ Ивановичемъ, и мы провели время очень весело.

19-го мая армія заняла позицію позади города, и главная квартира была переведена въ деревню Гредицъ, гдѣ, несмотря на то, что деревушка маленькая, квартиры были очень не дурны.

21-го мая вечеромъ поѣхалъ въ Рейхенбахъ, взявъ деньги для генерала.

22-го возвратился и узналъ, что армія уже выступила, что главная квартира Барклая де-Толли, который сдѣланъ главнокомандующимъ, еще въ Гредицѣ, но что мы не замедлимъ идти въ передъ; однако же сегодня 23-го мая, мы все въ Гредицѣ, и ни чего не слышно о походѣ.

Рейхенбахъ 30-го іюня.

24-го мая получили извѣстіе, что перемиріе подписано на шесть недѣль, поэтому можно ожидать скорого мира, но желать его нельзя; можно предвидѣть, что ежели Наполеонъ и согласится на такой миръ, какъ мы хотимъ, то это будетъ только обманъ, чтобъ выиграть время, собраться съ новыми силами и нанести намъ жестокой ударъ; но не мнѣ разсуждать о политическихъ дѣлахъ; я желаю только, чтобъ война кончилась благополучно, къ умноженію славы нашего отечества.

25-го мы оставили Гредицъ, я поѣхалъ съ генераломъ и нашли въ Рейхенбахѣ хорошія квартиры. Императоръ занялъ Петерсвальдъ, прекрасный замокъ на горѣ въ двухъ верстахъ отъ города. Въ Рейхенбахѣ мы будемъ ждать конца перемирія, которое назначено до 8 іюля. Мы уже здѣсь четыре дня; я гуляю, хожу къ

товарищамъ, чаще всѣхъ вижу Аполлона Иван., который здѣсь живетъ; братъ пріѣзжалъ два раза на ординарцы къ Великому Князю, былъ нѣсколько разъ у меня, сегодня онъ уѣхалъ въ свой полкъ; вчера пришла сюда гвардейская резерва, и я очень обрадовался Татищеву. Вотъ тебѣ, любезная сестра, распредѣленіе должностей моихъ товарищей. Дурновъ, Перовскій и Рамбургъ, при князѣ Волконскомъ, начальникъ главнаго штаба; у генерала Толя своя канцелярія, при которой Щербининъ, Вашутинъ, Данилевскій, Бровковъ и я, всѣ прочіе при Гартингѣ. Дѣла у насъ не было вовсе. Наша квартира была на лучшемъ мѣстѣ въ городѣ, противъ насъ квартира Барклая де-Толли, князи Волконскаго и почти всѣхъ генераловъ, такъ что очень оживлено, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала жена Барклая, и еще нѣсколько дамъ. Денегъ, полученныхъ изъ комиссіи, я роздалъ уже очень много и мало объ нихъ безпокоился, какъ вдругъ замѣтилъ, что мнѣ не достаетъ тысячи пяти сотъ рублей; въ первый разъ, я думалъ, что самъ ихъ потерялъ, но теперь увѣренъ въ противномъ; не имѣя ни на кого подозрѣнія, я не желаю дѣлать скандала и никому не говорю объ этихъ деньгахъ кромѣ тебя одной, любезная сестра. Буду экономничать и надѣюсь замѣнить эту утрату своими деньгами; это возможно тѣмъ болѣе, что отчетъ потребуютъ только по окончаніи войны, но даже еслибы и потребовали, я легко могъ бы занять столько. Не забудь, что ты одна объ этомъ знаешь; воображаю, какъ ты меня бранишь и прошу снисхожденія. Въ Рейхенбахѣ мы не скучно проводимъ время, много гуляемъ по горамъ, насъ окружающимъ, но почти не стоить на нихъ взбираться, потому что онѣ покрыты густымъ лѣсомъ, который заслоняетъ намъ красивые виды. Иногда мы ходимъ въ колонію Гернгу-

товъ, но большую часть времени проводимъ дома съ товарищами. Столъ у насъ хорошъ, и въ изобиліи земляника и вишни. По воскресеньямъ я хожу въ Петерсвальдъ въ дворцовую церковь къ обѣднѣ. Въ Троицынъ день былъ великолѣпный праздникъ, для Измайловскаго полка. Государь присутствовалъ съ королемъ Прусскимъ. Въ половинѣ іюня Императоръ уѣхалъ въ Богемію и пробылъ тамъ недѣлю. Говорили, что будетъ свиданіе съ Австрійскимъ императоромъ, но оно не состоялось. По возвращеніи Государь дѣлалъ великолѣпный парадъ для Австрійскаго посланника, но это ничего не рѣшило, и никто не знаетъ, за кого стоять Австрійцы.

27 іюня Императоръ опять уѣхалъ на свиданье съ Шведскимъ принцемъ Бернадатомъ. Онъ еще не вернулся; говорятъ, что его пріѣздъ долженъ рѣшить что нибудь, такъ какъ перемиріе кончается. Должно ожидать скорѣе войны, чѣмъ мира. Нашъ князь Волконскій и Толь теперь состоятъ при Его Величествѣ, я остался при Толѣ; и мнѣ и товарищамъ рѣшительно дѣлать нечего.

Рейхенбахъ 1813 г. 30 іюля.

Перемиріе еще продолжено до 4-го августа. Это надоѣло намъ, и мы не понимаемъ, какая можетъ быть этому причина, потому что слышимъ о новыхъ побѣдахъ надъ Французами въ Испаніи, и говорятъ, что Наполеонъ самъ туда поѣхалъ и что здѣшняя его армія очень ослабла, такъ какъ онъ отправилъ туда большое число войска. Можетъ быть, будетъ миръ, но это еще неизвѣстно, и война кажется вѣроятнѣе.

Вотъ все о политическихъ дѣлахъ что я знаю, поговоримъ о моихъ собственныхъ. Я ничего не работаю, только гуляю и читаю. Козловъ уѣхалъ въ Варшаву, брата давно не видалъ. все не могу рѣшиться поѣхать къ нему; 14-го числа этого мѣсяца я съ товарищами ѣздивъ въ Люндекъ, зна-

менитый минеральными водами и большимъ собраніемъ высшаго общества. Мы провели тутъ цѣлый день очень весело. Городокъ хорошенькій, мѣстоположеніе чудное, время проводятъ въ гуляньи, осмотрѣ стекляннаго завода, находящагося по близости и не подчиняются никакому этикету. Я купилъ здѣсь кой-какія бездѣлюшки и очень бы желалъ переслать ихъ вамъ, но не знаю, какъ это мнѣ удастся.

Теплицъ 1-го сентября.

Послѣ 13-го іюля мы пробыли еще двѣ недѣли въ Рейхенбахѣ, и не было ничего интереснаго. Все еще не знали, что будетъ, война или миръ. Наконецъ, въ концѣ іюля, намъ объявили, что перемиріе кончилось и что Австрійскій императоръ нашъ союзникъ. Мы начали готовиться къ походу и 31-го іюля получили приказъ идти въ Богемію. Генералъ приказалъ мнѣ выѣхать 30-го и какъ главная квартира должна была на другой день придти въ Глатцъ, то я, не смотря на разстояніе шести миль, былъ тамъ къ вечеру. Глатцъ стоитъ среди горъ, вся дорога къ нему идетъ по красивымъ мѣстамъ, но я такъ торопился, что не имѣлъ времени любоваться великолѣпіемъ природы. Я пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ вечера и очень долго отыскивалъ квартиры, наконецъ занялъ что-то въ родѣ кабака, и тому былъ чрезвычайно радъ. 31-го всталъ очень рано и скоро увидалъ пріѣзжающихъ товарищей; они должны были быть еще вчера, но разсудили ночевать дорогой и сдѣлали лучше чѣмъ я. Квартирмейстеры тоже пріѣхали и начали раздавать квартиры, но не могли скоро кончить, потому что Прусскій командиръ города не хотѣлъ помогать, а жители вмѣсто того, чтобъ показывать свои дома, запирали ихъ и никого не впускали, такъ что послѣ пятичасовой бѣготни по городу, могли только найти квартиру для Императора; когда пріѣхали князь Волконскій и генералъ Толь,

для нихъ не было еще квартиры, и они остановились въ харчевнѣ. Князь послалъ за комендантомъ и разбранилъ его, хотѣлъ даже арестовать. Потомъ онъ уѣхалъ съ Государемъ и генераломъ въ Прагу на почтовыхъ, а мы остались въ Глатцѣ. Вечеромъ мы гуляли по городу и осматривали крѣпость, которая считается лучшей въ Силезіи: по одну сторону гора, а по другую рѣка Нейсъ, дѣлають ее неприступной.

1-го августа мы снова пошли въ походъ и сдѣлали переходъ въ шесть миль. Въ 9 часовъ вечера были въ Калишѣ и опять встрѣтили большія затрудненія съ квартирами, потому что много было занято г. Барклаемъ де-Толли; на нашу долю оставалось такъ мало, что нѣсколько генераловъ поѣхали ночевать въ сосѣднія деревни, а намъ пришлось довольствоваться всѣмъ однимъ сараемъ. Мы вступили въ Богемію, жители чрезвычайно бѣдны, и очень чувствительна разница съ Силезіей, которая самый изобильный край Германіи. Серебра почти не видать, а бумажекъ множество, и къ нашему удивленію курсъ изрядный. За серебряный крейцеръ даютъ полторы и двѣ бумажки. Жители принимаютъ насъ такъ дурно, что и сами непріатели не могли съ нами хуже обходиться. Они почти не пускають насъ въ дома и за все, что мы ни попросимъ, требуютъ страшныя цѣны. Все это надо приписать ихъ бѣдности и тому, что Французы не научили ихъ еще тому, что значитъ война.

2-го августа опять пошли въ походъ. Погода была окверная, грязь по колѣна, и къ несчастію намъ надо было сдѣлать восемь миль; мы смертельно устали, перемокли, перезябли и проклинали Прагу, Богемію, Австрійцевъ и весь свѣтъ. Въ Штолицѣ, куда мы пришли опять, пошли хлопоты съ квартирами; та, которая была намъ назначена, была наполне-

на Прусскими солдатами; они не хотѣли уступить ее, дождь шелъ проливной, намъ не оставалось ничего дѣлать, какъ помѣститься въ маленькой горенкѣ, гдѣ былъ унтеръ-офицеръ Прусскихъ солдатъ, занявшихъ нашу квартиру, но и онъ насъ не хотѣлъ пустить, началъ шумѣть, и мы послали уже за однимъ изъ офицеровъ, чтобъ его усмирить, но нашимъ посчастливилось найти другую квартиру, которую мы тотчасъ же заняли, оставя въ покоѣ Пруссаковъ. Они хорошіе союзники, но отменно не учтивы и не знаютъ никакой дисциплины.

Новая наша квартира такъ была тѣсна, что когда мы пятеро въ нее вошли, то насилу могли повернуться. Хозяинъ принялъ насъ очень хорошо, угощалъ насъ всѣмъ, что имѣлъ, и мы было забыли, что находимся въ Богеміи, но онъ напомнилъ намъ объ этомъ, подавая счетъ, по которому намъ пришлось заплатить ему три червонца.

3-го августа мы пришли въ Лиссу, гдѣ, слава Богу, не надо было хлопотать о квартирахъ, которыя были розданы въ совершенномъ порядкѣ. Вечеромъ я ходилъ гулять и любовался прекрасными окрестностями этого города.

4-го августа мы пошли въ Прагу; я поѣхалъ впередъ, чтобъ занять получше квартиры, но, сколько ни бѣгалъ по городу, ничего не могъ добиться; намъ дали горницу безъ столовъ, безъ стульевъ, безъ кроватей, и мы принуждены были ей довольствоваться.

Прага хороша, но неправильно выстроена и немного напоминаетъ Москву. Мостъ на Молдавѣ, первый въ Европѣ послѣ Дрезденскаго. Въ Прагѣ я встрѣтилъ много знакомыхъ и ходилъ во дворецъ къ адъютантамъ князя Волконскаго. Архитектура дворца замѣчательно хороша и напоминаетъ нашъ Кремль. Австрійская гвардія стояла на караулѣ.

5-го августа мы пробыли весь день въ Прагѣ, я видѣлъ Австрійскаго императора и двухъ славныхъ генераловъ: Моро и Жюмини, которые вступили въ нашу службу. Вечеромъ князь Волконскій уѣхалъ съ генераломъ Толемъ, а мы пробыли еще 6-е и, какъ этотъ день праздникъ Спаса Преображенья, я былъ у обѣдни въ придворной церкви, потомъ гулялъ по опустѣвшей вдругъ Прагѣ и встрѣтилъ только одного доктора, жившаго тридцать лѣтъ въ Москвѣ и хорошо знавшаго батюшку.

7-го августа мы съ удовольствіемъ оставили Прагу, гдѣ насъ дурно приняли и дурно кормили въ дурныхъ квартирахъ.

Намъ надо было идти въ Милникъ, и я отправился по большой дорогѣ, думая, что она приведетъ меня туда, но ѣхалъ уже болѣе четырехъ часовъ и все еще не видалъ Милника, отстоявшаго только три мили отъ Праги. Распросивъ мужиковъ, я узналъ, что Милникъ совсѣмъ въ другой сторонѣ и хотѣлъ уже туда отправиться, какъ одинъ Прусскій офицеръ догналъ меня и началъ увѣрять, что сегодня же главная квартира будетъ въ Вендрусѣ, именно на той дорогѣ, которую я взялъ нечаянно; я былъ въ недоумѣніи, что дѣлать, куда ѣхать; но, получивъ приказаніе быть въ Милникѣ, рѣшился туда ѣхать, взявъ проселочную дорогу, съ большимъ трудомъ переправился черезъ Молдаву и на той сторонѣ рѣки встрѣтилъ товарищей, которые сказали мнѣ, что въ самомъ дѣлѣ главная квартира будетъ въ Вендрусѣ. Сожалѣя, что не послушался Прусскаго офицера, я опять переправился черезъ Молдаву и только къ вечеру притащился въ Вендрусъ. Государь и князь Волконскій пріѣхали очень поздно.

8-го августа Императоръ, князь Волконскій и генералъ Толь уѣхали рано, оставя намъ приказъ идти въ Лоонъ; но когда мы пришли туда,

Императоръ уже уѣхалъ опять съ княземъ и генераломъ; оставался только Селавинъ, нашъ дежурный генералъ, о странностяхъ котораго я, кажется, уже тебѣ говорилъ.

Не получивъ никакого приказанія на завтрашній день, я пошелъ къ нему и самымъ учтивымъ манеромъ спросилъ, что дѣлать на слѣдующій день; но онъ страшно разсердился, что ему надоѣдаютъ и такой поднялъ шумъ, что я поспѣшилъ удалиться.

Это письмо давно уже начато, но Французы насъ безпрестанно тревожатъ, и я съ трудомъ могъ сегодня его докончить.

Теплицъ 1-го сентября 1813 г.

9-го августа утромъ мы узнали, что Императоръ, князь Волконскій и генералъ Толь находятся въ Грушевани, а главная квартира должна быть къ вечеру въ Комотау. Не имѣя никакого приказанія, мы пустились въ путь далѣе, сами по себѣ, не зная куда ѣхать. На дорогѣ встрѣтили адъютантовъ князя: Муравьева и Перовскаго точно въ такомъ же недоумѣніи какъ и мы; въ одной деревнѣ, гдѣ дорога раздѣлялась, мы остановились и начали совѣтоваться, что дѣлать. Вишняковъ рѣшился ѣхать въ Комотау, а мы трое въ Грушеванъ; я полагалъ, что пріѣхать оттуда въ Комотау не будетъ большой крюкъ. Въ Грушевани мы застали Императора и генераловъ еще занимающихся, но всѣ экипажи уже были готовы ѣхать въ Комотау. Я тотчасъ же поспѣшилъ туда же, занялъ квартиру для генерала и для себя и пошелъ на площадь дожидаться ихъ; громкій говоръ поразилъ меня, и я увидѣлъ нашего комендата Ставрикова, очень горячо спорившаго съ Австрійскимъ офицеромъ, стоящимъ на караулѣ у императорской квартиры, подошелъ къ нимъ изъ любопытства и что же оказалось: они оба выходятъ изъ себя, потому что не понимаютъ другъ друга, одинъ говоритъ по русски, дру-

гой по нѣмецки и кричатъ, что есть сила, сами не зная чего хотять. Мнѣ было и смѣшно и жалко ихъ, и я предложилъ служить имъ переводчикомъ, тогда они очень скоро согласились и помирились.

Ставриковъ преуморительный; съ тѣхъ поръ какъ мы взошли въ Германію, съ нимъ всякій день исторія: не понимая языка, онъ бранится со всѣми; полковникомъ онъ всегда ходилъ въ шинели и ни сколько собой не занимался, но какъ пожалованъ былъ въ генералы, то и въ холодную погоду гуляетъ безъ шинели, всѣмъ показываетъ свои эполеты и кресты и очень обижается, ежели кто ему не поклонится; впрочемъ онъ очень добрый человѣкъ. Генераль Толь приѣхалъ, я явился къ нему, но видя, что онъ занятъ, ушелъ гулять по городу; вечеромъ былъ на площади слушать австрійскую музыку, играющую зорю у императорской квартиры. Тутъ я встрѣтилъ многихъ нашихъ офицеровъ и Бровкова, который сказалъ мнѣ, что у него была ссора съ генераломъ, но кончилась безъ дурныхъ послѣдствій. Генераль давно его не терпитъ и желаетъ съ нимъ развязаться, но Бровковъ упрямъ и безъ настоящей ссоры отъ него не отстанетъ. Мы всѣ давно уже ожидали размолвки, и ты увидишь, что мы не ошиблись. Зорю пробили, всѣ разошлись и скоро легли спать. Ночью меня разбудили и послали къ генералу и что мы предвидѣли, исполнилось. Генераль отослалъ отъ себя Бровкова и велѣлъ мнѣ принять его должность. Я тотчасъ пошелъ къ Бровкову взять отъ него всѣ бумаги и онъ, видя, что это вовсе не шутка, увѣрялъ меня, что самъ просилъ генерала его уволить отъ этой должности. Я притворился будто вѣрю ему, и мы разошлись пріятелими. Бровковъ добрый человѣкъ, мы съ нимъ всегда жили въ ладу, и онъ въ разныхъ случаяхъ оказалъ мнѣ много услугъ. Жаль его,

а должность его, которую мнѣ поручили, совсѣмъ не завидна: кромѣ неприятностей и трудовъ ничего не выиграешь; она лестна мнѣ только тѣмъ, что доказываетъ довѣріе генерала. По приказу его я извѣстилъ о перемѣнѣ всѣхъ нашихъ офицеровъ, и былъ готовъ къ отъѣзду въ четыре часа утра.

10-го августа очень рано мы выступили; такъ какъ намъ надо было проѣзжать Богемскія горы, то всѣ экипажи остались въ Комотау, въючныя лошади пошли съ нами. Генераль поѣхалъ съ княземъ Волконскимъ и велѣлъ намъ слѣдовать за ними. Мы ѣхали съ Щербининымъ, Вашутинымъ и другими товарищами и благополучно проѣхали черезъ дефилеи Богемскихъ горъ, но въ Бозбергѣ уже не застали Императора: онъ поѣхалъ въ Маріенбергъ, и мы туда же отправились, но и тамъ никого не нашли. Умирая съ голода, мы вошли въ трактиръ, гдѣ встрѣтили генерала Тильмана и славно съ нимъ отобѣдали. Онъ тоже не могъ сказать, гдѣ найти главную квартиру и послѣ многихъ разспросовъ у каждого встрѣчнаго, мы наконецъ узнали, что Императоръ въ Зоблицѣ, и тотчасъ же туда поѣхали. Дорога была прескверная, надо было безпрестанно подниматься и спускаться со страшныхъ горъ, наши лошади замучились, и только къ вечеру мы попали въ Зоблицъ, гдѣ по счастью нашли главную квартиру. Я ходилъ къ генералу за приказаніями и потомъ, не смотря на усталость, гулялъ, любуясь великолѣпнымъ видомъ и высокими горами, которыя насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ. Мы всѣ довольны, что перешли границы Богеміи и вступили въ Саксонію. Французы были сегодня здѣсь по близости и поспѣшно ретируются къ Дрездену; я думаю, мы пойдемъ за ними и, можетъ быть, будемъ опять въ Дрезденѣ.

На слѣдующій день мы получили приказъ идти въ Рейхенбергъ, и гене-

ралъ Толь велѣлъ мнѣ послать Шрамовъ занять квартиры.

Австрійская армія, шедшая съ нашей, прибрела только ночью въ Зоблицъ и чрезмѣрно утомилась.

11-го августа весь день погода была отвратительная. Шрамы отправились утромъ занимать квартиры въ Рехенбергъ, а мы дожидались генерала, чтобъ ѣхать вмѣстѣ; но въ одиннадцать часовъ утра, диспозиція была перемѣнена, и походъ назначенъ въ Митель-Сайду, куда и генералъ Толь самъ сейчасъ же отправляется. Я сказалъ ему, что Шрамы уже уѣхали въ Рехенбергъ; онъ пожалѣлъ, что они напрасно пробѣдятъ и что онъ въ Митель-Сайдѣ будетъ безъ квартиры; я предложилъ ему и поскакалъ верхомъ. Дорога еще болѣе испортилась отъ дождя, шедшаго безпрестанно, и я насилу тащился и очень скучалъ одинъ; на мое счастье меня догналъ адъютантъ графа Ожаровскаго, Зыбинъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что бывалъ въ Москвѣ, очень знаетъ тебя, сестра, часто съ тобой танцевалъ у Апраксиныхъ и въ другихъ домахъ. Помнишь ли ты его? Онъ тогда служилъ въ гусарахъ Изюмскихъ. Приѣхавъ въ Митель-Сайду, мы заняли квартиры для своихъ генераловъ, и нашли Дурнова и другихъ офицеровъ, тоже хлопотавшихъ о квартирахъ. Дурновъ пришелъ ко мнѣ просить ѣсть, и я далъ ему сыру и вина. Ты вѣдь знаешь, что у моихъ Павла и Егора всегда есть для меня провизія, хотя не возможно достать и имѣть съ собой ничего съѣстнаго: ужъ они умудрятся имѣть все, что можетъ мнѣ понадобится. Приѣхалъ генералъ Толь и объявилъ мнѣ, что впредь будетъ состоять при князѣ Шварценбергѣ, который теперь командуетъ всѣми арміями. Вечеромъ Дурновъ и Щербининъ пришли ко мнѣ пить чай и рассказывали, что князь Волконскій поссорился съ генераломъ Толемъ. Это съ ними часто случается, потому

к. 3.

что послѣдній вспыльчивъ и горячъ, но они скоро мирятся; вѣрно и нынѣшняя ссора не долго продолжится.

12-го августа мы получили приказъ идти въ Рейхштадтъ, и генералъ велѣлъ мнѣ приготовить ему квартиру возлѣ князя Шварценберга. Пришлось мнѣ разставаться съ моими товарищами, и всѣмъ намъ это было очень прискорбно, мы такъ дружно и хорошо жили, но дѣлать было нечего. Приѣхавъ въ Рейхштадтъ, я взялъ для насъ квартиру на Австрійской половинѣ, а товарищи стояли совсѣмъ на другомъ концѣ города. Я пробылъ у нихъ цѣлый день и, съ грустью простясь съ ними, только вечеромъ пришелъ въ свою квартиру, которую занималъ вмѣстѣ съ Щербининымъ. Князь Шварценбергъ всегда находится въ главной квартирѣ Императора; генералъ Толь будетъ состоять при немъ, а у него насъ шесть человѣкъ: полковникъ Хоментовскій, Щербининъ, Трескинъ, два Шрама, Орловскій и я. Надо бы поговорить о всѣхъ нихъ, но свѣча догорѣла.

Прощай, любезная сестра.

Теплицъ, 3-го сентября 1813 г.

13-го августа въ одиннадцать часовъ утра мы поѣхали съ генераломъ и княземъ Шварценбергомъ дѣлать рекогносцировку около Дрездена, гдѣ непріятель укрѣпился, казалось, хотѣлъ защищаться; объѣзжая окрестности города, мы осматривали издали батареи, которыя поставили Французы. Фельдмаршалъ дѣлалъ свои диспозиціи и, въ ожиданіи Государя, мы всѣ встали на возвышеніе, съ котораго видна была вся позиція и Дрезденъ. На этой горкѣ мы оставались почти цѣлый день, вспоминая, глядя на городъ, какъ мы тутъ веселились: ожидали ли мы тогда, что черезъ четыре мѣсяца, мы придемъ отнимать его у непріятеля? Императоръ приѣхалъ вечеромъ съ генералами Моро и Жоини, собрали совѣтъ и по голосу Моро рѣшились окружить городъ нашими

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 9.

войсками, но не дѣлать никакихъ попытокъ брать его. Съ этимъ рѣшеніемъ мы оставили возвышеніе, на которомъ стояли, и генераль прямо оттуда послалъ меня въ деревню Бонневицъ, гдѣ назначена была главная квартира. Тамъ я нашелъ уже Орловскаго, мы взяли порядочныя квартиры, но совершенно пустыя и ничего еще не успѣли приготовить, какъ пріѣхалъ генераль. Ничего съѣстнаго не достали, но Егоръ всѣхъ насъ накормилъ, и Толь очень меня благодарилъ, особенно за чай, которому мы всѣ были очень рады.

14-го августа все было покойно. Генераль поѣхалъ осмотрѣть расположеніе войска, а насъ оставилъ дома. Мы долго ждали его, но когда услышали пушечныя выстрѣлы, съѣли на лошадей и поѣхали искать генерала. Онъ былъ съ Императоромъ на томъ же возвышеніи, гдѣ мы наканунѣ такъ долго стояли. Наши батареи начали стрѣлять со всѣхъ сторонъ, и мы не понимали, отчего вдругъ сдѣлалась такая перемѣна въ диспозиціи. Непріятель почти не отвѣчалъ намъ изъ города, а мы не переставали бросать имъ ядра и бомбы. Предмѣстье начало горѣть. Ночь наступила, Императоръ все еще стоялъ на горѣ, но когда почти совсѣмъ стемнѣло, Государь хотѣлъ уже ѣхать въ свою квартиру, какъ неожиданно неприятель напалъ на ближайшую къ намъ батарею. Мы сейчасъ туда поскакали, Императоръ отъѣхалъ немного назадъ, чтобъ не подвергать себя опасности. Пріѣхавъ къ батарее, мы нашли страшный безпорядокъ, который еще увеличивала темнота ночи: ядра, бомбы, гранаты сыпались со всѣхъ сторонъ и чуть не убили генерала Толя. Онъ сколько ни просилъ, бывшую тамъ австрійскую кавалерію атаковать французскую колонну, она никакъ не соглашалась безъ особеннаго повелѣнія ихъ главнокомандующаго, и въ ожиданіи это-

го повелѣнія, батарея была бы взята, ежели бы наши храбрые егеря не удержали неприятельскую колонну, чѣмъ дали время увезти пушки. Тогда мы возвратились къ Императору и съ нимъ вмѣстѣ поѣхали домой.

15-го августа въ четыре часа утра мы уже были съ генераломъ Толемъ на вчерашнемъ возвышеніи. Дѣло уже началось, со всѣхъ сторонъ были слышны пушечныя выстрѣлы, но войска не могли драться отъ сильнаго дождя и грязи, которая была по колѣна; солдаты стояли покойно съ обѣихъ сторонъ. Генераль Толь по своему обыкновенію леталъ съ одного фланга на другой, разсылалъ насъ во всѣ стороны, но такъ было грязно, что лошади съ трудомъ бѣжали. Императоръ давно уже былъ тоже на полѣ; въ одинадцать часовъ, съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько атакъ, но всѣ онѣ были неуспѣшны, дурная погода мѣшала дѣйствовать, только батареи не умолкали ни на минуту, ядра сыпались вкругъ насъ. Императора упрашивали отъѣхать, но онъ не согласился, и у него въ глазахъ ядро оторвало обѣ ноги несчастному Моро, и этотъ доблестный воинъ, послѣ столькихъ бѣдствій и опасностей присоединился къ врагамъ своего притѣснителя, чтобъ быть убитымъ, потому что хотя онъ въ ту минуту и не умеръ, но никто не могъ отвѣчать за его жизнь, и всѣ были увѣрены, что лишатся генерала, не смотря на всѣ усилія и старанія сохранить его. Сраженіе продолжалось еще четыре часа, дождь не переставалъ ни на минуту, мы промокли до костей, и ты, любезная сестра, не сможешь представить себѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи мы находились. Наши лошади утопали въ грязи, дождь лилъ, наши руки одервенѣли отъ стужи и едва могли держать поводья, вѣтеръ рѣзалъ глаза. Императоръ продрогъ и приказалъ разложить огонекъ, но страшный вѣтеръ не допустилъ этого

сдѣлать. Солдаты не могли тронуться съ мѣста, особенно Австрійцы въ башмакахъ. Батареи переставали стрѣлять, и сраженіе скоро прекратилось безъ всякой пользы и для насъ и для Французовъ, но въ нашемъ совѣтѣ рѣшено было ретироваться, и армія получила приказъ идти той же дорогой, по которой она пришла. Главная квартира была назначена въ Рейхштадтѣ; одна гвардейская дивизія, стоящая на Пирнской дорогѣ, должна была идти черезъ Пирну въ Теплицъ, гдѣ назначено было соединиться всей арміи, для прикрытія Богеміи и чтобъ остановить непріятели въ горахъ. Я очень обрадовался, когда генераль Толь послалъ меня въ Рейхштадтъ, занять его прежнюю квартиру. Дурновъ получилъ такое же приказаніе отъ князя Волконскаго, и мы съ нимъ поскакали изъ всѣхъ силъ: менѣе чѣмъ въ часъ, мы были въ Рейхштадтѣ. Прежняя квартира Толя была занята, я досталъ ему другую и съ неописаннымъ наслажденіемъ снялъ промокшее платьѣ и легъ въ постель.

16-го августа, въ восемь часовъ утра, генераль Толь еще не пріѣзжалъ. Я пошелъ къ князю Шварценбергу, потомъ во дворецъ и узналъ, что главная квартира переведена въ Альтенбергъ. Полагая, что генераль Толь проѣхалъ туда прямо, я дождался Орловскаго съ нашими выючными лошадьми и отправился въ Альтенбергъ. Дорога шла посреди высокихъ горъ, проселкомъ, и была совершенно испорчена дождями и множествомъ войскъ, которыя по ней проходили. Съ трудомъ доѣхали мы до Альтенберга и еще съ большимъ трудомъ я могъ получить квартиру, потому что Великій Князь стоялъ въ Альтенбергѣ и занялъ всѣ лучшіе дома. Генераль Толь пріѣхалъ, пошумѣлъ, что квартира такъ далеко, но успокоился, когда узналъ, что Его Высочество тому причиной. Большая часть арміи пришла къ вечеру въ Альтенбергъ, но

гвардейскую дивизію, идущую по Пирнской дорогѣ, не прежде ожидали, какъ на другой день и, какъ по этой дорогѣ были слышны пушечные выстрѣлы, мы полагали, что непріятель атаковалъ гвардію и что вѣрно будетъ серьезное дѣло; кирасиры пришли, а легкая кавалерія не бывала, и мнѣ сказали, что она пошла на подкрѣпленіе гвардіи. Я не могъ не чувствовать безпокойства на счетъ брата и, слава Богу, оно прошло, когда выстрѣлы умолкли.

17-го августа мы получили приказъ отступать къ Теплицу, и главная квартира была назначена въ Дюксъ, въ полмили отъ этого города; дорога была такъ дурна, что нельзя ни описать, ни даже представить себѣ. Надо было проѣзжать черезъ высокія скалы, черезъ дремучіе лѣса, всѣ наши лошади расковались и хромали, когда мы наконецъ пріѣхали въ Дюксъ. Императоръ тоже скоро прібылъ, и мы узнали, что Французы принудили гвардію отступить къ Теплицу. Она жестоко сражалась версты за четыре отъ города и ежели войско не подошлетъ къ ней на помощь, то всѣ наши обозы пропадутъ, и часть арміи, которая была еще въ дорогѣ, погибнетъ. Это извѣстіе распространило уныніе во всемъ городѣ, оно еще усилилось при видѣ множества гвардейцевъ, которыхъ приносили безпрестанно ранеными. Я былъ въ ужасномъ безпокойствѣ на счетъ брата, и оно еще удвоилось, когда принесли Молодцова, опасно раненаго, и онъ сказалъ мнѣ, что о братѣ ничего не знаетъ, но что полкъ ихъ очень пострадалъ. Я спрашивалъ всѣхъ, кто приходилъ, но никто не могъ сказать ничего вѣрнаго. Около полудня пріѣхалъ нашъ генераль и сказалъ, что гвардія совершила славное и достопамятное дѣло, удержавъ своею храбростью непріятели за двѣ версты отъ Теплица, до тѣхъ поръ, пока пришла армія, что заставило непріятели уда-

литься, и что теперь нечего бояться. Это извѣстіе успокоило всѣхъ, но я не переставалъ тревожиться за брата. Генераль Толь сказалъ мнѣ, что такъ какъ армія вся собрана, онъ бы желалъ, чтобы мы атаковали непріятеля, но что всѣ противъ его мнѣнія и что завтра мы опять ретируемся. Вообрази себѣ мое удивленіе, когда 18-го утромъ мы узнали, что генераль Толь одинъ уѣхалъ ночью въ Теплицъ, не остави намъ никакихъ приказаній. Одни говорили, что будетъ сраженіе, другіе утверждали, что не будетъ, и послѣднее мнѣніе было правдоподобнѣе, потому что не слышно было пушечныхъ выстрѣловъ. Императоръ и князь Шварценбергъ тоже уѣхали въ Теплицъ; но по справкамъ, которыя мы наводили, мы узнали, что къ вечеру они будутъ въ Лаонъ, и что уже послано туда занять квартиры. Это извѣстіе казалось тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что мы узнали его отъ самого генерала Радецкаго, и заставило насъ рѣшиться тоже идти въ Лаонъ, куда, мы видѣли, идетъ и войско. Орловскій одинъ съ нами не соглашался и поѣхалъ въ Теплицъ, а мы всѣ собрались у полковника Хоментовскаго и поѣхали вмѣстѣ въ Лаонъ. Около четырехъ часовъ, мы туда пріѣхали и нашли тамъ всѣхъ генераловъ и принца Англійскаго, который только что пріѣхалъ, ожидающихъ Императора. Мы долго хлопотали о квартирахъ, наконецъ расположились въ нихъ, а Императора все не было. Наконецъ къ вечеру мы узнали, что было сраженіе и что наши одержали побѣду. Эти извѣстія, хотя еще и глухія, заставили насъ очень сожалѣть, что мы не были въ сраженіи. Да будетъ воля Божія!

19-го Императоръ все еще не пріѣзжалъ, и мы ничего не знали вѣрнаго. Братъ меня ужасно беспокоилъ, никто не могъ сказать мнѣ объ немъ ничего вѣрнаго. Нѣсколько разъ я порывался ѣхать въ главную кварти-

ру, но товарищи меня отговаривали. Вечеромъ пріѣхалъ Орловскій и сказалъ намъ, что, въ самомъ дѣлѣ, наши одержали побѣду и что нашъ генераль Толь очень отличился. Это заставило насъ еще болѣе сожалѣть, что мы при немъ не были.

20-го Орловскій и я поѣхали на дрожкахъ; въ Теплицѣ были большія празднества и всеобщая радость по случаю послѣдней побѣды. Былъ торжественный молебень и парадъ гвардіи, которую Императоръ благодарилъ за оказанную храбрость. Генераль сказалъ мнѣ, что очень сожалѣлъ, что меня не было во время сраженія, а мнѣ самому такъ это жаль и обидно, что я и сказать тебѣ не могу. Въ Теплицѣ мы пробыли пять дней. Братъ, слава Богу, живъ и невредимъ, онъ жилъ у меня, и мы провели время и весело и счастливо съ товарищами и со многими знакомыми. Одного только намъ не доставало: съѣстныхъ припасовъ. Отъ множества войскъ бывшихъ въ Теплицѣ, мы должны были платить за все ужасныя деньги, а хлѣба невозможно было достать ни за какую цѣну.

25-го получили приказъ выступить, армія двинулась впередъ по дорогѣ къ Дрездену, а одинъ корпусъ австрійскаго войска посланъ былъ въ Бауценъ. Князь Шварценбергъ, командиръ этого корпуса, долженъ былъ ѣхать 26-го въ Лейтмерицъ, и мы, какъ состоящіе при немъ, поѣхали туда же. Императоръ остался въ Теплицѣ и съ нимъ Семеновскій полкъ, болѣе всѣхъ пострадавшій въ послѣднемъ дѣлѣ. Вся гвардія ушла.

И такъ мы разстались съ главной квартирой Императора. Ночевали въ Ловозицѣ и 26-го прибыли въ Лейтмерицъ, гдѣ довольно скоро получили порядочныя квартиры. Пока Орловскій ѣздилъ въ Лаонъ за экипажами, я поѣхалъ въ Терезіенштадтъ за фуражемъ и по милости генерала Шателе, котораго тамъ нашель, имѣлъ фуражу, сколько хотѣлъ.

Этотъ генераль Шателе извѣстенъ по своей дружбѣ къ нашему знаменитому Суворову. Возвратясь отсюда, я гулялъ по городу. Онъ выстроены на правомъ берегу Ельбы, которую вчера мы прошли въ седьмой разъ, и Богъ знаетъ сколько разъ еще пройдемъ черезъ нее. Около двухъ часовъ приѣхалъ генераль Толь, и я очень долго у него занимался, ожидая съ нетерпѣніемъ фельдмаршала, чтобъ знать, куда идти на слѣдующій день. Здѣсь царствуетъ тишина и спокойствіе, которыхъ не было въ императорской квартирѣ; здѣсь мы окружены иностранцами, не видимъ ни одного Русскаго, и ты можешь себѣ представить, какъ мы скучаемъ и сожалѣемъ о главной нашей квартирѣ. Вечеромъ намъ пришлось сказать, что фельдмаршалъ не будетъ и прислалъ приказъ возвратиться въ Теплицъ. Генераль Толь долго не хотѣлъ вѣрить этому и не зналъ, чему приписать это возвращеніе. Что касается до меня, то я былъ очень радъ быть опять въ Теплицъ, не смотря на то, что тамъ всѣ жаловались на голодъ.

Причиной нашему возвращенію было соединеніе всѣхъ силъ непріятеля въ окрестностяхъ Пирны. Ожидали атаки со стороны Французовъ, и потому было необходимо, чтобъ австрійскій корпусъ соединился съ арміей. 28-ое прошло покойно, а 29-го, когда армія сосредоточилась въ окрестностяхъ Теплица, непріятель показалъ видъ, что нападаетъ на нее и слышна была канонада, что распространило страхъ въ городъ. Обозу было приказано идти въ Лаонъ, и Орловскій опять долженъ былъ туда ѣхать. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ генераль Толь, а съ нимъ и мы всѣ поѣхали къ войскамъ, но непріятель скоро прекратилъ атаку, а мы, не сходя съ коней, цѣлый день изучали мѣстность. 30-е мы провели весь день въ полѣ, ожидая атаки, но непріятель оставался покойнымъ, исключая нѣ-

сколькихъ маленькихъ стычекъ въ аванпостѣ. Генераль Толь не переставалъ наблюдать за позиціей, боясь, чтобъ непріятель не сдѣлалъ какого нибудь обхода и не напалъ бы на насъ въ тылъ, и при каждомъ его движеніи посылалъ насъ съ донесеніемъ къ Императору и князю Волконскому. На мою долю пришлось ѣздить два раза, и при каждомъ извѣстіи Государь, смѣясь, говорилъ, что Наполеонъ вѣроятно хочетъ поздравить его съ именинами. Впрочемъ поздравленія не было, и вечеромъ мы разѣхались по домамъ.

31-го, нѣсколько батальоновъ, открытыхъ въ горахъ, къ которымъ былъ прислоненъ нашъ лѣвый флангъ, дѣлали на него нападенія, и потому мы съ нашимъ генераломъ пробыли весь день на полѣ, но сраженія не было. Возвратясь домой, мы узнали что Бернадотъ одержалъ побѣду, по случаю которой у насъ былъ вечеромъ молебень съ пушечной пальбой.

11-го сентября.

Съ перваго до пятаго числа ничего не было замѣчательнаго. Непріятеля не было ни видно, ни слышно; только дезертеры, которые часто приходили, рассказывали, что въ ихъ лагерѣ сильный голодъ и что опять начали питаться кониной, какъ дѣлали это въ Россіи. Я проводилъ дни большею частью дома, приводя въ порядокъ канцелярію, которую генераль поручилъ мнѣ послѣ Бровкова. Генераль Толь всегда былъ добръ ко мнѣ, и теперь у меня, съ нимъ собственно, гораздо болѣе дѣла, но онъ всегда обходится со мной какъ нельзя лучше. Щербининъ и я почти всякій вечеръ проводимъ у него, разговаривая о прошедшихъ сраженіяхъ. Надо тебя познакомить съ теперешними моими товарищами. Полковникъ Хоментовскій добръ и имѣетъ прекрасный характеръ, но страшный суета, и при выдачѣ фуража у него всегда ужасная

путаница. Трескинъ живетъ съ нимъ, очень хорошей товарищъ. Съ Щербининымъ я болѣе всѣхъ друженъ, онъ отличный малый, любимецъ всѣхъ генераловъ и нисколько тѣмъ не гордится. Орловскій добрякъ, но не такъ уменъ, какъ Щербининъ. Генералъ такъ часто посылалъ его въ Лаонъ за каждой бездѣлицей, что онъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ графа Лаонскаго. Розенбахъ, племянникъ генерала Толя, еще почти ребенокъ, подъ опекой дяди. Гальбе назначенъ адъютантомъ къ генералу, кажется добрый малый; но я еще не знаю его хорошенько. Старые мои товарищи Вапугинъ и Вишняковъ живутъ теперь подлѣ насъ, и я часто съ ними вижусь, также съ Дурновымъ и прочими адъютантами князя Волконскаго, которые живутъ въ одномъ домѣ съ нами. Я много гуляю въ прелестныхъ окрестностяхъ Теплица, не смотря на страшную грязь, и часто бываю въ лагерѣ у брата, Воейкова и другихъ знакомыхъ. Вотъ, милая сестра, какъ провожу я время въ Теплицѣ, гдѣ мы находимся уже три недѣли. Фуражу и провизію здѣсь очень мало, и достать ихъ стоитъ многихъ трудовъ. Что касается до денегъ, то очень часто у меня ихъ совѣмъ нѣтъ, но зато я почти собралъ всѣ украденные полторы тысячи и имѣю должниковъ, потому что я никакъ не умѣю отказать тѣмъ, которые у меня просятъ, а получу ли съ нихъ? Богъ вѣсть.

3-го сентября кавалерійскіе офицеры давали обѣдъ Пруссакамъ, и Государь удостоилъ его присутвіемъ, и за обѣдомъ сдѣлалъ тревогу пѣхотѣ. Всѣ прочіе гвардейскіе офицеры тоже хотятъ дать обѣдъ и назначили его 13-го числа. Государь обѣщалъ присутствовать. Вечеромъ непріятель напалъ на нашу позицію, но былъ прогнанъ, и три тысячи челоуѣкъ взяты были въ плѣнъ, между ними одинъ генералъ. Цѣлый день 6-го мы съ генераломъ провели на аванпостѣ, жи-

дая нападенія. Меня онъ часто посылалъ къ князю съ донесеніемъ, но все было покойно. Говорятъ, что непріятель опять ретируется къ Дрездену.

13-го сентября. Теплицъ.

У насъ все покойно и благополучно. Кавалерію перевели за нѣсколько миль отсюда, почему я вижусь съ братомъ гораздо рѣже. 12-го я получилъ повѣстку съ почты, и 14-го, день моего рожденія, послѣ обѣдни въ придворной церкви, получилъ двѣ тысячи, присланныя мнѣ матушкой. Я очень имъ радъ, но мнѣ ужасно совѣстно, что батюшка такъ недавно еще заплатилъ большую сумму за мою неосторожность, а матушка такъ добра, что еще присылаетъ мнѣ денегъ. Не знаю, какъ и благодарить ихъ за это и прошу тебя, любезная сестра, скажи имъ, что я чрезвычайно имъ благодаренъ, не смотря на то, что я и самъ пишу имъ. 13-го гвардейскіе офицеры давали праздникъ Пруссакамъ. Утромъ мы парадомъ и съ Государемъ пошли въ церковь, поставленную на склонѣ горы Шлосбергъ. Погода была восхитительная. Войска выстроились кругомъ церкви. Послѣ обѣдни они дефилировали передъ тремя Государями, а мы пошли въ приготовленную для обѣда залу. Она была великолѣпно украшена гирляндами, и столъ убранъ роскошно. Когда Императоръ занялъ свое мѣсто, кругомъ залы раздались музыка, пѣсни и пушечные выстрѣлы. Кушанья, плодовъ и вина было въ изобиліи, и праздникъ, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣпный. Маленькое приключеніе встревожило его немного, но, слава Богу, кончилось благополучно. Загорѣлась избушка, въ которой была устроена кухня, и какъ она была близка къ залѣ, гдѣ обѣдали, то и она легко могла вспыхнуть, но Эртель и Ставриковъ скоро потушили огонь. Музыка нарочно играла очень громко, чтобъ заглушить шумъ, неизбѣжный въ подобныхъ случаяхъ. Государь сдѣ-

далъ видъ, что его не слышитъ. Послѣ обѣда мы разошлись по домамъ. Я пишу тебѣ при свѣтѣ иллюминаціи и трескъ фейерверка и тороплюсь идти смотрѣть на Англійскую церемонію по случаю полученія ордена Подвязки, которую только что привезли Императору.

Баварцы объявили себя за насъ. Черезъ три дни мы отсюда уходимъ. 25-го сентября.

Съ послѣдняго моего письма изъ Теплица, я не могъ писать тебѣ, потому что мы въ безпрестанномъ движеніи. Сегодня цѣлый день отдыхъ, и я имъ пользуюсь, чтобъ писать тебѣ. 21-го сентября мы вышли изъ Теплица по дорогѣ въ Комотау съ главной квартирой князя Шварценберга. Императоръ остался въ Теплицѣ, и рѣшено, что впредь главная его квартира всегда будетъ однимъ переходомъ позади нашей. Я прѣхалъ рано въ Комотау и долго хлопоталъ и спорилъ съ квартирмейстеромъ кн. Шварценберга, для полученія порядочныхъ квартиръ для генер. Толя и для насъ. Остальную часть дня мы провели въ прогулкахъ и воспоминаніяхъ всего, что случилось здѣсь въ первый разъ нашего пребыванія, и паденія Бровкава.

22-го. Мы прошли черезъ горы въ Саксонію. Входъ нашъ не былъ такъ блестящъ, какъ первый разъ, въ присутствіи Императора и при звукахъ музыки и барабанномъ боѣ; нѣтъ, теперь входъ нашъ былъ такъ скромнъ, что мы и не замѣтили маленькую рѣчку, отдѣляющую Саксонію отъ Богеміи; надѣюсь, что въ этотъ разъ мы будемъ счастливѣе и не вернемся опять въ Богемію. Генераль оставилъ свой багажъ въ Комотау, канцелярія тоже осталась тамъ, и Орловскому поручено было присоединить ихъ къ багажу Императора, бывшему въ Лаонѣ. Такимъ образомъ бѣдный нашъ графъ Лаонскій опять принужденъ былъ ѣхать въ свое графство.

Щербининъ, Трескинъ, Гальбе и я поѣхали въ Маріенбергъ, гдѣ мы простояли 23, 24 и 25-е, потому что непріятель расположился въ окрестностяхъ Фрейберга и не хотѣлъ выходить изъ нихъ. Фельдмаршалъ и генераль Толь всякій день дѣлали рекогносцировку, но я не могъ быть съ ними, потому что имѣлъ много порученій: квартиры, проводники, казаки, почта; сношенія съ главной квартирой Императора, которая была въ Комотау, и куда надо было безпрестанно ѣздить, и неимовѣрныя хлопоты съ фуражемъ, отнимали у меня почти всѣ дни, а когда оставалось немного свободнаго времени, я обозрѣвалъ рудники, которыхъ много въ здѣшнихъ горахъ и даже спускался по совсѣмъ перпендикулярной лѣстницѣ въ самую глубину. Не описываю тебѣ этихъ рудниковъ, потому что есть много печатанныхъ описаній, и ты легко можешь достать и прочитать, ежели желаешь. Наконецъ 26-го упрямство непріятеля всѣмъ надошло, и рѣшили атаковать его, не смотря на то, что онъ имѣлъ очень выгодную позицію близъ замка Аугустенбурга. Этотъ замокъ расположенъ на горѣ, и непріятель началъ уже дѣлать укрѣпленія. Австрійское войско выступило въ ночь съ 25-го на 26-е и приблизилось къ этого рода крѣпости, чтобъ заставить непріятеля покинуть позицію. Князь Шварценбергъ выѣхалъ въ три часа ночи, генераль Толь и я послѣдовали за нимъ и, какъ до Аугустенбурга было не менѣе двухъ миль, мы скакали все время гадопомъ. На половинѣ дороги генераль Толь послалъ меня и Гальбе, который догналъ насъ, къ генералу Радецкому, дѣлать рекогносцировку. Проѣздивъ довольно долго по полямъ, мы еще успѣли присоединиться къ фельдмаршалу за полмили отъ Аугустенбурга; онъ скоро открылся нашимъ взорамъ и представилъ великолѣпное зрѣлище красотой своего положенія

и готической архитектурой своихъ строеній. При видѣ замка, фельдмаршалъ поѣхалъ скорѣе, мы за нимъ, думая, что будетъ сильный бой; но вообрази наше удивленіе, когда, подѣхавъ къ замку, Апраксинъ объявилъ намъ, что непріятель еще вчера вечеромъ покинулъ его, узнавъ, что мы имѣемъ намѣреніе дѣлать атаку, и мы взошли очень покойно въ замокъ, который надѣялись взять приступомъ. Фельдмаршалъ сейчасъ же пошелъ на самую высокую башню, узнать, какую дирекцію взялъ непріятель, мы же напали на привратника и такъ убѣдительно его просили, что онъ досталъ намъ препорядочный завтракъ. Фельдмаршалъ все еще не приходилъ, и мы пошли осматривать залы и покои замка; все въ рыцарскомъ вкусѣ. Потомъ я тоже пошелъ на башню посмотреть, что тамъ дѣлается и былъ пораженъ сценой, представившейся моимъ глазамъ. Представъ себѣ башню, какія описываются въ рыцарскихъ романахъ; фельдмаршалъ, посреди, опершись на трость, стоялъ въ глубокомъ раздумьи; лѣстница, ведущая на эспланаду, которая была вверху башни, была усыпана генералами, сидящими на каждой ступенькѣ. Они писали свои распоряженія, адъютанты ихъ стояли подлѣ нихъ, храня глубокое молчаніе; я долго смотрѣлъ на нихъ издали; вдругъ тишина эта и безмолвіе были прерваны Вильсономъ, который, не обращая ни на кого вниманія, пришелъ въ башню, свистя и размахивая хлыстикомъ; даже фельдмаршалъ не могъ удержаться отъ улыбки, и молчаніе, царствовавшее до того, замѣнилось шумомъ и говоромъ; всѣ генералы, развлеченные безцеремонностью Вильсона, окончили свои диспозиціи и спѣшили показать ихъ фельдмаршалу. Рѣшили преслѣдовать непріятеля какъ можно скорѣе. Всѣ австрійскія войска, пришедшія въ Аугустенбургъ, получили приказаніе выступить въ Хем-

ницъ. Фельдмаршалъ и генералъ Толь туда же поѣхали, а меня послали къ Императору съ депешами, изъ которыхъ онъ долженъ былъ узнать, что происходило. Генералъ велѣлъ мнѣ возвращаться какъ можно скорѣе. Къ вечеру я былъ въ Хемницѣ, гдѣ мы пробыли 27-е. Этотъ городъ довольно великъ и довольно красивъ, но въ старинномъ вкусѣ. Около полудня пріѣхалъ Государь, и я цѣлый вечеръ провелъ съ старыми моими товарищами. 28-е Государь остался въ Хемницѣ, а мы пошли въ Альтенбургъ. Императоръ догналъ насъ и пріѣхалъ съ нами, почему наши квартиры были на самомъ концѣ города. Генералъ Толь поѣхалъ дѣлать рекогносцировку и взялъ меня съ собой. Въ Борнѣ мы обѣдали у графа Витгенштейна и съ нимъ вмѣстѣ отправились къ Лейпцигу осматривать положеніе непріятеля; онъ соединилъ подъ Лейпцигомъ почти всѣ свои силы, и это давало поводъ думать, что онъ ожидалъ сраженія. Наше войско приходило со всѣхъ сторонъ такимъ образомъ, что непріятель былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Рѣшили дѣлать атаку, но она была отложена на нѣсколько дней, чтобъ дать время собраться всѣмъ нашимъ войскамъ, а мы до тѣхъ поръ старались узнавать силы непріятеля. Для того двинули Австрійскій корпусъ подъ начальствомъ генера Клейнау, и рекогносцировка была назначена на слѣдующій день. Диспозиція сдѣлана гр. Витгенштейномъ, а мы съ ген. Толемъ обѣзжали аванпосты, потомъ возвратились въ Борну, оттуда на почтовыхъ поѣхали въ Альтенбургъ; домой вернулись часу въ десятомъ вечера, совершенно измученные. Ночью меня разбудили и позвали къ генералу, который сказалъ мнѣ, что опять поѣдетъ на аванпостъ, желая быть при рекогносцировкѣ, и велѣлъ мнѣ выѣхать въ три часа утра и ждать его въ Еспенгайнѣ у графа Палена.

1-го октября я пріѣхалъ въ Еспенгайнъ цѣлымъ часомъ ранѣе генерала; въ одной деревушкѣ, почти совершенно раззоренной, оставили козаковъ и поѣхали съ графомъ Паленомъ на аванпосты; тутъ цѣлый часъ смотрѣли на бой фланкеровъ и очень имъ забавлялись; наконецъ пріѣхалъ графъ Витгенштейнъ и мы двинулись объѣзжать поле, но рекогносцировки не было, она отложена на завтра, причинъ тому я не знаю. Къ вечеру возвратились въ Еспенгайнъ; генераль поѣхалъ ночевать въ Альтенбургъ, но какъ онъ увѣрилъ насъ, что вернется завтра утромъ и оставилъ даже лошадей своихъ, мы предпочли не ѣхать съ нимъ. Егоръ, который никогда со мной не расставался, хлопоталъ, чтобъ состряпать намъ какой нибудь ужинъ, но, не смотря ни на какія усилія, досталъ только картофелю, и мы должны были имъ удовольствоваться, хотя и не объдали; за то съ величайшимъ удовольствіемъ напилься чаю, который совершенно насъ оживилъ. Не понимаю, какимъ манеромъ у Егора всегда найдется чай и всѣ принадлежности къ нему, только товарищи и я очень ему за то благодарны. 2-го только что мы проснулись, Егоръ объявилъ намъ, что у него скоро будетъ готовъ отличный супъ, которому мы очень обрадовались. Время шло, десять часовъ, одиннадцать, генераль не пріѣзжалъ; въ полдень мы услышали канонаду, изъ чего заключили, что рекогносцировка началась, а генерала все не было. Около двухъ часовъ пушечные выстрѣлы все еще продолжались, а мы не имѣли никакихъ извѣстій отъ генерала Толя. Щербининъ и Гальбе поѣхали узнать, что бѣ это значило. Часа въ четыре они вернулись и сказали, что нашли генерала Толя въ сраженіи, и что онъ самъ ѣздилъ за нами, но ошибся деревней, въ которой искалъ насъ и вообразилъ, что мы уѣхали. Маленькая схватка кончилась въ нашу пользу,

и генераль хотѣлъ пріѣхать ночевать къ графу Витгенштейну, очень близко отъ насъ. Мы отправились къ нему, но онъ уже перемѣнилъ намѣреніе и поѣхалъ въ Альтенбургъ къ Императору, донести о всемъ, что происходило, а намъ велѣлъ ночевать въ Борнѣ, куда на слѣдующій день должна была придти главная квартира, въ случаѣ же если бы она не приходила, онъ пришлетъ намъ приказаніе. Изъ бывшей сего дня рекогносцировки мы узнали, что непріятель имѣлъ передъ собой всѣ свои силы, состоящія по крайней мѣрѣ изъ 150 тысячъ человекъ; можно было полагать, что мы воспользуемся этимъ случаемъ атаковать его, но не знали когда. 3-го къ полудню мы получили письмо отъ генерала Толя съ приказаніемъ идти въ Пегау. Мы были уже готовы и тотчасъ же отправились; по дорогѣ безпрестанно встрѣчали войска, двигавшіяся къ Лейпцигу. Въ Пегау мы нашли всѣ главныя квартиры и узнали, что рѣшительная минута настала, дѣло назначено на завтра. Вечеромъ генераль Толь позвалъ къ себѣ и сообщилъ намъ всѣ диспозиціи для завтрашней атаки и просилъ насъ дѣлать хорошо все, что отъ насъ зависитъ. Мы были въ восторгѣ отъ довѣрія, какое онъ намъ показалъ, сообщивъ диспозиціи, которыя были тайной для всѣхъ другихъ. Тебѣ я ничего не буду говорить объ этомъ, потому что ты ничего не поняла бы изъ военныхъ распоряженій; скажу только, что вся непріятельская армія была сосредоточена, наша окружала ее со всѣхъ сторонъ, Блюхеръ со стороны Скендица, мы со стороны Борны, Королевскій Принцъ и Беннигсенъ съ резервой подступали тоже съ каждой стороны, и сраженіе должно было быть ужасно.

4-го едва разсвѣло, мы были уже на коняхъ. Я поручилъ себя милосердію Божію и поѣхалъ за генералами; въ Ротѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, посреди

нашей позиціи, оставили Орловскаго съ богажемъ и лошадьми и велѣли ему присоединиться къ обозу Императора, имѣвшему проходить мимо, и поѣхали на позицію. Сраженіе еще не началось; наши колонны приближались со всѣхъ сторонъ въ глубокой тишинѣ. Небо было покрыто тучами, и обширное поле, простирающееся передъ нашими глазами, было печально и зловѣще; каждому приходила въ голову мысль: не останусь ли я здѣсь на вѣки? Мы объѣхали всю позицію, генераль разговаривалъ со всѣми командирами и пріѣхалъ къ правому крылу, гдѣ командовалъ Австрійскій генераль Клейнау. Генераль Толь сказалъ намъ, что во время всего сраженія мы съ нимъ останемся подлѣ него; вѣроятно онъ получилъ секретное порученіе присматривать за поведеніемъ генерала Клейнау и помогать ему совѣтами, потому что тутъ былъ главный пунктъ позиціи. Атака началась, первый пушечный выстрѣлъ невольно заставилъ насъ вздрогнуть, то былъ сигналъ смерти ста тысячъ человѣкъ. Клейнау двинулся нѣскольکو сотенъ шаговъ, и сталъ передъ возвышеніемъ, которое господствовало надъ всей позиціей. Генераль Толь и Клейнау заняли его, и мы оставались на немъ, не смотря на бомбы и ядра, которыя такъ сюда и летѣли. При каждомъ движеніи непріятеля, Толь посылалъ одного изъ насъ съ донесеніями къ Императору. Моя очередь не замедлила придти и, преодолевъ тысячу опасностей, я имѣлъ счастье найти Государя и исполнилъ порученіе, возложенное на меня. Государь послалъ меня же съ отвѣтомъ. Я долженъ былъ возвращаться на наше возвышеніе, черезъ маленькій лѣсокъ, гдѣ дрались наши стрѣлки, и пробѣжалъ такъ близко, что ядро убило одного несчастнаго совсѣмъ подлѣ меня, и я былъ облитъ его кровью. Толь испугался, увидавъ меня окровавленнаго и съ участіемъ распра-

шивалъ, не раненъ ли я? Никого изъ товарищей моихъ не было при немъ, потому что онъ всѣхъ разослалъ съ порученіями, и я долженъ былъ опять ѣхать къ Императору, увѣдомить его, что непріятель сдѣлалъ движеніе насъ атаковать. Я даже не имѣлъ времени вычиститься и опять поѣхалъ черезъ тѣ же опасности, отыскивать Государя, который встрѣтилъ меня вопросомъ: „Не раненъ ли ты?“

Исполнивъ порученіе, я перемѣнилъ лошадь и поѣхалъ обратно; но возвышеніе, на которомъ оставилъ ген. Толя, было уже занято непріятелемъ, а Австрійцы въ совершенномъ разстройствѣ; ядра падали со всѣхъ сторонъ, пули свистали, и непріятель былъ въ двухъ шагахъ. Зная навѣрно, что ген. Толь тамъ, гдѣ опасность сильнѣе, я бросился въ средину бѣгущихъ и спрашивалъ у каждого, гдѣ ген. Клейнау, гдѣ ген. Толь?

—Первый сейчасъ же убѣжалъ, отвѣчали мнѣ. Про втораго никто ничего не зналъ. Вообрази мое положеніе; окруженный опасностями, совершенно одинъ, я могъ быть раненъ и убитъ, и никто бы не узналъ этого! Непріятель уже сходилъ съ горы съ нашей стороны; я еще разъ поручилъ себя милосердію Божію и, творя молитву поѣхалъ впередъ, полагая, что генераль тамъ, ежели съ нимъ ничего не случилось; скоро я встрѣтилъ Трескина, тоже искавшаго генерала. Мы общали другъ другу не разставаться посреди опасности со всѣхъ сторонъ и поѣхали вмѣстѣ искать генерала; черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли храбраго нашего ген. Толя, во главѣ колонны, которую ему удалось собрать, и присоединились къ нему; но не смотря, ни на его, ни на наши усилія, мы ничего не могли сдѣлать съ проклятыми Австрійцами, которые только открывали насъ непріятелю и бѣжали, изъ всѣхъ силъ крича: *François, François!* Генер. Толь видя, что тщетно

подвергается опасности, принужденъ былъ отступить и занялъ довольно хорошую позицію, которую мы имѣли позади, собралъ бѣгущихъ и устроилъ изъ нихъ колонну, безъ чего мы потеряли бы и эту позицію, потому что Клейнау былъ уже очень далеко. Французы, увидавъ позицію, которую мы захватили, остановились, а Толь воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать диспозиціи. Въ тоже время мы узнали, что непріятель старался поколебать нашъ центръ и сбиль полки гусарь и драгуновъ, но былъ остановленъ гвардейскими гусарами, а казаки, которыхъ Императоръ послалъ изъ своего конвоя, заставили его ретироваться; нашъ центръ тоже былъ принужденъ взять позицію назадъ, и эта битва, которая обѣщала кончиться въ нашу пользу, казалось, брала весьма дурной оборотъ; только Блюхеръ имѣлъ кой-какія выгоды и взялъ нѣсколько пушекъ. Однако день былъ еще великъ, можно было надѣяться поправить дѣло. Толь послалъ меня сдѣлать рекогносцировку за нашимъ крыломъ, гдѣ было нѣсколько полковъ, которые онъ принялъ за непріятельскіе, но я привезъ ему извѣстіе, что это были казаки Платова, и мы туда поѣхали отыскивать Клейнау, скоро нашли его за позиціей и уговорили приказать своему корпусу двинуться впередъ. Онъ взялъ одну деревню, занятую непріятелемъ, и имѣлъ бы еще больше успѣха, ежели бы темнота наступившей ночи не положила конца сраженію.

Нашъ генералъ, видя, что мы одерживаемъ верхъ, поѣхалъ самъ къ Императору доложить о томъ и условиться, какія принять мѣры, меня же и всѣхъ нашихъ офицеровъ, которыхъ мы нашли съ Клейнау, оставилъ при немъ и приказалъ соединиться съ нимъ у Императора, ежели бы онъ не вернулся къ ночи, и хорошенько замѣтить, какую позицію воз-

метъ наше правое крыло при концѣ сраженія. Ночь наступила, ген. Толь не возвращался, мы поѣхали съ Клейнау въ его главную квартиру и тамъ совѣтовались что дѣлать. Большая часть товарищей, утомленные до нельзя, хотѣли остаться въ этой деревнѣ, но Щербининъ и я были противнаго мнѣнія и желали отыскать Императора, какъ г. Толь приказалъ намъ. Графъ Потоцкій, находящійся при Клейнау, далъ намъ диспозицію своего корпуса отвезти Государю, и мы поѣхали вдвоемъ. Не зная, гдѣ Императоръ, мы поѣхали на удачу по дорогѣ въ Роту, гдѣ имѣли счастье найти его съ нашимъ генераломъ. Усталые, измученные, мы сейчасъ же легли спать. На другой день генералъ разбудилъ насъ очень рано; пока Щербининъ сообщалъ ему диспозицію Клейнау, я съ Егоромъ схлопотали чаю, и я угощалъ имъ генерала, который очень былъ доволенъ выпить чашку, другую и благодарилъ насъ. Приѣхавъ на позицію, мы увидѣли, что непріятель уже занялъ возвышеніе, которое захватилъ вчера, а намъ оставалась позиція, съ которой мы должны были отступить. Деревня Гассе, въ центрѣ, была взята непріятелемъ, но наши храбрые егеря отняли и занимали ее въ сегодняшнее утро. Я ужаснулся, проходя деревней, при видѣ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ, которое все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ аванпостамъ. Неизвѣстность насчетъ брата, и извѣстіе что вчера полкъ ихъ очень пострадалъ, весьма меня беспокоили.

Приѣхавъ къ генер. Клейнау, Толь разговаривалъ долго о состояніи нашихъ силъ. Изъ ихъ рѣчей мы поняли, что непріятель не хочетъ насъ атаковать, понесъ вчера большія потери и имѣя нужду собраться съ силами; мы тоже не будемъ его атаковать, ожидая арміи Беннигсена и корпуса Коллоредо, долженствующихъ

соединиться съ нами. Все было покойно съ обѣихъ сторонъ, и войско, готовое къ сраженію, запасалось силами. Клейнау послалъ графа Потоцкаго на встрѣчу Беннигсену, просить его подвигаться какъ можно скорѣе. Генер. Толь приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и привезти извѣстіе, на какомъ разстояніи, приблизительно, онъ находится. Мы съ гр. Потоцкимъ сдѣлали галопомъ около десяти верстъ и встрѣтили Беннигсена съ авангардомъ въ маленькой деревушкѣ. Гр. Потоцкій написалъ записочку, содержащую все, что надо было знать объ арміи; и я опять отправился галопомъ тѣ же десять верстъ, нашелъ Толю, лежащаго на травѣ съ Клейнау. Когда онъ прочиталъ привезенную мною записку, онъ велѣлъ мнѣ поскорѣе отвезти ее къ Государю, и я, не смотря на крайнюю усталость бѣдной моей лошади, на ней же опять пустился въ путь и довольно скоро нашелъ Императора. Онъ прочелъ записку, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и милостиво сказалъ:

„Твоя лошадь устала, отдохни!“ и послалъ съ отвѣтомъ одного изъ своихъ адъютантовъ. Егоръ былъ съ багажемъ Государя, накормилъ меня и далъ мнѣ другую лошадь. Я возвратился къ генералу Толю и нашелъ его съ Клейнау, сидящихъ у вѣтренной мельницы, защищающей ихъ отъ вѣтра и дождя, гдѣ и я пріютился съ Австрійскими адъютантами. Мы тутъ пробыли около трехъ часовъ, отдыхали, спали и наблюдали за непріятельскими колоннами, которыя были совершенно спокойны. Наконецъ около четырехъ часовъ прибылъ Беннигсенъ со своей арміей и сталъ по правую сторону корпуса Клейнау. Коллоредо тоже пришелъ, и у насъ было довольно войска, чтобы противустать непріятелю. Было уже поздно предпринимать что бы то ни было до завтра, какъ вдругъ Императоръ прислалъ приказаніе генералу Беннигсе-

ну начинать атаку своимъ правымъ крыломъ. Всѣ генералы взволновались, потому что атака не дала бы намъ никакой выгоды, только открыла бы всѣ наши силы непріятелю. Беннигсенъ, Толь, Клейнау и многіе другіе генералы употребили всѣ усилія, чтобъ отговорить Императора, но напрасно старались, и князь Волконскій и Уваровъ пріѣхали и привезли рѣшительное повелѣніе начинать атаку. Беннигсенъ еще сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія, но видя, что все бесполезно, рѣшился исполнить приказаніе, сдѣлалъ нужныя распоряженія и установилъ батарею, которая должна была начинать пальбу и хотѣлъ уже командовать стрѣлять, какъ мы увидѣли ѣдущаго во всю прыть флигель-адъютанта и кричащаго изъ всѣхъ силъ: „Стой, стой! Императоръ приказалъ отложить атаку на завтра“. Это извѣстіе успокоило и обрадовало всѣхъ генераловъ. Толь поѣхалъ съ нами въ квартиру Беннигсена разсуждать о завтрашнемъ сраженіи и сказалъ намъ, что проведетъ ночь у Клейнау, а намъ предложилъ ѣхать въ Роту и привести оттуда его лошадей. Мои люди и лошади тоже были тамъ, и я радъ былъ провести покойно ночь. Въ Ротѣ я заѣхалъ въ конногвардейскій полкъ, и Воейковъ успокоилъ меня на счетъ брата.

6-го, съ разсвѣтомъ, Трескинъ, Орловскій и я ѣхали въ деревню Дрену, гдѣ генералъ Толь проводилъ ночь; но какъ, во время нашей ѣзды, солнце уже взошло, мы рѣшили, что не найдемъ его въ деревнѣ и поѣхали прямо на поле сраженія, которое должно было быть начато, судя по выстрѣламъ, слышаннымъ нами вдали. У вѣтренной мельницы, служившей намъ убѣжищемъ наканунѣ, мы оставили лошадей и пошли отыскивать генераловъ. Нашли Клейнау, но Толь уѣхалъ дѣлать рекогносцировку. Возвышеніе, стоившее намъ такъ дорого третьяго дня, было покинуто непріа-

телемъ; онъ увелъ все свое лѣвое крыло и, казалось, не могъ долго держать свою позицію, которую Беннигсенъ началъ атаковать и старался повернуть своимъ правымъ крыломъ. Графъ Потоцкій сказалъ намъ, что генералъ Толь скоро пріѣдетъ и послалъ меня къ Императору съ извѣстіемъ, что непріятель ретируется. Я долго искалъ Государя, потому что онъ былъ въ безпрестанномъ движеніи, наконецъ встрѣтилъ Великаго Князя, который мнѣ указалъ, гдѣ Его Величество. Я нашелъ его занимающимся установкой резервовъ. Извѣстіе о томъ, что происходило на правомъ крылѣ, очень обрадовало его. Пріѣхавъ обратно, я нашелъ Клейнау расположившагося на томъ возвышеніи, которое онъ не сумѣлъ сохранить, и остался при немъ въ ожиданіи генерала Толя. На всѣхъ пунктахъ сраженіе было очень жарко, непріятель, казалось, остановился и хотѣлъ держаться въ одной деревнѣ; но Толь, пріѣхавъ, убѣдилъ Клейнау двинуть свои войска, пошелъ самъ уставить батареи и дать дирекцію колоннамъ. Мы слѣдовали за нимъ въ самый сосредоточенный огонь съ нѣсколькихъ батарей, и всякіе полчаса онъ посылалъ одного изъ насъ съ докладомъ Государю. Намѣреніе Беннигсена обойти непріятеля правымъ крыломъ вполне удалось, и онъ совершенно его разстроилъ. Генер. Толь замѣтилъ это и, не слушая Клейнау, приказалъ одной батарее слѣдовать за нимъ, заставилъ непріятеля покинуть деревню, помѣшалъ воспользоваться возвышеніемъ, которое находилось позади деревни и поставилъ нашу батарею такъ выгодно, что непріятель былъ принужденъ бѣжать; Толь преслѣдовалъ его и двигалъ пушки, а Великій Князь, пріѣхавъ съ кавалеріей, докончилъ поражение непріятеля совершенно. Онъ остановился совсѣмъ только подлѣ Лейпцига, гдѣ его резервы заняли позицію. Ген. Толь послалъ меня увѣ-

домить объ этомъ Государя, я встрѣтилъ его сіяющимъ отъ удовольствія, при видѣ бѣгства непріятеля. Едва я успѣлъ сообщить ему порученную мнѣ новость, какъ ген. Толь самъ пріѣхалъ, поздравилъ Императора и сейчасъ же увѣхалъ исполнить приказанія, которыми Его Величество далъ ему. Я поѣхалъ за нимъ черезъ все правое крыло Беннигсена, къ ген. Клейнау. Сраженіе все еще продолжалось, непріятель слабо держался въ своей позиціи, но, не смотря на это, ядра всякую минуту падали подлѣ насъ, убили одного изъ адъютантовъ Клейнау и унесли лошадь изъ подъ нашего казака. Всѣ наши товарищи были разбѣяны повсюду; Гальбе и я только, были при генералѣ. Непріятель не хотѣлъ оставить своей позиціи, и Толь поѣхалъ увѣдомить о томъ Императора, который далъ ему нѣсколько инструкцій для Клейнау. Мы поѣхали къ нему и, слава Богу, нашли подлѣ него всѣхъ товарищей. Выстрѣлы возобновились съ новой силой, непріятель съ трудомъ держался въ деревнѣ и еслибы наступавшая ночь не положила конца сраженію, мы вѣроятно имѣли бы еще болѣе выгодъ. Такъ какъ битва была почти кончена, мы съ ген. Толемъ возвратились къ Государю. Онъ былъ въ восторгѣ и поцѣловалъ насъ всѣхъ. Радость была очень велика, и всѣ другъ друга поздравляли, а шесть Саксонскихъ батальоновъ, которые сдались, еще увеличили ее, рассказывая намъ подробно весь уронъ, понесенный Наполеономъ въ этотъ достопамятный день. Съ неописаннымъ удовольствіемъ, мы поѣхали въ Роту, благодаря Бога за дарованную намъ побѣду и за сохраненіе нашей жизни среди столькихъ опасностей. Пріятно было подумать и о покоѣ, котораго давно уже были лишены. Императоръ былъ въ отличномъ расположеніи духа во время всего путешествія и разговаривалъ со всѣми. Ген. Толь, показывая дорогу,

ѣхалъ впереди, мы за нимъ, и потому находились часто подлѣ Его Величества и, не видя ничего въ темнотѣ, случалось даже и задѣтъ Государя. Я слышалъ его разговоръ съ Уваровымъ на счетъ его лошадей, и никогда еще мнѣ не случалось слышать Императора, разговаривающаго такъ дружески, а Уварова говорящаго такъ смѣло. Однако Толь, предводительствуя всѣми ѣдущими, скоро объявилъ, что въ потьмахъ потерялъ дорогу и не знаетъ куда ѣхать. Долго совѣтовались, наконецъ рѣшили ѣхать на свѣтъ, видѣвшійся вдали. Этотъ огонекъ былъ въ маленькой избушкѣ, хозяйинъ которой вывелъ насъ на большую дорогу, и мы благополучно прибыли въ Роту. Я забылъ сказать, что ген. Толь былъ легко раненъ въ бедро, эта рана не помѣшала ему присутствовать въ сраженіи, но къ ночи боль усилилась, и онъ провелъ ее безпокойно.

7-го. Узнавъ, что Государь опять поѣхалъ на поле сраженія, Толь, не смотря на рану, и мы поѣхали туда же. Непріятель совершенно отступилъ и занималъ только городъ Лейпцигъ; раненыхъ, которыхъ мы нашли на позиціи, было безчисленное множество. Французы много взорвали муниціонныхъ повозокъ, остатки которыхъ мы безпрестанно находили, а раненые показывали намъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ зарытыя пушки; ихъ откапывали десятками. Такимъ образомъ одержанная нами побѣда имѣла огромныя выгоды. Сдѣлали распоряженія атаковать Лейпцигъ, и Императоръ назначилъ свою главную квартиру въ Пегау. Генераль Толь послалъ насъ туда, и мы рады были отдохнуть.

Въ Пегау мы заняли старыя наши квартиры, и добрый хозяинъ обрадовался намъ. Весьма приятна минута встрѣтиться съ знакомыми послѣ кровопролитной битвы, видѣть себя здоровымъ послѣ столькихъ опасностей и насладиться покоемъ послѣ трудовъ и усталости. Безпокоила ме-

ня только мысль о братѣ; вечеромъ ихъ полкъ долженъ былъ проходить мимо; я пошелъ на встрѣчу въ страхѣ и надеждѣ; темнота не позволяла хорошенько узнавать лица, я отнесся съ вопросомъ о братѣ къ первому офицеру и, представъ себѣ мою радость, когда въ этомъ офицерѣ узналъ брата. Онъ не менѣ былъ радъ видѣть меня, и мы вмѣстѣ возблагодарили Господа Бога. Ко мнѣ онъ зашелъ только на минутку.

8-го утромъ генераль еще не пріѣзжалъ, нѣкоторые офицеры, пришедшіе къ намъ, рассказывали намъ, что было вчера: взятіе Лейпцига, союзъ съ Саксонцами, послѣшное бѣгство Наполеона и торжественный въѣздъ Государя въ Лейпцигъ, гдѣ онъ провелъ ночь и долженъ былъ остаться и весь день. Генераль Толь былъ тоже въ Лейпцигѣ, и я очень сожалѣлъ, что не былъ съ нимъ, хотѣлъ ѣхать сегодня, уговаривалъ товарищей отправиться вмѣстѣ, но они не только не согласились, но старались отговорить и меня, увѣряя, что генераль сейчасъ возвратится; они были въ правѣ это думать, потому что князь Шварценбергъ, Барклай де-Толли и многіе другіе генералы уже пріѣхали. Я былъ твердъ въ моемъ рѣшеніи и хотя рисковалъ встрѣтить генерала Толя на дорогѣ, поѣхалъ одинъ въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ всеобщее ликование.

Толь сдѣланъ генераль-лейтенантомъ и былъ очень доволенъ, всѣ прочіе генералы получили тоже награды. Я гулялъ по городу, обѣдалъ у Вашутина, хотѣлъ сдѣлать нѣсколько покупокъ, но когда пришелъ къ генералу, онъ собирался ѣхать въ Пегау и велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Не смотря на быстроту нашей ѣзды, мы пріѣхали только ночью; съ нами ѣхалъ князь Оболенскій, мужъ твоей Агрипины Нелединской, и я съ нимъ познакомился; конечно, говорили про тебя.

9-го армія взяла дирекцію къ Веймару, чтобъ дѣйствовать на непріятельскій флангъ. Князь Шварценбергъ еще наканунѣ поѣхалъ въ Ленцъ, мы выѣхали туда же очень рано.

Я приготовилъ въ Ленцѣ квартиру для своего генерала, но когда онъ прибылъ, мы узнали, что фельдмаршалъ отправлялся далѣе, что заставило и насъ сейчасъ же идти въ Эйзенбергъ, а въ Ленцѣ мы только отобѣдали. Императоръ опять остался однимъ походомъ позади.

10-го мы пришли въ Йену и оставались цѣлый день. Я гулялъ по городу, смотрѣлъ университетъ и великолѣпный дворецъ, въ которомъ жила Великая Княгиня Марья Павловна. Этотъ дворецъ приготовленъ для Императора.

11-го намъ приказано было идти въ Веймаръ. Трескинъ, Орловскій и я поѣхали впередъ и очень удивлялись, что не встрѣчали войскъ по дороге, которая обыкновенно ими покрыта. Въ Веймарѣ не нашли квартирмейстеровъ и, узнавъ, что князь Шварценбергъ будетъ только на слѣдующій день, обратились за квартирами въ магистратъ; онъ далъ намъ великолѣпныя. Щербининъ, пріѣхавъ, подтвердилъ, что князь Шварценбергъ будетъ завтра и генералъ Толь тоже. Наша хозяйка г-жа Шопенгауеръ, очень важной фамиліи и дама высшаго тона; мы провели у нея вечеръ въ очень пріятномъ обществѣ. Она представила насъ своимъ гостямъ: дамамъ и мужчинамъ и, какъ она была придворная Великой Княгини Марьи Павловны, то рассказала намъ много про эту добрую принцессу и про многихъ знаменитыхъ людей Германіи, которыхъ всѣхъ знала и сама была очень учена и до чрезвычайности любезна.

12-го. Генералъ Толь пріѣхалъ очень рано и привезъ намъ пріятное извѣстіе, что награды за Лейпцигское сра-

женіе подписаны. Я получилъ чинъ поручика и очень былъ радъ.

Государь пріѣхалъ около полудня и былъ принятъ герцогомъ Веймарскимъ въ великолѣпномъ герцогскомъ дворцѣ. Мы пробыли въ Веймарѣ два дни; городъ красивъ, великъ, но неправильно выстроенъ. Хозяйка наша продолжаетъ быть съ нами очень любезна, давала намъ отличный обѣдъ, а вечеромъ мы пошли, съ ней и ея обществомъ, въ театръ.

14-го. Въ день рожденія Императрицы-матери, пѣли благодарственный молебенъ въ дворцовой церкви, устроенной для Великой Княгини; но я не могъ присутствовать, потому что мы должны были идти въ Еллебенъ, предурную деревеньку, гдѣ мы провели весь вечеръ. Еллебенъ на самой прямой дирекціи къ Франкфурту, куда мы направлялись, чтобъ отрѣзать дорогу непріятелю и преслѣдовать его. Императоръ остался въ Веймарѣ и поѣдетъ только на слѣдующій день по большой дорогѣ въ Вюрцбургъ и Ашафенбургъ и соединится съ нами только во Франкфуртѣ. Генералъ Толь получилъ приказаніе увѣдомлять Его Величество обо всякомъ малѣйшемъ приключеніи и какъ дорога, по которой онъ ѣхалъ, была отдѣлена отъ нашей высокими, почти непроходимыми, горами и Тюрингскимъ лѣсомъ, намъ стоило величайшаго труда доставлять ему свѣдѣнія и содержать коммуникацію съ его главной квартирой.

15-го мы пошли въ Мюльбургъ; ген. Толь пріѣхалъ къ вечеру, не сердился за квартиры, вообще старался казаться въ хорошемъ расположеніи духа, но мы уже нѣсколько дней замѣчали, что у него есть какая-нибудь печаль и приписывали ее тому, что онъ не получилъ никакого награжденія отъ Австрійскаго императора за Лейпцигское дѣло, и это потому, что князь Шварценбергъ часто дѣлаетъ ему непріятности, касающіяся

нашего войска: князь хочетъ всегда выставлять свое, а генераль не даетъ нашего въ обиду, и потому у нихъ безпрестанныя несогласія, которыя еще усилились съ 18-го числа. Правда, что это дѣлаетъ честь нашему генералу, но причиняетъ ему много неудовольствія, и намъ тоже неприятно за него. Нельзя вообразить себѣ, какъ скучно жить съ Австрійцами: ихъ гордость и чванство дѣлаютъ ихъ несносными; особенно они невыносимы съ тѣхъ поръ, какъ Государя нѣтъ съ нами.

16-го мы пришли въ Томбохъ, маленькое мѣстечко посреди Тюрингскаго лѣса, окруженное непроходимыми горами. Дорога, ведущая къ нему, одна изъ самыхъ неудобопроходимыхъ, и войско прошло ее съ величайшимъ трудомъ. Намъ дали скверныя квартиры; ген. Толь былъ очень недоволенъ, на бѣду казаки съѣли приготовленный ему обѣдъ, но за это онъ вспылить одну минуту, а потомъ самъ первый тому смѣлся. Я цѣлый день исполнялъ комиссію, а Шрама послали къ Императору съ докладомъ. Ему надо было проѣзжать черезъ Тюрингскій лѣсъ, и Трескинъ, желая его напугать, рассказывалъ ему такіе страхи и сказки, что мы хотали изъ всѣхъ силъ, даже генераль не могъ удержаться отъ смѣха.

17-ое мы провели въ Шмалькальденѣ. Императоръ Австрійскій туда же пріѣхалъ, а нашъ Императоръ продолжалъ свой путь. Всякій день разстояніе между его дорогой и той, по которой мы шли, увеличивалось, и сообщеніе между двухъ главныхъ квартиръ все дѣлалось мудренѣе. Г. Толь былъ принужденъ послать двухъ Шрамовъ съ нѣсколькими казаками впередъ, держать середину дороги и, когда у насъ были какія депеши, ихъ возили къ Шрамамъ, а они доставляли къ Императору.

18-го въ Дернбохъ, деревнѣ совершенно разоренной непріателемъ;

квартиры дурныя, и невозможно ничего достать ѣсть, ни за какія деньги.

19-го мы шли дорогой, по которой ретировался непріатель, и она представляла намъ тоже зрѣлище, какъ отъ Смоленска до Вильны: на каждомъ шагу, мы встрѣчали мертвыхъ и умирающихъ; ежели бы было похолодиѣе, можно было бы подумать, что мы опять въ Россіи. Въ Гюнфельдѣ были большія хлопоты съ квартирами, ген. Толю дали одну, которая была уже занята, и я не могъ переувѣрить квартиргера, что это невозможно. Когда пріѣхалъ ген. Толь, я принужденъ былъ жаловаться, и генераль приказалъ дать себѣ особую квартиру, а квартиргера арестовалъ; авось это научить ихъ болѣе имѣть уваженія къ Русскимъ.

20-е мы были въ Фульдѣ, довольно хорошемъ городкѣ, но въ самомъ старинномъ вкусѣ; 22-го наконецъ въ Гельнгаузенъ, послѣдней станціи до Франкфурта, куда ужасно желали дойти поскорѣе, потому что по всей дорогѣ, разоренной Французами, мы ничего не могли найти, и Австрійцы намъ страшно надоѣли.

23-го октября очень рано я пріѣхалъ во Франкфуртъ, получилъ порядочныя квартиры и расположилъ свою канцелярію. Жилъ я съ Щербиннымъ, Трескинымъ и Орловскимъ. Нашъ хозяинъ, богатый купецъ, г. Шмидтъ трактовалъ насъ очень хорошо, мы были чрезвычайно довольны почтеннымъ этимъ старичкомъ и подружались съ его племянникомъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ.

24-го Императоръ имѣлъ торжественный въѣздъ во Франкфуртъ съ конногвардіей. 25-го пріѣхалъ Австрійскій Императоръ, и было молебствіе въ Католической церкви, потомъ парадъ для прибытія гвардіи, потомъ короля Прусскаго, и всю первую недѣлю мы провели въ страшной ажитаци. Никогда Франкфуртъ не былъ

въ такомъ блистательномъ видѣ. Всякій день прѣзжалъ какой нибудь король или принцъ, стеченіе народа было неизмѣримое, городъ наполненъ войсками всѣхъ націй. На улицахъ было такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было пройти, а въ театрѣ почти невозможно достать порядочнаго мѣста. Я проводилъ время довольно пріятно: днемъ исполнялъ комиссіи, которыя генераль поручалъ мнѣ, рисовалъ карты, снималъ планы, гулялъ по городу, разсматривалъ его рѣдкости; а вечеромъ ходилъ въ казино, который почти тоже, что Московскій Англійскій клубъ: можно играть въ карты, бильярдъ, читать газеты, разговаривать о новостяхъ, почти всегда невѣрныхъ, толковать о политикѣ, въ которой ничего не понимаютъ, и такъ прошелъ цѣлый мѣсяць. Ничего вѣрнаго мы не знаемъ, непріятель перешелъ Рейнъ и, кажется, въ очень критическомъ положеніи, однако нельзя предполагать, чтобъ онъ согласился заключить миръ; хотя объ немъ и говорятъ, но приготовленія, которыя дѣлаются, доказываютъ совсѣмъ противное.

28-го ноября. Франкфуртъ.

21-го ноября, день праздника Семеновскаго полка, была обѣдня и парадъ. Когда прѣхалъ Австрійскій императоръ, нашъ Императоръ, какъ шефъ Семеновцевъ, провелъ мимо него полкъ церемоніальнымъ маршемъ; потомъ былъ обѣдъ во дворцѣ для офицеровъ, а солдатамъ раздавали водку. Всѣ жители Франкфурта въ восторгѣ отъ нашего Государя и не могутъ довольно имъ нахвалиться. Всякій разъ на разводѣ даютъ ему какое нибудь доказательство своей приверженности. Нѣсколько дней я очень безпокоился о моемъ бѣдномъ Егорѣ, который вдругъ очень занемогъ; однакоже докторъ меня увѣрилъ, что онъ выздоровѣетъ, но 23-го проснувшись, я узналъ, что онъ умеръ. Это меня чрезвычайно огорчило, тѣмъ болѣе,

х. 4.

что, по настоянію доктора, я у него не остался ночью. Онъ такъ любилъ меня, такъ хорошо служилъ мнѣ! Я позвалъ священника и схоронилъ вѣрнаго моего Егора, котораго мудрено будетъ замѣнить.

25-го и 26-го мы начали собираться въ походъ; главная квартира князя Шварценберга уже выступила, онъ одинъ оставался во Франкфуртѣ. Нашъ генераль все откладывалъ отъѣздъ; я думаю, что онъ съ намѣреніемъ мѣшквалъ, въ надеждѣ, что Императоръ оставитъ его при себѣ; но наконецъ 28-го, онъ сказалъ намъ, что на слѣдующій день мы двинемся впередъ и послалъ Орловскаго занять квартиры въ Фрейбургѣ. Я цѣлый день хлопоталъ о принятіи жалованья, котораго генераль ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Ему самому было совѣстно, что онъ причинилъ мнѣ столько хлопотъ и трудовъ; онъ извинялся передо мной и благодарилъ, когда я принесъ ему полученныя деньги. Узнавъ, что завтра мнѣ надо вѣхать очень рано, я весь вечеръ провелъ въ приготовленіяхъ, но прежде чѣмъ оставить Франкфуртъ, мнѣ хочется еще поговорить съ тобой объ этомъ городѣ. Онъ великъ, богатъ и славно выстроенъ. Во время нашего пребыванія было нѣсколько концертовъ и два бала: одинъ давалъ городъ, другой генераль Уваровъ; я не былъ ни на одномъ, но слышалъ, что оба были прекрасны. Театръ не великъ, но очень хорошенкій, актеры всѣ изрядные, а есть и такіе, что были бы замѣнены и въ любой столицѣ; великолѣпныя декораціи, отличный оркестръ. Г-нъ Медеръ и г-жа Шродеръ и многіе другіе, знаменитые актеры, прѣхавшіе изъ Гамбурга и Вѣны, украшали франкфуртскую сцену. Театръ былъ rendez vous всего высшаго общества; я былъ нѣсколько разъ, но не такъ часто, какъ товарищи, особенно Орловскій: онъ не пропускалъ ни одного раза и хотя ни слова не понималъ по нѣмецки,

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 10.

возвращался всегда въ восторгъ и забавлялъ насъ, описывая, по своему, пьесу и игру актеровъ. Братъ, Воейковъ и другіе мои знакомые пріѣзжали нѣсколько разъ ко мнѣ погостить; словомъ, все время, которое мы пробыли во Франкфуртѣ, было очень весело и пріятно, только потеря Егора набросила черную тѣнь на свѣтлую жизнь въ этомъ городѣ. Что касается до политическихъ дѣлъ, то, кажется Наполеонъ не намѣренъ заключать мира: онъ собираетъ новыя силы, и война неизбежна, по крайней мѣрѣ еще на годъ. Ежели намъ удастся занять Швейцарію и принудить Итальянскаго вице-короля ретироваться со своей арміей, тогда мы можемъ надѣяться войти во Францію. Всѣ наши союзныя войска пошли уже въ Базель, главная квартира переведена во Фрейбургъ. Императоръ ѣдетъ 30-го, а мы завтра. Очень намъ жаль разстаться съ Щербининымъ, котораго князь Волконскій хочетъ оставить при себѣ. Онъ всегда былъ добрый и хорошій товарищъ.

27-го ноября.

29-го ноября, простясь съ моимъ добрымъ хозяиномъ и съ его племянникомъ, я оставилъ Франкфуртъ. Погода была чудная; дорога, по которой я ѣхалъ, извѣстная подъ именемъ Бергстрассе, представляетъ на каждомъ шагу очаровательныя виды и все новыя картины, которыя лѣтомъ должны быть восхитительны, но теперь прекрасныя долины, луга, виноградники, сады безъ зелени являли печальное зрѣлище и усугубляли мою грусть. Я едва удерживался отъ слезъ всякій разъ, что оборачивался назадъ и не видалъ моего Егора. Пускай осудятъ меня, пускай примутъ за слабость привязанность мою къ нему: я никогда не перестану жалѣть о немъ и, когда потерялъ изъ вида послѣднюю башню города, гдѣ оставилъ его въ могилѣ, горькая слеза медленно скатилась въ его память. Черныя

мысли бродили у меня въ головѣ, я размышлялъ о бренности человѣческой жизни, о непостоянствѣ земныхъ благъ, въ которыхъ меня удостоивъяли развалины старинныхъ замковъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ. Пріѣхавъ въ Дармштадтъ, я не могъ добиться квартиры, потому что главная квартира Австрійскаго императора и корпусъ генер. Сакена стояли въ этомъ городѣ. Я былъ принужденъ занять загородный домъ, гдѣ и провелъ вечеръ съ товарищами. Ген. Толь пріѣхалъ въ ночь. Дармштадтъ хорошъ и дуренъ вмѣстѣ: въ одной части города видишь широкія улицы, большія площади и прекрасныя строенія, въ другой, напротивъ, маленькіе домики, узенькія нечистыя улицы, точно жидовскія. Мнѣ сказывали, что въ Дармштадтѣ хорошій театръ и довольно рѣдкостей, но я такъ усталъ, что предпочелъ лечь спать.

30-го генералъ позвалъ меня къ себѣ очень рано и совѣтовался, куда намъ идти ночевать; послѣ долгаго колебанія, мы рѣшили провести ночь въ Гейдельбергъ, семь миль отъ Дармштадта. Я поѣхалъ въ девять часовъ, погода была прекрасная, но немножко холодно, т. е. пять или шесть градусовъ, что казалось очень много для здѣшнихъ мѣстъ. Бергстрассе продолжалась, я любовался высокими горами, обширными долинами, старинными замками и читалъ ихъ исторію въ книгѣ, которую нарочно досталъ. Но скоро это мнѣ надоѣло; я ѣхалъ болѣе десяти часовъ, совершенно молча и подумалъ съ сожалѣніемъ о своемъ Егорѣ, который бы развеселялъ меня разговорами, или пѣлъ бы пѣсни, напоминающія мнѣ мою родину; я задумался, но вдругъ прекрасное зрѣлище поразило меня. Гейдельбергъ, освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца, съ своими старинными башнями, отражался въ рѣкѣ Неккеръ, текущей у подошвы горъ, окружающихъ этотъ городъ; вда-

ли разбросаны монастыри и развалины; я долго глядѣлъ съ восхищеніемъ на прелестную эту картину. Приѣхавъ въ городскую думу, я радъ былъ встрѣтить тамъ Тизенгаузена, приѣхавшаго готовить квартиры для Императора, котораго ожидаютъ на слѣдующій день. Квартиры я получилъ скоро, но съ фуражемъ возился очень долго. Генераль приѣхалъ, и я пошелъ къ себѣ, въ надеждѣ скорѣе лечь отдохнуть; но хозяинъ мой пригласилъ меня къ себѣ ужинать, продержалъ меня два часа за столомъ и принудилъ отвѣдывать всѣхъ кушаньевъ, а мнѣ ѣсть нисколько не хотѣлось. Послѣ ужина онъ началъ разговаривать о политикѣ и никогда бы не кончилъ, но я чуть не заснулъ; онъ замѣтилъ это и пожелалъ мнѣ покойной ночи.

1-го декабря я рано уѣхалъ изъ Гейдельберга и не могъ видѣть всѣхъ рѣдкостей города; всего больше мнѣ было жаль огромной бочки, о которой такъ много слышалъ; дорога до Брюксала показалась мнѣ и длинна и скучна.

2-го декабря очень рано я опять пустился въ путь. Густой туманъ и снѣгъ шедшій большими хлопьями мѣшали мнѣ видѣть прекрасное мѣстоположеніе. На половинѣ дороги меня догналъ полковникъ Скобелевъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ ѣхали до Дюрбаха, гдѣ онъ остался готовить квартиры для Императора, а я поѣхалъ въ Раштадтъ; засталъ его въ большомъ смятеніи: ожидали Австрійскаго императора. Это мнѣ не помѣшало получить хорошія квартиры, гдѣ, сидя съ Трескинымъ у окна, мы видѣли, какъ Францъ II въѣхалъ въ городъ въ скверной почтовой каретѣ, нагруженной съ верху до низу. Онъ никому не показывался и хотя народъ окружалъ его и бѣжалъ за нимъ съ радостными криками, никто не могъ сказать, что его видѣлъ. Ген. Толь позвалъ меня, и мы стали разсчитывать, куда намъ идти завтра

ночевать; я полагалъ, что Императоръ будетъ въ Офенбургъ, но Толь увѣрялъ, что онъ пробудетъ нѣсколько дней въ Карлеруэ, и мы рѣшили имѣть ночлегъ въ Офенбургѣ.

3-го декабря, съ первымъ свѣтомъ, я уже былъ готовъ, пошелъ пѣшкомъ, потому что было очень холодно, и вспоминалъ кампаніи Тюрення, которыми прославилась эта земля. Когда мы проѣзжали деревню Созбахъ, гдѣ онъ былъ убитъ, мнѣ очень хотѣлось сходить на его могилу, поклониться праху этого великаго воина, но я не имѣлъ времени: надо было поскорѣе занять квартиры въ Офенбургѣ. Дали довольно скоро и порядочныя. Хозяева звали меня къ себѣ и были довольно любезны. Жители великаго герцогства Баденскаго никогда не видали Русскихъ и, судя насъ по описаніямъ французскихъ журналовъ, думаютъ, что мы невѣжи и грубіаны, безъ всякаго воспитанія и не хотятъ вѣрить, что мы Русскіе, когда мы говоримъ съ ними по-французски, или по-нѣмецки; они никогда не начинаютъ съ нами разговора сами, въ полной увѣренности, что мы ихъ не понимаемъ; это не нравится моимъ товарищамъ, особенно Трескину, который любить поболтать. Надѣюсь, что въ Швейцаріи намъ будетъ лучше: тамъ знаютъ Русскихъ по Суворовскимъ кампаніямъ.

4-го декабря въ пять часовъ я выѣхалъ. Погода была холодная, снѣгъ опять шелъ довольно крупный, но скоро небо прояснилось и такъ сдѣлалось тепло, что я принужденъ былъ снять шинель: поэтому ты можешь судить, какой здѣсь климатъ. Мнѣ было очень скучно, горы и долины прискучили, развалины почти всѣ одинакія, но одна забавная сцена развеселила меня. Когда мы проѣзжали черезъ городъ Еммедингенъ, мимо квартиры генер. Вреде, Баварцы, стоявшіе у него на караулѣ, увидя моихъ казаковъ, вздумали закричать имъ ура; собралась

толпа народа, всё насъ окружили, и мы съ трудомъ могли пробраться сквозь эту толпу. У самыхъ воротъ Фрейбурга я встрѣтилъ казака Орловскаго, который проводилъ меня прямо въ трактиръ, гдѣ онъ занялъ квартиры тѣсныя и холодныя, но дѣлать было нечего; а досадно, потому что здѣсь мы будемъ отдыхать двѣ недѣли.

Вмѣсто пятнадцати дней мы простояли въ Фрейбургѣ всего три. Генералъ давалъ мнѣ безпрестанныя порученія и часто посылалъ къ Государю. Сегодня 6-е, а у обѣдни я быть не могъ. Вечеромъ пошелъ въ театръ, но онъ такъ дурень, что я выслушалъ только первый актъ.

Фрейбургъ замѣчательнъ своей башней, которая, говорятъ, также высока какъ Стразбургская. Сверху этой башни я любовался Альпійскими горами и Рейномъ, очень живописно протекающимъ по прекраснымъ долинамъ. Сегодня 7-го, воскресенье, я слушалъ обѣдню въ католической церкви, потомъ смотрѣлъ, какъ Баварская армія дефилировала передъ Австрійскимъ императоромъ. Вечеромъ Трескинъ пріѣхалъ изъ главной квартиры Императора и привезъ намъ Барша, дядю Щербинина. Онъ умный и пріятный человекъ, и мы съ нимъ дѣлали на завтра разные планы, какъ пришли намъ сказать отъ генерала, что завтра мы идемъ въ походъ; это такъ было неожиданно и такъ насъ смутило, что мы не знали за что приняться; я побѣжалъ къ каретнику упрашивать его, чтобъ повозка моей канцеляріи была починена къ слѣдующему дню и началъ укладываться, пошелъ за приказаніями къ генералу, который сказалъ мнѣ, что мы идемъ въ Лёррахъ съ главной квартирой князя Шварценберга, и послалъ Галле съ этимъ извѣстіемъ къ князю Волконскому.

8-го оставилъ я своего писаря ожидать повозку, а самъ отправился съ

Орловскимъ. Дорога была скверная, войска, шедшія со всѣхъ сторонъ, портили ее еще болѣе, погода ужасная. Въ Лёррахъ было такъ много военныхъ, что насъ помѣстили въ семинаріи. Генералу дали комнату директора, а намъ у другихъ мочетныхъ членовъ.

9-го ген. Толь поѣхалъ съ княземъ Шварценбергомъ дѣлать рекогносцировку, а мы цѣлый день пробыли дома. Хозяинъ показывалъ намъ коллекцію картинъ, вообще старался насъ занимать. Полковникъ Гартингъ пріѣхалъ къ намъ курьеромъ и провелъ весь день. Генералъ послалъ меня за диспозиціей, изъ которой мы узнали, что пойдемъ въ Швейцарію, въ Бернъ, и Гартингъ уѣхалъ съ этой диспозиціей, но походъ былъ отложенъ и назначенъ не въ Бернъ, а въ Базель. Сегодня 18-е, мнѣ дѣлать нечего и хочется поговорить съ тобой, хотя и нечего нѣтъ новаго. Австрійцевъ мы все также не любимъ, но съ нѣкоторыхъ поръ, они стали поучтивѣе, и со временемъ мы ихъ сформируемъ, какъ сформировали Пруссаковъ. Я знакомъ съ нѣкоторыми, но мало бываю въ ихъ обществѣ. Генер. Толь всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ, а съ нѣкоторыхъ поръ сталъ еще лучше; съ товарищами я живу хорошо, но далеко не такъ друженъ, какъ былъ съ Вашутинымъ и Вишняковымъ. Щербинина всѣ очень сожалѣемъ, и всѣ желаемъ поскорѣе соединиться съ главной квартирой Императора; тамъ все такъ живо, такъ весело, здѣсь скучно, все будто спитъ, Австрійцы даже никогда не усмѣхнутся. Мы все еще въ Лёррахъ и не можемъ двинуться, пока не возьмемъ или не блокируемъ крѣпости Гюнингъ. На дняхъ князь Волконскій насъ всѣхъ очень перепугалъ, пріѣхалъ ночью и пробылъ нѣсколько часовъ съ княземъ Шварценбергомъ. Дурновъ оставался все время съ нами. Въ Лёррахъ такое множество военныхъ, что не

знають, куда ихъ помѣстить; жители отягчены постоями, жаль смотрѣть на нихъ. Сегодня у нихъ Рождество Христово и, вмѣсто празднованья, слышишь только жалобы и вздохи. У нихъ даже не было обѣдни для такого великаго дня, потому что ихъ церкви превращены въ магазины. Россія теперь счастлива, забыла ужасы войны, въ обновленныхъ своихъ храмахъ воспѣваетъ хвалы Богу.

Россія тоже страдала подъ игомъ непріятельскимъ, ей грозила гибель, но Небо сжаилось, вѣрные сыны отстали за отечество и перенесли всѣ ужасы войны на берега Рейна.

Сегодня мы ѣздили въ Базель, за полмили отсюда; генералы Толь, Нейдгардтъ и Багрѣвъ тоже поѣхали, и мы, всѣ вмѣстѣ, заказали себѣ отличный обѣдъ въ гостинницѣ Трехъ Королей. Городъ довольно великъ, но кажется очень скучнымъ, жители къ намъ нехорошо расположены, на улицѣ мы буквально никого не встрѣтили, лавки и магазины всѣ были заперты, и мы не видали ничего замѣчательнаго, только соборную церковь, прекрасно выстроенную въ готическомъ вкусѣ. Рейнъ довольно широкъ, берега его очень красивы, съ одной стороны они покрыты горами, съ другой, прекрасными долинами, усыпанными селами и деревнями. Канонада, которую мы услышали въ Гюнингѣ, возбудила наше любопытство. Мы сѣли на коней и подъѣхали къ самой крѣпости, которая отъ Базеля всего въ одной верстѣ.

Французы сдѣлали вылазку, но Баварцы скоро ихъ прогнали, однако же съ нашей стороны было нѣсколько раненыхъ, и мы были въ опасности: граната, упавшая посреди насъ, чуть не наказала насъ за любопытство и неосторожность. Мы такъ близко подъѣхали къ непріятелю, что казакъ, бывший съ нами, выстрѣлилъ изъ пистолета и просидѣлъ патроновъ у Баварцевъ, желая гнать Французовъ,

которые ретировались къ Гюнингу. Эта крѣпость не велика, но кажется хорошо укрѣплена и вѣроятно долго продержится. Когда пушечные выстрѣлы прекратились и солнце начало садиться, мы возвратились домой.

14-го декабря вечеромъ къ намъ пріѣхали два офицера Австрійской службы, Поляки, которые довольно хорошо говорятъ по-русски. Они очень пріятные, молодые люди, играли на фортепиано и пѣли. Ландскоръ сдѣлся союзникамъ. О походѣ ничего не слышно.

16-го Трескинъ уѣхалъ въ главную квартиру Императора, прочіе товарищи тоже были разосланы по различнымъ порученіямъ; ген. Толь отправился осматривать крѣпость, я одинъ былъ дома и надѣялся позаняться, но пріѣхалъ князь Щербатовъ, которому надо было показать квартиры ген. Радецкаго; потомъ Иксуль, нашъ офицеръ, присланный за размѣщеніемъ Барклаевой арміи, и въ ожиданіи генерала, я долженъ былъ сидѣть съ нимъ и занимать его. Вечеромъ адъютантъ г. Радецкаго привезъ г. Толю диспозиціи, изъ которыхъ мы узнали, что намѣреніе идти черезъ Швейцарію отмѣнено и что мы, перейдя Рейнъ, отправимся въ Парижъ. Богъ знаетъ, благополучно ли дойдемъ до столицы Франціи. Мы приписывали перемѣну операцій объявленію Неаполитанскаго короля нашимъ союзникомъ, потому что у него достаточно войска принудить вице-короля Итальянскаго отступить во Францію, или тоже перейти на нашу сторону. Ежели бы это случилось, у Наполеона болѣе никого не останется, но и одинъ онъ еще долго будетъ намъ противиться. Въ одиннадцать часовъ вечера генералъ Толь и мы поѣхали верхомъ на Тюллингерскую гору смотрѣть на бомбардировку Гюнинга. Канонада была очень сильна во всѣхъ сторонахъ, наши бомбы сдѣлали пожаръ во многихъ мѣ-

стахъ, изъ крѣпости намъ отвѣчали слабо, потому что тамъ не ожидали этой атаки. Съ горы это зрѣлище было очень великолѣпно, хотя довольно густой туманъ мѣшалъ видѣть его во всей красѣ.

18-го декабря, все утро писали диспозиціи, переписывали, исправляли планъ Гюнинской атаки; всѣмъ было дѣло; въ 12 часовъ Шрамъ поѣхалъ во Фрейбургъ со всѣми этими бумагами, а къ намъ пришелъ Муравьевъ, пріѣхавшій въ Леррахъ занять квартиры для корпуса графа Платова, котораго ожидаютъ завтра. По всему вѣдно, что мы скоро пойдемъ въ походъ и на дняхъ будемъ во Франціи.

19-го Трескинъ и я поѣхали на Тюлингерскую гору смотрѣть на крѣпость и батареи, которыя безпрестанно стрѣляли, но опять густой туманъ помѣшалъ намъ, и мы скоро возвратились. Трескинъ поѣхалъ въ Вазель, Орловскаго послали въ Альткирхъ къ князю Щербатову, я одинъ остался дома; сначала было много дѣла, а потомъ взгрустнулось по родинѣ: праздники наступаютъ, а я одинъ, такъ далеко отъ всѣхъ васъ, дорогихъ моему сердцу, на чужой сторонѣ и вѣроятно даже не попаду ни къ обѣднѣ, ни къ заутрени въ день Рождества Спасителя міра. Трескинъ пріѣхалъ вечеромъ и разогналъ печальныя мои мысли.

20-го декабря новый годъ у Нѣмцевъ. Генер. Толь со всѣми нами ходилъ поздравлять князя Шварценберга. Онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу и, только что генералъ успѣлъ придти домой, къ нему явился отъ фельдмаршала ген. Коллеръ съ Австрійскими офицерами поздравить съ новымъ годомъ, который для насъ еще не пришелъ. Австрійцы за-просто ничего; но въ парадъ они уморительны: мундиры самыхъ странныхъ цвѣтовъ, я даже всѣмъ и названій не приберу, красныя панталоны, маленькіе, гусарскіе сапожки и очень высо-

кія шляпы. Послѣ церемоніальнаго приѣма и любезностей съ обѣихъ сторонъ, мы поѣхали въ Базель, чтобъ купить игрушекъ дѣтямъ нашего хозяина и слышали тамъ, что намъ дали Прусскій орденъ (pour le merite). Хотя вѣсть эта и очень пріятна, но мудрено ей вѣрить, пока генералъ намъ не объявитъ.

21-го оставили Леррахъ, ночлегъ назначенъ былъ въ Альткирхъ, но князь Шварценбергъ остановился въ Базель, и нашъ генералъ тоже рассудилъ тутъ же ночевать. Я получилъ для него и для себя отличныя квартиры у одного знатнаго и богатаго господина, который былъ съ нами очень добръ и любезенъ, но за то мы должны были съ нимъ все время любезничать. Завтра навѣрно походъ, и мы вступаемъ во Францію. Мнѣ жаль, что я не увижу Швейцаріи; ежели можно судить по одному городу, то Швейцарцы кажутся добрымъ, простымъ народомъ, чисто-плотны въ жилищахъ и одеждѣ, реформатскаго закона и очень привязаны къ своей вѣрѣ, никогда не работаютъ ни въ праздникъ, ни въ воскресенье и молятся Богу, садясь за обѣдъ и выходя изъ-за стола. Это мнѣ напомнило нашу матушку-Россію. Вѣря всѣмъ рассказамъ Наполеона, они принимали насъ за злодѣевъ и очень насъ боялись, но теперь очень насъ полюбили и удивляются, что мы обходимся съ ними лучше, нежели Французы. Они не сомнѣваются, что будутъ вознаграждены за издержки и не могутъ нахвалиться нашимъ Императоромъ за то, что онъ не нарушилъ ихъ нейтралитета, хотя и могъ легко это сдѣлать, и обѣщаль имъ свое покровительство. Всѣ арміи перешли Рейнъ и дожидаются на границахъ Франціи приказанія, куда идти. Резервный корпусъ, состоящій изъ нашей арміи и Прусской гвардіи, переправляется черезъ Рейнъ. Союзныхъ монарховъ всякій день ожида-

ютъ сюда. Князь Волконскій пріѣхалъ въ Базель; но когда мы къ нему явились, онъ уже уѣхалъ въ Лёррахъ.

22-го декабря мы вступили во Францію и остановились въ Альткирхъ—ничтожный городишка, гдѣ намъ дали, всѣмъ вмѣстѣ, прескверную квартиру. Всѣ жители спрятались, и во всѣхъ домахъ мы находимъ только или ключицы, или старыхъ управителей, недурно впрочемъ насъ принимающихъ. Они очень удивляются, что мы хорошо и учтиво съ ними обходимся, когда ожидали отъ насъ всевозможныхъ злодѣяній. Я видѣлъ, съ какимъ страхомъ народъ смотрѣлъ на казаковъ Платова, когда они проходили черезъ городъ; вѣроятно онъ скоро къ намъ привыкнетъ и не будетъ отъ насъ бѣгать; это вѣдь не Русскій бросающій свое имущество, сожигающій свои жилища, только чтобъ оно не досталось неприятелю: это Французы, которымъ все равно, кого имѣтъ господиномъ. Вечеръ провели въ скверной своей квартирѣ. Ген. Толь объявилъ намъ, что намъ дали орденъ *le mérite*, и мы ожидаемъ его съ нетерпѣніемъ. Узнавъ, что генералъ намѣренъ послать курьера къ Императору съ извѣстіемъ о взятіи Женева, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ быть въ церкви и просилъ, чтобъ онъ послалъ меня, и взялъ всѣ бумаги и депеши. Здѣсь почта несравненно лучше нашей, экипажи маленькіе, но удобные, крытые, защищающіе отъ вѣтра и дождя. Лошади, правда, не бѣгутъ такъ скоро, какъ наши, но я общалъ на водку почтальону, и мы скоро доѣхали до Базеля. Здѣсь мнѣ не хотѣли давать лошадей, но какъ у меня были бумаги къ ген. Ольдекопу и генералъ-аншефу Барклаю де-Толли, они мнѣ выдали бумагу, по которой уже меня болѣе нигдѣ не задерживали. Дождь былъ сильный, почему съ крѣпости Гюнингъ не стрѣляли, и мы благополучно пріѣхали во Фрейбургъ въ 7 часовъ утра. Я остановился у

Дурнова, отнесъ бумаги князю Волконскому и остался у него смотрѣть на парадъ гвардейской кавалеріи. Послѣ парада Императоръ пошелъ въ церковь и я за нимъ, но какъ въ ней никого не было кромѣ Шишкова и Аракчеева, то я старался, какъ можно, скрыться въ амбразурѣ окна, и тогда только успокоился, когда пришли еще многіе другіе. Мнѣ было очень пріятно слышать церковную службу, и я усердно молился. Императоръ съялъ посреди церкви вмѣстѣ со своими поцѣданными, и царземной приносилъ теплыя свои молитвы Небесному Царю.

23-го рано утромъ пріѣхалъ Трескинъ и торопилъ меня ѣхать обратно. Я былъ еще у заутрени и хотя очень грустно было остаться безъ обѣдни въ такой большой праздникъ, поспѣшилъ ѣхать къ генералу, не посмѣлъ даже зайти къ брату, полкъ котораго стоялъ въ Кротчингенѣ, деревнѣ, черезъ которую я проѣзжалъ. Въ два часа ночи пріѣхалъ въ Альткирхъ, но главная квартира была уже переведена въ Монтбельярдъ, куда я тотчасъ же и отправился съ однимъ Австрійскимъ офицеромъ въ прескверной какой-то фурѣ.

26-го пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ утра, явился къ генералу съ отвѣтами на порученія, а остальное время провелъ съ Орловскимъ и Дистомъ, присланнымъ къ князю Шварценбергу за Нейгдарта, который боленъ. Трескинъ пріѣхалъ къ вечеру и объявилъ о прибытіи князя Волконскаго. Мы приготовили ему квартиру и послали казаковъ ему на встрѣчу.

27-го много было хлопотъ достать лошадей для князя и дать ему конвой казаковъ, но наконецъ онъ уѣхалъ. Погода дурная, дѣла нѣтъ. Въ Монтбельярдѣ намъ довольно пріятно. Городъ этотъ много потерпѣлъ во время революціи, жители эмигрировали; многіе долго жили въ Россіи и изрядно говорятъ по-русски.

28-го Декабря мы оставили Монтебельярдъ и, самой прямой дорогой, пошли въ Везуль; первая станція была въ Араи, но деревня эта такъ мала, что мы заняли квартиры въ сосѣдней деревнѣ, Ешенасъ; генераль не пріѣхалъ, онъ предпочелъ остаться въ городѣ и сдѣлать лучше на другой день десять верстъ лишнихъ, чѣмъ ночевать въ дурной деревнѣ, гдѣ ничего нельзя было достать. 29-го пришли въ городъ Виллересексъ. Съ квартиргеромъ у насъ всякій разъ неприятели, и я радъ былъ, когда онъ никакъ не хотѣлъ дать квартиру ген. Толю въ городѣ. а отвелъ ему ее въ ближайшей деревнѣ Сентъ - Сюльписъ; это такъ разсердило генерала, что онъ сейчасъ написалъ письмо къ ген. Ланжерону съ жалобой на квартиргера. Въ Везуль опять исторія съ квартирами и кромѣ того еще грубости со сторо-

ны квартиргера; тогда ужъ генераль сказалъ это князю Шварценбергу, и квартиргеръ арестованъ, а намъ префектъ далъ отличныя квартиры, чему мы очень рады, потому что простимъ здѣсь нѣсколько дней. Говорять, армія Наполеона ретируется къ Парижу, чтобъ прикрыть свою столицу. Наши партизаны находятъ сопротивление со стороны Нанси, и это доказываетъ, что Лотарингія не совсѣмъ очищена и, какъ она должна быть у насъ въ тылу, намъ нельзя идти впередъ, пока въ ней будутъ войска. Полагаютъ, что въ Шампаньи у насъ будетъ кровопролитное сраженіе, и бѣда Наполеону, ежели онъ его проиграетъ. Объ Голландской арміи и объ Веллингтонѣ ничего не слышно. Блюхеръ по немногу приближается къ Мецу. Прощай, любезная сестра, кончаю это письмо, пожелавъ тебѣ счастливаго года.

ЗАМѢТКА.

17 октября 1819 года, въ Царскомъ Селѣ, Карамзинъ прочелъ императору Александру Павловичу свою Записку о Польшѣ или *Минніе Русскою Гражданина*, которое уже въ наше время напечатано въ книгѣ: „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, Спб. 1862, стр. 3—8. На другой день Государь переѣхалъ на житье въ Петербургъ (см. письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 273); но предъ отъѣздомъ онъ показалъ Записку Карамзина директору Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардту, который и списалъ ее. Списокъ этотъ сохранился у сына его Владиміра Егоровича. Противъ печатнаго, никакихъ отиънъ нѣтъ, но въ концѣ листа рукою Е. А. Энгельгардта написано слѣдующее:

Das Original dieses Briefes gab mir der Kaiser am 18 October 1819 nach einem Gespräch über die Wiedergeburt Polens. Er behauptete, ich müßte mich mit Karamsin verabreden haben, weil wir beide so ganz einer Meinung seyen. Es hat mich viel Mühe gekostet ihn zu überzeugen daß wir beide nie über den Gegenstand gesprochen hätten und daß die übereinstimmende Meinung bloß daher rühre, daß: il n'y a qu'une vérité und daß

also zwei sogar ganz mit einander unbefannte Menschen ganz füglich einerlei Meinung über einen Gegenstand haben könnten. Er hat hernach auch gegen Karamsin dasselbe geäußert und dieselbe Antwort erhalten.

Т. е. Подлинникъ этого письма (1) далъ мнѣ Императоръ 18 октября 1819 года послѣ разговора о возстановленіи Польши. Онъ утверждалъ, что я сговорился съ Карамзинимъ, такъ какъ оба мы были совершенно одного мнѣнія (2). Мнѣ стоило большаго труда убѣдить его, что мы съ Карамзинимъ никогда не говорили объ этомъ предметѣ, а одинаковое мнѣніе происходитъ просто отъ того, что истина одна, и что слѣдоват. два незнакомые между собою лица могутъ быть одного мнѣнія о предметѣ. Потомъ онъ тоже самое выразилъ Карамзину и получилъ тотъ же отвѣтъ.

(1) Е. А. Энгельгардтъ полагалъ, что Карамзинъ изложилъ свои мысли въ видѣ письма къ Государю, тогда какъ Записку свою онъ читалъ ему, въ его Царскосельскомъ кабинетѣ.

(2) Карамзинъ никогда никому не сообщалъ своей Записки, кромѣ какъ супругъ своей и черезъ два года императрицѣ Елизаветѣ Алексеевнѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, за 1830—1833 годы.

(Писано въ Ноябрь 1868 г.)

Посвящено старымъ университетскимъ товарищамъ.

8-го Февраля 1869 года исполнится 30 лѣтъ съ того времени, какъ Главный Педагогическій Институтъ, по мѣсли и ходатайству попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, незабвеннаго въ лѣтописяхъ Русскаго просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, преобразованъ въ С. Петербургскій университетъ. Къ этому 30-ти лѣтнему юбилею профессоръ Спб. университета В.В. Григорьевъ составляетъ, по избранію и постановленію Совѣта, исторію С. Петерб. университета: архивъ университета, преданія университетскія и собственныя воспоминанія доставятъ, безъ сомнѣнія, г-ну Григорьеву богатый матеріалъ для его труда. Какъ ни скудны мои воспоминанія о томъ, что было за сорокъ почти предъ этимъ лѣтъ во время моего образованія въ Петербургскомъ университетѣ, какъ ни блѣдны по этому должны быть самыя краски описанія: но мнѣ желательно почтить пятидесятилѣтіе университета моими воспоминаніями о времени моего студенчества. Они относятся преимущественно до историко-филологическаго факультета, въ которомъ я находился съ Февраля 1830 по Іюнь 1833, а также до быта вообще казеннокоштныхъ студентовъ. Недосказанное мною, или ошибочно переданное, могутъ пополнить и исправить остающіеся въ живыхъ мои товарищи; а современное поколѣніе студентовъ, коль скоро нѣсколько подобныхъ разсказовъ о прошлой жизни университета явится въ печати, будетъ имѣть возможность сравнить настоящее съ прошедшимъ и прослѣдить исторію университета не по однимъ архивнымъ документамъ.

Въ половинѣ Января 1830 г. пріѣхалъ я въ Петербургъ съ покойною матерью моею изъ Вологды. Ни въ числѣ наставниковъ Вологодской гимназіи, въ которой я учился, ни въ цѣломъ городѣ Вологдѣ не было тогда никого изъ окончившихъ курсъ въ Петербургск. университетѣ. За годъ до меня поступилъ туда В. С. Покровский, окончившій курсъ въ Вологодской семинаріи. Я его зналъ, такъ какъ онъ жилъ, во время семинарскаго своего ученія, въ качествѣ гувернера дѣтей въ знакомомъ мнѣ семействѣ губерн. прокурора Ал. Ал. Зубова (1). Покровскаго прежде всего отыскалъ я въ университетѣ: онъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ. Другихъ знакомыхъ лицъ у насъ въ Петербургѣ не было. Второе отысканное нами лице былъ секретарь университетскаго правленія Грацилевскій (2); онъ далъ намъ указаніе, что о принатіи меня въ университетъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ ректору университета Антону Антоновичу Дегурову (*), жившему на

(1) Вен. Ст. Покровский, прослуживъ по минист. нар. проsv. слишкомъ 18 лѣтъ, въ началѣ 1831 г. вышелъ въ отставку по болѣзни изъ директоровъ Могилевской гимназіи.

(2) Грацилевскій окончилъ курсъ ученія въ Петерб. унив. въ 1823 г. и оставленъ былъ сначала при университетѣ; онъ былъ старшимъ учителемъ С. Петерб. вышшаго училища (что нынѣ 2-я Петерб. гимназія въ Большой Мѣщанской улицѣ).

(*) Про Дегурова, занимавшаго у насъ такое видное мѣсто, разсказываютъ, что онъ нѣкогда былъ секретаремъ Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи, но ѣзжалъ на кануны казни своего страшнаго патрона. Любопытно бы подтвердить это преданіе болѣе положительными свѣдѣніями. Царскосельскихъ лицестовъ учить братъ Марата; воспитаніемъ юношества въ Петербургѣ руководить подручникъ Робеспьера — все это черты знаменательныя и несомнѣнно важныя. П. Б.

Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами въ квартирѣ нанимаемой отъ университета: это былъ, какъ очень хорошо помню, домъ Штерича въ 3-й Адмиралтейской части^(*). Странно было встрѣтить ректоромъ университета Француза, не говорившаго по-русски. Первый вопросъ, съ которымъ обратился онъ ко мнѣ, былъ: *quel est votre nom?* Принявши отъ насъ просьбу и выслушавъ о желаніи моемъ вступить въ число казенныхъ студентовъ, онъ сказалъ, что о назначеніи мнѣ вступительнаго испытанія я буду увѣдомленъ; но принять меня въ казенные студенты онъ не обѣщалъ по недостатку помѣщенія, а равно и потому, что оканчивающіе университетскій курсъ казенные студенты не скоро еще будутъ размѣщены, а до тѣхъ поръ будутъ они жить въ университетѣ, и свободныхъ вакансій до выхода ихъ открыться не можетъ. Въ это время (въ Январѣ) шли годовыя испытанія, такъ какъ университетъ открытъ былъ 8-го Февраля 1819 года, и учебный годъ оканчивался въ немъ тогда Январемъ, а новый начинался съ Февраля. Въ университетской канцеляріи, помѣщавшейся въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ ректоръ, оставилъ я свой адресъ. Между тѣмъ меня озабочивало вступительное испытаніе, котораго избѣгнуть я никакъ не надѣялся, потому что прошло уже тогда три съ половиною года, какъ я окончилъ гимназическій курсъ (въ Августѣ 1826 г.) и съ того времени до начала 1830 г. оставался въ Вологдѣ, потому что ранѣе 16 лѣтъ вступить въ университетъ было нельзя, а въ аттестатѣ моемъ значилось, что я былъ 12 лѣтъ при окончаніи гимназическаго курса. Сверхъ всякаго ожиданія, принять я былъ въ студенты безъ испытанія.

(*) Въ квартирѣ Дегурова первая за переднюю комната служила заломъ для университетскихъ совѣтовъ, а слѣдующая за нею большая гостиная, уставлена была по стѣнамъ шкапами съ обширною бібліотекою Дегурова.

Начался курсъ университета. Прошло нѣсколько недѣль, въ теченіи которыхъ мать моя прискала для меня помѣщеніе въ одномъ семействѣ и готовилась уже къ отъѣзду въ Вологду, боясь наступающей распутицы. На канунъ ея отъѣзда мы повстрѣчались съ субъ-инспекторомъ студентовъ Александромъ Ив. Брутомя, который порадовалъ насъ извѣстіемъ, что я уже принять въ казенные студенты ранѣе другихъ, по случаю выбытія изъ университета своекоштнаго студента Баскакова. На слѣдующій день, проводивъ мать, переселился я въ университетъ. Этотъ памятный для меня день былъ 8-е Марта, суббота 3-ей недѣли великаго поста.

Университетъ помѣщался тогда на углу Кабинетной улицы противъ Семеновскихъ казармъ. Это узкое, двухэтажное, продолговатое зданіе въ видѣ литеры П, занимаемое теперь синодальнымъ подворьемъ, не можетъ идти ни въ малѣйшее сравненіе съ настоящимъ великолѣпнымъ и обширнымъ помѣщеніемъ Петербургскаго университета (съ 1838 г.), въ зданіи 12 коллегій. Нашъ тогдашній домъ перестраивался нѣсколько лѣтъ, перестройка стоила огромныхъ суммъ, но самое зданіе не возможно было приспособить съ удобствомъ для помѣщенія высшаго учебнаго заведенія, при которомъ еще находился институтъ казенныхъ студентовъ. Петербургскій университетъ тѣснился въ немъ съ 1823 по 1838 годъ: здѣсь лѣпились аудиторіи, университетскіе кабинеты и музеи, камеры для казенныхъ студентовъ, квартиры для двухъ субъ-инспекторовъ, для нѣсколькихъ адъюнктовъ, для эконома и прислуги университетской. Для квартиры инспектора студентовъ и для помѣщенія цензурнаго комитета нанимался соседній домъ, состоявшій въ связи съ университетскимъ зданіемъ. Въ верхнемъ этажѣ зданія помѣщалось, сколько помню, четыре или пять аудиторій; да въ нижнемъ этажѣ двѣ аудиторіи, изъ

которыхъ одна служила и для химической лабораторіи. Въ университетѣ было три факультета: историко-филологическій, физико-математическій и философско-юридическій. Въ Январѣ 1830 г. былъ седьмой выпускъ студентовъ съ открытія университета. 26 человекъ окончили тогда университетскій курсъ, изъ нихъ 16 со степенью кандидата и 10 дѣйствительными студентами. Изъ нихъ кандидатъ математическаго факультета П. А. Назарьевъ назначенъ въ Вологду учителемъ естественной исторіи вмѣсто дѣда моего двоюроднаго, Алексѣя Ѳед. Фортунатова, умершаго 4-го Дек. 1828 г. Это былъ первый въ Вологодской гимназіи наставникъ изъ Петерб. университета, занявшій учительское мѣсто, бывшее вакантнымъ болѣе года (4).

Во всѣхъ трехъ факультетахъ въ 1830 г. было студентовъ до 170 человекъ, между тѣмъ, какъ въ 1826 г. общее число студентовъ доходило только до 30-ти. Точно также и число окончившихъ въ 1830 г. унив. курсъ (26 ч.) было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году: въ 1829 году вышли изъ университета 4 кандидата и 6 дѣйств. студентовъ, всего 10 человекъ.

Лекціи назначено было въ то время читать по два часа каждую; но многіе профессора приходили въ аудиторію спустя полчаса, а иные уходили изъ аудиторіи ранѣе положеннаго получасомъ, и лекціи у тѣхъ и у другихъ продолжались не болѣе полутора часа. Ежедневно утромъ отъ 8 до 12 часовъ назначалось по двѣ лекціи, а послѣ обѣда лекціи продолжались отъ двухъ до шести часовъ вечера. Сверхъ того въ 1830 году съ шести часовъ вечера

два раза въ недѣлю адъюнктъ-профессоръ Тихомировъ преподавалъ ариметику на тройныхъ счетахъ; въ томъ же 1830 г. явилось въ свѣтъ его сочиненіе подъ названіемъ: *Ариметика на счетахъ, или легчайшій способъ производить всѣ ариѳметическія дѣйствія на счетахъ, усовершенствованный генералъ-майоромъ Слободскимъ, изданный Петромъ Тихомировымъ*. Тихомировъ былъ адъюнктъ по кафедрѣ астрономіи и скончался въ половинѣ 1831 года. Послѣ обѣденныя лекціи назначались по преимуществу на языки, а также и лекціи по закону Божію были послѣ обѣда два раза въ недѣлю отъ 2-хъ до 4-хъ по вторникамъ и четвергамъ, во всѣ три съ половиною года моего студентства.

Курсъ, начатый въ Февралѣ 1831 г. окончень былъ въ Іюнь 1832 года и былъ вмѣсто годоваго полуторагодовой: съ одной стороны годичныя испытанія съ Января перенесены были на Іюнь для того, чтобъ курсы университета Петербургскаго совпадали съ курсами другихъ университетовъ и подготавливающихъ къ университету среднихъ учебныхъ заведеній, каковы гимназіи (5); а съ другой стороны поводомъ къ продленію курса 1831 г. выставлены были продолжительныя каникулы этого года по случаю холеры, явившейся тогда въ Петербургѣ. Такимъ образомъ прибавка лишннихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ этого курса съ избыткомъ наверстывала болѣе продолжительное въ 1831 г. каникулярное время. Вообще же тогда и лѣтнее и зимнее ваканціонное время въ университетѣ не было такъ продолжительно, какъ нынѣшнее; такъ на прим. въ 1830 г. у насъ въ историко-филологическомъ факультетѣ Петербургск. университета лекціи продолжались до 20 Іюня, а съ половины Августа началось продолженіе курса. Также точно въ при-

(4) П. А. Назарьевъ въ 1831 г. перемѣстился въ учителя математики, по смерти отца моего, занимавшаго эту должность въ Вологодской гимназіи; преподаваніе же естественной исторіи вовсе прекращено было съ преобразованиемъ Вологодской гимназіи въ 1832 году по новому 1828 года уставу. Должность свою оставилъ П. А. Назарьевъ въ 1849 г. по болѣзни.

(5) Впрочемъ въ гимназіяхъ, по уставу 1828 г. экзамены назначались не предъ каникулами, а послѣ каникулъ, въ Августѣ мѣсяцѣ.

мѣръ менѣе продолжительнаго прекращенія лекцій, чѣмъ нынѣ, во время святокъ, могу указать на то, что послѣдняя лекція латинскаго языка предъ святками 1832 была 21 Декабря, а слѣдующая за нею въ 1833 г. 9 Января. Уставъ университетскій 1835 г. узаконилъ болѣе продолжительное вакантное время зимою, съ половины Декабря до половины Января.

Въ историческо-филологическій факультетъ входили, въ мое время, слѣдующія науки: 1) Богословскія науки; 2) языки древніе: латинскій и греческій; 3) русская словесность; 4) исторія всеобщая и русская; 5) древняя географія; 6) статистика всеобщая и русская; 7) языки новые, изъ которыхъ французскій и нѣмецкій были обязательными для каждаго студента историко-филологическаго факультета, а англійскій и италіянскій преподавались только для желающихъ. Нѣкоторые предметы, какъ напр. теорія изящныхъ наукъ и археологія, значились у насъ только въ росписаніи учебныхъ предметовъ, но не преподавались за недостаткомъ преподавателей. Философія и политическая экономія причислялись тогда къ юридическому факультету, который и назывался поэтому философско-юридическимъ; а въ составъ филологическаго они тогда не входили, какъ нынѣ.

I. Преподаваніемъ богословскихъ наукъ занимался тогдашній настоятель университетской церкви, Василій Борисовичъ *Бажановъ*, нынѣшній протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго собора, духовникъ Государя Императора и главный священникъ гвардейскихъ корпусовъ. Онъ читалъ въ университетѣ лекціи богословія съ половины 1827 до 1836 года и былъ преемникомъ протоіерея Павскаго, какъ по университетской кафедрѣ, такъ и по преподаванію закона Божія съ 1834 года Наслѣднику Всероссійскаго престола, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Православные студенты

всѣхъ курсовъ и факультетовъ обязаны тогда были слушать богословскіе науки. Распредѣленіе преподаванія этого предмета при мнѣ было слѣдующее: въ 1830 году читалось студентамъ догматическое богословіе, съ 1831 по Іюнь 1832 г. нравоучительное, или, какъ чаще называли его у насъ, нравственное богословіе, а въ 1833³/₃ церковная исторія. Въ введеніи къ догматическому богословію, на первыхъ лекціяхъ по этому предмету, изложены были общія понятія о богословіи, о религіи и ея важности, о раздѣленіи богословія на общее и частное. Показавъ недостаточность религіи естественной, профессоръ перешелъ къ изложенію понятія объ откровеніи вообще и указалъ на признаки божественнаго откровенія, а за тѣмъ перешелъ къ религіи христіанской. Записокъ объ этомъ отдѣлѣ богословія намъ тогда не выдавалось, а потому нѣкоторые изъ насъ записывали лекціи эти за словами профессора. Въ послѣдствіи уже, по выходѣ моемъ изъ университета, явились литографированныя записки по естественному богословію. Онѣ въ сокращеніи вошли въ изданную В. Б. Бажановымъ въ 1862 г. книгу *О религіи* (81 стр.); здѣсь только латинскія цитаты, приводимыя изъ нѣкоторыхъ писателей, переведены на русскій языкъ для большей вразумительности и доступности каждому читателю. Собственно по догматическому богословію профессоръ выдавалъ записки, составлявшія конспектъ его лекцій. Также точно выдавалъ онъ намъ записки и по нравственному или нравоучительному богословію. Эти послѣднія начинались общимъ понятіемъ о христіанскихъ обязанностяхъ, а за тѣмъ излагались обязанности наши къ Богу (внутреннее и внѣшнее богопочтеніе), обязанности наши къ ближнимъ и, въ заключеніе, обязанности человека къ самому себѣ. Записки эти, съ нѣкоторыми исправленіями по мѣстамъ и дополненіями въ концѣ ихъ, имѣли нѣсколько изданій; и книга эта, подъ названіемъ

Объ обязанностяхъ христіанина служить учебнымъ руководствомъ въ высшемъ классѣ женскихъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

Преподаваніемъ церковной исторіи заключился при мнѣ курсъ богословскихъ наукъ; съ особенною полнотою изложено было профессоромъ о послѣднихъ дняхъ земной жизни Богочеловѣка. Лекціи объ этомъ приходилось Василью Борисовичу читать намъ въ 1833 году на Фоминой недѣлѣ; особенно много, сколько помню я, собралось къ нему студентовъ не только православныхъ, но и другихъ исповѣданій на лекцію 11 Апрѣля⁽⁶⁾; а наканунѣ этого дня, 10 Апрѣля, Государь Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ сосѣднюю съ нами первую гимназію во время послѣобѣденныхъ уроковъ, долгое время оставался въ классѣ В. Б. Бажанова, и слушалъ его объясненія учащимся съ особеннымъ вниманіемъ.

По окончаніи годичныхъ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ, въ число которыхъ входилъ Законъ Божій, назначался еще особый день на испытаніе въ богословскихъ наукахъ; изъ студентовъ выбиралось профессоромъ до 12 человекъ къ этому испытанію, производившемуся въ присутствіи высшихъ духовныхъ лицъ, министра нар. просвѣщенія и попечителя С.Петербург. учебнаго округа. Впрочемъ въ мое время ни на одномъ изъ этихъ испытаній не было ни тогдашняго С.Петербург. митрополита Серафима (сконч. 1843), ни присутствовавшего тогда въ Синодѣ Московскаго митрополита Филарета (сконч. 19 Ноября 1867 г.); а обыкновенно посѣщали изъ духовныхъ лицъ викарные епископы, а также нѣкоторые члены св. Синода.

(6) Большое число слушателей на лекцію 11 Апрѣля привлечено было разказами студентовъ, слушавшихъ объ этомъ одушевленные лекціи профессора въ 1829 году: во время этихъ лекцій В. Б. Б. познакомилъ студентовъ съ статьями нашего знаменитаго духовнаго вѣтти Иннокентія, помѣщенными въ Христіанскомъ Читаніи 1828 года (ч. XXIX).

изъ числа коихъ упомяну объ архіеп. тогда Тверскомъ, Григоріи⁽⁷⁾. Когда по прибытіи его къ намъ въ 1831 г. на испытаніе, представленъ ему былъ списокъ студентовъ, первымъ вызвалъ онъ меня и долго продержалъ, предлагая вопросы и возраженія, а отвѣчать мнѣ приходилось тогда о грѣхопаденіи прародителей. Министръ нар. просв., кн. Ливень, сидѣлъ во все время испытанія безмолвнымъ, но внимательнымъ слушателемъ. Возраженія отъ студентовъ на лекціяхъ Василій Борисовичъ выслушивалъ съ терпѣніемъ и не оставлялъ безъ отвѣтовъ; неосновательность возраженій нѣкоторыхъ изъ совопросниковъ профессоръ умѣлъ искусно обличать, для чего иногда прибѣгалъ къ совопросительному способу вразумленія. Усилившіяся въ одно время, эти возраженія были поводомъ къ произнесенію профессоромъ въ университетской церкви въ воскресный день, по окончаніи литургіи, проповѣди къ студентамъ, въ которой изложены были причины невѣрія. Вообще Василій Борисовичъ время отъ времени произносилъ поученія студентамъ, отличавшіяся особенною простотою и въ то же время согрѣтыя теплотою любви; они имѣли цѣлію врачевать душевные недуги его слушателей и раскрывать предъ ними безконечное милосердіе Божіе, являемое всѣмъ и каждому. Въ 1831 г. вышло въ свѣтъ 1-е изданіе его проповѣдей, подъ названіемъ *Поучительныя слова и рѣчи*, а въ 1837 году 2-е изданіе, умноженное и посвященное его Ввнценосному Ученику.

И горемъ и радостію дѣлились мы съ нашимъ законоучителемъ, обращаясь къ нему въ часы недоумѣній и тревогъ душевныхъ. И за стѣнами университета, черезъ много, много лѣтъ, бывшіе его ученики находили у него благо-

(7) Преосв. Григорій, докторъ богословія и ученикъ митр. Филарета по С.-Петербур. духов. академіи (онъ былъ перваго выпуска), въ послѣдствіи былъ митрополитомъ Петербургскимъ (1856—1860 г.).

временную помощь въ разныхъ невзгодахъ житейскихъ.

II. *Латинскій и греческій языки.* Оба древніе языка читались при мнѣ одновременно въ трехъ отдѣленіяхъ, которыя избирали для себя студенты по степени своихъ познаній. Въ высшемъ отдѣленіи преподавалъ тотъ и другой языкъ ординарный профессоръ и академикъ *Ф. Б. Грефе*, въ среднемъ отдѣленіи—тоже оба языка экстр. проф. *Дмитрій Прок. Поповъ*, въ низшемъ отдѣленіи преподаваніе латинскаго языка возложено было на адъюнктъ-профессора *Алек. Ив. Брута*, а греческій языкъ преподавалъ лекторъ (а съ 1831 г. адъюнктъ-профессоръ) *Иванъ Яковл. Соколовъ*.

Студенты филологическаго факультета обязаны были на послѣднемъ курсѣ слушать языки древніе у профессора высшаго отдѣленія. Вмѣстѣ съ филологами слушали во всѣхъ трехъ курсахъ латинскій языкъ и юристы, но для нихъ не было обязательно при окончаніи курса подвергаться испытанію въ высшемъ отдѣленіи у проф. Грефе. Во все при мнѣ время, латинскій языкъ преподавался по два раза въ недѣлю, а именно: по понедѣльникамъ и средамъ отъ 4 до 6 часовъ по полудни, а греческій языкъ тоже по два раза въ недѣлю, по вторникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 час. утра. Прибавлю къ этому: во все время моего студенчества проф. Грефе пропустилъ только лекціи двѣ, или три весною, когда шелъ по Невѣ ледъ и не было сообщенія между частями города (Грефе жилъ въ домѣ Акад. наукъ въ 7 линіи Васильев. остр., а университетъ помѣщался, какъ сказано, по другую стороны Невы въ Кабинетной улицѣ). Мало этого: онъ не опустилъ ни одной минуты, являясь въ университетъ постоянно ранѣе времени назначеннаго для его лекціи. Ему старались подражать въ этомъ отношеніи, ближайшіе его сотрудники, *Поповъ, Брутъ и Соколовъ*: и потому не опаздывали приходомъ на лекціи,

какъ это водилось у другихъ профессоровъ, такъ какъ для многихъ двухчасовое непрерывное преподаваніе было тяжело; уставъ университетскій 1835 года двухчасовыя лекціи измѣнилъ на полуторачасовыя, а послѣдній университетскій уставъ ввелъ часовыя лекціи; также точно, какъ теперь въ гимназіяхъ часовые уроки. Уже въ Январѣ 1831 года, когда я былъ въ Петербургѣ, зашелъ у меня разговоръ съ Грефе о необыкновенно-точномъ посѣщеніи имъ лекцій такъ, что онъ не позволялъ себѣ опоздать ни минуты; Грефе отвѣчалъ мнѣ на это: „Когда приближается время лекціи моей въ университетѣ, или педагогическомъ институтѣ, я чувствую себя беспокойнымъ и для собственнаго успокоенія отправляюсь на лекцію заранее.“

Не могу безъ глубочайшаго душевнаго умиленія и благоговѣйнаго уваженія къ памяти уже почившаго профессора нашего, говорить о *Федорѣ Богдановичѣ Грефе*, составлявшемъ честь и украшеніе Петербургскаго университета. Говорить о немъ отъ полноты души я не стѣсняюсь, потому что его нѣтъ уже въ живыхъ, и слова мои, какъ полагаю, подтвердятъ всѣ знавшіе хорошо Грефе. Не только образъ выраженія, даже самыя при этомъ жесты любимаго нами профессора невольно перенимали мы у него. Лекціи свои по той и другой кафедрѣ древнихъ языковъ читалъ намъ Грефе полатини; да и вообще объяснялись мы съ Грефе не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Одна уже его наружность внушала студентамъ невольное къ нему чувство уваженія. Грефе былъ ученикомъ знаменитыхъ филологовъ *Гейне* и *Германа*; онъ былъ товарищемъ по филологическимъ занятіямъ подъ руководствомъ *Германа*, не менѣе извѣстныхъ филологовъ *Тирша* (Мюнхенскаго профессора, столь ревностнаго защитника классическаго образованія противъ нападеній реалистовъ), *Пассова* (Бреславскаго профессора, издателя греко-нѣмецкаго словаря) и многихъ

другихъ лицъ, замѣчательныхъ трудами своими по филологіи.

Грефе прибылъ въ Россію 30-ти лѣтъ отъ роду въ 1810 году ⁽⁸⁾, и тогда же

(8) Бывшій лютеранскій генераль-суперинтендентъ Беттихеръ сказывалъ мнѣ, что онъ указалъ на вызовъ Грефе въ Россію для преподаванія греческаго языка въ С.-Петербур. духовной академіи. Личность самаго Беттихера весьма замѣчательна. По прибытіи въ Россію, былъ онъ наставникомъ въ семействѣ гр. Панина; я узналъ его въ Вологдѣ, гдѣ жилъ онъ подъ надзоромъ полиціи. За что-то былъ онъ посланъ на жительство въ Вятку, отсюда переведенъ въ одинъ сѣверный городъ Сибири, и затѣмъ, въ видѣ смягченія наказанія, въ Вологду. Во время изгнанія своего, продолжавшагося много лѣтъ, занимался онъ главнѣйшимъ образомъ двумя предметами: 1) изученіемъ медицины, и началъ было лѣчить простой народъ въ Вяткѣ, пока не получилъ на то запрещенія по ходатайству врачебной управы, такъ какъ у него не было ученаго медицинск. диплома; 2) другой предметъ, постоянно занимавшій его, было изученіе различій между христіанскими исповѣданіями; онъ написалъ большое сочиненіе, въ 6 томахъ: *О примиреніи церквей*, оставшееся по смерти его въ рукописи. Беттихеръ обладалъ обширною начитанностію; съ жаромъ слѣдилъ онъ за всѣми новыми явленіями въ духовной литературѣ, нашей и иностранной. Помню, какъ онъ хвалилъ рукописныя замѣчанія проф. дух. ак. Ѡ. А. Голубинскаго на книгу Штрауса о жизни Иисуса Христа; замѣтки эти давалъ ему прочесть привѣзавшій тогда для духовныхъ требъ лютеранъ, изъ Москвы въ Вологду, пасторъ Зедегольцъ. — Беттихеръ высоко чтилъ нашу православную церковь, и былъ хорошо знакомъ съ нашими богослужебными книгами. Предсмертная болѣзнь его постигла въ Вологдѣ, въ самый день его рожденія, когда исполнилось ему ровно 70 лѣтъ; это было 4 Декабря 1847 года; я привозилъ къ нему въ этотъ день повѣкомить съ нимъ одного моего пріятеля, П. И. Ш.; у него открылось въ этотъ день кровотеченіе носомъ, и Беттихеръ тогда же замѣтилъ мнѣ, что это его предсмертная болѣзнь. 2 Января 1848, онъ скончался, пригласивъ предъ кончиною хозяина своей квартиры, священника Зосимовской церкви, прочесть ему отходную молитву. Онъ просилъ, чтобъ священникъ этотъ сопровождалъ его тѣло до могилы; желаніе его было исполнено 5 Января. Распоряжался погребеніемъ его тогдашній управ. палатой госуд. имущ. въ Вологдѣ Б. И. Нагель. Не смотря на значительное ежемѣсячное пособіе (сто руб.), получаемое негласно Беттихеромъ отъ одного изъ его бывшихъ учениковъ, графа Виктора Никитича Панина, Беттихеръ, привыкшій къ удобствамъ житейскимъ, постоянно нуждался

вступилъ преподавателемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ новоустроенную Петербургскую дух. академію, а въ слѣд. 1811 г. въ Педагогическій институтъ на кафедру древнихъ языковъ. Службу въ духовной академіи оставилъ онъ въ 1819 г.; но за то съ 1820 года вступилъ въ число членовъ Академіи Наукъ. Болѣе 40 лѣтъ, до самой кончины своей (1851 г.) трудился въ Россіи Грефе неутомимо и добросовѣстно на педагогическомъ поприщѣ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, обладая основательнымъ знакомствомъ съ древними языками и классическими писателями, съ проницательнымъ умомъ соединяя тонкій вкусъ. По-латыни объяснялся онъ съ такою же свободою и непринужденностію, какъ бы на своемъ природномъ языкѣ; языкъ его былъ не только правиленъ и точенъ, но вмѣстѣ и изященъ. Съ восторгомъ узналъ онъ въ 1833 году о вступленіи С. С. Уварова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія; сорока-лѣтнюю дружбу свою съ Грефе засвидѣтельствовалъ Сергій Семеновичъ въ особомъ письмѣ къ секретарю академіи, П. Н. Фуссу, посвященномъ воспоминанію о Грефе вскорѣ по его кончинѣ; оно читано было въ засѣданіи академіи наукъ 6 Февраля 1852 года: „Мои личныя сношенія, писалъ гр. Уваровъ, съ академикомъ Грефе, продолжавшіяся сорокъ лѣтъ, его вліяніе на мои собственные занятія, и глубокое уваженіе, которое питалъ я къ этому ученому эллинисту, возлагаютъ на меня обязанность принести, предъ лицемъ Академіи, послѣднюю дань его памяти“.

Вступленіе Уварова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія привѣтствовано было Грефе стихотвореніемъ, начинавшимся гораціанскими словами, которыми открывается его

въ деньгахъ. Хорошо, еслибъ отыскалась рукопись Беттихера, упомянутая мною, изъ которой читалъ онъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ.

шестая сатира во 2-й книгѣ, обращенная къ Меценату, его другу и благодѣтелю: *Nos erat in votis*. (У М. А. Дмитріева, въ стихотворномъ переводѣ этой сатиры на русскій языкъ: „Вотъ въ чемъ желанія были мои“). Сближеніе именъ Мецената и Уварова очень естественно, не только по сходству соотношеній Римскаго поэта къ Меценату и проф. Грефе къ Уварову, но и по ожидаемой отъ Уварова пользѣ для распространенія просвѣщенія Россіи и по покровительству его словесности и наукъ. Въ стихотвореніи поэтъ-профессоръ воспѣваетъ наступленіе золотого вѣка для наукъ въ нашемъ отечествѣ.

Я былъ свидѣтелемъ въ 1838 году, какъ доступъ къ С. С. Уварову во всякое время свободенъ былъ для Грефе, и какъ исполнялись охотно министромъ нар. просвѣщенія желанія его бывшаго руководителя по занятіямъ древнею греческою литературою. Мнѣ довелось быть въ сентябрѣ 1838 года вмѣстѣ съ Грефе у тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, кн. М. А. Дондукова-Корсакова. Грефе просилъ попечителя, чтобъ оставлено было за мною, съ полнымъ окладомъ жалованья, преподаваніе греческаго языка въ Вологодской гимназій, введенное въ ней мною съ конца 1836 года; напрасно попечитель доказывалъ профессору невозможность совмѣстить это преподаваніе за жалованье съ должностію инспектора гимназій, занимаемою мною тогда въ Вологодской гимназій; напрасно въ подтвержденіе словъ своихъ ссылался попечитель на недавнее циркулярное предписаніе министра, воспреещающее денежное вознагражденіе директорамъ и инспекторамъ гимназій за преподаваніе какихъ либо предметовъ во вѣреннѣхъ имъ гимназійхъ, — Грефе настаивалъ на своемъ. Тогда попечитель сказалъ ему: «Обратитесь сами съ просьбою вашею къ Сергію Семеновичу, и въ чемъ откажетъ онъ мнѣ на законномъ основаніи, то исполнить для васъ; потому что у Серг. Сем. нѣтъ для васъ за-

кона“.

Отъ попечителя отправился Грефе со мною къ министру нашему, безъ всякаго доклада прошелъ въ кабинетъ его, и я немедленно былъ приглашенъ туда же. Серг. Сем. сначала объяснилъ Ѳедору Богдановичу поводъ къ своему распоряженію⁽⁹⁾, вслѣдствіе котораго не могъ я совмѣщать преподавательской за деньги обязанности съ должностію инспектора гимназій; но тотчасъ же прибавилъ, что, по желанію его, онъ дѣлаетъ для меня исключеніе съ тѣмъ, чтобъ жалованье, назначаемое учителю греческаго языка, получалъ я въ видѣ платы. Отъ попечителя кн. Дондукова-Корсакова до министерской квартиры шли мы съ Грефе пѣшкомъ; ни одного бѣднаго, встрѣчавшагося съ нами по дорогѣ и просившаго о подавннн, не миновалъ Ѳед. Богд., не надѣливъ его мелкою серебряною монетою. Привожу и эту черту человѣческаго достоинства.

Въ 1838 году былъ первый мой приѣздъ въ Петербургъ по окончаніи университетскаго курса. Въ Августѣ, отправился я въ университетъ, переведенный уже тогда на Васильевскій островъ. Съ Грефе первое свиданіе мое было въ аудиторіи университетской; мы крѣпко обнялись: наставникъ встрѣтилъ бывшаго ученика своего со слезами радости. Вотъ еще черта человѣческаго достоинства въ академикѣ и профессорѣ Грефе. Эту душу, это живое чувство, всегда ему присущее, постоянно вносилъ онъ въ лекціи свои, которыя потому насъ и увлекали.

Въ 1838 году Грефе преподавалъ въ университетѣ одинъ греческій языкъ, а латинская каеэдра была тогда уже замѣщена извѣстнымъ знатокомъ древнихъ языковъ и издателемъ первыхъ пѣсней Иліады съ обширнымъ коммен-

[9] Обязанность преподавать за деньги въ гимназій считалъ министръ Уваровъ несовмѣстною съ должностію директора или инспектора, на томъ основаніи, что они сами должны смотрѣть за точнымъ исполненіемъ должностныхъ обязанностей наставниковъ.

таріемъ, проф. Фрейтагомъ. Я попалъ на его лекцію; Фрейтагъ коментировалъ то мѣсто стихотворенія Горация, въ которомъ Римскій поэтъ говоритъ, что онъ не принадлежитъ никакой философской школѣ исключительно, но пользуется тѣмъ, что встрѣчается ему лучшаго по мнѣнію его у каждаго философа, кто бы онъ ни былъ, и по этому случаю называетъ имя малоизвѣстнаго намъ теперь философа. Фрейтагъ называлъ его ученикомъ Платона; какой-то студентъ возразилъ профессору, что это былъ ученикъ Сократа. Профессоръ продолжалъ утверждать свое; тогда студентъ читаетъ бывшій у него въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ коментарій этого мѣста, что философъ, о которомъ шла рѣчь, былъ дѣйствительно ученикъ Сократа. И въ отвѣтъ на это Фрейтагъ заявляетъ, что философа можно развѣ въ томъ случаѣ назвать ученикомъ Сократа, такъ какъ онъ ученикъ Платона, а Платонъ Сократа. Сознаться въ своей ошибкѣ Фрейтагу не хотѣлось⁽¹⁰⁾.

Ничего подобнаго не заломню на лекціяхъ Грефе; когда бъ онъ и ошибся въ чемъ либо при объясненіяхъ своихъ, онъ не затруднился бы сознаться въ ошибкѣ своей, если ему на нее было указано: потому что егге *humanum est* (ошибаться свойственно человѣку). При чтеніи трудныхъ, испорченныхъ переписками мѣстъ въ Греческихъ и Римскихъ классикахъ, Грефе указывалъ, какъ бы полагалъ онъ исправить эти мѣста, но въ то же время съ радостію и вниманіемъ принималъ каждую поправку, предлагаемую кѣмъ либо изъ насъ, студентовъ; и еслибъ такая поправка была ближе къ истинѣ, чѣмъ его собственная конъектура, онъ не стоялъ бы за свое мнѣніе; во всякомъ

⁽¹⁰⁾ Если память меня не обманываетъ, объяснялось Фрейтагомъ 1-е письмо 1 книги Горация; и въ такомъ случаѣ рѣчь шла объ Аристиппѣ, послѣдователѣ Киринейской школы, поставившемъ верховное благо для человѣка въ чувственныхъ удовольствіяхъ.

случаѣ тому студенту, котораго догадка (*conjectura*) не могла быть по чему либо принята, онъ говорилъ въ одобреніе: *hoc per se speciosum est, tamen.....* (это самое по себѣ благовидно, но), и послѣ этого *tamen* слѣдовалъ деликатное опроверженіе предложенной догадки.

Уже будучи академикомъ, слѣд. когда ему было за сорокъ лѣтъ, Грефе принялся ревностно за изученіе санскритскаго языка, и не смотря на много-различныя служебныя занятія свои, находилъ время заниматься этимъ языкомъ, сходство граматическихъ формъ котораго съ языками греческимъ и латинскимъ обращало на себя пытливое его вниманіе. Слѣдствіемъ этого явилось нѣсколько разсужденій, читанныхъ имъ въ засѣданіяхъ академіи наукъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ историко-филологическаго отдѣленія оной. Изъ числа ихъ нѣкоторые подарилъ онъ и мнѣ, когда я пріѣзжалъ въ Петербургъ, при жизни его, въ половинѣ 1838 г. и концѣ 1850 г. Послѣ Сентября 1838 не былъ я въ Петербургѣ до Декабря 1850 г. Постоянной переписки съ Грефе я въ это время не велъ; а если встрѣчалась надобность, писалъ къ нему въ полной увѣренности, что онъ не потяготится по возможности исполненіемъ моей просьбы.

Приведу названіе *одного* изъ сохранившихся у меня сочиненій Грефе, подаренныхъ мнѣ. Это: *Récueil des actes de la séance publique, tenue le 30 Dec. 1838*; надпись на книжкѣ рукою Грефе: *Scien-tem theueren Freunde Fortunatoff, sein alter Lehrer Prof. Gräfe*; здѣсь помѣщено его разсужденіе: *Ueber Sprachbildung und Sprachvergleichung* (этотъ любопытный и замѣчательный для своего времени трактатъ по сравнительному языкознанію перевелъ подъ наблюденіемъ моимъ ученикъ Волог. гимн. Алексій Ник. Бѣляевъ, нынѣшній директоръ 5-й С.-Пет. гимназіи; переводъ впрочемъ остался неизданнымъ). На отдѣльномъ оттискѣ его ученыхъ изысканій, читанныхъ въ

академіи наукъ, надпись его руки: *Fortunato suo Frid. Gräfe.*

Подробный перечень сочиненій Грѣфе помѣщенъ въ Ученыхъ Запискахъ акад. наукъ по I и III отдѣленіямъ, 1852 года, на стр. 38—41; но едва ли въ это перечисленіе вошли всѣ сочиненія Грѣфе; по крайней мѣрѣ я не нашелъ въ немъ того печатнаго стихотворенія на вступленіе въ управленіе мин. нар. проsv. Уварова, о которомъ говорено было мною выше. Большая часть этихъ сочиненій небольшого объема. Обширнѣйшее предпринятое имъ изданіе сочиненій Нонна Паннопольскаго, напечатано въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ. Нѣсколько лѣтъ огромную поэму Нонна Паннопольскаго (Походъ Діонисія въ Индію), читалъ Грѣфе съ гр. Уваровымъ; это занятіе, начавшееся еще въ то время, какъ Сергій Семеновичъ былъ попечителемъ С.-Петербург. учеб. округа (1810—1821), продолжалось и тогда, какъ Уваровъ, вслѣдствіе неурядныхъ отношеній къ М. Л. Магницкому и приверженцамъ его, покинулъ должность попечителя и тѣмъ съ бѣльшею свободою и удобствомъ предался любимому занятію своему древними языками. Между прочимъ, плодомъ этихъ занятій былъ трактатъ Уварова: *Notion von Vapnopolis der Dichter*, составляющій введене къ изданію сочиненій Нонна академикомъ Грѣфе.

Въ послѣдній прїездъ мой, при жизни Грѣфе, въ Петербургъ, нашелъ я въ немъ мало перемѣнъ черезъ 12 слишкомъ лѣтъ, послѣ того, какъ я его видѣлъ: онъ по прежнему былъ бодръ, свѣжъ и веселъ.

Послѣдній день 1850 года зналъ онъ меня съ женою моею къ себѣ обѣдать въ кругу его родныхъ ⁽¹¹⁾; радушный хозяинъ былъ очень веселъ и много шутилъ; когда налили шампанское въ

(11) Одна дочь Фед. Богд. за Штейнманомъ, нынѣшнимъ директоромъ филологическаго института, а другая за акад. Бетлингомъ, съ которыми вспоминали мы у Грѣфе время нашего студенчества въ Петерб. университетѣ.

бокалы, мы поздравили его съ полученною имъ тогда наградою (св. Станислава 1-й степени), а онъ въ свою очередь возгласилъ тостъ за процвѣтаніе Вологод. гимназіи, въ которой былъ я инспекторомъ. Такъ какъ не привезъ я съ собою къ обѣду жены моей, то взято было обѣщаніе быть снова съ нею черезъ день вечеромъ. Это обѣщаніе было мною исполнено; Грѣфе, знакомя супругу свою съ женою моею, рассказывалъ, что онъ принимался было учить ее греческому языку, но скоро оставилъ это по горячности своей. 3 Января (1851) мы вмѣстѣ сошлись у попечителя округа, Мих. Ник. Мусина-Пушкина, котораго благодарилъ онъ за исходатайствованную ему Высочайшую награду. Это было послѣднее свиданіе мое съ Грѣфе. Онъ зналъ было меня поѣхать съ нимъ къ нашему министру, но я отказался. Въ самый день отъѣзда моего въ Вологду, 14 Янв. 1851 г. заѣзжалъ я съ нимъ проститься, но не засталъ его дома, и потому, въ кабинетѣ у него записалъ свою фамилію по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки и по-русски.

30 Ноября 1851 года не стало Грѣфе. Онъ читалъ въ этотъ день лекцію въ педагогич. институтѣ, объясняя любимую свою Софоклову піэсу *Аякса* ⁽¹²⁾,

(12) О Софокловой піэсѣ Аяксъ писалъ я разсужденіе на латинскомъ языкѣ, предъ окончаніемъ университетскаго курса; оно было представлено проф. Грѣфе министру Уварову, и это было причиною назначенія моего во 2-й Дерптскій профес. институтъ, даже безъ согласія моего на то; узнавъ объ этомъ назначеніи, я, по семейнымъ обстоятельствамъ, ни мало не медля, отказался; убѣжденія инспектора университета были напрасны; тогда Серг. Семеновичъ пригласилъ меня къ себѣ и уговаривалъ къ поѣздкѣ тѣмъ, что во время нахождения въ Дерптѣ и за границею, могу я помогать семьѣ денежно, а получивъ мѣсто профессора, буду для нея полезенъ, чѣмъ отправляясь тотчасъ учителемъ въ Вологду. «Вы будете потомъ инспекторомъ, и когда нибудь директоромъ; а положеніе профессора гораздо обезпеченнѣе», говорилъ мнѣ Уваровъ. Я согласился. Но, узнавъ потомъ, что для семьи не столько нужна матеріальная помощь, сколько непосредственный призоръ за

остановился въ объясненіяхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: „не знаю, что принесетъ мнѣ сегодняшний день, жизнь, или смерть“⁽¹³⁾; изъ института проѣхалъ онъ въ Императорскій эрмитажъ, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ въ занятіяхъ, и прибывъ оттуда въ конференцію академіи наукъ, скоропостижно скончался, лишь только вошелъ въ переднюю. Миръ праху твоему, незабвенный наставникъ мой, остававшійся до самаго послѣдняго дня жизни вѣрнымъ совѣтливому и неутомимому исполненію своихъ обязанностей слишкомъ сорока-лѣтней службой!

Въ такъ называемомъ среднемъ или 2-мъ отдѣленіи древнихъ языковъ преподавалъ экстра-ординарн. проф. Дмит. Прок. Поповъ, ученикъ Грее; онъ прослужилъ въ университетѣ съ 1822 до конца 1835 г.; съ должностью профессора соединялъ онъ и должность бібліотекаря университетскаго; эта послѣдняя обязанность двууратно, во время студенчества моего, отвлекала Попова на продолжительное время отъ чтенія лекцій: сначала онъ былъ командированъ въ Полоцкъ для доставленія оттуда бывшей іезуитской бібліотеки; вторая командировка была въ Варшаву для перевоза въ Петербургъ, послѣ польскаго мятежа 1831 года, Варшавской публичной бібліотеки⁽¹⁴⁾.

нею, я снова отказался отъ проф. института, хотя уже выдержалъ для того испытаніе въ академіи наукъ. Грее, по порученію министра, хотѣлъ было разубѣдить меня; я отвѣчалъ ему Гораціанскимъ стихомъ: «*coelum, non animus mutant, qui trans mare currunt*».

⁽¹³⁾ Слышалъ я объ этомъ отъ студ. Спб. унив. Гревеница, прѣзжавшаго на святки 1851 года къ родителямъ въ Вологду.

⁽¹⁴⁾ Съ богатствами этихъ бібліотекъ имѣлъ я случай немного познакомиться, когда привезены они были въ Петербургъ и помѣщены временно въ нашу универс. бібліотеку. Поповъ просилъ меня помочь ему въ разборкѣ ихъ. Іезуитская бібліотека была еще въ Полоцкѣ значительно расхищена, по удаленіи іезуитовъ изъ Россіи. (Слышалъ я объ этомъ отъ обучающагося въ Полоцкомъ коллегіумѣ, въ послѣдствіи моего товарища по Петерб. унив., католическаго священника Стадевича, извест-

Д. П. Поповъ не владѣлъ способностью свободно объясняться по-латини, и при томъ нѣсколько заикался, а потому преподаваніе его нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ; были у него стереотипныя любимыя выраженія, которыя насучивали намъ отъ частаго ихъ повторенія, напр. *polite negligere grammaticam Butmani* и тому подобныя.

Поповъ извѣстенъ своимъ переводомъ на рус. яз. греческой грамматики Бутмана⁽¹⁵⁾, латинской грамматики Цумпта, а также объяснительными примѣчаніями, переведенными имъ съ нѣмецкаго на рус. языкъ къ греческой хрестоматіи Якобса, и пр. На лекціяхъ у него, кромѣ перевода съ греч. на латинскій, и латинскаго перифраза при чтеніи Римскихъ писателей, объясняемое мѣсто съ греческаго или латинскаго прежде всего переводимо было на русскій языкъ. По выходѣ изъ унив. Дмитрій Прокофичъ продолжалъ свою службу при Императорской публичной бібліотекѣ и скончался въ недавнее время.

Александръ Ивановичъ Брутъ, читавшій латинскій языкъ въ низшемъ отдѣленіи, и Иванъ Яковлевичъ Соколовъ, преподававшій въ немъ греческій языкъ, были кандидаты перваго выпуска С.-Пет. унив. 1823 года, и оставались съ того времени при университетѣ: Брутъ до преобразованія университета въ 1835 г. по новому уставу, а Соколовъ до кончины своей, послѣдовавшей въ 1848 году. Объ Брутѣ буду я говорить въ послѣдствіи, какъ о преподавателѣ въ унив. древней географіи; латинскаго языка я у него не слушалъ, поступивъ

наго сочинителя католическаго катихизиса на рус. языкъ, употребляемаго въ учебныхъ заведеніяхъ для воспитанниковъ-католиковъ. Стадевичъ былъ пріоромъ церкви св. Екатерины въ Петерб. на Невскомъ просп.),

⁽¹⁵⁾ Грамматика Бутмана пользовалась у насъ въ 30-хъ годахъ большою извѣстностью; а теперь она почти забыта и замѣнена Курціусомъ и Кюнеромъ. И къ ней примѣнно: *habent sua fata libelli*.

прямо во 2-е отдѣленіе къ Д. П. Попову. А греческій языкъ довелось мнѣ начать у Соколова; познанія пріобрѣтенныя мною по этому языку въ Вологод. гимназіи, были недалеки, и при этомъ приходилось въ университетѣ перемѣнить Рейхлиновское чтеніе (котораго держались наши Вологод. гимназическіе учителя Н. И. Дружининъ и Ник. Ив. Добряковъ) на Эразмовское.

И. Я. Соколовъ, хотя и могъ быть очень полезнымъ преподавателемъ, но имѣлъ несчастную привычку отвлекаться отъ унив. лекцій своихъ, равно какъ и отъ уроковъ въ 3-й гимназіи, посторонними разговорами и разсказами. Двѣ причины содѣйствовали, какъ кажется, къ тому, что въ 1830 году, Ив. Яковл. дѣломъ своимъ занимался усерднѣе: 1) одинъ изъ учениковъ седьмого класса 3-й гимн. мой сотоварищъ по университету, Кашинъ, цѣлый годъ записывалъ за Соколовымъ его не идущіе къ дѣлу разсказы; къ концу года Ив. Яков. увидѣлъ эту толстую тетрадь у Кашина, и ему, какъ видно стало стыдно убивать время попусту (да это было и небезопасно для него, еслибъ узналъ о томъ Грефѣ); 2) мы сами, студенты, всевозможно старались не давать ему пускаться въ разсказы.

Въ первую половину года мы хорошо познакомились у него съ грамматикою, при чемъ переводили съ греческаго на русскій и латинскій, кромѣ грамматическихкихъ упражненій въ 1 части хрестоматіи Якобса, помѣщенные въ ней миеологическіе разсказы. Во второе полугодіе, послѣ каникулъ, перешли мы ко 2-й и 4-й частямъ хрест. Якобса: изъ двухъ-недѣльныхъ уроковъ въ одинъ читали Геродота, а въ другой Гомера по приведеннымъ въ хрестоматіи отрывкамъ.

Долго спустя послѣ нашего времени, Соколовъ, утвержденный въ началѣ 1831 года адъюнктомъ по кафедрѣ греч. языка, хвалился своими усердными занятіями съ нами передъ новыми слу-

шателями, какъ передавали мнѣ это наши бывшіе Вологод. гимназисты, вступавшіе въ филолог. факультетъ Сиб. университета. У насъ извѣстно изданное Соколовымъ руководство къ переводамъ съ рус. на греческій языкъ, составленное по Росту и Вюстеману, 1833 г.

У Дм. Пр. Попова на 2-мъ курсѣ принялись мы за Эукидида, начавъ съ той главы, на которой остановились предшественники наши, а именно съ 67 главы 1-й книги т. е., съ осады Потидеи; къ концу года переведено и прокомментировано было съ нами до 60 главъ; тогда послѣдовала командировка Попова въ Варшаву, а потому съ началомъ 1832 г. сталъ посѣщать я лекціи Грефе по греческому языку; съ нимъ, въ теченіи полутора года, прочли мы три Софокловы трагедіи: Антигону (по Сентябрь 1832 года), Аякса (по конецъ года) и Эдипа - Царя (въ первой пол. 1833 года. Студентъ, желавшій у Грефе переводить съ греческаго на латинскій, обыкновенно заявлялъ о желаніи своемъ въ концѣ предыдущей лекціи. У Соколова и частію у Попова преобладалъ при объясненіяхъ элементъ этимологическій, а объясненія Грефе были филологическія въ обширномъ значеніи этого слова. Предъ чтеніемъ Софокла, въ 1830 и 1831 годахъ Грефе занимался объясненіемъ рѣчей Демосѳена; онъ имѣлъ тогда въ виду жившихъ съ нами въ университетѣ шестерыхъ студентовъ Московской и Петерб. духовныхъ академій, готовившихся къ пріобрѣтенію ученыхъ степеней по законовѣдѣнію; седьмымъ съ ними былъ Кранихфельдъ, кончившій курсъ въ 3-й Петерб. гимназіи и присоединенный къ шестерымъ, дабы они имѣли возможность пріучиться разговаривать по нѣмецки, готовясь къ заграничному путешествію.

А. И. Брутъ въ низшемъ отдѣленіи переводилъ со студентами Юлія Цесаря. Поповъ объяснялъ намъ Тита Ливія (о 2-й Пунич. войнѣ), до поѣздки его въ

Полоцкъ въ половинѣ 1830 года; тогда одни изъ насъ перешли къ Бруту, другіе къ Гресе, объяснявшему рѣчи Цицерона. Въ выборѣ этихъ рѣчей Гресе руководствовался преимущественно потребностію упомянутыхъ выше семейныхъ будущихъ законовѣдовъ, причисленныхъ къ II-му отд. собственной канцеляріи Его Величества, и состоявшихъ подъ особеннымъ покровительствомъ Сперанскаго. Въ первой половинѣ 1831 года Гресе избралъ для чтенія и объясненія Горація; когда я былъ на второмъ курсѣ, имъ прочитаны были съ нами всѣ оды Горація, за исключеніемъ немногихъ, эротическаго содержанія. Въ 18³²/₃₃ учебнаго года, онъ объяснилъ намъ обѣ книги сатиръ Гораціевыхъ, и въ Апрѣль 1833 принялся за первую книгу писемъ Горація.

III. Когда я поступилъ въ университетъ, преподаваніе отечественнаго языка и словесности далеко не могло сравниться съ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Въ 1 и 2 курсахъ читалъ экстр. проф. Никита Иван. Бутырскій, а въ 3-мъ курсѣ орд. пр. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ. Въ 1-мъ курсѣ обыкновенно проходила теорія прозы, во 2-мъ теорія поэзіи, а въ 3-мъ пр. Толмачевъ долженъ былъ занимать студентовъ этимологическими изслѣдованіями языка. Толмачевъ читалъ свои лекціи по два раза въ недѣлю въ послѣобѣденное время; такъ какъ самъ онъ нисколько не готовился къ лекціямъ и у него не было никакой системы въ преподаваніи, то лекціи его весьма мало посѣщались студентами; мнѣ только разъ довелось быть, изъ любопытства, на его лекціи, и она оставила во мнѣ тяжелое впечатлѣніе; это, какъ помню, приходилось въ жарній Августовскій день; проф. говорилъ полусонно, безъ всякой связи и безпрепятственно переходилъ отъ одного предмета къ другому, вставляя вовсе незанимательные анекдоты и рассказы, мало идущіе къ дѣлу. Страсть Толмачева къ корсловію и производству словъ въ ино-

странныхъ языкахъ отъ славянскихъ корней извѣстна была тогда всѣмъ. Приведу для курьеза одинъ примѣръ его корнесловія; это производство слова *хлѣбъ* на разныхъ языкахъ. Сначала, говорилъ онъ, когда мѣсятъ хлѣбъ, дѣлается хлябъ; отсюда наше *хлѣбъ*; эта хлябъ начинаетъ бродить, отсюда нѣмецкое *Brod*; перебродивши хлябъ падаетъ на *мизъ*, отсюда латинское *panis*, за тѣмъ поверхъ ея является пѣна, откуда французское *pain*. — *Кабинетъ* производилъ онъ отъ словъ *какъ бы нѣтъ* и при этомъ говорилъ: человекъ, который удаляется въ кабинетъ, какъ бы нѣтъ.

Толмачевъ нажилъ себѣ очень хорошее состояніе изданіемъ многообразныхъ учебниковъ. Капитальнымъ его сочиненіемъ была *Теорія Словесности* въ 4-хъ книгахъ, составленная главнѣйшимъ образомъ по Блеру и Бате (16). Толмачевъ воспитывался сначала въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а потомъ въ Александроневской семинаріи.

Н. И. Бутырскій, по окончаніи курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ, слушавшій за границей Бутервека, былъ собственно профессоромъ Политической Экономіи, для изученія которой онъ отправляемъ былъ за границу. Имѣя у себя нѣсколько обязанностей, будучи секретаремъ университетскаго совѣта и давая уроки въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ не имѣлъ времени готовиться къ лекціямъ; а потому, не смотря на его живость, даръ слова и развитый эстетическій вкусъ, лекціи его мало доставляли намъ пользы. Въ Февралѣ 1830 года онъ прочелъ намъ лишь нѣсколько

(16) *Теорія Словесности* Толмачева была наполнена примѣрами изъ классическихъ писателей въ переводѣ ихъ на русскій языкъ; мнѣ эти переводы очень пригодились, когда я готовился къ вступленію въ университетъ: сдѣлавши письменный переводъ каждаго мѣста изъ латин. писателей, встрѣчающагося у Ливія, исправлялъ его потомъ по переводу Толмачева.

Кромѣ *Теоріи Словесности*, извѣстно еще *Военное краснорѣчіе Толмачева* въ двухъ томахъ.

ко лекцій; которыя главнѣйшимъ образомъ касались общаго взгляда на словесныя науки и показанія различія прозы отъ поэзіи. Цѣль оратора, по ученію древнихъ, говорилъ онъ, *docere, movere et delectare*, а цѣль поэта можно опредѣлить словами *movere delectando*. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ самъ рѣшился отказаться отъ преподаванія словесности въ 1 курсѣ, такъ какъ занятія его увеличились въ это время отъ того, что онъ еще получилъ должность цензора.

Вмѣсто Бутырскаго назначенъ былъ въ Мартѣ 1830 лекторомъ Николай Герасимовичъ Устряловъ, но преподаваніе свое началъ онъ послѣ каникулъ. Первыя 8 или 10 лекцій его, тщательно имъ приготовленныя, посвящены были критическому обзорнѣю источниковъ Русской Исторіи и главнѣйшихъ историческихъ Русскихъ писателей прошедшаго столѣтія. Такимъ образомъ онъ подробно разсмотрѣлъ труды по Русской Исторіи Ломоносова, кн. Щербатова, Миллера, Шлецера, Татищева и другихъ. Эти первыя лекціи Н. Г. Устрялова были очень для насъ любопытны и привлекали многихъ слушателей. А за тѣмъ изъ двухъ недѣльныхъ лекцій, которыя читалъ онъ по послѣобѣдамъ, одну назначалъ для практическихъ упражненій студентовъ въ русскомъ языкѣ (читались и разбирались собственныя сочиненія студентовъ) а другую лекцію въ недѣлю употреблялъ онъ на теорію слога, руководствуясь печатною книгою пр. Толмачева.

На 2-мъ курсѣ слушали мы теорію Рус. Словесности у Ник. Ив. Бутырскаго; чтенія свои онъ сопровождалъ разборомъ разныхъ любимыхъ имъ стихотвореній; разборъ нѣкоторыхъ стиховъ Державина, какъ на пр.: Пляска Харитъ, и др. намъ приходилось выслушивать нѣсколько разъ. Для чтеній своихъ не имѣлъ Бутырскій печатнаго руководства; коспектомъ для нихъ служили его записки, у меня, къ сожалѣнію, не сохранившіяся. Бутырскій кромѣ мелкихъ стихотвореній, въ особенности сонетовъ,

извѣстенъ переводомъ на русскій языкъ Тридцатилѣтней Войны Шиллера.

Въ Сентябрѣ 1832 года явились въ Петерб. университетѣ новые преподаватели русской словесности, замѣнившіе собою прежнихъ. Это были—Плетневъ и Никитенко.

Петръ Александровичъ Плетневъ опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ, а Александръ Васильевичъ Никитенко адъюнктъ-профессоромъ по кафедрѣ русскаго языка и литературы.

Съ нами началъ П. А. Плетневъ свой *первый* курсъ русской литературы въ Петербургскомъ университетѣ. Вышедши изъ бывшаго Педагогическаго института, Плетневъ сдѣлался скоро извѣстенъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ. Близость его съ Жуковскимъ открыла ему мѣсто наставника русской словесности у Наслѣдника Всероссійскаго Престола. У насъ читалъ Плетневъ два раза въ недѣлю отъ 8 до 10 час. утра; сколько помню, на субботнюю лекцію свою являлся онъ къ намъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, а въ 10 часовъ отправлялся онъ отъ насъ въ придворной каретѣ къ Вѣнценосному Ученику своему.

Прежде, чѣмъ приступить съ нами къ исторіи рус. литературы, онъ предположилъ этому курсу общія замѣчанія о литературѣ и языкѣ вообще. Во вступленіи къ исторіи литературы у него заключалось рѣшеніе вопросовъ: 1) что должна содержать исторія литературы; 2) въ какомъ отношеніи исторія литературы относится къ исторіи политической; 3) какъ надобно опредѣлять въ исторіи литературы эпохи и изображать періоды; 4) какому выбору должно подвергать всѣ матеріалы изъ исторіи литературы. На этихъ вступительныхъ лекціяхъ Плетнева видно вліяніе Фридриха Шлегеля, котораго *Исторія древней и новой литературы* въ переводѣ на рус. языкъ вышла у насъ въ свѣтъ въ 1830 году. Исторію рус. литературы успѣлъ съ нами довести Плетневъ только до Ломоносова. Онъ долго останавливался

съ нами на томъ, что должно было имѣть главнѣйшее вліяніе на ходъ нашей древней литературы.

Вотъ какъ опредѣлялъ Плетневъ исторію литературы. Она есть изслѣдованіе, до какой степени совершенства достигъ какой-либо извѣстный народъ въ разныхъ умственныхъ направленіяхъ, пользуясь всѣми способами, которые доставили ему обстоятельства.

Четыре рода обстоятельствъ признавалъ Плетневъ содѣйствующими главнымъ образомъ къ успѣхамъ умственной жизни: 1) Содѣйствіе внѣшней природы, куда онъ относилъ; а) климатъ, б) произведенія природы, в) образъ жизни; г) народныя промыслы; д) удобства сообщеній внутреннихъ и внѣшнихъ (17). 2) Вліяніе религіи. 3) Главнѣйшія политическія событія (внѣш. сношенія и важнѣйшія внутреннія правительствен. распоряженія). 4) Самый языкъ.

Главныхъ направленій въ литературѣ признавалъ Плетневъ четыре: религіозное, патріотическое, ученое и политическое.

Главнымъ источникомъ, на который ссылался Плетневъ почти на каждой лекціи, была хорошо ему знакомая Исторія Государства Россійскаго Карамзина. Плетневъ постоянно слѣдилъ за текущею литературою, и лишь только являлось какое нибудь замѣчательное произведеніе, изъ лекцій Петра Александровича мы видѣли, что оно ему знакомо, наприм. говоря объ употребленіи словъ провинціальныхъ и встрѣчающихся въ старинныхъ пословицахъ, онъ сослался на пословицу, вычитанную имъ въ лишь только вышедшихъ тогда сказкахъ Казака Луганскаго (В. И. Даля): „иногда рыба идетъ на блѣску, иногда на блѣску“ (18).

(17) Желѣзныя дороги, начинавшія въ то время входить въ употребленіе въ Запад. Европѣ, считалъ Плетневъ непримѣнными къ Россіи по условіямъ нашего климата и огромному протяженію государства.

(18) Няк. Ив. Бутырскій, читая, по обязанности цензора, вновь выходящія на рус. языкъ

Записокъ Плетневъ намъ не выдавалъ, но записывать за нимъ было очень свободно, потому что читалъ онъ неспѣшно, останавливаясь на каждомъ словѣ. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ по его предмету, въ Іюнѣ 1833 года, прощаясь съ нами, онъ обратился къ намъ съ нѣсколькими словами, произнесенными съ теплотою душевною: „Мнѣ очень жаль, сказалъ онъ, что я такъ недалеко дошелъ съ вами въ исторіи рус. литературы: она представляетъ еще непроходимый лѣсъ, въ которомъ мнѣ приходилось впервые прокладывать дорогу; я знаю, прибавилъ онъ по скромности, что одушевленные лекціи по древнимъ языкамъ Э. Б. Грефе были для васъ гораздо увлекательнѣе моихъ и побуждали васъ по преимуществу къ усидчивымъ занятіямъ по древней филологіи. Первая любовь бываетъ самая крѣпкая (прибавилъ онъ въ заключеніе, разставаясь съ нами): я желалъ бы, чтобы вы сохранили воспоминаніе обо мнѣ также, какъ сохранию я навсегда воспоминаніе объ васъ, моихъ первыхъ университетскихъ слушателяхъ.“ И дѣйствительно онъ не забывалъ насъ. Пишущій эти строки, пріѣзжая въ Петербургъ, каждый разъ встрѣчалъ у него радушный пріемъ. Въ послѣдній разъ довелось мнѣ съ нимъ видѣться въ началѣ Февраля 1838 года. По его приглашенію имѣлъ я удовольствіе быть на 39-й годовщинѣ Пет. университета, 8 Февраля. Здѣсь встрѣтился я съ нѣкоторыми, немногими впрочемъ, соотарищами университетскими, видѣлся съ очень немногими изъ своихъ наставниковъ по университету и познакомился съ нѣкоторыми изъ новыхъ дѣятелей по историко-филологическому факультету. Передъ тѣмъ еще два раза былъ я

сочиненія и переводы съ иностран. языковъ, тоже знакомилъ насъ съ ними, даже при случаѣ указывалъ на переводные на рус. яз. романы Поль-де-Кока, каковы: Монфермельская молочница; это приводилъ онъ въ примѣръ либо удачнаго, либо неумѣстнаго перевода какой-нибудь французской остроты.

на университетскихъ актахъ, въ первый и послѣдній годъ моего студенчества, я потому коснусь ихъ здѣсь по-дробнѣе.

На актѣ 21 Іюня 1830 года читаны были: 1) секретаремъ совѣта Бутырскимъ отчетъ за 1829 годъ не только по университету, но и по управленію Петерб. учебнымъ округомъ, зависѣвшимъ до 1835 г. отъ университета, что имѣло свою хорошую сторону для насъ, служившихъ въ округѣ. 2) Проф. Ос. Ів. Сеньковский читалъ на франц. языкѣ разсужденіе о послѣднемъ великомъ переворотѣ на Востоцѣ (*Considération sur la dernière grande révolution de l'Orient*). Была еще приготовлена къ произнесенію рѣчь профес. философіи Пальмина съ нѣсколькимъ страннымъ названіемъ: *Объ истребленіи роскоши полузнаній*. Но ректоръ Дегуровъ объявилъ, что рѣчь эта не будетъ читана по болѣзни г. Пальмина.

Актъ 31 Августа 1833 года былъ въ присутствіи С. С. Уварова, управляшаго тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія, и раздававшего намъ, казеннокоштнымъ студентамъ, окончившимъ унив. курсъ, шпаги⁽¹⁹⁾. На актѣ, секр.

(19) При отдачѣ мнѣ шпаги, С. С. Уваровъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими приветственными словами по поводу предполагавшейся моею поѣздки въ Дерптъ и за границу. Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ, стоявшіе вблизи министра, стали меня поздравлять; Гречъ попросилъ у меня шпагу, и вынувъ изъ клинка дезвие, увидѣлъ, что оно ржавое (видно, экономятъ універ. поспешили купить для насъ новыя шпаги). «Шлохо вамъ защищаться будетъ въ пути вашемъ», сказалъ мнѣ Гречъ, а Булгаринъ тотчасъ въ отвѣтъ ему съострилъ: «онъ будетъ защищаться противъ нападающихъ не мечемъ, а здравымъ смысломъ». Шпаги эти какъ мнѣ, такъ и товарищу моему Григ. Ів. Лапшину, готовившемуся къ отправленію вмѣстѣ со мною въ Дерптъ, пригодились въ слѣдующемъ Октябрѣ мѣсяцѣ; мы ихъ надѣвали на себя каждый разъ, какъ отправлялись на испытаніе въ академію наукъ. Третій назначавшійся къ заграничной поѣздкѣ по Петерб. унив., нынѣ тайный совѣтникъ, Домонтовичъ, служившій по духовно-учебному управленію, не получилъ согласія отца своего на поѣздку и остался въ Петербургѣ.

совѣта Бутырскій прочелъ краткое обзорѣніе дѣйствій университета и его округа за 1832 годъ. Петръ Алекс. Плетневъ читалъ тогда, какъ вновь вступившій профессоръ, рѣчь свою: *О народности въ литературѣ*, напечатанную въ первой книгѣ лишь только начавшаго въ 1834 году выходить въ свѣтъ Журн. мин. нар. просв. Кромѣ Плетнева читалъ еще на этомъ актѣ проф. Шармуа на французскомъ языкѣ: о пользѣ восточныхъ языковъ при изученіи русской исторіи.

Петръ Александровичъ былъ доступенъ во всякую пору студентамъ, желавшимъ получить отъ него совѣтъ, или какое либо содѣйствіе. Мнѣ довелось къ нему обращаться въ Декабрѣ 1832, когда узналъ я, что въ родной мнѣ Вологод. гимназіи можетъ открытись вакантное мѣсто учителя русск. словесности вмѣсто тамошняго наставника, пожелавшаго было перемѣститься въ Западный край, куда былъ вызовъ учителей. Плетневъ пообѣщавъ мнѣ, что мѣсто останется вакантнымъ до окончанія мною унив. курса; съ полнымъ участіемъ и вниманіемъ выслушавъ побужденія мои проситься на мѣсто въ Вологду, онъ при этомъ далъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ совѣтовъ житейской мудрости о томъ, чтобъ провинціальная среда не могла имѣть вреда для продолженія университетскаго образованія; онъ же совѣтовалъ мнѣ не сближаться съ устарѣвшими преподавателями. Плетневъ былъ тогда вдовъ послѣ перваго супружества; онъ жилъ у Обухова моста. Плетневъ, написавшій великое множество біографій современниковъ и сослуживцевъ своихъ, изъ которыхъ стоитъ на первомъ мѣстѣ обширная, отъ души написанная имъ біографія Жуковскаго, самъ Плетневъ, говорю, не нашелъ еще для себя біографа. Петерб. университету, его замѣчательный профессоръ и ректоръ въ продолженіе многихъ лѣтъ (до временнаго закрытія университета въ 1861 году) оставилъ между прочимъ прекрасныя

ежегодные отчеты о его дѣятельности и описаніе перваго двадцатипятилѣтія университета, читанное имъ на юбилейномъ актѣ 8-го Февр. 1844 г. ⁽²⁰⁾.

П. А. Плетневъ скончался въ Парижѣ 29 Декабря 1865 г., 73 лѣтъ отъ роду. Приведу предсмертныя слова его, сказанныя имъ, послѣ напутствія Св. таинствами, дѣтямъ своимъ: „Дѣти, я расстаюсь съ вами, и въ эту великую минуту завѣщаю вамъ положить страхъ Божій въ основу вашихъ мыслей, словъ и дѣлъ.“ За тѣмъ онъ далъ перевести младшему сыну текстъ Св. Писанія: *initium sapientiae est timor Domini*; объяснилъ этотъ текстъ, и еще въ послѣднее напутствіе прибавилъ дѣтямъ: „Гордость и кичливость приносятъ только тревоги, а смиреніе даетъ миръ“. Все это передалъ напутствовавшій его въ навечеріе Рождества Христова протоіерей І. Васильевъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому (см. Свѣ. Почта 1866 за Январь). Для дополненія нравственной характеристики Плетнева прибавимъ еще, что Петръ Александровичъ тогда же просилъ протоіерея Васильева найти случай передать Государю предсмертную его благодарность за всѣ милости, оказанныя ему. Оглядываясь на прошлую жизнь, Плетневъ признавалъ себя, по скромности, счастливымъ выше достоинствъ.

Лекціи Ал. Вас. Никитенко, вступившаго въ одно время съ Плетневымъ въ унив. на кафедру рус. словесности, хотя и не приходилось мнѣ слушать ех *officio*, но я бывалъ на нихъ нѣсколько разъ изъ любопытства. Очень хорошо памятна мнѣ его вступительная лекція, читанная имъ послѣ обѣда въ Сентябрѣ 1833 года въ присутствіи величайшаго множества посѣтителей, какого до того

(20) О десятилѣтіи Петерб. университета, непосредственно слѣдовавшемъ за 1844 годомъ любопытныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія можно почерпнуть во второмъ томѣ Историко-статистическаго обзор. учебныхъ заведеній Петерб. учеб. округа, составленнаго Андр. Степ. Вороновымъ (1854 года.)

времени мнѣ не доводилось еще видѣть на лекціяхъ; особенно много собралось военныхъ офицеровъ; не только всѣ скамьи и подоконники заняты были слушателями, но множество ихъ густою толпою стояло вплоть до кафедры ⁽²¹⁾. Было въ аудиторіи очень жарко и душливо. Въмѣсто двухъ тогдашнихъ часовъ лекція не продолжалась и трехъ четвертей часа. Намъ казалось, что это чрезмѣрное людство смутило нѣсколько профессора. У даровитаго и краснорѣчиваго преподавателя, привыкшаго къ импровизаціи въ женскихъ учебн. зав., былъ въ рукахъ конспектикъ въ нѣсколько строкъ; но въ 1833 году свою вступительную лекцію онъ помѣстилъ въ двухъ нумерахъ Сына Отечества, и въ тоже время вышла она отдѣльно. Въ послѣдствіи Никитенко занимался редакціей Сына Отеч. (въ 1840 и 1841 годахъ); онъ же редактировалъ Современникъ въ 1847 и первую половину 1848 и помѣщалъ въ томъ и другомъ изданіи критическіе и біографическіе труды свои. Онъ занимался такъ же редакціей Жур. мин. нар. пр., принявъ редакцію этого журнала въ 1837 или 8-мъ году отъ Конст. Ст. Сербиновича, и передалъ ее въ послѣдствіи К. Ушинскому. Долго бы было поименовывать всѣ его литературныя произведенія, назову только первую читанную имъ въ унив. актовую рѣчь: *Отворяющей силъ поэзіи* (1838), а также вышедшій въ 1848 году первый выпускъ его *Опыта исторіи русс. литературы*, котораго къ сожалѣнію, онъ потомъ не продолжалъ, остановившись на одномъ введеніи.

Вспоминая о преподаваніи русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ, не могу не сказать и о тѣхъ произведеніяхъ изящной русской словесности, которыя, являясь въ свѣтъ

(21) Въ числѣ посѣтителей находился К. М. Бороздинъ, незадолго до того оставившій должность попечителя С. Петербургскаго округа. Къ Бороздину А. В. Никитенко былъ очень близокъ, служа правителемъ дѣлъ его канцеляріи.

въ ту пору, не оставались безъ вліянія и на студентовъ университета.

1) Во главѣ всего долженъ стоять XII томъ исторіи государства Россійскаго, изданный Блудовымъ въ 1829 г.

2) Послѣднія главы Онѣгина вышли въ свѣтъ въ эту же пору; VII-ая въ 1830, а VIII-ая въ 1832 году.

Въ посвященіи Онѣгина П. А. Плетневу поэтъ мастерски его изобразилъ:

«Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбилъ,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты....»

3) Борисъ Годуновъ Пушкина, явившійся въ 1831 году, не одинокъ былъ на первыхъ порахъ по достоинству. Отъ этой драмы, изъ которой извѣстны были ранѣе немногія сцены, ожидали чего-то другаго.

4) Повѣсти Бѣлкина, замаскированныя Пушкинскимъ къ нимъ предисловіемъ, хотя и изумляли насъ совершенствомъ литературной отдѣлки, но не скоро узнали мы имя ихъ автора. По крайней мѣрѣ, при чтеніи ихъ въ каникулы 1831 года, мы не знали еще, что они принадлежатъ перу Пушкина.

5) Гоголь также скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ въ изданныхъ имъ тогда повѣстяхъ своихъ, подъ названіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, Рудаго Панька. Но скоро узнали мы настоящее имя автора этихъ повѣстей отъ одного студента, товарища Гоголя по Нѣжинскому лицее.

6) Илиаду Гомера, въ переводѣ Гнѣдича, нѣкоторые студенты, любители древнихъ языковъ, не выпускали изъ рукъ на первыхъ порахъ по выходѣ ея въ свѣтъ (1829); особенно любилъ ее читать въ слухъ молодой поэтъ, студентъ Шкляревскій, рановременно скончавшійся въ Дерптѣ, куда поступилъ онъ въ первый профессорскій инсти-

тутъ до окончанія имъ университетскаго курса.

7) Въ стихотвореніяхъ Языкова (1833) увлекались мы описаніемъ студентской жизни въ Дерптѣ.

8) Въ стихотвореніяхъ Козлова (1833) нравилось намъ грустное настроеніе лиры поэта, уже въ то время лишившагося зрѣнія. Сынъ Козлова былъ въ наше время студентомъ.

9 и 10) Романы Загоскина: Юрій Милославскій (1830) и Рославлевъ (1831) привлекали къ себѣ вниманіе наше по ихъ патріотическому настроенію. Намъ тогда передавали, что послѣдняя часть Рославлева писана Загоскинымъ въ карантинѣ между Москвою и Петербургомъ.

11) Монастырка, вышедшая подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго (1830), вмѣсто настоящаго имени Перовскаго, на первыхъ же страницахъ завлекла письмами институтки Смольнаго монастыря, писанными ею къ подругѣ, немедленно по прибытіи въ Малороссію, по окончаніи институтскаго воспитанія. Еще изъ романовъ, нравившихся намъ въ то время, могу назвать: 12) Дочь купца Жолобова, Калашникова, съ картинами южной Сибири; 13) Поѣздку по Германіи Греча; 14) Семейство Холмскихъ въ 6 томахъ Бѣгичева, съ дагеротипнымъ изображеніемъ дворянскаго быта Воронежской губерніи, въ которой Бѣгичевъ былъ тогда губернаторомъ.

Доставать книги было намъ тогда не такъ легко, какъ нынѣшнимъ студентамъ. Богатства публичной бібліотеки были тоже для насъ недоступны. Мы могли пользоваться только Румянцовскимъ Музеемъ, въ которомъ новыхъ книгъ по текущей литературѣ не находилось. Желавшіе изъ насъ слѣдить за политическими извѣстіями по иностраннымъ газетамъ отправлялись для того въ такъ называемое *Справочное мѣсто* на Гороховой улицѣ, платя за каждый разъ по гривеннику.....

Ф. Фортунатовъ.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ К. А. БУЛГАКОВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма, предлагаемыя читателямъ „Русскаго Архива“, представляютъ интересъ и какъ матеріалъ для біографіи Глинки, и какъ документы для исторіи Русской музыки, заключающіе въ себѣ сужденія объ искусствѣ гениальнаго ея представителя. Самый языкъ этихъ писемъ, чистый, правильный, при всей его простотѣ и нерѣдко небрежной своеобразности, довольно замѣчательнъ, какъ доказательство того, каково было образованіе въ этомъ отношеніи людей Глинкинскаго поколѣнія, даже не бывшихъ литераторами, но жившихъ съ молодости около кружковъ тогдашняго не обширнаго, но избраннаго литературнаго міра.

Воспоминанія моего отрочества представляютъ мнѣ живо то время, когда Глинка, пріобрѣтшій извѣстность нѣкоторыми превосходными романсами, въ полной порѣ зрѣлой молодости, поставилъ на сцену „Жизнь за Царя“ (въ пятницу 27 Ноября 1836; ему было тогда 32 года). Помню хорошо то колебаніе, тотъ разладъ, которые появленіе ея произвели въ Петербургскомъ артистическомъ мірѣ и въ тогдашней публикѣ. Музыкальные педанты, пользовавшіеся тогда большимъ авторитетомъ, говорили о новой оперѣ, презрительно пожимая плечами, и лишь немногіе безпристрастные любители и знатоки утверждали, что Глинка большой, самородный талантъ. Публика, „le gros du public“, не знала, кому вѣрить (А). Многое

(А) Одинъ изъ тогдашнихъ аматеровъ, который славился въ гостиницѣ исполненіемъ разныхъ ходячихъ романсовъ, сопровождая свой голосъ фальшивымъ брэнчаньемъ на фортепьянахъ, говорилъ про великое произведеніе, что оно *„чѣмъ тебя и огорчила съ барабанами.“*— Эта пошлость повторялась въ партерѣ во время представленій. Статьи, печатавшіяся тогда въ Сѣверной Пчелѣ Булгарина, были наполнены хотя вполнѣ невѣжественными, но весьма язвительными отзывами о Глинкѣ; помню, что г.

въ оперѣ Глинки казалось ей, по непривычкѣ и рутинѣ, страннымъ. Едва ли кто нибудь въ средѣ ея осмѣлился бы, не усомнясь и громогласно, объявить, что эта опера не хуже напримѣръ „Капулетовъ и Монтеки“ и что музыкальное дарованіе Глинки не ниже таланта увлекательнаго мелодиста Беллини, который былъ тогда въ такой модѣ, что князь В. Ѳ. Одоевскій говорилъ, что наша публика не только „обеллинилась“, но и „взбѣленилась“. Но инстинктъ влекъ ее въ театръ, когда давали „Жизнь за Царя“ и, когда незабвенная А. Я. Воробьева (въ послѣдствіи супруга славнаго пѣвца О. А. Петрова) пѣвала: „Ахъ не мнѣ бѣдному“, то почти у всѣхъ въ залѣ навертывались на глазахъ слезы, и слышны были въ разныхъ мѣстахъ всхлипыванья. Видно, нервы теперь стали крѣпче у людей, хотя тогда меньше было слышно про нервныя болѣзни, чѣмъ нынѣ.

Года три спустя, бывши 17 лѣтнимъ студентомъ, я узналъ Глинку лично. Вскорѣ послѣ того мы сошлись очень близко, не смотря на разительную въ такіе годы разницу возраста. (Глинка былъ 18 лѣтъ старше меня). Извѣстность и авторитетъ его успѣли значительно укрѣпиться. Это было время появленія новыхъ его романсовъ (преимущественно на слова Кукольника), работы надъ оперой „Русланъ и Людмила“ и вполнѣдствіи самой постановки ея на сцену (въ пятницу, 27 Ноября 1842, ровно 6 лѣтъ послѣ „Жизни за Царя“ и на той же сценѣ). Въ эту зиму и особенно въ слѣдующую, я видѣлъ его без-

Булгаринъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о музыкѣ, вѣроятно, съ непонятыхъ словъ какого-нибудь музыкиса, печаталъ во всеуслышаніе, что Глинка не знаетъ и оркестровки, ибо въ „Жизни за Царя“ оркестръ написанъ слишкомъ низко (?). Эта неаппетитность никого не удивила. К. В. О.

престанно, и много ночей проводил нашъ дружескій кругъ въ веселыхъ бесѣдахъ, оживленныхъ импровизаціями и пѣніемъ Глинки (онъ превосходно и охотно пѣлъ свои романсы, но изъ чужихъ романсовъ пѣлъ только одинъ: „Любила я твои глаза“, графа М. Ю. Вильгорскаго). Много можно бы разсказать про это веселое и любопытное время, но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Биографы и критики недавней эпохи, не жившіе въ тотъ періодъ времени и вообще узнавшіе Глинку гораздо позднѣе, а слѣдовательно измѣнившимся отъ лѣтъ и болѣзней, говорятъ во многихъ случаяхъ не точно о постановкѣ и исполненіи „Руслана“ и вообще о взглядахъ Глинки на искусство и нѣкоторыхъ музыкантовъ въ лучшую пору его дѣятельности. Я наприм. гдѣ-то читалъ, будто онъ въ грошъ не ставилъ Рубини, между тѣмъ, какъ я самъ видалъ его въ восторгѣ отъ этого величайшаго пѣвца своего времени, котораго я, кромѣ концертовъ и вечеровъ, имѣлъ счастье слышать на сценѣ въ продолженіи двухъ зимъ сряду по два и по три раза въ недѣлю (петербургскіе сезоны итальянской оперы 1843—1844 и 1844—45 годовъ). Надо замѣтить также, что Глинка любилъ нерѣдко парадоксы въ разговорахъ, и ловить на лету его отрывочныя сужденія, придавая имъ значеніе рѣшительныхъ его приговоровъ, было бы крайне опрометчиво. Такъ напр., помню, что я однажды ему похвалилъ одно музыкальное произведеніе, а онъ отвѣчалъ мнѣ именно этими словами, переищивая русскую фразу съ французской, что дѣлывалъ часто: „Что ты говоришь? да ты посмотри: онъ, тутъ обокралъ Мейербера, comme si Meyerbeer n'était pas assez mauvais comme cela“. Между тѣмъ Глинка чтилъ геній Мейербера, и оказалося, что даже онъ вовсе не пренебрегалъ произведеніемъ, которое называлъ выкраденнымъ у него. Также увѣряютъ, будто съ Глинкой торговались при постановкѣ Рус-

лана, дѣлали ему непріятности, будто операне имѣла успѣха и т. п. (Б) Правда, Глинку огорчали: требованіе урѣзокъ, болѣзнь Петровой, (въ чемъ не кого было винить), отчего партію Ратмира надобно было въ первое представленіе исполнять ея соименницѣ, но ни какъ не соперницѣ, воспитанницѣ театраль-ной школы Анеисъ Петровой 2-й. Но дирекція сдѣлава для постановки оперы почти невозможное. Костюмы были верхъ роскоши и изящества и всѣ съ иголки, а въ 4 актѣ, подданные Черномора, женщины-бабочки, колдуны, арапы, феи, лезгинны—были точно чудными обитателями какого-то волшебнаго царства (В). Декораціи (числомъ 9) всѣ

(Б) Я былъ тяжело боленъ предъ постановкою Руслана и потому не знаю, что по этому случаю происходило. Вѣроятно, шестилѣтній успѣхъ Жизни за Царя улучшилъ отношенія между дирекціей и знаменитымъ сочинителемъ; но по поводу постановки Жизни за Царя, Глинка мнѣ говорилъ, что съ него была взята подписка—никогда не требовать ни малѣйшаго вознагражденія за представленія этой оперы. — Помню также, что послѣдняя генеральная репетиція «Жизни за Царя» производилась при стукѣ работниковъ, околавившихъ ложи большаго театра. Глинка наружно высказывалъ ко всему этому и другому многому большое хладнокровіе, но внутренно онъ глубоко огорчался такимъ пренебреженіемъ къ искусству вообще и къ нему лично. Онъ полагалъ, что при такихъ условіяхъ Жизнь за Царя не выдержитъ и трехъ представленій. Я радовался его твердости и желѣзному терпѣнію и замѣчалъ, что ему, какъ Ванѣ, предстоитъ.

«въ крѣпкой правдѣ послужить»

ибо, независимо отъ новаго шага въ искусствѣ, его Жизнь за Царя имѣла и политическое значеніе: она должна была противодѣйствовать тому тяжелому впечатлѣнію, которое еще живо оставалось въ умахъ послѣ продѣлокъ Арачеевыхъ и Магницкихъ, своимъ самоуправствомъ и презрѣніемъ къ законности нанесшихъ столько вреда самымъ чистымъ и святымъ народнымъ убѣжденіямъ. К. В. О.

(В) Замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство, которое можетъ пригодиться и для декораторовъ вообще и для будущихъ постановокъ Руслана. Глинку очень занимала декорація Черноморова сада. Пришедши навѣстить больнаго князя Одоевскаго, онъ говорилъ ему: «обоюсь, что мнѣ нарисуютъ балкончиковъ съ розанчиками; мнѣ бы хотѣлось необычныхъ деревьевъ, цвѣтовъ....»

были новыи. Ролдеръ превзошелъ самого себя, въ 4 актѣ, изображеніемъ замка и садовъ Черномора, въ концѣ 3-го видомъ сѣвернаго лѣса, а самый первый „lever de rideau“, представлявшій пиръ въ теремѣ Свѣтозара, былъ такъ ослѣпительно-великолѣпенъ, что самые старые и взыскательные театралы были поражены. Ничего и издали подобнаго не видывали мы ни въ „Фенеллѣ“, ни въ „Робертѣ“, ни въ „Жидовкѣ“, ни въ балетахъ Тальони. Все это теперь давно сгорѣло. Что касается до успѣха „Руслана“, скажу слѣдующее. Я былъ на генеральной его репетиціи и тогда же видѣлъ, что присутствовавшіе, которыхъ было много, недоумѣвали и находили многое страннымъ, непривычнымъ, непонятнымъ, длиннымъ, а слѣдовательно скучнымъ. Но потомъ публика болѣе и болѣе входила во вкусъ этой музыки съ каждымъ представленіемъ; многія мѣста оперы сдѣлались вскорѣ популярными. На сценѣ больше всего производила впечатлѣніе сцена Ратмира въ 3 актѣ, превосходно исполнявшаяся Петровою 1-ю и особенно страстное стретто въ концѣ: „Чудной сонъ живой любви“. Успѣхъ оперы былъ таковъ, что хотя не всякое представленіе давало блистательные сборы, но все таки они были таковы, что дирекція нашла выгоднымъ дать „Руслана и Людмилу“ съ 27 Ноября 1842 по 23 Февраля 1843 (конца карнавала), т. е. въ 3 мѣсяца, 33 разъ. Въ моихъ тогдашнихъ замѣткахъ, которыхъ и теперь не имѣю подъ рукою, обозначены осо-

бенности почти cadaго изъ представленій, изъ которыхъ я не пропустилъ ни одного. Хотя въ послѣдствіи оперу играли рѣже, но причиной этому было уже постепенное распаденіе русской оперной труппы, когда Рубини, Тамбурини, Виардо и итальянская опера (съ конца Октября 1843 года) поглотивши все вниманіе восторженной петербургской публики.

Помнится, въ 1844 году Глинка уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ, и съ этого времени началась его странническая жизнь. Мы встрѣтились послѣ этого лишь черезъ много лѣтъ по возвращеніи его изъ Испаніи и на весьма короткое время, но сохранили до конца и въ разлукѣ самыя пріянные отношенія. Признаюсь откровенно: я не люблю вспоминать Глинку въ эту новую эпоху его жизни, съ происшедшими въ немъ на то время переменами, съ наперникомъ его, какимъ-то Дономъ Педро или Дономъ Алонзо и прочими (Г), хотя въ то время онъ уже въ самомъ дѣлѣ сдѣлался безспорною знаменитостью и у насъ, гдѣ большинство ждало, для ея признанія, чтобы Парижъ и Берлинъ высказали о немъ свое мнѣніе. Въ сердцѣ и къ памяти моей живъ другой Глинка, котораго физическое сходство, въ лучшую пору его дѣятельности, поразительно схвачено на *единственномъ* вѣрномъ портретѣ его, завѣщанномъ мнѣ умиравшимъ общимъ другомъ нашимъ Булгаковымъ. Для меня Глинка есть Глинка той поры, когда онъ былъ въ полной жизненной силѣ, безпечный, нерѣдко странный и пародоксальный, но живой, остроумный, добродушный, какъ подобаетъ быть генію, Глинка — время Степановскихъ каррикатуръ, но вмѣстѣ и творчества „Руслана“

На столѣ у князя Владиміра Феодоровича лежала раскрытая книга Эренберга съ рисунками микроскопическихъ растений и животныхъ. «Что это такое?» спросилъ Глинка. — Твой Черноморовъ садъ, отвѣчалъ князь В. Ф. Такъ и вышло. Выбраны были нѣкоторые изъ рисунковъ, и декорация Черноморова сада (сгорѣвшая) вся составила по книгѣ знаменитаго энтомолога изъ *микроскопическихъ растений*, разувѣтся, увеличенныхъ до чудовищнаго размѣра, — и дѣйствительно *небывалыхъ* на сценѣ. Это преданіе, на бѣду, потерялось у декораторовъ, или вовсе осталось для нихъ неизвѣстнымъ. *Ред.*

(Г) Справедливость заставляетъ меня замѣтить, что Донъ Педро не только былъ очень хорошій музыкантъ, но страстно любилъ Глинку и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Онъ въ Глинкѣ дѣйствительно полезень, а не вреденъ. К. В. О.

и самых вдохновенных его романсовъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На маляницѣ 1857 года я былъ въ покинутомъ мною за три года до того Петербургѣ. Въ одно утро, на Маринскомъ театрѣ возобновленная русская оперная труппа давала „Линду де Шамуни“ Донидзети. Въ ожиданіи увертюры, я стоялъ у оркестра. Вдругъ входитъ въ оркестръ капельмейстеръ и даровитый композиторъ К. Н. Лядовъ, обливаясь слезами, идетъ прямо ко мнѣ и говоритъ: „Знаете ли, М. И., какое горе, какое несчастіе? Сейчасъ получено письмо изъ Берлина: Глинка умеръ!“ Болѣе намъ не было времени перемолвить ни слова, потому что К. Н. Лядову нужно было начинать увертюру; но нечего говорить, что мы оба почувствовали въ эти минуты (Д).

(Д) Я видѣлъ въ послѣдній разъ Глинку проездомъ чрезъ Берлинъ въ 1856 г. Онъ уже былъ боленъ; за нимъ ухаживали В. Н. Кашперовъ, о которомъ Глинка такъ сочувственно говоритъ въ своихъ письмахъ, и какія-то двѣ Нѣмки; онъ весь встрепетулся, услышавъ русскую рѣчь, и обрадовался мнѣ несказанно. — «Всякій день тебя благодарю, говорилъ онъ мнѣ, что надумалъ познакомиться съ Деномъ; что за человекъ! я думалъ, что я что нибудь въ музыкѣ смыслу, но когда я поговорилъ съ Деномъ, то припомнились мнѣ твои слова, что мы въ музыкѣ кроме вершковъ ничего не знаемъ. Я сказалъ Дену: вы забудьте, что передъ вами сочинитель двухъ оперъ; трактуйте меня, какъ ничего незнающаго школьника и начните со мною музыку съ самаго начала.» Глинка рассказалъ мнѣ о своихъ контрапунктическихъ работахъ съ Деномъ и о томъ, что весь погрузился въ церковную музыку; не смотря на мое противодѣйствіе, Глинка всталъ съ постели, утверждая, что у него только минутное нездоровье, и сыгралъ мнѣ свою небольшую новую піеску въ строгомъ церковномъ стилѣ, разумѣется западномъ. Какъ жаль, что я не догадался тогда списать этотъ листокъ,—но я не ожидалъ, что вижу Глинку въ послѣдній разъ. Чрезъ двѣ недѣли, будучи въ Веймарѣ, я узналъ, что приехали изъ Берлина за русскимъ священникомъ—похоронить Русскаго, котораго имя Нѣмцы, по обычаю, коверкали всеми возможными и невозможными способами. Скоро я убѣдился, что этотъ русскій человекъ—былъ Глинка!... При мысли объ этой невозвратимой потерѣ, нельзя

Люди, не жившіе съ Глинкой въ эпоху, о которой я говорилъ, полагаютъ, что они первые такъ сказать *открыли* Глинку, до пониманія котораго будто бы тогда *никого* не доросъ. Я сказалъ истину на этотъ счетъ. Правда, долго не многіе рѣшались „смытъ свое сужденіе имѣть“ и понимать его музыку. Но существовали же тогда: кружокъ Брюлова, общество кн. Одоевскаго и т. п. Да позволено же будетъ именовать послѣ этого и нашъ молодой кругъ, хотя составленный по большей части изъ людей мало или почти незнавшихъ музыки, но который Глинка любилъ и и даже не пренебрегалъ его мнѣніемъ, зная, что тамъ любятъ искусство и имѣютъ вкусъ. Мы хорошо знали его музыку, какъ бы инстинктивно признавали Глинку гениемъ и не задумывались называть его этимъ именемъ, не ожидая санкціи Герцеговы залы въ Парижѣ или камеръ-музикусовъ Берлина и Дрездена. Намъ перепѣлъ онъ безчисленное число разъ безсмертныя свои пѣсни, и только мы, слышавшіе ихъ отъ него самого, внимая имъ теперь, можемъ исполнить чувствовать то, что сказалъ о нихъ поэтъ:

Какъ будто въ нихъ вошла всецѣло
Для новой жизни безъ конца,
Душа оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца (*).

не вспомнить, что съ его смертію погибъ, можетъ быть, цѣлый новый періодъ нашей церковной музыки, къ которой Глинка готовился.—День, величайшій изъ музыкальныхъ теоретиковъ и археологовъ, какихъ только привелось мнѣ встрѣтить въ жизни, отзывался о Глинкѣ съ непритворнымъ, глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Кстати позволю себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ моего Путеваго Дневника 1856, нынѣ уже не лишенныхъ интереса. Подъ 23 Янв. (въ Берлинѣ) у меня записано: «Былъ у Глинки—онъ въ постель. Онъ подружился съ Мейерберомъ; отрывки изъ „Жизни за Царя“ «были здѣсь исполнены (въ это время Мейерберъ былъ, кажется капельмейстеромъ въ Берлинѣ); на репетиціяхъ Глинка простудился и теперь боленъ.» К. В. О.

(*) А. Н. Майковъ, въ стихахъ «На кончину М. И. Глинки».

Предлагаемая письма Глинки относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ его жизни. Они писаны въ Москву къ покойному общему другу нашему Константину Александровичу Булгакову (род. 17 Апрѣля 1812, ум. 8 Декабря 1862), который заѣщалъ ихъ мнѣ, какъ сокровище, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ портретомъ Глинки, какъ единственному изъ бывшихъ тогда въ Москвѣ и одному изъ немногихъ увѣлѣвшихъ друзей, составлявшихъ кружокъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Кто не зналъ въ свое время Булгакова, этого любезнаго, даровитаго, добраго „Костю“, какъ называли его въ свѣтѣ издавна и до конца? Онъ не развилъ далеко своихъ блестящихъ дарований, но былъ по природѣ артистъ, отличный музыкантъ и пѣвецъ по призванію. Онъ страстно былъ привязанъ къ искусству, любилъ горячо все изящное и своихъ друзей, которые его никогда не забудутъ.

Орель,
10 Февраля 1868.

Михаилъ Лонтиновъ.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ.

I.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя за твою память обо мнѣ и за присылку портрета *шалуня* (1) Бетховена. Въ свою очередь посылаю тебѣ: 1-е) портретъ Бетховена, который, полагаю, долженъ быть похожъ. 2-е) неизданную мазурку моего сочиненія, которую усовершенствовалъ нарочно для тебя. 3-е) дѣтскую польку съ комментаріями. Все это придется къ тебѣ на домъ.

Вмѣсто Андалузій я провелъ два года въ мѣстечкѣ (2) Парижъ, гдѣ хо-

(1) (2) „Шалунъ-Бетховенъ“, „мѣстечко - Парижъ“. Выраженія эти и тому подобныя были очень свойственны Глинкѣ. Последнее было, вѣроятно, имъ же и изобрѣтено когда-то и потому было въ большомъ ходу.

тѣль было написать Симфонію Украинскую: *Тарасъ Бульба*, но мнѣ не удалось. Въ прошломъ году я возвратился изъ за-границы и провелъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Тамъ началъ я писать записки (Mémoires) и довелъ ихъ до 1854, считая со дня моего рожденія т. е. съ Мая 1804. Я ихъ кончилъ зимою, и вышло болѣе 30 листовъ, уютно исписанныхъ (*). Переложилъ на оркестръ *Nocturne de Hummel à 4 mains F dur* (Opus 99). Слыша исполненіе этой пьесы на репетиціи Филармоническаго концерта, я остался ею доволенъ. Переложилъ также на оркестръ нѣсколько романсовъ. Весною написалъ на оркестръ торжественный польскій, который постараюсь имѣть счастье посвятить Государю Императору ко дню коронаціи. Недавно положилъ я также на два голоса романсъ твоего однофамильца (3)

(*) Записки М. И. Глинки напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ томъ XLIV (1863), стр. 793—818.

(3) Однофамилецъ этотъ (впрочемъ вовсе не родственникъ корреспондента Глинки) былъ Александръ Ивановичъ Булгаковъ, молодой преподаватель Русскаго языка въ Театральной школѣ, умершій въ 1837 году. Онъ обладалъ стихотворческимъ даромъ и написалъ нѣсколько водевилей, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ, каковы: „Дебютантъ“, „Жена сосѣда“, „Тише вѣдешь, дальше будешь“ и др., особенно „Артистъ“, въ которомъ былъ неподражаемъ въ роли съ перодѣваньями покойный Н. О. Дюръ, а потомъ В. В. Самойловъ. Слова романса, о которомъ говорить Глинка, написаны Булгаковымъ. Вотъ начало его:

Прости меня, прости, предестное созданье!
Упрекомъ, можетъ быть, тебя я оскорбилъ;
Я выслушалъ твое съ восторгомъ оправданье,
Я счастливъ снова стать, я снова полюбилъ.

Стихи эти и вообще память о Булгаковѣ неразрывны съ романомъ, который все знали въ наше время. У старыхъ театраловъ и теперь сохраняются портреты очень милой пѣвицы и истой красавицы Анны Матвѣевны Степановой въ роли „Пеки“ въ оперѣ Обера „Бронзовый конь“. Когда она еще была въ Театральной школѣ, въ нее страстно очень влюбленъ Булгаковъ и къ ней написалъ стихи приведеннаго выше романса. Она имѣла множество поклонниковъ и въ креслахъ, и за кулисами, и въ

(полагаю): „Прости меня, прости, прелестное созданье“, музыка Федорова⁽⁴⁾. Не въ продолжительномъ времени онъ будетъ въ печати.

стѣнахъ школы и дирекціи. Въ числѣ послѣднихъ, кромѣ Булгакова, былъ на первомъ планѣ преподаватель Французскаго языка въ Школѣ, остроумный, просвѣщенный и веселый собесѣдникъ, обрусѣвшій Французъ Федоръ Николаевичъ Оберъ, большой мой пріятель, нынѣ умершій. Булгаковъ мучительно ревновалъ къ нему Степанову. Помню слѣдующіе, относящіеся къ этому обстоятельству стихи покойнаго поэта Бахтурина, изъ большаго и гдѣ нибудь вѣроятно хранящагося у меня, стихотворенія его, гдѣ описаны всѣ театралы и предметы ихъ обожанія въ то время:

Любви и прелести расцвѣтъ,
Цвѣтокъ роскошный Юга!
Съ Оберомъ за тебя поэтъ
Грызутся другъ на друга.
Елена новая зачехъ
Хоти не можетъ Трои,
(Не обнажать свой статскій мечъ
Учителя-герои)
Но царствуетъ межъ нихъ давно
Раздора пламень страшный,
И все боюсь я за одно,—
За вызовъ рукопашный.

Но эти комически-преувеличенная сторона дѣла имѣла печальную изнанку. Булгаковъ такъ страдалъ сердечно и душевно отъ своей страсти, что наконецъ и заболѣлъ опасно и, такъ какъ натура его была физически не изъ сильныхъ, вскорѣ былъ побѣжденъ недугами. Въ наше время общее повѣрье было, что Булгаковъ „умеръ отъ любви“. Свидѣтельство тому сохранилось въ одномъ стихотвореніи пріятеля его, тоже страстнаго театрала того времени, Дмитрія Петровича Сушкова: „Памяти Булгакова“, напечатанномъ въ 1 изданіи его стихотвореній. (С.-Пб., 1838).

Что касается до исхода романа А. М. Степановой, то онъ былъ также крайне грустенъ. Надъ всѣми прочими соперниками умершаго вскорѣ восторжествовалъ одинъ. Но Степанова, вышедши изъ Школы, недолго пережила Булгакова. Она умерла въ концѣ 1838 года, двадцати лѣтъ отъ роду, среди самыхъ печальныхъ обстоятельствъ, таинственныхъ и даже трагическихъ, о которыхъ тогда говорили между собою только конфиденціально и теперь, почти черезъ 30 лѣтъ, неудобно распространяться.

(4) Предѣстная музыка этого романа (на одинъ голосъ) была напечатана въ „Репертуарѣ“ 1839 или 1840 года. Написалъ ее Павелъ Степановичъ Федоровъ, нынѣ начальникъ репертуарной части Петербургскихъ театровъ. Онъ авторъ множества прекрасныхъ водевилей съ ост-

Теперь можно найти всѣ мои романсы въ печати, ихъ до 62. Скажу однако же, что изданія многихъ невѣрны. Г. С. въ особенности заслуживаетъ менѣе другихъ довѣренности публики и позволяетъ себѣ дѣлать искаженія ни съ чѣмъ не сообразныя, такъовы Баркаролла и Сомнѣніе⁽⁵⁾ переделанныя на 2 голоса и сокращенная Молитва, названная въ каталогѣ *Молитва* Лермонтова для контральто, безъ хора. Если желаешь имѣть эту Молитву, напиши, я не полѣнюсь и пришлю ее тебѣ съ исправленными ошибками. Эту Молитву исполняли весною въ театральномъ училищѣ съ хоромъ и оркестромъ; слушатели остались *многочисловны*⁽⁶⁾.

Не смотря на это, Н. (нѣкогда пріятель) возстаетъ противъ этой Молитвы и защищаетъ искаженія Г. С. Странно кажется, а вотъ въ чемъ дѣло: онъ, сердитъ на меня отчасти за то, что я *не пришелъ въ восторгъ*, когда онъ съ самодовольною улыбкою и прихваливая себя, читалъ мнѣ разборъ моей оперы Жизнь за Царя. Что же дѣлать, всякій воленъ думать, какъ захочетъ: я никогда не считалъ Н глубокимъ музыкантомъ. Разборы его не только не убѣждаютъ меня въ противномъ, но ясно изобличаютъ, что взглядъ его на музыку остался также поверхностенъ и однообразенъ, какъ былъ прежде. Куда ему до Н. Н. Норова⁽⁷⁾ и графа М. Ю. Вельгорскаго⁽⁸⁾!

роумными куплетами, для которыхъ самъ часто сочинялъ или удачно подбиралъ музыку. П. С. Федоровъ отличный музыкантъ, и его стараніями успѣшно возстановлена въ Петербургѣ Русская опера, не смотря на опасное соперничество Итальянцевъ.

(5) Слова Нестора Васильевича Кукольника

(6) Еще одно изъ обычныхъ выраженій Гланки.

(7) Николай Николаевичъ Норовъ, нынѣ сенаторъ, всегда считался по справедливости однимъ изъ первыхъ знатоковъ музыки въ Петербургскомъ обществѣ.

(8) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій (род. 31 Окт. 1787, ум. 28 Августа 1856), незабвенный для всѣхъ артистовъ, и самъ отличный виртуозъ.

Я бы охотно навѣстилъ тебя, но опасаясь не *питушества* (съ Бахусомъ я въ разладѣ) а желѣзной дороги: она жестоко дразнитъ мои нервы. Притомъ же приступало къ новому труду, къ оперѣ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 3-ти картинахъ, *Двумужницъ*.

Если когда будешь въ Питерѣ, заведи ко мнѣ; постараюсь угостить музыкой, а если прикажешь и пресходнымъ хересомъ.

Гейденрейхъ⁽⁹⁾ тебѣ кланяется. Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный Мишка⁽¹⁰⁾ Глинка.

Мой адресъ: въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой.

С.-П.бургъ 8 Іюня
1855 года.

II.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

До сихъ поръ я не отвѣчалъ на два твои посланія, не отъ лѣности, а по причинѣ болѣзни. Здѣсь въ Питерѣ лѣтомъ—*адъ*; въ комнатахъ душно какъ въ теплицѣ, ночей нѣтъ, на дачахъ же *сыро* и, избѣгая городского жара, я вѣроятно простудился на островахъ и хотя мнѣ легче, но все еще страдаю.

Мод. Коньяру⁽¹¹⁾ и Сергѣю Ива-

⁽⁹⁾ Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ, врачъ при дирекціи театровъ, страстный любитель музыки. Ему посвятилъ Кукольникъ драму свою „Іоаннъ-Антонъ Лейзевицъ“ (1839).

⁽¹⁰⁾ Глинка вообще любилъ уменьшительныя, особенно въ собственныхъ именахъ. Одно время онъ усердно ухаживалъ за очень хорошею воспитанницею Театральной Школы, но плохой пѣвицей, Каролиной К., которую называли „Линочкой“. Я какъ-то сказалъ ему, что странно такому отличному музыканту пльнниться такой плохой музыкантшей, которая должна бы этимъ недостаткомъ разочаровать его. Глинка отвѣчалъ, что она ему все-таки очень нравится и прибавилъ: „замѣть, что мы созданы другъ для друга; она Линочка, а я—Глиночка“. Такъ его прозывали часто въ нашемъ пріятельскомъ кругу.

⁽¹¹⁾ Модестъ Маврикіевичъ Коньяръ, нынѣ Вологодскій вице-губернаторъ, музыкантъ и любитель искусства.

III. 6.

новичу Штуцману⁽¹²⁾ мой усердный поклонъ и приношу искреннюю признательность за ихъ ласковыя строки.

Прежде, нежели сообщу мое мнѣніе о программѣ предполагаемаго концерта, нужнымъ считаю сдѣлать нѣкоторыя объясненія о *Молитвѣ*. Молитва эта съ воплемъ вырвалась изъ души моей въ 1847 году въ Смоленскѣ во время жесточайшихъ нервныхъ страданій. Я написалъ ее тогда для фортепьяно безъ словъ. Она была весьма немногимъ извѣстна до нынѣшняго года. Въ Генварѣ настоящаго года посовѣтовали мнѣ прибратъ къ ней слова Лермонтова: *Въ минуту жизни трудную*; я попробовалъ, и оказалось, что они подходятъ къ мелодіи и вообще къ музыкѣ какъ нельзя лучше. Требовалось объема голоса, двѣ октавы отъ нижняго до верхняго *la*; *Леонова*⁽¹³⁾, артистка (*contralto*) русской оперы, въ то время училась уже у меня пѣнію по рекомендаціи Петрова⁽¹⁴⁾ и В. В. Самойлова⁽¹⁵⁾. Не полагая, чтобы голосъ ея (хотя свѣжій и звонкій) могъ удовлетворительно выполнить эту Молитву, я для пробы сначала написалъ на лоскуткѣ бумаги самыя трудныя мѣста, и такъ вышло хорошо, что я написалъ партитуру для оркестра, прибавя хоръ для усиленія эффекта и отдохновенія главнаго голоса. Эту партитуру, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, отдалъ Леоновой для ея концер-

⁽¹²⁾ Сергѣй Павловичъ Штуцманъ, нынѣ умершій. Онъ памятенъ Москвѣ, какъ капельмейстеръ Московской оперы.

⁽¹³⁾ Дарья Михайловна Леонова, ученица Глинки, прекрасно исполнявшая партіи „Вани“ и „Ратмира“ въ его операхъ. О ней часто говорится ниже.

⁽¹⁴⁾ Осипъ Аванасеевичъ Петровъ, знаменитый и любимѣйшій пѣвецъ нашъ, воплотившій въ себѣ типъ „Сусанина“ и создавшій потомъ роль „Руслана“.

⁽¹⁵⁾ Василій Васильевичъ Самойловъ, славный актеръ нашего времени, началъ сценическое свое поприще какъ оперный артистъ и, обладая пріятнымъ теноромъ, съ успѣхомъ исполнялъ партіи „Рембо“ въ „Робертъ“ и др.

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 12.

та, долженствовавшего быть 20 Февраля. Программа концерта была такъ ловко составлена, что было рассчитано на всѣ возможные вкусы, и билеты были проданы, когда кончина Императора Николая I-го прекратила всѣ публичныя представленья. Чтобы вознаграждать съ моей стороны бѣднужу бенефициантку за неудачу, я отдаю ей *въ собственность* партитуру Молитвы и другихъ моихъ пьесъ, переложенныхъ для ея концерта.

Теперь обращаюсь къ предполагаемому вами концерту. Здѣсь естественно возникаютъ три вопроса:

1. *когда* предполагаетъ С. И. Штуцманъ дать его?

2. *какія средства* имѣетъ онъ въ своемъ распоряженіи?

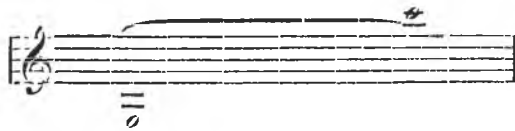
3. для какой цѣли предполагаетъ С. И. Штуцманъ дать свой концертъ?

Во время-оно, въ проѣздъ мой чрезъ Москву, мнѣ случилось быть на концертѣ, устроенномъ Геништою,—онъ весь состоялъ изъ однихъ только классическихъ пьесъ Моцарта, Бетховена и Генделя. Онъ былъ данъ въ очень небольшой залѣ и не могъ принести значительныя выгоды Геништѣ. Предполагаю, что С. И. Штуцману угодно соединить пріятное съ полезнымъ, или яснѣе, угождая искреннимъ любителямъ музыки, не пренебречь и денежными выгодами; въ такомъ случаѣ придется измѣнить программу, о чемъ успѣемъ спсаться.

Предполагаю также, что по причинѣ тѣхъ же матеріальныхъ выгодъ, С. И. Штуцманъ не пожелаетъ дать своего концерта лѣтомъ, а осенью или зимою.

Предположивъ, что концертъ будетъ осенью (чего бы я желалъ), я могу принять въ немъ тогда болѣе дѣятельное участіе.

Леонова владѣетъ обширнымъ, звонкимъ голосомъ: двѣ октавы съ половиною, отъ нижняго *соля* до верхняго *до*.

Занимаясь со мною болѣе полугода пѣніемъ съ примѣрнымъ постоянствомъ, она сдѣлала примѣчательные успѣхи. Я ее мучу ненавистною итальянскою музыкою⁽¹⁶⁾, чтобы выработать голосъ; она же самородный русскій талантъ и поетъ въ особенности хорошо русскія пѣсни съ нѣкоторымъ цыганскимъ шикомъ, что весьма по нутру русской публикѣ. Хорошо исполняетъ вообще русскую музыку, въ особенности мою Молитву, пригнанную мною по ея голосу.

Если начальство позволитъ, вышепоименованная Леонова намѣрена осенью быть въ Москвѣ и дать тамъ концертъ или два. Во всякомъ случаѣ, я намѣренъ былъ ее тебѣ рекомендовать, зная, что ты просто за удовольствіе поставишь себѣ сдѣлать мнѣ пріятное. Теперь болѣе, чѣмъ когда, ты можешь быть ей полезенъ, упрости С. И. Штуцмана принять участіе въ ея концертѣ. Она же отслужила бы ему пѣніемъ *Молитвы* и другихъ пьесъ по взаимному соглашенію.

Не разглашай объ этомъ, а, потолковавъ келейно, извѣсти.

Новыхъ пьесъ у меня нѣтъ. Теперь я весь погруженъ въ либретто новаго труда⁽¹⁷⁾. Жаръ и болѣзнь не позволяютъ еще заняться дѣломъ.

(16) Выраженія „ненавистна“ не должно тутъ принимать безусловно и въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Глинка конечно не былъ партизаномъ итальянской музыки; но я самъ слышалъ его восторженныя похвалы представленіямъ итальянскихъ оперъ, когда они игрались въ Петербургѣ такою труппою, какая была тамъ во время Рубини. Я самъ видѣлъ слезы на его глазахъ во время финала 1 акта „Сонамбулы“ и т. п. Впрочемъ все это относится къ гораздо болѣе ранней эпохѣ.

(17) Дѣло тутъ идетъ о либретто „Двумужники“. Надъ либретто „Руслана“, которое писалось по частямъ, сколько помнится, Н. В. Буксѣвичкомъ, покойнымъ М. А. Гедеоновымъ и другими, тоже работалъ отчасти самъ Глинка.

Твоя пьеска интересна; не смотря на нѣкоторыя недовкости, все-таки лучше канители Н.

На слѣдующей недѣлѣ вышлю Молитву; надобно внимательно пересмотрѣть, а силъ нѣтъ. Страшно, говорю, въ Питерѣ жаръ одолеваетъ; доводно!

Обнимаю тебя отъ души, весь твой М. Глинка.

С.-Петербургъ, 23 Юля 1833 года.

III.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя за твой подарокъ, равно какъ за твои дружескія строки. Благодарю равнымъ образомъ пріятелей твоихъ, коимъ угодно было обо мнѣ вспомнить.

4 Августа обѣдалъ у меня Аркаша⁽¹⁸⁾, вечеромъ была хорошая музыка; я былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. 3-го рано утромъ захворалъ и теперь едва только начинаю оправляться, и такъ не сѣтуй за мое долгое молчаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что главною причиною моихъ жестокихъ страданій здѣшній суровый климатъ. Собирался осенью ѣхать въ Варшаву, но обстоятельства не допустили. Зимую здѣсь; меня утѣшаетъ мысль, что можетъ быть ты вздумаешь навѣстить насъ.

Извини, что плохо пишу, я еще слабъ, и рука плохо повинуется. Пиши чаще, твои письма меня всегда радуютъ.

Искренно любящій тебя М. Глинка.

28 Августа 1833 года.

IV.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что не сейчасъ же отвѣчалъ на твое письмо. (Замѣчу мимо-

⁽¹⁸⁾ Тутъ говорится о любезномъ пріятелѣ нашемъ графѣ Аркадіѣ Павловичѣ Голенищевѣ-Бутузовѣ (род. 1809, ум. 1839), который принадлежалъ къ числу пѣвцовъ-любителей и дилетантовъ музыки.

ходомъ, незнаю почему, писанное на французскомъ діалектѣ). Дѣло въ томъ, что я едва только что начинаю оправляться и даже не могу еще сказать *духъ бодръ*, а *плоть немощна*; весь я въ какомъ-то оглумѣ, т. е. хандрѣ. Настоящее мерзко, а о будущемъ не смѣю загадывать.

Хотѣлъ было я поѣхать въ Варшаву:—*c'est le paradis des hommes vieux ou de ceux qui sont sur le retour* ⁽¹⁹⁾. Разстройство здоровья и *обстоятельства* задержали меня здѣсь. Я зимую въ Петербургѣ, а ежели будетъ сама малѣйшая возможность, раннею весною отправлюсь въ Германію.

Искренно жалѣю, что ты хвораешь, а почти столько же (если еще не болѣе), что лѣчишься. Въ 1831 году правая рука, а въ прошломъ 1834 году правая нога у меня разшалились; къ счастью я не лѣчился, а теперь и та, и другая въ порядкѣ.

Въ непродолжительномъ времени вышлю кое-что изъ моихъ музыкальныхъ шалостей.

У меня прекрасная зала для квартетовъ и другихъ музыкальныхъ удовольствій ⁽²⁰⁾, но я ничего не затѣваю: душа къ музыкѣ не лежитъ, а сверхъ того я не выношу не только сигаръ, но и самыхъ легкихъ папиросовъ.

Желаю тебѣ скорѣйшаго выздоровленія. Кланяйся всѣмъ тѣмъ, кои меня помнятъ и любятъ. Не стѣсняйся, пиши, когда вздумаешь.

Всегда любящій тебя М. Глинка.

9 Сентября 1833 г.

Питеръ.

V.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Получилъ твое письмо и искренно благодарю; не писалъ же тебѣ такъ

⁽¹⁹⁾ Забавно, что Глинка, попрекая Булгакову за французское письмо, самъ по привычкѣ вставляетъ тутъ же французскую фразу.

⁽²⁰⁾ Еще одно изъ любимыхъ выраженій Глинки.

давно по причинѣ болѣзни. Она болѣзнь еще въ началѣ 1844 года названа была рыжимъ Нѣмцемъ⁽²¹⁾: *Arthritis vage hemmoroidaria*, по-русски: *гемморoidalный летучий ревматизмъ*, котораго боли *sont une partie de plaisir* въ сравненіи съ замираніемъ, тоскою, *sensation de luxation* (вывиха) и другими гадостями. Довольно!

Странно! странно! говорю, что человекъ, одаренный тонкимъ слухомъ и изящнымъ пупкомъ⁽²²⁾ для вбирания или лучше всасыванія въ себя всего прекраснаго, странно! повторяю, что онъ могъ назвать (и что хуже того, восклицаю) писать о двухъ именахъ, и что еще хуже, о музыкѣ ихъ. Странно! дѣйствительно, что въ письмѣ К. Булгакова я встрѣтилъ слова: *Шпоръ* и *Бортнянскій*. Полагаю, что ты просто захотѣлъ подшутить надо мною.

И. Е. Колмаковъ спросилъ бы: что такое Шпоръ?

Шпоръ—*диллижансъ прошой, нѣмецкой работы*; по моему, работающій нѣмецкій лошакъ—идолъ германской посредственности.

Что такое Бортнянскій?

Сахаръ Медовицъ Паточкинъ—довольно!

У васъ, въ вашей бѣлокаменной, процвѣтали два нѣмецкихъ мужа нѣкогда, а именно *Геништа* и *Гебель*; съ обоими я былъ коротко знакомъ. У Геништы была довольно опрятная библіотека. Справься, цѣла ли она?

Цѣла ли она или нѣтъ?

Въ наказаніе тебѣ посылаю слѣдующій рецептъ:

№ 1. Для драматической музыки:

Глюкъ первый и послѣдній, безбожно обкраденный Моцартомъ, Бетговеномъ etc. etc.

№ 2. Для церковной и органной:

Бахъ. Seb.

(21) Такъ названъ дѣзъ докторъ Л. А. Гейденрейхъ. См. прим. 9.

(22) Это слово Глинка употреблялъ часто и въ разныхъ значеніяхъ. Напр. онъ говаривалъ: „эту ноту, если не хватаетъ голоса, можно взять всегда пупкомъ“ и т. п.

H-moll-Messe и *Fassion's-Musik*.

№ 3. Для концертной:

Гендель, Гендель и Гендель.

НВ. Хоръ, наприм., Бортнянскаго такъ (*фшадъ*) въ сравненіи съ Генделемъ, что 80 человекъ Бортнянскаго, у Генделя *representent au moins 200*.

Генделя рекомендую:

Messias.

Samson. Въ этой есть арія *soprano* съ хоромъ *H moll*, когда Далила убаюкиваетъ Сампсона, чтобъ надуть его, похожая на мою изъ Руслана: *O мой Ратмиръ, любовь и миръ*⁽²³⁾, только во сто разъ свѣжѣе, умнѣе и забористѣе.

Jephtha.

Надѣюсь, что послѣ этакой *cure radicale*, уже не встрѣтятся въ письмахъ твоихъ Шпоры и Бортнянскіе. *Pour dorer la pilule*, на дняхъ вышлю тебѣ романсъ Леоновой: *Слеза*; она сочинила мелодію, а я ее обработалъ. И потому дуэтъ: *Прости, прости, музыка* Оедорова, арранжировка моя.

(23) Эта каватина Гориславы съ удивительнымъ аккомпанементомъ, въ которомъ большую роль играетъ фаготъ, находится въ 3-мъ актѣ „Руслана“ и есть одно изъ самыхъ свѣжихъ и увлекательныхъ вдохновеній Глинки. Она отличается характеромъ необыкновенной страстности. Между тѣмъ при постановкѣ „Руслана“ партія Гориславы была отдана молодой и прехорошенькой пансіонеркѣ Школы Э. П. Шифердекеръ, носившей на афишахъ имя Лилъевой, которая очень мило исполнила роли игривыя и веселыя въ родѣ Ритты—въ „Цампѣ“, Адины въ „Любовномъ Наниткѣ“ и т. п., соотвѣтствовавшія и ея наружности, и ея голосу, чистенькому, гибкому, но вовсе непригодному для выраженія страсти. Глинка былъ въ отчаяніи особенно отъ холодности, съ которой Лилъева произносила восклицаніе: „О!“ передъ словами: „мой Ратмиръ“. Онъ требовалъ для него хоть жизни, если не огня, а Лилъева никакъ не могла перенять его урока. На одной изъ послѣднихъ репетицій Глинка, какъ самъ мнѣ тогда рассказывалъ, подкрался сзади къ Лилъевой и, дождавшись несчастнаго такта, неожиданно уцѣпнулъ ее за руку, такъ что она вскрикнула и, несудавшеся ей и пропадавшеся „О!“, раздалось, полное неподдѣльной жизни. Глинка сказалъ пѣвицѣ: „вотъ видите, что можно дать этому восклицанію выраженіе; старайтесь произносить его и впередъ хоть такъ, какъ сейчасъ“.

По пословицѣ долгъ платежемъ кра-сенъ, вмѣсто 2-хъ пришли мнѣ 6 московскихъ саскъ—я ихъ очень люблю.

Прощай. Кланяйся нашимъ общимъ знакомымъ. Весь твой М. Глинка.

С.П.Бургъ 8 Ноября 1833 года.

VI.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Письмо твое получилъ и премного благодарю. Въ свою очередь поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю всего лучшаго въ мѣрѣ, въ особенности же, чтобы твое здоровье поправилось.

Очень радъ буду, если въ присланныхъ мною музыкальныхъ бездѣлкахъ отыщется что-нибудь по твоему вкусу. Приводи въ возможный порядокъ мои сочиненія, я обрѣлъ *Bolero* и на дняхъ надѣюсь обрѣсти *Valse-Fantaisie*, игранные въ Павловскѣ въ 1840 г. ⁽²⁴⁾ Если пожелаешь, сообщу тебѣ копіи этихъ пьесъ для фортепьяно; полагаю, что ты ихъ помнишь.

Я отъ холода и скуки впалъ въ апатію, и единственною отрадою служить мнѣ надежда: раннею весною уѣхать въ Германію; это путешествіе я предприму не только для поправленія плохаго моего здоровья, но и для нѣкоторыхъ музыкальныхъ справокъ; въ Берлинѣ же, гдѣ собираюсь зимовать, могу услышать Глюка, Баха и Генделя.

На дняхъ обѣдалъ у меня Петръ Степановъ ⁽²⁵⁾ съ женою; очень о тебѣ вспоминали.

⁽²⁴⁾ Помню, какъ эту превосходную пьесу (о которой много говорится ниже) разыгралъ въ первый разъ въ Павловскомъ вокзалѣ известный оркестръ Германа. Это было въ 1839 году, сколько могу припомнить.

⁽²⁵⁾ Даровитый карикатуристъ, издававшій въ послѣдствіи „Искру“. Въ числѣ тогдашнихъ карикатуръ его альбома, былъ между прочимъ рядъ презабавныхъ рисунковъ подъ названіемъ: „День изъ жизни Глинки“, гдѣ онъ изображался въ разныя часы дня и ночи.

Пиши чаще и крупнѣе и вѣрѣ мой неизмѣнной дружбѣ. Весь твой

М. Глинка.

2 Января 1836 года.

VII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Я не спѣшилъ отвѣчать на письмо твое, поджидая, чтобы набѣжало что-нибудь интересное.

Князь Левъ Григорьевичъ Голицынъ ⁽²⁶⁾ своимъ пріѣздомъ чрезвычайно обрадовалъ меня. Онъ слышалъ у меня и у Лоди ⁽²⁷⁾ *Леонову* (актрису, которая у меня учится уже болѣе года) и остался ею очень доволенъ. Онъ обѣщаль ей свое содѣйствіе, когда она пріѣдетъ въ Москву давать концерты. Если ничто не помѣшаетъ, *Леорова* будетъ къ вамъ въ Москву въ самомъ началѣ поста. Она намѣрена дать 2 концерта: одинъ пополамъ съ дирекціей, а другой для себя въ частной залѣ.

Надѣюсь, что по старой дружбѣ ты не откажешь моей ученицѣ въ твоёмъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что она его вполне заслуживаетъ. Мою Молитву: *Въ минуту жизни трудную*, она поетъ весьма удовлетворительно, и она Молитва съ ея звонкимъ голосомъ и оркестромъ производитъ нарочитый эффектъ и многія мѣста съ *сильной воюю*, какъ говорилъ Фирсъ ⁽²⁸⁾.

⁽²⁶⁾ Князь Левъ Григорьевичъ Голицынъ, большой любитель музыки.

⁽²⁷⁾ Г. Лоди, пѣвецъ-любитель, поступилъ на Петербургскую сцену въ 1838 году. Онъ съ успѣхомъ пѣлъ нѣкоторые теноровыя партіи, какъ напр. „Сабинина“, „Поллона“ (въ Норжѣ), но вскоре прекратилъ свое артистическое поприще.

⁽²⁸⁾ Подъ прозвищемъ „Фирса“ издавна извѣстенъ въ обществѣ остроумный и даровитый князь Сергѣй Григорьевичъ Голицынъ, дилетантъ и стихотворецъ. Глинка написалъ музыку на переведенныя имъ изъ Мицкевича стихи: „Когда, въ часъ веселый, откроешь ты губы“ и на другія слова его сочиненія. *Позднѣе примчаніе*. Недавно пришло печальное

А *groros de* Оирсъ, съ нимъ и его братомъ Львомъ я провелъ очень пріятно вечеръ у Д. И. Нарышкина⁽²⁹⁾; тамъ были всѣ Бартеневы⁽³⁰⁾; пѣли, играли на цитрѣ и пр. Я имъ проигралъ нѣсколько моихъ *опытовъ* (*essais*) въ русской церковной музыкѣ, чѣмъ они остались многодовольны.

Знакомъ ли ты лично съ Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ⁽³¹⁾ (авторомъ повѣстей Ятаганъ и пр.)? Если такъ, то усердно поклонись отъ меня ему и попроси, чтобъ онъ позволилъ доброму пріятелю моему, дѣйствительному статскому совѣтнику Г. И. Кузьминскому, напечатать сочиненный имъ романсъ на его (Павлова) слова, кои при семъ прилагаю. Я общалъ Павлову самъ написать музыку; но здѣсь въ Питерѣ холодъ, слезни и скука одолѣли шибко, и вдохновеніе улетѣло.

Если же ты съ Н. Ф. Павловымъ лично незнакомъ, то постарайся сообщить мнѣ его адресъ.

Отыскиваются многія изъ моихъ пьесъ для фортепьяно, но не *Valse-Fantaisie* (что играли въ 1839—1840 годахъ въ Павловскѣ), но я усердно ищу эту пьесу и когда обрѣту, сообщу тебѣ копію. Vale. Весь твой Михаилъ Глинка. Пиши покрупнѣе.

С. П. Бургъ. 2 Февраля 1836 г.

извѣстіе о кончинѣ этого достолюбезнаго чело-
вѣка. Онъ умеръ въ Польшѣ, въ имѣніи сво-
емъ, 19 Ноября 1868, на 63 году отъ роду.

(29) Дмитрій Ивановичъ Нарышкинъ, недавно умершій, памятный всѣмъ знавшимъ его своею любезностію.

(30) Супруга Д. И. Нарышкина Марья Арсеньевна принадлежитъ къ артистическому семейству Бартеневыхъ. Старшая сестра ея, Фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, была одна изъ очаровательнѣйшихъ пѣвицъ своего времени.

(31) Николай Филипповичъ Павловъ (род. 1803, ум. 29 Марта 1864), даровитый публицистъ и критикъ, извѣстный также своими повѣстями, написалъ когда-то нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній. Изъ нихъ между прочимъ положены на музыку романсы: „Не говори: ни да, ни нѣтъ“—Верстовскимъ и „Не называй ее небесной“—Глинкой.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Романсъ.

Не говори, что сердцу больно
Отъ ранъ чужихъ;
Что слезы катятся невольно
Изъ глазъ твоихъ.

Будь равнодушна, какъ могли,
Кто ни страдай;
И за невинныхъ Бога силы
Не призывай.

Твоей души святые звуки,
Твой дѣтскій бредъ,—
Чертолкуетъ все отъ скуки
Безбожный свѣтъ.

Н. Павловъ.

VIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Подательница этой записки, Дарья Михайловна Леонова, извѣстная артистка С. П. бургскихъ театровъ, моя ученица, намѣрена дать нѣсколько концертовъ въ Москвѣ. Талантъ ея самъ за себя постоять, а тебя, какъ старо и добраго друга, прошу принять ее подъ твое особенное покровительство. Что нужно будетъ сдѣлать, самъ смекнешь, а барыня желаетъ, чтобы достать залу дворянскаго собранія для ея концерта.

Я боленъ, какъ собака, а все-таки, понатужась, окончу инструментовку *Valse-Fantaisie*, которую тебѣ посвящаю. Vale. Весь твой М. Глинка.

IX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Податель этой записки, Владиміръ Никитичъ Кашперовъ⁽³²⁾, мой сынъ, (какъ его называю), талантливый, образованный *etc. etc.* чело-вѣкъ, желаетъ познакомиться съ тобою. Прими же его, во имя мое, съ свойственнымъ тебѣ

(32) Владиміръ Никитичъ Кашперовъ, нынѣ профессоръ Московской Консерваторіи и авторъ недавно играемой въ Москвѣ оперы „Гроза“.

радушiемъ, чѣмъ весьма обяжешь твоего вѣрнаго стараго друга Мишку.

НВ. Гриппъ вельми зѣло одолеваетъ меня.

Х.

Любезнѣйшiй другъ, Константинъ Александровичъ.

Я послалъ къ тебѣ на дняхъ двѣ записки, одну съ Леоновой, а другую съ Кашперовымъ. Получилъ ли ты ихъ? и что съ тобою? сдѣлай милость увѣдомъ.

Я все еще хвораю, но вчера, не смотря на недугъ, окончилъ инструментовку *Valse-Fantaisie* (помнишь?—Павловскъ—около 42, 43 годовъ etc.—довольно), вчера же отдалъ переписывать и, когда копия партитуры будетъ готова, сейчасъ же вышлю на твое имя. Тебя же прошу немедля приказать расписать партитуру на голоса и похлопочи, чтобы *онъ Scherzo (Valse-Fantaisie)* былъ исполненъ въ концертъ Леоновой. Пьеса сия (повторяю) была исполнена въ Парижѣ въ залѣ Герца съ большимъ успѣхомъ въ апрѣлѣ 1845 года; можно надѣяться, что и вашей публикѣ она понравится можетъ. Я ее переинструментовалъ въ 3-й разъ съ нарочитымъ усовершенствованiемъ и ухищренiемъ злобы⁽³³⁾; трудъ посвящаю тебѣ, а партитуру отдаю въ собственность г-жи Леоновой.

Если наши надежды на миръ осуществятся⁽³⁴⁾, весной отправлюсь на Западъ: сперва въ Берлинъ, гдѣ у меня есть кой-какія музыкальныя дѣлишки, а потомъ, вѣроятно, въ мѣстечко Парижъ, гдѣ мнѣ привольно и покойно.

Болѣзнь заставляетъ меня сидѣть дома; день скучно тянется за днемъ, а потому писать болѣе нечего. Ты же

(33) „Злоба“, „злбный“; слова эти употребляясь Глинкой для обозначенiя, что то или другое обработано тщательно, оригинально и т. п.

(34) Строки эти писаны были въ ту минуту, когда заключался Парижскiй миръ.

живешь на юру, а потому умоляю, пиши подробнѣе и вѣрь смиренной дружбѣ твоего вѣрнаго друга М. Глинки.

Прилагаемое письмо потрудись доставить Леоновой.

10 Марта 1856 г. Питеръ.

ХІ.

Любезнѣйшiй другъ Константинъ Александровичъ.

Сегодня посылается мой *Valse-Fantaisie* на имя Зиберта⁽³⁵⁾ къ тебѣ. По полученiи этого письма пошли сейчасъ же къ нему Зиберту справиться и не откажи мнѣ въ моей просьбѣ, сейчасъ же по полученiи потъ приказать какъ можно скорѣе оную партитуру расписать на голоса. Духовыхъ требуется по одному, а смычковыхъ сирѣчь 1 и 2 скрипокъ по 3, альтовъ 2 и виолончелей съ контрабасами по 3; впрочемъ спроси объ этомъ у капельмейстера театра.

Хотя я вовсе не рассчитываю на дружеское содѣйствiе В, но все-таки желаю, чтобъ этотъ *Valse-Fantaisie* былъ исполненъ въ концертъ г-жи Леоновой, сколько для ея выгоды, столько или еще болѣе потому, что эта музыка напомнитъ тебѣ дни любви и младости.

Виолончели остались, измѣнилъ (т. е. усовершенствовалъ) я инструментовку только въ *forte* и въ послѣднемъ *crescendo*.

Наконецъ я узналъ, гдѣ пропадаетъ Дарья Михайловна: она съ *Ферзингомъ*⁽³⁶⁾ (помнишь ли ты его) даетъ концерты въ городахъ возлѣ Москвы, а именно: Новгородѣ, Тулѣ,

(35) Самуилъ Ивановичъ Зибертъ, экзекуторъ Московскаго Почтамта, извѣстный много лѣтъ жителямъ Москвы своею предупредительностiю оказывать услуги всякому, кто имѣетъ дѣло въ Почтамтѣ. Скончался въ Декабрѣ 1868 г.

(36) Ферзингъ былъ отличный басъ Нѣмецкой оперной труппы, существовавшей въ Петербургѣ съ 1834 по 1843 годъ. Онъ пѣлъ тамъ съ большимъ успѣхомъ множество партій и былъ

Орль и пр., въ Москву же она съ Ферзингомъ будетъ въ концѣ поста. Во всякомъ случаѣ прошу на это не рассчитывать, а сейчасъ же прикажи приступить къ перепискѣ партій. Партитура Valse-Fantaisie состоитъ изъ 6 тетрадей, и ты можешь заставить работать нѣсколько писцовъ въ одно время. Издержку за переписку беру на себя и что ты истратишь, будетъ тебѣ немедленно выслано съ искренней признательностію.

У меня вчера былъ старый знакомый Аладьянъ⁽³⁷⁾, я его давно не видалъ, и онъ мнѣ кажется страшный *Fanatico per la musica*. Онъ описалъ мнѣ твой бывший Atelier, и я теперь понимаю твою тоску переселяться въ другой домъ⁽³⁸⁾. Скажу однакожь въ утѣшеніе, что сколько я тебя помню, ты всегда былъ великій мастеръ устроить и убрать самую дрянную квартиру; сверхъ того, кто тебя любитъ,

особенно хорошъ въ „Каспаръ“, („Фрейшицъ“, Вебера), въ „Вертрамъ“ („Робертъ“—Мейербера) и „Кардиналъ Броня“ (Жидовка—Галевя). Потомъ онъ уѣхалъ за границу, а черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Россію и вступилъ опять на сцену, въ Итальянскую труппу, но конечно уже на второстепенныя роли. Затѣмъ онъ совершилъ артистическое путешествіе по Россіи съ Д. М. Леоновою, о чемъ здѣсь и говорится.

⁽³⁷⁾ Абрамъ Семеновичъ Аладьянъ, Московскій диллетантъ.

⁽³⁸⁾ Въ началѣ 1836 года отецъ Булгакова, Александръ Яковлевичъ (род. 23 Ноября 1781, ум. 1863) много лѣтъ занимавшій должность Московскаго Почтъ-Директора, пожалованъ былъ Сенаторомъ. Поэтому онъ и жившій съ нимъ сынъ перѣехали тогда изъ обширнаго помѣщенія, которое они занимали въ зданіи Почтамта, на наемную квартиру, въ домъ Гундіуса, на Яузскомъ бульварѣ, близъ Красныхъ воротъ. А. С. Аладьянъ разказывалъ Глинкѣ объ „atelier“ Константина Булгакова, который составлялъ его квартиру въ Почтамтѣ и заключалъ въ себѣ между прочимъ двѣ огромныя комнаты, загроможденныхъ инструментами, разными мѣбелями и пр., а всѣ стѣны ихъ до потолка были увѣшаны портретами и рисунками. Помѣщеніе это было въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно оригинально и пріятно само по себѣ, не говоря уже о томъ, какъ бывало тамъ весело и какъ тамъ „музицировали“.

тотъ не посмотритъ на степень великолѣбнѣя пепелища.

Я радъ, что Молитва моя не была исполнена у Штуцмана: 1) Леонова поетъ ее по моему, 2) я постою за свою инструментовку; слышалъ ее въ исполненіи и остался самъ многодоволенъ.

Напрасно полагаешь, что я духовые предпочитаю смычковымъ; совсѣмъ напротивъ, я на духовые нарочито скупъ.

Гейденрейхъ тебѣ усердно кланяется.

Прощай, мой милый другъ, пиши чаще и крупнѣе. Vale. Твой Мишка Глинка.

14 Марта 1836 г. С.П.бургъ.

XII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Я получилъ письмо твое, въ коемъ объявляешь о прибытіи Леоновой въ Москву; не отвѣчалъ же сейчасъ потому, что по наследственному отъ отца предрасудку по понедѣльникамъ ничего не предпринимаю.

Безъ сомнѣнія, ты уже получилъ партитуру Valse-Fantaisie и если учинилъ такъ, какъ я въ письмѣ просилъ тебя, то вѣрно можно будетъ оный Valse прокинуть въ концертъ Леоновой. Если только партія переписаны, пьеса эта по своему устройству не потребуетъ многихъ репетицій. Досадно, что въ послѣднемъ письмѣ я не написалъ, чтобы, по полученіи вальса, ты собралъ полковыхъ копистовъ музыки. Человѣкъ 6 отодрали бы тебѣ въ теченіе сутокъ всѣ партіи и дешево бы взяли. Контора же театральная . . . пишетъ черезчуръ размашисто.

Впрочемъ дѣлай все, какъ знаешь, въ пользу моей protégée, я заранѣе благодарю тебя.

Потрудись въ отвѣтъ на это письмо уведомить меня о днѣ концерта и пришли программу.

Черновую статью получилъ, но разобралъ плохо; притомъ я съ вашей московской публикой незнакомъ вовсе.

Я болѣнъ, хоть брось; живу единственно надеждой удрать на Западъ въ концѣ Апрѣля.

Кланяйся Леоновой, а также и Ферзингу.

Гейденрейхъ поручилъ мнѣ усердно тебѣ поклониться. Vale. Твой вѣрный другъ Миша Глинка.

20 Марта 1856 года.

С.-Петербургъ.

XIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя, Келя⁽³⁹⁾ и Аладбина, что вы поддержали Д. М. Леонову. Изъ твоего письма вижу, что дѣйствительно (принимая въ соображеніе наводненіе концертами въ нынѣшній постъ и.... концертъ можно считать почти удачнымъ. Болѣе всего мнѣ понутру то, что Дарья Михайловна произвела *симпатическое* впечатлѣніе.

Очень бы радъ былъ, если бы концертъ ея съ Ферзингомъ удался, сирѣчь, чтобы былъ оркестръ хоша самый скромненькій.

Молитва и Valse-Fantaisie инструментованы по новому; никакого расчета на виртуозность (кою рѣшительно нетерплю) ни на огромность массы оркестра.

Всего требуется:

1 скрипокъ	отъ 4 до 5
2 —	— 4
альтовъ	2
виолончелей и басовъ	отъ 2 до 3 кажд.
флейты	2
гобоя	2
кларнета	2
фагота	2
сопнѣ	2
трубы	2
тромбонъ	1
итого 27 до 31	

⁽³⁹⁾ Яковъ Карловичъ Кель, молодой музыкантъ съ большими дарованіями, жившій у Булгакова.

Примѣчаніе. Въ Молитвѣ фаготъ 1-й и тромбонъ должны быть разсматриваемы (considérés) какъ солисты, хотя замысловатыхъ пассажей у нихъ вовсе нѣтъ.

Въ Valse-Fantaisie надобно обратить особенное вниманіе на сопнѣ, кои въ разстрой, т. е. 1-й въ одномъ, а другой настроенъ въ иномъ тонѣ.

Молитва требуетъ исполненія строгаго (severe), Valse же Fantaisie нужно играть манерно (un peu exagéré).

Пишу сіе потому, что надѣюсь, что ты самъ приложишь все стараніе, чтобы услышать Молитву и Valse-Fantaisie. Хору достаточно 16 человекъ: 3 баса, 3 тенора и по 5 малыхъ; можно тоже взять полковыхъ, какъ и для переписки партій.

Когда Кель пріѣдетъ въ Питеръ и застанетъ меня, онъ можетъ быть увѣренъ, что я приму его съ любовью.

Партитуру вальса ты вѣрно уже получилъ отъ Зиберта; я ее отослалъ на почту въ субботу на прошедшей недѣль, и у меня есть квитанція.

Обнимаю тебя отъ всей души, твой вѣрный другъ Мишка Глинка.

Прилагаемую кидулу потрудись доставить Дарьѣ Михайловнѣ.

23 Марта 1856 года. С.-П.бургъ.

XIV.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Я послалъ къ тебѣ афишу на концертъ Леоновой, а не писалъ до сихъ поръ по причинѣ болѣзни и хлопотъ. Теперь спѣшу увѣдомить, что концертъ удался совершенно. Оркестръ исполнилъ дѣло свое какъ нельзя лучше, хористки маленько подгадили въ хорѣ изъ Руслана. Леонова была принята отлично и собрала не мало денегъ. Сильно апплодировали Молитвѣ и Вальсу. Я въ концертѣ самъ не былъ, а мнѣ говорила сестра моя⁽⁴⁰⁾ и Леонова о томъ, что сообщилъ тебѣ.

⁽⁴⁰⁾ Людмила Ивановна Шестакова.

Погода у насъ мерзвѣющая; я избить и замученъ, пишу мало—нездоровится и хлопотно. Твой неизмѣнный другъ Миша Глинка.

10 Апрѣля 1836 года.

XV.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Что же касается до *запол*, то безъ хлѣбныхъ и виноградныхъ питей, отъ онаго, сирѣчь, *запол* въ Питерѣ не отдѣлаешься. Какъ тебѣ самому извѣстно, здѣсь пожираютъ блины, ходятъ въ церковь, шатаются по концертамъ и пр. и пр. все по программамъ, все вдругъ, все однимъ, словомъ, въ родѣ нашествія Татаръ. Довольно!

Черезъ три дня я ѣду за границу; паспортъ и карета уже есть. А потому на это письмо не отвѣчай, а самъ къ тебѣ буду писать изъ Берлина, гдѣ останусь недѣли двѣ. Оттуда предполагаю въ нѣкое мѣстечко *Парижъ*.

Не откажи, прошу тебя, въ моей убѣдительнѣйшей просьбѣ: кланяйся отъ меня Н. Ф. Павлову и настоятельно упроси его прислать на имя сестры моей *Людмилы Ивановны Шестаковой въ Эртселевомъ переулкѣ въ домъ Томиловой* нѣсколько экземпляровъ печатнаго романса (слова Павлова). А также напони ему, что я отнюдь не отказываюсь отъ благостыни, что-де мнѣ платять обыкновенно по 50 р. сер. за каждый романсъ, а 50 р. с. составляютъ около 200 франковъ.

Довольно на этотъ разъ. Идея путешествія сильно радуеть.

Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный другъ М. Глинка.

На прошедшей недѣлѣ былъ маленькій музыкальный вечеръ у насъ; на немъ былъ твой племянникъ князь Долгорукой⁽⁴¹⁾.

(41) Князь Николай Александровичъ Долгорукой, нынѣ Полтавскій губернскій предводитель дворянства, родной племянникъ Булгакова, надѣленный разнородными артистическими дарованіями, такъ сказать семейными у Булгаковыхъ.

XVI.

Imitazione nella quarta con cadenza nel modo phrygico.

Passatempi sulla scala diatonica.

S. W. Dehn.

à Berlino 5 Junio. 1836.

Милый и добрый старый другъ Костя!

Пишу тебѣ измученный отъ путешествія, зане старъ бо есмь. Въмѣсто Парижа остаюсь въ *Берлинъ*, гдѣ, не смотря на жестокою усталость, уже прилежно работаю съ моимъ учителемъ, профессоромъ *Деномъ*, первымъ знахаремъ въ свѣтѣ. Письмо твое сестра уже прислала сюда. Прилагаемый при семъ документъ, надѣюсь, доставить тебѣ нѣсколько минутъ приятныхъ—ты пупкомъ поймешь эти гармоніи, недоступныя орангъ-утангамъ.

Пиши ко мнѣ *à Berlin poste restante.*, или à *Berlin, Marienstrasse № 6*, гдѣ моя фатера.

Желалъ бы еще поболтать, но силъ не *фатаетъ*.

Твой неизмѣнный

6 Юни 1856.

Верлянь.

Поклонъ всѣмъ добрымъ пріятелямъ.

XVII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ: путешествіе въ почтовой каретѣ 6 сутокъ (безъ сна), а потомъ три дня проклятой и ненавистой желѣзной дороги меня жестоко избили и изломали, такъ что до сихъ поръ съ раздраженіемъ нервъ справиться не могу; притомъ же отъ раздраженія воспалился лишай на правой рукѣ, и я не могъ держать пера въ оной. Скажу тебѣ также, что не могу изъ Берлина столь же часто писать какъ изъ Питера: жизнь здѣсь крайне единообразна, а занятія *длѣнно* больше.

Жалкую, но отлично сдѣланную твою карикатуру получилъ; что же дѣлать, другъ мой, пожито было,—надобно, какъ на Руси говорится, и честь знать. У тебя ноги, у меня руки въ

лишайхъ, и я часто отъ слабости рукъ, желудка и зрѣнія принужденъ только поститься или скучать.

Впрочемъ мнѣ здѣсь хорошо, привольно и спокойно. *Хорошо*, потому что есть дѣло. *Привольно*, потому что кормы хороши. (Много и по дешевой цѣнѣ дикихъ козъ, оленей и фазановъ, до коихъ я очень лакомъ; есть и хорошая морская рыба, дичь, овощи ес.), вина хорошия (Мозель въ особенности) и по умѣренной цѣнѣ.... *Покойно*, потому что я живу домосѣдомъ и новыхъ знакомствъ не ищу.

Объ нашихъ музыкальныхъ занятіяхъ буду писать подробнѣе, обождая маненько. Съ Деномъ бьемся съ церковными нотами и канонами разнаго рода—дѣло трудное, но нарочито занимательное, а, дасть Богъ, и вельми полезное для русской музыки.

Увѣдомъ, когда Дворъ пріѣдетъ въ Москву⁽⁴²⁾ и, узнавъ, сообщи мнѣ адресъ Прасковьи Арсеньевны Бартеновой.

Князю Алексѣю Дмитріевичу Салтыкову⁽⁴³⁾ усердно кланяюсь.

Пиши подробно и крупно по прилагаемому адресу: *Monsieur Michel Glinka Berlin, Marienstrasse № 6*. Обнимаю тебя отъ души, желаю тебѣ всего лучшаго и остаюсь твой неизмѣнный другъ.

По словамъ Дена *Францъ* дѣйствительно *Фредъ*, что по русски

Берлянь 9 Юни 1856 года.

27 Юни.

XVIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Давно уже собираюсь писать къ тебѣ, но все какъ-то не приходилось: сперва замучили жары, кои здѣсь

(42) Дворъ въхалъ тогда въ Москву для торжества коронованія Государя Императора.

(43) Князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ (род. 1806, ум. 1858), извѣстный по роскошно изданному имъ путешествію въ Индію.

столько же несносны, какъ и въ Питерѣ, градъ бо на низменныхъ мѣстахъ расположенъ; потомъ я прихворнулъ, а когда хвораю, то обыкновенно страдаютъ руки, и я пишу съ трудомъ.

Впрочемъ моя *приятно-тихая* жизнь въ Берлинѣ однообразна и не представляетъ ничего особеннаго для описанія.

Недавно я получилъ официальное письмо изъ канцеляріи Министра Двора за подписью самого министра графа Адлерберга, въ коемъ изъяснено, что Ихъ Императорскія Величества сооблаговолили милостиво принять посвященіе моего Польскаго, и Государь приказалъ, чтобъ оный Польскій былъ исполненъ на балахъ, во время коронаціи, начиная съ того, который будетъ данъ въ Грановитой Палатѣ.

Все это мнѣ устроила П. А. Бартенева, чрезъ графа Александра Владиміровича Адлерберга.

На дняхъ я ожидаю партитуру моего Польскаго; вскорѣ послѣ коронаціи онъ будетъ исполненъ здѣсь въ королевскомъ театрѣ—Opern-haus. Оркестръ чудо: 12 первыхъ, 12 вторыхъ скрипокъ, 7 альтовъ 9 *виолончелей* съ приличнымъ числомъ контрабасовъ и проч.

Поговариваютъ даже о постановкѣ Жизни за Царя на сцену; покажѣтъ однакожъ это еще не рѣшено.

У меня есть до тебя *важная* просьба, а именно: тебя всѣ любятъ и навѣщаютъ, слѣдственно ты можешь всѣмъ мало-мальски меня знающимъ лично или по наслышкѣ (преимущественно же придворнымъ) вбить въ голову, что Глинка-де *не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ*, и что-де окромя здоровья онъ проживаетъ въ Берлинѣ ради музыкальныхъ продѣлокъ.

Такъ какъ я думалъ ѣхать въ Парижъ, то можетъ быть найдутся люди, которые полагаютъ, что я уже тамъ. Между тѣмъ вышло, что, прѣхавъ въ Берлинъ, я почувствовалъ

непреодолимое отвращеніе отъ Франціи и по справкамъ оказалось, что работа съ Денемъ труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный другъ.

Берлинъ 16/4 Августа 1856 года.

XIX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Только что хотѣлъ я отвѣчать на письмо твое, какъ я получилъ другое отъ тебя съ прискорбнымъ извѣстіемъ о кончинѣ графа М. Ю. Вьельгорскаго⁽⁴¹⁾. Хотя я уже и зналъ, что онъ разрушался, но это извѣстіе меня тронуло: графъ М. Ю. принадлежалъ именно къ разряду тѣхъ немногихъ людей, которымъ, кажется, никогда умирать не слѣдовало. Нашихъ мелкихъ недоразумѣній и воспоминать не хочу⁽⁴²⁾, а помню только его дружбу и доброжелательность ко мнѣ. Миръ праху его!

Здоровье мое плохо: желудокъ, а въ особенности печень очень разстроены, и нервы часто и шибко пошаливаютъ, не смотря на то, что я стараюсь помнить, что я уже зѣло не молодъ (объ этомъ можешь справиться у фотографа *Левицкаго*, который нынѣшней весною снялъ съ моей хари удивительнѣйшій портретъ и, буде пожелаешь, чрезъ твоихъ знакомыхъ можешь получить экземпляръ онаго) и воздерживаюсь, елико возможно, отъ всѣхъ излишествъ.

Каникулярные жары заставили меня временно прекратить мои весьма занимательныя, но трудныя работы

⁽⁴¹⁾ Онъ скончался 28 Августа 1856 года. См. прим. 8.

⁽⁴²⁾ Недоразумѣнія эти касаются нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относящихся къ эпохѣ окончанія партитуры „Руслана“ и постановки ея на сцену. Но изъ самаго этого письма видно, какъ любилъ Глинка графа и какъ послѣдній былъ достоинъ любви своихъ собратьевъ по искусству.

съ Деномъ. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва ли совладаемъ съ церковными тонами, двойною фугою и канонами въ теченіи зимы. Во всякомъ случаѣ дѣло рѣшено: до Мая будущаго года остаюсь здѣсь. Если же Богъ продлитъ мнѣ жизнь и обстоятельства позволятъ мнѣ продолжить путешествіе, я не прочь завернуть въ мѣстечко Парижъ, гдѣ я люблю въ особенности весну, лѣто и часть осени; *la saison du monde élégant*, или какъ это называютъ *la grande saison de Paris*, т. е. отъ Ноября до Апрѣля, для меня невыносима. Всего болѣе мнѣ нравятся *зверинцы*: *le jardin des plantes et le boulevard des Italiens avec les environs*. Время все изглаживается: на будущій годъ воспоминанія войны будутъ тусклѣе, а слѣдственно жить въ Парижѣ будетъ сноснѣе, а можетъ быть даже пріятно ⁽⁴⁶⁾.

Кашперовъ тебѣ кланяется; онъ здѣсь съ молодой женою — милою и очень образованною женщиною. Онъ поселился по сосѣдству со мною до весны, желая съ одной стороны насладиться спокойствіемъ послѣ различныхъ тревоженій; работаетъ каждый день съ Деномъ и, мнѣ кажется, что онъ съ музыкальнымъ талантомъ.

Оперы еще не начались — примадонны въ разгонѣ, давать же будутъ вещи превосходныя; на дняхъ у меня квартетъ.

Если Яковлевъ ⁽⁴⁷⁾, Аркаша и Фирсъ еще въ Москвѣ, усердно имъ отъ меня кланяйся.

⁽⁴⁶⁾ Всякому Русскому не можетъ не быть пріятно видѣть въ знаменитомъ соотечественникѣ такую черту искренняго патриотизма и выраженіе чувства такъ сказать политическаго или „международнаго“ приличія. Глинка, черезъ полгода послѣ заключенія Парижскаго мира, не полагалъ возможнымъ считать залеченными раны, нанесенныя намъ при геройской защитѣ Севастополя и жить какъ ни въ чемъ не бывало среди народа, столь недавно намъ враждебнаго, забывая такъ скоро кровавые счеты Россіи съ вчерашними непріятелями.

⁽⁴⁷⁾ Иванъ Алексѣевъ. Яковлевъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Европѣ См. также прим. 18 и 28.

Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный

НВ. Если можешь, пиши еще крупнѣе. Мой новый адресъ: *Französische Strasse № 8*.

Берлинъ. ^{22/10} Сентября 1836 г.

XX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Не сътуй, что не сейчасъ по полученіи отвѣчаю на твои дружескія письма. Причина — не лѣнь, а вообще говоря, я не большой охотникъ писать. Къ тому же моя совершенно отшельническая жизнь въ Берлинѣ не даетъ повода — *плодить матерію* (какъ говаривала блаженной памяти моя няня).

Въ одномъ изъ твоихъ писемъ ты рекомендовалъ мнѣ завернуть въ мѣстечко Парижъ. Я, однакожь, остаюсь здѣсь и не раскаяваюсь.

Окромя разнаго рода продовольствій, а *наипаче* скромной и тихой жизни, которая мнѣ зѣло по нутру, одни *музыкальнныя наслажденія* уже достаточны, чтобы приковать меня къ Берлину въ зимніе мѣсяцы.

Перечень слышаннаго мною, въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ, объяснить это дѣло лучше:

Въ *Opernhause*:

1. *Fidelio* Бетховена съ двумя увертюрами *E dur* и *C dur*.

2. *Орфей* Глюка.

3. *Clemenza di Tito* Моцарта съ *басетъ-горномъ*! (NB).

NB означаетъ, что у насъ въ не сносномъ Питерѣ *басетъ-горнъ* всегда замѣняютъ кларнетомъ, а разница огромная.

4. *Nozze di Figaro* Моцарта.

5. *Zauberflöte* Моцарта.

Эти двѣ послѣднія оперы были даны весьма зѣло удовлетворительно. Оркестръ и хоры чудо! *Не нашимъ чета!*

Окромя того: Въ *Singverein*:

Знаменитая *Missa* Баха H moll: въ одной же чудеса поэзіи и изобрѣтенія.

Предстоятъ еще: а) *Въ театрѣ*:

На будущей недѣлѣ *Альцеста* Глюка — важная вещь. б) *Въ Singverein*: Баха Мотетъ и *Requiem* Керубини!

Дальнѣйшее окажется въ послѣдствіи.

Медленно, но прочно идутъ мои занятія съ Деномъ, все бьемся съ фугами. Я почти убѣжденъ, что можно связать фугу западную съ *условіями нашей музыки узами законнаго брака.*

Извини, что больше не пишу, скажу только, что мнѣ здѣсь хорошо, что не мѣшаетъ, однако, любить по прежнему тѣхъ, которыхъ я любилъ, какъ тебя. Твой неизмѣнный другъ М. Мимоза (48).

Берлинъ. 15/3 Ноября 1856 г.

(48) Это было прозвище, не помню по какому случаю, данное когда-то Глинкѣ. Строки эти, писанныя Глинкой за два съ небольшимъ мѣсяца до кончины, даютъ понятіе о томъ, какъ трудился онъ для искусства и какія сокровища собиралъ онъ для будущей своей дѣятельности, прерванной столь преждевременною кончиною.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ

ПРИВѢТСТВИЕ ОТЪ РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ БАДЕНѢ.

Посланикомъ отъ нашихъ добрыхъ
Русскихъ

Я выбранъ, чтобъ, въ цвѣтахъ благоуханныхъ

Полудня, Вамъ, благословенной Гостьѣ
Ихъ Сѣвера, привѣтъ ихъ передать.

Благодарю соотчичей моихъ
За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ

По сердцу; весело начужъ мнѣ
Предъ дочерью Царя Россіи нашей,

Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
Сказать за нихъ и за себя, что мы

Свою Царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
Любовію, какая согрѣваетъ

Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ

Отечествѣ, и о его Великомъ
Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я

Вамъ, Русская Великая Княгиня,
Встрѣчальный Русскій нашъ привѣтъ.

А самъ
Съ растроганной душою (послѣ долгой

Съ отечествомъ разлуки) Вамъ смотрю
Въ лице, столь мнѣ знакомое, которымъ

Отъ колыбели Вашей до цвѣтущихъ

Лѣтъ милой младости, день за день, я
Такъ любовался. Тамъ въ Царевомъ
домѣ,

Въ Его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
Той Прелести, которая была

Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
Какъ быстро для меня промчались годы!

Но Жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
Перевела меня въ уединенный

Пріютъ семейный, далеко отъ шума
Мірскіаго. И со мною на просторѣ

Тамъ милое *Минувшее* мое,
Въ воспоминаніи дружая съ *Насто-*

лицимъ,
Въ отечество чужбину превращая,

Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,

Здѣсь въ очарованномъ явленіи Ва-
шемъ,

Оно лицемъ къ лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, какимъ

Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ

Здѣсь собранныхъ Царя любящихъ Рус-
скихъ,

И за мою жену съ двумя моими
Дѣтьми. молитву приношу къ Святому

Хранившему Вашъ путь далекій Бо-
гу,
Чтобъ до конца его Онъ сохранилъ,
Чтобъ съ Вашего страдающаго серд-
ца
Отеческой рукой тревоги сгладилъ,
И чтобъ, при радостномъ на Русь
святую
Моемъ возвратѣ, и Царю и Царству
Могъ вѣсть сказать, что Божьей бла-
годатью

Вамъ все то спасено, въ чемъ Ваше сердце
Свои сокровища земныя заключило.

1851 $\frac{1}{13}$ Іюля.

Баденъ-Баденъ.

Стихотвореніе это, доселѣ неизвѣстное въ
Россіи, было напечатано на отдѣльныхъ четы-
рехъ страничкахъ (синими чернилами, съ изо-
браженіемъ лавроваго вѣнча въ заголовкѣ). Эти
четыре печатныя странички были подарены
В. А. Жуковскимъ протоіерею И. И. Базарову,
которому мы обязаны за сообщеніе ихъ въ
Русскій Архивъ. П. Б.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ.

Сѣверо-западная часть Крыма—сторо-
на не веселая. Куда ни взглянешь, всю-
ду степь гладкая, ровная, пыльная; не
на чемъ глазу остановиться, и даже кур-
ганы, которые хотя сколько нибудь раз-
нообразяютъ фізіономію Новороссійскихъ
степеней, здѣсь встрѣчаются весьма рѣдко.

Въ то время, когда мы вступали въ
Крымъ, сторона эта была еще печаль-
нѣе, еще безотраднѣе. Изрѣдка встрѣ-
чавшіеся по пути аулы были оставле-
ны возмущившимися татарами; въ де-
ревняхъ, населенныхъ русскими, мы на-
ходили однѣхъ бабъ и ребятешекъ, да
и тѣ встрѣчали насъ съ какими-то без-
покойными, залуганными лицами. Без-
престанно попадавшіяся команды коза-
ковъ наводили еще большую тоску,
придавая странъ характеръ враждебный
и негостепріимный.

По мѣрѣ приближенія къ Симферопо-
лю, картина военной дѣятельности при-
нимала болѣе широкіе размѣры. Воин-
скія команды встрѣчались чаще, а еще
чаще встрѣчались транспорты съ фу-
ражемъ, продовольственными припасами
и артиллерійскими снарядами. Въ сто-
ронтѣ дороги, по садамъ, бивакировали
войска; дымившіеся костры и разбро-
санныя по этимъ бивуанамъ въ беспор-
ядкѣ палатки придавали всей мѣстно-
сти сходство съ обширнымъ военнымъ
лагеремъ. Нерѣдко встрѣчали мы боль-
шія отары овецъ, отбитыхъ козаками

у возмущившихся татаръ, и партій
рабочихъ, возвращавшихся изъ Се-
вастополя. Послѣдніе насъ крайне ин-
тересовали; но рассказы ихъ о положе-
ніи Севастополя были до такой степе-
ни не вѣроятны, что не удовлетворяли
насъ даже и въ то время, когда вѣрили
всему и все считали возможнымъ и вѣ-
роятнымъ.

Въ Симферополь пришли мы поздно
вечеромъ. Здѣсь я въ первый разъ услы-
шалъ о бомбардировкѣ 5-го Октября и
о смерти Корнилова. На другой день
батарея наша выступила по маршруту
въ Дуванку; но, не доходя до этого селе-
нія, получила приказаніе ночевать въ
Бакчисараѣ. Времени до вечера остава-
лось еще много, и я пошелъ бродить по
городу. Осмотрѣвъ ханскій дворецъ,
такъ много прославленный и такъ час-
то описанный, я купилъ татарской ра-
боты бурку, сафьянныя туфли, яблоковъ
и винограду и отправился домой на
квартиру; болѣе купить было нечего,
кромѣ развѣ баранины—этимъ продук-
томъ Бакчисарай изобиловалъ и изоби-
дуетъ даже болѣе, нежели бурками, ябло-
ками и сафьянными туфлями.

На другой день, т. е. 11-го Октября,
часа въ 4 утра, батарея выступила да-
лѣе и прибыла въ Дуванку въ полдень.
Здѣсь насъ ожидалъ уже унтеръ-офи-
церъ Балаклавскаго греческаго баталь-
она для указанія дороги въ отрядъ ге-

пераль-лейтенанта Липранди, расположенный около Чоргуна.

Переходъ изъ Дуванки въ Чоргунъ былъ и продолжителенъ и труденъ. Насъ повели не дорогами, а какими-то тропинками и ущельями, по которымъ не только артиллерія, но даже пѣхота съ трудомъ могла слѣдовать. Пройдя верстъ 10-ть, мы нагляднымъ образомъ могли замѣтить близость непріятеля, ибо вступили на ту самую дорогу, на которой, послѣ Альмскаго дѣла, была уничтожена половина парка № 8-го. Обломки повозокъ, ядра, осколки гранатъ, разбросанные ранцы и солдатскіе мундиры, все это ясно говорило, что тутъ не задолго до насъ разыгралась одна изъ печально-занимательныхъ сценъ войны. Поздно ночью мы остановились у спуска съ Мекензіевой горы, а въ отрядъ генерала Липранди батарея пришла часа въ два. Ночь была темная, костры въ отрядѣ уже потухали, и всѣ мы были утовлены до крайности. Установивъ кой-какъ артиллерію, я легъ подъ зарядный ящикъ и заснулъ мертвымъ сномъ.

Свѣжесть октябрьской ночи заставила меня рано проснуться, и я, отдохнувъ не болѣе трехъ часовъ, не чувствовалъ однакожъ никакой усталости. При свѣтѣ раннего и яркаго солнца, отрядъ представлялъ картину живописную. Небольшая котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ крутыми горами, въ которой едвали могъ съ удобствомъ размѣститься одинъ пѣхотный полкъ съ батареею артиллеріи, была наполнена войсками до невозможности. На этомъ небольшомъ пространствѣ помѣщались въ то время четыре полка пѣхоты, съ четырьмя батареями артиллеріи, стрѣлковый батальонъ и еще, кажется, одинъ кавалерійскій полкъ. Куда ни взглянешь, вездѣ видны составленные въ козла ружья, орудія, зарядные ящики, лошади и разнообразныя группы солдатъ, спавшихъ у потухшихъ, но еще дымившихся костровъ.

Въ военное время на бивуакахъ просыпаются рано; здѣсь жизнь начинаетъ

ся съ восходомъ солнца. Вскорѣ спавшія группы зашевелились, костры задымались сильнѣе, и проснувшійся отрядъ опять зажилъ своею обычною бивачною жизнью.

Часовъ въ 10 утра пришелъ на бивуакъ отрядный начальникъ генераль Липранди; поздравившись съ войсками и поздравивъ нашу батарею *съ прибытіемъ на квартиры*, онъ обратился къ стрѣлковому батальону, стоявшему позади нашей батареи, съ слѣдующими словами: „Здорово стрѣлки! Завтра намъ, можетъ быть, придется поработать; смотрите жъ — ни одной пули на вѣтеръ!“

Всѣмъ было извѣстно, что около Чоргуна сосредоточиваются войска для начатія наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; но никто не зналъ достоверно, когда именно эти дѣйствія начнутся. Слова генерала Липранди разъяснили загадку, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ знали въ отрядѣ, что завтра будетъ дѣло.

Наступательныя дѣйствія предполагалось начать занятіемъ передовой непріятельской позиціи на Кадыкійскихъ высотахъ, съ тою цѣлью, чтобы, утвердившись на ней, безпокоить непріятеля въ сообщеніяхъ его съ Балаклавою. Впрочемъ цѣль эта, какъ оказалось впоследствии, не совсѣмъ была достигнута, ибо Балаклавская дорога пролегала отъ Кадыкійской позиціи гораздо далѣе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ.

Лишь только въ отрядѣ сдѣлалось извѣстно, что на другой день предполагается дѣло, какъ толпы любопытныхъ съ зрительными трубами, отправились на близъ лежащія высоты для обозрѣнія непріятельской позиціи. Со стороны Чоргуна позиція эта казалась почти неприступною. Четыре довольно большихъ редута были устроены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ, командовавшихъ надъ окружающею мѣстностью. Мелкій кустарникъ покрывалъ всю эту мѣстность и доставлялъ болѣе выгодъ непріятелю нежели намъ, за-

трудная свободное движеніе артиллеріи. Глядя на эту позицію, мы рассчитывали на упорное сопротивление и на большія съ нашей стороны потери. Но слѣдующій день доказалъ противное: сопротивление мы встрѣтили далеко не упорное; потери хотя и были значительны, особенно въ Азовскомъ полку, но далеко не такъ велики, какъ мы ожидали, да и самая позиція на дѣлѣ оказалась вовсе не такъ неприступною. Впрочемъ легкость занятія этой позиціи я отношу къ энергической и предусмотрительной распорядительности генерала Липранди и къ тому, что укрѣпленія защищали не Французы или Англичане, а Турки, съ которыми конечно сладить было гораздо легче. Вообще канунъ каждаго сраженія, особенно на первыхъ порахъ войны, когда еще армія не успѣла свыкнуться съ опасностями, приноситъ много ощущеній, и на этотъ разъ канунъ 13-го Октября не былъ исключеніемъ. Весь день мы провели въ самыхъ оживленныхъ разговорахъ и въ самыхъ разнообразныхъ предположеніяхъ о результатахъ слѣдующаго дня. Всѣ говорили о трудностяхъ, но никто не говорилъ о неудачѣ, не потому, полагаю, что всѣ были увѣрены въ успѣхъ, но потому, что, накануне дѣла, какъ-то неприятно не только говорить, а даже и думать о неудачахъ.

Послѣ полудня погода переменилась; пошелъ небольшой дождь, потянулся туманъ съ горъ, и ясный южный день смѣнился сѣвернымъ, осеннимъ, сумрачнымъ вечеромъ.

Мнѣ хотѣлось провести эту ночь съ большимъ комфортомъ нежели прошлую, и потому я ранѣе другихъ отправился устраивать себѣ постель. Дѣло было очень просто: поднявъ оглобли заряднаго ящика и растянувъ на нихъ молдаванскую попону, я разостлалъ на сырую землю съ поль-пуда сѣна и, такимъ образомъ устроившись довольно удобно, легъ спать, но заснуть не могъ: —мысли одна другой неприятнѣе, какъ на зло, тѣснились въ голову, а между

хш. 07.

тѣмъ мелкій дождикъ все барабанилъ въ мою молдаванскую попону. Что если неудача? думалъ я. Что если, вмѣсто ожидаемаго успѣха, мы будемъ завтра разбиты? Какія страшныя послѣдствія можетъ повлечь за собой это несчастіе? Малочисленная наша Севастопольская армія, разбитая подъ Альмой, теряла бодрость; она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала подкрѣпленій, и вотъ наконецъ подкрѣпленія пришли, пришли съ тѣмъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія; взоры всѣхъ теперь обращены на насъ, всѣ ждутъ отъ насъ подвиговъ,—и что жъ, если мы не выполнимъ этихъ ожиданій, не осуществимъ надеждъ?..

Я всегда былъ такого мнѣнія, что дѣло 13-го Октября не принесло намъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ; —напротивъ, оно принесло даже вредъ въ разсужденіи нашихъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій: ибо съ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала Липранди, нельзя было продолжать наступательныхъ дѣйствій далѣе Кадыкѣйскихъ высотъ; даже, и въ случаѣ успѣха, мы бы должны были остановиться и ждать новыхъ подкрѣпленій, а между тѣмъ обнаруживали преждевременно предъ непріателемъ наши намеренія, указывали слабые пункты и давали ему время укрѣпить эти пункты и исправить свои ошибки (1). Послѣ сраженія на Кадыкѣйскихъ высотахъ, въ арміи ходили слухи, будто бы генералъ Липранди не совѣтовалъ князю Меншикову начинать дѣла 13-го Октября; говорили, будто бы онъ докладывалъ главнокомандующему о необходимости подождать прибытія всего 4-го

(1) Дѣйствительно, непріятельская позиція противъ Кадыкѣйскихъ высотъ на Сапуянь-горѣ до 19-го Октября вовсе не была укрѣплена. На другой день занятія нами этихъ высотъ, мы уже видѣли, что войска начали рыть Сапуянь-гору, а 24-го Октября, во время Инкерманскаго сраженія, означенная позиція непріятеля имѣла уже весьма значительную оборону.

корпуса, и потомъ уже энергически начать наступательныя дѣйствія. Не знаю, дѣйствительно ли это мнѣніе принадлежало генералу Липранди, или это было общее мнѣніе и только приписано ему, въ слѣдствіе очень обыкновеннаго закона все хорошее приписывать людямъ, пользующимся популярностью. И такъ матеріальныхъ выгодъ дѣло генерала Липранди не принесло; но, не смотря на это, оно имѣло громадную важность для всей Крымской арміи и огромное вліяніе на ходъ всей кампаніи. Не то важно, что мы заняли позицію, почти уничтожили въ этотъ день Англійскую кавалерію и отбили 9-ть орудій; но важно то, что успѣхъ 13-го Октября пробудилъ упавшую бодрость арміи, утѣрилъ ее въ возможности сопротивленія и подвинулъ на тѣ труды и лишенія, которые въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ такъ геройски переносили защитники Севастополя. Въ этомъ отношеніи дѣло 13-го Октября такъ важно, что едва ли какое нибудь другое событіе изъ всей Крымской войны, не исключая даже и отраженія штурма, можетъ сравниться съ нимъ.

Но и эта важность не можетъ, кажется, оправдать торопливости князя Меншикова. Не слѣдовало такъ рано начинать наступательныхъ дѣйствій; не было ни причины, ни необходимости съ ничтожными силами, преждевременно, обнаруживать свои намѣренія. Хорошо, что мы 13-го Октября имѣли успѣхъ; но вѣдь могла быть и неудача,—тогда какія бы были послѣдствія этой неудачи? Окончательный упадокъ духа въ арміи, глубокое сознаніе въ своемъ безсиліи и въ превосходствѣ непріятеля и наконецъ твердое убѣжденіе въ невозможности защищаться;—вотъ эти послѣдствія, и конечно всякій согласится, что они весьма достаточны для того, чтобы сдѣлать даже и многочисленную армію неспособною не только къ веденію энергической войны, но даже и къ посильной оборонѣ.

Не то было бы, если бы наступательныя дѣйствія были начаты, когда весь корпусъ сосредоточился въ Крыму. Тогда князь Меншиковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи не одну дивизію, а цѣлый корпусъ свѣжихъ войскъ, могъ бы рѣшительнѣе начать наступательныя дѣйствія; могъ бы не останавливаться въ исполненіи задуманныхъ плановъ и пользоваться всеми ошибками непріятеля, не давая ему времени опомниться и исправить эти ошибки (*).

Часа два лежалъ я подъ заряднымъ ящикомъ, но заснуть не могъ; наконецъ усилившійся дождь, отъ котораго молдавская попона уже не защищала болѣе, заставилъ меня отказаться отъ надежды уснуть спокойно; я всталъ и пошелъ къ ближайшему костру. Здѣсь я увидѣлъ двухъ англичанъ, только что взятыхъ въ плѣнъ въ Байдарской долинѣ козаками. Это были, кажется, или комиссіонеры, или просто маркитанты; но только не изъ военныхъ. Не понимая совершенно по-русски и весьма мало по-французски, они находились въ самомъ плачевномъ положеніи, стараясь всеми силами объяснить, что они прозябли и промокли и что желали бы попробовать русской водки. Съ помощію нѣсколькихъ французскихъ словъ, а болѣе жестовъ, они успѣли наконецъ растолковать свое желаніе,—имъ дали по стакану водки и повели къ генералу Липранди.

— Что это за плѣнные? французы или англичане? спросилъ я стоявшихъ около костра солдатъ.

— Должно быть англичане, ваше благородіе, отвѣтилъ пѣхотный унтеръ-офицеръ. Козачки сейчасъ захватили въ Байдарахъ.

— Да ты почему знаешь, что это англичане, а не французы?

(*) Это не мое личное мнѣніе,—таково было мнѣніе всей арміи послѣ Инкерманскаго сраженія. Вѣрно оно или невѣрно, я не берусь доказывать.

— А какъ же, ваше благородіе: съ французомъ сейчасъ разговорисься— это народъ понятливый; а вотъ съ этими почитай часъ бьешься, а все не въ домѣкъ, чего имъ сердечнымъ хочется.

Было уже часа два ночи. Дождикъ пересталъ, и я, подъ полушопотъ дремавшихъ около костра солдатъ, самъ сладко задремалъ.

Черезъ часъ отрядъ зашевелился; наша была готова, и солдатъ звали къ винной порціи. Я всталъ и пошелъ къ батарейному командиру.

— Что, Н... М..., получена диспозиція?

— Получена.

— Можно посмотреть?

— Можно;— вотъ она.

Я взялъ кругомъ исписанный листъ сѣрой бумаги и съ нетерпѣніемъ началъ читать. По диспозиціи весь отрядъ раздѣлялся на три части. Одна, подъ начальствомъ генер.-маіора Гриббе, должна была занять сел. Комары; другая, подъ начальствомъ генер.-маіора Семякина, должна была атаковать самый главный редутъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи; а третья, не помню подъ чьей командой, составляла боевой резервъ и назначалась для дѣйствія противъ остальныхъ пунктовъ позиціи. Наша батарея ни въ одинъ изъ этихъ отрядовъ не попала;—она, какъ только что пришедшая съ похода, назначена была съ батальономъ украинскаго полка прикрывать вагенбургъ и защищать Чоргунское ущелье.

— Что жъ, Н... М..., сказалъ я, обращаясь къ батарейному командиру, батарея-то наша въ резервъ назначена?

— По диспозиціи-то въ резервъ; да вѣдь Богъ знаетъ какъ пойдетъ дѣло,— можетъ быть и въ первую линію попадешь: заранѣе ни на что нельзя разсчитывать.

— А скоро мы тронемся?

— Часа черезъ полтора, я полагаю; намъ торопиться некуда—пойдемъ послѣ всѣхъ.

Разсвѣтало. Артиллерія запрягала лошадей, солдаты надѣвали аммуницію. Густой туманъ, носившійся въ воздухѣ, не общалъ яснаго дня.

Часовъ въ 6-ть выступила и наша батарея. Не успѣли еще вытянуться мы изъ селенія и занять назначенную батареѣ позицію, какъ услышали въ далекомъ выстрѣлъ,—это непріятель замѣтилъ войска генер. Гриббе, подходившія къ Комарамъ. Минуть черезъ 10-ть раздался другой выстрѣлъ, за нимъ третій, и дѣло началось.

Подробности этого дѣла болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Донесеніе объ немъ князя Меншикова было напечатано во всѣхъ газетахъ и производило всеобщій восторгъ въ тогдашнее тревожное время. Дѣйствительно результаты дѣла были блестящи и въ реляціи генерала Липранди нисколько не преувеличены, какъ это болѣею частію дѣлается всегда и вездѣ, гдѣ только война ведется; но, какъ очевидецъ, я долженъ сказать, что и эта реляція не совсѣмъ непогрѣшима относительно правды подробностей. Я говорю объ отступленіи нашей кавалеріи, конечнымъ результатомъ котораго было совершенное пораженіе Англійской кавалеріи.

Начать съ того, что это отступленіе вовсе не входило ни въ предварительные планы генерала Липранди, ни въ планы командовавшего нашей кавалеріей генерала Халецкаго, а было просто одною изъ тѣхъ военныхъ случайностей, которыя нельзя предусмотрѣть заранѣе, нельзя своевременно предотвратить никакимъ геніемъ и которыя, однакожъ, часто даютъ неожиданный и неотразимый оборотъ сраженію, блестящій или гибельный, смотря по обстоятельствамъ, слагающимся, опять таки болѣею частію случайно, во время самого сраженія.

На самомъ дѣлѣ отступленіе нашей кавалеріи и пораженіе кавалеріи непріятельской вотъ какъ происходило.

Часа въ три по полудни, когда непріятельская позиція на высотахъ была уже сбита, укрѣпленія заняты нашими войсками и всѣ полагали, что сраженіе кончено, вдали, противъ центра нашей позиціи, показались небольшія массы непріятельской кавалеріи. Въ этомъ пунктѣ, по широкой лощинѣ, служащей какъ бы продолженіемъ Чоргунскому ущелью и раздѣляющей на двѣ части высоты лѣваго берега рѣки Черной, расположена была наша кавалерія, — два полка гусаръ и два полка козаковъ, съ двумя, кажется, конными батареями. Лѣвѣе находилось 8-мь орудій 7-й легкой пѣшей батареи съ двумя батальонами Одесскаго полка. Непріятель, встрѣченный нашей артиллеріей, сталъ быстрее подвигаться и, не смотря на картечный и батальонный огонь, смѣло понесся въ карьеръ на нашу кавалерію. Все это случилось такъ неожиданно и такъ быстро, что никто еще не успѣлъ даже достаточно уяснить себѣ, что именно такое совершается въ нашемъ центрѣ, какъ наша кавалерія была уже смята. Гусары первые не выдержали натиска, за ними козаки, и всѣ четыре полка, бросивъ артиллерію, которую прикрывали, начали безпорядочно отступать. Суматоха произошла страшная. Въ пять разъ сильнѣйшая наша кавалерія, смѣшавшись еще болѣе при отступленіи, торопливо и въ безпорядкѣ направлялась къ Чоргуну. За нею по пятамъ, проскакавъ линію нашихъ войскъ, безумно неслась удѣлѣвшая отъ картечнаго и батальоннаго огня Англійская кавалерія. У перевязочнаго пункта всѣ эти безпорядочныя массы остановились, потому что отступать далѣе нельзя было. Украинскій полкъ и наша батарея, прикрывавшіе Чоргунское ущелье, энергически не допускали дальнѣйшаго отступленія. Тутъ все переишло, и суматоха еще болѣе усилилась. На маленькомъ пространствѣ, у самаго входа въ Чоргунское ущелье, гдѣ расположенъ былъ перевязочный пунктъ, тѣснились четыре полка гусаръ

и казаковъ и между ними, какъ рѣдкія пятна, виднѣлись красные мундиры Англичанъ, вѣроятно тоже не менѣ насъ изумленныхъ тѣмъ, что такъ неожиданно случилось.

Но дѣло конечно не могло такъ оставаться. Генераль Липранди, находясь въ это время не подалеку отъ перевязочнаго пункта и вида, что Одесскіе батальоны устояли, успокоился за послѣдствія этой безумной атаки. Не рассчитывая болѣе на растерявшихся гусаръ и козаковъ, онъ немедленно приказалъ находившимся тутъ же въ резервѣ 6-ти эскадронамъ своднаго уланскаго полка Еропкина атаковать англичанъ во флангъ и отрѣзать имъ отступление.

Англичанамъ, казалось, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ положить оружіе, и всѣ этого ожидали; однакожь вышло совсѣмъ не такъ. Атака уланъ почему-то не удалась. Разсказывали въ то время, что будто бы одинъ изъ батальоновъ Одесскаго полка, принявъ уланъ за непріятеля, открылъ по нимъ огонь, въ слѣдствіе чего уланы съ полъ дороги повернули назадъ. Между тѣмъ англичане, замѣтивъ эту неудавшуюся атаку и не опасаясь серьезнаго преслѣдованія со стороны разстроенныхъ гусаръ и козаковъ, рѣшились на то, что исполнить, по видимому, было совершенно невозможно; — они рѣшились прорваться черезъ линію нашихъ войскъ, по той-же самой дорогѣ, по которой наступали и слѣдовательно еще разъ пройди, такъ сказать, сквозь строй картечнаго и батальоннаго огня.

Трудный, почти невозможный, подвигъ предстояло исполнить этой сумашедшей кавалеріи. Потерявъ не менѣ четвертой части еще во время наступленія, она наскоро, кое-какъ, устроила свои порѣдѣвшіе эскадроны и быстро понеслась по прежней дорогѣ, усѣянной теперь убитыми и ранеными и оставляя съ каждымъ шагомъ новыя жертвы. Съ какой-то отвагой отчаянія, неслись на проломъ эти безумныя храбрецы, и ни

одинъ изъ живыхъ, не раненыхъ тяжело, не положилъ оружія.

А гусары и козаки еще долго не могли опомниться. Они были убѣждены, что ихъ преслѣдовала по крайней мѣрѣ вся непріятельская кавалерія и сердито не хотѣли вѣрить, что были смяты ничтожною, сравнительно, горстью смѣльчаковъ.

Когда вся эта суматоха кончилась, козаки первые опомнились, и вѣрные своему характеру, принялись немедленно за сподручное имъ дѣло. Они переловили всѣхъ Англійскихъ лошадей и тотчасъ же открыли торговлю ими. Дорогія, кровныя лошади продавались тогда за три, много за четыре полуимперіала, а можно было купить за два и даже за одинъ. Впрочемъ почти всѣ эти прекрасныя лошади не перенесли

суровостей зимы и пропали; но тѣ, которыя пережили зиму, продавались потомъ за дорогую цѣну, рублей за 300, 400 и даже дороже.

Поздно вечеромъ приказано было нашей батарее занять позицію на высотахъ въ первой линіи. Усталые отъ восьмисотверстнаго форсированнаго марша и утомленные впечатлѣніями только что минувшаго дня, мы и на этотъ разъ не ожидали спокойной ночи. Дѣйствительно, впереди былъ непріятель и непроглядная темь, заряженные картечью орудія и засѣданныя лошади какъ-то непріятно напоминали о недавней безумной атакѣ Англичанъ, а доносившійся изъ-подъ Севастополя гулъ выстрѣловъ внушительно твердилъ объ осторожности.....

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ (*).

Исторія Семилѣтней войны, соч. Шефера. (Geschichte des Siebenjährigen Krieges, v. Schaefer, Berlin. Hertz. Bd. 1). Появился первый томъ этого сочиненія, о которомъ критика отзывается съ большою похвалою. Авторъ воспользовался множествомъ неизданныхъ документовъ изъ русскихъ и прусскихъ архивовъ. Онъ великій почитатель Фридриха II и видимо старается находить оправданія всѣмъ его дѣйствіямъ во время Семилѣтней войны.

(*) Въ «Книжныхъ Вѣстяхъ», помѣщенныхъ въ прошломъ 1868 году, вкралась описка. На стр. 321. VII сказано: «другому французскому ученому Г. Лескюру посчастливилось найти въ Импер. Публич. библиотекѣ драгоценныя матеріалы для исторіи Маріи Антуанеты и французскаго двора при Людовикѣ XVI». Это—неверно. Обозрѣватель введенъ былъ въ ошибку заглавіемъ сочиненія: Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville de 1770 à 1792 publiée par M. De Lescure. 1864.

Французскому ученому принадлежатъ только введеніе, очень ничтожныя замѣчанія и указатель въ концѣ 2-го тома. Самая переписка рукописи, составившая большой трудъ, изданіе

Обзоръ управленія Польской республики, соч. г. Гюппе. (Verfassung der Republik Polen. Berlin. Schneider. 1868). Авторъ предпринялъ это изслѣдованіе о конституціи Польской республики, съ цѣлью предупредить своихъ соотечественниковъ

и полный указатель принадлежатъ дѣятельности русскаго ученаго, бывшаго профессора Политич. Экономіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ В. С. Порошина.

На стр. III своего предисловія г. Лескюрь такъ выражается: Un ancien professeur de l'université de St.-Petersbourg, M. V. de Porochine, se voua, dans l'intérêt de l'histoire, à la tâche laborieuse de la copie du volumineux manuscrit, et voulut bien ensuite nous confier la mission de la préparer pour l'impression, c'est à dire de l'annoter, et de la présenter au public. C'est à lui que nous devons également les renseignements bibliographiques qui vont suivre, et où sa part d'informations est indiquée par le signe de la citation.

Къ этому я могу добавить только, что В. С., въ свой пріездъ въ Россію въ 1864 году, посѣщавъ Публичную бібліотеку и собственноручно списавъ эти случайно доставшіяся Россіи, но дѣйствительно драгоценныя извѣстія о придворной и общественной жизни французовъ въ самый разгаръ страстей и политическихъ стремленій революціоннаго періода. В. Ведровъ.

ственниковъ противу политическихъ ошибокъ, коихъ извѣстнымъ образцемъ служить польское правленіе: ошибки эти состоятъ въ томъ, что интересы и силы государства легкомысленно приносятся въ жертву интересу и свободѣ отдѣльнаго гражданина, коимъ дается несоразмѣрное преобладаніе надъ государствомъ. Обращая на этотъ предметъ все свое вниманіе и излагая ясно и послѣдовательно выводы свои изъ множества мелкихъ явленій государственной жизни польскаго народа, авторъ объясняетъ паденіе Польши исключительно недостатками ея правленія и мало обращаетъ вниманія на другія существенныя причины политическихъ бѣдствій, постигнувшихъ Польшу—на недостатокъ военной организаціи, отсутствіе средняго сословія, пренебреженіе къ массѣ народной, невѣжество массы, религиозныя раздоры и несчастное положеніе между сосѣдей.

Воспоминанія съ 1803 по 1837 годъ. Амелии Мюррей. (Recollections from 1803 to 1837, with a Conclusion in 1868. By the Hon. Amelia Murray. London. 1868. Longmans et Co). Эти воспоминанія старой фрейлины Великобританскаго двора содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о придворныхъ обычаяхъ описываемой эпохи и анекдотовъ, относящихся къ современнымъ политическимъ событіямъ. Въ разсказахъ автора встрѣчаются имена русскихъ царственныхъ особъ; особенно любопытны подробности о пребываніи въ Лондонѣ великой княгини Екатерины Павловны, разсказъ о томъ, какъ, при ея содѣйствіи, разстроился предполагавшійся бракъ принцессы Шарлотты съ принцемъ Оранскимъ (впослѣдствіи супругомъ Великой Княжны Анны Павловны); разсказъ о крещеніи нынѣшней Англійской королевы. Изъ этого разсказа видно, что воспріимникомъ ея былъ Русскій императоръ, и по волѣ Принца-Регента дано было ей имя Александра, совсѣмъ неупотребительное въ Англии. Это имя считалось главнымъ, и прин-

цесса, только по восшествіи своемъ на престолъ, пожелала замѣнить это имя вторымъ своимъ именемъ Викторію.

Выдержки изъ дневника и переписки княгини Голицыной (Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel der Fürstin von Gallitzin. 1868. Stuttgart). Русское имя, помѣщенное въ этомъ заглавіи, можетъ привлечь русскаго читателя, но въ книгѣ нѣтъ для него интереса. Вся она наполнена отрывками изъ дневника и переписки, по большей части мистическаго содержания, съ Германскими учеными и литераторами послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Въ книгѣ есть портретъ кн. Голицыной; но нѣтъ ни предисловія, ни примѣчаній, изъ коихъ можно было бы узнать, кто такая была княгиня Голицына. За этими свѣдѣніями надлежитъ обратиться къ ея біографіи, изданной лѣтъ десять тому назадъ также на нѣмецкомъ языкѣ. Отсюда можно узнать, что кн. Голицына была по происхожденію нѣмка фонъ Шметау, въ замужествѣ за кн. Д. А. Голицынымъ Русскимъ посланникомъ въ Голландіи, и славилась своимъ bel esprit.

*

Вышли слѣдующіе (23-й и 24-й) томы издаваемой французскимъ правительствомъ Корреспонденціи Наполеона I (Correspondance de L'Empereur Napoléon I). 23-й томъ содержитъ въ себѣ переписку о распоряженіяхъ и приготовленіяхъ къ походу въ Россію. Въ 24-мъ читатель можетъ прослѣдить по документамъ исторію обманутой надежды завоевателя; письма и записки Наполеона изъ Россіи показываютъ, какъ заботливо старался онъ скрыть отъ своихъ подданныхъ во Франціи бѣдствія французской арміи послѣ пожара и оставленія Москвы. Одна изъ интересныхъ записочекъ Наполеона—записочка его изъ Витебска къ бібліотекарю Барбье съ приказаніемъ прислать немедленно какихъ нибудь книгъ для занимательнаго чтенія: „Мнѣ здѣсь

дѣлать нечего—пишетъ императоръ—множество времени, котораго дѣвать некуда“. Черезъ три недѣли послѣ того какъ эти строки были написаны, императоръ не зналъ, куда дѣваться отъ мучительныхъ заботъ о спасеніи.

Вокругъ Кремля или картины жизни въ Москвѣ, соч. Лоуса (Around the Kremlin, or Pictures of Life in Moscow, by Lowth. Lond. 1868. Hurft and Blackett). Описание Москвы, изданное въ Лондонѣ подъ этимъ заглавіемъ, принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ книгъ о Москвѣ, писанныхъ иностранцами. Авторъ, г. Лоусъ, извѣстный уже въ литературѣ описаніемъ Аравіи, и знатокъ восточной жизни и природы, плѣнился, какъ видно, Москвою и описываетъ ее съ любовью и съ талантомъ. Съ Воробьевыхъ горъ рисуетъ онъ читателю общій видъ города, который, по мнѣнію автора, представляетъ оригинальное сочетание таинственной поэзіи Востока съ практическою энергіей Европейскаго міра; въ самой Москвѣ онъ описываетъ подробно Кремль, Китай-Городъ, улицы и бульвары, монастыри, больницы, рынки, фабрики и пр., останавливаясь на чертахъ и явленіяхъ общественнаго быта, которые наиболѣе поражаютъ его. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ перемены въ бытѣ русскаго общества, которыя произошли вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, и приводитъ нерѣдко свои бесѣды объ этомъ предметѣ съ русскими своими знакомыми. Книга г. Лоуса читается въ Англіи съ большимъ интересомъ.

Очерки обрядовъ и обычаевъ Греко-руссійской церкви, соч. г-жи Романовой (Sketches of the Rites and Customs of the greco-russian Church, by H. C. Romanoff. With Introduction by the author of „The Heir of Redclyffe“. London, 1868. Livingstons). Авторъ этой книги—Англичанка по рожденію, сдѣлалась Русскою по браку съ Русскимъ и, полюбивъ, какъ видно, новое свое отечество, пожелала ближе познакомиться

съ нимъ англійскую публику. Проживъ довольно долгое время въ одной изъ сѣверныхъ русскихъ губерній (на Воткинскомъ заводѣ, Вятской губ.) г-жа Романова имѣла случай близко познакомиться съ народнымъ бытомъ и поняла по видимому вполне, какъ неразрывно связанъ народный характеръ и домашній бытъ въ Россіи съ церковью, ея вѣрованіями и обрядами. Какъ нельзя болѣе вѣрна и удачна мысль ея—показывать иностранцамъ Русскій народъ въ религиозной и церковной его жизни, и она исполнила свою задачу успѣшно, потому что книга ея, съ предисловіемъ извѣстной писательницы г-жи Йонгъ,—встрѣчена единодушною похвалою англійской критики. Сочиненіе г-жи Романовой представляетъ рядъ очерковъ и разсказовъ, въ которыхъ очень живо и наглядно для иностранца, весьма хорошимъ литературнымъ языкомъ, описаны обряды Русской церкви; но цѣль автора была двойная: съ одной стороны—разяснить для иностранца эти обряды, рѣдко понимаемые за-границей, въ церковномъ ихъ значеніи; съ другой стороны—представить въ связи съ этими обрядами, живую картину домашняго быта въ среднемъ сословіи и въ духовенствѣ. Такъ, въ первомъ разсказѣ, подъ названіемъ: Roman the Reader (дьячокъ Романъ) описана извѣстная у насъ всякому, но для иностранца совсѣмъ чуждая и новая обстановка быта, въ которой вырастаютъ, женятся и получаютъ мѣста сыновья священно и церковно-служителей въ Россіи. Англичане съ особеннымъ интересомъ читаютъ подробное и живое описаніе обрядовъ крещенія въ Русской церкви, помѣщенное въ книгѣ г-жи Романовой. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга принадлежитъ къ числу лучшихъ описаній русскаго быта, изданныхъ за-границею. Объясненія принадлежностей богослуженія заимствованы авторомъ изъ книги священника Михайловскаго и изъ Новой Скрижали о. Веніамина.

Все сочиненіе состоитъ изъ разсказовъ, къ которымъ приурочены—такъ сказать въ лицахъ—предметы богослуженія. Вотъ содержаніе книги: 1) Романъ-дьячокъ (рѣчь идетъ объ обрядахъ крещенія, муропомазанія и освященія церкви). 3) Посвященіе. 4) Вѣнчаніе. 5) Елеосвященіе, похороны и поминовеніе умершихъ. 6) Церковный звонъ и освященіе колокола. 7) Молебствіе въ память 4 Апрѣля. 8) Муропомазаніе присоединяемыхъ (здѣсь описанъ обрядъ муропомазанія Высоконарѣченной Невѣсты Государа Наслѣдника, Маріи Дагмаръ). 9) Церковный обрядъ усыновленія. 10) Поѣздка архіерея по эпархїи и посѣщеніе церквей.

Черты общественнаго развитія въ прибалтійскомъ краѣ и въ Россіи за два столѣтія, соч. Экарта. (Baltische und Russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten v. Julius Eckardt. Leipzig. 1869). Книга состоитъ изъ ряда статей въ двухъ отдѣленіяхъ: одно касается исключительно прибалтійскаго края, и его отношеній къ Имперіи и Западной Европѣ; другое относится исключительно до Великой Россіи. Первая статья перваго отдѣленія озаглавлена *Пьемцеко-Русскія Остзейскія провинціи*, и содержитъ въ себѣ отвѣтъ автора Кильскому профессору Трейтшке, автору сочиненія объ Орденскихъ прусскихъ земляхъ. Въ этомъ сочиненіи Трейтшке, проводя параллель между рыцарскою политикою въ Пруссіи и въ прибалтійскомъ краѣ, доказывалъ, что послѣдняя не исполнила своей исторической задачи, оставшись въ разобщеніи съ угнетеннымъ туземнымъ племенемъ, надъ которымъ господствовали рыцари, насильственно удерживая феодальное устройство; тогда какъ въ Пруссіи, германскіе владѣльцы успѣли благоразумною политикою приобщить къ себѣ и овладѣть туземное племя. Это мнѣніе опровергаетъ Экартъ. Вторая статья: *Изъ исторіи города Дерпта*. Третья, и весьма интересная: *Выходцы изъ Балтійскаго края и съ Балтійскій крѣп.,* интересна

особенно потому, что въ ней говорится о многочисленныхъ выходцахъ изъ Балтійскаго края, поступившихъ въ русскую службу съ 16-го по 19-е столѣтіе, объ ученыхъ, переселившихся въ Россію, о переселеніяхъ Латышей и Эстонцевъ. Въ четвертой статьѣ описано путешествіе ученаго Бернулли по Лифляндіи и Курляндіи въ 1771 г. Изъ послѣдующихъ статей замѣчательны біографическія статьи объ уроженцахъ Балтійскаго края, одна—о героѣ Семилѣтней войны, Австрійскомъ фельдмаршалѣ Лаудонѣ, другая—о скончавшемся въ 1868 году Альбертѣ Голландерѣ, извѣстномъ педагогѣ и директорѣ воспитательнаго заведенія въ Биркенруѣ.

Статьи втораго отдѣленія относятся къ вопросамъ, въ недавнее время поднятымъ въ Русской жизни и литературѣ. Первая статья—о Волынскомъ, составлена по сочиненію г. Шишкина; вторая—о княжнѣ Таракановой; третья—о православной церкви и расколѣ, вызвана извѣстною книгою о русскомъ черномъ и бѣломъ духовенствѣ (Лейпцигъ 1866) и статьями Русскаго Вѣстника о расколѣ. Четвертая, объ общинномъ владѣніи въ Россіи, писана по поводу прежнихъ и новыхъ сочиненій Гакстгаузена, но авторъ не согласенъ съ его идеями и относится критически и подозрительно къ общинному владѣнію и крестьянскому надѣлу. Пятая статья—о Тургеневѣ и его сочиненіяхъ. Шестая статья—имѣетъ предметомъ жизнь польскаго шляхтича Варооломея Михайловскаго, по Запискамъ его, недавно изданнымъ Ржевускимъ.

Другое сочиненіе того же Экарта о томъ же предметѣ вышло въ 1868 году подъ заглавіемъ: „Балтійскія провинціи Россіи—политическіе и историческіе очерки“ (Die baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig. 1868. 483 стр.) Содержаніе книги слѣдующее:

- 1) Земля и жители Остзейскаго края.
- 2) Морицъ Саксонскій въ Митавѣ—разсказъ о неудачной претензіи Морица

на Курляндское герцогство. 3) 1765 годъ; здѣсь описано проявленіе новыхъ философскихъ идей 18-го вѣка въ Балтійскомъ краѣ; по этому поводу авторъ представляетъ замѣчательную характеристику нѣкоторыхъ дѣятелей, именно: Гавріила Меркеля, маркиза Паулуччи, живописца Грасса, актера и писателя Громана, публициста Яхнака и тайнаго совѣтника Фитингофа. 4) *Польская Лифляндія*; въ этой главѣ авторъ, вообще пристрастный къ германской цивилизаціи, старается показать, что вездѣ гдѣ она была подавлена или переродилась въ своихъ началахъ, послѣдствія бываютъ бѣдственныя. Это убѣжденіе свое онъ доказываетъ примѣромъ и характеристикомъ извѣстнаго въ русской литературѣ—Ф. Ф. Вигеля. 5) Въ слѣдующей главѣ „Изъ нашего времени“ описывается вліяніе Дерптскаго университета на общественное образованіе въ Балтійскихъ губерніяхъ. 6-я глава содержитъ очерки домашней жизни въ Лифляндіи; въ 7-й помѣщена біографія и характеристика двор. предводителя Фельккерзама; въ 8-й главѣ описываются событія 1835 и 1836 годовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

*

Путешествія и приключенія въ территоріи Аляскѣ, бывшей Русской Америкѣ, и въ разныхъ частяхъ сѣвернаго берега Тихаго океана соч. Фредерика Уимпера (*Travel and Adventures in the territory Alaska, formerly Russian America and in the various Parts of the North Pacific. With Map and Illustrations, by Wimper. London. 1868. Murgray*). Г. Уимперъ, въ качествѣ рисовальщика, состоялъ въ числѣ членовъ экспедиціи, отправленной въ 1865 году компаніей союзнаго американскаго телеграфа для розысканій по берегамъ Тихаго океана. Розысканія эти, на пространствѣ 6000 миль, производились для предполагаемаго проведенія большой телеграфной линіи между старымъ и новымъ свѣтомъ. Розысканія эти, стоившія до 3 милліоновъ

долларовъ, не привели къ желанной цѣли и были оставлены въ 1867 году. Въ теченіе этой экспедиціи г. Уимперъ совершилъ поѣздку по Камчаткѣ, по Восточной Сибири и по Русскимъ сѣверо-американскимъ колоніямъ. Изданное имъ описаніе поѣздки по всѣмъ этимъ мѣстностямъ живо написано, и наполнено подробностями о нравахъ и обычаяхъ мѣстнаго населенія. Съ особеннымъ интересомъ авторъ присматривался къ Русской Америкѣ, которую почитаетъ выгоднымъ приобретеніемъ для своего отечества. Къ книгѣ приложено много прекрасно исполненныхъ рисунковъ.

*

Востокъ, Черное море и Дунай, соч. Артура Арнольда (*From Levant the Black Sea and the Danube, by Arth. Arnold. 2 vls. London. 1868. Chapinan and Hall*). Для русскихъ читателей въ этой книгѣ замѣчательно описаніе Севастополя въ нынѣшнемъ видѣ его разрушенія, съ рассказомъ объ осадѣ, въ которой самъ авторъ принималъ участіе.

*

Англичане, всесвѣтныя туристы, давно жаловались, что не имѣютъ хорошаго путевода по Россіи, которая въ послѣдніе годы стала привлекать къ себѣ больше и больше любопытныхъ изъ Западной Европы. Англійскіе указатели, статистическіе и тому подобныя сборники отличались особенною неточностію показаній и невѣжествомъ во всемъ, что относилось до Россіи. Даже въ изданіяхъ, славящихся точностью, можно было встрѣтить грубѣйшія ошибки, когда доходило дѣло до Россіи. Такъ напр. въ классическомъ указателѣ желѣзныхъ дорогъ Брадшау до сихъ поръ путь на Москву показанъ такъ: желѣзная дорога отъ Берлина до Варшавы, отсюда дилижансы до Смоленска и до Москвы; а въ статистикѣ Русскаго населенія означено 6 сословій: 1) дворяне, 2) духовные, 3) граждане, 4) крестьяне,

5) крѣпостные и 6) рабы. Въ 1849 г. появился въ Лондонѣ первый, плохой и неполный путеводитель Мюррея. Но три года тому назадъ туристы утѣшены были появленіемъ обстоятельнаго путеводителя, составленнаго г. Мичелемъ. Въ нынѣшнемъ году появилось второе изданіе этой книги (*Handbook for Travelers in Russia, Poland and Finland. Lond. J. Murray*), значительно исправленное и дополненное. Между тѣмъ первое изданіе книги Мичеля доставило главнѣйшій матеріалъ для французскаго путеводителя, изданнаго въ прошломъ году въ Петербургѣ г. Бастеномъ (*Bastin*).

*

Въ 1868 году вышло 2 новыхъ выпуска (9 и 10) извѣстныхъ разсужденій Шедо-Ферротти *О будущности Россіи*. (*Etudes sur l'avenir de la Russie. Berlin. 1868*). Въ десятомъ выпускѣ авторъ разсуждаетъ *О нигилизмѣ въ Россіи*; десятый носитъ заглавіе: *Le Patrimoine du peuple* (народное достояніе), и содержитъ въ себѣ разсужденіе объ общинномъ владѣніи, къ которому г. Шедо-Ферротти относится критически и подозрительно, опровергая его защитниковъ.

*

Изданы за границею переводы Русскихъ сочиненій: *Obtomow*, von Gontscharow, übers. v. Horsky. Leipz. 2 Bände. *Petersburger Enthüllungen* (Петербургскія трущобы, Крестовскаго) Berlin. 4 Bände.

Pouchkine. Eugène Onéguine, traduit du Russe par Paul Béesau. Paris. Libr. Franck. 1868. Переводъ сдѣланъ прозою и *вольно*, какъ всѣ французскіе переводы.

Ratch. La guerre polonoise dans la Russie occidentale. Matériaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863. Trad. du russe par le C-te Jarowsky et L. Hernouche-Sbroiewsky. Paris chez Maillat.

*

Въ 6-мъ выпускѣ Лейпцигскаго изданія: *Hausschatz der Länder und Völker-*

kunde, помѣщены описанія великорусскаго и малороссійскаго быта, именно: *Кѡля* о церкви и правахъ въ Россіи; *Гакстаузена и Кастрена* о старовѣрахъ; *Аксакова* о купцахъ и торговлѣ; *Марме* Петербургъ и Нева; *Блазіуса* Кремль Московскій и Кіевъ; *Бульмеринка* Нижегородская ярмарка; *Базинера* рынокъ въ Оренбургѣ; *Петцольда* Прикаспійская степь; *Вагнера* воды Кавказа; *Гаустена* Чудеса природы въ Ширванѣ; *Коха и Ванера* Донскіе казаки; *Кѡля* Черноморская степь и соляные промыслы; *Гамма* саранча; *Коха* Одесса; *Миллера и Гакстаузена* Кіевскія пещеры.

*

Melgunoff G. Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres oder die Nordprovinzen Persiens. Leipzig Voss. 1868. Книга эта заключаетъ въ себѣ нѣмецкій переводъ статей: „Замѣчанія о южномъ берегу Каспійскаго моря“, напечатанныхъ въ 1863 году въ Петербургѣ на счетъ Академіи наукъ, и прибавленій къ симъ статьямъ, помѣщенныхъ въ XXXII отчетѣ о Демидовскихъ преміяхъ. Путешествіе г. Мельгунова было въ 1860 г.

*

Г. Петцольдъ издалъ второй томъ своего большаго сочиненія о Кавказѣ и его обитателяхъ (*Der Kaukasus*). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ этнографическія свѣдѣнія о племенахъ, населяющихъ Кавказскій край и статьи объ условіяхъ и о состояніи сельскаго хозяйства на Кавказѣ.

*

Въ Вѣнѣ предпринято Беромъ и Гоцгерромъ изданіе подъ заглавіемъ: *Успѣхи по учебной части въ образованныхъ странахъ Европы* (*Beer und Hohegger — Die Fortschritte des Unterrichts wesens in den Culturstaaten Europas*). Недавно вышедшій второй томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ исторію и описаніе нынѣшняго состоянія учебной части въ Россіи.

*

Появилось нѣсколько романовъ, коихъ содержаніе взято изъ русской жизни. Въ Лейпцигѣ изданъ романъ въ 4 частяхъ подъ названіемъ: *Дочь крѣпостнаго* (*Die Tochter des Leibeigenen. Roman mit Anlehnung an die nationalen und sozialen Verhältnisse Russlands und Polens, v. Alfred Steffens*).

*

Сетерландъ Эдуардъ, уже извѣстный въ англійской литературѣ своими сочиненіями о Россіи, издалъ новый романъ изъ Русской жизни, подъ названіемъ: *Губернаторская дочь* (*The Governor's Daughter, by Sutherland Edwards. 2 vols. Lond. Tinsley*). Авторъ жилъ въ Польшѣ во время послѣдняго мятежа, бывалъ не разъ и въ Россіи. Содержаніе послѣдняго его романа взято изъ эпохи польскаго мятежа, а интригу составляетъ любовь Русской, дочери генерала и губернатора въ польскомъ краѣ, къ Поляку, графу Копрадну. Авторъ впрочемъ далеко не фанатикъ польскаго дѣла и смотритъ на него, какъ на дѣло проигранное и рѣшенное исторіей безвозвратно.

*

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (въ настоящее время житель Москвы), г. Ѡ. Вешняковъ, года два тому назадъ, началъ издавать въ Парижѣ выпусками сочиненіе подъ слѣдующимъ, нѣсколько изысканнымъ, заглавіемъ: *De l'économie de travaux scientifiques et esthétiques* par Théodore Wechniakoff. Paris. Victor Masson (Объ экономіи ученыхъ и эстетическихъ работъ). Въ этомъ сочиненіи авторъ изслѣдуетъ вліяніе напряженной умственной дѣятельности на нервную систему. Недавно вышедшій второй выпускъ (или fascicule, какъ выражается авторъ) содержитъ въ себѣ выводы, относящіеся къ философской дѣятельности. Авторъ доказываетъ, что умственная дѣятельность этого рода особенно разрушительна для жизненной

силы. Онъ подкрѣпляетъ свои выводы статистическими данными, вычисляя, что въ 27 случаяхъ 14 философовъ умерли, не достигнувъ 60-лѣтняго возраста, а изъ остальныхъ 13 только двое достигли 66-лѣтняго возраста. Авторъ доказываетъ еще, что въ философской дѣятельности полнота умственныхъ силъ и напряженія сохраняется лишь въ теченіе весьма короткаго періода.

*

Одинъ изъ Русскихъ, проживающихъ за-границею, г. Глинка (имя уже не въ первый разъ появляющееся во французской литературѣ) издалъ во Парижѣ сочиненіе (*La science de la société humaine par Dimitry de Glinka. Paris. Hachette*). Въ этой книгѣ авторъ предположилъ изслѣдовать законы общественнаго устройства съ метафизической точки зрѣнія: основная мысль автора утверждается на идеальномъ различіи права и свободы. Право, по мнѣнію его, есть отрпчаніе свободы; все общественное устройство зависитъ отъ борьбы между идеями права и свободы въ обществѣ: установить равновѣсіе между правомъ и свободою — существенная загадка законодателя. Мысли эти не новыя, и авторъ выражаетъ ихъ въ отвлеченномъ разсужденіи, не соображаясь съ практическими данными.

*

Въ *Revue positive*, издающемся въ Парижѣ, появляются статьи самого редактора, г. Вырубова и г. Петра Боборыкина, по предметамъ философіи и новой общественной науки или *соціологіи*, которой посвященъ журналъ. Петръ Боборыкинъ, кромѣ участія своего во французскомъ журналѣ, пишетъ и по-англійски. Въ изъ которыхъ книжкахъ Англійскаго журнала: *Fortnightly Review* (Двухнедѣльное обозрѣніе) напечатана статья его „О нигилизмѣ въ Россіи.“

Въ послѣднее время критика иностранныхъ журналовъ и газетъ стала обращать особенное вниманіе на русскую литературу. Часто появляются статьи о новыхъ книгахъ выходящихъ въ Россіи; нѣкоторыя изданія (какъ напр. Athenaeum въ Лондонѣ) завели постоянныхъ корреспондентовъ, сообщающихъ извѣстія (не всегда удачныя) о текущей литературѣ въ Россіи. Изъ числа статей этого рода, появившихся въ 1868 году, къ лучшимъ принадлежатъ: статьи Ральстона о Крыловѣ и его басняхъ (The Russian Fabulist) помѣщенные въ журналъ Good Words и потомъ отпечатанныя отдѣльною книгой, и статья о сочиненіяхъ Остров-

скаго (The Modern Russian Drama) въ Юльской книжкѣ Единбургскаго Обозрѣнія. Авторъ послѣдней статьи заканчиваетъ ее такими словами: „Главное достоинство русской драмы состоитъ вовсе не въ искусствѣ интриги. Въ русской драмѣ дѣйствіе развивается съ простотою, которая напоминаетъ читателю первобытныя эпохи искусства, и похожа на простоту, встречаемую въ драматическихъ произведеніяхъ Индіи или Китая. Въ картинахъ, которыя рисуетъ художникъ, весьма мало композиціи, и онѣ слѣдуютъ одна за другою на подобіе панорамы. Но русская драма любопытна въ особенности какъ изображеніе русскаго домашняго быта.“

О НѢКОТОРЫХЪ ПРИОБРѢТЕНІЯХЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

въ 1868 году.

ВЪ ТЕЧЕНІИ ПРОШЛАГО 1868 ГОДА ПОСТУПИЛИ ВЪ ЧЕРТКОВСКУЮ БИБЛИОТЕКУ КНИЖНЫЯ И РУКОПИСНЫЯ ПРИНОШЕНІЯ ОТЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ ЛИЦЪ, КОИМЪ ЗДѢСЬ ИЗЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ:

Отъ **М. А. Бибикова**. Полные переплетенные экземпляры недоставшихъ у насъ Московскихъ Вѣдомостей, Русскаго Инвалида и Сѣверной Почты 1833—1838 годовъ, всего 17 томовъ.

Отъ него же портретъ масляными красками **П. Я. Чаадаева**.

Отъ графини **А. Д. Блудовой**. Три портрета къ сочиненію **Е. П. Ковалевскаго**: „Графъ Блудовъ и его время“, и не пущенная въ продажу брошюра: „Мысли и замѣчанія гр. Д. Н. Блудова“, Спб. 1866.

Отъ генераль-маіора **Муханла Лукьяновича Джоліо**. Аттестатъ выданный въ 1779 году изъ Общества Благородныхъ Дѣвицъ (Смольнаго монастыря).

Отъ **Михаила Михайловича Евреинова**. Современная гравюра, изображающая засѣданіе Вѣнскаго Конгресса съ картинны Изабе; отъ него же два рисунка перомъ, изображающіе Петра Великаго и импер. Елизавету Петровну въ младенчествѣ.

Отъ **Егора Васил. Кокорева**. Литографированный портретъ императора Константина Павловича.

Отъ **А. А. Майкова**. Двѣ рукописныя книги неизданнаго сочиненія **П. П. Свиньина**: „Исторія Петра Великаго“.

Отъ **Ивана Ильича Маслова**. Двѣ переплетенныя рукописныя книги, содержащія въ себѣ хозяйственныя и другія записки **И. А. Заборовскаго**, извѣстнаго Екатерининскаго генерала.

(Дочь Заборовскаго была за г. Дуровымъ, на дочери Дуровыхъ былъ женатъ И. Н. Скобелевъ, въ семействѣ котораго и сохранились эти записки).

Отъ **Е. П. Пациентова**. Рукопись въ листъ, конца XVIII вѣка: „Трагедія Борисъ Годуновъ или наказанная страсть безмѣрнаго честолюбія въ четырехъ дѣйствіяхъ“, въ стихахъ, посвященная Голутвинскимъ архимандритомъ и ректоромъ Семинаріи Варлаамомъ неизвѣстному учерею.

Рукописи и книги полученныя отъ **П. П. Некарскаго** въ обмѣнъ на наши дублеты:

1. Проблемата, сирѣчь гананія, или сопрошенія различная отъ книгъ философа Аристотеля и иныхъ мудрыхъ, якоже естественныя, такожде и врачевскія хитрости о свойствѣ и расположеніи членовъ человѣческихъ и иныхъ животныхъ со прилежаніемъ собранная и на три части раздѣленная, къ поощренію разума человѣческаго зѣло потребная. Въ Краковѣ у Станислава Сранфербергера (читай: Шафенбергера), 1567. Въ 4^о.

2. Географія и синопсисъ. Списаны около 1730 г.; на переплетѣ вытиснены двуглавые орлы съ Андреевскими крестами на груди. Въ 4^о.

3. О рожденіи и воспитаніи Петра Великаго. Извѣстная рукопись, сочиненіе которой приписывается то Зотову, то Крекшину. Въ 4^о.

4. Книга, глаголемая Зерцало Богословія, списана съ соч. Транквилона. Въ началѣ и концѣ есть русскія приписки латинскими буквами и записка Богдана Даниловича (?). Въ 4^о.

5. Сборникъ съ статьями: а) опричненіи церкви великороссійской съ церковью римской; б) чинъ и обычаи служенія обѣдни папешскія, и с) краткое сказаніе и описаніе о градѣ Римѣ и всей Италіи.

6. Не напечатанныя письма къ Михаилу Даниловичу Де-Ла-Рю: отъ

А. С. Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и И. И. Дмитріева.

7. Письма къ профессору Дмитрію Ивановичу Мейеру отъ Т. Н. Грановскаго, Ѳ. Л. Морошкина и др.

8. Разные автографы современныхъ писателей.

9. Нѣмецкіе печатные стихи на бракъ Лестока, 1747 г.

10. *Urania vaticinaten*, кантата, пѣтая на праздникъ велик. кн. Петра Ѳедоровича, 1737.

11. Рукопись актера Носова о Русскомъ театрѣ.

Отъ **С. Д. Полторацкаго**: трудно-находимый въ продажѣ полный экземпляръ извѣстнаго сочиненія Керара: *Supercheries littéraires*. Paris 1847—1860. 8^о. 3 томовъ.

Отъ **С. А. Райковскаго**. Рѣдкая книга: „Карманный Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка, издаваемый Николаемъ Кириловымъ“. Спб. 1843 и 1846. 16^о. 2 выпуска (до слова *орденъ*). 2-й выпускъ посвященъ Великому Князю Михаилу Павловичу. Книга цензурована А. Крыловымъ.

Отъ доктора **Сергѣева** 12 масонскихъ сочиненій, напечатанныхъ въ первой четверти нашего столѣтія.

Отъ г. уѣзднаго стряпчаго города Черни Тульск. губ., по предписанію министерства юстиціи отъ 2 Іюля 1868, за № 10439-мъ, С.-петерб. Сенат. Вѣдомости старыхъ годовъ, всего 21 годъ, принадлежавшихъ упраздненной Чернской городской Ратушѣ.

Отъ **Владимира Дмитріевича Яковлева**. Синопсисъ. 1746. Спб. изданіе не имѣвшееся въ нашемъ собраніи Синопсисовъ.

Отъ него же Артиллерія Морская. Рукопись прошлаго вѣка, со многими, прекрасно исполненными

чертежами. Принадлежала „лейбъ-гвардіи преображенскаго полка солдату Николаю Алексѣеву сыну Ермолову“.

Отъ него же патентъ на пергаментъ Петру Семикову на чинъ полковника. Подписанъ Екатериною II, 29 Дек. 1763, въ Спб.

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ Русскаго Архива 1868 года полный Алфавитный Указатель всѣхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этомъ изданіи. Собранные въ одну книгу экземпляры Русскаго Архива 1868 года поступили въ продажу (6 р. съ перес.)

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

- I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.
- II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія: 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
- III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).
- IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
- V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Θ. Шугурова*.
- VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.
- VII. Изъ Записокъ *графа Е. Θ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
- VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга во Францію о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
- IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.
- X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.
- XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генераль-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешинскимъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Курдиловѣ. 6) О баронѣ фонѣ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукербекерѣ.
- XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
- XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.
- XIV. Пензурвая вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.
- XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской библиотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Въмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г. — 10 р. и съ пересылкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

И

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.; вторая по 3 р. 50 к. съ пер. 4 рубля.

Лица, выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р., а также и тѣ, кои получили обѣ книги **Осмнадцатаго Вѣка**, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослатъ, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Тамъ же можно получать **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради **Русскаго Архива** по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать **Русскій Архивъ**, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *изъ Германію* 8 р.; *изъ Францію и Бельгію* 8 р. 50 к.; *изъ Англію* 9 р.; *изъ Швейцарію и Италію* 10 р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель **Русскаго Архива**: **Петръ Бартенева**.

ГОДЪ

СЕДЬМОЙ

РУССКОЙ ЭРМИИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Письма изъ Вѣны отъ князя *Александра Борисовича Куракина* къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1807 года. Французскіе подлинники съ русскимъ переводомъ.
2. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка *В. В. Андреева*.
3. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ князя *Н. В. Репнина*. Статья *М. Ѳ. Де Пуле*, по ново-найденнымъ бумагамъ.
4. Письмо князя *Кантемира* къ Ѳеодану Прокоповичу о настоярѣ Милырдѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. Н. Григоровича*.
5. Переписка графа *Г. Г. Орлова* съ *Ж. Ж. Руссо*, съ предисловіемъ *В. В. Андреева*. 1767
6. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. П. Пловайскаго*.
7. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу *С. Н. Руяницову* и *В. В. Измайлову*.
8. Изъ бумагъ *П. И. Греча* (Письма *А. С. Стурдзы*, *А. С. Пушкина*, *С. Н. Глинки*, *А. А. Бестужева* и стихи *А. Е. Измаилс*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шпаков.Е.

1869.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дуа де-Лурія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.
- II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скарвронской.
- III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
 - а) Собственноручная записка Императрицы.
 - б) Указъ Кабинету.
 - в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.
 - г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елизаветѣ
 - д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*.
 - е) Вѣдомость челобитенъ, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.
- IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.
- V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.
- VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маѣевича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича*.
- VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карповича* 1765 года.
- VIII. Масонскія бумаги;
 - а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
 - б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковину.
 - в) Письмо *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Курагину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*.
 - г) Изъ донесенія князя *Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).
- IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Василичкова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.
- X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о востшествіи на престолъ Екатерины II.
- XI. Письма, относящіяся къ востшествію на престолъ Екатерины II:
 - а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
 - б) *Графа Дивьера* къ Е. И. Шаргородской. (Сообщены княземъ *М. А. Оболенскимъ*).
- XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библиотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою,

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

П И С Ь М А

ИЗЪ ВЪНЫ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНЪ
ИМПЕРАТРИЦЪ МАРИИ ФЕОДОРОВНЪ.

1807 ГОДЪ. *)

XX.

Vienne, le 2e d'Авг 1807.

Madame,

Dès le lendemain de mon arrivée, j'ai cherché l'occasion de rencontrer la Princesse Lignofska, c'étoit-elle qui d'après la lettre de M-me de Merfeldt que j'avois à lui remettre devoit me faciliter le moyen de me bien acquitter des ordres que V: M-té I-le m'avez donnés, pour lui envoyer d'ici une ou deux pièces de beau crêpe blanc et quelques douzaines de gants, auxquels V: M-té est accoutumée; mais à mon très grand regret M-me de Lignofska tout en m'assurant qu'elle auroit été parfaitement heureuse de pouvoir donner ce léger témoignage de son respectueux dévouement pour la personne de V: M-té, m'a déclaré qu'elle ne pouvoit me procurer ici ni crêpe, ni gants, que les dames de Vienne faisoient venir elles-mêmes ces objets de Paris et qu'ici, il ne lui étoit pas possible de mieux satisfaire à la demande que je

*) См. Русскій Архивъ 1868, стр. 23 86 и 161 — 240, гдѣ помѣщены письма кн. Куракина къ Импер. Марии Феодоровнѣ съ дороги въ Вѣну и изъ Тильзита.

III. 1

lui fesois qu'en me donnant une adresse du marchand de Paris qui m'enverra le meilleur crêpe et les meilleurs gants si je voudrais les lui demander directement. C'est là ce que je m'empresserai de faire et dès que j'aurai reçu de Paris ce crêpe et ces gants, je profiterai du départ de mes courriers, ou de telle autre occasion sûre qui pourra se présenter pour les faire parvenir à V: M-té en deux ou trois envois.

Ayant appris que M-gr l'Archiduc Palatin étoit à présent ici, mais craignant que peut-être, il voudra retourner à Bude avant que je ne sois admis à l'audience de S: M-té I-le et R-le Apostolique et par conséquent avant que je ne puisse lui faire ma cour personnellement, je me suis décidé à lui écrire hier, pour lui envoyer les deux lettres à son adresse de la part de V: M-té et de celle de M-me la grande Duchesse Cathérine dont j'étois le porteur. J'ai crû qu'il lui seroit plus agréable de les recevoir au plutôt, surtout après les trois mois qu'a duré mon voyage, et j'ose me flatter que V: M-té daignera m'approuver de l'avoir fait. Il y a une heure que S: A: I-le a bien voulu me répondre de main propre. Je prends la liberté de présenter ci-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 13

joint à V: M-té la copie de cette réponse de M-gr l'Archiduc Palatin, qui m'a infiniment flatté par toutes les expressions, qui y ont rapport à V: M-té et par toutes celles qui me regardent individuellement. Il m'a semblé qu'il était un devoir pour moi de profiter de la permission flatteuse que m'accordait S: A: I-le sans y mettre aucun délai et ce sera déjà demain, avant les 11 heures du matin que je me rendrai chez Elle. C'est aussi demain à 1 heure après midi, que je ferai ma première visite de cérémonie, avec toutes les observances de l'ancienne étiquette, au ministre des affaires étrangères qui d'abord après viendra se rendre chez moi et de la même manière. J'ai déjà vû le C-te Stadion deux fois particulièrement et il m'a dit ce matin, qu'il étoit probable que j'aurai mon audience mardi prochain.

Vienne dans ce moment est fort désert. On y souffre beaucoup de l'excessive chaleur qui n'est pas ordinaire et dont tout le monde se plaint. Quant à moi et en souffrant plus que tout autre, je souffre aussi beaucoup de l'odeur méphitique qui s'y exhale dans toutes les rues et qui m'est insoutenable. Ce soir la curiosité de voir le Caliphe de Bagdad en allemand, m'a conduite au Théâtre National. Je n'y ai eu d'autre satisfaction, que celle d'y revoir la loge où se tenoit V: M-té et celle où j'étois moi même habituellement; mais au reste ce théâtre étoit si mal éclairé, il y faisoit si chaud, j'y ai été si peu content de ma loge, les acteurs jouoient si mal, qu'à peine ai-je pû y rester pendant deux scènes et je doute que l'envie me reprenne d'y retourner de sitôt. J'avais besoin de respirer un air plus frais, j'ai été le chercher à l'Augarten: je m'y suis trouvé parfaitement à mon aise et comme je le desirois, car j'y étois seul,

éclairé à la fin de ma promenade par le plus beau clair de lune possible. Ce jardin que je n'avois pû parcourir autrefois dans tous ses détails a produit en moi satisfaction et admiration complètes. Il est impossible d'en trouver un autre plus beau et de voir de plus beaux peupliers, de plus beaux tilleuls et en général de plus beaux arbres, que ceux qu'on y voit à chaque pas. La belle végétation de l'Au-Garten m'a donnée une pleine jouissance, aussi en suis je sorti avec la ferme intention d'y retourner le plus souvent que je pourrai.

C'est par l'organe de V: M-té que je me mets au pieds de S: M-té L'Empereur et que j'ose renouveler l'assurance de mon attachement à M-gr le Grand Duc Constantin et à M-me la Grande Duchesse Cathérine et en suppliant V: M-té de me donner enfin de ses nouvelles, dont je suis privé depuis mon passage par Merzericz, je suis avec le respect le plus profond, etc.

XX.

Вѣна, $\frac{1}{3}$ Авг. 1807.

Государыня.

На другой-же день по моемъ прїездѣ, я постарался встрѣтиться съ княгинею Лигновскою; ибо она, по письму г-жи Мерфельдтъ, мнѣ порученному, должна была облегчить мнѣ удачное исполненіе приказаній В. И. В-ва на счетъ присылки куска или двухъ лучшаго бѣлаго крепа, и нѣсколькихъ паръ тѣхъ перчатокъ, къ которымъ привыкли В. В-во; но къ крайнему моему сожалѣнію, княгиня объявила мнѣ, что какъ-бы она ни была осчастливлена случаемъ представить это слабое свидѣтельство своей почтительной преданности къ особѣ В. И. В-ва, ей невозможно достать здѣсь ни крепа, ни перчатокъ; что Вѣнскія дамы сами выписываютъ эти вещи изъ Парижя, и что здѣсь у нея нѣтъ средствъ лучше

исполнить мою просьбу, какъ доставивъ мнѣ адресъ Парижскаго торговца, который пришлетъ мнѣ лучшія перчатки, если я обращусь къ нему прямо. Это я и поспѣшу сдѣлать, и какъ только получу я изъ Париза этотъ крепъ и эти перчатки, я воспользуюсь отъѣздомъ моихъ курьеровъ, или всякою иною вѣрною оказіею, чтобы доставить В. В-ву эти вещи въ двухъ или трехъ посылкахъ.

Узнавъ, что г. Эрцгерцогъ Палатинъ здѣсь, но опасаясь, чтобы онъ быть можетъ не захотѣлъ вернуться въ Буду прежде чѣмъ я буду допущенъ на аудіенцію къ Его Императорско-Королевскому Апостольскому Величеству и прежде слѣдовательно, чѣмъ можно будетъ мнѣ къ нему представиться лично, я рѣшился написать къ нему вчера и послать ему два письма, адресованныя на его имя В. В-вомъ и Государынею Великою Княгинею Екатериною Павловною, и мнѣ порученныя. Я подумалъ, что ему будетъ пріятнѣе получить эти письма при первой возможности, въ особенности послѣ трехмѣсячнаго моего путешествія, и смѣю льстить себя надеждою, что В. В-во удостоитъ мой поступокъ своего одобренія. Часъ тому назадъ, Его Императорское Высочество удостоилъ меня собственноручнаго отвѣта. Осмѣливаюсь представить въ приложеніи Вашему Величеству копію съ этого отвѣта г. Эрцгерцога Палатина, безконечно для меня лестнаго по тѣмъ выраженіямъ, которыя относятся до В. И. В-ва, а также по тѣмъ, которыя относятся лично ко мнѣ. Мнѣ показалось мнѣ долгомъ воспользоваться лестнымъ дозволеніемъ, даннымъ мнѣ Его Императорскимъ Высочествомъ, безъ всякаго замедленія, и я явлюсь къ нему уже завтра, до одиннадцати часовъ утра. Завтра-же, въ часъ пополудни, сдѣлаю я первый церемоніальный визитъ, по всѣмъ правиламъ стариннаго этикета, министру иностранныхъ дѣлъ, который тотчасъ за тѣмъ, и съ тѣми-же формальностями явится ко мнѣ. Я уже два раза повидался частнымъ образомъ съ графомъ Стадіономъ, и онъ сказалъ мнѣ

нынѣе утромъ, что я вѣроятно буду имѣть аудіенцію въ будущей вторникъ.

Вѣна въ настоящую минуту очень пуста. Въ ней очень страдаютъ отъ крайняго жара, здѣсь необычнаго, и на который всѣ жалуются. Я болѣе всякаго другого страдаю отъ этого жара, а кромѣ того отъ душливаго запаха, разлитаго по всѣмъ улицамъ и для меня невыносимаго. Нынѣе вечеромъ, любопытство увидѣть Калифа Багдадскаго на нѣмецкомъ языкѣ, завлекло меня въ Народный Театръ. Тамъ единственнымъ мнѣ удовольствіемъ было увидѣть ложу, въ которой сдѣлаи В. И. В-во и въ которой обыкновенно бывалъ и я; впрочемъ, этотъ театръ былъ такъ дурно освѣщенъ, въ немъ было такъ жарко, я былъ такъ недоволенъ моею ложею, актеры играли такъ плохо, что я едва высидѣлъ двѣ сцены, и едва ли мнѣ въ скоромъ времени захочется повторить мое посѣщеніе. Я чувствовалъ потребность подышать болѣе свѣжымъ воздухомъ, и отправился за нимъ въ Аугартенъ. Тутъ мнѣ было совершенно хорошо, ибо я былъ одинъ, и подъ конецъ прогулки, меня озарилъ великолѣпный лунный свѣтъ. Этотъ садъ, котораго до тѣхъ поръ я не имѣлъ случая осмотрѣть въ подробностяхъ, вполне удовлетворилъ и восхитилъ меня. Невозможно найти что-либо лучшее, и видѣть болѣе великолѣпные тополи, липы, и вообще деревья, чѣмъ тѣ, которыя тутъ попадаются на каждомъ шагу. Роскошная растительность Аугартена доставила мнѣ полное наслажденіе, и я оставилъ его съ твердымъ намѣреніемъ возвращаться въ него какъ можно чаще.

Черезъ посредство В. В-ва повергаюсь къ стопамъ Государя Императора, и осмѣливаюсь возобновить увѣреніе въ моей преданности Государю Великому Князю Константину Павловичу и Государынѣ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Умоляя Ваше Величество наконецъ дать мнѣ о себѣ вѣсти, коихъ я лишенъ со времени проѣзда моего черезъ Мержерлицы, честь имѣю быть, и т. д.

XXI.

à Vienne, le 1er d'Avout, 1807.

Madame,

Samedi passé dans la matinée, je suis resté chez M-gr l'Archiduc Palatin pendant plus d'une heure et demie. Il m'a reçu d'une manière privée dans sa chambre à coucher. Aux bontés avec lesquelles il a daigné m'accueillir, il m'a été facile de reconnoître la grande part qu'y avoient celles dont m'honorent V: M-té I-le et M-me la grande Duchesse Cathérine. Toute notre conversation n'a roulé que sur V: M-té, sur ses vertus, sur son attachement à ses amis, à ses devoirs, sur les établissemens d'utilité publique que protège et fait fleurir sa bienfaisance; sur sa manière de vivre en ville et à la campagne, sur Pawlovsk, sur la beauté de ce lieu qu'Elle a créé; sur le bonheur qu'il a éprouvé pendant tout le tems qu'il a passé près d'Elle; sur le désir qu'il auroit d'aller encore la voir; sur ses regrets que le grand éloignement et l'administration qui se trouve entre ses mains l'en empêchent; sur L'Empereur son fils; sur feu L'Empereur dont il vénère toujours la mémoire, sur les jeunes Grands Ducs et leur éducation, et surtout sur le Grand Duc Michel, qu'il prétend ressembler beaucoup en tout à feu son père, et il n'a pas tort de le croire. En me bornant à indiquer ainsi les objets principaux qui nous ont occupés, je puis dire à V: M-té que l'Archiduc Palatin m'a conquis; je le trouve bon, affable, instruit, poli; son extérieur est beaucoup plus agréable, et il a pris plus d'embonpoint, que je ne le croyois; son air est celui de la santé et de la fraîcheur; la moustache même, que son costume Hongrois l'a forcé d'adopter, ne le défigure pas; enfin il est à mes yeux

charmant; tel, que je ne m'étonne plus qu'il a su inspirer tant d'attachement pour lui à feu la Grande Duchesse sa femme. Il se considère toujours comme un des enfants de V: M-té, et ne parle d'Elle que comme d'une mère tendrement chérie. Ayant appris que je possédais un nouveau portrait de M-me la Grande Duchesse Cathérine, dont on connoit la grande ressemblance, il a désiré que je le lui envoie le lendemain, et en a été fort content.

Avant-hier j'ai été admis à l'audience de S: M-té L'Empereur François, qui pour me la donner au plutôt a eu l'extrême bonté de venir expressément en ville le lundi, qui n'est pas le jour de la semaine où il quitte habituellement Laxembourg. C'est une distinction qu'il a voulu sans doute me faire. Hier j'ai eu mes audiences chez les Archiducs Charles, Antoine, Jean et Louis. Demain je serai reçu par M-me l'Archiduchesse Beatrix, Douairière de feu l'Archiduc Ferdinand de Milan, et samedi par M-me l'Archiduchesse Elisabeth et le cadet des Archiducs, Rodolphe, coadjuteur de l'archevêque d'Olmutz.

L'Empereur François a le teint plus coloré et semble se porter mieux, qu'on ne peut l'attendre après les fortes secousses que sa sensibilité vient d'essuyer. Il m'a beaucoup questionné sur le compte de V: M-té en me disant qu'il savoit, et étoit persuadé, qu'Elle lui vouloit du bien. Je lui ai répondu qu'il ne se trompoit pas; que je savais de la manière la plus certaine, ayant le bonheur d'approcher V: M-té de près depuis un grand nombre d'années, combien Elle lui étoit attachée et reconnoissante pour les soins qu'il avoit eu de rendre parfaitement heureuse M-me sa soeur, l'Archiduchesse, sa première femme.

J'ai été diner dimanche chez le C-te Louis Cobentzl à une jolie petite mai-

son de campagne qu'il possède à Hitzingen; j'ai vu chez lui, M-me de Rombec sa soeur, et le comte Philippe son cousin; les traces de l'âge se font remarquer sur leurs physionomies, mais tous les trois sont toujours les mêmes et avec toute l'originalité de leur ancienne amabilité. De là j'ai fait ma visite à la C-sse de Chanclos, qui est dans le voisinage dans une maison qu'elle a achetée pour la belle saison près de Schoenbrunn. Celle-là est méconnoissable, tant elle a vieilli, mais les qualités de son esprit ne changent pas, et elle est pénétrée envers V: M-té d'un grand attachement et d'une reconnaissance profonde.

Je me deshabitué à présent de la méridienne, et au lieu de la faire je vais chaque après diner en calèche ouverte au Prater, la plus belle et la plus fréquentée des promenades publique que je connais. Je jouis en plein du beaux tems, de la belle végétation, des beaux fruits, des beaux arbres, et entr'autres des superbes maronniers, peupliers et tilleuls, dont les jardins et les environs de Vienne sont remplis.

Je supplie V: M-té de dire à ma bonne amie M-lle de Nélidoff, que j'ai exactement fait parvenir à une des dames de Munich le petit paquet qu'elle m'a confiée à son adresse.

Dans quelques jours je profiterai du départ du major de Thuylen pour écrire encore à V: M-té et compléter ce que j'ai à lui dire.

Je me mets aux pieds des Augustes enfants de V: M-té et je suis avec le plus profond respect.

XXI.

Вѣна, 1^е Авг. 1807.

Государыня.

Въ прошлую субботу утромъ, я пробылъ у г. Эрцгерцога Палатина болѣе

получаса. Онъ принялъ меня частнымъ образомъ, въ спальной. По благосклонности, съ которою онъ удостоилъ меня принять, мнѣ легко было догадаться, что этимъ пріемомъ и обязанъ милостямъ, которыхъ удостоиваютъ меня В. И. В-во и Государыня Великая Княжна Екатерина Павловна. Весь разговоръ нашъ вращался только около В В-ва: мы говорили о Вашихъ добродѣтеляхъ; о Вашей привязанности къ Вашимъ дѣтямъ, къ Вашимъ друзьямъ, къ Вашимъ обязанностямъ; объ общепользныхъ учрежденіяхъ, процвѣтающихъ подъ покровомъ Вашей благотворительности; о образѣ жизни Вашемъ въ городѣ и въ деревнѣ, о Павловскѣ и о красотѣ этого мѣста Вами созданнаго; о счастья, испытанномъ имъ во все время пребыванія своего съ Вами; о желаніи его еще разъ посѣтить Васъ; о сожалѣніи его, что разстояніе и находящеся въ его рукахъ управленіе тому препятствуютъ; о Государѣ Вашемъ сынѣ; о покойномъ Государѣ, память коего ему навсегда священна; о юныхъ Великихъ Князяхъ и объ ихъ воспитаніи, въ особенности-же о Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по его мнѣнію весьма и во всемъ схожемъ съ покойнымъ своимъ родителемъ, въ чемъ онъ и не ошибается. Ограничиваясь такимъ образомъ указаніемъ на главные предметы, насъ занимавшіе, могу присовокупить, что Эрцгерцогъ Палатинъ очаровалъ меня; нахожу его добрымъ, пріятливымъ, свѣдущимъ, учтивымъ; наружность его стала гораздо пріятнѣе, и онъ болѣе пополнѣлъ, чѣмъ я предполагалъ: видъ его здоровый и свѣжій; самые усы, которые онъ обязанъ носить при своемъ венгерскомъ платьи, не обезображиваютъ его; словомъ онъ въ глазахъ моихъ очарователенъ, таковъ, что я уже не удивляюсь той привязанности, которую съумѣлъ онъ внушить покойной Великой Княгинѣ своей супругѣ. Онъ продолжаетъ считать себя сыномъ В. И. В-ва, и говорить о Васъ не иначе, какъ о нѣжно-любимой матери. Узнавъ, что у меня есть новый портретъ Великой Княж-

ны Екатерины Павловны, извѣстный по своему разительному сходству, онъ пожелалъ, что-бы я на другой день прислалъ ему этотъ портретъ, и остался имъ очень доволенъ.

Третьяго дни, я былъ допущенъ къ аудіенціи у Е. В. Императора Франца, который, что-бы дать мнѣ ее раньше, имѣлъ крайнюю милость пріѣхать нарочно въ понедѣльникъ, хотя это не тотъ день, въ который онъ обыкновенно оставляетъ Лаксенбургъ. Это конечно вниманіе, которое онъ хотѣлъ оказать мнѣ. Вчера, я имѣлъ аудіенціи у эрцгерцоговъ Карла, Антона, Иоанна и Лудвига. Завтра, я буду принять эрцгерцогинею Беатрисою, вдовою покойнаго эрцгерцога Фердинанда Миланскаго, а въ субботу, эрцгерцогинею Елизаветою и младшимъ изъ эрцгерцоговъ, Рудольфомъ, коадьюторомъ архіепископа Ольмюцкаго.

Императоръ Францъ имѣетъ цвѣтъ лица болѣе румяный и кажется здоровѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ сильныхъ потрясеній, которымъ недавно подверглись его чувства. Онъ много разсирасивалъ меня на счетъ В. В-ва и сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ и убѣжденъ, что В. В во желаете ему добра. Я отвѣчалъ ему, что онъ не ошибается, что я, имѣвъ счастье въ теченіи многихъ лѣтъ быть приближеннымъ къ В. И. В-ву, волиѣ знаю, сколько Вы къ нему привязаны и признательны, за счастье имъ доставленное Вашей сестрѣ, эрцгерцогинѣ, первой его супругѣ.

Въ воскресенье, я обѣдалъ у графа Лудвига Кобенцля на хорошенькой его дачѣ въ Гицингенѣ; я видѣлъ у него его сестру, г-жу Ромбекъ, и его двоюроднаго брата, графа Филиппа; слѣды годовъ замѣтны на ихъ лицахъ, но они остались все тѣми-же, и сохранили ту же своеобразную любезность. Оттуда я отправился съ визитомъ къ г-жѣ Шанкло, живущей по близости въ домѣ, который она купила себѣ для лѣтнихъ мѣсяцевъ около Шенбрунна. Ее узнать нельзя, дотога она состарѣлась, но качества ея

ума неизмѣнны, и она проникнута къ В. В-ву глубочайшею привязанностію и признательностію.

Я отвыкаю теперь отъ послѣобѣденнаго сна, и вмѣсто его я каждый день послѣ обѣда отправляюсь въ открытой коляскѣ въ Пратеръ; самое красивое и людное изъ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ гуляній. Наслаждаюсь волиѣ прекрасною погодою, прекрасною растительностію, прекрасными плодами, прекрасными деревьями, между прочимъ великолѣпными каштанами, тополями, и липами, которыми наполнены сады и окрестности Вѣны.

Прошу Ваше Величество сказать моему доброму другу, Е. И. Нелидовой, что я въ точности доставилъ одной изъ Мюнхенскихъ дамъ маленкій пакетъ, ею мнѣ порученный.

Черезъ нѣсколько дней, воспользуюсь отъѣздомъ г. майора Тюлена, что-бы еще написать къ В. В-ву и дополнить то, что я имѣю вамъ сказать.

Повергаюсь къ стопамъ Августѣйшихъ дѣтей В. В-ва, и съ глубочайшею преданностію остаюсь, и. т. д.

XII.

à Vienne, le 13 d'Août, 1807.

Madame,

J'ai à m'amender devant V: M-té I-le. Quand on s'est trompé, et qu'on reconnoit l'erreur que l'on a pu partager avec d'autres, il faut en convenir, et c'est là ce que je fais à présent, en remplissant d'après ma conscience et tous mes devoirs envers V: M-té et son auguste famille, les obligations sacrées de la tache difficile qu'elle m'a imposée par sa lettre du 13 de Juillet. Plus la confiance dont elle m'a honoré me flatte, et plus je dois m'en rendre digne, en ne lui cachant rien de tout ce que j'ai pû apprendre de l'objet qui l'intéresse. Je lui crayonne avec les couleurs les plus vraies le tableau qu'elle

m'a demandé, et je ne me tais pas sur les sentimens et les conclusions qu'il produit en moi. Sans être le seul, j'ai été un des premiers à croire, que L'Empereur François devenu veuf, offroit le plus beau et le plus grand des établissemens pour M-me la Grande Duchesse Cathérine. Le prestige des grandeurs, l'éclat du trône d'une des plus anciennes et des plus puissantes monarchies de l'Europe, me donnoient cette conviction. Mais arrivé ici, ayant approché et vu l'Empereur François, ayant appris avec soin tout ce qui regarde ses qualités, ses habitudes, la manière dont il a vécu avec feuë l'Imperatrice sa femme, et l'état de l'entretien qui étoit fixé à cette Princesse, j'ose dire avec franchise à V: M-té que ce n'est pas là le parti qui convient à M-me la Grande Duchesse, quand même l'article de la religion n'y serviroit pas d'obstacle, ce qui est encore à résoudre, vû les préjugés invétérés de ce pays-ci, les règles d'observance qui y sont consacrées et la circonstance que les souverains de l'Autriche s'y étant toujours strictement soumis, n'y ont jamais dérogé.

L'Empereur François a des moeurs exemplaires, jamais vertu n'a été plus pure et plus prononcée que la sienne, il est religieux, doux et bon; il ne manque pas d'esprit, et doit avoir des connoissances; il est bon père, il a été toujours époux fidèle et le sera toujours; mais la faiblesse et l'apathie de son caractère, cette mélancolie que les désastres de son règne lui ont donnée, ce gout pour la retraite, cette habitude qu'il a contractée pour des habitudes qui n'appartiennent pas à son rang, enlèvent aux bonnes qualités dont il est rempli le mérite et l'attrait qu'elles pourroient avoir. Sa figure n'est pas désagréable, mais avec l'air d'une santé faible et usée; il est fort maigre, déjà

vouté et entièrement privé de fraîcheur dans sa physionomie et de graces dans son maintien; père de huit enfans vivans, parmi lesquels l'Archiduchesse sa fille ainée est déjà dans sa dix-septième année, il a vingt ans de plus que M-me la Grande Duchesse Cathérine, et sous aucun rapport il ne lui convient pas et ne pourroit la rendre heureuse. Elle a une étendue et une activité d'esprit qu'elle n'auroit pas trouvé en lui; son extérieur n'auroit pu lui plaire et l'attacher et en l'épousant elle n'auroit certainement eu à éprouver son propre coeur que par ses regrets sur la gêne et la nature de ses devoirs.

Indépendamment des considérations produites par les qualités personnelles de l'Empereur François, M-me la Grande Duchesse Catherine n'auroit absolument rien gagné à lier son sort au sien, ni pour le présent ni pour l'avenir. Elle auroit eu à comprimer en elle ce ressort sublime, ces élans énergiques de son âme qui la distinguent si particulièrement. Le genre de vie solitaire et monotone auquel elle auroit dû condamner ses plus beaux jours l'auroient privée de tous les charmes de la société, dont elle s'est toujours vue l'ornement principal; elle ne seroit devenue Impératrice d'Autriche, que pour renoncer à la représentation de ce rang élevé et à tous ces accessoires qui ont à flatter l'amour propre et à récompenser de la gêne qu'on y éprouve; que pour passer sa vie solitairement dans son appartement privé du Bourg, ou du chateau de Laxembourg, vis-à-vis d'un époux qui ne pourroit satisfaire, ni sa vue, ni son coeur, et qui par l'attachement que je connais à cette adorable P-sse à ses devoirs, lui auroit rendu nécessaires à chaque instant des efforts de raison et des victoires pénibles sur elle-même; que pour ne pas être tran-

quille sur la destinée des enfans que la Providence auroit pû lui accorder; que pour avoir qu'un entretien modique de $50/m$. flo: par an, tandis qu'actuellement au sein de sa famille, la Russie fournit à sa depense annuelle quatre fois davantage.

Je n'ai pas manqué d'informer V: M-té qu'on m'a parlé en Gallicie des vues de l'Empereur François sur la fille unique du roi de Saxe, ces bruits étoient vrais. Il l'a effectivement demandée en mariage; le Duc Albert leur oncle commun doit en avoir ménagé en secret la négociation, mais on dit que la P-sse l'a refusé, parcequ'elle le trouvoit trop âgé, et qu'il avoit trop d'enfans. Ces raisons qui ont motivé la négative de la P-sse de Saxe doivent agir bien puissamment sur une Grande Duchesse de Russie, plus belle, plus aimable et moins âgée de près de dix ans qu'elle.

Avant-hier il m'est revenu qu'il étoit question d'un autre choix qu'avoit fait l'Empereur, celui de sa cousine germane, fille cadette de feu l'Archiduc Ferdinand, qu'on assure être fort belle et parfaitement bien élevée. J'ai tâché d'en avoir des renseignemens positifs, et depuis j'ai appris que ce mariage étoit finalement arrêté, qu'on le couvroit du plus grand mystère jusqu'à la réception des dispenses du Pape, qu'alors on le rendroit public et en attendant l'Empereur à ce qu'on m'a assuré vient incognito de Laxembourg, pour faire de fréquentes visites à l'Archiduchesse Béatrix.

Ce sera une de ces alliances d famille très usitées dans la maison d'Autriche, et l'Archiduchesse Béatrix a trop d'esprit pour n'avoir pas contribué de son côté à assurer à sa fille cet hymen, qui procure à ses fils l'existence qu'il ne leur a pas accordée jusqu'après-

sent, et dont ils ont tant besoin pour se consoler de la perte du Duché de Modène et de leurs belles possessions dans la Lombardie.

A tous ces détails V: M-té voit que l'Empereur François, non seulement n'est pas un parti assorti et convenable pour M-me la Grande Duchesse, sa fille, mais aussi qu'il a songé déjà à se remarier, qu'il a été occupé depuis quelque tems avec impatience du soin de se choisir une femme, que si je lui avois remis la lettre confidentielle de V: M-té qu'elle n'auroit pu produire l'effet désiré et qu'il est fort à propos et fort heureux que V: M-té a jugé nécessaire de m'ordonner après mon départ de Tilsit, de ne pas en faire usage jusqu'à ce qu'Elle se soit déterminée à me le prescrire de nouveau. J'ose donc croire et attendre que n'ayant plus à songer à la réussite du projet qui la lui avoit fait écrire, et qu'ayant plutôt à l'oublier, qu'Elle daignera maintenant me donner l'ordre de lui renvoyer cette lettre que je garde toujours en depot chez moi.

Je supplie V: M-té d'accorder quelque attention aux notices que j'ai rassemblées et que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint sur la personne et la manière de vivre de l'Empereur François, elles contiennent des détails assez curieux; je les ai amplifiées de tout ce que j'ai pu apprendre de l'Archiduc son fils aîné et des modiques pensions que reçoivent les Archiducs ses frères.

XXII.

Въна 13 Авг. 1807.

Государыня.

Я долженъ повиниться передъ В. В. вомъ. Когда впадаешь въ ошибку, и затъмъ сознаешь заблужденіе, которое быть можетъ раздѣляли и другіе, надобно въ

немъ покаяться; такъ я и поступаю теперь, исполняя по совѣсти и по долгу моему относительно В. В-ва и Вашего Августѣйшаго семейства священныя обязательства трудной задачи, возложенной на меня вашимъ письмомъ отъ 1¹/₃ Юля. Чѣмъ лестнѣе для меня довѣріе, коимъ Вы меня почтили, тѣмъ болѣе долженъ я сдѣлаться его достойнымъ, не скрывая отъ Васъ ничего изъ того, что могъ я узнать по предмету Васъ интересующему. Черчу Вамъ самыми вѣрными красками картину, которой Вы отъ меня требуете, и не скрываю тѣхъ чувствъ и заключеній, которыя она во мнѣ возбуждаетъ. Не я одинъ, но я изъ первыхъ полагаю, что императоръ Францъ, овдовѣвъ, представляетъ самую лучшую и самую блестящую партію для Великой Княжны Екатерины Павловны. Обаяніе почестей, блескъ престола одной изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе. Но прѣхавъ сюда, приблизившись къ Императору Францу и увидавъ его, тщательно разузнавъ все, что касается его качествъ, привычекъ, способа, которымъ онъ жилъ съ покойною Императрицею, своею супругою, и штатнаго содержанія ей ассигнованнаго, осмѣливаюсь сказать откровенно В. В-ву, что это не есть партія, желательная для Великой Княжны, даже если-бы не служилъ препятствіемъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, который еще предстоитъ разрѣшить, принявъ въ соображеніе законныя предразсудки этой страны, освященные здѣсь правилами, и то обстоятельство, что Австрійскіе государя всегда строго имъ подчинились, никогда отъ нихъ не отступая.

Императоръ Францъ имѣетъ нравы примѣрные, нѣтъ ничего чище и строже его добродѣтели; онъ благочестивъ, кротокъ и добръ; онъ не лишенъ ума, и долженъ имѣть свѣдѣнія; онъ хорошій отецъ, онъ всегда былъ вѣрнымъ супругомъ и всегда будетъ имъ; но слабость и апатія его характера, по мелан-

холія, наведенная на него бѣдствіями его царствованія, по вкусу къ уединенію, по приверженности его къ привычкамъ, не соответствующимъ его сану, отнимаютъ у добрыхъ качествъ, которыми онъ исполненъ, достоинство и прелесть, которую они могли-бы имѣть. Лицо его нельзя назвать непріятнымъ, но при видѣ болѣзненнымъ и изномненнымъ, онъ весьма худощавъ, уже сторбленъ, и совершенно лишенъ свѣжести въ физиономіи и граціи въ манерахъ. Отецъ осьми живыхъ дѣтей, изъ которыхъ эрцгерцогиня его старшая дочь уже вступила въ семнадцатый годъ, онъ двадцатью годами старше Великой Княжны Екатерины Павловны, и на въ какомъ отношеніи ей не пара и не могъ-бы ее сдѣлать счастливою. Ея обширный и дѣятельный умъ не нашель-бы отвѣта въ его умѣ; его наружность не могла-бы ее прельстить и привязать, и вступая съ нимъ въ бракъ, она подвергла-бы свое сердце тяжелому испытанію и вѣчнымъ сожалѣніямъ, по свойству и тяжести принятыхъ ею на себя обязанностей.

Независимо отъ соображеній, возбуждаемыхъ личнымъ характеромъ Императора Франца, Великая Княжна Екатерина Павловна, связывая свою судьбу съ его судьбою, ничего не выиграла-бы, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Ей пришлось-бы сдерживать въ себѣ тотъ высокій полетъ мысли, тѣ могучіе порывы души, которыми она такъ особенно отличается. Одинокій образъ жизни, на который были-бы обречены лучшіе ея годы, лишилъ-бы ее всѣхъ прелестей общества, кою она всегда чувствовала себя лучшимъ украшеніемъ. Она-бы сдѣлалась императрицею Австріи лишь для того, что-бы отказаться отъ вѣшняго блеска этого высокаго сана, и отъ всей той обстановки, которая польстила-бы ея самолюбію и вознаградила-бы ее за стѣсненіе, съ нимъ сопряженное, лишь для того, что-бы проводить одинокую жизнь въ частномъ апартаментѣ Бурга, или Лак-

сенбургскаго замка, съ глазу на глазъ съ супругомъ, который не могъ-бы удовлетворить ни ея сердца, ни ея воровъ, который при известной мнѣ привязанности обожаемой Великой Княжны къ ея обязанностямъ, ежеминутно возлагалъ-бы на нее необходимость умственныхъ усилій и тяжкихъ побѣдъ надъ собственнымъ сердцемъ, лишь для того, что-бы не быть спокойною на счетъ судьбы дѣтей, которыхъ могло-бы даровать ей Провидѣніе; лишь для того, что-бы довольствоваться скромнымъ содержаніемъ въ 50 т. флориновъ въ годъ, между тѣмъ какъ теперь, въ лонѣ ея семейства, Россія предоставляетъ на ея личныя издержки вчетверо болѣе.

Я не преминулъ извѣстить В. В-во о томъ, чтѣ говорили мнѣ въ Галиціи о выдахъ Императора Франца на единственную дочь короля Саксонскаго; слухи эти были основательны. Ояъ дѣйствительно сватался къ ней. Герцогъ Альбертъ, ихъ общій дядя, по слухамъ, втайнѣ велъ о томъ переговоры; но говорятъ, что принцесса отказала ему, потому что нашла его слишкомъ пожилымъ и потому что у него слишкомъ много дѣтей. Эти причины, служившія поводомъ къ отказу Саксонской принцессы, должны дѣйствовать еще сильнѣе на Русскую Великую Княжну, болѣе прекрасную и любезную, и которая моложе на десять лѣтъ.

Третьяго дни до меня дошелъ слухъ о другомъ выборѣ Императора, а именно о его двоюродной сестрѣ, младшей дочери покойнаго Эрцгерцога Фердинанда, какъ увѣряютъ, красавицѣ и очень хорошо воспитанной. Я постарался получить на этотъ счетъ положительныхъ свѣдѣній, и узналъ, что этотъ бракъ окончательно рѣшенъ, что его окружаютъ величайшею тайною до полученія разрѣшенія отъ Папы, послѣ котораго онъ будетъ объявленъ: покуда, какъ увѣряютъ меня, Императоръ часто прѣзжаетъ инкогнито изъ Лаксенбурга, что-бы посѣщать Эрцгерцогиню Беатрису. Это будетъ однимъ изъ семейныхъ бра-

ковъ, столь обычныхъ въ Австрійскомъ домѣ, и Эрцгерцогиня Беатриса столь умна, что конечно содѣйствовала съ своей стороны устройству этого союза, который доставитъ ея сыновьямъ положеніе, коего онъ до сихъ поръ не добились, и въ коемъ столь сильно нуждаются, что-бы утѣшиться въ утратѣ Герцогства Моденскаго и великолѣпныхъ своихъ помѣстій въ Ломбардіи.

По всѣмъ этимъ подробностямъ В. В-во видите, что Императоръ Францъ не только не есть приличная и желательная партія для Великой Княжны, Вашей дочери, но также, что онъ уже думалъ о новомъ бракѣ, что онъ уже нѣкоторое время нетерпѣливо занялъ выборомъ супруги; что если-бы я вручилъ ему конфиденціальное письмо В. В-ва, оно не могло-бы возымѣть желаемого дѣйствія, и что В. В-во къ счастію и весьма кстати сочли нужнымъ по отъѣздѣ моемъ изъ Тильзита приказать мнѣ, что-бы я не пускалъ его въ ходъ, пока В. В-во не рѣшится дать мнѣ объ этомъ новое предписаніе. И такъ, смѣю думать и надѣяться, что, не имѣя болѣе повода думать объ осуществленіи предположенія, вызвавшаго это письмо, имѣя даже причины забыть объ этомъ планѣ, В. В-во соблагоизволите предписать, что-бы я возвратилъ вамъ это письмо, все еще хранищееся у меня.

Умолю В. В-во подарить нѣкоторое вниманіе собраннымъ мною замѣткамъ, которыя при семъ имѣю честь препроводить, объ особѣ и образѣ жизни Императора Франца: въ нихъ заключаются довольно любопытныя подробности; я дополнилъ ихъ всѣмъ тѣмъ, чтѣ мнѣ удалось узнать объ Эрцгерцогѣ, старшемъ его сынѣ, и о скудномъ содержаніи, получаемомъ Эрцгерцогами его братьями.

XIII.

à Vienne, le 13 d'Août, 1807.

Madame,

Je suis trop convaincu de la bienveillance dont m'honore V: M-té I-le,

des droits que je puis y avoir par mon constant attachement pour Elle, de la part vive et particulière qu'Elle daigne prendre à mon bien-être et surtout à ma réputation dans le monde, pour ne pas recourir avec une entière confiance, et sans aucun détour à Sa protection et à Ses bontés dans une circonstance qui me touche de près du côté qui m'a été de tout tems le plus sensible, en un mot qui regarde mon honneur.

Rien ne pouvoit-être plus heureux et plus flatteur pour moi que d'être appelé par S: M-té L'Empereur pour travailler à Son rapprochement et à Sa paix avec la France. C'est sous Sa direction immédiate que j'ai négocié et signé le traité de paix de Tilsit, glorieux pour Son règne et aussi honorable qu'avantageux pour la Russie. C'est un mérite de plus. et j'ose le dire, que j'ai acquis près de mon maître et près de ma patric, qui par cette paix a cessé de gémir sous les calamités d'une guerre meurtrière et ruineuse. L'Empereur a été content de moi et me l'a témoigné de différentes manières. Après son départ de Tilsit dans la lettre qu'il a daigné m'adresser de main-propre de Tauroggen en date du 28 de Juin, v: st: il me dit entre autres: «Recevez encore une fois l'expression de ma reconnaissance pour les soins que vous avez donnés à une négociation aussi épineuse, et qui nous a coûté tant de peines. Je m'empresserai de vous en témoigner tout mon contentement d'une manière ostensible; en attendant, croyez à l'estime et à l'attachement que je vous ai voués pour la vie.» Il y a six semaines que j'ai eu le bonheur de recevoir cette assurance flatteuse, qui remplissoit tout ce que j'avois à désirer; mais jusqu'à présent elle reste sans effet, tandis que le P-ce Dmitrii Labanoff, second Plénipotentiaire de l'Empereur

pour la paix de Tilsit, a déjà été avancé au grade de général d'infanterie, tandis qu'en France le P-ce de Bénévent qui a signé notre traité de paix, et le P-ce de Neuchatel, qui a signé notre armistice, ont été élevés pour ces deux actes, l'un au rang de vice-grand Electeur, et l'autre à celui de vice-Connetable; tandis que de notre tems, de notre mémoire, ceux qui ont été employés à la confection des traités de paix de la Russie, dont nous avons été les témoins, ont tous obtenus des récompenses authentiques et signalées, et celles-là s'accordent ordinairement, dans tous les pays, autant pour récompenses à celui qui les reçoit, que pour illustrer le règne du souverain qui les distribue et l'événement, qui en donne l'occasion. Je vais le prouver en rappelant à V: M-té, que pour le traité de Cainardji le P-ce Repnine a été fait général en chef et a reçu le don de ⁵⁰/_m rbl.; pour le traité de Werèla le général d'Igelstrohm a reçu l'ordre de St. André et des terres; pour le traité de paix de Yassi le P-ce Bezborodko a reçu pareillement le cordon bleu et des terres très considérables. La paix de Tilsit, et le moment où elle a été si heureusement conclue, sont bien plus importants pour la Russie, que ces trois paix avec la Turquie et la Suède que je viens de citer. Ayant travaillé à celle de Tilsit, l'avant signée, mon nom y étant amalgamé à jamais, pourquoi devrois-je être moins heureux que les P-ces Reppin et Bezborodko et le général d'Igelstrohm, et ne pas recevoir comme eux à cette occasion un témoignage public de l'approbation et de la bienveillance de mon auguste maître. Il a daigné me le promettre; je ne puis donc que l'attendre en toute justice; mais le temps s'écoule sans que je le reçoive, et je crains que mon absence y contribue en me fai-

sant oublier. C'est à cet oubli que je supplie V: M-té de vouloir bien remédier, en parlant à S: M-té L'Empereur de moi, de l'espérance qu'il a daigné m'accorder; des titres que j'ai par les exemples des paix précédentes, pour la voir réalisée! Je me flatte que V: M-té me connoit trop, sait trop bien apprécier mon désintéressement pour croire que je désire obtenir des terres, ou quelque somme d'argent; si l'Empereur en avoit même l'idée, j'en serais inconsolable! Je suis riche des bienfaits de feu l'Empereur, que je ne dois qu'à la générosité de son coeur magnanime sans les avoir jamais provoqués; ils me suffiront pour achever le reste de mes jours avec aisance et tranquillité. Ce n'est qu'à l'honneur seul que je suis sensible, qui a toujours été le mobile de toutes mes actions, et ce n'est qu'un témoignage, une marque *honorifique* de la bienveillance de l'Empereur que j'ose souhaiter. Il faut que j'attache un grand prix, une grande importance à ce vœu, puisque je me permets de l'avoir, et que pour son accomplissement je prends la liberté de le placer sous la protection et les auspices de V: M-té. Je ne désire aucune place, aucune grace, qui pourroit gêner l'Empereur dans les effets de sa volonté, ou dans les habitudes de sa confiance. Je ne me souviens de ce, qui m'étoit destiné en Mars de 1801, que pour me défendre de le souhaiter jamais. Mais l'Empereur ne pourroit-il pas me nommer au rang de la I-ère classe; ce ne seroit qu'un simple titre, qui sans changer essentiellement ma situation actuelle, seroit pourtant pour moi ce témoignage public des bontés de l'Empereur que je me crois obligé de réclamer à présent; et si j'ai deux ou trois de mes collègues dans mon rang actuel plus anciens que moi, comme le vieux Stroganoff et Zawadowski, qui

pourroient s'en formaliser, mon absence les empêchera d'y être sensible, et puis y a-t-il un seul d'entr'eux qui ait signé un traité de paix, qui ait été pendant toute sa vie l'ami du père de son maître, qui jouisse des bontés et des attentions de son maître comme moi?

J'ai ouvert mon coeur à V: M-té; j'ai été plus prolix, que je ne l'ai voulu pour lui expliquer le sentiment, qui m'affecte, j'ai rempli ce que ma franchise et mon devoir envers Elle me prescrivoient: je m'y borne, et le reste je l'attends de Sa justice et de Sa bienfaisance!

XXIII.

Вѣна 11^е Авг. 1807.

Государыня,

Я слишкомъ убѣжденъ въ благосклонности, коей удостоиваетъ меня В. И. В-во. въ тѣхъ правахъ, которыя я могъ приобрести на оную постоянную мою привязанностию къ Вамъ, въ живомъ и особенномъ участіи, которое Вы благоволяете принимать въ моемъ благосостоянии и въ особенности въ моей репутации, что-бы не прибѣгнуть, съ совершеннымъ довѣріемъ и безъ всякихъ околичностей, къ Вашему покровительству и Вашимъ милостямъ въ обстоятельствахъ, близко касающихся меня съ той стороны, которая у меня всегда была самая чувствительная, однимъ словомъ, относящихся до моей чести.

Ничто не могло быть для меня счастливѣе и лестнѣе, какъ порученіе Государя Императора трудиться надъ примиреніемъ и сближеніемъ Его съ Франціею. Подъ Его непосредственнымъ руководствомъ велъ я переговоры въ Тильзитъ и подписалъ мирный трактатъ, умножающій славу Его царствования, почетный и вмѣстѣ выгодный для Россіи. Смѣю сказать, что это—новая заслуга передъ моимъ Государемъ и моимъ отечествомъ, которое перестало стѣнать подъ бременемъ кровопролитной и раззорительной войны. Государь остал-

ся мною доволенъ, что и выразилъ мнѣ различными способами. По отбытіи своемъ изъ Тильзита, въ собственноручномъ письмѣ, изъ Таурогена, отъ 28 Юня ст. ст., коего Онъ меня удостоилъ, Онъ между прочимъ пишетъ: „Пріймите еще разъ выраженіе моей признательности за ваши труды по переговорахъ столь щекотливымъ, и стойшимъ намъ столькихъ усилий. Не замедлю выразить вамъ *явнымъ образомъ*, сколько я Вами доволенъ. Покуда вѣрете уваженію и дружбѣ, связывающимъ насъ на всю жизнь“. Вотъ уже шесть недѣль, какъ я имѣлъ счастье получить это лестное увѣреніе, удовлетворявшее всѣмъ моимъ желаніямъ; но до сихъ поръ оно остается безъ дѣйствія, между тѣмъ, какъ кн. Димитрій Лобановъ, второй уполномоченный Государя при заключеніи Тильзитскаго мира, уже произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, между тѣмъ какъ во Франціи князь Беневентскій, подписавшій нашъ мирный трактатъ, и князь Нешательскій, подписавшій наше перемиріе, были возведены по этимъ двумъ случаямъ, одинъ въ санъ вице-кунетабля, другой въ санъ вице-контетабля; между тѣмъ какъ въ наше время, на нашей памяти, тѣ, которымъ поручалось заключеніе мирныхъ трактатовъ Россіи, коихъ мы были свидѣтелями, всѣ получили награды блестящія и дѣйствительныя — такія награды, какія обыкновенно, и во всѣхъ странахъ, раздаются столько же для того, что-бы возблагодарить получающаго ихъ, какъ и для того, что-бы прославить царствованіе раздающаго ихъ Государя и событіе, подавшее къ нимъ поводъ. Докажу это, напомнивъ В. В-ву, что за Кайнарджійскій трактатъ кн. Репнинъ былъ сдѣланъ генералъ анпечомъ и получилъ въ даръ 500 т. рублей; что за Верельскій трактатъ генералъ Игельстромъ получилъ орденъ св. Андрея и помѣстья; что за Яскій трактатъ кн. Безбородко точно также Андреевскую ленту и весьма значительныя имѣнія. Тильзитскій миръ и моментъ, въ кото-

рый онъ былъ столь благополучно заключенъ, несравненно важнѣе для Россіи, чѣмъ упомянутые мною три трактата съ Турціею и съ Швеціею. Почему-же мнѣ, трудившемуся надъ Тильзитскимъ трактатомъ, подписавшему его, связавшему съ нимъ навсегда мое имя, быть менѣе счастливому, чѣмъ князя Репнина и Безбородко и чѣмъ генералъ Игельстромъ, и не получить, какъ они, по этому случаю, явное свидѣтельство одобренія и благоволенія моего Августѣйшаго Повелителя? Оно мнѣ обѣщано, я слѣдовательно имѣю полное право ожидать его, но время проходитъ, и я его не получаю, и я опасаюсь, что бы тому не содѣйствовало мое отсутствіе, заставляющее забывать обо мнѣ. Это-то забвеніе прошу я В. И. В-во разсѣять, поговоривъ съ Государемъ Императоромъ обо мнѣ, о надеждахъ, которыя онъ соблаговолплъ во мнѣ возбудить; о тѣхъ правахъ на ихъ исполненіе, которыя даютъ мнѣ примѣры предъидущихъ мирныхъ трактатовъ. Лишу себя надеждою, что В. В-во слишкомъ хорошо знаетъ меня, слишкомъ умѣете цѣнить мое безкорыстіе, что-бы подумать, что я желаю получить помѣстья или деньги. Я былъ-бы безутѣшенъ, если-бы эта мысль могла прійти Государю Императору. Я богатъ щедротами покойнаго Государя, коими я обязанъ лишь великодушію Его и на которыя я никогда не напрашивался: ихъ достаточно, что-бы обезпечить остатокъ дней моихъ спокойствіемъ и довольствомъ. Лишь къ чести чувствителенъ я; она всегда была побужденіемъ моихъ дѣйствій, и лишь *почетнаго* свидѣтельства, знака благоволенія ко мнѣ Государя, смѣю я желать. Я придаю большую цѣну, великую важность этому желанію; только потому и позволяю я себѣ питать его и осмѣливаюсь поручать его исполненіе покровительству и усмотрѣнію В. В-ва. Я не желаю никакого сана, никакой милости, которая могли-бы стѣснить Государя въ исполненіи Его воли, или въ привычкахъ Его двѣрнія. Я вспоминаю о томъ, что пред-

назначалось мнѣ въ Мартъ 1801-го года лишь для того, что-бы отречься отъ возможности когда-либо этого пожелать. Но не могъ ли бы Государь пожаловать мнѣ чинъ перваго класса? Это было-бы лишь простымъ титуломъ, который, не измѣняя существенно моего настоящаго положенія, былъ-бы однакоже для меня тѣмъ явнымъ свидѣтельствомъ милости ко мнѣ Государя Императора, котораго я считаю долгомъ теперь требовать; и если два или три изъ моихъ товарищей по сану старше меня, какъ старикъ Строгановъ и Завадовскій, и могли-бы этимъ оскорбиться, то отсутствіе мое смягчить это чувство, и наконецъ, кто изъ нихъ когда-либо подписывалъ мирный трактатъ, кто изъ нихъ всю жизнь былъ другомъ отца своего монарха, кто наравнѣ со мною пользуется вниманіемъ и милостями самого Государя?

Я открылъ мое сердце В. В-ву; я объяснилъ Вамъ многословнѣе, чѣмъ того желалъ-бы, волнующія меня чувства; и исполнилъ то, что предписываютъ мнѣ мои откровенность и мои обязанности къ Вамъ. Остальное предоставляю Вашей справедливости и Вашему милосердію!

XXIV.

à Vienne, le 13 d'Août 1807.

Madame,

Avant-hier étant déjà seul chez moi et occupé à écrire, je fus bien agréablement surpris à dix heures du soir par l'apparition soudaine de M-gr le Duc Ferdinand, frère de V: M-té I-le qui vint me voir avant que j'eusse appris son arrivée. Je n'ai pu entendre qu'avec une grande peine le récit qu'il voulut bien me faire de l'accueil impératif et peu fraternel qu'il a reçu du Roi son frère, et de tous les embarras où il s'est trouvé pendant sa courte apparition à Ludwigsbourg. Il n'a pas à se louer aussi de M-gr le Duc Louis, qui possédant l'entière bienveillance du

Roi, le soutient dans toutes ses prétentions de famille. Le Roi exige que tous les Princes ses frères quittent les ordres étrangers pour ne porter que les siens, et qu'ils abandonnent aussi le service des puissances étrangères pour retourner dans ses états. C'est là ce que le Duc Ferdinand a cru ne pouvoir faire; ce qui a été cause de la scène, qui a eu lieu entre le Roi et lui, de la continuation du séquestre de son apanage, et de son prompt retour ici. Il m'a assuré qu'il n'a entrepris cette course que par les conseils de l'Empereur François, qui l'a dirigé également dans le voyage inutile qu'il a fait à Paris, et ensuite dans ceux de Varsovie et de Berlin. Après son séjour à Paris il n'a vu l'Empereur Napoléon qu'à son passage par Dresde; il ne l'y a vu qu'à un seul entretien, auquel il a obtenu simplement la promesse qu'il s'intéresseroit en sa faveur près du Roi son frère. Le Duc Alexandre doit avoir reçu également l'intimation de quitter le service de Russie et de revenir dans sa patrie, mais je crois qu'il préférera de rester là où il est si bien, en conservant son agréable existence à Riga et la jouissance de sa belle possession en Courlande. M-gr le Duc Ferdinand m'a protesté qu'il a toujours régulièrement écrit à V: M-té chaque semaine, et que ce n'étoit que depuis le commencement de la guerre qui vient de finir, que par crainte de l'importuner il avoit cessé de Lui donner de ses nouvelles. Il croit que s'il avoit consenti à quitter le service d'Autriche quand il étoit à Paris, qu'alors il auroit eu par la protection de la France une souveraineté en Allemagne et qu'il auroit été admis parmi les membres de la ligue du Rhin. Mais à présent que tous ses voyages, et toutes ses tentatives depuis la paix de Presbourg ont

entièrement échoué, qu'il n'a rien obtenu de la France, qu'il ne s'est pas réconcilié et qu'au contraire il se trouve plus désuni que jamais avec le Roi son frère, que pour les démarches auxquelles il s'est décidé par la pénurie de ses ressources, il s'est attiré le blâme et les conclusions défavorables de beaucoup de monde, qu'il n'a pas d'autre soutien que la pension provisoire de ²⁰/_m fl. que lui a accordée l'Empereur François au moment qu'il a quitté le gouvernement de Vienne, il est véritablement à plaindre. Il a voulu savoir mon opinion sur ce qu'il avoit à faire. Comme il est toujours compris dans le tableau du service et que son régiment lui est conservé, j'ai crû devoir lui conseiller de demander uniquement et simplement, pour tenir au moins à quelque chose, d'être remis en activité d'une manière conforme à son grade de Feld-maréchal. Quoiqu'il a été parfaitement bien reçu de l'Empereur, et des Archiducs Charles et Joseph, je ne crois pas cependant qu'il lui sera facile d'y réussir bientôt, parce que tous les grands commandemens dans l'intérieur de la monarchie et sur les frontières sont distribués, et qu'on aura de la répugnance à faire une destitution quelconque en sa faveur. Toutefois il restera en attendant à Vienne, et ce sera un plaisir particulier pour moi de le voir souvent, car en le voyant je ne pourrai que me rappeler par son nom et par ses traits qu'il est du même sang que ma bienfaitrice, qu'il a le bonheur d'être son frère et je me croirai encore à Pavlowskoi, où nous nous sommes vus tous les jours étant ensemble près de V: M-té. Par ces détails je ne fais qu'ébaucher ceux qu'il m'a donnés dans sa conversation confidentielle, m'imaginant qu'il les aura amplifiés dans la lettre qu'il m'a prié d'envoyer de sa part à V: M-té, et que je joins ici.

Tous mes moments me sont encore tellement enlevés depuis la quinzaine, que je suis à Vienne, qu'il m'a été impossible encore d'écrire à M-lle de Nélidoff, et je supplie V: M-té de vouloir bien le lui dire en l'assurant de tout mon attachement.

Je suis avec le plus profond respect.

P: S: J'ai l'honneur de présenter ci-joint à V: M-té deux lettres à son adresse, l'une du Duc Ferdinand que je lui ai annoncée, et l'autre de la Comtesse de Schouvaloff, mère, que sa santé très détériorée et au point que j'en ai été étonné, oblige d'aller éprouver les bienfaits du climat d'Italie, et qui Lui demande la permission de prolonger par ce motif son absence de Sa cour. Si V: M-té daigne lui répondre, comme je le crois, je la supplie de lui faire passer par mon entremise la réponse dont Elle l'honorera.

Le major de Thuflen que j'envoie en courrier avec cette expédition, n'ayant pas à passer par Riga, je prends la liberté de prier V: M-té d'y faire parvenir à M-gr le Duc Alexandre, son frère, qui s'y trouve, la lettre dont m'a chargé pour lui le Duc Ferdinand, et que je joins également ici.

XXIV.

Въна 13 Авг. 1807.

Государыня,

Третьяго дни, въ десять часовъ вечера, когда я уже сидѣлъ одинъ у себя, занятый письмами, я былъ приятно изумленъ появленіемъ герцога Фердинанда, брата В. И. В-ва, посѣтившаго меня прежде, чѣмъ я узналъ о его пріѣздѣ. Я съ огорченіемъ выслушалъ разсказъ, коего онъ меня удостоилъ, о повелительномъ, небратскомъ пріемѣ, сдѣланномъ ему королемъ, его братомъ, и о всѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ находился онъ во время краткаго своего появленія въ Лудвигсбургѣ. Онъ не

имѣть также повода быть довольнымъ герцогомъ Лудвигомъ, который, пользуясь полною благосклонностію короля, поддерживасть его въ его семейныхъ притязаніяхъ. Король требуетъ, что-бы всѣ принцы его братья отказались отъ иностранныхъ орденовъ и носили-бы только его ордена, а также что-бы они оставили иностранную службу и возвратились въ его владѣнія. На это-то герцогъ Фердинандъ не счелъ возможнымъ согласиться, что и послужило поводомъ къ сценѣ, происшедшей между королемъ и имъ, къ продолженію секвестра, положеннаго на его удѣлъ, и къ быстрому его возвращенію сюда. Онъ увѣрялъ меня, что предпринялъ эту поѣздку лишь по совѣтамъ Императора Франца, который также присовѣтовалъ ему напрасное его путешествіе въ Парижъ, а затѣмъ въ Варшаву и въ Берлинъ. Послѣ пребыванія своего въ Парижъ, онъ видѣлъ Императора Наполеона лишь въ проѣздъ его черезъ Дрезденъ, имѣлъ съ нимъ лишь одинъ разговоръ, въ которомъ добился только обѣщанія, что королю его брату будетъ замолвлено слово въ его пользу. Герцогъ Александръ должно быть также получилъ приказаніе оставить Русскую службу и вернуться въ отечество; но я полагаю, что онъ предпочтетъ остаться тамъ, гдѣ ему такъ хорошо и не откажется отъ пріятнаго своего существованія въ Ригѣ и пользованія прекраснымъ своимъ Курляндскимъ помѣстьемъ. Герцогъ Фердинандъ завѣрялъ меня, что онъ съ неизмѣнною правильностію писалъ къ В. В-ву каждую недѣлю, и что лишь съ начала войны только что кончившейся, пересталъ онъ давать Вамъ о себѣ вѣсти, опасаясь сдѣлаться докучливымъ. Онъ думаетъ, что если-бы въ бытность свою въ Парижъ, онъ согласился оставить Австрійскую службу, онъ по протекціи Франціи получилъ-бы владѣніе въ Германіи и былъ-бы допущенъ въ Рейнскій союзъ. Но теперь, когда всѣ его путешествія, всѣ его попытки со времени Пресбургскаго мира кончились совершенною неудачею, когда онъ ниче-

го не добился отъ Франціи, не успѣлъ примириться съ королемъ своимъ братомъ, а напротивъ, разошелся съ нимъ болѣе, чѣмъ когда-либо; когда хлопотами, вызванными скудостію его средствъ, онъ навлекъ на себя осужденіе и невыгодное мнѣніе многихъ; когда у него не остается иной поддержки, кромѣ временной пенсіи въ 20 т. флориновъ, дарованной ему Императоромъ Францомъ — онъ дѣйствительно достоинъ сожалѣнія. Онъ захотѣлъ узнать мое мнѣніе о томъ, что слѣдуетъ ему дѣлать. Такъ какъ онъ все еще числится на Австрійской службѣ, и его полкъ остается за нимъ, то я счелъ нужнымъ посоветовать ему, что-бы онъ просто и прямо, для того, что-бы быть къ чему нибудь привязаннымъ, попросилъ о дѣйствительномъ назначеніи, сообразномъ съ его фельдмаршальскимъ саномъ. Хотя онъ и былъ отлично принятъ Императоромъ и эрцгерцогами Карломъ и Юсифомъ, я однако-же не думаю, что-бы онъ скоро въ этомъ успѣлъ, ибо всѣ высокія военныя должности во внутренности имперіи и на границахъ заняты, и едва-ли захотятъ кого-либо смѣнить въ его пользу. Однако-же онъ останется покуда въ Вѣнѣ, и для меня будетъ особеннымъ удовольствіемъ видѣть его часто, ибо при каждомъ свиданіи, его имя, его черты будутъ напоминать мнѣ, что онъ одной крови съ моею благодѣтельницею, что онъ имѣетъ счастье быть Ея братомъ, и мнѣ будетъ казаться, что я въ Павловскѣ, гдѣ мы видались съ нимъ ежедневно у В. В-ва. Эти указанія передаютъ лишь очеркъ того, что онъ сообщалъ мнѣ въ откровенномъ разговорѣ; полагаю, что приложенное при семъ письмо, которое онъ просилъ мнѣ доставить В. В-ву, послужитъ дополненіемъ къ моему.

Въ теченіи двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Вѣнѣ, все мое время такъ мало мнѣ принадлежало, что я не имѣлъ еще возможности написать Е. И. Нелидовой: умоляю Ваше Величество передать ей это и увѣрить ее въ моей неизмѣнной привязанности.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Р. С. Честь имѣю препроводить при семъ В. В-ву два письма, адресованныя на Ваше имя; одно отъ герцога Фердинанда, мною уже упомянутое, другое отъ гр. Шуваловой-матери, которую здоровье разстроенное въ степени меня удивившей, принуждаетъ искать помощи въ Италіянскомъ климатѣ: это просьба о дозволеніи ей продлить свое отсутствіе отъ двора. Если В. В-во, какъ я полагаю, удостоите ее отвѣта, умоляю Васъ переслать этотъ отвѣтъ черезъ меня.

Такъ какъ майоръ Тюленъ, котораго я посылаю курьеромъ съ этимъ письмомъ, не пройдетъ черезъ Ригу, осмѣливаюсь просить В. В-во доставить туда герцогу Александру Вашему брату, письмо къ нему, порученное мнѣ герцогомъ Фердинандомъ, и также при семъ приложенное.

XXV.

Vienne le $\frac{23 \text{ d' Aout}}{(4 \text{ de Septembre})}$ 1807.

Madame,

Le comte de Béroldingen envoyé extraordinaire de Wurtemberg en me faisant part de la mort de la C-esse d'Uxkull m'a remis par ordre de S: M-té Wurtembergeoise une lettre de ses parents pour V: M: I., que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint, et les marques de l'ordre St: Catherine de la 2-de classe dont cette dame étoit revêtue, que j'adresse à m-r d'Archenewsky, trésorier du chapitre des ordres de Russie.

Ce que je n'ai pu dire à V: M-té par la poste au sujet de M-gr le Duc Ferdinand est, que dans la dernière audience que lui a accordé l'Empereur François il en eut pour réponse aux instances qu'il lui renouvela pour être remis en activité à l'armée, que malgré toute la bienveillance qu'il lui conser-

III. 2

voit, il ne lui étoit pas possible de le faire, non seulement parcequ'il n'avoit pas de commandement militaire vacant; mais aussi parceque connaissant la volonté très prononcée du Roi son frère à son égard, il ne vouloit rien faire par attention pour lui, qui put lui être désagréable, et qu'en même tems il lui faisoit l'aveu, qu'il craignoit de mécontenter aussi par là l'Empereur Napoléon. V: M: voit que cette réponse, donnée par le souverain lui-même à son beau frère, à un Prince toujours honoré de ses bontés et qui sert sa maison depuis 27 ans, est si claire et précise, qu'elle ôte tout espoir à M-gr le Duc Ferdinand de réussir, et qu'il ne feroit que se compromettre en réitérant ses demarches. J'ai déjà informé V: M-té que dans son chagrin il prenoit la resolution de donner son entière démission, et vouloit se borner à l'unique pension de 1500 roubles qu'il reçoit de V: M-té, mais comme heureusement il a souhaité que je lui dise mon avis, j'ai taché de l'en détourner, en lui représentant qu'il devoit éviter toute précipitation, que dans la circonstance où il se trouve il ne pouvoit rien faire de mieux que de se tenir parfaitement tranquille en se contentant jusqu'à ce que les événements le favorisent davantage, de voir son nom conservé dans le tableau militaire, et de jouir de la pension considérable de 20000 florins en argent, qu'il a obtenue ici, et dont en vérité il ne peut se passer, son apanage étant séquestré et n'ayant pas d'autres revenus. Je ne puis taire pareillement à V: M: qu'on assure généralement à Vienne qu'il est sur le point d'épouser la fille du P-ce de Metternich. Je me suis permis de lui en parler. Il est convenu que c'étoit là son intention, que les dispenses pour ce mariage venoient d'arriver de-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 14

puis peu, mais qu'il ne l'accompliroit pas, et ne pouvoit le faire, tant qu'il seroit aussi gêné qu'il l'est du côté de sa fortune; qu'en se remariant il n'étoit pas en état de tenir une maison convenable; que mademoiselle de Metternich ne pouvoit lui apporter au plus que 8000 florins de rente; et que les promesses de l'Empereur faites en différentes occasions de lui donner des terres héréditaires n'étant pas exécutées il devoit renoncer malgré lui à cette union qui auroit fait son bonheur.

Je profite de mon expédition d'aujourd'hui pour communiquer aussi à V: M: en original la seconde lettre que M-gr le Duc Louis a bien voulu m'écrire. Je la supplie de me la restituer en daignant me faire connoître ce qu'Elle pense des plaintes du Duc contre les dispositions faites et ordonnées maintenant dans sa terre de Wurtzau, par la chancerie de finance de Courlande. Je n'ai pu répondre encore à S: A: R: et quand je le ferai ce ne sera qu'en termes généraux jusqu'à ce que V: M-té ne daigne par sa réponse me mettre à même, comme j'ose le désirer, de lui dire quelque chose de plus positif. En attendant je pourrai lui marquer seulement que je ne manquerai pas d'écrire en Russie pour avoir des renseignemens détaillés sur toutes ses réclamations. J'ignore jusqu'à ce moment quelle a été la décision de l'Empereur, mon maitre, sur la possession et les revenus de Würtzau et sur le mobilier de M-gr le Duc Louis, au moment qu'il a mis S: M: I-le dans le cas d'ordonner qu'il soit exclu du service avec les Princes ses fils; et comme il m'est très nécessaire de le savoir pour ma direction, je supplie V: M-té d'avoir la bonté de m'en informer.

Le translateur Frohman que j'ai trouvé attaché à mon ambassade, filleul de feu l'Empereur, wurtembergeois de naissance, tenant à une famille distinguée, et

que la protection de V: M-té a fait agréger au département des affaires étrangères, est un jeune homme fort appliqué et très employé dans ma chancellerie. Il donne beaucoup d'espérances, et la preuve de son excellente moralité est que n'ayant pour vivre que ses modiques appointemens de 400 roubles avec la bonification du change, il les partage avec sa mère, soeur du gen. Pfuhl, femme estimable et très valétudinaire qui périroit de misère sans cet acte de piété filiale de son fils unique. Ce que je dis du jeune Frohman le rend véritablement digne, que V: M: lui continue Ses bontés et cet intérêt qu'Elle a daigné prendre autrefois à son sort. Je prends donc la liberté de Lui adresser mon humble et instante prière qu'Elle puisse engager le G-al de Budberg à lui faire augmenter ses appointemens qu'il employe d'une manière si louable. Je n'aurais certainement reçu de M-r de Budberg qu'une réponse négative, en l'en priant seul; mais il ne pourra refuser à V: M: dès qu'il apprendra d'Elle les raisons qui l'engagent à procurer ce bienfait à Son ancien protégé.

Dans ce moment M-gr le Duc Ferdinand vient de sortir de chez moi. Il a écrit sur ma table son incluse à V: M: et n'ayant pas avec lui son cachet, il l'a fermée avec des oublies. Il m'a conté avec une grande sensibilité que M-r de Béroldingen l'a fait avertir, que le Roi son frère venoit de lui défendre de le recevoir dans sa maison, d'aller chez lui et de le saluer, ou de lui parler, quand il le rencontreroit en lieu tiers.

XXV.

Въна 23 Авг. 1807.
4 Сент.

Государыня.

Графъ Берольдингенъ, чрезвычайный посланникъ короля Виртембергскаго, сообщая мнѣ о смерти графини Искюль,

передалъ мнѣ, по повелѣнію его Виртембергскаго Величества, письмо отъ ея родныхъ въ В. И. В-ву, которое я имѣю честь при семъ приложить. и знаки ордена Св. Екатерины второй степени, которые были на нее возложены, и которые я посылаю г. Аршеневскому, казначею капитула Россійскихъ орденовъ.

То, чего я не могъ сказать В. В-ву по почтѣ относительно герцога Фердинанда, заключается въ слѣдующемъ: въ послѣднюю аудіенцію, данную ему Императоромъ Францомъ, въ отвѣтъ на его просьбы о дѣйствительномъ назначеніи по арміи, Императоръ отвѣчалъ ему, что, не смотря на всю свою къ нему благосклонность, онъ не можетъ исполнить его просьбы, не только за недостаткомъ ваканцій; но также потому, что, зная весьма опредѣленную волю короля его брата на его счетъ, онъ не хочетъ изъ вниманія къ королю сдѣлать что-либо ему непріятное; при этомъ Императоръ признался, что онъ боится также возбудить неудовольствіе императора Наполеона. В. В-во видите, что этотъ отвѣтъ, данный самимъ монархомъ его шурина, принцу, постоянно удостоиваемому его милостей, служащему его дому въ теченіи 27 лѣтъ, столь ясенъ и опредѣлительнъ, что отнимаетъ у герцога Фердинанда всякую надежду на успѣхъ, и что онъ лишь уронилъ-бы свое достоинство, возобновляя свои исканія. Я уже извѣстилъ В. В-во о томъ, что въ своемъ горѣ онъ рѣшался вовсе выйти въ отставку, и хотѣлъ довольствоваться одною пенсіею въ 1500 рублей получаемую имъ отъ В. В-ва; но такъ какъ онъ, къ счастью, пожелалъ узнать мое мнѣніе, то я постарался отговорить его отъ этого шага, представляя, что онъ долженъ воздерживаться отъ всякой поспѣшности, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, всего лучше ему держаться совершенно спокойно и довольствоваться, пока событія не примутъ болѣе благопріятный для него оборотъ, тѣмъ, что его

имя остается въ военнотружественныхъ спискахъ и выхлопотанною имъ здѣсь значительною пенсіею въ 20000 флориновъ серебромъ, безъ которой онъ по истинѣ не можетъ обойтись, такъ какъ удѣлъ его подъ секвестромъ, и иныхъ доходовъ у него нѣтъ. Не могу также скрыть отъ В. В-ва, что всѣ увѣряютъ въ Вѣнѣ, что онъ собирается жениться на дочери кн. Меттерниха. Я позволилъ себѣ заговорить съ нимъ отъ этого. Онъ сознался, что таково было его намѣреніе, что разрѣшеніе на этотъ бракъ недавно получено, но что совершить онъ его не можетъ, пока онъ такъ стѣсненъ денежными обстоятельствами; что женившись, онъ не былъ-бы въ состояніи держать приличный домъ; что княжна Меттернихъ могла-бы принести съ собою много что 8000 флориновъ дохода; и что такъ какъ неоднократно общанія Императора пожаловать ей наслѣдственные помѣстья не осуществлялись, онъ долженъ поневолѣ отказаться отъ этого брака, который содѣлалъ-бы его счастье.

Пользуюсь сегодняшнимъ курьеромъ, чтобы также сообщить В. В-ву въ оригиналѣ второе письмо, котораго удостоилъ меня герцогъ Лудвигъ. Умоляю васъ возвратитъ мнѣ его и сообщить мнѣ, что думаетъ В. В-во о жалобахъ герцога на распоряженія, сдѣланныя въ его имѣніи Вюрцау Курляндскою казенною палатою. Я не могъ еще отвѣтить Е. К. В.-у, и когда я это сдѣлаю, это будетъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, пока В. В-во, снисходя къ моему желанію, не дадите мнѣ возможности сказать ему что-либо болѣе положительное. Пока, могу только отвѣтить ему, что я не премину написать въ Россію, чтобы получить подробныя справки по всѣмъ его требованіямъ. Я еще не знаю, каково было рѣшеніе Государя Императора на счетъ имѣнія Вюрдау и доходовъ съ него, а также на счетъ движимости герцога Лудвига, послѣ того, какъ онъ подалъ Его Императорскому Величеству поводъ исключить его

изъ службы съ принцами его сыновьями; и такъ какъ мнѣ весьма нужно объ этомъ знать для руководства, то умоляю В. В-во меня объ этомъ извѣстить.

Переводчикъ Фроманъ, котораго я нашелъ состоящимъ при моемъ посольствѣ, крестникъ покойнаго Государя, Виртембержецъ по рожденію, принадлежащій къ хорошему семейству, и по покровительству вашего Величества причисленный къ департаменту иностранныхъ дѣлъ — молодой человекъ весьма прилежный и весьма полезный въ моей канцеляріи. Онъ подаетъ большія надежды, и доказываетъ свою прекрасную нравственность тѣмъ, что, имѣя на жизнь лишь скудное содержаніе въ 400 рублей (при курсовой потерѣ) онъ дѣлитъ его съ матерью, сестрою генерала Пфуля, женщиною почтенною и весьма болвною, которая погибла-бы отъ нужды безъ этой помощи отъ единственнаго своего сына. То, чтѣ я говорю о молодомъ Фроманѣ, по истинѣ дѣлаетъ его достойнымъ того, чтобы В. В-во сохранили ему свои милости и то участіе, которое Вы нѣкогда соизволили принять въ его судьбѣ. И такъ осмѣливаюсь покорнѣйше и настоятельно просить В. В-во, чтобы Вы склонили генерала Будберга увеличить ему жалованіе, изъ ко-его онъ дѣлаетъ столь похвальное употребленіе. Я-бы, конечно, прося отъ себя г-на Будберга, могъ-бы только получить отрицательный отвѣтъ; но ему нельзя будетъ отказать В. В-ву, когда онъ узнаетъ отъ Васъ причины, побуждающія Васъ доставить это новое благодѣяніе человекъ, Вами уже облагодѣтельствованному.

Въ эту минуту, герцогъ Фердинандъ только что вышелъ отъ меня. Онъ написалъ на моемъ столѣ включенное тутъ письмо, и не имѣя при себя печати, онъ запечаталъ его облаткою. Онъ рассказалъ мнѣ съ крайнимъ огорченіемъ, что г. Берольдингенъ далъ ему знать, что король его братъ запрещаетъ ему принимать его въ своемъ домѣ, бывать у него, кланяться ему или

говорить съ нимъ при встрѣчѣ въ третьемъ мѣстѣ.

XXVI

à Vienne, le 2e de Septembre 1807.

Madame,

Je suis en possession à la fois de deux lettres de V: M: I., de Peterhoff du 27 de Juillet, et de Pavlovskoi du 3 d'Aout. Les expressions flatteuses de bienveillance, dont elles sont remplies, me rendent parfaitement heureux. D'après le sentiment qui m'a engagé à écrire mon N° 25 à V: M: pour invoquer Sa protection et me mettre en ce que j'avais de plus cher sous Ses auspices, Elle pourra facilement juger de la joie que j'ai eue d'apprendre, quand je ne pouvais m'en flatter encore, la grace distinguée que S: M: l'Empereur a daigné m'accorder en me conférant le rang de la 1-re classe. Je ne l'ai appris que par la voie de la poste ordinaire, il y a trois jours, par les félicitations particulières que j'en ai reçues, et par le peu de mots que V: M: a bien voulu m'en dire. Je Lui fais l'aveu sincère que ne changeant pas Sa manière d'envisager l'événement, auquel j'ai eu à contribuer et qui m'a procuré ce témoignage public de la satisfaction et de la haute approbation de mon Auguste Maître, Elle m'enlève la plus grande partie du bonheur dont j'aurais dû jouir maintenant. Je Lui ai dépeint progressivement, et avec tant d'exactitude et d'impartialité tout ce dont j'ai été le témoin, tout ce que je parvenais à savoir de source, à Tilsit, que je me permettais d'espérer qu'Elle auroit une autre conviction, qu'Elle auroit celle que l'état de notre armée, de nos finances, et de nos forces, que l'abandon, que nous éprouvions de nos alliés et en général que toutes nos circonstances exigeaient impérieusement que sans per-

dre plus de tems, l'Empereur se décidait à la résolution salutaire qu'il a prise; qu'en s'obstinant à soutenir une lutte, où la balance penchoit déjà si visiblement contre nous, il auroit seulement compromis sa propre gloire, l'intégrité et les intérêts de son Empire; et qu'en fin il ne pouvoit faire rien de mieux et de plus avantageux pour la Russie, rien qui y fut plus unanimement désiré, que ce qu'il a fait. Notre génération actuelle le bénit; nos générations futures le béniront; que le Ciel le conserve! A l'ombre de la paix, par les fruits qu'il en recueillera, il préparera de nouvelles destinées à la Russie, elles seront brillantes, quand il pourra la rendre heureuse et tranquille au dedans et formidable au dehors, et la reconnaissance de tous ses sujets qui les attendent augmente déjà leur amour et leur attachement pour lui. Est-il donc possible que V: M-té ait résisté à toutes les explications que lui ont sans doute données S: M: l'Empereur et M-gr le Grand Duc Constantin! En mon particulier il m'est extrêmement douloureux, je dirai plus, je suis inconsolable, de voir V: M: que je chéris comme ma Bienfaitrice, que je vénère dans tous Ses sentimens, dans toutes Ses actions, aussi divergeante qu'Elle l'est avec moi sur des objets clairs et convainquans qui me parroissent ne pas avoir besoin d'être discutés longtems pour fixer en leur faveur l'opinion qu'on doit en avoir. Mais je me console encore par l'espérance que les événemens même me justifieront bientôt près de V: M-té: Elle conviendra alors, que je n'ai pas eu tort, que je n'ai été qu'impartial, que j'ai bien jugé par la constance de mes principes politiques de ce qui avoit à favoriser le mieux, et avec le plus de durée la puissance et les intérêts de ma patrie. Ce qui est arrivé dans la

Méditerranée, ce que se passe à présent dans la Baltique et le Sund, révolte toutes les âmes généreuses et magnanimes, et doit faire revenir des prédilections, ou des préventions d'habitude quelques fortes qu'elles soient. Je n'ai jamais été ni anglois, ni françois, je suis trop attaché à l'honneur et à la prospérité de mon pays, pour être l'un ou l'autre; je ne suis que Russe, et c'est en ma qualité de Russe que je prends la liberté de parler avec une entière franchise à V: M-té. Ce que j'ose lui dire, je le dirais à la face de l'Eternel si j'avais à comparoître devant Lui dans ce moment.

Je ne me pardonne pas les inquiétudes et la précipitations que j'ai eue, en me décidant à écrire ma lettre N° 25 à V: M-té. Quand je l'écrivois, tout ce que je désirais, tout ce que je voulois devoir à l'intervention de V: M: étoit déjà accompli, mes vœux étoient remplis avant d'avoir été connus. Je n'étais pas oublié comme je craignois de l'être. S: M: L'Empereur m'avoit spontanément accordé la grace que je croyois pouvoir en obtenir. Je me juge à présent avec cette sévérité que V: M: a si souvent employée envers moi; je me condamne pour mon impatience et les doutes qu'elle a pû m'inspirer; et en le faisant j'ai d'autant plus raison de me livrer à la joie et à la reconnaissance que me causent la bienveillance de mon maitre, et la distinction honorable que je lui dois. C'est la dernière de toutes celles que je pourrais en recevoir; mais mon attachement pour sa personne et mon zèle pour son service, n'ont pas besoin d'être encouragés, et j'en serai déjà amplement récompensé, dès qu'il daignera ne pas me priver du moyen de pouvoir les lui témoigner toujours.

Je pouvais croire que m-r le général de Budberg auroit voulu me montrer

l'attention (ce qui est assez d'usage entre des personnes liées entre elles, comme je le suis avec lui, par des relations immédiates de service) de me communiquer officiellement la grace peu commune que m'accordoit S: M: l'Empereur, et non seulement il ne l'a pas fait, mais jusqu'à présent je n'ai pas encore reçu une seule ligne de sa part, pas même la copie du traité que j'ai négocié et signé, et que je lui ai demandée avec instance, en le quittant à Tilsit, comme m'étant très nécessaire. Je ne le dis à V: M: que parceque je ne Lui cache rien, et ne m'en plaignant pas, parceque je dois avoir l'air de ne pas le remarquer, je La supplie de le garder pour Elle seule.

J'ai écrit à M-gr le Duc Louis en lui faisant parvenir la lettre de V: M:, pour la Duchesse son épouse, de même qu'à M-gr le Duc Eugène en lui envoyant le paquet du P-ce son fils. M-gr le Duc Ferdinand est presque toujours à Maydingen, petit bourg dans les environs de Vienne, pour y rétablir sa santé; deux fois je l'ai invité à dîner, sans avoir eu l'honneur de le posséder chez moi; il me semble que les désagrémens de sa situation lui donnent une grande mélancolie, et qu'il évite avec soin de se montrer dans le monde.

M-me l'Archiduchesse Béatrix, quand j'ai été admis chez elle, la P-sse François de Lichtenstein, et la C-sse de Chanclos, m'ont parlé avec le plus vif intérêt de V: M: I: et de la vénération qu'elles Lui portent. Les deux premières se sont très bien conservées et ont peu changé, dans les vingt-cinq ans que je ne les ai pas vues. Quant à la C-sse de Chanclos, elle a beaucoup engraisé et vieilli, mais au reste il paroît qu'elle jouit d'un état d'aisance et de prospérité. Elle habite

à présent une très-jolie maison qu'elle a achetée à Schoenbrunn, et s'occupe beaucoup d'une nièce fort jolie, qui a épousé un C-te Esterhazy, jeune homme assez aimable et fort riche.

Vienne n'est plus ce qu'elle étoit autrefois, sous le règne de l'Empereur Joseph, au tems où je me suis vû à la suite de V: M:. C'est bien le même local, les mêmes rues, les mêmes maisons, et celles-là n'ont ni diminué, ni augmenté; mais ce n'est plus le même ton, ce ne sont plus les mêmes sociétés, les mêmes spectacles: tout y est froid, monotone, languissant. Ce séjour, tel qu'il est à présent, ne peut véritablement plaire et convenir qu'à un âge aussi avancé que le mien, quand on ne cherche et qu'on ne connoît plus d'autres attraits que sa tranquillité et un climat temperé. M-me l'Archiduchesse Elisabeth, P-sse remplie d'esprit et d'amabilité et qui à l'âge de 70 ans conserve une tournure à Elle et une vivacité pareille à celle de son frère Joseph II., me disoit dernièrement à un spectacle de société que le C-te Louis Cobenzl a donné le jour de St. Alexandre, vieux style, à sa campagne pour célébrer la fête de l'Empereur mon maître:—je désire que Vous soyez le troisième ambassadeur de Russie, qui preniez racine à Vienne; vous n'y serez pas gêné; un chacun y vit comme il veut, mais ne vous attendez pas à y trouver une cour, il n'y en a pas, ce n'est plus ce que c'étoit du tems de ma mère; on se rappelle d'elle toujours ici, et peut-être encore dans d'autres pays.

L'Empereur François est parti depuis quelques jours pour faire une tournée à Gratz, Laubach et Saltzbourg, c'est principalement pour y inspecter les tribunaux. Les regrêts qu'il donnoit à la perte de feu l'Imperatrice, sa femme,

sont entièrement calmés; on le dit fort amoureux de la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine, qu'il va épouser; pour la prouver, on conte, qu'il se rase, et qu'il va la voir, ou lui écrit tous les jours. Ce mariage n'est plus un mystère, on en parle publiquement, il doit se faire déjà à la fin de Novembre à cause de l'impatience du Promis, et pour le déclarer on attend seulement que les six mois après le décès de feue l'Impératrice soient écoulés.

J'ai été interrompu ici par le courrier de Bagration, qui m'a apporté la lettre de V: M: du 19 d'Aôut. Je suis bien fâché que mon voyage m'a empêché de Lui donner régulièrement de mes nouvelles; d'après la nature de la commission de confiance, dont Elle m'avoit honorée, je puis me représenter les inquiétudes que Lui causoit mon silence, et j'y ai souvent songé avec peine; mais à présent Elle doit avoir entre Ses mains toutes mes lettres écrites de Merzericze, de Cracovie, et dans les premières semaines de mon séjour ici. Ma grande expédition faite avec le major de Thuylen lui sera déjà sans doute parvenue. Celle-là Lui attestera le zèle et l'activité que j'ai mis à me bien acquitter de Ses ordres, je ne Lui ai rien tâ de tout ce que mon devoir et ma conscience me prescrivoient de porter à Sa connaissance; et j'ose me flatter que tout ce qu'Elle aura appris de moi l'empêchera de regretter qu'un certain projet dont nous nous sommes tant occupés avant mon départ de Pétersbourg, n'a pas été abordable et qu'il faut l'oublier.

Ce que j'apprends journellement m'oblige à Lui répéter, que si même il auroit pû réussir, jamais il n'auroit produit aucun des avantages que nous en attendions, quand nous n'en jugions que d'après des données générales et dans l'éloignement. Je supplie V: M-té de

communiquer cette nouvelle conclusion que je fais à Son égard à M-me la Grande Duchesse Catherine, en me rappelant à Son souvenir et à Ses bontés avec tout cet attachement et ces vœux qu'Elle me connoit pour Elle, et qui ne changeront jamais.

J'avoue à V: M: que le P-ce Bagration m'embarresse beaucoup en voulant que je lui envoie sa femme. Quelque soit le langage que j'emploierai, je doute fort que j'y réussisse. Je ne l'ai plus trouvée ici; elle était déjà à Carlsbad, où le vieux Duc de Weymar s'est beaucoup occupé d'elle; on m'a dit aujourd'hui, qu'elle veut par réciprocity aller le voir dans sa résidence, et qu'après y être restée un ou deux jours, elle retournera immédiatement à Vienne. Cappellini, qui est aussi son medecin, trouve son état de santé très alarmant; sa maladie consiste dans un grand dérangement dans les intestins; elle en souffre à présent et doit en craindre de très mauvaises suites pour l'avenir. Je veux employer Cappellini pour m'aider à lui faire naître l'envie de ne plus apporter de délai à son retour en Russie. Mais je crains qu'elle ne nous écoute pas; alors il faudra l'y forcer en coupant court au crédit qu'elle a pu se former ici et en ne lui envoyant plus d'argent. Il est très vrai qu'elle fait des dépenses extravagantes dont tout le monde s'étonne et rit; elle tient maison ouverte et donne des fêtes, sans y être forcée, et personne ne lui en a aucune obligation.

Disant tout à V: M:, je ne puis passer sous silence la conduite ridicule et vraiment impardonnable de Razoumoffsky envers moi. J'ai été en tout au devant de lui avec les procédés les plus délicats et les plus pressés; je ne demandais pas mieux que d'avoir à les lui continuer; mais comment y-a-t'il

repondu? Il n'est venu me voir que le lendemain de mon arrivée, et après ma troisième missive pour la lui annoncer. Depuis j'ai diné trois fois chez lui, sans qu'il ait jugé à propos de venir une seule fois chez-moi. Deux fois je l'ai invité à diner, sans qu'il ait voulu venir. Cependant je l'ai encore invité une troisième fois avec tous les Russes qui se trouvent ici, à un grand diner que j'ai donné pour célébrer la fête de S-t Alexandre, en marquant sur mes cartes que je faisais cette invitation à l'occasion de la fête de l'Empereur, mon Auguste Maître. Ce jour là 60 personnes ont diné chez moi. De nouveau il n'est pas venu, ce qui a été remarqué à son désavantage par tout le monde; la veille il revint d'une maison de chasse où il étoit, il m'écrivit un billet d'excuses très froid, et alla diner chez Mylord Pembrock, sans penser à la politesse qu'il auroit pu avoir de passer pour un instant chez moi, pour me dire lui même que le lendemain je ne devais pas le compter parmi le nombre de mes convives. Le jour de la S-t Louis, M-me de Rombeck donnoit une fête, où nous nous rencontrâmes; je l'abordai dès que je le vis, mais pendant la soirée, en parlant souvent à mes voisins, il ne me dit pas le mot et ne m'approcha pas. Ceci fut encore remarqué, et on l'en a blâmé généralement. Après avoir reçu de lui trois refus, je ne m'exposerai pas à en recevoir d'autres; je ne l'inviterai plus, je n'irai plus chez lui quand même la fantaisie pourroit lui revenir de m'inviter encore. Je lui ai toujours connu de la morgue, mais jamais je n'en ai été l'objet, et je ne m'imaginai pas que ce seroit ici que j'aurois à le devenir. Les réminiscences qu'il doit avoir, et les dispositions que j'avais de ne lui témoigner que les plus grandes attentions, me donnoient le droit

de m'attendre à une autre conduite et à d'autres égards de sa part. Je me crois audessus de tout ce qu'il peut faire d'irrégulier envers moi. Jamais je ne lui en montrerai de mauvaise humeur, il ne pourra pas la provoquer, et je me contente à trouver que s'il ne sait pas vivre et se conduire, que ce n'est pas de moi de le corriger, et tant pis pour lui.

Je ne m'étonne pas que V: M: malgré le beau tems, soit restée si peu cette année-ci à Péterhoff, car Elle avoit perdu deux mois de son séjour ordinaire à Pavlowskoé, et il étoit bien naturel à Elle de vouloir en jouir ensuite le plus qu'Elle pouvoit. J'ose lui demander, si le monument de feu l'Empereur est fort avancé, si la partie de boston a recommencé pendant les soirées de l'automne, si les bals du dimanche ont toujours lieu pour la jeune famille. Espérant que M-grs les Grands Ducs Nicolas et Michel et M-me la Grande Duchesse Anne ne m'ont pas encore entièrement oublié, j'ose prier V: M-té de daigner leur présenter mon respectueux hommage.

Sans le vouloir et bien contre mon gré, je suis toujours en faute, vis-à-vis de mon ancienne et très chère amie, M-lle de Nélidoff. Jusqu'à présent je n'ai pu encore lui écrire. Dix fois j'ai pris la plume à la main pour la faire, et toujours des incidens inattendus m'en ont empêché. Mais elle doit être trop sûre de mon attachement et de ma reconnaissance pour m'en vouloir; qui mieux qu'elle peut savoir que ce n'est pas mon coeur qui se tait envers elle; que mon silence ne vient que des circonstances et de mes occupations; et puis V: M-té lui communiquant comme je le crois mes lettres, elle y trouve tout ce que j'aurois eu à lui écrire sur mon compte. Je ne me trompe pas sans doute

en supposant qu'elle est restée avec deux ou trois dames de la communauté à Pavlovskoé, pendant le voyage de Péterhoff. J'espère que sa santé est enfin entièrement rétablie, et qu'elle passe les mêmes heures de la journée près de V: M-té, comme par le passé. Parfaitement persuadé qu'elle aura pris une grande part à la paix de Tilsit, et après à mon avancement, je me formalise de ce qu'elle n'a pas voulu trouver un instant de loisir, pour me le dire en peu de mots elle même. J'y aurais été bien sensible; je l'aurais été tout autant que je le suis à l'indifférence qu'elle semble me témoigner au sujet de ces deux événemens, qui me regardent si particulièrement. V: M-té me fera une grace en daignant le lui dire.

Je demande pardon à V: M-té, de l'avoir fatiguée aujourd'hui par la lecture d'une aussi longue lettre que l'est celle-ci. Mais Elle connoit le premier besoin et la première des satisfactions de mon coeur, et en les Lui rappelant je Lui indique en même tems, ce qui a fait ma faute, et ce qui doit être mon excuse.

Je suis avec le plus profond respect.

XXVI.

Въна 14 Сент. 1807.

Государыня.

Я получилъ разомъ два письма отъ В. И. В-ва, одно изъ Петергофа отъ 27-го Юля, другое изъ Павловска отъ 3-го Августа. Лестныя выраженія благосклонности, коими они наполнены, вполне осчастливили меня. По чувствамъ, побудившимъ меня написать В. В-ву мое письмо подъ № 25. зывающее къ Вашему покровительству и помощи въ томъ, что для меня всего дороже, Вы легко можете судить о радости, испытанной мною, при извѣстїи, предварившемъ мои ожиданія, объ особенной милости, которой удостоилъ меня Государь

Императоръ, возводя меня въ чинъ перваго класса. Я узналъ объ этомъ лишь путемъ обыкновенной почты, черезъ частныя поздравленія, полученныя мною, и черезъ тѣ немногія строки, которыя соблаговолили написать мнѣ В. В-во. Но сознаюсь чистосердечно, что В. В-во, оставаясь при Вашемъ возрѣніи на событіе, въ которомъ пришлось мнѣ участвовать и которое доставило мнѣ явное свидѣтельство высокаго одобренія моего Августѣйшаго Повелителя, тѣмъ самымъ отнимаете у меня бѣольшую долю счастья, коимъ я долженъ былъ-бы теперь наслаждаться. Я описывалъ Вамъ послѣдовательно, съ полною точностію и безпристрастіемъ все то, чего былъ я свидѣтелемъ въ Тильзитѣ, все то, что могъ я узнать изъ самыхъ источниковъ. Я по этому позволялъ себѣ надежду, что В. В-во прійдете къ иному мнѣнію, и убѣдитесь, что состояніе нашей арміи, нашихъ финансовъ, нашихъ силъ, что отступничество нашихъ союзниковъ и вообще всѣ наши обстоятельства повелительно и безъотлагательно требовали спасительнаго рѣшенія, къ которому пришелъ Государь Императоръ; что, упорствуя въ борьбѣ, въ коей вѣсы уже такъ видимо склонялись не въ нашу сторону, онъ только подвергъ бы опасности собственную свою славу, дѣлостъ и интересы своихъ владѣній; что наконецъ онъ не могъ сдѣлать ничего болѣе выгоднаго для Россіи, ничего, что-бы болѣе соотвѣтствовало ея единодушнымъ желаніямъ. Нынѣшнее поколѣніе благословляетъ его, грядущія поколѣнія его благословятъ; да сохранить его Небо! Подъ сѣнію мира, пользуясь плодами его, онъ уготовитъ новыя судьбы для Россіи, и онъ будутъ блистательны, когда ему удастся сдѣлать ее счастливою и спокойною внутри и страшною извнѣ и благодарностъ всѣхъ его подданныхъ, чающихъ отъ него этихъ великихъ судебъ, уже увеличиваетъ къ нему ихъ привязанностъ и любовь. Возможно-ли, что-бы В. В-во устояли противъ всѣхъ объясненій, безъ сомнѣнія Вами полученныхъ отъ Государя Импе-

ратора и отъ Великаго Князя Константина Павловича? Для меня лично крайне прискорбно, скажу болѣе, я не могу утѣшиться въ томъ, что В. В-во, которую я обожаю какъ мою благодѣтельницу, которой я поклоняюсь во всѣхъ ея чувствахъ, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, на столько расходитесь со мною насчетъ вещей убѣдительныхъ и ясныхъ, повидимому не требующихъ долгаго обсужденія для того, чтобы объ нихъ установилось надлежащее мнѣніе. Но еще утѣшаюсь надеждою, что самыя событія оправдаютъ меня передъ В. В-омъ; Вы признаете тогда, что меня винить не въ чемъ, что я только былъ безпристрастенъ, и что твердость моихъ политическихъ правилъ дала мнѣ возможность судить о томъ, что могло принести наибольшую и самую прочную пользу интересамъ моего отечества. То, что произошло на Средиземномъ морѣ, то, что происходитъ теперь на Балтійскомъ и въ Зундѣ, возмущаетъ всѣ благородныя души, и должно разсѣять всѣ пристрастія, всѣ привычныя предрасудки, какъ-бы ни были они сильны. Я никогда не былъ ни Англичаниномъ, ни Французомъ, и слишкомъ дорожу честью и благополучіемъ моей родины, чтобы быть тѣмъ или другимъ; я только Русскій, и лишь въ качествѣ Русскаго осмѣливаюсь я говорить съ В. В-вомъ съ такою полною откровенностію. То же, что осмѣливаюсь я говорить Вамъ, я сказалъ-бы и передъ лицомъ Всевышняго, если-бы мнѣ теперь-же пришлось предстать предъ Нимъ.

Не могу простить себѣ той безпокойной поспѣшности, которая побудила меня написать В. В-ву мое письмо подъ № 25. Когда я писалъ его, все то, чего я желалъ, чѣмъ я хотѣлъ быть обязаннымъ В. В-ву, уже было мнѣ дано. Желанія моя были исполнены прежде, чѣмъ о нихъ узнали. Я не былъ забыть, какъ я этого опасался. Государь Императоръ по собственному движенію оказалъ мнѣ милость, которую я хотѣлъ у Него выпросить. Я теперь сужу о себѣ

съ тою строгостію, которую такъ часто оказывали мнѣ В. В-во, осуждаю себя за мое нетерпѣніе и за тѣ сомнѣнія, которыя оно могло во мнѣ возбудить, и тѣмъ болѣе имѣю я поводовъ къ радости и благодарности къ моему Повелителю за его благосклонность, за почетную милость, имъ мнѣ оказанную. Это послѣдняя изъ всѣхъ тѣхъ, которыя я могъ получить отъ него; но моя привязанность къ его особѣ и ревность къ его службѣ не нуждаются въ поощреніяхъ, и для меня будетъ достаточною наградою возможность постоянно выказывать эти чувства.

Я могъ надѣяться, что г. генераль Будбергъ соизволитъ оказать мнѣ вниманіе (довольно обычное между лицами связанными подобно намъ непосредственными служебными отношеніями) офиціальнымъ сообщеніемъ о несовсѣмъ обычной милости, оказанной мнѣ Государемъ Императоромъ; и не только онъ этого не сдѣлалъ, но я до сихъ поръ не получилъ отъ него ни единой строки, ни-же копии съ трактата, мною подписаннаго, о которой я, разставаясь съ нимъ въ Тильзитѣ, просилъ его настоятельно, ибо она мнѣ весьма нужна. Говорю объ этомъ В. В-ву лишь потому, что ничего отъ Васъ не скрываю, и, не жалуясь на эти поступки, которыхъ я, для виду, не долженъ замѣчать, умоляю В. В-во объ этомъ не говорить.

Я написалъ къ Герцогу Лудвигу, отсылая ему письмо Вашего Величества къ Герцогинѣ его супругѣ, и точно также къ Герцогу Евгенію, отправляя къ нему посылку отъ принца его сына. Герцогъ Фердинандъ почти постоянно живетъ въ Майдлингенѣ, мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Вѣны, для поправленія своего здоровья; я два раза приглашалъ его обѣдать, но не имѣлъ чести видѣть его у себя; повидимому, непріятности его положенія наводятъ на него сильную грусть, и онъ тщательно избѣгаетъ выѣздовъ въ свѣтъ.

Эрцгерцогина Беатриса, когда я былъ у нея принять, княгиня Лихтенштейнъ,

и графиня Шанкло, съ самымъ живымъ участіемъ говорили мнѣ о В. В-вѣ, и о своей къ Вамъ преданности. Двѣ первыя очень хорошо сохранились и мало измѣнились въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ видѣлъ. Что касается до гр. Шанкло, то она очень пополнила и состарѣлась, впрочемъ она имѣетъ видъ счастливый и довольный. Она живетъ теперь въ очень красивомъ домѣ, купленномъ ею въ Шёнбруннѣ, и очень занята хорошенькою своею племянницею, вышедшею за мужъ за графа Эстергази, молодого человѣка довольно любезнаго и очень богатаго.

Вѣна теперь уже не то, чѣмъ была прежде, въ царствованіе Императора Юсіа, въ то время когда я находился при свитѣ Вашего Величества. Это та же мѣстность, тѣ-же улицы, тѣ-же дома, и ихъ не убавилось и не прибавилось; но нѣтъ уже прежняго тона, прежнихъ обществъ, прежнихъ зрѣлищъ, все стало холодно, однообразно, безжизненно. Жизнь здѣшняя въ томъ видѣ, какой она приняла теперь, по истинѣ можетъ прійтись по вкусу и по нраву лишь въ мои преклонныя лѣта, когда не ищешь и не знаешь иныхъ удовольствій, кромѣ спокойствія и умѣреннаго климата. Эрцгерцогиня Елисавета, принцесса, исполненная ума и любезности, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ сохранившая своеобразный складъ ума и живость, напоминающую ея брата Юсіа II, говорила мнѣ недавно, на домашнемъ спектаклѣ, данномъ графомъ Лудвигомъ Кобенцлемъ на его дачѣ, въ день Св. Александра, по старому стилю (въ ознаменованіе имени Государя Императора): „желаю, что-бы вы были третьимъ Русскимъ посланникомъ, пускающимъ корни въ Вѣнѣ; вы тутъ не будете стѣснены ни въ чемъ, всякій здѣсь живетъ, какъ хочетъ; но не ожидайте, что найдете здѣсь дворъ; его нѣтъ, теперь не то, что во времена моей матери. Ее все еще вспоминаютъ здѣсь, а быть можетъ и въ другихъ странахъ.“

Императоръ Францъ уже нѣсколько дней какъ выѣхалъ въ Грацъ, Лайбахъ и Зальцбургъ, главнымъ образомъ для того, чтобы обзрѣть судебныя мѣста. Печаль его о покойной Императрицѣ совершенно успокоилась; говорятъ, что онъ очень влюбленъ въ юную Эрцгерцогиню, свою двоюродную сестру, на которой онъ женится; въ доказательство, рассказываютъ, что онъ ежедневно брѣтается, и посѣщаетъ ее, или пишетъ къ ней. Этотъ бракъ уже не тайна, объ немъ открыто говорятъ; онъ долженъ совершиться въ концѣ Ноября, по нетерпѣнью жениха, и чтобы объявить о немъ, только ждутъ, чтобы прошло шесть мѣсяцевъ со смерти покойной Императрицы.

Тутъ меня прервалъ курьеръ отъ Багратиона, привезшій мнѣ письмо В. В-ва отъ 19-го Августа. Я крайне огорченъ тѣмъ, что мое путешествіе помѣшало правильному полученію моихъ писемъ. По своему конфиденціальному порученію, коего удостоили меня В. В-во, могу себѣ представить безпокойство, причиненное моимъ молчаніемъ, и я часто съ огорченіемъ думалъ объ этомъ; но теперь въ рукахъ В. В-ва должны находиться всѣ письма, посланныя мною изъ Мержерицы, изъ Кракова, и въ первыя недѣли моего пребыванія здѣсь. Мое большое письмо, отправленное съ майоромъ Тюиленомъ, конечно теперь уже дошло до Васъ. Оно засвидѣтельствуетъ о рвеніи и дѣятельности, приложенныхъ мною къ точному исполненію Вашихъ приказаній; я не умолчалъ ни о чемъ, что по долгу и совѣсти я былъ обязанъ довести до свѣдѣнія В. В-ва; и смѣю надѣяться, что все сказанное мною отъиметь у Васъ всякое сожалѣніе о томъ, что извѣстный проектъ, которымъ мы столько были заняты до отъѣзда моего изъ Петербурга, оказался неисполнимымъ и что слѣдуетъ о немъ забыть.

То, что я узнаю ежедневно, обязываетъ меня повторить В. В-ву, что даже если-бы онъ удался, никогда-бы изъ него не проистекли тѣ выгоды, коихъ мы

ожидали, судя издали, и по общимъ даннымъ. Умоляю В. В-во сообщить Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ это новое заключеніе, къ которому я пришелъ на Ея счетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить меня ея воспоминанію и Ея милостямъ, съ выраженіемъ той привязанности и преданности, которыя Ей извѣстны, и которыхъ ничто не измѣнить.

Признаюсь В. В-ву, что кн. Багратионъ ставитъ меня въ большое затрудненіе своимъ желаніемъ, чтобы я прислалъ къ нему его жену. Какимъ языкомъ я ни говорилъ бы съ нею, сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я не засталъ ея здѣсь; она была уже въ Карльсбадѣ, гдѣ старый герцогъ Веймарскій сильно занимался ею; сегодня мнѣ сказали, что она изъ признательности хочетъ посѣтить его въ его резиденціи, и что, пробывши тамъ день или два, она немедленно вернется въ Вѣну. Капеллини, который ее лѣчитъ, находитъ состояніе ея здоровья весьма опаснымъ; болѣзнь ея состоитъ въ значительномъ разстройствѣ кишокъ; она имъ страдаетъ теперь, и должна опасаться въ будущемъ весьма дурныхъ послѣдствій. Хочу воспользоваться Капеллини, чтобы внушить ей мысль не откладывать болѣе своего возвращенія въ Россію. Но боюсь, что она насъ не послушается; тогда нужно будетъ ее къ этому принудить, пресѣкая кредитъ, который она могла себѣ здѣсь составить, и не высылая ей болѣе денегъ. Совершенно справедливо, что она дѣлаетъ безумныя издержки, которымъ всѣ удивляются и смѣются; она держитъ открытый домъ и даетъ праздники, не будучи къ тому принуждена, и никто ей за это не благодаренъ.

Такъ какъ я говорю В. В-ву все, то не могу умолчать о смѣшномъ и поистинѣ непростительномъ поведеніи со мною Разумовскаго. Я во всемъ пошелъ къ нему навстрѣчу самымъ деликатнымъ и предупредительнымъ образомъ; я только и желалъ продолжать въ томъ-же смыслѣ наши отношенія; но какъ отвѣ-

тилъ онъ на мою предупредительность? Онъ посѣтилъ меня лишь на другой день по моему пріѣздѣ, и послѣ третьяго моего о томъ извѣщенія. Съ тѣхъ поръ я три раза обѣдалъ у него, онъ-же не счелъ нужнымъ быть у меня ни разу. Два раза я приглашалъ его обѣдать, но не дождался его. Однакоже я пригласилъ его еще въ третій разъ, вмѣстѣ со всѣми Русскими здѣсь находящимися, на большой обѣдъ, который я далъ, чтобы отпраздновать день Св. Александра, причемъ въ приглашеніяхъ было сказано, что они рассылаются по случаю именинъ Государя Императора. Въ этотъ день обѣдало у меня 60 человекъ. Опять онъ не пріѣхалъ, что, къ его невыгодѣ, и было замѣчено всѣми; наканунѣ онъ вернулся съ охоты, написалъ мнѣ извинительную записку, весьма холодную, и отправился обѣдать къ милорду Пемброку, не подумавши о томъ, чтобы изъ учтивости заѣхать ко мнѣ на минутку и сказать мнѣ лично, что я на другой день не долженъ рассчитывать на его присутствіе въ числѣ моихъ гостей. Въ день Св. Лудвига, г-жа Ромбекъ дала праздникъ, на которомъ мы встрѣтились; я тотчасъ подошелъ къ нему, но въ теченіи вечера, часто говоря съ моими сосѣдями, онъ не сказалъ мнѣ ни слова и ни разу не подходилъ ко мнѣ. Это опять было замѣчено, и навлекло на него всеобщее порицаніе. Получивши отъ него три отказа, я не стану подвергать себя новымъ, я не стану болѣе приглашать его, и не стану къ нему ѣздить, даже если ему прійдетъ фантазія снова приглашать меня. Я всегда зналъ его спѣсь, но никогда ей не подвергался и не воображалъ, что мнѣ прійдется испытать ее здѣсь. Воспоминанія, которыя онъ долженъ хранить, и мое расположеніе оказывать ему во всемъ крайнее вниманіе, давали мнѣ право ожидать отъ него иного поведенія, иной предупредительности. Считаю себѣ выше всѣхъ неправильностей, которыя онъ можетъ себѣ позволить относительно меня. Никогда не покажу

я ему неудовольствія, да онъ и не можетъ возбудить его во мнѣ; я довольствуюсь тѣмъ, что нахожу, что онъ не умѣетъ жить и обращаться съ людьми, и тѣмъ хуже для него.

Я не удивляюсь тому, что Ваше Величество, несмотря на хорошую погоду, такъ мало прожили въ этомъ году въ Петергофѣ, ибо Вы пропустили два мѣсяца Вашего обычнаго пребыванія въ Павловскѣ, и естественно пожелали за тѣмъ какъ можно долѣе насладиться имъ. Осмѣливаюсь спросить Васъ, подвигается-ли памятникъ покойному Государю, возобновилась-ли по осеннимъ вечерамъ бостонная партія, все-ли происходятъ по воскресеньямъ балы для юнаго семейства. Надѣясь, что Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи и Великая Княжна Анна Павловна еще не совсемъ забыли меня, смѣю просить Ваше Величество передать имъ мой почтительнѣйшій поклонъ.

Противъ воли и желанія, я все еще виновата противъ моего стариннаго и дорогаго друга Е. И. Нелидовой. До сихъ поръ, я не могъ еще написать ей. Разъ десять, я бралъ въ руки перо, чтобы это сдѣлать, и каждый разъ мнѣ мѣшалъ какой-либо неожиданный случай. Но она должна быть слишкомъ убѣждена въ моей привязанности и въ моей признательности, чтобы сѣтовать на меня. Кто лучше ея можетъ знать, что сердце мое не участвуетъ въ этомъ молчаніи; что оно лишь слѣдствіе занятій и обстоятельствъ, а за тѣмъ В. В-во, какъ полагаю я, сообщаете ей мои письма, и она находитъ въ нихъ все то, что я могъ-бы написать ей о себѣ. Я конечно не ошибаюсь, предполагая, что во время путешествія въ Петергофъ, она оставалась въ Павловскѣ съ двумя-тремя монастырскими дамами. Надѣюсь, что ея здоровье наконецъ совершенно поправилось, и что она проводитъ съ В. В-вомъ тѣ-же часы, какъ и въ прежнія времена. Совершенно убѣжденный въ томъ, что она приняла самое живое участіе въ Тильзитскомъ ми-

рѣ и затѣмъ въ моемъ повышеніи, я обижаюсь тѣмъ, что она не удосужилась сама сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ. Я былъ-бы очень чувствителенъ къ такому вниманію; настолько-же, насколько я чувствителенъ къ равнодушію, которое она повидимому выказываетъ относительно этихъ двухъ событій, столь близко касающихся меня. В. В-во крайне одолжите меня, передавъ ей это.

Прошу извиненія у В. В-ва въ томъ, что утомилъ Васъ сегодня чтеніемъ столь длиннаго письма. Но вамъ извѣстны первая потребность и первое счастье моего сердца; напоминая о нихъ, я указываю въ одно время и на источникъ моей вины, и на поводъ къ извиненію. Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXVII.

à Vienne le ^{23 de Septembre,}
(5 d'Octobre) 1807.

Madame,

J'expédie aujourd'hui en courrier le jeune Schilling, neveu de feu m-me de Benkendorf, en cédant aux instances qu'il m'en a faites pour arriver plutôt à Pétersbourg, où il va chercher sa soeur, élevée par la générosité et sous les auspices de V: M: I.; et c'est lui que je charge de cette lettre. Je viens de recevoir celle dont V: M: m'a honoré en date du 25 d'Aôut; je la suppose écrite au Palais Taurique, et non à Pavlovskoé, puisqu'Elle daigne me dire, qu'après s'en être occupée Elle va voir entrer les gardes. Je suis d'autant plus sensible à ce témoignage de grande bonté de Sa part, qu'Elle a bien-voulu me l'accorder en m'écrivant dans un moment, où Elle étoit pressée et ne pouvoit disposer de Son tems à volonté. Mais ce qui m'afflige, ce qui augmente mes inquiétudes jusqu'à ce que j'aurai appris d'Elle-même, comment Elle envisagera tout ce que j'ai eu l'hon-

neur de lui dire, avec des détails aussi clairs que positifs, dans ma lettre du $\frac{1}{2}$ d'Août; c'est que V: M: ayant été satisfaite de mes premières nouvelles d'ici, l'attente que celles-là semblent lui avoir données, sur ces informations qu'Elle avoit encore à recevoir de moi, n'a pû être remplie.—Ce que j'ai dû Lui dire n'étoit certainement pas ce que je désirois, ni ce qui pouvait répondre au désir et à l'attente de V: M-té et à ceux de M-me la Grande Duchesse. Mais j'avois à Les informer de la vérité, telle que j'ai pû la connoître; tout m'en imposoit le devoir, et je m'en suis acquitté. Quand même j'aurois été en état de Lui présenter un tableau plus agréable, la démarche que j'avois à soigner ne pouvant plus être faite à propos, n'auroit pû que compromettre sans aucun succès quelconque; car j'ai la preuve qu'avant mon arrivée, et d'abord après le refus de la Princesse de Saxe, le choix de l'Empereur s'étoit déjà fixé sur sa cousine germaine la jeune Archiduchesse Béatrix. — On prétend qu'il en est fort amoureux, et ce mariage, d'après son caractère, et ses habitudes connues, et par quantité de considérations de famille, doit lui convenir plus que tout autre. Puisqu'il faut donc renoncer au projet que son veuvage avoit fait naître pour l'établissement de M-me la Grande Duchesse, ce n'est pas selon moi une raison pour revenir à l'un des deux projets antérieurs, formés pour Elle, car ayant fait la connaissance personnelle des deux Princes, de Bavière et de Prusse, j'ai pris la liberté de représenter à V: M: de Tilsit, qu'indépendamment de l'inconduite envers la Russie du père du premier d'entr'eux, et du peu de fortune du second, leurs extérieurs et leurs qualités morales ne sont pas tels, qu'ils puissent être dignes de la main d'une Princesse aussi accom-

plie, et encore moins lui plaire et mériter les sentimens de son coeur. L'Archiduc Jean, quatrième frère de l'Empereur, est d'une figure si intéressante et si agréable, il a tant de belles qualités, il est si aimable, et s'applique tant au métier qu'il a embrassé, il fixe tant l'affection et l'espérance générale du public, que s'il avoit déjà un sort pareil à celui de ses frères aînés les Archiducs Charles et Joseph, ou, si on pouvoit lui en former un, qui le rendit plus indépendant en assurant le bien-être de sa postérité, j'ose croire, qu'alors il n'y auroit pas de Prince en Europe qui par sa naissance, sa figure et ses qualités solides et aimables, put convenir autant à M-me la Grande Duchesse Catherine et être plus digne d'elle que lui. Je n'ose en parler qu'il cause du voeu ardent que je forme à chaque instant que M-me la Grande Duchesse puisse enfin être établie, et qu'elle doive aux soins maternels de V: M: ce bonheur parfait et durable, auquel personne n'a plus de droits qu'elle.

En suppliant V: M: de me rappeler aux bontés de M-gr le Grand Duc Constantin et de M-me la Grande Duchesse Catherine et de faire mes compliments à m-mes de Liewen et de Nélidoff, je Lui renouvelle l'assurance de l'attachement sans bornes et du profond respect avec lesquels je suis etc.

XXVII.

Вѣна 23 Сент. 1807.
5 Окт.

Государыня.

Я сегодня посылаю курьеромъ молодого Шилинга, племянника покойной г-жи Бенкендорфъ, уступая его просьбамъ о доставленіи ему возможности быть поскорѣе въ Петербургъ, куда онъ ѣдетъ за сестрою, воспитанной шед-

ротами и подъ покровительствомъ В. В-ва, и ему поручаю я это письмо. Я только что получилъ то, коего удостоили меня В. В-во отъ 25-го Августа: предполагаю, что оно написано изъ Таврическаго Дворца, а не изъ Павловска, ибо Вы изволите говорить, что, окончивши его, Вы будете смотрѣть разводъ. Я тѣмъ болѣе чувствителенъ къ этому свидѣтельству Вашей ко мнѣ милости, что В. В-во соизволили оказать мнѣ его въ минуту, гдѣ Вы были заняты и не могли располагать вполне своимъ временемъ. — Но что меня огорчаетъ, что увеличиваетъ мое безпокойство, пока я не узнаю отъ Васъ самой Вашего возрѣнія на все, что я имѣлъ честь сказать Вамъ, съ полною подробностію и ясностію въ письмѣ моемъ отъ 1 $\frac{1}{2}$ Августа, это то, что В. В-во, оставшись довольны первыми извѣстіями, мною посланными, могли основать на дальнѣйшихъ ожидаемыхъ отъ меня свѣдѣнійхъ надежды, которыя не сбылись. То что я долженъ былъ сказать Вамъ, конечно не было тѣмъ, чего я желалъ, ни тѣмъ, что могло соответствовать желаніямъ и надеждамъ, какъ В. В-ва, такъ и Государыни Великой Княжны. Но мнѣ приходилось писать Вамъ истину, на сколько я могъ ее узнать; все налагало на меня эту обязанность, и я ее исполнилъ. Даже если бы я былъ въ состояніи представить В. В-ву картину болѣе приятную, шагъ, мнѣ порученный, могъ-бы только уронить насъ, не приводя ни къ какому успѣху; ибо я имѣю доказательства тому, что до моего прѣзда и тотчасъ послѣ отказа принцессы Саксонской, выборъ Императора уже остановился на его двоюродной сестрѣ, молодой эрцгерцогинѣ Беатрисѣ. — Увѣряють, что онъ очень влюбленъ, и этотъ бракъ, судя по его характеру и по извѣстнымъ его привычкамъ, и въ силу многихъ семейныхъ соображеній, долженъ быть ему по сердцу болѣе всякаго другаго. Но если нужно слѣдовательно отказаться отъ плана, вызваннаго для Великой Княжны вдовствомъ Им-

ператора, то это не есть, по моему мнѣнію, причина, чтобы вернуться къ одному изъ двухъ прежнихъ, сдѣланныхъ для нея предположеній; ибо, познакомившись лично съ двумя принцами, Баварскимъ и Прусскимъ, я осмѣлился представить В. В-ву изъ Тильзита, что независимо отъ дурнаго поведенія относительно Россіи отца перваго изъ нихъ, и отъ малаго состоянія втораго, ихъ наружность и ихъ нравственныя качества не таковы, чтобы они могли считаться достойными руки столь прелестной принцессы, и еще менѣе понравиться ей и заслужить ея привязанность. Эрцгерцогъ Іоаннъ, четвертый братъ Императора, имѣетъ лицо столь интересное и пріятное, у него столько прекрасныхъ качествъ, онъ такъ любезенъ, и такъ дѣятеленъ по той части, которую онъ избралъ, онъ настолько сосредочиваетъ на себѣ вниманіе и надежды общества: что еслибы онъ имѣлъ уже положеніе, подобное занимаемому его старшими братьями, эрцгерцогами Карломъ и Іосифомъ, или, если-бы ему можно было доставить такое, дѣлающее его независимымъ черезъ обезпеченіе его потомства, — то смѣю думать, что тогда не нашлось-бы принца въ Европѣ, который по рожденію, по наружности, по своимъ основательнымъ и любезнымъ качествамъ могъ-бы болѣе понравиться Великой Княжнѣ Екатериנѣ Павловнѣ, и быть болѣе ея достойнымъ. Смѣю говорить о немъ лишь въ силу пламеннаго и постояннаго моего желанія видѣть Великую Княжну наконецъ пристроенною, и обязанною материнскимъ попеченіямъ В. В-ва тѣмъ полнымъ и прочнымъ счастіемъ, на которое никто болѣе ея не имѣетъ правъ.

Умоляя В. В-во поручить меня милостямъ Великаго Князя Константина Павловича и Великой Княжны Екатерины Павловны и передать мой поклонъ графинѣ Ливенъ и Е. И. Нелидовой, повторяю увѣренія въ безграничной преданности и глубочайшемъ почтеніи, и т. д.

XXVIII

à Vienne, le $\frac{27 \text{ de Septembre}}{(9 \text{ d'Octobre})}$ 1807

Madame,

Le courrier qui m'a été expédié pour me porter la reponse, dont V: M: I-le m'a honorée en date du 4 de Septembre à ma lettre du 13 d'Août, est arrivé et me l'a remis hier. Ce que je craignois tant d'avance, s'est donc effectivement accompli. Toutes les explications que j'ai eu a faire, tous les détails dont j'ai instruit V: M.: n'ont pu être accueillis par Elle et par M-me la Grande Duchesse Catherine comme j'avois à le souhaiter! Mais en tout ce que je Lui ai dit, je n'ai parlé que d'après le devoir de ma conscience, que d'après mon attachement pour V: M: et Son auguste famille, que d'après la plus exacte vérité, que d'après tout ce que j'ai vu, entendu et pu juger moi-même; et j'ose répéter encore une fois que très certainement la non-réussite du projet que j'avais à soigner n'est pas à regretter. Je ne disconviens pas que nous connaissions déjà à Pétersbourg les principaux traits du caractère, des qualités, et des habitudes de l'Empereur François; mais leur impression sur nous dans l'éloignement ne pouvoit pas être celle qu'ils ont produits sur moi ici, quand je les ai connus de plus près et plus particulièrement. Je suis persuadé que M-me la Grande Duchesse n'auroit pas éprouvé d'autres sentimens, et n'auroit pas vu avec d'autres yeux que moi.—L'assiduité et la nature des soins auxquels elle avoit à se vouer, l'insipide monotonie de l'emploi de son tems, la mesquinerie du service et des objets qui l'eussent entourée, n'auroient jamais pu la satisfaire et la rendre heureuse. J'en ai la conviction et ne puis penser autrement.

Il est très vrai que si les circonstances m'avoient permis d'arriver ici deux mois plutôt, que j'aurais trouvé alors le choix de l'Empereur François encore non déterminé, et que peut être j'aurois eu la possibilité de lui remettre la lettre de V: M: I-le, mais quand même je l'eus fait, la question de la religion Grecque, toute neuve pour les souverains de l'Autriche, auroit été inabordable, je le sais par toutes les informations que j'en ai prises; et si même par le plus grand et le plus inattendu des hazards, elle eut pu être applanie, ce que je ne crois pas, je reviens toujours à soutenir que la personne et les habitudes de François I-er ne pouvoient convenir à M-me la Grande Duchesse, et que son hymen avec lui, en l'enlevant au bonheur que le coeur maternel de V: M: désire lui procurer, n'auroit eu qu'à lui faire exercer journellement les efforts de sa raison.

L'Empereur François est décidément fort amoureux de sa promise, et j'ai eu l'honneur de le dire déjà à V: M-té. Rien ne le prouve mieux, que les grandes dépenses dont il s'est chargé pour former son trousseau, malgré son goût connu pour l'épargne, et le propos qu'il doit avoir tenu souvent, qu'en se mariant pour la troisième fois il devoit avouer, que les deux premières fois il ne l'avoit été que par la politique, et que ce n'étoit que cette troisième fois qu'il alloit se marier par le choix et le voeu de son propre coeur. La jeune Archiduchesse Béatrix doit être véritablement fort intéressante, ayant de l'esprit, de l'instruction, et beaucoup de fraîcheur et d'agrément dans sa figure. Son éducation a été fort austère, et c'est au point qu'elle n'a jamais paru en public et n'a pas même été à aucun spectacle jusqu'à présent, et on prétend que cette innocence parfaite de sa part

lui subjugué encore davantage l'Empereur. V: M-té peut conclure de là, s'il est possible de le décider à rompre un engagement aussi avancé, et s'il peut m'être convenable, avec cette grande certitude de ne pas réussir, de tenter à cet effet des insinuations, ou des démarches quelconques, quelque bien amenées qu'elles puissent être? Il ne nous reste qu'à condamner à un oubli profond l'existence de ce projet, auquel j'ai été un des premiers à me complaire, tant que je n'ai pas été sur les lieux où il avoit à s'accomplir.

Il n'y a pas de doute que tout engage V: M: et S: M: l'Empereur, Son fils, à avoir d'autres vues pour l'établissement de M-me la Grande Duchesse Catherine. Ne pouvant contredire aux raisons de la répugnance que M-me la Grande Duchesse a d'accorder sa main au P-ce Royal de Bavière, et ne le trouvant pas moi-même assez aimable pour Elle, quoiqu'il soit doué d'un excellent coeur et qu'il est destiné à devenir un des plus puissants souverains de l'Allemagne, je m'arrête aux trois Princes que V: M: daigne me nommer comme ceux qu'Elle juge être dignes de M-me Sa fille et pouvoir maintenant lui convenir. Je ne manquerai pas de prendre sur chacun d'eux les renseignemens les plus vrais et les plus détaillés; les notions que j'ai à rassembler sur le P-ce Royal de Wurtemberg me seront les plus difficiles; mais en attendant, V: M-té me permettra de Lui émettre exposées sur le compte de ces Princes mes reflexions suivantes.

Le P-ce Royal Son neveu a sans doute le sort le plus brillant d'entr'eux; on loue sa figure et son esprit, mais je ne puis supposer que dans ses goûts et ses principes il soit aussi sûr et aussi sévère que les deux archiducs. La passion qu'il a eue pour la D-lle

III. 3

Abel, son opiniâtreté à vouloir l'épouser, la conduite peu régulière qu'il a tenue envers le roi son père me donnent cette opinion, et puis son alliance éloigneroit trop M-me la Grande Duchesse de son pays natal, et ne seroit pas aussi utile et conforme aux intérêts politiques de la Russie que celle de la maison d'Autriche.

Le jeune Archiduc Ferdinand, avec cette belle réputation de bravoure qu'il s'est acquise pendant la campagne de 1805, avec toutes ses qualités distinguées, et même avec cet extérieur agréable qu'il doit avoir, n'est que le second de la branche de troisième génération de sa famille, n'a pas de fortune, n'a aucun appanage, n'a d'autres ressources que celles que lui offre le service qu'il a embrassé, et ne peut jamais aspirer à être aussi bien traité que peuvent l'être les archiducs frères de l'Empereur.

C'est l'archiduc Jean seul, je l'avoue, qui est l'objet de mes vœux, parceque d'après l'impression qu'il a produit sur moi, quand il m'a donné audience, j'ai la persuasion que sa beauté mâle et son amabilité peuvent lui mériter le coeur de M-me la Grande Duchesse, autant qu'il est digne de sa main par son mérite et sa naissance. Je suis enchanté de voir que le bien, que je n'ai pu m'empêcher d'en dire déjà, a pu lui attirer l'attention de V: M: et celle de l'Empereur mon maître. Je le suis d'autant plus que dans ma dernière lettre à V: M: j'ai pris la liberté de le lui recommander, comme le plus digne, selon moi, d'entre tous les jeunes princes de l'Europe qui peuvent prétendre à présent à l'honneur d'épouser M-me la Grande Duchesse Catherine.

Pour que ce souhait ardent que je forme pour elle ne reste pas aussi cette fois inutile et sans effet, et pour satis-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 15

faire d'une manière sûre aux questions que V: M: m'a faites sur le sort futur, qui peut être accordé à l'Archiduc Jean, désirant d'y contribuer de mon mieux, et ayant bien réfléchi aux moyens que je pouvois en avoir, j'ai trouvé qu'il falloit absolument que ceux là fussent soutenus par le zèle et la bonne volonté du c-^{te} de Stadion, et je me suis décidé à m'ouvrir confidentiellement envers lui. Voici comment je l'ai fait.

Je lui ai demandé pour ce matin un entretien particulier. Après avoir glissé pour la forme sur différents événemens diplomatiques, j'allai droit à mon but en lui disant que j'avois à lui faire un aveu, auquel il ne s'attendoit pas, mais qui lui seroit la plus forte preuve de la grande confiance que je place en lui, et de ma sollicitude personnelle à resserrer encore plus les liens de l'alliance et de l'intimité qui subsistent entre nos deux Empires; qu'en tout ce que j'avois à lui communiquer je n'agissais que de mon chef, de mon propre mouvement et qu'il seroit seul à le savoir; que je désire vivement apprendre de lui ce qu'il peut penser d'une idée qui m'est venue, que je n'ai encore fait connoître à personne, et qui ne cesse de m'occuper, parceque je la crois également avantageuse à la Russie et à l'Autriche; que s'il l'approuve et en porte le même jugement que moi, qu'alors j'espère qu'il m'assistera avec zèle pour la réaliser, et qu'il m'accordera préalablement ses conseils pour la fixer dans le vague où je la tiens encore; que je lui avoue, qu'en venant ici, je me livrais à l'espérance que par son entremise je pourrais engager l'Empereur à demander en mariage M-me la Grande Duchesse Catherine, dont il connoit lui-même les belles qualités et les perfections, mais que bientôt après mon arrivée j'avois dû y renoncer avec le plus vif regret,

ayant eu le chagrin de savoir que l'hymen de l'Empereur étoit finalement arrangé avec la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine; que j'avois longtems hésité, et qu'enfin je m'étois décidé à ne pas le lui cacher, en le priant de me dire avec la même franchise, et sous le sceau du secret, si un des Archiducs ne pourroit pas remplacer l'Empereur, et quel seroit celui d'entr'eux qui par son établissement et son mérite pouvoit le plus espérer que M-me la Grande Duchesse pût lui être accordée. Après avoir complètement abondé dans mon sens et dans mon désir, et après s'être étendu en témoignages de reconnaissance pour mes dispositions favorables envers l'Autriche, il me répondit qu'il croyoit que l'union avec l'Empereur auroit rencontré des difficultés pénibles, et peut-être insurmontables à cause de la différence de religion (ce que je savois avant lui) et qu'il alloit me nommer l'un après l'autre tous les Archiducs afin que nous puissions nous concerter ensemble sur celui d'entr'eux qui nous parroitroit le plus conforme à nos intentions communes.

Au nom de l'Archiduc Ferdinand, grand duc de Wurtzbourg, je dis que depuis longtems le bruit circuloit qu'il alloit se remarier, et qu'il me sembloit que son âge n'approchoit pas assez de celui de M-me la Grande Duchesse.

Au nom de l'Archiduc Palatin, dont il prétendoit connoître la prédilection particulière pour M-me la Grande Duchesse depuis son dernier séjour à Pétersbourg, je dis que les rites de notre Eglise ne permettoient pas que deux soeurs épousassent le même mari.

L'Archiduc Antoine, déjà grand-maître de l'ordre Teutonique, nous le passâmes malgré la probabilité de la sécularisation prochaine de sa principauté.

Enfin nous nous arrêta mes à l'Archiduc Jean, dont la figure et les qualités sont si distinguées; il donna des éloges à son caractère, à son application, à sa douceur, à ses principes, en ajoutant que tous les enfants de l'empereur Léopold avoient été très bien élevés, qu'ils avoient tous de l'instruction et beaucoup de religion. C'est beaucoup, mais ce n'est pas tout, lui repondis-je; quel est son sort actuel, quel est l'établissement qu'on pourra lui donner à l'occasion de son mariage, quel sera le bien-être qu'il pourra assurer à sa postérité, car ce n'est pas avec sa pension actuelle du $2\frac{1}{2}$ fl., qu'il pourroit se présenter pour devenir l'époux d'une Grande Duchesse de Russie?—Le traitement ordinaire d'un Archiduc qui s'établit, dit Stadion, est de 50 à 60 mille florins par an.—Cette somme là, repliquai-je, est aussi bien insuffisante; mais entre les regles de l'arithmétique ne compte-t-on pas la multiplication, et ne pourroit on pas l'employer dans ce cas?—Oh, oui, et même en triplant ces 50 fl.; me repondit Stadion.—Fort bien, dis-je, un revenu de 150 fl: pourroit être acceptable, mais il faudroit y réunir une place de gouverneur-général avec une résidence agréable et convenable, car le jeune couple seroit généré et ne pourroit pas se considérer bien établi en ne quittant jamais Vienne; et qu'il me sembloit qu'on pourroit choisir à cet usage la Bohème, et que l'Archiduc y resideroit à Prague, ou les deux Gallicie, et qu'il pourroit y habiter Lemberg ou Cracovie; que je trouvois pour lui le séjour de Prague préférable à cause du grand et beau château qui s'y trouve, mais que lui et M-me la Grande Duchesse préféreroient peut-être celui de Lemberg à cause du voisinage de la Russie. Le c-^{te} Stadion m'objecta que depuis la perte

des Pays-Bas et du Milanez l'Empereur n'avoit plus de places de gouverneurs-généraux à distribuer, et qu'il seroit embarrassé pour en créer une nouvelle, parceque toutes les provinces qui composent à présent la monarchie Autrichienne sont reunies en un seul et même corps et assujeties à une seule et même administration; et qu'au reste que l'archiduc Charles avoit déjà prouvé l'intérêt qu'il prenoit au sort de ses frères en cedant volontairement la grande maitrise de l'ordre Teutonique à l'archiduc Antoine, et qu'il ne me paroissoit pas probable, que lui, étant généralissime et ministre de la guerre et de la marine, s'opiniâtre à ne pas céder à un autre de ses frères le poste purement honorifique de gouverneur-général de la Bohème en faveur de l'occasion, si favorable aux intérêts de la maison d'Autriche pour laquelle on pourroit lui demander cette cession; qu'il dépendoit uniquement de la volonté de l'Empereur de limiter l'autorité du nouveau gouverneur-général, et de la constituer de façon qu'elle n'intervertisse pas la marche qu'il avoit établie pour l'administration uniforme de ses états; et qu'il me paroissoit que ce mariage que nous projetions pour l'archiduc Jean ne pouvoit avoir lieu, qu'autant qu'on lui auroit accordé une pension, qui ne fut pas audessous de 150 fl: dont il m'a fait mention, un grand gouvernement et une autre résidence que Vienne. Stadion finit par se ranger de mon avis sur tous ces points, en m'assurant de l'empressement qu'aura son maître de cimenter davantage son alliance avec la Russie, en fesant épouser à son frère M-me la Grande Duchesse, et qu'il étoit persuadé d'avance du plaisir avec lequel il voudra arranger le mariage de l'archiduc Jean, en améliorant son sort dès que Stadion

lui en feroit la proposition de lui-même, qu'il ne vouloit pas en écrire à l'Empereur, qui retourne de Saltzbourg avant 15 jours, mais qu'il lui en parleroit avec instance, et comme d'une idée de sa part, d'abord après son retour; que ce ne seroit qu'à son premier travail qu'il pourra connoître la décision de l'Empereur sur la manière de donner cours à l'idée du mariage de l'archiduc Jean, et surtout ce qu'il jugeroit à propos de faire pour améliorer son sort et lui donner un établissement convenable; qu'alors il m'en instruiroit pour que j'y fasse de nouvelles remarques, si elles me paraissent nécessaires; qu'il n'y avoit rien de plus aisé, que d'envoyer l'hyver prochain l'archiduc à Pétersbourg, qu'on pourroit trouver plusieurs prétextes plausibles pour ce voyage; mais qu'il lui sembloit impossible qu'il ne dévinât pas le but, pour lequel on l'y forçoit aller, et qu'en attendant, il se permettoit de désirer que je puisse sonder sur cette idée V: M: et savoir d'avance quelles seront à son égard Son opinion et Ses dispositions, de même que celles de S: M: l'Empereur mon maître. Je lui ai promis de le faire, mais très légèrement et pas autrement qu'avec les plus grands ménagemens par le respect que je suis accoutumé d'observer dans toutes mes relations avec V: M: I. Il m'a fait aussi de grandes instances pour que j'engage V: M: à ne pas dire un mot de ce projet qu'il formoit avec moi à l'Archiduc-Palatin, qu'il devoit absolument l'ignorer, et que s'il l'apprenoit qu'il tacheroit certainement d'en entraver l'accomplissement. Quand je lui marquai mon étonnement qu'il ne me nommoit pas aucun des trois archiducs, fils de feu l'archiduc Ferdinand, il me répondit qu'en convenant de toutes les bonnes qualités dont ils étoient doués, il ne les

croit pas en état d'être comptés parmi ceux qui peuvent espérer la main de M-me la Grande Duchesse, que l'archiduc François, l'ainé d'entr'eux, a perdu le Brisgau qui avoit été devolu à son père comme une indemnité pour le duché de Modène; que pas un d'eux ne possédoit de grands biens ou de grands revenus, et que jamais aucun d'eux n'auroit le moyen et le droit d'obtenir tout ce que l'Empereur pourroit accorder pour l'établissement d'un de ses frères, et qu'étant fils et frères d'Empereurs ils sont plus rapprochés du Trone, et jouissent du titre d'Altesces Imperiales que les autres n'ont pas.

En exécutant les ordres de V: M:, je Lui restitue ci-joint Sa lettre autographe à cachet volant, destinée pour François I-er, que j'avois conservé en dépôt chez moi, depuis que l'Empereur mon maitre a daigné me la confier à Tilsit.

J'ai été tellement animé par le sentiment qui m'attache à V: M: et à M-me la Grande Duchesse, qu'insensible à la fatigue du corps, et sans ménager mes yeux, je n'ai pas quitté mon bureau depuis du soir jusqu'à sept heures du matin pour achever d'emblée cette lettre, qui contient le rapport détaillé de tout ce que j'ai pû déjà faire, ayant appris Ses dernières intentions, pour La tranquilliser et pour servir de mon mieux M-me la Grande Duchesse Catherine. Il n'y a rien que je ne fasse pour lui prouver le vif intérêt qu'elle m'inspire, et que je prends à son bonheur; je chéris en elle le souvenir, le génie et les traits de la physionomie de feu l'Empereur mon Bienfaiteur.

Je serai parfaitement heureux, si V: M: ne sera pas mécontente de la prétendue confidence que j'ai crû devoir faire à Stádion et de la tournure dont je l'ai enveloppée; et si Elle daigne me

dire, que dans tout ce que j'ai fait et dit, j'ai pû mériter Son approbation. Il n'y a pas d'événement dans ma vie ou Sa bienveillance ne m'ait été et ne me soit nécessaire pardessus tout.

Je suis avec le plus profond etc.

XXVIII.

Вѣна $\frac{27 \text{ Сент.}}{9 \text{ Окт.}}$ 1807.

Государыня,

Курьеръ, отправленный съ отвѣтомъ, коего удостоили меня В. И. В-во отъ 4-го Сентября на письмо мое отъ 13-го Августа, прибылъ сюда вчера. И такъ, то, чего я напередъ боялся, сбилось на дѣлѣ! Всѣ объясненія, которыя я долженъ былъ представить, всѣ подробности, сообщенныя мною В. В-ву, не имѣли желаннаго дѣйствія ни на Васъ, ни на Великую Княжну Екатерину Павловну! Но во всемъ, что я сказалъ, я руководствовался только долгомъ моей совѣсти, только моею преданностію къ В. В-ву и Вашему Августѣйшему семейству, только точною истинною, только тѣмъ, что я видѣлъ, слышалъ и могъ обсудить лично; и смѣю повторить еще разъ, что неудача прозкта, мнѣ порученнаго, не должна возбуждать сожалѣнія. Я не отрицаю, что уже въ Петербургѣ намъ были извѣстны главные черты характера, качествъ и привычекъ Императора Франца, но впечатлѣніе произведенное ими на насъ издали, не могло быть тѣмъ-же, какое я получилъ здѣсь, когда я узналъ ихъ вблизи и болѣе подробно. Я убѣжденъ, что Великая Княжна не испытала-бы иныхъ чувствъ, и не посмотрѣла-бы на дѣло иными глазами, чѣмъ я. — Усидчивость и свойство заботъ, которымъ Она должна была-бы посвятить себя, скудной однообразіе, въ которомъ протекало-бы Ея время, скудость окружающаго Ея штата и обстановки, никогда не могли-бы удовлетворить Ея и дать Ей счастье. Я въ

этомъ убѣжденъ и иначе думать не могу. Конечно, если-бы обстоятельства позволили мнѣ прибыть сюда двумя мѣсяцами раньше, пока выборъ Императора Франца еще не опредѣлился, я быть можетъ имѣлъ-бы возможность передать ему письмо В. В-ва, но даже если-бы я это сдѣлалъ, вопросъ о православномъ исповѣданіи, совершенно новый для Австрійскихъ монарховъ, остался-бы неприступнымъ: я это знаю по всѣмъ собранымъ свѣдѣніямъ, и если даже, сверхъ всякаго чаянія, его удалось бы уладить, чего я не предполагаю, я все таки возвращаюсь къ выраженному мною мнѣнію, что личность и привычки Франца I го не могли прійтись по сердцу Великой Княжны и что Ея бракъ съ нимъ могъ бы только лишить Ея счастья, которое желаетъ Ей доставить материнское сердце В. В-ва, обрекъ бы Ея лишь на ежедневныя усилія разума.

Императоръ Францъ рѣшительно очень влюбленъ въ свою невѣсту, и я уже имѣлъ честь говорить объ этомъ В. В-ву. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ значительныя издержки, производимыя имъ для ея приданнаго, не смотря на извѣстную его бережливость, и часто, какъ говорятъ, повторяемое имъ изрѣченіе, что, „вступая въ третій бракъ, онъ долженъ признаться, что первые два были дѣломъ политики“ и что „лишь въ этотъ третій разъ онъ женится по выбору и по желанію сердца.“ Молодая эрцгерцогиня Беатриса дѣйствительно, по слухамъ, очень привлекательна: она умна, образована и лицомъ очень свѣжа и миловидна. Воспитаніе ея было весьма строгое, и это въ такой степени, что она еще ни разу не являлась въ обществѣ и даже до сихъ поръ никогда не была въ театрѣ, и увѣряютъ, что эта ея совершенная невинность еще болѣе покоряетъ ей сердце Императора. В. В-во можетъ отсюда заключить, возможно-ли ему рѣшиться на разрывъ столь подвинувагося сватовства, и прилично-ли мнѣ, при

такой увѣренности въ неудачѣ, попытаться на внушенія или на какой-либо шагъ какъ бы ни былъ онъ хорошо подведенъ? Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе этого проэкта, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось-бы его осуществить.

Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести В. В—во и его В—во Государя Императора на иные виды для супружества Великой Княжны Екатерины Павловны. Не имѣя возможности опровергать причины, по которымъ Великой Княжнѣ было-бы тѣсно отдать свою руку королевскому принцу Баварскому, и не находя самъ, чтобы онъ былъ достаточно для нея любезенъ, хотя онъ и имѣетъ отличное сердце и ему предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ могущественныхъ владѣтелей Германіи, я останавливаюсь на тѣхъ трехъ принцахъ, которыхъ В. В—во благоизволила назвать мнѣ, какъ могущихъ быть достойными Вашей Августѣйшей дочери и прійтись Ей по сердцу. Не премину собрать о каждомъ изъ нихъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія; всего труднѣе будетъ собрать мнѣ ихъ о королевскомъ принцѣ Виртембергскомъ; но пока В. В—во позволите мнѣ изложить Вамъ на счетъ этихъ принцевъ слѣдующія замѣчанія:

Королевскій принцъ, Вашъ племянникъ, конечно изъ всѣхъ трехъ имѣетъ самое блестящее положеніе; хвалятъ его наружность; но не могу предполагать, что-бы въ своихъ вкусахъ и правилахъ, онъ былъ столь-же чистъ и строгъ, какъ оба эрцгерцога. Страсть, которую онъ питалъ къ дѣвицѣ Абелъ, упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на бракѣ съ нею, несомнѣнно правильное его поведеніе относительно короля, его отца, внушаютъ мнѣ это мнѣніе; а затѣмъ бракъ съ нимъ слишкомъ-бы отдалилъ Великую Княжну отъ Ея родины, и не былъ-бы столь согласенъ съ политическими интересами Россіи, какъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ.

Молодой эрцгерцогъ Фердинандъ, при блестящей репутаціи храбрости, которую онъ стяжалъ во время кампаніи 1805-го года, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, наконецъ при красивой наружности, которую ему приписываютъ, есть лишь второй въ вѣтви третьяго колѣна въ своемъ семействѣ, не имѣетъ ни состоянія ни удѣла; у него нѣтъ иныхъ средствъ кромѣ службы, и онъ не можетъ имѣть притязаній на такое-же положеніе, какъ эрцгерцоги братья Императора.

Одинъ эрцгерцогъ Іоаннъ, признаюсь, составляетъ предметъ моихъ желаній, ибо по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня, когда онъ далъ мнѣ аудіенцію, я убѣжденъ, что его мужественная красота и его любезность могутъ тронуть сердце Великой Княжны, въ той-же мѣрѣ, какъ онъ достоинъ Ея руки по рожденію и по заслугамъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что добро, которое я сказалъ о немъ, уже привлекло на него нѣкоторое вниманіе со стороны В. В—ва и Государя Императора. Я тѣмъ болѣе тому радуюсь, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ В. В—ву, я осмѣлился рекомендовать его, какъ наиблагороднѣйшаго, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ принцевъ Европы, которые могутъ теперь имѣть притязаніе на руку Великой Княжны Екатерины Павловны.

Для того, что-бы это желаніе не осталось, подобно прежнему, недѣйствительнымъ и бесплоднымъ, для того, что-бы отвѣчать достовѣрно на вопросы В. В—ва на счетъ будущей судьбы эрцгерцога Іоанна я, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея устройству, и по зрѣломъ размысленіи о мѣрахъ, которыя могу для этого употребить, нашель, что мнѣ необходимо усердное содѣйствіе со стороны графа Стадіона, и рѣшился открыться ему конфиденціально. Вотъ какъ я это сдѣлалъ.

Я попросилъ у него на сегодняшнее утро частнаго разговора; коснувшись, для формы, разныхъ дипломатическихъ событій, я приступилъ прямо къ дѣлу, сказавъ, что я долженъ ему сдѣлать

признаніе, котораго онъ не ожидаетъ, но которое будетъ для него лучшимъ доказательствомъ моего къ нему довѣрія и моей личной заботливости о дальнѣйшемъ укрѣпленіи тѣхъ дружелюбныхъ связей, которыя существуютъ между двумя имперіями; что во всемъ томъ, что я имѣю ему сообщить, я дѣйствую отъ собственнаго лица, по собственному своему движенію, и объ этомъ узнаетъ только онъ; что я очень желаю отъ него узнать, что онъ подумаетъ о мысли, которая пришла мнѣ въ голову, и которую я еще не сообщалъ никому; которая постоянно занимаетъ меня, ибо я считаю ее одинаково выгодною и для Россіи, и для Австріи, и что если онъ ее одобритъ и согласится съ моимъ мнѣніемъ, то я надѣюсь, что онъ ревностно поможетъ мнѣ въ ея исполненіи, и что онъ предварительно не откажетъ мнѣ въ своихъ совѣтахъ, что-бы вывести ее изъ той неопредѣленности, въ которой она пока носится въ моемъ умѣ; что, пріѣзжая сюда, я предавался надеждѣ черезъ его посредство подвинуть Императора къ тому, что-бы онъ посватался къ Великой Княжнѣ Екаторинѣ Павловнѣ, прекрасныя качества и совершенства которой ему извѣстны, но что вскорѣ по прибытіи моемъ сюда, я долженъ былъ отказаться, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, отъ этого плана, узнавъ, къ крайнему своему прискорбію, что бракъ Императора съ молодою эрцгерцогинею окончательно улаженъ; что я долго колебался, и наконецъ рѣшился не скрывать отъ него моего намѣренія, и что прошу его сказать мнѣ съ тою-же откровенностью, и подъ безусловнымъ секретомъ, не могъ-ли-бы замѣнить Императора который-либо изъ эрцгерцоговъ, и кто изъ нихъ, по своему положенію и заслугамъ, могъ бы скорѣе всего надѣяться получить руку Великой Княжны. Отвѣтивъ мнѣ совершенно въ смыслъ моихъ желаній, распространившись въ свидѣльствахъ благодарности за мое благоприятное Австріи расположеніе, онъ присовокупилъ, что

бракъ съ Императоромъ встрѣтилъ-бы затрудненія, тягостныя и быть можетъ непобѣдимыя, по причинѣ разности въ исповѣданіи (что было мнѣ и безъ того извѣстно) и что онъ назоветъ мнѣ одного за другимъ всѣхъ эрцгерцоговъ, для того, что-бы мы могли сговориться на счетъ того изъ нихъ, котораго мы найдемъ наиболее соответствующимъ нашимъ общимъ намѣреніямъ.

При имени эрцгерцога Фердинанда, Великаго Герцога Вюрцбургскаго, я сказалъ, что уже давно ходитъ слухъ о его намѣреніи вступить во второй бракъ, и что, какъ мнѣ кажется, его лѣта не довольно подходятъ къ лѣтамъ Великой Княжны.

При имени эрцгерцога Палатина, о которомъ онъ увѣрялъ, что знаетъ объ особенной его привязанности къ Великой Княжнѣ со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ, я сказалъ, что правила нашей церкви не допускаютъ, что-бы двѣ сестры выходили за одного и того-же мужа.

Эрцгерцога Антона, какъ Гросмейстера Тевтонскаго Ордена, мы пропустили, несмотря на вѣроятность скорой секуляризаціи его владѣній.

Наконецъ мы остановились на эрцгерцогѣ Іоаннѣ, наружность и качества коего столь прекрасны; онъ похвалилъ его характеръ, его прилежаніе, его правила, присовокупляя, что всѣ дѣти императора Леопольда были очень хорошо воспитаны, что они всѣ имѣютъ свѣдѣнія и очень религіозны. — Это много, но это еще не все, отвѣчалъ я ему — каково его положеніе въ настоящее время, какое содержаніе можно будетъ ему дать по случаю его брака, какое благосостояніе можетъ онъ обезпечить за своимъ потомствомъ, ибо не съ пенсіею же въ 24,000 флориновъ можетъ онъ представиться искателемъ руки Русской Великой Княжны? — Обыкновенное содержаніе эрцгерцога, вступающаго въ бракъ, отвѣчалъ Стадионъ, составляетъ отъ 50 до 60 тысячъ флориновъ въ годъ. — Эта сумма, возразилъ я, также

весьма недостаточна; но между правилами арифметики не существует ли и умноженіе, и нельзя-ли было-бы его приложить въ этомъ случаѣ?—О, конечно, и даже устроивъ эти 50 тысячъ флориновъ, отвѣчалъ Стадіонъ.—Очень хорошо, сказалъ я, на доходъ въ 150 тысячъ флориновъ можно-бы согласиться, но къ нему слѣдовало-бы присоединить генераль-губернаторство съ пріятною и приличною резиденціею, ибо молодая чета была-бы стѣснена, и не могла-бы считать себя пристроенною надлежащимъ образомъ, если-бы ей нельзя было никогда оставлять Вѣну; и что для этого, по моему мнѣнію, можно было-бы избрать Богемію, и сдѣлать Прагу резиденціею эрцгерцога, или объ Галиціи, при чемъ онъ жилъ-бы въ Лембергъ, или Краковъ; что я нахожу жизнь въ Прагѣ болѣе для него удобною, по причинѣ прекраснаго и обширнаго тамошняго замка, но что онъ и Великая Княжна предпочли-бы можетъ быть жить въ Лембергъ, по причинѣ сосѣдства съ Россіею. Гр. Стадіонъ возразилъ мнѣ, что со времени утраты Нидерландовъ и Миланской области, императоръ уже не располагаетъ никакими генераль-губернаторскими мѣстами, и что ему было-бы затруднительно создать новое, потому что всѣ провинціи, составляющія теперь Австрійскую монархію, соединены въ одно цѣлое и подчинены одной администраціи. На это я сказалъ ему, что эрцгерцогъ Карлъ уже доказалъ участие свое въ судьбѣ своихъ братьевъ, и что мнѣ не кажется вѣроятнымъ, что-бы онъ, будучи уже генералиссимусомъ и министромъ военнымъ и морскимъ, отказался-бы уступить другому изъ своихъ братьевъ чисто-почетное званіе генераль-губернатора Богеміи, принявъ въ соображеніе столь благопріятный интересамъ Австрійскаго дома случай, по которому можно было-бы попросить его объ этой уступкѣ; что отъ воли Императора вполнѣ зависитъ ограничить власть новаго генераль-губернатора, такъ что-бы она не

нарушала хода однообразнаго управленія, введеннаго имъ въ его владѣніяхъ, и что мнѣ кажется, что бракъ эрцгерцога Іоанна можетъ совершиться лишь, если онъ получитъ пенсію не ниже 150 тысячъ флориновъ, о которой шла рѣчь, значительное губернаторство и новую резиденцію чѣмъ Вѣну. Стадіонъ наконецъ по всѣмъ этимъ пунктамъ склонился къ моему мнѣнію, увѣрилъ меня въ радости, съ которою его государь пожелаетъ скрѣпить союзъ свой съ Россіею посредствомъ брака между своимъ братомъ и Великою Княжною; сказалъ, что онъ убѣжденъ въ готовности Императора облегчить бракъ эрцгерцога Іоанна черезъ улучшеніе его состоянія, какъ только онъ, Стадіонъ, сдѣлаетъ ему это предложеніе отъ себя; что онъ не хочетъ писать къ Императору, возвращающемуся изъ Зальцбурга менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, но что онъ будетъ говорить съ нимъ, настойчивымъ образомъ, объ этомъ планѣ, какъ о своемъ собственномъ, тотчасъ по его возвращеніи; что лишь при первомъ докладѣ можетъ онъ узнать рѣшеніе Императора о способѣ, которымъ нужно пустить въ ходъ мысль о бракѣ эрцгерцога Іоанна, и въ особенности о томъ, что онъ сочтетъ нужнымъ сдѣлать для улучшенія его положенія и для приличнаго его обезпеченія; что за тѣмъ онъ сообщитъ мнѣ это рѣшеніе для того, что-бы я сдѣлалъ на него мои замѣчанія, если сочту это нужнымъ; что нѣтъ ничего легче, какъ послать эрцгерцога будущею зимою въ Петербургъ, что для этого путешествія можно найти много благовидныхъ предлоговъ, но что ему кажется невозможнымъ, что-бы эрцгерцогъ не угадалъ цѣли этой посылки; и что пока, онъ позволяетъ себѣ желать, что-бы я могъ коснуться этой мысли въ письмѣ къ Вашему Величеству и вывѣдать напередъ, какъ отнесется къ ней Вы и Государь Императоръ. Я обѣщалъ ему это сдѣлать, но лишь очень слегка, и не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, въ силу той почтительности,

которую я привыкъ соблюдать во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ В. И. В-вомъ. Онъ также настоятельно просилъ меня о томъ, что-бы я склонилъ В. В-во не говорить ни слова о нашемъ прозктѣ эрцгерцогу Палатину, который никакъ не долженъ узнать о немъ, иначе-же конечно постарается воспрепятствовать его осуществленію. Когда я выразилъ ему мое удивленіе тому, что онъ не называетъ мнѣ ни одного изъ трехъ эрцгерцоговъ сыновей покойнаго эрцгерцога Фердинанда, онъ отвѣчалъ мнѣ, что, отдавая справедливость прекраснымъ ихъ качествамъ, онъ не считаетъ ихъ въ рядахъ тѣхъ, которые могли-бы имѣть надежды на руку Великой Княжны; что старшій изъ нихъ, эрцгерцогъ Францъ, потерялъ Брейсгау, дарованный ему его отцомъ какъ вознагражденіе за герцогство Моденское; что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни значительныхъ имѣній, ни большихъ доходовъ, и что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни средствъ, ни права получить то, что могъ-бы сдѣлать Императоръ для устройства судьбы одного изъ своихъ родныхъ братьевъ, которые, будучи императорскими сыновьями и братьями, болѣе приближены къ престолу, и пользуются титуломъ Императорскихъ Высочествъ, котораго нѣтъ у прочихъ эрцгерцоговъ.

Исполняя приказанія В. В-ва, возвращаю Вамъ при семъ собственноручное письмо подъ открытой печатью, назначенное Францу I-му, хранившееся у меня съ тѣхъ поръ какъ Государь Императоръ изволилъ вручить мнѣ его въ Тяльзитѣ.

Я такъ одушевился чувствомъ, связывающимъ меня къ В. В-ву и къ Государынь Великой Княжнѣ, что, нечувствительный къ тѣлесной усталости, и не щадя своихъ глазъ, я не оставилъ письменнаго стола отъ вечера до семи часовъ утра, что-бы разомъ окончить это письмо, содержащее подробное донесеніе о всемъ, что я могъ до сихъ поръ сдѣлать, узнавъ послѣднія Ваши распоряженія, что-бы успо-

коить Васъ, и сослужить посильную службу Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Нѣтъ того, чего-бы я не сдѣлалъ, что-бы доказать Ей живое участіе, принимаемое мною въ Ея счастье; я обожаю въ Ней память, геній и самыя черты покойнаго Государя, моего благодѣтеля.

Я буду вполне счастливъ, если В. В-во не будете недовольны мноююю конфиденціею, которую я счелъ нужнымъ сдѣлать Стадіону, и оборотомъ, который я ей далъ и если Вы соблагоизволите сказать мнѣ, что все сказанное и сдѣланое мною удостоилось Вашего одобренія. Нѣтъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я не нуждался-бы, прежде всего, въ Вашемъ благоволеніи.

Остаюсь, съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.

XXIX.

à Vienne le 31 d'Octobre 1807.

Madame,

J'avoue que la correspondance que M-gr le Duc Louis a entamé avec moi sur la situation et les circonstances où il s'est placé, si volontairement, envers la Russie, commence à m'embarasser beaucoup. V: M: I-le verra la chaleur qu'il y met dans sa lettre du 20 d'Octobre, que je Lui présente ci-joint en original. Je l'accompagne de la copie de la réponse que j'ai faite à S: A: R:, et il me parroit que cette-là, quoique courte, n'en est pas moins claire. J'espère que V: M: ne me blamera pas de n'avoir pas voulu me charger, comme il le désiroit, d'informer de propre mouvement l'Empereur des détails dans lesquels il est entré vis-à-vis de moi, pour sa justification. Pouvois-je parler contre ma propre conviction? m'étoit-il permis d'oser revenir près de l'Empereur sur une décision de sa part, qu'un fait public avoit motivé, et que sa dignité même avoit rendu nécessaire? Quant

à la lettre de M-me la Duchesse que M-gr le Duc m'envoie pour mon auguste maître, je supplie V: M: de vouloir bien la lui remettre; s'il jugeoit à propos d'y répondre, je serais charmé qu'il fit passer sa réponse par mon entremise. Ce seroit pour M-me la Duchesse une consolation, et je ne pourrois qu'être très flatté, après ma négative donnée au Duc, d'avoir à la lui faire parvenir.

Avant-hier, ayant obtenu une audience privée de l'Empereur François pour lui présenter le conseiller privé Jean Narischkin, qui arrive de Carlsbad pour passer l'hiver ici, je ne l'ai pas fait entrer d'abord avec moi dans le cabinet de l'Empereur; j'y suis entré seul pour féliciter S: M: I-le sur son heureux retour. C'étoit mon pretexte, mais mon but étoit de donner à ce prince une occasion de me voir et de me parler tête-à-tête. Je croyois que peut-être il me parleroit de lui-même, au moins en termes généraux, de l'objet de ma conversation confidentielle avec son ministre; mais comme il ne m'a pas fait appercevoir qu'il la savoit, et que le c-te de Stadion ne m'en dit rien aussi jusqu'à présent, j'ai à supposer, qu'il n'a pas encore eû le tems d'en rendre compte, ou que peut-être l'Empereur balance encore sur ce qu'il doit me communiquer de ses dispositions en faveur de son frère. Après ce que j'ai fait déjà, V: M: conviendra sans doute, qu'il ne me convient pas d'être empressé ou impatient, et qu'il faut que j'attende en silence et avec tranquillité que Stadion vienne de lui-même à moi. Il ne peut me laisser longtems dans l'incertitude, et dans quelques jours il faudra absolument qu'il me dise où en sont les choses. On ne connoit pas encore au juste le jour du mariage de l'Empereur; les uns croient

que ce sera le 22 ou le 26 du mois prochain, et d'autres soutiennent que ce sera après l'Avent, au commencement de Janvier; il ne pourra être fixé que quand on saura le tems auquel les ouvriers, qui travaillent à force, acheveront la nouvelle salle et les nouveaux appartemens pour l'Impératrice future, dans le Burg. On prétend que l'Empereur veut être marié par son beau frère, nommé à l'évêché de Waitz, qui doit recevoir pour cette cérémonie l'ordre de la prétrise avant l'âge requis.

Je mets sous les yeux de V: M: la lettre que je viens de recevoir d'un certain Eserskoy, major dans le régiment de Witebsk qui est maintenant à Padoue, et je Lui transmets aussi sa supplique. Il m'a paru de mon devoir de ne pas m'en dispenser, quoique je sais fort bien qu'il ne sera pas facile à V: M: d'accorder la grace qu'il Lui demande. Il a eu le malheur de perdre sa femme pendant que son service le retenoit à Corfou; sa fille est à présent entre les mains de ses parens aussi pauvres que lui, et il y a plus de cinq ans qu'il a quitté sa patrie en suivant son régiment.

Hier à neuf heures du matin j'ai été singulièrement éffrayé par l'apparition soudaine du c-te de Komarovsky chez moi. *) Je ne me rappellois que de l'état malheureux dans lequel je l'avais laissé; j'ignorois entièrement sa guérison et son départ pour les pays étrangers. Je ne voulois pas croire que c'étoit lui qu'on m'avoit annoncé. Je le trouvai avec étonnement; mais en même tems avec satisfaction tel que je

*) Графъ Е. Ѳ. Комаровскій, когото Записки помѣщены въ Р. Архивѣ 1867 года. Тяжкая болѣзнь поразила на вѣкоторое время его умственные способности; но сколько намъ извѣстно, кн. Куранинъ ошибается, приписывая Крейтону его излѣченіе: графа Комаровскаго вылѣчили одинъ простодушнѣе какинъ то простыми средствами. И. Б.

l'ai toujours connu, parfaitement retabli, et son regard et son maintien n'avoient rien qui put indiquer le genre de maladie dont il a eu à souffrir. Il m'a dit qu'il étoit venu avec sa famille pour consulter les médecins de Vienne, et qu'il comptoit s'arreter ici jusqu'au retour de la belle saison pour aller prendre ensuite les eaux qu'on lui conseillera. Sa cure fait grand honneur à mon ami Crighton; j'ai seulement à regretter qu'il n'a pû dompter de même cette vilaine goutte qui m'a tant tourmentée l'hiver passé pour avoir eu trop de liberté à faire ses ravages et à passer d'une partie de mon corps dans l'autre.

Je supplie V. M: de me rappeler au souvenir de M-gr le Grand Duc Constantin et M-me la Grande Duchesse Catherine, et d'agréer l'hommage de l'inviolable attachement et du respect profond avec lequel je suis etc.

XXIX.

Вѣна, 11го Октября 1807.

Государыня,

Признаюсь, что переписка, которую завелъ со мною Герцогъ Лудвигъ на счетъ положенія и обстоятельствъ, въ которыя онъ поставилъ себя, столь добровольно, относительно Россіи, начинается сильно затруднять меня. В. В-во увидите, съ какимъ жаромъ онъ изъясняется въ письмѣ своемъ отъ 20-го Октября, прилагаемомъ при семъ въ оригиналь. Присовокупляю къ нему копію съ моего отвѣта Его Кор. В-ву, и мнѣ кажется, что этотъ отвѣтъ, хотя краткій, тѣмъ не менѣе ясенъ. Надѣюсь, что В. В-во не осудите меня за то, что я не согласился, какъ онъ того желалъ, извѣстять отъ себя Государя Императора о тѣхъ подробностяхъ, въ которыя онъ вошелъ передо мною для своего оправданія. Могъ-ли я говорить противъ собственнаго убѣжденія? Позволи-

тельно-ли мнѣ возвращаться передъ Государемъ къ рѣшенію Его, вызванному общеизвѣстнымъ фактомъ и вынужденному собственнымъ Его достоинствомъ? Что-же касается до письма Герцогини къ Государю Императору, посылаемому мнѣ Герцогомъ, умоляю В. В-во передать его; и если Онъ сочтетъ нужнымъ отвѣчать, я былъ-бы очень доволенъ, если-бы отвѣтъ былъ посланъ черезъ меня. Это было-бы утѣшеніемъ для Герцогини, и мнѣ было-бы отрадно, послѣ моего отказа Герцогу, его ей доставить.

Третьяго дни, испросивши себѣ частную аудіенцію у Императора Франца, для того, что-бы представить ему тайнаго совѣтника Ивана Нарышкина, прѣхавшаго изъ Карлсбада, что-бы провести здѣсь зиму, я не ввелъ его прямо въ кабинетъ Императора, но вошелъ туда одинъ, что-бы поздравить Его В-во съ счастливымъ возвращеніемъ. Таковъ былъ мой предлогъ, но цѣлію моею было дать этому Государю случай видѣть меня и говорить со мною наединѣ. Я думалъ, что, быть можетъ, онъ самъ заговоритъ со мною, по крайней мѣрѣ въ общихъ выраженіяхъ, о предметѣ моего конфиденціального разговора съ его министромъ, но такъ какъ онъ не далъ мнѣ замѣтить, что-бы онъ о немъ зналъ, и какъ графъ Стадіонъ также до сихъ поръ ничего не говоритъ мнѣ объ этомъ, я долженъ предполагать, что графъ до сихъ поръ не успѣлъ передать о нашемъ разговорѣ, или что, быть можетъ, Императоръ еще колеблется на счетъ того, что онъ долженъ сообщить мнѣ относительно своихъ распоряженій въ пользу брата. Послѣ того, что я уже сдѣлалъ, В. В-во конечно согласитесь, что мнѣ не прилично настаивать, или выказывать нетерпѣніе, я что и долженъ ожидать въ молчаніи и спокойствіи, что-бы самъ Стадіонъ ко мнѣ обратился. Онъ не можетъ оставлять меня долго въ неизвѣстности, и черезъ нѣсколько дней понеобходимости долженъ будетъ сказать мнѣ, въ какомъ положеніи дѣло. Еще не извѣстенъ навѣрное день брака Импера-

тора; иные думаютъ, что это будетъ 22-го или 26-го будущаго мѣсяца, а другіе утверждаютъ, что это будетъ послѣ Адвента, въ началѣ Января. День этотъ можетъ быть окончательно назначенъ лишь тогда, когда узнаютъ срокъ, къ которому работники, трудящіеся безъ аппарата для будущей Императрицы, въ Бургѣ. Увѣряютъ, что Императоръ желаетъ быть повѣнчаннымъ своимъ шуриномъ, назначеннымъ епископомъ въ Вайцъ, который по этому случаю будетъ рукоположенъ въ священники раньше требуемаго возраста.

Посылаю В. В-у письмо, которое я только что получилъ отъ вѣскога Езерскаго, майора Витебскаго полка, который теперь въ Падуѣ, и прилагаю также его прошеніе. Я счелъ моимъ долгомъ отъ этого не уклониться, хотя я очень хорошо знаю, что В. В-ву будетъ нелегко оказать ему милость, о которой онъ просить. Онъ имѣлъ несчастіе лишиться жены въ то время, какъ служба удерживала его въ Корфу; дочь его теперь на пощеніи родственниковъ, столь же бѣдныхъ, какъ и онъ, и вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ онъ оставилъ родину вмѣстѣ съ своимъ полкомъ.

Вчера, въ девять часовъ утра, я былъ немало испугавъ внезапнымъ появленіемъ у меня гр. Комаровскаго. Я помнилъ только о несчастномъ состояніи, въ которомъ я его оставилъ; я совершенно не зналъ о его выздоровленіи и отъѣздѣ въ чужіе края. Я не повѣрилъ, когда мнѣ о немъ доложили. Къ удивленію моему и вмѣстѣ удовольствію, я нашелъ его такимъ же, какимъ всегда зналъ его, совершенно здоровымъ, и ничего въ его взглядѣ и въ его приемахъ не указывало на тотъ родъ болѣзни, которому онъ подвергался. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ съ семьею посѣтоваться съ Вѣнскимъ врачами, и что онъ думаетъ остановиться здѣсь до лѣта что-бы потомъ отправиться на воды, которыя ему присовѣтуютъ. Его излѣченіе дѣлаетъ великую честь моему другу

Крейтону; мнѣ остается только пожалѣть, что ему нестолько-же посчастливилось съ скверною подагрой, которая такъ измучила меня прошлою зимою своими безпрестанными переходами изъ одной части тѣла въ другую.

Умоляю В-е В-во напомнить обо мнѣ Вел. Кн. Константину Павловичу и Вел. Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и принять увѣреніе въ непоколебимой привязанности и глубокомъ почтеніи, съ коимъ остаюся и т. д.

XXX.

à Vienne le 3 de Novembre, 1807.
22 (d'Octobre)

Madame,

Je suis outré, je suis affligé, je puis dire que je suis inconsolable de devoir renoncer à l'espérance, qui m'étoit si agréable, et dont je me nourrissais depuis mon entretien confidentiel avec le c-te de Stadion. La manière empressée dont il y avoit partagé mes sentimens, et la considération des avantages mutuels qui auroient existés pour la Russie et l'Autriche si les liens qui les unissent actuellement avoient encore pu être fortifiés par le noeud de la parenté entre leurs monarques, me fesoit espérer que mon idée seroit saisie au vol; qu'on tâcheroit de l'exécuter sans delai, en me satisfaisant, comme je l'entendais, sur tous les articles que j'avois expliqué comme des objets de doute, ou d'inquiétude pour moi, que je n'aurois à donner à V: M: I. que des rapports agréables; et enfin, que j'étois sur le point d'atteindre à l'accomplissement de mon voeu le plus cher, celui de contribuer à l'établissement et au bonheur futur de M-me la Grande Duchesse Catherine. Je jouissais d'avance de la satisfaction que j'avois à en ressentir. J'attendois avec impatience le retour de l'Empereur, et ce que j'avois à

apprendre de Stadion après qu'il l'aurait vu. Mais l'Empereur François était déjà ici depuis, huit jours, et Stadion ne me disant rien, impatienté de cette réserve de sa part, qui ne pouvoit m'être de bonne augure, et par zèle pour M-me la Grande Duchesse désirant de réussir au plutôt dans ce que j'avois entrepris pour elle, ou au moins de savoir sans m'abuser plus longtems ce qui devoit m'y faire renoncer, je mis de côté ma résolution de rester en silence jusqu'à ce que Stadion ne le rompe de lui même. Me trouvant hier d'après son invitation à une conférence chez lui, pour des communications d'affaires de sa cour qu'il avoit à me faire, et prêt à le quitter, voyant qu'il s'y bornoit, je l'abordai en lui demandant, s'il n'avoit pourtant rien à me dire des représentations qu'il avoit voulu faire à son maître à la suite de notre conversation. Ma question le jetta dans un embarras visible.—Oui, me répondit-il, je les ai faites, je n'y ai pas manqué, mais l'Empereur trouve très difficile tout arrangement nécessaire pour assurer le sort et le bien-être de la postérité de son frère; il dit que les loix de l'état, les règles et les loix établies pour sa famille s'y opposent; il croit qu'au lieu de l'Archiduc Jean, il vaudroit mieux songer à l'Archiduc Charles, qui a la perspective certaine d'une fortune immense par l'héritage qui l'attend. J'arretai à ces mots Stadion, en lui observant que nous avions trouvés que l'Archiduc Jean, par son âge, sa figure, et son mérite, étoit celui des Archiducs qui convenoit le mieux à M-me la Grande Duchesse; qu'il ne pouvoit être question que de lui; que les raisons qui nous ont engagées à passer l'Archiduc Charles étoient toujours existantes, que sa fortune lui avoit été léguée par sa tante et son oncle et n'é-

toit pas un don ou un effet de la générosité de l'Empereur; qu'il étoit fort douteux qu'il voulut se marier, ou que M-me la Grande Duchesse put vouloir de lui, à cause de la différence d'âge et de santé entr'eux; que j'avois désiré savoir ce qui pourroit être fait en faveur de l'Archiduc Jean pour lui faciliter un mariage, aussi illustre pour lui et aussi utile aux intérêts de la maison d'Autriche; et que je devois avouer que ce que j'entendois des dispositions de l'Empereur, ne repondant pas dutout à l'attente que j'en avois eu entravoit entièrement l'exécution de notre idée. Stadion ajouta, que l'Empereur lui avoit confirmé ce qu'il n'avoit pas sù d'une manière positive, que la pension annuelle de chaque Archiduc est de $50\frac{0}{100}$ fl., et que l'Archiduc Jean avoit à réunir encore au traitement que lui procuroit sa naissance les appointemens de ses différentes places. Je repliquai: tout ce que l'Archiduc possède à présent et son existence actuelle ne suffisent pas pour lui faire obtenir la main de M-me la Grande Duchesse; mais au moins l'Empereur penche-t-il à lui accorder un gouvernement et une résidence particulière, qui soient convenables, se décide-t-il à l'envoyer sous quelque pretêxe en Russie, ce qui est indispensable, pour que le connoissant personnellement M-me la Grande Duchesse et ses augustes parents puissent d'autant mieux se décider en sa faveur. —Non, me dit Stadion, je n'ai pas touché ces deux articles, je n'en ai pas eû même le loisir, tant l'Empereur s'est occupé de ses moyens et de ses calculs, sur ce que ses frères devoient avoir de droit, et sur ce qu'il pouvoit faire de plus pour l'un ou l'autre d'entr'eux. Mais, continua Stadion, vous m'avez promis de communiquer votre idée à l'Impératrice-Mère, vous avez

donc à recevoir Sa réponse, et je me flatte que vous ne me la laisserez pas ignorer.

—Ah, m'écriai-je, il est vrai que j'attends cette réponse, mais c'est avec la plus grande inquiétude; je ne puis être sûr que S: M: L'Impératrice-Mère approuve mon idée; peut-être en me blâmant, me témoignera-t-Elle son mécontentement de l'avoir eue, et si même Elle daignoit l'approuver, Son approbation ne peut-être que subordonnée aux informations que j'ai à Lui faire parvenir; et de fait, par toutes les circonstances, que j'avois peu prévues et dont vous venez de m'instruire, je devrai la considérer comme n'ayant pas eue lieu. En proférant ces mots je tachai de mettre fin à une entrevue où j'ai été plus contrarié dans mes vœux et mes intentions que je ne pouvais le croire, et piqué au vif je n'eus plus d'autre soin que de quitter Stadion avec un air serene et indifférent. Il est clair par ce compte fidèle que je rends à V: M: I-le, que l'Empereur François ne sait pas apprécier l'utilité et les avantages pour sa maison d'une alliance plus étroite avec la famille impériale de Russie; qu'il n'est pas du tout disposé à aucun sacrifice, ou à aucun arrangement extraordinaire quelconque pour mettre son frère en état d'aspirer à la main de M-me la Grande Duchesse; qu'il n'est pas porté pour son voyage à Pétersbourg; qu'ayant beaucoup d'enfans de son second lit à établir, et que se préparant à voir leur nombre augmenté par son troisième hymen, il veut borner ses frères à leur stricte legitime, afin de ne pas se mettre à la gêne sur tout ce qu'il pourroit être obligé de faire un jour pour ses propres enfans; que je suis forcé malgré moi de revenir de mon idée sur l'Archiduc Jean et de la proposition que j'avois hasardée en sa

faveur; et par conséquent que V: M: ne doit plus compter sur lui pour les vues, auxquelles Elle auroit pû le destiner.

Si le peu de fortune et la situation dépendante de l'Archiduc Jean lui ôtent la possibilité de se placer sur les rangs pour devenir l'époux de M-me la Grande Duchesse, à plus forte raison l'Archiduc Ferdinand, malgré sa bravoure reconnue, n'étant ni frère, ni fils d'Empereur, n'étant que le second frère d'une troisième géniture, et étant encore plus éloigné du trône et plus gêné dans ses ressources, ne peut pas en être digne.

Le P-ce Royal de Wurtemberg a une très jolie figure, beaucoup d'esprit et d'amabilité, mais on ne fait pas l'éloge de son coeur: il est à une école et a des exemples de dureté qui ne le préparent pas à une conduite différente de celle du Roi son père; son coeur n'est pas plus neuf, ses moeurs ont toujours été celles de ce siècle. Sa liaison avec M-lle Abel, dont on prétend qu'il a eu deux enfans, n'est pas la seule qu'on lui connoisse, et par toutes ces raisons il me semble que V: M: ne peut pas penser à lui.

Le Duc de Saxe-Cobourg, dont on dit du bien, petit souverain d'un très petit duché, convient aussi peu que le P-ce Héréditaire de Meklembourg Strelitz.

Le P-ce Royal de Bavière, qui a l'ouïe dure et de la difficulté dans son parler, qui n'est pas beau, étant roux et légèrement marqué de petite vérole, que je n'ai vû que pour détruire ma prédilection pour lui, que pour trouver qu'il ne pouvoit plaire à M-me la Grande Duchesse, que pour le dépeindre à V: M: tel qu'il s'est offert à mes yeux, a cependant le coeur excellent, une judiciaire saine, des connaissances, un caractère ferme et loyal, il est aimé et

répecté pour ses bonnes qualités dans son pays; on lui rend la justice qu'il a été brave à la guerre, et si M-me la Grande Duchesse pouvoit seulement lui pardonner les torts de son père envers la Russie, et la malheureuse nécessité où il s'est trouvé de porter les armes contre nous, je suis persuadé qu'elle oublieroit le peu d'agrément de son extérieur et ne seroit sensible qu'à son mérite réel et à sa moralité. Alors en considérant les obstacles qui s'accumulent pour empêcher son établissement, j'oublierais aussi tout ce que j'ai écrit contre ce prince après avoir fait sa connaissance à Tilsit, et retournant à mon ancienne opinion, j'oserais dire que dans ce moment-ci il est toujours le meilleur parti pour Elle. Je serais fort heureux si V: M: daignoit m'informer de ce qu'elle en pensera actuellement; car en vérité je souffre de la résignation à laquelle M-me la Grande Duchesse doit se soumettre pour son avenir, du peu de fruits que j'ai retiré de ma tentative, et de tout ce que je suis obligé de porter aujourd'hui à la connaissance de V: M-té.

XXX.

Вѣна $\frac{3 \text{ Ноября}}{23 \text{ Октября}}$ 1807.

Государыня.

Я взбѣшенъ, я огорченъ, могу сказать, я безутѣшенъ въ томъ, что долженъ отказаться отъ столь пріятной надежды, которою питался я со времени моего конфиденціального разговора съ графомъ Стадіономъ. Радущіе, съ коимъ онъ раздѣлялъ мои чувства, соображеніе взаимныхъ выгодъ и для Россіи и Австріи, ожидаемыхъ отъ скрѣпленія союза, нынѣ между ними существующаго, узамъ родства между ихъ монархами, все возбуждало во мнѣ надежду, что мысль моя будетъ схвачена на ле-

ту; что ее постараются осуществить безотлагательно, давъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ на счетъ всѣхъ пунктовъ, возбудившихъ во мнѣ сомнѣніе или безпокойство, что мнѣ придется писать В. В-ву лишь пріятныя донесенія; наконецъ, что я близокъ къ исполненію любимаго моего желанія, и что мнѣ удастся содѣйствовать устроенію будущей судьбы и счастья Великой Княжны Екатерины Павловны. Я радовался напередъ тому удовольствію, которое я при этомъ-бы испыталъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Императора, и того, что скажетъ мнѣ Стадіонъ, повидавшись съ нимъ. Но такъ какъ уже прошла недѣля съ пріѣзда Императора, а Стадіонъ все молчалъ, то выведенный изъ терпѣнія этою сдержанностію съ его стороны, не предвѣщавшей ничего добраго, и движимый усердіемъ къ Великой Княжѣ, желая успѣть какъ можно скорѣе въ томъ, что я для нея предпринялъ или по крайней мѣрѣ узнать, что можетъ заставить меня отказаться отъ моего предпріятія, я отступилъ отъ своего намеренія хранить молчаніе, пока его не прерветъ самъ Стадіонъ. Находясь вчера у него, по его приглашенію, на совѣщаніи по дѣламъ его Двора, о которыхъ ему нужно было мнѣ сообщить, и видя при прощаніи, что онъ ими и хочетъ ограничиться, я обратился къ нему съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ сказать мнѣ чего-либо о представленіяхъ, которыя онъ хотѣлъ сдѣлать своему Государю по поводу нашего послѣдняго разговора? Мой вопросъ привелъ его въ видимое смущеніе. — Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, я ихъ сдѣлалъ, я не преминулъ исполнить мое обѣщаніе; но Императоръ находитъ весьма затруднительною всякую мѣру, которая могла бы обезпечить судьбу и благосостояніе потомства его брата: онъ говоритъ, что государственные законы, семейныя правила и постановленія тому препятствуютъ; онъ полагаетъ, что вмѣсто эрцгерцога Іоанна, лучше подумать объ

эрцгерцогъ Карлъ, имѣющемъ вѣрные виды на громадное наслѣдство. На этихъ словахъ и остановилъ Стадіона, замѣтивъ ему, что мы пришли къ заключенію, что эрцгерцогъ Іоаннъ, по возрасту, наружности и заслугамъ, тотъ изъ эрцгерцоговъ, который всего лучше приходится Великой Княжнѣ; что только о немъ и можетъ идти рѣчь, что причины, заставившія насъ пропустить Эрцгерцога Карла, продолжаютъ существовать; что его состояніе завѣщено ему его дядею и тѣткою, а не есть даръ, или слѣдствіе щедротъ Императора; что весьма сомнительно, что-бы онъ хотѣлъ жениться, или что-бы Великая Княжна согласилась за него выйти, по причинѣ разности ихъ возрастовъ и здоровья; что я пожелалъ узнать, что можетъ быть сдѣлано въ пользу эрцгерцога Іоанна, что-бы облегчить ему бракъ, столь же блестящій для него, какъ и полезный интересамъ Австрійскаго дома и что я долженъ признаться, что слышанное мною о расположеніи Императора, не соответствуя вовсе моимъ ожиданіямъ, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе нашего плана. Стадіонъ присовокупилъ, что его Государь подтвердилъ ему, чего онъ прежде не зналъ положительно, что годовой окладъ каждого изъ эрцгерцоговъ составляетъ 50 тысячъ флориновъ и что къ этому содержанію, принадлежащему ему по рожденію, слѣдуетъ присовокупить жалованіе, по разнымъ занимаемымъ имъ должностямъ.

Все то, возразилъ я, чѣмъ теперь обладаетъ эрцгерцогъ Іоаннъ, и тщательнее его положеніе, недостаточно, что-бы дать ему право на руку Великой Княжны; но, по крайней мѣрѣ, склоненъ-ли Императоръ даровать ему губернаторство и особую резиденцію, которыя были-бы приличны; рѣшается-ли онъ послать его подъ какимъ-либо предлогомъ въ Россію, для того, чтобы, узнавъ его лично, Великая Княжна и Ея Августѣйшіе родственники могли тѣмъ рѣшительнѣе склониться въ его пользу? — Нѣтъ, отвѣчалъ Стадіонъ, я

не коснулся этихъ двухъ пунктовъ, я даже не имѣлъ къ тому времени, до того Императоръ занялся своими средствами, и расчетами о томъ, что долженъ получить каждый изъ его братьевъ по праву, и о томъ, что можетъ онъ сверхъ того сдѣлать для одного, или другого, или третьяго изъ нихъ. Но, продолжалъ Стадіонъ, вы мнѣ обѣщали сообщить вашу мысль Императрицѣ-матери, вы слѣдовательно должны получить отъ Нее отвѣтъ, и надѣюсь, что вы его отъ меня не скроете.— Ахъ! воскликнулъ я; конечно ожидаю я этого отвѣта, но съ крайнимъ безпокойствомъ; я не могу быть увѣреннымъ, что-бы Ея Императрица-мать одобрила мою мысль; быть можетъ, Она выразитъ мнѣ за нее свое неудовольствіе, и даже если-бы Она благоизволила ее одобрить, одобреніе Ея не можетъ не зависѣть отъ свѣдѣній, которыя прійдется мнѣ Ей сообщить; а на дѣлѣ, въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ я не предвидѣлъ и которыя вы только что мнѣ сообщили, я долженъ буду принять такое одобреніе какъ недѣйствительное. Этими словами я постарался положить конецъ разговору, въ которомъ мои намѣренія и желанія были обмануты въ болѣе степеней, чѣмъ я могъ того ожидать; и, разраженный до нельзя, я могъ только постараться о томъ, что-бы оставить Стадіона съ видомъ равнодушнымъ и яснымъ. Изъ этого правдиваго отчета, передаваемого мною В. В-ву, ясно, что Императоръ Францъ не умѣетъ цѣнить пользы и выгодъ, представляемыхъ его дому болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Русскимъ Императорскимъ семействомъ, что онъ нисколько не расположенъ ни къ какой жертвѣ, ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ для того, что-бы дать своему брату возможность искать руки Великой Княжны Екатерины Павловны; что онъ не склоняется къ его путешествію въ Петербургъ; что, имѣя на рукахъ устройство судьбы многихъ дѣтей отъ втораго брака, и ожидая еще приращенія семейства отъ третьяго, онъ хочетъ

ограничить содержаніе своихъ братьевъ тѣмъ, чего онъ не можетъ ихъ лишить по закону, для того, что-бы не стѣснять себя на счетъ того, что онъ со временемъ захочетъ сдѣлать для своихъ дѣтей; что я противъ воли принужденъ отказать отъ моего плана на счетъ Эрцгерцога Іоанна и отъ предложенія, на которое я рѣшился въ его пользу; и что слѣдовательно В. В-во не должны болѣе рассчитывать на него въ тѣхъ видахъ, которые Вы могли на него имѣть.

Если скудное состояніе и зависимое положеніе Эрцгерцога Іоанна отнимаютъ у него возможность искушать руки Великой Княжны, то тѣмъ менѣе ея достоинъ Эрцгерцогъ Фердинандъ, не смотря на всѣми признанную его храбрость: ибо онъ ни Императорскій сынъ, ни братъ, а только второй братъ въ третьемъ колѣнѣ, и еще болѣе удаленъ отъ престола и стѣсненъ въ средствахъ.

Королевскій Принцъ Виртембергскій имѣетъ красивую наружность, очень уменъ и любезенъ, но сердца его не хвалятъ; онъ проходитъ такую школу, видитъ передъ собою такіе примѣры жестокосердія, которые заставляютъ ожидать отъ него поведенія, подобнаго отцовскому; онъ не отличается свѣжестью чувствъ, и нравы его всегда были нравами вѣка. Его связь съ дѣвицею Абель, отъ которой, какъ говорятъ, у него двое дѣтей, не есть единственная, которую за нимъ знаютъ; и по всѣмъ этимъ причинамъ мнѣ кажется, что В. В-во не можете о немъ думать.

Герцогъ Саксенъ-Кобургскій, котораго хвалятъ, маленькій владѣтель весьма малаго герцогства, столь-же не пара Великой Княжнѣ, какъ и наслѣдникъ Принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій.

Королевскій Принцъ Баварскій, который тугъ на ухо и имѣетъ недостатокъ въ выговорѣ, который не красивъ, такъ какъ онъ рыжъ и рябоватъ, котораго я увидѣлъ лишь для того, что-бы разочароваться въ моемъ къ нему пристра-

III. 4

стіи, и что-бы найти, что онъ не можетъ понравиться Великой Княжнѣ, и описать его таковымъ, какимъ онъ представился моимъ глазамъ, имѣетъ однако-же прекрасное сердце, здравый разумокъ, свѣдѣнія, твердый и честный характеръ; онъ любимъ и уважаемъ на родинѣ за свои хорошія качества; отдаютъ справедливость его храбрости на войнѣ; и если-бы Великая Княжна только могла простить ему вину его отца противъ Россіи и несчастную необходимость, заставившую его поднять противъ насъ оружіе, я убѣжденъ, что она забыла-бы о непривлекательности его наружности и была-бы чувствительна лишь къ истиннымъ его заслугамъ и къ его нравственности.

Тогда, принявъ въ соображеніе препятствія къ устройству ея судьбы, возникающія со всѣхъ сторонъ, я забылъ бы также все то, что я написалъ противъ этого Принца, познакомившись съ нимъ въ Тильзитѣ; и возвращаясь къ прежнему моему мнѣнію, я осмѣлился бы сказать, что въ настоящую минуту онъ все таки лучшая для нея партія. Я-былъ-бы очень счастливъ, если бы В. В-во соизволили извѣстить меня о томъ, что Вы объ этомъ думаете въ настоящее время; ибо по истинѣ, я страдаю отъ безнадежности, въ которую облачается будущность Великой Княжны, отъ малой пользы, извлеченной мною изъ моей попытки, и отъ всего того, что я сегодня принужденъ довести до свѣдѣнія В. В-ва.

XXXI.

à Vienne, le 1er de Novembre, 1807.

Madame,

J'ai eu le bonheur de recevoir par courrier les trois lettres dont V: M: I: m'a honorée de Gatshina le 28 d'Octobre. L'ostensible étoit parfaite; en remplissant entièrement son but, elle m'a donnée l'envie, le courage, la possibilité de revenir sur une affaire, qu'avec

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 16

chagrin et dépit j'avois crû devoir abandonner et que je considérois déjà, quoiqu'elle me tint fortement à coeur, comme non avenue et comme ne devant plus m'occuper. Mais avant de rendre compte à V: M. de ce que je viens de tenter encore, je dois commencer par me justifier à Ses yeux des reproches pleins de bonté qu'Elle me fait. Si mes premières ouvertures, confiées au c-^{te} de Stadion, comme des idées spontanées, ne venant que de moi seul, ont pû paroitre à V: M: trop précipitées, il est très vrai que je ne me suis déterminé à les faire que par zèle et attachement pour M-me la Grande Duchesse Catherine et par l'impatience de mon désir de la voir enfin bien établie; il est vrai aussi que la manière et les précautions avec lesquelles je me suis expliqué vis-à-vis de Stadion, ont dû le persuader pleinement que je ne lui ai parlé que de mon propre chef, sans y être aucunement attaché, et qu'il est impossible qu'il ait pû avoir des soupçons du contraire. J'en ai la preuve par la réponse, à laquelle je l'ai forcé après le retour de l'Empereur, réponse si peu conforme à mon espérance et qui m'a tant affligée! Je ne disconviens, que ma confiance du projet que je m'étois permis, sur le choix et le mariage de l'Empereur François a été assez gratuite; mais je ne l'ai faite qu'en mon seul et privé nom, pour convaincre Stadion d'autant plus du prix que j'attachois à un nouveau lien de parenté entre notre maison impériale et celle d'Autriche, et parceque j'ai voulu essayer, si peut-être je ne réussirai pas par cette insinuation à faire tourner encore les vûes de l'Empereur sur M-me la Grande Duchesse comme V: M-té le souhaitoit également. Alors on n'étoit pas généralement aussi persuadé, qu'on l'est à présent, du goût et de l'at-

tachement de l'Empereur pour sa jeune promise, et il m'étoit pardonnable de croire qu'il ne lui seroit pas difficile encore, puisque son mariage ne faisoit que se divulguer sans être annoncé publiquement, de lui en préférer une autre qui par ses qualites distinguées avoit à lui assurer son bonheur domestique, et qui par sa naissance avoit à convenir beaucoup plus aux intérêts de sa monarchie. Je me disois aussi, que si même je rencontrais de la difficulté à produire en lui ce changement, que cette circonstance suffisoit pour faire accueillir davantage et rendre plus instant le désir que j'ai ensuite énoncé, qu'il put au moins pour cimenter l'union des deux Empires être suppléé par un des princes de son sang. Telles sont les véritables causes qui m'ont portées à cette confiance. Je respectais trop les noms que j'avois à ménager, et la délicatesse des personnes augustes que je voulais servir, pour n'avoir pas soigneusement évité tout ce qui pouvoit les compromettre; je crois n'avoir compromis personne, puisque je n'ai parlé que de ma propre part, que comme d'une idée qui me séduisoit par les avantages réciproques qu'elle offroit aux deux Empires dont j'avois à entretenir l'amitié, et si j'ai failli en cette occasion, ce n'est certainement que par trop de zèle et avec les meilleures intentions.

Je n'ai pû dire du jeune archiduc Ferdinand que ce que j'en ai dit. Je savais seulement la conduite brillante qu'il avoit tenue à la guerre, que ses grands talents militaires inspiroient pour lui une grande considération et donnoient de belles espérances; qu'il étoit aimé et respecté par ses subalternes, que sa conduite étoit affable, sage et réservée; qu'il n'avoit pas de fortune; qu'il n'en avoit pas à attendre; et que sa réputation comme son existence dans

le monde étoient tout-à fait dépendantes de la carrière qu'il avoit embrassée; mais je ne le connoissois pas encore personnellement; il étoit à Brün, où il commande, et je n'avois pû rien apprendre de précis et de bien détaillé sur sa vie privée et ses inclinations. Comme il étoit arrivé ici pour quelquetems et que j'avois à présenter ce matin à m-me l'archiduchesse sa mère et à sa famille quelques-uns de mes compatriotes; c'est aujourd'hui que je l'ai vû pour la première fois, et que j'ai fait sa connoissance. Il est très bien fait, fort poli, fort causant, le son de sa voix et toute sa tournure intéressent et sont fort agréables; il est celui des enfans de m-me l'archiduchesse Béatrix qui lui ressemble le plus. Il a tout ses traits, son profil, son sourire, ses yeux, ses cheveux; son teint est celui d'un militaire, toujours exposé à l'air et au soleil, mais ayant cependant un air de santé, de la fraîcheur et des couleurs, et je puis dire que sa phisionomie et sa figure peuvent plaire, et qu'il appartient à ce très petit nombre de princes qui ont à intéresser par la réunion des qualités de leur esprit à celles de leur extérieur. Des objets de service le rappellent à Brün, il part après demain pour retourner ici, à ce qu'il m'a dit, vers l'époque fixée pour le mariage de l'archiduchesse sa soeur. Son extérieur et sa conversation, très prévenans en sa faveur, annoncent un bon caractère et des moeurs douces, et on ne sauroit en supposer d'autres, par l'esprit reconnu de m-me l'archiduchesse Béatrix et les soins particuliers qu'elle a pris de l'éducation et de la morale de ses fils; l'archiduc Ferdinand, qui lui ressemble tant, doit être son enfant chéri. Jusqu'à présent c'est tout ce que je suis en état d'en dire à V: M.; mais il me parroit que ce que

j'en dis suffit déjà pour La disposer très favorablement pour lui. Je ne me permets pas la comparaison entre les deux archiducs Jean et Ferdinand; tous les deux sont remplis de grandes et de belles qualités; tous les deux ont des figures très agréables, et chacun d'eux m'a beaucoup plû; quand V: M: et m-me la Grande Duchesse les verront ensemble, ce sera à Elles à les apprécier mieux, que je ne puis le faire, et ce n'est pas d'ici qu'il me convient d'oser préjuger de l'impression qu'ils feront sur M-me la Grande Duchesse de même que de l'opinion et du sentiment que l'un ou l'autre d'entr'eux pourra mériter d'elle de préférence.

La lettre ostensible de V: M:, je l'avoue, m'a fait le plus grand plaisir parcequ'elle m'accordait une grande latitude et de nouveaux moyens pour reprendre l'affaire qui en étoit l'objet, et à laquelle je ne songeois plus, à cause du dépit et du mécontentement que m'avoit causée la reponse de Stadion. J'ai été longtems indécis, si je ferois usage de cette lettre ostensible de V: M: ou non, si j'avois à m'en servir d'abord, ou si je devois avant attendre Sa reponse sur le rapport détaillé que je Lui ai fait de mon dernier entretien avec Stadion sur le même sujet. Enfin considérant que l'irrésolution et le peu de bonnes dispositions pour l'établissement futur de son frère, que l'Empereur François avoit témoigné à son ministre, ne provenoit que de vues rétrécies, d'un calcul de finance et de lézine, de la peine qu'il avoit d'augmenter la pension et d'améliorer le sort de son frère; considérant aussi que V: M: insistoit le plus, comme de raison, sur les qualités morales, sans s'arrêter à quelques milliers d'écus de revenu de plus ou de moins; qu'il falloit voir et traiter la chose en grand, et ne pas

contester dès le commencement sur des minuties qui pouvoient la faire échouer; que pour moi le point principal à obtenir et la grande difficulté à vaincre, consistoient à présent à porter l'Empereur François à désirer et à permettre, que son frère et son cousin fassent le voyage de Pétersbourg, et que c'étoit là, à quoi se borroit pour ce premier moment le désir de V: M:; je me suis décidé à la produire immédiatement, étant persuadé que ma démarche, sans faire aucun mal, n'étoit qu'une suite naturelle des représentations que j'avois annoncées à Stadion vouloir adresser à V: M:, et pouvoit au contraire faire beaucoup de bien; voici de quelle manière je m'y suis pris.

Hier, conférant avec Stadion sur les affaires générales, je tachai de lui faire bien sentir la vérité du tableau que je lui traçai du besoin que l'Autriche avoit de la Russie; que la Russie ne pouvoit jamais avoir l'intention de diminuer sa puissance et ses possessions et que dans tous les cas c'étoit la Russie qui avoit toujours à être son principal égide; et à la fin de la conférence, au moment que je me levais pour le quitter, je lui dis: il faut pourtant que je vous donne de grands regrets; nous voilà assis dans la même chambre et sur la même place, où nos deux entretiens confidentiels ont eû lieu; je n'ai pas besoin de vous faire l'apologie des sentiments qui m'y ont animés et qui certainement étoient bien sincères; vous n'avez qu'à vous rappeler de la reticence que vous aviez à me répondre après avoir vû l'Empereur, et de la réponse peu satisfaisante que vous avez été enfin dans le cas de me donner; vous ne doutez pas sans doute que j'en ai été aussi étonné qu'affligé, vous ne pouvez avoir oublié que j'ai voulu communiquer légèrement à S: M: l'Impe-

ratrice-Mère l'idée qui m'étoit venue et que nous avions débattu ensemble; je vous ai promis de ne pas vous laisser ignorer la réponse dont Elle m'honoreroit; le courrier d'hier m'a apporté cette réponse, je ne voulais plus vous la montrer puisque l'affaire qu'elle regarde a cessé de nous occuper et que surtout moi personnellement je n'y dois plus songer; cependant je me suis déterminé à vous la faire lire, et en vérité ce n'est que pour vous faire regretter le peu de facilité que vous avez eu à m'annoncer pour l'accomplissement d'un projet que je considérois devoir être également utile et avantageux à nos deux cours; eh bien, tenez, voyez; lisez-la! Stadion la lut à haute voix; à chaque ligne il faisoit des pauses pour n'exprimer que sa satisfaction; après en avoir achevé la lecture il s'ecria: mais pourquoi comptez vous donc que l'affaire dont il a été question entre nous soit entièrement terminée et qu'il n'y a plus à y revenir; ce n'est pas mon opinion, je crois au contraire qu'avec quelques modifications et quelques explications de plus, elle doit réussir; je vous demande la permission de dire à l'Empereur que vous avez reçu cette réponse de S: M: l'Imperatrice-Mère et que je l'ai lue; je suis persuadé que le voyage des deux archiducs dont il y est fait mention ne subira pas de grands obstacles: rien n'est plus naturel que de les faire aller à votre cour comme Monseigneur le Grand Duc Constantin a déjà été deux fois à Vienne, et comme ils appartiennent tous les deux au métier des armes que l'Empereur Alexandre affectionne tant, le prétexte de leur voyage sera tout trouvé quand ils iront en Russie le printems prochain pour y assister à l'exercice des troupes. Je repliquai à Stadion: Fort bien, je consens que vous portiez à la connaissance de

l'Empereur votre maître le contenu de cette réponse que m'a faite S: M: l'Impératrice-Mère, mais en le faisant ne dites plus rien sur tout ce qui nous a antérieurement occupé pour fixer d'avance l'établissement futur de celui des deux archiducs qui pourra obtenir la main de M-me la Grande Duchesse, puisque c'est là ce qui a tant embarrassé l'Empereur; bornez-vous à lui faire désirer cette nouvelle union, de même que le voyage de son frère et de son cousin à Pétersbourg, pour qu'ils s'y fassent connoître individuellement; si l'un d'eux fixera le choix de M-me la Grande Duchesse, et celui de l'Empereur Son frère et de Son Auguste Mère, et qu'ils se conviendront mutuellement, alors il y aura toujours assez de tems pour que nos deux cours s'entendent et s'arrangent entr'elles sur tout ce qui a rapport à l'établissement et au sort des nouveaux epoux et de leur postérité; mais si ce voyage des archiducs doit avoir lieu, pourquoi le différer jusqu'au printems, plutôt il pourra se faire et mieux cela sera: le carnaval est ordinairement très brillant chez nous et seroit au moins aussi pour eux une excellente occasion d'aller à Pétersbourg pour en profiter d'abord après les fêtes du mariage de l'Empereur; mais il faudroit qu'ils y arrivent tous les deux ensemble, ou au moins qu'il n'y ait pas un grand intervalle entre l'arrivée de l'un et de l'autre.—Tout ce que vous m'expliquez par rapport à ce voyage sera facile à arranger, me dit Stadion; mais comment sauver à l'archiduc, qui ne seroit pas choisi, l'humiliation qu'il auroit de ne l'avoir pas été?—Ah! je vous entends, répondis-je, votre remarque est juste; mais j'espère pouvoir l'annuler par une idée qui me vient; souvenez-vous que nous avons en Russie deux Grandes Du-

chesses à marier, que M-me la Grande Duchesse Anne qui est la cadette a déjà treize ans, qu'elle est très formée et très grande pour son âge, que dans quinze mois, ou deux ans, elle pourra être aussi établie, et qu'elle pourra fort bien convenir par tous les grands avantages de sa naissance, de sa fortune et de ses qualités personnelles à celui des archiducs, qui n'aura pas obtenu le coeur et la main de m-me sa soeur ainée.—Oui, certainement, repliqua Stadion, c'est un excellent expédient que vous proposez-là; mais comment marier deux archiducs à la fois, quand nous en avons déjà tant qui sont à la charge de l'état, et que leur nombre doit sans doute s'augmenter encore par le troisième mariage de l'Empereur? Mais comment faire consentir l'archiduc Ferdinand à ce voyage, lui qui est si attaché à son métier et aux règles les plus strictes du service, dans un moment, où il commande toutes les troupes en Moravie et en Silesie, et où nous avons à surveiller les mouvemens de l'armée Françoisise qui s'obstine à ne pas quitter dans le voisinage les provinces Prussiennes. Je ne pû m'empêcher de l'interrompre.—Mais on passe, dis-je, sur bien des considérations, quand il est question de former des doubles noeuds de parenté avec un monarque aussi puissant que l'Empereur de Russie; on ne voit que les avantages qui doivent en resulter, et tout doit y céder; c'est là ce que j'ai à vous répondre à vos deux remarques, et j'y ajoute que le voyage de l'archiduc Jean seul ne peut suffire, qu'il ne remplira pas le but que je vous explique, qu'il faut absolument que l'archiduc Ferdinand soit à Pétersbourg, en même tems que lui, et dans ce moment-ci, puisque vous me faites consentir à m'occuper de nouveau d'un objet que je regardois

déjà comme non avenu, je me borne à souhaiter et à vous demander uniquement que les deux archiducs aillent se présenter à ma cour et qu'ils le fassent avant la fin de cet hiver. Il faut que le ton dont je proférai ces paroles fut si positif ou convainquant, que Stadion se desista de toutes ses objections et me déclara que sans perdre de tems il informeroit son maître de la réponse dont V: M: m'avoit honorée, et que dans ses représentations il insisteroit près de lui pûrement et simplement sur le voyage des deux archiducs à Pétersbourg. Il a senti qu'il ne me seroit pas indifférent de faire savoir à V: M-té par le courrier que j'ai à reexpédier, le résultat qu'aura produit sa réponse et m'a promis de m'en informer dans deux ou trois jours. Je suis à l'attendre; ce que j'en saurai formera le contenu d'une lettre séparée que j'adressai à V: M.:, en attendant je Lui expose, dans celle-ci, le narré de mon entretien d'hier avec Stadion et ce que j'ai à répondre à V: M: à tout ce qu'Elle a daigné m'écrire en date de 28 d'Octobre.

Je suis avec le plus profond respect etc.

XXXI.

Въна $\frac{1}{8}$ Ноября 1807.

Государыня,

Я имѣлъ счастье получить черезъ курьера три письма, которыми В. И. В-во почтили меня изъ Гатчины, отъ 28-го Октября. Открытое письмо превосходно, и вполнѣ соотвѣтствуя своей цѣли, оно дало мнѣ желаніе, смѣлость, возможность возвратиться къ дѣлу, отъ котораго, къ огорченію моему и досадѣ, я считалъ себѣ вынужденнымъ отказаться, и которое я считалъ уже (хотя я сильно принималъ его къ сердцу) несбывшимся и непоправимымъ ника-

кими усиліями. Но прежде, чѣмъ дать отчетъ В. В-ву въ моихъ новыхъ попыткахъ, я долженъ оправдаться передъ Вами въ исполненныхъ милости упрекахъ, которые Вы мнѣ дѣлаете. Если первыя мои предложенія, сообщенныя графу Стадіону, лично отъ меня, какъ собственныя мои мысли, могли показаться В. В-ву слишкомъ послѣшными, то прошу Васъ быть увѣренною, что я рѣшился на нихъ лишь изъ усердія и преданности къ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и изъ нетерпѣливаго желанія видѣть Ея судьбу наконецъ устроенною: увѣрю Васъ также, что осторожный способъ, которымъ я объяснился съ графомъ Стадіономъ, долженъ былъ убѣдить его, что я говорилъ съ нимъ по собственному побужденію и что нѣтъ возможности, что-бы онъ подозрѣвалъ противное. Я имѣю тому доказательство въ его отвѣтѣ, къ которому я принудилъ его по возвращеніи Императора, отвѣтѣ, столь мало соотвѣтствовавшемъ моимъ надеждамъ, такъ сильно меня огорчившемъ! Не отрицаю, что откровенность моя на счетъ предполагаемаго мною брака съ Императоромъ Францомъ не была вызвана ничѣмъ со стороны графа; но это признаніе было сдѣлано лично отъ меня, для того, что-бы еще болѣе убѣдить Стадіона въ цѣнѣ, придаваемой мною новымъ родственнымъ узамъ между нашимъ Императорскимъ домомъ и Австрійскимъ и потому, что я хотѣлъ попытаться, не удастся ли мнѣ этимъ намекомъ снова обратить виды Императора на Великую Княжну, какъ того желали и В-е В-во. Тогда не всѣ, въ той же степени, какъ теперъ, были убѣждены въ привязанности Императора къ его молодой невѣстѣ, и мнѣ было простиительно думать, что ему не будетъ трудно (такъ какъ о его бракѣ лишь говорилось, но не было объявлено) предпочесть другую невѣсту, которая по отличнымъ своимъ качествамъ обезпечила-бы его семейное счастье, и въ то-же время, по рожденію своему, гораздо бо-

лѣе соотвѣтствовала-бы интересамъ монархіи. Я говорилъ себѣ также, что даже если мнѣ не удастся произвести въ немъ эту перемену, выраженнаго мною желанія будетъ достаточно, что-бы придать болѣе внушительности, болѣе шансовъ на успѣхъ высказанному мною за тѣмъ предложенію о замѣнѣ его (для скрѣпленія узъ между двумя Имперіями) однимъ изъ принцовъ его крови. Вотъ истинныя причины, побудившія меня къ такой откровенности. Я слышамъ уважалъ имена, съ которыми я обращался, и чувства Августѣйшихъ особъ, для которыхъ я трудился, что бы не избѣгать самымъ тщательнымъ образомъ всего, что могло поставить ихъ въ ложное положеніе; я думаю, что я въ этомъ успѣлъ, ибо я говорилъ лишь отъ своего лица, лишь какъ о планѣ, подкупившемъ меня взаимными выгодами, которыя онъ обѣщалъ двумъ Имперіямъ, между которыми я призванъ поддерживать дружбу; и если въ этомъ случаѣ я впалъ въ ошибку, то конечно только изъ лишняго усердія и съ лучшими намѣреніями.

О молодомъ эрцгерцогѣ Фердинандѣ я сказалъ все, что могъ сказать. Мнѣ только и было извѣстно, что на войнѣ онъ выказалъ себя самымъ блестящимъ образомъ, что его военные таланты внушаютъ къ нему большое вниманіе и подають большія надежды; что онъ любимъ и уважаемъ своими подчиненными, что его поведеніе свисходительно, умно и сдержано; что у него нѣтъ состоянія, что ему неоткуда его ждать; и что его репутація какъ и его положеніе въ свѣтѣ находятся въ совершенной зависимости отъ избранной имъ карьеры; но я еще не зналъ его лично, онъ былъ въ Брюннѣ, при вѣренномъ ему войскѣ, и я не могъ узнать ничего подробнаго и точнаго о его частной жизни и о его наклонностяхъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько времени, а мнѣ пришлось сегодня представлять эрцгерцогинѣ его матери и ея семейству, нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, то я сегодня увидѣлъ его

въ первый разъ, и съ нимъ познакомился. Онъ очень хорошо сложенъ, очень учтивъ, очень разговорчивъ, звукъ его голоса и всѣ его приемы весьма пріятны и внушаютъ сочувствіе; это тотъ изъ дѣтей эрцгерцогини Беатрисы, который наиболѣе походитъ на нее. У него всѣ ея черты, ея профиль, ея улыбка, ея глаза, ея волосы; онъ имѣетъ цвѣтъ лица воина, всегда подверженнаго воздуху и солнцу; впрочемъ, онъ имѣетъ видъ здоровый, свѣжій и румяный, и я допускаю, что лицо его и фізіономія могутъ нравиться, и что онъ принадлежитъ къ тому весьма малому числу принцевъ, которые возбуждаютъ сочувствіе по соединенію умственныхъ качествъ съ привлекательною наружностію. Дѣла службы требуютъ его присутствія въ Брюннѣ, и онъ уѣзжаетъ послѣ-завтра, что-бы вернуться сюда, какъ онъ мнѣ сказалъ, около времени назначеннаго для бракосочетанія эрцгерцогини, его сестры. Его наружность и разговоръ, столь предрасполагающіе въ его пользу, указываютъ на добрый характеръ и кроткіе нравы, да иныхъ и ожидать нельзя, при извѣстномъ умѣ эрцгерцогини Беатрисы и особенномъ стараніи ея о воспитаніи и нравственности ея сыновей; эрцгерцогъ Фердинандъ, столь похожій на нее, считается ея любимцемъ. До сихъ поръ, вотъ все, что я въ состояніи сказать Вашему Величеству; но мнѣ кажется, что сказаннаго мною достаточно, что-бы расположить Васъ къ благосклонному о немъ сужденію. Я не позволю себѣ сравненія между эрцгерцогами Іоанномъ и Фердинандомъ; оба исполнены прекрасныхъ и высокихъ качествъ; оба имѣютъ очень привлекательную наружность, и оба мнѣ весьма понравились. Когда В. В-во и Великая Княжна увидите ихъ вмѣстѣ, Вы оцѣните ихъ лучше, и не мнѣ, отсюда, судить напередъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ на Великую Княжну, и о томъ мнѣніи или чувствѣ, которое можетъ возбудить въ ней одинъ изъ нихъ преимущественно передъ другимъ.

Открытое письмо В. В-ва, признаюсь, очень обрадовало меня, ибо отверзаетъ мнѣ широкое поприще и новыя средства для возобновленія дѣла, о которомъ въ немъ рѣчь, и о которомъ я болѣе не думалъ, вслѣдствіе неудовольствія и досады, причиненной мнѣ отвѣтомъ Стадіона. Я долго оставался въ нерѣшимости, воспользоваться-ли мнѣ этимъ открытымъ письмомъ В. В-ва или нѣтъ, пустить ли мнѣ его въ ходъ тотчасъ-же, или дождаться мнѣ прежде Вашего отвѣта на подробный отчетъ, представленный мною о моемъ послѣднемъ разговорѣ съ Стадіономъ по тому-же предмету; но наконецъ, принявъ въ соображеніе, что нерѣшимость и нежеланіе заручиться на счетъ будущей судьбы своего брата, обнаружены Императоромъ въ разговорѣ съ его министромъ, происходили отъ узости взглядовъ, отъ мелочнаго, денежнаго расчета, вызваннаго затрудненіями въ увеличеніи содержанія и обезпеченія судьбы его брата; принявъ также въ соображеніе, что В. В-во, какъ и слѣдовало ожидать, настаиваете всего болѣе на нравственныхъ качествахъ, не останавливаясь за нѣсколькими тысячами недостающихъ дукатовъ; что слѣдуетъ вести дѣло въ общихъ чертахъ, и не спорить съ самого начала о мелочахъ, которыя могутъ его испортить; что для меня главная цѣль и главное затрудненіе теперь состоятъ въ томъ, что-бы склонить Императора Франца къ желанію и дозволенію поѣздки его братьевъ, роднаго и двоюроднаго, въ Петербургъ; и что лишь въ этомъ, въ настоящее время, заключается желаніе В. В-ва; я рѣшился пустить письмо въ ходъ немедленно, убѣжденный, что этотъ шагъ, не принося никакого вреда, покажется лишь естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ представленій, съ которыми я общалъ Стадіону обратиться къ В. В-ву, и напротивъ можетъ принести большую пользу. Вотъ, какъ я принялся за дѣло.

Вчера, совѣщаясь съ Стадіономъ о дѣлахъ государственныхъ, я постарался

ясно дать почувствовать ему, насколько Австрія нуждается въ Россіи; что Россія никогда не можетъ имѣть намѣренія уменьшить могущество и владѣнія Австріи, и что во всякомъ случаѣ, Россіи всегда придется быть ея главною защитницею; и въ концѣ совѣщанія, въ ту минуту, какъ я вставалъ что-бы его оставить, я сказалъ: „Придется мнѣ однако-же возбудить въ васъ сильныя сожалѣнія: вотъ мы сидимъ въ той-же комнатѣ и на томъ-же мѣстѣ, на которомъ происходили наши два конфиденціальныя разговора, и мнѣ нѣтъ надобности извиняться въ тѣхъ чувствахъ, которыя меня тогда одушевляли, и были совершенно искренни. Стоитъ вамъ только вспомнить ваше нежеланіе отвѣчать мнѣ, послѣ вашего свиданія съ Императоромъ, и мало удовлетворительный отвѣтъ, который вы наконецъ были вынуждены дать мнѣ. Вы конечно, не сомнѣваетесь, что я былъ имъ столько-же удивленъ, какъ и огорченъ. Вы не могли забыть, что я хотѣлъ сообщить слегка Императрицѣ-матери мысль, которая пришла мнѣ въ голову и которую мы разработывали вмѣстѣ, и я общалъ вамъ не скрыть отъ васъ отвѣта, коего она меня удостоитъ. вчерашній курьеръ привезъ мнѣ этотъ отвѣтъ, и я хотѣлъ-было не показывать его вамъ, потому что дѣло, котораго онъ касается, перестало занимать насъ, и мнѣ въ особенности нечего о немъ болѣе думать: однако-же я рѣшаюсь дать вамъ его прочесть, и право, только для того, что-бы заставить васъ пожалѣть о тѣхъ затрудненіяхъ, которыми былъ встрѣченъ прозектъ. по моему крайнему разумѣнію, полезный и выгодный для обоихъ нашихъ дворовъ; и такъ, читайте!“ Стадіонъ прочелъ письмо вслухъ; на каждой строкѣ онъ останавливался, что-бы выразить свое удовольствіе: окончивши чтеніе, онъ воскликнулъ: — Но почему-же считаете вы дѣло, о которомъ шла рѣчь между нами, совершенно поконченнымъ и невозобновимымъ? Я не того мнѣнія. Я напротивъ думаю, что при нѣкото-

рыхъ дополнительныхъ объясненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, оно должно удасться; прошу у васъ позволенія сказать Императору, что вы получили этотъ отвѣтъ отъ Е. В-ва Императрицы матери, и что я читалъ его. Я увѣренъ, что путешествіе двухъ эрцгерцоговъ, о которомъ въ немъ рѣчь, не встрѣтитъ большихъ препятствій; нѣтъ ничего естественнѣе, какъ послать ихъ къ вашему двору точно такъ же, какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ уже два раза былъ въ Вѣнѣ, и такъ какъ оба принадлежатъ къ военной профессіи, столь уважаемой императоромъ Александромъ, то если они поѣдутъ въ Россію будущю весною что-бы присутствовать при ученіяхъ войскъ, нечего намъ искать иного предлога для ихъ путешествія.

—Очень хорошо, отвѣчалъ я Стадіону, соглашаюсь на то, что бы вы довели до свѣдѣнія вашего Государя содержаніе этого отвѣта Императрицы-матери, но при этомъ не говорите ему больше ничего о всемъ томъ, о чемъ мы толковали прежде относительно предварительнаго опредѣленія будущихъ средствъ того изъ эрцгерцоговъ, который могъ бы удостоиться руки Великой Княжны, ибо это-то и затруднило Императора: ограничьтесь тѣмъ, что-бы заставить его желать этого новаго союза, а также путешествія его братьевъ въ Петербургъ, для того, что-бы ихъ тамъ узнали лично; если одинъ изъ нихъ остановитъ на себѣ выборъ Великой Княжны, Императора Ея брата и Ихъ Августѣйшей матери; если они понравятся другъ другу, то оба двора всегда успѣютъ договориться и согласиться на счетъ обезпеченій для судьбы молодыхъ супруговъ и ихъ потомства; но если это путешествіе эрцгерцоговъ должно совершиться, зачѣмъ откладывать его до весны; чѣмъ раньше состоится оно, тѣмъ лучше; масляница у насъ обыкновенно очень блестяща; это было- бы прекраснѣе случаемъ для нихъ, что-бы поѣхать въ Петербургъ тотчасъ послѣ свадьбы императора; но желательно, что-бы

они прибыли туда вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ, что-бы не было долгаго промежутка между прїѣздомъ одного и другого. — Все то, что вы излагаете мнѣ на счетъ этого путешествія, легко устроить, отвѣчалъ Стадіонъ; но какъ избавить того эрцгерцога, который не будетъ избранъ, отъ неловкости такого положенія? — А! понимаю васъ, отвѣчалъ я; — ваше замѣчаніе справедливо; но надѣюсь успокоить васъ соображеніемъ, которое приходитъ мнѣ въ голову; вспомните, что у насъ въ Россіи двѣ Великія Княжны, что младшей, В. К. Аинѣ Павловнѣ, уже тринадцать лѣтъ, что она по лѣтамъ очень развита и высока ростомъ; что черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, или два года, и она можетъ выйти замужъ, и что она по всѣмъ преимуществамъ рожденія, богатства и личныхъ качествъ можетъ составить прекрасную партію для того изъ эрцгерцоговъ, который не удостоится руки и сердца ея старшей сестры. — Да, конечно, возразилъ Стадіонъ, — вы предлагаете прекрасный исходъ изъ затрудненія; но какъ женить намъ разомъ двухъ эрцгерцоговъ, когда ихъ уже такъ много на государственномъ иждивеніи, и число ихъ безъ сомнѣнія еще возрастетъ вслѣдствіе третьяго брака императора? Но какъ уговорить на это путешествіе эрцгерцога Фердинанда, столь привязаннаго къ своему дѣлу и къ строгимъ правиламъ службы, въ минуту, когда онъ командуетъ всѣми войсками въ Моравіи и Силезіи, и когда намъ приходится слѣдить за движеніями Французской арміи, упорно держащейся въ сосѣднихъ Прусскихъ провинціяхъ? — Но, невольно прервалъ я его, можно опустить многія соображенія, когда дѣло идетъ о томъ, что-бы заключить двойной родственной союзъ съ монархомъ, столь могущественнымъ, какъ Русскій Императоръ; тутъ смотришь только на выгоды, отъ этого проистекающія, и все должно уступить этому соображенію. Вотъ все, что могу я сказать на ваши два замѣчанія, и присовокуплю, что путешествіе одного

эрцгерцога Иоанна недостаточно, что оно не соответствовало-бы цѣли, мною указанной, что необходимо также и въ то-же время, присутствіе въ Петербургѣ эрцгерцога Фердинанда, и въ настоящее время, такъ какъ вы снова вовлекли меня въ дѣло, которое я уже считалъ не состоявшимся, ограничиваюсь желаніемъ и просьбою, что-бы оба эрцгерцога поѣхали представиться къ моему двору, и что-бы они это сдѣлали до конца этой зимы. — Должно думать, что тонъ, которымъ я произнесъ эти слова, былъ положителенъ и убѣдителенъ, ибо Стадіонъ отказался отъ своихъ возраженій и объявилъ, что, не теряя времени, онъ извѣститъ своего Государя объ отвѣтѣ, котораго удостоили меня В. В-во, и будетъ просто и исключительно настаивать на томъ, что-бы оба эрцгерцога поѣхали въ Петербургъ. Онъ понялъ, что мнѣ не лишне дать знать В. В-ву, черезъ перваго курьера о результатѣ Вашего отвѣта, и общалъ извѣстить меня объ ономъ черезъ два, три дня. Жду этого извѣщенія, и то чтѣ я узнаю, составитъ содержаніе особаго письма къ В. В-ву; пока ограничиваюсь этимъ отчетомъ о моемъ разговорѣ съ Стадіономъ и отвѣтомъ на все то, чтѣ В-е В-о изволили написать мнѣ отъ 28 Октября.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXXII.

à Vienne le 21 Novembre, 1807.
3 Decembre

Madame,

L'archiduc Palatin étant retourné à Bude, par conséquent n'ayant pû lui remettre en mains propres la lettre que V: M: I: m'avoit envoyée pour lui, comme Elle me l'avoit ordonnée, je me suis décidé, ne pouvant remplir mieux et autrement les ordres de V: M:, de l'insérer dans une lettre que j'ai adressée à l'archiduc pour la lui faire parvenir et dont j'ai chargé le secretaire-

interprète de mon ambassade Frohman, le filleul de feu l'Empereur; c'est lui qui par la volonté et la protection de V: M: a été placé à notre service, et que j'ai expédié d'ici en courrier. Frohman revenu hier de Bude m'a apporté de la part de l'archiduc le paquet ci-joint à l'adresse de V: M: et une réponse pour moi, que je me fais un devoir de Lui présenter ici en original. Il faut que m-gr l'archiduc ait été bien content de l'envoi que je lui ai fait puisqu'indépendemment de l'accueil plein de bonté qu'il a accordé à Frohman, il lui a fait remettre encore le cadeau d'une bague de brillant de cinq à six cent florins.

J'en viens à présent à m-gr le duc Ferdinand; il a été au comble de la joie en voyant que V: M: se rappelloit de lui et lui conservoit toujours Sa bienveillante affection, et Sa lettre a été véritablement pour lui la plus grande des consolations. J'ai l'honneur de présenter à V: M: ses deux lettres de différentes dates. Comme j'ai deviné que la première ne pouvoit contenir tous les détails de sa triste situation, je lui ai conseillé, j'ai exigé même, qu'il en écrive une autre pour rendre à V: M: un compte exact et fidèle de toutes les circonstances facheuses, où il se trouve et des causes qui les ont produites, étant persuadé que V: M: en les apprenant le plaindra plus qu'Elle ne le blamera, et en général qu'Elle conviendra, que la conduite qu'il a tenu pendant ces deux dernières années est très malheureuse pour lui, par les apparences, et que dans le fond elle n'est pas aussi reprehensible qu'elle paroît l'être. On ne peut être plus humilié, qu'il l'est dans son service, et il est impossible d'avoir moins de ressources et plus de gênes dans ses moyens de subsistance que lui. V: M: daignera me pardonner

ma franchise, mais je ne puis ne pas Lui avouer, que je combattis du fond de mon coeur au sort rigoureux qu'il doit supporter: je sais avec certitude, qu'il s'abuse en croyant qu'il peut être remis encore en activité d'après son grade; quand même il y auroit des places vacantes, qui eussent pû lui convenir, ce ne sera pas lui, à qui on songera pour les remplir. L'Empereur semble avoir pris le parti de ne plus l'employer et de le considérer comme n'étant plus déjà dans le cas d'y aspirer et de pouvoir l'être. Le voyant donc humilié, abandonné, sans aucun autre espoir fondé, que celui, que les bontés de V: M: peuvent entretenir dans Son coeur serré, j'ai été de l'opinion qu'il valloit beaucoup mieux pour lui de se choisir un autre séjour et de ne plus rester à Vienne où il ne peut qu'exister d'une manière inconvenable à sa naissance et à son grade militaire. Il vouloit encore faire une dernière tentative près de l'Empereur, pour lui demander s'il vouloit l'employer ou non; je lui ai fait sentir que cette demarche n'auroit certainement pas plus de succès que les précédentes, et dans la difficulté du choix d'un endroit dans les états de la monarchie Autrichienne où il pourroit se fixer, il ne s'est arrêté qu'à Gorcie et à l'idée qu'il pouvoit obtenir la permission d'aller en Italie pour y rétablir par le bienfait du climat sa santé qui effectivement est tout-à-fait derangée. Malade depuis deux mois d'une très forte fièvre, il n'en est pas encore guéri, et sa faiblesse, sa maigreure et l'air souffrant de sa physiognomie indiquent parfaitement combien toutes ses forces sont faibles. Il n'a pour vivre que les vingt mille florins en argent de la pension temporaire que lui a accordé l'Empereur, et encore a-t-il le désagrément de ne pas pouvoir l'employer en

entier pour son usage, ayant une dette de conscience à payer à son banquier de Sudtgard pour les avances que celui-là lui a faites sur ses appanages que le roi son frère vient de sequestrer retroactivement. La pension qu'il reçoit, qui est son unique assistance et sans laquelle il n'auroit absolument pas de quoi subsister, lui pèse infiniment par les accessoires amères, dont elle est accompagnée. Pour faire une idée à V: M: des besoins qu'il éprouve, je me contenterai de Lui dire que sa maison n'est composée que d'un valet de chambre, d'un chasseur et d'un cuisinier; dans son état de detresse il n'a pû me cacher qu'il seroit au comble de ses voeux et qu'il ne se permettroit jamais d'en former d'autres, si V: M: I: lui fesoit la grace d'obtenir pour lui de l'Empereur Son auguste fils, un asile dans une de ses villes de province quelque part qu'il fut, avec une pension purement alimentaire; il dit que c'est tout ce qu'il désire; que s'il avoit le bonheur de l'obtenir qu'il ne chercheroit alors, qu'à rester paisiblement dans la retraite, qui lui auroit été accordée, qu'il n'aurois plus rien à demander, ni place dans le service de Russie ni aucun bienfait de plus, et qu'il éviteroit soigneusement de venir dans la capitale pour ne pas gêner par sa personne et ne pas avoir l'air de se préparer à quelque nouvelles demandes; mais en même tems il sent aussi que l'inconduite de son frère le duc Louis ne peut que lui être très nuisible, en entravant les dispositions que V: M: pourroit avoir en sa faveur, et en diminuant à S: M: l'Empereur l'envie de lui accorder des témoignages de sa bienveillance et de sa générosité. Que V: M: daigne me le pardonner encore une fois, mais j'ose La supplier d'être bien persuadée, que dans aucune occasion la bonté et la sensibilité de

Son coeur ne peut être mieux employé que dans celle-ci, où il s'agit de tendre une main secourable à un frère qui Lui est tendrement dévoué et qui est victime de la dureté et de l'ingratitude de ceux sur lesquels il avoit le plus à compter. Je le pense et j'ose le répéter: personne ne mérite plus que m-gr le duc Ferdinand, par les malheurs, dont il est accablé, de devenir l'objet de l'intérêt particulier, de la sollicitude et des bienfaits de V: M.

Tout ce que V: M: a bien voulu me dire, sur le compte de m-gr le duc Louis est parfaitement vrai. C'est là ce que j'ai toujours pensé et dit moi-même. Il est sans excuses. Ce n'est pas moi qui a pu provoquer le ton amical des lettres qu'il m'a écrites. Mes réponses très courtes, quoique très respectueuses, en étoient fort éloignées, et je crois que n'ayant eû rien à lui dire de ce qu'il pouvoit souhaiter, il s'en impatientera, et notre correspondance finira d'elle-même.

A mon très grand regret, je suis obligé d'importuner aussi V: M: en Lui transmettant une lettre de la c-sse d'Equivilly, dont le mari a été g-l major du corps de Condé au service de Russie et au quel S: M: l'Empereur a permis d'en porter l'uniforme; je ne connois pas m-me d'Equivilly, mais m-me de Schouvaloff et le p-ce de Ligne qui la connaissent beaucoup m'on fait le tableau de tout le revers de la fortune qu'elle et son mari, jadis fort riche en France, ont essayés, et je n'ai pu me refuser à leur prière réunie de faire passer à V: M: I: la supplique qu'elle m'a envoyée en Son nom.

XXXII.

Вѣна 21 Ноября (3 Декабря) 1807.

Государыня!

Такъ какъ эрцгерцогъ Палатинъ вернулся въ Буду, и такъ какъ я, вслѣд-

ствие этого, не могъ передать ему въ собственные руки письмо, которое ему прислали черезъ меня В. И. В-во, то я рѣшился, не имѣя возможности исполнить лучше и иначе приказаніе В. В-ва, вложить его въ письмо адресованное къ эрцгерцогу, которое я и поручилъ переводчику при моемъ посольствѣ, Фроману, крестнику покойнаго Императора, тому самому, который вступилъ въ нашу службу по волѣ и подъ покровительствомъ В. В-ва, и я отправилъ его отсюда курьеромъ. Фроманъ, возвратившись вчера изъ Буды, привезъ мнѣ отъ эрцгерцога приложенный при семъ пакетъ, адресованный В. В-ву, и отвѣтъ мнѣ, который считаю долгомъ тоже представить В. В-ву въ оригиналѣ. Надобно полагать, что эрцгерцогъ былъ очень доволенъ полученною черезъ меня посылкою, ибо, независимо отъ милостиваго приема сдѣланнаго Фроману, онъ подарилъ ему брилліантовый перстень цѣною отъ пяти до шести сотъ флоринъ.

Возвращаюсь теперь къ герцогу Фердинанду. Онъ былъ обрадованъ, видя, что В. В-во его помнитъ и сохраняетъ къ нему благосклонную привязанность, и Ваше письмо по истинѣ было для него величайшимъ утѣшеніемъ. Имѣю честь представить В. В-ву два его письма отъ разныхъ чиселъ. Такъ какъ я догадался, что въ первомъ не могутъ быть изложены всѣ подробности его печальнаго положенія, я посовѣтовалъ ему, я даже потребовалъ, что-бы онъ написалъ другое, что-бы отдать В. В-ву вѣрный и точный отчетъ о всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, и о причинахъ, которыя ихъ произвели, въ увѣренности, что В. В-во, узнавши ихъ, болѣе пожалѣете о немъ, чѣмъ его осудите, и вообще согласитесь, что поведеніе его въ теченіи этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, весьма несчастное для него по наружности, въ сущности не столь предосудительно, какъ кажется. Нельзя быть болѣе униженнымъ, чѣмъ онъ, въ дѣлахъ службы, и невозможно нахо-

дятся въ болѣе стѣсненномъ и безпомощномъ денежномъ положеніи. Да проститъ мнѣ В. В-во, мою откровенность, но я не могу Вамъ не признаться, что я отъ глубины сердца соболѣзную о жестокой судьбѣ, которую онъ переноситъ; я знаю навѣрное, что онъ заблуждается, полагая, что еще можетъ быть принятъ на службу сообразно съ своимъ чиномъ; если-бы даже были незанятые мѣста, которыя могли-бы ему прійтись, не о немъ подумаютъ, что-бы замѣстить ихъ. Императоръ повидимому рѣшился болѣе не давать ему должностей и смотрѣть на него какъ на человѣка, не имѣющаго и права питать подобныя надежды. И такъ, видя его униженнымъ, оставленнымъ всѣми, безъ иныхъ на чемъ-либо основанныхъ надеждъ, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ поддержать въ его уязвленномъ сердцѣ милость В. В-ва, я пришелъ къ заключенію, что для него гораздо лучше избрать себѣ иное мѣсто жительства, и не оставаться долѣе въ Вѣнѣ, гдѣ онъ можетъ существовать лишь способомъ, несоотвѣтствующимъ его рожденію и его военному чину. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ попытаться попросить Императора о должности, но я далъ ему почувствовать, что эта попытка будетъ столь-же безуспѣшна, какъ и предъидущія; и затрудняясь въ выборѣ мѣста жительства, онъ остановился лишь на Горицѣ и на мысли, что онъ можетъ испросить себѣ позволеніе поѣхать въ Италію, что-бы поправить тамъ, благодаря климату, свое здоровье, дѣйствительно совершенно разстроенное. Большой уже два мѣсяца весьма сильною лихорадкою, онъ до сихъ поръ не можетъ отъ нея избавиться, и его слабость, его худоба, его болѣзненный видъ, ясно показываютъ, что его силы совершенно истощены. Онъ живетъ только двадцатью тысячами флоринами серебромъ временной пенсіи, дарованной ему Императоромъ, и къ тому-же не имѣетъ возможности пользоваться ею вполне, вслѣдствіе долга, который онъ долженъ уплатить своему Штутгардско-

му банкиру за помощь, оказанную ему подъ обезпеченіе удѣла, на который король его братъ наложилъ обратный секвестръ. Пенсія, получаемая имъ здѣсь, безъ которой онъ не могъ-бы существовать, чрезвычайно тяготитъ его по непріятностямъ, съ которыми сопряжено ея полученіе. Что-бы дать В. В-ву понятіе о нуждѣ, которую онъ испытываетъ, достаточно сказать Вамъ, что прислуга его состоитъ лишь изъ камердинера, егеря и повара. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи, онъ не скрылъ отъ меня, что всѣ желанія его были-бы исполнены и онъ не позволилъ-бы себѣ желать ничего большаго, если-бы Ваше В-во оказали ему милость испросить для него у Императора, Вашего Августѣйшаго сына, убѣжище въ одномъ изъ его провинціальныхъ городовъ съ пенсіею, только достаточною на поддержаніе его существованія. Онъ говоритъ что болѣе онъ ничего не желаетъ, и что если онъ будетъ имѣть счастье этого достигнуть, онъ только и будетъ думать о томъ, что-бы оставаться спокойно въ убѣжищѣ, ему назначенномъ, что ему не останется просить ничего большаго, ни должности на Русской службѣ, ни иного благодѣянія, и что онъ будетъ тщательно избѣгать пріѣздовъ въ столицу, что-бы не стѣснять двора своимъ присутствіемъ и не подавать вида, что готовится къ новымъ просьбамъ; въ то-же время онъ сознаетъ, что дурное поведеніе его брата Лудвига не можетъ не повредить ему очень сильно, противо-дѣйствуя расположенію В. В-ва въ его пользу, и отнимая у Государа Императора желаніе излить на него свѣдѣтельства своего благорасположенія и щедрости. Еще разъ, да проститъ меня В. В-во, но смѣю просить Васъ быть увѣренною, что ни въ какомъ случаѣ доброта и чувствительность Вашего сердца не можетъ быть лучше приложена, какъ именно въ этомъ, гдѣ приходится протянуть руку помощи брату, Вамъ нѣжно преданному, и сдѣлавшемуся жертвою жестоко сердца и неблагодарности тѣхъ, на кото-

рыхъ ему всего естественнѣе было расчитывать. Я въ томъ убѣжденъ, и осмѣливаюсь повторить, что никто, болѣе герцога Фердинанда, по несчастіямъ, его подавляющимъ, не достоинъ сдѣлаться предметомъ особаго участія, заботливости и благодѣяній В. В-ва.

Все что В. В-во изволили сказать мнѣ на счетъ герцога Лудвига, совершенная правда. Это то-же, что я всегда думалъ и говорилъ. Ему нѣтъ извиженій. Не я вызывалъ дружескій тонъ писемъ, имъ мнѣ написанныхъ. Мои весьма краткіе, хотя и почтительные, отвѣты не могли подать къ тому повода, и я думаю, что такъ какъ я не могъ сказать ему ничего для него желательнаго, онъ потеряетъ терпѣніе, и наша переписка прекратится сама собою.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я вынужденъ также обезпокоить В. В-во передачею письма отъ графини Эквили, мужъ который былъ на Русской службѣ, генераль-майоромъ въ корпусѣ Конде, и получилъ отъ Государи Императора позволеніе носить Русскій мундиръ. Я не знаю г-жи Эквили, но гр. Шувалова и князь де Линь, весьма близко съ нею знакомые, начертили мнѣ картину бѣдствій испытанныхъ ею и ея мужемъ, людьми когда-то во Франціи очень богатыми: я не могъ устоять противъ ихъ соединенныхъ просьбъ, и посылаю Вашему Величеству прошеніе, присланное мнѣ ею на Ваше имя.

XXXIII.

à Vienne, $\frac{22 \text{ de Novembre}}{4 \text{ de Decembre}}$ 1807

Madame,

Avant hier j'ai eu un entretien de 3 heures avec le c-те de Stadion. V: M: I: a vû par ma lettre du $\frac{1}{2}$ de Novembre, № 43, avec quelle confiance fondée, je devois attendre les résultats de ma conférence précédente. Mais il étoit écrit dans les destinées, que le désir le plus ardent de mon coeur, le

voeu particulier du ministre, rencontreroient des obstacles insurmontables, parceque des maximes d'état surannées des considérations de religion, de géniture et d'ainesse, la crainte de heurter des frères en place et en crédit, l'emportent sur l'intérêt politique, naturel, évident de cette union.

Je vais détailler nos explications avec cette exactitude scrupuleuse, qui dans toutes les occasions de ma vie caractérisera mes rapports à V: M: I:.

Des objets importans avoient exigé une espèce de comité entre le c-те de Stadion, le general d-те de Grün, directeur de la chancellerie du minisre de la guerre, et moi. Ces discussions fixées, le général se retira, et je demeurai seul avec le ministre. Je résumai avec lui tous les points de la conférence, ceux des événemens publics; je voulais de cette manière le conduire naturellement à ce qu'il pouvoit avoir à me dire du succès de son travail avec l'Empereur, à la suite de ce qui avoit été dit entre nous à l'égard du voyage des deux archiducs. Cependant la conversation d'affaires s'épuisait.—N'avez-vous rien oublié, demandois-je au ministre?—Il me semble que non, fut sa réponse, et cette réponse me présageant le résultat de ses démarches, j'étouffai le mouvement, qui s'élevoit en moi, et du ton le plus calme je lui dis: N'avez-vous rien à m'apprendre de nos voyageurs?—Hélas, réprit le c-те de Stadion, avec embarras et peine, les dispositions de l'Empereur sont invariables. Il sent tout le prix de ce qu'il pouvoit arriver d'heureux aux princes de sa maison; mais il persevère dans le système, que l'établissement des cadets est contre l'intérêt des monarchies, sous les rapports de la postérité qui provient de ces unions; parcequ'une union pareille avec une Grande Duchesse de Russie

donneroit à des cadets un établissement fait pour être jalosé par les aînés, que cet établissement ne seroit point compatible avec l'ordre proportionnel où les a placés leur naissance dans la famille même, et qu'il exigeroit pour la progéniture future des appanages aux frais de l'état; c'est par toutes ses considérations que l'Empereur ne croit point pouvoir ou devoir consentir à établir ses frères cadets ou ses cousins. — Je vois, dis-je, qu'on en revient toujours, à des calculs arithmétiques. Je crois cependant vous avoir suffisamment observé que ce n'étoit point un obstacle qui put arrêter.—Non, me repliqua Stadion, ce n'est point là ce qui arrête; ce sont les raisons que je vous ai exposées et qui portent l'Empereur à croire, qu'il seroit inconvenable d'établir les cadets avant les aînés, qui ont une fortune faite et une fortune proportionnée à cet état. Il proposa de nouveau l'archiduc Charles.—Vous oubliez, lui dis-je, la conversation, que nous avons eue à son sujet avant que vous eussiez lu la lettre, qui vous a si vivement pénétré. Vous oubliez, qu'il n'est pas encore question d'un mariage, mais qu'il ne s'agit que d'un voyage en Russie. La Mère auguste et tendre qui préfère le bonheur de Sa fille à toute autre considération, ne la donnera qu'au prince qui aura su l'intéresser. Il faudroit donc supposer ici un mariage par procuration, et cela n'entrera jamais dans les intentions de l'Imperatrice-Mère. D'ailleurs veuillez vous rappeler des accidents auxquels la santé de l'archiduc Charles est soumise; n'oubliez point, que dans le tems même, votre cour a désiré que pour M-me la Grande Duchesse Alexandrine on préférât l'archiduc Joseph; et convenez que si la popularité dont jouit le généralissime, le pouvoir dont il est investi, sa vie

militaire, ses talents, ses connaissances et son esprit pouvoient intéresser une princesse à la fleur de l'âge, dans tout l'éclat de la fraîcheur, instruite et parfaite en tout, des réflexions de crainte se méleroient cependant à son existence. — Cela pouvoit être vrai autrefois, reprit le c-te de Stadion, mais aujourd'hui que l'archiduc est entièrement rétabli, ces inquiétudes ne seroient plus fondées. Le peu de chemin que ses réflexions faisoient dans mon opinion le décida à passer au second frère, au grand-duc de Würtzbourg. Je rappelai de nouveau nos entretiens antérieurs. Il est vrai, continua le c-te de Stadion, qu'il ne possède aucune qualité extérieure, séduisante; mais il a toutes celles du coeur, il a prouvé qu'il étoit susceptible d'attachement, et puis il a une souveraineté. Je coupai une seconde fois court à ces remarques, pour revenir au voyage des archiducs Jean et Ferdinand. Oubliez, dis-je, qu'il s'agit d'une alliance, que les princes voyent la Russie:—Oui, mais sous quel prétexte?—Sous celui de faire la connaissance de l'Empereur, de voir une cour brillante, une des plus belles capitales de l'Europe, une armée qui a de la réputation; qu'ils aillent à St-Petersbourg, comme Monseigneur le Grand Duc Constantin est venu à Vienne. —Assurement, reprit Stadion, ce seroit un prétexte plausible et apparent, mais le but véritable du voyage ne pouvant pas être admis, ce seroit exposer inutilement le coeur de ces jeunes princes, leur montrer une félicité à laquelle ils n'osent point aspirer, ce seroit même compromettre les cours.—J'ai donc fini avec le ministre, repris-je, je m'adresse à présent au c-te de Stadion, à l'ami. Vous avez lu la lettre de l'Imperatrice. Vous êtes cause, par la manière, dont vous avez abondé dans mon sens, que j'ai osé primitivement présen-

ter cet objet à l'attention de S: M: I: Quoique j'ai très bien saisi tout ce que vous avez voulu me faire comprendre, et que je ne pourrai pas l'oublier, dites moi pourtant quelle est la réponse, que je dois, que je puis Lui faire?—Je sens, repliqua le c-te de Stadion avec peine, tout l'embarras de cette situation. Je le sens d'autant plus vivement, que j'ai tenu et que je tiens même fortement moi-même à l'idée, qui me paroissoit d'un si grand intérêt pour l'Autriche; mais la volonté de l'Empereur ne change pas, et l'on ne l'attribuera qu'à ce qu'il croit devoir irrévocablement à ses frères aînés et à l'intérêt pécuniaire de la monarchie, quand il compte les nombreux rejettons déjà existants de la maison impériale.

C'est la seconde fois que dans une affaire qui présente, de premier abord, le succès le plus intéressant, j'ai à remplir une tâche également pénible à mon esprit et à mon coeur. Mais l'exposé fidèle de tout ce qui s'est passé dans ces deux conférences servira du moins à prouver à V: M: que la dignité de notre cour ne fut jamais compromise; que c'est Stadion qui a été au-devant de tout; que c'est lui, qui lorsque je lui déclarai que je ne voulois lui donner que des regrets, que j'avois entièrement perdu de vue l'objet qui nous avoit occupé, que c'est lui, dis-je, qui lorsqu'il eut vû la lettre de V: M: I., me dit que j'avois tort de croire la chose comme rompue; et qui m'assuroit que la modification que nous avions à y apporter, pour le premier moment, en ne préparant que sous un prétexte simple et naturel le voyage des deux archiducs rencontreroit probablement l'approbation de l'Empereur. J'abrège des détails, qui seroient superflus: je me borne à une seule prière, que je supplie V: M: I. d'honorer d'un

moment d'attention. Ce que j'ai annoncé dans mon N° 43 de ma première conversation avec le c-te de Stadion, étoit un tableau fidèle et exact de tout ce que ce ministre m'avoit dit. J'ai apporté la même exactitude dans ma relation ci-jointe du 1er de 9-bre. Que Votre Majesté juge d'après cela, que Son auguste fils juge de même si mes premières démarches furent légères ou inconsidérées?

L'uniformité des témoignages du c-te de Stadion, dans mon avant-dernier entretien avec lui, l'initiative, qu'il reprit sur le tout, ne portent ils pas le même caractère, le même empressement, le même voeu? Le chemin, pour moi, au souverain étoit par le ministre qui a bondé dans mes plus vagues indications; il désire que je les fixe d'avantage, je le fais; mais il ne réussit point à faire agréer un projet dans le quel il se complaisoit lui-même; et il ne me reste, au milieu de mes plus vifs regrets, que la satisfaction de n'avoir pas aucune avance, pas aucun de ces mouvements qu'auroit pû provoquer en moi l'attachement tendre et respectueux pour mes maîtres, qui forme l'ame de mon existence, de n'avoir, dis-je, montré dans ces occasions aucun impatience, aucune prévenance qui n'eussent pas été en mesure avec la nature même de l'objet délicat que j'avois à traiter avec la dignité et l'élévation du trône de mon maître et de son auguste famille.

Le peu de succès de ma première tentative m'avoit déjà chagriné; celle que je viens de faire à présent avec une espérance nouvelle et sous une autre forme, m'ayant réussi aussi peu, le chagrin et le dépit, que j'en ai me donnent, je l'avoue, du dégoût pour Vienne, et pour tous ceux avec qui j'ai à y cultiver mes relations d'office.

XXXIII.

Вѣна 22 Ноября 1807.
4 Декабря

Государыни,

Третьяго дни, и имѣлъ трехчасовой разговоръ съ гр. Стациономъ. В-е И-ое В-во видѣли, по письму моему отъ 1го Ноября, подъ № 43, съ какою основательною надеждою я долженъ былъ ожидать результатовъ предъидущаго совѣщанія. Но было написано въ книгѣ судебъ, что самое пламенное желаніе моего сердца и предметъ особенныхъ стараній министра встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, потому что устарѣлыя государственныя правила, соображенія первородства и старшинства, опасенія оскорбить братьевъ, имѣющихъ положеніе и вѣсь, перевѣшиваютъ естественныя, очевидныя политическія выгоды этого союза. Изложу вамъ нашъ разговоръ съ тою совѣстливою точностію, которою, во всѣхъ случаяхъ моей жизни, будутъ отличаться мои донесенія В. И. В-ву.

Важные вопросы заставляли собраться, въ нѣкотораго рода комитетъ, гр. Стациона, генерала гр. Грюна, директора канцеляріи военнаго министерства, и меня. По окончаніи совѣщанія, генералъ удалился, и я остался одинъ съ министромъ. Я резюмировалъ съ нимъ всѣ разобранные нами пункты, желая такимъ образомъ естественно перевести его отъ дѣлъ обще-государственныхъ къ тому, что могъ онъ мнѣ сказать объ успѣхѣ своего доклада Императору, по поводу сказаннаго между нами о путешествіи двухъ Эрцгерцоговъ. Между тѣмъ предметъ разговора истощился. — Не забыли ли вы о чемъ нибудь? спросилъ я министра. — Кажется, ни о чемъ. Отвѣчалъ онъ, и такъ какъ этотъ отвѣтъ давалъ мнѣ предчувствовать результатъ его попытокъ, я сдержалъ досаду, подымавшуюся во мнѣ, и сказалъ ему самымъ спокойнымъ тономъ: — Вамъ нечего сказать мнѣ о нашихъ путешествіяхъ? — Увы! — отвѣчалъ гр. Стационъ, съ видомъ печали и смущенія, — распо-

ложніе Императора неизмѣнно. Онъ сознаетъ всю цѣну того счастья, которое могло-бы выпасть на долю одного изъ принцовъ его дома; но онъ не можетъ отказаться отъ систематическаго убѣжденія, что браки младшихъ братьевъ противны интересамъ Монархіи, въ соображеніи потомства, происходящаго отъ этихъ союзовъ; что подобный бракъ съ Русскою Великою Княжною далъ-бы младшимъ Эрцгерцогамъ положеніе, возбуждающее зависть старшихъ; что такое положеніе не было-бы сообразно съ тѣмъ относительнымъ порядкомъ, въ которомъ они расположены въ семействѣ самымъ своимъ рожденіемъ, и требовало-бы для будущаго потомства новыхъ удѣловъ, на счетъ государственныхъ средствъ. Но всѣмъ этимъ причинамъ, Императоръ не считаетъ, что-бы онъ могъ или долженъ былъ согласиться на браки своихъ братьевъ. — Я вижу, — сказалъ я, — что постоянно возвращаются къ арифметическимъ расчетамъ. Мнѣ кажется однако, я разъяснилъ достаточно, что за этимъ препятствіемъ останавливаться нечего. — Нѣтъ, возразилъ мнѣ Стационъ, — не это останавливаетъ дѣло; останавливаютъ его причины, изложенныя мною и заставляющія Императора думать, что не слѣдуетъ женить младшихъ прежде старшихъ, имѣющихъ состояніе обезпеченное и сообразное своему положенію. Онъ снова предложилъ Эрцгерцога Карла. — Вы забываете, — сказалъ я ему. — разговоръ, который мы имѣли на его счетъ прежде чѣмъ вы прочли письмо, столь глубоко тронувшее васъ. Вы забываете, что еще нѣтъ рѣчи о бракѣ, а только о путешествіи въ Россію. Августѣйшая и вѣжняя мать, ставшая счастлие Своей дочери выше всѣхъ прочихъ соображеній, отдастъ ее лишь принцу, съумѣющему ей понравиться. Тутъ былъ бынуженъ бракъ черезъ повѣреннаго, а это никогда не войдетъ въ виды Императрицы. Впрочемъ, извольте вспомнить о припадкахъ, которымъ подвержено здоровье Эрцгерцога Карла. Не забывайте, что было

врем я, когда вашъ дворъ пожелалъ, что-бы для Великой Княжны Александры Павловны предпочли Эрцгерцога Иосифа; и согласитесь, что если-бы популярность, которою пользуется генералиссимусъ, власть, которою онъ облеченъ, его военные подвиги, его таланты, свѣдѣнія и умъ могли бы привлечь юную, свѣжую о бразованную и вполнѣ прелестную Великую Княжну, къ этому чувству примѣшалось бы невольное чувство страха.—Это могло быть справедливо прежде,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ,—но теперь, когда Эрцгерцогъ совершенно выздоровѣлъ, эти опасенія не имѣли-бы основанія. Малое впечатлѣніе, которое дѣлала на меня его замѣчанія, заставили его перейти ко второму брату, Великому Герцогу Вюрцбургскому. Я снова напомнилъ ему наши прежніе разговоры — Правда,—продолжалъ гр. Стадіонъ,—что у него нѣтъ привлекательныхъ наружныхъ качествъ; но зато онъ имѣетъ всѣ сердечныя качества; онъ доказалъ, что онъ способенъ на привязанность, и затѣмъ онъ имѣетъ властвія. Я во второй разъ прервалъ эти разсужденія, что-бы возвратиться къ путешествію Эрцгерцоговъ Іоанна и Фердинанда. — Забудьте — сказалъ я, — что дѣло идетъ о брачномъ союзѣ. Пусть привычки поводятъ Россію. — Да, но подѣ какими предлогомъ?—Для того, что-бы познакомиться съ Императоромъ, увидѣть блестящій дворъ, одну изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, славную армію; пусть они поѣдутъ въ Петербургъ, какъ Великій Кн. Константинъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Вѣну.—Конечно,—возразилъ Стадіонъ,—это былъ-бы благовидный и простой предлогъ, но такъ какъ истинная цѣль путешествія не можетъ быть допущена, это значило бы подвергать сердца этихъ двухъ юныхъ принцевъ напрасной опасности, показать имъ счастье, котораго они требуютъ не въ правѣ; это значило бы даже поставить оба двора въ неловкое положеніе.—И такъ, я съ министромъ поклонился—отвѣчалъ я:—обращаюсь теперь къ графу Стадіону, къ моему другу. Вы

читали письмо Императрицы; вы тѣмъ способомъ, которымъ вы первоначально вошли въ мои виды, внушили мнѣ смѣлость представить этотъ предметъ на усмотрѣніе Ея В-ва. Хотя я вполнѣ усвоилъ себѣ все то, что вы хотѣли дать мнѣ почувствовать и не могу о томъ забыть, скажите мнѣ однакоже, какой отвѣтъ могу. долженъ я дать Ей?—Я съ прискорбіемъ,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ—сознаю всюзатруднительность положенія. Я сознаю ее тѣмъ живѣе, что я дорожилъ и до сихъ поръ сильно дорожу этою мыслью, казавшеюся мнѣ столь выгодною для Австріи: но воля Императора неизмѣнна; и пусть ее приишутъ лишь его понятіямъ о непремѣнныхъ его обязанностяхъ относительно старшихъ братьевъ и государственныхъ финансовъ, въ виду уже теперь столь многочисленныхъ отпрысковъ Императорскаго дома.

Вотъ уже второй разъ, какъ въ дѣлѣ, представлявшемся мнѣ на первый взглядъ въ самомъ интересномъ свѣтѣ, мнѣ приходится исполнять долгъ, равно тягостный для ума моего и для сердца. Но вѣрный отчетъ о всемъ томъ, что происходило въ этихъ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ послужитъ къ тому, что-бы убѣдить В. В во, что достоинство нашего двора ни разу не было уронено; что первый шагъ во всемъ принадлежалъ Стадіону. Онъ, когда я сказалъ ему, что хочу лишь возбудить его сожалѣнія, что совершенно отказался отъ занимавшаго насъ предмета, онъ, говорю я, увидѣвъ письмо В. И. В-ва, сказалъ мнѣ, что напрасно считаю я дѣло несостоявшимся; онъ увѣрилъ меня, что видоизмѣненіе нашего проекта, по которому на первый разъ слѣдуетъ только приготовить подѣ простымъ и естественнымъ предлогомъ путешествіе Эрцгерцоговъ, встрѣтитъ одобреніе со стороны Императора. Опускаю излишнія подробности: ограничиваюсь одною просьбою, которую умолю В. И. В-во удостоить минутнаго вниманія. То, что я изложилъ въ моемъ N° 43 о первомъ моемъ разговорѣ съ гр. Стадіономъ, бы-

ло точною и вѣрною картинною всего того, что сказала мнѣ этотъ министр. Я приложилъ ту-же точность въ при семь прилагаемой моей реляціи отъ 1/8 Ноября. Пусть Ваше В-во, пусть Августѣйшій сынъ Вашъ по нимъ посудятъ, были-ли первые мои шаги отъ имени В. В-ва легкомысленны и необдуманны? Среди живѣйшихъ моихъ сожалѣній мнѣ остается только то удовлетвореніе, что я никакою успѣшностію, никакимъ изъ тѣхъ движеній, которыя могла-бы мнѣ внушить иѣжная и почтительная привязанность къ моимъ Повелителямъ, наполняющая мою душу, не показалъ въ этихъ обстоятельствахъ никакой настойчивости, никакой предупредительности, не соотвѣтствующей деликатному предмету, который приходилось мнѣ обрабатывать со всѣмъ достоинствомъ и величіемъ, подобающимъ Русскому трону и Царской семьѣ.

Плохой успѣхъ первой моей попытки уже огорчилъ меня; послѣ того, какъ вторая, предпринятая съ новою надеждою и подъ иною формою, оказалась столь-же неудачною, признаюсь, что происходящія отъ того огорченіе и досада внушаютъ мнѣ отвращеніе къ Вѣнѣ и ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми мнѣ въ ней приходится поддерживать служебныя отношенія.

РАЗСКАЗЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА О ВИДѢНІИ ЕМУ ПЕТРА I-го.

Трудно найти для психолога и фязіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія чѣмъ императоръ Павелъ I: воображеніе въ немъ было такъ сильно, что онъ представляемые предметы принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была уже замѣчена воспитателемъ его, Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія.

Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Растопчина: тутъ ему снилось, что его три раза поднимаетъ къ верху невѣдомая сила*). Арфельдтъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся наканунѣ дня его смерти: ему снилось, что ему на спину натигивали узкій парчевый кафтанъ п съ такимъ усиленіемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли. Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ императоръ, находится также въ прямой связи съ этою вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго замка, конечно бы не повѣрили.

Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства пищеварительной системы и, пересчитывая напримѣръ „Записки Порошина“, врачъ найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи. Десятилѣтній Павелъ, сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были въ немъ постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любивши долго сидѣть за столомъ, великій князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Приводимый здѣсь разговоръ великаго князя о видѣніи ему Петра I въ связи съ другими данными въ томъ же родѣ ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.

Въ 1782 г. Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ молодой супругой своей Маріей Θεодоровной путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой поездкѣ находимъ мы въ Запискахъ баронессы Оберкирхъ. 1) Баронесса Обер-

*) Должно припоминать и то, что императоръ Павелъ принадлежалъ къ масонству. П. Б.

1) Memoirs of the baroness Oberkirch, London, 1852, 3 v.

кирхъ, подруга дѣтства принцессы Доротеи Виртембергской (послѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны) путешествовала вмѣстѣ съ русскою великокняжескою четою по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичъ очень уважалъ баронессу, къ которой великая княгиня, его супруга, сохраняла прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ великимъ княземъ фрукты бросили даже мимоletный колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ тойже почти шуточной ревности, которою наиримѣръ встрѣтила великая княгиня рассказы супруга о королевѣ Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ.

10 Юля 1782 въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Du Nord, ужиналъ въ обществѣ. Великая княгиня, утомившись путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ постили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ. Ужинъ ли, жаркій ли лѣтній вечеръ, далъ особенное направление разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, къ явленію призраковъ и т. д. Каждый рассказалъ что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ великій князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ Записокъ Оберкирхъ (II, 94—100). Запискамъ баронессы смѣло можно довѣряться: все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала бумагъ. Такъ, незадолго предъ тѣмъ, она записала рассказъ принца Де-Ланя, тотчасъ послѣ того какъ слышала его. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности рассказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особеннаго интереснаго.

— А что же вы, ваше высочество? обратился принцъ Де-Ланя къ Павлу.

Или вамъ нечего рассказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго? Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось разставить вамъ чары?

Великій князь поднялъ голову.

— Куракинъ знаетъ—сказалъ онъ— что и мнѣ было бы кой о чемъ поразсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало.

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое что очень странное?—спросилъ онъ.

— Столь странное, ваше высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ вамъ, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображенія.

— Нѣтъ, это была правда, сущая правда, и если М-ме Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой рассказъ въ тайнѣ,—прибавилъ великій князь, смѣясь—потому что очень неприятно было бы, если бы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

Мы всѣ дали обѣщаніе, и по крайней мѣрѣ что касается меня, — го воритъ баронесса Оберкирхъ — я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кого могъ бы интересовать этотъ рассказъ (?) Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого великаго князя.

Разъ вечеромъ, или пожалуй уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вмѣстѣ²⁾ у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія

²⁾ Т. е. съ Куракинымъ.

сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодная; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ климатовъ. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ яркъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ—точно какъ будто камень ударился о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ и, обратясь къ Куракину, сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго спутника

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь этого человека между мною и домовою стѣною?

— Ваше высочество идете возлѣ садовой стѣны, и физически невозможно, чтобы ктонибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ошупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ шляпой его блеснули глаза столь блестящіе, что такпхъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ! — сказалъ я Куракину — я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ, не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало въ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздавался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ отгѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего — отвѣчалъ тотъ — рѣшительно ничего.

Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца — кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты особенно не при-

вязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти; для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти за нимъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впереди. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Куракинъ не хочетъ вѣрить ничему этому. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе какъ сонъ.

Наконецъ пришли мы къ большой площади, между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади; я конечно слѣдовалъ за нимъ — и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ! — сказалъ онъ. — Ты еще увидишь меня опять, здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это конная статуя изъ гранита, представляющая царя Петра и помѣщенная на скаль. Не я совѣтовалъ моей матери избрать это мѣсто, выбранное, или скорѣе угаданное, призракомъ. И я не знаю, какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу болтаться, что бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій, что все это было не болѣе какъ сонъ. Видѣнный мною во время прогулки по*

улицамъ. Малѣйшая подробность этого видѣнія памятна мнѣ и, я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія и что если я васъ заставилъ подождать, то было изъ-за чего.

— Знаете, что это значитъ, ваше высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ.

— Извините, если я не сойду съ вами во мнѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ неоспоримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонить ко сну и во вторыхъ, что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ домовымъ стѣнамъ, промерзшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ вашего знаменитаго прадѣда существовалъ лишь въ вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ разговоръ (говоритъ баронесса Оберкирхъ) произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что великій князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая княгиня не слыхала его по сей день³⁾; онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ что находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшей важности одними замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаивался, что слѣдалъ повѣреннымъ своей

³⁾ Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

тайны друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разказанное имъ было выдуманно, съ цѣлью разказать что нибудь страшное въ свою очередь (II, 149-150). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разуверить. 17 Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга была въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Феодоровны, когда тамъ получено было письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что 18 числа того же мѣ-

сяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи императрицы. Когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ. дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно и видѣла, какъ великій князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрывала лицо его (II, 146-147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ, или не шутилъ Павелъ въ памятную ночь въ Брюссель.

В. Андреев.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. (*)

Съ 5-го на 6-ое ноября 1796 г. не стало Екатерины II. Россія лишилась государыни, довершившей ея величіе; русское общество -- великой преобразовательницы, которая сообщила ему новыя формы жизни, уснѣвшіе обрости костью и плотію свѣжей юношеской силы. Не всѣ, конечно, реформы удалась не всякое сѣмя, брошенное въ русскую почву, дало плодъ; но въ общемъ, въ цѣломъ, *екатерининскій вѣкъ* остался замѣчательнѣйшею эпохою въ нашей исторіи. Мрачныя стороны въ петровскія и екатерининскія преобразованія, въ влчъ самихъ и въ ихъ послѣдствіяхъ, были неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ находились преобразователи и преобразуемые, слѣдствіемъ предшествующаго и современнаго имъ положенія страны и народа. Страшно дорого обошлись Россіи петровскія преобразованія, не дешево стоили екатерининскія; но смотрѣть на одиѣ траты и жертвы, не видя плодовъ, возитъся въ по-

донкахъ и осадкахъ того соціального процесса, который является результатомъ великихъ преобразованій, немислимыя безъ жертвъ и страданій, выставлять на показъ только эти послѣднія, только общественныя язвы и раны, -- такой общительный-сатирическій приѣмъ не достоинъ серьезной исторіи. И однакоже, Петръ и Екатерина подвергались и подвергаются обличительнымъ истязаніямъ со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей, отождествляющихъ скандальную хроніку съ исторіей. Екатерина достается больше всего; за что же? За распространеніе крѣпостнаго права, за раздачу крестьянъ тысячамъ и десятками тысячъ своимъ любимцамъ; мрачная картина Пугачевского бунта представляется какъ обратная сторона медали, какъ страшная язва блестящаго (будто бы) только по наружности вѣка. Объ вымершемъ историческомъ явленіи позволительно суждать *sine ira et studio*; исторія, покрайней мѣрѣ, не знаетъ никакихъ страховъ, -- даже передъ современностію, ея приѣмами и кумирами.

Ужасы Пугачевского бунта никакъ нельзя считать явленіемъ, исключительно принадлежащимъ екатерининской эпохѣ; подобные же удары слышались въ XVII

(*) Завѣдуя редакціей „Віленскаго Вѣстника“ и благодаря просвѣщенной благосклонности графа Э. Т. Барнаула, я имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ дѣлъ виленскаго генералъ-губернаторскіяго архива, отлуда извлечены документы, послужившіе матеріаломъ для предлагаемой статьи.

столятии и гораздо ранѣе. Бунтъ Стеньки Разина, страшный не менѣе Пугачевскаго, антиобщественныя движенія крестьянскихъ массъ въ смутное время, бунты стрѣльцы при Петрѣ, до него—выдѣленія изъ общества казачества и повсемѣстное броженіе этого послѣдняго, разнаго рода броженія въ самомъ этомъ обществѣ, тамъ, гдѣ, повидимому, должна бы быть крѣпость и твердость, какъ въ войскѣ,—вся эта картина видимаго шатанія и кагушагося распадающагося, хаотическая картина созиданія громаднѣйшаго въ мірѣ государственнаго организма, которую представляла Россія до Петра и Екатерины, только близорукимъ историкомъ можетъ быть объясняема, какъ слѣдствіе правительственнаго деспотизма и помѣщичьяго насилія. Помѣщичій произволъ, во всякомъ случаѣ, не идетъ такъ далеко. До Петра и при Петрѣ само тогдашнее правительство, при скудости тогдашнихъ финансовъ, *насилъно* дѣлало служилыхъ людей помѣщиками, *испомѣщало*,—и эти *испомѣщенные* (родоначальники тѣхъ тирановъ, противъ которыхъ неистовствовалъ Пугачевъ) не только не пользовались дашними имъ правами, но *бредли розно*, разбѣгались, т. е. плыли тѣмъ же потокомъ *движенія* и броженія. Остановить его, заставить осѣсть, привязаться къ землѣ и окрѣпить, для этого у русскаго правительства не было другихъ средствъ, кромѣ закрѣпощенія, которое, поэтому, и пало на долю всѣхъ, а не однихъ крестьянъ. Даже при прогрессивныхъ правительственныхъ мѣрахъ, не посягавшихъ на свободу, приходили въ движеніе народныя массы,—спокойныя, повидимому, волны воздымались великою бурей: достаточно указать на нововведенія Никона и Петра, породившія расколъ, внесшія смущеніе съ одной и пробужденіе народной мысли съ другой стороны, всегда пособлявшій потомъ каждому антиобщественному движенію. Последнее, начиная съ XVII вѣка, уже ничего не имѣло въ себѣ демократическаго, народоуправнаго, въ запад-

но-европейскомъ смыслѣ этого слова: наши революціонеры, государственные бунтовщики, возставаая противъ государства, поднимали его же стягъ, дѣйствуя всегда во имя цари (самозванца) или церкви. При оцѣнкѣ событій нашего XVIII вѣка никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду такого состоянія древняго русскаго общества: оно если не оправдываетъ, то объясняетъ самыя присворбныя явленія петровскаго и екатерининскаго времени. Только въ эту эпоху являются русскіе помѣщики съ теперешнимъ ихъ значеніемъ, какъ сословіе. Существованіемъ своимъ они обязаны реформѣ Петра; они являются европейскими его воспитанниками, русской интеллигенціей. Екатерина II завершаетъ общественное образованіе русскаго дворянства и своими учрежденіями воспитываетъ его болѣе духовно. Духъ этого политическаго воспитанія намъ теперь почти не понятенъ; часто мы называемъ раболѣпствомъ то, въ чемъ не было и тѣни этого постыднаго чувства,—какъ въ проникновеніи государственнымъ величіемъ Россіи всѣхъ и каждаго, отъ царедворца до степняка. Чтѣ же мудренаго, что Екатерина II, съ ея трезвымъ и смѣлымъ взглядомъ на русскую дѣйствительность, прошлую и настоящую, довѣрилась исключительно сословію, которое воспиталось въ ея школѣ и духѣ. Въдѣ на собственномъ опытѣ она неоднократно убѣждалась въ несостоятельности чужихъ пріемовъ, въ непримѣяемости и неприложимости къ тогдашней Россіи всѣхъ либеральныхъ идей, выработанныхъ временемъ. Помѣщичье правоестественно, казалось ей лучшимъ ручательствомъ въ прочности сдѣланныхъ ею преобразованій, а въ просвѣтительно-европейской реформѣ, каковой подвѣргалась при ней Россія, кому же было довѣриться, какъ не сословію, во всякомъ случаѣ болѣе просвѣщенному, чѣмъ другія? Пріхры чужіе, пріхры свои, прежняго стараго времени, не могли подсказать ей другаго отвѣта. При томъ же, крѣпостное

право, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ своемъ значеніи, нигдѣ не возбуждало еще въ ту пору ужасовъ; ибо *либеральныя начала* были сами по себѣ, а дѣйствительность продолжала существовать по прежнему сама собою. Ужасы, и „мерзости“ крѣпостного права едва ли чѣмъ были меньше тѣхъ страданій, той общественной тяготы, которую испытывали низшіе классы народа, закрѣпощенные государству и церкви; возбуждать страданія, производить вещи, наводящія черезъ сто лѣтъ неподдѣльный ужасъ, выпадало на долю не одного русскаго помѣщика, но и чиновника, фабриканта, заводчика, нерѣдко духовенства. Намъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, ничто не давалось даромъ, за все платились мы дорогою цѣною огрубѣнія, одичанія, если угодно, варварства, — за все, начиная отъ необходимости съѣсть на мѣстѣ, привязаться къ территории. Чиновничество екатерининскаго времени, еще помнившее приказные порядки и отъ приказныхъ дьяковъ и служителей происшедшее, было несравненно невѣжественнѣе и грубѣе, чѣмъ тогдашнее помѣщицье сословіе, все же, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, полировавшееся корпуснымъ воспитаніемъ, военною и вообще столичною службой. Если и до настоящаго времени признается за несомнѣнное, что чѣмъ помѣщикъ былъ богаче и многодушнѣе, тѣмъ лучше жилось его крестьянамъ; то, стало быть, въ раздачѣ Екатериною *тысячами и десятками тысячъ* крѣпостныхъ душъ, съ точки зрѣнія ея времени, ровно ничего нельзя видѣть преступнаго: эта щедрая, возмущающая теперь насъ, раздача могла происходить, по тогдашнимъ взглядамъ на экономическое положеніе страны, въ интересъ государственнаго благоустройства и благочинія, какъ это ни нелѣпо теперь намъ кажется. Не сомнѣнно одно, что эта раздача не была похотью произвола или чего инаго: это была система, ложная, фальшивая, но послѣдовательная, вѣрная одной заданной себѣ мысли, — система, обнявшая все

государство, Малороссію, Бѣлороссію, Литву и Остзейскій край. Но какъ бы то ни было, со временъ Екатерины II начинается второй, болѣе тяжелый періодъ крѣпостного права, и Пугачевскій бунтъ несомнѣнно не принялъ бы такихъ страшныхъ размѣровъ, если бы это было иначе. Подавленное возстаніе не успокоило народныхъ массы; духъ свободы, повѣявшій сверху, дунулъ и на нихъ, — и вотъ съ этого времени зарождается въ нихъ мысль о неизбѣжности и скорости освобожденія; съ каждымъ новымъ царствованіемъ закрѣпощенный народъ начинаетъ толковать, что Государь его освободитъ, что освобожденію препятствуютъ только помѣщики. Преемникъ Екатерины былъ встрѣченъ такими надеждами, почти повсемѣстно заколыхавшими народныя массы.

И. И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ сообщаетъ любопытныя подробности о передрягѣ, которая случилась съ нимъ 25 декабря 1796 г. По пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Дмитріевъ поселился на Гороховой улицѣ, гдѣ жилъ также бывший его сослуживецъ, штабсъ-капитанъ Лихачевъ. Однимъ изъ находившихся при нихъ слугъ былъ сдѣланъ доносъ, будто бы они умышляютъ на жизнь государя. Тогдашній петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, на руки котораго были отданы самимъ государемъ Дмитріевъ и Лихачевъ, обыскивая ихъ служителей, нашелъ въ сюртучномъ карманѣ одного изъ нихъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ своимъ родителямъ. Въ этомъ письмѣ говорилось о молвѣ, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода, а если этого не случится (добавлялъ сочинитель письма) — я надѣюсь получить вольность и другую дорогою. “Изъ Записокъ Дмитріева извѣстно, какъ благородно поступилъ Павелъ съ напрасно обвиненными: убѣдившись въ ихъ невинности, онъ въ присутствіи всего двора объялъ ихъ; и этому случаю И. И. Дмитріевъ много былъ обязанъ своими служебными успѣхами. Между тѣмъ какъ все это происходило,

правительство уже начало получать съ разныхъ сторонъ тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи. Сколько извѣстно, первое такое извѣстіе было получено въ Петербургъ 22 декабря о бунтѣ крестьянъ въ Олонецкой губерніи Лодейнопольскаго уѣзда, въ вотчиннѣ помѣщика Алексѣя Полънова¹⁾. Генер.-прокуроръ А. Б. Куракинъ тогоже числа доложилъ объ этомъ государю, который приказалъ рассмотреть этого дѣла поручить Н. П. Архарову. Затѣмъ, съ января 1797 г., вѣсти о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ стали приходить чаще; въ Пензенской губерніи взволновались и казенные крестьяне. Въ тайной экспедиціи, гдѣ производилось дѣло объ этихъ движеніяхъ (за № 21-мъ, начатое 22 декабря 1796 г. и конченное 4 марта 1797.), по 20-е января помѣчено только тринадцать рапортовъ, извѣщающихъ о крестьянскомъ неповиновеніи и безпорядкахъ въ губерніяхъ Орловской, Московской, Псковской, Новгородской, Новгородъ-Сѣверской, Ярославской, Нижегородской, Пензенской, Калужской, Костромской и Вологодской; но слухи о новыхъ безпорядкахъ приходили и позднѣе. Означенныя донесенія по настольному реестру не сообщаютъ подробностей, въ чемъ состояли эти неповиновенія крестьянъ; только въ двухъ говорится о разграбленіи господскаго имущества и о „великихъ дерзновеніяхъ и своевольствѣ“ крестьянъ помѣщика Поздѣва, возставшихъ въ числѣ 3 тысячъ въ Вологодской губерніи. Довесеніе о послѣднемъ возстаніи получено въ Петербургъ 19-го января. До сихъ поръ къ подавленію возстанія предписывалось мѣстной администраціи посылать для усмиренія крестьянъ военныя команды; но на донесеніи о вологодскихъ происшествіяхъ положена такого рода резолюція: „Мѣры для укрощенія ихъ дѣяній Его Величе-

ство принять изволилъ на себя.“²⁾ Къ счастью, сохранились подлинныя документы, относящіеся до Поздѣвскаго дѣла, съ которымъ мы имѣемъ возможность познакомить читателей.

На стеклянномъ заводѣ помѣщика Поздѣва, при церкви Архангела Михаила, что на Кубенницѣ, находилась въ это время келья, гдѣ жила въ черничкахъ одна старуха, гдѣпостная г-жи Поздѣевой. Въ эту келью крестьяне Поздѣевой звали ночью 4 января 1797 г. ученика вологодской семинаріи Григорія Коропацкаго, пріѣхавшаго на рождественскіе святки къ отцу своему, дьячку той же церкви Ивану Коропацкому, для приложенія руки къ написаннымъ отъ нихъ на высочайшее имя двумъ прошеніямъ, одного и тогоже содержанія, написаннымъ отъ имени выборныхъ крестьянъ, старостъ и сотскихъ Поздѣвской вотчины. 16-лѣтній Григорій Коропацкій, по просьбѣ ихъ и по приказанію отца своего, находившагося въ той же кельѣ, приложилъ, за безграмотствомъ просителей, свою руку. Надругой день праздника Богоявленія, въ домъ дьячка Коропацкаго явились: староста г-жи Поздѣевой Яковъ Яковлевъ, выборный Андрей Осиповъ и крестьянинъ Леонасій Алексѣевъ, и упростили Григорія Коропацкаго, въ отсутствіе отца его, написать *проходное письмо* (подорожную) до Петербурга, для Яковлева и Алексѣева, „дабы ихъ въ городахъ и на учрежденныхъ заставахъ безъ задержанія пропустили, а въ Петербургъ, до исправленія ихъ надобностей, держали безъ опасенія.“ Подъ прошеніемъ на высочайшее имя подписались свидѣтелями 24 челоѣка повятыхъ, старостъ, сотскихъ и крестьянъ, принадлежащихъ

¹⁾ Сличь Р. Архивъ 1865, стр. 511—540. А. Я. Полъновъ, тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, представлялъ въ Вольное Экономич. Общество свои соображенія объ отчужденіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. II. Б.

²⁾ Бывшій морякъ Поздѣвъ, Осипъ Алексѣевичъ, былъ масонъ, и вѣроятно государь зналъ его лично и по морской службѣ. Сличь о немъ выше, стр. 157—158. Любопытно, что ходятъ преданія о крутомъ обращеніи съ крестьянами и главы масоновъ Н. П. Новикова. Это рассказывалъ между прочимъ его соствъ по бронницкому мнѣнію Д. П. Бутурлинъ (авторъ Исторіи смутнаго времени), челоѣкъ одностороннихъ мнѣній, но въ отзывѣхъ правдивый и осторожный. II. Б.

слѣдующимъ помѣщикамъ: кн. Масаткиной, Логовчиной, Огареву, гр. Головкину, Игнатьеву, Еропкину, Вакселевой, Бологовскому, Макшеевой, Суровцову, Извъкову, Тайдалову, Воейкову, д-ца Измайловой, г-жи Шипиговой, Медвѣдовой, Бибикову (И. А.). Вотъ это прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь нашъ, императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ Всероссійскій, государь всемилостивѣйшій.

„Просятъ Кадниковской округи, Михайловской волости, вотчины полковника Осипа Алексѣевича Поздѣва, староста Яковъ Яковлевъ, выборные — Андрей Осиповъ, Гаврила Прокопьевъ и всѣ той вотчины крестьяне, а о чемъ наше прошеніе,—о томъ значить ниже сего.“

„Дошедшіе мы, именованные, вовладѣніе означенному господину Поздѣву по купчей, тому уже 18 лѣтъ, то онъ первые годы и бралъ съ насъ оброки, да къ тому бралъ отъ нашей вотчины въ Москву, въ топорную работу, человѣкъ по 9-ти и болѣе, да въ тѣ же самые годы и въ нашей вотчинѣ строенія господскаго было не малое число, т. е. господскіе дома для пріѣзду его. Да въ нашей же вотчинѣ приказалъ построить заводъ стеклянный³⁾, тому уже 10 лѣтъ; да въ тожъ самое время, когда заводъ строили, въ то время онъ, господинъ нашъ, разорилъ цѣлое селеніе, деревню Нелюбовскую, жителей поселилъ въ другія селенія, а на той деревнѣ приказалъ построить житные дворы и избы, а поля приказалъ пахать на себя, равножъ и покосы; да и въ другихъ мѣстахъ приказалъ надѣлать усадебъ не малое число,—то бы (безъ этого) по нашей вотчинѣ и довольно было господской работы пашенной, сѣнокосной и строенія. Да онъ же, господинъ нашъ, сверхъ оныхъ работъ, на стеклянный заводъ нарядилъ съ каждаго человѣка мушницъ, отъ 15-ти лѣтъ и до 70-ти, на каждый годъ по 30-ти сажень дровъ, да по 30-ти

четвертей золы. То мы, покамѣстъ были въ силахъ и люди были всѣ при вотчинѣ, такъ мы оныя уроки всѣ и отправляли. Но какъ онъ, господинъ нашъ, свезъ въ другія мѣста 15 человѣкъ мужескаго пола, да многихъ продалъ въ рекруты, да многіе отъ таковыхъ неспосныхъ работъ и отъ тяжчайшаго наказанія разбѣжались, отъ чего въ нашей вотчинѣ и стало людей великое умаленіе, а на заводъ требуетъ надобность какъ золы, такъ и дровъ; такъ онъ господинъ нашъ наложилъ на насъ уроки тяжчае и первыхъ съ каждаго человѣка помянутаго возраста, на каждую недѣлю, по 3 четверти золы и по 3 сажени дровъ; а мы онаго урока уже выработать никакимъ способомъ и не можемъ, за то каждую недѣлю работныхъ людей и съчетъ (онъ) немилосердно“.

„Равно и нынѣ, минувшаго декабря 31 дня 1796 года, прибылъ онъ, господинъ нашъ, на стеклянный заводъ и насъ, работныхъ людей, сталъ головы обривать, и при немъ (были) пучки палокъ и кнуты, и намѣренъ (былъ) всѣхъ пересѣчь. И мы поклонились ему и прочь отъ него отошли; только ему сказали, что „мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что мы хлѣба уже для пропитанія не имѣемъ, также одежды и обуви на насъ нѣту, а всегда и съ женами нашими на нашей господской работѣ непремѣнно день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только только, какъ маленькія ребята наши, ходя въ мѣръ, напросятъ и насъ питаютъ!“ И, поклонившись ему, прочь отъ него отошли, о чемъ черезъ сотскаго (ими) объявлено и земскому суду сего 1797 года генваря 9 дня“.

„Но какъ, по объявленіи, г. Кадниковскій исправникъ Иванъ Ивановичъ Торбѣвъ, прибывъ къ нашей церкви въ 1-й день сего генваря, т. е. въ праздничный воскресный день, приво- дилъ нашей волости всѣхъ людей къ присягѣ (государю?); и, по приведеніи, во время службы божественныя литур-

³⁾ Химія, какъ извѣстно, входила въ составъ ма- соневыхъ управленій. П. Б.

гнѣ, всѣхъ нашей волости разныхъ вочинъ людей изъ храма Божія выслать, а насъ, Поздѣвыхъ, оставя въ Божіемъ храмѣ, и съ обою страну поставя военную строгость (команду) съ обнаженными тесаками и заряженными ружьями, и самъ исправникъ, обнажа свой тесакъ, стоя въ храмѣ, и насъ 15 человекъ связалъ невѣдомо за что (или по просьбѣ господина нашего, — о томъ мы неизвѣстны), не объявля соцкому никакого дѣла. И повели насъ связанныхъ къ господину нашему въ домъ; и мы, убоясь смертельнаго наказанія и безвиннаго, другъ друга распутали и отъ него, исправника, отошли и ничего ему не противорѣчили, въ чемъ мы и ссылку имѣемъ на всю нашу волость, которые (люди) были у церкви и присяги, равножъ и другихъ волостей, прилучившихся у нашей церкви, также и священника и другихъ священно-дерковнослужителей.“

„Того ради, и приемлемъ смѣлость трудить Ваше Императорское Величество, дабы благоволено-бъ было сіе все-нижайшее прошеніе всемилостивѣйше принять и погибающихъ отъ мраза и глада обиженныхъ людей въ ваши всемилостивѣйшія нѣдра принять; а мы, вижайшіе, желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству, служить. Января 5 дня 1797 года.“

Свидѣтели, удостовѣрившіе справедливость того, что говорится въ этомъ прошеніи, присовокупляютъ, что Поздѣвскіе крестьяне „пришли въ крайнюю бѣдность, неимѣючи у себя дневнаго пропитанія, равножъ одѣянія и обуви, скитающіеся въ мірѣ, лишашіеся своихъ крестьянскихъ работъ, дома и поля у нихъ пришли въ запусьбніе“, п что стекланный заводъ завелъ Поздѣвъ тамъ, „гдѣ прежде были церкви святыя, т. е. Цевецкая пустыня, церкви святыя смежъ, а на томъ мѣстѣ построилъ хлѣвы скотскіе“.

Теперь послушаемъ, что говоритъ другая сторона, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что пишетъ подпол-

ковникъ Поздѣвъ въ Петербургъ къ Ивану Владиміровичу (Лопухину) отъ 7-го января, одновременно съ составленіемъ семинаристомъ Коронацкимъ *проходною* письма для его крестьянъ:

„По распространившейся въ здѣшнемъ краю сильной молвѣ, что дѣлаемая нынѣ присяга государю для того (происходитъ), чтобы впредь не быть за помѣщиками, при случаѣ взятыя мною, для отлучки въ Москву, безъ всякаго наказанія, одного изъ крестьянъ жены моея, побуждающаго паче прочихъ къ послушанію, ночью, наканунѣ новаго года, изъ крестьянъ жены моея до 70-ти человекъ вломилась съ полѣнными въ домъ мой и убили бы вѣрно меня и дворовыхъ моихъ людей до смерти, естлибы Богъ не даровалъ мнѣ безобязаннаго духа выйти къ нимъ прямо, что ихъ нѣсколько остановило. Я, употребляя на успокоеніе ихъ едиными словами чрезъ цѣлой часъ, чтобы они себя самихъ не губили, на силу, съ Божіею помощію, довелъ выйти изъ моего дома. А когда они разошлись по избамъ; то я, опасаясь на другой день вторичной отъ нихъ сцены, уѣхалъ въ городъ Кадниковъ, и взявъ оттуда исправника и двухъ токмо старыхъ солдатъ, коихъ и въ городъ больше нѣтъ, пріѣхалъ въ деревни жены моея, гдѣ исправникъ, по своей должности, при приводѣ цѣлую волость къ присягѣ, въ которой слишкомъ тысяча душъ, хотѣлъ взять начинщиковъ бунта; то вся волость, взбунтовавшаяся, взятыхъ отняли и едва исправника самого не убили до смерти, естлибы онъ отъ нихъ уходомъ не спасся. И къ оному бунту п еще двѣ волости присоединились, въ коихъ всѣхъ около трехъ тысячъ душъ; и естли не присланъ будетъ цѣлый полкъ въ губернію Вологодскую для квартированія, то это разовьется далеко. И кромѣ сихъ волостей, въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, *весьма похожій на Пугачевскій (!)*, ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ времени Пугачева духа — *дабы не было дворянъ*, да и теперь же у нихъ слышится, что

и городов не будетъ (*) (!): что есть точно иллюминатической духъ (!) безначальства и независимости, распространявшійся, какъ знаете, по всей Европѣ; естли не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребительнъ. Здѣсь въ Вологдѣ нѣтъ военныхъ людей, чѣмъ бы оный утишить, почему прошу васъ употребить ходатайство у государя, что, я думаю, здѣшній губернаторъ рапортомъ не упуститъ, дабы скорѣе хотя одинъ баталіонъ былъ посланъ для наведенія страху и на прочихъ (крестьянъ) здѣшняго краю, а взбунтовавшихся для приведенія въ надлежащее повиновеніе. Который бунтъ, по таковой всеобщей молвѣ, можетъ разлитися далеко и подвергнуть истребленію невинныхъ дворянъ таковому же, каковое было отъ Пугачева, изъ числа которыхъ и я теперь съ женою моею и двумя маленькими дѣтьми, немогущій скоро выѣхать, по экономическимъ моимъ нуждамъ: хотя губернаторъ вологодской прислалъ мнѣ трехъ человекъ солдатъ для охраненія, что онъ только могъ, а вы сами знаете, сколь это мало значить! Спокойство здѣшняго краю требуетъ такова экзекутнаго духа, каковъ есть государевъ, для присылки помянутой команды. Желаю вамъ добраго здоровья и всякаго благословенія Божія; поручая себя въ вашу любовь, есмь вамъ съ моею искренною привязанностію и съ почтеніемъ покорившимся и усерднымъ слугою Юсифъ Поздѣевъ.“

P. S. Въ таковыхъ случаяхъ отъ неуваженія одна искра можетъ произвести великій пожаръ, какъ то было въ низовыхъ губерніяхъ при злодѣѣ Пугачевѣ. И теперь, сыщисъ какой-нибудь предприимчивый злодѣй, то крестьяне, напоенные желаніемъ безначальства, уже готовы; нашъ же простой народъ охо-

(*) Замѣчательная антигосударственная фраза, если она только дѣйствительно была сказана крестьянами. Не смѣть что и теперь многи мѣстности нашего отечества, по патріархальности своего быта, не чувствуютъ нѣкоторыхъ либеральныхъ учрежденій.

чій къ грабежамъ, изъ коего много сыщется охотниковъ грабежемъ понажитья. Здѣсь же, въ Вологодской, Ярославской, Костромской и Архангелогородской губерніяхъ, нѣтъ ниже какихъ командъ, коими бы можно было затушить, естли оное сумасбродство разольется. И здѣсь, въ Вологдѣ, въ новый годъ, въ соборѣ и внѣ онаго, великое было, какого никогда не запомятъ, стеченіе простаго народу и *поповъ, кои, т. е. деревенскіе, тѣже мужики, только что грамотные*, — въ ожиданіи, что читать будутъ указы о вольности крестьянъ и яко бы соль будетъ дешевле и вино (будетъ) продаваться по два рубля ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, верстъ за сто отъ Вологды отстоящихъ. Крестьяне, въ ожиданіи таковой мнимой вольности, во многихъ мѣстахъ не платятъ оброковъ своимъ господамъ, а особливо дожидались этакого указа о вольности въ новый годъ: и безразсудство черни до такой крайности (дошло), что думаютъ, будго въ Вологдѣ нарочно не распечатываютъ таковыхъ о вольности крестьянъ указовъ“.

Участіе сельскаго духовенства въ крестьянскихъ движеніяхъ прошлаго вѣка не сомнѣнно: это видно изъ матеріаловъ, относящихся до самозванцевъ — предшественниковъ Пугачева, Кремнева и Монадѣга, напечатанныхъ нами въ „Воронежской Бесѣдѣ“; это очевидно изъ самой исторіи Пугачевского бунта. Не входя въ объясненіе этого факта, нельзя допустить, что Поздѣевъ, только въ виду собственныхъ владѣльческихъ интересовъ, приводитъ въ связь сельское духовенство съ крестьянскимъ движеніемъ; не съ одною этою цѣлію онъ пишетъ къ вологодскому епископу Арсенію слѣдующее письмо, проливающее нѣкоторый свѣтъ какъ на самое происшествіе, о которомъ идегъ рѣчь, такъ и на тогдашнее сельское духовенство:

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и мой архипастырь!

„По случаю воспослѣдовавшаго въ здѣшнихъ волостяхъ бунту, обязанъ я до-

нести, что изъ крестьянъ жены моей присланною командою съ совѣтникомъ губернскаго правленія, нѣкоторые начинщики взяты и домашнимъ наказаніемъ наказаны, другіе жъ изъ оныхъ отданы подъ законное наказаніе, вмѣстѣ съ соцкими другихъ волостей и понятыми, кои возстали на исправника и команду его и убили бы его до смерти при семъ ихъ всѣхъ заговорѣ, когда они отважились (побуждаясь отъ злонамѣреннымъ людей слухомъ, что у помѣщиковъ крестьянъ не будетъ, называя мужичьимъ словомъ, что *все будетъ государщина*) сочинять и послать просьбу, мимо всѣхъ учрежденныхъ присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, къ самому Его Императорскому Величеству. Взбунтовавшіеся крестьяне жены моей, собравшись ночью, дали, безъ вѣдома моего и жены моей, выборъ во священники сыну дьячка церкви Михаила Архангела, что на Кубенницѣ, вологодской семинаріи ученику Григорью Коропацкому, который, обольстясь симъ выборомъ и четырьмя рублями денегъ, данными ему, подписалъ дерзкое прошеніе къ особѣ Его Императорскаго Величества и далъ четыремъ мужикамъ жены моей фальшивые пашпорты, въ чемъ онъ, при совѣтникѣ губернскаго правленія, при мнѣ, исправникѣ и секретарѣ нижняго земскаго суда, и признался. И подлинное прошеніе къ Его Императорскому Величеству, подписанное имъ, взято у посланныхъ въ Вологду двухъ изъ бунтующихъ мужиковъ, съ коего копію г. губернаторъ вологодской и прислалъ сюда съ нарочнымъ курьеромъ, а подлинное находится въ губерньскомъ правленіи. О чемъ симъ вашему преосвященству донеся, прошу, хотя присланный сюда для усмиренія совѣтникъ и я, сжался на юность помянутого студента, не отдала его съ прочими преступниками въ тюрьму, для поступленія съ нимъ по законамъ; — но долгъ обязанности моей побуждаетъ меня покорнѣйше васъ просить: — естли кто представитъ къ вамъ помянутой его вы-

боръ, оному не вѣрить, и впредь отъ крестьянъ и людей жены моей и моихъ никакихъ выборовъ и прошеніевъ, безъ моей и жены моей подписи, въ церковнослужители къ церкви Михаила Архангела, что на Кубенницѣ, не принимать; а отца помянутаго ученика Коропацкаго, дьячка Ивана Иванова, за согласіе его и позволеніе на такое беззаконное дѣло (ибо точно, какъ слышу, и онъ въ ономъ-же согласіи былъ и сыну своему позволялъ) прошу, какъ вы заблагодарасудите, примѣрно и прочимъ церковнослужителямъ, приказать наказать, — въ чемъ надѣюсь по сему моему прошенію, для воздержанія церковниковъ здѣшней глухой (около рѣки Кубены) стороны, ваше преосвященство, яко любящіе ввѣренную вамъ отъ Бога и государя паству, не упустите. Поручая себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, есмь, съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и т. д. — Стекланный заводъ, генваря 18, 1797 года.“

Этотъ отзывъ и, несомнѣнно, доходившій и изъ другихъ мѣстъ вѣсти объ участи сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи заставили вологодскаго преосвященнаго обратиться къ нему съ слѣдующимъ пастырскимъ посланіемъ:

„Къ крайнему сожалѣнію моему, въ епархіи моей, въ противность Божіихъ и государственныхъ узаконеній, повѣлѣвающихъ *рабамъ быть въ послушаніи у господей своихъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылись неповиновенія у крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ, причемъ оказались нѣкоторые изъ церковнослужителей (забывъ даваемыя ими, при производствѣ въ священно-церковнослужительскія степени, обязательства) въ составленіи и рукоприкладствѣ отъ тѣхъ крестьянъ на высочайшее имя Его Императорскаго Величества дерзкихъ прошеній. Крайне сожалѣя духомъ о такомъ заблужденіи и имѣющемъ неминуемо постигнуть виновныхъ, по суду Божію и государственнымъ узаконеніямъ, временномъ и вѣчномъ наказаніи, долгомъ поставляю всѣмъ епархіи моей

священно и церковно-служителямъ и ихъ дѣтямъ подтвердить: 1) дабы они внимали только тому званію, въ которое Промысломъ Божиимъ призваны, — чтобъ проходить оное по закону Божію, по святымъ правиламъ и по государственнымъ установленіямъ безпорочно. 2) Ежели бѣ гдѣ и еще, паче чаянія, начали оказываться подобныи выше-сказаннымъ, въ невѣжествующихъ крестьянахъ непослушаніа; въ таковыхъ не только бѣ не принимали ни малѣйшаго съ ними участія, но и паче, по долгу званія своего, старались бы таковыхъ невѣждъ всемѣрно отъ того удерживать, вразумляя ихъ, что они и закономъ Божиимъ обязаны повиноваться *владыкамъ своимъ во всякомъ страхѣ, не только благимъ и кроткимъ, но* (ежели бы, паче чаянія, то было) *и строптивымъ*, и высочайшее на то изволеніе, какъ прежде бывшихъ въ Россіи благочестивѣйшихъ монарховъ, такъ и нынѣ благополучно владѣющаго Всероссийскимъ скипетромъ, благочестивѣйшаго великаго государя нашего императора Павла Петровича, самодержца Всероссийскаго, было и есть. И что, наконецъ, собственная польза ихъ къ тому обязываетъ; ибо безначаліе неминуемо пагубными сопровождаемо бываетъ послѣдствіями, какъ то: междоусобіемъ и взаимнымъ другъ друга разореніемъ и истребленіемъ. Слѣдовательно, таковыи послушанія противны и установленію Божію, и высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества: и потому какъ виновные въ таковой продерзости, такъ и участвующіе въ оной согласіемъ, подстреканіемъ, послабленіемъ и, что всего горше, составленіемъ отъ нихъ (крестьянъ) продерзкихъ просьбъ и къ нимъ (просьбамъ) рукоприкладствомъ, подвергаютъ себя какъ Божію, такъ и высочайшія власти жесточайшему гнѣву и наказанію; ибо *сущія власти, какъ говорятъ Павелъ Апостолъ, отъ Бога учинены суть: тѣмъ же и противляясь власти, Божію повелѣнію противляется.* Дано въ Вологдѣ 1797 года, генваря въ

31-й день. Арсеній, епископъ вологодскій”.

Еще сильнѣе обнаружилось участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи въ Псковской и Калужской губерніяхъ, гдѣ послѣднее приняло общирные размѣры. Въ первой волненія крестьянъ прежде всего обнаружались въ уѣздахъ Порховскомъ и Печерскомъ и отсюда уже перешли въ Холмскій и разгорѣлись пожаромъ: здѣсь почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне не только отказались повиноваться, но, собираясь по погостамъ и вооружившись ружьями, дубинами, топорами и т. п. открыто возстали, „предводимые къ тому и понами,“ какъ гласитъ официальное извѣстіе. Такъ въ одномъ мѣстѣ этого уѣзда, въ церкви, они поставили аналой: священники вышли изъ алтаря въ полномъ облаченіи и вынесли крестъ и евангеліе, которые положили на аналой; крестьяне прикладывались къ св. иконамъ, ко кресту и евангелію и клялись „въ единодушномъ до смерти стояніи.“ Присланная для усмиренія ихъ команда, подъ начальствомъ земскаго засѣдателя, была побита; „крайнія неистовства и озорничества“, которыя они стали повсемѣстно дѣлать, были слѣдствіемъ тако-го успѣха. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, почти поголовно возставшемъ противъ помѣщиковъ, главными виновниками были священникъ села Кулишева Григорій и еще какихъ-то два пона, разглашавшіе о мнимыхъ манифестахъ и сочинявшіе прошенія къ государю. — Высочайшій манифестъ, приводимый ниже, косвеннымъ образомъ подтверждаетъ участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ возстаніи. Въ одномъ мѣстѣ Минской губерніи, впрочемъ, по слуху, какъ говоритъ официальное извѣстіе „однѣ дерзкіи поповъ враль, что у насъ (де) государя нѣтъ, потому что онъ не короновался.“

Какъ бы то ни было, а въ продолженіи всего января 1797 г. приходили въ Петербургъ все болѣе тревожныи извѣстія о крестьянскомъ движеніи почти

отовсюду. Новый императоръ, пылкій и раздражительный, ревнивый поборникъ власти, и далеко уступавшій своей матери въ трезвомъ пониманіи русской дѣйствительности, увидѣлъ въ нихъ заговоры и бунты. Извѣстно, что императоръ Павелъ 4) считалъ помѣщиковъ лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ, лучшей земской полиціей; извѣстно его отвращеніе къ французской революціи и мѣры, какія онъ употреблялъ для уничтоженія порядка, созданнаго въ западной Европѣ событіями 1789 г. Поэтому, нечего удивляться, что этотъ государь, для успокоенія движенія, шедшаго въ интересахъ *государщины*, прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Не довольствуясь строгими предписаніями мѣстнымъ губернаторамъ о подавленіи возстаній, отправленіемъ на мѣсто его значительныхъ военныхъ командъ, собственно-ручными высочайшими рескриптами къ ихъ начальникамъ, безпрестанными посылками курьеровъ, императоръ 20-го января 1797 г. назначалъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, генералъ-фельдмаршала князя Репнина, спеціально для усмиренія *взбунтовавшихся* крестьянъ, а 29-го издаетъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею милостію мы, Павелъ 1-й, императоръ и самодержецъ Всероссийскій и проч. и проч. объявляемъ всенародно:

„Съ самаго вступленія нашего на прародительскій нашъ императорскій престолъ, предложили мы за правило наблюдать и того взыскивать, дабы каждый изъ вѣрнопопданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя его обязанности и удалялся всего, тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго

имъ послушанія, возмечтавъ, будто бы они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прощеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, нами поставленныхъ, не внимаютъ. Соболезнуя милосердно о такихъ развращающихся съ пути истиннаго и полагая тутъ виною болѣе заблужденіе внемлющихъ лживымъ внушеніямъ и огласкамъ, отъ людей праздныхъ по легкомыслію или и корыстнымъ видамъ разсѣваемымъ, восхотѣли мы, предварительно всякимъ усиленнымъ мѣрамъ, къ укрощенію буйства подобнаго, влекушимъ обыкновенно за собою самыя бѣдственныя и разорительныя для непокорныхъ послѣдствія, употребить средства кроткія и человѣколюбивыя. Почему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ взываемъ всѣхъ и каждого: да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобы всѣ, помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ — всякого рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости закона наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи, ему ввѣренномъ, долженствуетъ, въ противномъ случаѣ, подавать руку помощи, и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному сужденію и наказанію. Духовные, наипаче священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противъ ложныхъ и вредныхъ разглашеній, и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ

4) (Л. Р. Архивъ 1864, стр. 781. П. Б.

семь взышется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ передъ страшнымъ судомъ Божиимъ во вредъ, отъ небреженія ихъ произойти могутъ. Сей указъ нашъ прочитатъ во всѣхъ церквахъ всенародно. Данъ въ С. Петербургѣ генваря 29 дня 1797 г. Павелъ.

Впрочемъ, правительство не могло оставаться равнодушнымъ, такъ какъ крестьянское движеніе, начавшееся съ толковъ о воаѣ, о томъ, что новый государь освободилъ крестьянъ, но помѣщики и власти скрываютъ это отъ народа, дѣйствительно стало приниматься характеръ возмущенія и сопровождаться значительными безпорядками. Манифестъ императора, для прекращенія этихъ безпорядковъ, категорически указываетъ на мѣры кротости и челоуѣколюбія; отъ лицъ, исполнявшихъ волю государя, зависѣлъ какъ выборъ этихъ мѣръ, такъ и самая постановка вопроса (какъ мы говоримъ теперь) объ усмиреніи. Мѣры для подавленія крестьянскаго движенія, какъ увидитъ читатель, принимались нерѣдко очень крутыя; но мы имѣемъ полное право утверждать, что это движеніе легко могло бы сдѣлаться народнымъ бунтомъ, если бы вмѣсто князя Репнина, былъ назначенъ другой, болѣе воинственный, генералъ.

Одновременно съ Псковскимъ, обнаружилось волненіе крестьянъ въ Полоцкомъ намѣстничествѣ, въ пяти уѣздахъ — Себѣжскомъ, Невельскомъ, Городецкомъ, Суражскомъ и Несвижскомъ; здѣсь возстаніе имѣло тотъ же самый характеръ, что и во Псковѣ. Усмиреніе возстанія крестьянъ въ этомъ краѣ поручено было государемъ минскому генералъ-губернатору М. М. Философову, который въ письмѣ своемъ къ Репнину, причину крестьянскихъ волненій объясняетъ „глупыми сослухами жителей одной губерніи отъ другой и глупыми подражаніями однихъ другимъ, безъ заговоровъ вообще.“ Замѣчательно, что въ Литвѣ и въ остальной Бѣлоруссіи, недавно присоединенныхъ, въ тоже самое вре-

III. 6

мя, когда въ одномъ изъ городовъ первой, въ Гроднѣ, еще имѣлъ свое пребываніе бывшій польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ, когда уже зрѣлъ во мракѣ заговоръ ксендза Домбровскаго, — въ тогдашнихъ губерніяхъ Литовской и Минской, по свидѣтельству того же Философова, „нигдѣ ничего нѣтъ, и противу государя нигдѣ ничего не открыто.“

Самые серьезные безпорядки произошли въ южныхъ губерніяхъ — въ Орловской, Тульской и Калужской; южнѣе ихъ движеніе между помѣщичьими крестьянами, кажется, не распространялось, о чемъ мы заключаемъ по тому обстоятельству, что, напр., изъ Тамбовской губерніи (Липецкаго у.) вызывались войска въ Калужскую губернію для прекращенія безпорядковъ. Въ Орловской губерніи волненія крестьянъ обнаружались въ Сѣвскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бригадира княгини Голицыной, въ мѣстечкѣ *Радогощи* и въ селѣ *Брасовъ*, имѣніи Апраксина. Въ первомъ изъ нихъ, крестьяне возстали вооруженною силою и рѣшились или овладѣть всею, принадлежащимъ ихъ помѣщикѣ и раздѣлить между собою, или быть побитыми; какіе размѣры приняло движеніе Апраксинскихъ крестьянъ, объ этомъ можно судить по обстоятельствамъ ихъ усмиренія, въ слѣдствіи которыхъ, какъ увидитъ читатель, село Брасово получило печальную извѣстность въ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, крестьянскіе безпорядки обнаружались также въ имѣніи помѣщиковъ Хлющина и Бодиски, въ селѣ Алешенкахъ. Число возставшихъ крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ во всякомъ случаѣ было болѣе десяти тысячъ. Въ Тульскомъ намѣстничествѣ волненія обнаружались въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ и въ деревняхъ Сонинкѣ, Лѣсновкѣ и Хрущовой. Здѣсь предводителемъ возстанія былъ Хрущевскій староста Василій Семеновъ, а подстрекателемъ ка-

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 18

кой-то бѣглый изъ дворовыхъ, называвшійся Никитою Прокофьевымъ. Возмущившіеся крестьяне не хотѣли слушать высочайшаго манифеста отъ 29 января, считая его подложнымъ, ударили, въ присутствіи исправника, въ набатъ, избивли людей, преданныхъ помѣщику, и кричали: „Умремъ, а не хотимъ быть за помѣщикомъ! Желаемъ остаться казенными“. Въ Калужской губерніи самое сильное движеніе обнаружилось между крестьянами Медынской округи (уѣзда). Такъ, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, въ имѣніи помѣщицы Давыдовой, возставшіе еще въ прошломъ году крестьяне всѣ разбѣжались, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, такъ что, по наивному выраженію официальной бумаги, и усмирять было не кого: этотъ побѣгъ, какъ надобно думать въ окрестныхъ селеніяхъ, также волнующіяся, произошло послѣ того, когда земская полиція, въ слѣдствіи манифеста 29 января, хотѣла привести крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщичьихъ. Въ томъ же уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ братьевъ Воейковыхъ и ихъ сосѣдки Никифоровой, крестьяне возстали поголовно, въ числѣ болѣе тысячи человекъ. Во Владимірской губерніи, близъ города Петровска, въ имѣніяхъ Демидова и Рудакова, и въ Переяславль-Залѣскомъ у помѣщика Карцева и Макарова, крестьяне также отказались отъ повиновенія; тоже произошло и въ Александровскомъ уѣздѣ. Крестьяне этихъ помѣщичьихъ причину своего непослушанія объясняли чрезмѣрно тяжелыми работами. Въ этой же губерніи, въ имѣніяхъ гр. Апраксина и кн. Голицина, съ помѣщичьими соединились экономическіе крестьяне и общими силами умертвили, какъ сказано въ донесеніи, „многихъ вотчинныхъ начальниковъ, денежный и хлѣбный заборъ какъ кн. Голицина, такъ и Апраксина разграбили, разоря всякого рода господскія заведенія“.

Источники, которыми мы пользуемся, не сообщаютъ дальнѣйшихъ подробностей о крестьянскомъ движеніи, какъ ви-

дитъ читатель, начинавшемъ переходить въ вооруженное возстаніе, если не противъ государственной власти, то противъ одного изъ ея органовъ. Идя отъ слуховъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ новаго государя, не имѣя организаторовъ и предводителей, крестьянское движеніе не успѣло далеко распространиться, не могло вспыхнуть такимъ же пламенемъ бунта, какъ назадъ тому 25 лѣтъ, при Пугачевѣ. Но уже кровь полилась; общественный порядокъ нарушался; выступили наружу самыя дурныя страсти, угрожавшія знакомыми тогда всѣмъ потрясеніями. Вспомнимъ, что въ эту эпоху еще не успѣло сойти въ могилу поколѣніе, современное Пугачеву; что новое, смѣнявшее его, отъ крестьянской избы до господскихъ палатъ, наизусть знало всѣ подробности страшнаго пугачевского бунта, — и мы если не можемъ, съ нынѣшней точки зрѣнія, оправдать строгость и даже жестокость мѣръ, употребленныхъ для подавленія возстанія, покравнейшей мѣрѣ, онѣ могутъ быть объяснимы.

Современный читатель, мало знакомый съ исторіей нашего XVIII вѣка, въ которомъ въ одно и тоже время и завершался процессъ нашего государственнаго организма и входила въ него новая, производящая сильное броженіе, закваска европейской жизни и цивилизаціи, пожалуй не прочь будетъ приписать всѣ крутыя мѣры человекѣ, распоряжавшемуся подавленіемъ крестьянскаго движенія; ибо князь Репнинъ, самолично усмиривъ крестьянъ въ селѣ Брасовѣ, сдѣлавъ изъ этого настоящее *военное дѣло*, съ пушечной и ружейной пальбою, съ убитыми и ранеными, съ побѣдителями и побѣжденными. Побѣдители получили высочайшую награду; побѣжденные, кромѣ страшныхъ матеріальныхъ потерь, подвергнувшись тяжкимъ нравственнымъ испытаніямъ: трупы 20-ти крестьянъ, павшихъ въ Брасовскомъ дѣлѣ, по приказанію князя Репнина, лишены были христіанскаго погребенія и зарыты въ одной ямѣ, укрѣ-

шенной надписью, свидѣтельствовавшей, что эти люди были недостойны погребенія со всѣми! И эти сцены, возмущающія теперь наше человѣческое чувство, дѣлаютъ человѣкъ, которому несомнѣнно принадлежитъ одна изъ начальныхъ страницъ въ исторіи нашего гуманизма!

Въ это время общественное положеніе, которое занималъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ *), было очень высоко. Въ послѣдніе годы царствованія покойной императрицы, Репнинъ былъ, въ чинѣ генераль-аншефа, генераль-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій и Литвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующимъ войсками, въ нихъ расположенными. Новый императоръ, на другой день вступленія своего на престолъ, пожаловалъ его генераль-фельдмаршаломъ и оказывалъ ему болѣе душевное расположеніе, чѣмъ покойная императрица, не долюбившая Репнина, какъ масона, хотя высоко цѣнившая его заслуги. Мы мало знакомы съ людьми XVIII вѣка, и, кажется, еще не подготовились къ этому знакомству, по недостатку спокойствія, мѣшающаго видѣть, что русскій человѣкъ прошлаго вѣка постоянно стоялъ не только между двухъ, но и промежъ трехъ огней, въ двойственномъ и тройственномъ положеніи, созданномъ всею русской исторіей: обвинять или восхвалять его не возможно, не разсмотрѣвъ всѣхъ этихъ сторонъ историческаго положенія современнаго ему общества. Князь Репнинъ не былъ замѣчательнымъ полководцемъ въ родѣ Румянцова, не говоря уже о Суворовѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которыми поистинѣ прославился екатерининскій вѣкъ, и между ними онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Профессоръ Соловьевъ въ своей книгѣ *Исторія Паденія Польши* блистательнымъ образомъ представляетъ его дипломатическія способности, въ качествѣ нашего резидента въ Варшавѣ.

*) Родился 1734, умеръ 1801 года.

Эти способности, точнѣ болѣе духовная сторона ихъ, т. е. живое, непосредственное отношеніе къ живой, а не отвлеченной жизни, еще блистательнѣйшимъ образомъ обнаружили въ Репнинѣ на новомъ мѣстѣ, которое онъ занялъ послѣ 3 го раздѣла Польши, — на мѣстѣ литовскаго генераль-губернатора, чуть не начальника Сѣверо-западнаго края, какъ бы мы теперь сказали. Что ни говорятъ теперь о древней русской исконности этого края, но въ прошломъ вѣкѣ она, по многимъ причинамъ, плохо замѣчалась. по крайней мѣрѣ не отъ нея начинали дѣло и не къ ней, не дождавшись конца, возвращались: идеалъ все-россійской имперіи, въ грандіозности его величія — вотъ откуда шли и къ чему возвращались государственные люди того времени; за этимъ идеаломъ не замѣтно было все народное, этнографическое, ибо все государственное отождествлялось тогда съ народнымъ. Россіи достался край *Польскій* (по тогдашнимъ понятіямъ), съ польской государственностію, языкомъ, цивилизаціей, законами, нравами и обычаями. Устройство этого края, управленіе имъ, почти на другой день его присоединенія, введеніе русскихъ государственныхъ формъ жизни, вмѣсто сгнившихъ польскихъ, пощада тѣхъ, которыя нисколько не мѣшали первымъ, меткіе, искусные удары въ слабыя, но добрыя струны человѣческой природы, мудрое примѣненіе пословицы: *бей рублемъ, а не бей дубьемъ*, — на все это мало однихъ административныхъ способностей, простаго исполненія чужой, непродуманной или отвлеченной мысли. Здѣсь, на управленіе Литвою, князь Репнинъ смотрѣлъ съ орлиной дальнороркостью, отличающею всѣхъ екатерининскихъ питомцевъ: то, чѣмъ теперь мы такъ гордимся и изъ-за чего пролито столько чернилъ и желчи, *обрусеніе края*, было имъ понято никакъ не ўже нашего, начиная отъ необходимости поднятія мѣстныхъ русскихъ силъ до приглашенія людей изъ внутреннихъ губерберній на службу и до водворенія рус-

скихъ землевладѣльцевъ. Обрусѣніе Литовскаго края въ государственномъ смыслѣ — дѣло Репнина, его историческая заслуга. Словомъ, репинское управление Литвою, смѣемъ думать, поучительно въ высшей степени для настоящаго времени. Въ немъ, между прочимъ, выразилась вполне спокойная, подобающая государству сила, увѣренная въ самой себя, и стало быть въ успѣхъ. Это всего лучше доказывается возможностью пребыванія въ томъ же литовскомъ, недавно присоединенномъ, краѣ короля Станислава Понятовскаго, который со ступеней варшавскаго трона прямо очутился въ скромномъ гродненскомъ дворцѣ и съ которымъ Репнинъ возился два года. Добровольно отказавшись отъ престола, ех-король все же смотрѣлъ въ лѣсъ волкомъ, и нужно было имѣть зоркое недремлющее око, чтобы не упустить подобнаго звѣря; всего легче было струсить. Уже одни отношенія Репнина къ послѣднему польскому королю представляютъ его личность въ самомъ выгодномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, свѣтѣ. Вполнѣ русскій, крѣпко и восторженно, какъ всѣ екатериницы, держащій государственное знамя Россіи, славу и ея величіе, князь Н. В. Репнинъ, управляя Нѣмцами и Поляками, умѣлъ заставить уважать себя не одною грозю и страхомъ. Князь Репнинъ принадлежалъ къ обществу масоновъ, которое едва ли не болѣе всѣхъ учрежденій смягчало наши нравы, воспитывало, цивилизовало общество *). Прочтя множество черновыхъ бумагъ, его рукою исписанныхъ, его резолюцій, замѣтокъ, писемъ, мы не могли не убѣдиться, что въ этой личности было много обаятельнаго, — не въ этомъ ли надобно искать тайны его дипломатическихъ и административныхъ успѣховъ *между Нѣмцы и Ляхи*? Отправляясь для подавленія крестьянскаго движенія, кн. Репнинъ положительно настаиваетъ на необходимости *самыхъ крот-*

*) Впрочемъ, отношенія О. А. Поздѣва въ своимъ крестьянамъ нисколько не говорятъ въ пользу гуманности этого масона.

кихъ мѣръ. Такъ въ его ордерѣ къ одному изъ военно-начальниковъ мы читаемъ: „Противъ крестьянъ не должно оказывать никакой строгости, ни крайности, а просто объявля имъ только высочайшую Его Императорскаго Величества волю, чтобы крестьяне должное послушаніе имѣли къ помѣщикамъ, для чего точно (именно) я и посланъ, чтобы объявить о семъ высочайшемъ соизволеніи. Почему и требовать отъ нихъ должнаго къ помѣщикамъ повиновенія; въ прочемъ (въ остальномъ) по всему, до сего относящемуся, гражданскому производству (властямъ) оставить полную свободу, — нижнему земскому суду и исправнику“. Его царь — долгъ, его Богъ — правда...

Великодушія примѣры

Его всѣ мысли наполняютъ,

Вотъ какъ выражается Державинъ о Репнинѣ въ стихотвореніи „Памятникъ Герою“ (изд. Я. К. Грога. Т. I. стр. 431). И. В. Лопухинъ въ своихъ *Запискахъ* превозноситъ его похвалами, называя его *великимъ мужемъ*. Съ его дѣятельностію въ иныхъ сферахъ мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Въ концѣ этой статьи мы помѣщаемъ собственноручный дневникъ кн. Репнина, веденный имъ во время пути, предпринятаго для подавленія крестьянскаго движенія. Онъ познакомитъ читателей съ нѣкоторыми любопытными подробностями, относящимися до этого дѣла (которые мы по этому опускаемъ въ нашемъ разсказѣ) и, между прочимъ, послужитъ нагляднымъ доказательствомъ неутомимой дѣятельности этого человека, несомнѣнно не желавшаго играть роль въ скорбныхъ событіяхъ при подавленіи крестьянскаго возстанія.

Получивъ 20-го января высочайшее повелѣніе и сдѣлавъ нужныя распоряженія, на время своего отсутствія, по управленію Остзейскаго края и Литвы, на другой день, 21-го числа, князь Репнинъ отправился въ путь прямо на свѣверъ, въ Вологду, по позднѣвскому дѣ-

лу. Зима въ этомъ году была снѣжная; отъ сугробовъ почти не было проѣзду. 27-го князь прибылъ въ Вологду, гдѣ прожилъ до 3-го февраля. Поздѣвское дѣло удалось ему покончить самымъ миролюбивымъ образомъ: крестьяне принесли повинку и просили прощенья у помѣщика: военныя команды, которыя притянуло было Репнинъ къ мѣсту своего пребыванія, пришлось отсылать обратно. Пребываніе фельдмаршала въ Вологдѣ и кроткія мѣры, употребленныя имъ для успокоенія поздѣвскихъ крестьянъ, имѣли большое вліяніе на волновавшихся крестьянъ Ярославской и Владимірской губерній, гдѣ все пришло въ надлежащій порядокъ, безъ употребленія военной силы и кровопролитія, однимъ лишь распоряженіями мѣстной администраціи. Переѣздивъ лошадей въ Ярославль, князь Репнинъ на ночь съ 4-го на 5-е февраля прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь нагналъ его курьеръ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 января отправиться немедленно въ Орель, куда фельдмаршалъ и прибылъ въ ночь 9-го числа.

Между тѣмъ орловскія событія, какъ видно, особенно тревожили императора Павла. Того же 30-го января онъ пишетъ шефу гусарскаго полка генерал-майору фонъ-Линденеру слѣдующій рескриптъ.

„Господинъ генералъ-майоръ Линденеръ! Съ полученіемъ сего вступите въ распоряженіе гражданскихъ и военныхъ дѣлъ по Орловской губерніи. Употребите на прекращеніе волненія крестьянъ полкъ вашъ и мушкатерскій Ряжскій, о чемъ генералъ-майору князю Горчакову отъ насъ предписано. *) Извѣстите насъ какъ о мѣрахъ, вами принятыхъ, такъ обо всемъ, произойти могущемъ. Употребите силу и заставьте повиноваться власти гражданской и уважать войска наши. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.“

*) При Павлѣ всѣ генералы, отъ фельдмаршала, подѣляны были шефами полковъ, которые, сверхъ своего, носили и имена этихъ шефовъ.

И такъ Орловская губернія ставилась какъ бы въ военное положеніе, хотя на самомъ дѣлѣ этого и не было. Въ то время, какъ князь Репнинъ приближался къ предѣламъ возстанія, тамъ вотъ что происходило. Ряжскій полкъ кв. Горчакова замедлилъ прибытіемъ въ Сѣвскіе уѣзды; между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что ослупные крестьяне кнѣгини Голицыной, собиравшіеся обыкновенно въ мѣстечкѣ Радогощъ, назначали 10-е февраля срокомъ для приведенія въ исполненіе своего намѣренія броситься на усадьбу помѣщицы и разорить ее. Орловскій губернаторъ Воейковъ и генералъ Линденеръ рѣшились, не дожидаясь князя Горчакова, предупредить мятежниковъ. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу утра, они подошли съ полкомъ Линденера къ селу Радогощъ и, остановившись у околицы, требовали, чтобы крестьяне принесли повинную своей помѣщицѣ и выдали бы главныхъ зачинщиковъ. Получивъ отказъ, Воейковъ и Линденеръ приказали стрѣлять изъ двухъ оружій и зажечь въ двухъ мѣстахъ село. Отъ сильнаго вѣтра пожаръ распространился, причемъ сгорѣло нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и господскій хлѣбный магазинъ, впрочемъ, почти опустошенный мятежниками. Крестьяне смирились. Заводчикъ возмущенія Куркинъ и нѣсколько его товарищей, застѣвшихъ было на колокольнѣ, должны были сдать. Донося Государю объ этомъ дѣлѣ и отдавая честь распорядительности губернатора Воейкова, Линденеръ распространяется съ похвалою о дѣятельномъ участіи подполковника Уварова, совершенно случайно протѣзжавшаго чрезъ Радогощъ и принявшаго команду надъ лейбъ-эскадрономъ и распоряженіе орудіями. Кн. Репнинъ получилъ извѣстіе объ этомъ усмиреніи на другой день, уже находясь въ Кромахъ; 12-го февраля онъ былъ на самомъ мѣстѣ происшествія. Изъ Радогощи фельдмаршалъ отправилъ въ село Брасово, къ апраксинскимъ крестьянамъ, съ приложеніемъ высочайшаго манифеста, свое приказа-

не представить къ нему главныхъ зачинщиковъ возмущенія; но получилъ на это дерзкій отвѣтъ: „Пусть-де прійдетъ самъ!“ Отсылая читателей за подробностями этого дѣла, о которомъ упомянуто выше, къ репинскому журналу, здѣсь приводимъ приказъ фельдмаршала теперь соединившимся полкамъ Линденера и кн. Горчакова.

„Отъ генераль-фельмаршала кн. Репнина приказъ.

Завтра походъ въ село Брасово, для покоренія тамошнихъ крестьянъ генераль-лейтенанта Апраксина.

1. Выступить отсель въ 8 часовъ по утру. Впередѣ идти г. генераль-маіору Линденеру съ четырьмя эскадронами его полку.

2. За ними двѣ гранадерскія пушки Рязскаго мушкатерскаго полку; потомъ полковыя пушки; за ними четыре единорога брянскіе; затѣмъ первый баталіонъ; за нимъ одна полковая пушка, а за ней второй баталіонъ; потомъ же, въ замкѣ, четыре эскадрона Линденерова полку.

3. Никому отъ своихъ мѣстъ не отлучаться, ни подѣ какимъ предлогомъ.

4. Найстрожайше подтверждается, чтобы никто не дерзалъ ни малѣйшаго грабежа дѣлать, подѣ опасеніемъ неминуемаго и строгаго наказанія, за что отвѣчаютъ командиры.

5. Никому нигдѣ и ничего не зажигать, безъ моего особеннаго и точнаго на сіе повелѣнія.

6. Какъ дѣйствовать должно будетъ, по прибытіи въ Брасову, о томъ въ мѣстѣ приказано будетъ. Но г. генераль-маіору Линденеру, подходя къ тому селу, обхватить оное четырьмя эскадронами, которые впередѣ идутъ, чтобы всѣ изъ онаго выходы вполнѣ заграждены были, дабы преступники уйти не могли. А какъ передовая кавалерія такимъ образомъ раздѣлится, то пѣхота, чрезъ то, откроется для продолженія дѣйствій; задніе же два эскадрона, за пѣхотой слѣдующіе, тогда пойдутъ на правое и лѣвое крыло пѣхоты, по одному эскадро-

ну, а послѣдніе два слѣдуютъ въ резервъ. Но все сіе начинать не прежде, какъ отъ меня повелѣно будетъ.

7. Два эскадрона Линденерова полку и двѣ орловскія пушки остаются здѣсь въ селѣ Радогощѣ, которымъ быть въ осторожности.

8. Въ походѣ, гдѣ положеніе мѣста потребуетъ и нужно будетъ, имѣть отъ кавалеріи боковые патрули.

9. Ружья, карабины и пистолеты зарядить пулями; равномерно и пушки имѣть заряженными ядрами; картечи же имѣть готовыми; также фитили заряженные; палительныя трубки и свѣчи въ готовности держать.

10. Никакой толпы, ближе ста шаговъ, къ фрунту ни къ которому не подпускать; а коли пойдутъ ближе, то по нимъ стрѣлять и дѣйствовать, какъ противъ непріятели“. 12 февр 1797 г.

Брасовское дѣло продолжалось два часа. Крестьяне не имѣли огнестрѣльнаго оружія и дѣйствовали цѣпами и дубинами; имъ удалось поранить только двухъ гусаръ, но зато шефу полка, Линденеру, крѣпко досталось по спинѣ дубиной. За Брасовское дѣло кн. Горчаковъ получилъ анненскую ленту, а полкъ его высочайшую благодарность и по рублю на человѣка; полку же Линденера, при паролѣ, велѣно объявить строгій выговоръ Государя.

Въ Сѣвскомъ уѣздѣ кн. Репнинъ пробылъ до 17 февраля, а въ Орловской губерніи по 23-е. Во все это время онъ заботился о восстановленіи спокойствія между крестьянами, оставаясь вѣрнѣе разѣ принятымъ правиламъ. Такъ въ одномъ его приказѣ Малороссійскому кирасирскому полку, отъ 16 го февраля, мы читаемъ:

“Ежели бы, паче всякаго чаянія, крестьяне гдѣ-либо дерзнули противиться и упорствовать войскамъ, въ такомъ неожиданномъ случаѣ войска должны сохранить къ себѣ отъ народа почтеніе и уваженіе; и таковыхъ дерзкихъ ослушниковъ наказывать и приукачивать къ повиновенію силою оружія. Но

г. полковой командиръ отвечать за то станеть по всей строгости законовъ, что подобное крайнее дѣйствіе строгости вынуждено было отъ него самою послѣднею необходимостію—(т. е.) чрезъ оказаніе отъ крестьянъ дерзкаго неуваженія къ войскамъ, тоже явнаго, наглаго и упорнаго сопротивленія повелѣніямъ гражданскимъ, отъ войскъ даваемымъ,— и что, прежде сего принужденнаго (вынужденнаго) поступка, *истощены были все мѣры и увѣщанія кротости*, дабы ослушники образумились и пришли въ повиновеніе законной власти“.

„Войска“, требуемая гражданскою властію для усмиренія крестьянъ, говорится въ приказѣ тому же полку, недѣлю спустя, „во всякихъ таковыхъ случаяхъ должны держать себя въ почтеніи у обывателей и соблюсти слѣдующее (должное) отъ нихъ къ себѣ уваженіе, но, однакожъ, *обывателей не обижать и спокойно живущихъ отнюдь не притѣснять*, наблюдая строгую дисциплину.“

Въ день окончанія брасовской катастрофы, 15-го февраля, князь Репнинъ пишетъ слѣдующее письмо орловскому губернатору:

„Благоволите, ваше превосходительство, въ извѣстіе всѣмъ обывателямъ Орловской губерніи, вамъ вѣрной, приказать объявить, что село Брасово съ деревнями крестьянъ г. генералъ лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, отъ высочайшей власти установленному, и ихъ помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту Его Императорскаго Величества, отъ 29 января сего 1797 года, и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ Его Императорскаго Величества, наказаны сіюю оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; что тѣла ихъ, справедливо погибшія отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму, съ надписью, для вседневнаго омерзительнаго пре-

зрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что „тутъ лежать преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и Государеву“ (*) и, наконецъ, что дома ихъ и перваго начальника въ семь богомерзкомъ преступленіи, деревни Ивановой крестьянина, Емельяна Чернодырова, истребленъ до основанія, такъ что и остатковъ онаго не видно. Дабы все, о томъ бывъ извѣстны, въ подобныя пагубныя злодѣянія не впадали.“

Но страхъ, возбужденный жестокостію наказанія, былъ такъ великъ, что всѣ мѣры излишней предосторожности оказались не нужными, и самъ фельдмаршалъ нашель возможнымъ вывести, черезъ четыре дня, всѣ военныя команды, расположенныя въ бунтовавшей мѣстности.

Въ то время, когда происходили разсказанныя нами событія въ Орловской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской, въ имѣніи помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ, Лаптево тожъ, взбунтовавшихся крестьянъ усмирять премьер-маіоръ князь Шаликовъ съ однимъ эскадронномъ гусарь полка имени генералъ-лейтенанта Шевича. Съѣхавшись съ алексинскимъ земскимъ исправникомъ, маіоромъ Колюбакинымъ, 19 февраля, кн. Шаликовъ немедленно отправился въ село Лаптево. Не добъжая до него версты за двѣ, они остановились. Исправникъ, съ ротмистромъ Еліатовымъ и шестью гусарами, отправились въ село. Здѣсь собралось народу изъ окрестныхъ деревень человекъ полтора ста. Исправникъ и ротмистръ прочли высочайшій манифестъ 29 го января, начали было уговаривать крестьянъ повиниться помѣщику; но они не хотѣли и слушать, крича: „За помѣщикомъ быть не хотимъ!“ Своего предводителя, старосту Василья Семенова, взять они не позволили. Узнавъ объ этомъ, князь Шаликовъ съ своимъ эскадронномъ вѣхалъ въ село. Онъ также пробовалъ было увѣщевать крестьянъ, но также безуспѣшно; ве-

(*) См. ниже въ репинскомъ журналѣ, стр. 570

дѣлъ, для острастки, зарядить ружья и обнажить сабли, но и это не испугало крестьянъ, вскричавшихъ въ одинъ голосъ: „умремъ, а за помѣщикомъ быть не хотимъ!“ Тогда Шаликовъ, по согласію съ помѣщикомъ, приказалъ зажечь плетневый сарай и около него стоящій дворъ, гдѣ обыкновенно собиравлись возмущившіеся крестьяне; но и пожаръ ихъ не остановилъ. Вооруженные дубинами и вилами, крестьяне бросились къ фронту. Староста Семеновъ бросился на кн. Шаликова, одною рукою схватилъ лошадь его за поводъ, а другою за ногу, — вѣроятно, съ намѣреніемъ повалить его на землю; но ударомъ сабли былъ отбитъ. Гусары сдѣлали атаку, ранили 6 человекъ и схватили 90, въ томъ числѣ и Семенова. Бѣгствомъ остальныхъ окончилось дѣло: двадцать человекъ изъ схваченныхъ преданы гражданскому суду, остальные прощены помѣщикомъ.

Въ Калужской губерніи усмиреніемъ крестьянъ распоряжался вице-губернаторъ Митусовъ. Онъ хотя и располагалъ военными командами (эскадрономъ полка генерала Шевича; полкъ Линднера также ожидался въ губерніи) но къ счастью, до оружія дѣло не доходило. Съ наиболее упорствующими крестьянами помѣщицы Давыдовой, разбѣжавшимися, какъ мы видѣли, изъ деревни, Митусовъ поступилъ своеобразнымъ образомъ: „по прибытіи туда, говоритъ онъ во всеподданѣйшемъ рапортѣ, не найдя никого изъ крестьянъ, пересѣкъ вкнутемъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей... Въ страхъ другимъ... дабы вызвать ихъ (старость и начинщиковъ возмущенія) изъ скрѣтности, сожегъ особостоящую клѣтъ; но и изъ-за сего никого изъ скрывающихся не явилось“. Въ имѣніи Воейковыхъ, Митусовъ, какъ кажется, человекъ добродушный, встрѣтилъ было упорное сопротивленіе, подобно кн. Шаликову; но дѣло было уже 23 февраля: слухъ о брасовскомъ происшествіи уже успѣлъ дойти до крестьянъ; не могло быть тайной скорое прибытіе въ губернію самого Репнина, поэтому

крестьяне склонились на увѣщанія Митусова. „И не столько мои увѣщанія и угрозы, говоритъ онъ въ донесеніи, сколько высочайшая Вашего Императорскаго Величества воля, въ высочайшемъ манифестѣ изображенная, возмогла подѣйствовать на развращенные ложными на какіе-то яко бы указы дѣлаемыми, разсудки ихъ. Поверглись все передо мною съ раскаяніемъ и испросили у помѣщиковъ прощенія“. „Развратителей крестьянъ“, сельскихъ священниковъ, Митусовъ предалъ суду духовнаго правленія, препроводивъ ихъ чрезъ депутата отъ духовенства, а остальныхъ „начинщиковъ“ представилъ въ уѣздный судъ. 26-го февраля прибылъ въ Калугу самъ фельдмаршалъ; но губернія уже вся была успокоена, что лично подтвердилъ ему вице-губернаторъ, распустившій по домамъ военныя команды. Изъ Калуги кн. Репнинъ рассчитывалъ ѣхать прямо на Смоленскъ; но полученныя изъ Петербурга бумаги заставили его обратиться въ Москву.

Подавленіе крестьянскаго движенія въ Исковскомъ и Полоцкомъ намѣстничествахъ было поручено государемъ генералу отъ инфантеріи М. М. Философову, но подъ главнымъ наблюденіемъ тогоже князя Репнина. Когда происходили въ Холмѣ выше рассказанные нами безпорядки, въ это время проходилъ черезъ городъ Бѣлозерскій полкъ, на пути слѣдованія своего въ постоянныя квартиры, въ Новгородъ. Кипѣвшій въ уѣздѣ мятежъ принудилъ командира полка, кн. Долгорукова, остановиться въ Холмѣ и подать помощь тамошнему гражданскому начальству. Отряженный имъ, на помощь капитанъ-исправнику Черткову, съ отрядомъ гренадеръ майоръ Лисаневичъ отправился на усмиреніе какаго то погоста; но мятежники встрѣтили ихъ, не допустивъ до погоста, напали и приуудили къ ретирадѣ. Въ происшедшей схваткѣ несчастный Чертковъ былъ схваченъ крестьянами и, исколотый рогаатиной, брошенъ запертво: одинъ капитанъ и четыре гренадера были ранены;

потеря крестьянъ состояла изъ одного убитаго и четырехъ раненыхъ. Узнавши объ этомъ происшествіи, генералъ Философовъ тотчасъ же послалъ на мѣсто возмущенія подполковника, имени своего Московскаго гренадерскаго полка, Тучкова, прославившагося своею храбростію при виленской ретирадѣ, давъ ему полномочіе казнить на мѣстѣ, идля того палача, подробную инструкцію (говоря имъ словами Философова) „какъ бунтъ больше предводимъ былъ неистовствующими попами, — одного добраго священника съ полновластною надъ попами духовной властію по отлученью“. Тучковъ, взявъ три роты Бѣлозерскаго полка и одну пушку, въ пять дней усмиривъ волненіе, безъ кровопролитія, какъ говорится въ донесеніи; но, однакоже, на мѣстѣ 80-ти крестьянамъ произведены „легкія казни безъ дальнихъ судовъ, по выраженію Философова, батоги и плѣтьми“. Впрочемъ, главные возмутители, десять человекъ поповъ и дьяконовъ, и четверо крестьянъ были преданы гражданскому суду. Тучковъ получилъ отъ государя орденъ Анны 2 степени. Отъ крестьянскихъ волненій въ губерніи, въ слѣдствіи распоряженій Тучкова, „ниже и слѣда безпокойствія не осталось“, увѣряетъ официальное донесеніе. Въ Полоцкомъ намѣстничествѣ мятежъ усмирень дней въ восемь, безъ кровопролитія, а одними передвиженіями полковъ Псковскаго драгунскаго и С. Петербургскаго. Здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ развѣ того, что крестьяне въ одномъ мѣстѣ посадили подъ караулъ исправника и засѣдателя и заарестовали военную команду изъ 50-ти человекъ, взявъ съ ея капитаномъ.

Въ нашихъ источникахъ не находится болѣе никакихъ свѣдѣній, относящихся до крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ. Въ слѣдующихъ поденныхъ запискахъ князя Репнина, веденныхъ имъ во все время поѣздки своей въ Вологду, Орелъ и Калугу, читатель найдетъ нѣкоторыя подробности, опущенныя въ нашемъ разказѣ:

Журналъ Князя Репнина.

„1797 г. генваря 21-го. Выѣхалъ я изъ С. Петербурга по утру въ 10-мъ часу, ночевалъ въ Шельдихѣ, отѣхавъ 91 версту. Дорога была ухабистая, съ раскатами, отчего ѣхать скоро было нельзя, и оглобли ломались.

22. — Выѣхалъ въ 6 часовъ по утру, ночевалъ въ Воскресенскомъ погостѣ, отѣхавъ 119 верствъ. Отъ большихъ снѣговъ по сторонамъ и отъ узкой дороги, лошади были запряжены гусемъ.

23. — Отправляясь изъ Воскресенскаго погоста ровно въ 6 часовъ утра и отѣхавъ 111 верствъ, при весьма дурной и ухабистой дорогѣ, ночевалъ въ Чушахъ. Въ проѣздъ черезъ городъ Тихвинъ, отдалъ тамошнему почтмейстеру, для отправленія на естафетъ, пакетъ къ генералъ-прокурору (1), съ извѣщеніемъ о дорогѣ.

24. — Изъ Чушовъ выѣхалъ въ $\frac{1}{4}$ седьмого часа утра и, проѣхавъ 125 верствъ весьма дурной дороги, при почти безпрерывно ненастномъ времени, ночевалъ въ Долоцкѣ, куда пріѣхалъ около полуночи.

25. — Выѣхалъ изъ Долоцка въ 6 часовъ поутру и, весь день ѣхавъ, отъ выюги и снѣжныхъ надувовъ, переѣхалъ только 93 версты и остановился ночевать въ селѣ Николѣ Старомъ. Ѣхалъ все гусемъ, отъ чрезмѣрно узкихъ дорогъ. Перемѣняя лошадей въ селѣ Лентьевѣ, князя Владиміра Ивановича Шербатова, узналъ, что большая часть сей деревни пришла въ непослушаніе помѣщику и послала къ государю отъ себя людей на него жаловаться на разореніе, что, сверхъ оброка, на тяжбу противъ (съ) одного господина Досадина, съ которымъ та тяжба мировою прекращена за 10 тысячъ, которыя (деньги) тоже деревня платить. Я призывалъ къ себѣ нѣсколько изъ тѣхъ ослушныхъ крестьянъ и, побоясь имъ именемъ Христовымъ, объявилъ милость государеву тѣмъ, которые помѣщикамъ послушны и что го-

(1) Кн. А. Б. Курякину (1759—1829).

сударь то усердіе отъ крестьянъ себѣ желаетъ и признаетъ, чтобы они оставались спокойно въ законномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, а противники бы остерегались надлежащаго наказанія; и что Его Величество, по своей милости къ народу, меня послать изволилъ — въ осторожность, объявить всѣмъ таковымъ, дабы они знали его отеческое о нихъ попеченіе. Крестьяне тѣ, выслушавъ все съ тишиной, признались, что они, по глупости, вѣря обманчивымъ разглашеніемъ, будто государь противъ помѣщиковъ за нихъ стоитъ, благодарили меня, что я имъ правду сказалъ, и общались тотчасъ войти въ послушаніе и передъ помѣщикомъ повиниться.

26. — Изъ села Старого Николая отправясь по утру въ 6 часовъ, съ невѣроятнымъ затрудненіемъ переѣхать можно было 97 верстъ до деревни, въ Вологодской губерніи, въ Грязовецкомъ уѣздѣ лежащей. Отъ вчерашней вьюги, дорогу, и безъ того претѣсую, такъ задуло, что ежеминутно вязли лошади и погружались санн въ преглубокомъ снѣгѣ.

27. Выѣхавъ въ 7 часовъ поутру, пріѣхалъ въ 3 часа пополудни въ Вологду, переѣхавъ 63 версты. Тотчасъ по пріѣздѣ, посланъ совѣтникъ правленія Станиславскій за г. Поздѣвымъ и за крестьянами его и окружными, которые въ послушаніи главное участіе имѣли. Въ Петербургъ отправленъ курьеромъ фельдъегеръ Навель Корсаковъ въ 10-мъ часу по полудни, съ донесеніемъ къ Его Величеству и съ письмами къ Николаю Петровичу Архарову и къ князю Алексію Борисовичу Куракину.

28. — По полудни въ 5 часовъ возвратился изъ Володимира курьеръ, фельдъегеръ Кабановъ, и, по небытности тамъ вице-губернатора Граве, привезъ обратно пакетъ, съ нимъ къ нему посланный, который онъ никому тамъ не отдалъ, объявляя, что и курьеръ его императорскаго величества, туда же (въ Владиміръ) отправленный, возвра-

тился въ Петербургъ, не отдавъ своего пакета. По таковому обстоятельству, посланъ въ 9 часовъ сего же вечера другой курьеръ, фельдъегеръ Морозовъ, прямо въ Владиміръ, чрезъ Кострому, съ тѣмъ же самымъ пакетомъ, прибавя къ тому, чтобы главный въ Володимиръ начальникъ тотъ пакетъ открылъ и по оному исполненіе учинилъ. И какъ жаловался упомянутый фельдъегеръ Кабановъ, что ему по дорогѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ трудомъ лошадей давали и его въ ѣздѣ замедляли; то писано въ Москву, въ Ярославль, въ Кострому, въ Володимиръ, къ тамошнимъ начальникамъ, а равно и къ здѣшнему, вологодскому г. губернатору, чтобы лошади курьерамъ были даваемы безъ задержанія и чтобы ни малѣйшей имъ остановки не дѣлали. Наконецъ, тотъ же фельдъегеръ Кабановъ привезъ рапортъ отъ московскаго военнаго губернатора Архарова, отъ 24-го сего мѣсяца, №20, о томъ, что баталіонъ его полку, съ двумя полковыми орудіями, подъ командою майора Сомова, выступилъ сюда изъ Москвы 24-го того же числа. Почему, я, дабы имѣть коль можно болѣе извѣстій отъ помянутаго московскаго военнаго губернатора Архарова о томъ, что дѣлается въ Володимиръ съ баталіономъ гренадеръ, изъ Москвы туда отправленнымъ подъ командою подполковника Дельгама, послалъ къ нему въ тотъ же часъ курьеромъ фельдъегеря Крепиша, сообщая ему содержаніе моего въ Володимиръ предписанія; а притомъ прошено, коль ему извѣстно, что дѣлается въ Коморичахъ противъ помѣщика Степана Степановича Апраксина? Фельдъегеръ же Кабановъ объявилъ словесно, что въ Володимирской губерніи все покойно, но баталіона гренадеръ и подполковника Дельгама онъ нигдѣ не видалъ.

29. — Ничего не происходило.

30. — Были приведены въ 6 часовъ по полудни крестьяне ослушные г. Поздѣва и окрестные другихъ помѣщиковъ, въ томъ послушаніи участіе имѣющіе, —

при чемъ былъ и самъ г. Поздѣевъ, коимъ была петолкована вся важность ихъ преступленія и строгость законнаго наказанія, которому они себя подвергли, съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія, чтобы они непременно оставались въ законномъ повиновеніи своими помѣщикамъ и отнюдь не дерзали изъ онаго выходить, подъ опасеніемъ неизбежнаго наказанія по всей строгости закона, въ чемъ, по милосердію его величества, повелѣлъ онъ мнѣ ихъ остеречь. По сему объявленію, крестьяне всѣ бросились на колѣни и валялись въ ногахъ, прося всемилостивѣйшаго помилованія; а равномѣрно, тѣмъ же образомъ, и у г. Поздѣева прошенія просили и обѣщаніе давали быть вѣрными и послушными. Почему, видя ихъ искреннее раскаяніе, я, высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, ихъ простилъ, съ подтвержденіемъ, чтобы они не забывали милости государевой и своего обѣщанія быть повинными, дабы, въ противномъ случаѣ, сами на себя не навлекли неслучимаго несчастія, объявивъ имъ притомъ, что и войска сюда уже наряжены были и шли. для приведенія ихъ въ надлежащее повиновеніе и порядокъ. Г. Поздѣевъ также своихъ крестьянъ простилъ, а они всѣ молили Бога за государя и благодарили за оказанное имъ его императорскимъ величествомъ милосердіе. После чего отпущены они съ тѣмъ, чтобы имъ формально сія высочайшая милость объявлена была въ губернскомъ правленіи и чтобы они свободно и немедленно были отпущены въ ихъ дома.

31. — Предъ обѣдомъ отправлены были курьеры: къ его имп. величеству фельдъегерь Федоровъ, со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о происшедшемъ наканунѣ, а къ г. майору Сомову, на встрѣчу, фельдъегерь Кабановъ съ предписаніемъ, чтобы онъ, съ порученнымъ его командѣ баталіономъ, возвратился въ Москву; о чемъ къ г. генер.-лейтенанту и московскому военному губернатору, для извѣстія, писано.

ФЕВРАЛЬ.

1. — Читано было въ соборѣ всемилостивѣйшее прошеніе крестьянамъ Поздѣевскимъ; болѣе же сего ничего не происходило.

2. — Получено письмо изъ Владиміра отъ дѣйств. тайнаго совѣтника Заборовскаго, послѣ обѣда въ 5-мъ часу, съ фельдъегеремъ Морозовымъ, о содержаніи коего донесено его импер. величеству симъ же вечеромъ, съ фельдъегеремъ Креппшемъ. Фельдъегерь Кабановъ посланъ въ Переяславль-Залѣскій для заготовленія лошадей. Съ нимъ о томъ писано Ярославскому губернатору, и ордеръ посланъ къ майору Сомову. Такожъ посланъ естафетъ въ Москву къ генералу отъ инфантерій, ко князю Долгорукому *, съ извѣщеніемъ, что подполковникъ Дельгамъ съ баталіономъ не нуженъ въ Володимірской губерніи, на основаніи помянутаго письма г. Заборовскаго.

3. — Въ 7-мъ часу утра отправился изъ Вологды и, переѣхавъ 114 верстъ безъ всякаго достопамятнаго происшествія, ночевалъ въ Даниловскомъ яму.

4. — Выѣхавъ въ 3-мъ часу съ полночи изъ Даниловскаго яму, пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни въ Ярославль, гдѣ переѣхалъ лошадей и отправился до Ростова, гдѣ остановился ночевать, переѣхавъ всего 133 верстъ.

5. — Передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ фельдъегерь Поповъ съ высочайшимъ именнымъ указомъ, отъ 30 января, повелѣвающимъ ѣхать въ Орелъ, вслѣдствіе коего отправленъ тотчасъ нарочный съ письмами къ начальникамъ Московской, Тульской и Орловской губерній о заготовленія лошадей. Равномѣрно отправленъ и въ С. Петербургъ курьеръ съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ его импер. величеству о получе-

*) Юрію Владиміровичу, командиру московской дивизіи, подобно тому, какъ ин. Реннинъ, называвшійся при Еятеринѣ *главнокомандующимъ арміей, въ Лифляндіи и Литвѣ расположенной*, теперь, при Павлѣ, назывался *главнокомандующимъ Литовской дивизіи*.

ни рѣченного повелѣнія и о томъ, что, для прекращенія оказавшагося въ нѣкоторыхъ деревняхъ Владимірской и Ярославской губерніи непослушанія крестьянъ противу ихъ помѣщиковъ, оставленъ въ Переяславль-Залѣскомъ майоръ Сомовъ съ пѣхотнымъ батальономъ, которому и велѣно расположиться нѣкоторыми частями въ тѣхъ, вышедшихъ изъ повиновенія, деревняхъ, для содѣйствія земской полиціи, *самыми кроткими мѣрами*, для приведенія въ должную подчиненность всѣхъ тѣхъ непослушныхъ ¹⁾. А по исполненіи всего сего, въ половинѣ 2-го часа по полуночи выѣхалъ изъ Ростова и, доѣхавъ до Переяславля-Залѣскаго, 60 верстъ, остановился на нѣсколько часовъ въ семь городѣ.

6. — Въ 3 часа утра оттолъ выѣхалъ, доѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ въ вечеру, переѣхавъ безъ всякаго приключенія 126 верстъ. Приѣхавъ въ Москву, нашелъ курьера съ высочайшимъ его импер. величества указомъ отъ 31-го января, ²⁾ на который всеподданнѣйше въ тотъ же часъ и съ тѣмъ же курьеромъ отвѣтствовано. При самомъ же выѣздѣ получено еще высочайшее повелѣніе отъ 3-го февраля, ³⁾ на которое всеподданнѣйшій отвѣтъ доставленъ г. генералу отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, для отправленія съ тѣмъ же курьеромъ, который то повелѣніе привезъ.

7. — Въ половинѣ 3-го часа по полудни отправился изъ Москвы и, при весьма дурной дорогѣ и почти безпрерывной вьюгѣ, переѣхалъ 128 верстъ, остановившись въ Видьменскомъ заводѣ ночевать.

8. — За вьюгою нельзя было ранѣе выѣхать 6-ти часовъ утра. Въ полдень наѣхалъ въ Туль генерала майора князя Горчакова и 2-ой его Рязскаго полку баталіонъ, а въ селѣ Сергіевскомъ,

что на Пловѣ, нашелъ и первый того полку баталіонъ. Сей день переѣзда было 121 верста.

9. — Изъ Сергіевскаго выѣхалъ въ 4 часа утра и приѣхалъ въ Орель на ночь, переѣхавъ 123 версты.

10. — Даны повелѣнія вице-губернатору о доставленіи для войскъ пропитанія въ городѣ Дмитріевскѣ. 1-ый баталіонъ г. генералъ-майора кн. Горчакова Рязскаго мушкатерскаго полку прибылъ въ 6-мъ часу по полуночи и, отдохнувъ три часа, отправленъ въ Кромы. Отправленъ курьеръ, фельдъегерь Кабановъ, въ Сѣвскъ къ преосвященному, съ приглашеніемъ его въ Дмитріевскъ. Съ нимъ же писано къ г. губернатору о моемъ приѣздѣ и о приготовленіи въ Дмитріевскѣ квартиръ и пропитанія для Рязскаго полку; равномерно и г. генералъ майоръ Линденеръ ордеромъ увѣдомленъ о моемъ приѣздѣ. Въ 9-мъ часу по полудни пришелъ 2-ой баталіонъ Рязскаго полку, которому приказано далѣе выступить, отдохнувъ 6 часовъ. Къ его императ. величеству послано донесеніе отсель на естафетѣ по утру въ 10 часовъ.

11. — По причинѣ чрезвычайнаго вѣтра и вьюги, выѣхалъ уже по разсвѣтѣ. Въ Кромахъ получилъ извѣстіе, что крестьяне княгини Голицыной генералъ-майоромъ Линденеромъ, вкупѣ съ Орловскимъ г. губернаторомъ Воейковымъ, покорены. Въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Дмитріевскъ, куда и 2-ой баталіонъ Рязской въ 10-мъ часу пришелъ. Тутъ извѣстился отъ вышесказанныхъ г. г. Линденера и губернатора, что крестьяне Апраксина еще упорствуютъ. Почему приказано завтра рано полку Рязскому слѣдовать къ соединенію съ полкомъ Линденеровымъ въ село Радогощъ кн. Голицыной. Писалъ къ преосвященному, чтобы онъ уже не ѣздилъ въ Дмитріевскъ.

12. — По утру въ 8 часовъ поѣхалъ въ село Радогощъ, гдѣ нашелъ полкъ Линденеровъ и куда въ полдень прибылъ и Рязскій полкъ. Тотчасъ же по

¹⁾ Сличн выше стр. 552.

²⁾ При дѣлѣ его нѣтъ.

³⁾ Тоже.

пріѣздѣ въ Радогощъ, послано мое повелѣніе, съ приложеніемъ манифеста его импер. величества, чрезъ засѣдателя нижняго земскаго суда, въ село Апраксина Брасово, приказавъ представить къ себѣ начинщиковъ-злодѣевъ; но, по упорству и неповиновенію крестьянъ, которые въ отвѣтъ велѣли сказать, *чтобъ я самъ къ нимъ пріѣхалъ*, приказалъ я обоимъ полкамъ туда на завтра слѣдовать, давъ обоимъ шефамъ приказъ, который при семъ въ копіи прилагается. *)

13. — Выступили войска повелѣннымъ порядкомъ изъ Радогощи въ 8 часовъ поутру, а прибыли къ селу Брасову въ 12 часовъ съ четвертью. И какъ, не смотря на всѣ увѣщанія, крестьяне, коихъ было болѣе двухъ тысячъ человекъ, не сдавались и не покорялись, то силою начато ихъ покореніе. Сдѣлано во все дѣйствіе 33 выстрѣла пушечныхъ и выпалено 600 патроновъ изъ мелкаго ружья, причемъ сдѣлался пожаръ и сгорѣло 16 домовъ крестьянскихъ. Убито крестьянъ 20, ранено всякихъ ихъ же 70 человекъ. Линденерова полку упавшихъ съ лошадьми двухъ гусаръ и тѣхъ лошадей дубинами и цѣпами больно ранили, такожь и самаго шефа сзади, бывъ оны по своему усердію между толпы народа, дубиною по спинѣ зашибли. Въ 3-мъ часу пополудни пали, наконецъ, крестьяне на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь законной власти. Тогда все прекратилось: пожаръ стали тушить и раненыхъ крестьянъ собирать и перевязывать, начинщиковъ же злодѣянъ отыскивать, изъ коихъ самый первый, крестьянинъ Емельянъ Чернодыровъ, схваченъ, скрываясь въ погребу. Всѣ преступники, для законнаго изслѣдованія по гражданской части, отданы Орловскому г-ду губернатору. Въ 9 часовъ вечеромъ отправленъ фельдъегеръ Наумовъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ къ его импер. величеству о всемъ бывшемъ. Съ нимъ же писано къ генералъ-прокурору.

*) См. выше стр. 555.

14. — Собраны были крестьяне всей вотчины г. генералъ-лейтенанта Апраксина въ церковь въ селѣ Брасовѣ, гдѣ имъ говорено было пристойное увѣщаніе, съ изображеніемъ всего пространства преступленія, въ которое они впади и *за которое такъ жестоко наказаны*; послѣ чего взята съ нихъ подписка въ непрекословномъ впредь помѣщику повиновеніи. Въ вечеру получено высочайше повелѣніе, отъ 7 числа, о обстоятельномъ донесеніи о всемъ томъ, что, по поводу непослушанія крестьянъ, въ Орловской губерніи происходитъ. Отправленъ естафетъ, чрезъ Орелъ и Москву, въ Литву, съ предписаніемъ о присылкѣ именныхъ вѣдомостей о отлученныхъ, на основаніи его импер. величества указа, отъ 7-го сего мѣсяца.

15. — Зарыты въ особую яму тѣла убитыхъ 13 числа преступниковъ, яко недостойныхъ быть погребенными съ вѣрными подданными на обыкновенномъ кладбищѣ. Надъ той ямой приказано поставить знакъ, съ надписью: „Здѣсь лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божию и Государеву“. *)

16. — Получилъ рапортъ отъ Малороссійскаго кирасирскаго полка, что 17-го числа оный будетъ въ Дмитріевскѣ, а четыре ескадрона онаго почувютъ тогожь числа въ селеніи Упорой; почему и приказано первымъ 6-ти ескадронамъ слѣдовать до села Радогощи, а послѣднимъ 4-мъ прямо на Брасово итти и остановиться въ обѣихъ сихъ вотчинахъ, для дальнѣйшаго удержанія въ нихъ тишины и покорности. Тогожь числа ѣздилъ г. губернаторъ Воейковъ, въ препровожденіи 2-хъ Линденерова полка ескадроновъ, въ деревню Иваново, для истребленія дома начинщика неповиновенія, крестьянина Емельяна Чернодырова; такоже пойманъ и другой изъ начинщиковъ, Григорій Сухоруковъ, и отданъ сужде-

*) Сравни. выше стр. 558 Любопытно бы знать, какъ долго сохранялась эта надпись и помнить ли о ней старожилы.

нію гражданскаго правительства. Отправленъ фельдъегерь Корсаковъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ крестьянскаго неповиновенія и вчера писанное, что вѣдомости о отлучныхъ требованы изъ дивизіи.

17. — Выступили полки Ряжскій и Линденерова, взявъ маршъ свой на село Алешенки, гдѣ такожъ начали было крестьяне не повиноваться ихъ помѣщикамъ, Хлющину и Бодискѣ; но, устрашены будучи примѣромъ наказанныхъ апраклянскихъ крестьянъ, повинились и просили еще наканунѣ помилованія. Я самъ въ село Алешенки отправился, выѣхавъ изъ Брасова въ половинѣ 2-го часа по полудни, и прибылъ въ Алешенки въ 6-мъ часу, гдѣ и остановился ночевать; переѣзда же было 40 верстъ.

18. — Поутру учинилъ г. губернаторъ Воейковъ наказаніе оказавшимся начинщиками неповиновенія крестьянамъ помѣщиковъ Бодиски и Хлющина, а потомъ и онымъ всѣмъ крестьянамъ, подобно какъ брасовскимъ, дѣлано было увѣщаніе, и такая же съ нихъ взята подписка. Въ 10-мъ же часу отправился я обратно, чрезъ Брасово и Радогощъ, въ городъ Дмитріевскъ; а въ проѣздъ чрезъ тѣ два села видѣлъ полкъ Малороссійскій кирасирскій, въ нихъ расположенный, полки же Линденерова и Ряжскій пошли далѣе въ походъ въ ихъ непремѣнныя квартиры. Полученъ эстафетъ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 9-го февраля объ арестованіи служащихъ офицеровъ, которые безъ письменнаго вида являться стануть.

19. — Выѣхалъ изъ Дмитріевска по утру въ 7-мъ, а прибылъ въ Орелъ по полудни въ 5-мъ часу, отколь отправленъ тогоже числа курьеромъ фельдъегерь Морозовъ съ донесеніемъ къ его импер. величеству. Равношрно отправленъ эстафетъ чрезъ Москву въ Вильну съ предписаніемъ, на основаніи вышеказаннаго высочайшаго повелѣнія отъ 9 сего мѣсяца.

20. — Ожидая разрѣшительныхъ о себѣ высочайшихъ повелѣній,

21. — упражнялся отвѣтами на разныя письменныя дѣла, присланныя чрезъ Петербургъ изъ Риги и Литвы и накопившіяся въ большомъ количествѣ. 21-го отправленъ эстафетъ съ всеподданѣйшимъ донесеніемъ о королѣ Польскомъ, съ которымъ (эстафетомъ) писано къ графу Александру Андреевичу Безбородку¹⁾. съ письмомъ дочери Игнатія Потоцкаго; а къ фельдмаршалу графу Салтыкову и государственному казначею посланы отчеты, по 1-е Генваря, въ экстраординарной суммѣ.

22. — Поутру получено высочайшее своеручное повелѣніе отъ 18-го сего мѣсяца, съ фельдъегеремъ Наумовымъ, въ слѣдствіе коего тѣмъ же утромъ, и съ нимъ же, посланъ ордеръ и лента г. генераль-маіору кн. Горчакову, а съ здѣшнимъ губернскимъ курьеромъ Смаловскимъ ордеръ къ г. генераль-маіору Линденеру. Послѣ обѣда отправленъ адъютантъ маіоръ Инзовъ въ Смоленскъ²⁾ для заготовленія лошадей, а фельдъегерь Кабановъ съ донесеніемъ къ Государю Императору; съ нимъ же (посланы) два пакета къ г. генераль-маіору Ростопчину и одинъ къ дѣйств. стат. совѣтнику Троицкому. Посланъ также ордеръ къ Малороссійскому кирасирскому полку, чтобы онъ, за моимъ отъѣздомъ, болѣе ко мнѣ не относился, а въ случаѣ надобности подавалъ бы помощь, для удержанія общественнаго спокойствія гражданскому правительству, по его требованію³⁾. Сей ордеръ, при письмѣ, отданъ подъ открытою печатью, для доставленія, Орловскому г. губернатору.

23. — Послѣ полудня выѣхалъ изъ Орла, а передъ отъѣздомъ получилъ отзывъ отъ генерала отъ инфантеріи кн. Долгорукаго, что онъ, по извѣстіямъ изъ Калужской губерніи, о успиваю-

¹⁾ Онъ былъ тогда приставомъ при ех-королѣ Станиславѣ Августѣ Понятовскомъ, въ Гроднѣ.

²⁾ См. выше.

³⁾ Извѣстный впоследствии Иванъ Никитичъ.

шихся тамо, въ Медынскомъ уѣздѣ, непослушаніяхъ крестьянъ, отправилъ туда Астраханскаго гранадерскаго полку двѣ роты, съ одной пушкой, и приказалъ онымъ состоять подъ вѣдомствомъ гражданскаго правительства. Равномѣрно и отъ донскаго Ефремова казачьяго полку (полученъ) рапортъ изъ села Сокольникъ ¹⁾, Тамбовской губерніи въ Липецкой округѣ лежащаго, что онъ, по данному ему высочайшему повелѣнію, идетъ въ городъ Сѣвскъ и испрашиваетъ дальнѣйшихъ повелѣній, — и притомъ представляетъ о неимѣніи никакихъ на путевое продовольствіе суммъ полку: въ отвѣтъ тотчасъ писано, чтобы онъ шелъ прамѣйшей дорогой на Калугу, а въ казенную палату Орловскую объ отпускѣ ему двухъ тысячъ рублей сообщено, которые тотчасъ квартирмейстеру того полку, Миллеру, отпущены. и оный немедленно къ полку назадъ отправленъ. А при самомъ уже отъѣздѣ получены отъ Орловскаго губернатора Воейкова и отъ коллеж. совѣтника Казачковскаго рапорты, что всѣ Голицинскіе и Апраксина крестьяне совершенно уже успокоились, производя опять попрежнему всѣ господскія работы. Переѣздъ сего дня былъ до города Болхова, 56 верстъ отъ Орла.

25. — Въ шесть часовъ изъ Болхова выѣхалъ и доѣхавъ до Бѣлева узналъ, что генералъ Линденеръ съ своимъ гусарскомъ полкомъ взялъ маршъ на Козельскъ, чего ради, для нѣкоторыхъ распоряженій, по поводу выше сказаннаго въ Калужской губерніи оказавшагося неповиновенія. туда же отправился (я) и наѣхалъ рѣченный полкъ въ городъ Козельскъ, переѣхавъ въ сей день 78 верстъ.

26. — Въ 6 мѣ часу утра выѣхалъ изъ Козельска, чрезъ Перемышль до Калуги, куда прибылъ въ 1-мъ часу по полудни, переѣхавъ 62 версты. Тотчасъ по приѣздѣ, посланъ курьеръ къ вице-губернатору Митусову, отправившемуся въ Медынскій уѣздъ для приведенія въ

повиновеніе крестьянъ разныхъ той округи помѣщиковъ. Полкъ гусарскій Линденера вступилъ въ городъ въ 7-мъ часу, сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Козельска до Калуги. Въ 7 часовъ отправленъ естафетъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Его Императорскому Величеству о прибытіи въ Калугу и другими письмами.

27. — Въ ожиданіи отвѣта отъ вице-губернатора, занимался отправленіемъ разныхъ бумагъ по части управления Литовской губерніею и иныхъ и отправилъ курьера въ Смоленскъ, съ предписаніемъ къ адъютанту, майору Инзову, ѣхать съ посылаемымъ къ г. генералу отъ инфантеріи Философову письмомъ, въ коемъ просилъ о извѣщеніи, что, по поводу безпокойствъ, около Полоцка и Себѣжа происходитъ. ¹⁾

28. — Рано по утру получено извѣстіе отъ г. вице-губернатора Митусова о приведеніи въ совершенное повиновеніе всѣхъ ослушныхъ Медынской округи помѣщикамъ крестьянъ, безъ употребленія силы и оружія въ слѣдъ зачѣмъ и самъ г. вице-губернаторъ въ Калугу прибылъ, подтвердивъ словесно письменное его увѣдомленіе и прибавилъ къ тому, что онъ и роты астраханскія уже отпустилъ. Послѣ чего, тотчасъ на естафетѣ отправлено всеподданнѣйшее Его Импер. Величеству донесеніе о томъ, что въ слѣдующій день отправляюсь въ Смоленскъ.

МАРТЪ.

1. — Поутру рано прибылъ фельдъегерь Брахманъ съ высочайшимъ указомъ отъ 22 февраля, коимъ мнѣ отдается на волю ѣхать къ государю императору, а въ слѣдъ за спмъ курьеромъ приѣхалъ фельдъегерь Андреевъ и привезъ именное высочайшее своеручное повелѣніе отъ 24 февраля о томъ, чтобы неустройство, въ Медынскомъ уѣздѣ происшедшее, укротить ²⁾. Оба сіи

¹⁾ Отвѣтъ Философова см. выше, стр. 561.

²⁾ Этого и предыдущихъ указовъ при дѣлѣ не находится.

¹⁾ Сокольскъ бывшій городъ въ 5 вер. отъ Липецка.

курьера обращены тотъ же часъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, что немедленно въ слѣдъ за ними ѣду, понеже медынскія неповиновенія усмирены. Вицъ-губернатору объявлено, чтобы Шевичевъ эскадронъ отпустилъ и г. генераль-маіору Линденеру—тоже, и чтобы, глядя по надобностямъ, отъ своего полку оный отмѣтилъ. На вечеръ же того дня выѣхалъ я изъ Калуги и, не останавливаясь нигдѣ, прибылъ

2. — на вечеръ въ Москву.

3. — Послѣ обѣда выѣхалъ изъ Москвы въ С. Петербургъ“.

4-мъ марта 1797 года дѣло объ открывшихся непослушаніяхъ крестьянъ значится, по настольному журналу, оконченнымъ.

*

По характеру подлинныхъ бумагъ, которыми мы пользовались, выходитъ, что въ статьѣ нашей говорится больше объ усмиреніи крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, чѣмъ о самомъ движеніи. Журналъ князя Репнина также сообщаетъ лишь подробности объ этомъ усмиреніи, о подавленіи движенія, но опять таки не о самомъ движеніи: при томъ же этотъ журналъ нисколько не рисуетъ въ выгодномъ свѣтѣ масона-фельдмаршала: князь Репнинъ самъ сознается въ жестокости наказанія Апраксинскихъ крестьянъ; онъ является лишь карателемъ ослушниковъ, а не правдивымъ судьей, *ниразу* не выслушавшимъ обвиняемыхъ, большая часть которыхъ была, безъ всякаго сомнѣнія, ни въ чемъ неповинна; онъ, государственный человѣкъ, князь и фельдмаршалъ, намѣстникъ императора въ обширномъ нерусскомъ краѣ, съумѣвшій заставить уважать себя всѣхъ, начиная отъ Польскаго короля и оканчивая литовскимъ паномъ и остзейскимъ барономъ, — онъ доходитъ, при объясненіи съ крестьянами, до божбы Христовымъ именемъ! Если не великій, то несомнѣнно-величавый, сановитый мужъ умалется до крайней степени... Положеніе, дѣйствительно, не завидное и несо-

мнѣнно фальшивое; но оно нисколько не зависѣло отъ личныхъ свойствъ князя Репнина: оно объясняется сущностію государственнаго порядка, продолжавшагося до 19-го февраля 1861 года, за который историческій дѣятель не отвѣтственъ. Нельзя не сознаться, что эта роковая, поворотная въ нашей исторіи черта, славная эпоха освобожденія крестьянъ, все еще продолжаетъ слѣпить намъ глаза и, кажется, еще гуще наволакиваетъ непроглядный мракъ на все прошлое; естественно, что такое несвободное отношеніе къ прошлому порождаетъ тотъ раболопствующій передъ современностію, но кичащійся духъ, который теряетъ всякую способность безпристрастной оцѣнки по отношенію къ русскому человѣку прежняго времени. Люди, жившіе за чертою 19 февраля, не могутъ быть оцѣниваемы лишь похвальнымъ чувствомъ негодованія ко всѣмъ видамъ произвола; такой судъ будетъ не только несправедливъ, но и ограниченъ въ пониманіи, ибо онъ непременно долженъ будетъ отнять у нихъ то, что всегда принадлежитъ человѣку всѣхъ временъ, и навязывать имъ другое, недоступное ихъ времени. Общественной дѣятельности, пониманія «общественныхъ интересовъ» въ нашемъ смыслѣ слова, нашего народолюбія, нашихъ симпатій и антипатій, нашего романтизма и сентиментальностей, — мы не въ правѣ требовать отъ людей, которые жили другими идеалами и воплотили ихъ въ себѣ, въ этой полнотѣ и законченности, безъ которыхъ немислима нравственная сила, и заключается привлекательная, поучительная сторона подобныхъ характеровъ. Чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ черты, отдѣляющей старую Россію отъ новой, тѣмъ чаще и тѣмъ дѣльнѣе встрѣчаемъ типъ русскаго человѣка, проникнутаго государственной дѣятельностію, государственными, *всероссійскими* интересами, подобно тому какъ ревниво проникались ими древніе Римляне. Екатерининское время — ихъ живой расадникъ: отсюда идутъ

люди этого закала и еще они выносятъ на плечахъ своихъ грозныя событія 12-года. Въ слѣдующемъ поколѣніи типъ видоизмѣнится...

Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ, какъ видитъ читатель, ничего особенно-новаго въ себѣ не заключало. Конечно, оно должно было имѣть вліяніе на образъ мыслей его преемника, какъ извѣстно, очень расположеннаго къ освобожденію крестьянъ; но сравнительно съ Пугачевскимъ оно было очень мелко, потому что не могло, или не успѣло соединиться съ элементами, всегда пособлявшими броженію и смутамъ, какъ, наприм. съ расколомъ; потому наконецъ, что элементы броженія вообще начали терять свою терпкость. Почти въ томъ же родѣ, и въ тѣхъ же размѣрахъ, крестьянскія движенія продолжались при двухъ царственныхъ сыновьяхъ императора Павла, — Александрѣ и Николаѣ. Эти движенія, повторяемъ, никогда не имѣвшія характера демократическихъ, антигосударственныхъ бунтовъ, суть не что иное, какъ обычные, въковыя поднятія русской народной волны на безбрежной поверхности русскаго океана. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настоятъ крайняя необходимость знать всѣ подробности этихъ движеній: теперь время историческихъ счетовъ и расчетовъ съ прошлымъ. Всѣ наши крестьянскія движенія идутъ издавна и далекимъ прошлымъ объясняются, но и сами въ свою очередь онѣ объясняютъ тѣ народныя движенія, которыя произошли не отъ одного закрѣпощенія, какъ: казачество, смутное время, самозванщина всѣхъ родовъ, расколъ и проч.

М. Де-Пуле.

С. Петербургъ.
2-го октяб 1868 г.

III. 7.

ПИСЬМО

КНЯЗЯ АНТЮХА КАНТЕМИРА КЪ АРХІЕПИСКОПУ ТЕОФАНУ ПРОКОПОВИЧУ.

(21 декабря 1734 г.)

Въ лѣтніе мѣсяцы 1733 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ изъ Англии „французской націи“ бывший пасторъ Михайло Мильярдъ“ и обратился къ преосвященному Теофану съ просьбою присоединить его къ „православной грекороссійскаго исповѣданія закону по содержанію св. восточныя церкви.“ — Неизвѣстно, для какихъ цѣлей преосвященный Теофанъ нашелъ необходимымъ доложить о желаніи Мильярда Государынѣ, которая только черезъ годъ вспомнила объ этомъ докладѣ, и словесно, 10 февраля 1734 года, приказала преосвященному, „чтобы св. синодъ по оному желанію того Мильярда въ законъ православногрекороссійскаго исповѣданія принять приказалъ.“

22 февраля Мильярдъ подалъ просьбу о присоединеніи, изъ которой видно, что, онъ „получивъ откровеніе заблужденій въ церквахъ реформатскихъ, и познавъ церкви православныя истинну, отлучился изъ Англии, гдѣ по церкви англійской епископальной реформатской магистромъ обрѣтался“. — Въ первыхъ числахъ марта были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія для принятія новаго члена „въ лоно православной церкви,“ а для разглагольствованія съ Мильярдомъ назначены были просвѣщенные того времени монахи: Спаскаго училищнаго монастыря архимандритъ и Славяно-Латинскихъ школъ ректоръ Стефанъ Калиновскій и Кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука Конашевичъ. Последний, какъ кажется, исключительно занимался съ Мильярдомъ „разглагольствованіемъ“ о догматахъ вѣры и совершилъ надъ нимъ обрядъ присое-

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 19

диненія 9 іюня 1734 года, съ тѣмъ же именемъ. Воспріемникомъ Мильярдъ былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а воспріемницею Агрипина Алексѣевна Мошкова *).

Представляемое читателямъ письмо есть отвѣтъ князя Кантемира, находившагося въ то время посланникомъ въ Англіи, на Высочайшее повелѣніе Императрицы Анны Іоанновны, объявленное ему преосвященнымъ Феофаномъ. Оно интересно какъ потому, что разъясняетъ, хотя до нѣкоторой степени, біографію Мильярда до пріѣзда его въ Россію т. е. до 1733 года, и какъ твореніе знаменитаго нашего сатирика.

Николай Григоровичъ.

Преосвященнѣйшій Владыко.

Къ прочимъ обязательствамъ, которыя я имѣю къ Вашему Преосвященству, не малое Вы изволили присокупить почтеннымъ письмомъ Вашимъ, отъ 3-го ноября, которое я съ должнымъ респектомъ получилъ въ свое время исправно. Ваше Преосвященство отставить мнѣ изволить, что я умедлилъ на оное отвѣтствовать; нужно было прилежно увѣдомиться о томъ, что Ваше Преосвященство, имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, повелѣвать мнѣ изволили, и то столь трудише было, что господинъ Мильярдъ такъ архимандриту Генадію, какъ и попу Касану *) за нѣсколько токмо дней передъ своимъ отъѣздомъ знакомъ сталъ. И потому нельзя было провѣдать о его

состояніи, не будучи извѣстны особы, съ которыми онъ болѣе сожительство имѣлъ. На послѣдокъ я провѣдалъ, что: 1-е оный Мильярдъ есть одинъ изъ Французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе въ своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ François refugiers; 2-е что по пріѣздѣ его въ Лондонъ назначенъ онъ былъ къ одной здѣшней Парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, назначенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ; 3-е что директоры суммы оной, учиня ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ, сей Мильярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, непріатели его будучи сильнѣе, потерялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь хлѣбъ свой доставать уча французскому языку. Что же онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедикованы нынѣшней королевской фамиліи; а какой секты онъ былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно; долговъ же никакихъ здѣсь не оставилъ, и пороку на него никто не сказываетъ. Сколько же касается епископъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, оныя безъ сумнительно суть претендентовой партіи, изъ такихъ, которыхъ здѣсь по иерею называютъ, то есть которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. И хотя такимъ умѣренныя здѣшніе законы позволяютъ въ тишинѣ жить безъ всякаго утѣсненія, однако же ни въ какіе чины такъ гражданскіе, какъ и церковныя, употреблены быть не могутъ, и потому и оныя епископы никакой епархіи не имѣютъ, и въ парламен-

*) Вѣроятно, супруга гофъ-интенданта П. И. Мошкова, о коемъ см. Р. Архивъ 1868, стр. 1861. Она покумилась тутъ съ страшнымъ начальникомъ тайной канцеляріи.

*) Этотъ греческій священникъ Касанъ (или по другимъ извѣстіямъ Варволомей Касино), состоя пріемникомъ въ Лондонѣ, обратилъ къ православію нѣсколько челоѣвъ Англичанъ.

тѣ, какъ прочіе епископы, не заѣдаютъ, имена же ихъ неизвѣстны; но заподлинно надѣюся, что въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ имена ихъ и представленіе подробно имѣется. Сіе по Вашего Преосвященства приказу пространно описавъ, смѣлость приѣмлю съ моей стороны Вашему Преосвященству донести: что вышепомянутый Миллярдъ, есть ли подлинно желаетъ приобщенъ быть къ нашей церкви, то оное здѣсь нимало въ противность принято не будетъ, каковой бы онъ партіи не былъ, понеже доброе согласіе между Ея Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ и маловажность человѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ; а есть ли онъ какія о соединеніи церкви представленія чинить, то оныя за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ. Въ прочемъ за Вашего Преосвященства къ нему Миллярду показанную милость покорно благодарствую, и испрося Вашего благословенія съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, Вашего Преосвященства, всепокорнѣйшій и всепослушной слуга и сынъ

к. Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Лондона.
21-го декабря 1734 года.

ПРИГЛАШЕНІЕ Ж. Ж. РУССО ГРАФЪ ОРЛОВЫМЪ ВЪ РОССІЮ.

Въ „Анекдотахъ о Россіи“ Ричардсона, заключающихся въ себѣ письма изъ Россіи, относящихся къ началу царствованія Екатерины II, и переведенныхъ съ англійскаго на разные языки, мы находимъ текстъ письма гр. Орлова къ Ж. Ж. Руссо, съ предложеніемъ послѣднему переселиться въ Россію, и отвѣтъ Руссо. Въ голландскомъ переводѣ писемъ Ричардсона, который мы имѣли

подъ руками, эта переписка приведена также, во французскомъ подлинникѣ (часть II, стр. 135—137), съ котораго мы и приводимъ здѣсь дословный переводъ. Ричардсонъ даже не упоминаетъ, которымъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ было написано это письмо, и это одно уже заставляетъ предполагать, что дѣло идетъ о Григоріѣ, бывшемъ въ то время, когда писано письмо (декабрь 1766 г.) болѣе чѣмъ когда нибудь въ силѣ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ еще и то, что подобное письмо и къ такому человеку какъ Ж. Ж. Руссо могло быть написано только человѣкомъ близкимъ къ императрицѣ, и даже, безъ сомнѣнія, не безъ вліянія ея. Вспомнимъ отношенія Екатерины II къ Дидро, Даламберу, Вольтеру. Это приглашеніе въ Россію Руссо, въ то время обѣжавшаго изъ Франціи въ Англію, къ герцогу Ричмондскому, служить дополненіемъ къ тому что мы знаемъ о покровительствѣ, которое Екатерина II-я, въ началѣ своего царствованія, явно оказывала энциклопедистамъ и писателямъ-реформаторамъ, столько же можетъ быть изъ истиннаго сочувствія генію и знанію, сколько изъ желанія нанести рядъ ударовъ самолюбію гнавшаго ихъ французскаго правительства. (Слпч. *Осьмнадцатый вѣкъ* изд. Бартечевымъ, книга I, статью „Дидро“). Григорій Орловъ, человѣкъ безспорно не безъ дарованій (котораго, какъ и Потемкина, Екатерина II считала геніемъ) страстный поклонникъ физики и вообще опытныхъ наукъ, годился какъ нельзя болѣе для того, чтобы явиться посредникомъ въ этихъ переговорахъ, если мысль дать убѣдители въ Россіи славному философу дѣйствиительно принадлежала Екатеринѣ.

В. Андреевъ.

Письмо графа Г. Г. Орлова.

Декабрь 1766.

Милостивый государь, вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ

19”

вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Черезъ газеты (*par les voies publiques*) я знаю и о причинахъ этого; или, можетъ быть, я плохо знаю; можетъ быть, причины извѣстныя мнѣ невѣрны. Я думаю, что вы теперь въ Англіи у герцога Ричмондскаго и полагаю, что у него вамъ хорошо. Тѣмъ не менѣе мнѣ вздумалось (*il m'a pris fantaisie*) сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга, т. е. въ 10 нѣмецкихъ миляхъ, у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятныя для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по англійски, ни по французски, еще менѣе по гречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу—отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если вы пожелаете общества, чтобы разсѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще, и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ни чѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, если вы пожелаете, всякая огласка о вашемъ пребываніи будетъ устранена. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переездъ моремъ, если вы въ состояніи вынести его; тѣмъ болѣе что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя, если вы изберете этотъ путь, чѣмъ на сушѣ.

Вотъ, милостивый государь, что я счелъ себя въ правѣ предложить вамъ изъ признательности за почернутое мною въ вашихъ книгахъ, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ (*avec beaucoup de respect*) и пр.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

23 февраля (1767), Хаттонъ.

Вы говорите о вашихъ странностяхъ, графъ. Оно пожалуй и дѣйствительно странность—благотворить такъ издалека и человѣку, котораго совершенно не знаешь. Ваше любезное приглашеніе, тонъ, коимъ вы дѣлаете его, и описаніе убѣжища, которое вы мнѣ предназначаете, безъ сомнѣнія заставили бы меня принять его, если бы я не былъ такъ слабъ, были болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу. Сверхъ того я боюсь, чтобы при личномъ свиданіи съ тѣмъ, кому вы оказываете честь своимъ приглашеніемъ, вы не раскаялись. Вы воображаете увидѣть литератора, мастера говорить, который бы блескомъ таланта и словъ заплатилъ вамъ за ваше великодушное гостепріимство, и увидели бы предъ собою человѣка очень простаго, котораго личныя наклонности и страданія сдѣлали отшельникомъ, все удовольствіе котораго состоитъ въ сборѣ растений съ утра до вечера и который въ этомъ сообществѣ съ растеніями находитъ столь сладкій сердцу его покой, въ которомъ отказали ему люди. Стало быть, милостивый государь, я не думаю поселиться въ вашемъ домѣ, но всегда съ признательностью буду вспоминать, что вы мнѣ предлагали его и иногда посвѣтую, что я не въ немъ, чтобы заслужить расположеніе и дружбу хозяина. Примите, графъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и мой нижайшій поклонъ.

ОБРАЗЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ.

Въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской Публичной Библіотеки, столь богатомъ матеріалами для исторіи Западнаго края, намъ встрѣтилось, въ одномъ польскомъ литературномъ сборникѣ, нѣсколько сатирическихъ произведеній, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, именно

ко времени Тарговицкой Конфедерации (1792—1793). Конфедерация эта, какъ известно, была составлена подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, и имѣла своею задачею отмѣнить всѣ реформы, произведенныя въ Польшѣ Конституціей 3 мая 1791 года. Слѣдующая сатира, облеченная въ форму отвѣтовъ на три загадки, направлена противъ короля Станислава Понятовскаго и трехъ главныхъ вождей Тарговицкой конфедерации: Щенснаго (Феликса) Потоцкаго, Браницкаго и Ржевускаго.

1. Co jest zgubą Polskiej?
Ze Stanisław na tronie, Szczęsny moźnym
Panem,
Branicki wielkim, a Rzewuski polnym het-
manem.

2. Coby mogło poprawić los Polskiej?
Młachowski na tronie, Kosciuszko z buławą
Umiełiby utrzymać rząd wolny ze sławą.

3. A pierwszych gdzie podzić?
Stanisława dać na teatr Bogusławskiemu,
W domie szalonych dać mieyscie Szczęsnemu,
Branickiego osadzić w porządncy piwnicy,
Rzewuskiego tam posłać, gdzie są alchimy.

То есть:

1. Что губить Польшу?
То, что Станиславъ на тронѣ, Щенсный
мошнымъ паномъ,
Браницкій великимъ, а Ржевускій поль-
нымъ гетманомъ.

2. Что могло бы поправить дѣло Польши?
Малаховскій на тронѣ, Костюшко съ бу-
лавой
Съумѣли бы поддержать республику со
славой.

3. А куда дѣвать первыхъ?
Станислава отдать въ театръ Богуслав-
скаго,
Щенснаго пристроить въ домъ умал-
шенныхъ,
Браницкаго посадить въ хорошей погре-
бокъ,
А Ржевускаго отослать къ алхимикамъ.

Далѣе находимъ сатиры, направленныя уже прямо противъ Русской императрицы. Онѣ изложены въ формѣ пародій на Молитву Господню, Символь Вары и Десять Заповѣдей. Насъ Русскихъ, въ настоящее время, не могутъ смутить ядовитые укоры, заключенные

въ подобнаго рода произведеніяхъ. Эти постоянныя попытки сложить на сосѣдей отвѣтственность за собственные грѣхи могутъ вызвать съ нашей стороны только улыбку сожалѣнія. Приводимъ эти памятники тогдашней летучей словесности, чтобы показать, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгала Польская, такъ называемая, патриотическая партія. Но какъ кошунство упомянутыхъ пародій дѣлаетъ ихъ неудобными для русской печати, то мы ограничиваемся сообщеніемъ ихъ въ подлинникъ.

PACIERZ.

Carowa, klóraś iest w Peterburgu, święć się Imię, przydź stotysięczne woysko twoie, bądź wola twoia, iak w Moskwie, tak i w Polsce, assygnacye y ruble powszednie дай нам dzisia y pozwol się wzbogacić y ponoszyć, iako y my pozwalamy, y nie wodz nas do Rządu regularnego, ale nas zbaw od Konstytucyi 3-go Maia y od wszystkich iey dobrych ustaw. Amen.

SKŁAD KONSZYLIARSKI.

Wierzę w Carową wszechmogącą, stworzycielką dawnych intryk w Polsce, związku Targowickiego, protektorkę w wierzę; y w Szczęsnego Marszałka, przez się obranego, który się poczozł z Ducha Moskiewskiego, narodził się z pysznych aniołow, wszystko zamieszał, obywatelow wycięczył, siebie uszczęśliwił, y nic dobrego nie zrobił; wierzę w Ducha, dla generalności z Peterburga przydanego, y generałow Moskiewskich,—a to werze przez gwałty, uciski y obcowania, Rządu, spokojności wywrocenia, ludu wyprowadzenie, obywatelow spodlenie, głodu naprowadzenie y zatracenie wzięłości w Europie. Amen.

DZIESIĘĆ PRZYKAZAŃ.

Iam iest Carowa, klóra was z porządku y Rządu wywiódła. 1. Nie będziesz miał cudze potencye przede mną. 2. Nie będziesz brał nikogo w alians, ani odrzucisz gwarancyi nade mną. 3. Pamiętay, abyś Konstytucyą 1768 y 1775 roku zachował. 4. Czci

brata Moskiewskiego. 5. Nie zabijaj, nie sądź zdrajców narodu. 6. Kradni skarb w zdradzonych Magistraturach. 8. Nie mów nic przeciwko Moskalom na seymie. 9. Pożądaj zony obywatelskiej inne. 10. Ani wołu, ani koni nie zoszczędzaj, ani żadney rzeczy, które są polskie; będziesz miłował Carową Panią swoją ze wszystkiego serca twoiego, ze wszystkiew duszy twoiey, a żołnierza Moskiewskiego jako siebie samego. Amen.

Къ тому же разряду политическихъ сатиръ относится слѣдующее заявленіе:

Afisz komedyi nowey za beneficium Szczęsnego Potockiego na teatrze krajowym za pozwoleniem Nayiasniejszey konfederacyi Targowickiey obojga narodow anterprysa.

Pruska, Moskiewska y Cesarska będą mieci honor w przyszłą wstępna strzodę dać reprezentacyą komedyi we trzech aktach oryginalney, przez Nayiasniejszego Fryderyka II-go ułożoney, a w Polsce od roku 1773 nie widzianej, pod tytułem: Rozbior kraju. Akt pierwszy poprzedzać będzie tryo przez I. WW. Konssyliarzow spiewane: Wolność, równość y niepodległość. Przed aktem drugim będzie duett spiewane przez tychże: Niezgoda y zdrada. Przed 3-cim zaś aktem będzie balet wielki pod tytułem „Szkoła waryatow“, w którym J. M. P. Sucharzewski sofo tancować będzie. Teatr illuminowany będzie, przy biciu z armat, miasta y wioski palić się będą. Antre gratis,—gdyż fundusz na tę komedyą jest z majątkow obywatelskich.

То есть:

„Афиша новой комедіи, пмѣющей быть представленою въ бенефицъ Шенснаго Потоцкаго на мѣстномъ театрѣ, съ дозволенія наияснѣйшей Тарговицкой конфедерациі обоихъ народовъ (т. е. Польши и Литвы).

Пруссія, Москва и Цезарь (Австрійскій) будутъ имѣть честь въ будущую первую среду великаго поста давать представленіе оригинальной комедіи въ трехъ актахъ, сочиненной наияснѣйшимъ Фридрихомъ II и невиданной въ Польшѣ съ 1773 года, подъ заглавіемъ: Раздѣлъ края. Передъ первымъ актомъ будетъ прощѣто ясновельможными совѣтниками (Конфедерациі) трио: „Свобода, равенство и независимость“. Передъ вторымъ актомъ они же споютъ дуэтъ: „Раздоръ и измѣна“. Передъ третьимъ актомъ будетъ большой балетъ подъ названіемъ „Школа сумасшедшихъ“, въ которомъ его милость панъ Сухаржевскій будетъ танцовать соло. Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами. Входъ даровой, потому что комедія дается на счетъ обывателей.“

Эта афиша подтверждаетъ еще разъ, что въ XVIII вѣкѣ Поляки очень хорошо знали, кто изъ сосѣдей былъ главнымъ авторомъ Польскихъ раздѣловъ.

Д. Иловайскій.

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ГРАФУ С. П. РУМЯНЦЕВУ.

Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у Николая Адриановича Дивова). Какъ извѣстно, Карамзинъ не любилъ обидаться съ вельможами Александровскаго двора, посреди котораго пришлось ему провести послѣдніе годы жизни. Исключеніе въ этомъ составили графы Румянцевы, канцлеръ Николай Петровичъ (съ которымъ могла соединить Карамзина общая любовь къ Русской исторіи) и младшій братъ его Сергій Петровичъ (1755—1838), человекъ отлично образованный. Карамзинъ писалъ о нихъ между прочимъ къ И. И. Дамтиеву 7 сент. 1822 г.: „Люблю ихъ душевно: это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего истинческаго, ни историческаго. Кто изъ

нихъ могъ бы запыть: О Richard, o mon Roi? Нѣтъ ни чувства, ни голоса“. Въ другомъ письмѣ: „Гр. Сергій Петровичъ часто видался съ нами; ѣздилъ и ко двору: обѣдалъ, былъ въ спектакль у императрицы, ознакомъ не доволенъ. Любезенъ и оригиналенъ“. „Онъ дѣйствительно менѣ другихъ старѣется увы! и еще говоритъ о государственной дѣятельности, о дворѣ, тайно, про себя! О бѣдномъ сердце человѣческое! И въ старости мы еще худо себя знаемъ!“ (Письма Карамз. къ Им. стр. 264, 329 и 336). Мы назовемъ сообщить читателямъ Р. Архива болѣе подробныя свѣдѣнія о гр. С. П. Румянцовѣ и обширныя выдержки изъ его бумагъ, приведенныхъ въ порядокъ и тщательно сброшенныхъ Н. А. Дивовымъ. *П. Б.*

I.

Милостивый Государь графъ Сергѣй Петровичъ! Вы были такъ милостивы ко мнѣ въ Петербургѣ¹⁾, такъ любезно вспоминаете объ исторіографѣ въ вашемъ письмѣ къ Алексѣю Федоровичу²⁾, что не могу умолчать о моей искреннѣйшей благодарности. Чѣмъ болѣе узнаю ваше сіятельство, тѣмъ болѣе люблю; не говорю о почтеніи: кто васъ не почитаетъ? Развѣ какой нибудь Гуронъ или Готтентогъ Русской. Но кто истинно *любитъ*, тотъ уже выходитъ изъ толпы и бываетъ на просторѣ. И такъ могу низко кланяться вашему сіятельству, не боясь задѣть головою ни Петра ни Ивана. Въ моемъ къ вамъ чувствѣ есть даже нѣкоторое великодушіе (извините похвальбу): вы опасаетесь, чтобы я, переѣхавъ въ резиденцію, не сдѣлался *инымъ* человѣкомъ: это не обидно ли для гордости исторіографа? Однакожь улыбаюсь и не сержусь. Шутку въ сторону: люди такъ слабы и такъ много зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что опасеніе ваше можетъ быть справедливо. Май приближается: снацу корабль свой; смотру на море издали, а на пристань вблизи, и... жалю о мирной Москвѣ, гдѣ мнѣ оставалось бы только напечатать свою исторію и умереть! Но эта исторія требуетъ отъ меня послѣдней жертвы: въ Петербургѣ болѣе способовъ для ся совершеннѣйшаго, по возможности, изданія. Все *другое* зависитъ не отъ меня: не надобно ни ломать головы, ни волновать сердца. Постараемся быть тихи-

¹⁾ Карамзинъ только что возвратился передъ тѣмъ въ Москву изъ Петербурга, куда ѣздилъ представить свою Исторію императору Александру и устроить печатаніе оной. Теперь онъ собирается въ Петербургъ же на жительство.

²⁾ Малиновскому.

ми среди шумныхъ движеній безпкойнаго самолюбія, тщеславія etc. etc. Вы знаете мою философію: Провидѣніе! Провидѣніе! Все будетъ, какъ Ему угодно. — Жена моя, участвуя во всѣхъ моихъ душевныхъ привязанностяхъ, и собственнымъ чувствомъ оправдывая ихъ, свидѣтельствуешь вамъ искреннее почтеніе. Простите недѣль на пять, не болѣе, какъ надѣюсь. Съ попутнымъ майскимъ вѣтромъ можете увидеть бѣлый парусъ корабля моего близъ Аничкова мосту. Между тѣмъ будьте здоровы, веселы и любите по старому преданнаго вашему сіятельству покорнѣйшаго слугу *Николая Карамзина*.

Москва, 14 апрѣля
1816.

II.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезныя строки. Печальное извѣстіе, полученное нами о смерти добраго старца, князя Оболенскаго, нашего ближняго, замедлило отвѣтъ *сельскаго будто бы Конфутзея*³⁾. Надѣюсь, что *Брюсъ* уже вамъ доставленъ: такъ-ли? — Очень хотѣлось бы знать, долго ли пробудете въ Петербургѣ, и ждете ли графа Николая Петровича. Я на колѣняхъ буду просить у него *Московской лѣтописи Байера*, современника Лжедмитріевъ: знаете ли ее? — Здѣшнее наше житье началось блестящимъ образомъ. Августѣйшій Хозяинъ тотчасъ посѣтилъ насъ и пробылъ съ нами часа два; а на другой день мы у Него обѣдали почти безъ гостей. Но теперь живемъ уединенно. Можемъ ли надѣяться, что вы заглянете въ Китай?

³⁾ Здѣсь и ниже намеки на то, что Карамзинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ въ одномъ изъ вѣтайскихъ домиковь.

Если не найдете въ немъ Коноутзея, то найдете людей душевно вамъ преданныхъ; мудрость рѣдка, но и дружба искренняя не бѣгаетъ по улицамъ. Будьте здоровы, спокойны и жалуйте всегда вашихъ Карамзиныхъ.

Царское Село.
24 мая 1822.

У насъ страшная засуха: мiръ растительный гибнетъ.

III.

Царское Село, 31 мая 1822.

Русскіе Китайцы сердечно благодарятъ ваше сіятельство за любезное письмо, но почти сердиты на васъ за то, что вы никакъ не хотите заглянуть къ нимъ въ мирную пустыню.

Спѣшу исполнить порученіе Императрицы Елизаветы Алексѣевны: она доставила вамъ *Брюса*, но не читала его, и проситъ этой любопытной книги, на вѣсколько дней, у графа Николая Петровича, по скромности не обращаясь съ просьбою къ вамъ.

Сдѣлайте милость, дайте намъ знать, когда пріѣдетъ графъ Николай Петровичъ.

Царь благополучно возвратился въ 5 часовъ вечера.

Полночь вырываетъ у меня перо изъ рукъ. Будьте здоровы и всегда милостивы къ вашимъ *Карамзинымъ*.

IV.

Царское Село, 20 іюня 1822.

И такъ вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ, поѣдете мимо Царскаго Села, и не заглянете къ намъ? Если не увижу васъ до отъѣзда изъ Петербурга, то пожалѣю сердечно. Мнѣ хотѣлось бы всегда жить съ вами въ одномъ мѣстѣ: не много людей, которыхъ могу это сказать по совѣсти.

Брюсъ отданъ Императрицѣ, которая сама позвратитъ его графу Николаю Петровичу.

На сихъ дняхъ третій сынъ нашъ упалъ съ окна и разрѣзалъ себѣ лобъ до самаго черепа: это насъ испугало и огорчило. Бѣдный на всю жизнь останется съ рубцомъ.

Не ѣздите изъ Петербурга въ такой жаръ и въ такую пыль. Авось небо ороситъ жадную землю. Между тѣмъ освѣжаемъ себѣ душу чтеніемъ романовъ Вальтеръ-Скота, разумѣется, по вечерамъ.

Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ.

Столько васъ почитая и любя, надѣмся, мужъ и жена, что вы не перемѣнитесь въ добромъ къ намъ расположеніи, пока мы живы; а на томъ свѣтѣ, что Богъ дастъ.

Скажу и по-Римски: vale! На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

V.

Царское Село, 26 сентября 1822.

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, за ваше доброе воспоминаніе, за письмо столь любезное, которое мы читали и перечитывали всѣмъ семействомъ. Намъ пріятно увѣрять васъ въ томъ, что мы чувствуемъ живо: въ нашей душевной къ вамъ привязанности и въ благодарности за ваше милостивое къ намъ расположеніе. Какъ намъ памяты часы, проведенные съ вами въ нашемъ городскомъ уединеніи! Грустимъ, что вы не влюбились Петербурга, гдѣ право многіе знаютъ вамъ цѣну. Пока мы живы, хорошо жить съ добрыми пріятелями, бесѣдовать отъ души, иногда и поспорить, отъ 7 часовъ вечера до 10 или 11. Свѣтской суетности уже въ насъ мало, но любви къ любезнымъ людямъ еще

довольно. Хотимъ надѣяться, что вы еще заглянете къ намъ зимою, по крайней мѣрѣ около февраля, вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ: не правда ли, что это дѣло возможное? Тогда скажу вамъ вѣчто любопытное, о чемъ не пишу. А между тѣмъ скажу вамъ, что Государь брать съ собою мои тетради о царствованіи Θεодора и возвратилъ ихъ мнѣ съ дороги при милостивомъ письмѣ, сдѣлавъ три или четыре замѣчанія и дозволяя печатать 10-ый томъ. Теперь пишу о гоненіи Романовыхъ; а Самозванецъ стоитъ у дверей. Предметъ любопытенъ: лишь бы удалось описать хорошенько. А вы что дѣлаете? Сочиняете ли новые планы для поэмъ и романовъ, которые не уступили бы въ занимательности Вальтеръ-Скоттовымъ? Грѣхъ не работать воображеніемъ плодотворнымъ, а вы его имѣете. Или угадываете слѣдствіе Веронскаго Конгресса? Греки было умерли, но опять воскресаютъ по газетамъ: авось Богъ, вопреки *Австрійскому Наблюдателю*, поставитъ ихъ на ноги, чтобы растоптать Куршида и еще двухъ или трехъ пашей! — Мы еще въ Царскомъ Селѣ и горюемъ съ увядющею природою, которая и здѣсь все еще природа: дѣйствуетъ на воображеніе и сердце. Думаемъ переселиться въ городъ около 20 октября. Императрица Е. А. хочетъ также пробыть здѣсь до половины октября, а М. Ѳ. въ Гатчинѣ. Убѣдительно просимъ васъ не забывать преданныхъ вамъ *Карамзиныхъ*.

П. П. Всякая ваша строка будетъ для насъ знакомъ вашего истиннаго къ намъ благорасположенія.

Напомните объ насъ почтеннѣйшему графу Николаю Петровичу: молимъ Бога объ его здоровьи и надѣмся, что онъ обрадуетъ насъ своимъ приѣздомъ въ теченіе зимы.

ПРИПСКА Е. А. КАРАМЗИНОЙ.

Je vous remercie aussi beaucoup, Monsieur le Comte, pour votre aimable lettre qui nous a fait tant de plaisir, je vous remercie aussi pour le souvenir qui s'y trouve pour moi. Vous ne pouvez douter que toute marque de votre amitié ne soit précieuse à des personnes qui vous sont autant attachées que le couple Karamzin. Les charmantes soirées passées dans votre douce société sont toujours le sujet de nos regrets et de nos esperances pour l'avenir: ne les trompez pas, Monsieur le Comte; arrivez passer l'hiver avec nous; vous aurez assez joui de la solitude, il ne faut pas être trop égoïste.

Veillez me rappeler au souvenir de votre aimable et respectable frère, Monsieur le Chancelier; dites lui que je conserve toujours la mémoire de ses bontés pour moi. Bien des amitiés à Mlle Catherine; mes filles se joignent à moi pour les lui faire.

VI.

С. Петербургъ, 7 января 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за письмо столь для насъ любезное, тѣмъ болѣе, что вы обѣщаете намъ заглянуть въ Петербургъ, гдѣ если и нѣтъ *цветовъ*, то есть плоды, не смотря на морозы, и плоды, за которые не *берутъ деньгами*. Боюсь продолжать аллегорію, зная, что вы не весьма любите *оріентализмы*; иначе сказалъ бы, что наша искренняя любовь къ вамъ, будучи *плодомъ* вашихъ достоинствъ и добраго къ намъ расположенія, хотя и принадлежитъ почти къ золотому вѣку, но не цѣнится драгоценными металлами, и проч. Это шутка, похожая на дѣло. Но хотѣлось бы опять обратиться къ аллегоріи: *терніе*, ожидающее васъ въ Петербургѣ, лишится своей колкости, если... надѣнете перчатку! Это говоритъ вамъ человекъ *не на розахъ безъ тернія*: и меня колятъ, а я еще не въ крови, по ми-

лости Божіей, перчатокъ или латъ. Впрочемъ не смѣю хвалиться; но буду васъ хвалить, когда прїѣдете къ намъ смѣяться въ нашемъ кругу семейственномъ. Право, все не такъ печально. Свѣтъ и жизнь имѣютъ условіе, *conditio sine qua non*: философъ (а не мистикъ!) принимаетъ его, по необходимости, и плачетъ менѣе другихъ. Вы философъ, а я не мистикъ: подадимъ руку другъ другу, на Перспективѣ или на Фонтанѣ, и засмѣемся отъ добраго сердца. Только прїѣзжайте же, пока мы живы, или здѣсь. Увы! насъ, можетъ быть, скоро выгнать изъ дому: сынъ хозяйки нашей ⁴⁾ женится на графинѣ Чернышевой; для молодыхъ понадобятся комнаты, и намъ придется искать другой квартиры! Это уменьшить для насъ прїятность жизни Петербургской: я такъ лѣнивъ и неспособенъ къ исканію, даже и квартиры. А что скажете о Конгрессѣ? Мы ничего не знаемъ; говорятъ только, что новаго не будетъ, по крайней мѣрѣ долго. А что скажете ... но не хочу всего писать; оставляю до свиданія. И такъ простите до свиданія, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ. Благодарю нашего Канцлера особеннымъ письмомъ за милостивое воспоминаніе. Мужъ, жена, дѣти Карамзины поручаютъ себя вашей неизмѣнной благосклонности и на вѣки *ваши Карамзины*.

VII.

Царское Село, 20 мая 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезнѣйшія строки, гораздо болѣе, нежели за возвращеніе письма, за которое однакожь также

⁴⁾ Никита Михайловичъ Муравьевъ на гр. Александрѣ Григорьевѣ Чернышевой.

благодаримъ. Радуемся, что почтеннѣйшій нашъ Канцлеръ благополучно совершаетъ путь свой, и ждемъ теперь дальнѣйшихъ вѣстей объ немъ изъ Москвы, отъ двухъ нашихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ одинъ, князь Вяземскій, уже видѣлъ его въ Итальянской оперѣ. Графъ Николай Петровичъ доѣдетъ до Кавказа, а вы не доѣдете и до Царскаго Села, гдѣ если не воды, то воздухъ цѣлительнъ! Право, и безъ шутки, можемъ звать васъ въ нашъ Китай, гдѣ теперь все цвѣтетъ и благоухаетъ. Что дѣлаете въ городѣ? Здѣсь нѣтъ даже и пыли: смотримъ на все чистыми глазами и ничѣмъ не ослѣпляемся. Не могу только похвалиться успѣхомъ своей исторической работы: не лечу, а ползу къ потомству, взглядывая съ ласкою и на современниковъ, даже и на угрюмыхъ. Во всемъ прїятномъ есть непрїятность: авторъ недешево покупаетъ свои удовольствія. Муза Исторіи, какъ женщина, прихотлива и своенравна: часто не лагу съ нею. Все наше семейство громко воскликнуло бы отъ радости, если бы васъ здѣсь увидѣло. Что на это скажете? По крайней мѣрѣ такъ мы чувствуемъ, всѣ преданные вамъ *Карамзины*.

VIII.

Приношу искреннѣйшую благодарность вопервыхъ нашему знаменитому Канцлеру, а вовторыхъ и вашему сіятельству, какъ посреднику его милостиваго обо мнѣ воспоминанія. Экарха ⁵⁾ я также получилъ и съ такою же благодарностію.

А теперь изъясляю вамъ сердечную признательность за любезнѣйшее пись-

⁵⁾ Іоаннъ Экархъ Болгарскій, изслѣдованіе Калайдовича изданное гр. Н. П. Румянцевымъ.

мо. Въ старину я любилъ осеннюю сельскую природу; нынѣ же только не боюсь ея, и смѣло попираю ногами желтые листья на дорожкахъ Царскосельскаго сада. Мы здѣсь не при Дворѣ, а въ глубокомъ уединеніи; третьяго дни заглянули въ Гатчину, но въ первый разъ, и возвратились ночевать домой. Тамъ Дворъ, и блестящій; а здѣсь тишина и философія не модная. Живемъ въ Царскомъ Селѣ долго по привычкѣ дѣлать годъ на двѣ половины; впрочемъ и желаемъ дожидаться здѣсь Царя, котораго любимъ: онъ нашъ хозяинъ, и столь привѣтливый, что хочется остаться именно для него дней десять лишнихъ.

Съ такою же искренностью скажу, что помышляемъ о городѣ съ пріятностію, воображая тамъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ! Дозволяю себѣ не сомнѣваться въ постоянствѣ вашей дружеской къ намъ милости, которая отвѣтствуетъ нашей сердечной къ вамъ привязанности. Увидимся и побесѣдуемъ, если Богъ дастъ. Мы почти совершенно здоровы. Всѣ мои свидѣльствуютъ вамъ свое душевное почтеніе, и вмѣстѣ со мною усердно кланяются вашимъ. Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ. На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

Царское Село. 7 октября
1824.

IX.

Сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ! Намъ грустно было, что вы не заѣхали въ Царское Село, и я готовился писать вамъ упреки: вы предупредили меня, отъ того, что я все ждалъ лучшаго внутренняго расположенія, или лучшаго здоровья, чтобы взяться за перо.

Съ самой весны таю и худѣю, однакожь не отъ придворной болѣзни, какъ вы знаете, думаю. Напротивъ, мнѣ надлежало бы жирѣть отъ Царскихъ милостей! Я почти не ѣздилъ и въ Павловское, и бѣдная моя Исторія не двигалась впередъ: въ 3½ мѣсяца едвали написалъ 30 страницъ. Сперва считалъ я свою болѣзнь геморроидальною, а теперь не знаю. Впрочемъ все одно: не лечусь, вѣря Богу и природѣ. Жена моя стоитъ въ томъ, что надобно куда нибудь ѣхать, трястись въ каретѣ или шататься на кораблѣ; но глубокая осень передъ нами, а до весны еще далеко: много воды утечетъ. Иванъ Ивановичъ Дм. не можетъ надивиться вашей неизмѣнной любезности и живости: слѣдственно, вопреки *мостовой*, вы еще не стары. Недавно я былъ въ перепискѣ съ Сестренцевичемъ; ему 93 года, а какъ онъ молодъ еще твердою рукою и авторскимъ самолюбіемъ! Живите столько же лѣтъ, и въ половинѣ текущаго вѣка издайте свои остроумныя Басни *) съ веселымъ предисловіемъ, въ которомъ упомяните слегка о покойникѣ Исторіографѣ, какъ бывшемъ добромъ знакомцѣ вашей Музы!

Вы ласково зовете насъ въ городъ: надѣюсь еще до нашего переѣзда быть у васъ и у графа Николая Петровича, которому просимъ изъяснить мое и жены моей душевное высокопочтаніе. Жду только, чтобы мнѣ рѣшительно стало получше. Между тѣмъ

*) Тетрадь этихъ басенъ сохранилась. Басню свою „Китайскій Исторіографъ“ (въ которой говорится, что исторіографъ обуздываетъ богдыхана угрозою занести въ свою аѳонію его дѣянія) гр. Серг. Петровичъ озаглавляетъ такъ:

Ахъ! Если, Карамзинъ въ исторіи ты своей
Тирановъ пострашишь, безчестившихъ порою;
Второго Тацита явишь тогда ты міру,
И будешь тѣмъ прямой наставникъ вѣредъ царей.

всѣмъ семействомъ кланяемся вамъ до земли. Будьте здоровы, спокойны и милостивы къ преданному вамъ *Н. Карамзину*.

Царское Село,
3-го сентября 1825.

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ В. В. ИЗМАИЛОВУ.

1.

Царское Село, 6 сент. 1822.

Любезный и почтенный Владимиръ Васильевичъ! Сердечно благодарю васъ и за воспоминаніе и за довѣренность. Я писалъ къ князю И. Л. Шаховскому и просилъ его убѣдительно, что получу въ отвѣтъ, о томъ васъ немедленно увѣдомлю. Грустно мнѣ слышась о буряхъ вашей жизни и о дѣйствіи ихъ на вашу душу. Дай Богъ вамъ успокоенія и еще охоты авторской, невинной и полезной! Я старѣюсь, но съ перомъ въ рукахъ, хотя также могъ бы жаловаться на смѣшеніе пріятнаго съ непріятнымъ въ судьбѣ моей. Иду къ ночлегу жизни съ удостовѣреніемъ, что есть Богъ — и довольно! Мысленно васъ обнимаю и желаю вамъ всѣхъ утѣшеній, свойственныхъ душамъ добрымъ. Навсегда вамъ преданный *Н. Карамзинъ*.

2.

Царское Село, 21 окт. 1823.

Любезный и почтенный Владимиръ Васильевичъ! Съ истиннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ исполнилъ я вашу волю, написалъ и прилагаю письмо къ князю Шаховскому, съ убѣдительною просьбою о принятіи вашего любезнаго воспитанника въ его корпусъ; если возможно, то онъ сдѣлается, какъ надѣюсь. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены въ моей искренней къ

вамъ привязанности. — Какъ выживаете? Книги и перо служатъ ли вамъ утѣшеніемъ въ житейскихъ заботахъ и горестяхъ? Я чуть было не убрался отъ суеты земныхъ на тотъ свѣтъ; но Богъ еще оставилъ меня здѣсь для жены и дѣтей. Катерина Андр. благодаритъ васъ за доброе объ ней воспоминаніе и вмѣстѣ со мною желаетъ вамъ здоровья и спокойствія. Мысленно васъ обнимаю. Навѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

Адресъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владимиру Васильевичу Измаилову, въ Верѣ Московской губерніи.

(Печатается съ подлинниковъ, общенныхъ *И. Г. Кичеевымъ*).

ИЗЪ БУМАГЪ Н. И. ГРЕЧА.

1. Письмо А. С. Стурдзы.

Милостивый государь мой Николай Ивановичъ. Графъ Иванъ Антоновичъ, погостивъ сутки въ сельскомъ моемъ пріютѣ, на второй уже стациіи отъ Устья встрѣтилъ давно ожидаемыхъ изъ Бессарабіи студентовъ, коимъ поручено практически выучиться методѣ взаимнаго обученія, для введенія оной въ употребленіе между Молдавскими моими единоземцами. Дорога временемъ и поспѣшая къ цѣли своего путешествія, графъ Каподистрия не успѣлъ снабдить ихъ письмомъ къ вамъ, милостивый государь мой, но сію пріятную обязанность возложилъ на меня, зная, что я выполню порученіе его съ особеннымъ удовольствиемъ.

Его сіят-во проситъ васъ убѣдительно быть руководителемъ сихъ молодыхъ людей, подающихъ лучшую надежду. Содержаніе ихъ обезпечено на нѣсколько мѣсяцовъ. Ревность ихъ

примѣрна. Ваши указанія и совѣты, при содѣйствіи г. Марцеллы, конечно увѣнчаютъ желаннымъ успѣхомъ благотворныя намѣренія Государя Императора. Я съ моей стороны, дознавъ опытами пользу методы взаимнаго обученія, душевно радуюсь прибытію въ Петербургъ И. Гинкуло, Куницкаго и Бобейко, безъ котораго вещественная часть предпріятія, уже довершенная, была бы безплодною для Бессарабской Области. Остается мнѣ только предложить вамъ вопросъ: не нужно ли, въ дополненіе Молдавскаго перевода, присовокупить еще таблицы для чтенія, изданныя министерствомъ просвѣщенія народнаго? Ибо Ланкастерскую методу, подобно книгопечатанію и многимъ другимъ изобрѣтеніямъ отважныхъ Іафетовыхъ сыновъ (*audax Japeti genus*) можно назвать мечемъ обоюдоострымъ: спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣеть имъ духъ киченія и безвѣрія, столь непреодолимо распространяющійся въ смутныя времена наши. И потому люди, получившіе духовное образованіе и готовящіеся ко вступленію въ духовный санъ, болѣе другихъ кажутся мнѣ способными къ безвредному насажденію методы сей въ народъ, уцѣлѣвшемъ отъ варварства подъ щитомъ святой нашей церкви.

Съ душевнымъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга,

Александръ Стурдза.

Село Устье
іюня 26 дня
1820.

Въ 1817 году Н. И. Гречъ занимался въ Парижѣ изученіемъ возникшей въ это время Ланкастерской системы обученія. Въ 1818 составилъ онъ таблицы и рукодѣствъ, въ 1819 г. учредилъ классы взаимнаго обу-

ченія въ Петерб. и Гатчинскомъ Воспитательныхъ домахъ и въ училищахъ для солдатскихъ дочерей гвардейскихъ полковъ, учредилъ также училище взаимнаго обученія для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса. *Евг. Гр.*

II. Письмо А. С. Пушкина.

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С.О. мое посланіе къ Ч—у; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово *вольнлюбивый* ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее *libéral*, оно прямо Русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано *Глупца Философа*; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего-же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать — да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвеніе — то я имъ не пѣняю: забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма (*sic*) ихъ мнѣ не нужны — такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать; хотите ли вы у меня купить весь кусокъ

поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale, *Пушкинъ*.

21 сентября
1821
Кишневъ.

III. Поздравленіе Н. И. Греча въ день его именинъ.

6 декабря 1827.

Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречъ
Писать Грамматику затѣялъ;
Конецъ труду и тяжесть съ плечъ!
Пусть жнетъ теперь, что прежде сѣялъ!

Лились чернила, лился потъ,
Теперь вино подьется въ ротъ!

Явись покалъ, ты нашъ союзъ,
Склоненіе къ любви и къ славъ,
Глаголъ сердецъ, причастье Музъ,
Знакъ удивительный въ забавъ!

Друзья, кто хочетъ въ счастье жить,
Спрягай почаще: пить, либить.

Въ отчаяннѣ нашъ Гречъ ужъ былъ:
Граматику чуть чуть не съвля;
Но Царь Эгидой осѣнилъ,
И всѣ педанты присмирѣли.

И такъ молитву, сотвори,
Во первыхъ здравіе Царя!

Теперь ура, другъ Николай!
Ты нашъ жандармъ языкознанья;
Трудись, живи да поживай
Безъ всякихъ знаковъ препинанья.

Друзья! воскликнемъ наконецъ:
Ура Грамматики творецъ!

Измайловъ

IV. Письма С. Н. Глинки.

I.

20 декабря 1827 г. Москва.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!
Здѣсь повторю тоже о вашей Грам-
матикѣ что я сказалъ вамъ о семъ пред-
метѣ на берегахъ Невы:

«Travailler sur une langue, c'est travailler plus qu'on ne croit sur les sentiments d'un peuple qui la parle et qui l'écrit.» ¹⁾

Графъ *Фонтанъ* сказалъ истинну непреложную. Отъ ясности объясненія зависитъ ясность понятій и основательность въ дѣянїяхъ. Слѣдственно плоды многолѣтнихъ вашихъ трудовъ полезны въ трехъ отношенїяхъ. Они проясняютъ и выраженїя и понятїя и дѣйствїя.

Касательно практической вашей Грамматики упомяну изреченіе *Демарсе*: «Peu de règles, beaucoup de raisonnements, encore plus de routine.» ²⁾ Вотъ, что вы умѣли согласить: честь вамъ и слава!

Честь и слава и Ѡадею Венедиктовичу! Онъ первый подалъ примѣръ благодарности къ Русскому нашему *Вальи* и *Оливету*.

«Il voit son rival et il court l'embrasser.» ³⁾

Такъ бы и надлежало всѣмъ жить на поприщѣ словесности.

Я объяснюсь на первый разъ одними намеками о безсмертномъ нашемъ трудѣ. Служа въ цензурномъ комитетѣ, я закиданъ теперь рукописями. Читая оныя, часть отъ часу болѣе убѣждаюсь въ очевидной пользѣ вашихъ трудовъ. Стыдно будетъ впредъ не знать правилъ Грамматическихъ. Обозрѣвъ и сообразивъ на досугъ всѣ подробности вашихъ произведеній, снова повторю вамъ мою признательность.

Привѣтствую васъ съ наступающими праздниками. Живите несчетные годы для пользы отечества! Надѣюсь,

¹⁾ Воздѣлывать языкъ значитъ воздѣлывать чувства того народа, который говорить и пишетъ на этомъ языкѣ. Это вѣрнѣе нежели обыкновенно о томъ думаютъ.

²⁾ Мало правилъ, много разсужденій, еще больше навыва.

³⁾ Онъ видитъ своего соперника и бѣжитъ обнять его.

что ласка ваша учинить меня и 1828
годъ читателемъ Сѣверной Пчелы.
Душевно вамъ преданный *С. Глинка*.

2.

Почтеннѣйшему Николаю Ивано-
вичу Гречу.

„Чѣмъ движется сей свѣтъ,
Хоть за одинъ билетъ,
Пришлите *снадобья* того. —
Семейства моего
Быть въ горѣ исчезаетъ,
А даромъ ничего
Оно не получаетъ.“

Р. С. Странное дѣло! Изъ отчетовъ
Русскаго Вѣстника явствуетъ, что
черезъ мои руки тысячи переходили
къ бѣднякамъ. А мой молитвенный
голосъ въ пустынь раздается. Еслибъ
не жаль было юной моей хозяйки,
то мнѣ преутѣшно бы было пѣть
Русовскаго Лазаря на улицахъ Мос-
совскихъ. Оемистоклъ за то былъ из-
гнанъ изъ Аѳинъ, что, въ дни забвенія
его заслугъ, посвятилъ памятникъ:
«богинѣ доброй памяти.» А потому я
изъ прошедшаго ничего не вызываю.
А въ настоящемъ очень буду благо-
даренъ за всякое дружеское пособіе.
Жаль юной хозяйки! А когда навѣ-
стите ее съ Практическою Граммати-
кою? *Tout à vous*

С. Глинка.

6 іюня 1833 г.
Москва.

3.

Почтеннѣйшему Николаю Ивано-
вичу Гречу отъ семейства С. Н. Глин-
ки, вмѣсто хлѣба-соли при отъѣздѣ
его въ Петербургъ.

Съ дорожными ты днями,
Не хочешь въ дружбѣ жить,
Но съ нашими сердцами
Умѣлъ себя сроднить.
Привѣтливостью милой
Мой небосклонъ унылой
Не разъ ты золотилъ.

Въ моей семьѣ печальной
Изъ стороны ты дальней
Радужнымъ гостемъ былъ.
И пусть же надъ тобою
Твоя звезда блеститъ!
Ты насъ мирилъ съ судьбою;
Пусть Богъ тебя хранитъ!

11 іюня 1833 года
Москва.

4.

*Toute notre dignité consiste dans la
pensée. C'est de là qu'il faut nous
relever, non de l'espace.* Вы, любезный
Николай Ивановичъ, осуществили эту
истинну *своевременнымъ* помѣщені-
емъ моей статьи.

Умомъ ты и душой прелестной
Оставилъ съ нами мысль свою,
И пусть же комитетъ небесной
Еще удвоитъ жизнь твою.

*Si vous serez à Paris, veuillez bien
faire mes complimens au respectable
Charles Nodier. Je l'estime pour son
esprit, et je l'aime pour sa belle âme.
La simpathie n'est pas une chimère.*

Мысленно обнимаю васъ. А поэтъ-
младенецъ дремлетъ. Разбудите его.
Уже ли Русскій Вѣстникъ въ новой
колыбели своей долженъ *мелькнуть* и
промелькнуть? *Tout à vous de coeur
et d'ame Serge Glinka.*

Р. С. Сыновняя рука *святыя* день-
ги выдастъ.

24 іюля 1841 г.

V. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ
А. М. Андрееву.

г. Дербентъ.
9 апр. 1831.

Прежде всего благодарю васъ за
доставленіе Поѣздки въ Германію ⁴⁾,

4) Романъ, соч. Николая Ивановича Греча.

почтеннѣйшій Ардаліонъ Михайловичъ: она заставила меня смѣяться и плакать—двѣ вещи очень рѣдкія для моего изношеннаго сердца. Въ толпѣ лицъ, авторомъ описанныхъ, я встрѣтилъ и знакомцевъ; вообще простота, равно какъ истинна описаній и чувствъ, плѣнительна. Это не мой родъ, но я тѣмъ не менѣе чувствую его красоты. Изъ приложенной записки знакомой руки я впервые получилъ дѣльное наставленіе на счетъ сочиненій моихъ: мнѣ необходимо руководство, во первыхъ потому, что я не имѣю, благодаря Бога, слѣпой самонадѣянности, а во вторыхъ потому, что въ теченіи слишкомъ 5 лѣтъ не живу на свѣтѣ, не только въ свѣтѣ. И вотъ почему мнѣ хотѣлось бы, чтобъ г-да издатели сказали мнѣ: «намъ нужны вотъ какія статьи—публика любитъ то и то» Мнѣ даже совѣстно, что вы взяли съ Николая Ивановича дорого за Наѣзды: какъ журналисту ему можно бы уступить и дешевле, а какъ учителю моему это было бы и должно. Онъ, такъ сказать, выносилъ меня подъ мышкой изъ яйца; первый ободрилъ меня и первый оцѣнилъ. Ему обязанъ я грамматическимъ знаніемъ языка, и если рѣже прежняго ошибаюсь въ ятяхъ—тому виной опять онъ же. Нравственнымъ образомъ одолженъ я имъ неоплатно, за прежнюю пріязнь и добрые совѣты; онъ прибавляетъ теперь къ этому капиталу еще болѣе, великодушно вызываясь на всѣ хлопоты по изданію романа (если я напишу его) и отворяя двери въ свой журналъ для скитающихся статей моихъ. Засвидѣтельствуйте ему полную за то благодарность—я должникъ его по сердцу и по перу. Охотно пополню недостатокъ до 10 листовъ при первомъ досугѣ. Продолженіе Вечера на Кавк. водахъ еще

не писалъ, но теперь же примусь. На счетъ блестока, замѣчаніе весьма справедливое—но это въ моей природѣ: кто знаетъ мой обыкновенный разговоръ, тотъ вспомнитъ, что я невольно говорю фигурами, сравненіями, и мои выходки Николай Ивановичъ не даромъ называлъ Б-ми каплями⁵⁾. Впрочемъ иное дѣло повѣсть, иное романъ. Мнѣ кажется, краткость первой, не давая мѣста развернуться описаніямъ, завязкѣ и страстямъ, должна вцѣпляться въ память остротами. Если бы улыбаетесь читая ее, я доволенъ, если смѣетесь—вдвое. Въ романѣ можно быть безъ курбетовъ и прыжковъ: въ немъ занимательность послѣдовательная изъ характеровъ, изъ положеній; дай Богъ, чтобы мой Сивка-бурка не зашалился и тамъ. Это одна-кожъ еще будущее.

Уполномочиваю васъ охотно въ полученіи денегъ по содружеству, ибо матушка моя недолго живетъ въ Петербургѣ. Я получилъ за полгода 1830-го и полгода 1831 г. 800 р. ассигнаціями. Но, можетъ быть, сестра моя получила что нибудь послѣ, и потому вы возмете на себя сей трудъ съ 1-го Іюня, узнавъ сколько уплачено, и сколько осталось до 1-го Іюля (начало моего чернильнаго года) уплатить.—Снова прося засвидѣтельствовать уваженіе и признательность мою Николаю Ивановичу, равно какъ всему его семейству, съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вамъ покорный, *Александръ Бестужевъ*.

(Письма эти печатаются съ дозволенія Евгеніи Ивановны Гречъ, вдовы Н. И. Греча).

⁵⁾ Бестужевскими каплями.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

- I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.
- II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
- III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).
- IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
- V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѡ. Шукурова*.
- VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.
- VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѡ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
- VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
- IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.
- X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.
- XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешинскимъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ фонѣ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукербекерѣ.
- XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
- XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.
- XIV. Цензурная вѣдомость 1786 – 1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.
- XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской бібліотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Въмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г.—10 р. и съ пересылкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

И ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Цѣна годовому изданію одного Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII вѣка продаются поодиначкѣ: первая по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.; вторая по 3 р. 50 к., съ перес. 4 рубля.

Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но послали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получить Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библиотечку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотечку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К.Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ Русскій Архивъ прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотечку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 8 р.; *во Францію и Бельгію* 8 р. 50 к.; *въ Анлію* 9 р.; *въ Швейцарію и Италію* 10 р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеньевъ.**

ГОДЪ

СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4.

ПРИ

1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Объясненіе императора Александра Павловича съ канцлеромъ его графомъ Н. П. Румянцевымъ (собственноручная записка въ Апрѣль 1812 года.)
2. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свиртригайлѣ (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ)
3. Разказы князя С. М. Голицына, записанные М. П. Полуденскимъ
4. Письмо В. А. Жуковскаго къ графу М. Ю. Вельгорскому.
5. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа А. А. де Бальмена. 1818 годъ.
6. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государственного секретаря А. Н. Оленина.)
7. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ“, замѣтка М. И. Семеваго.
8. Переписка между С. А. Масловымъ и П. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ.
9. О библиотекѣ А. С. Норова. С С.
10. Черта изъ жизни А. С. Норова, М. Н. Лонгинова.
11. Памяти А. С. Норова, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго.
12. Библиографическія замѣтки (Два неизвѣстныхъ стихотворенія Пушкина и Эпиграмма Крылова.) И. И. Халемки.
13. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища въ Спб. Н. И. Григоровича.
14. Надпись на иконѣ графа Аракчеева.
15. Поправка и объясненіе.

МОСКВА.

Типографія Градскаго вѣд. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1869.

ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дуа де-Лурия*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.
- II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.
- III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія: а) Собственноручная записка Императрицы. б) Указъ Кабинету. в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Теодоровича. г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*. е) Вѣдомость челобитенъ, передъ свадьбою В. Кн. Петра Теодоровича.
- IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.
- V. Житіе Федора Васильевича Ушакова, съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.
- VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маціевича*.
- VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.
- VIII. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву. б) Письмо *И. П. Туренева* къ А. П. Соковину. в) Письмо *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонниова*. г) Изъ донесенія князя *Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).
- IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.
- X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.
- XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину. б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шаргородской. (Сообщены княземъ *М. А. Оболенскимъ*).
- XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библиотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. съ пер. 3 р. 50 к., вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

П И С Ь М О

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

КЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ ГРАФУ
Н. П. РУМЯНЦОВУ.

Je vois avec regret, Monsieur le Comte, qu'un moment d'humeur vous porte à être injuste envers moi. J'ignore quels sont les chagrins et les mortifications dont vous avez été abreuvé. Je ne connais que tout l'attachement et les égards que je me plaisais à vous témoigner en toute occasion.—J'ai peine à comprendre comment l'incident qui vient de se passer aye pu produire sur vous l'effet que j'en vois resulter. N'étions nous pas tombés d'accord hier, qu'une lettre se redigerait comme je l'entendais? Ne vous êtes vous pas chargé vous-même de la faire faire?—Je m'attendais donc de voir paraître cette lettre sous la forme que je desirais.—Y réfléchissant la nuit, vos raisons ont fait impression sur moi et j'ai voulu y renoncer. Mais au lieu de la lettre telle que je la voulais j'en ai vu une que Nesselrode a écrite d'après ce que vous lui avez dit hier soir, et qui est bien différente de ce que je voulais.—J'ai donc pensé que c'est une lettre qui vous conviendrait et je vous en ai demandé votre opinion, de même que sur la mienne à l'Emp. Nap. Voilà le fait tel qu'il a été. Y avoit-il de quoi se facher?—Vous auriez pu me dire ce que vous pensez de cette lettre, mais certes tout cela n'était pas fait pour motiver la démarche que vous venez de faire.

Au reste il y a une chose qui demande à être rectifiée entre nous. Qu'y a-t-il de plus simple que nous puissions être d'une opinion différente? Si j'ai des raisons pour tenir à la mienne,

IV. 1.

quel moyen aurais-je pour la voir mise à l'exécution, si mes ministres se refusent de signer des reponses telles que je crois devoir les faire donner? S'agit-il ici de lettres particulières? Et n'ai-je pas droit d'après ma place, d'indiquer quelle reponse je veux que mon ministère fasse?—Ce cas arrive tous les jours dans tous les autres ministères; quand je ne me trouve pas d'accord avec un de mes ministres, je change moi-même ou je leurs fournis une autre rédaction et ils la signent. J'ose dire qu'ils y sont tenus par leur devoir.—Pardonnez moi, Monsieur le Comte, si je vous afflige; mais quand il s'agit du service et de ses devoirs, je ne puis parler que le langage qu'ils me prescrivent.—Votre signature n'est donc pas aux ordres d'un talent étranger; mais, étant Chancelier de mon Empire et moi ayant besoin de faire une reponse au ministère d'une Cour étrangère, mon Chancelier doit y mettre sa signature.—Voilà, Monsieur le Comte, la manière unique dont je puis envisager ces choses. Il me coute infiniment d'en être venu à des explications que je croyois tout-à-fait inutiles envers le Comte Romantzoff. Je croyois que des choses de ce genre-là ne pouvaient jamais survenir entre nous. Cela me coute doublement dans un moment où j'avais tant de désirs de vous ménager soit moralement, soit physiquement. Mais quand mon intime conviction me dit que je suis tenu de faire une chose, je ne dois pas y renoncer; en outre le cas presse, puisque j'ai dit à M. de Narbonne que je vais l'expédier cet après-diner; ainsi je me trouve dans la nécessité d'exiger, Monsieur le Comte, que la reponse que je crois devoir donner à une communication faite par le ministère français, soit signée par mon Chancelier.

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 20

Quant à votre demande, permettez moi que j'y réponde demain matin avec cette amitié, qui a fait et fera toujours la base de nos relations individuelles.

Переводъ. Съ сожалѣніемъ вижу я, что минутное неудовольствіе увлекаетъ васъ. графъ, до того, что вы несправедливы ко мнѣ. Я не знаю, какую печалью п огорченіями были вы удручены. Знаю только, что при всякомъ случаѣ мнѣ пріятно было выражать вамъ мою привязанность и внимательность. Я не постигаю, какимъ образомъ случившееся обстоятельство могло произвести на васъ таковое впечатлѣніе. Не вчера ли мы согласились въ томъ, что будетъ сочинено письмо, такъ какъ я разумѣлъ? Не вы ли сами взяли къ распорядителю о написаніи онаго? Поэтому, я ожидалъ этого письма въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ я желалъ. Ночью, когда я соображалъ ваши доводы, они на меня подѣйствовали, и я хотѣлъ отказаться отъ письма. Но вмѣсто письма, такого какъ я желалъ, я получилъ написанное Нессельродомъ по вашему указанію вчера вечеромъ и далеко не въ такомъ видѣ, какъ было мое желаніе. Поэтому я подумалъ, что такое письмо вамъ нравится и спросилъ о немъ вашего мнѣнія, также какъ и о моемъ письмѣ къ императору Наполеону. Вотъ какъ было дѣло: за что же тутъ сердиться? Вы могли бы мнѣ сказать, что вы думаете объ этомъ письмѣ; но конечно все это не могло послужить поводомъ къ вашему поступку. Впрочемъ есть обстоятельство, относительно котораго намъ необходимо объясниться. Что можетъ быть проще того, что мы держимся не одинаковыхъ мнѣній? Если я имѣю основанія не отказываться отъ мнѣнія моего, то какое буду я имѣть средство видѣть осуществленіе онаго, коль скоро мои министры не захотятъ подписывать ответныя письма въ томъ видѣ, въ какомъ я нахожу нужнымъ, чтобы они были посланы? Развѣ это письма частныя? И по моему положенію, не имѣю ли я права указывать, какой

отвѣтъ хочу я, чтобы данъ былъ моимъ министерствомъ? Это случается всякій день во всѣхъ другихъ министерствахъ. Какъ скоро я не согласенъ съ кѣмъ либо изъ моихъ министровъ, я мѣняю самъ или доставляю имъ бумагу въ другомъ видѣ написанную, и они ее подписываютъ. Смѣю сказать, что они побуждаются къ тому своимъ долгомъ. Простите мнѣ, графъ, если я васъ огорчаю; но когда идетъ дѣло о службѣ и ея обязательствахъ, я не могу говорить иначе какъ сообразуясь съ тѣмъ, что они мнѣ предписываютъ. Стало быть, вашу подпись вы не подчиняетесь постороннему вліянію; но такъ какъ вы—канцлеръ моей имперіи, а я имѣю нужду дать отвѣтъ министерству иностраннаго двора, то канцлеръ мой долженъ скрѣпить оный своею подписью. Вотъ, графъ, единственная точка зрѣнія, съ которой я могу смотрѣть на эти вещи. Мнѣ чрезвычайно тяжело прибѣгать къ такимъ объясненіямъ, которыя полагаю я совершенно излишними въ отношеніи графа Румянцева. Я думалъ, что ничего подобнаго никогда не могло произойти между нами. Вдвойнѣ тяжело мнѣ это въ настоящую минуту, когда такъ желалъ бы я оберегать васъ и нравственно и физически. Но коль скоро что либо мнѣ предписывается внутреннимъ убѣжденіемъ, я не долженъ дѣйствовать иначе; въдобавокъ, дѣло не терпитъ отлагательства, такъ какъ я сказалъ г-ну Нарбонну, что отпущу его сегодня послѣ обѣда. И такъ, графъ, я нахожусь въ необходимости требовать, чтобы канцлеръ мой написалъ отвѣтъ, который по моему мнѣнію долженъ быть данъ на сообщеніе Французскаго министерства.—Что касается до вашей просьбы, позвольте мнѣ отвѣчать на то завтра поутру съ тѣмъ дружескимъ чувствомъ, которое было и всегда будетъ основаніемъ нашихъ личныхъ сношеній.

Подлинная записка писана карандашемъ и была запечатана. Мы помѣщаемъ ее съ современнаго списка, сохранившагося у Н. А. Дивова, къ которому перешли по наслѣдству многія Румянцевскія бумаги

и который съ обязательною готовностью предоставилъ намъ для прочтенія и выписокъ. Или Нарбонна, упоминаемое въ запискѣ императора Александра Павловича, даетъ возможность опредѣлять, когда именно она писана. Наполеонъ изъ Дрездена посылалъ къ нашему Государю, въ Вильну, графа Нарбонна именно въ исх.ѣ апрѣля 1812 г., когда уже гроза нашествія совсѣмъ нависла надъ Россією, и Наполеонъ смотрѣлъ на насъ, какъ на готовую жертву, съ которою ему вздумалось еще разъ поиграть дипломатическою лозью. Несбыточные предложенія, привезенныя Нарбонномъ, были отвергнуты Государемъ, вопреки внушенія графа П. П. Румянцова, который, какъ извѣстно, полагалъ спасеніе Россіи въ уступчивости Наполеону. Печего прибавлять, какъ важна печатаемая записка для характеристики Александра Павловича, этого Государя, который, по словамъ графа Местра, вставалъ и кланялся человѣку, подносившему ему

стаканъ воды и который въ то же время обнаруживалъ непоколебимую твердость въ огнѣ сраженій и въ труднѣйшія минуты житейскихъ сношеній. Спокойствіе, коимъ проникнута эта записка, касающаяся обстоятельства чрезвычайной важности, напоминаетъ намъ ту величавую тишину, въ которой пребывала Августѣйшая бабка Александра Павловича въ минуты столь часто угрожавшихъ ей опасностей. Что касается до графа Румянцова, то его пристрастіе къ Наполеону можетъ быть объяснено дипломатическою службою его во время революціи на границахъ Франціи: гр. Румянцевъ принужденъ былъ бѣжать изъ Кобленца отъ нападенія демократической толпы. Наполеонъ, возстановитель порядка и охранитель тихаго житія, къ ксему по ученымъ своимъ занятіямъ такъ приверженъ былъ гр. Румянцевъ, сохранялъ надъ нимъ до самаго 1812 года силу своего обаянія. П. Б

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОЧИНЕНІЯ К О Ц Е Б У:

„Свитригайло, Великій Князь Литовскій.“

Пользовавшійся въ свое время общео извѣстностію какъ сочинитель безчисленнаго множества драмъ и романовъ, Августъ Коцебу, занимался иногда также и историческими работами. „Въ 1813-мъ году — рассказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ предисловіи — я, прѣѣхавъ въ Кенигсбергъ, нашелъ тамъ ученаго архиваріуса, доктора Генинга, который, по порученію дворянства Остзейскихъ губерній, выписывалъ изъ Кенигсбергскаго тайнаго архива всѣ документы касательно исторіи этого края. Когда я замѣтилъ съ удивленіемъ, что Генингъ откладываетъ многіе изъ этихъ документовъ въ сторону не переписанными, коль скоро они касаются исторіи Литовскаго великаго князя Свитригайлы, онъ, на разпросы мои о причинахъ такого пропуска, отвѣчалъ, что нашелъ между архивными бумагами столько новаго и важнаго объ упомянутомъ князѣ, что рѣшается напечатать всѣ относящіяся къ нему письма и извѣстія въ

особомъ сочиненіи, и потому не хочетъ преждевременно оглашать ихъ. Какъ, два года спустя (1815), Генингъ умеръ безъ осуществленія своего намѣренія, то я немедленно обратился къ прусскому правительству и испросилъ позволеніе списать всю Генингову коллекцію.“

На основаніи этихъ документовъ, Коцебу написалъ историческое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Switrigail, ein Weittag zu den Geschichten von Litthauen, Ruffland, Polen und Preussen“, рукопись котораго, по близкому отношенію исторіи Свитригайлы къ исторіи Россіи, прислалъ въ 1817-мъ году нашей Академіи Наукъ, изъяснивъ въ своемъ предисловіи, что думаетъ выразить тѣмъ Академіи свою благодарность за избраніе его въ ея члены-корреспонденты.

Академія Наукъ поручила разсмотрѣніе означенной рукописи одному изъ сочленовъ своихъ, извѣстному историку Кругу, который далъ о ней слѣдующій отзывъ (на французскомъ языкѣ):

20*

„Г. Коцебу уже въ своей „Исторіи Пруссіи“ старался оправдать великаго князя Свитригайлу, котораго полякъ Стрыйковскій, а съ его словъ и іезуитъ Кояловичъ, изобразили въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Думаю, что тѣсная связь этого князя съ русскими, вмѣстѣ съ частою помощію, которую онъ отъ нихъ получалъ, и были причиною суровыхъ сужденій о немъ Стрыйковскаго (секретаря короля Сигизмунда-Августа). Ног. Коцебу отыскалъ въ кенигсбергскомъ архивѣ множество документовъ, представляющихъ Свитригайлу въ гораздо болѣе выгодномъ видѣ; по этому онъ нашелся въ возможности исправить, въ своемъ изслѣдованіи, то неблагопріятное мнѣніе, которое до сихъ поръ существовало о Свитригайлѣ. Нѣсколько легкихъ ошибокъ, проскользнувшихъ у автора, должны быть приписаны недостаточному знанію имъ русскаго языка и легко могутъ быть исправлены; но гораздо труднѣе задача: разрѣшить противорѣчія, существующія между тѣмъ, что говорятъ русскіе и польскіе писатели.“ Къ этому Кругъ прибавилъ, что государственнй канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, расположенъ велѣть перевести на русскій языкъ изслѣдованіе г. Коцебу и напечатать его на свой счетъ, если Академія изъявитъ на то свое согласіе.

Конференція Академіи, „сочувствуя намѣреніямъ великодушнаго двигателя всякаго полезнаго литературнаго предпріятія, съ удовольствіемъ согласилась передать ему на нѣкоторое время нѣмецкую рукопись,“ что и возложила на того же академика Круга (1).

Графъ Румянцевъ поручилъ переводъ нѣкоему коллежскому ассессору Нестеровичу; но работа его замедлилась, а между тѣмъ, въ 1820 мѣ году, напечатанъ былъ нѣмецкій оригиналъ сочиненія Коцебу подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, въ Берлинѣ (2), у Павла

Готхельфа Куммера, и только въ это же время, т. е. въ томъ же 1820 году русскій переводъ былъ представленъ въ петербургскій ценсурный комитетъ отъ переводчика, не пожелавшаго впрочемъ выставить своего имени на книгѣ. Примѣчательно, что, по неизвѣстнымъ намъ теперь причинамъ, самъ графъ Румянцевъ оставался при этомъ въ тѣни, хотя по всей вѣроятности, посредствомъ своего вліянія, онъ могъ бы облегчить всѣ ценсурныя трудности. Послѣдствіемъ было, что ценсурный комитетъ призналъ нужнымъ переводъ сочиненія Коцебу представить на усмотрѣніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, который съ своей стороны передалъ рукопись на просмотръ знаменитому исполнѣдствію въ нашей исторіи митрополиту Филарету, тогда еще архіепископу Тверскому, временно находившемуся въ Петербургѣ.

Филаретъ 20-го Марта 1820 года сообщилъ князю слѣдующія соображенія о „Свитригайлѣ“.

„Герасимъ не былъ законный митрополитъ Россійскій. Должно думать, что онъ, подобно Григорію Цимблаку, поставленъ былъ литовцами по причинѣ политической, т. е. чтобы покоренные ими православные не относились къ Россійскому духовному начальству. Но и при семъ сомнительно, правду ли говорилъ Болеславъ, увѣряя Папу, что Герасимъ готовъ покориться Римскому престолу. Напротивъ того, Платонъ (Церковная Исторія, гл. XXXIX), основываясь на нѣкоторыхъ лѣтописцахъ, сказываетъ, что Герасимъ, за православіе и ревность по немъ, сожженъ папистами въ Витепскѣ (sic).

„Сіе примѣчаніе полезно-бы, по моему мнѣнію, напечатать при папскихъ буллахъ, если онѣ допущены будутъ къ напечатанію.

(1) Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St Pétersbourg. 1822, tome VIII p. 46—47.

(2) Не можемъ не упомянуть здѣсь, что въ эту, сравнительно отдаленную эпоху, когда западные ти-

пографіи еще почти совсѣмъ не знали русской азбукы, въ нѣмецкомъ текстѣ Коцебу многое было напечатано русскими шрифтомъ, какъ то: заглавія разныхъ русскыхъ историческихъ сочиненій, собственныя имена и т. д.

„Я замѣтилъ еще относящееся къ тому же предмету выраженіе на стран. 133-й (я отмѣтилъ сіе мѣсто карандашемъ), которое показалось мнѣ и несправедливымъ и не довольно благоприличнымъ. Тамъ сказано, что Свитригайло искалъ соединенія Россійской церкви съ Римскою не по политикѣ, но болѣе по убѣжденію своего благочестія. Напротивъ того, весьма ясно, что онъ дѣлалъ сіе по политикѣ: ибо: 1, ему лучше было бы управлять народомъ одного исповѣданія, нежели двухъ различныхъ; 2, ему нужно было угодить Папѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе утвердиться въ союзѣ со многими католическими государями и народами, для надежнѣйшаго продолженія своей междоусобной войны; 3, ему надобно было отвратить отъ себя подозрѣніе въ неврности Римской церкви, возникшее по случаю связи его съ Гусситами.

„Сіи свѣдѣнія и замѣчанія предаю на усмотрѣніе Вашего Сіятельства“.

Но князь Голицынъ, не довольствуясь этими замѣчаніями, пожелалъ еще имѣть мнѣніе Карамзина, къ которому и обратился съ слѣдующимъ письмомъ отъ 6-го Апрѣля 1820-го года:

„Препровождая при семъ къ Вамъ рукописный переводъ съ историческаго сочиненія г. Коцебу, подъ названіемъ: „Свитригайло, Великій Князь Литовскій“, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, войти въ нѣкоторое разсмотрѣніе сего творенія, и сообразить находящіяся въ ономъ важнѣйшія обстоятельства съ имѣющимися у Васъ историческими о Россіи свѣдѣніями, напаче же по тѣмъ мѣстамъ, на кои сдѣланныя замѣчанія (Филарета) препровождаю у сего въ копіи. Мнѣ весьма желательно знать мнѣніе Ваше въ разсужденіи сихъ мѣстъ, признаете ли Вы со своей стороны заслуживающими какого либо уваженія, чтобъ быть имъ допущенными къ напечатанію, хотя не иначе, какъ съ присовокупленіемъ представленныхъ на нихъ замѣчаній, и притомъ не примете ли Вы на

себя трудъ присовокупить къ тому собственныхъ Вашихъ примѣчаній на мнѣнія, расходящіяся отъ католическихъ писателей, а потому могущія въ семъ случаѣ быть пристрастными. О послѣдующемъ по сему буду ожидать Вашего увѣдомленія, вмѣстѣ съ возвращеніемъ самой рукописи“.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней, и именно 11-го Апрѣля, Карамзинъ отвѣчалъ:

„Прочитавъ рукопись о Свитригайлѣ, имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству мое мнѣніе.

„Сочиненіе само по себѣ любопытно выписками изъ бумагъ Кенигсбергскаго Архива и безъ сомнѣнія достойно напечатанія, хотя неистовый, пьяный Свитригайло и не стоить похвалъ, какими честитъ его Коцебу. Думаю, что можно напечатать и папскія буллы, безъ малѣйшаго для насъ соблазна. Въ нихъ говорится о сношеніяхъ Россійскаго Митрополита Герасима съ Папою; но сей Митрополитъ былъ не нашъ, а Литовскій. Предмѣстникъ его и предмѣстники считались у насъ пастырями незаконными, чуждыми нашей церкви, Уніатами. Однакожь не худо прибавить къ Евгеніевой буллѣ, стр. 197, замѣчаніе о Герасимѣ и Россіянахъ, о коихъ въ ней говорится; т. е. сказать, что это были не мы, православные Россіяне, а подданные Литовскіе, то гонимые за ревность къ Православію, то ласкаемые за невольное уваженіе къ Папамъ.—Прилагаю и другое замѣчаніе къ стр. 153“.

Упомянутыя „замѣчанія“ Карамзина заключались въ слѣдующемъ:

Къ стр. 153. „Свитригайло, будучи Римскимъ католикомъ, могъ искренно предпочитать Латинское исповѣданіе Греческому; но и политика могла участвовать въ его ревности къ соединенію вѣрѣ, чтобы угодить Папѣ, коего доброжелательство было ему весьма нужно въ раздорахъ его съ Польшей и съ Виттовымъ братомъ, Сигмундомъ (или Сигизмундомъ)“.

Къ стр. 197. „Герасимъ, Епископъ Смоленскій, о коемъ въ сей грамотѣ упоминается, былъ Митрополитомъ не Всероссійскимъ, а только Литовскою Россіи, и пресмыкомъ Григорія Цимблака, отверженнаго нашею Православною церковію (ср. Исторію Государства Росс., V, 234, втораго изданія, годъ 1425). Въ угодность Литовскимъ Князьямъ они имѣли дружеское сношеніе съ Римомъ и злословили духовенство Московское, которое видѣло въ нихъ измѣнниковъ Православію, лжепастырей, отщепенцевъ. Надобно вспомнить, что въ сіе время и Смоленскъ и Кіевъ, со всею нынѣшнею южною Россіею, принадлежали къ Литвѣ, которая съ 1415-го года имѣла свою особенную Митрополию. Уклончивые святители ея, повинуваясь князьямъ-папистамъ, бывали и жертвою гнѣва ихъ: на примѣръ, Герасимъ былъ въ 1435 г. сожженъ Свитригайлѣмъ въ Витебскѣ, не за ревность къ Православію, какъ сказано въ Церковной исторіи Платоновой и въ каталогахъ (не въ лѣтописяхъ), а за связь его съ противникомъ Свитригайловымъ, Княземъ Сигмундомъ (см. Ист. Госуд. Росс., V, примѣч. 295)“.

Послѣ этого отзыва князь Голицынъ, 17-го Апрѣля 1820 г., предписалъ тогдашнему Попечителю С. Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову, поручить ценсурному комитету, снестись съ переводчикомъ, войти въ разсмотрѣніе „какимъ образомъ учиненныя г. Карамзиннымъ примѣчанія, и также другія у сего прилагаемыя (т. е. замѣчанія Филарета), приобщить къ сему сочиненію, буде оно издается въ печать, и въ какомъ мѣстѣ оныя включить“.

Комитетъ ценсурный нашель (рапортъ Уварова отъ 21-го Мая): 1, что рукопись „Свитригайлѣ, Великій Князь Литовскій“—одобрена къ печатанію (какъ показано въ донесеніи за Мартъ) бывшимъ цензоромъ Яценковымъ за исключеніемъ приложенныхъ въ концѣ онаго сочиненія папскихъ буллъ, по тому ува-

женію, что грамоты сіи, хотя и были давно извѣстны, но у насъ нигдѣ напечатаны не были, вѣроятно для того, дабы не подать повода къ кривымъ и предосудительнымъ толкамъ о семъ важномъ предметѣ; 2, что ценсурный комитетъ съ своей стороны находитъ, что печатать на русскомъ языкѣ вышеозначенныя буллы папскія при частной исторіи князя Свитригайлы, даже и съ присовокупленіемъ примѣчаній, не совмѣстно, полагая притомъ, что настоящее ихъ мѣсто могло бы быть только въ церковной исторіи, съ приличными объясненіями“.

Но дѣло на этомъ не остановилось: по своему ли собственному желанію, или по приказанію стоявшаго за кулисами графа Румянцева, Пестеровичъ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Уварова изъ Петербурга, вошелъ съ новою просьбою къ исправлявшему его должность, непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Фусу, который за тѣмъ, въ рапортѣ отъ 24-го Сентября того же 1820-го года, написалъ князю Голицыну:

„Переводчикъ сочиненія Коцебу „Свитригайлѣ“, коллежскій ассессоръ Пестеровичъ, обратился нынѣ въ ценсурный комитетъ съ прошеніемъ о дозволеніи напечатать двѣ папскія грамоты къ князю Свитригайлѣ и митрополиту Герасиму, хотя на томъ самомъ языкѣ, на коемъ онѣ писаны, т. е. на латинскомъ, по тому уваженію, что грамоты сіи имѣютъ неразрывную связь съ цѣлымъ сочиненіемъ. Ценсурный комитетъ соглашался, что ихъ можно напечатать „безъ малѣйшаго опасенія кривыхъ и предосудительныхъ толковъ, предположеніе которыхъ побудило запретить печатаніе тѣхъ грамотъ на языкѣ Россійскомъ“.

Но на это министръ опять отвѣчалъ (2-го Октября), что нельзя измѣнять прежняго мнѣнія, основаннаго на отзывѣ Карамзина и заключеніи комптета: „ибо лживость этихъ буллъ, могущая быть извѣстною только весьма знающимъ историкамъ, для многихъ другихъ послужитъ поводомъ къ кривымъ толкамъ

и несправедливымъ предположеніямъ, и кои тѣмъ паче не слѣдуетъ нынѣ издавать въ свѣтъ, что оныя доселѣ нигдѣ напечатаны не были“.

Съ тѣхъ поръ прошло почти *три* года, какъ вдругъ графъ Румянцевъ, уже сошедшій съ служебнаго поприща и посвятившій остатокъ своей жизни на пользу наукъ, рѣшилъ прекратить свою пассивную роль относительно „Свитригайлы“ и 19-го Марта 1823-го года написалъ князю Голицыну слѣдующее письмо:

„Благосклоннѣйшее Вашего Сіятельства посѣщеніе, каковымъ меня удостоить изволили, меня много порадовало и подаетъ надежду, что Вы, какъ Министръ Просвѣщенія, отвратите отъ меня цензурую мнѣ причиненную печаль.

„Удалившись отъ службы, я пожелалъ не вовсе остаться безполезнымъ, и между разными занятіями, къ тому ведущими, поставилъ себѣ въ предметъ изданіе полезныхъ книгъ. Мнѣ давно было извѣстно, что ученые по всей Европѣ желали видѣть изданіе на Татарскомъ языкѣ Монгольской и Татарской хронологической исторіи, коей сочинитель извѣстный Абулгази-Ханъ, и тужили, что два напечатанные ея переводы, одинъ нѣмецкій, а съ него другой французскій, были совершенно искажены и неправильны;—я рѣшился общему просвѣщенію принести таковую услугу и приступилъ къ напечатанію сего сочиненія въ Казанской, при университетѣ тамошней существующей, азіатской типографіи, былъ къ тому допущенъ, деньги были приняты; но по истеченіи нѣкотораго довольнаго времени дано знать моему комиссіонеру, что министерство не допускаетъ такового напечатанія, и чтобы я возвратно деньги принялъ. Опечаленъ до крайности страннымъ таковымъ событіемъ, я съ полною моею на справедливость Вашу, Милостивый Государь мой, довѣренностью обращаюсь съ вопросомъ, какой вредъ можетъ быть въ изданіи историческаго о Татаряхъ сочиненія, по переводамъ своимъ

всѣмъ уже извѣстнаго, и въ которомъ, если не ошибаюсь, въ двухъ только строкахъ и всего дважды упоминается объ Русскихъ, потому что Абулгази-Ханъ мало объ нихъ свѣдушъ былъ, да и почему же меня не допускаютъ издать сіе сочиненіе Татарскими буквами, когда въ Россіи русскій ея переводъ давно существуетъ напечатаннымъ въ 1768-мъ году, и плодъ трудовъ и полезныхъ занятій знаменитаго Татищева.

„Въ другомъ такого-же рода обстоятельствѣ понесъ я опять огорченіе. Получа отъ самого покойнаго г. Коцебу прелюбопытное его на Нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе о Литовскомъ великомъ князѣ Свитригайлѣ, коего дѣянія столь тѣсно соплетены съ современными происшествіями Россійскими, и свѣдавъ, что Императорская Академія напечатала сіе Нѣмецкое сочиненіе, удостоивъ его помѣщеніемъ въ академическіе свои акты, я пожелалъ передать Русскій переводъ нашей словесности; сіе исполнилось, цензура никакого инаго замѣчанія не сдѣлала, какъ только что воспретила мнѣ прибавить двѣ папскія буллы къ одному изъ Литовскихъ нашихъ Архіереевъ, а прошу Ваше Сіятельство замѣтить, что на нихъ въ самомъ сочиненіи ссылка сдѣлана и что онѣ существуютъ въ Актахъ Академіи нашей;—покажите мнѣ и то благодѣяніе, чтобы отстранить отъ меня сію странную помѣху. Ежели Вамъ угодно, я безъ перевода въ Латинскомъ подлинникѣ при Русскомъ изданіи ихъ помѣшу; я даже готовъ и на то согласиться, чтобы не были онѣ напечатаны, лишь-бы въ предисловіи допустили сказать, что ихъ недостаетъ по препятствіямъ, которыхъ издатель не могъ отстранить.

„Я точно у Вашего Сіятельства прошу единственно справедливаго и согласнаго съ самымъ строгими правилами воздержности въ печатаніи книгъ; услышьте мое прошеніе, порадуйте меня тѣмъ, чтобы обѣ сіи помѣхи отъ меня совершенно отстранены были; а ежели Ваша Министерская власть къ

тому покажется недостаточною, явите мнѣ ту милость, что доведите до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества содержаніе сего письма, ходатайствуйте предъ освященнѣйшими Его стопами за просьбу мою; я жизнь веду счастливую воспоминаніемъ безпредѣльныхъ Его ко мнѣ милостей и щедротъ“.

Это письмо побудило князя Голицына немедленно потребовать объясненій отъ Президента Академіи Наукъ—Уварова, и отъ Попечителя Казанскаго учебнаго округа, печальной памяти, Магницкаго.

Уваровъ отвѣчалъ, что Академія Наукъ никогда не печатала Нѣмецкаго оригинала Коцебу, и что онъ до сихъ поръ находится въ архивѣ конференціи; Магницкій же (жившій, какъ извѣстно, почти постоянно въ Петербургѣ и отсюда управлявшій своимъ далекимъ округомъ), почти въ одно время съ Уваровымъ отвѣчалъ министру слѣдующимъ рапортомъ:

„Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 11-го сего Апрѣля, честь имѣю донести слѣдующее. Рукопись, на Татарскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Исторія о Монголахъ и Татарлахъ, сочиненіе Абулгази-Багадуръ-Хана, препровождена въ Казанскій университетъ, въ 1820 году, академикомъ Френомъ, по порученію Его Сіятельства, графа Николая Петровича Румянцева, для напечатанія, на счетъ 1000 рублей, въ томъ-же году доставленныхъ.

„При разсмотрѣніи оной въ цензурномъ комитетѣ, оказалось, что на ней нѣтъ опредѣлительной надписи и, какъ бы слѣдовало, скрѣпы по листамъ. Почему надлежало-бы подвергнуть ее цензурѣ. Но поелику въ Казанскомъ университетѣ, кромѣ лектора Хальфина, никто не знаетъ основательно Татарскаго языка, да и Хальфинъ исповѣдуетъ Магометанскую вѣру, то не было возможности исполнить сего.

„Между тѣмъ лекторъ Хальфинъ, по личной просьбѣ академика Френа, переводилъ уже на Россійскій языкъ первыя тетради сей рукописи.

„Совѣтъ Университета, представя мнѣ означенный переводъ, испрашивалъ разрѣшенія: какимъ образомъ поступить съ сею рукописью?

„Изъ перевода сего я увидѣлъ: 1, что въ заглавіи рукописи графъ Николай Петровичъ названъ главою христіанскихъ князей; 2, что въ ней искажены восточнымъ фанатизмомъ многія важнѣйшія истины, заимствованныя изъ книги Бытія; 3, что въ ней распространеніе Исламизма приписывается даже Патриарху Ною; 4, что, по сему извороту ея, она принадлежитъ не столько къ книгамъ историческимъ, сколько къ тѣмъ, кои косвеннымъ образомъ нападаютъ на Библію.

„И такъ, полагая, что христіанскому университету ни почему не свойственно распространять такія книги, я запретилъ печатаніе помянутой рукописи, предложивъ Совѣту университета возвратитъ по принадлежности и присланныя для сего деньги. Ибо ежели мы терпимъ печатаніе Алкорана, то потому только, что Правительство не возбраняетъ сего, а вновь выходящихъ сочиненій, служащихъ къ подкрѣпленію магометанства и ослабленію главнѣйшихъ Библейскихъ истинъ, по моему мнѣнію, печатать не слѣдуетъ. И потому въ правѣ почитаю себя сказать при семъ случаѣ, что Россійскому академику и христіанину Френу не надлежало бы принимать на себя обязанности распространять подобныя сочиненія.

„При чемъ честь имѣю представить переводъ первой тетради вышеозначенной рукописи“.

Если въ это время Магницкій уже не пользовался болѣе въ глазахъ своего министра прежнимъ авторитетомъ, то онъ продолжалъ еще быть силенъ покровительствомъ могущественнаго графа Аракчеева, и это побудило князя Голицына дѣло объ обѣихъ книгахъ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Магницкаго, довести сперва до свѣдѣнія Государя; послѣ чего, сдѣлавъ на докладѣ своемъ 17-го Іюня 1823 года, отмѣтку: „Высочайше указать со-

изволилъ дозволить напечатать Татарскую рукопись, а объ сочиненіи Коцебу переговорить съ г. Карамзинымъ“, — онъ сообщилъ такую Высочайшую волю (30-го Юни) и графу Румянцеву, который счелъ долгомъ отблагодарить князя слѣдующимъ письмомъ изъ Кіева, отъ 9-го Сентября 1823-го года:

„Окончивъ пребываніе свое у Кавказскихъ водъ, я рѣшился объѣхать весь Крымъ, что и исполнилъ, и потому только вчерашняго числа, по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, получилъ я то письмо, каковымъ Ваше Сіятельство меня удостоить изволили отъ 30-го Юни. Премного Васъ, милостиваго государя моего, благодарю за то, что, ходатайствуя за меня, изволили испросить отъ Государя Императора милостиваго разрѣшенія, чтобы при Казанскомъ университетѣ напечатано было, на моемъ изданіи, на языкѣ Татарскомъ, сочиненіе Абулгази-Багадуръ Хана. Вы меня, милостивый государь мой, несказанно симъ одолжить изволили, и родили во мнѣ довѣренность, что, ходатайствуя за меня и въ отношеніи полного изданія Свитригайловой исторіи, усугубите благодѣяніе Ваше.

„Не поставьте мнѣ въ вину и дерзость, что не скрываю предъ Вами, сколь сильно я желаю, чтобы, по возвращеніи Государя Императора, Вы-бы ручались предъ Монархомъ за то чувство моей преглубочайшей благодарности, съ каковымъ принялъ я то все-милостивѣйшее вниманіе, съ каковымъ Его Императорское Величество принять изволилъ прошеніе мое о разрѣшеніи того препятствія, которое встрѣтилъ я, приступя къ напечатанію вышеупомянутой Татарской рукописи“.

Послѣ этого, исторія Абуль-Гази была напечатана въ 1825-мъ году, въ Казани, подъ заглавіемъ: „Abul-ghasi-Bagadur-Chan, Historia Mongolorum et Tartarorum“.

Что же касается Свитригайла, то его участь рѣшилась окончательно еще не скоро. Князь Голицынъ или забылъ или

не захотѣлъ вновь переговорить объ этой книгѣ съ Карамзинымъ, а въ 1824-мъ году, 15-го Мая, былъ уволенъ отъ должности Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Такъ дѣло и продолжало лежать безъ всякаго движенія, тѣмъ болѣе что не было болѣе въ живыхъ графа Румянцева. Уже только 8-го Февраля 1826-го года, при новомъ царствованіи, возбудившемъ всѣ вѣдомства къ оживленной дѣятельности, преемникъ Голицына, А. С. Шишковъ, ссылаясь на прежнюю переписку, написалъ къ Карамзину: „Для исполненія Высочайшаго повелѣнія, я поставляю обязанностью покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ мысли Ваши въ разсужденіи дозволенія напечатать означенныя буллы, доннынѣ нигдѣ еще у насъ не напечатанныя, при сочиненіи Коцебу, согласно желанію покойнаго графа Николая Петровича“.

Но отвѣта отъ Карамзина не послѣдовало: онъ умеръ 26-го Мая 1826-го года.

Самому дѣлу не суждено однако было замереть. Имъ заинтересовался Д. Н. Блудовъ, въ то время Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія. 21-го Юни 1827-го года онъ подалъ новому Министру князю Ливену слѣдующую записку: „Я знаю это дѣло по слухамъ: мнѣ про него говорили и покойный канцлеръ (графъ Н. П. Румянецъ) и незабвенный нашъ исторіографъ (Н. М. Карамзинъ); но самъ я не читалъ ни буллъ, ни книгъ. Если г. Министру угодно поручить мнѣ, но только мнѣ, Блудову, а не Товарищу Министра, рассмотретьъ найденныя или изобрѣтенныя цензурою затрудненія, а буде можно сочинить и примѣчаніе для отстраненія оныхъ, то я готовъ за это взяться, изъ уваженія къ памяти Карамзина и Румянцева и изъ любви къ исторіи; разумѣется однако же, что мнѣ для сего будетъ нужно свободное время, котораго я теперь не имѣю. За тѣмъ пусть цензурный комитетъ рассмотретьъ мою работу, какъ работу посторонняго. Если онъ и тог-

да будетъ упрямиться, то рѣшатъ или Министръ, или Государь“.

Не смотря на такое заявленіе, дѣло пролежало снова цѣлыхъ два почти года безъ всякаго движенія, и не прежде какъ въ 1829-мъ году отъ Департамента Министерства былъ представленъ князю Ливену докладъ, въ которомъ, послѣ изложенія хода всего дѣла и добровольнаго вызова Блудова, прибавлялось: „но какъ Дмитрію Николаевичу не было досуга, то дѣло сіе остается нерѣшеннымъ“.

Вслѣдствіе того князь Ливень, 5-го Марта 1829-го года, передалъ остававшійся столь долго нерѣшеннымъ вопросъ на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, которое обратилось опять къ Блудову, съ просьбою: „сообразить, какимъ образомъ замѣчанія митрополита Филарета и г. Исторіографа могутъ быть включены въ русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу въ приличныхъ мѣстахъ“. Тогда уже Блудовъ приступилъ къ разсмотрѣнію рукописи, и въ засѣданіи Главнаго Управленія 20-го Марта сообщилъ, что, по его мнѣнію, для того чтобъ сочиненіе могло быть напечатано, надо прибавить къ предисловію переводчика и какія примѣчанія (вышеприведенныя замѣтки Карамзина) сдѣлать

при буллахъ Папы Евгенія. По изъявленному и со стороны Главнаго Управленія на то согласію, послѣдовало наконецъ (3-го Апрѣля 1829-го года) разрѣшеніе: дозволить, при сочиненіи Коцебу въ Русскомъ переводѣ, напечатать и объ буллы Папы Евгенія, съ присоединенными къ нимъ объясненіями.

Такимъ образомъ послѣдняя преграда къ изданію книги, по видимому, переставала существовать, но надъ нею по прежнему тяготѣла какая-то особенная судьба. Отъ матеріальныхъ ли затрудненій, или по какой другой причинѣ, только переводъ Нестеровича (безъ имени переводчика) предварительно одобренный цензурою въ 1820-мъ и потомъ окончательно пропущенный упомянутымъ разрѣшеніемъ князя Ливена, въ 1829-мъ году, появился въ свѣтъ не прежде 1835-го. Онъ напечатанъ, подъ заглавіемъ: „Свитригайло, Великій Князь Литовскій, или дополненіе къ исторіямъ: Литовской, Россійской, Польской и Прусской, сочиненіе Августа Коцебу“. Къ этому переводу приложенъ и переводъ всѣхъ буллъ и документовъ, находящихся въ Нѣмецкомъ оригиналѣ. Примѣчанія же Карамзина помѣщены на страницахъ 208 и 301 (приложенія).

(Сообщено барономъ М. А. Корфомъ)

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ СЕРГІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА,

записанные М. П. Полуденскимъ.

Между бумагами, поступившими въ Чертковскую бібліотеку отъ покойнаго Михаила Петровича Полуденскаго (см. о немъ въ Р. Архивѣ 1868, стр. 1483—1488) находится тетрадка, въ которую онъ записывалъ достопамятные рассказы, слышанные имъ отъ старыхъ людей. Приводимъ извлеченные изъ этой тетради 33 рассказа большую часть князя С. М. Голицына, къ моему М. П. Полуденскій былъ съ дѣтства близокъ, благодаря старинной дружбѣ съ княземъ отца его, Петра Семеновича. Со словъ сего послѣдняго записаны первые семь анекдотовъ. Мы не знаемъ, на сколько измѣнила нанять рассказчикамъ; но за

вѣрность передачи могутъ поручиться знавшіе М. П. Полуденскаго, во всѣ дѣйствія котораго входила крайняя точность и добросовѣстность. П. Б.

1.

Потемкинъ, почувствовавъ себя однажды не очень хорошо, послалъ своего адъютанта князя Циціанова за шубой. Циціановъ рассказывалъ, что онъ привезъ шубу, сжавши ее въ кулакѣ. Когда онъ явился, Потемкинъ

спросилъ: «гдѣ шуба?» — «Вотъ она!» отвѣчалъ князь Циціановъ, разжимая кулакъ.

2.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й Симоновъ монастырь былъ запечатанъ, а кельи превращены въ казармы; одна церковь была оставлена, въ которой полковой священникъ служилъ по праздникамъ. Купечество московское жалѣло о монастырѣ; градской глава Аѳанасій Ивановичъ Долговъ по совѣщаніи съ другими купцами рѣшился просить Императрицу перевести казармы; онъ увѣрялъ Императрицу, что въ ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе, не смотря на то, что церковь была запечатана, въ ней видѣли освѣщеніе. Императрица согласилась перевести казармы, монастырь былъ снова открытъ, Аѳан. Иван. Долговъ обиселъ его и положилъ 200 т. капитала на его содержаніе.

3.

Однажды у раскольниковъ, въ царствованіе Петра I-го, шла обѣдня; послѣ обѣдни, ихъ архимандритъ Никонъ, которому они вѣрили какъ пророку, говорилъ проповѣдь; въ это время вошелъ въ церковь Петръ со свитою. Архимандритъ остановился и сказалъ: «Отнынѣ нѣтъ обѣдни, Нѣмчинъ пришелъ!» Съ этого времени и образовалась секта Безобѣденныхъ, которые не служатъ обѣдни, убѣжденные, что она не нужна.

4.

Петръ I-й издалъ указъ, запрещающій хоронить въ колодахъ: для сбереженія лѣсовъ, ибо изъ одной колоды можно напилить досокъ на нѣскольکو гробовъ.

5.

Въ Звѣнигородѣ былъ городничій Макшѣевъ, который сгонялъ священника съ амвона, когда онъ хотѣлъ говорить проповѣдь: «Пошелъ, я самъ скажу», говаривалъ онъ и становился передъ налоемъ; проповѣдь его обыкновенно состояла въ обращеніи къ будошникамъ; иныхъ онъ называлъ мошенниками, другихъ выставлялъ какъ-бы въ примѣръ.

6.

Когда открыли мощи Дмитрія Ростовскаго, то раскольники, не признавая его за святаго, подослали поставить свѣчу къ мощамъ, начиненную порохомъ. Случайно это было открыто.

7.

Въ царствованіе Екатерины II-й, Сенатъ положилъ рѣшеніе, которое Императрица подписала. Этотъ подписанный приказъ перешелъ отъ генерала-прокурора къ оберъ-прокурору, отъ этого къ оберъ-секретарю, отъ этого къ секретарю, и такимъ образомъ онъ перешелъ въ экспедицію. Въ этотъ день въ экспедиціи былъ дежурнымъ какой-то приказный подъячій; когда онъ остался одинъ, то послалъ сторожа за виномъ и напилъ пьянъ. При чтеніи бумагъ попалось ему въ руки подписанное Императрицею рѣшеніе. Когда онъ прочелъ «быть по сему», онъ сказалъ: «врешь, не быть по сему». Онъ взялъ перо и исписалъ всю страницу этими словами: «врешь, не быть по сему», и легъ спать. На другое утро онъ пошелъ домой, въ экспедиціи нашли эту бумагу и обмерли со страха. Поѣхали къ генераль-прокурору (тогда князю Вяземскому); онъ съ этой бумагой поѣхалъ къ Импе-

ратрицѣ и бросился ей въ ноги: «Что такое?» спросила она. «У насъ несчастіе», сказалъ Вяземскій. «Пьяный дежурный испортилъ вашъ приказъ.» «Ну чтожъ?» сказала Государыня. «Я напишу другой, но я вижу въ этомъ перстѣ Божій: должно быть мы рѣшили не правильно; пересмотрите дѣло». Дѣло пересмотрѣли, и на самомъ дѣлѣ оно было неправильно рѣшено.

8.

Когда при Императорѣ Наполеонѣ былъ Русскимъ посланникомъ графъ Петр. Александр. Толстой, то однажды Наполеонъ сказалъ ему: Въ Москвѣ и Петербургѣ есть католическія церкви, въ которыхъ поминаютъ Русскаго Императора, то почему не поминаютъ меня въ Русской церкви, находящейся въ Парижѣ? Я хочу, чтобъ за меня молились и въ Русской церкви, какъ въ католической Московской и Петербургской молятся за Русскаго Государя. Результатъ этихъ словъ былъ тотъ, что въ Русской церкви въ Парижѣ за большимъ выходомъ поминали послѣ Александра Павловича и царской фамиліи—Наполеона.

9.

Когда везли въ Москву тѣло Александра I., то для принятія его были присланы кн. Юсуповъ и кн. Куракинъ. Они хотѣли поставить тѣло въ Успенскомъ соборѣ, въ которомъ чрезъ нѣсколько времени послѣ должна была совершиться коронація. Кн. С. М. Голицынъ былъ въ то время въ Петербургѣ; онъ собирался уже въ Москву и пришелъ проститься съ Государемъ Николаемъ, который велѣлъ ему придти къ себѣ на другой день. На другое утро кн. С. М. отправился во дворецъ; тамъ встрѣтилъ онъ Серафима, митро-

полита. Государь позвалъ кн. С. М. и говоритъ ему: «Ты знаешь, Юсуповъ повздорилъ въ Москвѣ съ Филаретомъ. Юсуповъ татаринъ, а Куракинъ недалеко». Юсуповъ хотѣлъ въ Архангельскомъ соборѣ надъ мощами и гробницами царей сдѣлать полъ, на который поставить катафалкъ. Государь сказалъ кн. С. М.: «Ты ѣдишь въ Москву, тамъ можетъ быть бунтъ, скажи князю Дмитрію Владим. Голицыну, чтобъ онъ принялъ мѣры. Когда везутъ тѣло въ Москву, если захотятъ отпрягать лошадей у колесницы, то не позволять, а дозволить только купцамъ 1-й гильдіи нести гробъ. Въ Москву привезенъ изъ Калуги образъ чудотворный къ какому-то купцу, стеченіе народа бываетъ ужасное, то прекратить стеченіе и образъ взять; развѣ Филаретъ не знаетъ, что въ чуму за образъ убили архіерея? Въ третьихъ, въ Москвѣ въ домѣ Исленьева есть прачка, которая проповѣдуетъ, что будетъ бунтъ, убьютъ Государя и будетъ царствовать мой сынъ Александръ, то схватить прачку. Гр. Петру Алекс. Толстому скажи, чтобы, когда повезутъ по улицамъ тѣло, то чтобы войска стояли бы только по одной сторонѣ, дабы въ случаѣ бунта можно бы было стрѣлять. Когда присягнуть войска, то тотчасъ прислать мнѣ курьера.» Кн. С. М. Голицынъ уѣхалъ въ Москву и исполнилъ порученіе Государя. Князь Дм. Влад. сказалъ, что бунта быть не можетъ, а гр. Толстой то же сказалъ: «Пустое, бунта не будетъ.»

Когда Государь пріѣхалъ короноваться въ Москву, онъ жилъ въ Александріи. Императрицѣ Маріи Федор. не было мѣста во дворцѣ, ей искали нанять дачу, но не нашли. Когда она умерла, Николай Павловичъ горько плакалъ, говоря, что ее убила Турец-

кая война, которой она умоляла Государя не начинать. Константина Павловича очень любила и называла его отречение весьма благороднымъ поступкомъ, любила и жену его Ловичъ и дѣлала ей подарки, а въ завѣщаніи оставила ей бриліантовую діадему, написавъ: *à ma belle fille*.

10.

Въ царствованіе Императора Павла въ Петербургѣ была Иезуитская коллегія, начальникомъ ея (маршаломъ) былъ аббатъ Груберъ, котораго Павелъ любилъ, и онъ входилъ къ нему безъ доклада и во всякое время.

Разъ Государь съ Императрицей пошелъ гулять въ садъ; встрѣтился Груберъ, Павелъ разговорился съ нимъ: «Eh bien, vous avez beaucoup d'élèves?» спросилъ онъ его. «Oui, Sire, et beaucoup des premières familles». — «Est-ce que vous les menez à notre Eglise? Notre prêtre vient-il chez vous?» — «Comment donc, Sire, quelquefois nos frères étant occupés, ils vont à l'Eglise Catholique et plusieurs d'entre eux voyant les rites de notre religion voudraient même se faire catholiques». Павелъ отскочилъ отъ него, взмахнулъ тростью и сказалъ: «Si vous avez de pareilles intentions, savez vous qu'il n'y aura pas assez de place pour vous en Sibirie», затопалъ ногами: «вонъ его, вонъ его!»

11.

Князь С. М. Голицынъ, припоминая сегодня кончину Павла Петровича, рассказывалъ, что наканунѣ Государь ужиналъ въ половинѣ девятого. Въ этотъ день въ кабинетъ поставили три новыхъ зеркала. Государь ходилъ и шутилъ съ ужинавшими. «Какія нѣтъ зеркала повѣсили! Куда ни посмотрю, все у меня лицо кривое, все

на боку» — *C'est en attendant, Votre Majesté*, отвѣчалъ Юсуповъ ¹⁾. За ужиномъ Великій Князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: *Que Dieu vous bénisse, Monseigneur* ²⁾. Ужинъ, какъ обыкновенно, кончился въ половинѣ десятого. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату, и прощались съ Государемъ, который въ 10 часовъ бывалъ уже въ постели. Въ этотъ вечеръ онъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился, а сказалъ только: «Чему быть тому не миновать!» Вотъ какое предчувствіе имѣлъ императоръ Павелъ.

12.

Д. С. Совѣтникъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ (дѣдъ кн. С. М. Голицына) присутствовалъ при вскрытіи мощей св. Димитрія царевича и видѣлъ сжатую руку святого, державшую орѣхи, которыми младенецъ игралъ передъ смертью.

13.

Д. С. С. Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ находился при кончинѣ Петра Великаго. Петръ I собралъ весь синодъ и сказалъ ему, что онъ умираетъ, не будучи виновенъ въ смерти царевича Алексѣя Петровича и что послѣдній умеръ ударомъ, которымъ Богъ наказалъ его за его дѣйствія. Святѣйшій Синодъ спросилъ Государя: кого онъ назначаетъ въ наслѣдники престола? Петръ отвѣчалъ, что Богъ самъ назначить. Послѣ его смерти Меншиковъ и Екатерина со-

¹⁾ Т. е. Это на время.—Дворецъ еще не былъ совсемъ отдѣланъ.

²⁾ Т. е. Да благословятъ Васъ Богъ, Ваше Высочество.

чинили и обнародовали мнимое желаніе Государя назначить Императрицу наслѣдницею престола.

14.

Императрица Екатерина II нюхала только тотъ табакъ, который сѣяла сама въ Царскомъ Селѣ и никогда не носила съ собой табакерки, а онѣ лежали на всѣхъ столахъ и окошкахъ.

15.

Когда король Польскій Станиславъ Августъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то его встрѣчали у дачи княгини Литты; въ числѣ посланныхъ къ нему навстрѣчу былъ и кн. С. М. Голицынъ. Всѣ ѣхали въ восьмистекольныхъ каретахъ; передъ тѣмъ, какъ выѣхать за нимъ, Имп. Павелъ вѣлѣлъ проѣхать мимо дворца, чтобы видѣть поѣздъ. При встрѣчѣ, камергеръ NN, въ аннинской лентѣ, на колѣняхъ подалъ королю кофей; онъ былъ въ синемъ мундирѣ, съ бархатнымъ воротникомъ и въ андреевской лентѣ. Короля привезли во дворецъ. Имп. Павелъ сошелъ нѣсколько ступеней, и Императрица также; тутъ они обнялись, потомъ король обѣдалъ у нихъ. На выходахъ Императрица давала одну руку Императору, а другую Королю. Онъ жилъ слишкомъ четыре года въ Петербургѣ. Однажды въ Эрмитажѣ былъ театр. Король опоздалъ. Императ. Павелъ разсердился на него, и съ тѣхъ поръ начались неудовольствія. Во время совершенія обряда коронаціи, король, удрученный подагрою, съѣлъ. Императоръ Павелъ велѣлъ ему встать. Когда король умеръ, то его хоронили съ тѣми же почестями, какъ и Императрицу Екатерину: Павелъ самъ командовалъ войскомъ, чтобы отдать честь покой-

ному; схоронили его въ католической церкви, въ С. Петербургѣ, тамъ же, гдѣ впоследствии положенъ Морô.

16.

Послѣ Тильзитскаго мира посланникомъ отъ Французскаго двора былъ присланъ Савари. Во дворцѣ былъ маскарадъ. Императрица Марія Ѳед. играла въ карты, у ея стула сидѣлъ кн. С. М. Голицынъ; въ сосѣдней комнатѣ очень зашумѣли. Императрица послала кн. Гол. посмотреть что такое. Онъ вышелъ и видитъ, что около Савари собрался кружокъ. Князь возвратился и докладываетъ, что Савари разговариваетъ. На другой день Императрица призываетъ князя и говоритъ ему: *Pourquoi ne m'avez-vous dit la vérité hier à propos de Savary?* ³⁾ Онъ отвѣчаетъ, что онъ ничего особеннаго не знаетъ; Императрица ему говоритъ: *Il est entré dans la chambre; en me voyant jouer, il a demandé ce que c'était; on lui dit: l'Imperatrice joue aux cartes. Alors il a dit: «Ce n'est que la vieille», et il s'en alla* ⁴⁾. Императрица обидѣлась этимъ, позвала Императора Алекс. Павл. и сказала ему: *Voilà ce que Savary a dit; je veux que vous le renvoyez.* Императоръ сказалъ: *Maman, pardonnez lui; viendra bientôt le temps où nous nous vengerons* ⁵⁾.

17.

Гр. Разумовскій жилъ въ Батури-нѣ; разъ скакалъ курьеръ мимо, его дома съ извѣстіемъ о кончинѣ Румян-

³⁾ Отчего вы мнѣ не сказали правду о Савари?

⁴⁾ Онъ вошелъ въ комнату, и видя, что я играю, спросилъ, что это значитъ. Ему сказали: „Императрица играетъ въ карты“. Тогда онъ сказалъ: „Это старая!“ и ушелъ.

⁵⁾ Вотъ что сказалъ Савари; я хочу, чтобы вы его отослали.—Простите ему, матушка; наступить скоро время, когда мы отплатимъ за себя.

пева и заѣхалъ къ нему, спрашивая, не будетъ ли какихъ порученій къ Императору: «Скажи, что и я умеръ», сказалъ старикъ.

18.

Когда скончалась Екатерина, смерть ея не произвела на народъ никакого впечатлѣнія, и когда унимали извозчиковъ, игравшихъ передъ дворцомъ, они говорили: «Пора ей умереть, вишь сколько процарствовала!»

19.

Когда должны были везти изъ Москвы тѣло Государя Александра Павловича, то въ тотъ день утромъ была обѣдня; во время обѣдни, народъ требовалъ позволенія везти колесницу на себѣ (это было запрещено Государемъ Николаемъ). Тогда кн. Дм. Влад. Голицынъ и Петръ Александр. Толстой вышли къ народу и уговорили ихъ тѣмъ, что это позволять имъ отъ заставы до Петровскаго дворца; и дѣйствительно, за заставой по 800 человекъ впрягивались въ колесницу и везли на себѣ. Кучеръ Илія сидѣлъ на козлахъ; такая была тишина, что муха пролетѣла бы, было бы слышно.

Тѣло Государя Александра Павловича должно было быть поставлено въ Царскомъ Селѣ. Государь Николай Павловичъ отправился на встрѣчу въ деревню за Царское Село, гдѣ со свитой ожидалъ поѣзда и когда онъ сталъ видѣнъ, то онъ вдвоемъ съ Принцемъ Оранжскимъ пошелъ пѣшкомъ на встрѣчу. Это было въ Февралѣ. Передъ кортежомъ ѣхалъ Левашовъ верхомъ. Государь махнулъ рукой, кортежъ остановился; онъ подошелъ къ колесницѣ, упалъ на снѣгъ и горько плакалъ; хотѣли поднять его, но онъ не

соглашался. Потомъ Принцъ Оранжскій обнялъ гробъ и рыдалъ надъ нимъ; это продолжалось съ полчаса. Государь пошелъ пѣшкомъ за гробомъ, въ деревнѣ къ нимъ присоединилась свита, въ Царскомъ Селѣ онъ принялъ тѣло; послѣ обѣда всѣхъ выслали и открывали гробъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, но она увидѣла одну перчатку; просила, чтобъ ее сняли, но и этого не могли сдѣлать.

20.

Императрица Екатерина очень испугалась Французской революціи, призвала Петербургскаго оберъ-полицеймейстера Рылѣва и сказала ему, что во Франціи есть партія Якобинцевъ въ красныхъ колпакахъ, то чтобъ онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли въ Петербургѣ такихъ. Рылѣвъ вышелъ изъ дворца и ѣдетъ разъ по адмиралтейской площади, на которой въ третьемъ этажѣ жилъ отставной Французской генералъ; тотъ генералъ въ халатѣ и въ красномъ колпакѣ сидѣлъ у окна. Рылѣвъ остановился и прямо пошелъ къ нему, велѣлъ ему одѣться и ѣхать съ нимъ во дворецъ; старикъ испугался, но поѣхалъ. Рылѣвъ привелъ его къ Императрицѣ; она изумилась, спрашиваетъ, что такое; Рылѣвъ объяснилъ, что онъ сидѣлъ въ красномъ колпакѣ, и потому онъ его взял. Императрица, разбранивъ Рылѣва, удвоила получасную генераломъ пенсію: вмѣсто 2000 назначила 4000 и отпустила его.

21.

По средамъ и по пятницамъ Императрица Екатерина кушала постное и въ эти дни обѣдала въ маленькихъ апартаментахъ съ весьма немногими. Разъ пріѣхалъ въ Петербургъ братъ Императрицы Маріи Ѳедоровны. Ека-

терина пригласила его и кн. Николая Васильевича Репнина обѣдать. Идя въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ, въ дверяхъ Репнинъ хотѣлъ сперва пропустить Виртембергскаго Принца, а Принцъ (потому что былъ чиномъ ниже Репнина) не хотѣлъ пройти первый; но, видя, что Репнинъ не идетъ, а Императрица дожидается, прошелъ первый и сѣлъ возлѣ нея. За обѣдомъ она разговаривала съ Принцемъ, а съ Репнинымъ ни слова; князь Н. В. это замѣтилъ. Такъ кончился обѣдъ. Вечеромъ Императрица позвала Репнина и сказала ему: «Зачѣмъ Вы сперва пустили Принца; вы генералъ-аншефъ и старше его: Вы должны были пройти первый, это потому что онъ братъ Великой Княгини? Я этихъ подлостей не люблю.»

22.

При императрицѣ Екатеринѣ была шутовка Матрена Даниловна, чрезъ которую она узнавала все, что дѣлалось въ Петербургѣ. Эта шутовка все жаловалась на оберъ-полицеймейстера Рылѣва, который дѣйствительно былъ не далеко. Императрица позвала Рылѣва и сказала ему: «На тебя Матрена Данил. все жалуется; пошли ей на праздникъ куръ и гусей.» Чрезъ нѣсколько времени шутовка является и не нахвалится Рылѣвымъ. Императрица сказала: «Знаю, знаю, что онъ тебѣ прислалъ куръ и гусей.»

23.

Былъ при дворѣ балъ; кн. С. М. Голицынъ танцевалъ Польской, всѣ должны были проходить мимо Павла. Когда Польской кончился, Павелъ подозвалъ князя. «Знаешь ли ты, что этотъ старикъ сдѣлалъ?»—«Я не знаю, о комъ Вы изволите говорить, Ваше Ве-

личество», отвѣчалъ князь.—«Ну вонъ этотъ (старикъ), знаешь, что онъ сдѣлалъ?»—«Я танцевалъ и ничего не видалъ», отвѣчалъ князь.—«Онъ танцевалъ съ Великой Княжной и не снялъ шпаги; поди скажи ему, что онъ дуракъ и спроси его, на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ». Князь подошелъ къ старику и говоритъ ему: «*Mr le comte, je dois remplir une triste commission, mais l'Empereur est très courroucé contre vous.... Тотъ испугался: Qu'ai-je donc fait?—Vous avez dansé avec une des Grandes Duchesses sans oter l'épée et Il m'a chargé de vous demander par quel motif vous l'avez fait.* Старикъ отвѣчалъ: *Je ne sais que Lui répondre, mais j'ai entièrement oublié.* На другой день Павелъ спросилъ: *Avez vous rempli ma commission?—Oui, sire, mais seulement à moitié.—Pourquoi?—Quand je lui ai dit que Votre Majesté était mécontent de lui, il a tellement changé, que j'ai craint qu'il n'ait un coup.* Павелъ взялъ его за руку и сказалъ: «Ну спасибо, а все при случаѣ скажи ему, что онъ дуракъ»⁶⁾.

24.

Въ 1795 году, кн. С. М. Голицынъ былъ капитанъ гвардіи. Разъ онъ былъ дежурный и стоялъ вечеромъ въ дверяхъ брилліантовой комнаты, гдѣ императрица играла въ карты съ Александр. Сергѣев. Страгоновымъ, Ник. Петров. Архаровымъ и графомъ Стакельбергомъ. Играли по имперіалу.

⁶⁾ Графъ, я долженъ выполнить печальное порученіе; но государь очень на васъ прогнѣванъ. Что-жь такое я сдѣлалъ?—Вы танцовали съ Великою Княжною не снявши шпагу, и онъ приказалъ мнѣ спросить, за чѣмъ вы такъ поступили. — Я не знаю что ему отвѣчать, но я совѣмъ забылъ. — Исполнили вы мое порученіе?—Да, государь, но только вполнѣ. Почему?—Когда я сказалъ, что Ваше Величество недовольны имъ, онъ измѣнился въ лицѣ и я боялся, что съ нимъ сдѣлается ударъ.

Строгоновъ проигрывался, сердился, наконецъ бросилъ карты, и сталъ ходить по комнатѣ. «Съ вами играть невозможно, вамъ легко проигрывать, а мнѣ каково!» говорилъ онъ Н. П. Архаровъ испугался и всплеснулъ руками. Императрица сказала ему: «Не пугайтесь, Николай Петровичъ, 50 лѣтъ таже исторія!» Графъ Строгоновъ, походивши немного, опять сѣлъ. Немного погодя, императрица спросила его: *Qui est ce jeune capitaine de la garde à la porte?—C'est le prince Galitzin, le fils d'un tel.—Ah oui, j'aurai dû le reconnoître par sa ressemblance avec son père; велѣла подать князю кресло и посадила его, а проходя мимо сказала ему: У a-t-il longtems que vous avez des nouvelles de votre père? Quand vous lui écrivez, rappelez moi à son bon souvenir* ⁷⁾. Всю эту ночь князь пробѣгалъ то къ Зубову, который жилъ на одномъ концѣ дворца, то къ Павлу, который жилъ на другомъ, давая извѣстія о повышеніи Невы; послѣ этой ночи, онъ просился быть переведеннымъ въ камеръ-юнкеры, что и было сдѣлано.

25.

Императоръ Николай не любилъ Louis Philippe и въ 1848 году радовался Французской революціи, онъ говорилъ: *Je préfère une république à un gouvernement constitutionnel* ⁸⁾. Въ это время онъ очень полюбилъ Ламартина.

26.

Петръ III не позволялъ Императрицѣ Екатеринѣ нюхать табакъ и

⁷⁾ Кто это у дверей молодой гвардейскій капитанъ?— Это князь Голицынъ, сынъ твоего то. — Ахъ м. Я должна была его узнать: онъ такъ похожъ на отца своего! — Давно ли имѣете вы извѣстія отъ батюшки? Когда будете ему писать, скажите, что и ему посылаю мой привѣтъ.

⁸⁾ Я предпочитаю республику ограниченному правленію.

носить табакерки, потому она просила кн. Голицына (отца кн. Сергія Мих.) садиться за обѣдомъ возлѣ нея и угощать ее табаконъ тихонько подъ столомъ. Разъ Петръ III замѣтилъ это и ужасно разсердился на Голицына, позвалъ его послѣ обѣда къ себѣ и разбранилъ.

27.

Послѣ обѣда, описаннаго въ Запискахъ княгиней Дашковой, гдѣ Петръ III обидѣлъ Императрицу, Екатерина ушла къ себѣ и очень плакала. Петръ послалъ къ ней кн. Голицына (отца кн. Сергія Мих.) утѣшать ее и просить прощенія. Кн. Голицынъ пошелъ къ ней и долго утѣшалъ ее: она все плакала и не рѣшалась простить мужа, говоря: *Aujourd'hui je le pardonnerai, et demain il recommencera ses avanies* ⁹⁾. Наконецъ Петръ прислалъ къ ней за Голицынымъ; тутъ она велѣла ему сказать, что простить его. Петръ пришелъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ у нея руку.

28.

По смерти Императрицы Екатерины II, кабинетъ ея былъ запечатанъ нѣсколько дней; императоръ Павелъ Петровичъ позвалъ вел. кн. Александра Павловича, князя Александра Борисова. Куракина и (кажется) Ростопчина и велѣлъ имъ открыть кабинетъ и разобрать бумаги. Александръ Павловичъ съ Куракинымъ и Ростопчинымъ втроемъ отправились въ кабинетъ; тамъ нашли они между прочимъ дѣло о Петрѣ III, перевязанное черною ленточкою и завѣщаніе Екатерины, въ которомъ она говорила о совершенномъ отстраненіи отъ пре-

⁹⁾ Нынче я прощу его, а завтра онъ возобновитъ свои оскорбленія.

стола Вел. Кн. Павла Петровича, вступленіи на престолъ Вел. Кн. Александра Павловича, а до его совершеннолѣтія назначала регентшею Вел. Княгиню Марію Ѳедоровну. Александръ Павловичъ по прочтеніи сего завѣщанія обратился къ Куракину и Ростовичину и взялъ съ нихъ клятву, что они объ этомъ завѣщаніи умолчатъ; послѣ этого онъ бросилъ завѣщаніе въ топившуюся печку. По возвращеніи къ Павлу Петровичу, онъ спросилъ ихъ что они нашли; они сказали ему. Потомъ онъ спросилъ: «Нѣтъ ли чего обо мнѣ?» — «Ничего нѣтъ», отвѣчалъ Александръ Павловичъ. Тогда Павелъ перекрестился и сказалъ: «Ну, слава Богу!»

29.

Императоръ Александръ Павловичъ уѣзжалъ въ Таганрогъ, съ намѣреніемъ прислать оттуда свое отреченіе.

30.

Виртембергскій король прислалъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ костыль, осыпанный брилліантами; императрица никогда не употребляла этотъ костыль, но его всегда возили изъ Петербурга въ Гатчину. Камеръ-юнкеры Императрицы по вечерамъ въ Гатчинѣ гуляли съ гусарами; они разъ взяли этотъ костыль съ собою, неизвѣстно какъ потеряли этотъ костыль и свалили на кучеровъ, что будто они украли при перевозкѣ. Императрица позвала своего шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова и говоритъ ему, что у него вотъ какіе кучера воры. Мухановъ разсердился и отвѣчалъ Императрицѣ: Я за своихъ кучеровъ отвѣчаю, а костыль потеряли ваши дѣвицы, я это разыщу». И дѣйствительно нѣсколько времени спустя, нашли въ кабакѣ обломанную ручку костыля безъ каменьевъ.

31.

Въ первый годъ восшествія Императора Павла на престолъ, 6-го Января былъ крестный ходъ на Іорданъ на Неву; въ этотъ день было 17 градусовъ мороза съ вѣтромъ; всѣ шли въ однихъ мундирахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ; многіе этого не вынесли: князь Адамъ Чарторижскій упалъ во время церемоніи, многіе переболѣли. Въ тотъ же день вечеромъ былъ куртагъ, и Павелъ сказалъ: «Я слышалъ, что сегодня многіе не вынесли мороза, а мнѣ было жарко».

32.

Въ день коронаціи Павла вечеромъ онъ заставилъ всѣхъ стариковъ танцовать менуеть въ Грановитой Палатѣ.

33.

По смерти Екатерины, Павелъ хотѣлъ вырыть Петра III и послалъ спросить объ этомъ Митрополита Гавріила, который ему сказалъ, что этого не слѣдуетъ на основаніи словъ: чти отца и мать твою. Не смотря на то, Павелъ приказалъ вырыть, но никто не зналъ гдѣ именно схороненъ Петръ; одинъ старожилъ-монахъ Невской Лавры указалъ на одну могилу: должно быть тутъ. Покойника отрыли и понесли въ дворецъ, и всѣ должны были прикладываться къ почти истлѣвшимъ костямъ.

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ М. Ю. ВІЕЛЬГОРСКОМУ *).

1844. 4. февр. н. с. Дюссельдорфъ.

Мой милый Михаилъ, ты, Вяземскій, Карамзины и всѣ мои друзья Петербургскіе конечно думаете, что

*) Печатается съ подлинника, хранящагося у графа В. А. Сологуба.

я умеръ; анъ нѣтъ, вы ошибаетесь: живъ курилка! Можетъ быть, вы думаете, что я васъ забылъ или какъ нибудь менѣе вашъ, какъ то было въ старину, анъ нѣтъ опять ошибаетесь: не забылъ и вашъ, вашъ, по старому и въ мирной моей семейной жизни память о васъ и о вашей дружбѣ тепла въ моемъ сердцѣ, можетъ быть еще и теплѣе прежняго, ибо въ этомъ сердцѣ отъ жизни прошлой осталось только ея лучшее, отборное; а все пустое, не стоящее ни любви, ни воспоминанія, изъ него вывалилось. Правда, другое заступило мѣсто этого пустаго валежнику, и это другое носить святое имя жены, дочери и всего, что составляетъ ихъ необходимый кортежъ; но это *новое*, наполняя сердце, не стѣсняетъ его, напротивъ даетъ въ немъ гостепріимный просторъ всему лучшему, милому прежнему: вотъ почему ты и твои, Вяземскій и его, мои безцѣнные Карамзины, съ воспоминаніемъ или лучше сказать съ религіею воспоминанія о *немъ*, чистомъ сердцемъ, видящемъ теперь Бога—вы, мои друзья, мое прежнее доброе, живы у меня въ сердцѣ, и вамъ тамъ просторнѣе прежняго. Мнѣ весело, сладко вспоминать о васъ, глядя на добрую жену мою, нося на рукахъ дочку свою или собесѣдуя съ моимъ удивительнымъ Гомеромъ. А писать къ вамъ я еще не научился. Да и вы сами этой науки не знаете. Ты, мой любезнѣйшій сіятельный тюфякъ, не увѣдомилъ меня даже о пребываніи твоихъ въ Ниццѣ; а я узналъ объ этомъ отъ Гоголя, который тамъ съ ними дѣлитъ солнце, обращающееся здѣсь ежедневно въ туманъ при своемъ восхожденіи. Вяземскій не пишетъ не только ко мнѣ, но даже и къ Тургеневу, къ которому не писать нельзя, ибо онъ стрѣляетъ въ

него пудовыми эпистолярными ядрами. Отъ Карамзиныхъ нѣтъ ни строки давно, давно... но передъ ними я болѣе виноватъ нежели предъ вами, ибо ихъ прелестныя, одинъ разъ порадовавшія меня письма оставлены мною безъ отвѣта. Но все это ничего не значитъ относительно, такъ сказать, нашей взаимной любви; а жаль только того, что самъ себя голодать заставляешь. Скажи имъ обо мнѣ; а самъ принудь себя, понатужься и порадуй дружескимъ письмомъ, не письмецомъ, а письмомъ и скажи, что со-всѣми вами дѣлается. Толкни и Вяземскаго, чтобы онъ великодушно написалъ ко мнѣ не въ отвѣтъ на мое письмо, а на отвѣтъ отъ меня. И Карамзинымъ бы не худо полакомить мою душу: я разумѣю Е. А. и С. Н.; но этого не будетъ. Уже не толкнись ли тебѣ къ Н. Я. Плюсковой? И передъ нею на душѣ моей грѣхъ. Но попробуй, авось она окажется великодушною. А я помню объ ней неизмѣнно.

О своихъ похожденіяхъ писать мнѣ тебѣ нечего. Всѣ дни мои, слава Богу, похожи одинъ на другой—идутъ свѣтло и тихо. Туманить ихъ иногда болѣзнь жены, которая все еще не миновалась: боль въ боку, наслѣдство родовъ. Я возилъ ее въ Эмсъ; онъ отчасти сдѣлалъ добро, но вѣроятно надобно будетъ еще разъ къ нему прибѣгнуть; эта необходимость побуждаетъ меня переселиться во Франкфуртъ, гдѣ отдамъ жену на руки доктору Коппу. Въ Апрѣлѣ моя резиденція будетъ во Франкфуртѣ. Впрочемъ Коппъ успокоиваетъ меня на счетъ болѣзни жены. И дѣйствительно, противъ прежняго года ей гораздо лучше. За то дочка моя цвѣтетъ и будетъ прелестъ: вся въ меня по словамъ жены. И младшая сестра ея

Одиссея не ударить лицомъ въ грязь: надѣюсь обѣими похвастать по приѣздѣ моемъ къ вамъ.

Родионовъ отдастъ тебѣ экземпляры Наля и Дамаянты, слѣдующіе къ поднесенію Царской Фамиліи. Возьми на себя этотъ трудъ. Экземпляры Императрицѣ и Александрѣ Николаевнѣ отдашь при письмахъ, которыя здѣсь прилагаю. Остальные: Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Константину, Михаилу и Николаю Николаевичамъ. Такъ же В. К. Михаилу Павловичу, Еленѣ Павл. и тремъ ихъ Великимъ Княжнамъ. Надобно ли Императору? Сдѣлай это самъ. Очень обяжешь, если возьмешь на себя эти хлопоты.

Еще просьба: здѣсь есть артистъ-скульпторъ съ великимъ талантомъ и съ великою пустотою кармана; имя ему Нордгеймъ. Ему бы хотѣлось побывать въ Италіи и поклониться антикамъ въ Ватиканѣ и Капитоліи, и во Флоренціи, и въ Неаполѣ. А ѣхать туда не съ чѣмъ. Онъ вздумалъ сдѣлать мой бюстикъ по приложенному

рисунку, въ круглой рамѣ, такъ что можетъ быть повѣшенъ на всякой стѣнѣ: словомъ, онъ-хочетъ сдѣлать изъ меня висѣльника и за это нажить денегъ. Нельзя ли тебѣ кликнуть въ Петербургѣ кличъ между своими и моими знакомыми, собрать подписку и, что важнѣе, деньги и прислать мнѣ эти деньги. Цѣна бюсту три рубля серебромъ, или простѣе 10-ть ассигнаціями. Можешь вѣрно набрать подписчиковъ 50; а Великимъ Князьямъ и Княжнамъ шепни, чтобъ дали по 50 руб. асс. Императрица дастъ и болѣе. Увѣдомь, возьмешься-ли это сдѣлать? Тогда стѣитъ только собрать деньги и ихъ мнѣ прислать, назначивъ сколько экземпляровъ бюстиковъ въ свое время доставить тебѣ. Доставка—мое дѣло.

Отвѣчай немедленно и увѣдомь о своихъ Ниццкихъ.

Императрицѣ поднеси экземпляръ безъ письма. Возми у Фишера экземпляры для себя, Вяземскаго, Екатерины Андреевны и Натальи Яковлевны и раздай отъ меня.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ на островѣ Свѣтыя Елены. *)

MISSION DE S-te HÉLÈNE.

1818 годъ.

I.

S-te Hélène ce 8 Janvier 1818 n. st. Par le Phaéton frégate. Capt. Steanfield.

Au commencement d'Octobre dernier, le gouverneur, ainsi que je l'ai mandé dans mon rapport sub N° 21, étendit les limites de Longwood et don-

na aux Français plus de liberté. Depuis, il s'est relâché sur divers autres points. Il a consenti à ce que Bonaparte sortit de son enceinte sans être accompagné d'un officier Anglais; mais sous condition expresse qu'il le préviendrait la veille de l'endroit où il voudrait aller. Il lui a offert aussi d'ajouter à son

*) См. Русскій Архивъ 1868.

habitation la campagne de Miss Masson, qui n'en est distante que d'une mille et où il y a de l'ombre. Enfin tout allait le mieux du monde, lorsque Bertrand représenta, que, du temps de l'amiral Cockburn, les invitations et autres billets de l'Empereur aux voyageurs, militaires, habitants de l'île, étaient remis à leur adresse cachetés, que personne n'en prenait connaissance, et demanda que cela fut rétabli également. Ceci brouilla les affaires de Longwood, car le gouverneur rejeta bien loin cette proposition et, comme on répondit vertement à son refus, il perdit patience et menaça Bertrand de le chasser. Alors Bonaparte, outré de colère et de dépit, déclara positivement qu'il ne bougerait pas de sa chambre et écrivit au dos de la dernière lettre de sir Hudson Lowe une apostille que j'ai transcrite ci-après et qui mit fin à ces débats.

« Cette lettre, celles du 26 Juillet et du 26 Octobre derniers sont pleines de mensonges. Je me suis renfermé dans mon appartement depuis dix huit mois pour me mettre à l'abri des outrages de cet officier. Aujourd'hui ma santé est affaiblie, elle ne me permet plus de lire de si dégoûtants écrits. Ne m'en remettez plus. — Soit que cet officier se croie autorisé par des instructions secrètes et verbales de son ministre, comme il l'a fait entendre, soit qu'il agisse de son propre mouvement, ce que l'on pourrait arguer du soin qu'il prend à se déguiser, je ne puis le traiter que comme mon assassin; si l'on eut envoyé dans ce pays un homme d'honneur, j'aurais éprouvé quelques tourmens de moins sans doute, mais on se fut épargné bien des reproches de l'Europe et de l'histoire que le fatras d'écrits de cet homme astucieux ne saurait tromper. 23 Novembre 1817. »

V. E. trouvera ci-joint la copie de deux lettres détachées ayant relation à la même affaire. Je n'ai pas pu encore avoir les autres, non plus que celles du gouverneur.

I.

Св. Елена, 8 Января 1818 г. ст., съ фрегатомъ Фастонъ, капитанъ Стефанъль.

Въ началѣ прошлаго Ноября губернаторъ, какъ уже сказано въ моемъ донесеніи подъ № 21, расширилъ границы Лонгвуда и далъ Французамъ болѣе свободы. Съ тѣхъ поръ, онъ смягчился относительно разныхъ другихъ пунктовъ. Онъ согласился на то, чтобы Бонапартъ выходилъ изъ своей ограды, не будучи сопровождаемъ Англійскимъ офицеромъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы ему давали знать накануне, въ какое мѣсто онъ намѣренъ отправиться. Онъ предложилъ ему также присоединить къ его жилищу дачу Миссъ Массонъ, отстоящую отъ него лишь на милю, и при которой есть тѣнь. Словомъ, все шло какъ нельзя лучше, какъ вдругъ Бертранъ представилъ, что, во время адмирала Кокбуерна, приглашенія и инья записки императора къ путешественникамъ, къ военнымъ, къ жителямъ острова отдавались по адресу запечатаннымъ, что никто ихъ не просматривалъ, и потребовалъ, что-бы и этотъ порядокъ былъ восстановленъ. Это запутало Лонгвудскія дѣла, ибо губернаторъ безусловно отвергъ это предложеніе, и такъ какъ на этотъ отказъ былъ полученъ рѣзкій отвѣтъ, то онъ потерялъ терпѣніе и погрозилъ Бертрану, что онъ его прогонитъ. Тогда Бонапартъ, раздосадованный и разгнѣванный, объявилъ положительно, что онъ не выйдетъ изъ своей комнаты, и написалъ на оборотѣ послѣдняго письма сэра Гудсона Лоу приписку, которую я тутъ переписываю и которая положила конецъ этимъ препираниямъ.

„Это письмо, и письма отъ 26 Іюля и 26 Октября прошлаго года исполнены

лжи. Я, вотъ уже осемнадцать мѣсяцовъ, заперся въ моихъ комнатахъ, что-бы оградить себя отъ оскорбленій этого офицера. Теперь мое здоровье ослабѣло; оно не позволяетъ мнѣ болѣе читать такіа отвратительныя писанія. Болѣе мнѣ ихъ не вручайте. Считаеть-ли себя этотъ офицеръ уполномоченнымъ секретными, изустными инструкціями своего министра, какъ онъ давалъ это понять, или онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію, что можно было бы заключить изъ тщательнаго его притворства, - во всякомъ случаѣ не могу обращаться съ нимъ иначе, какъ съ моимъ убійцею. Если-бы послали сюда честнаго человѣка, я конечно испыталъ-бы нѣсколько менѣе мученій, но за то избѣгли-бы многихъ упрековъ отъ Европы и отъ исторіи, которую не обманетъ весь ворохъ нелѣпныхъ писаній этого лукаваго человѣка. 23 Ноября 1817^а.

В-е С-во найдете при семъ копія съ двухъ отдѣльныхъ писемъ, относящихся къ тому-же дѣлу. Я не могъ еще получить остальныхъ, а также писемъ губернатора.

II.

S-te Hélène ce 15 Janvier 1818 n. st. Par le Levret brig, capt. Theed.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E un bulletin etc. M-r Farquhar, gouverneur de l'Île de France, se rendant en congé à Londres est arrivé à S-te Hélène le 3 de ce mois et en est reparti le 8. Il y sollicita avec instance une entrevue à Longwood et fit à l'exemple de tous ses compatriotes la visite d'usage au C-te Bertrand; mais celui-ci, ne voulant pas même l'annoncer à Bonaparte, lui répondit sèchement, que l'Empereur était malade, ennuyé, dégoûté et ne voyait personne. Ce procédé humilia M-r Farquhar et déplut fort à sir Hudson Lowe. Il en est encore tout en colère.

Depuis environ quatre mois, Bonaparte a changé deux fois de train de vie. En Octobre et Novembre il dînait à 9 $\frac{1}{2}$ heures et se couchait à 10. Maintenant, il dîne à 3 heures et ne fait qu'un repas pas jour. Le Dimanche il invite ses Français à dîner. Les autres jours il dîne seul et comme il n'a plus de soirées, M-mes Bertrand et Montholon ne le voient presque pas. La nuit, Marchand, son valet de chambre, lui fait la lecture, et il la passe moitié au lit, moitié dans un bain chaud. Le jour, quand il n'est pas assoupi, il écrit, joue aux échecs, essaie de tout, ne s'arrete à rien, baille et s'ennuie.

Dans mes notes sur la lettre de Montholon du 23 Aout 1816, j'ai dit que Bonaparte lisait tous les journaux, qu'on lui en envoyait autant qu'il en arrivait d'Europe. Je tenais cette information des autorités Anglaises. Mais j'ai su après, qu'on ne lui donnait ni les journaux de France ni ceux de l'opposition en Angleterre, hors quelques numéros détachés du Morning Chronicle. Ceci ne fait que l'irriter davantage.

On a dit en Europe que Lord Amherst avait remis au Prince Régent une lettre de Bonaparte; cela est faux. Il n'y a eu de lettre envoyée de Longwood que celle à Lord Liverpool, dont il est fait mention dans mon rapport sub № 22. L'Empereur, me dit Bertrand à ce sujet, a l'âme fière, élevée. Il est entier en ses opinions et, ayant à se plaindre du P-ce Régent, il ne s'abaissera pas à lui écrire. C'est à l'Empereur Alexandre, si l'occasion s'en présentait, qu'il ferait un tableau de nos malheurs, car il aime ce Prince. Il a grande confiance en son secours et lui reconnaît de belles qualités. Bertrand voulait m'insinuer qu'on me chargerait volontiers d'une lettre pour notre Auguste Maître. Mais je feignis de ne par deviner sa pensée

et gardai un sérieux qui le dérouta. Ce qui est vrai, c'est que Bonaparte eut un long entretien avec Lord Amherst sur les affaires de Longwood. Il lui dépeignit le caractère du gouverneur, lui fit lire sa correspondance et les restrictions du 9 Octobre 1816.

Si vous étiez à ma place, lui demanda-t-il, sortiriez vous, verriez vous du monde? que feriez vous? Parlez franchement, en homme d'honneur? Le C-te Montholon m'a assuré que le noble Lord répondit: «Je ferais comme vous».

Lorsqu'on raconta à Bonaparte l'affaire du colonel Latapie, il n'en voulut rien croire et dit: C'est un fait qu'on a controuvé pour autoriser les vexations de sir Hudson Lowe.

II.

Св. Елена 15 Янв. 1818 н. ст. съ бригамоъ Леве-
режь, кап. Тидъ.

Честъ имѣю препроводить при семъ бюллетень и т. д. Г. Фаркюгаръ, губернаторъ Иль-де-Франса, отправляясь въ отпускъ въ Лондонъ, прибылъ на Св. Елену 3-го сего мѣсяца и выѣхалъ отсюда 8-го. Онъ настоятельно ходатайствовалъ о допущеніи въ Лонгвудъ, и по примѣру своихъ соотечественниковъ, сдѣлалъ обычный визитъ графу Бертрану; но этотъ послѣдній, не согласившись даже доложить о немъ Бонапарту, сухо отвѣтилъ ему, что Императоръ боленъ, раздраженъ, утомленъ и никого не принимаетъ. Этотъ способъ дѣйствія оскорбилъ г-на Фаркюгара и очень не понравился сэру Гудсону Лоу. Гнѣвъ его по этому поводу до сихъ поръ не прошелъ.

Въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцовъ, Бонапартъ два раза пзмѣнялъ образъ жизни. Въ Октябрѣ и Ноябрь онъ обѣдалъ въ $9\frac{1}{2}$ часовъ и ложился въ 10. Теперь, онъ обѣдаетъ въ 3 часа и ѣстъ только разъ въ день. Въ воскресенье онъ приглашаетъ къ обѣду своихъ Французовъ. Въ прочіе дни, онъ

обѣдаетъ одинъ, и такъ какъ онъ болѣе не даетъ вечеровъ, то г-жи Бертранъ и Монтолонъ почти его не видятъ. Ночью, Маршанъ, его камердинеръ, читаетъ ему въ слухъ, и онъ проводитъ ночь на половинну въ постели, на половинну въ теплой ваннѣ. Днемъ, когда онъ не дремлетъ, онъ пишетъ, играетъ въ шахматы, принимается за все, ни на чемъ не останавливается, зѣваетъ и скучаетъ.

Въ моихъ замѣткахъ на письмо Монтолона отъ 23-го Августа 1816-го года, я сказалъ, что Бонапартъ читаетъ всѣ журналы, что ему посылаютъ ихъ столько, сколько ихъ приходитъ изъ Европы. Эти свѣдѣнія были получены мною отъ Англійскихъ властей. Но впоследствии я узналъ, что ему не даютъ ни Французскихъ журналовъ, ни оппозиціонныхъ Англійскихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ номеровъ Morning Chronicle. Это лишь еще болѣе раздражаетъ его.

Въ Европѣ говорили, что лордъ Амгерстъ вручилъ Принцу-Регенту письмо отъ Бонапарта; это несправедливо. Изъ Лонгвуда только и было отправлено письмо къ лорду Ливерпулю, о которомъ упоминается въ моемъ донесеніи подъ № 22. „У императора, говорилъ мнѣ Бертранъ по этому поводу, душа гордая, возвышенная. Онъ дѣленъ въ своихъ убѣжденіяхъ и, имѣя поводъ быть недовольнымъ Принцемъ-Регентомъ, онъ не унижится до того, что-бы писать къ нему. Если-бы представился на то случай, то онъ начертилъ-бы картину нашихъ бѣдствій Императору Александру, пбо этого Государя онъ любитъ. Онъ сильно довѣряетъ его заступничеству и признаетъ его высокія качества.“ Бертанъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что мнѣ охотно поручили-бы письмо къ нашему Августѣйшему Повелителю. Но я притворился, что не угадываю его мысли и сохранилъ сдержанность, которая сбива его съ толку. Правда то, что Бонапартъ имѣлъ длинный разговоръ съ лордомъ Амгерстомъ о Лонгвудскихъ

дѣлахъ. Онъ описалъ ему характеръ губернатора, далъ ему прочесть его переписку и стѣснительныя правила 9 Октября 1816 года.

Если-бы вы были на моемъ мѣстѣ, спросилъ онъ его, стали-бы вы выѣзжать, принимать гостей? Говорите откровенно, какъ честный человекъ? Графъ Монтлонъ увѣрялъ меня, что благородный лордъ отвѣчалъ: „Я поступалъ - бы, какъ вы.“

Когда рассказали Бонапарту дѣло полковника Латапи, онъ не хотѣлъ вѣрить, и сказалъ: *„Это фактъ, который судимали для того, что-бы оправдать притѣсненія сэра Гудсона Лоу.“*

III.

S-te Hélène ce 25 Janvier 1818 n. st. Par le Levret brig, capt. Thead.

Я'ai reçu ce matin un bulletin de Longwood etc. Etant malade depuis environ quinze jours, je n'ai vu personne, ni rien appris de nouveau. On m'a dit seulement que Gourgaud, ne pouvant s'accorder avec Montholon, a demandé à Bonaparte la permission de retourner en Europe et que celui-ci a répondu:

Ce n'est pas la peine, mon ami. Patientez un peu. Encore douze mois, et vous m'enterrez.

III.

Св. Елена, 25 Янв. 1818 н. ст. съ бригамъ Леверетъ, кап. Тидъ.

Я получилъ нынѣе утромъ бюллетень изъ Лонгвуда, и т. д. Будучи боленъ вотъ уже около двухъ недѣль, я никого не видѣлъ и ничего новаго не узналъ. Мнѣ сказали только, что Гурго, не сумѣвши сладить съ Монтлономъ, попросилъ у Бонапарта позволенія вернуться въ Европу, и что этотъ послѣдній отвѣчалъ:

Не стоитъ, другъ мой. Потерпите немного. Еще двѣнадцать мѣсяцовъ, и вы меня схороните.

IV.

S-te Hélène ce 18 Fevrier 1818 n. st. Par le William Pitt de la C. des Indes. Capt. Grame.

Я'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. deux bulletins etc. Le général Gourgaud, qui depuis longtemps est en querelle avec le C-te Montholon, fit ces jours derniers la sottise de l'appeler en duel. Bonaparte défendit à celui-ci de se battre et voulut faire arrêter l'autre. Il y eut bien du vacarme à ce sujet. Enfin Gourgaud, désespérant de donner à Montholon un coup d'épée, quitta brusquement Longwood le 13 de ce mois. Le gouverneur l'a établi dans une petite maison de campagne près de Plantation-House. Il y déclame contre son ancien maître d'une manière indécente. On ne parle pas encore de son retour en Europe. Bonaparte ne regrette pas cette perte. Gourgaud est un peu mauvaise tête; c'est un vrai soldat qui ne se retient sur rien. Ne connaissant pas encore tous les détails de son affaire avec Montholon, je me réserve d'en écrire longuement à la prochaine occasion. V. E. trouvera sous ce pli la copie de plusieurs lettres qu'il vient de me communiquer.

Les merées des Bonapartistes à Fernambouc donnent de vives alarmes à sir Hudson Lowe. Il travaille sans relâche aux fortifications de S-te Hélène, place de nouveaux télégraphes et batteries en divers endroits et a doublé les postes à Longwood. Je le vois toujours à cheval, entouré d'ingénieurs et courant à bride abattue de tous côtés. On ne saurait le blâmer de son extrême vigilance, mais il la pousse aussi trop loin et tombe dans le ridicule, car il n'y a aucun danger réel. Que ferait-il de plus s'il était en présence de l'ennemi? Un objet essentiel et dont il ne s'occupe guère, c'est l'ap-

provisionnement des troupes. Depuis environ un mois le soldat est à demie-ration de pain, et les chevaux n'ont plus de fourrage. Nous manquons de tout sur ce rocher, nous y sommes comme au bivouac, vivant au jour le jour, et il ne s'en inquiète point, car il n'a qu'une idée en tête: la garde de Bonaparte.

IV.

Св. Елена, 18 Февр. 1818 г. ст., съ Биллиамъ Питтономъ Остънда. комп., кап. Гремъ.

Честь имѣю пропроводить два бюллетеня и т. д. Генералъ Гургô, который давно въ ссорѣ съ гр. Монтолономъ, на дняхъ сдѣлалъ глупость вызвать его на дуэль. Бонапартъ запретилъ графу драться и хотѣлъ, что-бы другаго арестовали. Много было шума изъ-за этого дѣла. Наконецъ Гургô, видя, что ему не удастся прозвизать своею шпагою Монтолона, вдругъ оставилъ Лонгвудъ 13 го этого мѣсяца. Губернаторъ помѣстилъ его на маленькой дачѣ близъ Плантешенъ-Гоуза. Тутъ онъ самымъ неприличнымъ образомъ ораторствуетъ противъ своего прежняго господина. Еще не говоря о его возвращеніи въ Европу. Бонапартъ не жалѣетъ объ этой уtratѣ. Гургô нѣсколько сорви-голова, это настоящій солдатъ, ни въ чемъ себя не сдерживающій. Не зная еще всѣхъ подробностей его дѣла съ Монтолономъ, предоставляю себѣ написать о немъ подробнѣе при ближайшемъ случаѣ. В-с-во найдете въ этомъ конвертѣ копии съ нѣсколькихъ писемъ, которыя онъ только что мнѣ сообщилъ.

Происки бонапартистовъ въ Фернамбукѣ сильно озабочиваютъ сэра Гудсона Лоу. Онъ безъ устали трудится надъ укрѣпленіями Св. Елены, ставитъ въ разныя мѣста новые телеграфы и батареи, и удвоилъ караулы въ Лонгвудѣ. Я постоянно вижу его верхомъ, окруженнаго инженерами и мчащагося галопомъ то туда, то сюда. Нельзя порицать его крайней бдительности, но онъ

такъ заходитъ въ ней слишкомъ далеко и впадаетъ въ смѣшное, ибо никакой истинной опасности нѣтъ. Что могъ-бы онъ сдѣлать большаго, если бы онъ былъ передъ лицомъ непріятеля? Вещь весьма существенная и которою онъ вовсе не занимается, это подготовка провіанта для войскъ. Вотъ уже около мѣсяца, какъ солдаты сидятъ на полу-порціи хлѣба, и какъ у лошадей нѣтъ корма. Мы на этой скалѣ во всемъ терпимъ недостатокъ, мы на ней какъ на бивакѣ, живемъ со дня на день, а онъ объ этомъ не заботится, ибо у него въ головѣ лишь одна мысль—устеречь Бонапарта.

V.

S-le Hélène ce 27 Fevrier 1818 n. st. Par le Camden de la C. des Indes. Capt. Larkins.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. un bulletin etc. Le docteur O'Meara et M-me Bertrand m'ont donné sur l'affaire du général Gourgaud les détails suivants. Il y a longtemps que Bonaparte le voit de mauvais oeil et l'a éloigné d'auprès de lui. L'humeur inquiète et chagrine de cet officier l'en ont dégouté. Il l'a même pris en aversion et trouve du plaisir à le vexer, à le bien mortifier et à le pousser à tout. Gourgaud, désolé de sa disgrâce, ne cessait de s'en plaindre à Bonaparte.

«Je vous ai servi, lui dit-il un jour, avec zèle et fidélité. Je vous ai sacrifié ma liberté, mon existence entière, et vous m'abandonnez.»

«Bah! répondit l'autre, où sont vos pertes, vos malheurs? Votre sort est heureux. J'ai perdu mon Empire, ma gloire. Voilà des revers, et je ne dis mot. Mais vous êtes mou, faible. Vous me faites pitié.»

Gourgaud eut beau pleurer et se lamenter: il ne rentra plus en faveur et tomba dans le désespoir. Il s'en prit

д'abord à Bertrand de ce qui lui arrivait, puis à Las Cases, enfin à Montholon et les appela l'un après l'autre en duel. Jaloux de Bonaparte comme de sa maîtresse, il s'attaquait à tous ceux qui en étaient bien vus et mieux traités que lui. Il accusa jusqu'aux valets de cabaler, d'intriguer contre lui, de conspirer sa perte. Nul Français à Longwood n'échappa à son humeur noire et mélancolique. On a cru un moment que sa tête s'embarassait, qu'il devenait fou. On avait peur de lui, aussi n'est-il pas regretté du tout.

Avant de s'en séparer, Bonaparte lui offrit 500 liv. sterg. d'argent de voyage, 12,000 francs de pension et lui dit:

«Si le sort me ramène en France ou quelque part en Europe, venez m'y trouver. Je vous accueillerai.»

—«Oui, s'écria Gourgand, j'irai à la rencontre de V. M., mais avec un fusil à deux coups.» C'est une incartade bien extravagante.

Le gouverneur fait un pompeux éloge de Gourgand. Il l'élève jusqu'aux nues. «C'est un homme, dit-il, de grand jugement, incapable d'intrigues, de bassesse et qui jamais n'a violé les réglemens.» Que n'ajoute-t'il: «un homme qui, étant brouillé avec Bonaparte et en querelle avec ses compatriotes, paraît approuver ma conduite illibérale envers eux, me donner raison sur tout, être ma créature?» Voilà au fond ce qui lui fait aimer, estimer, prôner ce général.

V.

Съ Елена, 27 Февр. 1818 г. ст., съ Каменозь, Остѣинд. комп., яп. Ларгисъ.

Честь имѣю препроводить при семъ В-у С-у бюллетень, и т. д. Докторъ О'Меара и г-жа Бертранъ сообщили мнѣ о дѣлѣ генерала Гурго слѣдующія подробности. Наполеонъ уже давно смо-

трить на него непріязненно и удалялъ его отъ себя. Безпокойный и тоскливый характеръ этого генерала надобно ему. Онъ даже возненавидѣлъ его и находилъ удовольствіе въ томъ, что-бы оскорблять, унижать его, доводить его до крайностей.

„Я служилъ вамъ — сказалъ онъ ему однажды — съ усердіемъ и вѣрностію. Я пожертвовалъ вамъ своею свободою, всѣмъ моимъ существованіемъ, и вы меня покидаете.“

„Ахъ! отвѣчалъ тотъ, гдѣ-же ваши утраты, ваши несчастія? Ваша судьба завидна. Я утратилъ мою Имперію, мою славу. Вотъ несчастія, а я не говорю ни слова. Но вы дряблы, слабы. Бы мнѣ жалки.“

Напрасно Гурго плакалъ и жалобился, онъ не вошелъ болѣе въ милость и впалъ въ отчаяніе. Сперва онъ обвинилъ Бертрана въ томъ, что съ нимъ дѣлается, затѣмъ Ласъ-Каза, наконецъ Монтолона, и одного за другимъ вызывалъ на дуэль. Ревнивый къ Бонапарту, какъ къ любовницѣ, онъ накидывался на всѣхъ тѣхъ, кто у него на хорошемъ счету и съ кѣмъ онъ обходился лучше, чѣмъ съ нимъ. Онъ даже и ласкѣвъ обвинялъ въ томъ, что они строятъ козни, интригуютъ, хотятъ его погубить. Ни одинъ Французъ въ Лонгвудѣ не избѣжалъ его мрачныхъ подозрѣній. Одну минуту думали, что его мысли путаются, что онъ сходить съ ума. Его боялись, и по этому о немъ нисколько не жалуютъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, Бонапартъ предложилъ ему 500 ф. стерл. на дорогу, 12,000 фравковъ пенсіи, и сказалъ ему:

„Если судьба приведетъ меня во Францію или куда-либо въ Европу, явитесь ко мнѣ. Я васъ прийму.“

—„Да, воскликнулъ Гурго, я пойду на встрѣчу къ В-у В-ву, но съ двустольнымъ ружьемъ.“ Какова выходка!

Губернаторъ пышно восхваляетъ Гурго. Онъ превозноситъ его до небесъ. „Это человѣкъ, говоритъ онъ, съ здравымъ сужденіемъ, неспособный на ин-

триги, на низости, никогда не нарушавшій постановленій. "Зачѣмъ не прибавить онъ: человекъ, который, пересорившись съ Бонапартомъ и со всеми своими соотечественниками, по видимому одобряетъ мое нелиберальное поведение относительно ихъ, во всемъ соглашается со мною, становится моею креатурою?" Вотъ, въ сущности, что заставляетъ его любить, уважать, превозносить этого генерала.

VI.

S-te Hélène ce 14 Mars 1818 n. st. Par le Camden de la C. des Indes. Capt. Larkins.

Le g-l Gourgaud est parti ce matin pour l'Angleterre à bord d'un vaisseau de la Comp-e des Indes. On ne l'a pas envoyé préalablement au Cap de Bonne Esperance. C'est une faveur toute particulière. On croit à S-te Hélène qu'il a une mission secrète de Bonaparte, que sa brouillerie à Longwood n'est qu'une pure comédie, un moyen adroit de tromper les Anglais et qu'on devrait s'en méfier davantage. Je ne suis point de cet avis-là. Gourgaud est imprudent, il connaît peu les hommes et encore moins les affaires. On ne pourrait, sans risquer infiniment, le charger d'un rôle difficile. Il se trahirait lui-même à chaque instant.

Le sieur Cipriani, Corse de nation et maître d'hôtel à Longwood, vient de mourir d'une inflammation d'entrailles. Bonaparte en est vivement affecté. Il l'aimait beaucoup, s'en amusait quelquefois et s'entretenait familièrement avec lui. C'était un favori. «Si on l'enterrait dans mon enceinte, dit-il en soupirant, j'aurais la consolation d'assister à ses funérailles.» Cipriani de son côté le servait avec un zèle, un dévouement sans exemple. Il l'avait suivi à l'île d'Elbe.

VI.

Св. Елена, 14-го Марта 1818 н. ст., съ Камденомъ Остьяндъ комм. кап. Ларкинсъ.

Генераль Гургò уѣхаль сегодня утромъ въ Англию на корабль Индійской компаниі. Его не послали предварительно на Мысь Доброй Надежды. Это особенная милость. На Св. Еленѣ думаютъ, что у него есть тайное порученіе отъ Бонапарта, чтоссора въ Лонгвудѣ—чистая комедія, ловкій способъ обмануть Англичанъ, и что слѣдовало-бы менѣ доврять ему. Я не того мнѣнія. Гурго неостороженъ, онъ не знаетъ людей, еще менѣ знаетъ дѣла. Нельзя было-бы, безъ крайняго риска, поручить ему трудную роль. Онъ ежеминутно выдавалъ-бы самого себя.

Господинъ Чиприани, Корсиканецъ по рожденію и метръ-дотель въ Лонгвудѣ, умеръ на дняхъ отъ воспаления въ кишкахъ. Бонапартъ этимъ живо огорченъ. Онъ очень любилъ его, иногда забавлялся имъ и запросто съ нимъ разговаривалъ. Онъ былъ изъ любимцевъ. „Если-бы его похоронили въ моей оградѣ, сказалъ онъ вздыхая, я имль-бы утѣшеніе присутствовалъ при его похоронахъ“. Чиприани съ своей стороны служилъ ему съ безпримѣрнымъ усердіемъ и преданностію. Онъ ѣздилъ за нимъ на островъ Эльбу.

VII.

S-to Hélène ce 16 Mars 1818 n. st. Par le Bombay de la Comp-e des Indes. Capt. Hamilton.

Lorsque le g-l Gourgaud quitta l'île de S-te Hélène, il n'avait que 17 liv. sterg. en poche. Bonaparte, ainsi que je l'ai mandé à V. E. dans mon rapport sub № 6, lui en offrit 500 ou 12000 francs. Mais il les refusa net en disant: «Je ne veux devoir à V. M. que sa pension de 12000 fr., qui me sert à entretenir ma famille.» Bertrand voulut aussi lui en prêter 200, l'il les refusa également.

J'eus beau lui représenter, qu'en donnant trop d'essor à sa mauvaise humeur et à son ressentiment, il risquait de rester à sec en Angleterre.

«Les 500 liv. sterg., me disait-il, sont trop pour mes besoins et pas assez pour mon honneur. L'Empereur en a donné autant à son piqueur, à des valets, qui retournaient chez eux, et Las Cases en a obtenu ²⁰⁰/_{m.} fr. Je vendrai ma montre, mes habits, mais je ne ferai pas de bassesse. Pour le C-te Bertrand, priez le de me rendre les 20 liv. qu'il me doit, je ne lui en demande pas davantage, et rappelez lui surtout que je suis dans une position à jouer l'Empereur par dessous jambe, que je puis révéler ses secrets, que mon journal de Longwood vaut à Londres ¹⁵/_{m.} liv. sterg. et qu'il est important de ne pas me pousser à bout.»

Trois jours avant son départ, n'ayant pas de quoi payer ses gens, son équipement, il devint sombre, mélancolique, baissa furieusement de ton et se décida enfin à écrire au G-d Maréchal la lettre que V. E. trouvera ci-jointe en copie. Bertrand lui fit répondre que la maison Balcombe et Comp. serait autorisée à lui délivrer 500 liv. st., que s'il s'obstinait à les refuser, personne ne lui prêterait le sou, ou que ce serait manquer à l'Empereur. Il lui renvoya en même temps sa dette de 20 liv.

Gourgaud, ne sachant où donner de la tête, alla à cheval jusqu'au grand poste de Longwood et pria le lieutenant Jackson, son surveillant, d'entrer chez Bertrand, de lui faire mille protestations d'amitié et de le lui amener. Mais celui-ci refusa de le voir, de l'entendre, de lui écrire et fut inexorable. V. E. trouvera sous ce pli la copie d'un rapport de Jackson, relatif à ce fait. Réduit à la dernière extrémité, Gourgaud accepta les 500 liv. de Bonaparte, cou-

rut incontinent chez Balcombe, ne le trouva pas à son comptoir, le chercha inutilement en ville, à la campagne, de tous côtés et partit le même jour sans savoir ni où, ni quand il toucherait son argent.

Le lendemain Bonaparte, en les lui assignant sur un banquier de Londres, dit à Bertrand:

«Qu'on ne me parle plus de cet homme. C'est un fou. Il était jaloux, amoureux de moi. Que diable, je ne suis pourtant pas sa femme et ne puis coucher avec lui. Il écrira contre nous. Je le sais et m'en moque. Si on le revoit en France, il sera enfermé, pendu ou fusillé.»

Il est sûr que Gourgaud, quand il a la tête montée, peut courir à sa perte. «A Waterloo, me disait-il un jour, j'ai voulu tuer l'Empereur, lui tirer un coup de pistolet. Je ne sais ce qui m'a arrêté. A Paris en 1814 j'étais parmi les tapageurs. J'ai crié: Vive Napoléon! et me suis battu en duel avec les étrangers.» Ceci achève de le peindre.

Après son éloignement de Longwood, il eut toute liberté de nous voir et était fort assidu auprès de M-r de Stürmer. Il lui parlait sans cesse, souvent à tort et à travers, de Bonaparte et de sa suite. Le commissaire d'Autriche a pris note de tous ses entretiens, et voici mot pour mot ce qu'il en écrit au P-ce Metternich.

—Qu'a dit Bonaparte de la mort de la P-sse Charlotte?

Gourgaud. «Il la regarde comme un malheur de plus dans sa position. Tout le monde sait que la P-sse de Galles a pour lui une admiration presque fanatique. Il espérait que lorsque sa fille serait montée sur le trône, elle profiterait de l'empire qu'elle avait sur elle pour le faire transporter en

Angleterre. Une fois là, disait-il, je suis sauvé. Il m'a dit en apprenant cette nouvelle: Eh bien, voilà encore un coup imprévu. C'est ainsi que la fortune déjoue tous nos projets.

—«Parle-t-il quelquefois de son avenir?»

Gourgaud. «Il est persuadé qu'il ne restera pas à Ste Hélène et s'obstine à croire que le parti de l'opposition parviendra à l'en tirer.»

—«Que pense-t'il des Bourbons?»

Gourgaud. «Il prétend que Louis XVIII est révolutionnaire et que par sa conduite il s'expose aux plus grands dangers. Ce n'est pas ainsi, dit-il, que s'opèrent les changements de dynastie. La prudence voulait qu'il se défit de tous mes maréchaux. Il fallait mettre hors d'état tout ce qui n'était point de son parti. La Bédoyère et le Maréchal Ney n'étaient pas les seuls dangereux.»

—«Parle-t'il de sa femme et de son fils?»

Gourgaud. «Il se plaint de Marie Louise. Selon lui elle n'aurait jamais dû quitter Paris en 1814. A lieu de Mme Montebello, c'était, dit-il, Mme Beauveau que j'aurais du placer auprès d'elle: elle l'aurait dirigée autrement, et les choses n'en seraient pas là. Il est persuadé qu'il serait encore sur le trône s'il avait épousé une G^{de} Duchesse de Russie. Il parle souvent de son fils, surtout depuis quelque temps.»

—«Pensez vous qu'il puisse s'échapper d'ici?»

Gourgaud. «Il en a eu dix fois l'occasion, et il l'a encore au moment même où je vous parle.»

—«Je vous avoue que cela me paraît impossible.»

Gourgaud. «Et que ne fait on pas quand on a des millions à sa disposition? Au reste, quoique j'aie à me plaindre de l'Empereur, je ne le trahirai jamais. Je le répète, il peut s'évader seul et aller en Amérique quand il le voudra. Je n'en dirai pas davantage.»

—«S'il le peut, que ne le fait-il? L'essentiel est d'être hors d'ici.»

Gourgaud. «Nous le lui avons tous conseillé. Il a toujours combattu nos raisons et y a résisté. Quelque malheureux qu'il soit ici, il jouit secrètement de l'importance qu'on met à sa garde, de l'intérêt qu'y prennent toutes les Puissances de l'Europe, du soin que l'on met à recueillir ses moindres paroles etc. Il nous a dit plusieurs fois: Je ne peux plus vivre en particulier. J'aime mieux être prisonnier ici, quelibre aux Etats Unis.»

—«Continue-t'il à écrire son histoire?»

Gourgaud. Il en écrit des fragments, mais il est probable qu'il ne l'achèvera jamais. Quand on lui demande s'il ne veut pas que l'histoire le peigne tel qu'il a été, il répond qu'il est souvent plus avantageux de se laisser deviner que de se mettre trop à découvert. Il paraît aussi que ne regardant pas ses grandes destinées comme finies, il ne veut pas dévoiler des plans, dont l'exécution n'a pas été entièrement achevée et qu'il peut reprendre un jour avec succès».

—«Qui de vous a rédigé les observations sur le discours de Lord Bathurst?»

Gourgaud. «L'Empereur lui même. Il nous en a dicté la plus grande partie. Il serait heureux qu'il s'en fut tenu là; mais vous verrez incessamment paraître à Londres de prétendues lettres écrites par des capitaines de vaisseaux marchands et dans lesquelles on parle beaucoup de l'Empereur. Elles

sont de lui. Le styte en est plat, les détails puérils, la conception mauvaise. Vous aurez peine à croire, par exemple, que l'ouvrage publié sous le nom de Santini soit de lui.»

— «Comment est-il dans son intérieur?»

Gourgaud. «Excellent avec ses domestiques, cherchant à donner du relief à tout ce qui l'entoure, élevant très haut les petits talents de ceux qui en ont et en prêtant à ceux qui n'en ont point.»

— «Quelle est son attitude avec les personnes de sa suite?»

Gourgaud. «Celle d'un souverain absolu. Je l'ai souvent vu jouer cinq heures de suite aux échecs et souffrir que nous fussions debout pendant tout ce temps à le regarder.»

Gourgaud, qui a assuré au baron Stürmer que Bonaparte avait eu dix fois l'occasion de s'évader de S-te Hélène, a fait à d'autres personnes la même confidence et leur a dit en outre: que Bonaparte pouvait s'échapper dans un panier de linge sale, dans un tonneau de bière, une caisse de sucre, que ce moyen avait été proposé et mis en délibération à Longwood. Il a répété ces sottises à tous les coins de rue, en assurant toujours qu'il ne trahirait pas l'Empereur. Mais il n'a rien su dire de plus, et on s'est moqué de lui.

A Varsovie Bonaparte disait: «du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas». A S-te Hélène il répète deux fois par jour: «du Capitole à la roche Tarpéienne il n'y a qu'un pas.» Quand il est de bonne humeur et fort en train de causer, ce qui ne lui arrive pas souvent, il fait signe à Bertrand ou à Montholon de s'asseoir près de lui et ne manque jamais de leur dire: «Prends un siège, Cinna, prends et sur toute chose» etc. Il aime la tragédie française et déclame

assez bien. Quand il est d'humeur chagrine ou seulement ennuyé, il se promène autour de son billard, s'exerce à en chasser les billes de la main et chante un petit air Italien: «Fra Martino, fra Martino, suona la campana, suona la campana.» Quelquefois aussi il fait parler Marchand, son valet de chambre, et lui parle des nouvelles et caquets de la ville ou bien de détails de la cuisine et du ménage.

P. S. Le Gouverneur m'envoie à l'instant même la copie ci-jointe d'une lettre qu'il a écrite au Marquis de Montchenu pour lui recommander le g-l Gourgaud et faciliter son retour en France.

VII.

Св. Елена. 16 Марта 1818 г. ст., съ Бомбевъ Остънд. комп. Кап. Гампайтонъ.

Когда генералъ Гурго оставилъ островъ Св. Елены, у него въ карманѣ было только 17 ф. стерл. Бонапартъ, какъ я писалъ в-му с-ву въ моемъ донесеніи подъ № 6, предлагалъ ему ихъ 500 или 12000 франковъ. Но онъ отказался на отръзъ, говоря: „Хочу быть обязаннымъ В-у В-ву лишь пенсією въ 12000 франковъ, необходимо мнѣ для содержанія моего семейства.“ Бертранъ также хотѣлъ дать ему въ займы 200 фунтовъ, и онъ также отказался.

Напрасно представлялъ я ему, что, слишкомъ давая волю своей досадѣ и своему гнѣву, онъ рискуетъ въ Англии състь на мель.

„Эти 500 ф. стерл., — возражалъ онъ мнѣ, — слишкомъ много для моихъ нуждъ и не довольно для моей чести. Императоръ давалъ столько-же своему охотнику, лакеямъ, возвращавшимся домой, а Ласъ-Казъ получилъ отъ него 200 тысячъ франковъ. Я продамъ мои часы, мое платье, но унижаться не стану. Что до графа Бертрана, то попросите его отдать мнѣ 20 фунтовъ, которые онъ мнѣ долженъ; большаго я отъ него не требую, и главное, напомните ему,

что въ моей власти сыграть съ Императоромъ плохую шутку, что я могу раскрыть его тайны, что мой Лонгвудскій дневникъ стоитъ въ Лондонѣ 15 тысячъ фунтовъ и что весьма важно не доводить меня до крайностей“.

Три дня до своего отъѣзда, не имѣя чѣмъ расплатиться съ своими людьми, чѣмъ сдѣлать необходимыя для путешествія покупки, онъ сталъ мраченъ, тоскливо, сильно понизилъ тонъ и рѣшился наконецъ написать къ оберъ-гофъ-маршалу письмо, которое В-е С-во найдете присемъ въ копію. Бертранъ велѣлъ отвѣчать ему, что фирма Балькомбъ и Ко. будетъ уполномочена выдать ему 500 ф. стерл; что если онъ будетъ упорствовать въ отказѣ, никто не дастъ ему въ займы ни гроша, ибо это значило-бы оказать неуваженіе Императору. Въ то же время онъ отослалъ ему долгъ въ 20 фунтовъ.

Гурго, не зная что дѣлать, отправился верхомъ до главнаго Лонгвудскаго караула, и попросилъ надзирателя въ немъ, лейтенанта Джаксона, зайти къ Бертрану, передать ему тысячу увѣреній въ дружбѣ, и привести его къ нему. Но этотъ послѣдній отказался видѣть его, слушать его, писать къ нему, и былъ неумолимъ. В. с-во найдете въ этомъ конвертѣ копію съ донесенія Джаксона, относящагося къ этому факту. Доведенный до послѣдней крайности, Гурго принялъ 500 фунтовъ отъ Бонапарте, тотчасъ побѣжалъ въ Балькомбу, не засталъ его въ его конторѣ, напрасно искалъ его по городу, на дачахъ, повсюду, и уѣхалъ въ тотъ-же день, не зная ни гдѣ, ни когда онъ получитъ свои деньги.

На другой день, Бонапартъ, ассигнуя ихъ ему на Лондонскаго банкира, сказалъ Бертрану:

Пусть мнѣ не говорятъ больше объ этомъ человѣкѣ. Онъ сумасшедшій. Онъ меня ревновалъ, онъ былъ въ меня влюбленъ. Чортъ возьми! Не жена-же я ему, не могу-же я спать съ нимъ. Онъ будетъ писать противъ насъ, знаю это, и смѣюсь его писа-

ніямъ. Если онъ явится во Францію, его посадятъ въ тюрьму, повѣсятъ или разстрѣляютъ.

Вѣрно то, что Гурго, когда у него голова разгорячена, можетъ погубить себя. «При Ватерлоо, сказала онъ мнѣ однажды, я хотѣлъ убить Императора, выстрѣлить въ него изъ пистолета. Не знаю, что удержало меня. Въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, я былъ изъ забіякъ. Я кричалъ, да здравствуетъ Наполеонъ! и дрался на дуэли съ иностранцами». Это дорисовываетъ его портретъ.

Послѣ своего удаленія изъ Лонгвуда, онъ имѣлъ полную свободу насъ видѣть, и усердно посѣщалъ г. Штюмера. Онъ говорилъ съ нимъ постоянно, часто безъ всякаго толку, о Бонапартѣ и его свитѣ. Австрійскій комиссаръ записалъ всѣ его разговоры, и вотъ слово въ слово, что онъ пишетъ о нихъ кн. Меттерниху.

„Что сказалъ Бонапартъ о смерти принцессы Шарлотты?“

Гурго. Онъ смотритъ на нее какъ на новое для себя несчастіе. Всѣмъ извѣстно, что принцесса Вельская почти фанатически восхищалась имъ. Онъ надѣялся, что когда ея дочь вступитъ на престолъ, она воспользуется своимъ вліяніемъ на нее, что-бы выхлопотать его перемѣщеніе въ Англію. *Однажды тамъ, говорилъ онъ, — я спасенъ.* Онъ сказалъ мнѣ, узнавъ эту новость: *Вотъ опять неожиданный ударъ. Такъ-то судьба разстроиваетъ всѣ наши планы.*

„Говоритъ онъ иногда о своемъ будущемъ?“

Гурго. Онъ убѣжденъ, что не останется на Св. Еленѣ и упорствуетъ въ надеждѣ, что оппозиціонной партіи удасться извлечь его отсюда.

„Что думаетъ онъ о Бурбонахъ?“

Гурго. Онъ увѣряетъ, что Людовикъ XVIII революціонеръ, и что онъ своимъ поведеніемъ подвергаетъ себя большимъ опасностямъ. Не такъ, говоритъ онъ, совершаются перемѣны династій. Осторожность требовала, что-бы онъ отдѣлался отъ всѣхъ моихъ маршаловъ.

Надобно было отнять возможность дѣйствовать у всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежать къ его партіи. Лабедойеръ и маршалъ Ней не одни были опасны.

„Говоритъ-ли онъ о женѣ и о сынѣ?“

Гурго. Онъ жалуется на Марию-Луизу. По его мнѣнію, она ни въ какомъ случаѣ не должна была-бы оставить Парижъ въ 1814 году. Въмѣсто г-жи Монтебелло—говоритъ онъ—мнѣ слѣдовало-бы представить къ ней г-жу Бовѣ, она-бы иначе руководила ею, и тогда дѣла не дошли-бы до такой крайности. Онъ убѣждаетъ, что сидѣлъ бы еще на престолѣ, если-бы женился на Русской Великой Княжнѣ. Онъ часто говоритъ о своемъ сынѣ, въ особенности въ послѣднее время.

„Думаете вы, что онъ можетъ бѣжать отсюда?“

Гурго. Ему на это десять разъ представлялся случай, и еще теперь онъ имѣетъ на то возможность.

„Признаюсь, что это кажется мнѣ невозможнымъ.“

Гурго. Чего не сдѣлаешь, когда располагаешь милліонами? Впрочемъ, хотя и имѣю поводъ жаловаться на Императора, я никогда его не выдамъ. Повторяю, онъ можетъ бѣжать *одинъ* и уплыть въ Америку, когда захочетъ. Больше ничего не скажу.

„Если онъ можетъ бѣжать, отчего-же онъ этого не сдѣлаетъ? Главное для него—выбраться отсюда.“

Гурго. Мы всѣ совѣтовали ему это сдѣлать. Онъ всегда возражалъ на наши доводы и устоялъ противъ нихъ. Какъ-бы онъ ни былъ несчастенъ здѣсь, онъ втайнѣ наслаждается тою важностію, которую придаютъ надзору за нимъ, интересомъ, который въ этомъ принимаютъ всѣ Европейскія державы, тщаніемъ, съ которымъ подхватывается малѣйшее его слово, и т. д. Онъ говорилъ намъ не разъ: „*Не могу больше жить частнымъ человекомъ. Лучше быть узникомъ здѣсь, чѣмъ свободнымъ съ Соединенныхъ Штатахъ.*“

„Продолжаетъ-ли онъ писать свою исторію?“

Гурго. Онъ пишетъ ее отрывками, но вѣроятно никогда ее не окончатъ. Когда его спрашиваютъ, не желаетъ ли онъ, что-бы исторія изобразила его такимъ, каковымъ онъ былъ, онъ отвѣчаетъ, что часто выгоднѣе давать себя угадывать, чѣмъ слишкомъ разоблачаться. Повидимому онъ также, не считая свои великія судьбины законченными, не хочетъ разоблачать своихъ плановъ, осуществленіе которыхъ имъ не довершено, и за которые онъ еще можетъ съ успѣхомъ приняться.

„Кому изъ васъ принадлежитъ редакція замѣчаній на рѣчь лорда Батурса?“

Гурго. Самому Императору. Большую часть ихъ онъ намъ продиктовалъ. Хорошо было-бы, если бы онъ этимъ ограничился: но въ непродолжительномъ времени въ Лондонѣ явятся письма, будтобы написанныя капитанами торговыхъ судовъ, и въ которыхъ много говорится объ Императорѣ. Эти письма написаны имъ. Слогъ ихъ плоскокъ, подробности ребячливы, и замыселъ неудаченъ. Вы едва повѣрите, напримѣръ, что сочиненіе, изданное подъ именемъ Сантини, написано имъ.

„Каковъ онъ въ частной жизни?“

Гурго. Необыкновенно добръ съ своими слугами. Онъ старается придавать значеніе всѣмъ тѣмъ, которые его окружаютъ, ставитъ очень высоко маленькіе таланты въ тѣхъ, которые ими обладаютъ, и приписываетъ ихъ тѣмъ, которые ихъ лишены.

„Каково его обращеніе съ лицами его свиты?“

Гурго. Обращеніе неограниченнаго монарха. Часто при мнѣ игрывалъ онъ по пяти часовъ сряду въ шахматы, и допускать, чтобы мы все время смотрѣли на игру стоя.“

Гурго, увѣрившій барона Штюрмера, что Бонапартъ десять разъ имѣлъ случай бѣжать изъ св. Елены, то-же самое сказалъ по секрету и другимъ лицамъ, присовокупляя, что Бонапартъ можетъ совершить свое бѣгство въ корзинкѣ съ грязнымъ бѣльемъ, въ пивной бочкѣ, въ

сахарномъ ящикѣ, что это послѣднее средство было предложено и обсуждаемо въ Лонгвудѣ. Онъ повторялъ эти глупости на всѣхъ перекресткахъ, все время увѣряя, что онъ Императора не выдастъ. Но больше онъ ничего не сумѣлъ разсказать, и надъ нимъ насмѣялись.

Въ Варшавѣ Бонапартъ говорилъ: „*отъ високаго до смѣшнаго только шагъ*“. На св. Еленѣ онъ дважды въ день повторяетъ: „*Отъ Капитолія до Тарпейской скалы только шагъ*“. Когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа и склоненъ къ разговору, что съ нимъ случается рѣдко, онъ дѣлаетъ Бертрону или Монтолону знакъ, что-бы они сѣли возлѣ него, и никогда не преминетъ сказать имъ: „*Prends un siége. Citta, prends, et sur toute chose*“. Онъ любитъ французскую трагедію и довольно хорошо декламируетъ. Когда онъ тоскуетъ или только скучаетъ, онъ ходитъ около своего билліарда, перенатываетъ шары рукою, и поетъ итальянскую пѣсенку: „*Fra Martino, fra Martino. suona la campana, suona la campana*“. Иногда также онъ заставляетъ болтать Маршана, своего камердинера, и говоритъ съ нимъ о городскихъ сплетняхъ и новостяхъ, или о подробностяхъ хозяйства и кухни.

Р. С. Губернаторъ сейчасъ прислалъ мнѣ прилагаемую при семъ копію съ письма, которое онъ написалъ маркизу де Моншеню, что-бы рекомендовать ему генерала Гурго и облегчить его возвращеніе во Францію.

VIII.

St Hélène ce 27 Mars 1818 n. st. Par le Bomby de la Comp-e des Indes. Capt. Hamilton.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. deux bulletins etc. La famille Balcombe a quitté l'île de S-te Hélène et va, dit on, s'établir en Angleterre.

Bonaparte, en prenant congé de Betsy sa favorite, l'cele dont les journaux de Londres ont tant parlé, l'embrassa, se coupa une touffe de cheveux

IV. 3.

et la lui donna. Balcombe est regretté à Longwood. Sa conduite envers les Français a toujours été extrêmement délicate; il leur rendait en outre toutes sortes de bons offices.

VIII.

Св Елена, 27 Марта 1818. н.с., съ Бомбеемъ Ост-Инд. комп. Кап. Гамилтонъ.

Честь имѣю при семъ препроводить В-у С-ву два бюллетеня, и т. д. Семейство Балькомбъ оставило островъ св. Елены и, какъ говорятъ, поселится въ Англии.

Бонапартъ, прощаясь съ Бетси, своею любимицею, тою, о которой столько говорили Лондонскіе журналы, поцѣловалъ ее, отрезавъ у себя влокъ волосъ и далъ его ей. У Балькомбъ жалуютъ въ Лонгвудъ. Его поведеніе относительно Французовъ всегда было крайне деликатно, и онъ кромѣ того оказывалъ имъ разныя услуги.

IX.

St Hélène ce 10 Avril 1818 n. st. Par le Dispatch vaisseau marchand. Capt. Huchert.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin etc. Ces jours derniers, le C-te Bertrand me fit une étrange proposition. En me parlant des souffrances et des malheurs de Bonaparte, il me dit tout à coup: «L'Empereur accablé d'ennuis, traité inhumainement sur ce rocher, abandonné de l'univers entier, veut écrire à l'Empereur Alexandre, son seul appui. Chargez vous de sa lettre, je vous en conjure», et il fit un mouvement pour la tirer de sa poche.

— «Non, lui repondis-je, cela m'est impossible. Ce serait manquer à mon devoir.»

— «Nullement, reprit-il, car l'Emp. Napoleon fait à l'Emp. Alexandre des révélations importantes. Il ne s'agit

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 22

pas uniquement de protéger un grand homme opprimé, mais de servir la Russie. On y lira cet écrit avec plaisir, empressement, ou en sera ravi; ne pas l'envoyer à votre cour est négliger, perdre de vue ses intérêts ou plutôt les sacrifier aux Anglais. Je vous observe en outre, qu'on a fait de vous un portrait, qui va pousser votre fortune.

— «Je vous promets, lui dis-je, de rapporter lidelement à ma cour ce que vous me communiquerez de vive voix, mais je ne puis me charger d'aucune lettre; je n'en ai pas le droit, et si je le faisais, on me désavouerait.»

— «Bah, s'écria-t-il, on vous désavouera à Ste Hélène pour la forme, et en Russie on vous récompensera. J'en suis sûr, enfin pensez y mûrement.» Là-dessus il me quitta.

IX.

Св. Елена, 10-го Апр. 1818. н. ст. съ купеч. корабля Дискачень, кап. Гюрбертъ.

Честъ имѣю препроводить при семь В-у С-ву бюллетень, и т. д. На этихъ дняхъ, гр. Бертранъ сдѣлалъ мнѣ странноепредложеніе. Говоря со мною о страданіяхъ и несчастіяхъ Бонапарта, онъ вдругъ сказалъ мнѣ: „Императоръ, удрученный горемъ, подверженный на этой скалѣ безчеловѣчному обращенію, всѣми оставленный, хочетъ написать къ Императору Александру, единственному своему заступнику. Возьмитесь доставить его письмо, умоляю васъ объ этомъ“, и онъ сдѣлалъ движеніе, что-бы вынуть письмо изъ кармана.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, это мнѣ невозможно. Это значило-бы нарушать мои обязанности.“

— „Нисколько, возразилъ онъ, ибо Имп. Наполеонъ раскрываетъ Имп. Александру важныя тайны. Дѣло идетъ не только о томъ, что-бы защитить великаго человѣка, подвергающагося притѣсненіямъ, но и о томъ, что-бы сослужить службу Россіи. Тамъ это письмо про-

чтутъ съ удовольствіемъ, съ жадностію, имъ будутъ восхищены. Не посылая его вашему двору значило бы пренебречь его интересами, упустить ихъ изъ виду или, точнѣе, пожертвовать ими Англичанамъ. Сверхъ того замѣчу вамъ, что вы въ немъ описаны способомъ, который подвинетъ васъ впередъ.“

— „Объщаю вамъ, отвѣчалъ я, въ точности передать моему двору то, что вы сообщите мнѣ изустно, но не могу взять на себя доставленіе писемъ. Я не имѣю на то права, и если-бы я это сдѣлалъ, отъ меня-бы отреклись.“

— „Ва! воскликнулъ онъ, отъ васъ отрекутся на Св. Еленѣ для формы, а въ Россіи васъ награждать. Я въ этомъ убѣжденъ, подумайте объ этомъ хорошенько.“ Затѣмъ, отъ меня оставилъ.

X.

St Hélène ce 15 Avril 1818. н. ст. Par le Baring, bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Depuis deux ans et demi la maison Balcombe, Cole and Fowler était chargée de toute la conduite des affaires de Longwood; elle en faisait le service et payait aux Français leurs lettres de change. Balcombe, par ses manières agréables, obligeantes, son caractère original et ses bonhomies plaisait beaucoup à Bonaparte et le voyait souvent.

Le gouverneur, soit qu'il ait pris ombre de cette faveur, de ces visites trop fréquentes, soit qu'il ait eu ordre d'en agir ainsi (ce qui n'est guère probable), vient d'ôter à la maison Balcombe et C. le service de Longwood et l'a confié au sieur Ibbetion, commissaire des vivres. Ceci mortifie extrêmement les Français et leur fait jeter les hauts cris. Ces jours passés, Bertrand eut à ce sujet de longues explications avec le major Gorrequer, premier aide-de-camp du gouverneur. On m'en a donné un précis, que je m'em-

presse d'envoyer ci-joint au Ministère Impérial.

X.

Св. Елена, 15 Апр. 1818 н. ст., съ куп. судномъ Барингъ, кап. Ламбъ.

Вотъ уже два года, какъ торговому дому Балькомбъ, Коль и Фоулеръ было поручено веденіе всѣхъ Лонгвудскихъ дѣлъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія Французовъ и выплачивалъ ихъ векселя. Балькомбъ своимъ пріятнымъ, обязательнымъ обращеніемъ, своимъ оригинальнымъ характеромъ и добродушіемъ очень нравился Бонапарту и часто видѣлся съ нимъ.

Губернаторъ, оттого-ли, что эта милость, эти слишкомъ частыя посѣщенія возбудили въ немъ подозрѣнія, или потому, что получилъ приказаніе такъ поступить, что весьма невѣроятно, надняхъ отнялъ у дома Балькомбъ и комп. веденіе дѣлъ Лонгвуда и поручилъ его Г. Иббетюну (?), комиссару по продовольствію. Это чрезвычайно огорчаетъ Французовъ и возбудило вопли съ ихъ стороны. На этихъ дняхъ, Бертранъ имѣлъ на этотъ счетъ длинныя объясненія съ майоромъ Горрекеромъ, старшимъ адъютантомъ губернатора. Мнѣ сообщили изъ нихъ извлеченіе, которое слѣзшу препроводить при семь Императорскому Министерству.

XI.

St Hélène ce 15 Avril 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capit. Lamb.

J'ai toujours cru que le docteur O'Meara était l'espion des Anglais auprès de Bonaparte. On le disait à S-te Hélène. Des personnes dignes de croyance me l'ont assuré positivement. Le gouverneur lui-même me l'a laissé entendre bien des fois, et je sais aujourd'hui de source certaine que cela est faux. O'Meara ne s'est jamais dégradé à ce point-là. Il donnait aux Anglais des nouvelles de Longwood par manière de conversation

et comme il m'en donne à moi qui suis un étranger. On l'a engagé, excité par de belles paroles, de vives instances et toutes sortes de moyens à faire ce honteux métier, mais inutilement. Il s'est tiré de cette affaire en galant homme. V. E. trouvera sous ce pli la copie de cinq lettres qui en font foi. Le gouverneur est devenu son ennemi; depuis dix mois il le chicane impitoyablement sur des vétilles, lui fait des scènes, des avanies à tout propos et veut, en le soumettant à des restrictions lures, humiliantes, l'assimiler en tout aux prisonniers Français, ce qui l'a forcé de donner sa démission. Je crois pouvoir affirmer, qu'on n'a rien à lui reprocher. Il est en règle avec son gouvernement et n'a manqué en aucun point à son devoir. Ce qui lui arrive doit être imputé à blâme au gouverneur, qui s'est fait un principe, une règle, une loi de chicaner impitoyablement et à tout propos ceux que Bonaparte.... Témoins—ses sorties ridicules sur l'amiral Malcolm et sa conduite indécente envers les commissaires des Puissances Alliées.

XI.

Св. Елена, 15 Апр. 1818 н. ст., съ купеч. судномъ Барингъ, кап. Ламбъ.

Я всегда думалъ, что докторъ О'Меара играетъ при Бонапартѣ роль Англійскаго шпіона. Такъ говорили на Св. Еленѣ; лица, достойныя довѣрія, положительно подтверждали мнѣ это. Самъ губернаторъ не разъ давалъ мнѣ это понять, но я теперь достовѣрно знаю, что это неправда. О'Меара никогда не унижался до такой степени. Онъ передавалъ Англичанамъ извѣстія о Лонгвудѣ, какъ онъ сообщаетъ ихъ мнѣ, иностранцу, когда приходилось къ слову. Его подстрекали, возбуждали лѣстливыми словами, настоятельными просьбами къ этому постыдному ремеслу, но напрасно. Онъ вышелъ изъ этого дѣла честнымъ чело-

вѣкомъ. В-е С-во найдете въ этомъ конвертѣ пять писемъ, это доказывающихъ. Губернаторъ сдѣлался его врагомъ; вотъ уже десять мѣсяцовъ, какъ онъ нещадно преслѣдуетъ его изъ-за пустяковъ, дѣлаетъ ему на всякомъ шагу сцены и непріятности и хочетъ, подвергая его грубымъ и унижительнымъ стѣсненіямъ, во всемъ поставить его на одну ногу съ французскими узниками, что и принудило его подать въ отставку. Считаю себя въ правѣ утверждать, что его ни въ чемъ упрекнуть нельзя. Онъ правъ передъ своимъ правительствомъ, и ни въ чемъ не измѣнялъ своему долгу. То, что съ нимъ случилось, должно быть поставлено въ вину губернатору, который поставилъ себя въ правило, въ законъ, нещадно и на всякомъ шагу, преслѣдовать тѣхъ, которыхъ Бонапартъ.... Ссылаюсь на его смѣшныя выходки противъ адмирала Малькольма и на его неприличное поведеніе относительно коммиссаровъ союзныхъ державъ.

XII.

S-t Hélène ce 22 Avril 1818. n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Ces jours derniers, le gouverneur fit au docteur O'Meara une severe repri-
mande:

1-mo. Sur ce qu'il avait donné sa démission sans en consulter préalablement avec lui.

2-do. Sur ce qu'il osait adresser une lettre au C-te Bertrand à l'insu des autorités Anglaises.

O'Meara lui écrivit à ce sujet une note extrêmement forte, bien raisonnée et qui d'un bout à l'autre est la pure vérité. V. E. la trouvera ci-jointe en copie. On ne peut prévoir encore le résultat de cette affaire, mais elle produit un grand scandale à S-te Hélène et fait crier contre le gouverneur.

Selon toute apparence, nous serons privés pendant quelque temps de bul-

letins de Longwood, car O'Meara ne veut plus s'en mêler. Il s'est enfermé dans sa chambre et ne voit aucun malade.

Voici en attendant ce que Montholon m'a dit de la santé de Bonaparte: depuis le 10 de ce mois il est constipé et souffre de la tête et du foie, il a de plus des palpitations, du malaise et ne dort pas du tout. Il est inquiet, chagriné et répète souvent: «On chasse, on persécute mes amis, ceux en qui je prends confiance. On m'isole entièrement. Cela cache un dessein perfide. On veut m'em-
poisonner». Le mercure étant un remède souverain pour les obstructions, O'Meara était parvenu, à force de prières, d'instances, à lui en faire prendre. Il l'eut par degrés et insensiblement guéri de sa maladie ou du moins en eut empêché les progrès. Maintenant, elle va reprendre son cours et peut-être empirer.

XII.

Св. Елена 22 Апр. 1818 н. с. съ купеч. судномъ Барингомъ, кап. Ламбъ.

На дняхъ, губернаторъ сдѣлалъ доктору О'Меара строгій выговоръ.

1-е за то, что онъ подалъ въ отставку, не переговоривши съ нимъ предварительно.

2-е за то, что онъ посмѣлъ написать гр. Бертрану письмо безъ вѣдома англійскихъ властей.

О'Меара по этому поводу написалъ ему записку очень сильную, весьма логическую, вполне правдивую съ начала до конца. В-е С-во найдете ее при семъ въ копіи. Нельзя еще предвидѣть конца этого дѣла, но оно на св. Еленѣ производитъ большой скандалъ, и заставляетъ всѣхъ кричать противъ губернатора.

По всей вѣроятности мы на время будемъ лишены бюллетеней изъ Лонгвуда, ибо О'Меара не хочетъ болѣе пмѣть

съ ними дѣла. Онъ заперся въ своей комнатѣ, и не видитъ никого изъ своихъ больныхъ.

Вотъ, покуда, что сказалъ мнѣ Моптолонъ о здоровьи Бонапарта. Начиная съ 10-го сего мѣсяца, онъ страдаетъ запоромъ, у него болитъ голова и разстроена печень; сверхъ того у него сердцебиенія, дурнота, и онъ совсѣмъ не спитъ. Онъ безпокоенъ, тоскуетъ, и часто повторяетъ: *Моихъ друзей, твоихъ, къ которымъ я имѣю довѣріе, гонятъ, преслѣдуютъ. Меня совершенно уединяютъ. Подъ этимъ скрывается коварное намѣреніе. Хотятъ меня отправить.* Такъ какъ ртуть превосходное средство противъ заваловъ, то Омеара удалось, усиленными настояніями и просьбами, уговорить его принимать это лѣкарство. Онъ бы постепенно и нечувствительно излѣчилъ его болѣзнь, или по крайней мѣрѣ, остановилъ бы ея развитіе. Теперь, она пойдетъ своимъ чередомъ, и быть можетъ, ухудшится.

XIII.

Ste Hélène ce 26 Avril 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Hier 25 de ce mois, à 6½ hrs du matin, l'employé du télégraphe de S-t James vint m'annoncer que le «Rürick», brig de guerre Russe, L-t Kotzebue, était en vue de l'île et que ce dernier demandait à me voir. J'en fis sur le champ prévenir le gouverneur et le priai instamment de m'autoriser à recevoir ce compatriote chez moi ou de me faire conduire à son bord. Je n'en obtins aucune réponse directe, mais son adjudant-général me déclara vaguement que nul étranger n'osait approcher de la côte, encore moins y mettre pied à terre et que je pouvais profiter de cette occasion pour écrire en Europe. Je lui repondis qu'étant fort impatient, après deux années d'exil, de revoir des Russes, je renouvelais ma demande d'être conduit au L-t Kotzebue. Il me

promit d'en parler à l'amiral, me pria d'attendre le retour d'un officier Anglais, qui devait inspecter le «Rürick» et me dit qu'il ne serait pas long à arranger cette affaire et disparut. Le gouverneur et l'amiral étaient à la campagne. Je ne tardai pas à voir arriver celui-ci accompagné de l'adjudant-général. Il s'arrêta un quart d'heure, donna des ordres aux officiers de la marine, puis se rendit droit au port, toujours accompagné de l'adjudant-général. J'y courus cinq minutes après eux et les manquaï. Ils se rendaient à bord du «Conqueror», et je restai seul à terre, ne sachant trop plus où j'irai ni à qui recourir. Le vaisseau amiral levait en ce moment l'ancre et cingla vers l'endroit où se tenait le petit vaisseau Russe, qui ne tarda pas à s'éloigner en tirant un coup de canon. J'ignore entièrement ce qui s'est passé entre le L-t Kotzebue et les autorités Anglaises. On met un soin extrême à me le cacher, et personne, hors l'employé du télégraphe, ne m'a averti de son passage. On m'assure maintenant qu'il n'a jamais demandé à me voir, qu'on lui a fait un signal d'attendre deux paquets de lettres que je devais lui envoyer et qu'il n'y a même pas répondu. L'amiral paraît honteux de ce qui m'est arrivé et en rejette le tort sur le gouverneur, qui devait, en sa qualité de commandant en chef de l'île, me donner un permis d'embarquement. Il me proteste en outre, que l'adjudant-général ne lui a rien dit de mon désir d'aller à bord du «Rürick.» Je n'ai pas voulu entrer en débat avec ce dernier, car il y a dans toute cette affaire de l'intrigue, du louche, un dessous que je ne vois pas encore. Néanmoins, je parierais (et je ne suis pas le seul) que c'est le gouverneur qui, sans y paraître, m'a joué ce tour-là.

J'espère, Monsieur le Comte, que vous ne doutez plus de la mauvaise volonté des Anglais pour les commissaires des Puissances Alliées. Ceci en est un exemple frappant. On ne parle sur ce rocher que de nos devoirs envers eux, mais on dirait qu'ils n'en ont aucun à remplir envers nous. Ils font de nous tout ce qu'ils veulent. J'avoue de bonne foi, que je recevrais avec une satisfaction inexprimable l'ordre de ne pas toujours céder à leurs fantaisies.

P. S. Lorsque Bonaparte apprit mon aventure, il en rit aux éclats: «Ah! Ah! s'écria-t-il, je ne suis donc pas le seul qui essaie des affronts. En voilà un sanglant et public que Sir Lowe, l'homme de l'Europe et du monde entier, fait à la Russie, à un souverain puissant et formidable.

XIII

Св. Елена, 26 Апр. 1818 н. ст., съ вучеч. судномъ Барингомъ, кан. Дамбъ.

Вчера 25-го числа сего мѣсяца въ 6½ часовъ утра, чиновникъ при Сентъ-Джемскомъ телеграфѣ пришелъ извѣстить меня, что „Рюрикъ“ военный бригъ, лейтенантъ Коцебу, сталъ въ виду острова, и что этотъ послѣдній желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ извѣстилъ о томъ губернатора и настоятельно попросилъ его разрѣшить мнѣ принять у себя этого соотечественника, или доставить меня на бортъ его корабля. Я не добился отъ него никакого прямого отвѣта, но его старшій адъютантъ объявилъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ, что никакой иностранецъ не имѣетъ права приблизиться къ берегу, еще менѣе ступить на него, и что я могу воспользоваться этимъ случаемъ, что-бы написать въ Европу. Я отвѣтилъ ему, что, ощущая крайнее желаніе, послѣ двухлѣтняго изгнанія, вновь увидѣть Русскихъ, я возобновлю свою просьбу о томъ, что-бы меня доставилъ

къ лейтенанту Коцебу. Онъ обѣщаль мнѣ поговорить объ этомъ съ адмираломъ, попросилъ меня дожидаться возвращенія англійскаго офицера, который долженъ былъ осмотрѣть „Рюрика“, сказалъ, что быстро уладитъ это дѣло, и исчезъ. Губернаторъ и адмиралъ были за городомъ, Вскорѣ я увидѣлъ, что этотъ послѣдній прѣзжаетъ, въ сопровожденіи старшаго адъютанта. Онъ пробылъ въ городѣ съ четверть часа, отдалъ приказанія морскимъ офицерамъ, а затѣмъ отправился прямо въ гавань, все таки въ сопровожденіи старшаго адъютанта. Я побѣжалъ туда пять минутъ послѣ ихъ и уже ихъ не засталъ. Они плыли на бортъ Конкерора, и я остался на берегу, не зная, куда мнѣ идти и къ кому обратиться. Въ эту минуту, адмиральскій корабль снялся съ якоря и двинулся къ тому мѣсту, гдѣ стояло маленькое русское судно, которое не замедлило удалиться, давъ одинъ пушечный выстрѣлъ. Мнѣ совершенно неизвѣстно, что произошло между лейтенантомъ Коцебу и англійскими властями. Это отъ меня тщательно скрываютъ, и никто, кромѣ чиновника при телеграфѣ, и не извѣщаль меня о его проѣздѣ. Теперь меня увѣряютъ, что онъ никогда и не изъявлялъ желанія меня видѣть, что ему сдѣлали сигналъ, чтобы онъ дождался двухъ пачекъ писемъ, которыя я хотѣлъ ему послать, и что онъ даже не отвѣчалъ. Адмиралъ повидному стыдится того, что со мною случилось и сваливаетъ вину на губернатора, который долженъ былъ, въ качествѣ главнокомандующаго островомъ, дать мнѣ позволеніе посѣтить корабль. Кромѣ того онъ увѣряетъ, что старшій адъютантъ ничего не сказалъ ему о моемъ желаніи отправиться на бортъ „Рюрика.“ Я не хотѣлъ входить въ препирательства съ этимъ послѣднимъ, ибо во всемъ этомъ дѣлѣ есть интрига, двусмысленность, заднія мысли, которыхъ я еще не пропикъ. Тѣмъ не менѣе, я готовъ (и не я одинъ) побиться о закладъ, что эту штуку, и не подавая виду, съигралъ со мною губернаторъ.

Надвюсь, графъ, что вы не сомнѣваетесь болѣе въ дурномъ расположеніи Англичанъ къ комиссарамъ союзныхъ державъ. Вотъ тому разительный примѣръ. На этой скалѣ только и рѣчи, что о нашихъ обязанностяхъ къ нимъ, но подумасшь, что они къ намъ ихъ не имѣютъ. Они дѣлаютъ изъ насъ, что хотятъ. Сознаюсь откровенно, что съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ-бы приказаніе не всегда уступать ихъ прихотямъ.

Р. S. Когда Бонапартъ узналъ о моемъ привлеченіи, онъ расхохотался: *«А! а! воскликнулъ онъ, такъ не одинъ я подвергаюсь оскорбленіямъ. Вотъ оскорбленіе, публичное и кровавое, нанесенное сэромъ Лоу, челоуькомъ Европы и всего міра, нанесенное Россіи, ея могущественному и грозному государю!»*

XIV.

Ste Hélène, ce 4 Mai 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Depuis le 19 de ce mois la correspondance de Longwood et de Plantation-House, sur l'affaire du docteur O'Meara, a grossi de sept énormes lettres que je n'ai pu me procurer encore. Mais je reçois à l'instant même, le vaisseau étant déjà sous voile, la copie d'une apostille remarquable, dictée par Bonaparte et mise en marge d'une de ces lettres. Je m'empresse de l'envoyer ci-joint au Ministère Impérial.

XIV

Св. Елена 4 Мая 1818 и. ст., съ вупеч. судноуъ Барингомъ, вѣн. Ламбъ.

Съ 19-го прошлаго мѣсяца переписка между Лонгвудомъ и Планташенъ-гоузомъ, по дѣлу доктора О'Меара, умножилась семью огромными письмами, которыхъ я еще добыть не могъ, но я только что получилъ, въ ту минуту, когда корабль уже подъ парусами, копію съ замѣчательной приписки, продиктованной Бонапар-

томъ и помѣщенной на поляхъ одного изъ этихъ писемъ. Спѣшу препроводить ее при семъ Императорскому Министерству.

XV.

Ste Hélène ce 11 Mai 1818 n. st. Par le Charles Miles bâtiment marchand. Capt. Beadle.

Après que l'affaire du docteur O'Meara eut fait l'entretien de toutes les sociétés et boutiques de S-te Hélène, le gouverneur se décida, non sans peine et sans beaucoup d'efforts, à m'en parler. Voici à peu près ce qu'il m'en dit:

«Il y a un vaisseau qui part pour l'Angleterre, écrivez au C-te Lieven. Moi, je ne puis plus vous donner de bulletins. O'Meara est hors de service. Baxter est en disgrâce auprès de M-rs les Français. Bonaparte a le diable au corps, ainsi point de bulletins. Je ne puis non plus rien vous dire de sa santé. Il ne voit plus personne, et je n'ai qu'une certitude morale de son existence. Que pensez vous de sa maladie?»

«On m'assure, lui répondis-je, qu'il souffre de la tête, du foie, des entrailles, que Montholon passe des nuits entières à côté de son lit et lui applique des serviettes chauffées sur l'estomac, qu'il a l'esprit inquiet, chagrin, le visage pâle et les yeux creux.»

Le gouv-r. Bertrand et Montholon vous ont-ils parlé du D-r O'Meara?

«Oui, sans doute. Ils m'ont dit que vous le teniez en séquestre à Longwood et que Bonaparte ne veut pas d'un médecin, dépendant, prisonnier et qui n'est plus entièrement à lui.»

Le gouv-r. Le D-r O'Meara a commis des fautes irrémissibles. Il informait ces gens-là de ce qui se passe en ville, à la campagne, à bord des vaisseaux; il se mettait pour eux en quête de nouvelles et leur faisait bassement la cour; puis, il a remis à un Anglais,

de la part de Bonaparte et en cachette, une tabatière. Quelle infamie! Et n'est ce pas honteux à ce grandissime Empereur de manquer ainsi aux réglemens?

«Croyez vous que cela tienne à un complot, à des trames sourdes, à quelque projet d'évasion, ou bien n'est ce que misère et bagatelle?»

Le gouv-r (vivement). «Bagatelle? Un héros, un prodige—user de ces petits moyens pour séduire et corrompre des Anglais! C'est une abomination, cela n'a pas de nom.

Voici le fait; je le tiens de bonne part. Lors de l'enterrement de Cipriani, Bonaparte chargea Montholon et non pas O'Meara de donner 25 liv. sterlg. aux pauvres et une tabatière en or au Sieur Brice, prêtre de S-te Hélène, qui d'abord l'accepta, mais s'en repentit une heure après et la renvoya à Longwood avec un billet adressé à O'Meara. Le gouverneur est mal informé ou cache la vérité.

«Le D-r O'Meara, lui demandai-je, a donc violé les réglemens?»

Le gouv-r. Non, pas précisément.

«L'avez vous interrogé sur ce fait et l'a-t-il avoué?»

Le gouv-r (embarrassé). Je ne l'ai pas fait encore. J'ai mes raisons.

«Me permettez-vous de vous parler sincèrement, de vous dire mon avis là-dessus, non comme commissaire de Russie, je n'en ai pas le droit, mais en ami?»

Le gouv-r. Je vous y engage fortement.

«Si le D-r O'Meara est coupable, accusez le et jugez le publiquement afin qu'on sache bien à Ste Hélène, à Longwood et en Europe ce qu'il a fait et pourquoi vous l'avez puni. Mais s'il est innocent, si on ne lui reproche que des vétilles, étouffez cette affaire et rendez lui sa liberté. Songez que si Bonaparte meurt

d'apoplexie ou d'une inflammation de foie sans voir de médecins, comme il y est bien résolu, on imputera aux Anglais de l'avoir empoisonné, fait mourir à petit feu. Les Bonapartistes en France et partout accrédiront ces calomnies, publieront des écrits diffamatoires, produiront de faux témoignages contre vous. Ceux qui savent la vérité ne pourront pas la dire à tout monde, et vous passerez dans l'esprit d'un million d'hommes pour son assassin. Ainsi croyez-moi, ne précipitez rien. C'est une affaire trop délicate».

Cette observation frappa le gouverneur. Il devint sombre, rêveur, me remercia beaucoup de ma franchise et se retira. Deux jours après cet entretien, le Dr. O'Meara fut remis en pleine liberté et rétabli dans tous ses droits. Bonaparte l'a revu avec joie, empressement, et il a déjà pris une dose de mercure.

P. S. Le C-te Bertrand me prie de le rappeler au souvenir du P-ce Wolchonsky, aide-de-camp-général de S. M. Il désire également faire savoir de ses nouvelles à un général de division Français, nommé Morand, marié à une Polonoise et établi à Varsovie. C'est un militaire d'une grande distinction. Bonaparte l'affectionne fort et le croit au service de Russie.

XV.

Св. Елена 11 Мая 1818 н. ст. съ кучеч. корабль Чарльсъ Миль, кап. Бидль.

Послѣ того, какъ дѣло доктора О'Мeara сдѣлалось предметомъ разговоровъ во всѣхъ кружкахъ, во всѣхъ лавочкахъ Св. Елены, губернаторъ рѣшился, не безъ труда и не безъ великихъ усплій надѣ собою, заговорить о немъ со мною. Вотъ, приблизительно, что онъ сказалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ:

„Есть корабль, отъѣзжающій въ Англию, напишите графу Ливену. Я-же не

могу болѣе сообщать вамъ бюллетеней. О'Меара оставилъ службу. Бакстеръ въ немилости у господъ Французовъ. Бонапартъ взбѣлился, и такъ бюллетеней нѣтъ. Не могу также сказать вамъ ничего о его здоровьи. Онъ больше ни съ кѣмъ не видится, и въ его существованіи я имѣю лишь нравственное убѣжденіе. Что думаете вы о его болѣзни?"

„Увѣряюгь меня, отвѣчалъ я, что онъ страдаетъ головою, печенью, кишками, что Монтолонъ проводитъ у его постели цѣлыя ночи, прикладывая ему къ животу грѣтыя салфетки, что онъ въ тоскливомъ, безпокойномъ расположеніи духа, что лицо его блѣдно, глаза впалы.“

Губернат. Говорили-ли съ вами Бертравъ и Монтолонъ о докторѣ О'Меара?

„Да, конечно. Они сказали мнѣ, что вы держали его въ Лонгвудъ подѣ стражею, и что Бонапарту не нуженъ медикъ зависпый, связанный, и не вполнѣ ему принадлежащій.“

Губернаторъ. Докторъ О'Меара провинился непростительно. Онъ извѣщалъ этихъ людей о томъ, что происходитъ въ городѣ, на дачахъ, на корабляхъ. Онъ набиралъ для нихъ новости и униженно ухаживалъ за ними. Далѣе онъ передалъ одному Англичанину, отъ Бонапарта и тайкомъ—табакерку. Какая гадость! И не стыдно ли этому великому Императору такъ нарушать постановленія!

„Думаете-ли вы, что это имѣетъ отношеніе къ какому-либо заговору, къ таинственнымъ кознямъ, къ попыткамъ бѣгства или это только мелочь и пустяки?“

Губернаторъ (съ живостію). Пустяки? Герой, геній, прибѣгающій къ этимъ маленькимъ средствамъ, чтобы обольстить и подкупить Англичанъ! Это возмутительно, это не имѣетъ имени!

Вотъ фактъ, онъ мнѣ извѣстенъ изъ достовернаго источника. Во время похоронъ Чипріяни, Бонапартъ поручилъ Монтолону, а не О'Меара, раздать нищимъ 25 ф. стерл. и передать золотую табакерку г. Брпеу, здѣшнему священнику, который сначала ее принялъ,

но часъ спустя, раскаялся и отослалъ ее въ Лонгвудъ съ запискою на имя О'Меара. Губернаторъ поддался обману или скрываетъ истину.

„И такъ, спросилъ я его, О'Меара нарушилъ постановленія?“

Губернаторъ. Нѣтъ, этого прямо сказать нельзя.

„Допрашивали вы его на этотъ счетъ, и сознался-ли онъ?“

Губернаторъ (смущенный). Я этого еще не сдѣлалъ. Я имѣю на то свои причины.

„Позволите ли вы говорить съ вами откровенно, сказать вамъ на этотъ счетъ мое мнѣніе, не въ качествѣ Русскаго комиссара—я на это не имѣю права—но въ качествѣ пріятели?“

Губернаторъ. Очень прошу васъ объ этомъ. „Если докторъ О'Меара виновенъ, обвините его и судите его гласно, для того, чтобы на св. Еленѣ, въ Лонгвудъ и въ Европѣ было вполнѣ извѣстно, что онъ сдѣлалъ и за что вы его наказали. Но если онъ невиненъ, если его упрекаютъ лишь въ бездѣлкахъ, загушите это дѣло и возвратите ему свободу. Подумайте о томъ, что если Бонапартъ умретъ отъ удара или отъ воспаленія въ печенкѣ, не призвавъ медика, на что онъ рѣшился, то Англичанъ обвинять въ томъ, что они его отравили, исподоволь уморили. Бонапартисты во Франціи и повсюду поддерживать эту клевету, будутъ издавать пасквили, приводить джесвидѣтельства противъ васъ. Тѣмъ, которымъ извѣстна истина, не будетъ возможности сообщить ее всѣмъ, и вы во мнѣніи милліоновъ людей прослывете его убійцею. И такъ, вѣрьте мнѣ, не спѣшите. Это дѣло слишкомъ щекотливое.“

Это замѣчаніе поразило губернатора. Онъ сдѣлался задумчивымъ, мрачнымъ, очень благодарилъ меня за мою откровенность и удалился. Два дня послѣ этого разговора, доктору О'Меара были возвращены свобода и все его права. Бонапартъ свидѣлся съ нимъ съ удовольствіемъ и предупредительностію,

и уже принялъ дозу меркуріяльнаго лѣкарства.

P. S. Графъ Бертранъ проситъ меня напомнить о немъ князю Волконскому, генералу адъютанту Е. И-го В-ва. Онъ также желалъ-бы дать вѣсть о себѣ Французскому дивизионному генералу, по имени Морану, женатому на Польжѣ и поселившемуся въ Варшавѣ. Это отличный офицеръ. Бонапартъ очень любитъ его и полагаетъ, что онъ состоитъ на Русской службѣ.

XVI.

Ste Hélène ce 24 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp. des Indes. Capt Nairue.

M-me Bertrand m'a dit ce matin, que dans la nuit d'avant-hier Bonaparte a eu de violents accès de sa maladie. Il souffrait de la tête, avait de grandes nausées et une palpitation de coeur continuelle. Bertrand et Montholon le veillèrent alternativement. Le Dr O'Meara lui ayant ordonné des remèdes, qui le firent beaucoup transpirer, il se trouvait mieux hier et n'est aujourd'hui que pâle et abattu. On m'a dit aussi qu'il devenait bien lourd et ne pouvait plus se promener, aller d'une chambre à l'autre, ni monter un degré sans s'es-souffler.

Le commissaire d'Autriche a demandé au gouverneur de Ste Hélène des nouvelles de la santé du Prisonnier de l'Europe; il lui a répondu qu'il ignorait entièrement ce qui se dit, se fait et se passe à Longwood.

XVI.

Св. Елена, 24 Мая 1818 н. ст., съ Генераль-Кидомъ, Остъ-инд. ком. кап. Нерю.

Г-жа Бертранъ сказала мнѣ нынче утромъ, что третьяго дня ночью съ Бонапартъ-мъ сдѣлались сильныя припадки его болѣзни. Онъ страдалъ головою болью, сильною тошнотою и безпрестанными

сердцебиеніями. Бертранъ и Монтолонъ попеременно сидѣли надъ нимъ. Докторъ О'Меара предписалъ ему лѣкарства, которыя произвели сильную испарину, и вчера онъ почувствовалъ себя лучше, и сегодня только блѣденъ и слабъ. Мнѣ сказали также, что онъ становится очень тяжелъ и не можетъ болѣе ни гулять, ни переходить изъ комнаты въ комнату, ни взойти на ступеньку не задыхаясь.

Австрійскій комиссаръ освѣдомлялся у губернатора Св. Елены о здоровьи Узника Европы. Онъ отвѣчалъ ему, что совершенно не вѣдаетъ, что говорится, творится и происходитъ въ Лонгвудѣ.

XVII.

Ste Hélène ce 26 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp. des Indes. Capt Nairue.

Le gouverneur de St. Hélène vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées une note officielle, que j'ai l'honneur de transmettre ci-jointe à V. E. en original. C'est l'affaire du Dr. O'Meara, qui lui en a donné l'idée, et j'y ai répondu ce qui suit:

«Monsieur le gouverneur.

J'ai reçu la note que vous me faites l'honneur de m'écrire le 23 de ce mois et m'empresse de vous déclarer, que je n'ai nulle connaissance des communications illicites, par lettres, messages et autres de ce genre que les habitants de Longwood ont entretenues ou peuvent entretenir encore à St. Hélène et en Europe. Si j'étais parvenu à en découvrir quelques unes capables de compromettre ou même d'intéresser la sûreté de leur détention, je n'eus pas tardé un instant, conformément à la lettre de mon Instruction: «Vous observerez tout et rendrez compte de tout» à en donner avis à ma cour, et je me serais fait un devoir de vous en prévenir également.

J'ai l'honneur d'être etc.»

Les commissaires d'Autriche et de France ont répondu dans le même sens. V. E. trouvera sous ce pli une proclamation de sir Hudson Lowe, qui a été lue, par l'ordre de ce dernier à tous les domestiques Anglais de Longwood, ce qui étant parvenu à la connaissance de Bonaparte, il a déclaré net, qu'il n'en voulait plus à son service et vient de les congédier indistinctement.

XVII.

Св. Елена, 26 Мая 1818 н. ст. съ Генералъ-Кидомъ, Остивид. комп. кап. Перю.

Губернаторъ Св. Елены только что разослалъ комиссарамъ Союзныхъ Державъ официальную записку, которую честь имѣю при семъ сообщить В-у С-ву въ оригиналь. Мысль это сдѣлать подало ему дѣло доктора О'Меара, и я отвѣчалъ на нее слѣдующимъ образомъ:

„Господинъ губернаторъ,

Я получилъ записку, коей вы удостоили меня отъ 23-го сего мѣсяца, и спѣшу объявить вамъ, что я не имѣю никакихъ свѣдѣній о nepозвопительныхъ сношеніяхъ посредствомъ писемъ, пересылокъ или инымъ путемъ, которыя произошли-бы или еще происходили между Лонгвудомъ и жителями Св. Елены или Европою. Если бы мнѣ удалось открыть подобныя сношенія, могущія подать поводъ хотя-бы къ малѣйшимъ опасеніямъ на счетъ вѣрности ихъ охраны, я бы ни на минуту не замедлилъ, согласно буквѣ моей инструкціи: „Вы будете наблюдать за всѣмъ и во всѣмъ отдавать отчетъ“ донести о томъ моему двору, да и васъ счелъ-бы долгомъ объ этомъ предупредить.

Честь имѣю бытъ п т. д.“

Коммиссары, Французскій и Австрійскій, отвѣчали въ томъ-же смыслѣ. В-е С-во найдете въ этомъ конвертѣ прокламацію сэра Гудсона Лоу, которая была читана, по приказанію этого послѣд-

няго, всѣмъ служителямъ-Англичанамъ въ Лонгвудѣ. Когда это дошло до свѣдѣнія Бонапарта, то онъ объявилъ на отрѣзъ, что не хочетъ болѣе, что-бы они оставались у него въ службѣ, и всѣхъ ихъ безъ различія отпустилъ.

XVIII.

Ste Hélène ce 28 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp. des Indes. Capt. Nairue.

Mes trois années de séjour à Ste Hélène devant expirer le 18 Juin 1819, je crois devoir profiter de la première occasion qui se présentera vers ce temps là pour retourner en Europe et ne puis omettre d'informer V. E. que loin de m'acclimatiser sur cet affreux rocher, j'y souffre constamment des nerfs. De l'aven de tous les médecins, la chaleur excessive, insupportable des tropiques est nuisible à ma santé et l'a déjà abimée.

XVIII.

Св. Елена 28 Мая 1818 н. ст. съ Генер. Кидомъ Остивид. комп. кап. Перю.

Такъ какъ трехгодичный срокъ моего пребыванія на Св. Еленѣ долженъ истечь 18-го Іюня 1819-го года, считаю нужнымъ воспользоваться первымъ случаемъ, который представится около этого времени, что-бы вернуться въ Европу, и не могу пременить донести В-му С-ву, что вмѣсто того чтобы приживаться къ этой ужасной скалѣ, я здѣсь безпрестанно страдаю нервнымъ разстройствомъ. По свѣдѣтельству всѣхъ медиковъ, крайній, нестерпимый жаръ тропиковъ вреденъ для моего здоровья и уже подточилъ его.

XIX.

Ste Hélène ce 5 Juin 1818 n. st. Par le General Kid de la Comp. des Indes. Capt. Nairue.

Hier Bonaparte a eu un accès de fièvre nerveuse et la tête extrêmement

embarassée. On lui fait avaler des sudorifiques qui le soulagent beaucoup. Il est mieux ce matin, mais ses jambes, ses lèvres et ses gencives sont fort enflées, et il a mal aux dents. Il souffre aussi de l'estomac et des entrailles. Tous les jours il se purge avec des sels.

C'est le gouverneur qui nous a communiqué ces détails. Il nous a déclaré en même temps que les tenants du Dr. O'Meara, un homme suspect et dévoué aux Français, il n'osait en garantir la véracité. Sa conduite peu conciliante envers tout le monde l'a réduit à n'être sûr de rien et à se faire des ennemis partout. Les commissaires des Puissances Alliées n'ont également aucun moyen de s'assurer de l'état des choses. Il les éloigne de Bonaparte, de son entourage et de Longwood autant que possible, et il en résulte que parce que Mr. Lowe ne peut s'arranger avec personne et ne voit partout que traitres et trahison, l'Europe doit ignorer ce que fait son Prisonnier.

XIX.

Св. Елена, 5-го Юня 1818 г. н. ст., съ Генер. Князь Остъинд. комп. вап. Перю.

Вчера съ Бонапартомъ былъ припадокъ нервной лихорадки, и голова его была очень тяжела. Его заставляютъ принимать потогонныя, которыя очень его облегчаютъ. Нынче утромъ ему лучше, но его ноги, его губы и десны очень распухли, и у него болятъ зубы. Онъ также ощущаетъ боль въ желудкѣ и въ кишкахъ. Каждый день онъ принимаетъ слабительныя соли.

Эти подробности сообщилъ намъ губернаторъ. Въ то-же время онъ объяснилъ намъ, что, узнавъ ихъ отъ доктора О'Меара, человека подозрительнаго и преданнаго Французамъ, онъ не смѣетъ ручаться за ихъ достоверность. Его неубыточное поведеніе совсѣми окружающими привело его къ тому, что онъ немо-

жетъ быть ни въ чемъ увѣренъ и надѣлалъ себѣ повсюду враговъ. Коммиссары Союзныхъ Державъ также не имѣютъ никакихъ средствъ узнать положеніе вещей. Онъ удаляетъ ихъ отъ Бонапарта, отъ его свиты и отъ Лонгвуда, насколько это ему возможно, и изъ этого выходитъ, что потому что г. Лоу не умѣетъ ни съ кѣмъ ладить и видить повсюду лишь предателей и предательство, Европа должна оставаться въ невѣдѣніи на счетъ того, что дѣлается съ ея Узникомъ.

XX.

Ste Hélène ce 18 Juin 1818 n. st. l'Ocean Store-ship. Capt. Johnson.

Наполѣонъ а toujours son mal de côté. Depuis six semaines il n'est pas sorti de son cabinet et personne, excepté son entourage, ne l'a vu. Il passe sa journée en robe de chambre ou bien reste au lit. Tous les Dimanches on lui apporte un bulletin de sa santé qu'il lit attentivement, approuve ou rectifie et qu'il remet ensuite à Bertrand.

Le gouverneur a déclaré ces bulletins nuls, mensongers; il m'a dit que jamais il n'en prendrait connaissance et qu'il en avait défendu la publication. On en fait, malgré cela, circuler à Ste Hélène et V. E. trouvera ci-inclus tous ceux qui ont paru jusqu'à ce jour. Comme ils ne sont pas officiels, je ne les transmets au Ministère Impérial que pour compléter ma correspondance. Je les crois un peu exagérés: O'Meara est ami des Français et veut intéresser l'Europe au sort de son Prisonnier; mais on le dit incapable d'en rédiger de faux, de manquer à ce point à l'honneur et à sa conscience. Napoléon est réellement malade, sa constitution est affaiblie, ce n'est que trop certain. Ces bulletins et les deux autres pièces de Longwood seront tôt ou tard insérés dans les journaux Anglais.

P. S. On assure que Bonaparte dit à qui veut l'entendre que si Marie Louise et son fils devaient lui être présentés par sir Hudson Lowe, il ne les recevrait pas.

XX.

Св. Елена, 18 Июня 1818 н. ст. съ кор. Океаномъ, кап. Джонсонъ.

У Наполеона все еще болитъ бока. Вотъ уже шесть недѣль, какъ онъ не выходилъ изъ своего кабинета, и какъ никто, кромѣ приближенныхъ, его не видалъ. Онъ проводитъ дни въ халатѣ или лежа въ постели. Всякое Воскресенье ему приносятъ бюллетень о его здоровьи, который онъ внимательно прочитываетъ, одобряетъ или поправляетъ, а за тѣмъ передаетъ Бертрану.

Губернаторъ объявилъ, что эти бюллетени недѣйствительны, ложны, сказалъ мнѣ, что онъ никогда не приметъ ихъ къ свѣдѣнію, и что онъ запретилъ ихъ обнародованіе. Но несмотря на то, ихъ распространяютъ по Св. Еленѣ, и въ С-во найдете при семъ всѣ тѣ, которые вышли до сихъ поръ. Такъ какъ они не официалны, то сообщаю ихъ Императорскому Министерству лишь какъ дополненіе къ моимъ донесеніямъ. Я полагаю, что они немного преувеличены: О'Меара другъ Французовъ и хочетъ заинтересовать Европу судьбою ея Узника; но какъ говорятъ, онъ не способенъ сочинить ложные бюллетени, поступать до такой степени противъ чести и совѣсти. Наполеонъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, его организмъ потрясенъ, это слишкомъ вѣрно. Эти бюллетени и два другіе документа изъ Лонгвуда рано или поздно будутъ помѣщены въ Англійскихъ журналахъ.

P. S. Увѣряютъ, что Бонапартъ говоритъ всякому, кто хочетъ слушать, что если-бы Марія-Луиза и его сынъ явились къ нему съ сэромъ Гудсономъ Лоу, онъ-бы ихъ не принялъ.

XXI.

St-te Hélène ce 11 Juillet 1818 n. st. Par le Northumberland de la Comp. des Indes. Capt. Mitchell.

Le Baron Stürmer vient de recevoir son rappel. Le terme de son séjour à Ste Hélène, qui avait été fixé à deux ans, est expiré le 18 Juin dernier. Il est nommé consul général aux Etats Unis et fera voile aujourd'hui pour l'Europe. J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. sa lettre de congé au gouverneur et la réponse qu'il en reçue. Le Marquis de Montchenu est chargé provisoirement et jusqu'à ce qu'il plaise à la cour de Vienne d'envoyer un autre commissaire, d'en remplir les fonctions et de correspondre avec le Ministère Autrichien.

Ne voulant pas quitter Ste Hélène sans voir Napoléon, M-r. de Stürmer pria Sir Hudson Lowe de s'employer de son mieux à lui en procurer l'occasion et promit de se soumettre à tous les réglemens prescrits en pareil cas aux simples voyageurs. Celui-ci, quoique résolu de contrarier ce dessein, eut l'air de s'y prêter et se rendit avec lui à Longwood; mais au lieu de faire à Bertrand la visite d'usage, il chargea le Major Gorrequer d'arranger cette affaire avec Montholon; ce procédé peu délicat fâcha Napoléon et valut à ces messieurs la lettre ci-jointe en copie.

Ces jours passés, étant sans nouvelles de Longwood, j'essayai d'en demander au gouverneur. Je me doutais bien qu'il n'en saurait aucune; mais il m'avait écrit dans sa note du 4 Juin: «Veuillez bien croire que je serai toujours prêt et que je désire particulièrement vous donner toutes les informations possibles sur Napoléon Bonaparte chaque fois que vous me ferez l'honneur de m'en demander». Et je voulais, en le prenant au mot, me mettre par-

faitement en règle avec lui et jouir de son embarras. Il m'apporta lui même sa réponse, qui n'est d'un bout à l'autre que galimatias. V. E. la trouvera ci-jointe en copie.

Napoléon est indigné que l'Autriche ait rappelé son commissaire. Il m'a fait dire par Montholon qu'il se réjouissait de me conserver près de lui, que j'exerçais sur ce rocher un contrôle indirect et tout essentiel à sa sûreté, qu'il espérait de la magnanimité de notre Auguste Maître, que jamais Il n'abandonnerait un Prince malheureux, qu'il Le conjurait, par le souvenir d'une ancienne amitié, de l'arracher à cet affreux exil, de lui en désigner un autre moins insalubre; qu'étant l'arbitre de l'Europe Il le pouvait aisément et que la postérité la plus reculée admirerait Sa conduite noble, sublime envers un homme qui a porté la guerre dans le sein de Son Empire. En même temps, il permit à Montholon de me communiquer divers écrits curieux et intéressants, entr'autres:

1-mo). Les anecdotes de son mariage avec Marie Louise. (Cette pièce est insérée déjà dans les journaux Anglais ou le sera incessamment).

2-do). Une relation de la bataille de Waterloo (celle que le général Gourgaud veut publier en France n'est pas la véritable).

3-tio). Une revue des campagnes de Frédéric le Grand. (C'est le héros de Napoléon).

4-to). La campagne de 1814 et les particularités secrètes de son retour à Paris en 1815.

Pour recueillir et copier tous ces écrits, il faudrait être plus libre que je ne le suis, de voir les Français à Longwood ou de les réunir chez moi.

Je ne puis fermer ce paquet sans avoir l'honneur d'informer V. E. que

j'ai été grièvement malade le mois passé et que je souffre toujours des nerfs. Si le Ministère Impérial jugeait à propos de me continuer dans cet emploi au de là de trois années, je ne serais plus en état de m'en acquitter. L'air dévorant de ce rocher me tue, l'esprit même s'y affaiblit.

P. S. Je viens d'apprendre que la brochure intitulée: «Lettres écrites du Cap de Bonne Espérance», qu'on attribue à Las Cases et que V. E. a lue sans doute, est de Montholon.

XXI

Св. Елена, 11 Июля 1818 и ст., съ Португеландомъ Остъланд. комп. кап. Мичель.

Баронъ Штюрмеръ отозванъ отъ своего поста. Срокъ его пребыванія на св. Еленѣ, опредѣленный въ два года, истекъ 18-го прошлаго мѣсяца. Онъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Соединенныхъ Штатахъ и сегодня отплываетъ въ Европу. Честь имѣю препроводить при семъ В-у С-ву его почтальное письмо къ губернатору и полученный имъ отвѣтъ. Маркизу Моншеню поручено временно, и пока Вѣнскому двору не заблагоуразсудится послать другаго комиссара, исправлять его должность и сносятся съ Австрійскимъ министерствомъ.

Не желая оставить св. Елену, не видавши Наполеона, г. Штюрмеръ просилъ сэра Гудсона Лоу постараться о томъ, чтобы доставить ему къ тому случай, и общалъ ему подвергнуться всѣмъ формальностямъ, предписаннымъ на этотъ случай простымъ путешественникамъ. Губернаторъ, хотя твердо рѣшившійся противодействовать этому желанію, притворился, что хочеть его исполнить, и отправился съ нимъ въ Лонгвудъ: но вмѣсто того, чтобы сдѣлать Бертрану обычный визитъ, онъ поручилъ майору Горрекеру уладить это дѣло съ Монтолономъ. Этотъ неделикатный способъ дѣйствія разсердилъ

Наполеона и навлекъ на этихъ господъ письмо, при семъ приложенное въ копіи.

На этихъ дняхъ, не имѣя извѣстій изъ Лонгвуда, я попытался попросить ихъ у губернатора. Я предвидѣлъ, что онъ ничего не будетъ знать; но онъ писалъ мнѣ отъ 4 Іюня: „Будьте увѣрены, что я всегда буду готовъ и особенно радъ давать вамъ всевозможныя свѣденія о Наполеонѣ Бонапартѣ каждый разъ, какъ вы сдѣлаете мнѣ честь обратиться за ними ко мнѣ.“ И я хотѣлъ поймать его за слово, отнять у него всякій поводъ къ нареканіямъ и насладиться его смущеніемъ. Онъ самъ принесъ мнѣ свой отвѣтъ, который съ начала до конца — галиматья. В-е С-во найдете его при семъ въ копіи.

Наполеонъ негодуетъ на то, что Австрія отозвала своего комиссара. Онъ велѣлъ сказать мнѣ черезъ Монтолона, что онъ радуется тому, что я остаюсь при немъ, что я на этой скалѣ произвожу косвенный контроль, совершенно необходимый для его безопасности; что онъ ожидаетъ отъ великодушія нашего Августѣйшаго Повелителя, что никогда онъ не оставитъ несчастнаго монарха, что онъ закликаетъ Его, памятью старинной дружбы, исторгнуть его изъ этого ужаснаго мѣста изгнанія и назначить ему иное менѣе нездоровое; что Ему, рѣшающему судьбы Европы, это будетъ легко, и что самое отдаленное потомство будетъ удивляться Его благородному, возвышенному поступку съ человекомъ, который внесъ войну въ нѣдра Его Имперіи. Выбѣтъ съ тѣмъ, онъ позволилъ Монтолону сообщить мнѣ разныя любопытныя и интересныя рукописи, между прочимъ:

1) Анекдоты о его бракѣ съ Маріею Луизою. (Этотъ документъ уже помѣщенъ въ Англійскихъ журналахъ или явится въ нихъ въ скоромъ времени).

2) Реляцію о битвѣ при Ватерлоо, (та, которую хочетъ напечатать во Франціи генераль Гурго, не есть подлинная).

3) Взглядъ на кампаніи Фридриха Великаго. (Это герой Наполеона).

4) Кампанія 1814-го года и тайныя подробности его возвращенія въ Парижъ въ 1815 году.

Для того, чтобы собрать и списать все эти бумаги, мнѣ нужно было бы свободнѣе посѣщать Французовъ въ Лонгвудѣ и принимать ихъ у себя.

Не могу запечатать этого конверта, не извѣстивъ В-го С-ва, что я прошлымъ мѣсяцомъ былъ тяжело боленъ, и что я все еще страдаю нервами. Если бы Императорское Министертво сочло нужнымъ сохранить за мною эту должность долѣе трехъ лѣтъ, я не былъ бы болѣе въ состояніи исполнять ее. Жгучій воздухъ на этой скалѣ убиваетъ меня, самый умъ мой здѣсь слабѣетъ.

P. S. Я только что узналъ, что брошюра подъ заглавіемъ: „Письма съ Мыса Доброй Надежды“, приписанная Ласъ Казу, и которую конечно читали В-е С-во, написана Монтолономъ.

XXII.

Ste Hélène ce 11 Juillet 1818 n. st. Par le Northumberland de la Comp. des Indes. Capt. Mitchell.

Ce matin, M-r. de Stürmer a fait une nouvelle démarche à Plantation-House pour être présenté à Longwood. Il a demandé à y aller sans être accompagné d'un officier Anglais et à faire au C-te Bertrand la visite d'usage. Le gouverneur vient de lui répondre ce qui suit:

«Monsieur le Baron.

Pendant que j'étais occupé à dicter une réponse à votre lettre, j'ai reçu un rapport, qui met fin à toute question sur votre projet de voir Napoléon Bonaparte avant votre départ; car dans ce rapport, ou le représente comme ayant été très malade durant la nuit; à tel point même qu'il a enfin consenti à consulter une autre personne de la faculté, et c'est le chirurgien du vaisseau amiral qu'il a fait appeler».

Le gouverneur n'a pas jugé à propos de me communiquer ce rapport de Longwood. On m'assure que Napoléon a fait répondre chaque fois qu'on lui a proposé un médecin de la part de sir Hudson Lowe: «Il n'y a qu'un fou qui prenne un médecin de la main de son ennemi».

P. S. Je fermis ce paquet lorsqu'on m'apporta de Plantation-House une note du gouverneur relative à l'indisposition de Napoléon de la nuit dernière, que je m'empresse d'envoyer ci-jointe au Ministère Impérial en original.

XXII.

Св. Елена, 11 Юля 1818 г. н. ст. съ Нортумберландомъ Остлинд. комм. Кан. Мичель.

Нынче утромъ, г. Штюрмеръ сдѣлалъ новую попытку въ Плантешенъ-Гоузъ, чтобы быть представленнымъ въ Лонгвудъ. Онъ попросилъ позволенія отъ правителя туда безъ Англійскаго офицера и сдѣлать графу Бертрану обычный визитъ. Губернаторъ отвѣтилъ ему слѣдующее:

«Господинъ баронъ,

Въ то время, какъ я диктовалъ отвѣтъ на ваше письмо, я получилъ донесеніе, полагающее конецъ всякому вопросу о Вашемъ желаніи видѣть Наполеона Бонапарта, до вашего отъѣзда; ибо въ этомъ донесеніи говорится, что онъ въ теченіи ночи былъ очень боленъ, и это до такой степени, что онъ наконецъ рѣшился обратиться къ другому медику, и послалъ за хирургомъ адмиральскаго корабля.»

Губернаторъ не счелъ нужнымъ сообщать мнѣ это донесеніе изъ Лонгвуда. Увѣряютъ меня, что Наполеонъ, всякій разъ, какъ ему отъ сэра Гудсона Лоу предлагали медна, приказывалъ отвѣчать ему: *только сумасшедшій возьметъ себя медика изъ рукъ врага.*

P. S. Я запечатывалъ этотъ конвертъ, когда мнѣ привезли изъ Плантешенъ-

Гоуза записку губернатора, относящуюся къ нездоровью Наполеона нынѣшнюю ночью, которую и спѣшу послать при семъ Императорскому Министерству въ оригиналъ.

XXIII.

Ste Hélène ce 15 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright.

Napoléon a décidément le foie opilé. Après un examen attentif de tous les symptômes de sa maladie, le Dr. O'Meara l'a déclaré de nouveau et en termes précis, formels. Il nomme cette maladie une «Hepatie Chronique». Le gouverneur lui même n'ose plus le nier et m'a dit ce matin d'un air assez embarrassé: «que le Prisonnier de l'Europe était réellement malade, qu'il prenait beaucoup de mercure, qu'on lui recommandait l'exercice du cheval, mais qu'il ne bougeait pas de sa chambre à coucher et se tuait à plaisir».

Mr. Stokoe, chirurgien du vaisseau amiral, qui avait été appelé à Longwood le 11 de ce mois, a refusé de voir Napoleon et d'entrer en consultation avec O'Meara. Les deux lettres ci-jointes en copie, prouvent qu'il a craint de choquer Mr. Baxter, le protégé du gouverneur et de s'attirer de méchantes affaires.

Le Capt. Blakemy vient d'obtenir sa démission du poste d'officier d'ordonnance à Longwood, et Lt.-Colonel Lyster Inspecteur de la milice et ami intime de Sir Hudson Lowe l'y remplace. C'est un Irlandais avancé en age et très honnête homme. En 1793 il était Major de place à Ajaccio où il a connu la famille Bonaparte. Napoléon le déteste et lui a déjà fait refuser sa porte.

On fait dans le Journal Ministeriel «The Courier» du 17 Avril 1818 un éloge pompeux de l'adjudant-general Sir Thomas Reade. On y assure entr'autres que ce dernier a des manières polies

et même raffinées, un très heureux et très aimable caractère, beaucoup d'instruction, qu'il sait parfaitement l'Italien et que Bonaparte le voit avec plaisir. Tout cela est faux. L'adjudant-général Sir Thomas Reade est l'ami, le conseiller intime, le confident unique du gouverneur et par cette raison ne communique avec personne à Longwood. Il sait un peu d'Italien, mais n'a nulle étude, et ce n'est pas un homme aimable, ni d'esprit, ni de bonne conversation: c'est un John Bull tout cru. Napoléon dédaigne de le voir, de lui parler, et les Anglais le craignent.

Longwood fait imprimer en Europe deux manuscrits fort intéressants:

L'un est intitulé: «Manuscrit venu de l'île d'Elbe, par le Comte *** et traite des événements de 1814 et 1815.

L'autre est un 2-me Manuscrit venu de Ste Hélène, par le Comte *** auteur du 1-er Manuscrit venu de Ste Hélène. C'est une relation de la bataille de Waterloo.

Ils sont de Napoléon lui-même. On vient de me le dire en grand secret, et je le garantis à V. E. Le 1-er Manuscrit venu de St. Hélène n'est pas de lui, mais il en adopté les idées, et le 2-me en est un supplément.

XXIII.

Св. Елена, 15-го Июля 1818 г. я. ст. съ бригамоъ Гривоно, кап. Райтъ.

У Наполеона рѣшительно засорена печень. По внимательномъ разсмотрѣннн всѣхъ симптомовъ его болѣзни, докторъ О' Меара опять объявилъ это самымъ положительнымъ образомъ. Онъ называетъ его болѣзнь хроническимъ воспаленіемъ въ печени. Самъ губернаторъ не смѣетъ болѣе этого отрицать, и сказалъ мнѣ нынче утромъ, съ видомъ довольно смущеннымъ: что Узиникъ Европы действительно боленъ, что онъ при-

IV. 4.

нимаетъ много ртутныхъ лѣкарствъ, что ему предписываютъ верховую ѣзду, но что онъ не двигается съ мѣста и сознательно моритъ себя.

Г. Стоко, хирургъ адмиральскаго корабля, котораго призывали въ Лонгвудъ 11 го этого мѣсяца, отказался видѣть Наполеона и вступать въ консультацію съ О' Меара. Приложенныя при семъ въ копіяхъ два письма доказываютъ, что онъ побоялся обидѣть г. Бакстера, любимца губернатора, и навлечь на себя неприятели.

Капитанъ Блекмей испросилъ себѣ отставку отъ должности ординарца въ Лонгвудѣ. Майоръ Листеръ, инспекторъ милиціи и близкій другъ сэра Гудсона Лоу, замѣняетъ его. Это Ирландецъ, человекъ пожилой и очень честный. Въ 1793 году, онъ былъ плацъ-майоромъ въ Аяччіо, гдѣ онъ зналъ семейство Бонапарта. Наполеонъ ненавидитъ его и уже велѣлъ его къ себѣ не пускать.

Въ министерскомъ журналѣ „Курьеръ“ отъ 17-го Апрѣля 1818 пышно расхваливаютъ старшаго адъютанта, сэра Томаса Рида. Въ журналѣ этомъ увѣряютъ между прочимъ, что онъ имѣетъ манеры учтивыя и даже утонченныя, открытый и весьма любезный характеръ, много свѣдѣній, что онъ отлично говорить по италіянски, и что Бонапартъ съ удовольствіемъ выдается съ нимъ. Все это неправда. Сэръ Томасъ Ридъ — другъ, ближайшій совѣтникъ, единственный повѣренный губернатора и по этой причинѣ ни съ кѣмъ въ Лонгвудѣ не имѣетъ сообщеній. Онъ знаетъ немного по италіянски, но вообще онъ мало свѣдущъ, и онъ ни любезенъ, ни уменъ, ни пріятель въ разговорѣ — это неотесанный Джонъ Буль. Наполеонъ не удостоиваетъ его ни взгляда, ни слова, и Англичане его боятся.

Лонгвудъ издаетъ въ Европѣ двѣ весьма интересныя рукописи:

Одна изъ нихъ озаглавлена: „Рукопись съ острова Эльбы, графа ***“ и трактуеть о событіяхъ 1814 и 1815-го годовъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 23

Другая—, Вторая рукопись съ острова Св. Елены, графа *** автора первой рукописи съ острова Св. Елены.“ Это реляція о битвѣ при Ватерлоо.

Авторъ ихъ—самъ Наполеонъ. Мнѣ только что сообщили это подъ величайшимъ секретомъ, и я ручаюсь въ этомъ передъ В-мъ С-мъ. „Первая рукопись съ острова Св. Елены“ написана не имъ, но онъ согласился съ выраженными въ ней мыслями, и „вторая“ есть дополненіе къ ней.

XXIV.

S-te Hélène ce 20 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright

Il y a querelle entre Longwood et Plantation-House à l'occasion du nouvel officier d'ordonnance, qui déplait à Bonaparte et dont il veut se défaire. Le Gouverneur le soutient vigoureusement, et de part et d'autre on s'écrit des épîtres violentes. Je ne tarderai pas à envoyer les copies au Ministère Impérial.

XXIV.

Св. Елена, 20 Іюля 1818 н. ст. Съ бригамоъ Грифонъ, кап. Райтъ.

Между Лонгвудомъ и Плантешенъ-гоузомъ ссора по поводу новаго ординарца, который не нравится Бонапарту и отъ котораго онъ хочетъ отдѣлаться. Губернаторъ сильно поддерживаетъ его, и они пишутъ другъ къ другу раздраженные письма. Не замедлю прислать копию съ нихъ Императорскому Министерству.

XXV.

S-te Hélène ce 26 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright.

Il est arrivé un grand esclandre à Longwood. Le lt. colonel Lyster, qui avait à se plaindre des procédés du Cte Bertrand, l'a provoqué en duel le 24 de ce mois et menace de le rouer de coups. Il a même insulté Napoléon.

V. E. trouvera ci-joint la copie de trois lettres, où le fait est raconté fort en détail. Je n'ai pas le temps aujourd'hui d'y ajouter mes observations.

En conformité d'un ordre de Mylord Bathurst du 16 Mai 1818 et communiqué hier au Dr. O'Meara, ce dernier a quitté Longwood ce matin et retourne en Europe. Il a reçu le même jour une lettre des lords de l'Amirauté, qui louent son zèle, sa conduite, rendent de bons témoignages de sa capacité et lui font espérer un autre emploi honorable et lucratif.

Le Gouverneur ayant appris qu'il tenait un journal sur la maladie de Napoléon, lui enjoignit expressément d'en laisser une copie ou des extraits au dr. Baxter, mais il ne voulut pas s'en dessaisir. «Contentez vous, lui dit-il, des bulletins non officiels déposés chez le C-te Bertrand. Ils ne sont ni faux, ni préparés, et si vous n'y croyez pas, vous ne croirez pas non plus à mon journal».

P. S. 27 Juillet. Le Docteur Verling de l'Artillerie Royale a remplacé O'Meara à Longwood. Napoléon accable Sir Hudson Lowe de reproches, d'injures. Il est dans une grande agitation d'esprit et ne veut voir aucun médecin. Le lt. colonel Lyster est redevenu Inspecteur de la milice. Le lieutenant Jackson de la Compagnie des ouvriers, est nommé provisoirement officier d'ordonnance.

M-r de Montchenu a demandé au Roi son Maître, en récompense de ses services à S-te Hélène, le brevet de lt. général, le cordon rouge, 500 liv. sterling d'augmentation par an et à l'Empereur François 1200 liv. st. de traitement comme commissaire d'Autriche. Il faut convenir, s'il obtient tout cela, qu'il ne sera pas à plaindre.

XXV.

Св. Елена, 26 Июля 1818 г. н. ст. съ бригаомъ Григономъ, кап. Райтъ.

Въ Лонгвудѣ произошла большая ссора. Майоръ Листеръ, имѣвшій поводъ жаловаться на поступки съ нимъ гр. Бертрана, вызвалъ его на дуэль 24-го этого мѣсяца, и грозитъ прибить его. Онъ даже оскорбилъ Наполеона. В-с С-во найдете при семъ копію съ трехъ писемъ, въ которыхъ фактъ разсказанъ весьма подробно. Не имѣю сегодня времени присовокупить къ этому разсказу мои замѣчанія.

Согласно приказанію лорда Батурса отъ 16-го Мая 1818, сообщенному вчера доктору О'Меара, этотъ послѣдній нынѣ утромъ оставилъ Лонгвудъ и возвращается въ Европу. Онъ въ тотъ же день получилъ письмо отъ лордовъ Адмиралтейства, которые хвалятъ его рвеніе, его поведеніе, свидѣлствуютъ объ отличныхъ его способностяхъ, и подають ему надежду на другую почетную и прибыльную должность.

Губернаторъ, узнавъ, что онъ велъ журналъ о болѣзни Наполеона, настоятельно потребовалъ, что бы онъ оставилъ съ него копію или извлеченіи доктору Бакстеру, но онъ не захотѣлъ вышустить его изъ рукъ. „Довольствуйтесь — отвѣчалъ онъ — неофициальными бюллетенями, хранящимися у гр. Бертрана: они ни лживы, ни поддѣльны, и если вы имъ не вѣрите, вы не повѣрите также моему журналу.“

P. S. 27 Июля. Докторъ Верлингъ пѣзъ Королевской Артиллеріи замѣнилъ О'Меара въ Лонгвудѣ. Наполеонъ осыпаетъ сэра Гудсона Лоу упреками, бранью. Онъ въ крайнемъ волненіи и не хочетъ видѣть никакого медика. Майоръ Листеръ снова сдѣланъ инспекторомъ милиціи; лейтенантъ Джексонъ изъ Компаніи рабочихъ временно назначенъ ординарцемъ.

Г. Моншеню попросилъ у короли, въ награду за свою службу на Св. Еленѣ, назначенія въ генераль-лейтенанты, красной ленты и прибавки жалованія

въ 500 ф. стерл. въ годъ, а у Императора Франца 1200 ф. ст. содержанія въ качествѣ комиссара Австріи. Если онъ все это получитъ, то надобно сознаться, что ему жаловаться будетъ не на что.

XXVI.

Ste Hélène ce 2 Aout 1818 n. st. Par le Général Harris de la Comp. des Indes. Capt. Wellstead.

Ce matin le Dr. O'Meara est parti pour l'Europe sur le brig «Griffon», capt. Wright. On ignore à Ste Hélène ce qui a décidé Mylord Bathurst à lui ôter son emploi. J'ai pris à cet égard des informations de tous les côtés et n'ai rien découvert. Le gouverneur m'a dit en termes généraux qu'O'Meara était enthousiaste de Bonaparte, et capable de lui sacrifier son honneur et ses devoirs. Les Français m'ont soutenu le contraire, et O'Meara m'a assuré qu'il se justifierait à Londres des accusations intentées contre lui, que sa disgrâce venait uniquement de ce qu'il n'avait pas voulu servir d'espion au Gouverneur. J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. la copie de trois lettres relatives à son départ.

Napoléon ne voit pas encore le Dr. Verling et a cessé de prendre du mercure. Ces jours derniers il se portait mieux et avait même assez bonne mine, mais il est presque toujours au lit, ne fait aucun exercice et s'affaiblit. On a forcé le capt. Blakemy de continuer ses fonctions d'officier d'ordonnance à Longwood. Il y est établi de nouveau et se plaint amèrement de son sort. V. E. trouvera ci-après une lettre que j'ai écrite au Gouverneur sur le rappel du Dr. O'Meara et la réponse du gouverneur à ma lettre.

Monsieur le Gouverneur,

Veillez me permettre de recommander à vos soins obligeants mon paquet

ci-joint à M-r le C-te de Lieven. Je vous avoue que j'ai été un peu embarrassé de parler du rappel du Dr. O'Meara; ne sachant s'il avait eu simplement sa démission ou si ayant commis quelque faute grave, il partait comme prisonnier pour être jugé à Londres. Les bruits de l'île à son sujet varient beaucoup. Il est probable que son départ précipité fera sensation en Europe, et je suis fâché de ne pouvoir en expliquer à ma Cour le véritable motif. Le renvoi et l'arrestation du seul médecin en qui Napoleon aie mis sa confiance est un fait sur lequel j'aurais désiré avoir une opinion sûre et invariable. Je ne puis juger des principes et de la conduite du Dr. O'Meara que d'après mes relations personnelles avec lui, et elles sont toutes à son avantage. Je l'ai toujours trouvé sage, circospect et surtout bon Anglais, aussi j'ai cru devoir en toute occasion lui donner les éloges qu'il méritait à mes yeux. Je vous demande pardon, Monsieur le Gouverneur, de vous importuner de détails, qui ne peuvent vous intéresser, mais obligé de rendre compte à St. Pétersbourg de ce qui se passe à Ste Hélène, j'ai voulu que vous sachiez l'incertitude où je me trouve à l'égard d'un fait assez important; car sans doute il vous a fallu, ainsi qu'à Mylord Bathurst, de fortes raisons et une faute sérieuse, prouvée à l'évidence, pour renvoyer O'Meara de l'île si subitement et dans un moment où son assistance à Longwood a été déclarée indispensable.

Réponse de Sir Hudson Lowe.

Monsieur le comte,

J'ai cru vous avoir expliqué l'autre jour chez M-r de Montchenu que M-r O'Meara avait été retiré de son emploi à Longwood et renvoyé de cette île par

ordre direct de son gouvernement. Il est chirurgien de la marine Royale Anglaise, dans l'emploi de son propre gouvernement et ne dépendant nullement de Napoléon Bonaparte; ainsi il n'y a pas de compte à rendre. Cependant, il n'aura probablement pas été retiré de sa situation sans qu'on aie été déterminé à cette mesure en Angleterre par des motifs puissants outre ce qui est connu de sa conduite dans cette île. On a offert à Napoléon Bonaparte le choix de tous les autres médecins et chirurgiens résidant à Ste Hélène et en attendant on a placé auprès de lui le Docteur Verling, homme de mérite et du caractère le plus honorable, contre lequel on sait qu'il n'a pas eu d'objection personnelle.

XXVI.

Св. Елена 2 Авг. 1818 г. ст., съ Генераломъ Гаррисомъ Остлинд. коми., капит. Вельстедъ.

Ишьче утромъ, докторъ О'Меара уѣхалъ въ Европу на бригѣ „Гриффонъ“, капитанъ Райтъ. На Св. Еленѣ не знаютъ, что побудило Милорда Батурца отринуть его отъ должности. Я на этотъ счетъ со всѣхъ сторонъ собиралъ справки и ничего не узналъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ, что О'Меара бредитъ Наполеономъ и способенъ пожертвовать ему своею честію и всѣми своими обязанностями. Французы утверждаютъ противное, а О'Меара увѣрялъ меня, что онъ оправдается въ Лондонѣ въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него, что его опала происходитъ единственно отъ того, что онъ не хотѣлъ служить шпиономъ губернатору. Честъ пмѣю препроводить при семь В-му С-ву коши съ трехъ писемъ, относящихся къ его отъѣзду.

Наполеонъ еще не допускаетъ до себя доктора Верлинга и пересталъ принимать ртутное лекарство. Эти послѣдніе дни, онъ чувствовалъ себя лучше и даже пмѣлъ видъ довольно здоровый,

но онъ почти постоянно лежитъ въ постели, не дѣлаетъ моціона и слабѣетъ. Капитана Блекмея принудили продолжать исполненіе должности ординарца въ Лонгвудѣ. Онъ снова водворенъ тамъ и горько жалуется на свою судьбу. В-е С-во найдете ниже письмо, написанное мною губернатору по поводу отозванія доктора О'Меара и отвѣтъ губернатора на это письмо.

Господинъ губернаторъ.

Позвольте мнѣ поручить вашимъ обязательнымъ попеченіямъ приложенный при семъ пакетъ мой къ гр. Ливену. Признаюсь, что я былъ нѣсколько затрудненъ, говоря объ отозваніи доктора О'Меара; ибо я не знаю, просто-ли онъ получилъ отставку, или онъ ѣдетъ въ Лондонъ арестованный, что-бы быть судимымъ за какой либо важный проступокъ. Слухи о немъ на островѣ весьма разнообразны. Весьма вѣроятно, что его внезапный отъѣздъ произведетъ впечатлѣніе въ Европѣ, и сожалѣю, что не могу объяснить моему Двору истинную его причину. Удаленіе и арестъ единственнаго медика, снискавшаго довѣріе Наполеона, есть фактъ, относительно котораго я желалъ-бы имѣть основательное и неизмѣнное мнѣніе. Объ убѣжденіяхъ и поведеніи доктора О'Меара могу судить только по личнымъ моимъ сношеніямъ съ нимъ, и они говорятъ совершенно въ его пользу. Я всегда находилъ его благоразумнымъ, осторожнымъ, и главное ревностнымъ Англичаниномъ, и по этому считалъ долгомъ при всякомъ случаѣ упоминать о немъ съ тою похвалою, которой онъ заслуживалъ въ моихъ глазахъ. Извините меня, г. губернаторъ, за то, что утруждаю васъ подробностями, которыя не могутъ васъ интересовать; но, будучи обязанъ отдавать въ Петербургѣ отчетъ о томъ, что происходитъ на Св. Еленѣ, я хотѣлъ, что-бы вы знали о недоумѣніи, въ которомъ я нахожусь относительно факта довольно важнаго, ибо конечно и вамъ и лорду Батуреу нужны были сильныя побудительныя причины и тяжкій

проступокъ, несомнѣнно доказанный, для того, что-бы выслать съ острова О'Меара столь внезапно, и въ минуту, когда помощь его въ Лонгвудѣ была признана необходимою.

ОТВѢТЪ СЭРА ГУДСОНА ЛОУ.

Графъ. Я кажется объяснилъ вамъ на дняхъ у г. Моншеню, что г. О'Меара былъ отозванъ отъ своей должности въ Лонгвудѣ и высланъ съ этого острова по прямому приказанію своего начальства. Онъ хирургъ королевскаго англійскаго флота, служить собственному своему правительству, нисколько не зависить отъ Наполеона Бонапарта, и по этому ни о какихъ отчетахъ не можетъ быть рѣчи. Однако-же, весьма вѣроятно, что его не удалили-бы отъ занимаемой имъ должности, если-бы на это не было сильныхъ поводовъ, кромѣ того, что извѣстно о поведеніи его на этомъ островѣ. Наполеону Бонапарту предложили на выборъ всѣхъ прочихъ медиковъ и хирурговъ, живущихъ на св. Еленѣ, и пока помѣстили при немъ доктора Верлинга, человѣка съ заслугами и самаго почтеннаго характера, противъ котораго, какъ извѣстно, онъ никакихъ личностей имѣть не могъ.

XXVII.

S-te Hélène ce 14 Aout 1818 n. st Par le General Harris de la Comp. des Indes. Capt. Wellstead

Le Gouverneur vient de me faire une ample et exacte énumération des fautes du Dr. O'Meara. Il le déclare atteint et convaincu:.

1-mo. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, remis au prêtre Brice la petite tabatière de 7 à 8 louis, dont il est fait mention dans mon rapport sub № 17, et m'a lu des documents relatifs à ce délit qui, selon moi, ne le prouvent pas suffisamment.

2-do. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, acheté en ville et voulu

porter à Longwood un télescope et des livres.

3-tio. D'avoir, un jour, à l'insu de l'officier d'ordonnance, averti les Français que le commissaire de Russie se promenait à cheval dans leur enceinte, ce qui les y a attirés.

4-to. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, parlé à Napoléon d'autre chose que de médecine ou d'obstruction au foie; enfin d'avoir commis cent fautes dans ce genre.—Je lui ai demandé s'il avait aidé à quelque projet d'évasion, entretenu des correspondances suspectes etc. etc. Il ne me répondit ni oui ni non. Mais j'ai cru m'apercevoir, qu'il n'était pas tout à fait sans inquiétude sur ce que l'accusé dirait à Londres à sa justification et contre son accusateur.

Ces jours derniers, le C-te Montholon me sollicita avec toutes les instances possibles de me charger d'une lettre de Napoléon à notre Auguste Maître. «Votre devoir, me dit-il, vous y oblige strictement, et vous y trouverez aussi votre avantage». Je ne lui répondis pas un mot.

«Le Baron Stürmer, reprit-il, s'est mal conduit à Longwood. Etant commissaire de famille, il pouvait y jouer un beau rôle. On ne lui demandait que des nouvelles de Marie Louise, et il a refusé d'en donner. Il est parti sans argent. L'Empereur désirait lui prêter 100 m. francs ou lui remettre des Mémoires historiques qu'il eut vendu 6 à 7 m. liv. sterlg. Mais il nous témoignait peu de confiance et s'est fait grand tort à lui même». On devine aisément ce que M-r Montholon voulait m'insinuer en parlant du Baron Stürmer.

«C'est, ajouta-t'il, en abandonnant le profit de nos rédactions à des voyageurs, à des officiers, à des marchands, à des capitaines de store-ships que tout

passé et s'imprime en Europe. Les observations sur le discours de Mylord Bathurst y sont arrivées de cette manière, et nous avons maintenant un Manuscrit précieux qu'on veut mettre au jour. Le voulez-vous? On vous l'offre de bon coeur».

Je l'assurai, en plaisantant, que si j'étais en possession des écrits de Napoléon, je les enverrais de suite à l'Empereur Alexandre.

XXVII.

Св. Елена 14 Авг. 1818. н. ст., съ Генер. Гаррисомъ Остъинд. кави. кап. Вѣдъстѣдъ.

Губернаторъ только что исчислилъ мнѣ, пространно и по пунктамъ, проступки доктора О'Меара. Онъ утверждаетъ, что докторъ уличенъ:

1) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, передалъ священнику Брису маленькую табакерку (въ 7 или 8 лундоровъ), о которой говорится въ моемъ донесеніи подъ № 17. Онъ читалъ мнѣ документы, относящіяся къ этому проступку, но по моему мнѣнію, недостаточны его доказывающіе.

2) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, купилъ въ городѣ и хотѣлъ повезти въ Лонгвудъ телескопъ и книги.

3) Въ томъ, что онъ однажды, безъ вѣдома ординарца, извѣстилъ Французовъ о томъ, что Русскій комиссаръ гуляетъ верхомъ въ ихъ оградѣ, что и привлекло ихъ туда.

4) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, говорилъ съ Наполеономъ объ иныхъ вещахъ, чѣмъ о медицинѣ и о завалахъ въ печени; наконецъ, въ сотнѣ иныхъ, тому подобныхъ проступкахъ. Я спросилъ его, содѣйствовалъ-ли докторъ О'Меара какой либо попыткѣ къ бѣгству, вѣлъ-ли онъ подозрительную переписку, и т. д. На это онъ не сказалъ мнѣ ни да, ни нѣтъ. Но мнѣ показалось, что онъ не совсемъ спокоенъ на счетъ того, что скажетъ въ Лондонѣ обвиненный въ свою защиту и противъ обвинителя.

На этихъ послѣднихъ дняхъ, гр. Монтлонъ со всевозможною настоятельностью просилъ меня о томъ, чтобы я взялся доставить письмо отъ Наполеона къ нашему Августѣйшему Повелителю. „Ваша должность“, сказалъ онъ мнѣ, „прямо васъ къ тому обязываетъ, и вы къ тому-же найдете въ этомъ вашу выгоду.“ Я не отвѣчалъ ни слова.

„Баронъ Штюрмеръ, — продолжалъ онъ — велъ себя дурно относительно Лонгвуда. Будучи комиссаромъ родственной державы, онъ могъ-бы играть относительно насъ прекрасную роль. У него просили только извѣстій о Марин-Луизѣ, и онъ отказалъ въ этомъ. Онъ уѣхалъ безъ денегъ. Императоръ желалъ дать ему въ займы сто тысячъ франковъ или передать ему историческія записки, которые онъ продалъ-бы за 6 или 7 тысячъ фунтовъ стрл. Но онъ оказывалъ намъ мало довѣрія и тѣмъ сильно повредилъ самому себѣ.“ Легко угадать, что хотѣлъ мнѣ дать понять г. Монтлонъ, говоря о баронѣ Штюрмерѣ.

„Предоставляя — прибавилъ онъ — путешественникамъ, купцамъ, капитанамъ купеческихъ кораблей, выручку съ нашихъ писаній, мы передаемъ ихъ въ Европу и тамъ печатаемъ. Замѣчанія на рѣчь лорда Батурса такимъ образомъ дошли до Европы, и у насъ теперь есть драгоценная рукопись, которую желательно издать. Хотите вы ее? Она вполне къ вашимъ услугамъ.“

Я увѣрялъ его, шутя, что если-бы у меня были въ рукахъ писанія Наполеона, я тотчасъ-же послалъ-бы ихъ Императору Александру.

XXVIII.

S-te Hélène ce 18 Août 1818 n. st. Par le général Harris de la Comp. des Indes. Capit. Wellstead.

J'ai l'honneur d'informer V. E. qu'ayant eu de nouveau des attaques de nerfs et des spasmes à la tête réellement insupportables, je me suis décidé, après vingt-six mois de souffrances, à faire un petit voyage pour changer d'air

et reprendre mes forces. Les médecins ont déclaré à l'unanimité que cela me devenait indispensable, et l'amiral Plam-pin m'a offert une excellente occasion d'aller à Rio Janeiro. Vers la fin d'Août il compte y envoyer un brig, qui sera de retour en Octobre. Cette navigation est facile et commode, — on la fait avec les vents alizés, — tandis que celle du Cap est longue, fatigante, périlleuse en hiver et ne me convient pas du tout. Il m'en coûte, Monsieur le Comte, de quitter mon poste de S-te Hélène et d'interrompre ma correspondance, qui amuse l'Empereur; mais en vérité je n'ai pas deux jours de santé de suite, et ma tournée ne durera que sept à huit semaines. — J'en serai revenu depuis un mois, quand V. E. recevra ce rapport.

XXVIII.

Св. Елена, 18 Августа 1818. н. ст., черезъ Гене-рала Гарриса Индійской компаніи, кап. Вельстедъ.

Честъ имѣю извѣститъ В-е С-во, что, подвергнувшись снова нервнымъ припадкамъ и судорогамъ въ головѣ, по истинѣ несноснымъ, я рѣшился, послѣ двадцатишестимѣсячныхъ страданій, сдѣлать маленькое путешествіе для перемѣны воздуха и подкрѣпленія моихъ силъ. Медики единогласно объявили, что это становится для меня необходимымъ, и адмиралъ Плампинъ предложилъ мнѣ прекрасный случай, чтобы съѣздить въ Ріо Жанейро. Около конца Августа, онъ намѣренъ послать туда бригъ, который вернется въ Октябрѣ. Эта поѣздка легка и удобна — она совершается съ пас-сатами — между тѣмъ какъ поѣздка на Мысъ Доброй Надежды длинна, утомительна, опасна зимою и мнѣ вовсе не по сердцу. Мнѣ тяжело, графъ, оставлять мой постъ на св. Еленѣ и прерывать мою переписку, забавляющую Императора, — но поистинѣ, я не бываю здоровымъ и двухъ дней сряду, и моя прогулка не продлится болѣе семи или ось-

ми недѣль. Послѣ того какъ В-е С-во получите это донесеніе, чрезъ мѣсяцъ и возвращусь на Св. Елену.

XXIX.

Rio Janeiro ce 27 Septembre 1818 n. st. Par le paquebot Anglais le Duc d'York.

Je crois devoir informer V. E. qu'é-tant parti de Ste-Hélène le 22 Août dernier à bord du «David» transport Royal, capt. Hunton, je suis arrivé à Rio Janeiro le 11 de ce mois. Le 18 notre chargé d'affaires Mr Langsdorff me présenta au Roi, qui nous reçut en audience particulière et me parla des exilés de Longwood.—«L'Empereur, me dit S. M., est trop près du Brésil, cela est fort inquiétant. — Je l'assurai que l'Empereur était gardé à vue et ne pouvait s'échapper.—«J'ai oui dire, ajouta-t-il, que le gouverneur n'était pas un bon homme.»—«Au contraire, Lui répondis-je, c'est un bon homme tout à fait et qui se donne bien du mouvement pour le repos de l'ancien et du nouveau monde.»—«Oh, cela est naturel, s'écria-t-il, et je lui en sais le meilleur gré possible». J'ai réellement été surpris de la bonhomie et surtout de l'extrême timidité de ce Monarque. Mr. Langsdorff m'a également introduit dans plusieurs salons, et partout on m'a demandé s'il était vrai que Napoléon traitait les commissaires des Puissances Alliées avec mépris et refusait absolument de les voir. — Je soupçonne M-r Chamberlain, chargé d'affaires d'Angleterre, d'avoir répandu ce bruit, et j'avoue de bonne foi que j'ai mis beaucoup d'empressement à en prouver l'absurdité.

Le «David» doit se remettre en mer incessamment, et j'espère être de retour à Ste-Hélène vers la fin du mois prochain.

XXIX.

Rio Janeiro 27 Sept. 1818 г. н. ст. съ Анг. пакетботомъ Герцогъ Юрскій.

Считаю долгомъ извѣстить васъ, что, выѣхавши изъ св. Елены 22-го минувшаго Августа, на „Давидъ“ королевскомъ транспортѣ, кап. Гонтонъ, я прибылъ въ Рио Жанейро 11-го сего мѣсяца. 18-го нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Лангсдорфъ представилъ меня королю, который принялъ меня на частной аудіенціи и говорилъ со мною о Лонгвудскихъ изгнанникахъ. — Императоръ, сказалъ мнѣ Е. В-во, слишкомъ близокъ отъ Бразиліи. Это очень меня беспокоитъ. Я увѣрилъ его, что Императора стерегутъ неусыпно, и что бѣжать ему невозможно. — Мнѣ говорили, присовокупилъ Е. В-во, что губернаторъ недобрый человѣкъ. — Напротивъ, отвѣчалъ я, онъ человѣкъ очень хорошій, и не щадитъ своихъ трудовъ для спокойствія стараго и новаго свѣта. — О, это весьма естественно, воскликнулъ онъ, и я ему за это очень благодаренъ. Я поистинѣ былъ изумленъ добродушіемъ и въ особенности крайнею робостію этого Монарха. Г. Лангсдорфъ также ввелъ меня во многіе салоны, и повсюду меня спрашивали, правда-ли, что Наполеонъ обходится съ комиссарами союзныхъ державъ презрительно, и на отрѣзъ отказывается ихъ видѣть. — Я подозреваю, что г. Chamberlain, англійскій повѣренный въ дѣлахъ, распустилъ этотъ слухъ, и признаюсь чистосердечно, что я съ большимъ жаромъ доказывалъ его нелѣпость.

„Давидъ“ въ самомъ скоромъ времени долженъ снова выступить въ море, и я надѣюсь вернуться на Св. Елену около конца будущаго мѣсяца.

XXX.

Ste-Hélène ce 14 Decembre 1818 n. st. Remis par un des brigs en croisière à un bâtiment Anglais se rendant directement à Londres.

Aucun vaisseau n'étant parti pour l'Europe depuis environ six semaines, je n'ai pu encore avoir l'honneur d'infor-

mer V. E. de mon retour à ma triste et maussade destination ni de l'état actuel des choses à Longwood. Le Gouverneur m'a dit que Bonaparte s'obstinait à ne pas voir le D-r Verling et ne prenait plus de médecines, qu'il paraissait de temps à autres à sa fenêtre ou sur son perron, qu'on lui trouvait un air gai, content et assez bon visage, que cependant il n'osait l'affirmer.

Une personne de condition chez M-me Bertrand m'a dit que Napoléon se portait tantôt bien, tantôt mal, qu'il prenait des bains chauds, se couchait à midi, se levait à minuit, était toujours en robe de chambre et la tête enveloppée d'un cachemire.

Les C-tes Bertrand et Montholon m'ont assuré que la maladie de l'Empereur empirait à vue d'oeil et qu'il ressentait de furieuses douleurs au côté droit.

Enfin le D-r Verling m'a déclaré que n'ayant vu le Prisonnier de l'Europe qu'à la dérobée et de loin, il ne pouvait prononcer sur l'état de sa santé; que ce que le chirurgien O'Meara en avait dit et écrit était sans doute exagéré, mais qu'à ses yeux battus et creux, à son teint jaunâtre, plombé et à d'autres indices assez marquants, on le dirait atteint d'une maladie chronique.

Une partie de la correspondance du D-r O'Meara avec ses amis de Londres a été interceptée en Octobre dernier. Elle était arrivée à Ste-Hélène sous l'enveloppe de M-r Forbes, un nom emprunté, et contenait plusieurs incluses, dont une au C-te Bertrand. Le Gouverneur prétend y avoir découvert des trames, des complots et les intrigues d'un parti, qui travaille à la faire remplacer. La famille Balcombe y est compromise. Ne connaissant pas les détails de cette affaire jusqu'à présent, je me reserve, lorsque j'aurai recueilli toutes les informations nécessaires, d'en

écrire à V. E. à la plus prochaine occasion.

On a commencé à bâtir un nouveau pavillon à Longwood. Il est à cent pas de l'ancien et d'une architecture régulière, élégante. Napoléon y a cinq chambres pour lui. Je crois qu'il sera habitable avant dix-huit mois.

XXX.

Св. Елена 14 Д-я. 1818 и. ст. Передано однимъ изъ крейсирующихъ бригамъ Англійскому судну, отира-вляющемуся прямо въ Лондонъ.

Такъ какъ въ теченіи шести недѣль въ Европу не отъѣхало ни одного корабля, то я не могъ еще имѣть чести извѣстить В-е С-во о возвращеніи моемъ къ скучному и печальному мѣсту моего назначенія, ни о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Лонгвудъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ, что Бонапартъ упорно недопускаетъ къ себѣ доктора Верлинга и не принимаетъ болѣе лѣкарствъ; что онъ отъ времени до времени показывается у окна или на крыльцѣ, что у него, какъ говорить, видъ веселый, спокойный и довольно здоровый, что однако-же ручаться въ этомъ онъ не смѣетъ.

Лицо, находящееся въ услуженіи у Г-жи Бертранъ, сказала мнѣ, что Наполеонъ то здоровъ, то боленъ, что онъ беретъ теплыя ванны, ложится спать въ полдень, встаетъ въ полночь, постоянно въ халатѣ и съ кашемировымъ платкомъ на головѣ.

Графы Бертранъ и Монтолонъ увѣрили меня, что болѣзнь Императора видимо ухудшается, и что онъ ощущаетъ страшныя боли въ правомъ боку.

Наконецъ докторъ Верлингъ объявилъ мнѣ, что, видѣвъ Узника Европы лишь украдкою и издали, онъ не можетъ высказаться положительно о состояніи его здоровья; что все о немъ сказанное и писанное хирургомъ О'Меара конечно преувеличено, но что, судя по его вялымъ и тусклымъ глазамъ, по желтоватому, свинцовому цвѣту лица и другимъ довольно явственнымъ признакамъ, мож-

но думать, что онъ пораженъ хроническою болѣзнію.

Часть переписки доктора О'Меара съ его Лондонскими друзьями была перехвачена прошлымъ Октябремъ. Она прибыла на Св. Елену по адресу г-на Форбесса (имя заимствованное) и содержала нѣсколько писемъ къ другимъ лицамъ, между прочимъ къ гр. Бертрану. Губернаторъ увѣряетъ, что открылъ въ ней козни, поджохи и интриги партій, хлопотушей о его смѣщеніи. Семейство Балькомбъ окомпрометировано.

Не зная до сихъ поръ подробностей этого дѣла, предоставляю себѣ, когда соберу всѣ нужные свѣдѣнія, написать о немъ В-у С-ву при первомъ имѣющемъ представиться случаѣ.

Начали строить новый павильонъ въ Лонгвудѣ. Онъ находится въ ета шагахъ отъ стараго, и архитектура его правильна и изящна. Въ немъ пять комнатъ собственно для Наполеона. Полагали, что онъ, раньше чѣмъ черезъ осемнадцать мѣсяцовъ, будетъ обитаемъ.

XXXI.

S-te Hélène, ce 20 Décembre 1818 n. st. Par le «David» transport Royal. Capit. Hunton.

Ces jours derniers étant entré en conversation avec M-r de Montholon sur les affaires de Longwood, je lui déclarai franchement que tout ce que j'en avais appris était défavorable à Napoléon et nuisait à son entourage.

«Je ne conçois rien, lui dis-je, à la conduite du D-r O'Meara, surtout après l'éloge que vous m'en avez fait et que j'ai répété partout. Je le croyais incapable de manquer à son devoir en la moindre chose, et c'est lui qui favorise, entretient des correspondances illicites.»

«Mensonge, calomnie, s'écria M-r de Montholon, on vous en fait accroire pour masquer des desseins criminels. Je vous donne ma parole d'honneur et suis prêt à la signer de mon sang qu'il n'y a

eu ni trames, ni complots, ni correspondance politique, ni argent d'envoyé nulle part. O'Meara ne nous a pas plus servi que vous. Ce qu'il a fait, dit et écrit est personnel au gouverneur et dirigé contre lui seul.»

«Et ce mal de foie, ajoutai-je, déclaré chronique hépatique et dangereux? On en rit maintenant ainsi que de vos bulletins officiels et non-officiels. Ceux qui ont aperçu le malade à sa fenêtre ou sur son perron assurent qu'il a bon visage.»

Le même soir, cette conversation fut rapportée en propres termes à Napoléon et lui donna de l'humeur. Il accuse de nouveau le D-r Baxter de répandre de faux bulletins et se rappelant l'avoir vu peu de jours auparavant à Longwood, il lui en a fait interdire l'entrée à tout jamais. V. E. trouvera ci-joint la copie de plusieurs lettres et écrits relatifs à ses fâcheux débats.

Peut-être ai-je eu tort, Monsieur le Comte, de déclamer ainsi contre O'Meara, vu qu'il en est résulté une guerre de plume, qui, selon toute apparence, figurera bientôt dans les journaux Anglais. Mais, je devais, comme commissaire de Russie, blâmer hautement une infraction manifeste des réglemens, et cela surtout en présence de Montholon. Le Gouverneur en est convenu lui-même.

Le «Morning Chronicle» du mois de Juin a parlé d'un matelot qui, ayant escaladé la côte inaccessible de Longwood, s'est introduit secrètement chez Napoléon. M-r de Montholon vient d'éclaircir ce fait, et voici mot pour mot ce qu'il en écrit au Duc de Richelieu:

«Les derniers bâtimens arrivés d'Angleterre nous ont apporté les papiers publics jusqu'au 17 Septembre. Nous avons vu d'abord un événement rapporté avec beaucoup d'emphase par le «Morning Chronicle», ainsi conçu: «Un matelot,

qui avait servi sur le «Northumberland», ayant été congédié à son retour, s'était engagé sur un vaisseau de la Comp. des Indes; ayant relâché à S-te Hélène, il a trouvé le moyen de se procurer un canot et il a abordé la nuit au pied d'un rocher très-dangereux qu'il a escaladé et s'est ainsi introduit chez Bonaparte»; que là on l'avait arrêté, et il n'en dit pas d'avantage.

«Vous voyez d'abord, Monsieur le Duc, l'impossibilité à un matelot de se procurer seul un canot de son bâtiment, ceux du port sont tous enchainés entre le port et le «Conquérant». Les voiles, les cordages, matures et rames sont portées à terre avant la fermeture de la porte de la ville et déposés devant le corps de garde. Il y a en outre de la croisière perpétuelle, toutes les nuits les patrouilles de chaloupes, commandés par les officiers, rodent de ce côté le plus près possible. Voici le fait. Ce matelot s'était engagé sur un vaisseau de la Comp. des Indes. Il est parti pour l'Inde. A son retour il a relâché ici suivant leur usage. Ce matelot pendant son premier séjour avait été constamment employé aux travaux de Longwood. Il connaissait tous les gens de la maison, qui lui donnaient souvent du vin pour le faire travailler plus vite. Il eut permission de débarquer, il en profita pour aller ce jour-là à Longwood. Comme il connaissait parfaitement la maison, au lieu de prendre la grande entrée, il prit celle des gens. Le hasard fit qu'il ne rencontra personne jusqu'à la seconde grille où il y a une sentinelle qui l'arrêta. L'officier d'ordonnance l'ayant vu arriva sur le champ et lui fit toutes les questions convenables. C'était avant midi, parcequ'il fallait qu'il retournât coucher à bord sous peine de 200 coups de fouet. Il répondit tout naïvement qu'ayant travaillé sept mois dans cet endroit, il

connaissait beaucoup le maître d'hôtel, qui est mort, et qu'il venait le voir dans l'espérance de boire une bouteille de bon vin. On la ramenée à son bord après l'avoir fouillé et s'être assuré de sa bonne conduite. D'ailleurs il y avait dix huit mois qu'il était parti d'Angleterre».—Je ne vous aurais jamais parlé d'un fait aussi minutieux sans le «Morning Chronicle» qui y a mis de l'importance.

Depuis que le C-te Bertrand a refusé de se battre en duel avec le Lt-colonel Lyster, il est tombé dans une telle abjection que personne ne le voit, ne lui parle, ne le salue. Etant Russe, je n'ai pas cru devoir partager l'esprit de corps des Anglais, et je continue à lui faire des politesses.

XXXI.

Св. Елена, 20 Декабря 1818 г. и. ст. Черезъ «Давида» королевскій транспортъ. кап. Гонтонъ.

На этихъ дняхъ, вступивъ въ разговоръ съ г. Монтолономъ о Лонгвудскихъ дѣлахъ, я объявилъ ему откровенно, что все то, что я узналъ о нихъ, невыгодно для Наполеона и вредитъ окружающимъ его.

«Ничего не понимаю, сказалъ я ему, въ поведеніи доктора ОМеара, въ особенности послѣ вашихъ похвальныхъ о немъ отзывовъ, которые я всюду повторялъ. Я считалъ его неспособнымъ къ малѣйшему отступленію отъ своихъ обязанностей, а онъ прикрываетъ, подерживаетъ не позволенные переписки.

—Дожь, клевета — вослякнула г-нъ Монтолонъ, — васъ обманываютъ, что-бы прикрыть преступныя намѣренія. Я готовъ дать вамъ честное слово и подписаться моею кровію въ томъ, что не было ни козней, ни заговоровъ, ни политической переписки, ни денежныхъ посылокъ. ОМеара сдѣлалъ для насъ не болѣе, чѣмъ вы. Все что онъ сдѣлалъ, сказалъ и написалъ, относится лично къ губернатору и относится только къ нему.

— А эта болѣзнь печени—присовокупилъ я,—объявленная опаснымъ воспаленіемъ? Надъ нею теперь смѣются, такъ же какъ надъ вашими бюллетенями, официальными и неофициальными. Тѣ, которые видѣли больного у его окна или на его крыльцѣ, увѣряютъ, что онъ имѣетъ видъ здоровый“

Въ тотъ самый вечеръ этотъ разговоръ дословно былъ переданъ Наполеону и привелъ его въ дурное расположеніе духа. Онъ снова обвиняетъ доктора Бакстера въ томъ, что онъ распространяетъ ложные бюллетени и, вспомнивъ, что видѣлъ его за нѣсколько дней въ Лонгвудѣ, онъ запретаилъ, что-бы его когда либо туда пускали. В-е С-во найдете при семь копію со многихъ писемъ и записокъ, относящихся къ этимъ прискорбнымъ препираниямъ.

Быть можетъ, графъ, я былъ неправъ въ томъ, что попалъ такимъ образомъ на О'Меара, ибо изъ этого произошла письменная война, которая, по всей вѣроятности, скоро огласится въ Англійскихъ журналахъ. Но, какъ коммиссаръ Русскаго правительства, я былъ обязанъ громко порицать явное нарушеніе правилъ, и это въ особенности въ присутствіи Монтолона. Самъ губернаторъ въ этомъ со мною согласенъ.

„Morning Chronicle“ въ Іюль мѣсяцъ говорилъ о матросѣ, который, будто-бы вскарабкавшись на неприступный Лонгвудскій берегъ, тайно пробрался къ Наполеону. Г. Моншеню разъяснилъ этотъ фактъ, и вотъ, слово въ слово, что онъ пишетъ о немъ герцогу Ришелье:

„Послѣднія суда, прибывшія изъ Англии, привезли намъ газеты по 17-е Сентября. Мы сперва прочли въ Morning Chronicle“ рассказъ, весьма эффектный, изложенный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Матросъ, служившій на Нортумберландѣ и по возвращеніи уволенный, нанялся на корабль Остъиндской компаніи; прибывъ на св. Елену, онъ нашелъ средство добыть себѣ шлюпку, и причалилъ ночью у подножія весьма опасной скалы, на которую онъ вскарабка-

лся, и такимъ образомъ онъ пробрался къ Бонапарту;“ тамъ будто-бы его арестовали, и болѣе ничего не сказано.

„Вы видите прежде всего, г. Герцогъ, невозможность для матроса добыть одному шлюпку своего корабля — всѣ-же шлюпки гавани стоятъ на цѣпяхъ между гаванью и „Конкероромъ“. Паруса, снасти и весла выносятся на берегъ прежде чѣмъ запираются городскіе ворота, и складываются передъ гауптвахтою. Сверхъ того происходитъ постоянная крейсеровка; каждую ночь патруль на шлюпкахъ, подъ командою офицеровъ, подвѣзаетъ къ этому мѣсту берега, какъ можно ближе. Вотъ фактъ. Этотъ матросъ нанялся на корабль Остъиндской компаніи. Этотъ корабль поплылъ въ Индію. На возвратномъ пути онъ, по обыкновенію этихъ судовъ, сталъ здѣсь на якорь. Этотъ матросъ, во время перваго своего пребыванія здѣсь, постоянно работалъ въ Лонгвудѣ. Онъ зналъ въ домѣ всѣхъ людей, которые часто давалъ ему вина, для того, что-бы онъ работалъ быстрее. Ему позволили выйти на берегъ, и онъ этимъ воспользовался, что-бы отправиться въ Лонгвудъ. Такъ какъ домъ былъ ему извѣстенъ въ совершенствѣ, то онъ вмѣсто того, что-бы войти съ главнаго входа, отправился черезъ людскую. Случай захотѣлъ, что-бы онъ не встрѣтилъ никого до второй рѣшетки, гдѣ былъ часовой, который его остановилъ. Увидѣвъ его, ординарецъ тотчасъ прибылъ и сдѣлалъ ему всѣ нужные вопросы. Это было до полудня, ибо ему нужно было вернуться на ночь на корабль подъ опасеніемъ 200 ударовъ кнутомъ. Онъ простодушно отвѣчалъ, что, работавши въ этомъ мѣствѣ семь мѣсяцовъ, онъ хорошо знаетъ здѣшняго мерръ-дотеля (который умеръ) и пришелъ къ нему въ надеждѣ выпить бутылку хорошаго вина. Его возвратили на его корабль, обыскавши его и удостовѣрившись въ его хорошемъ поведеніи. Впрочемъ онъ уже осемнадцать мѣсяцевъ, какъ оставилъ Англію. — Я никогда не сталъ-бы писать вамъ о такой мелочи,

если-бы „Morning Chronicle“ не придалъ ей такой важности.

Съ тѣхъ поръ, какъ гр. Бертранъ отказался отъ дуэли съ подполковникомъ Ластеромъ, онъ подвергся такому презрѣнію, что никто съ нимъ не видится, не говоритъ, ему не кланяется. Въ качествѣ Русскаго, я не считалъ долгомъ пристать въ этомъ случаѣ къ Англичанамъ, и продолжаю быть съ нимъ учтивымъ.

XXXII.

St^e Hélène ce 23 Décembre 1818 n. st. Par le David transport Royal. Capt. Hulton.

Le Gouverneur vient de me remettre un extrait très-confidentiel des lettres interceptées depuis le départ du D-r O'Meara. Je m'empresse de l'envoyer ci-inclus au Ministère Impérial et ne puis y faire de notes, car il est intelligible.

Depuis environs six mois, Mylord Bathurst envoie régulièrement à Longwood le «Morning Chronicle» et le «Journal du Commerce». Napoléon a obtenu après trois années d'exil et à force de crier, d'invectiver contre le P^{re}ce Régent, ses Ministres, le Gouverneur et tous les Anglais, ce qu'on n'aurait jamais du lui refuser.—Le mois passé, M-r et M-me Bertrand, ayant rencontré à la promenade un lieutenant du 66-me d'inf., ami intime d'O'Meara, lui dirent en passant, que c'était un bon médecin, aimé de l'Empereur et généralement regretté, qu'à Londres il se justifierait des accusations intentées contre lui et confondrait son accusateur.—Cet officier vient d'être renvoyé de l'île, pour avoir tardé cinq ou six jours seulement à redire ces propos au Gouverneur. On assure à St^e Hélène que je vais y être remplacé par M-r de Montchenu, qui sera commissaire d'Autriche, de France, de Russie et revêtu de la confiance de l'Europe entière.— Les

Français sont fort alarmés de ces bruits et se croient abandonnés du ciel et de la terre.

V. E. trouvera ci-joint un plan du nouveau pavillon de Longwood. Napoléon ne se mêle point de ces batisses et n'y prend aucun intérêt, mais il a déclaré que quand on lui en apporterait les clefs, il ne refuserait pas de s'y établir.

XXXII.

Св. Елена, 23 Дек. н. ст. 1818. Черезъ Давида, королевскій транспортъ, кап. Гонтонъ.

Губернаторъ только что передалъ мнѣ извлечение, *весьма конфиденціальное*, изъ писемъ перехваченныхъ со времени отъѣзда доктора О'Меара. Спѣшу послать его при семъ Импараторскому Министерству, и не могу сдѣлать на него замѣчаній, ибо оно непонятно.

Вотъ уже около шести мѣсяцовъ, какъ лордъ Батурсъ правильно посылаетъ въ Лонгвудъ „Morning Chronicle“ и „Journal du Commerce“. Наполеонъ, послѣ трехъ лѣтъ изгнанія, и благодаря своей безпрепятственной брани и нападкамъ на принца-регента, его министровъ и всѣхъ Англичанъ, добился того, въ чемъ ему никогда не слѣдовало-бы отказывать.—Прошлымъ мѣсяцомъ, г. и г-жа Бертранъ, встрѣтивъ на прогулкѣ лейтенанта 66-го пѣхотнаго полка, близкаго пріятеля г. О'Меара, сказали ему мимоходомъ, что онъ хорошій медикъ, любимый Императоромъ и что всѣ о немъ жалуютъ, что онъ въ Лондонѣ оправдывается въ обвиненіяхъ на него взведенныхъ и уличить своего обвинителя. Этого офицера выслали съ острова, за то, что онъ, лишь нитью или шестью днями опоздалъ пересказать эти рѣчи губернатору. На св. Еленѣ увѣряютъ, что меня здѣсь замѣнитъ г. Моншеню, который будетъ комиссаромъ Австріи, Франціи, Россіи и облеченъ довѣріемъ всей Европы. Французы очень встревожены этими слухами и считаютъ себя оставленными небомъ и землею.

В-е С-во найдете при семъ планъ новаго Лонгвудскаго павильона. Наполеонъ не вмѣшивается въ эти постройки и не принимаетъ въ нихъ никакого участія; но онъ объявилъ, что когда ему принесутъ отъ нихъ ключи, онъ не откажется въ нихъ поселиться.

(Окончаніе въ слѣдующей тетради)

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

о происшествіи 14 Декабря 1825 года.

Письмо это писано тогдашнимъ государственнымъ секретаремъ А. Н. Оленинымъ къ дочери его Варварѣ Алексѣевнѣ и супругу ея Григорію Никаноровичу Оленину, находившимся въ то время въ Воронежѣ. Собственно оно составляетъ приписку къ письму, которымъ супруга его, Елизавета Марковна, извѣщала отсутствующихъ дѣтей своихъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ. Мы приводимъ здѣсь самое это письмо.

Отъ 24 Декабря 1825 году.

Я ожидала, мои милые друзья, что смерть Государя Императора, ангелхранителя нашего, поразитъ васъ, такъ какъ насъ всѣхъ поразила, и боялась очень за бѣдную Вариньку: всякія горькія ощущенія должны ее разстроивать. Господь одна моя надежда! А наши вѣсти все невеселыя, не подкрѣпятъ ея здоровья. Варварское событіе 14 числа не подкрѣпитъ здоровья ни у кого. Храбрости и неимовернымъ распоряженіямъ Государя Императора и Великому Князю Михаилу Павловичу обязаны мы спокойствіемъ, которымъ теперь наслаждаемся. Мы стояли у двери разъяреннаго возмущенія; но такъ какъ Государь ничего не скрываетъ, *истина* во всѣхъ Его дѣлахъ и поступкахъ, то посылаемъ вамъ печатное извѣщеніе и съ именами проклятыхъ возмутителей. Оболенскій отличился такимъ неистовствомъ, что саморучно рубилъ, кто ему подъ руки попадался. И эти варвары лѣтили себя управлять Россією! Но не до

конца прогнѣвался на насъ Господь, не далъ имъ восторжествовать. Папинька на этихъ дняхъ несказанно былъ обрадованъ пожалованнымъ новымъ членомъ въ Совѣтъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который уже и присутствовалъ въ Совѣтѣ. Если бѣ растерянная душа отъ всѣхъ происшествій могла бы насладиться покоемъ, то сколь много бы имѣла случаю восхищаться всѣмъ, что мы теперь видимъ: безпримѣрная благость Государя, порядокъ послѣ такихъ буйныхъ событій, неутомимость въ работѣ, такъ что едва бѣдный нашъ Государь имѣетъ часъ отдохнуть въ сутки. Успокой, охрани Его самъ Господь, какъ Онъ насъ. Прошайте, милые друзья; право силы нѣтъ болѣе писать къ вамъ: ничто на умъ не идетъ. Да буди съ вами милосердіе Господне и мое родительское благословеніе.

Государь императоръ два раза уже присутствовалъ въ Совѣтѣ.

24 Декабря 1825 Слѣ.

Хотя маминька вамъ пишетъ, что она къ вамъ посылаетъ печатное подробное описаніе происшествія, случившагося въ 14-й д. Декабря 1825 года, съ именами зачинщиковъ неслыханнаго предпріятія, но такъ какъ я не могъ достать экземпляра, то я здѣсь вамъ въ краткихъ, но обстоятельныхъ словахъ скажу, что въ этотъ день случилось.

Такъ какъ этотъ день предположенъ былъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для приведенія Его Величеству къ присягѣ войскъ и главныхъ правительственныхъ мѣстъ, то я, выѣхавши изъ дворца въ 2 часа утра, изъ Совѣта, въ коемъ самъ Государь присутствовалъ, въ 9-ь часовъ утра же явился къ Его Величеству съ изготовленнымъ по сему случаю журналомъ. Братъ Петръ остался дома за ужасною головою болью и шпанскою мухою на шеѣ у затыл-

ка. Приѣхавъ во дворець и получивъ приказаніе отъ Государя на счетъ журнала, я сталъ ожидать членовъ для исполненія присяги въ дворцовой церкви. По полномъ же собраніи и исполненіи сего важнаго обряда, которой нынѣ иныя буйныя головы считаютъ за бездѣлицу, мы, т. е. члены Совѣта, а я за ними, по должности моей, пошли поздравить новаго нашего и многаго, чрезвычайно многаго общающаго Государя и доказавшаго уже то мужественными, благоразумными и милосердными повелѣніями въ жестокой и трудный день 14-го Декабря. Итакъ мы пошли поздравить Его Величество, а потомъ къ Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ Маріи Феодоровнѣ и Александрѣ Феодоровнѣ. Все казалось намъ въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Знатныя особы обоюга пола стали съѣзжаться по повѣсткѣ для принесенія благодарственнаго молебна, а я изъ Совѣта пошелъ собирать членовъ въ кавалерскую. Побывъ тамъ нѣкоторое время, я опять воротился, не помню за какимъ-то дѣломъ, въ канцелярію, въ комнаты Совѣта. Тутъ я вдругъ увидѣлъ, что чиновники канцеляріи устремились къ окнамъ на большой дворцовый дворъ и смотрѣли на оной въ большомъ безпокойствіи. На вопросъ мой, что они смотрятъ? въ отвѣтъ мнѣ они отвѣчали, что за нѣсколько минутъ Государь Императоръ Николай Павловичъ вышелъ къ главному караулу, говорилъ имъ что-то съ жаромъ, велѣлъ при себѣ зарядить ружья боевыми патронами и повелъ карауль къ большимъ дворцовымъ воротамъ. Я тотчасъ побѣжалъ на другой конецъ дворца въ фонарикъ что выходитъ на дворцовую площадь, и что же я вижу? Площадь покрытую волнующимся народомъ, каретами,

дрожками, и Государя предъ воротами двора пѣшаго и, кажется, безъ шляпы, съ нѣсколькими генералами, стѣсненнаго толпою черни и читающаго имъ манифестъ. Въ это время отъ Адмиралтейства вижу я несущагося на конѣ во всю прыть вашего генерала Нейдгарта, который подскочилъ прямо въ толпу къ Государю и, сказавъ ему что-то, не слѣзая съ лошади, обратно ту же минуту поскакалъ. Государь что-то съ жаромъ сказалъ народу, который началъ его цаловать; потомъ пошелъ впередъ къ большимъ воротамъ штаба, гдѣ стоялъ прибывшій за минуту баталіонъ гвардіи Преображенскаго полка и, сѣвши верхомъ, поѣхалъ съ ними къ площади, къ Исакію. Между тѣмъ кареты не переставали свободно приѣзжать во дворець. Я опять побѣжалъ въ Совѣтъ. Встрѣчая по дворцу приѣзжающихъ, я узналъ, что двѣ роты Московскаго гвардіи полка взбунтовались, что ими командуетъ какая-то шайка офицеровъ и фрачныхъ людей и что они уже построились въ баталіонное каре, или лучше сказать en ligne de bataille avec crochets и заняли въѣздъ въ Сенатъ на Исакіевской площади. Я опять бросился въ фонарикъ, ибо въ этомъ положеніи дѣлъ всякій долженъ былъ и умирать на своемъ мѣстѣ, а мой постъ былъ Государственный Совѣтъ и его архивъ, слѣдственно я дворца не могъ оставлять. Изъ фонарика я увидѣлъ вдоль по площади и около Исакіевского собора со всѣхъ сторонъ идущія пѣшія и конныя войска, а еще того лучше артиллерійскія орудія! Тутъ я сталъ спокоенъ (*).

(*) Не многиямъ, можетъ быть, извѣстно, что Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, имя котораго въ потемнѣе столь неразрывно связано съ мыслию объ искусствѣхъ и наукахъ, служилъ нѣкогда съ отличіемъ въ службѣ военной. Получивъ образованіе въ Дрез-

Между тѣмъ прїѣзжающіе во дворецъ и посланные изъ дворца приносили намъ ужасныя вѣсти. Первое, что, когда Московскія роты взбунтовались, то командующіе ими офицеры и въ особенности какой-то князь Щепинъ-Ростовскій и адъютантъ Герцога Виртембергскаго Александръ Бестужевъ на смерть порубили генераловъ Фридрихса и Шейшина, а также и полковника Хвощинскаго; что бунтующіе стоятъ у Сената и кричатъ: ура! Константинъ! а иные: конституція! Наконецъ слышны были выстрѣлы ружейные, и вскорѣ потомъ узнали мы, что графъ Милорадовичъ, подѣхавъ къ бунтующимъ, началъ ихъ усовѣщевать, что иные солдаты, почитая въ немъ безстрашнаго генерала, сдѣлали ему на караулъ; но въ это время дивизионный адъютантъ князь Оболенскій прицѣлился въ него и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета: пуля попала въ животъ, въ самое легкое; графъ опустил поводья; лошадь, испугавшись, въ круть назадъ поворотила, и тотъ же князь Оболенскій, какъ лютый звѣрь, выхватя ружье у солдата, нанесъ графу другую рану въ спину штыкомъ. Графъ на другой день по утру въ 4-е часа скончался отъ руки гнуснаго убійцы! Кто бы это могъ подумать отъ князя Оболенскаго? Государь, не смотря на это жестокое неистовство, продолжалъ посылать переговорщиковъ для убѣжденія бунтующихъ, стоя самъ подъ ружейными выстрѣлами и хладнокровно уговаривая народъ идти домой или

въ церковь Богу молиться. Братъ его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, достойный членъ Государственнаго Совѣта, прїѣхавшій за часъ времени изъ за Нарвы, явился въ казармы Московскаго полка и тутъ, приведя къ присягѣ остальныхъ шесть ротъ, поспѣшилъ съ ними на мѣсто сраженія; тутъ, не смотря на величайшую опасность, наравнѣ съ вѣрноподданными Государю Императору Николаю Павловичу, подѣхалъ къ самому фронту бунтующихъ и сталъ ихъ уговаривать перейти, гдѣ слѣдовало имъ стоять. Но извергъ рода человѣческаго нѣкто Кюхельбекеръ, одинъ изъ франныхъ бунтовщиковъ, сталъ на него пистолетомъ прицѣливаться. Едва успѣли три гренадера—и что всего страшнѣе—изъ числа бунтующихъ, ударить штыкомъ по стволу пистолета Кюхельбекерова; а безъ того совершилось бы самое ужасное злодѣяніе. Затѣмъ крики и вопли: Ура! Константинъ! заставили Великаго Князя возвратиться къ фронту вѣрнаго войска.

Вы у меня спросите, что дѣлалъ нашъ Государь?—Продолжалъ употреблять всѣ возможныя мѣры кротости, стоя между предателя и умысленнаго убійцы, а именно между Якубовичемъ (который пришелъ къ Государю изъ толпы бунтующихъ, какъ раскаявшійся, и объявилъ Государю, что у него были приготовлены пистолеты и кинжалы для умерщвленія Его) и между полковникомъ Булатовымъ, который потомъ самъ пришелъ повиниться въ томъ же намѣреніи. Сіи обстоятельства могутъ вамъ показать мѣру ужаснѣйшей опасности, въ которой находились Государь Императоръ и столь же неустрашимый Его братъ (достойные потомки великихъ Романовыхъ) Великій Князь Михаилъ Павловичъ! Несмотря на увѣщанія,

деиъ, въ тамошней артиллерійской училищѣ. онъ принималъ дѣятельное участіе въ Шведской войнѣ 1759 и 1790 годовъ, а также въ усмиреніи Польскихъ конфедераций 1792 г. Онъ строилъ укрѣпленія въ Финляндіи, возводилъ батареи и пр. (Извлечено изъ Формулярнаго списка А. П. Оленина, обязательно сообщеннаго дочерью его В. А. Олениною, равно какъ и самое письмо о событіи 14 Декабря) П. Б.

бунтующіе стояли твердо въ своемъ заблужденіи. Между тѣмъ нѣкоторое значительное количество солдатъ лейбъ-гренадерскаго полка, подъ начальствомъ мятежника поручика Панова, бросилось къ крѣпости, но не могли туда войти, кинулось къ дворцу, гдѣ на большомъ дворѣ поставленъ уже былъ саперный баталіонъ, свернутый въ густую колонну. Вдругъ мы видимъ изъ оконъ дворца вбѣгающаго барабанщика и за нимъ толпу бѣгущихъ солдатъ, принимающихъ на право, но въ то же мгновеніе вбѣгаетъ офицеръ и командуетъ: назадъ на право кругомъ! и толпа исчезаетъ съ ужаснымъ крикомъ. Говорятъ, что, по плану, бунтовщиками принятому, сей отрядъ долженъ былъ занять дворецъ и штыками его очистить отъ всего что имъ въ немъ бы встрѣтилось, безъ разбора и безъ уваженія пола и лѣтъ! Какой адской замыселъ! Но Богъ и Государь не позволили его довершить! Толпа лейбъ-гренадеръ, выбѣжавъ изъ дворца, построилась на площади и пошла мимо Государя въ соединеніе къ бунтующимъ. Никакія увѣщанія самого Государя не могли ихъ остановить; напротивъ несчастный ихъ полковникъ Стюрлеръ былъ злодѣйски при орунѣ ихъ убитъ какимъ-то, говорятъ, морскимъ офицеромъ. Наконецъ, сверхъ сего подкрѣпленія, къ бунтующимъ присталъ и гвардейскій экипажъ и нѣкоторыя толпы буйной и пьяной черни, которыя начали въ конную гвардію бросать полѣвьями. Государь хотѣлъ еще испытать бунтующихъ грозною кавалерійскою атакою полковъ коннаго и кавалергардскаго, въ которой отличился нашъ Александръ Сухаревъ, подлѣ коего ранили полковника Веліо въ руку, такъ что принуждены были на другой день ее отнять. Бун-

IV. 5.

тующіе устояли противъ атаки, ибо мѣсто не позволяло ее выполнить какъ слѣдовало. При семъ нѣсколько рейтаръ побито и поранено. Между тѣмъ день сталъ уже темнѣть, и насъ многихъ во дворцѣ старыхъ военнослуживыхъ беспокоило, что пушекъ не слышимъ. Но тутъ вскорѣ явились генералы съ извѣстіемъ, что Государь Императоръ, истощивъ всѣ средства кротости и милосердія, приказалъ стрѣлять по бунтующимъ картечью. Я тотчасъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, на площадь, чтобъ вслушаться въ пальбу, и не успѣлъ я выйти въ сѣни, какъ громогласнѣйшій Ура! начавшійся на Исакиевской площади, продоллся до самой внутренности дворца, гдѣ на дворѣ стоящій саперный баталіонъ повторилъ этотъ крикъ весьма усердно. Это былъ знакъ полной побѣды надъ бунтующими, которые по второму или третьему картечному выстрѣлу такъ разбѣжались, что площадь осталась вся чиста, кромѣ павшихъ въ бою довольнымъ числомъ. Вскорѣ потомъ мы увидѣли между нами Государя Императора и достойнѣйшаго его брата Великаго Князя Михаила Павловича и слѣдовали за ними въ церковь къ благодарственному молебну о востшествіи Государя на Всероссійскій престолъ. Принеся Богу искреннюю и теплую молитву за спасеніе Царя и, можно сказать, народа Русскаго, я тотчасъ бросился въ Академію Художествъ, гдѣ я боялся, чтобъ бѣгущія толпы бунтовщиковъ не засѣли. Проѣзжая изъ дворца на Васильевскій Островъ (*) чрезъ мѣсто сраженія, я былъ свидѣтелемъ

(*) Трөгательная черта заботливости президента Академіи Художествъ, который, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ столькихъ тревогъ и заботъ этого и предшествовавшихъ дней, не смотря на усталость, спѣшить не дожой, а къ любимому мѣсту своего служенія. И. Б.

небывало въ Петербургѣ зрѣлица: войска грѣющіяся у огней на бивуакахъ, какъ послѣ сраженія съ неприятелемъ. Въ Академіи я нашель нѣкоторыя окна по 4 линіи перебитыя картечью, у воротъ одного солдата изъ бѣгущихъ убитаго и двухъ тяжелораненыхъ. Послѣ сего я поѣхалъ домой. На другой же день поѣхалъ я въ 9-ь часовъ утра во дворець. Государь всю ночь не спалъ и провелъ въ горестномъ для Него занятіи: въ допросахъ пойманныхъ или самоприходящихъ бунтовщиковъ, которыхъ праведныя судьбы Божіи всѣхъ безъ изъятія сохранили для постыдной и справедливой казни, и не дали имъ умереть смертью храбрыхъ. Подлецы сіи при первомъ выстрѣлѣ разбѣжались.

Вотъ ихъ имена, какъ они напечатаны въ подробномъ описаніи происшествія, случившагося въ С.п.бургѣ 14-го Декабря 1825 года, которое конечно уже прислано или прислано будетъ и къ войскамъ, квартирующимъ у васъ, въ Воронежѣ.

зачинщики:

1. Въ чинѣ подпоручика Кондратій Рылѣвъ, поэтъ или сочинитель.
2. Дворянинъ Орестъ Сомовъ, тоже.
3. Бывшій Вице-Губернаторъ Ст. Сов. Іосифъ Горскій.
4. Отставной поручикъ Каховскій.
5. Лейбъ-гвардіи Моск. полка Штаб. Кап. кн. Щепинъ-Ростовскій, настоящій злодѣй.
6. Лейбъ-гвардіи Моск. полка Штаб. Кап. Бестужевъ.
7. Адъютантъ Герцога Виртембергскаго Бестужевъ, поэтъ.
8. Лейбъ-гвар. гренад. пол. Штаб. Кап. Сутгофъ.
9. Лейбъ гвар. гренад. пол. поручикъ Пановъ.

10. Адъютантъ дивизионный при Ген. Лейт. Бистромѣ, кн. Оболенскій, бѣшеной убійца.
11. Дежурный Штабъ офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса Полковникъ кн. Трубецкой.
12. Гв. Генер. Штаб. Штаб. Кап. Корниловичъ.
13. Флота Кап. Лейт. Бестужевъ.
14. Адъютан. Адмир. Моллера Бестужевъ же.
15. Лейб. гвар. кон. пол. Корнетъ кн. Одоевскій, присягавшій того утра и нарушившій присягу.
16. Коллежскіе Совѣтники Пуцинъ, пріѣхавшій изъ Москвы, и Вильгельмъ Кюхельбекеръ безумный злодѣй, безъ вѣсти пропавшій.
18. Лейбъ-Гвар. Финлянд. пол. Поручикъ Цебриковъ.

Кромѣ сихъ зачинщиковъ арестованы состоящіе подъ сильнымъ сомнѣніемъ:

19. Нижегород. драг. пол. Кап. Якубовичъ, повинившійся въ злодѣйскомъ намѣреніи.
20. Добровольно явившійся 12-го Егерскаго пол. Полковникъ Булатовъ, повинившійся въ томъ же намѣреніи.
21. Гвар. экип. Лейт. Арбузовъ.
22. — — — Вишневскій.
23. — — — Кюхельбекеръ.
24. — — — Миллеръ.
25. — — — Бодиско.
26. Лейбъ Гвар. Кон. піон. эскад. Кап. Пуцинъ.
27. Л. Гв. Из. п. Подп. Малютинъ.
28. — — — — Фоксъ.
29. — — — — Кожевниковъ.
30. — — — — к. Вадбольскій.

Сверхъ того многіе и многіе зараженные въ Россіи глупыми мыслями Европейской конституціи, для народа, который при восклицаніи: конституція! на вопросъ, что это такое?

отвѣчаетъ, что это имя жены Цесаревича, потому что она еще не крещена въ Русскую вѣру. О безуміе! О злодѣйство! Я говорю злодѣйство, потому что еслибъ этимъ, просто сказать, разбойникамъ удалось сдѣлать переворотъ, то они бы погрузили Россію въ потоки крови на 50 лѣтъ. Извините, что пишу сбивчиво: некогда. Прощайте, будьте здоровы.

А. Оленинъ.

АЛЬМАНАХЪ „ЗВѢЗДОЧКА“

1826 года.

Прежде нежели скажемъ нѣсколько словъ объ этой любопытной библиографической рѣдкости, заглянемъ въ Записки одного изъ дѣятелей первой четверти текущаго столѣтія и выпишемъ слѣдующія строки:

„... Вся литературная семья нашего времени (разсказываетъ кн. Е. П. Оболенскій) собиралась разъ въ недѣлю у г. Греча. Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ его собесѣдниковъ былъ Кондратій Фодоровичъ Рылѣевъ съ задушевнымъ другомъ своимъ А. А. Бестужевымъ, адъютантомъ герцога Александра Виртембергскаго. Александръ Бестужевъ выступилъ уже тогда (съ 1819 г.) на литературное поприще критиками, которыя, по живости слога и рѣзкому юмору, общали блестящее развитіе, впоследствии хорошо имъ оправданное. Дорогимъ собесѣдникомъ былъ общій другъ, старшій братъ Александра, капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа и начальникъ Адмиралтейскаго Музея, Николай Бестужевъ. Это былъ человекъ замѣчательно даровитый и прекрасно образованный. Въ числѣ остальныхъ собесѣдателей были и Александръ Осиповичъ Корниловъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, усердно и съ любовью трудившійся надъ памятниками Петровскаго времени: его историческіе разсказы читались въ наше время съ большимъ любопытствомъ“...

Кромѣ сходокъ у Греча, литературныя собранія бывали постоянно, каждую недѣлю, у К. Θ. Рылѣева. Сюда между прочими, являлись Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, поэтъ и товарищъ по лицу Ивана Ивановича Пущина, состоявшаго на службѣ въ Москвѣ, поэтъ Θ. Н. Глинка, критикъ Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергій Петровичъ Трубецкой, Евгений Петровичъ Оболенскій, кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій¹⁾ и многіе другіе. Оживленная бесѣда была чисто литературная, но не рѣдко переходила на живые, общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна Рылѣева, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ и скромнымъ обращеніемъ внушала къ себѣ всеобщее уваженіе.

Большая часть участниковъ дружескихъ собраній были литераторы, и свои труды, поэтическіе и прозаическіе, помѣщали въ разныхъ журналахъ: въ „Соревнователѣ Россійской Словесности“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Сѣверномъ Архивѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 г., „Литературныхъ Листкахъ“ и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Но всѣ чувствовали потребность въ собственномъ сборникѣ; между нами, продолжаетъ кн. Е. П. Оболенскій, было много истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей; труды ихъ уже вездѣ встрѣчались публикою съ большимъ любопытствомъ. При такихъ условіяхъ изданіе альманаха было дѣло не трудное, и первая мысль о „Полярной Звѣздѣ“ родилась у К. Θ. Рылѣева.

Между прочими цѣлями предпріятія была та, чтобы дать труду литературному вознагражденіе болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя умственнымъ занятіямъ. До этого времени почти единственная награда за трудъ состояла въ напечатаніи его въ журналѣ, и многіе авторы, получая из-

¹⁾ Поэтъ и впоследствии другъ М. Ю. Лермонтова.

вѣстность, терпѣли нужду. Предпріятіе удалось, какъ нельзя лучше. Съ перваго же, 1823 г., публика раскупила все изданіе, и встрѣтила „Полярную Звѣзду“ съ большимъ сочувствіемъ.

Издателями и редакторами были Александръ Александровичъ Бестужевъ и Ковратій Ѳеодоровичъ Рыльевъ. Каждый изъ нихъ, по распродажѣ первой книжки, за вычетомъ всѣхъ расходовъ получилъ по 2000 р. чистаго дохода. Экземпляръ подавался по 10 р. асс., но уже въ 1826, 1827 и послѣдующихъ годахъ книжку „Полярной Звѣзды“ нельзя было достать и за 100 р. ассиг.

Полярная Звѣзда“ вышла въ трехъ томикахъ: 1823, 1824 и 1825 г. Издатель-редакторы поднесли послѣдвій томъ своего сборника Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ и удостоились благосклоннаго вниманія. По словамъ тогдашнихъ газетъ, К. Ѳ. Рыльевъ получилъ два бриллиантовыхъ перстня, а А. А. Бестужевъ зодотую, прекрасной работы, табакерку и бриллиантовый перстень, при самыхъ милостивыхъ рескриптахъ.

Полярная Звѣзда“ 1823—1825 г., интересная для насъ по своему содержанию, еще болѣе любопытна въ томъ отношеніи, что на ея страницахъ, за весьма немногими исключеніями, помѣщали свои труды самые даровитые люди того времени, люди передовые, честь и краса Русской литературы 20-хъ годовъ. Они соединялись вокругъ талантливыхъ редакторовъ, любимыхъ и уважаемыхъ не ими одними, но всѣмъ читающимъ Русскимъ людомъ того времени. Во всѣхъ трехъ томахъ мы находимъ произведенія до 60 человекъ сотрудниковъ. Въ этомъ длинномъ спискѣ читаемъ, между прочимъ, имена слѣдующихъ лицъ: Е. А. Баратынскаго, Н. А. Бестужева, А. А. Бестужева, К. Н. Батюшкова, князя П. А. Вяземскаго, А. Ѳ. Воейкова, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова, Григорьева, Д. В. Давыдова, барона А. А. Дельвига, П. И. Дмїтріева, В. А. Жуковскаго, Загорскаго, А. Е.

Измайлова, В. В. Измаилова, Иванчина-Писарева, А. О. Коряиловича, И. А. Крылова, Княжевича, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, Лобанова, Масальскаго, Нечаева, Норова, Остолопова, Олина, Ободовскаго, В. Панаева, П. А. Шлетнева, А. С. Пушкина, В. Л. Пушкина, Родзянки, К. Ѳ. Рыльева, О. И. Севковскаго, О. Сомова, В. И. Туманскаго, Филимонова, Хвостова, А. С. Хомякова, князи Шаховскаго, Н. М. Языкова и др. лицъ, скрывшихъ свои фамиліи подъ звѣздочками.

Въ ряду сотрудниковъ „Полярной Звѣзды“ мы находимъ только три-четыре имени, которымъ, казалось бы, вовсе не у мѣста быть въ этомъ собраніи всякаго рода талантовъ. Такъ напр. мы не безъ недоумѣнія находимъ въ „Полярной Звѣздѣ“ Ѳаддея Булгарина.

Но дѣло въ томъ, что Булгаринъ былъ еще тогда молодъ и всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее направленіе образованной молодежи, хотя ужъ и въ это время онъ ясно обнаруживалъ задатки того обрааа мыслей, которому впоследствии столь неуклонно слѣдовалъ. Какъ видно изъ многихъ, имѣющихся у меня Записокъ, Булгарина въ то время терпѣли въ обществѣ только какъ балагура и остряка. Александръ Бестужевъ бывалъ у Булгарина очень часто, но у него были особенныя для этого причины...

Въ 1825 г. редакторы „Полярной Звѣзды“ запоздали составленіемъ и печатаніемъ IV тома альманаха на 1826 г. и рѣшились издать его въ меньшемъ объемѣ и съ болѣе скромнымъ названіемъ: вмѣсто „Полярная Звѣзда“ просто „Звѣздочка“.

Редакціей ея, по примѣру прежнихъ годовъ, преимущественно занимался А. А. Бестужевъ; было уже сверстано и отпечатано нѣсколько листовъ, какъ декабрскія событія остановили изданіе.

Ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ библиотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, ни у одного (сколько намъ извѣстно) изъ нашихъ библіофиловъ

не сохранилась „Звѣздочка 1826 года“, столь преждевременно потухшая. Только неутомимому розыскателю библиографическихъ курьезовъ, П. А. Ефремову удалось въ 1861 г. найти экземпляръ этого сборника (нѣсколькими листками болѣе полный, нежели мой экземпляръ) въ кладовыхъ бывшей военной Типографіи Д-та Генеральнаго Штаба. Эта находка оказалась тѣмъ болѣе для библиографа драгоценною, что за нѣсколько дней до того времени, какъ попала она г. Ефремову, всѣ листы „Звѣздочки“, лежавшіе въ этихъ кладовыхъ запечатанными тридцать пять лѣтъ, сожжены именно въ 1861 г. какъ никуда негодный хламъ.

Мой экземпляръ подаренъ мнѣ покойнымъ А. Н. Креницынымъ.

По чрезвычайной рѣдкости своей, „Звѣздочка 1826 г. заслуживаетъ особенное вниманіе. Это сверстанная брошюра, на сѣрвовой, дряблой бумагѣ, въ маленькую осьмушку, въ 4 печ. листа, 64 странички. Изъ нихъ въ моемъ экземплярѣ недостаетъ 11, 12, 13 и 14 стр. Вотъ содержаніе „Звѣздочки“:

I. Кровь за кровь, рассказъ А. Бестужева, стр. 1—36. Рассказу предпослано слѣдующее предисловіе: „Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ... и наковецъ надъ оврагомъ ручья развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился съ вопросомъ къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ замкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятьокъ, то онъ намъ пересказалъ все что узналъ, какъ слѣдуетъ влже. А. Бестужевъ“. Въ концѣ рассказа сдѣлано примѣчаніе: „нравы и случаи сей повѣсти извлечены изъ Ливонскихъ хроникъ.“

Рассказъ „Кровь за кровь“ вошелъ въ полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. Бестужева), но съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Замокъ Эйзенъ.“

II. Отрывокъ изъ III-й главы Евгенія Онягина: ночной разговоръ Татьяны съ ея няней стр. 37—39.

со стиха: „Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
до словъ: „И все дышало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.“

III. Княгиня Зенаидъ Александровна Волконской стр. 39—41.

Мнѣ говорятъ: „она поетъ—
„И радость тихо въ душу льется,
„Раздумье томно найдетъ,
„Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется“
и т. д.

Стихотвореніе это вошло въ послѣдствіи въ собраніе стихотвореній Козлова: Сиб. ч. II 1833 г. стр. 106—108.

IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти: Пустынникъ Кауду (Эпизодъ изъ эпического стихотворенія Индѣйцевъ Брама-Нураны) стр. 41—44.

И вотъ уже они блуждаютъ
Подъ сводами густыхъ деревьевъ,
Которыхъ цвѣтъ и блескъ плодовъ
Ихъ взоръ отсюду поражаютъ
И громко имъ напоминають,
Всегда цвѣтущій видъ садовъ
Очаровательной Нанданы; и проч.

Ознобишинъ.

V. „Къ зарѣ“ стр. 44—45.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночью и
днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу;
Тебя одлекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ онъ Онъ далъ въ сопутницы денницу.
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіаешь, тихо дорогаю,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы!
Смѣшеніе пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы!

Этимъ стихотвореніемъ начинается собраніе стихотвореній А. С. Хомякова, вышедшее въ свѣтъ въ 1861 г.

А. С. Хомяковъ принялъ участіе въ Полярной Звѣздѣ съ 1824 года. Во второмъ томѣ (1824 г.) альманаха помѣщено было его большое стихотвореніе: „Желаніе покоя“.

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино! и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ тщетно старается освободиться отъ „любви ко всему прекрасному и высокому: она наложила на него „цѣпи слѣпой богини“, и онъ „смиранный рабъ“—потерялъ покой, пробужденъ отъ безпечнаго мертвеннаго сна...

Но нѣтъ (заключаетъ поэтъ): мой духъ пы-

ласть
Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучемъ.
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиранный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу-ль полетѣть свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ;
Онъ жаждетъ брани и свободы,
Онъ жаждетъ бури, непогоды
И безпредѣльности небесъ!--

„Желаніе покоя“ одно изъ юношескихъ, тѣмъ не менѣе прекрасныхъ произведеній нашего почтеннаго, нынѣ также уже покойнаго, поэта. Любопытно, что въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г. это стихотвореніе занимаетъ почетное мѣсто между поэмою: „Братья Разбойники“—А. С. Пушкина и „Исповѣдью Наливайки“—К. Ф. Рылѣева.

VI. Пѣсня (стр. 45); она принадлежитъ В. Туманскому, поэту скончавшемуся въ 1860 годахъ. Въ пѣснѣ, довольно сентиментально, поется про молодого пѣвца, прогуливавшагося подъ окнами милой, въ ожиданіи, не мелькнетъ ли ея темный локонь.

VII. Завѣсть генія (стр. 46) стихотвореніе Н. М. Языкова:

Когда, гремя и пламенья,
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея.
Святыми чувствами подана,
Мужала, хрипала, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру—новыя свѣтила,
Дѣла избранника небесъ!

Стихотвореніе это съ измѣненіями напечатано въ изданіи сочиненій Языкова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1858 г. ч. 1 стр. 62—63.

VIII. *Гайдамакъ*, малороссійская бѣль. *Ореста Сомова* стр. 47—64 Глава 1-я. Эпиграфъ изъ Котляревскаго:

Такъ, вичной памяти, бывало
У насъ въ гетманщини колись...

Глава II, эпиграфъ изъ старинной малороссійской пѣсни:

„То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ,
Польшу засмутивъ,
Волощину побидивъ,
Гетманщину взвеселивъ“.—

О содержаніи разсказа судить нельзя, потому что уцѣлѣло всего полторы главы, но разговорный языкъ неестественъ: нигдѣ не видать козаковъ, вездѣ говоритъ за нихъ самъ авторъ. 2-я глава обрывается на слѣдующихъ словахъ:

.....Вдругъ вѣщій слѣпецъ пережѣнилъ строй: пальцы его медленно и торжественно перебѣгали по звонкимъ струнамъ бандуры; онъ молчалъ еще, но вниманіе всѣхъ было приготовлено; жадный слухъ ловилъ уже въ знакомыхъ звукахъ близкіе сердцу напѣвы и предугадывалъ смыслъ самой пѣсни. *Прим.* Музыка старинныхъ, такъ называемыхъ бан...“

На этихъ словахъ оканчиваются уцѣлѣвшіе листы „Звѣздочки“ 1826 г. Не сохранились ли у кого нибудь слѣдующія за тѣмъ страницы? не была ли, наконецъ, отпечатана вся книжка, прежде нежели звѣзды счастья, спокойствія и даже жизни не потухли совершенно для ея редакторовъ?

Спб. 1862 г.

М. Семевскій.

ПИСЬМО

ГЕНЕРАЛА П. Х. ГРАББЕ КЪ С. А. МАСЛОВУ.

Милостивый Государь Степанъ Алексѣевичъ. Благодарю Васъ за письмо отъ 28 Сентября и приложенную брошюру. — Всякое воспоминаніе о незабвенномъ Алексѣѣ Петровичѣ для меня дорого, какъ и о Бородинской битвѣ. Все въ разсказѣ А. П. совершенно вѣрно съ моими собственными замѣтками. — Помню минуту, когда Г. А. Бороздинъ пріѣхалъ съ донесеніемъ къ Кутузову, что К. Баграціонъ и почти всѣ главные начальники 2-й арміи убиты и ранены, и тѣ самыя слова Кутузова, съ которыми онъ отправилъ А. П. для возстановленія дѣла на лѣвомъ флангѣ. Гр. Кутайсовъ, безъ дозволенія Кутузова, поѣхалъ съ нами. Когда мы поровнялись съ центромъ за батарею Раевского, то вдругъ на насъ наскочили передки орудій со взятой въ тѣ минуты непріателемъ батареи и, вслѣдъ за ними, толпы выбитой оттуда нашей пѣхоты. А. П. тотчасъ повернулъ лошадь прямо на бѣгущихъ, обратилъ двумя словами всѣхъ назадъ къ батарее, даже множество раненыхъ и повелъ ихъ за собою въ атаку. Въ моей памяти вѣззало, что все это произошло въ 11-мъ часу. — Тогда же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи, убитъ подававшій великія надежды, молодой и молодецъ гр. Кутайсовъ. Скоро потомъ на батарею же раненъ и Алексѣй Петровичъ.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и призвательности за дорогое напоминаніе и с Фовизиня. *Павелъ Граббе.*

Новочеркаскъ 17 Октября
1865 года.

ПИСЬМО

С. А. МАСЛОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ П. Х. ГРАББЕ.

Милостивый государь Павелъ Христовичъ. Какъ современникъ 12 года, принимая живое участіе въ славѣ знаменитыхъ героевъ Бородинской битвы и желая, чтобъ она была незабвенна, я имѣю честь представить Вамъ мое Воспоминаніе о ней въ 1864 году. — Я имѣлъ счастье быть близко знакомымъ съ А. П. Ермоловымъ и, посѣщая его въ подмосковной и бесѣдуя съ нимъ у себя съ глазу на глазъ, я старался наводить разговоръ на тѣ минуты его подвига, которыя записаны въ исторіи и вотъ что, раза два, я слышалъ отъ него объ отбитіи у Бонами взятой имъ батареи или редута Раевского, составлявшаго ключъ нашей позиціи при Бородинѣ. — Буду говорить словами А. П.

«Когда донесли Кутузову, что Баграціонъ раненъ, онъ сказалъ мнѣ: поѣзжайте А. П. на лѣвой флангъ и распорядитесь тамъ. Кутайсовъ, слышавъ это, сказалъ мнѣ: — И я поѣду съ Вами, А. П. На это я ему отвѣчалъ: «Давно ли Главнокомандующій отыскивалъ тебя, а ты опять «исчезнешь? — Нѣтъ, я поѣду съ Вами. — И мы поѣхали. Проѣзжая мимо Никитина съ его конною батареею, говорю ему: «Не выпускай меня, теска, (его также звали А. П.), изъ «вида». За тѣмъ проѣзжая близь редута Раевского, вижу, что онъ взятъ и Уфимскій полкъ разсѣянъ. Понимая всю важность этого пункта и притомъ принимая въ расчетъ, что я вовсе не знакомъ во второй арміи и, не зная, буду ли тамъ полезенъ, я схватилъ Уфимскій баталіонъ или роту (не помню какъ онъ выразился)

и сказалъ: «ребята, за мною!» На редутъ орудія не дѣйствовали, и я могъ ударить въ штыки и вытѣснить изъ него непріятели, при чемъ и самъ Бонами получилъ много ранъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Солдаты такъ разгорячились, что надобно было послать казаковъ, чтобы загонять ихъ назадъ, чтобъ не обратить на себя особеннаго вниманія непріятели; я сдалъ потомъ редутъ Лихачеву.»

Этимъ разсказомъ безъ сомнѣнія поясняется во 1-хъ недоумѣнія, съ чего А. П. явился у редута Раевскаго и началъ распоряжаться по своему. 2-е, пояснится и время, при какой атакѣ Даву и Нея раненъ Багратіонъ: при второй ли, когда Дюфуръ, по взятіи флешей передъ Семеновскимъ, перешелъ оврагъ и взялъ Семеновское, изъ котораго потомъ былъ выбитъ Коновницынымъ и Бороздинымъ и флеша опять взяты нашими? Эту атаку относятъ историки къ 12 часамъ.—Если при этомъ раненъ Багратіонъ, то и Ермоловъ взялъ редутъ Раевскаго въ 12.—Князь А. С. Меншиковъ на двякъ въ разговорѣ объ этомъ темномъ вопросѣ относительно времени *взятія редута* Ермоловымъ, сказалъ, что пояснить это лучше всего можете Ваше Высокопревосходительство, какъ адъютантъ Ермолова. И вотъ что заставляеть меня обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ почтить меня увѣдомленіемъ о правильности разсказа А. П. о томъ, какъ онъ попалъ къ редуту Раевскаго и въ которомъ часу это было? Поясненія этого вопроса нѣтъ, ни у Глинки, ни у Неелова, ни у Богдановича въ ихъ сочиненіяхъ о Бородинской битвѣ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи, которое въ душѣ

питаю къ Вамъ по словамъ сердечнаго мнѣ друга Ивана Александровича Фонвизина, который чтилъ и любилъ Васъ. Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

С. Масловъ.

28 Сентября 1865 г.
Москва.

(Сообщено С. А. Масловымъ)

БИБЛИОТЕКА

АВРААМА СЕРГЬЕВИЧА НОРОВА (BIBLIOTHÈQUE DE MR. ABRAHAM DE NOROV). ЧАСТЬ 1-Я САНКТЕТЕРБУРГЪ, ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1858. ВЪ 8-КУ, VIII И 311 СТРАНИЦЪ.

А. С. Норовъ былъ искони ревностнымъ библіофиломъ; онъ до 30 годовъ собралъ замѣчательную библіотеку, которую продалъ князю Николаю Ивановичу Трубецкому; потомъ онъ составилъ другую, которую уступилъ въ Московскій Музей за 17.000 рублей съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти были уплачены 17,000 руб. эти по его назначенію. Эта вторая библіотека описана въ настоящемъ каталогѣ, которому слѣдовало бытъ, по плану автора, въ 3 частяхъ. Напечатанная нынѣ первая часть содержитъ въ себѣ описаніе отдѣловъ: 1) Священное писаніе, 178 номеровъ 2) Толкованіе священнаго писанія, библейская исторія и философія, 193 номера 3) Библейская географія, преимущественно Палестины; ея исторія, карты, планы и виды, 133 номера. 4) Палестина и Синай; описанія очевидцевъ и путешествія, 401 номеръ. 5) Египетъ и вообще библейскія страны, 169 номеровъ. 6) Отцы и учителя церкви, житія святыхъ, всеобщая исторія церкви, догматическая и обрядная исторія христіанскихъ церквей, церковная археологія, 431 номеръ 7) Богословія, 193 номера. 8) Философія и правоученіе, 243 номера. Въ концѣ тома приложены: а) указатель алфавитный на страницахъ 391—311. б) 4 осьмушки снимковъ fac-simile. — За смертію

Авраама Сергѣевича нельзя надѣяться на продолженіе. Каталогъ этотъ составленъ мастерски; библиографическія замѣтки въ немъ на французскомъ языкѣ; въ предисловіи объяснены тому причины, и разказано, какъ и на какихъ условіяхъ поступила бібліотека въ Московскій Музей; тутъ же находимъ содержаніе неизданныхъ еще двухъ частей.

Библіотека составлена съ любовью къ дѣлу и глубокимъ знаніемъ и того, что въ ней есть и того, чего въ ней недостаетъ. Отдѣлы первый, второй, шестой и седьмой изобилуютъ важными и рѣдкими книгами; отдѣлы третій, четвертый и пятый отличаются особенною полнотою; въ отдѣлѣ восьмомъ мы находимъ такое полное собраніе твореній знаменитыхъ философовъ Giordano Bruno и Campanella (все эти творенія были истреблены и составляютъ теперь библиографическія рѣдкости) каковаго нѣтъ ни въ одной изъ публичныхъ или частныхъ бібліотекъ Европы. Снимки въ концѣ каталога сняты съ рукописей (отчасти неизданныхъ еще) этихъ знаменитыхъ въ Исторіи просвѣщенія лицъ: Брюно былъ сожженъ за живо (въ Римѣ, 1600) инквизиціею, а Кампанелла просидѣлъ 27 лѣтъ въ ея тюрьмахъ, гдѣ его пытали 24 раза.

Мы Москвичи должны радоваться, что собраніе А. С. Норова у насъ, а вся Россія должна быть благодарна его памяти за то, что онъ не предпочелъ вывести свою бібліотеку на распродажу за границу. За одни тѣ книги, которыя описаны въ 1-ой части каталога, легко бы выручить тамъ тѣ 17.000, которыя условлены были имъ за всю бібліотеку; сверхъ того мы удостовѣрились въ Музеѣ, что тѣ изданія, которыя должны бы быть описаны въ неизданныхъ частяхъ каталога, стоятъ вдвое или даже втрое больше этой суммы. Самый каталогъ этотъ сталъ рѣдкою и искомою книгою; онъ напечатанъ очень красиво и, какъ слышно, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ: напечатанныхъ на бумагѣ высшаго достоинства еще того меньше.

ОС

24 Февраля 1869.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ АВРААМА СЕРГѢВИЧА НОРОВА.

За четыре мѣсяца до кончины своей А. С. Норовъ написалъ и потомъ напечаталъ (въ № 11 „Воснаго Сборника“ 1868 года и отдѣльною брошюрою) чрезвычайно любопытную и мастерски изложенную статью „Война и Миръ“, вызванную появленіемъ романа графа Л. Н. Толстаго подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Въ статьѣ этой авторъ отвелъ, какъ и слѣдовало, видное мѣсто очерку Бородинскаго сраженія, въ которомъ онъ былъ участникомъ, будучи тогда шестнадцати лѣтнимъ прапорщикомъ Гвардейской пѣшей Артиллеріи, второй батареи. Извѣстно, что онъ лишился ноги въ этой страшной и знаменитой „битвѣ генераловъ“.

Разсказывая увлекательно личные свои впечатлѣнія во время Бородинскаго дѣла, авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ упоминаетъ о томъ, какъ ему раздробило лѣвую ногу выстрѣломъ изъ внезапно демаскированной непріятельской батареи (стр. 40 и 41) и говоритъ: „мой добрый другъ и тогда начальникъ, Аѳанасій Столыпинъ, подѣхавъ ко мнѣ и погоревавъ надо мною, послалъ отыскивать ратниковъ“ (чтобы нести раненаго на перевязочный пунктъ.) Затѣмъ описано, какъ несли его туда.

Но между раной и переноской произошло, во время гореванья Столыпина, небольшой эпизодъ, о которомъ авторъ умолчалъ изъ скромности, но который стоитъ быть сохраннымъ.

Покойный Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, бывшій годами семью старше Норова, былъ тогда штабсъ-капитаномъ въ одной съ нимъ батарее, которою и начальствовалъ, такъ какъ настоящій командиръ ея капитанъ Гогель получилъ передъ тѣмъ сильную контузію. Столыпинъ былъ уже обстрѣленный храбрець, еще подъ Фридрихомъ жестоко раненый. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что, подѣхавши къ Норову, лежавшему съ раздробленной ногой, былъ глубоко огорченъ, увидя этого красива-

го, во всѣхъ отношеніяхъ, любезнаго юношу, можно сказать мальчика, изуродованнымъ навѣки и высказалъ ему невольно свою печаль о немъ. На это, продолжалъ Столыпинъ, Норовъ отвѣчалъ мнѣ, съ своимъ всегдашнимъ легкимъ заиканіемъ: „Ну что, братъ, дѣ-ать! Богъ милостивъ! Оправлюсь и „воевать на костыляхъ пойду!“

Считаю долгомъ рассказать эту чер-

ту изъ жизни А. С. Норова, какъ изъ уваженія къ памяти этого достойнаго человѣка, давно бывшаго мнѣ знакомымъ, такъ и для новаго свидѣтельства о томъ, какой духъ царствовалъ въ 1812 году въ арміи, гдѣ и мальчики способны были на такое геройское самоотверженіе. Подобная черта не должна пропасть въ забвеніи.

Михаилъ Лонгиновъ.

ПАМЯТИ АВРААМА СЕРГЪЕВИЧА НОРОВА.

1.

Онъ кроткой жизнью жилъ и умеръ смертью кроткой:
Ему надгробною правдивой и короткой
Могли-бы ближніе, поминкою о немъ,
Вписать сія слова на камнѣ гробовомъ.
Но онъ не схимникъ былъ въ тѣни удпненья:
Живой членъ общества, онъ отъ его служенья,
Отъ подвиговъ, отъ жертвъ не отклонялъ себя,
И жизни благодать и жизни крестъ любя.
Всему высокому сочувствуя сердечно,
Что въ жизни временно, и то, что въ жизни вѣчно,
Душой уразумѣть и оцѣнить онъ могъ:
Онъ тихъ и ясенъ былъ среди земныхъ тревогъ.
Любовью къ ближнему и вѣрой въ Провидѣнье
Порывы пылкихъ чувствъ и трезвыхъ чувствъ смиренье
Уравновѣсилъ онъ и въ стройность сочеталъ:
Онъ честно дѣйствовалъ и честно онъ мечталъ.
Ни въ полдень зрѣлыхъ лѣтъ, ни въ сумракъ ихъ вечерній,
Не зналъ онъ темныхъ чувствъ ни горечи, ни терній:
Онъ и не сѣялъ зла и зла не пожиналъ;
Была и совѣсть въ немъ прозрачна, какъ кристаллъ:
Невозмутимое и свѣжее зеркало
Все виѣшнее въ своей святинѣ очищало.
О помыслахъ другихъ судилъ онъ по себѣ:
Обезоруженный онъ предстоялъ борьбѣ,
Гдѣ явный врагъ вредилъ, или вѣдругъ лицемѣрилъ.
Онъ зла въ себѣ не зналъ и вчужь злу не вѣрилъ.
Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, изъ малаго числа,
Которымъ жизнь вотще учящимъ была.
Быть-можетъ, съ жалостью или съ насмѣшкой строгой,
Относится нашъ вѣкъ къ сей братіи убогой,
Къ симъ людямъ Божіимъ, смиреннымъ и простымъ,
Дающимъ въ обманъ незлобіемъ своимъ;
Но нужны на землѣ и эти Божьи люди,
Чтобы при нихъ вольнѣй дышали наши груди,

Чтобъ мы, въ бою страстей, могли на комъ-нибудь
 Душой усталую съ любовью отдохнуть.
 Среди житейскихъ смуть, съ ихъ безконечнымъ споромъ,
 Онъ долгій путь прошелъ, но на него укоромъ
 Ни чьи-бы не могли озлобиться уста.
 Была душа его младенчески-чиста,
 Но и созрѣла въ немъ, какъ плодъ благоуханной,
 Созрѣвшій на браздѣ Земли Обѣтованной,
 Гдѣ теплый воздухъ чистъ, гдѣ чисты небеса,
 И Божья благодать ложится, какъ роса.

2.

Двукратно зрѣлъ онъ край священной Палестины:
 Тамъ краски свѣтлыя Евангельской картины
 Еще не стерлися подъ давною вѣковъ.
 Тамъ въ почву врѣзанъ слѣдъ Божественныхъ шаговъ,
 Тамъ чуешь въ воздухѣ Евангельскія рѣчи,
 Тамъ съ смутнымъ трепетомъ ждешь и боишься встрѣчи,
 Какъ тутъ-же нѣкогда, дорогою въ Еммаусъ,
 Внезапно братьями былъ встрѣченъ Исусъ.
 Евангеліе здѣсь есть лѣтопись живая:
 Ея событія поднесъ переживая,
 Паломникъ, съ набожнымъ вниманьемъ, день за днемъ
 Тайно и слѣдитъ за этимъ дневникомъ.
 Здѣсь не исчерпано чудесъ святое лоно,
 Здѣсь все еще свѣжо, какъ и *во время-оно*:
 Вотъ, кажется, грядетъ Невѣдомый землѣ,
 Со знаменемъ любви и скорби на челѣ.
 Благословляетъ Онъ, и милуетъ, и учитъ;
 Онъ утѣшаетъ тѣхъ, которыхъ горе мучитъ;
 Больныхъ врачуетъ Онъ прикосновеньемъ рукъ,
 И, въ мудрой простотѣ, превыше всѣхъ наукъ,
 Чтобъ въ міръ и жизнь вселить миръ, счастье и свободу:
 „Любите ближняго!“ Онъ говоритъ народу.
 Кто разъ сподобился, о Иерусалимъ,
 Хоть мимоходомъ быть причастникомъ твоимъ:
 Кто умпрительный твой воздухъ жадной грудью
 Вдыхалъ: кто твоему молчанью и безлюдью
 Сочувствовать умѣлъ и въ этой тишинѣ
 Съ мнѹвшимъ и съ собой могъ быть наединѣ:
 Тотъ скажетъ, что, хоть разъ, вкусилъ онъ въ жизни сладость
 Унынья свѣтлаго, похожаго на радость.
 И какъ забыть тебя, спасенія купель,
 Тебя, живыхъ чудесъ ковчегъ и колыбель!
 Васъ—Гевсиманскій садъ и берега Кедрона!
 Васъ—Елеонская гора, холмы Сіона,
 Иосафатовой долины тишина!
 Васъ— вѣчный блескъ небесъ и вѣчная весна,
 Весь этотъ свѣтлый міръ, всю эту Іудею,
 Съ своей поэзіей и скорбію своею!

Въ сей край паломникъ нашъ, какъ въ отчій домъ вступилъ:
 Сей край онъ съ юныхъ лѣтъ заочно возлюбилъ;
 Къ нему неслись его завѣтныя стремленья;
 Онъ изучалъ его въ трудахъ долготерпѣнья.
 Но глубже вѣрою своей его постигъ:
 Она была ему вѣрнѣйшая изъ книгъ.
 Съ Апостолами онъ духовно породнился;
 Онъ съ ними вѣровалъ, и плакалъ, и молился;
 Онъ почву цѣловалъ, носившую Христа;
 Завидовалъ онъ вамъ, сподвижники Креста;
 Онъ съ вами раздѣлить желалъ-бы вашу долю:
 Гоненья, нищету и язвы и неволю.

Онъ жертвамъ доблестнымъ былъ рано обученъ.
 Служенье обществу страданьемъ началъ онъ:
 Но тяжкій опытъ сей, какъ рыцарскимъ обѣтомъ,
 Въ немъ честь запечатлѣлъ предъ нимъ самимъ и свѣтомъ
 И закалилъ ее, какъ огненной струей.
 Въ дни отрочества онъ, паломникъ боевой,
 Въ пылъ битвы брошенный едва созрѣвшей волей,
 За родину стоялъ на Бородинскомъ полѣ
 И, разомъ возмужавъ подъ ядрами въ бою,
 Ей въ жертву онъ принесъ младую кровь свою.
 И во всю жизнь его тѣ два воспоминанья,
 Два чистые ключа, двѣ страсти, два призванья,
 Двѣ радуги души на всѣхъ путяхъ, во всемъ,
 Въ немъ отзывались и отгѣнялись въ немъ.
 Въ немъ и паломникъ былъ—сынъ вѣры и молитвы,
 И отрокъ—пламенный какъ въ день народной битвы.
 Сосудъ, очищенный огнемъ Бородина,—
 Душа призванію осталася вѣрна.

Россія для него была земной святыней.
 Онъ лавромъ молодымъ и взрослой въ Палестинѣ
 Завѣтной пальмою, дней прежнихъ помни былъ,
 Былъ вправѣ обвивать свой боевой костыль.
 Любили слышать мы, какъ съ молодой заманкой,
 Постукивалъ нашъ другъ своею деревяшкой;
 Какъ прямо отъ души душѣ онъ говорилъ,
 Хоть заикался онъ и хотъ разсѣянъ былъ.
 Но на дѣла добра, за правду-ли вступаясь,
 Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинаясь,
 Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
 Нѣтъ, совѣсть ни предъ кѣмъ не заикалась въ немъ.

Онъ жизнь любилъ, но въ ней не суетныя блага.
 Добра святая страсть, ей сродная отвага,
 Любовь къ прекрасному и этотъ чистый пылъ,
 Который въ немъ питалъ очагъ духовныхъ силъ, —

Все въ старческой душѣ нетлѣннымъ уцѣлѣло,
И юный духъ бодрилъ дряхлѣющее тѣло.

Но для него и смерть не пугаломъ была:
Близъ праха милаго она его ждала
Привѣтливой звѣздой желаннаго свиданья.
Онъ руку подалъ ей съ улыбкой упованья.
Молитвой озарилъ онъ свой послѣдній часъ;
Онъ смертью кроткою и праведной угасъ,
Съ покорностью Творцу, съ любовью нѣжной въ братьямъ,
Какъ гаснетъ чистая лампада предъ Распятьемъ,
Когда, въ свой часъ, ея свѣтильня догоритъ,
И утро новое сводъ неба озаритъ. Князь Вяземскій.

Февраль 1869.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

1.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина пропущены два антологическія стихотворенія его, предметомъ которыхъ послужили произведенія Русскаго искусства. Перепечатаваемъ эти стихи изъ Художественной Газеты 1836 (изд. Кукольника) №№ 9 и 10 стр. 141. Они помѣщены тамъ въ Обзорѣи выставки художественныхъ произведеній Академіи Художествъ 1836 г. Авторъ обзорѣи (вѣроятно самъ Кукольникъ) говоритъ, что печатаетъ стихи эти съ дозволенія Пушкина. Первая статуя работы Логановскаго, вторая—Пименова.

1.

На статую играющаго въ свайку.

Юноша полный красоты, напряженія, усилія
чуждый,
Строенъ, легкъ и могучъ—тѣшится быстрой
игрой!
Вотъ и товарищъ тебѣ, Дискоболь! онъ до-
стоинъ, клануся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры
отдыхать.

2.

На статую играющаго въ бабки.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой
о коленно
Бодро оперся, другою поднялъ вѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся,
народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай Русской удалой
игрѣ.

II.

Эпиграмма Крылова.

Прочитавъ извѣстное стихотвореніе Виктора Гюго:

Enfant, si j'étais roi, je donnerais l'empire
Et mon trône, et mon sceptre, et mon peuple à
genoux...
Si j'étais Dieu, je donnerais les mondes à pr.
(Les Feuilles d'Automne).

помѣщенное въ переводѣ Делярю въ Библиотекѣ для Чтенія (1835, кн. 2), и надѣлавшее въ свое время довольно шуму въ Петербургѣ, — Крыловъ написалъ карандашомъ на книгѣ два стиха:

Мой другъ, когда бы былъ ты Богъ,
Ты бѣ глупости такой сказать не могъ.

(Передано мнѣ очевидцемъ покойнымъ П. А. Львовымъ, родственникомъ Олениныхъ.) *И. Ханенко.*

ПОСЪЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ
ПАВЛОВИЧЕМЪ СМОЛЕНСКАГО КЛАДБИЩА, ВЪ ПЕ-
ТЕРБУРГЪ, 11 НОЯБРЯ 1824 ГОДА.

Царь молвилъ:
Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать...
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

Пушкинъ, II. 310.

Каждый рассказъ изъ жизни благословеннаго Монарха, безспорно, принадлежитъ исторіи народа, который, переживая съ своимъ Государемъ трудные дни 1812 и 1824 годовъ, легко перенесъ бѣдствія ихъ, видя въ средѣ своей Императора „какъ будто намѣренно пытавшаго себя“ поучительнымъ зрѣлищемъ преждевременной смерти.

„Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не чувствовалъ“, сказалъ Императоръ въ 1818 году, вспоминая о „бѣдственномъ, священномъ, славномъ, великомъ“ 1812 годѣ. Въ 1824 году, когда Петербургъ былъ на краю гибели, Императоръ, не оставляя своего народа, всюду являлся помощникомъ ему. Вотъ доне сене кладбищенскаго духовенства благочинному, изъ котораго видны заботы Государя и о приютѣ смерти: „Сего ноября 11-го, въ 4-мъ часу по полудни Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, обозрѣвая водою раззоренныя жилища, благоволилъ милостивѣйше посѣтить и наше кладбище: взошедъ въ церковь, помолился иконамъ, оглянулъ церковь, въ болѣзнь сердца поклонился покойникамъ и изволилъ пойти вонъ. Прошелъ за колокольню, посмотрѣлъ тамъ, и пошелъ назадъ. При богадальнѣ у богадленокъ спросилъ: какъ велика была вода? Тѣ отвѣчали. Послѣ сего изволилъ сказать, чтобъ онѣ много не скорбѣли: я вамъ покровитель. Изъ насъ-же ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ“.

При входѣ въ церковь Государю подана была записка о числѣ покойниковъ, какъ утопшихъ, которыхъ было болѣе ста, такъ и умершихъ отъ болѣзней.

Николай Григоровичъ.

НАДПИСЬ НА ИКОНѢ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ГРАФУ
АРАКЧЕЕВУ.

Въ числѣ вещей, Высочайше дарованныхъ Повгородскому, графа Аракчеева, кадетскому корпусу (что нынѣ Нижегородская, графа Аракчеева. военная гимназія) изъ оставшагося по смерти графа Аракчеева имущества его, есть икона Нерукотвореннаго Спаса, величиною 8 вершк. длины и 6 вершк. ширины, въ богатой серебряной, вызолоченной ризѣ. пзидно украшенной камнями. (Вѣсу въ серебрѣ безъ камней около 5 фунтовъ. 8 червонцевъ употреблено на позолоту, стразовыхъ камней 982.) На лицевой сторонѣ иконы, внизу, подъ лпкомъ Спасителя, находится надпись, составленная, какъ видно, самимъ графомъ Аракчеевымъ и отчеканенная по его заказу. Сообщаемъ эту надпись, потому что, судя по году и мѣсяцу, выставленному въ концѣ надписи, она имѣетъ большое отношеніе къ настроенію мыслей и чувствъ графа въ указанное время.

Вотъ эта надпись:

„Господи! даждь милость ненавидящимъ мя, и враждующимъ мнѣ, и поношающимъ меня, да никто же отъ нихъ мене ради постраждетъ ни въ нынѣшнемъ ни въ будущемъ вѣцѣ, но очисти ихъ милостію Твоею и покрый ихъ благодатію Твоею, озари ихъ и просвѣти во вѣки вѣковъ. Аминь. Ноябрь дня 1825 г. Г. А“.

Число мѣсяца было выставлено; но, какъ замѣтно по оставшемуся звуку, кѣмъ-то уничтожено послѣ.

Икона эта находится въ настоящую пору въ церкви Нижегородской, графа Аракчеева, военной гимназіи.

(Сообщилъ священникъ Е. Меторскій.)

ПОПРАВКА.

Въ 44 номерѣ *Современной Лѣтописи* 1868 года (15 декабря) напечатанъ некрологъ князя Александра Ивановича Долгорукаго. Составитель некролога, г. Е. А., утверждаетъ, что съ кончиною князя А. И. Долгорукаго пресѣклась старѣйшая вѣтвь знаменитаго рода князей Долгорукихъ, имѣвшаго столь важное значеніе въ нашей исторіи въ первую четверть XVIII вѣка и особенно въ царствованіе Петра II-го. Показаніе это не вѣрно. Представительницы этой вѣтви, прямыя праправнучки славной княгини Натальи Борисовны Долгорукой и несчастнаго супруга ея князя Ивана Алексѣевича, суть двѣ дочери покойнаго сенатора князя Дмитрія Ивановича, отъ двухъ браковъ его (съ Марією Дезвортъ и съ Софьею Никаноровною Хитровою), княжны *Наталья и Екатерина Дмитриевны Долгорукія*. У гда ихъ, извѣстнаго писателя, князя Ивана Михайловича, было нѣсколько женатыхъ сыновей, но только у одного изъ этихъ сыновей, князя Дмитрія Ивановича, были дѣти, именно двѣ выше-названныя дочери, изъ коихъ старшая (носящая имя славной своей прабабки), за государственныя заслуги отца пожалована фрейлиной Высочайшаго Двора. Правда, у дочери князя Ивана Михайловича есть сыновья, но въ родословномъ численіи, они, какъ происшедшіе по женскому колѣну, уступаютъ старшинство лицамъ происшедшимъ отъ по-

колѣнія мужескаго. Такова издавна всѣми признаваемая генеалогическая лѣстница.

Петръ Бартенева.

5-го февраля 1869 года.

Эта „Поправка“ была напечатана въ 36 № Московскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года. Лицо, скрывающее себя подъ буквами Е. А., объявило, въ 41 № тѣхъ же Вѣдомостей, что строки эти лишены всякаго основанія. У насъ не въ обычаѣ входить въ газетныя препирательства; но для читателей Русскаго Архива замѣтимъ, что цѣлью нашею при напечатаніи вышеприведенной поправки было указать на нынѣшнихъ представительницъ старѣйшей вѣтви княжескаго Долгоруковскаго рода, такъ какъ онѣ, *т. е. княжны Наталья и Екатерины Дмитриевны Долгорукія*, а не кто другой, должны владѣть семейными и въ тоже время историческими памятниками, о коихъ упоминалось на страницахъ нашего изданія, какъ напр. перстнемъ съ изображеніемъ императора Петра Втораго; иконою, передъ которою проливалась слезы знаменитая страдальца княгиня Наталья Борисовна (и на которой намъ случилось видѣть собственноручное ея завѣщаніе о томъ, чтобы икона эта всегда переходила изъ рода въ родъ ея потомковъ), разными портретами князей Долгорукихъ и наконецъ обширными доселѣ неизданными Памятными Записками князя Ивана Михайловича. *П. Б.*

**Чертковская библіотека открыта для без-
платнаго чтенія ежедневно отъ 10 до 3
часовъ кромѣ дней воскресныхъ и
праздничныхъ.**

РУССКІЕ НА БОСФОРЪ

ВЪ 1833 ГОДУ.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°
8 нел., 462, 092, VII и 2 нел. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ)

- I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея прѣзда въ Россію.
- II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
- III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).
- IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
- V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѡ. Шукурова*.
- VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.
- VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѡ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
- VIII. Два письма *графа Эстерази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
- IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.
- X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр Г. Г. Орловымъ.
- XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешинимъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ фонѣ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукербекерѣ.
- XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
- XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хлыровимъ*.
- XIV. Цензурная вѣдомость 1786 – 1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.
- XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской бібліотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к. съ перес. 3 р. Въмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г. — 9 р. съ пересылкою. 10 р.

ТРЕТЬЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА ПЕЧАТАЕТСЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII в. продаются по отделькѣ: первая по 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р. вторая по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.,

Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослатъ, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получить Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *въ Москву*, въ Чертковскую библиотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу* Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ Русскій Архивъ прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по отделькѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію 8 р.; во Францію и Бельгію 8 р. 50 к.; въ Анлію 9 р.; въ Швейцарію и Италію 10 р.* Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: *Петръ Бартеньевъ.*

ГОДЪ

СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

5.

ПРИ

1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758. Черта Русской политики Елизаветинскаго времени.
2. Императоръ Николай 1-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ Статья *Н. П. Григоровича*.
3. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника *К. Л. Кутодіева*.
4. Письмо гр. *Θ. В. Ростопчина* къ Великой княжнѣ Екаторинѣ Павловнѣ.
5. Переписка *ею же* съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*).
6. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава припервомъ Наполеонѣ. Графа *А. А. де Бальмена*. 1819.
7. Автобіографія графа *С. П. Румянцева*.
8. Письмо графа *С. П. Румянцева* къ отцу его, графу Румянцеву Задунайскому.
9. Письмо *А. И. Маркова* къ графу *С. П. Румянцеву*.
10. Записка *А. Н. Райки* объ убіеніи графа Каподистрія.
11. Хозяйственное распоряженіе князя Потемкина.
12. Письмо *Сперанскаю* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщ. по барономъ *М. П. Корфомъ*).
13. Новыя изданія о Русской бібліографіи: *С. А. Соболевскаю*.

МОСКВА.

Типографіи А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, д. № 7.
1869.

ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II го, въ Испанію *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. А. Кустодіева*.
- II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.
- III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія: а) Собственноручная записка Императрицы. б) Указъ Кабинету. в) Упртженія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ д) Неизданные отрывки Камерфурьскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *II. II. Петрова*. е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.
- IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.
- V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. II. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.
- VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маціевича*.
- VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Кириовича* 1765 года.
- VIII. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ Мосоновъ въ Москву. б) Письмо *И. II. Тургенева* къ А. II. Соковнину. в) Письмо *Кауцица Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. II. Донцова*? г) Изъ донесенія князя *Прозоровскаго* Императрицѣ Екатерины о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).
- IX. Семейство Разумовскихъ I. Графъ Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.
- X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.
- XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. II. Панину. б) *Графа Дивьера* къ Е. II. Шаргородской (Сообщены княземъ *М. А. Оболенскимъ*).
- XII. Procès-verbale du décès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библиотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. съ пер. 3. р. 50 к.; вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ ПРОТОКОЛА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

отъ 18 сентября 1758 года.

О переселеніи Сербовъ въ Россію.

Правительствующему сенату военная коммиссія, при доношеніи отъ 7 іюля сего года, представила на разсмотрѣніе вышедшаго изъ Цесаріи Сербской націи священника Петра Морочанина, со объявленіемъ его, что Турецкой области изъ Герцеговины разныхъ селъ, лежащихъ въ близости Черныхъ Горъ, живущіе тамъ Сербы отъ крайней ихъ ревности и усердія по единовѣрью желаютъ быть въ Россійской службѣ и подданствѣ. И потому ихъ желанію оный священникъ выѣхалъ для осмотра и поселенія земель въ Славяносербіи, и, бывъ тамъ, проситъ о свободномъ вышепомянутаго Сербскаго народа въ Россію пропускѣ, и чтобъ для приѣма и привода ихъ командирована была пристойная команда. А коллегія иностранныхъ дѣлъ мѣтніе объявила: когда тѣ Сербы въ Турецкой области живутъ и въ подданствѣ тамошнемъ находятся, явно ихъ въ Россію препровождать и въ подданство здѣшнее принимать невозможно затѣмъ, что Турецкій дворъ, услышавъ о семъ, безъ сомнѣнія въ молчаніи не оставитъ, и оттого съ здѣшней стороной легко до ссоры дойти можетъ, отъ чего въ нынѣшнее время больше, нежели въ другое, весьма уклоняться надобно. А когда помянутые Сербы прямое желаніе имѣютъ въ Россію перейти и въ Славяносербіи на отведенныхъ земляхъ поселиться, то имъ можно чрезъ того же священника тайно объявить, чтобы они сами, при удобномъ времени, только не вдругъ многимъ числомъ, но малыми партіями изъ нынѣшнихъ своихъ жилищъ выходили, и чтобы подъ именемъ Черно-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869.

горцевъ чрезъ Цесарскія и Польскія земли Россійскимъ границамъ проходили. А въ тѣхъ областяхъ, когда они только Черногорцами и не Турецкими подданными, но вольными называться стануть, задержанія имъ, чаятельно, не будетъ, кромѣ обыкновеннаго въ пограничныхъ мѣстахъ карантинна для осторожности отъ повѣтренныхъ болѣзней. Для приѣма же и препровожденія ихъ до Россійскихъ границъ, требуемыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и капрановъ, по вышеобъявленному обстоятельству, явно и точно съ тѣмъ послать также невозможно, развѣ оныхъ нѣсколько туда изъ Славяносербіи отпустить, подъ претекстомъ собственныхъ ихъ или какихъ полковыхъ нуждъ, съ паспортами и тайнымъ наставленіемъ, чтобы они способствовали тѣмъ Сербамъ въ прохожденіи ихъ въ областяхъ Цесарскихъ и Польскихъ подъ именемъ Черногорцевъ, какъ земляковъ своихъ и вольныхъ людей. А инако невозможно прямо требовать и получить у Вѣнскаго двора и у Республики Польской позволенія на свободный пропускъ такихъ людей, которые изъ Турецкаго подданства выходятъ будутъ; для того, что и сами тѣ области весьма не хотятъ у Турецкой стороны въ подозрѣніи, а наименьше въ какую ссору, придти. Что же и до помянутаго священника самого касается, то, когда онъ не природный подданный въ Цесаріи, можетъ объ отпускѣ своемъ и съ фамиліею самъ тамо, у кого надлежитъ, просить и такимъ же образомъ, какъ выше означено, съ прочими Сербами въ Россію выѣхать, а со сто-

роны здѣшняго Двора объ немъ прямо домогаться неудобно, когда онъ природою изъ Турецкой области.

Напротивъ же того, военная коллегія объ отпускѣ, для пріема и препровожденія тѣхъ Сербовъ, воинскихъ людей съ паспортами и наставленіемъ не безъ сомнительства признавать, дабы не подать причины къ какому-либо подозрѣнію; къ тому же и тѣ посылаемые, чрезъ такую отъ команды отлучку, могутъ иногда зачѣмъ долговременно и праздно безъ службы находиться, что за не полезное жъ усматривается.

А понеже о желающихъ къ выходу въ Россійскую службу и подданство Албанцахъ на разсмотрѣніе сообщено въ учрежденную при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференцію, токмо еще опредѣленія объ нихъ не послѣдовало.

Чего ради въ сенатѣ опредѣлено и о вышеописанномъ желающемъ къ выходу сюда изъ Герцеговины Сербскомъ народѣ къ надлежащему разсмотрѣнію и опредѣленію сообщить въ учрежденную при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференцію; помянутому жъ прибывшему съ объявленіемъ отъ того желающаго къ выходу

Сербскаго народа священнику Морочанинову на пропитаніе его выдано здѣсь изъ казны 100 рублей. А въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ сообщено вѣдѣніемъ, дабы онъ, до будущаго по его дѣлу разсмотрѣнія, допущенъ былъ здѣсь къ священнослуженію, гдѣ бы онъ, по его иностранству и неимуществу, вмѣстѣ могъ безнужное пропитаніе, токмо онъ въ Сенатѣ просить объ отпускѣ его въ отечество.

И о томъ Правительствующій Сенатъ, общая, требуетъ отъ учрежденной при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференціи опредѣленія. На подлинномъ подписали: князь Б. Юсуповъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Алексѣй Голицынъ, князь Иванъ Одоевскій, оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ, секретарь Васильевъ.

Изъ книги по Конференціи, за № 789, присланной изъ Петербургскаго сенатскаго архива, № дѣла 129-й. Рѣшеніе конференціи намъ неизвѣстно; но мы знаемъ, что въ эту пору (въ разгаръ Семилѣтней войны), съ паденіемъ Бестужева и возобладаніемъ Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, наша политика сдѣлалась робкою.

П. Б.

(Сообщено Н. В. Калачевымъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-Й ВЪ СВАТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СИНОДѢ.

(4-го іюня 1835 года).

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Святѣйшаго Синода связано съ освященіемъ синодской церкви, которое не лишено историческаго интереса.

Въ концѣ мая мѣсяца 1835 года, предъ наступленіемъ теплаго времени и «общей вакаціи», предполагено было открыть новое синодское зданіе, безъ опасеній послѣдствій отъ сырости. 20-го апрѣля оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, Нечаевъ,

всеподданнѣйшимъ докладомъ испрашивалъ разрѣшенія, чтобы заранѣе освящена была церковь въ новомъ зданіи, какъ было сдѣлано въ Сенатѣ, а потомъ въ докладѣ выразилъ, что «приличнѣйшимъ для сего освященія днемъ могло бы быть 9-е число мая, посвященное памяти святаго, коего имя носить Августѣйшій Основатель сего зданія»¹.

(¹) Для построенія синодальнаго и сенатскаго зданія учрежденъ былъ особый комитетъ, кото-

На слѣдующій день Государь Императоръ на докладъ написалъ: «Освятить во имя апостола Петра, ибо Синодъ учрежденъ Петромъ I-мъ». Между тѣмъ въ февралѣ 1833 года послѣдовало высочайшее соиз-

воленіе на освященіе синодской церкви въ память Седми Вселенскихъ Соборовъ², почему и написаны были иконостаѣ и образа святителей наиболѣе «подвизавшихся за прѣзвестъ вѣры за сихъ соборахъ».

рый производилъ постройку съ возможною экономіей. Въ цифра, показывающая стоимость этого зданія, 21 и 28 февраля 1830 г. назначено на приобрѣтеніе отъ купеческой жены Кусовиковой дома 600.000 руб., на разломку его и возведеніе новаго зданія для св. Силода 1.400.000 рублей.

По смѣтѣ, послѣ того составленной, исчислено на разломку дома и постройку зданія 1.335.697 руб. 5 коп., т. е. съ уменьшеніемъ противъ первоначальнаго назначенія на 64.302 р. 95 коп.

Въ маѣ 1832 г. комитетъ, распорядившійся постройкою, доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора, что по торгамъ, произведеннымъ въ теченіи двухъ предшествовавшихъ годовъ на разные предметы постройки, сбережено изъ смѣтной суммы 146.035 руб. 79 коп., которая съ высочайшаго разрѣшенія употреблена на предметы вутрепняго устройства, смѣтою не назначенныя.

Изъ сей суммы выдано:

а) За обмѣблированіе синодскаго зданія съ приобрѣтеніемъ бархата и другихъ украшеній 89.315 р. 42½ к.

б) За устроеніе въ сенатскомъ и синодскомъ архивахъ полокъ съ отдѣлкою комнатъ, занимаемыхъ метрикою надъ аркой, 46.940 р. 71¾ к.

Весь расходъ по симъ двумъ статьямъ составилъ 136.456 рублей 14¼ коп., чистый остатокъ 9.579 р. 64¾ к.

Между тѣмъ, независимо отъ первоначальнаго сбереженія 146.035 р. 79 к., при совершеніи подрядовъ на окончательную отстройку и отдѣлку синодскаго зданія, оказалось еще въ сбереженіи противъ смѣтнаго назначенія 183.067 руб. 2½ коп.

Но вмѣстѣ съ этимъ, для полной соответственности зданія назначенію его, какъ равно для усугубленія прочности и удобства въ помѣщеніи, представились, по ближайшимъ соображеніямъ, совершенно необходимыми такіе расходы, которые при составленіи смѣты не могли быть предвидѣны.

Расходы эти составили 147.943 р. 75½ к. и покрылись частію отъ новаго сбереженія, т. е. 183.067 р. 2½ к.

Чистый остатокъ по сей статьѣ 35.121 руб. 27 коп.

Такимъ образомъ сбереженіе, котораго комитетъ достигнулъ дѣйствіями своими по всей операціи, представляется въ трехъ видахъ:

а) Собственно въ сокращеніи первоначальнаго назначенія (1.400.000) 109.003 р. 86¾ к.

б) Въ дѣйствительномъ остаткѣ противъ смѣтнаго назначенія (1.335.697 руб. 5 коп.) 44.700 р. 91¾ коп.

в) Въ покрытіи сверхъ смѣтныхъ расходовъ на 284.401 р. 89¾ к.

Построеніемъ зданія завѣдывалъ архитекторъ 4-го класса Штаубертъ.

(² 18 февраля 1833 г. оберъ-прокуроромъ Святейшаго Синода, княземъ Мещерскимъ, былъ представленъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ подробно изложена исторія учрежденія церкви при Святейшемъ Синодѣ, основанная въ память побѣды (28 сентября) надъ Левенгауптомъ.

Содержаніе доклада слѣдующее: «При Святейшемъ Синодѣ съ 1753 г. находится церковь, бывшая до того времени придѣльною въ Троицкомъ соборѣ, что на Петербургской сторонѣ.

«Придѣлъ сей сооруженъ былъ во времена Петра Великаго и освященъ во имя преподобнаго Харитона, коего память празднуется 28 сентября, въ самый день побѣды надъ Левенгауптомъ, что самое служить удостовѣреніемъ, что храмъ сей устроенъ былъ въ воспоминаніе сего событія, донынѣ ежегодно празднуемаго въ нашей церкви благодарственнымъ молебствіемъ.

«Образъ въ сей церкви писаны дурно съ латинскими надписями и на шелковой матеріи, нынѣ уже обветшавшей. Вообще она не могла бы соответствовать красотѣ новаго зданія; почему и предположено устроить въ немъ новую домовую же церковь, и по высочайше утвержденной смѣтѣ назначена на сіе достаточная сумма.

24*

Необходимость заставляла такимъ образомъ согласить эти два высочайшія повелѣнія, и потому Пачаевъ вторично представилъ Государю о двухъ повелѣніяхъ, гдѣ, между прочимъ, выразилъ: «Если

«При семъ случаѣ въ общемъ совѣщаніи членовъ Синода съ членами строительнаго комитета, со стороны комиссіи духовныхъ училищъ разсуждено было, что нѣтъ достаточной причины освящать храмъ сей во имя того же святаго, такъ какъ вышняя Харитоніевская церковь не была устроена собственно для Синода, а только случайно перевесена изъ Троицкаго собора, по призванной тогда надобности имѣть домовую церковь при синодальной канцеляріи и по случаю разобранія прежняго зданія того собора за ветхостію; напротивъ, въ новомъ синодальномъ домѣ, гдѣ, по собственному назначенію Вашего Величества, домовая церковь устроится подлѣ самой присутственной камеры, представляется освятить сей храмъ въ воспоминаніе церковныхъ событій, соотвѣтственныхъ предмету главнаго въ семъ зданіи учрежденія. Руководствуясь сею мыслию, предполагается устроить домовую синодскую церковь въ честь празднуемыхъ издревле Седми Вселенскихъ Соборовъ, опредѣленія коихъ составляютъ основные законы нашей церкви, и для сего, кромѣ мѣстныхъ образовъ, Спасителя и Богоматери, написать въ иконостасѣ вверху образъ Сошествія Святаго Духа, а внизу по сторонамъ на двухъ особыхъ образахъ представить тѣхъ святыхъ іерарховъ, которые наиболѣе оказали на сихъ соборахъ ревности къ защищенію и утвержденію праваго ученія о вѣрѣ.

«Пріемлю смѣлость предварительно довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, между тѣмъ какъ генералъ-лейтенанту Базену поручено отъ строительнаго комитета представить на высочайшее утвержденіе чертежъ иконостаса новой синодской церкви.»

На докладѣ этомъ, въ тотъ же день, Государь Императоръ высочайше соизволилъ карандашомъ собственноручно написать слѣдующую резолюцію:

«Согласенъ; но бывшую церковь надо сохранить въ память основателя, приславъ ей личное мѣсто и подвоя сколько можно.»

же оставлено будетъ прежнее назначеніе объ освященіи сей церкви въ память Вселенскихъ Соборовъ, то еще можетъ быть отчасти исполнена и та мысль Вашего Величества, чтобъ съ симъ случаемъ соединено было и воспоминаніе о великомъ учредителѣ Святѣйшаго Синода. Церковь наша можетъ быть освящена ежели не въ Николинъ день, то въ Петровъ день, 29-го іюня. Только не слишкомъ ли сія отсрочка отдалитъ открытіе самого Синода, которое Ваше Императорское Величество столь милостиво обѣщали осчастливить драгоценнѣйшимъ Вашимъ присутствіемъ?»

Государь Императоръ на докладѣ оберъ-прокурора, 23 апрѣля 1835 г., написалъ: «Я не помнилъ, что церковь уже начеена; оставить какъ есть, освятить когда удобнѣе».

Медленный ходъ работъ, въ особенности по убранству внутреннихъ покоевъ, вновь заставилъ оберъ-прокурора испрашивать высочайшаго разрѣшенія на освященіе церкви въ день Сошествія Святаго Духа, 27 мая, который, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, имѣлъ особенное значеніе и важность для него, потому что «древніе церковные соборы начинались всегда призываніемъ Святаго Духа. И нынѣ, при избраніи новыхъ архіереевъ тоже наблюдаютъ въ Россійскомъ Синодѣ. Всѣ члены поютъ въ самомъ началѣ тропарь Св. Духу: «Царю небесный, утѣшителю, Душе истинный», и проч. И въ синодской церкви главный вверху образъ представляетъ Сошествіе Св. Духа. Все сіе вмѣстѣ заставляло остановиться на выборѣ сего важнаго дня. Долгомъ поставляю предварительно довести о семъ Вашему Императорскому Величеству».

Государь Императоръ, соглашаясь съ докладомъ, написалъ на немъ: «Весьма прилично»

Въ присутствіи знатнаго духовенства и государственныхъ сановниковъ, 27 мая ³, въ понедѣльникъ, церковь Святѣйшаго Синода освящена ⁴, и велѣдъ затѣмъ, а именно 4 июня, Государь Императоръ изволилъ посѣтить Святѣйшій Синодъ.

День этотъ останется памятнымъ для соотечественниковъ, особенно по рѣчи Августѣйшаго Монарха, въ которой онъ выразилъ и преданность къ церкви и любовь къ отечеству.

По предварительному назначенію, собрались члены Святѣйшаго Синода ⁵ къ 12 часамъ утра.

³) Послѣ освященія внутреннихъ комнатъ Святѣйшаго Синода, что происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ, для лицъ въ немъ служащихъ былъ устроенъ обѣденный столъ, на которомъ, какъ разсказываютъ очевидцы, «было всего въ изобиліи и отъменно весело».

Кромѣ сего Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ, «въ поощреніе и пособіе чиновникамъ канцеляріи Синода и отдѣленія духовныхъ дѣлъ Грекороссійскаго исповѣданія, 20.000 р., изъ государственнаго казначейства».

⁴) Въ 1837 г. церковь при Святѣйшемъ Синодѣ предположено было расширить по проекту профессора Императорской академіи художествъ, Горностаева. По мнѣнію его, «проектъ церкви вообще есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ для архитектора; но древній стиль церкви, предполагавшейся въ высшемъ государственномъ установленіи, значительно усложняетъ работу и представляетъ такіа требованія, для удовлетворенія которымъ нужно, кромѣ высшаго художественнаго знанія, и немаловажныя археологическія изысканія». За составленіе проекта Горностаеву было выдано 1000 руб., но онъ не приведенъ въ исполненіе.

⁵) 4 июня 1835 г. присутствовали члены: Серафимъ, митрополитъ повгородскій и с.-петербургскій, Филаретъ, митрополитъ московскій, Іона митрополитъ, Григорій, архіепископъ тверской. Бывшій духовникъ покойной Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитеръ, Павелъ Ва-

Полудни изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Государемъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Никодасвичемъ Наслѣдникомъ, и встрѣченъ оберъ-прокуроромъ Синода съ чиновниками у подъѣзда, а по входѣ въ зданіе членами Синода. Пресвященныя архіереи были въ мантияхъ, первенствующій же членъ и въ омофорѣ, со святымъ крестомъ.

Цѣловавъ крестъ и принявъ окропленіе св. водою, Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ престола, въ предствіи членовъ Синода, прибылъ въ синодальную церковь и слушалъ въ оной краткое молебствіе и возгласеніе многолѣтія Его Величеству и всему Августѣйшему Дому.

Изъ церкви Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ престола, въ предствіи первенствующаго и въ сопровожденіи прочихъ членовъ Синода, шествовалъ въ палату синодальныхъ засѣданій, и по вступленіи въ оную, во-первыхъ благоговѣйно цѣловалъ св. Крестъ и св. Евангеліе, поставленное, по синодальному обычаю, въ началѣ присутственнаго стола; потомъ изволилъ занять мѣсто не на приготовленномъ тронѣ, но близъ онаго на креслахъ, имѣя Государя Наслѣдника по правую руку, на ближайшихъ креслахъ, и повелѣлъ членамъ Синода также занять свои мѣста.

Послеполненіи сего, благочестивѣйшій Государь простеръ къ Синоду императорское слово, внушенное Его Величеству, сколько священнымъ характеромъ защитника церкви и покровителя правительства ея, столько же личною Его Величества ревностію о со-

силевичъ Криницкій. Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, оберъ-священникъ главнаго штаба, придворный протоіерей, Николай Васильевичъ Музовскій, и оберъ-священникъ арміи и флотовъ, протоіерей Василій Ивановичъ Кутневичъ.

храненіи и распространеніи Православія, духомъ смиренія предъ Богомъ, и наконецъ попеченіемъ о благѣ церкви и государства на грядущія времена.

Его Величество изъяснялъ:

что вступилъ на прародительскій престолъ противъ ожиданія, и потому безъ предварительнаго приготовленія, и что бремя правленія, какъ бы съ неба, ниспало на рамена его;

что начало и исполняющееся десятилѣтіе царствованія Его Величества встрѣтилось съ необыкновенными трудностями и тяжкими испытаніями;

что Синоду памятно происходившее на сей самой площади, которая теперь передъ глазами, и гдѣ первенствующій членъ оказалъ Его Величеству вѣрноподанническую услугу;

что вскорѣ затѣмъ слѣдовали Персидская и Турецкая войны, впрочемъ оконченныя столь благоуспѣшно, что Россійская держава, по внушаемому христіанствомъ великодушію, враждебной прежде Турціи доставила умиротвореніе и защиту;

что потомъ надлежало усмирить мятежное возстаніе Польши, перенести бѣдствіе губительной болѣзни и бывшія, по случаю ея, внутреннія неустройства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ;

что преодоленіе всѣхъ сихъ трудностей благочестивѣйшій Государь относитъ къ особенной помощи Божіей, на которую паче всего и впредь возлагаетъ надежду, бывъ утверждёнъ въ таковыхъ чувствованіяхъ наипаче наставленіями благочестивѣйшей Родительницы;

что сообразно съ симъ убѣжденіемъ, Его Величество, какъ самъ ближайшимъ къ сердцу своему попеченіемъ полагаетъ охраненіе Православія, такъ равномѣрно увѣренъ въ таковыхъ же преемственно чув-

ствованіяхъ Государя Наслѣдника престола, и въ семь, какъ Родитель, и какъ Государь, свидѣтельствуемъ о Немъ предъ церковію;

что изъ дѣлъ, подлежащихъ по настоящимъ обстоятельствамъ времени Синоду (о дѣйствованіи котораго Его Величество удостоилъ при семь отозваться со всемогущивѣйшимъ благоволеніемъ), особеннаго вниманія требуютъ—предпринятое съ превысившимъ чаяніе успѣхомъ воссоединеніе униатовъ съ православною церковію и дѣло обращенія раскольниковъ, требующее неослабной бдительности, твердости и постоянства въ принятыхъ правлахъ, безъ всякаго вида преслѣдованія;

что простирая попеченіе о дѣлахъ церковныхъ на грядущія времена, Его Величество желаетъ предупредить испытанное затрудненіе нечаяннаго вступленія въ оныя, бывшее слѣдствіемъ того, что блаженныя памяти Императоръ Александръ не имѣлъ Наслѣдника престола въ прямой линіи;

что вслѣдствіе сего, Его Величество, по благости Божіей, имѣя сыновъ и Первороднаго изъ нихъ приготовля къ наследованію престола, подобно тому, какъ ввелъ уже Его Высочество въ Сенатъ, и вскорѣ намѣренъ ввести и въ Государственный Совѣтъ, изволилъ признавать полезнымъ знакомить Его Высочество и съ церковными дѣлами и потому соизволяетъ, чтобы Государь Наслѣдникъ присутствовалъ иногда при занятіяхъ Синода, и подъ его руководствомъ (Его Величеству благоудовно было употребить точно сіе выраженіе) предварительно приобрѣталъ свѣдѣнія, потребныя и по сей части для Его высокаго назначенія;

что въ семь Его Величество совершенно надѣется на вожделѣнные успѣхи Государя Наслѣдника, и въ должномъ ему способѣ-

шествованіи полагается на усердіе Синода и поручаетъ его молитвамъ Своего возлюбленнаго Иервенца.

За снмъ оберъ-прокуроромъ прочитаны были:

1) Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы для удобства въ надзорѣ за духовенствомъ и назиданіи паствъ, умножено было число викаріатствъ, и чтобы Синодъ нынѣ же вошелъ въ разсужденіе объ учрежденіи вновь до четырехъ викаріевъ въ обширнѣйшихъ епархіяхъ, съ тѣмъ чтобы, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и способовъ, представлено было на высочайшее усмотрѣніе, на какомъ основаніи должны состоять сіи викаріи относительно приличнаго ихъ сану содержанія.

2) Высочайшее повелѣніе, чтобы Синодъ вошелъ въ сношенія объ оказаніи монастырямъ пособія землями свыше опредѣленнаго прежними правилами колпчества.

3) Объявлено высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада Синода, о возвращеніи самобытности, обращенному въ архіерейскій домъ, Ипатьевскому монастырю, гдѣ юный царь Михаилъ Феодоровичъ умолелъ быть принять державу Россійскую, и объ учрежденіи онаго монастыря перво-класснымъ каѳедральнымъ.

По окончаніи чтенія, Государь Императоръ, всемилостивѣйше принявъ изъявленіе вѣрноподданнической благодарности членовъ Синода за благомыслительное попеченіе Его Величества о дѣлахъ церковныхъ, отбылъ изъ присутственной палаты и изволилъ осматривать присутственную комнату комиссіи духовныхъ училищъ и канцелярію Синода, въ сопровожденіи членовъ Синода и оберъ-прокурора. Его Величеству благоугодно было оставить членовъ Синода при выходѣ изъ

комнаты; синодальный же оберъ-прокуроръ продолжалъ сопровождать Его Величество по лѣстницѣ въ расположенный въ нижнемъ этажѣ архивъ ⁶ и изъ онаго до подъѣзда.

Непосредственно послѣ сего члены Синода отправились въ синодальную церковь и принесли благодарственное Господу Богу моленіе съ возгласеніемъ многолѣтія благодѣявшему Императору и всему Августѣйшему Дому; возвратясь же въ присутственную синодальную палату, приказали:

1) Достопамятное для правительствующаго Синода событіе настоящаго дня внести обстоятельно въ журналъ.

2) Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Наслѣднику престола поднести списокъ съ сего журнала.

3) О высочайшемъ посѣщеніи Синода и высочайшей волѣ относительно присутствованія Государя Наслѣдника престола при

(6) Мысль о помѣщеніи синодальнаго архива въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ со сводами, принадлежитъ Императору Николаю Павловичу.

«Государь императоръ», записано въ журналѣ комитета о построеніи сенатскаго и синодскаго зданія, отъ 30 января 1835 г., «30 января 1835 г., въ три часа пополудни, изволилъ посѣтить новое синодское зданіе и осмотрѣть внутри всѣ три этажа съ Петровской площади и Адмиралтейскаго канала; а при томъ соизволилъ замѣтить, во-1-хъ, что охранѣ бы было отъ пожара, вмѣсто назначенія архивовъ Святѣйшаго Синода и комиссіи духовныхъ училищъ въ верхнемъ этажѣ, помѣстить оныя въ нижнемъ, гдѣ произведено устройство для библейскаго депо; а затѣмъ сіе депо перемѣстить можно бы было въ верхній этажъ; и во-2-хъ, изъявить высочайшее Его Императорскаго Величества согласіе на предположенія комитета въ присутственной залѣ Синода поставить тронъ по срединѣ стѣны, противъ оконъ, а на противоположной сторонѣ входа сдѣлать фальшивыя двери». Комитетъ, съ своей стороны, постановилъ: сообразно съ высочайшею волею предоставить сдѣлать надлежація распоряженія главному архитектору.

занятіяхъ Синода объявить по синодальному вѣдомству указами.

4) Относительно исполненія высочайшихъ повелѣній о викариатствахъ и о земляхъ для монастырей; имѣть подробнѣйшее разсужденіе въ слѣдующее засѣданіе ⁷.

5) О возвышеніи Пнатіевскаго монастыря высочайше утвержденный докладъ объ-

явить епископу Костромскому и вообще по вѣдомству Синода печатными указами.

По отъѣздѣ Государя Императора, члены святѣйшаго Синода выступили изъ присутственной залы пополудни, въ третьемъ часу.

Такъ кончилось это достопамятное засѣданіе Св. Синода.

Николай Григоровичъ.

ИСПАНСКАЯ КНИГА О ПОСЛѢДНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ.

Historia contemporanea del Imperio Otomano, ó sea de la guerra de Oriente, desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Por Don Francisco de Paula Vidal. Madrid--Barcelona. 1854.

(Современная исторія Оттоманской Имперіи, или о Восточной войнѣ, со времени вѣзда князя Меншикова въ Константинополь до разрѣшенія Турецко-Русскаго вопроса. Соч. Донъ Франциска де Пауля Видаль).

Книга эта можетъ занять очень почетное мѣсто въ библиографіи исторіи Крымскій войны. Она представляетъ большой томъ in-fol. въ 686 стр. изящной убористой печати съ нѣсколькими превосходно выполненными на стали гравюрами. Не смотря на то, что книга изданіемъ обозначена 1854 годомъ, но ея разсказъ продолженъ до 1855 года и законченъ извѣстіемъ о потопленіи Русскаго флота въ Севастопольской бухтѣ. Это объясняется обычаемъ Испанцевъ издавать почти всѣ свои книги такъ называемыми *энтрегами*, т. е. тетрадами въ листъ, два или даже болѣе, смотря по тому, какъ эти

листы выходятъ изъ-подъ пера автора; такъ что первые листы книги могутъ быть напечатаны въ одномъ году, послѣдніе могутъ появиться только въ слѣдующемъ, что тѣмъ естественнѣе случилось съ этой книгой, которая разсказывала текуція событія.

Само по себѣ изящное изданіе книги, вѣроятно стоившее не дешево, уже говоритъ, что Испанцы были далеко не равнодушны къ Крымскимъ событіямъ. Но содержаніе книги, взгляды и мнѣнія Испанскаго автора объ этихъ событіяхъ говорятъ еще болѣе: они указываютъ на тогдашнее искренно-сочувственное расположеніе Испанцевъ къ намъ—Русскимъ. Это расположеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что тогда вся Европа, даже народы, съ которыми мы, повидимому, были въ дружественныхъ отношеніяхъ, была настроена противъ насъ враждебно; а съ Испаніей у насъ не было даже никакихъ дипломатическихъ сношеній, которыя тогда еще не возобновлялись съ самой той минуты, какъ покойный государь императоръ Николай Павловичъ, по смерти короля Фердинанда VII, отказался признать королевою его дочь, теперь сверженную королеву Изабеллу II.

Писанная подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и законченная, когда борьба, хотя и приближалась къ концу, но далеко еще не кончилась, Испанская книга не есть и не могла быть собственно историческимъ

(7) Результаты этого высочайшаго повелѣнія помѣщены въ сочиненіи моемъ, составленномъ и напечатанномъ по распоряженію оберъ-прокурора св. Синода, графа Дмитрія Андреевича Толстаго:—«Обзоръ учрежденія въ Россіи архіерейскихъ православныхъ кафедръ и способовъ содержанія ихъ, со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству.» (1764—1866 г.), С.-Петербургъ. 1866 года.

трудомъ,—это скорѣе лѣтопись всѣмъ извѣстныхъ тогда событій, за то лѣтопись подробная, не опускавшая ничего существеннаго, могущая избавить теперь историка Крымской войны отъ лишнихъ и утомительныхъ хлопотъ возиться съ кипами газетъ и журналовъ. Впрочемъ, авторъ доходявшій до Испаніи свѣдѣнія чрезъ Французскія и Англійскія газеты, воспроизводилъ въ своей книгѣ далеко не страдательно: въ свою книгу изъ этихъ источниковъ онъ беретъ голые факты; но когда ему приходится высказывать о нихъ сужденіе, не видно, чтобы онъ стоялъ въ этихъ случаяхъ подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ и сужденій заинтересованныхъ тогда въ дѣлѣ Французовъ и Англичанъ. Напротивъ, его сужденія почти всегда противоположны сужденіямъ нашихъ враговъ и сочувственны намъ; иногда въ своемъ сочувствіи, въ своихъ оправданіяхъ Россіи, онъ доходитъ до совершеннаго пафоса,—и тогда его рѣчь, которую нельзя подозрѣвать ни въ какомъ пристрастіи, ни въ какой закупленности, дѣлается необыкновенно увлекательною.

Авторъ въ своей книгѣ слѣдитъ параллельно какъ за дипломатическою дѣятельностію и переговорами, такъ и за военными событіями, не только въ Крыму и на Дунаѣ, но и за Кавказомъ, въ Бѣломъ морѣ и Тихомъ Океанѣ. Занеся эту книгу въ библиографію исторіи Крымской или лучше Восточной войны, мы считаемъ лишнимъ вполнѣ передавать ея содержаніе; но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать нѣкоторыя мѣста книги, чтобы по крайней мѣрѣ дать приблизительное понятіе о взглядѣ Испанскаго автора на свой предметъ и о тогдашнихъ отношеніяхъ къ намъ Испанцевъ.

Начавъ свою книгу въ то время, когда готова была открыться война на Дунаѣ,

вотъ что авторъ говоритъ на первой страницѣ:

«На берегахъ Дуная два гиганта собираются возобновить зрѣлище гомеровскихъ побѣдъ; одинъ еще молодой, онъ выходитъ изъ степей Сѣвера съ гордымъ челомъ, потрясая древкомъ копья, которымъ онъ начертилъ послѣднія страницы кровавой наполеоновской эпопеи; другой—уже старикъ нервный, хотя еще и живой; онъ проситъ у земли возвратитъ ему его потерянные соки и готовится вступить въ борьбу съ саблею Магометовъ и Солимановъ. Весьма неодинаковыя расположенія одушевляютъ этихъ двухъ атлетовъ: Россія, гордая своими геркулесовскими силами, упирающаяся своею покрытою снѣгомъ головою въ полюсъ и простирающая свои громадѣйшія длани отъ центра Европы до дѣвственныхъ пустынь Нового Мира, хочетъ увѣичать свою славу на византійскихъ башняхъ; Турція, преждевременно потерявшая свою юность, хочетъ зацѣпить остатки своей жизни и возродиться борьбою, какъ крещеніемъ крови. Понятно, западные народы не могутъ остаться равнодушными зрителями этой ужасной борьбы».

Говоря о проѣздѣ князя Меншикова въ Константинополь, авторъ раздѣляетъ то мнѣніе, что онъ явился туда съ цѣлію вызвать Турцію на борьбу. Но онъ при этомъ превозноситъ до небесъ русскую дипломатію: ее только онъ считаетъ способною разрѣшить восточный вопросъ, а не отнюдь не дипломатію Запада. «Вовсе не странно, говоритъ авторъ, что не умѣютъ разрѣшить этой проблеммы тѣ, которые такъ часто дозволяютъ себѣ ослѣпляться беспорядочными теоріями нашихъ такъ называемыхъ представительныхъ правительствъ; но если мы съ нѣкоторымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ посмотримъ на характеръ русской дипломатіи, мы тотчасъ же увидимъ гро-

мандный контрастъ, который всегда представляли съ одной стороны умѣнье московскихъ правительствъ и съ другой парадоксы нашихъ государственныхъ людей. Интрига и деньги суть агенты, которые больше всего вліяютъ на духъ нашихъ правительствъ; поэтому—то мы всюду и видимъ такія полныя и блестящія ничтожества, за немногими исключеніями, на высшихъ мѣстахъ администраціи, въ командованіи войсками, въ направленіи дипломатическихъ предметовъ и даже на кафедрахъ нашихъ университетовъ. Русское правительство не слѣдуетъ этимъ дурнымъ примѣрамъ: оно употребляетъ въ службу всѣхъ лучшихъ людей, не обращая вниманія на ихъ политическія мнѣнія, на ихъ происхожденіе, на ихъ состояніе, на ихъ семейныя связи и независимо отъ религиозныхъ предубѣжденій; однимъ словомъ, русское правительство всегда слѣдовало въ этомъ случаѣ самой либеральной политикѣ, которой никогда не знали и вѣроятно никогда не узнаютъ наши правительства. Поэтому мѣста русскихъ представителей при иностранныхъ дворахъ всегда занимаютъ настоящія знаменитости. Русскій кабинетъ всегда хочетъ въ совершенствѣ знать все, что дѣлаютъ и думаютъ другіе народы, и потому всегда дѣйствуетъ съ совершеннымъ пониманіемъ дѣла; но что особенно должно поразить нашихъ мелочныхъ политиковъ—это то, что бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Россіи не превышаетъ двухъ милліоновъ рублей». Намъ нравится самое увлеченіе автора, съ которымъ онъ хвалитъ нашу дипломатію; намъ не стыдно этого увлеченія, потому что оно идетъ со стороны чужака, совершенно намъ посторонняго. Авторъ вездѣ превозноситъ прямоту и законность императора Николая Павловича и логичность вотъ графа Нессельрода. Когда

сдѣлалось очевиднымъ, что западные народы принимаютъ сторону Турціи, авторъ и можетъ надивиться странности этого заступничества. «Столько вѣковъ, говоритъ онъ, борющаяся противъ Исламизма, христіанская Европа идетъ къ нему на помощь, беретъ его подъ свое покровительство, когда онъ уже готовъ разрушиться; и подъ предлогомъ поставить преграду деспотизму, она изощряетъ оружіе для защиты другаго деспотизма. Противорѣчіе дѣлается еще болѣе громаднымъ, когда взять во вниманіе обстоятельства, отличающія бойцовъ. И какое различіе между Россіей и Турціей? Тоже, какое между двумя народами, которые идутъ по одной и той же дорогѣ, но въ противоположныя стороны. Русскую Имперію составляетъ народъ, который быстро шествуетъ по пути цивилизаціи и славы, и въ полтора вѣка свое шествіе отмѣтилъ удивительными успѣхами; Турецкая Имперія стремится также быстро, но какая-то невидимая рука толкаетъ ее въ непроходимую пропасть ничтожества».

Синопское пораженіе на Западѣ выставило варварскимъ поступкомъ со стороны Россіи. Авторъ, вопреки мнѣнію английскихъ и французскихъ публицистовъ, защищаетъ право Русскихъ поступить именно такъ, а не иначе; въ фактѣ пораженія Турокъ онъ видитъ полное право Русскихъ къ самозащитѣ отъ своего врага.

Авторъ тогда еще не подозрѣвалъ, къ чему стремилась Сардинія и ея министръ Гавуръ, вмѣшиваясь въ восточную войну; но онъ смотритъ на это вмѣшательство съ точки зрѣнія права и законности международныхъ отношеній, — и не находитъ этому вмѣшательству никакого оправданія. По его мнѣнію, если это вмѣшательство не вынуждено Франціей и Англіей, находившихся въ то время въ очень затруднитель-

номъ положеніи, то поступокъ Сардиніи имѣетъ весь характеръ разбойническаго нападѣнія на страну, которая кромѣ добра ничего не дѣлала Сардиніи. Авторъ отдаетъ полную справедливость циркуляру, который по этому случаю былъ разосланъ графомъ Нессельродомъ.

Особенное сочувствіе автора къ Россіи выразилось въ его сужденіи о покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ. Мнѣніе его далеко не мнѣніе остальныхъ писателей Европы. Вотъ какими словами испанскій писатель сопровождалъ покойнаго государя въ его могилу: «Духъ предубѣжденія заставляетъ нашихъ публицистовъ говорить объ императорѣ Николаѣ, какъ о деспотѣ и о честолюбцѣ, который своимъ личнымъ капризамъ и своей необузданной гордости будто бы приносилъ въ жертву кровь своихъ народовъ, европейское равновѣсіе и благосостояніе цѣлаго міра; но на дѣлѣ, не много теперь есть такихъ государей, дѣйствительно достойныхъ похвалы какъ за свои дарованія, такъ и за свои частныя и общественныя добродѣтели. Императоръ Николай былъ преданный мужъ, чѣзвычайный и заботливый отецъ, вѣрный другъ и монархъ, который изъ всѣхъ силъ заботился о счастіи своихъ подданныхъ. Всѣ его дѣти и внуки жили въ его дворцѣ, исключая В. К. Ольги, которая жила въ Штутгартѣ; народъ благословлялъ его имя, и нужно признаться, вся Европа ему обязана сохраненіемъ порядка, который грозитъ теперь нарушиться своимъ неблагоразуміемъ и кичливостію ярымъ императоръ Наполеонъ III. Царствованіе императора Николая — это непрерывный рядъ доказательствъ благородства и самоотверженія, очень рѣдкихъ въ исторіи государей. И кто не удивится его необыкновенной скромности, съ которою онъ при самомъ своемъ восшествіи на

тронъ поддерживалъ права своего старшаго брата, который, влюбленный въ прекрасную Польшку, предпочелъ наслажденіе частной жизни магическимъ удовольствіямъ верховной власти? И въ 1829 году, когда Оттоманская Порта, безъ войскъ и безъ защиты, была вся въ рукахъ Русскихъ, что бы сдѣлали кичливыя правительства Франціи и Англіи, еслибы они были на мѣстѣ всемогущаго тогда императора Николая? Эти палачи нашей независимости ¹⁾, или эти убійцы Тинпо-Санбовъ и самого Наполеона ²⁾—уже ли бы они въ Адрианополѣ поступили съ такимъ же благородствомъ, съ какимъ поступилъ императоръ Николай?!»

Въ книгѣ находятся, въ полныхъ переводахъ, почти всѣ дипломатическіе документы: ноты Меншикова, Нессельрода, французскаго, англійскаго и сардинскаго правительствъ, ноты турецкія, всѣ манифесты императоровъ Николая и Александра II. Русскіе документы авторъ переводилъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, — и читая ихъ на звучномъ, божественномъ языкѣ кастильскомъ (испанскомъ), исполняешься такими же патристическими, восторженными чувствами, какъ бы читалъ ихъ въ самомъ подлинникѣ, на языкѣ нашей родины.

Между гравюрами въ книгѣ есть изображенія Севастополя, Синопа и Синопскаго сраженія, изображеніе Константинополя и др. Есть также гравюра, изображающая весьма похожимъ на бѣломъ конѣ генерала Прима, героя теперешней испанской революціи, а тогда испанскаго военнаго делегата при французской арміи въ Крыму.

Священникъ К. Кустодіевъ

Мадридъ, 14 (26) Октября 1868.

¹⁾ Французы съ королемъ Людовикомъ Бонапартомъ.

²⁾ Англичане.

ТРИ ПИСЬМА ГРАФА Ф. В. РОСТОПЧИНА КЪ ВЕЛИКОЙ НЯГИНѢ ЕНА- ТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ.

I.

Москва 24 марта 1810 года.

Государыня!

Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества благодарность живѣйшую за милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе. Самолюбивъ былъ бы я, если бы возмечталъ отличить себя предъ тою, коя рождаетъ удивленіе и любовь во всѣхъ Русскихъ; но преданность моя къ особѣ и къ памяти Родителя даетъ надежду, что проникательный взоръ подобной ему умомъ и сердцемъ Дочери обратится иѣкогда на того, кто до сихъ поръ движимъ единственно былъ честью и вѣрностью.

Исполняя повелѣніе Ваше, препровождаю къ Вашему Императорскому Высочеству, съ некоторыми объясненіями, политическій меморіалъ и списокъ съ письма графа Орлева. Вскорѣ за симъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправлю самовѣриѣйшую, подробную записку о послѣднемъ днѣ царствованія Императрицы Екатерины и о первомъ Императора Павла, прося Ваше Императорское Высочество удержать все сіи бумаги до возвращенія моего въ Тверь.

Препорученіе вашего Императорскаго Высочества исполнено, и лестное напоминаніе Ваше обрадовало чрезмѣрно почтеннаго графа Остермана. Я нашелъ въ Москвѣ множество слуховъ о близкомъ разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ унадка денегъ и возвышенія цѣнъ. Но должно уповать на Бога. Жена моя изъясляетъ предъ Вами

чувствительную признательность за милостивое участіе, въ ней принимаемое.

А я, возвратясь къ своимъ, живу въ тишинѣ и блаженствѣ, и жду разлитія воды, чтобы плыть по Волгѣ и ѣхать по землѣ, куда и когда Вамъ угодно будетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества
преданнѣйшій

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

II.

30 мая 1810 года. Москва.

Государыня!

Не бывъ увѣренъ, что Императору будетъ угодно призвать меня въ Тверь, осмѣливаюсь симъ письмомъ напомнить вашему Императорскому Высочеству о милости, кою Вы обещать изволили графинѣ Елизаветѣ Кириловнѣ Апраксинной. Ей болѣе всего хочется имѣть при себѣ меньшаго сына, который поручикъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку. Сіе хотѣлъ неспросить графъ Гудовичъ, и если бы вамъ угодно было сказать ему слово, когда онъ будетъ въ Твери, то еще одна мать обяжется молить за Васъ Бога.

Осмѣливаюсь неспросить милости г-ну Гревсу, Тверскому почмейстеру. Сей достойный и неутомимый слуга, преданный совершенію Вамъ, съ малымъ жалованьемъ, безъ надежды къ повышенію когда либо чиномъ, бывъ подъ игомъ экзамена, оживетъ Анненской лентой, и симъ отличіемъ увѣрится, что служба его удостоилась Высочайшаго вниманія.

Жаль губернатора Ланскаго; жаль, что говядина дорога; жаль, что графа Гудовича (*) ошеленали мерзавцы; жаль, что идетъ сибѣрь; жаль, что живъ курилка Валуевъ; жаль, что я не буду свидѣтелемъ Ванега душевнаго счастья, достойной награды добродѣтелей, коихъ Провидѣніе отдало Вамъ во владѣніе по смерти.

Вашею Императорскаго Высочества
преданнѣйшій

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

Ш.

Государыня,

Князь Оболенскій вручилъ мнѣ книгу и письмо Вашего Императорскаго Высочества, за кое не приложу моей благодарности, чтобы не наскучить повтореніемъ чувства души Вамъ преданной.

Жена моя ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется имѣть счастье предстать предъ Вами. А я до возвращенія ея остаюсь здѣсь доканчивать науки сына и начинать воспитаніе лошади Вами назначенной.

Находя утѣшеніе говорить откровенно, скажу, что очень мнѣ прискорбно, для чего Вы не изволили сказать слова. Я бы плалъ съ Вами. Самъ не могъ рѣшиться испросить позволенія; я ждалъ и не дождался. По крайней мѣрѣ, если глупо сдѣлалъ, то простительно.

Если бы я не былъ увѣренъ въ расположеніи Вашемъ къ добру и любви къ истинѣ, то не осмѣлился бы писать слѣдующаго.

Здѣсь Гудовича гонитъ Ланскаго и теперь, а вина его состоитъ въ томъ, что онъ

не былъ похожъ на окружающихъ и не хотѣлъ съ ними быть въ связи; я знаю Ланскаго за честнаго и благомыслящаго человека. Видѣлъ его дѣятельность во время мизанціи, въ отсутствіе Туттолмина, а тогда много было вещей и затѣй невѣроятныхъ. Милости Государя къ Ланскому доказываютъ, что служба его удостоилась вниманія. За что же огорчать, обижать и терять навсегда значущаго чиновника? За то, что онъ по мѣсту и случайно зналъ все мерзости брата Гудовичева, доктора, князя Вяземскаго и Ключарева обнаружилъ, можетъ быть, свое мнѣніе на ихъ счетъ. Я съ моей стороны очень жалѣю, что онъ не успѣлъ выпросить у Государя сенаторства, что бы его спасло отъ убійственнаго настоящаго положенія, и развело бы съ графомъ Гудовичемъ, который столько же мстителенъ, сколько грубъ, глухъ, гордъ и бѣшенъ.

Государыня, защитите Ланскаго! А меня простите, что я такъ горячо вступаюсь за честнаго человека, бывъ самъ того же разбора.

Дай Богъ, чтобы вы благополучно разрѣшились отъ бремени и возвратились здоровы и веселы въ мирное Ваше жилище, гдѣ я изъ первыхъ буду имѣть честь поздравить счастливую мать, и цѣловать руки у внука или внучки благодѣтеля моего и всѣхъ моихъ съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашею Императорскаго Высочества
преданнѣйшій

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

Москва 1810 г. 20 іюня.

(Сообщено А. А. Васильчиковымъ).

(*) Тогдашняго московскаго главнокомандующаго.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА Ф. В. РОСТОПЧИНА КЪ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

(Извлечены из дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба. От. 160, св. 142).

I.

Тверь. Получено 2-го февраля 1811 г.

Государь!

Вы велики духомъ, сердцемъ и душой. Я хотя мельче, тонѣ и легче князь Якова Александровича Голицына, но лезу съ просьбой. Не оставте ея и не поставте меня какъ рака на мели. Сынъ его, носящій милости Ваши, за болѣзнію, вышелъ въ отставку; теперь ему хотя и лучше, но старикъ и старуха боятся, чтобъ опять не занемогъ и не испортилъ себя навсегда. Примите его опять въ службу и оставте при Его Императорскомъ Высочествѣ Принцѣ. Есть ли же потребенъ будетъ въ походъ или Вамъ, то свисните богатырскимъ повистомъ, онъ и тутъ! Въ чемъ свидѣтельствую, подписуюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества
преданнѣйшій

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

13 Января 1811 г. Москва.

Отвѣтъ Цесаревича Константина Павловича, съ черноваго письма, писаннаго собственноручно Его Высочествомъ.

«Послано изъ Твери 2 февраля 1811 г.

Графъ Федоръ Васильевичъ!

Сегодня имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше чрезъ князя Григорія Голицына, на которое спѣшу вамъ отвѣтствовать. Мнѣ кажется, что Государь Императоръ противиться никакъ не будетъ о вступленіи князя Голицына опять въ службу, и

я за это берусь, весьма радъ будучи вездѣ, гдѣ ни случится, быть полезнымъ всей сей семьѣ, которую люблю весьма, имѣя (двухъ словъ нельзя разобрать), дорожить и вѣрныхъ (*„службѣ“* слово зачеркнуто и другимъ не замѣнено), которые, какъ говорится, не осадятъ ⁽¹⁾ ни въ какомъ случаѣ. Что же касается о помѣщеніи К. Голицына въ Адъютанты къ шурину моему, то оное отъ меня не зависить и просить не могу, потому что я отъ него весьма часто слыхалъ, что у него Адъютантовъ весьма много.

Оставаясь по 7-е число въ Твери, надѣюсь получить еще здѣсь отвѣтъ вашъ.

Ваше Сіятельство увѣрены, надѣюсь, въ истинномъ къ вамъ уваженіи, которое пріятнымъ долгомъ себѣ поставлю здѣсь вамъ повторить.»

II.

Получено 5 февраля 1811 г.

Государь!

Получа сейчасъ рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества и пользуясь отвѣдомъ Г-на Карамзина въ Тверь, имѣю счастье отвѣчать симъ.

Желаніе князя Голицына было непремѣнное войти опять въ службу. Но отецъ и мать, опасаясь не совсѣмъ поправленнаго здоровья, желали видѣть его Адъютантомъ у Принца; я же полагая, что сіе завѣсѣло

(1) Отъ слова: осадить лошадь, и т. п. поговорка, употребляемая кавалеристами.

отъ воли его, утруждать и вѣсь моею просьбою.

И воспользовался бы пребываніемъ Вашимъ въ Тьері, дабы принесть Вамъ издавна посвященную преданность. Но природа, во-время заставивъ родить жену, удержала при ней.—Милъ Богъ далъ сына, ко-му дано имя благодѣтеля моего, а Вашего родителя. Малой силой и драчливой, и

естепи и не умру, то притравлю его къ Французамъ (*).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ,
Вашего Императорскаго Высочества,
преданнѣйшій
графъ Федоръ Ростопчинъ.

3 Февраля 1811 года.
Москва.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА БАЛЬМЕНА, РУССКАГО ПРИСТАВА ПРИ ПЕРВОМЪ НАПОЛЕОНѢ НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ.

1819 годъ (*).

Mes rapports au Comte de Nesselrode.

№ 1.

S-te Hélène, ce 19 janvier 1819 n. st. Par
le Towcy brig, Capt. Hill.

Monsieur le Comte,

Dans un long entretien que j'eus avec sir Hudson Lowe le mois passé sur nos affaires de service, il voulut pour m'empêcher d'aller à Longwood, me prouver que j'étais le premier mobile de tout ce qu'on y faisait.

«Bonaparte, me disait-il, se eroit soutenu, défendu par le commissaire de Russie. Cela le rend capricieux et intraitable».

Après avoir essayé vainement de lui prouver le contraire, je pris le parti d'acquiescer à ce qu'il souhaitait de moi et rompis avec les Français. Pendant un mois tout entier, je n'en vis aucun, pas même de loin, et je n'appris aucune nouvelle du Prisonnier de l'Europe. Je ne cessais d'en demander aux autorités Anglaises, mais on me répondait

toujours: «Il existe, nous n'en savons pas d'avantage»;—et je ne pouvais rien observer, rien mander à S-t Pétersbourg. J'étais comme un secret, ne voyant que le gouverneur et son entourage et n'osant me promener que du côté de Plantation-House. Enfin j'ai découvert ce matin, par un pur hasard, que jamais il n'y avait eu autant de discussions, d'intrigues et de vacarme à Longwood que depuis qu'on n'y rencontrait plus le commissaire de Russie. Voici en gros ce qui s'y est passé:

1-mo, Napoléon, après avoir promis d'habiter sa nouvelle maison dès qu'il en aurait les clés, déclara tout-à coup qu'elle était incommode, mal disposée et inhabitable.

2-do, Il fit écrire au gouverneur plusieurs notes officielles, fort impérieuses et défendit aux Français de les signer. Ces notes lui furent toutes renvoyées.

3-tio, Il le fit sommer impérieusement de lui restituer un portrait de famille, qui étant arrivé à S-te Hélène sous une fausse adresse, y avait été intercepté en octobre dernier.

4-to, Il protesta en termes injurieux contre la saisie des lettres de Balcombe, dont il est fait mention dans mes rapports sub № 33

(*) Этотъ смыслъ вероятно умеръ въ владѣн чествѣ.

(*) 1816, 1817 и 1818 годы помѣщены въ Русскую Архивъ 1868 и 1869.

et 34, et voulut que tous les comptes de ce banquier à Longwood, fussent réglés sans plus de délai.

5-to) La nuit du 16 au 17 de ce mois, ayant ressenti un violent mal de tête et des vertiges, il fit appeler M-r Stokoe, chirurgien du vaisseau-amiral, qui lui ordonna la saignée, un bain chaud et du dose de Cheltenham-salte. Depuis ce jour il la prie en affection et veut à toute force l'avoir à son service,—or ce n'est pas là une chose facile à arranger.

Je n'ai pu encore, Monsieur le Comte, me mettre entièrement au fait de ces nouveaux débats, mais je ne tarderai pas à en écrire à V. E. plus en détail.—Croyant avoir donné au gouverneur une preuve suffisante du peu d'influence que j'ai à Longwood, je compte y retourner sous peu de jours. J'ai l'honneur etc.

Св. Елена, 19 янв. 1819 г. ст.
съ бригамъ Товси кап. Гилль.

Графъ,

Въ длинномъ разговорѣ о дѣлахъ службы, который я имѣлъ прошлымъ мѣсяцомъ съ сэромъ Гудсономъ Лоу, онъ, чтобы удержать меня отъ посѣщеній Лонгвуда, хотѣлъ доказать мнѣ, что я—главный двигатель всего, что тамъ дѣлается.

—Бонапарте, говорилъ онъ, полагаетъ, что его поддерживаетъ, защищаетъ русскій комиссаръ. Это дѣлаетъ его капризнымъ и несговорчивымъ.

Тщетно попытавшись доказать ему противное, я рѣшился исполнить его желаніе и прервалъ всѣ связи съ Французами. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца, я не видѣлъ ни одного изъ нихъ, даже издали, и не имѣлъ никакихъ извѣстій объ Узникѣ Европы. Я не переставалъ разспрашивать о немъ англійскія власти, но получалъ всегда одинъ отвѣтъ:—Онъ существуетъ; болѣе и намъ ничего не извѣстно,—и я не имѣлъ воз-

можности что-либо узнать, что-либо донести въ Петербургъ. Я самъ словно былъ подъ стражею, видѣлъ только губернатора и его общество, и смѣлъ гулять только по направленію къ Платенціонъ-гоузу. Наконецъ, я узналъ нынче утромъ, совершенно случайно, что никогда не было столько раздоровъ, интригъ и шума въ Лонгвудѣ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ перестали видать русскаго комиссара. Вотъ, вкратцѣ, что тамъ произошло:

1) Наполеонъ, давъ обѣщаніе переселиться въ новый свой домъ, какъ только ему будутъ доставлены отъ него ключи, вдругъ объявилъ, что онъ неудобенъ, дурно расположенъ, что въ немъ жить нельзя.

2) Онъ велѣлъ написать къ губернатору нѣсколько официальныхъ записокъ въ весьма повелительномъ тонѣ, и запретилъ Французамъ ихъ подписать. Всѣ эти записки были ему отосланы обратно.

3) Онъ самымъ повелительнымъ образомъ потребовалъ, чтобы ему былъ возвращенъ фамильный портретъ, прибывшій на св. Елену подъ фальшивымъ адресомъ и перехваченный здѣсь въ прошломъ октябрѣ.

4) Онъ протестовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ перехвата писемъ Балькомба, о которыхъ рѣчь въ моихъ донесеніяхъ подъ №№ 33 и 34, и потребовалъ, чтобы всѣ счета этого банкрота съ Лонгвудомъ немедленно были очищены.

5) Въ ночь съ 16-го на 17-е этого мѣсяца, почувствовавъ сильную головную боль и головокруженіе, онъ велѣлъ позвать Г. Стоко, хирурга адмиральскаго корабля, который предписалъ ему кровопусканіе, теплую ванну и приемъ Чельтенгемской соли. Съ этого дня онъ его полюбилъ и непременно хочетъ, чтобы онъ былъ къ нему представленъ, что устроить нелегко.

Я не успѣлъ еще всего узнать объ этихъ новыхъ замѣшательствахъ, но не замедлю написать о нихъ подробности. Полагая, что я достаточно доказалъ губернатору, сколь мало вліянія имѣю я на Лонгвудъ, намѣреваюсь отправиться туда черезъ нѣскольکو дней. Честь имѣю быть и т. д.

2.

S-te Hélène, ce 25 janvier 1819 n. st. Par le Towcy brig. Capt. Hill.

Monsieur le Comte,

On m'informe à l'instant même que M-r Stokoe va retourner en Angleterre. L'amiral a jugé prudent de l'éloigner de S-te Hélène. Voici quelques détails que j'ai recueilli sur ce médecin et que je m'empresse de communiquer à V. E.

Lors de la dernière crise de Napoléon, Stokoe fut appelé à Longwood à 4½ heures du matin. Il ne put y arriver qu'à 6 et ne vit l'illustrious Patient,—comme il l'intitule dans son bulletin non officiel,—que vers midi. Avant de le recevoir et de le consulter sur une crise qui donnait l'alarme à toute l'île, Bonaparte lui fit proposer d'entrer à son service aux mêmes conditions que le D-r O'Meara. Stokoe accepta, consentit avec joie, signa tout ce qu'on voulut et ne fit de difficultés sur rien, mais l'amiral en fait de très grandes, lui, là-dessus, et il vient de déclarer aux Français: que M-r Stokoe, étant Inspecteur des Hôpitaux de la Marine Royale, ne pouvait, sans un ordre exprès de l'Amirauté, quitter son poste à bord du «Conquerror», que par conséquent il n'irait à Longwood que quand on l'y demanderait. Le gouverneur a décidé en outre qu'il n'y verrait ses malades qu'en présence d'un autre médecin Anglais, qui, sans se mêler du traitement qu'il leur faisait suivre, veillerait à ce que personne ne parle de politique et n'enfreigne

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869.

les réglemens. Toutes ces mesures furent rejetées par les Français avec mépris, indignation, et l'affaire en resta là.

L'amiral a interrogé M-r Stokoe sur les symptômes de «Chronique Hipatiks». Il s'est, dit-on, contredit, coupé dans ses réponses et a déclaré un jour qu'en tatant le côté droit du malade, il avait senti l'obstruction au foie et un autre jour qu'il n'avait pu la trouver. L'état de santé de Napoléon est un mystère que le temps seul découvrira.

On a quelques motifs de se défier de M-r Stokoe.

1-mo) Il est ami d'O'Meara, qui l'a recommandé aux Français et de Balcombe, dont il a voulu épouser la fille.

2-do) Parmi les lettres interceptées en octobre dernier, il y en a plusieurs à son adresse où le gouverneur est vilipendé.

3-tio) Il est du parti qui écrit, agit contre lui et tâche de le faire rappeler.

Ces jours passés le C-te Bertrand voulut persuader le D-r Verling de quitter Longwood:

«Vous ne pouvez, lui dit-il, y rester en sûreté de conscience. On y commet un grand crime, et vous dépendez entièrement du bourreau de L'Empereur. Craignez d'associer votre nom à l'opprobre dont le sien sera couvert».

O'Meara a assuré deux officiers de marine que s'il eut écouté les insinuations du gouverneur, il y a long temps que Napoléon n'existerait plus. Il leur a donné à entendre qu'on veut l'empoisonner. Voilà un fait bien singulier; ce qui est bien plus singulier encore, c'est que Sir Hudson Lowe me l'a raconté lui même. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 25 янв. 1819 н. ст.
съ бригамъ Товси, кап. Гилль.

Я сейчасъ узналъ, что г. Стоко отправляется въ Англію. Адмиралъ счелъ при-

25

личнымъ удалить его съ Св. Елены. Вотъ нѣсколько подробностей, собранныхъ мною объ этомъ медикѣ, и которыя съѣшю сообщить В—му С—ву.

Во время послѣдняго припадка, сдѣлавшагося съ Наполеономъ, Стоко былъ позванъ въ Лонгвудъ въ 4½ часовъ утра. Онъ могъ прибыть туда лишь въ 6, и видѣлъ «The Illustrious Patient», какъ онъ его называетъ въ неофициальномъ своемъ бюллетенѣ, лишь около полудни. Прежде чѣмъ принять его и посоветоваться о припадкѣ, всполошившемъ весь островъ, Бонапартъ велѣлъ предложить ему поступить къ нему въ службу на тѣхъ же условіяхъ, какъ докторъ О'Меара. Стоко согласился съ радостію, подписалъ все, что ему предложили, не сдѣлавъ никакихъ затрудненій. Зато адмиралъ дѣлаетъ затрудненія весьма значительныя; онъ объявилъ Французамъ, что г. Стоко, будучи инспекторомъ госпиталей по королевскому флоту, не можетъ, безъ особаго разрѣшенія отъ адмиралтейства, оставить свой постъ на борту «Конкерора»; что, слѣдовательно, онъ будетъ ѣздить въ Лонгвудъ лишь когда его туда потребуютъ. Губернаторъ, кромѣ того, рѣшилъ, что онъ тамъ будетъ допущенъ къ своимъ больнымъ лишь въ присутствіи другаго Англійскаго медика, который, не вмѣшиваясь въ лѣченіе, смотрѣлъ бы за тѣмъ, чтобы никто не говорилъ о политикѣ, и не нарушалъ правилъ. Всѣ эти мѣры съ презрѣніемъ и негодованіемъ были отвергнуты Французами, и дѣло на этомъ и остановилось.

Адмиралъ разспрашивалъ г. Стоко о признакахъ хроническаго воспаленія въ печени. Отвѣты его, говорятъ, были противорѣчивы и сбивчивы: одинъ день онъ сказалъ, что, изслѣдуя правый бокъ больнаго, онъ нащупалъ заваль въ печени, а на другой

день, что онъ не могъ его найти. Состояніе здоровья Наполеона есть тайна, которую раскроетъ лишь время.

Есть нѣсколько поводовъ не довѣрять г-у Стоко:

1) Онъ другъ О'Меара, рекомендовавшаго его Французамъ, и Балькомба, на дочери котораго онъ хотѣлъ жениться.

2) Между письмами, перехваченными прошлымъ октябремъ, есть нѣсколько адресованныхъ къ нему, въ которыхъ бранятъ губернатора.

3) Онъ принадлежитъ къ той партіи, которая ишетъ и дѣйствуетъ противъ губернатора и старается о томъ, чтобы онъ былъ отозванъ.

На дняхъ, графъ Бертранъ хотѣлъ уговорить доктора Верлинга оставить Лонгвудъ.

—Вы не можете,—сказалъ онъ ему,—оставаться здѣсь съ чистою совѣстію. Здѣсь совершается великое преступленіе, и вы вполне зависите отъ палача императора. Побойтесь сдѣлать ваше имя причастнымъ къ стыду, который покроетъ имя его».

О'Меара увѣрялъ двухъ морскихъ офицеровъ, что, еслибы онъ послушался внушеній губернатора, Наполеона давно бы уже не было. Онъ далъ имъ понять, что его хотятъ отравить. Вотъ фактъ весьма странный, а еще страннѣе то, что разсказалъ мнѣ объ этомъ самъ сэръ Гудсонъ Лоу. Честь имѣю быть, и т. д.

3.

S-te Hélène ce 30 janvier 1819 n. st. Par l'Earl of Balearras de la Com-іe des Indes.—
Capt. Jameson.

Monsieur le Comte,

Ce matin le D-r Stokoe est parti pour l'Angleterre à bord du Towey brig, Capt. Hill. Il m'a dit avant de s'embarquer que Napoléon lui ayant recommandé très parti-

culièrement et à plusieurs reprises de me rendre compte de ses visites à Longwood, il n'hésitait point à me déclarer qu'il le croyait malade de l'esprit et du corps, qu'il lui trouvait mauvaise mine, une grande faiblesse d'estomac, les nerfs extrêmement agités et de la mélancolie, que le chagrin le tuait.—Il y ajoute de plus que dans la nuit du 16 au 17 il avait pensé mourir d'un mouvement de sang à la tête, qui ressemblait à une apopléxiel sanguine et qu'il avait en outre une obstruction au foie déjà fort avancée.

«En êtes vous bien sur? lui ai-je demandé, ne vous a-t-on pas trompé? L'avez vous examiné soigneusement et à fond?»

Il m'a répondu que rien n'était plus vrai ni constaté par des signes les moins équivoques, mais que le gouverneur ne croirait aux souffrances de cet Illustre Patient que quand il le verrait mort dans son lit et que cela pouvait arriver d'un moment à l'autre.

Les Anglais m'ont assuré que le 18 le lendemain du jours où on le disait à l'agonie, il s'était promené autour de sa nouvelle maison, en robe de chambre de flanelle, coiffé d'un turban écarlate, s'appuyant de la main gauche sur une queue de billard, tenant de l'autre une lunette d'approche et que l'officier d'ordonnance l'avait entendu chanter «Fra Martino» dans sa chambre à coucher. On en conclut à Plautation-House qu'il se porte à merveille et que M-r Stokoe est un franc imposteur. En attendant, voilà deux médecins Anglais renvoyés de Longwood et mis hors de service. Excepté Baxter, que les Français disent être un empoisonneur, Verling qu'ils ne verront jamais et le sieur Levingstone, qui est un accoucheur, — il n'y en a plus à lui donner.

Depuis quelques jours Napoléon a pris fantaisie de se faire berger. Il achète tous les

beaux agneaux de l'île et s'amuse à les nourrir lui même devant sa fenêtre. Pour les empêcher de gravir les rochers et de se perdre, il leur a attaché une petite clochette au cou et les enferme la nuit dans un petit enclos.

Il y a de nouveau une grande disette de vivres, de fourrage, d'argent et de toutes chose à S-te Hélène. C'est la 7-me ou la 8-me depuis que j'y suis, et ce ne sera pas la dernière, car sir Hudson Lowe n'entend rien à l'administration. Il creuse des fossés, élève des remparts, a toujours l'air de se préparer au combat et ne veut pas construire de magasins d'approvisionnement. J'ai l'honneur etc.

Св. Елева, 30 янв. 1819 н. ст.; съ Балеарскимъ Ерломъ, Остъинд. компанія, кап. Джамесовъ.

Нынче утромъ, докторъ Стоко отправился въ Англию на бригъ Товен (капитанъ Гилль). Прежде чѣмъ сѣсть на судно, онъ сказалъ мнѣ, что Наполеонъ не разъ и очень настоятельно просилъ его отдать мнѣ отчетъ о своихъ посѣщеніяхъ въ Лонгвудъ. Онъ не обвиняя объявилъ мнѣ, что находитъ его больнымъ тѣломъ и духомъ, что видъ у него разстроенный, желудокъ очень слабъ, нервы чрезвычайно раздражены, что онъ страдаетъ меланхоліею, что тоска его убьетъ. Онъ присовокупилъ, что въ ночь съ 16-го на 17-е Наполеонъ едва не умеръ отъ прилива крови къ головѣ, весьма похожаго на кровяной ударъ, и что, кромѣ того, у него весьма сильныя завалы въ печени.

— Убѣждены ли вы въ этомъ? спросилъ я его, не обманули ли васъ? Исследовали ли вы его основательно и тщательно?

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ничто не можетъ быть несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, но что губернаторъ лишь тогда повѣритъ страданіямъ знаменитаго больного, когда

увидить его мертвого въ постели, что и может случиться со дня на день.

Англичане увѣряли меня, что 18-го, на другой день послѣ того, какъ онъ будто бы былъ при смерти, онъ прогуливался вокругъ новаго своего дома, въ фланелевомъ халатѣ, съ пунцовымъ тюрбаномъ на головѣ, опираясь лѣвой рукою на биллиардный кій, и держа въ другой подозрную трубку, и будто ординарецъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ въ своей комнатѣ «Fra Martino». Изъ этого въ Плавтешень-гоузѣ заключаютъ, что онъ совершенно здоровъ, и что г. Стоко просто обманщикъ. А между тѣмъ, вотъ уже второй Англійскій врачъ, изгнанный изъ Лонгвуда и отставленный отъ службы. Кромѣ Бакстера, котораго Французы называютъ отравителемъ, Верлинга, котораго они никогда не захотятъ видѣть, и г. Левингстопа, который акушеръ, — болѣе него назначать туда.

Въ эти послѣдніе дни, Наполеону пришла фантазія сдѣлаться пастухомъ. Онъ скупаетъ всѣхъ красивыхъ ягнят острова и забавляется тѣмъ, что самъ кормитъ ихъ подъ своимъ окномъ. Чтобы они не уходили въ скалы и не терялись, онъ привѣшиваетъ имъ къ шеѣ колокольчики и на ночь запираетъ ихъ въ маленькій загонъ.

На Св. Еленѣ опять большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ кормѣ, въ деньгахъ и во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ. Это уже въ седьмой или осьмой разъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, и это не въ послѣдній, ибо сэръ Гудсонъ Леу ничево не смыслитъ въ управленіи. Онъ роетъ рвы, возводитъ укрѣпленія, словно постоянно готовится къ бою, и не хочетъ строить запасныхъ магазиновъ.

Честь имѣю быть, и т. д.

4.

S-te Hélène, ce 1-er mars 1819 n. st.—Par la Perseverance de la Comp-nie des Indes.—Capt. Templer.

Monsieur le Comte.

La dernière malle nous a apporté des journaux de Londres des mois de septembre et d'octobre. Napoléon étant persuadé que les Souverains Alliés et surtout l'Empereur d'Autriche prendrait sa défense contre le gouverneur de S-te Hélène, les attendait avec une vive impatience et se fit traduire mot-à-mot tous les articles d'Aix la Chapelle. Il y trouva bien des mécomptes, car le «Morning Chronicle», son plus zélé défenseur, n'en parle presque pas. Le «Courrier» l'accable de reproches et d'injures, et «l'Observer» du 12 octobre lui annonce positivement que notre Auguste Maître le livre à sa destinée. Tout cela lui donne de l'humeur, de la mélancolie; il s'est enfermé de nouveau dans son cabinet et ne voit personne, de sorte qu'on ignore ce qu'il fait, s'il se porte bien ou mal; on n'en a aucune nouvelle.

Un extrait de lettres de Mylord Bathurst, que sir Hudson Lowe eut ordre de communiquer aux Français en réponse à leurs observations sur le discours de S. S. à la chambre des Pairs le 18 mars 1817, est assuré dans un de ces journaux et fait sensation à S-te Hélène. L'état des choses y étant si contraire à celui que Mylord Bathurst paraît vouloir y établir, il n'y a personne, qui n'en soit surpris et scandalisé.

En parlant au gouverneur de cet extrait, je lui ai demandé, s'il comptait obéir à son instruction et lever enfin la barrière impénétrable de Longwood. Il m'a répondu avec une certaine hésitation: «que les Français n'avaient pas encore fait la liste des habitants qui doivent former leur société». Or la liste

en est faite depuis le mois de juin dernier, et c'est par M-s de Montchenu, de Gors et moi qu'elle commence—«que lui même en avait présenté une de 50 individus et attendait qu'elle fut approuvée ou rejetée». On m'a positivement assuré qu'il n'en a présenté aucune, «que loin de s'opposer à des réunions, à des plaisirs si innocents, aux visites faites à son prisonnier par des voyageurs d'une classe distinguée, il ne cessait de les y engager et ne songeait nullement à l'isoler». Sa conduite avec l'amiral Malcolm et les commissaires des Puissances Alliées, qui appartiennent à cette classe et ont droit à sa confiance, contredit cette assertion.

«On m'a assuré, lui dis-je, que vous défendiez aux officiers du 66-me d'entrer en conversation, de se promener avec M-me Bertrand et qu'ils évitaient autant que possible de la rencontrer».

«Non—s'écria-t-il, —ce n'est pas vrai, c'est une calomnie. Mes officiers n'osent lui manquer à ce point ni à son mari».

Et depuis 26 mois il me chicane impitoyablement sur ces rencontres fortuites et de nulle conséquence. — L'autre jour, il me conjurait à deux genoux et par tout ce qu'il y a de plus sacré au monde, de ne pas les voir, ni de leur parler. Que penser de cette façon d'agir? Et quelle folie de vouloir une chose et de ne pas la vouloir en même temps?

La semaine passée, ayant à régler avec M-e de Montholon un compte de dépenses que j'avais faites pour elle à Rio Janeiro, je témoignai le désir de lui rendre visite. Il m'écrivit à cette occasion une demi douzaine de notes et de billets, qui mettent au jour sa politique tortueuse. V. E. les trouvera ci-joints en copie aussi que mes réponses. Je suis intimement persuadé que ses rapports à Mylord Bathurst sont de même un tissu de subtilités et d'ambiguïtés, où l'on ne peut rien

voir, juger de rien, ni prendre aucune résolution sensée, et voilà pourquoi tout ici est en confusion. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. On vient de me dire, et la chose est assez vraisemblable, que Napoléon, se voyant abandonné du Ministère Anglais et remis à la discrétion de sir Hudson Lowe, veut porter plainte contre lui au Parlement

Mon premier billet à Sir Hudson Lowe
le 20 février 1819.

«Monsieur le gouverneur.

Je crois avoir déjà eu l'honneur de vous prévenir que M-me la Comtesse de Montholon a témoigné le désir de me rembourser une petite dépense que j'ai faite pour elle à Rio Janeiro ¹.

Je n'ai pas envie de lui en écrire ².

— ni lui en parler sur le grand chemin ³.

— ni d'arranger cette affaire par un tiers ⁴.

Veillez donc, Monsieur le gouverneur, avoir l'extrême obligeance de me faire savoir, si je puis, sans manquer à la lettre ou à l'esprit de vos réglemens ⁵,

¹ Elle m'avait prié de lui en rapporter des souliers de Paris et 24 bouteilles d'eau de fleur d'orange pour Napoléon.

² Un billet à M-me de Montholon pouvait alarmer le gouverneur, il l'eut interprété Dieu sait comme! Et la fleur d'orange, dont je devais nécessairement parler, n'eut été à ses yeux que la violette de 1815.

³ Elle n'eut jamais consenti à me remettre en plein champ un sac de piastres fortes.

⁴ Je ne vois pas pourquoi les aides de camp du gouverneur feraient mes affaires à Longwood. S'ils ont la permission d'y aller, je dois l'avoir aussi, surtout en pareille occasion.

⁵ La lettre de ses réglemens c'est l'acte du Parlement, la proclamation du 16 mai 1818,—enfin ce que la seule raison dicte à toute homme: «Vous n'aidez pas à l'évasion de Napoléon, vous ne vous chargerez d'aucun message ni de lui ni pour

— aller chez elle à cet effet.—Je prends la liberté de vous observer à cette occasion que les C-tes Bertrand et Montholon m'ont fait plusieurs visites en ville, que je ne leur ai pas encore rendues; et je me rappelle fort bien que vous en ayant fait un jour la remarque chez le Marquis de Montchemu, vous me fîtes l'honneur de me répondre, ce sont vos propres paroles: «Vous ne m'avez jamais demandé à les leur rendre».—D'après cela, il ne peut, ce me semble, y avoir aucune difficulté à cet égard.

Agrééz, Monsieur le gouverneur, etc.»

Le jour même où je recus son dernier billet, il m'invita à diner. J'eus un long entretien avec lui sur cette correspondance, et je réussis à le calmer, à dissiper sa mauvaise humeur. Il me promit de ne plus m'envoyer de notes de son aide-de-camp ni de me tenir sur la sellette comme un criminel. Je lui fis le sacrifice de ma visite à M-me de Montholon, et nos relations personnelles vont mieux que jamais.

Св. Елена, 1 марта 1819 г. ст., съ Персеверансомъ, Ост.-Инд. комп. кан. Темплерь.

Графъ.

Послѣдняя почта привезла намъ Лондонскіе журналы за сентябрь и октябрь. На- lui» etc. etc. L'esprit de ses reglements est un mot que personne encore n'entend et n'a su définir. Lui même en détermine la signification suivant les circonstances et fantaisie. Si rien ne l'inquiète, ne l'agite, cet esprit ne dit mot. On peut voir les Français, rire et causer avec eux, il n'en prend pas connaissance. Dès que son front se ride ou s'il est alarmé de quelque chose, on n'ose plus les rencontrer, ni les saluer, ni presque se remuer, tout devient contraire à cet esprit, et il le fourre alors partout,—c'est son cheval de bataille. Lors qu'il agrandit les limites des Français et leur permit d'entrer dans les maisons, il insinua aux habitants de l'île, qu'ils pouvaient, sans manquer aux régle- ments, les recevoir, mais que ce ne serait nulle-

подеонъ, въ увѣренности, что союзные го- судари, и въ особенности императоръ Ав- стрійскій, примутъ его сторону противъ гу- бернатора Св. Елены, ожидалъ ихъ съ жи- вымъ нетерпѣніемъ, и велѣлъ перевести се- бѣ, слово въ слово, всѣ статьи изъ Ахена. Онъ былъ сильно обманутъ въ своихъ ожи- даніяхъ, ибо «Morning Chronicle», самый ревностный его защитникъ, почти не гово- ритъ объ немъ, «Courrier» осыпаетъ его упрёками и бранью, а «Observer», отъ 12 октября, положительно возвѣщаетъ ему, что нашъ Августѣйшій повелитель предоста- вляетъ его судьбѣ его. Все это его раздража- етъ, наводитъ на него тоску; онъ снова заперся въ свой кабинетъ, и не видитъ ни- кого, такъ что не знаютъ, чѣмъ онъ занять- здоровъ-ли онъ, или боленъ; никакихъ о немъ извѣстій нѣтъ.

Извлеченіе изъ писемъ лорда Батурса, которыя приказано было сэру Гудсону Лоу сообщить Французамъ въ отвѣтъ на ихъ замѣчанія на рѣчь, произнесенную его свѣ- лостію въ палатѣ лордовъ 18-го марта 1817 года, помѣщено въ одномъ изъ этихъ журналовъ, и производитъ сильное впечат- леніе на Св. Еленѣ, такъ какъ положеніе дѣлъ здѣсь столь противоположно тому, ко- торое лордъ Батурсъ, повидимому, хо- тѣлъ-бы здѣсь установить. Всѣ здѣсь изум- лены и возмущены этимъ противорѣчіемъ.

Говоря съ губернаторомъ объ этомъ из- влеченіи, я спросилъ его, намѣренъ-ли онъ слѣдовать своей инструкціи и наконецъ ослабить непроходимыя преграды, замыкаю- щія Лонгвудъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ нѣ- которою запинкою: «что Французы еще не сдѣлали списка тѣхъ обывателей, кото- рые должны составить ихъ общество»—но- ment conforme à l'esprit des mêmes reglements, et c'est ainsi qu'il les empecha de faire société avec eux.

списокъ этотъ составленъ еще въ прошломъ июнѣ, и въ немъ первыми названы гг. Мошпеню, Горсъ, и я — «что онъ самъ представилъ такой списокъ въ 50 именъ, и ждетъ, чтобы онъ былъ принятъ или отвергнутъ,» — меня положительно увѣрили, что онъ не представлялъ подобнаго списка — «что онъ далекъ отъ того, чтобы препятствовать столь невиннымъ удовольствіямъ или посѣщеніямъ, дѣлаемымъ его узнику иностранцами почетнаго разряда, что онъ постоянно проситъ таковыхъ посѣщать Наполеона, которого онъ не думаетъ лишать общества». Поведеніе его съ адмираломъ Малькольмомъ и съ комиссарами союзныхъ державъ, несомнѣнно принадлежащими къ этому разряду, противорѣчитъ этимъ увѣреніямъ.

— Меня увѣряютъ — сказалъ я ему, — что вы запрещаете офицерамъ 66-го полка вступать въ разговоръ и гулять съ г-жею Бергравъ, и что они по возможности избѣгаютъ встрѣчь съ нею».

— Нѣтъ! — воскликнулъ онъ — это неправда, это клевета! Мои офицеры не смѣютъ быть столь неучтивыми ни съ нею, ни съ ея мужемъ».

А вотъ уже 26 мѣсяцовъ, какъ онъ безжалостно придирается ко мнѣ за эти случайныя, ничего не значащія встрѣчи. На дняхъ онъ заклиналъ меня на колѣняхъ и всѣмъ, что есть для меня священнаго, не вѣдать Французовъ, не говорить съ ними. Что подумать о такомъ образѣ дѣйствій? Что за безуміе, въ одно и то-же время и хотѣть и не хотѣть одного и того-же!

На прошлой недѣлѣ, имѣя надобность разсчитаться съ г-жею Монтолонъ въ издержкахъ, произведенныхъ мною для нея въ Рио-Жанейро, я выразилъ желаніе сдѣлать ей визитъ. Онъ написалъ мнѣ по этому случаю полдюжину записокъ, обнаруживаю-

щихъ его извортливую политику. Ваше Сіятельство найдете ихъ при семъ приложенными вмѣстѣ съ моими отвѣтами. Я совершенно убѣжденъ, что его донесенія лорду Батуреу точно также суть сплетеніе хитростей и двусмысленностей, въ которомъ ничего не разберешь, ничего не разсудишь, по которому не прійдешь ни къ какому разумному рѣшенію, и вотъ почему все здѣсь запутано.

Честь имѣю быть, и т. д.

Р. С. Мнѣ только что сказали — и дѣло довольно вѣроятно — что Наполеонъ, видя себя оставленнымъ Англійскимъ министерствомъ и преданнымъ на произволь сэра Гудсона Лоу, хочетъ подать на него жалобу Парламенту.

Первая моя записка сэру Гудсону Лоу.

20 февр. 1819.

«Господинъ губернаторъ,

Я, кажется, уже имѣлъ честь предупредить васъ, что графиня Монтолонъ выразила желаніе расплатиться со мною за маленькія издержки, сдѣланныя мною для нея въ Рио-Жанейро (1).

Я не желаю къ ней итти (2), ни разговаривать съ нею на большой дорогѣ (3), ни уладить это дѣло черезъ третье лицо (4). Сдѣлайте-же мнѣ крайнее одолженіе,

(1) Она попросила меня достать ей парижскихъ башмаковъ и 24 бутылки флѣръ-д'оранжевой воды для Наполеона.

(2) Записка къ г-жѣ Монтолонъ могла испугать губернатора. Богъ знаетъ, какъ бы онъ истолковалъ ее! А флѣръ д'оранжъ, о которомъ я не могъ умолчать, непременно представился-бы ему фалкою 1815 года.

(3) Она никогда не согласилась-бы передать мнѣ, въ чистомъ полѣ, мѣшокъ съ паестрами.

(4) Я не вижу, почему-бы адъютанты губернатора обдѣлывали мои дѣла въ Лонгвудѣ. Если они имѣютъ позволеніе проникать туда, я также дол-

г. губернаторъ, дать мнѣ знать, могу-ли я, не нарушая ни *буквы*, ни *духа* постановлений (5), посѣтить ее съ этою цѣлю. Осмѣливаюсь при этомъ случаѣ Вамъ замѣтить, что графы Бертранъ и Монтолонъ сдѣлали мнѣ въ городѣ нѣсколько визитовъ, которыхъ я имъ еще не отдалъ; и я очень хорошо помню, что на замѣчаніе мое на этотъ счетъ, представленное у маркиза Мопшеною, Вы почтили меня такимъ отвѣтомъ: «*Вы никогда не изъяснили мнѣ желанія отдать эти визиты*». Это Ваши собственные слова. Судя по нимъ, тутъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть никакого затрудненія.

Примите, г. губернаторъ, и т. д.»

Въ этотъ самый день, какъ я получилъ послѣ этого его записку, онъ пригласилъ меня обѣдать. Я имѣлъ съ нимъ длинный жень имѣть его, въ особенности въ такихъ обстоятельствахъ.

(5) Буква постановлений: это актъ парламента, это прокламація 16-го мая 1818 г. наконецъ, это то, что здравый смыслъ предписываетъ всякому. Вы не станете помогать бѣгству Наполеона, вы не возьмете на себя никакихъ пересылокъ, ни отъ него, ни къ нему и т. д. Духъ постановлений есть слово, котораго никто еще не сумѣетъ ни понять, ни объяснить. Самъ губернаторъ опредѣляетъ его смыслъ, смотря по обстоятельствамъ и по внушеніямъ собственной фантазіи. Когда ничто ни волнуетъ, ни тревожитъ его, этотъ духъ молчитъ. Можно видѣть Французовъ, болтать и смѣяться съ вами, онъ этого не принимаетъ къ свѣдѣнію. Какъ только лобъ его сморщится или что нибудь его встревожитъ, не смѣй уже встрѣчаться съ ними, имъ кланяться, не смѣй шевельнуться; все становится противнымъ этому духу, и онъ суетъ его всюду. Это его конекъ. Когда онъ расширилъ область, доступную Французамъ, и позволилъ имъ входить въ дома, онъ внушилъ обывателямъ острова, что они могутъ, не нарушая постановленій, принимать Французовъ, но что это отнюдь не будетъ сообразно съ духомъ тѣхъ же постановленій,—и такимъ образомъ предотвратилъ всякое сближеніе между вами.

разговоръ объ этой перенискѣ, и мнѣ удалось его успокоить и разсѣять его дурное расположеніе духа. Онъ обѣщаль мнѣ не присылать мнѣ болѣе записокъ отъ своего адъютанта и не допрашивать меня, какъ преступника. Я пожертвовалъ ему моимъ визитомъ г-жѣ Монтолонъ, и наши личные отношенія лучше, чѣмъ когда-либо.

5.

S-te Hélène ce 18 mars 1819 n. st.—Par le Kamtshatka frégate Russe.—Capt. Golovnine.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur et le C-te Bertrand m'ont dit ce matin que depuis quelques jours Napoléon se portait beaucoup mieux. Tous les soirs il prend l'air sur son perron et se promène un peu pour faire de l'exercice. Il a même été voir sa nouvelle maison.

Le «Redwing» brig de guerre, Capt. Hunn, est arrivé à S-te Hélène le 16 de ce mois et nous a apporté une série de journaux Anglais jusqu'au 15 decembre inclusivement. J'y ai remarqué entr'autres articles sur Longwood une lettre du C-te Bertrand au C-te Las Cases, où on lit ce qui suit dans le N° du 29 octobre 1818:

«Longwood ce 16 août 1818.

Depuis le 10 avril jusqu'au 10 de mai, l'Empereur est resté sans médecin, ce que voyant, les commissaires d'Autriche et de Russie, indignés de ce traitement, firent entendre au gouverneur que si l'Empereur mourait dans cette position, ils ne sauraient vraiment pas que répondre eux mêmes en cas où l'opinion qu'il a été assassiné prévaudrait en Europe. Il paraît que ceci a décidé le gouverneur à réintégrer M-r O'Meara dans ses fonctions, mais aussi il n'y a pas de mauvais traitement qu'on ne lui ait fait subir».

Ceci a quelque rapport avec les représentations que j'ai faites à Sir Hudson Lowe sur l'affaire du D-r O'Meara; mais j'ose assurer V. E. que je ne suis pour rien dans cette publication. Les Français n'ont besoin ni de moi, ni des autres commissaires. ni de Sir Hudson Lowe lui-même, avec tout son Etat-Major, pour être parfaitement au fait de ce qui se passe à S-te Hélène. Ils ont quelqu'un à Plantation-House, qui les informe exactement de ce qu'on y fait, de ce dont on y parle et de ce qu'on y médite. On le voit généralement, et voici deux faits qui en donnent de grands indices:

Santini dans sa brochure intitulée: «Appel au peuple Anglais» annonce positivement que le commissaire de Russie a ordre de traiter Napoléon avec respect. Je n'avais communiqué cet article de mon instruction qu'à Sir Hudson Lowe, lorsqu'il était question de l'affaire du procès-verbal, et à cette époque je ne connaissais aucun des habitants de Longwood.—Qui donc a pu leur en parler? Et l'autre jour, je disais également à Plantation-House, que devant quitter ce rocher, cet odieux et infernal exil au mois de juin, je me proposais d'offrir un de mes chevaux de selle à M-me Bertrand. Le lendemain, Napoléon répéta ces mots à Montholon et témoigna de l'inquiétude sur mon départ.

Le commissaire de France vient de recevoir une dépêche chiffrée du Duc de Richelieu, qui lui enjoint expressément de multiplier autant que possible ses rapports avec Bertrand, Montholon etc. Il en l'extrême obligeance de m'en faire part, et V. E. la trouvera ci-jointe en copie. Si l'on m'eut envoyé un ordre pareil, comme j'aurais fait danser M-r Lowe!

Le D-r Baxter, à qui sa disgrâce de Longwood donne une espèce de célébrité, a demandé et obtenu la permission de retourner

en Europe. Il souffre depuis deux ans d'une obstruction au foie et a perdu tout espoir d'en guérir à S-te Hélène.

Св. Елена, 18 марта 1819 г. ст., съ Русскимъ фрегатомъ Камчатка, капитанъ Головиннъ.

Графъ.

Губернаторъ и гр. Бертранъ сказали мнѣ нынче утромъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ Наполеонъ чувствуетъ себя гораздо лучше. Каждый вечеръ, онъ пользуется воздухомъ на своемъ крыльцѣ и гуляетъ немного для моціона. Онъ даже осматривалъ свой новый домъ.

«Редвингъ» военный бригъ, кап. Гунтъ, прибылъ въ Св. Елену 16-го этого мѣсяца и привезъ намъ рядъ Англійскихъ журналовъ до 15-го декабря включительно. Въ нихъ, между прочими статьями о Лонгвудѣ, я замѣтилъ письмо гр. Бертрана къ графу Ласъ-Казу, въ которомъ говорится слѣдующее:

«Лонгвудъ, 16-го авг. 1818.

Съ 10-го апрѣля по 10-ое мая императоръ оставался безъ медика; видя это, комиссары Австрійскій и Русскій, возмущенные такимъ образомъ дѣйствій, дали понять губернатору, что коль скоро императоръ умретъ въ этомъ положеніи, они сами не будутъ знать, что сказать, если въ Европѣ установится мнѣніе, что онъ былъ умерщвленъ. Это, повидимому, заставило губернатора возвратитъ г-у О Мeara его должность, но за то нѣтъ тѣхъ несприятностей, которыми-бы онъ не подвергся».

Это имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ представленіямъ, которыя я дѣлалъ сэру Гудсоу Лоу по дѣлу доктора О'Меара; но смѣю увѣрить В—с С—ство, что я совершенно не причастенъ этой публикаціи. Французы не нуждаются ни во мнѣ, ни въ другихъ

коммиссарахъ, ни даже въ самомъ сэрѣ Гудсонѣ Лоу со всеѣмъ его штабомъ, для того, что-бы имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о всемъ, что происходитъ на Св. Еленѣ. Они имѣютъ въ Планташенъ-гоузѣ кого-то, кто правильно извѣщаетъ ихъ о томъ, что тамъ дѣлается, что тамъ говорится, что тамъ задумывается. Это вообще видимо, и вотъ два факта, ясно на это указывающіе.

Сантини, въ своей брошюрѣ подъ заглавіемъ «Воззваніе къ Англійскому народу», положительно утверждаетъ, что Русскому коммиссару предписано обходиться съ Наполеономъ почтительно. Я сообщалъ эту статью моей инструкціи только сэру Гудсону Лоу, когда шло дѣло о протоколѣ, и въ то время я не зналъ ни одного изъ жителей Лонгвуда. Кто-же могъ имъ говорить объ этомъ?—И на дняхъ я говорилъ, также въ Планташенъ-гоузѣ, что, собираясь оставить эту скаду, это ненавистное, адское мѣсто изгнанія, въ юнѣ, я намѣренъ предложить г-жѣ Бертранъ одну изъ моихъ верховыхъ лошадей. На другой день, Наполеонъ повторилъ эти слова Монтолоу и обнаружилъ безпокойство по поводу моего отъѣзда.

Французскій коммиссаръ только что получилъ шифрованную депешу отъ герцога Ришельё, который прямо предписываетъ ему по возможности учащать свои сношенія съ Бертраномъ, Монтолономъ, и т. д. Онъ имѣлъ крайнюю обязательность сообщить ее мнѣ, и В—е С—во найдете въ приложеніи копію съ нея. Если-бы подобное приказаніе прислали мнѣ, попласаль-бы у меня г. Лоу!

Докторъ Бакстеръ, изъ котораго Лонгвудская опала сдѣлала нѣкотораго рода знаменитость, испросилъ себѣ позволеніе вернуться въ Европу. Онъ уже два года стра-

даетъ завалами въ печени, и потерялъ всякую надежду излѣчиться отъ нихъ на Св. Еленѣ.

6.

S-te Hélène ce 29 mars 1819 n. st. par le Warren - Hastings de la C-e des Indes.
Capt. Larkins.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur m'informe à l'instant même qu'il a reçu ordre:

1-mo) D'agrandir l'enceinte de Longwood autant que possible. Il m'a dit que l'île entière,—à l'exception des côtes, du fond des vallées et de la ville de S-t James,—y sera comprise.

2-do) D'exiger absolument que Napoléon se fasse voir à l'officier d'ordonnance deux fois par jour, le matin et le soir et, en cas de maladie, à un médecin Anglais au service du Roi ou de la Compagnie, qui doit en outre être présent à toutes les visites que lui fera son médecin particulier et en rendre compte aux autorités.

Cet ordre a été communiqué à M-r de Montholon le lendemain de l'arrivée du «Redwing» qui, je crois, l'a apporté au gouverneur. On n'y a pas encore répondu. Si cette affaire est menée brusquement ou mollement, à la façon habituelle de Plantation-House, elle aura, je le crains, une mauvaise issue.—Je ne tarderai pas à en écrire au Ministère Impérial plus en détail.

J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 29 марта 1819 н. ст. съ Варренъ-Гастингсомъ Ост. Инд. компаніи, капитанъ Ларкинсъ.

Графъ.

Губернаторъ только что извѣстилъ меня что онъ получилъ приказаніе:

1) Расширить, сколько возможно, ограду Лонгвуда. Онъ сказалъ мнѣ, что въ

нее войдетъ весь островъ за исключеніемъ береговъ, дна долины и города С. Джемса.

2) Непремѣнно требовать, чтобы Наполеонъ показывался ординарцу два раза въ день, утромъ и вечеромъ и, въ случаѣ болѣзни, Ангаійскому медику, состоящему на службѣ Короля или Компаніи. Этотъ медикъ, кромѣ того, долженъ присутствовать при всѣхъ визитахъ, которые будетъ дѣлать Наполеону его частный врачъ, и отдавать о нихъ отчетъ властямъ.

Это приказаніе было сообщено г. Монтолоу на другой день по прибытіи «Редвинга», которымъ, какъ полагаю я, оно было привезено губернатору. Отвѣта еще не было. Если это дѣло будетъ поведено рѣзко или вяло, по обычаю Плантешенъ-гоуза, оно, боюсь, будетъ имѣть дурной исходъ. Не замедлю написать объ этомъ подробнѣе министерству. Честь имѣю быть и пр.

7.

S-te Hélène ce 5 avril 1819 n. st. par le Kamtschatka, frégate Russe. Capt. Golovnine.

Monsieur le Comte.

La frégate de S. M. I. le «Kamtschatka» Capt. Golovnine a relâché à S-te Hélène le 1-er de ce mois et en est repartie le 3.

Je ne sais par quelle impulsion nouvelle, extraordinaire, Sir Hudson Lowe a tout à coup changé de conduite envers les Russes. Le capt Kotzebue n'avait pu obtenir la permission de me voir un seul instant, et le Capt. Golovnine vient de passer deux jours avec moi. Non seulement il lui a permis de mouler dans une des rades de l'île, mais il n'a mis aucun obstacle à le laisser descendre à terre et lui a envoyé l'eau, les provisions fraîches, légumes etc. dont il avait besoin. J'ai été réellement surpris et

tout à fait émerveillé de sa condescendance envers lui.

Le Capt. Golovnine, étant renommé par ses voyages de découvertes et sa longue captivité au Japon, a été reçu ici avec de grands honneurs. Les capitaines de la marine royale lui firent une visite en corps le jour de son arrivée, le lendemain ils déjeunèrent à bord du «Kamtschatka». Le commissaire d'Autriche et de France l'invitèrent à diner, et le gouverneur s'excusa, à plusieurs reprises, de n'être pas venu lui-même à sa rencontre, étant fort occupé de l'expédition d'un vaisseau de la Comp-nie des Indes.

Je regrette infiniment de n'avoir pu le présenter à Napoléon, qui sans doute eut été charmé de le voir et peut-être aurait voulu le charger d'une lettre à notre Auguste Maître.

Parmis les voyageurs de distinction que la flotte des Indes nous a amené cette année-ci, il n'y a que M-r Ricketts, membre du conseil de Calcutta et proche parent de Lord Liverpool, qui ait été admis à voir Napoléon. Pour en obtenir audience, il fit, à l'exemple de tous ses compatriotes, la visite d'usage au G-d Maréchal et fut introduit le 2 de ce mois chez S. M. Rien de ce qui s'est passé entre eux n'a encore transpiré. Le gouverneur et les personnes de sa suite en font mystère, et depuis une quinzaine de jours je n'ai rencontré personne de Longwood.

Bonaparte a reçu M-r Ricketts dans une chambre tout à fait obscure, et après un quart d'heure de conversation, il fit apporter de la lumière et lui dit:

«Je veux pourtant vous voir». Il était au lit en robe de chambre de flanelle, coiffé d'un turban écarlate, sa barbe n'était pas rasée depuis plusieurs jours; de temps à autre il se mettait sur son séant. Le but de cette mascarade, — car c'en est une vé-

ritable—était d'attendrir en ayant l'air extrêmement malade. J'ignore s'il se portait bien ou mal. On n'a aucune nouvelle certaine sur l'état de sa santé, mais je crois qu'il aurait pu passer un pantalon, se tenir debout ou assis, sans en mourir. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 5 апр. 1819 н. ст. съ
Русскимъ фрегатомъ Камчатка, ка-
питанъ Головиниъ.

Графъ.

Императорскій фрегатъ «Камчатка», кап. Головиниъ, прибылъ въ Св. Елену 1-го числа сего мѣсяца и отплылъ 3-го.

Не знаю, по какому необычайному побужденію, сэръ Гудсонъ Лоу вдругъ измѣнилъ свое обращеніе съ Русскими. Лейтенантъ Коцебу не могъ добиться позволенія увидѣть меня и на минуту, а капитанъ Головиниъ провелъ со мною два дня. Губернаторъ не только позволилъ ему стать на якорь въ одной изъ бухтъ острова, но онъ не препятствовалъ ему сойти на берегъ и послалъ ему воду, свѣжіе припасы, овощи и т. д., въ которыхъ онъ нуждался; я по истинѣ былъ изумленъ и не могъ надивиться его снисходительности.

Капитанъ Головиниъ, будучи извѣстенъ своими учеными путешествіями и долгимъ плѣномъ въ Японіи, былъ принятъ здѣсь съ большими почестями. Капитаны королевскаго флота въ день его приѣзда сдѣлали ему коллективный визитъ, а на другой день завтракали на борту «Камчатки». Австрійскій и Французскій комиссары приглашали его обѣдать, а губернаторъ нѣсколько разъ извинялся въ томъ, что самъ не выѣхалъ ему на встрѣчу, будучи очень занятъ отпавкою корабля Остѣндской компаніи.

Крайне сожалѣю, что не могъ представить его Наполеону, который, конечно, былъ бы очень радъ его видѣть, а быть-можетъ, захотѣлъ бы поручить ему письмо къ нашему Августѣйшему Государю.

Изъ всѣхъ именитыхъ путешественниковъ, которыхъ, въ теченіи нынѣшняго года, привозилъ намъ Индійскій флотъ, одинъ г. Рикетсъ, членъ Калыкутскаго совѣта и близкій родственникъ лорда Ливерпуля, былъ допущенъ до Наполеона. Чтобы испросить аудіенцію, онъ, по примѣру всѣхъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлалъ обычный визитъ великому маршалу, и 2-го числа нынѣшняго мѣсяца былъ представленъ его величеству. Ничто изъ того, что между ними произошло, еще не огласилось. Губернаторъ и лица его свиты дѣлаютъ изъ этого тайну, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не встрѣчалъ никого изъ жителей Лонгвуда.

Бонапартъ принялъ г. Рикетса въ совершенно-темной комнатѣ. Поговоривши съ нимъ съ четверть часа, онъ велѣлъ подать свѣчей и сказалъ: *Хочу однакожь васъ видѣть.*

Онъ лежалъ на постели въ фланелевомъ халатѣ и въ пунцовомъ тюрбанѣ; борода его не была брита уже нѣсколько дней; отъ времени до времени онъ приподымался. Цѣль этого маскарада, ибо иначе его назвать нельзя, состояла въ томъ, чтобы разжалобить, представляясь весьма больнымъ. Не знаю, чувствовалъ ли онъ себя хорошо или дурно. Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о состояніи его здоровья. Но полагаю, что онъ могъ бы надѣть панталоны, стоять или сидѣть, не подвергая своей жизни опасности. Честь имѣю быть и пр.

8.

S-te Hélène ce 12 avril 1819 n. st. Par le Warren Hastings de la Comp-e des Indes. Capt. Larkins.

Monsieur le Comte.

Avant hier j'ai vu le C-te de Montholon et ce matin le C-te Bertrand. L'un et l'autre m'ont parlé de la visite que M-r Ricketts avait faite à Longwood, et voici en substance ce qu'ils m'en ont dit:

Napoléon l'a reçu dans sa chambre à coucher. Il était au lit et souffrant. Il l'a chargé:

1-mo) De rendre compte à Lord Liverpool de l'état déplorable et lamentable dans lequel il le voyait.

2-do) De le prier avec toutes les instances possibles de lui obtenir du P-ce Régent un changement de Gouverneur et d'exil. Il s'est répandu en longs discours sur l'insalubrité du climat de S-te Hélène et sur la conduite détestable de Sir Hudson Lowe.

3-tio) De lui rappeler que les malheureux habitants de Longwood ont le plus urgent besoin d'un médecin français ou italien on même anglais, qui soit entièrement à eux. Il le demande à des conditions à peu près semblables à celle qu'il imposait aux D-rs O'Meara et Stokoe.

4-to) De lui déclarer haut et clair que jamais il n'habiterait sa nouvelle maison et qu'on pouvait se dispenser de la bâtir. « Je veux, s'est-il écrié, mourir dans les quatre misérables chambres et sur le misérable grabat, où depuis trois années on me fait languir impitoyablement.

Il paraît que M-r Ricketts s'est bien gardé de le contredire, de heurter de front ses opinions et a promis d'être son avocat à Londres, car Bertrand et Montholon en font le plus grand éloge et se félicitent d'avoir

enfin rencontré un honnête homme parmi les Anglais.

Les nouveaux ordres de Mylord Bathurst, arrivés ici le mois passé et dont il est fait mention dans mon rapport sub N° 6 ont été mal reçus à Longwood. On ne daigne pas y répondre. On répugne souverainement à s'y soumettre, et depuis quinze jours Napoléon ne s'est pas montré à l'officier d'ordonnance. Le gouverneur en est inquiet, alarmé et ne sait quel parti prendre, où donner de la tête. Tout annonce qu'il y aura du grabuge entre eux. Dès que je serai au fait de cette affaire, je ne manquerai pas d'en écrire amplement au Ministère Impérial.

M-me de Montholon est dangereusement malade d'une obstruction au foie,—tous les jours on lui fait avaler 10 grains de mercure. Son médecin la presse de retourner en Europe et l'assure qu'il n'y a plus de salut pour elle à S-te Hélène. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 12 апр. 1819, н. ст. съ Варрешъ-Гастингсомъ Остъ-Инд. компаніи, капит. Ларкинсъ.

Графъ.

Третьяго дня я видѣлъ гр. Монтолона, а нынче утромъ гр. Бертрана. И тотъ и другой говорили мнѣ о посѣщеніи г. Рикетса въ Лонгвудъ, и вотъ, въ сущности, что они мнѣ сказали о немъ:

Наполеонъ принялъ его въ спальнѣ. Онъ лежалъ въ постели и страдалъ. Онъ поручилъ ему:

1) Отдать лорду Ливерпулю отчетъ о печальномъ и плачевномъ состояніи, въ которомъ онъ его видитъ.

2) Просить, со всею возможною настоятельностью, Принца Регента о переимѣнн губернатора и мѣста ссылки. Онъ сильно распространялся о нездоровости климата и о ненавистномъ поведеніи сэра Гудсона Лоу.

3) Напомнить ему, что несчастнымъ жителямъ Лонгвуда крайне нуженъ врачъ-Французъ, Италианецъ или даже Англичанинъ, который принадлежалъ бы имъ вполнѣ. Онъ требуетъ его на условіяхъ, приблизительно подобныхъ тѣмъ, которыя онъ налагалъ на докторовъ ОМеара и Стоко.

4) Объяснить ему коротко и ясно, что никогда онъ не будетъ жить въ новомъ своемъ домѣ, и что строить его нѣтъ надобности. *«Я хочу, воскликнулъ онъ, умереть въ четырехъ несчастныхъ комнатахъ и на жалкой кровати, на которой уже три года меня заставляютъ томиться!»*

Повидимому, г. Рикетсъ остерегся противорѣчить ему, возстать прямо противъ его мнѣній, и общалъ быть его заступникомъ въ Лондонѣ, ибо Бертранъ и Монтолонъ чрезвычайно его хвалятъ, и поздравляютъ себя съ тѣмъ, что, наконецъ, встрѣтили между Англичанами порядочнаго человѣка.

Новыя приказанія лорда Батурса, прибывшія сюда прошлымъ мѣсяцомъ, о которыхъ рѣчь въ моемъ донесеніи подъ № 6, дурно были приняты въ Лонгвудѣ. Ихъ не удостоили отвѣта. Имъ не хотѣтъ подчиняться, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ Наполеонъ не показывался ординарцу. Губернаторъ этимъ встревоженъ, раздраженъ, не знаетъ на чтѣ рѣшиться, и голова у него идетъ кругомъ. Все предвѣщаетъ, что между ними произойдетъ стычка. Какъ только у меня будутъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, не премину написать о немъ подробно императорскому министерству.

Г-жа Монтолонъ опасно больна завадами въ печени; каждый день ее заставляютъ глотать десять грановъ каломеля. Ея медикъ настаиваетъ на томъ, чтобы она вернулась въ Европу, и увѣряетъ ее, что на Св. Еленѣ для нея нѣтъ болѣе спасенія.

Честъ имѣю быть, и т. д.

9.

S-te Hélène ce 22 avril 1819 n. st.—
Par le Podargus, brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe ayant appris que le Marquis de Montchenu avait ordre de multiplier autant que possible ses rapports avec les C-tes Bertrand et Montholon, crut devoir protester de nouveau contre des communications qui, selon lui, sont illicites, contraires à l'esprit de ses réglemens, et vient de m'adresser à cet effet deux notes officielles que V. E. trouvera ci-jointes en copie, ainsi que ma réponse.

J'ai expliqué en tant d'occasions les motifs secrets qui le font agir, et fourni tant de preuves de la fausseté de ses assertions, qu'il me semble inutile de m'étendre encore sur ce sujet. Son véritable but est de donner des degouts à l'Empereur pour le forcer à me rappeler. Il a eu outre la manie d'écrire et cette sorte d'inquiétude qui engendre le besoin de tracasser, d'être toujours en débat sur quelque chose. Si S. M. I. jugeait à propos de m'envoyer un successeur, il serait essentiel de le mettre à l'abri de ses vexations. Ma position n'est pas tenable. Je m'y suis débattu pendant trois années consecutives, sans faire d'eclat ni heurter personne: mais on ne me donne ni paix ni trêve, et je n'ai plus rien à opposer à des prétentions injustes et ridicules, qui se renouvellent tous les jours. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. Sir Hudson Lowe m'adresse à l'instant même une 3-me note officielle que j'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. en original. Pour mettre fin à ces écritures et vivre bien avec lui pendant les deux derniers mois de mon séjour à S-te Hélène, j'ai pris le parti de ne plus voir ses prisonniers.

Ma reponse aux deux premiers notes de Sir H. Lowe.

«Ce 15 avril 1819.

Monsieur le Gouverneur.

J'ai l'honneur de vous accuser réception de vos deux notes en date du 2 et 13 de ce mois. Pour toute réponse je m'en réfère aux nombreuses explications que j'ai eues avec vous sur un sujet déjà trop rabattu, et notamment à celle du 18 décembre dernier, où j'ai coulé cette matière à fond et vous ai déclaré en termes clairs, précis et formels, que je ne me soumettrais jamais à ce que vous exigiez de moi. Vous devez, Monsieur le Gouverneur, me croire digne de la confiance que l'Empereur, mon Auguste Maître, daigne m'accorder et par conséquent ne rien appréhender de mes rencontres à Longwood. C'est tout ce que je puis y ajouter. Si malgré cela vous avez des plaintes à former contre moi, veuillez les adresser à votre gouvernement qui en conferera avec l'ambassadeur de Russie à Londres. Je serai toujours prêt à y répondre et sûr d'effacer d'un trait de plume les impressions défavorables qu'elles pourraient donner de ma conduite ou de mes principes. J'ai l'honneur d'être etc».

Il a dit à M-r de Montchenu un jour, qu'il était en proie à une forte agitation d'esprit, que j'étais Bonapartiste et qu'à S-te Hélène on devait être Ultraroyaliste. Mon collègue adopta cette opinion et promit de ne jamais voir Bertrand, condamné à mort par son roi, ni Montholon, un enfant de la révolution. Peu de temps après il eut ordre d'en faire sa société habituelle.

Dans une de ses notes, le gouverneur prétend que les différentes plaintes de Bertrand et des autres Français sont calomnieuses, — selon moi elles ne le sont pas, car il n'y a rien de plus absurde, de plus impolitique,

de moins généreux et délicat que la conduite des Anglais envers Napoléo. «Si nous étions en Russie, disent à Longwood maîtres et valets, nous serions aussi bien qu'à Paris. L'Empereur aurait un château, de beaux jardins, des équipages, une société agréable, choisie. L'Empereur Alexandre est autrement généreux que ces vilains Anglais» etc. etc. On redit ces propos au gouverneur, et voilà peut-être ce qui l'anime contre moi.

Dans une de ses notes également le gouverneur dit entr'autres que les motifs, mis eu avant par moi, pour rechercher la société des Français n'étaient pas de nature à contrebalancer les désagréments et inconvenients de toutes sortes, qui en étaient résultés pour lui. Ce parallèle entre ce qui peut amuser S. M. l'Empereur de toutes les Russies et ce qui déplaît à M-r Lowe et le vexe personnellement, est tout-à fait plaisant.

Св. Елена, 22 апр. 1819, в. ст., съ бригамъ Подаргусомъ, кап. Русь.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу, узнавъ, что маркизь Моишеню получилъ приказаніе по возможности участить свои сношенія съ графами Бертраномъ и Монтолономъ, съездъ долгомъ снова протестовать противъ сообщеній, которыя, по его мнѣнію, непозволительны, противны духу постановленій, и только-что сообщилъ мнѣ, по этому поводу, двѣ оффиціальныя записки, которыя при семъ прилагаю, такъ-же какъ и мой отвѣтъ.

Я уже столько разъ объяснялъ тайныя побужденія, руководящія его дѣйствіями, и приводилъ столько доказательствъ ложности его показаній, что мнѣ кажется бесполезнымъ еще распространяться объ этомъ предметѣ. Его истинная цѣль заключается въ томъ, чтобы надобѣсть Государю и заставить его отозвать меня. Сверхъ того, у него страсть къ писанію и то безпокой-

ство характера, которое дѣлаетъ необходимою постоянныя препиранія и свары. Если-бы Е. П. В. нашли нужнымъ назначить мнѣ преемника, было бы необходимо оградить его отъ пригѣсненій губернатора. Положеніе мое невыносимо. Я бился въ немъ три года сряду, не доводя дѣла до разрыва, ни съ кѣмъ не сталкиваясь; но мнѣ не дають ни минуты покоя, и мнѣ нечѣмъ оградиться отъ несправедливыхъ, смѣшныхъ притязаній, ежедневно возобновляющихся.

Честь имѣю быть, и т. д.

Р. С. Сейчасъ получилъ отъ сэра Гудсона Лоу третью оффиціальную записку, которую имѣю честь при семъ приложить въ оригиналѣ. Для того, чтобы положить конецъ этимъ писаніямъ и прожить съ нимъ въ ладахъ послѣдніе два мѣсяца моего пребыванія на Св. Еленѣ, я рѣшился не видѣть болѣе его узниковъ.

Мой отвѣтъ на двѣ первыя записки сэра Гудсона Лоу.

15 апр. 1819.

«Г. Губернаторъ,

Честь имѣю извѣстить васъ о полученіи вашихъ двухъ записокъ, отъ 2-го и 13-го сего мѣсяца. Въмѣсто всякаго отвѣта, ссылаюсь на неоднократныя объясненія, которыя я имѣлъ съ вами о предметѣ, уже слишкомъ избитомъ, и въ особенности на нашъ разговоръ 18 декабря прошлаго года, въ которомъ я исчерпалъ этотъ предметъ до дна и объявилъ вамъ въ ясныхъ, точныхъ и твердыхъ выраженіяхъ, что я никогда не подчинюсь тому, чего вы отъ меня требуете. Вы должны, г. губернаторъ, считать меня достойнымъ довѣрія, коего удостоиваетъ меня Императоръ, мой Августѣйшій Повелитель, и слѣдовательно, вамъ нечего бояться моихъ встрѣчъ въ Лонгвудѣ. Вотъ все, что я могу присовокупить. Если, кро-

мѣ того, вы имѣете поводъ къ жалобамъ на меня, соблаговолите обращаться съ нами къ вашему правительству, которое отнесется о нихъ къ Русскому посланнику въ Лондонѣ. Я всегда буду готовъ отвѣчать на нихъ, и убѣжденъ, что могу однимъ почеркомъ пера изгладить тѣ невыгодныя впечатлѣнія, которыя могли бы онѣ возбудить относительно моего поведенія или моихъ правиль.

Честь имѣю быть, и т. д.»

Онъ однажды сказалъ г-ну Моншену, что онъ въ сильномъ безпокойствѣ, что я бонапартистъ, а что на св. Еленѣ слѣдуетъ быть ультра-роялистомъ. Мой товарищъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и обѣщавъ никогда не видаться съ Бертрамомъ, приговореннымъ къ смерти его королемъ, и съ Монтолономъ, этимъ печадіемъ революціи. Спустя немного времени, ему было приказано видаться съ ними какъ можно чаще. Въ одной изъ своихъ записокъ, губернаторъ увѣряетъ, что всѣ жалобы Бертрама и прочихъ Французовъ суть клевета. По моему, это несправедливо, ибо нѣтъ ничего глупѣе, неополитичнѣе и неделкативнѣе поведенія Англичанъ относительно Наполеона.

«Если-бы мы были въ Россіи—говорятъ въ Лондвудѣ и господа, и слуги, — намъ было-бы такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ. У императора были-бы замокъ, прекрасныя сады, экипажи, пріятное, избранное общество. Императоръ Александръ по великодушію не чета этимъ сквернымъ Англичанамъ» и т. д. Эти рѣчи пересказываютъ губернатору, и вотъ, можетъ быть, что возбуждаетъ его противъ меня. Въ одной изъ своихъ записокъ, губернаторъ также говорить, между прочимъ, что доводы, выставляемые мною въ пользу моего сбанженія съ Французами, не имѣютъ достаточно важности, что-бы возмѣнить тѣ разнообразныя не-

приятности и неудобства, которыя-бы отъ этого произошли для него. Это сопоставленіе того что можетъ быть угодно Императору Всероссийскому, и того что лично неприятно сэру Гудсону Лоу, въ высшей степени забавно.

10.

S-te Hélène ce 4 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur m'a écrit une 4-me note officielle sur mes rencontres à Longwood. Je crois, sans oser l'affirmer, que ce sera la dernière; en attendant nous voilà de nouveau raccommodés et bons amis. Point de nouvelles de Napoléon. Je m'empresse d'envoyer ci-jointe au Ministère Impérial cette note en copie.

Depuis environ trois semaines Sir Hudson Lowe est en négociation avec le C-te Mentholon pour établir à Longwood de nouveaux réglemens et y faire exécuter les ordres de Mylord Bathurst. Il lui écrit et en reçoit des notes virulentes, qui toutes seront insérées dans les journaux Anglais; enfin il est à la veille de forcer la porte de Napoléon et n'en dit mot aux commissaires des Puissances Alliées. Si je me hasardais à lui en parler, je serai sûr d'en avoir une réponse evasive ou desobligeante.

Св. Елена, 4 мая 1819 г ст., съ бригамъ Подаргусъ, кап. Русъ.

Графъ,

Губернаторъ написалъ мнѣ четвертую официальную записку на счетъ моихъ встрѣчъ въ Лонгвудѣ. Думаю, не смѣя впрочемъ этого утверждать, что это послѣдняя; — впрочемъ, мы пока снова въ мирѣ и дружбѣ, () Наполеонъ никакпхъ вѣстей. Спѣшу переслать при семъ императорскому министерству копію съ этой записки.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869.

Вотъ уже около трехъ недѣль, какъ сэръ Гудсонъ Лоу переговаривается съ гр. Ментолономъ на счетъ введенія въ Лонгвудѣ новыхъ постановленій и исполненія приказаній лорда Батурса. Онъ пишетъ ему и получаетъ отъ него раздраженныя записки, которыя всѣ будутъ помѣщены въ англійскихъ журналахъ; наконецъ, онъ почти готовъ ворваться насильно къ Наполеону, и обо всемъ этомъ не говоритъ ни слова комиссарамъ союзныхъ державъ. Если-бы явздумалъ заговорить съ нимъ объ этомъ, я навѣрное получилъ бы уклончивый или недоброжелательный отвѣтъ.

11.

S-te Hélène ce 6 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Conformément à l'ordre de S. M. l'Empereur notre Auguste Maître, je ne tarderai pas à établir une correspondance officielle avec le G-l Major Baron de Tuyel, Son envoyé auprès de S. M. le roi de Portugal et de Brésil. Je suis charmé de n'avoir rien d'alarmant à lui communiquer. L'opiniâtre et malfaisante activité des ennemis de la tranquillité générale ne s'est point encore portée de nos cotés.

Bonaparte, je l'ai déjà dit et répété, demande un changement de gouverneur et d'exil, pas autre chose. Si on le rapproche de l'Europe ou de quelque contrée civilisée, peut-être formera-t-il de plus vastes projets. Il est impossible de le prévoir; mais à S-te Hélène, voilà où il vise, et je crois que ce qui a été décidé à son égard à la dernière réunion des Souverains fera évanouir toutes ses espérances. Mon opinion sur les affaires de Longwood est et sera toujours la même.

J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 6 мая 1819 г. ст., съ
бригомъ Подаргусъ, капит. Русь.

Графъ.

Согласно приказанію Государя Императора, не замедлю открыть официальную переписку съ генералъ-майоромъ барономъ Тюйседемъ, нашимъ посланникомъ при Е. В. королѣ португальскомъ и бразильскомъ. Я очень радъ, что не имѣю сообщить ему ничего тревожнаго. Упорная и зловредная дѣятельность враговъ общественнаго спокойствія еще не направлялась въ нашу сторону. Бонапартъ, я уже говорилъ и повторяю это, требуетъ перемѣны губернатора и мѣста ссылки, и ничего болѣе. Если его приблизить къ Европѣ или къ какой-либо образованной странѣ, то въ немъ, быть можетъ, зародятся болѣе обширные замыслы. Невозможно ихъ предвидѣть, но на Св. Еленѣ вотъ къ чему онъ стремится, и я думаю, что рѣшенія на его счетъ на послѣднемъ съѣздѣ государей разрушатъ всѣ его надежды. Мое мнѣніе о лонгвудскихъ дѣлахъ остается и всегда останется неизмѣненнымъ.

12.

S-te Hélène ce 10 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Ce matin le gouverneur de l'île de S-te Hélène m'a dit que depuis environ quinze jours, l'officier d'ordonnance voyait tous les jours le prisonnier de l'Europe aux fenêtres ou sur la terrasse du pavillon de Longwood. Je n'ai pas d'autre nouvelle à mander au Ministère Impérial.

Св. Елена. 10 мая 1819 г. ст., съ
бригомъ Подаргусъ, капит. Русь.

Графъ.

Нынче утромъ, губернаторъ Св. Елены сказалъ мнѣ, что вотъ уже около двухъ

недѣль, ординарецъ каждый день видитъ узника Европы у оконъ или на терассѣ Лонгвудскаго павильона. Не имѣю сообщить императорскому министерству никакихъ новыхъ вѣстей.

№ 13.

S-te Hélène ce 26 mai 1819 n. st.—Par le Regent de la Comp-e des Indes. Capt. Ripley.

Monsieur le Comte.

Bonaparte continue à se montrer tous les jours au Capitaine Nicholls officier d'ordonnance, en paraissant aux fenêtres ou sur la terrasse du pavillon de Longwood. On n'a aucune nouvelle de l'état de sa santé.

Sir George Bingham, brigadier-général à S-te Hélène, malgré l'avantage et le brillant de ce poste, a donné sa démission sous prétexte de santé et va retourner en Angleterre.

L'adjutant-général Sir Thomas Reade vient d'être nommé lieutenant de police à S-te Hélène. Je ne lui crois pas assez de sagacité ni assez intrigant, pour s'acquitter utilement de cet emploi; d'ailleurs c'est un favori de Sir Hudson Lowe qu'on n'aime pas ici. On le craint et on s'en méfie.

Le gouverneur a informé les commissaires des Puissances Alliées qu'il notifierait incessamment au C-te Bertrand le protocole du congrès d'Aix la Chapelle, relatif à Napoléon Bonaparte.

P. S. Ce 27 mai 1819 n. st. Sir Hudson Lowe m'adresse à l'instant même une note officielle que j'ai l'honneur de transmettre ci-jointe à V. E. en original.

Св. Елена. 26 мая 1819 г. ст.
съ Регентомъ, Остъ-Индск. командиръ Риплей.

Графъ.

Бонапартъ продолжаетъ показываться еже дневно ординарцу, капитану Никольсу, по

являясь у окна или на террасѣ Лонгвудскаго павильона. Объ его здоровьи нѣтъ никакихъ вѣстей.

Сэръ Джорджъ Бингамъ, генераль-бригадиръ Св. Елены, не смотря на выгоды и блескъ этой должности, подалъ въ отставку подъ предлогомъ нездоровья, и ѣдетъ назадъ въ Англію. Генераль-адъютантъ сэръ Томасъ Ридъ назначенъ полицеймейстеромъ Св. Елены. Не думаю, чтобы онъ былъ достаточно уменъ и ловокъ, чтобы съ пользою исполнять эту должность; да къ тому же, онъ любимецъ сэра Гудсона Лоу, котораго здѣсь не любятъ. Его бояться и къ нему не имѣютъ довѣрія.

Губернаторъ сообщилъ комиссарамъ союзныхъ державъ, что онъ безъ промедленія доведетъ до свѣдѣнія гр. Бертраана протоколь Ахенскаго конгресса относящійся до Наполеона Бонапарта.

Р. S. 27 мая 1819 н. ст. Сэръ Гудсонъ Лоу сейчасъ прислалъ мнѣ оффиціальную записку, которую имѣю честь приложить при семъ въ оригиналъ.

14.

Ste Hélène ce 18 juin 1819 н. ст.—Par Lady Campbell de la Comp-^e des Indes. Capt. Marquis.

Monsieur le Comte.

Je prouve une véritable satisfaction à pouvoir annoncer à V. E. que mes relations personnelles avec les autorités anglaises sont paisibles, amicales, que je vais à Plantation-House continuellement, qu'on m'y reçoit à bras ouverts, que les diners, bals et soirées s'y multiplient, depuis l'arrivée des dernières nouvelles de l'Europe, à l'infini, et que tout cela charme les ennuis de mon exil; mais il me peine de devoir lui déclarer en même temps que ne voyant plus ni Bert-

rand ni Montholon, j'ignore entièrement ce qui se fait à Longwood.

J'ai demandé au gouverneur comment se portait Bonaparte, ce qu'il avait dit du protocole d'Aix la Chapelle, s'il était triste ou résigné etc. etc.

«Je ne puis que vous certifier son existence», m'a-t-il répondu. On assure en ville que les Français sont dans la consternation et répètent sans cesse: «L'empereur Alexandre a été trompé par de faux rapports, des lettres et des pièces controuvées pour avoir un prétexte de nous mettre au secret. Les Anglais, profitant de l'apathie et de l'insouciance des commissaires de France et d'Autriche, de l'absence momentanée de celui de Russie, ont fait accroire aux Souverains Alliés ce qu'ils ont voulu, ce qui pouvait justifier leur conduite barbare et criminelle. Il n'y a point eu de conjurations, ni de correspondance politique. Nous voulons être interrogés là dessus» etc.

Je devrais en ce moment aller à Longwood, au moins deux fois par mois. On m'y communiquerait une infinité de détails, relatifs à tous ces faits, qui serviraient à les éclaircir. Je sais en outre qu'on m'y attend, que les Français me guettent matin et soir à la promenade et que Bonaparte, nonobstant ce qui a été décidé à son égard au congrès d'Aix la Chapelle, est toujours bien disposé pour moi. Mais, ne pouvant profiter de l'avantage de ma position, sans rompre en visière à Sir Hudson Lowe, je me tiens tranquille et à l'écart autant que possible.

Св. Елена. 18 июня 1819 н. ст.,
св. Леди Кампбелъ, Остъ-Индской
комп., капит. Маркизь.

Графъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу сообщить Вашему Сіятельству, что мои личныя отношенія съ англійскими властями мир-

ны и дружественны, что я безпрестанно бываю въ Плантешень-гоузѣ, что меня принимаютъ тамъ съ распростертыми объятіями, что обѣды, балы и вечера, со времени получения послѣднихъ извѣстій изъ Европы, повторяются тамъ безпрерывно, и что все это усаждаетъ скуку моего изгнанія; но я долженъ присовокупить съ сожалѣніемъ, что, не видя болѣе ни Бертрапа, ни Монтолона, я ничего не знаю о томъ, что дѣлается въ Лонгвудѣ.

Я спросилъ губернатора, каково здоровье Бонапарта, что онъ сказалъ объ ахенскомъ протоколѣ, печаленъ ли онъ, или покоряется своей судьбѣ, и т. д.

«Могу только засвидѣтельствовать вамъ, что онъ существуетъ» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Въ городѣ увѣряютъ, что Французы въ отчаяніи и безпрестанно повторяютъ: «Императора Александра обманули лживыми донесеніями, подложными письмами и документами, чтобы имѣть предлогъ лишить насъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Англичане, пользуясь анатією и невниманіемъ комиссаровъ Австріи и Франціи и временнымъ отсутствіемъ русскаго комиссара, навязали союзнымъ государямъ все, что хотѣли, все, что могло оправдать ихъ варварскій, преступный образъ дѣйствій. Не было ни заговора, ни политической переписки. Мы хотимъ, чтобы насъ объ этомъ допросили» и т. д.

Мнѣ слѣдовало бы теперь бывать въ Лонгвудѣ, по крайней жѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ. Мнѣ бы тамъ сообщили множество подробностей, относящихся ко всемъ этимъ фактамъ, которыя послужили бы къ ихъ разъясненію. Кромѣ того, я знаю, что меня тамъ ждутъ, что Французы утромъ и вечеромъ стерегутъ меня на гуляньи, и что Бонапартъ, несмотря на то, что было рѣшено на его счетъ на ахенскомъ конгрессѣ,

все еще хорошо расположенъ ко мнѣ. Но я не имѣя возможности пользоваться выгодами моего положенія, не становясь на ноги съ сэромъ Гудсономъ Лоу, и держусь по возможности спокойнымъ и въ сторонѣ.

15.

S-te Hélène ce 1-er juillet 1819 n. st.—
Par Lady Campbell de la Comp-e des Indes,
Capt. Marquis.

Monsieur le Comte.

Ce matin la Comtesse Montholon est partie pour l'Angleterre à bord du «Lady Campbell» de la Comp. des Indes, Capt Marquis. Son obstruction au foie est tellement invétérée qu'elle est devenu incurable. Le mercure même n'a pu la dissoudre. Peut-être que le climat d'Europe et les eaux sulfureuses apporteront quelque soulagement à sa maladie. C'est une femme d'esprit et de tête, extrêmement aimable et qui m'a été d'une grande ressource à S-te Hélène. Je fait là une perte irréparable. Son mari est resté auprès de Bonaparte.

V. E. trouvera ci-jointe, en copie, une note que Sir Hudson Lowe vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées pour leur annoncer le départ de M-me de Montholon. Il n'y pas du tout question de sa maladie.

Св. Елена, 1-го іюля, 1819 н. ст.,
съ Леди Камбель, Остъ-Индской
комп., капит. Маркизь.

Графъ.

Нынче утромъ, графиня Монтоловъ уѣхала въ Англію на борту «Леди Кампбелль». Остъ-индской компаніи, кап. Маркизь. Ея завалы въ печени до того застарѣли, что стали неизлѣчимыми. Самый каломель не имѣлъ на нихъ дѣйствія. Быть можетъ, европейскій климатъ и сѣрныя воды принесутъ нѣкоторое облегченіе ея болѣзни. Это женщина умная и дѣльная, чрезвычайно любезная, и была для меня большимъ

утѣшеніемъ на Св. Еленѣ. Это для меня невознаградимая потеря. Мужъ ея остался при Бонапартѣ.

В. С. найдете при семъ приложенную въ копіи записку, разосланную сэромъ Гудсономъ Лоу комиссарамъ союзныхъ державъ, чтобы извѣстить ихъ объ отъѣздѣ г-жи Монтолонъ. Въ ней не сказано ни слова о ея болѣзни.

16.

S-te Hélène ce 20 juillet 1819 n. st.—
Par le Phaeton, frégate. Capt. Dillon.

Monsieur le Comte.

Le Capt. Nicholls, officier d'ordonnance à Longwood, continue à voir Bonaparte tous les matins aux fenêtres ou sur la terrasse de sa prison. On n'a aucune nouvelle de son état de santé, ni de ce qu'il fait, encore moins de ses espérances et projets actuels. Ces jours derniers, étant plus gai que de coutume, il envoya son portrait enrichi de pierreries à M-me Bertrand et une chaîne d'or à la fille de cette dernière, à la jeune C-sse Hortense.

Mes relations personnelles avec Sir Hudson Lowe sont très satisfaisantes. L'adjutant-général et lieutenant de police Sir Thomas Reade a été dangereusement malade d'une obstruction au foie. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 20 іюля 1819 н. ст.,
съ фрегатомъ Фаэтономъ, капит.
Диловъ.

Графъ.

Г. Никольсъ, ординарецъ въ Лонгвудѣ, продолжаетъ видѣть Бонапарта всякое утро у оконъ или на терасѣ его тюрьмы. Нѣтъ никакихъ извѣстій ни о состояніи его здоровья, ни о томъ, что онъ дѣлаетъ, еще менѣе о его настоящихъ надеждахъ и плавахъ. На дняхъ, будучи веселѣе обычно-

веннаго, онъ послалъ свой портретъ, осыпанный камнями, г-жѣ Бертранъ и золотую цѣпь дочери этой послѣдней, молодой графинѣ Гортензи.

Мои личныя отношенія къ сэру Гудсону Лоу весьма удовлетворительны. Генералъ-адъютантъ и полиціймейстеръ сэръ Томасъ Ридъ былъ тяжело боленъ заваломъ въ печени. Честь имѣю быть и т. д.

17.

S-te Hélène ce 5 août 1819 n. st.—Par
le Redpole brig, Capt. Evance.

Monsieur le Comte.

Je puis enfin avoir l'honneur d'annoncer à V. E. que Bonaparte commence à faire de l'exercice. Tous les jours depuis le 20 du mois passé, il se promène à grands pas autour de sa maison et descend même quelquefois dans la vallée de Deadwood, qui en est éloignée d'un quart de lieu. On assure qu'il a bon visage et se porte à merveille.

Le 1-er de ce mois, les 7 à 800 ouvriers Chinois, entretenus ici par la Comp-e des Indes, ayant pris querelle entre eux pour une affaire de secte, un point indécis de doctrine ou de morale, se livrèrent une sanglante bataille près de Plantation-House. Formés en trois ou quatre masses de 100 et 150 hommes, armés de bambous, de lances, de couteaux etc. ils fondirent les uns sur les autres avec un acharnement épouvantable. L'armée de Confucius jetait des cris affreux et donna l'alarme au poste de Highknoll. Au lieu d'envoyer contre elle une forte patrouille de vieux dragons anglais, qui l'eut dispersée en un instant, on lui opposa des tirailleurs de S-te Hélène, la plus part ivres, jeunes gens impatientes d'en venir aux mains et qui sans attendre le commandement de personne canardèrent ces pauvres Chinois de tous les côtés. Il y en eut deux ou trois de

tués et plusieurs de blessés, le reste se débânda, et l'ordre fut rétabli. Si la suite de cet accident tragi-comique présente quelques détails intéressants, je ne manquerai pas de les communiquer au Ministère Impérial. Le gouverneur a désapprouvé la conduite de son infanterie dans cette occasion. Elle sera jugée aux premières assises.

P. S. Votre E. trouvera ci-joint l'extrait d'une lettre particulière que le Capt. de Gors, aide-camp du Marquis de Montchenu, écrit aujourd'hui à M-r de Rayneval, pour lui donner, avec quelqu'étendue, une idée juste de la position des commissaires étrangers à l'île de S-te Hélène. M-r de Montchenu laisse ignorer à sa cour tous ces détails. Il y a neuf mois, malgré l'ordre positif, chiffré du Duc de Richelieu, qu'il n'a mis le pied à Longwood.

Св. Елена, 3-го авг. 1819 г. ст.,
съ бригамъ Редполь, капитаномъ
Эвансъ.

Графъ.

Наконецъ имѣю честь донести В—му С—ству, что Бонапартъ начинаетъ дѣлать моціонъ. Каждый день, начиная съ 20-го прошлаго мѣсяца, онъ прохаживается большими шагами около своего дома и даже спускается иногда въ Дидвудскую долину, отстоящую отъ него на четверть милн. Увѣряютъ, что лицо у него свѣжее, и что онъ совершенно здоровъ.

1-го числа нынѣшняго мѣсяца семь или восемьсотъ Китайскихъ рабочихъ, содержимыхъ здѣсь Остъ-Индскою компаніею, поссорившись изъ-за религіознаго вопроса, изъ-за темнаго пункта въ своемъ нравственномъ или догматическомъ ученіи, вступили въ кровавый бой около Плантешенъ-гоуза. Выстрелившихъ въ три или четыре массы въ 100 или 130 человекъ каждая, вооруженные бамбуками, коньями, ножами и т. д.,

они кинулись другъ на друга съ ужасною яростію. Армія Конфуція испускала страшные крики и произвела тревогу въ Гайпольскомъ постѣ. вмѣсто того, чтобы послать противъ нихъ сильный патруль старыхъ английскихъ драгуновъ, который разсѣялъ бы ихъ въ одно мгновеніе, имъ противопоставили здѣшнихъ стрѣлковъ, по большей части пьяныхъ молодыхъ людей, которые, не ожидая приказанія, поспѣшили вступить въ бой и со всѣхъ сторонъ напали на бѣдныхъ Китайцевъ. Двое или трое изъ нихъ были убиты и многіе ранены; остальные разсыпались, и порядокъ восстановился. Если послѣдствія этого траги-комическаго случая представлятъ какія-либо интересныя черты, не премину сообщить ихъ императорскому министерству.

Губернаторъ не одобрилъ, въ этомъ случаѣ, поведенія своей пѣхоты. Дѣло это будетъ судиться при первыхъ ассизахъ.

P. S. В — е С—ство найдете при семъ извлеченіе изъ частнаго письма, которое капитанъ де-Горсъ, адъютантъ маркиза Моншению, отправляетъ сегодня г-ну Рейневалю, чтобы съ нѣкоторыми подробностями объяснить ему положеніе иностранныхъ комиссаровъ на островѣ Св. Елены. Г. Моншению не доводитъ всѣхъ этихъ подробностей до свѣдѣнія своего двора. Вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ, вопреки положительному шифрованному приказанію герцога Ришелье, нога его не была въ Лонгвудъ.

18.

S-te Hélène ce 8 août 1819 г. ст — Par le
Redpole brig. Capt. Evance.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe vient de m'envoyer une relation assez étendue et sans doute fort exacte de l'affaire des Chinois de S-te Hélène.—V. E. la trouvera ci-jointe en original

Celle que j'ai faite était fondée sur les bruits, les on-dit de la ville de S-te James et sur ce que m'avaient appris à cet égard les officiers de la garnison. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 8 авг. 1819, н. ст.,
съ бригомъ Редполь, капитаномъ
Эвасъ.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу сейчасъ прислалъ мнѣ пространную и конечно весьма точную реляцію о дѣлѣ Китайцевъ. В—с С—ство найдете ее при семъ приложенную въ оригиналѣ. Та, которую я прислалъ Вамъ, была основана на городскихъ слухахъ, и на томъ, что сказали мнѣ объ этомъ дѣлѣ гарнизонные офицеры.

Честъ имѣю быть, и т. д.

19.

S-te Hélène ce 16 août 1819 n. st.—Par le Golconde vaisseau marchand. Capt. Edwards.

Monsieur le Comte.

Le 14 de ce mois, l'officier d'ordonnance s'étant approché, comme de coutume, de la fenêtre du pavillon de Longwood pour s'assurer matériellement de l'existence de Bonaparte,—celui-ci, qui depuis une heure était au bain, en sortit tout-à-coup avec dépit et colère et se montra *in naturalibus* au Capt. Nicholls. Je n'ai pas d'autre nouvelle à mander au Ministère Impérial.

Св. Елена, 16 авг. 1819, н. ст.,
съ купеч. корабл. Голькондою,
капит. Эварсъ.

Графъ.

14-го этого мѣсяца, ординарецъ подошелъ, но обыкновенно, къ окну Лонгвудскаго павильона, чтобы удостовѣриться собственными глазами въ существованіи Бонапарта. Этотъ послѣдній, который уже

часъ сидѣлъ въ ваннѣ, вдругъ съ гнѣвомъ и досадою выскочилъ изъ нея и показался *in naturalibus* капитану Никольсу. Иныхъ извѣстій императорскому министерству сообщить не имѣю.

20.

S-te Hélène ce 23 août 1819 n. st.—Par le Lady Kenneday transport. Capt Johnson.

Monsieur le Comte.

Depuis environ quinze jours, Bonaparte a discontinué ses promenades, ne parait plus aux fenêtres de son pavillon et fait des difficultés pour se montrer à l'officier d'ordonnance. Le gouverneur, que le 42-eme protocole du congrès d'Aix la Chapeile parait avoir un peu calmé et mis de bonne humeur, évite de l'inquiéter là dessus.—On sait qu'il est à Longwood, on l'entend parler, chanter, se remuer dans sa chambre de billard, et cela suffit. La certitude morale équivaut à l'évidence.

Je viens d'apprendre, et le fait est certain,—qu'au mois de février ou mars dernier, voulant faire passer en Europe une simple lettre, à l'insu des autorités anglaises, il offrit 600 liv. sterling de récompense à un capitaine de vaisseau marchand, qui refusa de s'en charger.

Les tirailleurs du bataillon de l'île, livrés à la justice civile, lors de l'émeute des Chinois, ont été jugés aux dernières assises et déclarés à l'unanimité non coupables de meurtre volontaire. On les a remis en liberté.

Le chirurgien Stokoe a été renvoyé à S-te Hélène par les Lords de l'Amirauté pour y être jugé sur dix chefs d'accusation. Il y est arrivé le 21 de ce mois à bord de «l'Abondance», storship de la marine Royale. On procède maintenant à l'instruction de son procès. Dès qu'il sera terminé, je ne manquerai pas d'en faire mon rapport au M. Imp

Св. Елена, 25 авг. 1819, н. ст.,
съ траспортомъ Леди Кеннеди.
капит. Донжонъ.

Графъ.

Уже около двухъ недѣль, Бонапартъ прекратилъ свои прогулки, не является болѣе у оконъ своего навильона и дѣлаетъ затрудненія, чтобы показываться ординарцу. Губернаторъ, котораго сорокъ второй протоколъ Ахенскаго конгресса, повидимому, успокоилъ и привелъ въ хорошее расположение духа, избѣгаетъ тревожить его на этотъ счетъ. Знаютъ, что онъ въ Лонгвудѣ, слышать, какъ онъ говоритъ, поетъ, ходитъ по своей биллиардной, и этого достаточно. Нравственное убѣжденіе равносильно очевидности.

Я только-что узналъ, совершенно достоверно, что въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ, желая переслать въ Европу простое письмо, помимо англійскихъ властей, онъ предложилъ 600 ф. стерл. капитану купеческаго корабля, который отказался отъ этого порученія.

Стрѣлки здѣшняго баталіона, преданные гражданскому суду, по поводу схватки съ Китайцами, были судимы при послѣднихъ ассизахъ, и единогласно признаны виновными въ умышенномъ убійствѣ. Имъ возвращена свобода.

Хирургъ Стоко присланъ обратно въ Св. Елену лордами адмиралтейства, чтобы быть судимымъ здѣсь по десяти обвинительнымъ пунктамъ. Онъ прибылъ сюда на бортѣ «Абонданса», корабля королевскаго флота. По его процессу теперь производится слѣдствіе. Какъ только оно будетъ окончено, не премину довести о немъ императорскому министерству.

21.

S-te Hélène ce 2 septembre 1819 n. st.—
Par le Hyena storship de la Marine Royale.

Monsieur le Comte.

J'ai l'honneur d'informer V. E. que le chirurgien Stokoe a été jugé ce matin, à bord du vaisseau amiral, par un conseil de guerre, qui était composé de M-rs Staful Capt. du «Conqueror», Président Wannhope Capt. de «l'Eurydice», Rennie Capt. du «Tus» Plumridge Capt. du «Sapho» et Sir William Wiseman Capt. de la «Sophie»—juges.

V. E. trouvera ci-joint, en copie, l'acte d'accusation porté contre lui, tel que les Lords de l'Amirauté l'ont envoyé au Capt. Stanful.

Après quatre séances, les témoins entendus et une longue délibération, ce conseil de guerre a déclaré à l'unanimité le chirurgien Stokoe coupable des faits qu'on lui impute, l'a condamné à être *dismissed*, mais l'a recommandé, en considération de ses anciens services, à la demi-paie de chirurgien de la Marine Royale.—Les autorités de l'île, pour effrayer les habitants, qui seraient tentés d'imiter M-r Stokoe, ont fait grand bruit de cette affaire. Nous étions intimement convaincus que l'accusé révélerait tous les secrets de Longwood et serait pendu ou tout au moins deporté à Botany-Bay.—Personne, malgré ses vives instances, n'a voulu être son avocat. Il s'est défendu lui même et avec assez d'adresse et de présence d'esprit; il a avoué des fautes d'insubordination et a fait entrevoir qu'il avait peut être été la dupe, mais non le complice des ennemis de Plantation-House; il a ému de compassion ses juges, l'auditoire et n'est aujourd'hui, dans l'opinion général, qu'un homme faible, imprudent et malheureux. Ainsi, la montagne a enfanté une souris.

On ignore à S-te Hélène pourquoi le chirurgien O'Meara, que Sir Hudson Lowe dit être un grand coupable, n'a pas été traduit également ou devant ses juges naturels à bord du «Conqueror», ou devant un tribunal extraordinaire à Londres.

C'est l'amiral Plampin, qui m'a communiqué l'acte d'accusation. J'ai cru devoir encourager cette disposition heureuse, nouvelle, extraordinaire à la confiance, et je lui ai écrit ce qui suit:

«J'ai l'honneur de vous accuser réception de votre lettre d'aujourd'hui, et je ne manquerai pas d'envoyer au Ministère Impérial, par la plus prochaine occasion, l'acte d'accusation, qui y était joint en copie. Veuillez en recevoir tous mes remerciements et être bien persuadé que je suis sensible, au delà de toute expression, à cette marque de confiance.—Les communications que me font ici les autorités anglaises sont toujours les mieux reçues à S-t Pétersbourg et celles que je transmets avec le plus d'exactitude et d'empressement». J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 2 сент. 1819 г. ст., съ Гievenю, кораблемъ королевскаго флота.

Графъ.

Честь имѣю извѣстить В—е С—ство, что хирургъ Стоко судился нынче утромъ, на борту адмиральскаго корабля, военнымъ судомъ, составленнымъ изъ гг. Станфеля капитана «Конкерора», президента Вангона капитана «Евридики», Ренни капитана «Тиса», Пломриджа капитана «Сафо» и сэра Вильяма Вайземана капитана «Софин»—судей. В—е С—во найдете при семъ, въ копіи, обвинительный актъ, составленный противъ него, въ томъ видѣ, въ какомъ лорды адмиралтейства прислали его капитану Станфелю.

Послѣ четырехъ засѣданій, по выслушаніи свидѣтелей и длинномъ совѣщаніи, во-

енный совѣтъ единогласно объявилъ хирурга Стоко виноватымъ въ возводимыхъ на него проступкахъ, приговорилъ его къ увольненію, но, принявъ въ соображеніе его прежнія заслуги, представилъ его къ половинному жалованію хирурга королевскаго флота. Здѣшнія власти, чтобы напугать обывателей, которымъ вздумалось-бы подражать г-пу Стоко, надѣлали много шума изъ за этого дѣла. Мы были вполне убѣждены, что обвиненный раскроетъ всѣ тайны Лонгвуда, и будетъ повѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, сосланъ въ Ботани-Бей. Никто, не смотря на его настоятельныя просьбы, не захотѣлъ быть его защитникомъ. Онъ защищался самъ, не безъ ловкости и присутствія духа; онъ сознался въ проступкахъ противъ субординаціи, и далъ почувствовать, что онъ, быть можетъ, былъ орудіемъ, но отнюдь не сообщникомъ враговъ Платешень-гоуза; онъ возбудилъ состраданіе судей и слушателей, и въ глазахъ общественнаго мнѣнія, остался человекомъ слабымъ, неосторожнымъ и несчастнымъ. И такъ гора родила мышь.

На св. Еленѣ не знаютъ, почему хирургъ О'Меара, который, по словамъ сэра Гудсона Лоу, великій преступникъ, не былъ также привлеченъ передъ своихъ естественныхъ судей, на борту Конкерора, или передъ чрезвычайное судилище въ Лондонѣ.

Обвинительный актъ былъ сообщенъ мнѣ адмираломъ Плампиномъ. Я счелъ долгомъ поощрить это счастливое, новое, необычайное расположеніе къ довѣрью, и написалъ ему слѣдующее:

«Честь имѣю извѣстить васъ о полученіи вашего сегодняшняго письма, и не премину послать императорскому министерству, при первомъ случаѣ, приложенный при немъ въ копіи обвинительный актъ. Примите выраженія искренней моей благодарности, и будьте

увѣрены, что я невыразимо тронуть этимъ знакомъ довѣрія. Сообщенія, получаемыя мною здѣсь отъ англійскихъ властей, всѣхъ лучше бывають приняты въ Петербургѣ, и я передаю ихъ съ особенною тщательностію и усердіемъ».

Честь имѣю быть, и т. д.

22.

S-te Hélène ce 10 septembre 1819 n. st.
Par le Nyena storship de la Marine Royale.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur de S-te Hélène vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées une note que je m'empresse d'envoyer ci-jointe, en copie, au Ministère Impérial ainsi que ma réponse.

J'ai lu, dans un libelle anonyme, intitulé: *Faits relatifs au traitement de Napoléon Bonaparte à S-te Hélène*, — qui vient de paraître, l'article suivant:

«Le même esprit d'arrogance mélangée de mépris que Bonaparte déployait étant Empereur s'est manifesté chez lui envers les commissaires, envoyés à S-te Hélène par les différentes puissances du Continent. Les idées qu'il entretenait à leur égard s'accordaient fort peu avec celles qu'ils s'étaient formées de leur pouvoir et de leur importance, car ils ne se considéraient rien moins que comme des ambassadeurs de leurs cours respectives. La présence de ces commissaires à S-te Hélène ne semble pas le moins du monde utile» etc. etc.

Il paraît que l'auteur des *Faits relatifs* est un employé du Ministère des colonies à l'île de France. A son passage à S-te Hélène, il était sous le poids d'une accusation grave et se rendait en Angleterre pour y subir un jugement. C'est, à ce qu'il paraît, un homme d'esprit et un improvisateur, qui pour obtenir sa grace, publia tous ces men-

songes.—Voilà ce qu'on en dit à Londres et à S-te Hélène. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елева, 10 сент. 1819 н. ст.,
съ Гіепою, кораблемъ королевскаго флота.

Графъ.

Губернаторъ св. Елены только что разослалъ комиссарамъ союзныхъ державъ официальную записку, которую спѣшу доставить при семъ, въ копіи, императорскому министерству.

Я прочелъ въ только что вышедшемъ безымянномъ памфлетѣ, подъ заглавіемъ *Факты, относящіяся до обращенія съ Наполеономъ Бонапартомъ на св. Еленѣ*, слѣдующія строки:

«Тотъ-же духъ притязательности и презрѣнія къ людямъ, которымъ отличался Бонапартъ, когда былъ императоромъ, обнаружился въ немъ относительно комиссаровъ, посланныхъ на св. Елену отдѣльными континентальными державами. Мысли его на ихъ счетъ весьма мало согласовались съ тѣмъ понятіемъ, которое они составили себѣ о своей власти и своемъ значеніи: ибо они почитали себя не менѣе, какъ посланниками своихъ дворовъ. Присутствіе этихъ комиссаровъ на св. Еленѣ кажется намъ совершенно бесполезнымъ,» и т. д.

Авторъ «Фактовъ», повидному, есть чиновникъ министерства колоній на Иль-де-Франсѣ. Въ проѣздъ свой черезъ св. Елену, онъ находился подъ тяжкимъ обвиненіемъ, и ѣхалъ въ Англію, чтобы подвергнуться суду. Это, повидному, ловкій человекъ и импровизаторъ, который печатаетъ всѣ эти небывшцы, чтобы заслужить прощеніе. Вотъ что говорятъ объ этомъ въ Лондонѣ и на св. Еленѣ.

Честь имѣю быть, и т. д.

23.

S-te Hélène ce 22 septembre 1819 n. st. Par la Coquette, bâtiment marchand. Capt. Moore.

Monsieur le Comte.

Il y a environ six semaines que Bonaparte ne fait plus d'exercice et qu'il n'a même pas passé le seuil de sa porte; mais en revanche, depuis la condamnation du chirurgien Stokoe, il se montre tous les jours à l'officier d'ordonnance, eu paraissant aux fenêtres du pavillon de Longwood.

Le «Snipe», transport, Capt Swain, parti d'Angleterre le 9 juillet dernier est arrivé à S-te Hélène le 20 de ce mois. Il avait à son bord M-rs Buonavita et Vignole, prêtres, M-r Antomarchi, chirurgien; les nommés Cursor, maitre d'hôtel et Chandelier, cuisinier,—tous destinés au service de Bonaparte. Ces individus, en lui donnant quelques nouvelles éparses, insignifiantes d'Europe, adouciront ses ennuis pendant un certain temps, et si le père Buonavita, qu'on assure être un saint personnage, parvient à le dégouter des grandeurs de ce monde et à l'en détacher entièrement et à tout jamais, il sera celui des cinq, qui lui aura été le plus utile.

Св. Елена, 22 септ. 1819, н. ст.,
съ Кокеткою, торговельмъ судномъ,
капит. Муръ.

Графъ.

Вотъ уже около шести недѣль, какъ Бонапартъ не дѣлаетъ болѣе моціона, и даже не переступаетъ порога своего дома; но зато, со времени приговора надъ хирургомъ Стоко, онъ ежедневно показывается ординарцу, являясь у окна Лонгвудскаго павильона.

Транспортъ «Снайпъ», капит. Суайнъ, отпавшій изъ Англии 9 июля, прибылъ въ Св. Елену 20 сего мѣсяца. На борту его находились гг. Буонавита и Вильоль, свя-

щенники, г. Антомарки, хирургъ, мэтръ-д'отель Кюрсоръ и поваръ Шанделье, всѣ присланные для того, чтобы находиться при Бонапартѣ. Эти люди, сообщая ему безсвязныя, маловажныя извѣстія изъ Европы, на первыхъ порахъ будутъ услаждать его скуку, и если отецъ Буонавита, который слыветъ святымъ человекомъ, сумѣетъ отвратить его отъ земнаго величія и навсегда отвязать отъ него помыслы, объ ономъ, то онъ, изъ пяти, принесетъ ему наибольшую пользу.

24.

S-te Hélène ce 1-r octobre 1819 n. st.—
Par l'Eurydice frégate. Capt Wanchope.

Monsieur le Comte.

Avant-hier, 29 de ce mois, il y a eu à Deadwood une course de chevaux. Les habitants et la garnison de l'île s'y rendirent en foule de tous les cotés. Le gouverneur et sa famille l'honorèrent de sa présence, et j'y ai vu également la suite maussade et attérée de Bonaparte. Son chirurgien Antomarchi, s'empressa de faire ma connaissance. C'est un Corse fin et délié qui, je crois, donnera bientôt de l'embarras aux Anglais. Il m'assura que l'Empereur Napoléon, son Illustrissime Patient, avait un engagement au foie, déjà tout formé et que le climat de S-te Hélène le tuerait.

M-me Bertraud me dit qu'elle comptait retourner en Europe au mois de mars prochain; que l'ennui, la mélancolie, des spasmes et des maux de nerfs avaient abimé sa santé, que tous les Dimanches de bonne heure le père Buonavita dirait la Messe chez l'Empereur, qu'à midi le père Vignole la dirait chez elle. Elle me pria d'assister régulièrement à l'une et à l'autre.

M-r de Montholon, que Bonaparte envoie ordinairement aux commissaires des Puissan-

ces Alliées, me demanda si j'avais des nouvelles de mon successeur. «Aucune», lui répondis-je. «Quoi, s'écria-t-il, vous ignorez que vous êtes remplacé, que vous êtes mal dans l'esprit de votre Ministère et bien dans celui de votre Souverain?» — «Fable, n'en croyez rien», repartis-je brusquement. «Voici, reprit-il, ce que j'ai ordre de vous communiquer. *Si vous voyez le C-te de Balmain à la course de Deadwood*, m'a dit l'Empereur ce matin et en propres termes, *prévenez le de ma part, que son successeur se trouvait à Paris le 26 juillet dernier, que c'est un officier-général, recommandable par ses services et ses bonnes qualités, que cet officier-général, en parlant du C-te de Balmain dans les cercles de Paris, a déclaré positivement que ses querelles avec les autorités de S-te Hélène avaient nécessité son rappel, que le C-te de Nesselrode ou plutôt le Cabinet de S-t Pétersbourg désapprouvait sa conduite, mais que la Cour Impériale en était satisfaite intérieurement et que l'Europe entière y avait reconnu ce principe invariable des Russes et de tout homme d'honneur: «Generosité et délicatesse envers un ennemi vaincu». Dites lui que l'Empereur Alexandre me conserve une amitié et des sentiments personnels, qui sont et seront toujours indépendants de sa marche politique. Remerciez le de l'intérêt qu'il a pris à ma santé. Je suis un captif, hors d'état de le servir, de lui prouver ma reconnaissance. Je ne puis que le perdre, qu'il m'abandonne à tout jamais et tâche de bien vivre avec mon assassin.*

Sir Hudson Lowe, à qui j'ai rendu mot pour mot ce discours de M-r de Montholon, en a été saisi d'étonnement et le croit fabriqué à dessein; qu'il a pour but soit d'entamer une nouvelle intrigue, soit de me tendre un piège. — Je ne suis pas de son avis.

Св. Елена, 1 окт. 1819, н. ст., съ фрегатомъ Евридикю, кап. Ванчопъ.

Графъ.

Третьяго дни, 29 сентября, въ Дидвудѣ была скачка. Обыватели и гарнизонъ острова толпою собрались на нее. Губернаторъ и его семейство почтили ее своимъ присутвіемъ, и я видѣлъ тутъ-же жалкую и запуганную свиту Бонапарта. Его хирургъ, Автомархи, поспѣшилъ со мною познакомиться. Это ловкій и тонкій Корсиканецъ, который, полагаю я, скоро введетъ Англичанъ въ затрудненія. Онъ увѣрялъ меня, что у императора Наполеона, его «знаменитѣйшаго пациента», уже вполнѣ развился заваль въ печени, и что климатъ Св. Елены убьетъ его.

Г-жа Бертранъ сказала мнѣ, что она намѣрена вернуться въ Европу въ будущемъ мартѣ, что скука, тоска, спазмы и нервныя боли потрясли ея здоровье, что каждое воскресенье, рано утромъ, отецъ Буонавита будетъ служить обѣдню у императора, а въ полдень отецъ Виньоль у нея. Она просила меня присутствовать правильно при той и при другой.

Г. Монтолонъ, котораго Бонапартъ обыкновенно посылаетъ къ комиссарамъ союзныхъ державъ, спросилъ меня, имѣю ли я свѣдѣнія о своемъ преемникѣ.

— Никакихъ, отвѣчалъ я ему.

— Какъ! воскликнулъ онъ, вы не знаете, что вы замѣщены, что вы на дурномъ счету у вашего министра, и на хорошемъ у вашего государя?

— Басни, не вѣрьте! отвѣчалъ я сухо.

— Вотъ, продолжалъ онъ, что приказано мнѣ передать вамъ. «*Если вы увидите графа Бальмена на дидвудской скачкѣ*», сказалъ мнѣ императоръ, и я передаю вамъ собственныя его выраженія. *то предъупредите его отъ меня, что преем-*

никъ его находился въ Парижѣ прошлаго 26 іюля, что онъ штабъ-офицеръ, уважаемый по своимъ заслугамъ и хорошимъ качествамъ; этотъ штабъ-офицеръ, говоря о графѣ Бальменѣ въ парижскихъ кружкахъ, объявилъ положительно, что ссоры его съ властями Св. Елены вынудили его отозваніе; что графъ Песемроде, или точнѣе Петербургскій кабинетъ, не одобряетъ его посещенія, но что императорскій дворъ имъ внутренно доволенъ, и что вся Европа признала въ немъ приложение неизмѣннаго правила Русскихъ и всѣхъ честныхъ людей: «Великодушіе и деликатность относительно побѣжденнаго врага». Скажите ему, что императоръ Александръ сохраняетъ ко мнѣ лично дружескія чувства, которыя независимы и всегда останутся независимыми отъ хода его политики. Поблагодарите его за участіе, принятое имъ въ моемъ здоровьи. Я узникъ и не могу быть ему полезнымъ, не могу доказать ему моей благодарности. Могу только погубить его. Пусть онъ раз навсегда покинетъ меня, и постарается жить въ ладахъ съ моимъ убійцею».

Сэръ Гудсонъ Лоу, которому я передалъ отъ слова до слова эту рѣчь г-на Монтона, былъ ею пораженъ, и полагаетъ, что она придумана нарочно, что цѣль ея—либо завязать новую интригу, либо поставить мнѣ ловушку. Я съ нимъ не согласенъ.

25.

S-te Hélène ce 25 octobre 1819 n. st. —
Par le Conway sloop de guerre. Capt. Barnard.

Monsieur le Comte.

Depuis la clôture du congrès d'Aix la Chapelle, les affaires de Longwood ont pris une marche régulière et vont, comme celles de l'Europe, paisiblement. Bonaparte est moins

agité. Parfois, quand il a de l'humeur ou du chagrin, il s'enferme entre quatre murs, et refuse de se montrer à l'officier d'ordonnance: mais on ne s'inquiète plus de ces inégalités, et elles disparaissent. On ne voit du reste aucun plan, aucun but dans sa conduite actuelle. Ses discussions avec Sir Hudson Lowe ont entièrement cessé. M-me Bertrand a demandé et obtenu la permission de voir un peu de société. Les pères Buonavita et Vignole exhortent les Français à l'union, à la patience, à la pratique de bonnes oeuvres. Ils ont déjà marié trois domestiques qui vivaient dans le concubinage.

Tout annonce la fin des intrigues, des bourrasques, tout fait prévoir à S-te Hélène un état de choses tel que peuvent le désirer les Puissances de l'Europe. Néanmoins, il serait téméraire à moi de répondre de l'avenir, et il est bien possible que cette résignation et ce calme apparent ne durent pas toujours.

Св. Елена. 25 окт. 1819 н. ст.,
съ военною шляпкою Конвей,
капит. Барнаръ.

Графъ.

Со времени закрытія Ахенскаго конгресса, дѣла въ Лонгвудѣ приняли правильный ходъ, и, какъ дѣла въ Европѣ, идутъ мирно. Бонапартъ менѣе волнуется. Иногда, когда онъ не въ духѣ или огорченъ, онъ запирается между четырьмя стѣнами и не хочетъ показываться ординарцу; но этими неровностями перестали тревожиться, и онѣ сглаживаются. Впрочемъ, въ его теперешнемъ поведеніи не видно никакого плана, никакой цѣли. Его препиранія съ сэромъ Гудсономъ Лоу совершенно прекратились. Г-жа Бертранъ испросила себѣ позволеніе видѣть не много общества. Отцы Буонавита и Виньоля проповѣдуютъ Французамъ согласіе, терпѣніе, прилежаніе къ добрымъ дѣ-

ламъ. Они уже женили тронхъ служителей, которые имѣли незаконныя связи.

Все предвѣщаетъ конецъ интригъ и вспышекъ, все заставляетъ предвидѣть на св. Еленѣ такой порядокъ вещей, какого только могутъ желать европейскія державы. Тѣмъ не менѣе, съ моей стороны было-бы слишкомъ смѣлымъ ручаться за будущее, и весьма возможно, что эта видимая покорность и тишина установились не на всегда.

26.

S-te Hélène ce 5 novembre 1819 n. st.—
Par le Conway, sloop de guerre. Capt. Barnard.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe vient de me communiquer un document officiel relatif aux restrictions imposées à Longwood le 9 octobre 1816. Il assure que les Français dans leurs observations sur le discours de Mylord Bathurst à la Chambre des Pairs le 18 mars 1817 l'ont dérobé à la connaissance du public. C'est ce qui m'a décidé à le transmettre ci-inclus, en copie, au Ministère Impérial.

L'équinoxe du printemps nous a ramené les dysenteries, les obstructions au foie, les fièvres inflammatoires. Le grand hôpital de la ville est rempli de malades du 20-me régiment d'infanterie. On n'a aucune nouvelle de la santé de Napoléon,—de temps à autre il se promène devant sa porte en habit de chasse. J'ai l'honneur d'être etc

Св. Елена. 5 ноября 1819 г. ст.,
съ военною шлюпкою Конвей,
капит. Барнаръ.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу только что сообщилъ мнѣ оффиціальній документъ, относящійся къ ограниченіямъ, наложеннымъ на свободу Лонгвудскихъ жителей 9-го октября 1816 года. Онъ увѣряетъ, что Французы, въ своихъ замѣчаніяхъ на рѣчь лорда Батур-

са въ палатѣ лордовъ, отъ 18-го марта 1817 года, скрыли этотъ документъ отъ публики. Это и побуждаетъ меня передать его при семъ, въ копіи, императорскому министерству.

Съ весеннимъ равноденствіемъ къ намъ вернулись повальныя болѣзни, завалы въ печени, воспалительныя лихорадки. Большая городская больница наполнена больными изъ 20-го пѣхотнаго полка. Нѣтъ никакихъ извѣстій о здоровьи Наполеона. Отъ времени до времени, онъ прогуливается передъ своею дверью въ охотничьемъ платьѣ.

Честъ имѣю быть, и т. д.

27.

S-te Hélène ce 26 novembre 1819 n. st.—
Par le Lord Collingwood, bâtiment marchand.
Capt. Parkin.

Monsieur le Comte.

Le nombre des malades, surtout parmi les soldats du 20-me régim. d'inf., augmente tous les jours. On en peut compter 20 par compagnie de 60 hommes. C'est une espèce d'épidémie qui nous est sarvenue tout à coup et qui affecte principalement le foie ou l'abdomen. L'amiral a fait transporter tous les convalescents de son escadre sur une haute montagne; l'air y étant vif, contribue à les rétablir. Le Capt. de Gors, aide de camp du commissaire de France et d'Autriche, a été très dangereusement malade d'une fièvre de bile. Je souffre moi même, depuis environ cinq semaines d'une forte extension de foie qui me dessèche et m'affaiblit considérablement.

On assure que Bonaparte se porte à merveille. Il vient de convertir sa salle à manger en chapelle. Peut-être un jour donnera-t-il dans la dévotion!

Il commence à s'établir entre moi et les autorités de l'île des rapports de confiance

et d'amitié que je m'efforce de cultiver par tous les moyens imaginables.

Св. Елена. 26 ноября 1819 г. ст.,
съ кучеч. судномъ Лордъ Колин-
гвудъ, капит. Паркинъ.

Графъ.

Число больныхъ, въ особенности между солдатами 20-го пѣхотнаго полка, ежедневно увеличивается. Можно ихъ считать 20 на роту въ 60 человекъ. Это родъ повѣтря, вдругъ настигнувшаго насъ и поражающаго въ особенности печень и желудокъ. Адмиралъ велѣлъ перенести всѣхъ выздоравливающихъ съ своей эскадры на высокую гору, гдѣ чистый воздухъ способствуетъ возстановленію силъ. Капитанъ де-Горезъ, адъютантъ комиссаровъ французскаго и австрійскаго, былъ опасно боленъ жолчною лихорадкою. Я самъ вотъ уже пять недѣль страдаю сильнымъ расширеніемъ печени, которое значительно истощаетъ и ослабляетъ меня.

Увѣряютъ, что Бонапартъ совершенно здоровъ. Онъ на дняхъ превратилъ свою столовую въ часовню. Ужъ не склонится ли онъ къ набожности?

Между мною и властями острова начинаютъ устанавливаться искреннія и дружескія отношенія, которыя я всѣми средствами стараюсь поддерживать.

28.

S-te Hélène ce 1-er décembre 1819 г. ст.—
Par l'Ellergill bâtiment marchand. Capt.

Potton.

Monsieur le Comte.

Ce matin le C-te Montholon a dit à Sir Hudson Lowe que la santé de l'Empereur Napoléon se retablissait à vue d'oeil, que déjà ses forces étaient revenues et qu'il se déciderait peut-être à faire de l'exercice à cheval. Depuis quelques jours, il s'occupe

beaucoup de jardinage et y fait travailler hommes, femmes, toute sa suite et jusqu'au vieux père Buonavita.

Lord Charles Sommerset, gouverneur du Cap de Bonne Espérance, est attendu à S-te Hélène vers la fin de ce mois. Il se rend en congé à Londres à bord du «Sapho», brig, Capt. Plumridge.

Св. Елена. 1-го дек. 1819 г. ст.,
съ кучеч. судномъ Еллергиль,
капит. Поттонъ.

Графъ.

Нынче утромъ, гр. Монтолонъ сказалъ сэру Гудсону Лоу, что здоровье императора Наполеона видимо поправляется, что его силы уже возстановились, и что онъ, быть можетъ, рѣшится ѣздить верхомъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ очень занятъ своимъ садомъ, и заставляетъ работать въ немъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—всю свою свиту, не исключая стараго отца Буонавиты.

Къ концу этого мѣсяца, ожидаютъ сюда лорда Чарльса Соммерсета, губернатора Мыса Доброй Надежды. Онъ ѣдетъ въ отпускъ въ Лондонъ на бригѣ «Сафо», капитанъ Пломриджъ.

1820 ГОДЪ

1.

S-te Hélène le 10 janvier 1820 г. ст.—
Par l'Aurora, bâtiment marchand. Capt.
Earl.

Monsieur le Comte.

Je n'ai rien d'intéressant ni de nouveau à mander au Ministère Impérial. Les affaires de Bonaparte sont toujours au même point. Il mène une vie tranquille, paraît jouir d'une parfaite santé et ne s'occupe que de son jardin. Il y fait planter de gros arbres, semer des fleurs et les arrose lui même à la vue de tout le monde.

En conformité d'un ordre de Mylord Bathurst, Sir Hudson Lowe a agrandi la seconde enceinte de Longwood. Il y a ajouté, du côté de Plantation-House, une promenade fort agréable de 7 à 8 milles anglaises et vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées, pour leur faire part de ce nouveau arrangement, le Memorandum que V. E. trouvera ci-joint en original.

Les fièvres et autres maladies inflammatoires continuent à faire de grands ravages parmi la garnison.

Св. Елена, 10 янв. 1820, н. ст., съ
кучеч. судномъ Аврора, кап. Ерль.

Графъ.

Не имѣю сообщить императорскому министерству ничего интереснаго или новаго. Дѣла Бонапарта все въ томъ же положеніи. Онъ ведетъ жизнь тихую, повидимому, совершенно здоровъ, и занятъ только своимъ садомъ. Онъ велѣлъ посадить въ немъ большія деревья, посѣять цвѣты, и самъ поливаетъ ихъ на виду у всѣхъ.

Согласно съ приказаніемъ лорда Батурса, сэръ Гудсонъ Лоу расширилъ наружную ограду Лонгвуда. Онъ включилъ въ нее, со стороны Планташенъ-гоуза, очень пріятную прогулку въ 7 или 8 английскихъ миль, и только-что разослалъ комиссарамъ союзныхъ державъ, чтобы извѣстить ихъ объ этомъ распоряженіи, меморандумъ, который В—е С—ство найдете при семъ въ оригиналѣ.

Лихорадки и прочія воспалительныя болѣзни продолжаютъ производить въ гарнизонѣ большія опустошенія.

2.

S-te Hélène ce 28 janvier 1820 n. st.—Par
le Sapho brig. Capt. Plumridge.

Monsieur le Comte.

Le 17 de ce mois j'ai rencontré le C-te

et la C-sse Bertrand se promenant en calèche à quatre chevaux sur la grande route de Longwood. Ils m'ont dit en passant que Bonaparte se retablissait à vue d'oeil, qu'il s'adonnait entièrement au jardinage et était satisfait de la conduite actuelle de Sir Hudson Lowe. Depuis quatre à cinq jours il s'amuse à tirer sur les poules et autres animaux, qui entrent dans son jardin, et avant hier, il a tué la chèvre favorite de M-me Bertrand, croyant tuer celle de l'officier d'ordonnance.

Lord Charles Somerset, gouverneur du Cap de Bonne Espérance, est arrivé à S-te Hélène le 25 de ce mois. Il a eu recours à M-r de Montholon pour voir Bonaparte qui n'a fait aucune réponse à sa demande. Ce matin S. S. s'est remise en mer de fort mauvaise humeur.

Св. Елена, 1820, 28 янв., н. ст., съ
бригомъ Сафо, капит. Пломриджъ.

Графъ.

17-го этого мѣсяца, я встрѣтилъ графа и графиню Бертранъ, прогуливающихъ въ коляскѣ четверней по большой Лонгвудской дорогѣ. Они сказали мнѣ мимоходомъ, что здоровье Бонапарта видимо поправляется, что онъ совершенно преданъ садоводству, и что онъ доволенъ теперешнимъ поведеніемъ сэра Гудсона Лоу.

Вотъ уже четыре или пять дней, какъ онъ забавляется тѣмъ, что стрѣляетъ по курамъ и другимъ животнымъ, заходящимъ въ его садъ. Третьяго дня, онъ убилъ любимую козу г-жи Бертранъ, принявъ ее за козу ординарца.

Лордъ Чарльсъ Соммерсетъ, губернаторъ Мыса Доброй Надежды, прибылъ въ Св. Елену 23-го этого мѣсяца. Онъ обращался къ г. Монтолону, чтобы увидѣть Бонапарта, который не далъ никакого отвѣта на его просьбу. Нынче утромъ, его свѣт-

лость пустился въ море въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Честь имѣю быть, и т. д.

3.

S-te Hélène ce 10 fevrier 1820 n. st.—Par le Mathilda de la Comp-e des Indes. Capt. Hanilton.

Monsieur le Comte.

Bonaparte se porte bien. Il est de fort bonne humeur et ne s'occupe que de son jardin.—c'est tout ce qu'on en dit.

Je comptais, à l'entrée de l'été, recommencer mes courses à Longwood pour m'assurer encore mieux de ce qui s'y passe, mais depuis environ trois mois, je suis toujours malade. Je m'affaiblie extrêmement et ne bouge presque pas de la ville.

Le Capt. Nicholls du 66-me régim. d'inf, ayant demandé et obtenu la permission de retourner à Londres, est remplacé comme officier d'ordonnance par le Capt. Lutyens du 20-me régim. d'inf.

Св. Елена. 10 февр. 1820, н. ст.,
съ Матильдою, Остъ-Инд. комп.,
капит. Гамльтонъ.

Графъ.

Бонапартъ здоровъ. Онъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и занятъ только своимъ садомъ — это все, что про него слышно. Я намѣревался, съ наступленіемъ лѣта, возобновить мои поѣздки въ Лонгвудъ, чтобы еще лучше удостовѣриться въ томъ, что тамъ происходитъ, но вотъ уже три мѣсяца, какъ я постоянно боленъ. Я очень слабъ и почти не оставляю города.

Капитанъ Никольсъ, 66-го пѣхотнаго полка, испросилъ себѣ позволеніе возвратиться въ Лондонъ, и его замѣнилъ, въ качествѣ ординарца, капитанъ Лютъенсъ, 20-го пѣхотнаго полка.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869.

4.

S-te Hélène ce 18 fevrier 1820 n. st. — Par le Lowther-Castle de la Comp-e des Indes, Capt. Mortlock.

Monsieur le Comte.

Le sang coule à Longwood. Bonaparte vient d'acheter un troupeau de chèvres et il en fait un horrible carnage. Il s'amuse à les tirer à balle l'un après l'autre. C'est aujourd'hui son plaisir favori.

Du reste, il est en paix avec les Anglais et se porte à merveille. Les Français attribuent sa guérison, presque miraculeuse, à la grande habileté du chirurgien Automarchi.

Св. Елена, 18 февр. 1820 н. ст.,
съ Лотеръ-Кастлемъ, Остъ-Инд.
компани, капит. Мортлокъ.

Графъ.

Кровь льется въ Лонгвудъ. Бонапартъ купилъ себѣ стадо козъ, и производитъ въ немъ страшныя опустошенія. Онъ забавляется тѣмъ, что застрѣливаетъ ихъ пулями, одну за другою. Это теперь его любимое удовольствіе.

Впрочемъ, онъ ладитъ съ Англичанами и совершенно здоровъ. Французы приписываютъ его почти чудесное исцѣленіе необычайному искусству доктора Антомарки.

5.

S-te Hélène ce 27 fevrier 1820 n. st.—Par la Rose de la Comp-e des Indes. Capt. Faggert.

Monsieur le Comte.

Le choléra-morbus, maladie de bile des plus aigues, fait en ce moment de terribles ravages à l'île de France. Déjà plusieurs personnes en sont mortes au Cap de Bonne Espérance et même à S-te Hélène. L'approche de ce fleau du Ciel donne de vives inquiétudes à Sir Hudson Lowe. Pour en préserver notre petite colonie, il a soumis tous les vaisseaux venant des Indes à l'inspection de M-r Ar-

27

nott, médecin du 20-me régim. d'inf. V. E. trouvera ci-joint un réglemant sanitaire, qu'il vient en outre de publier.

Bonaparte se porte bien et travaille constamment à son jardin.

Св. Елена, 27 февр. 1820 г. ст.,
съ Розою, Остъ-Инд. комп., кап.
Фэггертъ.

Графъ.

Холера-морбусъ, весьма острая жолчная болъзнь, въ настоящее время производитъ страшныя опустошенія на Нль-де-Франсѣ. Уже многія лица умерли отъ нея на Мысѣ Доброй Надежды и даже на Св. Еленѣ. Приближеніе этого бича Божьяго приводитъ сэра Гудсона Лоу въ сильное безпокойство. Чтобы оградить отъ него нашу маленькую колонію, онъ подчинилъ все корабли, приходящія изъ Индіи, осмотру г. Арнотомъ, врачомъ 20 пѣхотнаго полка. Ваше Сіятельство найдете при семъ предохранительныя правила, недавно имъ обнародованныя.

Бонапартъ здоровъ и постоянно трудится надъ своимъ садомъ.

6.

S-te Hélène ce 6 mars 1820 n. st.—Par le Loyal Briton, transport. Capt. Plunket.

Monsieur le Comte.

Ces jours passés, Bonaparte a ressenti quelque douleur à l'estomac ou aux entrailles, ce qui l'a empêché de sortir. Depuis hier il va mieux et a fait ce matin une visite à M-me Bertrand.

Le 20-me régim. d'inf. va remplacer à Deadwood le 66-me qui sera cantonné en ville et aux environs de Plantation-House.

Св. Елена, 6 марта 1820 г. ст.,
съ транспортомъ Лойаль Бритонъ,
кап. Плюнкетъ.

Графъ.

На этихъ дняхъ Бонапартъ ощущалъ нѣкоторую боль въ желудкѣ и кишкахъ, что

мѣшало ему выходить. Со вчерашняго дня ему лучше и онъ нынче утромъ сдѣлалъ визитъ г-жѣ Бертранъ.

20-й пѣхотный полкъ замѣнитъ въ Дидвудѣ 66-й, который будетъ переведенъ въ городъ и въ окрестности Плантешенъ-гоуза.

7.

S-te Hélène ce 10 mars 1817 n. st.—Par le Waterloo de la Comp-e des Indes. Capt Meager.

Monsieur le Comte.

J'ai reçu le 7 de ce mois la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 12 septembre 1819.

Conformément à l'ordre gracieux et bienveillant de S. M. l'Empereur notre Auguste Maître, je quitterai, dès que j'en aurai la possibilité, mon triste et orageux poste de S-te Hélène pour me rendre à S-t Pétersbourg. Le grand nombre des vaisseaux de la Comp-e des Indes, qui ne sont pas chargés de troupes, de malades et d'individus de toute espèce, a déjà passé; mais on en attend cinq ou six vers le milieu de la saison, entr'autres le «Bombay», le «Bertfords-hire», le «William Pitt», dont je connais bien les capitaines et qui offrent un passage convenable à tous les égards. Le moment de mon départ depend uniquement de celui de leur arrivée. — Jusque là je continuerai à adresser des rapports au Ministère Impérial.

Св. Елена, 10 марта 1820 г. ст.,
съ Ватерлоо, Остъ-Индской комп.,
капит. Межеръ.

Графъ.

Я получилъ, 7-го сего мѣсяца, письмо, коимъ почтили меня В—с С—ство, отъ 12 сентября 1819 года.

Согласно съ милостивымъ приказаніемъ Государя Императора, моего Августѣйшаго Повелителя, я оставляю, какъ только на то представится возможность, печальный пбур-

ный постъ мой на св. Еленѣ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Большая часть кораблей Остъ-Индской компании, не переполненныхъ войсками, больными и всякимъ сбродомъ, уже пробѣжала, но ихъ ожидается еще пять или шесть около середины сезона, между прочимъ «Бомбей», «Бертфорднайръ» и «Вилльямъ Питтъ», капитаны которыхъ мнѣ хорошо знакомы и которые всѣ располагаютъ приличнымъ помѣщеніемъ. Время моего отъѣзда зависитъ единственно отъ времени ихъ прибытія. До тѣхъ поръ буду продолжать мол донесенія императорскому мнннстерству.

8.

Ste Hélène ce 18 avril 1820 n. st.—Par le Lloyds, transport, Capt. Pherson.

Monsieur le Comte.

Tout est parfaitement tranquille et en bon ordre à Longwood. Bonaparte fait beaucoup d'exercice dans son jardin. Il a le teint

frais, l'air gai et gaillard. C'est un autre homme tout-à fait. Le C-te Montholon et M-me Bertrand m'ont assuré cependant qu'il se ressentait encore de son mal chronique hépatique et prenait souvent du mercure, mais que, grace aux soins assidus de M-r Antomarchi, ce mal n'était plus dangereux

Св. Елена, 18 апр. 1820 н. ст.,
съ транспортомъ Лойдъ, капит.
Персонъ.

Графъ.

Въ Лонгвудѣ спокойствіе и совершенный порядокъ. Бонапартъ дѣлаетъ много моціона въ своемъ саду. Цвѣтъ лица у него свѣжій, видъ здоровый и бодрый. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Графъ Монтолонъ и г-жа Бертранъ увѣряютъ меня, что онъ еще чувствуетъ послѣдствія своей хронической болѣзни въ печени и часто принимаетъ каломель, но, что, благодаря усерднымъ стараніямъ г. Антомарки, эта болѣзнь перестала быть опасною.

Читатели Р. Архива (см. 1868 стр. 466), помнятъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1820 г. графъ де-Бальменъ отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ году долженъ былъ снова ѣхать на островъ св. Елены, но кончина Наполеона (3 мая 1821) сдѣлала эту поѣздку ненужною. Не знаемъ, когда именно, т. е. на островѣ св. Елены или позднѣе въ Лондонѣ, женился онъ на падчерницѣ Сира Гудсонъ-Лоу.—Мы напечатали (кромѣ депешъ, не содержащихъ въ себѣ ничего замѣчательнаго) все что было намъ доставлено сыномъ его, въ кошіяхъ съ сохранившихся у него черновыхъ подлинниковъ. Для болѣе точнаго изданія слѣдуетъ обратиться къ бѣловымъ депешамъ, которыя должны храниться въ Архивахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда было бы полезно извлечь и письма графа Нессельрода къ гр. де-Бальмену. Кромѣ того, слѣдовало бы сопоставить депеши графа де-Бальмена съ Записками Лазъ-Каза, Монтолона, Бертрана, Анто-Марки и съ любопытными показаніями самаго Гудсонъ-Лоу. Все это давно издано во Франціи и Англіи; но донесенія Гудсонъ-Лоу своему правительству, равно какъ и депеши приставовъ Австрійскаго и Французскаго, до сихъ поръ составляютъ государственную или вѣрнѣе архивную тайну.

П. Б.

АВТОБІОГРАФІЯ ГРАФА С. П. РУМЯНЦОВА.

Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, младшій сынъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго и братъ государственнаго канцлера, принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ людямъ своего вѣка и по образованію многостороннему, и по благотворности побужденій и дѣйствій. Оба брата были пламенными патріотами и всю общественную свою дѣятельность оправдывали то изреченіе, которое красуется на изданныхъ канцлеромъ Румянцовымъ книгахъ (этихъ краугольныхъ камняхъ русской исторіографіи): *Non solum armis*, т. е. дѣйствовать не однимъ оружіемъ. Графы Румянцовы одушевлялись мыслию плодотворною и до нашихъ дней не утратившею обязательной силы своей, мыслию о томъ, что прославленная успѣхами воинскими Россія должна стремиться къ такому же успѣхамъ въ области самопознанія и гражданскаго совершенствованія. Графъ С. П. Румянцовъ раздѣляетъ съ братомъ и другомъ своимъ, государственнымъ канцлеромъ, честь учрежденія Румянцевскаго музея, этого многоцѣннаго ученаго и художественнаго собранія, стоившаго несмѣтныхъ издержекъ и предоставленнаго имъ въ общественную собственность *на благо просвѣщеніе*. Россія не должна забыть графа С. П. Румянцова, ибо онъ первый не только заботился объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и дѣятельно подвинулъ къ разрѣшенію этотъ великій вопросъ русской исторіи, отпуская на волю собственныхъ крестьянъ и будучи главнымъ двигателемъ въ образованіи такъ назы-

ваемыхъ вольныхъ хлѣбопашцевъ (1803). О личныхъ его качествахъ достаточно сказать, что Карамзинъ дорожилъ его дружбою и находилъ особенное удовольствіе въ его просвѣщенной бесѣдѣ. Съ обширною начитанностью, съ многосторонними познаніями въ исторіи и словесности всѣхъ вѣковъ и народовъ, онъ соединялъ свѣдѣнія математическія и въ то же время писалъ стихи по-французски и по-русски. До 83 лѣтъ возраста сохранялъ онъ бодрость ума и свѣжесть воображенія, и понятно, что послѣ такой дѣятельной жизни должны были остаться вмѣстѣ съ доброю памятью и слѣды иньемненные. По счастью, бумаги графа С. П. Румянцова перешли въ надежныя руки и не погибли отъ равнодушія наслѣдниковъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ. Онѣ достались его родственнику Николаю Адрияновичу Дивову, который, съ истинно-просвѣщенною заботливостью, разобралъ ихъ, передалъ часть этихъ бумагъ покойному Государю Николаю Павловичу, а все что касалось лично до обоихъ графовъ Н. и П. Румянцовыхъ привелъ въ порядокъ и сохранилъ бережно. По убѣжденію Н. А. Дивова, гр. Румянцовъ не задолго до кончины своей (1838) началъ описывать собственную жизнь. Къ сожалѣнію, автобіографія эта, нижепомѣщаемая, доведена только до 1786 года. Впрочемъ черты дальнѣйшей его жизни будутъ видны изъ разныхъ бумагъ, которыми мы располагаемъ въ порядкѣ времени, связывая ихъ дошедшими до насъ свѣдѣніями.

П. Б.

1755.

Родился графъ 17 марта сего года въ селѣ Стряпковѣ, лежащемъ нынѣ во Владимірской губ. Юрьевского уѣзда, данломъ въ приданое покойной его матери ¹⁾. При семъ случаѣ замѣтить должно, что рожденіе сіе послѣдовало одиннадцатъ мѣсяцевъ послѣ рожденія государ. канцлера ²⁾, и что день сей замѣчательнъ въ самомъ народѣ по теченію съ горъ воды: слѣдственно оживленіе натуры. Также въ это же самое время сдѣлалось домашнее примрненіе по случаю раздѣла съ графиней Марьею Андреевною ³⁾, о чемъ здѣсь и вносятся ея собственное письмо ⁴⁾.

То, что графъ помнитъ о своемъ ребячествѣ, есть, что онъ въ Петербургѣ былъ при кончинѣ Елисаветы Петровны ⁵⁾; потомъ воспитывался въ Москвѣ; а когда гр. П. А. ⁶⁾.

¹⁾ Мать графа С. П. Румянцева, гр. Екатерина Михайловна, род. 25 сент. 1723, ум. 22 авг. 1779 (родная тетка жены Суворова) была дочь фельд-маршала кн. Михаила Михайловича Голицина старшаго отъ втораго брака его съ княжн. Татьяной Борисовной Куракиной. Она принадлежала къ важнѣйшей знати, между тѣмъ какъ супругъ ея былъ человекъ новаго происхожденія.

²⁾ Т. е. графа Николая Петровича Румянцева, (1754—1826).

³⁾ Румянцеву, бабкою графа Сергѣя Петровича.

⁴⁾ Вотъ это письмо:

« Невѣстунка, радость моя, здравствуй и съ ребяташками. Радуюсь, что все наши хлопоты уже окончились безъ постороннихъ людей. Таверича будемъ жить такъ, какъ и прежде жили; а особливо ставлю: шастливъ Сережа, что онъ ширъ съ собою принесъ, и для того онъ еще мнѣ шилѣ. Поцѣлуй ихъ, свѣтъ мой, отъ меня. Мать твоя г. Марья Румянцева. С. Петербургъ. Апрѣля 18 ч. 1755». Изъ за чего была ссора, намъ неизвестно.

⁵⁾ Т. е. 25 декабря 1761.

⁶⁾ Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ назначенъ управлять Малороссію на мѣсто графа Раумовскаго въ началѣ 1765.

назначенъ былъ въ Малороссію на мѣсто Гетмана, то и графиня съ дѣтьми туда же отѣхала. Въ это время воспитаніе графа было весьма въ плохомъ состояніи, да и присмотръ былъ такой слабый, что если бы оно продолжилось, то весьма бы худыхъ слѣдствій ожидать бы должно было. Граф. Екатерина Михайловна возвратилась съ дѣтьми въ Москву, и тутъ пеклась уже по возможности о усовершенствованіи ихъ воспитанія. Совѣтъ тѣмъ было оно довольно плохо. Почему гр. С. П. можетъ сказать, что онъ самъ приобрѣлъ по охотѣ своей къ познаніямъ то, чего французскіе тогдашніе учителя доставить ему не могли.

1771.

Въ семъ г. оказалась въ Москвѣ язва, и въ самое то время графъ занемогъ корью. Докторъ, который его лѣчилъ, былъ изъ числа тѣхъ, кои болѣзнь сію язвою признать не соглашались, и графъ помнитъ, что при посѣщеніяхъ своихъ они то утверждали; чѣмъ и подвергался самъ графъ довольно опасности. Наконецъ, когда получилъ онъ уже облегченіе, и въ Москвѣ болѣзнь умножаться стала: то графиня съ нимъ переѣхала въ село Аксинино, въ десяти верстахъ отъ Москвы. Тутъ узнали о возмущеніи въ Москвѣ, убіеніи архіерея и учрежденіи по Петербургской дорогѣ карантинна. Графиня рѣшилась ѣхать въ Петербургъ и прожила нѣсколько дней близь Клина, у Ивана Григор. Наумова. Потомъ, выдержавъ карантинъ въ Твери, прибыла въ Петербургъ.

1772.

Во время отсутствія кн. Орлова, Государыня избрала Васильчикову и въ тотъ самый день, въ который былъ произведенъ онъ въ камергеры, то графъ Н. П. и гр.

С. П. произведены также въ камеръ-юнкеры.

1773.

Въ семь г. Великій Князь вступилъ въ супружество съ принцессою Дармштадтскою, и гр. К. М. ⁷⁾ дана была ей въ оберъ-гофмейстерины. Графъ былъ столько счастливъ, что Имп. Екат. полюбя его, открылась тогда г-ну Гримму, что она необыкновеннаго въ немъ человѣка усматриваетъ. Придумала даже она завестъ въ Эрмитажъ забаву письменную, къ которой изъ молодыхъ людей приглашались токмо два г. Р—вы. ⁸⁾ Дворъ и городъ не оставилъ сего обстоятельства безъ замѣчанія, и графъ Шуваловъ ⁹⁾, который далѣе, можетъ быть, въ своихъ заключеніяхъ шель, нежели прочіе, писалъ графу прекрасные стихи французскіе. Поводомъ къ тому было, что въ стихахъ, которые гр. С. П. самъ сочинялъ, много было мизантропическаго. Должно къ сему прибавить, что стихи сіи, гр. С. П. писанные на фр. языкѣ, были къмъ-то переведены по-русски, подъ заглавіемъ Духовный Сумароковъ. Г-нъ Левекъ, сочинитель Рос. Исторіи, былъ тѣмъ обманутъ такъ, что стихи сіи переложилъ онъ прозою, не зная отнюдь, что графомъ они сочинены. Баромъ Гриммъ, познакомясь короче съ обоими графами и видя милостивое расположеніе Императрицы къ меньшему, принялъ на себя отвезти ихъ въ Голландію для ученія при Лейденскомъ университетѣ. Оба графа ѣздили въ Молдавію для свиданія съ родителемъ ¹⁰⁾ и возвратились въ Петербургъ.

1774.

Отъездъ барона Гримма въ чужіе края. Во время сего путешествія, сочинилъ гр. С. П. стихи французскіе, которые столько показали бар. Гримму, что онъ препроводилъ ихъ къ Вольтеру. Въ сочиненіяхъ послѣдняго можно видѣть, съ какимъ удивленіемъ онъ писалъ о томъ къ знакомымъ своимъ въ Парижъ ¹¹⁾. Проѣзжая чрезъ Лейпцигъ, узнали мы о заключеніи Кайварджискаго мира.

1775.

Они пробыли въ университетѣ до 27 сентября и поѣхали въ Парижъ, дабы съ Гриммомъ путешествовать по Италіи. Проѣзжая чрезъ Женеву, видѣли Вольтера весьма уже стараго и лежащаго въ постелѣ. Впрочемъ, имѣлъ онъ также уже подозрѣніе, что бар. Гриммъ не добродетствовалъ ему по сближенію своему съ Императрицею: слѣдственно мало ему ласки и явилъ; увидя же графа, сказалъ ему: вы, сударь, далеко пойдете.

1776.

Въ Венеціи узнали мы о смерти Великой Княгини ¹²⁾ и путешествіи Великаго Князя въ Берлинъ. Мы сами также направились на сей городъ, гдѣ мы еще Его Высочество застали и нашамъ также при немъ покойнаго

⁷⁾ Т. е. графиня Екатерина Михайловна, мать автора.

⁸⁾ Т. е. два графа Румянцова.

⁹⁾ Т. е. Графъ Андрей Петровичъ. По его примѣру гр. С. П. Румянцовъ впоследствии тоже отличался опытами во Французской словесности и писалъ такъ называемыя провербы (См. Записки гр. Комаровскаго, XVIII вѣкъ, кн. 1, стр. 333)

¹⁰⁾ Тогда шла первая Турецкая война.

¹¹⁾ Вольтеръ писалъ къ г-жѣ Епиналь 8 іюля 1774: «Не знаю гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ графами Румянцовыми: ему слѣдовало бы привести ихъ въ Женеву; тѣмъ-кон рождены для того, чтобы служить опорю власти неограниченной, не мѣшаетъ взглянуть на республику».

¹²⁾ Наталія Алексѣевна.

своего отца. Бракъ Его Высочества совершился въ семь году, и графиня К. М. принимала принцессу на границѣ.

1777.

Возвратясь въ Петербургъ, нашли они Завадовскаго, теряющаго уже фавёръ и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто, и въ самое это же время туда же прѣѣхалъ король Шведскій. При праздникѣ, ему данномъ на дачѣ Нарышкина¹⁴⁾ случилось то происшествіе, гдѣ я князю Потемкину далъ почувствовать, что я подчиниться ему не намѣренъ. О семъ доказательство находится въ двухъ письмахъ оригинальныхъ гр. К. М.¹³⁾ Князь П—нъ, сколько ни старался привести Императрицу на гибель, она по благорасположенію своему къ г. С. П. всегда смѣялась его этому сердцу.

1778.

Графиня оставила дворъ, поѣхала въ Москву, и графъ С. П. се туда превозвездаль.

1779.

Возвратился я въ Петербургъ, и въ августъ получилъ я извѣстіе, что лишился я сей дражайшей для меня матери, лишеніе, которое мнѣ и теперь еще чувствительно. При крестинахъ Великаго Князя Константина, сдѣланъ былъ я камергеромъ.

1780.

Печаль, въ которую я былъ погруженъ, подвигла меня нескать утѣшенія въ стран-

¹³⁾ Т. е. матери автора. Писемъ этихъ у насъ не имѣется.

¹⁴⁾ Извѣстная дача по Петербургской дорогѣ, Александра Александровича Нарышкина, жепатаго на тетѣ гр. Румянцовыхъ, см. выше, стр. 193.

ствіи. Поѣхалъ я чрезъ Швецію, среди зимы, съ намѣреніемъ даже объѣхать Финской заливъ. Въ Вазѣ переѣхалъ я однакожь оный по льду, и тѣмъ я до тысячи верстъ сократилъ пути самого труднаго. Описано все это съ подробностію въ письмахъ моихъ къ покойному моему брату. Изъ Стокгольма поѣхалъ я въ Копенгагенъ, гдѣ нашла Россійскую эскадру. Адмиралъ Борисовъ взялъ меня на собственный корабль и высадилъ въ Голландію, откуда я на пакетъ-ботѣ переѣхалъ въ Англію.

1781.

При представленіи моемъ къ королю Англическому, сей государь, въ простоуміи своемъ, счелъ меня за брата, г-на Рашцова, что бы еще ничего не значило, еслибы сей Рашцовъ, родъ пострѣла, не принужденъ бы былъ уйти изъ Англіи: послѣку онъ замѣченъ былъ въ числѣ той черни, которая грабила Сардинскаго посланника домъ, во время возмущенія лорда Гордона. Таковое отъ короля привѣтствіе рѣшило меня сказать нашему посланнику, что хотя я и не замѣчаю тутъ желанія меня оскорбить, однакожь послѣ этого во дворецъ не поѣду. Между тѣмъ, имѣлъ я многихъ знакомыхъ въ знатныхъ Англичанахъ, и два брата королевскіе, которые съ нимъ были въ ссорѣ по причинѣ своихъ браковъ, меня осмыслили ласканіями и всякимъ отличіемъ. Бѣдиль я съ лордомъ Гербертомъ въ Вазѣ, гдѣ цѣлительныя воды ему и мнѣ были полезны. На пути пробылъ я нѣсколько дней въ Вильтонѣ, замкѣ отца его, лорда Пемброка. Возвратившись въ Лондонъ, встрѣтилъ я, у Сардинской посланницы, лэди Голдернесъ, которая была близка къ королевѣ; она хотѣла непременно знать причину моего противъ двора поведенія. Когда я ей все сказалъ, то она извиняла короля въ неумышленности и увѣ-

рала меня, что королева крайне о томъ сожалѣть и готовится удовлетвореніе мнѣ сдѣлать пріятное. Король былъ тогда въ Виндзорѣ, и по наставленію этой леди поѣхалъ я туда гулять по террасѣ, по которой и ихъ величества вседневно прогуливались. Хотя я и весьма просто былъ одѣтъ и съ чернію сидѣлъ на лавочкѣ, королева, увидѣвъ меня, тотчасъ мужа остановила, и сказала мнѣ, что она съ большимъ сожалѣніемъ не видитъ меня у двора. Чувствуя такое ея къ себѣ милостивое расположеніе, отвѣтствовалъ я, что болѣзнь одна была тому причиною. Готовился я послѣ того, при наступленіи зимы, оказать свою благодарность ея величеству, какъ между тѣмъ, получилъ я извѣстіе, что тетка моя, графиня Брюсова ¹³⁾ прибыла въ Спа. Отправился я самъ тотчасъ туда. У сихъ водъ нашелъ я собраніе многихъ значительныхъ особъ Европы. Многія французскія дамы со мною познакомились, и тѣмъ предзуготовилъ я себѣ привѣтствіе въ самомъ Парижѣ. Ъхавъ во Францію, встрѣтилъ я г-жу А., прекрасную и имѣющую дарованіе разума и таланта. Связь моя съ нею продолжалась во все время моего во Франціи пребыванія. Пріѣдучи въ Парижъ, не судилъ я за нужное представиться королю въ Версали, почитая то за единый обрядъ, который ни къ чему иностранныхъ вестъ не могъ. Но какъ между тѣмъ извѣстенъ уже я былъ по вышеупомянутымъ письмамъ Вольтера, по знакомству мною сдѣланному съ французскими дамами въ Спа, равно какъ и по пріятелямъ бар. Гримма: то я вмѣстѣ удачно бесѣдовалъ съ отличными философами и съ красавицами. Къ нѣкоторымъ изъ сихъ послѣднихъ даже писалъ я стихи, которые въ Русскомъ производили удивле-

ніе (сморт. собр. моихъ франц. стиховъ). Нѣкоторыя изъ моихъ знакомыхъ дамъ, замѣчая, что при всей моей веселости имѣю я что-то мизантропическое, предложили мнѣ играть съ ними Мольерову піесу. Графиня Діана Полиньякова, гр. Собранъ и г-жа Дандли, дочь славнаго Гельвеціуса, играли въ піесѣ; мужчины были: князь Де Пуа, баронъ Жоку и проч. Когда піеса началась, то графъ д'Артуа въ дверяхъ явился, какъ бы простой зритель; но хозяйка, которая о семъ посѣщеніи была предзубдомлена, пригласила его въ залу. Нѣсколько времени послѣ поѣхалъ я на маскарадъ въ оперномъ домѣ. Мужчины тогда ѣзжали безъ платья и безъ масокъ, а женщины всѣ совершенно закутанными. Одна изъ нихъ подошла ко мнѣ, приглашая меня по залѣ прогуляться. Послѣ нѣкоторыхъ веселыхъ словъ спросила она меня, почему она никогда меня не видитъ въ Версалѣ? Вопросъ сей оказалъ уже мнѣ, что не говорю я съ притою женщиною, и что тутъ есть умысленность. Отвѣтствовалъ я, что, види къ себѣ такое благорасположеніе, не скрою я истинной тому причины. Въ Версалѣ, сказалъ я, находится у швейцаровъ обыкновенно двѣ росписи—большая и маленькая. Не считая понасть въ послѣднюю, не вижу для себя лестнаго быть въ первой. Дама сія разсмѣявшись сказала, что въ маленькую роспись никто не попадаетъ, не бывши въ большой хотя для формы; и что она мнѣ совѣтуетъ представиться королю по обыкновенію; а она уже беретъ на себя ввести меня во всѣ маленькія росписи. Не мудрено было мнѣ тогда же догадаться, что это была сама королева; и я съ чувствомъ живѣйшей благодарности сказалъ, что въ семъ ея наставленію подчинюсь. Когда былъ я представленъ, то, къ удивленію всѣхъ пословъ и знатныхъ присутствующихъ, королева съ отъиною веселостію

¹³⁾ Графиня Прасковья Александровна Брюсъ.

сказала мнѣ, что она слово свое сдержитъ и сама представитъ меня послѣ обѣда герцогинѣ Полиньякъ, своей любимицѣ, занимающей при дворѣ первое мѣсто. Въ слѣдствіе сего приказанія пошелъ я къ герцогинѣ, гдѣ нашелъ я и королеву съ малымъ избраннымъ обществомъ. Она смѣючись сказала герцогинѣ, что представляетъ ей знакома, сдѣланнаго ею въ маскарадѣ. Эта герцогиня отличалась не только красотою прелестною, но еще плѣняющею нравственностію. Она вставши сказала мнѣ, что весьма королевѣ обязана по этому случаю, и пригласила меня пріѣзжать и въ тѣ времена, когда королева у ней бываетъ. Потомъ открыты мнѣ были уже и прочіе случаи, гдѣ могъ я невозбранно видѣть ея величество. Все это подало поводъ одному изъ писателей жизни сей несчастной королевы поставить и меня въ числѣ приписываемыхъ ей любовниковъ; однакожъ, я здѣсь объявляю, что кромѣ весьма милостиваго съ ея стороны обхожденія, ничего не случилось.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ, г-жа Лавальеръ, красавица своего времени, а тогда уже въ старости бывшая, до того меня полюбила, что звала меня всегда своимъ фаворитомъ, и во всѣхъ случаяхъ старалась доставлять мнѣ знакомыхъ и отличіе.

1782.

Въѣзжая я вторично въ Сиа, послѣ чего возвратился опять въ Парижъ, гдѣ и приготавлился долго еще пробыть. Пріятная жизнь, которую я тамъ велъ, и отличіе, которымъ во многихъ случаяхъ я пользовался (смотри перец. бар. Гримма съ граф. Вик. П. и донесенія Маркова изъ Парижа) не позволяли мнѣ и думать о выѣздѣ.

1783.

Но братъ мой Ник. Петр., бывши тогда во

Франкфуртѣ¹⁶⁾, далъ мнѣ знать, что Государыня желаетъ меня употребить, и что сіе сообщено ему такъ, чтобъ онъ то до меня довелъ. Не могъ уже я тогда съ приличностію отговориться, но не безъ печальнаго чувства рѣшился въ Россію возвратиться. Выѣхалъ я изъ Парижа 27 апрѣля; однакожъ при свиданіи моемъ съ братомъ ничего болѣе отъ него узнать не могъ, какъ то, что расположенія Императрицы дѣйствительны. Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Княгиня Дашкова издавала тогда журналъ (Собесѣдникъ), въ которомъ вносились сочиненія Императрицы. Княгиня тотчасъ пригласила меня быть соучастникомъ, давая мнѣ знать, что будетъ то пріятно самой Государынѣ. Не бывъ расположенъ представлять просто сочинителя, рѣшился я завести посредствомъ сего журнала переписку съ самою Императрицею (сочинительницею Россійск. Исторіи и Былей и Небылицъ). Письмо мое первое, до Россійской исторіи касающееся, было, мнѣ кажется, писано не безъ удачъ; но слышалъ я, что Государыня, чувствуя искусное съ моеи стороны ласкательство, сказала, что немногіе изъ Русскихъ поймутъ оное и сочтутъ противное. Едва ли сіе заключеніе Императрицы не было справедливо. Пронія, къ которой я прибѣгнулъ, однихъ остроумныхъ удовлетворяетъ. Второе мое сочиненіе, при которомъ я приложилъ отрывокъ до Государя Петра Великаго касающійся, совсѣмъ былъ неудаченъ. Императрица была крайне недовольна и препоручила княгинѣ Дашковой сдѣлать сего моего сочиненія пересмотръ строгій и мнѣ чрезъ журналъ объявить¹⁷⁾. Впрочемъ имя своего я никогда не

¹⁶⁾ Нашимъ посланникомъ.

¹⁷⁾ См. Собесѣдникъ 1783, ч. VII, стр. 164—181. Журнальная дѣятельность гр. С. П. Румянцева

ставилъ, такъ тутъ мое лицо не терпѣло. Дядя мой, фельдмарш. кн. Голицынъ, умеръ въ концѣ сего года, и я, не отлучаясь отъ него, имѣлъ тутъ случай познакомиться съ Н. П. П.

1784.

При всѣхъ обнадеживаніяхъ, мнѣ данныхъ, не усматривалъ я никакого рѣшенія, и принужденъ былъ прибѣгнуть къ просьбѣ къ ускоренію онаго. Между тѣмъ тетка моя, супруга умершаго фельдмаршала, отказала мнѣ 30 т. Принять я ихъ не хотѣлъ и писалъ о томъ къ оберъ-камергеру князю Голицыну, который отвергъ равно мое намѣреніе.

1785.

Еслибы связь сердечная, въ которую я вошелъ, не утѣшала меня достаточно, то я бы весьма негодовалъ на брата, который хотя и невинно, но вывезъ меня изъ Парижа, гдѣ я, такъ сказать, жизнь велъ со-всѣмъ необыкновенную.

Въ семь году рѣшилась наконецъ Императрица наименовать меня посланникомъ къ курфирсту Баварскому. Хотя сей дворъ и привлекалъ тогда вниманіе Европы, признаюсь однакожь, что не счелъ я для себя его столь лестнымъ. Просилъ я Императрицу письмомъ освободить меня отъ онаго назначенія, представляя, что тѣмъ отдаляюсь я отъ отечества на долгое время, проводивъ уже и такъ нѣсколько лѣтъ внѣ онаго. Для подачи сего письма избралъ я секретаря Пастухова, какъ такого, съ которымъ Императрица ни связи со мной, ни просковъ подозрѣвать не могла. Отъ Пастухова отвѣтъ мнѣ былъ сдѣланъ, что Государыня

могла бы быть предметомъ историко-литературнаго разысканія. Въ статьяхъ его много остроумія.

приказала мнѣ объявить, что подданныхъ своихъ употребляетъ она какъ ей угодно и какъ польза Имперіи того требуетъ. Когда желалъ я отъ него слышать, что произошло при подачѣ самаго письма, то онъ вѣрилъ мнѣ, что Императрица очень разгнѣвалась, письмо мое разодрала и сей отвѣтъ приказала мнѣ сдѣлать; а когда уже онъ изъ комнатъ ея вышелъ, то камердинеръ его воротилъ, и Государыня ему сказала, чтобъ онъ въ письмѣ своемъ никакого такого выраженія не внёсъ, которое бы меня опечалило. Могъ бы я еще про-длить нѣсколько сіе свое непріятное положеніе, высматривая случая; однакожь, рѣшился я тотчасъ повиноваться, увѣренъ будучи, что при благовоительныхъ расположеніяхъ Императрицы ничто такъ въ пользу мою не подѣйствуетъ. Просилъ я вице-канцлера представить меня, какъ назначеннаго посланника, для принесенія Государынѣ благодарности; и когда цѣловалъ я руку Императрицы, то она съ улыбкою весьма милостивою и свое удовольствіе изъявила. Графъ Безбородко, зная все, что происходило, сказалъ мнѣ, что причины печалиться я имѣть не долженъ, давая мнѣ знать, что между тѣмъ, какъ я съѣзжу проститься съ отцомъ своимъ, можетъ послѣдовать и перемена. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь уже въ Петербургъ, получилъ я въ Москвѣ эстафету, извѣщающую меня о назначеніи новомъ—въ Берлинъ. Возвратился я въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

1786.

Мартинисты начали привлекать вниманіе правительства. Императрица сама сочиняла комедіи, дабы ихъ предать поруганію. Съ своей стороны писалъ я къ сочинителю одной изъ сихъ комедій, и Государыня нашла письмо мое заслуживающимъ быть по ей

приказанію внесеннымъ въ журналъ (Расту- вадовскому ¹⁸). 19 мая поѣхалъ я въ Бер- щій Виноградъ), что приказала графу За- лшъ.

Посольство гр. С. П. Румянцева не было удачно. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, по живости ума своего, онъ вздумалъ написать къ тогдашнему любимцу Ермолову письмо, въ которомъ разсуждалъ о своемъ назначеніи. Государыня приказала гр. Безбородкѣ выговорить ему, что съ подобными представленіями онъ могъ бы скорѣе обращаться въ иностранную коллегію и что ему вѣхать въ Берлинъ (Письмо 11 мая 1786). Въ Пруссіи гр. Румянцовъ еще засталъ въ живыхъ Фридриха Великаго. Съ кончиною его (17 авг. 1786) наши отношенія къ Пруссіи замѣнились, такъ что въ 1788 г. едва не дошло до явной войны. Государыня была недовольна образомъ дѣйствій графа Сергія Петровича и въ Августѣ этого года замѣнила его графомъ Нессельродомъ. «Румянцовъ скученъ. Велѣно скорѣе изготвить отравленіе Нессельроду», записалъ Храновицкій подъ 3 числомъ Августа 1788 г.

Возвратившись въ Петербургъ, гр. Румянцовъ снова предался удовольствіямъ досужей жизни, сочинялъ проverbs, игралъ на домашнихъ театрахъ, плѣнилъ общество своимъ остроуміемъ. Сильною поддержкою были ему заслуги отца и дружба Государыни съ его теткою А. Н. Нарышкиной. Подписалъ письма его къ отцу изъ Петербурга въ Малороссію, относящіяся къ этому времени.

ПИСЬМА

КЪ ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕНСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ ОТЪ СЫНА ЕГО ГРАФА СЕРГІЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦОВА.

I.

Милостивый государь батюшка!

Неожиданное пришло вдругъ сюда увѣдомленіе о прибытіи и весьма скоромъ гр. Даргоа. Государыня, желая оказать ему уваженіе должное, приказала принять его сообразно съ наблюденнымъ въ разсужденіи принца Генриха. Меня назначить изволила къ принятію его на дорогѣ, гдѣ встрѣтить могу. Буду я съ провожаніемъ дворцовыхъ экипажей и всего обыкновеннаго служенія, и пребыть имѣю при его особѣ во все время пребыванія въ томъ же самомъ званіи, въ каковомъ былъ покойный г. Бибиковъ. Для отправленія же при немъ дежурства, назначенъ камергеръ Кольчевъ и камеръ-юнкеры г. Шуваловъ и кн. Щербатовъ. Вся коммиссія сія не можетъ быть долговременна. Намѣреніе его королевскаго высочества, по донесеніямъ кн. Реннина, объяснившагося съ присланнымъ отъ него, есть пребыть не болѣе какъ дней десять. Государыня изволила сказать мнѣ, что признаетъ его она съ таковымъ отличіемъ точ-

но только для того, что состояніе несчастное взыскиваетъ самое нужное съ достоинствомъ обхожденіе.

Завтрашняго числа отправляюсь я равно; но до Риги нужды вѣхать имѣть конечно не буду. Случай сей неожиданный озабочилъ крутымъ образомъ. Впрочемъ, исполняя къ благоугожденію Самодержицы такое повелѣніе, надѣюсь, что съ окончаніемъ сего восприму должную важнѣе сего, и мнѣ какъ бы уже принадлежащую. Впрочемъ имѣвъ теперь доступъ безпосредственный до Ея Величества, испытываю благоволеніе высочайшее, приобрѣтеніе котораго было предметъ всѣхъ моихъ подвиговъ.

Пребываю съ глубочайшимъ нечтеніемъ и истинною сыновнею любовію, милостивый государь батюшка, вамъ покорнѣйшій и послушнѣйшій сынъ Сергій Г. Румянцовъ.

Гр. Св. Петра 28 февр. 1792.

¹⁸ Растущій Виноградъ 1786 г., мѣсяць июль. Статья гр. Румянцева озаглавлена такъ: «Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ исклѣяющихъ отъ оной», подъ псевдонимомъ Правдубаевъ.

II.

Увѣдомаясь отъ г. Бока, что онъ имѣеть случай доставить до васъ сіе письмо, пользуюсь онымъ для сообщенія вамъ, милостивый государь батюшка, нѣкоторыхъ обстоятельствъ касательно неожиданнаго и всѣхъ удивившаго Прусскихъ войскъ отступленія. Причины настоящія, какъ оказывается то изъ многого, суть конечно недостаточность должныхъ мѣръ и неизвѣстность странная истиннаго положенія въ томъ краю дѣла; тогда искусство и сила лишь бремя тяжкое, въ разсужденіи отчета, котораго по нимъ любопытствующимъ дать остается.

Дошло уже конечно до васъ, какимъ образомъ всѣмъ этимъ воспользовались Французы. Гарнизоны Эльзаскихъ крѣпостей отрядили войско, которое, начавъ въ Сиррѣ истребленіемъ главнаго Австрійскаго магазина, шло въ передъ, опустошая все до самаго Дармигата. Многіе владѣтели въ семъ краю покинули свои пребыванія, между которыми курфиреть Майнцкой. Въ самомъ Франкфуртѣ было не безъ страха, и брать шипеть ко мнѣ, что болѣе двухъ сутокъ онъ, выдержавъ все дѣйствіе разсѣявшагося трепета, видѣлся наконецъ дѣйствительно принужденнымъ скорѣе пробираться къ соединеннымъ войскамъ; гдѣ же точно сіи теперь и какое ихъ есть настоящее положеніе, о томъ никакихъ истинныхъ вѣтъ извѣстій. Говорятъ о недостаткѣ провіанта, распространеніи болѣзней, о великомъ несогласіи между союзниками и между начальствомъ. Но въ долгихъ сихъ объявленіяхъ видна только самая постыдная неудача.

Осмѣливаюсь почитать, милостивый государь батюшка, что все до моего счастья касающееся не можетъ не быть вамъ при-

ятно; за удовольствія крайнее ставлю देनेсть вамъ, что съ нѣкотораго времени Ея Величество благоволенія своего подаетъ мнѣ частные лестные знаки. При всякомъ случаѣ удостоивая меня разговоромъ милостивымъ, является къ увотребленію меня въ службѣ благорасположенною. Когда наполнился Сенатъ, то приказала она меня спросить, не имѣю ли я какого къ тому желанія; отвѣтствовалъ я, милостивый государь батюшка, что желанія всѣ въ повиновеніи, но что родъ службы мнѣ совсѣмъ не извѣстный и отъ настоящихъ моихъ расположеній мени отклоняющій. Такое огражденіе не только ей было не противно, но и по многому, послѣ происшедшему, имѣю я надежду, что, отказавъ важное присутствіе въ Сенатѣ, не останусь я безъ мѣста.

Имѣю честь приносить къ столамъ вашимъ увѣреніе того глубочайшаго почтенія и истинной сыновней любви, съ которыми до конца пребуду, и проч.

Градъ Св. Петра.
Октября 17-го, 1792.

III.

Сіе есть второе мое письмо безъ номера. Первое отпралено съ Иракліемъ Ивановичемъ Марковымъ, но я боюсь, чтобъ онъ нѣсколько не помедлилъ въ Москвѣ. Сіе же, милостивый государь батюшка, дойдетъ до васъ изъ Кіева, гдѣ мнѣ обѣщали оставить его въ вѣрныхъ рукахъ отъѣзжающій сего дня бригадиръ Ланской.

Генераль Боке вручилъ мнѣ ваше письмо безъ числа, которое причиною было мнѣ двухъ и сердцу моему чувствительныхъ огорченій: во-первыхъ, м-вній государь б-ка-усматриваю я изъ онаго, что состояніе здоровья вашего претеривааетъ отъ несчастливой и безпорядочной погоды; отъ дѣйствія ея здѣсь здоровые и молодые люди претер-

пѣвали же безпрестанно, что и доселѣ продолжается. Ни воздухъ, которымъ дышимъ, ни земля, по которой ходимъ, не въ своемъ естественномъ состояніи. По городу ни ѣздить, ни ходить почти не можно; шубы неспосны, а безъ нихъ простуда неминуема.

Второе мнѣ отъ вашего, м. г. б., письма причинившееся огорченіе есть сомнѣніе ваше касательно соблюденія съ моей стороны должнаго и глубочайшаго въ разсужденіи васъ почтенія. Нѣкоторыя изъ моихъ выраженій принять изволили вы за совѣты и прамѣчаете справедливо ихъ непристойность. Но, милост. г-рь б-ка, тому ли нужны совѣты, дѣла котораго суть изображеніе самой прозорливости и слѣдствія превышающаго духа? А касаясь по общему мнѣнію въ нѣкоторамъ сходствѣ съ вами лица, желалъ бы я, чтобъ сходство въ прочемъ было столько же чувствительно; но мнѣ совѣты нужны, а ваши особенно составляли бы притомъ еще и счастье моей жизни, ибо служили бы они мнѣ доказательствомъ того милостиваго и нѣжнаго участія, которымъ вы меня удостоиваете. Подайте мнѣ доказательства таковыхъ расположеній чувствомъ удовольственнымъ о счастливомъ превращеніи моего состоянія; оно столь удивительно своимъ удачнымъ обстоятельствомъ, какъ бы нарочно для меня устроенное. Войду я въ нѣкоторое всего этого пространное объясненіе.

Во время пребыванія Ея Величества въ Царскомъ Селѣ, угруждалъ я еще ее просьбою о употребленіи къ дѣламъ. Письмо мое было подано графомъ Зубовымъ, который тогда же сдѣлалъ мнѣ отличное письменнаго и благосклоннаго отвѣта. Но какъ худое состояніе здоровья моего не позволило мнѣ лично употребить исканія и что я ни одного раза въ Царскомъ Селѣ не былъ, то я и считалъ, что просьба моя погребена съ

многочисленными утрудившихъ равно со мною Ея Величество. По возвращеніи однакожь Государыни въ городъ, веѣмъ уже явно стало, что расположенія монаршіи были ко мнѣ самыя милостивѣйшія. Ея Величество не только меня завсегда удостоивать изволить разговоромъ, но и еще во многихъ случаяхъ лестными выраженіями. Отказъ мѣста сенаторскаго никакой въ томъ не причинилъ перемены; но напротивъ того Государыня, великодушно внявъ причинамъ, изволила векорѣ потомъ мнѣ сказать при многихъ людяхъ въ образѣ шутки, что на меня угождать трудно.

Таково съ мною Ея Величества обхожденіе было ободрительно и заставило уже забывать прошедшія въ разсужденіи меня строгости. Но какое того могло бы быть слѣдствіе, изощрило мое и многихъ любопытство безъ всякаго уеѣха: происшедшее въ Стокгольмѣ доказало, что намѣреніе Государыни было дѣйствительно награждать отличіемъ претерпѣнія. Гр. Стакельбергъ отчасти по нуждѣ обстоятельствъ, а отчасти и по своему поведенію, навлекъ на себя дѣйствительную жалобу; произведена она письмомъ самаго Регента къ Ея Величеству, присланнымъ сюда съ братомъ Шведскаго посла, нарочно затѣмъ прѣхавшимъ. При прочтеніи онаго, Государыня изволила рѣшительно на отзывѣ гр. Стакельберга согласиться и меня министерству своему пресмыкнуемъ его объявить, въ томъ же самомъ качествѣ посла. Желанія Ея Величества суть только, чтобъ гр. Стакельберга отзывѣ былъ учрежденъ подъ образомъ его собственнаго прошенія, что и остановило публичное мое нарѣчаніе. Между тѣмъ Государыня изволила мнѣ самому при веѣхъ сказать, чтобъ я старался брать видъ самый важный, что онъ мнѣ дѣлается необходимымъ и что она то мнѣ сама пове-

дѣвать изволитъ. Графъ Безбородко, графъ Зубовъ и всѣ въ дѣлахъ имѣющіе участие меня согласно посломъ величаютъ; но еслибы о томъ уже былъ указъ, то бы еще было вѣрибѣ; хотя дѣло, кажется, сомнѣнію мало подвержено. Извините, м. г. б., если я васъ подробностями сими отягчить осмѣливаюсь. Види еще изъ послѣдняго письма вашего, что почитаете вы меня какъ бы къ службѣ настоящей неупотребляемымъ, чувствовалъ я нѣкоторое утѣшеніе въ представленіи вамъ, что праздность моя была не столь осудительна, какъ съ перваго можетъ она казаться взгляда. Лучше ожидать отличнаго, нежели хвататься за перво-представляющееся. Впрочемъ не терю никогда и то изъ вида, что принадлежать вамъ есть счастье многое противъ другихъ преимущество дающее. Право мое съ сей стороны ни въ чьихъ мысляхъ несомнительно; но что бы оно было, еслибы тутъ же не считали, что вы еще мнѣ отецъ милостивый и любовію своею удостоивающій: тутъ вся моя важность, превышающая отъ чиновъ или достоинствъ происходящую.

Не извѣстно мнѣ еще, милостивый государь батюшка, когда точно воснослѣдовать можетъ настоящее мое нареченіе. Позвольте мнѣ спросить у васъ, между тѣмъ, не противно ли вамъ будетъ, если я, сколь скоро могу, воспользуюсь счастьемъ пасть къ ногамъ вашимъ.

Будьте увѣрены, что заслуживать милости ваши есть не только естественный предметъ всѣхъ моихъ подвиговъ, но еще и чувствительнѣйшій долгъ моего сердца. Въ утѣшеніи мною у васъ испрашиваемомъ надѣюсь, милост. государь батюшка, что не только мнѣ не откажете, но что къ позволенію прибавитъ благоволите и милостивѣйшія къ тому ободренія. Повелѣній вашихъ ожидать буду съ горячимъ самымъ

нетерпѣніемъ, возлагая надежду, что присутствіе при васъ, сколь краткое бы оно ни было, но подастъ мнѣ случай удостовѣрить васъ, что я выше всего ставлю вашу милость; увѣреніе же съ вашей стороны о сущестственности ко мнѣ оной есть счастье и спокойствіе моей жизни.

Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ истинною сыновнею любовію, и проч.

Гр. Св. Петра.
21 февр. 1793.

IV.

Сегодняшняго числа принцесса Баденская воспришила греческій законъ и наречена Елисаветою Алексѣевною. Завтра обручаніе Ея Свѣтлости съ Его Императорскимъ Высочествомъ Александромъ Павловичемъ. Бракъ же, сказываютъ, не далѣе отложится имѣеть, какъ до сентября мѣсяца.

Отправленіе сихъ дѣйствій воспричинствовало преселеніе Ея Величества изъ Таврическаго дворца въ Зимній; а послѣ завтра сказываютъ, Государыня изволитъ отѣхать на обыкновенное въ Царское Село дѣтнее пребываніе. Нынѣшній годъ не будетъ оно по упомянутымъ причинамъ долговременно, а и впродъ таковымъ же, кажется, останется въ разсужденіи удовольствія и выгоды для Ея Величества пребывать во дворцѣ Таврическомъ. Государыня мнѣ самому изволила сказывать неоднократно, что съ приближеніемъ долгихъ вечеровъ Царское Село становится ей довольно скучнымъ.

Графъ Стакельбергъ, по письмамъ его, долженъ быть уже въ дорогѣ. Пріятнѣе бы было для меня еще, еслибы уже онъ былъ и здѣсь. Нареченіе мое отъ обстоятельствъ сего зависитъ единственно. Ея Величество, разговаривая со мною, называетъ меня m-r l'ambassadeur, и оказывая иногда отличія, которыя предстоящимъ могутъ по-

казаться необыкновенными, изводить часто прибавлять *c'est que je le traite en ambassadeur*. Во все здѣсь пребываніе г. Артуазскаго и доселѣ Государыня изволить позволять мнѣ доступъ безпосредственный и къ счастью неизреченному испытываю я, милостивый государь батюшка, что благоволеніемъ (кое дѣлаетъ мнѣ много завистниковъ) удостоенъ я безъ всякаго съ чьей-либо стороны предстательства. Донося вамъ о томъ, не заражаюсь единымъ честолюбіемъ, по виду болѣе дѣлаться милостями столь отличными достоинствѣ вашихъ. Безъ ихъ, важнѣйшихъ преимуществъ утратится для меня цѣна.

Какъ скоро гр. Стакельбергъ пріѣдетъ, то и можно будетъ мнѣ узнать настоящее своего отпращиванія время, а по оному и то, въ которое позволено будетъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ лично чувства того глубочайшаго почтенія и той истинной и горячей сыновней любви, съ коими пребываю до конца. и проч.

Гр. С. Петра.
9 мая, 1793.

V.

На сихъ дняхъ получилъ я повелѣніе явиться въ Царское Село, гдѣ мнѣ гр. Зубовъ отдалъ пакетъ, содержащій знаки Бѣлаго Орла, прибавя, что Государыня позволяеть мнѣ ихъ на себя возложить. Я тотъ же самый часъ пошелъ прямо къ Ея Величеству въ кабинетъ, такъ какъ я имѣлъ на то позволеніе, и павъ къ ногамъ ея, довелъ, что милость ея мнѣ чувствительна паче тѣмъ обстоятельствомъ, что она мнѣ сдѣлана въ родѣ *surprise*. Кромѣ Государыни и вѣдавшихъ о письмѣ ея къ послу вашему Сиверсу, ни одинъ человекъ о томъ не имѣлъ подозрѣнія. Впрочемъ гр. Зубову сказалъ я, милостивый государь

батюшка, что украшенія не входятъ по образу мыслей моихъ въ предметъ моего честолюбія, и что еслибы я не боялся явиться неблагодарнымъ, то бы принялъ смѣлость отъ вручаемаго мнѣ отъ него отказаться. Онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что дастъ мнѣ орденъ сей Государыни и имѣеть въ томъ видѣ, относящіяся къ моему въ Швеціи употребленію. Если назначеніе мое не объявлено, то происходитъ оно отъ нѣкоторыхъ затрудненій, какъ слышу, но дѣламъ въ разсужденіи Французовъ; а тутъ же и графъ Стакельбергъ, употребляя разныя исканія, затрудняетъ оное. Но какъ оно ни есть, милости Ея Величества ко мнѣ не позволяютъ мнѣ опасаться никакой перемѣны въ худшее.

Приношу къ столамъ вашимъ увѣренія глубочайшаго почтенія и истинной сыновней любви, съ коими пребываю по конецъ и проч.

Гр. С. Петра.
9 Юня, 1793.

VI.

Болѣе уже двухъ мѣсяцевъ, какъ я не имѣю отъ васъ, милостивый государь батюшка, писемъ. Безпокойство мое по сему обстоятельству есть двоякое: сумнѣніе о состояніи вашего здоровья и опасеніе претерпѣвать въ оказаніи вашихъ къ себѣ милостей: и то и другое весьма чувствительное.

Изъ приложенной здѣсь копіи письма ко мнѣ гр. Безбородки, изволите усмотрѣть, милостивый государь батюшка, какія намѣренія были Ея Величества; но какъ тутъ же худое состояніе моего здоровья столь милостиво Государынею было принято въ разсужденіе, то и доставлена была мнѣ тѣмъ свобода, принеся глубочайшую свою за таковое о мнѣ напоминаніе благодар-

ность, отъ онаго порученія невозможною отказаться. Велѣдствіе сего камеръ-геръ Дивовъ былъ назначенъ и въ соотвѣтствіи чинѹ приеланнаго будетъ, какъ сказываютъ, пропзведенъ въ тайные совѣтники.

Медвѣдевъ просилъ меня на сихъ дняхъ о письмѣ къ здѣшнему вице-губернатору, къ которому по дѣламъ вашимъ доущеніе было ему нужно. Письмо сіе имѣло скорое и полезное дѣйствіе. Медвѣдевъ самъ будетъ вамъ о томъ, милостивый государь батюшка, доносить. Знаю я только отъ него вообще, что пустошь, по экономіи его нужная, отдана была ему изъ казенной палаты за весьма умѣренную цѣну. Выгоды по сказанію его велики; но тутъ же думаю нужно будетъ предписать крестьянамъ и Медвѣдеву самому—соблюдать осторожность въ разсужденіи злоупотребленія. Но изъ донесенія его вы, милостивый государь батюшка, лучше то усмотрѣть изволите.

Большое удовольствіе производятъ здѣсь извѣстія, изъ арміи приходящія. Движенія сіи, хотя войною звать запрещено, но успѣхи именуется побѣдами; и какъ въ оныхъ соучаствуютъ люди къ сильнымъ принадлежаніе, то и заслуги прославляются. Впрочемъ ліется, кажется, тутъ кровь со стороны Поляковъ безумно: силы ихъ нашихъ конечно не превосходятъ; искусство доселѣ не извѣстно, а подрывленія отъ другихъ державъ рѣшительно безнадежны. Остается власть Божія, на которую упованія съ обѣихъ сторонъ еще можетъ-быть равныя, если съ нашей и не превосходише.

Гр. С. Петра.
17 Юня 1793.

Конія съ письма г. Безбородки.

По случаю надобности отправленія въ Стокгольмъ съ поздравленіемъ новаго короля Шведскаго съ вступленіемъ его на престолъ, въ соотвѣтствіе присылки отъ него генераль-

поручка барона Клингспора, Ея Императорское Величество желала бы назначить ваше сятельство; но какъ извѣстно ей, что вы были нездоровы, то и указала мнѣ предварительно о томъ съ вами, милостивый государь мой, изъясниться. Пропну поспѣшить отвѣдью вашу, въ состояніи ли вы предпринять сіе путешествіе ко благоугодности Ея Величества. Впрочемъ Государыня шитаетъ, что ежели вамъ дней десять или недѣли двѣ надобно на то, чтобъ оправиться, она дозволяетъ вамъ непрежде какъ по прошествіи сего времени въ путь пуститься.

Юни.

VII.

Чрезъ нарочнаго, отправляющагося отъ г. Бока, имѣю честь увѣдомлять васъ, милостивый государь батюшка, что 20 числа, то-есть въ прошедшій понедѣльникъ, Государыня изволила меня наименовать чрезъвычайнымъ посломъ при Ея Шведскомъ величествѣ, оставя въ награжденіе отозванному оттолѣ гр. Стагелъбергу продолженіе данной ему аренды и три тысячи жалованья до опредѣленія къ мѣсту. Предѣстникъ мой имѣлъ, какъ я слышу, надежду отдалить еще нѣсколько мое назначеніе, уповая на покровительство гр. Зубова и г. Моркова, къ нему весьма благосклонныхъ. Но прошедшее воскресенье Государыня сама изволила лично меня обнадежить, что тому быть необходимо должно, что она однажды уже сказала, прибави милостиво, что она меня приучаетъ къ терпѣнію, такъ какъ къ качеству въ политикѣ нужному. Въ тотъ же самый день однакожъ указъ шитать приказала, а назавтра имѣлъ я счастье ее благодарить. Донеся вамъ, милостивый государь батюшка, о сихъ подробностяхъ, уповаю, что послужатъ онѣ къ совершенному вамъ удовольствію; тогда прямо въ

благополучіи моемъ недостатка не будетъ. Въ семь дѣлъ, которое и по себѣ есть для меня важности особенной, такую чувствовалъ я милость монаршую, что остатокъ дней моихъ посвятиться долженъ на оказаніе могущей соотвѣтствовать тому благодарности.

Хотя я прямо еще не просился, но Ея Величество знаетъ, что намѣреніе мое есть ѣхать немедленно къ вамъ. Итакъ, въ началѣ будущаго мѣсяца, считая отпавиться, имѣя на то уже отъ васъ, милостивый государь батюшка, дозволеніе, и уповаю, что сіе присутствіе мое при васъ послужитъ вамъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ всѣхъ тѣхъ чувствъ моего къ вамъ глубочайшаго почтенія и той горячей любви, которыхъ бы желалъ я подать вамъ ежедневныя доказательства; жалѣть долженъ и только, что пребываніе мое не можетъ быть долговременно.

Вѣнскій дворъ сдѣлалъ нѣкоторыя въ разсужденіи пріобрѣтенія въ Польшѣ покушенія. Хочетъ онъ предварительно завладѣть Краковомъ. Съ симъ пріѣхалъ куріеръ отъ гр. Разумовскаго, который, угождая двору Вѣнскому, послалъ къ Сиверсу куріера, чтобъ наши въ Польшѣ распоряженія на нѣкоторое время остановить. Намѣреніямъ императорскимъ съ нашей стороны положатся преграды, а гр. Разумовскаго къ Сиверсу предложеніе сочтено самою несправедливѣйшею непристойностію.

Гр. С. Петра. 23 юля, 1793.

VIII.

Гр. Заводовскій вручилъ мнѣ принадлежащія за двѣ прошедшія трети деньги. Въ проложеніи и сего обыкновеннаго отъ васъ благожеланія находилъ бы я, милостивый государь батюшка, достаточное утѣшеніе, еслибы оно сопряжено было съ тою милостію, которая всякой вещи даетъ въ глазахъ моихъ высшую цѣну; но при вашихъ ко мнѣ расположеніяхъ
РУССКІЙ АРХИВЪ 1869.

пища сама преобращается, такъ сказать, въ отраву. Свидѣтельствуюсь всѣмъ меня истинно знающими. Съ самаго того времени какъ, при невѣднѣи причины, терплю я смертельное огорченіе, утрачивается здоровье мое до опасенія преждевременно. Дай Боже, милостивый государь батюшка, чтобъ то, что удѣлится можетъ отъ моихъ дней, прибавлено бы было къ вашимъ для счастья остающихся у васъ еще дѣтей. Но еслибы въ продолженіи моей жизни подвигло хотя бы васъ сожалѣніе ко участию: то прошу васъ со слезами возвратитъ милость. Въ ней жизнь моя, какъ въ томъ что доношу истина.

Болѣе шести мѣсяцевъ, какъ я уже не выѣзжаю. Государыня, оставляя мнѣ мое мѣсто, уступаетъ всеконечно великодушію. Стояніе мое таковое, что не токмо къ службѣ, но едва къ общежитію дѣлаюсь я способнымъ.

Гр. С. Петра. 26 сентобра, 1793.

Р. С. Не знаю, братъ Николай Петровичъ доносилъ ли вамъ, что по причинѣ смерти Александра Александровича (*) просился онъ въ отпускъ; на что Государыня и дала ему позволеніе. Не замедлитъ онъ я думаю, милостивый государь батюшка, и пріѣхать.

Сие послѣднее письмо отпавлено было во время слуха о вступленіи въ бракъ графа Петра Александровича. *Примѣчаніе* въ современномъ спискѣ.

ПИСЬМА КЪ ГРАФУ С. И. РУМЯНЦОВУ ВЪ ШВЕЦІЮ ОТЪ А. И. МОРКОВА (**).

I.

S-t Pétersbourg, le 17 avril 1794.

J'ai été très sensible, mon cher parent, à la confiance que vous avez bien voulu me témoigner dans votre lettre du 2 avril. Je sais trop bien apprécier un sentiment aussi

(*) Царышкѣина.

(**) Аркадій Павловъ Морковъ (позднѣе графъ) служилъ тогда членомъ иностранной коллегіи.

flatteur de la part d'un homme que j'estime et que j'aime autant que vous, pour ne pas chercher à le cultiver par tous les moyens qui seront en mon pouvoir et surtout en y répondant par la plus parfaite réciprocité. J'accepte avec plaisir la proposition, que vous me faites, de bannir entre nous tout protocole, qui ne servirait qu'à gêner notre correspondance. Je suis, cependant, bien éloigné de prendre à la lettre ce que vous me faites l'honneur de me dire *du langage d'un supérieur qui prend le ton diplomatique*. Ce langage ne peut guères avoir place chez moi, car indépendamment de ce que je ne suis pas l'organe constitué des volontés de l'Impératrice, mes deux anciens, qui ont le droit de signer les dépêches n'en expédient aucune comme vous le savez qu'après s'être muni d'une approbation expresse. Aussi Vous prie-je de regarder tout ce que je vous dirai ici comme ailleurs comme de simples avis qui ne vous engagent ni ne vous autorisent à rien, mais qui doivent vous prouver le zèle et la bonne volonté qui m'animent de bonne foi au succès de votre carrière. Après ce petit préambule je vais d'abord entrer en matière.

Je lis toutes vos dépêches et d'après elles je sais à peu près tout ce qui se passe chez vous. Les principaux incidens de votre drame sont les négociations entre votre cour et celle de Stockholm, par rapport à la neutralité, le procès d'Armfelt et le projet du mariage du jeune Roi avec une de nos gr. duchesses.

Sur le premier point vos instructions sont claires et amples. Les principes de notre Cour y sont fixés d'une manière stable et irrévocable. Vous n'avez qu'à les appliquer au langage que vous serez dans le cas de tenir. Vous verrez par la dépêche que le vice-chancelier vous adresse ce qu'il a dit ici à m-r de Steding, et ce que vous avez à dire là-bas. Il ne vous reste qu'à suivre et fai-

re connaître ici l'effet de vos représentations à cet égard. Il n'y a point d'accommodement sur cette matière. On aura beau réclamer l'indépendance des états, les droits des traités. L'une n'est illimitée, qu'autant qu'elle ne s'exerce que dans l'intérieur; du moment qu'elle s'élançe au dehors, elle est assujettie à la convenance générale. L'intérêt de toute l'Europe ne doit pas être sacrifié à celui des deux petites puissances, qui se sont mises en tête de profiter des calamités publiques. Les autres, c'est à dire les droits des traités ne peuvent être appliqués au cas présent. On ne peut point être neutre dans une cause comme celle dont il s'agit. Tout au plus est-il permis de rester passif ou inactif, et cela encore par le défaut absolu de moyens d'être autrement. M-r de Steding pour nous attendre et nous faire goûter le petit plan de sa Cour, de s'enrichir par un commerce libre avec les brigands, nous disait: que c'était le seul moyen pour elle d'améliorer l'état de son pays, tandis que les autres puissances aient celui des conquêtes et des vastes acquisitions. Tout cela serait admirable, s'il n'était pas de la décisive conséquence à ne pas laisser prolonger une lutte aussi dangereuse. Si on ne se rend pas chez vous à des raisons aussi concluantes, on se rendra responsable de toutes les suites qui en resulteront.

Le procès d'Armfelt tournera tôt ou tard à la confusion de ceux, qui l'ont intenté, malgré l'astuce et l'animosité qu'ils mettent dans son instruction. Il est vrai que ce testament du feu roi, qui seul constitue l'autorité du régent, n'a pas été respecté dans plusieurs de ses dispositions les plus essentielles. L'infraction de ce testament, dont la destitution du gouverneur du jeune roi fournit une preuve toute récente, servira toujours de motif à des troubles. Vous pour-

riez sans choquer le régent, lui faire pressentir ce à quoi il s'expose, en continuant d'écouter les mauvais conseils qu'on lui donne. C'est à vous à voir ce que vous pouvez faire pour empêcher sur le jeune roi l'effet des mauvaises impressions, que son tuteur cherche à lui faire prendre.

Quant au mariage, en voici l'historique depuis le commencement jusqu'à ce moment-ci. Il en est question dès la mission de general Klingspore, envoyé ici pour notifier l'avèremet au trone du jeune roi. Il en a jeté quelques mots en avant. Le comte de Stackelberg a eu ordre de suivre cette idée; il a cherché à en faire naître l'envie au jeune roi lui-même par ses entours. Le comte de Stackelberg a dit y avoir pleinement réussi. Le régent dans ses lettres à l'Impératrice en a parlé à mots couverts; mais depuis l'arrivée du comte de Stenbock la chose a été tournée en negociation formelle. Le regent écrivait en termes clairs. Vous verrez par les annexes de l'expédition officielle, qu'on vous fait aujourd'hui, de quelle manière l'Impératrice y répondit. Il y eut sur cela une nouvelle lettre de la part du régent, dans laquelle il disait, qu'il voudrait que ce projet de mariage devint au plutôt public, afin d'imposer silence à ceux qui prenaient à tâche de répandre que les deux états allaient se désunir tout à fait. L'Impératrice entrant dans cette idée allait proposer de son côté une entrevue entre le roi et la jeune princesse ici à S-t Pétersbourg pour l'été prochain à l'occasion d'un voyage que le roi ferait en Finlande. La lettre, qui contenait cette proposition, était non seulement dressée et signée, mais elle allait partir le lendemain du jour qu'on a reçu ici la communication de la belle convention conclue à Copenhague. L'Impératrice ordonna de supprimer sa lettre et eu reçut bientôt une de la part du

régent sur l'affaire d'Armfelt, qui donne lieu principalement à l'envoi de ce courrier-ci. Cette circonstance, si vous la portez adroitement à la connaissance du régent, pourra produire deux bons effets: premièrement elle rectifiera l'opinion du duc sur l'importance que l'Impératrice attache à ce mariage et en second lieu elle le retiendra sur les inconséquences ultérieurs auxquelles il croirait pouvoir se livrer impunément, en se flattant d'enchaîner toujours le ressentiment de l'Impératrice par l'appât de cette union. En effet elle n'y voit rien de si attrayant pour sa petite fille, qu'elle dut y sacrifier d'autres considerations comme celles que présente l'enchaînement des affaires étrangères, qui occupent presentement le tapis. Au reste tout ce que vous connaissez à l'Impératrice de dispositions à l'égard du roi, du régent, ainsi que du royaume de Suède ne peut, en devenant public, que lui concilier la confiance de la nation Suédoise et mettre tout à fait dans le tort l'administration actuelle, en cas qu'il survienne des différends trop éclatants entre les deux états. Vous pouvez donc, ce me semble, vous prévaloir de toutes les occasions, qui se présenteront naturellement pour éclairer les esprits sur tous les prestiges dont le duc et ses adhérens pourraient chercher à les éblouir.

Pour en venir à ce qui vous regarde personnellement, mon cher parent, je vous dirai, en homme vrai que je ne sais absolument rien des dispositions du comte de Zouboff à votre égard. Tout ce que je puis vous assurer c'est que je ne l'ai jamais entendu s'expliquer sur votre compte d'une manière défavorable. Je ne savais nullement les démarches auxquelles vous avez taché de l'engager en votre faveur; mais quoiqu'il ne se fut pas prêté, je vous conseillerai, si vous me le permettez, d'entrer en correspondance

avec lui et de ne pas vous y décourager. Il est froid, inattentif parfois, mais il n'est jamais malveillant. Il y avait auprès de lui une créature, qui vous avait peut-être desservi, mais elle n'y reste plus et je suis persuadé, que toute nouvelle démarche que vous feriez auprès de lui, ne pourrait que vous faire du bien. La place de Varsovie, dont non seulement on n'a pas disposé, mais qu'on est même embarrassé de remplir, serait assurément celle, à la quelle vous devriez songer de préférence, lorsque celle où vous êtes viendrait à vous manquer par quelque événement assez vraisemblable dans les circonstances présentes. Tout ce que je puis faire de mon côté, pour vous l'assurer, autant que cela peut dépendre de moi, vous est voué de la meilleure foi du monde. Le sort de M-r Litvinoff est décidé: il ne tient plus qu'aux simples formalités. Quelque chose qui arrive, cette carrière, vu son peu de fortune, lui convient mieux, que celle où il est. En général, Monsieur le Comte, je vous prie une fois pour toutes d'être bien persuadé que je tiendrai à très grande satisfaction pour moi, de pouvoir vous prouver par les services les plus réels, toute l'étendue de mon estime pour vous et de mon désir, de mériter votre amitié par un attachement des plus sincères et des plus cordiales.

Могош.

Переводъ.

Петербургъ 17 апр. 1794.

Я очень тронуть, любезный родственникъ, тѣмъ довѣрiемъ, которое вы выказали мнѣ въ вашемъ письмѣ отъ 2 апрѣля. Я слишкомъ умѣю цѣнить столь лестное чувство со стороны челоуѣка столь любимаго и уважаемаго мною, какъ вы, что-бы постараться его поддерживать всѣми доступными мнѣ средствами, и въ особенноти полнѣйшею взаимностию. Я съ удо-

вольствiемъ принимаю ваше предложенiе устранить между нами всякую формальность, которая повела-бы лишь къ тому, что-бы затруднить нашу переписку. Я, однако-же, весьма далеко отъ того, что-бы принять въ буквальный смыслъ то, что вы дѣлаете мнѣ честь писать *о языкѣ старшаго, принимающаго дипломатическiй тонъ*. Такой языкъ вовсе не былъ бы умѣстенъ съ моей стороны, ибо, независимо отъ того, что я вовсе не установленный истолкователь Императрицыной воли, мои два начальника, имѣющiе право подписывать депешы, не отправляютъ, какъ вамъ извѣстно, ни одной, не обезпечивъ себя прямо выраженнымъ одобренiемъ. По этому прошу васъ разсматривать все то, что я скажу вамъ и въ томъ, и въ прочихъ письмахъ, какъ простые совѣты не обязывающiе и не уполномочивающiе васъ ни къ чему, но доказывающiе усердiе и доброжелательство, искренно одушевляющiя меня къ успѣху вашей карьеры. Послѣ этого маленькаго предисловія, приступаю къ самому дѣлу.

Я читаю всѣ ваши депешы, и по нимъ приблизительно знаю, что у васъ происходитъ. Главныя событія вашей драмы—переговоры между вашимъ Дворомъ и Стокгольмскимъ по поводу нейтралитета, процессъ Армфельда и прозектъ брака между молодымъ королемъ и одною изъ нашихъ Великихъ Княжегъ.

Относительно перваго пункта, ваши вѣстукціи пространны и ясны. Начало, вѣхъ держится нашъ Дворъ, опредѣлены въ нихъ прочнымъ и непреложнымъ образомъ, и вамъ остается только прилагать ихъ ко всякому данному случаю. Вы увидите изъ депешы, посылаемой вамъ вице-канцлеромъ, что онъ здѣсь сказалъ г-ну Стендунгу и что прійдется вамъ говорить тамъ.

Остается вамъ только слѣдить за дѣйствіемъ вашихъ представленій на этотъ счетъ и давать о немъ знать сюда. Въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть уступокъ. Напрасно стали-бы настаивать на независимости государствъ, на правѣ договоровъ. Первая безгранична лишь на столько, на сколько она выражается въ дѣлахъ внутреннихъ; какъ только она вырывается наружу, она должна подчиниться общему благу. Интересы всей Европы не должны быть принесены въ жертву выгодамъ двухъ маленькихъ державъ, которыя вздумали извлечь пользу изъ всеобщихъ бѣдствій. Вторая, то есть права договоровъ, не могутъ быть приложены къ настоящему случаю. Въ дѣлѣ, подобномъ тому, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя оставаться нейтральнымъ. Много, если можно остаться въ бездѣйствіи, да и то лишь по совершенному отсутствію средствъ принять иное положеніе. Г. Стеддингъ, что-бы разжалобить и примирить насъ съ маленькимъ планомъ своего двора обогатиться свободною торговлею съ разбойниками, говорилъ намъ, что это единственное средство для того, что-бы улучшить состояніе его страны, между тѣмъ какъ другія державы пользуются средствомъ завоеваній и обширныхъ пріобрѣтеній. Все это было-бы прекрасно, если-бы не было такъ настоятельно необходимо прекратить столь опасную борьбу. Если у васъ не сдадутся на столь убѣдительные доводы, то навлекутъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія могущія отъ того произойти.

Процессъ Армфельда рано или поздно поведетъ къ обвиненію тѣхъ, которые его возбудили, не смотря на коварство и злобу, съ которою они преслѣдуютъ это дѣло. Правда, что завѣщаніе покойнаго короля, на которое единственно основывается

власть регента, не было уважено въ многихъ изъ самыхъ существенныхъ его распоряженій. Нарушеніе этого завѣщанія, коимъ повѣнчаннымъ примѣромъ служить удаленіе гувернера молодаго короля, всегда будетъ служить поводомъ къ смутамъ. Вы могли-бы, не оскорбляя регента, дать ему почувствовать, чему онъ подвергается, продолжая слушаться дурныхъ совѣтовъ, которые ему даютъ. Ваше дѣло усмотрѣть, что можете вы сдѣлать для того, что-бы противоудѣйствовать дурному влиянію, которое старается произвести на молодаго короля его попечитель.

Что касается до брака, то вотъ исторія этого дѣла отъ начала до настоящей минуты. О немъ идетъ рѣчь со времени посылки генерала *Киниспора*, пріѣзжавшаго сюда съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ молодаго короля. Онъ закинулъ объ этомъ нѣсколько словъ. Графъ Стакельбергъ получилъ приказаніе разработать эту мысль, онъ постарался возбудить къ тому желаніе въ молодомъ королѣ черезъ окружающихъ его. Графъ Стакельбергъ говорилъ, что онъ вполне уснѣлъ въ этомъ. Регентъ въ своихъ письмахъ къ Императрицѣ говорилъ объ этомъ обинякомъ; но со времени прібытія графа Стенбока, дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Вы увидите по приложеніямъ къ официальной депешѣ, отправляемой къ вамъ сегодня, какъ отвѣчала Императрица. За тѣмъ отъ регента было получено новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, что-бы этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ, для того что-бы закрыть ротъ тѣмъ, которые стараются распускать слухъ, будто между обоими государствами готовится совершенный разрывъ. Императрица,

входя въ его мысли, собиралась съ своей стороны предложить свиданіе между королемъ и юною принцессою здѣсь въ Петербургѣ, на будущее лѣто, по случаю путешествія, которое король могъ бы сдѣлать въ Финляндіи. Письмо, въ которомъ заключалось это предложеніе, не только было приготовлено и подписано, но оно должно было отправиться на другой день послѣ того, въ который тутъ было получено извѣщеніе о прекрасной конвенціи, заключенной въ Копенгагенѣ. Императрица велѣла уничтожить свое письмо, и вскорѣ получила письмо отъ регента на счетъ дѣла Армфельда, что и подало главнымъ образомъ поводъ къ посылкѣ настоящаго курьера. Это обстоятельство, если вы искусно доведете его до свѣдѣнія регента, можетъ произвести двойное доброе дѣйствіе: во-первыхъ, оно дастъ регенту болѣе правильное понятіе о степени важности, которую Императрица придаетъ этому браку; во вторыхъ, оно удержитъ его отъ дальнѣйшихъ неосторожностей, на которыя онъ могъ бы рѣшиться въ надеждѣ на безнаказанность, лѣзть постоянно укрощать гнѣвъ Императрицы приманкою этого брака. Дѣйствительно, она не видитъ въ немъ ничего столь привлекательнаго для своей внучки, что-бы она должна была бы для достиженія этой цѣли пожертвовать своими соображеніями, каковы возбуждаемыя иностранными дѣлами, теперь стоящими на очереди. Впрочемъ, все что вамъ извѣстно о расположеніи Императрицы къ королю, къ регенту, ко всему Шведскому королевству, можетъ лишь, сдѣлавшись гласнымъ, упрочить за Нею довѣріе Шведской націи и обнаружить несостоятельность теперешняго управленія, въ случаѣ, если между двумя государствами возникнетъ слишкомъ явное несогласіе. И такъ, вы можете, какъ

мнѣ кажется, пользоваться всѣми случаями, которые представятся естественнымъ образомъ, для того, чтобы просвѣщать умы на счетъ всѣхъ оболъщений, коими герцогъ и его сторонники хотѣли-бы ихъ отуманить.

Обращаясь собственно къ вашимъ личнымъ дѣламъ, любезный родственникъ, скажу вамъ, какъ человѣкъ правдивый, что я ровно ничего не знаю о расположеніи графа Зубова относительно васъ. Все что могу я вамъ сказать, это то, что я никогда не слыхалъ, что-бы онъ выражался о васъ въ невыгодномъ смыслѣ. Я ничего не знаю о ходатайствахъ, къ коимъ вы не старались подвпнуть его въ вашу пользу: но хотя онъ и не показалъ на нихъ готовности, посоветую вамъ (съ вашего позволенія) вступить съ нимъ въ переписку и въ ней не унывать. Онъ холоденъ, иногда невнимателенъ, но въ немъ никогда нѣтъ недоброжелательства. Была при немъ личность, которая быть можетъ вредила вамъ, но ея при немъ уже нѣтъ, и я убѣжденъ, что всякое новое обращеніе къ нему можетъ лишь принести вамъ пользу. Мѣсто въ Варшавѣ, не только не занятое до сихъ поръ, но которое затрудняются замѣстить, конечно было-бы то, о которомъ вамъ слѣдовало бы предпочтительно думать, если бы вамъ пришлось оставить то, которое вы занимаете теперь, что становится довольно вѣроятнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Все то, что могу я сдѣлать съ своей стороны, что-бы вамъ его доставить, искренно къ вашимъ услугамъ. Судьба г-на Литвинова рѣшена; остается только исполнить формальности. Что бы ни случилось, эта карьера, принявъ въ соображеніе его незначительное состояніе, болѣе пристала ему, чѣмъ теперешняя. Вообще, графъ, прошу васъ разъ навсегда быть

волиѣ увѣреннымъ, что я сочту за особенное удовольствіе доказать вамъ самыми дѣйствительными услугами всю степень моего уваженія къ вамъ и моего желанія заслужить вашу дружбу самую искреннею и горичею привязанностію.

Морковъ.

II.

S-t Petersb. Ce 29 juin 1794.

Le depart de M-r Litvinoff, monsieur le comte, étant tombé vers les fêtes de S-t Pierre, je n'ai guères le moyen de vous écrire aussi en détail, que la circonstance l'aurait peut-être exigé; mais je ne veux pas différer d'un jour de vous dire que la conduite de la Cour où vous êtes, n'ayant pas été envisagée ici sous un point de vue aussi grave, que vous l'avez considérée, vous n'avez rien de mieux à faire qu'à dissimuler de votre côté et à ne pas provoquer quelqu'éclat, qui après tout n'aboutirait qu'à vous faire perdre votre place. Je sais qu'elle n'est pas assez attrayante pour que vous puissiez y tenir bien fortement, mais enfin c'est quelque chose, et il convient tant à votre intérêt personnel, qu'aux affaires politiques de gagner du temps. Voilà tout ce que m-r de Litvinoff, pressé comme il est de partir, me laisse le temps de vous dire, c'est tout au plus que je puis y ajouter les assurances de mon sincère et inaltérable attachement.

Morcoff.

Переводъ.

Петербургъ 29 іюня 1794.

Графъ.

Такъ какъ отъѣздъ г-на Литвинова случился около Петрова дни, я не имѣю возможности писать къ вамъ столь подробно, какъ того, быть можетъ, требовалъ бы обстоятельства; но скажу вамъ, не откладывая ни на одинъ день, что на поведе-

ніе Двора, при которомъ вы находитесь, не взглянули здѣсь съ точки зрѣнія столь серьезной, какъ вы, и что по этому вамъ нечего лучшаго дѣлать, какъ съ вашей стороны притворяться, во избѣжаніе какого либо скандала, который впрочемъ повелъ-бы лишь къ тому, что вы лишились-бы мѣста. Я знаю, что оно не достаточно привлекательно для того, что-бы вы особенно имъ дорожили, но это все-таки нѣчто, и какъ для вашего собственнаго интереса, такъ и для дѣлъ политическихъ важно выиграть время. Вотъ все что составляетъ мнѣ время сказать вамъ г. Литвиновъ, слѣдующій отъѣздомъ; едва успѣваю заключить увѣреніемъ искренней и неизмѣнной моей привязанности.

Морковъ.

III.

S-t Petersbourg le 21 juillet 1794.

L'assesseur Mittendorff, partant aujourd'hui pour vous rejoindre, monsieur le comte, je profite de cette occasion pour vous prévenir, que la permission que vous avez désiré d'obtenir, pour vous absenter de votre poste, va vous être accordée; bien entendu que vous serez le maître d'en profiter ou non. Quelque parti que vous prenez il n'en peut résulter aucun inconvénient pour vous; mais il n'en sera peut être pas de même pour m-r Litvinoff, car l'Impératrice a nommé ordonné que pendant votre absence, si elle a lieu en effet, ce soit Nottbeck qui reste comme chargé d'affaires. Si vous voulez, ramener avec vous m-r Litvinoff, je vous prie du moins de le faire en sorte que cela ne fasse pas trop d'éclat; car, entre nous soit dit, j'ai éprouvé de grandes difficultés à le faire placer et je m'exposerais au reproche de faire des emplois inutiles, s'il revenait incessamment après avoir été employé. Pour

obvier à cet embarras je vous conseillerais, monsieur le comte, de ne point faire mention à votre départ, dans vos dépêches officielles, des personnes que vous laissez à Stockholm ni de celles que vous emmenez avec vous, et si vous jugez à propos de prendre avec vous m-r Litvinoŕ, vous n'aurez pas de peine à en obtenir l'aveu du département des affaires étrangères après votre arrivée.

Je n'ai rien, mon cher parent, d'important à vous mander relativement à votre poste. Nous sommes ici coupés de toute communication avec nos ministres à l'occident et, au midi, manquant cinq ordinaires de suite en partie à cause des vents contraires, et en partie à cause des Polonais. Je vous renouvelle l'hommage de mon sincère et inviolable attachement.

Переводъ.

Петербургъ 21 юля 1794.

Графъ.

Такъ какъ ассесоръ Миттендорфъ ѣдетъ сегодня къ вамъ, то пользуюсь этимъ случаемъ, что-бы предупредить васъ, что позволеніе оставить вашъ постъ, о которомъ вы ходатайствовали, вскорѣ будетъ дано вамъ; само собою разумѣется, что отъ васъ зависитъ воспользоваться снѣмъ или нѣтъ. Какое-бы вы ни приняли рѣшеніе, отъ того для васъ не можетъ проис-течь неудобства; но того-же пельзя сказать о г-нѣ Лявтиповѣ, ибо Императрица имен-но приказала, что-бы въ вашемъ отсутствіи, если таковое случится, повѣреннымъ въ дѣлахъ оставался Нотбекъ. Если вы хотите привезти съ собою г-на Литвинова, прошу васъ покрайней мѣрѣ сдѣлать это безъ шума; ибо, между нами будъ сказано, я испыталъ большія затрудненія при доставленіи ему мѣста, и я навлекъ-бы на себя упрекъ въ томъ, что я создаю

ненужныя должности, если-бы онъ вернулся тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ. Для устраненія этой неловкости, я посовѣтовалъ-бы вамъ, графъ, не упоминать при вашемъ отъѣздѣ, въ официальныхъ вашихъ депешахъ, ни о лицахъ, которыя вы оставляете въ Стокгольмѣ, ни о тѣхъ, которыя вы берете съ собою, и если вы сочтете нужнымъ взять съ собою г-на Литвинова, вамъ будетъ не трудно получить на то одобреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ по вашему приѣздѣ.

Я не имѣю, любезный родственникъ, сообщить вамъ ничего важнаго относительно вашего поста. Мы тутъ отрѣзаны отъ всякихъ сообщеній съ нашими посланниками на западъ и на югъ, и не получаемъ по пяти почтъ сряду отчасти по причинѣ противныхъ вѣтровъ, отчасти по милости Поляковъ. Еще разъ свидѣтельствую вамъ объ искренней и неизмѣнной моей привязанности.

* * *

Къ Шведской побѣдкѣ графа Румянцева относится также слѣдующая, сохранившаяся въ его бумагахъ собственноручная записка:

«1793. 28 октября гр. Румянцовъ отплылъ изъ Ревеля на катерѣ Меркурии.

7 ноября прибылъ въ Стокгольмъ.

Сего плаванія имѣеть гр. Румянцовъ по-денной морской журналъ.

Возвращался же гр. Румянцовъ изъ Стокгольма въ 1794 году на транспортномъ суднѣ Анна Маргарита, подъ командою лейтенанта Криницына. Во время сего плаванія крейцировала Россійская эскадра: мѣра, которую присовѣтовалъ гр. Румянцовъ по случаю возмущенія послѣдовавшаго тогда въ Варшавѣ. Капитанъ г. Сиверсъ. вы-

полная бодрственно данная ему наставления, требовалъ не взирая на флагъ Россійской, подъ которымъ судно шло, чтобъ подчинилось оно строгому осмотру. Лейтенантъ Крпницынъ, не смотря на то, вынесъ два холостые выстрѣла; но когда пушено было уже одно ядро, то, собравъ паруса, судно остановилось. Г. Румянцовъ приказалъ тогда призвать къ себѣ присланнаго офицера на шлюбку и объявлялъ ему, что самъ онъ посолъ возвращается на семь судиѣ въ Россію. Тогда, по донесенію о томъ г. Сиверсу, отданы были послѣ всѣ почести учрежденныя.

Въ бытность гр. Румянцова въ Петербургѣ, недоброжелательствующіе ему внушили Императрицѣ, что удержалъ онъ властно въ Стокгольмѣ сіе судно и причинилъ

казнѣ тѣмъ большія издержки. Государыня собственноручную прислала тогда записку въ Адмиралтейство, требующую объясненія. Фонтъ-Дезинъ подалъ оное; но императрица, удостоверившись, что тутъ злоба одна дѣйствовала, сказала Троцинскому, что о посылкѣ своей записки она не только жалѣетъ, но и стыдится.

Въ сентябрѣ 1795 г., графъ Румянцовъ былъ уже въ Петербургѣ, какъ видно по вышенапечатанному (УШ-му) письму его къ отцу. Указомъ 24 октября 1795 онъ замѣненъ въ Стокгольмѣ секундъ-майоромъ Будбергомъ

Съ той поры онъ уже не служилъ болѣе по дипломатической части.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКА ОБЪ УБИЕНИИ КАПОДИСТРИИ, СОСТАВЛЕННАЯ А. Н. РАЙКОМЪ (1).

Биографія А. Н. Райка, русскаго офицера, принимавшаго непосредственное участіе въ освобожденіи Греціи и состоявшаго въ греческой службѣ во время гибели графа Каподистрии, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1868, стр. 279 — 308. Печатаемая здѣсь записка переведена съ французскаго подлинника, сохранившагося въ семействѣ А. Н. Райка и полученнаго нами въ списокъ, черезъ обязательное посредство Б. М. Маркевича. Записка эта имѣетъ особенную важность, какъ показаніе ближайшаго очевидца и какъ свидѣтельство челоука высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Имя графа Каподистрии такъ тѣсно связано съ нашею исторіею, что читатели Русскаго Архива конечно не посѣтуютъ на насъ за помѣщеніе этой статьи. Н. Б.

Въ воскресенье, 27 сентября 1831 года, въ прекрасный осенній день, въ 6 часовъ утра, солдаты гарнизона Навилин (тогдашней столицы) выходили изъ своихъ казармъ и шли на обычное сборное мѣсто, на площадь, такъ называемую подъ Яворомъ, въ ожида-

ніи начала обѣдни. Пришедшіе изъ ближнихъ казармъ составили ружья въ козлы, а сами разсыпались по ближнимъ мѣстамъ.

По заведенному обычаю, войска молились въ церкви Св. Георгія, такъ называемомъ соборѣ Св. Георгія. Графъ Іоаннъ Антоновичъ Каподистрия, для исполненія своихъ христіанскихъ обязанностей, хаживалъ постоянно въ церковь Св. Спиридонія, несмотря на то, что она очень мрачнаго вида и стоитъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Въ праздничные дни онъ рѣдко пропускалъ божественную службу, и въ означенное число 27 сентября, въ 6 часовъ утра, онъ пошелъ въ церковь (2) съ двумя обыкновенными своими провожатыми, слугой Албанцемъ и другимъ, въ родѣ ординарца, по имени Георгіемъ Кандіотти (3). Съ давняго времени лицо графа было пасмурно, но въ этотъ день онъ казался веселѣе обыкновеннаго (4). Съ при-

вѣтливую улыбкую кланялся онъ тѣмъ, кого отличалъ изъ числа встрѣчавшихся, и, по-видимому, вовсе не думалъ о возможности злодѣйскаго на него покушенія и не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія предстоящей ему страшной гибели. Стѣна объ стѣну съ церковью Св. Спиридонія находится кофейная, извѣстная подъ названіемъ Алексѣевой. Артиллерійскіе офицеры, зашедшіе туда, явственно услышали звукъ трехъ пистолетныхъ выстрѣловъ послѣдовательно одинъ за другимъ; минутой спустя, они увидѣли стремительно бѣгущаго человѣка, кричащаго изо всѣхъ силъ, что президентъ убитъ.... Опасаясь, не вздумалъ ли кто нарочно затѣять смуту, офицеры остановили этого человѣка; но его испуганное лицо, несвязныя рѣчи, въ которыхъ онъ передавалъ подробности того, чему былъ свидѣтелемъ, не оставляли болѣе сомнѣнія въ томъ, что преступленіе совершилось.

Главный комендантъ крѣпости, полковникъ Алмейда, велѣлъ ударить тревогу и тотчасъ отрядилъ въ церковь роту (5) артиллеристовъ. Пришедши на мѣсто событія, солдаты увидѣли, что нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ поднимаютъ тѣло президента и кладутъ на носилки; на полу валялся окровавленный ножъ; одинъ изъ офицеровъ поднималъ его. Ужасъ и скорбь выражались на лицахъ всѣхъ, присутствовавшихъ въ безмолвіи при этой сценѣ. Въ то время, когда ротный начальникъ дѣлалъ распоряженія для сохраненія въ церкви должнаго порядка, внезапно на улицахъ, пролегающихъ по высотѣ Ичь-Кале (см. примѣч. 1-е) послышались крики: «Вотъ онъ! Вотъ убійца! Бейте его! Добивайте злодѣя! Не щадите его!»—Четверо солдатъ, сержантъ и съ нимъ офицеръ бросились въ погоню за преступниками. Вотъ какимъ образомъ совершилось убійство.

Только-что президентъ подошелъ къ церкви, какъ съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ Константина Мавромихали и Георгія (6). Послѣдній стоялъ у входа по лѣвую, а первый по правую сторону. Графъ, зная съ давняго времени свойства этихъ людей, а также ихъ враждебные замыслы, не могъ воздержаться, чтобы при видѣ ихъ не выразить тѣлодвиженіемъ своего отвращенія; затѣмъ, какъ бы устыдившись своей недовкой нерѣшительности, онъ тотчасъ оправился, и, проходя между ними, приподнялъ шляпу, чтобы привѣтствовать напередъ Константина, а потомъ Георгія. Константинъ отвѣчалъ на его поклонъ, приподнявъ свою феску лѣвою рукою, и когда президентъ повернулся къ Георгію, онъ вынулъ правую руку изъ подъ своего плаща, въ которой былъ пистолетъ, и выстрѣлилъ не цѣля. Пуля пролетѣла мимо. Злодѣй съ неслыханною дерзостію схватилъ ножъ и вонзилъ его графу въ низъ живота, по самую рукоять. При звукѣ выстрѣла президентъ, зажавъ рукою рану, повернулъ голову направо; тогда Георгій въ свою очередь воспользовался тѣмъ же самымъ случаемъ, что его жертва отъ него отвернулась, выхватилъ свой пистолетъ, также спрятанный подъ платою, и въ упоръ выстрѣлилъ въ голову графа, такъ что черепъ разлетѣлся на части (7).

Убійцы пустились бѣжать, и одинъ изъ ихъ соучастниковъ выстрѣлилъ въ третій разъ, для того чтобы, устрашивъ народъ и заставивъ его разступиться, облегчить убійцамъ побѣгъ и затруднить преслѣдованіе.

Албанецъ, сопровождавшій графа, потянулъ голову и стоялъ какъ окаменѣлый. Георгій Кандіотти, владѣя только лѣвою рукою, подхватилъ раненаго и тихо опустилъ его на землю; потомъ, схвативъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ, выстрѣлилъ въ Георгія, бѣжавшаго по направленію къ батарее

Пяти Братевъ, которая находится направо отъ церкви (8); но пистолетъ оскѣся. Заткнувъ его за поясъ, онъ выхватилъ другой, и завидѣвъ Константина, на разстояніи 40 шаговъ взбравшагося по дорожкѣ, ведущей къ фасаду церкви, Кандіотти прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ ему въ лѣвый бокъ; затѣмъ, не теряя времени, пустился за нимъ въ погоню, но не догналъ. Въ то время, когда Кандіотти преслѣдовалъ Константина Мавромихали, толпа ворвалась въ церковь съ крикомъ: «Убійцы! Убійцы!» Немедленно для поимки ихъ отрядили солдатъ. Константинъ бѣжалъ сначала съ немовѣрною скоростью, но будучи раненъ пошелъ медленнымъ и колеблющимся шагомъ. Истекая кровью и теряя силы, онъ оглянулся назадъ и, видя приближающихся къ нему солдатъ, вскричалъ въ испугъ: «Не убивайте меня! Не мы причиною смерти президента!» Начальникъ отряда напрасно хотѣлъ удержать разсвѣрѣвшихъ солдатъ, которые начали бить его прикладами; чернь присоединила тутъ и свое изступленіе, истерзала тѣло его ужаснымъ образомъ и даже самое платье его изорвала въ лоскутки. Тѣмъ временемъ Георгій Кандіотти, не успѣвъ напасть на слѣдъ Георгія и его сообщниковъ, воротился назадъ и, услышавъ крикъ и проклятія толпы, бросился къ тому мѣсту, гдѣ находился Константинъ, растолкалъ толпу и выстрѣлилъ въ него вторично, при чемъ пуля раздробила ему правое плечо. Когда ярость народная утѣлилась, тогда истерзаннаго Константина отволокли подъ арку въ воротахъ казармъ, что на площади подѣ Яворомъ; тамъ онъ испустилъ духъ при всеобщихъ проклятіяхъ, въ судорожныхъ движеніяхъ. свидѣтельствовавшихъ о его жестокихъ мученіяхъ (9).

Командантъ крѣпости и бывшіе при немъ офицеры, постигая важность настоящей мп-

нуты, раздавали въ то время войскамъ заряды и разставляли караулы въ разныхъ мѣстахъ. Вдругъ на площади появился солдатъ, тащившій другаго Мавромихали за волосы, которые онъ намоталъ себѣ на руку; четверо другихъ помогали ему тащить почти обнаженное тѣло, оставлявшее за собою окровавленные лоскутья платья и потокъ крови. Солдаты, стоявшіе на площади подѣ ружьемъ, испустили яростные крики; по счастью, при нихъ были начальники, которымъ стоило не малаго труда удержать ихъ отъ того, чтобы они не растерзали въ куски безчестнаго Мавромихали.

Между тѣмъ городскіе ворота съ моря и сухаго пути были заперты; тѣло покойнаго графа перенесено въ его домъ солдатами той самой роты, которая отряжена была въ церковь; приняты были мѣры противъ всѣхъ возможныхъ безпорядковъ, послѣдствіемъ которыхъ могли быть убійства и кровопролитія; возбужденное этимъ событіемъ раздраженіе партій не знало мѣры. Легко съ перваго взгляда можно было судить о великости угрожавшей опасности: люди на такія злодѣянія не рѣшаются, если не имѣютъ надежды на сильную podporу... Такое предположеніе подтверждалось совпадениемъ столькихъ обстоятельствъ, что переходило въ увѣренность. Неумолимая истина сниметъ покровъ съ этого злодѣянія, и безпристрастное потомство пропнесетъ справедливый приговоръ надъ тѣми коварными людьми, которые составили этотъ планъ и привели въ исполненіе... Стыдъ и поношеніе пособникамъ!

Окончивъ всѣ распоряженія, храбрый и достойный комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ полковникомъ Ш... и подполковникомъ Райко отправился на площадь Трехъ Адмираловъ, куда въ то же самое время, въ сопровожденіи своего штаба, прибылъ генералъ Же-

рарь, командовавшій регулярными войсками; сюда же собрались прочія военные и гражданскія власти. Подъ сводами президентова дома стояла та самая артиллерійская рота, солдаты которой перенесли тѣло покойнаго. Взглядъ на ихъ мундиръ, покрытые кровью, приводилъ въ содроганіе; въ сѣняхъ и на лѣстницѣ кровь еще дымилась... Народъ тѣснился ко входамъ и съ воплемъ испрашивалъ, какъ особенной милости, позволенія омочить въ ней лоскуты холста, въ благоговѣнномъ побужденіи сохранить эту каню въ воспоминаніе о лучшемъ изъ людей, котораго привыкъ называть отцомъ своимъ. Окна домовъ, выходящихъ на площадь, были наполнены зрителями. Всѣ выражали глубокую скорбь не только безмолвными слезами, но стонами и рыданіями; такую дань добродѣтелямъ и великимъ качествамъ покойнаго платили не однѣ, по природѣ болѣе чувствительныя, женщины; нѣтъ, здѣсь скорбѣли и домовитый гражданинъ, и отецъ семейства, и старый воинъ, закаленный въ пылу сраженій, и богатый, и бѣдный, и взрослый, и малолѣтний; всѣ говорили между собою о своемъ несчастіи и о томъ, что прошедшее невозвратимо.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, какое испытываешь при видѣ скорби человѣка, приближающагося къ старости. Слезы, текуція изъ впалыхъ глазъ его, терзаютъ сердце; надобно быть очевидцемъ такого тяжкаго зрѣлища, и тогда возможно будетъ понять, какое впечатлѣніе производитъ скорбь старца о бѣдствіи своего отечества. Его тревожитъ опасеніе, что едва закрывшіяся политическія раны снова раскроются: каждое біеніе сердца возобновляетъ въ памяти старца тяжкія воспоминанія. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго раздирающаго зрѣлища.

Комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ своими офицерами явился сперва къ графу Августину Каподистрии для полученія отъ него приказаній; онъ признавалъ въ немъ главу правленія, потому что графъ Августинъ еще при жизни покойнаго своего брата облеченъ былъ въ званіе полномочнаго наместника. Онъ былъ въ чрезвычайномъ уныніи, но старался быть твердымъ, несмотря на то, на лицѣ его проглядывало господствующее чувство. Съ выраженіемъ прямого достоинства и тономъ полнаго убѣжденія онъ сказалъ офицерамъ, что довѣряетъ ихъ чести и поручаетъ имъ охраненіе тишины и порядка въ городѣ.

На площади Трехъ Адмираловъ стоялъ подъ ружьемъ полубаталіонъ войска; къ нему тѣснились сенаторы и прочія гражданскія должностныя лица. Солдаты съ недовѣрчивою улыбкою слушали рѣчи генерала Жерара, который, верхомъ на лошади, объѣзжалъ ряды ихъ и убѣждалъ сохранить порядокъ, потому что Франція (такъ говорилъ онъ, беретъ отнынѣ Грецію) подъ свое особенное покровительство (10).

Когда комендантъ вышелъ отъ графа Августина, то первый, встрѣтившійся ему человѣкъ, былъ князь Караджа, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ президента. Голосомъ дрожащимъ отъ злобы, трудно скрывае- мой, радости, онъ спросилъ: «Такъ это правда? Такъ его нѣтъ болѣе? Онъ точно убитъ? Но... совѣмъ ли? Точно ли нѣтъ надежды?»

Полковникъ Райко пришелъ въ негодованіе при видѣ человѣка, который въ такую минуту явился какъ бы для того, чтобы издѣваться надъ общою скорбію. Онъ отвернулся отъ него и вскричалъ: «Какая непостижимая наглость! Не понимаю, какъ могутъ нинѣ люди являться въ такое время! Полковникъ! что вы не прогоните этого негодяя?»

Такое обращеніе заставило Караджу быстро повернуть назадъ и направить свой путь въ домъ французскаго резидента; въ слѣдъ ему послышался свистъ, а потомъ крики: «Держите его! Смерть злодѣю!...» На этотъ крикъ сбѣжались вооруженные люди, и зная того, къ кому эти слова относились, побѣжали за нимъ. Въ грудь его уже былъ наведенъ пистолетъ, когда архіепископъ, подъ окнами котораго происходила эта сцена, началъ заклинять толпу, чтобы она не совершала убійства, а если онъ виноватъ, то выдача бы его властямъ. Къ этимъ увѣщаніямъ уважаемаго святителя присоединились голоса нѣсколькихъ, случайно находившихся тутъ, благонамѣренныхъ людей, и дѣло обошлось безъ крови, которая иначе вѣроятно была бы пролита, что могло бы подать поводъ къ великимъ бѣдствіямъ: ибо въ эти минуты, при раздраженіи партій, отъ малѣйшей искры надлежало опасаться страшнаго политическаго взрыва. Князя Караджу отвели и заточили въ темницу въ главной караулнѣ.

Предоставивъ генералу Жерару, сколько ему угодно, проповѣдывать солдатамъ, которые, какъ явно было, отнюдь не убѣждались его доводами (11), комендантъ отправился обозрѣвать по порядку размѣщенные на весь этотъ день по разнымъ мѣстамъ караулы. Пока онъ совершалъ этотъ обзоръ и пока происходило дѣло съ Караджею, молодой Коломудгарті (одинъ изъ адъютантовъ генерала Жерара) указалъ пальцемъ сему послѣднему на Георгія Кандіотти, стоявшаго у окна въ покояхъ умерщвленнаго президента и довольно громко, съ отгѣнкомъ насмѣшливости, произнесъ: «Вонъ тотъ олухъ, который убилъ Константина Мавромихали!» Кандіотти догадался, что рѣчь шла про него. Въ мгновенномъ припадкѣ бѣшенства, онъ схватилъ ружье, прицѣлил-

ся адъютанту въ щеку и конечно убилъ бы его, если бы находившіяся тутъ лица не удержали его. Въ то же время Коломудгарті, для безопасности, былъ уведень въ прихожую сенаторскаго зданія или Герузін. Долго послѣ этого онъ не смѣлъ никуда показываться.

Пока все это происходило, у русскаго резидента Рикмана собрались резиденты англійскій и французскій. Къ нимъ явился подполковникъ Пелліонъ, начальникъ штаба стрелковыхъ войскъ, и когда они допустили его къ себѣ, онъ объявилъ имъ отъ имени своего генерала (Жерара): «Такъ какъ съ кончиною президента нѣтъ болѣе правительства, то онъ, Жераръ, полагаетъ, что отнынѣ Греція поступила подъ защиту покровительствующихъ державъ, резиденты конхъ, въ виду настоящихъ критическихъ обстоятельствъ страны, конечно, примутъ на себя управленіе отъ имени своихъ государей. Поэтому, онъ Жераръ обращается за приказаніями къ нимъ, резидентамъ, какъ къ единственной признаваемой имъ въ эти минуты власти, и проситъ ихъ облечь его званіемъ главнокомандующаго войсками, увѣряя притомъ въ своей искренней преданности эллинскому дѣлу и пр.» Въ первую минуту, мнѣнія резидентовъ раздѣлились; но по зрѣломъ обсужденіи, они отвѣчали, что нисколько не намѣрены вмѣшиваться во внутреннее управленіе странною. Пелліонъ немедленно ушелъ назадъ объявить о такой неудачѣ своему генералу. Разсчеты Жерара въ этотъ день вообще не отличались вѣрностью. Какъ онъ ни хитрялъ, но ему не довелось захватить въ свои руки исполнительную власть, отъ коей ожидалъ онъ себѣ великаго значенія. Онъ долженъ былъ самымъ дѣломъ удостовѣриться, что, какъ ни завскаивалъ онъ общественнаго расположенія, но оно было не на его сторонѣ.

Французскій резидентъ, баронъ Руень, узнавъ о заточеніи сердечнаго друга своего князя Караджи, поручилъ Пелліону освободить его. Одинъ изъ адъютантовъ доложилъ коменданту, что начальникъ главнаго штаба неотступно требуетъ отъ караульнаго офицера, чтобы тотъ вынулъ Караджу, и грозитъ, что ему достанется, если онъ не исполнитъ этого требованія. Комендантъ самъ пошелъ въ караульную, и Пелліонъ потребовалъ отъ него *именемъ Французскаго короля и по приказанію господина барона Руена* (это были точныя слова) отпустить узника. Комендантъ извинился тѣмъ, что Караджу взяли не по его приказу, что ему не извѣстно, почему онъ задержанъ, и что слѣдов. онъ не могъ выпустить его иначе, какъ по высшему распоряженію. Это распоряженіе немедленно состоялось, и Караджа выданъ Пелліону, который благополучно препроводилъ его въ домъ французскаго резидента.

Только-что комендантъ возвратился на адмиральскую площадь, какъ его позвали къ себѣ французскій и англійскій резиденты, выходившіе изъ дома русскаго резидента, у котораго, какъ мы видѣли, происходило совѣщаніе. Они просили коменданта распорядиться такъ, чтобы имъ имѣть свободное сообщеніе съ ихъ военными кораблями, находившимися въ пристани. Комендантъ приказалъ подполковнику Райкѣ взять роту, стоявщую подъ сводомъ дворца, идти къ батарее Пяти Братьевъ и оттуда пропустить господъ резидентовъ къ ихъ судамъ. Райко просилъ резидентовъ употреблять на посылки собственныхъ служителей или людей, принадлежащихъ къ ихъ миссіямъ, такъ какъ иначе, покаместъ злодѣи еще не захвачены, можетъ случиться, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ воспользоваться льготою, дарованною резидентамъ и, предложивъ свои

услуги для посылокъ, успѣетъ спасти бѣгствомъ. «Въ такомъ случаѣ—говорилъ Райко—на меня падетъ тяжкая отвѣтственность, и вы сами можете подвергнуться опасности неприятныхъ подозрѣній»... «Милостивый государь,—перервалъ его резидентъ Руень,—и такъ вы вздумали предъявлять намъ условія? Знайте же, что мы все не намѣрены терпѣть, чтобы кто-нибудь намъ предписывалъ законы, и если вы не хотите оставить вашихъ придиорокъ, то мы тотчасъ покинемъ городъ...»—«Да, прибавилъ англійскій резидентъ Довкинсъ, мы покинемъ городъ!»

Подковника Алмейду, человѣка прямого, но рѣзкаго, какъ большею частію бывають Португальцы, взорвало это объясненіе.—«Если вамъ угодно покинуть городъ, сказалъ онъ резидентамъ, никто не властенъ вамъ воспрепятствовать въ этомъ; но меня удивляетъ, отчего замѣчаніе подполковника Райки, столь благоразумное, могло до такой степени васъ прогнѣвить. Никто не въ правѣ ограничивать законныя мѣры предосторожности, и всякій честный офицеръ долженъ блюсти за исполненіемъ оныхъ.»

Прибывъ на батарею Пяти Братьевъ, подполковникъ Райко разставилъ часовыхъ, учредилъ дозоры и распорядился такъ, чтобы черезъ каждыя десять минутъ знать о томъ, что дѣлается на этой сторонѣ города черезъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, постоянно ходившихъ туда и возвращавшихся оттуда. Не прошло четверти часа, какъ чиновникъ, поставленный у водоѣма противъ домовъ Руена и Валліано, подозвалъ къ себѣ капрала и передалъ ему, что сквозь рѣшетчатыя ставни обоихъ этихъ домовъ ему показалось, что тамъ происходитъ что-то подозрительное. Увѣдомленный о томъ, подполковникъ Райко послалъ приказаніе офи-

церу, находившемуся съ особымъ отрядомъ на высотѣ Ичь-Калé (откуда эти дома видны были какъ на ладони) чтобы онъ слѣдилъ зоркимъ окомъ, что тамъ дѣлается, и донесъ ему. Донесеніе не замедлилось. По словамъ офицера, изъ одного дома въ другой, взадъ и впередъ, украдкою пробирался какіе-то люди, оглядывались кругомъ и видимо опасались быть замѣченными. Кромѣ того по саду проходилъ кто-то въ женской одеждѣ, но по росту, ухваткамъ и шагу очевидно не женщина. Райко, передававшій обо всемъ что было коменданту, совѣтовался съ нимъ, какъ бы развѣдать эту тайну; но по зрѣломъ обсужденіи рѣшено было ограничиться наблюденіемъ, пбо малѣйшая огласка могла безъ сомнѣнія взволновать весь городъ.

Все это происходило между 6 и 8 часами утра. Еще не извѣстно было, гдѣ убійцы, и уже гораздо позже, вѣроятно по нескромности офицеровъ, приходившихъ къ коменданту съ батареи Пяти Братьевъ съ донесеніями о томъ, что тамъ дѣлается, распространился по городу слухъ, что убійцы нашли себѣ убѣжище въ домѣ французскаго резидента.

Въ 10 часовъ баронъ Руенъ призвалъ къ себѣ г. Аксіотти, гражданскаго губернатора Навплин, объявляя ему, что убійцы находятся у него, и требовалъ изъавить его отъ ихъ присутствія. Губернаторъ не рѣшался дѣлать отъ себя никакихъ распоряженій, покамѣстъ сенатъ нарядилъ для управленія странною комиссію изъ трехъ членовъ, а именно: графа Августина Каподистрии, въ качествѣ предѣдателя, Колокотрони (12) и Колетти. Губернаторъ немедленно принялъ отъ нихъ приказанія и черезъ нѣсколько минутъ (это было въ два часа съ половиною) комендантъ съ сильнымъ отрядомъ пошелъ въ домъ французскаго резидента, чтобы

принять тѣхъ людей, которые объявлены виновными въ убійствѣ. Надлежало думать, что ихъ выдадутъ немедленно, такъ какъ самъ резидентъ просилъ взять ихъ. Но видно, что г. Руенъ обратился къ губернатору съ этою просьбою сгоряча, увлекшись весьма естественнымъ чувствомъ отвращенія къ убійцамъ. Когда комендантъ явился къ нему, онъ былъ очень смущенъ, путался въ словахъ, старался оттянуть дѣло и очевидно самъ не зналъ хорошенько, какъ ему быть. Сначала онъ спрашивалъ письменнаго приказа. Когда ему принесли его, онъ сталъ замѣщаться и сказалъ, что «Мавромихали объявилъ ему, что никакая человѣческая сила не извлечетъ его отсюда, развѣ разнимутъ по частямъ его тѣло; что онъ заявляетъ право свое не объявлять о своихъ поступкахъ никому кромѣ народнаго собранія, которое одно властно судить его за преступленіе, въ коемъ его обвиняютъ; что, какъ скоро это собраніе соберется, онъ предстанетъ предъ него, но что теперь онъ вызываетъ къ праву народному, что онъ прибѣгъ подъ защиту его и надѣется пользоваться безопасностью и покровительствомъ, находясь у резидента славной націи, который долженъ и умѣетъ внушить уваженіе къ себѣ лично и къ государю, коего онъ представитель, и потому не допуститъ, чтобы онъ былъ преданъ злобѣ и мщенію враговъ» и пр.

Передавая эти отзывы Георгія Мавромихали или тѣ слова, которыя онъ будто говорилъ, Руенъ старался увѣрить, что онъ вовсе не думаетъ отстранять отъ него руку правосудія, но боится теперешняго раздраженія народа, который можетъ поступить съ нимъ какъ съ его дядею Константиномъ, что впрочемъ съ своей стороны онъ считаетъ требованіе его быть судимымъ выборными изъ народа весьма разсудитель-

нымъ, такъ какъ имъ собственно принадлежить право рѣшенія въ столь важномъ случаѣ. Послѣ этихъ словъ Руенъ пригласилъ коменданта сойти въ нижній ярусъ, гдѣ находился Мавромихали.

Когда вошли въ комнату, Мавромихали лежалъ небрежно развалившись на богатомъ диванѣ, а два его сообщника въ почтительномъ отдаленіи сидѣли на обыкновенномъ коврѣ. Увидавъ коменданта, они встали, а Мавромихали принялся размахивать руками и съ важностью излагать почти то же самое, что уже было слышано. Онъ какъ будто заранѣе выучилъ наизусть что ему говорить. Такъ какъ все это ни къ чему не вело, то полковникъ Алмейда рѣшился уйти. Онъ уже былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, когда его опять позвали. Резидентъ предложилъ ему арестовать, если ему угодно, двоихъ, именно: *Яни Караянни и Андрея Патриноса*. Немедленно они были взяты и отведены въ Бурджи, небольшое укрѣпленіе на скалѣ въ серединѣ Навплійскаго порта. Когда ихъ провожали, народъ выражалъ удивленіе, не видя съ ними Георгія Мавромихали. Слышался ропотъ противъ французскаго резидента: говорили, что онъ держитъ убійцъ подъ своимъ покровительствомъ. Нашлись смѣльчаки, кричавшіе, что, во что бы ни стало, нужно взять Мавромихали, и кругомъ дома, гдѣ жилъ баронъ Руенъ, уже бродили вооруженные люди, на лицахъ которыхъ было написано, что они замышляютъ что-то недоброе.

Предувѣдомленный о признакахъ волненія, губернаторъ самъ пошелъ извѣстить о томъ барона и умолялъ его не упрямиться долѣе и не держать у себя Мавромихали, такъ какъ явно было, что народъ начинаетъ тревожиться. «Если виновный не будетъ преданъ въ руки властей, говорилъ

онъ, то я не отвѣчаю за нынѣшнюю ночь.» Подполковникъ Пелліонъ и другія лица французскаго происхожденія, страннымъ образомъ забывавшіе въ этотъ день, что они находятся въ греческой службѣ, обращали въ шутку страшливыя рѣчи губернатора. Сей послѣдній стоялъ возлѣ полуотвореннаго балкона и замѣтилъ, что кто-то стоитъ напротивъ, у самаго водоема. «Что тебѣ нужно?» спросилъ онъ его. — «Отдадутъ намъ его? — крикнулъ тотъ во все горло, — не то мы начнемъ!» Такимъ образомъ было не до шутокъ. Баронъ Руенъ сдѣлался сговорчивѣе и общался выдать Мавромихали, подъ условіемъ, что когда поведутъ его въ темницу, ему не будетъ нанесено никакого оскорбленія.

Прибывъ вторично къ дому французскаго резидента, комендантъ дождался на улицѣ, пока выведутъ убійцу. Двери были растворены, и никто не появлялся. Тогда онъ послалъ адъютанта доложить о своемъ приходѣ. Когда сей послѣдній проходилъ мимо отворенной комнаты, гдѣ былъ Мавромихали, то замѣтилъ, какъ онъ шепталъ что-то на ухо одному изъ штабныхъ офицеровъ генерала Жерара. Черезъ нѣсколько времени, подполковникъ Пелліонъ, сошелъ внизъ, можно сказать, выволокъ Мавромихали изъ его комнаты и толкнулъ его, такъ что онъ очутился среди конвоя. На лицѣ его была смертная блѣдность; онъ дрожалъ какъ листъ, упрался и дернулся было въ ту сторону, гдѣ былъ входъ въ верхній этажъ и гдѣ находился резидентъ съ своими чиновниками; но Пелліонъ не пустилъ его, при чемъ онъ судорожно хватался за его руку. Окруженный конвоемъ, онъ приведенъ былъ къ тому мѣсту, откуда надлежало переправить его въ Бурджи. Во время этой переправы, Пелліонъ то старался успокоить его, то увѣрялъ солдатъ своею честью, что Мав-

ромихали не виновать. По прибытіи въ Бурджи, они распрощались съ взаимною кѣжностью и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ!! Была уже ночь. Такъ кончился этотъ роковой день.

Тѣло убійцы Константина Мавромихали, востерзанное народомъ, который волочилъ его по улицамъ, было лишено погребенія. Его бросили въ море.

На другой день, еще до разсвѣта, три арестанта, для большей надежности, были перевезены изъ Бурджи въ Маламеди. Французскій резидентъ и тутъ вмѣшался. Невозможно описать всѣхъ каверзъ, которыя были пущены въ ходъ передъ начатіемъ суда. Всячески хотѣлось протянуть время; но тѣмъ не менѣе арестанты были судимы военнымъ совѣтомъ въ Пчь-Кале. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, чтобы всякій могъ безъ затрудненія на немъ присутствовать. Послѣ обыкновенныхъ совѣщаній, состоялся слѣдующій приговоръ:

1. *Георгій* Мавромихали, изобличенный въ преднамѣренномъ убіеніи графа Іоанна Каподистрии, президента Греціи, осуждается на смерть.

2. *Яни Караяни*, изобличенный въ преднамѣренномъ убіеніи президента Греціи, осуждается на смерть.

3. *Андрей Патриносъ*, изобличенный въ соучастіи убіенія, но не преднамѣренно, — на 10 лѣтнюю каторжную работу.

На другой день послѣ того, какъ состоялся этотъ приговоръ, необозримая толпа собралась у скалъ Маламеди и въ тупомъ молчаніи ожидала минуты, когда совершится народная месть. Мечь эта должна была достигнуть одного Мавромихали, такъ какъ Караяни обѣщала сообщить въкоторыя показанія, и исполненіе надъ нимъ приговора было отсрочено.

Ровно въ десять часовъ на вершинѣ Парусскій архивъ 1869.

ламеди показался Мавромихали. При немъ были священникъ и стража. Ропотъ негодованія послышался въ толпѣ, когда онъ появился. Въ цѣняхъ, онъ медленно сходилъ по крутой лѣстницѣ, и потому всякій могъ вдоволь разсмотрѣть его. Справедливость требуетъ замѣтить, что если онъ обнаружилъ робость въ то время, какъ его брали, то теперь, идучи на смерть, онъ держалъ себя бодро. Довольно высокаго роста, онъ былъ весьма красивъ собою. Сверканіе глазъ его было еще выразительнѣе отъ блѣдности, которою покрыто было лицо его. Подошедши ближе къ зрителямъ, онъ снялъ скуфью, поклонился, попросилъ прощенія, но въ отвѣтъ ему раздался глухой и грозный крикъ: *анаема!*... Крикъ этотъ повторялся при каждомъ его поклонѣ, что не помѣшало ему заявить о своей невинности.

Прибывъ на мѣсто казни, онъ снялъ съ себя поясъ, состоявшій изъ прекрасной шали, цѣною до 1,500 франковъ, и отдалъ его священнику. Завязать себѣ глаза онъ не позволилъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, раскрылъ свою грудь, распростеръ руки, и залпъ изъ мушкетовъ, сопровождаемый послѣднимъ, страшнымъ возгласомъ *анаема*, очистилъ землю отъ гнуснаго злодѣя.

* * *

Такова простая, но достовѣрная исторія этого злосчастнаго событія. При разборѣ обстоятельствъ открывается обширное поле для догадокъ.

Народъ громко выражалъ негодованіе на Французовъ. Ихъ обвиняли громкогласно въ томъ, что они если не сами устроили, то вызвали это преступленіе. Я не хочу думать, чтобы сыны современнаго пресвѣщенія лично принимали участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, чапоминающемъ самую варварскія времена; однако не менѣе того

вѣрно, что тутъ дѣйствовала необычайная раздражительность, и личные расчеты превозмогали надо всеѣмъ остальнымъ.

Положеніе графа Каподистрии было весьма затруднительно въ виду ненадежнаго состоянія Европы и чрезвычайныхъ событій, которыя не давали опомниться, необыкновенно быстро слѣдуя одно за другимъ и повидимому потрясли собою самыя основы правительствъ. Воля его была связана отношеніями къ тремъ покровительствующимъ державамъ, и онъ не могъ дѣйствовать по своему свободному усмотрѣнію. Въ странѣ, которою онъ управлялъ, едва доставало доходовъ, чтобы покрывать двѣ трети неминуемыхъ издержекъ. Опека державъ лишала даже возможности пользоваться всеми источниками общественаго богатства. Ему оказывали съ одной стороны скупость, съ другой недоувѣрчивость, что самое, въ борьбѣ съ нуждою, порождало ему враговъ, старавшихся заподозрить его въ глазахъ народа и выставлять послушнымъ угодникомъ иноземной власти, коей будто онъ все приносилъ въ жертву, руководясь побужденіями личными.

Сначала только осуждалась дѣйствія правительства, потомъ начали подговаривать къ ослушанію и даже возмущенію. Нерѣдко употреблялись для того самыя нескромныя средства. То, что въ другое время и въ другихъ мѣстахъ повлекло бы за собою тяжкую отвѣтственность, тутъ и въ это время по необходимости прощалось. Долго было бы излагать все подробности. Приведу одинъ примѣръ, который случайно пришелъ мнѣ на память.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гибели фрегата «Гелласъ», сожженнаго Міаулисомъ, подгулявшіе офицеры французскаго военнаго судна расхаживали по навилійскимъ улцамъ, пѣли взмутительныя пѣсни и

кричали почти подъ самыми окнами президента: «Слава Міаулису! Прочь капоты!» Последнее слово, по созвучію первыхъ словъ съ именемъ Каподистрии, служило оскорбительнымъ намекомъ. Мнѣ возразятъ, можетъ-быть, что отсюда еще далеко до убійства. Я это самъ понимаю; но внимательный читатель конечно согласится, что подобныя, часто повторяемыя, выходки должны были содѣйствовать тому, что произошло тутъ.

Много было людей, не любившихъ графа Каподистрии просто потому, что онъ заслонялъ ихъ собою, благодаря своимъ великимъ способностямъ. Имъ нужно было, во что бы ни стало, избавиться отъ него. Чтобы вѣрнѣе того достигнуть, надлежало воспламенить пылкое воображеніе Грековъ; имъ надлежало внушить, что непригодное для однихъ будетъ вредно и для нихъ самихъ, и что вредное слѣдуетъ разрушить. Наглость дошла до крайности: безъ малѣйшаго стѣсненія открыто говорили, что тотъ, кто убьетъ президента, будетъ истиннымъ героемъ и приобрететъ право на признательность отечества.

Утверждали, что въ ночь съ 26 на 27 сентября, французскія суда, стоявшія въ навилійской пристани, подвинулись къ городскимъ укрѣпленіямъ и что генералъ Жераръ взошелъ на батарею Пяти Братьевъ и подалъ сигналъ...

Положимъ, что все это справедливо, но выводимое изъ того заключеніе не довольно положительно и ясно; слишкомъ долго пришлось бы разбирать всю путаницу противорѣчащихъ показаній, записанныхъ въ свѣдѣствѣ. Видно, что слѣдствіе производилось нелѣпнымъ образомъ и съ большими оупущеніями, что произошло или отъ неспособности членовъ, или отъ вліянія задней мысли, или отъ безыяв навлечь на себя

неудовольствіе тѣхъ, кого не хотѣли оскорбить изъ политическихъ видовъ, и можетъ, всѣ эти причины совокупно сдѣлали то, что слѣдственная коммиссія не достигла прямой своей цѣли и не удовлетворила всеобщаго ожиданія. Еслибы нѣкоторые лица вызваны были къ отвѣту, то показанія ихъ разъяснили бы дѣло и имѣли бы неоспоримую важность, но ихъ пощадили или, лучше сказать, ихъ боялись.

Докладчикъ по условнымъ дѣламъ вызывалъ для показаній одного изъ адъютантовъ генерала Жерара, но послѣдній отвѣчалъ очень грознымъ письмомъ и, подъ самыми ничтожными предлогами, удержалъ вызываемаго отъ явки въ судъ. На вызовъ болѣе не настаивали.

Видно однакожь изъ самаго слѣдствія, что когда Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками спасались бѣгствомъ, то они встрѣтили артиллерійскій баталіонъ, посланный для занятія площади, который преградилъ имъ путь къ батарее Пяти Братьевъ, что тогда бѣглецы старались проскользнуть между солдатъ, для того чтобы пересѣчь улицу и достигнуть своей цѣли. Изъ сего можно заключить, что ихъ прямая и прежде обдуманная цѣль состояла въ томъ, чтобы укрыться въ домъ французскаго консульства. Еслибы они не знали, что найдутъ тамъ убѣжище, то для чего было бы имъ подвергаться неминуемой опасности и не бѣжать по другому пути, гдѣ они не встрѣтились бы съ солдатами?

Изъ того же слѣдствія видно, что Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками вошелъ въ домъ Валліано, но когда и какъ перешли они въ домъ барона Руена, о томъ ничего тамъ не сказано. Кажется, что не хотѣли коснуться той струны, хотя необходимо было бы разъяснить послѣднее обстоятельство.

Только въ 10 часовъ утра баронъ Руенъ

объявилъ, что обвиняемые въ убійствѣ находятся у него въ домѣ, и по собственному своему побужденію предложилъ передать ихъ мѣстной власти. Когда же въ половинѣ третьяго явился комендантъ для взятія преступниковъ, то баронъ отказалъ въ выдачѣ Мавромихали, потому что послѣдній просилъ у него убѣжища и отдался подъ его покровительство, и затѣмъ, въ удовлетвореніе требованія, выдалъ двухъ сообщниковъ убійцы. Что же давало право Георгію на такое особенное покровительство? Не то ли, что руки его еще дымились кровію? Къ вечеру, уступая чувству личнаго опасенія, баронъ согласился его выдать. Г. Пелліонъ взявъ подъ руку убійцу, злодѣяніе котораго было ему извѣстно, и старался возбудить состраданіе въ солдатахъ, увѣряя ихъ своею честію въ извѣстной будто ему невинности злодѣя.

Показанія Каломудгарті очень подозрительны; онъ говоритъ, что генераль Жераръ, услышавъ отъ Ангелиса о томъ, что президентъ убитъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ ко дворцу, но что, проходя мимо дома барона Руена, они услышали шумъ и вошли туда, желая узнать что тамъ происходитъ. Лишь только баронъ увидѣлъ вошедшаго генерала, то вскричалъ: «Что мнѣ дѣлать? Преступники ворвались сюда!» Прежде всего обезоружить ихъ, отвѣчалъ Жераръ, и тогда же приказалъ Каломудгарті отобрать отъ нихъ оружіе. Георгій, передавая ему свои пистолеты, поцѣловалъ то мѣсто, на которомъ остался слѣдъ недавно сдѣланнаго выстрѣла. Не будемъ разбирать показаній часовыхъ, поставленныхъ при водоемѣ и на Ичь-Кале, такъ какъ по неизвѣстной причинѣ они пропущены въ дѣлѣ; но ясно, что баронъ Руенъ, генераль Жераръ и Пелліонъ знали еще сначала, куда именно скрылся убійца. От-

чего же баронъ Руенъ объявилъ о томъ только въ 10 часовъ утра? Отчего г. Жераръ и Пелліонъ, бывшіе на службѣ и на жалованьѣ правительства, хранили такое же молчаніе? Развѣ Пелліонъ не видалъ патетическаго движенія Георгія въ поцѣлуѣ убійственнаго оружія—и затѣмъ провозгласилъ преступника невпнаннымъ? Или, въ порывѣ страстнаго своего удивленія, онъ уже не считалъ этого преступленія преступленіемъ? Такіе поступки не возбуждаютъ ли негодованія? Я бы не кончилъ, еслибы сталъ приводить здѣсь все, что подавало къ тому поводъ, что рассказыывали люди, вполне преданные отечеству, гнушавшіеся убійствомъ (13).

Думаю, что здѣсь слѣдуетъ дать свѣдѣніе о характерѣ убійць и о томъ, какія причины побудили ихъ къ совершенію такого безчестнаго злодѣянія.

Семейство Мавромихали родомъ изъ Майны (древняя Спарта). Байронъ говоритъ о Майнѣ въ 7 примѣчаніи къ своему Гяуру.

Въ то время когда прочіе Греки стонали подъ ярмомъ рабства, Майноты имѣли больше независимости. Обитатели дикой и бесплодной страны, они сохранили тотъ воинственный духъ, которому удивляются въ ихъ предкахъ. Имъ не управляли турецкіе чиновники: бѣдность служила Майнотамъ оградой отъ хищничества Турокъ, и они думали, что не стоитъ труда поработать ихъ. Но Майноты по случайному согласію признали за Высокою Портою право утверждать избираемыхъ ими самими старѣйшинъ или беевъ; члены Дивана пользовались этимъ случаемъ, чтобы взять что-нибудь съ избираемаго и нисколько не заботились о томъ, будутъ ли Майноты уважать выданный имъ фирманъ, или нѣтъ.

Съ нѣкотораго времени званіе бей стало какъ бы принадлежностью семейства Мавро-

михали, и народъ привыкъ уже прилагать къ нему названіе *василла*; случалось, что возникали и споры противъ такой привилегіи, и вслѣдствіе этого, среди этого буйнаго, необщительнаго и жестокаго племени, начинались междоусобицы. Между враждующими проходили нескончасмыя побоища. Жизнь Майнота была постоянной гонобью за случаемъ убійства. Тяжелыи домашнія работы возложены на женщинъ: онѣ зашиваютъ поля и убираютъ хлѣбъ, личность ихъ почитается неприкосновенною. Воздержанность Майнота по истинѣ изумительна: пищу его составляетъ небольшое количество ячменной муки, лукъ, чеснокъ, масляны, мелокъ, сыръ и мясо соленыхъ куропатокъ; во время перелета этихъ птицъ Майноты запасаются ими въ огромномъ количествѣ. Живутъ они въ башенкахъ, отдѣльно одна отъ другой, но не слишкомъ въ далекомъ разстояніи; на верху башни настантъ ровный помостъ. Верхнее жильё занимаетъ женщина, а нижнее мужчина. Онъ сидитъ тамъ, съ боку у него стоитъ ружье, а въ рукахъ у него мандолина, на которой онъ наигрываетъ пѣсню и смотритъ въ продолжанное въ стѣнѣ отверстие, подстерегая своего непріятеля, т. е. приверженца противной стороны. Горько неосторожному путнику, который подойдетъ на такое разстояніе, что пуля можетъ попасть въ него: онъ непремѣнно погибнетъ отъ руки своего врага! Позжеживъ на мѣстѣ прохожаго путника, убійца спокойно беретъ опять свою мандолину и продолжаетъ прерванную пѣсню. Въ условные сроки даже и самыя женщины, не принимающія никакого участія въ раздорахъ мужчинъ, дѣлаютъ другъ другу вызовы, всходятъ на помосты башенъ и начинаютъ метать изъ пращей камнями, что нерѣдко оканчивается смертію которой-нибудь изъ нихъ, потому что онѣ об-

ладають большою ловкостью и рѣдко дѣлають промахи. Въ то время когда у женщинъ идетъ побойце, мужчины соблюдаютъ между собою родъ перемирія, и спокойно смотрятъ на происходящее. Графъ Андрей Метакса, посланный президентомъ въ 1830 году для осмотра Майны, говорилъ, что нашелъ тамъ одного Майнота, который никогда не переступалъ за порогъ своего дома, дено и ноцно занимаясь подстереженіемъ и убіеніемъ враждебныхъ ему людей.

Старшая и младшая линія рода Мавромихали давно враждовали между собою, изъ чего слѣдовали взаимныя нападенія другъ на друга, грабежи, убійства, и по обычаю дикарей, свойственному ихъ странѣ, кровавая месть за пролитіе крови. Во время войны за возрожденіе Греціи Майноты не сражались противъ общаго непріятели, т. е. противъ Турокъ, но постоянно дрались между собою. Старыя вражды не прекращались, но съ того времени, когда въ Греціи возникъ какой-нибудь общественный порядокъ, они уменьшили свою свирѣпость и стали менѣе осторожны, чѣмъ и послѣдшии воспользоваться Константианъ, братъ Петра бея, и сынъ послѣдняго, Георгій: они напали на одного Мавромихали изъ младшей линіи и нанесли ему многія раны.

Пора частнаго мщенія миновала. Слабая числомъ семья израненнаго искала покровительства законовъ. Президентъ принялъ отъ нея просьбу и потребовалъ виновныхъ къ отвѣту.

Здѣсь историку предстоятъ большія затрудненія въ случаѣ, если читатель незнакомъ съ мѣстными нравами. Чтобы дать ему о нихъ понятіе, должно войти въ подробности, превышающія объемъ этой статьи. Надобно однако сказать здѣсь, что Греки даже и въ то время, когда были еще подъ турецкимъ владычествомъ, управлялись сво-

ими выборными, которые сами собою составляли родъ внутренней мѣстной аристократіи подъ именемъ коджей, башей и примаговъ и дѣйствительно были во главѣ управления, оставляя турецкому правителю одинъ громкій титулъ и ненавистныя дѣйствія исполнительнои власти. Прощеніе кому-либо или какое снисхожденіе испрашивала всегда также аристократія, вмѣняя пеходатайствованіе себѣ въ заслугу и обращая все въ свою пользу, а зло приписывая учрежденной надъ ними власти. Велѣдствіе такой коварной системы она приобрѣла большую силу надъ народомъ, и онъ долго еще останется подъ ея вліяніемъ; а до тѣхъ поръ пока оно продолжится, возмущенія не прекратятся противъ власти, основанной на законахъ; послѣдняя будетъ конечно дѣйствовать не согласно съ выгодами людей такого рода.

Учрежденіе судовъ было предметомъ желанія всего народа; но гдѣ было найти истолкователей закона среди населенія, прозябавшаго подъ игомъ варваровъ? Президентъ принужденъ былъ раздавать мѣста Грекамъ съ Ионическихъ острововъ: они одни вмѣстѣ съ знаніемъ языка имѣли понятіе о порядкѣ судопроизводства. Справедливость заставляетъ сознаться, что соотечественники президента (онъ родился на островѣ Корфу) толпою собирались къ нему въ надеждѣ, что будутъ располагать мѣстами. Враги его воспользовались этимъ и не преминули обвинить его въ томъ, что онъ раздаетъ почетныя мѣста своимъ, и не допускаетъ до нихъ туземцевъ. Надобно выкинуть въ силу тамошнихъ предразсудковъ, чтобы представить себѣ, какое дѣйствіе произвелъ на нихъ вызовъ къ отвѣту сына Петро-бея! Въ судѣ засѣдали ненавистные имъ чужеземцы.

Теперь мнѣ становится еще труднѣе сдѣлать рассказъ мой понятнымъ читателю Европейцу, а между тѣмъ достовѣрно, что

учрежденіе судовъ было главнымъ поводомъ къ неудовольствію, особенно по личному ихъ составу. Греки полагаютъ, что въ судѣ состоитъ законъ, вопреки нашимъ европейскимъ понятіямъ. Мы смотримъ на судей, какъ на истолкователей закона, съ которымъ нельзя дѣлать стѣлки, и какъ на послѣднія его орудія; въ Греціи самыя основательныя исходы къ вызову на судъ назывались дѣйствіями тиранства. Люди нѣсколько болѣе образованные, казалось, должны были понять, что повиновеніе законамъ необходимо, но какъ скоро оно оказывалось несогласно съ ихъ выгодами, то начинали вторить недовольнымъ, воцѣлать противъ самовластія и порцать дѣйствія правительства. Замѣтимъ, что и сами чужестранцы (называемые тамъ Европейцами) не отставали отъ участія въ коварныхъ замыслахъ и, какъ только являлся къ тому предлогъ, старались унижать правительство.

Старый бей, членъ Герузии (Сената), пришелъ въ ярость отъ самовластія президента, и своими зловредными внушеніями началъ подстрекать другихъ. Сторонники его, посланные имъ въ Майну, собрали тамъ вооруженную шайку; намѣреваясь лично предводительствовать ею, Петро-бей тайно оставилъ Навплию и отправился въ Лимекскую гавань, на кораблѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе Англичаниномъ Гордономъ. Буря заставила бея бросить якорь при Армиро, что въ Каламитскомъ заливѣ; мѣстное начальство, извѣщенное о враждебныхъ его замыслахъ, задержало его и возвратило въ Навплию, гдѣ онъ посаженъ былъ въ крѣпость Ичь-Кале, что опять называли тиранствомъ.

Въ то время, когда Петро-бей Мавромхали сидѣлъ въ крѣпости за политическое преступленіе, а его сынъ и братъ по уголовному дѣлу, во многихъ мѣстахъ произошли

возстанія. Изъ этого можно заключать, что неудовольствіе было всеобщее, но это будетъ ошибочно; говоря о Грекахъ, мы разумѣемъ подѣтвѣтвѣименемъ мирныхъ жителей, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей, а затѣмъ разнородный сбродъ, готовый къ переворотамъ. Въ немъ конечно есть и природныя Греки, но большую часть составляютъ Греки, выѣзжіе изъ Европы, разбѣянные по всему пространству земли, и чуждые здѣшнему эллинскому семейству. Многіе изъ послѣднихъ, отличившіеся дурными свойствами, стояли подъ знаменами возрожденія Греціи; но ими не руководили такія высокія чувства. Занимая попеременно разныя должности, они приходили и уходили, какъ имъ вздумалось; но едва только Греція получила надежду на лучшую будущность, они снова налетѣли на нее подобно стаѣ хищныхъ птицъ; каждый изъ нихъ объявлялъ свои права на признательность народа и старался увѣрить, что отечество ему одному обязано своимъ спасеніемъ. Скажемъ здѣсь о чрезвычайной несоразмѣрности требованій просителей и тѣхъ способовъ, какіе имѣлъ президентъ для ихъ удовлетворенія; стѣитъ только припомнить, что онъ раздѣлил Грецію на 10 или 11 префектуръ, *eclatos*, или епитрошій, а кандидатовъ на эти мѣста значилось по росписи 600 человекъ. Если сообразимъ, что на второстепенныя должности было почти такое же число искателей, то понятно, въ какомъ затрудненіи находилось правительство, чтобы удовлетворить эту толпу людей, которые старались поставить себя на видъ, для *полученія мѣста*. Вотъ ключъ къ раскрытію причинъ безпрестанныхъ возмущеній, и онѣ перестанутъ удивлять насъ, если прибавимъ, что въ Греціи было тогда слишкомъ 10,000 не регулярнаго сухопутнаго и морскаго войска, которое плохо получало жалованье и нахо-

дилось подъ распоряженіемъ ненасытныхъ корыстолюбцевъ, имѣвшихъ въ виду свои личныя выгоды. Къ этому времени, столь обильному потрясеніями, присоедините денежныя затрудненія, что понятно въ странѣ, гдѣ еще не установился порядокъ. Частыя промедленія Лондонской конференціи, отъ которой зависѣла участь Греціи, противоположность выгодъ покровительствующихъ державъ, и пр. дасть понятіе, хотя все еще не полное, о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находилса президентъ и что было причиною возмущеній.

Уступая мнѣнію своихъ совѣтниковъ, что лучшимъ средствомъ къ умиротворенію страны и къ привлеченію умовъ будетъ пощада семейства Мавромихали, столь сильнаго на родинѣ, президентъ назначилъ дядѣ и племяннику мѣстомъ заключенія стѣну крѣпости. Здѣсь имъ дозволено было свободно прохаживаться подъ надзоромъ двухъ полицейскихъ стражей; имена послѣднихъ были: Яни Караяни и Андрей Партиносъ; они прежде служили въ домѣ Мавромихали, а потомъ случайно, а можетъ-быть и съ умысломъ, поступили въ полицію.

Люди, которые старались о разрушеніи учрежденнаго порядка, овладѣли обоими Мавромихали, уже занятавшими себя не однимъ преступленіемъ, и слѣдовательно способными совершить новое. Они-то подстрекнули ихъ на убійство, превращая злодѣяніе въ подвигъ. Эта идея принята была тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе правленіе Каподистрии было противно людямъ такихъ свойствъ какъ Мавромихали. Ненависть послѣднихъ къ президенту была усиливается дерзкими, и они особенно сошлись между собою потому, что и тѣ и другіе были личными врагами президента и не переставали возставлять противъ него всѣхъ, кто только имѣлъ какое-нибудь вліяніе въ Греціи.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1. Для полнѣйшаго уразумѣнія этого повѣствованія читателю необходимо имѣть планъ Навплии или хорошо заломнить ея топографическое описаніе.

На скалѣ, высокою въ 750 футовъ, построена крѣпость Паламиди. Ниже простирается долина овальной формы. Отъ крѣпости она отдѣляется рвомъ, и склоняясь отъ востока на западъ оканчивается мысомъ, гдѣ находится пристань. Съ юга долина омывается моремъ, а на сѣверной сторонѣ застроена домами, поднимающимися вверхъ, по горѣ, и стоящими почти въ ровень съ стѣною крѣпости. Археологи утверждаютъ, что на этой возвышенной плоскости существовала древняя Навплия. Съ теченіемъ времени наносные пески образовали, у подошвы скалы, равнину, гдѣ явился дома и образовался городъ. Венеціане, во время владычества своего надъ Мореею, заботились объ укрѣпленіи Навплии, воздвигли крѣпость Паламиди и стѣну, извѣстную нынѣ подъ именемъ Ичь-Кале.

Городъ можно раздѣлять на три части: первая находится въ оградѣ стѣны Ичь-Кале; остальная, растянута по ровной плоскости, раздѣляется на-двое плотною стѣною, параллельно противъ Ичь-Кале, Пентадельфія, имя данное потому, что здѣсь нѣкогда стояли пять пушекъ, огромнаго размѣра; эта часть города оканчивается на лѣвой сторонѣ бастіона, стоящаго на твердой землѣ; отъ него идетъ люнетъ (полумѣсяцъ) вдающійся въ море; съ правой стороны бастіона находится на протяженіи 70 саженьъ четвероугольное пространство и оканчивается мостомъ, который построенъ у подошвы крѣпости и ея ограды, Ичь-Кале. Это пространство

съ сухаго пути есть единственная точка для защиты города, равно какъ и для нападенія. Крѣпостной мостъ служить единственнымъ выходомъ изъ города на твердую землю. Съ одной стороны ограждаетъ его батарея въ три уступа (Ичь-Кале), съ другой люнетъ батареи, что на твердой землѣ и другой на оконечности, вдающейся въ море. Послѣдній бастионъ влѣво отъ перваго устроенъ такъ хорошо, что съ него удобно производить перекрестный огонь. Вторая часть города поднимается вверхъ до стѣны, ограждающей крѣпости, также отъ подошвы Ичь-Кале. Третья—отъ стѣны до набережной и составляетъ поморское предмѣстье. Войдя въ Навплию съ сухаго пути, проходишь по узкой и грязной улицѣ, слѣдуя вдоль изгибовъ Ичь-Кале, и приходишь къ батарее Пяти Братьевъ. На этой улицѣ стоитъ церковь св. Спиридона; входная дверь ея обращена къ переулку, поднимающемуся въ верхнюю часть города.

Не должно воображать, что наружный видъ этой церкви походить на видъ церквей въ другихъ мѣстностяхъ. Это мрачный, прямоугольный сарай, а входная, сбоку пробитая, дверь не шире двери въ домъ какого-нибудь частнаго человѣка. Къ церковной стѣнѣ прислонены дома.

Съ той стороны, гдѣ находится батарея Пяти Братьевъ, море омываетъ стѣну, разделяющую городъ на двѣ части. Поморское предмѣстіе начинается въ порядочномъ отъ нея разстояніи съ восточной стороны. Батарея Пяти Братьевъ имѣетъ пристань и деревянный молъ (или брусьяную стѣну) для огражденія судовъ всякаго рода. Входъ туда бываетъ открытъ только въ случаѣ потребности.

Идучи назадъ отъ батареи, видишь казенный домъ, выстроенный особнякомъ,

который занимать, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, генераль Жераръ, начальствовавшій надъ регулярными войсками. Французскій резидентъ, баронъ Руенъ, жилъ въ домѣ г. Трикупи, ближе къ морю. Отъ этого дома, отдѣленный только садомъ, стоялъ домъ г. Валліано, маіора инженернаго баталіона. По верху упомянутой стѣны выслана дорожка (тротуаръ) вровень съ окнами нижняго жилья Руена и Валліано. Но между этими домами и стѣною пролегаетъ улица, шириною въ 3 или 4 сажени. Дорожка по ребру стѣны ведетъ къ цистернѣ, устроенной противъ угла дома г. Валліано.

Самыя замѣчательныя мѣста въ городѣ (т. е. тѣ, о которыхъ мы говоримъ въ нашемъ повѣствованіи) суть, во-первыхъ, вышеозначенныя; затѣмъ, идучи далѣе, и поднимаясь вверхъ, приходишь на площадь Яворовъ, или на войсковую площадь. На послѣдней самое замѣчательное зданіе представляютъ казармы, съ воротами подъ сводомъ, въ боковыхъ стѣнахъ которыхъ подѣланы комнаты для виновныхъ въ нарушеніи военнаго устава; далѣе находится военное училище; затѣмъ, пройдя еще одни ворота со сводами, видишь небольшой дворецъ, или просто домъ, графа Каподистрии,—зданіе, гдѣ помѣщается герузія, жилище русскаго резидента, барона Ривмана, и другіе.

2. Европейскіе читатели, свыкшіеся съ обычаями своей страны, конечно станутъ удивляться, что литургія совершается здѣсь такъ рано. Надобно сказать, что Греки, во избѣжаніе столкновеній съ Турками, старались совершать божественную службу прежде, нежели тѣ поднимутся на ноги.

3. Президентъ не любилъ репрезентации; онъ едва допускалъ служившаго у

него Албанца сопровождать себя, и если кто либо изъ слугъ присоединялся къ послѣднему, то это было вовсе не по приказанію президента, а часто даже и на-противъ того. Каждый день, въ опредѣ- ленный часъ, президентъ, въ штатскомъ платьѣ, съ палкою въ рукахъ, отправлял- ся на прогулку одинъ и ходилъ часъ или два, свободнымъ и легкимъ шагомъ. Онъ не очень любилъ Георгія Кандіотти, ко- торый лишился правой руки, сражаясь за отечество.

4. Президентъ, сообразно теченію дѣлъ, бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ получилъ благоприятныя вѣсти изъ Лондона, и сверхъ того я знаю изъ вѣр- наго источника, что глава недовольныхъ въ Идрѣ, Кандуріотти, препроводилъ къ нему письмо, съ изъявленіемъ своей го- товности покориться, присовокупляя толь- ко просьбу пощадить его самолюбіе.

5. Греческая артиллерія устроена была по образцу французской. Войско дѣлилось на баталіоны (въ то время былъ только одинъ), баталіонъ—на роты. Артиллери- сты были вооружены такими же ружьями, какъ и пѣхотинцы.

6. Президенту сдѣланы были многіе допросы, но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить, особливо тому, чтобы кто-либо рѣшился покуситься на его жизнь тамъ, гдѣ соб- ственная жизнь убійцы подверглась бы неминуемой опасности. Онъ говорилъ, что на такое покушеніе скорѣе могли рѣ- шиться въ его кабинетѣ, откуда убій- цѣ удобнѣе было бѣжать, прежде не-жели узнали бы о случившемся. Многимъ, убѣждавшимъ президента принять мѣры предосторожности, онъ отвѣчалъ съ ус- мѣшкою: «Можно ли имѣть такъ мало здраваго смысла, чтобы вздумать убить меня на улицѣ? Вы знаете, да это и всѣмъ

извѣстно, что доступъ ко мнѣ свободенъ всякому, что мои служители сидятъ въ третьей или четвертой комнатѣ отъ моего кабинета, гдѣ я занимаюсь дѣлами и гдѣ принимаю. Можетъ-быть, вы предполагаете, что ко мнѣ войдетъ такой же широколе- чій человекъ, какъ полковникъ Райко, подхватить меня руками, задушить, по- томъ тихо опустить на кресло и уснѣтъ выйдти, прежде нежели другіе хватятся, что я отдалъ Богу душу.»

7. Пистолеты заговорщиковъ заряжены были отличнымъ англійскимъ порохомъ и двумя пулями, связанными проволокою.

8. Съ нѣкотораго времени оба Мавро- михали стали часто ходить въ церковь. Въ день убійства, предъ началомъ литур- гіи, они подошли къ образу, *поставили свѣчи* и усердно помолились, а потомъ приблизились къ дверямъ.

9. Тѣло Константина Мавромихали до того было обезображено, что нельзя было узнать съ перваго взгляда; его даже при- няли сначала за Турка.

10. Солдаты легко смѣтили, чего хотѣ- лось генералу Жерару: ему хотѣлось при- своить себѣ главное начальство надъ во- енною силою. Они знали, что уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ согласія не было между президентомъ и гене- раломъ; они понимали, что смерть перва- го не возмущаетъ послѣдняго и что вслѣдствіе того онъ не будетъ въ насто- ящую минуту дѣйствовать какъ бы слѣ- довало, а потому и отвѣчали ему такъ рѣзко. Замѣчательно то, что генераль, ста- раясь склонить войско на свою сторону, обратился напередъ къ своему любимому полку, носившему названіе типическаго, или образцоваго, которому онъ позволялъ носить національную одежду и испросилъ нѣкоторыя привилегіи, что возбудило не-

удовольствіе въ другихъ; но и этотъ самый полкъ не измѣнилъ долгу и такимъ образомъ разстроилъ планы Жерара.

11. Онъ испробовалъ всѣ возможные способы для привлеченія на свою сторону солдатъ и офицеровъ, но никто не хотѣлъ его слушать. Пробили въ барабаны, и затѣмъ войско могло принимать приказанія только отъ высшаго, любимаго ими начальника, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Въ числѣ многихъ средствъ, употребленныхъ Жераромъ для пріобрѣтенія власти, расскажемъ слѣдующее: подъ благовиднымъ предлогомъ, что войску слѣдуетъ заявить предъ всѣмъ народомъ, что оно готово подчиниться рѣшеніямъ правительственной комиссіи, онъ вздумалъ идти во главѣ его къ дому собранія. Безъ всякаго отношенія къ коменданту, онъ послалъ приказаніе всѣмъ офицерамъ собраться въ такой-то часъ и въ такомъ-то мѣстѣ. Не сомнѣваясь въ исполненіи послѣднимъ его приказа, генералъ пошелъ на сборное мѣсто, но посланные возвратились съ отвѣтомъ, что войско стоитъ подъ ружьемъ, офицеры при своихъ мѣстахъ, но что они не двинутся съ мѣста безъ распоряженія полковника Алмейды. Послѣ такого извѣщенія генералъ долженъ былъ возвратиться и послать отношеніе къ коменданту, послѣ чего офицеры по первому назначенію явились. Полковникъ, занятый другими дѣлами, особенно же взятіемъ подъ стражу Георгія, не участвовалъ въ этомъ посѣщеніи, графъ Августинъ тоже. Г. Колетти принялъ генерала и его штабъ-офицеровъ, и послѣдній предлагалъ, чтобы правительственная комиссія для отѣны ихъ вручила ему надлежащую власть, но тогда одинъ изъ офицеровъ сдѣлалъ противъ этого сильное и рѣзкое возраженіе, и генералъ, видя, что

мнѣніе не склоняется въ его пользу, оставилъ свои попытки и нѣсколько дней не показывался въ обществѣ. Неудовольствіе солдатъ противъ Жерара было такъ сильно, что со дня убіенія президента по тотъ, когда ему прислали отставку, и рядовые и бывшіе на часахъ, упорно отказывались отдавать ему честь, какъ главноначальствующему. Выговоры и даже наказанія не дѣйствовали: они притворялись, что не видали его, когда онъ проходилъ мимо нихъ.

12. Колокотрони выбранъ былъ заочно: 27 сентября онъ находился въ Корнеенѣ.

13. Мы говорили уже о сношеніяхъ должностныхъ лицъ, о томъ, что баронъ Руенъ объявилъ только въ 10 часовъ утра, что преступники находятся у него въ домѣ. Приведемъ показанія свидѣтелей и просимъ читателей обратить на нихъ вниманіе. Первое показаніе лейтенанта Каломудгарги, адъютанта генерала Жерара:

«При первомъ извѣстіи о печальномъ событіи, генералъ Жераръ быстрымъ шагомъ пошелъ къ площади Трехъ Адмираловъ; но, услышавъ необычайный шумъ въ домѣ, занимаемомъ французскимъ консульствомъ, постучался въ двери,» и пр. Замѣчу, что дорога, по которой надобно было идти генералу, шла совсѣмъ не мимо этого дома; она пролежала позади каменной стѣны, отдѣляющей домъ, такъ что за этой стѣной невозможно было слышать что бы тамъ ни происходило и какъ бы тамъ ни шумѣли. Къ тому же послушныя и покорные имъ люди, отдавшіе по первому требованію свое оружіе, не стали бы громко шумѣть.

Второе показаніе сдѣлано баталіоннымъ командиромъ Валліано и еще однимъ лицомъ, проживавшимъ у него въ домѣ:

«Въ воскресенье, 27 сентября, прія-

тель Г. Валліано выходилъ изъ его дома и встрѣтилъ на лѣстницѣ Георгія Мавромихали, на лицѣ коего видны были испугъ и свирѣлость. Георгій сказалъ ему, чтобы онъ воротился назадъ, что у воротъ поставленъ часовой, которому велѣно стрѣлять въ каждаго, кто къ нему приблизится. Послѣ того онъ бросился въ комнату Валліано, лежавшаго еще въ постелѣ съ своей женой, и сказалъ ему: «Мы ушли. Куски и осколки.» Послѣ, на судѣ онъ постоянно отпирался отъ участія въ заговорѣ и возлагалъ всю вину на дялю; утверждалъ, что неговорилъ: «Мы ушли» а сказалъ: «ушли,» что на греческомъ языкѣ имѣетъ двойной смыслъ. Да кого же вы на куски изрубили?—спросилъ у него Валліано, и узнавъ, что дѣло шло о президентѣ, не могъ удержаться и вскрикнулъ отъ ужаса. «Замолчи!» сказала Мавромихали, приставивъ въ груди его пистолетъ. «Если ты скажешь громко хотя одно слово, то я убью тебя.» Удостоверившись, что нечего опасаться жильцовъ Валліано, Георгій и его сообщники заставили входную дверь, завалили подушками и матрасами окна, затворили ставни, и въ ожиданіи нападенія приготовились къ оборонѣ. Валліано набросилъ шаль на плеча своей жены и сѣвшилъ уйдти въ домъ французскаго консульства.

Когда и какимъ образомъ убійцы перешли въ домъ Руена — о томъ нѣтъ ни одного слова въ слѣдственномъ дѣлѣ.

При разсмотрѣніи этихъ показаній и подробностей, относящихся къ самому дѣлу, выясняются слѣдующія событія:

Во-первыхъ, явное противорѣчіе между показаніями Коломудгарті и Валліано. Показаніе послѣдняго, согласовавшееся съ показаніями должностныхъ лицъ, есть формальное опроверженіе показаній перваго; очевидно, что потребно было время для

перехода изъ дома Валліано въ домъ французскаго консульства, слѣдовательно генераль Жераръ при первомъ своемъ выходѣ никакъ не могъ видѣть убійцъ и взять отъ нихъ оружіе.

Во-вторыхъ, что баронъ Руенъ не былъ застигнутъ убійцами врасплохъ, но принялъ ихъ въ приготовленное для нихъ убѣжище. Повторяю это потому, что все заставляетъ думать, что убійцы имѣли цѣлю добраться до дома французскаго консульства, и что ежели они сначала и скрылись въ домѣ Валліано, то вѣроятно это сдѣлано было для того, что по этой улицѣ было удобнѣе пройти въ консульство.

Изъ огромнаго числа фактовъ приводимыхъ въ дѣлѣ, упомянемъ объ одномъ, заслуживающемъ особеннаго вниманія.

Военный судъ, учрежденный президентомъ, вѣдомству котораго поручены были дѣла о возмущеніяхъ, о государственной измѣнѣ и разбояхъ, подвергъ допросу Георгія и его сообщниковъ, но они упорствовали въ заперательствѣ и возлагали всю вину на Константина, котораго уже не было на свѣтѣ. Въ числѣ вещей, подкрѣпляющихъ обвиненіе, представлены пистолеты Георгія и Караяни; одинъ изъ нихъ былъ заряженъ, а на другихъ оставались слѣды недавнихъ выстрѣловъ. Обвиняемые утверждали, что они выстрѣлили на воздухъ, для того чтобы передъ ними разступилась толпа и не заставила бы ихъ пострадать за преступленіе Константина. Пистолеты Партиноса оказались не заряженными, и на нихъ не оказалось слѣдовъ выстрѣла, и потому судъ призналъ его виновнымъ въ взмѣнѣ и убійствѣ не предумышленнымъ. Впослѣдствіи онъ однакожъ признался, что и его пистолеты также были заряжены, какъ и у прочихъ; но, не смотря на такое признаніе, чья-то благо-

склонность измѣнила заслуженный имъ смертный приговоръ на ссылку въ каторжную работу, срокомъ на 10 лѣтъ.

Каралини, выслушавъ чтеніе своего смертнаго приговора, пришелъ въ сильное отчаяніе; тутъ онъ сталъ говорить, что сообщитъ важныя открытія, и судъ имѣлъ слабость согласиться его выслушать. Это доставило преступнику возможность выпграть время до той эпохи, когда нечего уже было думать о совершении казни. Послѣ того, вмѣстѣ съ Партиносомъ, онъ свободно и спокойно ходилъ по городу.

ПИСЬМО СПЕРАНСАГО НЪ АРНАДІЮ АЛЕНСЪЕВИЧУ СТОЛЫПИНУ.

Отъ 5-го марта 1818-го г. (Пенза)

Весьма благодаренъ вамъ за Исторію Карамзина. Чтѣ бы ни говорили ваши либральные *врали*, а исторія сія ставитъ его на ряду съ первѣйшими писателями въ Европѣ. Скажу даже, что я ничего не знаю ни на англійскомъ, ни на французскомъ языкѣ превосходитѣе. Слогъ вообще прекрасный; духъ—и времени и обстоятельствомъ и достоинству Имперіи свойственный; богатство учености и изысканій дѣйствительно вездѣ рѣдкое, а у насъ и невиданное и небывалое. Онъ и Уваровъ у насъ суть первые ученые люди изъ Русскихъ,—первые не только по достоинству, но и по времени. Въ семь родѣ, т. е. въ истинной учености, отъ Теофана до нихъ у насъ совершенная пустота. Я говорю о Русскихъ, а не о Нѣмцахъ, кои занимались нашими дѣлами и нынѣ еще занимаются съ великимъ успѣхомъ. Можно сдѣлать нѣсколько примѣчаній и мелкихъ поправленій, но чтѣ значать сіи маленькія пятна! Въ посвященіи слогъ молодежавъ и даже есть нѣкоторое остроловіе, важности предмета несообраз-

ное,—но кто читаетъ посвященія? И Корнель, и Расинъ писать ихъ не умѣли. О предисловіи тоже можно сдѣлать примѣчаніе, но я говорю объ Исторіи, а не о фразахъ и мелочахъ. Не пріобцайтесь, ради Бога, къ толпѣ людей, къ сожалѣнію, у насъ еще многочисленной, людей, кои не умѣютъ или не хотятъ отдать справедливости самымъ истиннымъ достоинствамъ, когда не находятъ въ нихъ своихъ системъ, или своихъ предубѣжденій: совѣтъ, впрочемъ, излишній, потому что вы любите и правду, и автора, и прежде всѣхъ другихъ перевозносили мнѣ и трудъ его, и образъ мыслей. Есть точка зрѣнія, съ коей можно совсѣмъ иначе и, можетъ-быть, справедливѣе смотрѣть на нашу исторію и написать ее, но сей видъ должно предоставить потомству и будущимъ томамъ.

«Вотъ какъ одинъ великій историческій дѣятель отзывался о трудѣ другого, не передъ публикою, и не для публики, а въ домашнемъ, откровенномъ письмѣ.»
(Сообщено барономъ М. А. Корфомъ).

ЗАМѢТНА.

Какъ польскіе магнаты относились къ своимъ крестьянамъ и какъ на это смотрѣлъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій—показываетъ нижеслѣдующій краткій приказъ Свѣтлѣйшаго, данный имъ управлвшему имѣніемъ его, купленнымъ имъ у князя Ксаверія Любомпрекаго *).

*) Князь Ксаверій Любомирскій, въ 1777 году, изъ князей Римской имперіи былъ принятъ въ Русскую службу прямо полковникомъ и состоялъ въ оной до 1797 года. Въ этомъ году онъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, вслѣдствіе просьбы его объ увольненіи на нѣсколько времени отъ полка, по случаю кончины его матери и отчаянной болѣзни дочери, отставленъ, высочайшимъ приказомъ 4 іюня, отъ службы.

Орлеръ коллежекому ассесору Брзожовскому отъ
28-го января 1787 года за № 149.

«Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у князя Любомирскаго польскомъ кмѣищ *вистълицы* предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя ни знаку оныхъ; жителѣмъ же объявить, чтобы они исполнили

приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, а не изъ страха казни» *).

Изъ дѣлъ князя Потемкина Таврическаго, оп. 194 кн. 409, хранящихся въ Москов. Отд. Общ. Арх. Глав. Штаба.

Гр. Александровъ.

*) Вотъ—прибавимъ мы—разгадка тоглашняго вліянія нашего въ Западномъ краѣ: умственно и нравственно преобладали мы въ то время. П. Б.

НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ РУССКОЙ БИБЛЮГРАФІИ.

Запасъ всего того, что напечатано на родномъ нашемъ языкѣ, какъ старинномъ, такъ и новомъ, гораздо меньше напечатаннаго на другихъ европейскіхъ языкахъ; самое книгопечатаніе введено у насъ только тогда, когда въ другихъ странахъ Европы оно произвело уже много и много тысячъ изданій; распространилась же у насъ типографія уже въ то время, когда тамошнія изданія считались едва ли не сотнями тысячъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, у насъ позволительно не только желать, но и ожидать полнаго описанія всего нашего печатнаго запаса; а что желаніе это можетъ исполниться, доказывается тѣмъ, что все, появивъ напечатанное у насъ церковнымъ шрифтомъ, уже сочтено (за исключеніемъ развѣ немногихъ книгъ или книжекъ, которыя отыскиваются въ теченіи времени въ разныхъ закоулкахъ) и отлично описано въ трудахъ Сопикова (1-ая часть его *Опыта*), Калайдовича, Строева, Шпряева, Сахарова, Каратаева, Ундольскаго, Бычкова и Викторова *).

*) Мы видѣли корректурные листы книги Ундольскаго: «Опытъ славяно-русской бібліографіи» издаваемой А. Е. Викторовымъ. Въ ней описано 3690 книгъ, напечатанныхъ съ 1491 года по 1864; за тѣмъ

Пекарскій и Бычковъ также хорошо и подробно описали и книги, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ по 1725 годъ.

Слѣдовательно русскимъ книговѣдамъ остается еще желать и ожидать исчисленія и описанія книгъ, напечатанныхъ гражданскимъ же шрифтомъ съ 1725 года по настоящее время.

Основаніе такому желаемому описанію положено Сопиковымъ во второй, третьей, четвертой и пятой частяхъ *Опыта* Россійской бібліографіи, расположеннаго имъ по азбучному порядку названій (который весьма сбивчивъ). Почтенный и скромный Сопиковъ самъ назвалъ трудъ свой *Опытомъ*, чувствуя и сознавая его несовершенство и неполноту. Необходимо помнить, что до изданія этого *Опыта*, то есть до 1813—1820 годовъ, не было у насъ ни хорошо-устроенныхъ и обширныхъ собраній русскихъ книгъ, ни порядочныхъ имъ описей; самъ Сопиковъ ни воспитаніемъ, ни житейскими обстоятельствами не былъ под-

слѣдуетъ дополнительный списокъ, составленный Бычковымъ и состоящій изъ 1037 названій; послѣднія касаются изданій 1865—1866 годовъ. Сверхъ того въ бібліотекѣ Лукашевича оказалось въѣкторое число книгъ, неизвѣстныхъ доселѣ.

готовленъ къ труду, предпринятому изъ одного усердія къ дѣлу; онъ записывалъ урывками книги случайно попадавшіяся ему въ руки, не зная притомъ требованій библіографіи, уже повсемѣстно принятыхъ въ другихъ странахъ, а довольствуясь исполненіемъ тѣхъ, кои успѣли дойти до него; сверхъ всего этаго онъ не успѣлъ донести самъ своего труда и помѣстить въ концѣ обѣщанный въ предисловіи реестръ по именамъ сочинителей, что сдѣлало бы его Опытъ несравненно доступнѣе для всякаго. Не справедливо бы сѣтовать на Сопикова за неуклюжесть его творенія, за переначаніе заглавій, за мелкіе промахи всякаго рода; слѣдуетъ благодарить этого труженника (и благодарить усердно) за сдѣланную впервые попытку и за указаніе на множество книгъ, которыя были напечатаны до его времени и которыя уже не встрѣчаются въ выпѣсненныхъ собраніяхъ и не упоминаются даже теперешними библіографами.

За смертью Сопикова послѣдняя часть Опыта допечатана въ 1820 году Анастасевичемъ; въ это самое время, подъ руководствомъ того же Анастасевича, составлена и издана: Роспись библіотеки для чтенія Плавильщикова. Эта роспись расположена въ систематическомъ порядкѣ; сверхъ того къ ней приложенъ азбучный указатель именъ сочинителей, то есть уже удвоено удобство къ справкамъ. Но частная библіотека, особенно же библіотека для чтенія, по существу своему, не можетъ претендовать на полноту; въ составъ ея не можетъ вмѣщаться книгъ старинныхъ или рѣдко встрѣчаемыхъ или рѣдко требуемыхъ; слѣдовательно кругъ справокъ, дѣлаемыхъ въ ея каталогѣ, не можетъ быть очень обширенъ, какъ бы впрочемъ она ни была значительна.

Библіотека Плавильщикова перешла къ Смирдину. Смирдинъ, пополнившій ее многими книгами, долженъ былъ имѣть въ виду при этомъ требованія своихъ подписчиковъ, обращенныя большею частію на вновь выходящія книги.

Въ 1828 году, значительно дополненный и исправленный каталогъ Анастасевича изданъ вновь, какъ Роспись библіотеки для чтенія Смирдина; смѣтливый издатель прибавилъ къ нему новое, то есть третье удобство для публлки: указатель по азбучному порядку заглавій.

Соединеніе этихъ трехъ удобствъ къ отысканію какой либо книги (то есть систематическій порядокъ, азбучная роспись именъ сочинителей и роспись книгамъ по азбучному порядку) чрезвычайно облегчило справки и для ученыхъ цѣлей и для торговли.

Библіотека Смирдина продолжала пополняться, что свидѣтельствуютъ Прибавленія, изданныя въ 1829 и 1832 годахъ. Жаль, что къ этимъ Прибавленіямъ не были приложены двойные азбучные указатели; впрочемъ большая часть заглавій изъ нихъ вошла въ Роспись Ольхина, изданную въ 1846 году; эта Роспись составлена совершенно по образцу Смирдинской, то есть съ такими же двойными азбучными указателями и только съ незначительнымъ измѣненіемъ систематическаго порядка.

Библіографія не есть наука, а ключъ къ знанію; скромное ея назначеніе—подавать всякому, кто ищетъ знанія и свѣдѣній, способы какъ можно легче ознакомиться съ дѣломъ и не терять времени и силъ на поиски; говоримъ: всякому, разумѣя и самаго ученаго и самаго малограмотнаго, преимущественно же послѣдняго. Не входя въ оцѣнку исчисляемаго матеріала, хо-

рошь ли онъ, дурень ли, бібліографіи слѣдуетъ изчислить то, что сдѣлала наука или создало слово человѣка. Хотя бібліографія и можетъ быть примѣнена, по языку, эпохѣ, времени къ большому или меньшему кругу, но все таки она должна оставаться вѣрною своему главному предназначенію: быть удобнымъ ключемъ въ рукахъ всякаго, — ученый ли онъ, полученный ли или вовсе не ученый. Этого совершенства у насъ едва ли не достигли Росписи Смирдина и Ольхина; скажемъ утвердительно, что всякую книгу, попавшую въ эти Росписи, нельзя не отыскать въ нихъ скоро и легко; по этому чрезвычайно практическому удобству, эти Росписи остались необходимыми для каждаго, кто на Руси занимается или намѣревается заняться чѣмъ-либо научнымъ или литературнымъ; а такъ какъ онѣ обязаны главнымъ своимъ совершенствомъ соединенію трехъ способовъ къ изысканіямъ, то мы твердо увѣрены, что необходимо сохранять всѣ эти три удобства въ совокупности при будущихъ бібліографическихъ изданіяхъ того же рода.

И такъ, по части книговѣдѣнія, мы Русскіе имѣемъ:

1, Такія пособія касательно книжнаго дѣла по 1725 годъ, какихъ въ этой же полнотѣ нѣтъ и даже не можетъ быть у другихъ. Дѣятели названы выше.

2, Очень не полные, отрывочные, часто ошибочные, настоящимъ требованіямъ бібліографіи не соответствующіе перечни и описанія того, что издавалось у насъ въ 18-мъ вѣкѣ съ 1725 года. Кромѣ Сопикова едва ли можно назвать замѣчательнаго дѣятеля по этому періоду.

3, Образцовыя по удобству, но весьма не полныя, и въ цѣломъ и въ частностяхъ, росписи и описанія того, что напеча-

но у насъ въ первыя сорокъ шесть лѣтъ настоящаго вѣка. Намъ подарили этимъ важнымъ матеріаломъ Смирдинъ и Ольхинъ.

Для пополненія пробѣла съ 1725 года по конецъ 18-го вѣка довольно заготовлено печатныхъ матеріаловъ, какъ то: Изданія и каталоги Академіи наукъ, Отчеты Императорской публичной бібліотеки, Словари Вантыша - Каменскаго, преосвященнаго Евгенія и другихъ ученыхъ: статьи въ тогдашнихъ и нынѣшнихъ журналахъ; объявленія въ современныхъ газетахъ, книгопродавческіе каталоги, каталоги бібліотекъ Черткова, Демидова, и проч. Эти источники нынѣ легко пополнить, проверить и исправить въ нашихъ огромныхъ книгохранилищахъ, которыя вообще сдѣлались очень доступными, приведены въ порядокъ и описаны или рукописно или даже и печатно; въ нихъ найдется и самое рѣдкое и самое обыкновенное, то есть способы къ достиженію приблизительной полноты.

Что же касается до Русской бібліографіи текущаго столѣтія, то матеріала наготовѣ еще больше: огромное число журнальныхъ статей въ изданіяхъ, собственно бібліографіи посвященныхъ или въ такихъ, гдѣ бібліографія изъ главныхъ отдѣловъ, тѣмъ каталоговъ и объявленій книгопродавцевъ, труды многихъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ литературы, архивы цензурныхъ комитетовъ; къ этому въ добавокъ много и изъ приведеннаго выше матеріала; а при всемъ этомъ такіе путеводныя нити, каковы Росписи Смирдина и Ольхина.

И такъ, для описи всего того что у насъ произведено печатью съ 1725 года, нуженъ только подготовившій себя, усердный работникъ. Будемъ лстить себя надеждою,

что такой найдется и найдется скоро, пока такое желаемое описаніе подь силу одному лицу!

Что путеводныя нити въ родѣ Смирдино-Ольхинской Росписи желательно и даже необходимо имѣть за послѣднее время—доказывается недавно сдѣланными попытками. Поговоримъ о двухъ главнѣйшихъ:

а) Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Александра Ильича Глазунова. Составлена за послѣднее десятилѣтіе (1833—1866). Санкт-петербургъ (8) XI и 497 страницъ. (На страницахъ 447—497 указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ). Предисловіе подписано: Александръ Глазуновъ.

б) Систематическій каталогъ Русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова. Составилъ В. И. Межовъ. Санктпетербургъ. 1868 (8) XIII и 995 страницъ (на страницахъ 903—995 азбучный указатель авторовъ, составителей, критиковъ и рецензентовъ).

Владиміръ Измайловичъ Межовъ извѣстенъ публикѣ многими превосходными библиографическими монографіями и указателями.

Мы не станемъ разсматривать этихъ двухъ каталоговъ въ подробностяхъ, что повело бы къ заявленію многихъ новыхъ требованій; скажемъ наше мнѣніе только о томъ, лучше ли они или хуже въ отношеніи удобствъ, признанныхъ уже публикою за Росписями Смирдинской и Ольхинской, то есть въ отношеніи справочной ихъ стороны, какъ изъясняется г. Межовъ. При этомъ считаемъ нужнымъ заявить, что, по нашему мнѣнію, всякое библиографическое изданіе не можетъ не быть преисполнено самыхъ многочисленныхъ ошибокъ и недомолвокъ: записка заглавій,

(гдѣ цифры, условные знаки и тому подобное играютъ важную роль) переписка на бѣло этихъ заглавій для набора, наборъ, корректура набраннаго и промахи при исправленіи по корректурѣ—словомъ весь процессъ редакціи и печатанія каталоговъ влечетъ за собою тьму разныхъ погрѣшностей, особенно же если издатель понуждается временемъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи до 12,000 названій. Итакъ обратимъ вниманіе едипственно на справочную часть, то есть на удобства для отысканія книгъ и матеріальнаго знакомства съ ними въ этихъ двухъ росписяхъ и постараемся рѣшить вопросъ: что эти удобства лучше или хуже для публики у А. И. Глазунова и В. И. Межова, чѣмъ у Смирдина и Ольхина?

Не запинаясь ни на мигъ, отвѣчаемъ: хуже для публики. Этотъ рѣшительный отвѣтъ считаемъ себя въ правѣ дать потому, что мы—частица этой публики; особенно же въ силу слѣдующей послыки: «если намъ, привыкшимъ рыться въ книгахъ, привыкшимъ къ библиографическимъ «пріемамъ, встрѣчаются при изысканіяхъ въ каталогахъ Глазунова и Межова такія «трудности, какихъ мы встрѣчали гораздо «менѣе въ Росписяхъ Смирдина и Ольхина, «то каково же тѣмъ, кто менѣе свыченъ «съ справками такого рода?»

Постараемся изложить причины этихъ трудностей.

а) У А. И. Глазунова и В. И. Межова систематическій порядокъ, принятый Смирдинымъ и Ольхинымъ, измѣненъ и замѣненъ двумя, отличными одинъ отъ другаго, порядками. Сожалѣемъ объ этомъ, не потому чтобы эти новые порядки были хуже прежнихъ, а потому что публика уже привыкла къ старымъ. Системъ въ библиографіи нѣсколько со-

тень; надъ ними, въ теченіи многихъ столѣтій, работали не только бібліотекари и книгопродавцы, но и ученые первой степени; всѣ эти многообдуманые порядки имѣютъ свои преимущества и свои недостатки, но ни одному изъ нихъ не поспчастливилось сдѣлаться общепринятымъ. Такъ напримѣръ, у Французовъ, гдѣ издавалось и издается такое множество каталоговъ, они почти всѣ располагаются по системѣ Martin, введенной въ употребленіе за полтора столѣтій, повсе не ученымъ книгопродавцамъ этого имени: его система признана очень не удовлетворительною; ученые каталографы старались замѣнить ее своими, а все-таки только этому порядку слѣдуютъ преимущественно, довольствуясь изрѣдка легкими измѣненіями, и слѣдуютъ единственно потому, что къ нему привыкла французская публика.

Въ примѣненіи систематическаго порядка къ заглавіямъ книгъ, помѣщеныхъ въ одномъ и томъ же подраздѣленіи, мы находимъ, что эти заглавія сгруппированы у Смирдина и Ольхина по предметамъ, а у А. И. Глазунова и В. И. Межова слѣдуютъ по азбукѣ, такъ что у послѣднихъ нужно пробѣжать все отдѣльное подраздѣленіе, чтобы отыскивать книгу, по одному и тому же предмету изданная, между тѣмъ какъ у первыхъ глазъ невольно останавливается на группѣ, въ которой должна находиться искомая книга. Отъ этого происходитъ и то, что книги, служащія продолженіемъ прежде изданныхъ, совершенно не рационально отдаются отъ нихъ и даже предшествуютъ имъ. Такъ напримѣръ: Новый сборникъ пословицъ Снегирева (у А. И. Глазунова № 3869, у В. И. Межова № 5865) отдѣленъ отъ Русскихъ народныхъ пословицъ Рувиль Архивъ 1869 вып. V.

виць того же автора (у А. И. Глазунова № 3896, у В. И. Межова № 5899) тридцатью заглавіями, и у обоихъ—продолженіе упомянуто цѣлыми страницами прежде кореннаго изданія, что явно затрудняетъ справляющагося и противно всякому смыслу.

б) У А. И. Глазунова и у В. И. Межова упущена роспись книгамъ по азбучному порядку, т. е. отнять у публики одинъ способъ (изъ трехъ) къ удобному отысканію книгъ, именно тотъ способъ, въ которомъ нуждается лице, не помнящее имени автора или ищущее книги, на которой имя автора не было выставлено, или которая издана чѣмъ-либо общими трудами, что случается очень часто. По нашему—это важный недостатокъ. Не будемъ пускаться въ доказательство словъ нашихъ ни по теоріямъ, ни примѣрамъ, а скажемъ только, что въ теченіи полутора вѣка лучшими каталографами принято помѣщать при систематическихъ каталогахъ роспись книгамъ по азбучному порядку или отдѣльно, или слитно съ алфавитомъ именъ писателей. Иностранцы опытиже насъ въ дѣлѣ книговѣдѣнія; если Смирдинъ и Ольхинъ смекнули, что хорошо имъ подражать въ этомъ, если публика одобрила это подражаніе и къ нему привыкли въ теченіи сорока лѣтъ, то отступленіе отъ него не могу я считать иначе, какъ лукавымъ мудрованіемъ, а не полезнымъ нововведеніемъ,—шагомъ назадъ, а не прогрессомъ. Или редакторы устрашались нѣкотораго труда, а издатели лишней траты на напечатаніе четырехъ или пяти листовъ этихъ росписей?

в) У А. И. Глазунова и В. И. Межова азбучный указатель именъ не въ примѣръ хуже, чѣмъ у Смирдина и Ольхина уже и тѣмъ, что въ немъ при фамиліяхъ имена

большую частію замѣнены начальною только буквою и вовсе нѣтъ, столь важнаго для насъ Русскихъ, отчества. Очень знаемъ, что выставлятъ имя и отчество дѣло хлопотливое, во многихъ случаяхъ требующее большихъ изысканій, даже иногда невозможное, если въ самой книгѣ нѣтъ на это прямого указанія; но мы имѣемъ право требовать, чтобы всякое такое указаніе изъ книги было перенесено въ каталогъ, чего не сдѣлано почти нигдѣ у А. И. Глазунова и В. И. Межова, а сдѣлано почти вездѣ у Смирдина и Ольхина. Сверхъ того считаемъ замѣнъ имени, напечатаннаго вполне, одними начальными буквами — весьма неудовлетворительнымъ для читателя, и подающимъ часто поводъ ко множеству типографскихъ ошибокъ. Для читателя буква А можетъ значить и Алексѣя, и Александра, и Анисима, и Антона, а для типографика гораздо легче ошибиться и замѣнить ее другою, если послѣдующія буквы не обратятъ вниманія ректора на правильное чтеніе этой начальной буквы *).

г) У Глазунова и Межова принято, кажется, правиломъ не упоминать вовсе о форматѣ книгъ. Намъ *нигдѣ* не случилось встрѣтить этого правила, хотя многія тысячи библиографическихъ пособій и каталоговъ прошли у насъ подъ глазами или находятся безпрестанно у насъ въ рукахъ. Никакъ не можемъ объяснить себѣ причины столь страннаго упущенія, особенно въ росписяхъ книгъ, находящихся у торговца для продажи ихъ публикѣ, которая

*) Примѣръ: и у А. П. Глазунова и у В. И. Межова при фамилии Тихменева стоитъ буква И. поставленная по ошибкѣ наборщика вмѣсто схожей буквы П, такъ какъ историкъ Американской нашей компаніи зовется: Петръ Александровичъ Тихменевъ.

часто соразмѣряетъ пѣну книгъ съ ихъ объемомъ и вѣсомъ. Предисловіе А. И. Глазунова и самое заглавіе его Росписи показываютъ, что онъ имѣлъ въ виду сдѣлать за послѣднее десятилѣтіе то, что осуществили Смирдинъ и Ольхинъ за прошлое время; для этого онъ включилъ въ свой каталогъ и такія книги, которыхъ у него нѣтъ на лицѣ. Сожалѣемъ, что эта мѣра принята имъ въ немногихъ только случаяхъ, и что у него не упомянуто о многихъ важныхъ изданіяхъ, особенно о такихъ, которыя не были пущены въ продажу, а раздавались щедро отъ казенныхъ мѣстъ.

Неужели же въ каталогахъ А. И. Глазунова и В. И. Межова все хуже, чѣмъ у Смирдина и Ольхина? Нѣтъ, отвѣчаемъ мы съ радостію; въ каталогахъ В. И. Межова есть нововведеніе очень важное и чрезвычайно полезное, едва ли не имъ самимъ придуманное и введенное имъ первымъ въ такомъ значительномъ размѣрѣ. Мы говоримъ объ исчисленіи критикъ и рецензій, кои 7,200 разъ помѣщены при 12,000 заглавій. Вотъ это шагъ впередъ (и великій шагъ) на стезѣ книговѣдѣнія; вотъ примѣръ, которому должны подражать наши каталографы! Что же касается росписи Глазуновской, то мы бы не нашли сказать что-либо утѣшительнаго объ ней, еслибы не получили на дняхъ перваго къ ней Прибавленія. Намъ пріятно видѣть изъ предисловія къ этому первому Прибавленію, что Глазуновъ признаетъ вполне наше мнѣніе объ азбучной росписи названій книгъ, говоря: «для облегченія справокъ «будетъ изданъ въ самомъ непродолжительномъ времени алфавитный указатель всѣхъ «книгъ, помѣщенныхъ въ Росписи и въ «первомъ Прибавленіи». Мы также рады видѣть, что въ указателѣ авторовъ, пере-

водчиковъ и редакторовъ, помѣщенномъ на страницахъ 165—184 этого Прибавленія, при именахъ часто появляются отчества.

Высказавъ наше мнѣніе объ удобствѣ для публики двухъ разсмотрѣнныхъ нами каталоговъ, мы постарались сдержать обѣщаніе и не упоминать о многочисленныхъ мелкихъ промахахъ, ошибкахъ и такъ далѣе, кои въ нихъ встрѣчаются. Скажемъ только объ одной странности, и то потому лишь, что она похожа на замысловатую эпиграмму: въ Росписи Глазунова сочиненіе П. И. Пашино: Туркестанскій край, вкратцѣ подъ № 8447 въ отдѣлѣ романовъ, повѣстей и сказокъ. Вслѣдствіе сего мы могли бы усумниться въ достовѣрности фактовъ, приводимыхъ г. Пашино, еслибы не знали навѣрное, что *его книга вышла въ свѣтъ слишкомъ юдо послѣ объявленія объ ней въ Росписи*, какъ объ изданной.

Недавно изданы еще Матеріалы для библіографіи Якова Березина-Ширяева; они пока не закончены. Въ нихъ читатели найдутъ много полезныхъ свѣдѣній о книгахъ, пропущенныхъ или упомянутыхъ только вкратцѣ у Сопикова и другихъ, замѣчательную точность описаній, бездну трудолюбія въ исчисленіи статей каждаго сборника, но съ тѣмъ вмѣстѣ тѣмъ странностей, неряшествовъ и излишествовъ. Главный недостатокъ этого изданія слѣдующій: вышедшія семь книжекъ имѣютъ каждая свою особенную помѣтку по страницамъ и не связаны ни общимъ текущимъ номеромъ, ни отдѣльными текущими номерами по отдѣленію или книжкѣ, такъ что намъ нельзя ни предугадать ни придумать способа, къ какому прибѣгнетъ Яковъ Федюловичъ Березина-Ширяевъ, чтобы облегчить, или даже сдѣлать возможнымъ употребленіе Матері-

аловъ, что однако же обѣщано въ предисловіи. По этой причинѣ мы считаемъ Матеріалы совершенно непрактичными и, для большинства публики, настоящими недотрогами въ родѣ какихъ-то библіографическихъ ежей. Кстатіи объ нихъ: изъ страницы 100-й седьмой книжки мы узнаемъ, что сборникъ газеты «Кавказъ» существуетъ въ этой библіотекѣ господина Н. Н. за 1846, 1847, 1848 годы; въ каталогѣ В. И. Межова, подъ № 9982, говорится только о годахъ 1847, 1848, а о 1846 не упоминается вѣроятно, потому, что этого 1846 года нѣтъ въ магазинѣ Базунова. По этому поводу намъ приходитъ на мысль слѣдующее: для пользы и наученія публики желательно, чтобы наши каталографы не упустили случая сообщать такіа чпсто-библіографическія свѣдѣнія объ исторіи, то есть о времени появленія или прекращенія, также и о степени полноты, упоминаемыхъ ими изданій; это важное упущеніе встрѣчается часто и у А. И. Глазунова и у В. И. Межова.

Остается желать, чтобы при будущихъ работахъ наши библіографы пользовались прекрасными примѣрами: В. И. Межова помѣщать перечень критикъ и рецензій на упоминаемыя книги, — редакторовъ Чертковскаго каталога отмѣчать число страницъ и отдѣльныхъ листовъ каждой книги, Якова Федюловича Березина-Ширяева — исчислять статьи сборниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно, чтобы они не пренебрегали, изъ единаго лукаваго мудрствованія, потребностями и удобствами публики, особенно же публики не ученой, желающей учиться, начинающей учиться; чтобы не отнимали у нея способовъ удобно и легко отыскивать то, что ей нужно, а дорожили опытомъ времени и примѣромъ предшественниковъ какъ иностранныхъ такъ и своихъ во всемъ томъ,

что дѣйствительно полезнаго и практичнаго придумано вѣками. Не все же дурно то, что старо!

С. Соболевскій.

20 марта 1869 года.

ПИСЬМО НЪ ИЗДАТЕЛЮ «РУССНАГО АРХИВА».

М. Г. Въ январской тетради издавасмага вами «Русскаго Архива» только - что прочель я съ живѣйшимъ участіемъ Воспоминанія о 1812 годѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ князя о достоинствѣ романа графа Толстаго: «Война и Миръ», изъ котораго впрочемъ мною прочтены только первыя три части, какъ Русскій благодарю его за то, что онъ заступился за память осмѣянныхъ и оскорбленныхъ отцовъ нашихъ, изъявляя ему сердечную признательность за его стараніе возстановить истину о моемъ отцѣ, характеръ котораго такъ искаженъ у графа Толстаго. Тѣмъ не менѣе считаю долгомъ исправить двѣ ошибки, вкравшіяся въ статью князя.

1) Князь говоритъ, что Верещагинъ былъ признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ тому, чтобы, заклепавъ въ кандалы, сослать его въ Нерчинскъ вѣчно на каторжную работу, тогда какъ Вереща-

гинъ былъ приговоренъ Сенатомъ къ смертной казни, и безъ всякаго сомнѣнія приговоръ этотъ получилъ бы надлежащее исполненіе, еслибы не былъ предупрежденъ народною расправою *).

2) Приведенныя княземъ слова отца моего Французу Мутону: «поди, Расскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ», тоже неточны. Отецъ сказалъ Мутону: «поди Расскажи твоему царю, что ты видѣлъ единственнаго измѣнника, котораго произвела Русская земля!» Слова эти имѣютъ болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ приводимыя княземъ, и въ нихъ заключается объясненіе факта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, имѣю честь быть, вашъ покорный слуга графъ А. Ростопчинъ.

Иркутскъ, 20-го февраля 1869 г.

*) Князь П. А. Вяземскій въ статьѣ своей сослался на выписки изъ подлиннаго дѣла о Верещагинѣ, напечатанныя въ Читеніяхъ общ. ист. № др., 1866, кн. 4-я; а тамъ (на стр. 244 и 245, отд. Смѣси) именно сказаво, что «по силѣ узаконеній, за отмѣною смертной казни, каковой бы онъ подлежалъ», Сенатъ 19 авг. 1812 г., опредѣлилъ: «наказавъ Верещагина 25-ю ударами и заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ». П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

- I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги касающіяся ея родителей и ея прїѣзда въ Россію.
- II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
- III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева)
- IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
- V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѡ. Шугурова*.
- VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.
- VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѡ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
- VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
- IX. Изъ бумагъ *А. П. Мельгунова*, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.
- X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.
- XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генераль-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешкинымъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ Фонѣ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукенбекерѣ.
- XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
- XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.
- XIV. Цензурная вѣдомость 1786-1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.
- XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.
- Получать можно въ Чертковской библиотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г.—9 р., съ пересылкою. 10 р.

ТРЕТЬЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА ПЕЧАТАЕТСЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

И ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ, въ Чертковской библиотекѣ, на Мясницкой, № 7, и у извѣстѣйшихъ книгопродавцевъ

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. с.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка 10 р., а русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Осмнадцатаго Вѣка, съ пересылкою двадцать рублей. Книги XVIII в. продаются по одиночкѣ: первая по 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.; вторая по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к., а Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р., а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль. вторыя—два рубля.

Желающіе получать Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *изъ Москвы*, въ Чертковскую библиотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу*. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Тамъ же можно получить Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р.. 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ Русскій Архивъ прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиночкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на русскія деньги: для доставленія *изъ Германію* 8 р.; *во Францію и Бельгію* 8 р. 50 к.; *изъ Анлію* 9 р.; *изъ Швейцарію и Италію* 10 р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартевевъ.**

ГОДЪ

СЕДЬМОЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

6.

ПРИ

1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Изъ Записокъ *Архамандрита Фотія*. 1822 годъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.
2. Письма князя *А. Н. Голицына* къ графинѣ *А. А. Орловой-Чесменской*. 1822 и 1823 годы.
3. Письмо *Жуковского* къ графинѣ *С.* по случаю кончины дѣтей ея. 1850.
4. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клингера*.
5. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ *С. Петербургѣ* 1846—1855. Изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго*.
6. Частное письмо о взятіи *Шамиля*. 1859. *Гр. А. О.-Д.*
7. Два автографа *Пушкина*, съ объясненіями *М. Н. Лонгинова*.
8. Князь *А. С. Меншиковъ*. Некрологъ.
9. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ *Карамзинныхъ*) археологическая замѣтка князя *М. А. Оболенскаго*.
10. *Михайло-Медвѣдь* разбойничій есаулъ. Статья *Н. П. Розомова*.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шолоховъ.

1869.

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ

- I. Екатерина первая, статья *В. В. Андреева*.
- II. Письма о Россіи въ Испанію перваго Испанскаго посланника при нашемъ Дворѣ *Дука де-Лиріи*. 1730 г. (Вступленіе на престоль и первый годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны). Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*, съ приложеніемъ подлинника одной депеши.
- III. Письма *А. И. Остермана*, графа *Г. И. Головкина* и другихъ лицъ въ Испанію къ князю *С. Д. Голицыну*.
- IV. Письмо *А. И. Остермана* къ неизвѣстному лицу.
- V. Восемь собственноручныхъ писемъ императрицы *Анны Іоанновны* (къ *А. М. Козодавлевой*, *Е. И. Пашкову* и *А. И. Остерману*).
- VI. Росписка *Бирона* 1725.
- VII. Письмо *Бирона* изъ Митавы въ Петербургъ 1725 года.
- VIII. Письмо *Бирона* къ императрицѣ *Елизаветѣ Петровнѣ* 1742.
- IX. Русскій генералитетъ въ 1730 году, статья *М. Н. Лоннинова*.
- X. Изъ дѣла о присвоеніи *В. К. Тредьяковскимъ* гренадерской жены, съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова*.
- XI. Два доношенія *А. П. Сумарокова*, съ предисловіемъ *Л. П. Майкова*.
- XII. Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генераль-губернатора.
 - 1) О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ.
 - 2) О Степанѣ Маломъ.
 - 3) По дѣламъ, касающимся Польши.
 - 4) О казакахъ *Маркинѣ* и *Поцалуевѣ*.
 - 5) О магистрѣ *Масковѣ*.
 - 6) По *Пугачевскому бунту*.
 - 7) По *Турецкой войнѣ*.
 - 8) О подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака *В. К. Павла Петровича*.
 - 9) О Курляндцѣ *Отго Германѣ фонъ-Ховенѣ*.

(Извлечено *Е. В. Чешкинымъ*).

- XIII. Ванька-Кайнѣ. (Изъ подлинныхъ бумагъ Сыскаго Приказа Статья *Г. В. Есипова*).
- XIV. Нѣсколько свѣдѣній о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лоннинова*.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.

Эти главы изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія получены нами въ точномъ спискѣ отъ лица, принадлежащаго къ духовному вѣдомству. Подлинная рукопись должна храниться въ Юрьевомъ монастырѣ и входитъ въ составъ тѣхъ 24 книгъ и тетрадей, которыя содержатъ въ себѣ собраніе сочиненій Фотія (см. Архивъ Макарія, Описание Юрьева монастыря въ Читеніяхъ 1858, кн. 2-я, смѣсь, стр. 59). Изъ этой рукописи доселѣ были напечатаны только два отрывка, именно въ Читеніяхъ Ист. и Др. 1868, кн. 1-я, о тайныхъ обществахъ, и въ Читеніяхъ Моск. Общ. Люб. Духов. Просв. 1868, воспоминанія молодости и о митрополитѣ Филаретѣ.

Читатели припомнимъ, что непосредственно передъ тѣмъ, что излагаетъ арх. Фотій, происходило извѣстное преслѣдованіе профессоровъ Петербургск. университета, а осенью, вскорѣ по отъѣздѣ Фотія изъ Петербурга, импер. Александръ отправился въ чужіе ярыя на Веронскій конгрессъ, и Лаврѣвъ сослалъ въ ссылку. Въ этотъ 1822 годъ, въ день Пасхи, тотчасъ послѣ заутрени, государь уѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село на освященіе тамошней церкви (Нисъ-ва Карамзина въ Дмитріеву, стр. 327). Фотію тогда было около 25 лѣтъ, и онъ былъ уже извѣстенъ и въ духовной словесности Огласительнымъ Богословіемъ и Житіемъ своего учителя Иннокентія (епископа Пензенскаго), изданнымъ съ 1821 году.—Прибавимъ, что Записки свои Фотій написалъ по убѣдительной просьбѣ графини А. А. Орловой. *И Б.*

1822 ГОДЪ

I.

Вызовъ Фотія въ С. Петербургъ, его пріѣздъ къ митрополиту Серафиму, его благословеніе властей, проповѣдь, дѣйство Фотія чрезъ духовныя бесѣды на лица знатныя и первыя.

Въ теченіи великаго поста (1822 г.) слышно было, что Господь явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражій шатаются, невѣріе трепещеть. Проходитъ Святая

VI. 1.

Пасха — и вызывается сверхъ чаянія старый ратоборець Фотій на подвигъ; присылается ему колесница въ даръ, и на день Пасхи присылается крестъ самый драгій на персѣхъ носить; также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ градъ С. Петербургъ, изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно. Новый іерархъ⁽¹⁾, мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ сый къ дѣлу Божію, благословляетъ пріѣздъ отцу Фотію. Прежде же нежели далъ увольненіе ему, онъ, дѣлая совѣтъ съ своимъ викаріемъ Владиміромъ (впослѣдствіи Казанскимъ Архіепископомъ), сказалъ ему тако: Дозволить ли пріѣздъ Фотію въ С. Петербургъ? Владиміръ, бывшій съ начала ученія до конца начальникомъ Фотію и до монашества, сказалъ: Можно благословеніе дать пріѣхать, но тогда сбудется сіе: *и потрясется весь градъ Св. Петра отъ него.* Слышавъ сіе слово, святитель Митрополитъ Серафимъ, слагая на сердцѣ своемъ все, немедля далъ пастырское рѣшеніе быть ему въ С. Петербургѣ, жилище приготовилъ ему въ Лаврѣ. Явился онъ 28 Апрѣля прямо къ Владиміру, а той доложилъ о немъ Митрополиту Серафиму. Когда представлялся къ нему Фотій, хотя сперва грубое обраще-

(1) Серафимъ, изъ митрополитовъ Московскихъ перешелъ на Петербургскую митрополию въ предъидущемъ 1821 году.

ніе было Серафима съ нимъ, но сердце его лежало во благое, — а посему былъ званъ къ нему на трапезу въ той день. Каждодневно Авва Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о Церкви, о Вѣрѣ, о спасеніи души; на бесѣду же собирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные къ слову и дѣлу Св. Церкви и Вѣры, и по бесѣдѣ въ домѣ учреждаемы были питіемъ и ястіемъ во славу Божию. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны, дщери Аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной, иногда въ Таврическомъ дворцѣ и у иныхъ православныхъ и извѣстныхъ благочестіемъ; но все слово и дѣло направляемо было къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и Церкви Святой сдѣлать пособіе (*).

II.

Несогласіе Серафима Митрополита съ княземъ А. Н. Голицынымъ и средство о. Фотія между ними нѣкій миръ водворить на время.

Въ оное время Митрополитъ Серафимъ былъ въ великомъ несогласіи съ Министромъ Духовныхъ дѣлъ: овца онъ непотребная или, лучше сказать, козлище! Хотѣлъ князь въ мірскихъ своихъ рубищахъ, не имѣя сана свыше и дара Божественной благодати, дѣлать дѣла припадающія Единому Архіерею Великому, образъ Христа носящему. Архіерей же Великій въ средѣ свою, сый отъ Бога, Серафимъ ему не благоволилъ. Не былъ въ особенной милости у Царя Серафимъ, но и князь Голицынъ, три министерства содержа въ себѣ единъ, былъ во время оно въ немилости. При таковыхъ обстоятельствахъ Фотій, находя нужнымъ опытъ сдѣлать надъ

(*) Преланіе рассказываетъ, что послѣ этихъ обѣдовъ Фотій ложился на диванъ, а боярыни подходили цаловать у него руки.

тѣмъ и другимъ, каковы они въ словѣ и дѣлѣ оба, воспользовался случаемъ во время шатанія княжескаго; не вачалъ во время благопріятно употреблять на него всѣ способы, дабы отринуть отъ дѣла Церкви, опасаясь, чтобы злѣйшій звѣрь кто не возсталъ на мѣсто стараго, и не сотворилъ бы послѣднюю бѣду горше первыя, положилъ же на сердце своемъ сотворить согласіе между княземъ Голицынымъ и Митрополитомъ Серафимомъ, помышляя — не будетъ ли плода отъ безплодныхъ смоковницы, князя Голицына хотя какого либудь. И такъ все во благо дѣлалъ, ждалъ и просилъ свыше въ томъ помощи, молился и постился непрестанно, дабы устроить самъ Богъ, якоже хочетъ и направилъ руки на дѣланіе правды. Свыше, а не отъ человекъ многія даны были средства, како устроить слово и дѣло вѣры и миръ водворить на время между Іерархомъ и Министромъ.

III.

Первое свиданіе и бесѣдованіе отца Фотія съ Голицынымъ.

Приходить того лѣта день Сочестія Святаго Духа, въ который положено было освященіе теплой церкви во имя Святаго Духа сдѣлать, къ чему Фотій назначенъ былъ въ служеніе съ Митрополитомъ. На такое церковное празднество въ Лаврѣ многое множество народа собралось духовныхъ и мірскихъ лицъ. Наступилъ часъ облаченія въ Святомъ алтарѣ. Фотій стоялъ на одной сторонѣ въ углу онаго; многія духовныя высшія лица также находились въ алтарѣ. Се видитъ онъ, что входитъ въ Святыи алтарь вельможа, ростомъ маалъ, видомъ смиренъ; то къ тому, то къ другому подходитъ благословеніе принять, и всякъ изъ духовныхъ со страхомъ

и трепетомъ даютъ ему благословеніе, никтоже не смѣетъ руки давать ему для цѣлованія. Фотій же, единъ стоя, видитъ и не зная кто сей есть вовсе, токмо сердцемъ уразумѣвая, что кто нибудь сей есть великій вельможа. Узрѣвъ Фотія, сей вопрошаетъ о немъ у намѣстника Архимандрита Товія: «кто сей есть и откуда?» Товія же говоритъ: «изъ Новгорода Архимандритъ Фотій». При сихъ словахъ тотчасъ съ благословеніемъ и страхомъ подходитъ онъ къ Аввѣ Фотію, простираетъ руку для благословенія, но Фотій прежде благословенія его вопрошаетъ: *како Святое имя твое?*, и той отвѣтствуетъ: «Александръ». Сердце тогда Фотію вѣдало абіе не сей ли есть князь Голицынъ Александръ Николаевичъ, Министръ Духовныхъ Дѣлъ, просвѣщенія и почтъ, придворный вельможа и сильный? И благословилъ его, и ставъ, зря прямо въ очи, оный вельможа Фотію, привѣтствуя его, говорилъ: «неможно ли меня посѣтить въ домѣ, и подать мнѣ тамо благословеніе Божіе?» Фотій же сказалъ: «аще воля Господня будетъ на то, не отрекуся Бога ради придти въ домъ твой, радъ буду сотворить тебѣ все на пользу души». И тако отошелъ вельможа сей. Слышавши необычныя рѣчи Фотія съ вельможею, всѣ начали молвить по выходѣ. Посему Фотій спросилъ Товію: «кто сей есть?» Товія же со страхомъ отвѣчалъ: «князь нашъ Синодальный и Министръ А. Н. Голицынъ.» Тогда Фотій сказалъ Товію: «Чего бояться человѣка! Что сказано, то сказано, чего бояться человѣка въ Св. алтарѣ, гдѣ Богъ Самъ присутствуетъ? Ежели достоинъ будетъ, то приду къ нему, а ежели не будетъ достоинъ, не приду.» Кончилась служба; на освященіи же носилъ Святое Евангеліе въ крестномъ ходѣ Фотій;

замѣчено же было, что въ рукахъ у всѣхъ свѣчи погасли, а у о. Фотія ясно горѣла свѣща. Послѣ службы, когда всѣ пришли въ домъ къ Митрополиту Серафиму, князь Голицынъ пришелъ, многіе вельможи, Архіереи и Архимандриты съ нимъ пришли. Князь, возвративъ съ мѣста, пошелъ въ уголокъ западный покоя къ Фотію, и начиналъ съ нимъ рѣчь благую и приглашалъ его къ себѣ; довольно съ любовію поговоривъ, пришелъ къ Митрополиту. Митрополитъ же сказалъ ему, указуя на Фотія: «сей есть юный старецъ, но искусенъ и строгъ, прошу его полюбить, достоинъ есть любви.» Вотъ первый случай свиданія съ княземъ Голицынымъ, гдѣ былъ и какъ, а именно на освященіи церкви Святаго Духа во Святомъ алтарѣ, въ часъ предъ службою освященія. Сіе Фотій принялъ за дѣйство свыше, а не отъ человѣкъ — да течетъ на подлежащій подвигъ. Посему о дѣлѣ церковномъ постоянно и непрестанно Фотій началъ помышлять, какъ творить оное, ничего изъ виду не упуская нужнаго къ тому.

IV.

Особенное благоволеніе Митрополита Серафима, и миротвореніе съ княземъ Голицынымъ на время.

Вскорѣ назначенъ былъ день и часъ отъ князя Голицына явиться Фотію къ нему для посѣщенія. Благословеніе давалъ Фотію Митрополитъ, какъ, чтó дѣлать и говорить, а Фотій сказалъ: «Владыко Святый, ты токмо меня благослови, раба твоего, а когда дѣло наше все есть Божіе, и для Бога хотимъ творить, то благодать будетъ свыше дана, ибо речено есть въ писаніи: «дастся убо вамъ въ тотъ часъ, чтó возглаголати. Уповаю на благодать Св. Духа, а не на умъ свой.» На Каменный островъ во дворецъ

пріѣхалъ Фотій къ Голицыну. Графъ Чернышевъ Григорій Ивановичъ самъ изъ своего жилища проводилъ до комты князя Голицына. Князь принялъ съ любовью, и яко часъ съ половиною бесѣду имѣлъ; возлюбилъ Фотія и хотѣлъ чаще слышать его бесѣду. Дѣвица Анна согласилась и весьма желала въ домѣ своемъ имѣть его бесѣду; князь желалъ того же самъ. И тако началась бесѣда съ княземъ отъ Писанія Святаго, ученія церковнаго, отъ духа благочестія, и бесѣда тако продолжительна, что Господь давалъ непрестанно часа по три, по четыре, пяти, шести и даже до девяти сряду, слово и дѣло Божіе предлагать дѣвицѣ и князю. Благодать Божія улаждала сердце дѣвицы и князя, что оба болѣе и болѣе къ Фотію возгорались любовью; князь радъ былъ все дѣлать, что Фотій внушитъ. Преклонивъ Фотій сердце князя къ себѣ, Бога ради всячески старался, какъ бы согласіе водворить между имъ и Митрополитомъ Серафимомъ. Когда Фотій слышалъ, что князь поносилъ Митрополита, то, являясь къ Митрополиту, говорилъ, что «князь весьма любитъ тебя, Владыко Святый;» а когда Митрополитъ поносилъ князя, то, видѣвъ князя, говорилъ ему: «о какъ Серафимъ любитъ тебя!» и пересказывалъ все благое едино. Тако, одно доброе тому и другому внушая, явно истребилъ вражду ихъ—и начали другъ друга любить, другъ къ другу вездѣ быть ласковы дѣла лучше начинали теченіе имѣть въ пользу Святой Церкви, благочестіе у царя и вездѣ. Митрополитъ Серафимъ радовался сему, какъ дѣлу Божіему, общающему успѣхъ болъшій впрѣдъ отъ мира нежели вражды.

Здѣсь въ словѣхъ и дѣлѣхъ за Православіе, въ содружествѣ Іерарха, Фотія и князя, въ успѣхѣхъ бесѣдъ и взаимной

любви, виденъ былъ Перстъ Божій: то кто могъ тогда сему противиться? Всѣ знали вѣрныя, а зловѣрныя боялись. Такая ревность Фотія была за Православіе, за благо Святой Церкви, вѣры, благочестія и отечества и изъ любви къ царю; тако о силѣ Божіей дѣйство въ пользу Церкви и благочестія видимо было предъ очами Митрополита Серафима и отна Фотія и вѣрныхъ. Князь соглашалъ Фотія, дабы онъ, хотяи въ свою обитель отправиться, не уѣзжалъ скоро, а подождалъ пріѣзда Императора Александра (*). и не отрекался его видѣть и сему подать благословеніе, и онъ князь обѣщалъ доложить сему о Фотіѣ. Фотій не соглашался. Наконецъ Фотій тако отвѣтствовалъ вмѣсто согласія: «буду молиться Богу, и что Богъ возвѣститъ, то и будетъ; тебѣ же, княже, все скажу.» сказалъ Фотій и началъ ожидать свыше извѣщенія себѣ. И Митрополиту о семъ объявилъ, на что Митрополитъ согласился и одобрилъ.

V.

Первое представленіе Юрьевскаго Архимандрита Фотія Императору Александру.

Пріѣздъ Императора изъ путешествія въ С. Петербургъ и назначеніе Фотію явиться къ нему.

Во время оно изъ путешествія явился во дворецъ Императоръ Александръ, 5-го Іюня (1822 г.) въ день переложенія мощей св. Благовѣрнаго князя Феодора въ Новгородѣ въ новую раку серебряную, и въ день сего праздника назначено о Фотію быть у Императора.

Митрополитъ старался его наставить, какъ и что съ Царемъ говорить:

(*) 14 Мая 1822 г. Государь ѣхалъ изъ С. Петербурга въ Витебскую, Веленскую и другія соседнія губерніи. для осмотра расположенныхъ тамъ полковъ гвардіи в арміи. (Р. Инвалидъ 1822 г. № 117).

Фотій же сказалъ ему: «Владыко Свя-
тый! Я не знаю, что Царь будетъ мнѣ
говорить и какъ, а потому учиться
не могу, что говорить и какъ, заран-
ѣе; даждь мнѣ лучше образъ для
благословенія Царя.» Тотчасъ Митро-
политъ изъ настѣннаго крестнаго изоб-
раженія древній образъ Спаси Неру-
котовереннаго взялъ, далъ мнѣ и благо-
словилъ, глаголя: «Благодать Св. Духа
да дастъ тебѣ смыслъ, вѣдѣніе и крѣ-
пость, что въ славу Божию говорить
и творить.»

VI.

Наставленіе Князя А. Н. Голицына, что и
какъ говорить съ Царемъ.

Князь о. Фотію повелѣлъ прежде
Царскаго свиданія явиться къ нему.
Фотій явился. Князь старался наста-
вить, что говорить и дѣлать, будучи
у Царя. Фотій, считая ненужнымъ во-
все совѣтъ его на сей часъ, молчалъ и
сказалъ на сердцѣ своемъ: какая ви-
на, что князь старается наставить его?
Помыслилъ, что вѣрно князь опасает-
ся, дабы чего о дѣлахъ Вѣры и Цер-
кви не сказалъ Царю Фотій по своей
ревности.

VII.

Молитва и поклоненіе о. Фотія въ Казан-
скомъ Соборѣ.

Наконецъ, исправився въ путь, какъ
наступалъ часъ назначенный явиться
лицу Цареву, прежде заѣхалъ въ со-
боръ Казанскій и, падши на колѣни
предъ иконою Богородицы, помолился
и просилъ во всемъ Ея помощи, бла-
годати и милости. Изъ церкви Казан-
ской прямо прѣхалъ Фотій на ко-
няхъ дщери духовныя дѣвицы Анны
(А. А. Орловой-Чесменской) ко двор-
цу Цареву. Изшедъ изъ колесницы,
шелъ по лѣстницамъ общимъ. знаме-
налъ какъ себя, такъ во все стороны

дворецъ, проходы, помышляя, что тѣмы
здѣсь живутъ и дѣйствуютъ сила вра-
жіихъ; но ежели оныя, видя крестное
знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на
сей часъ прихода, Господь предъ ли-
цемъ Царя дастъ ему благодать и
преклонитъ сердце Его послушать,
что на сердцѣ его есть Царю воз-
вѣстать. Введенъ былъ Фотій въ
преддверіе жилища, и вскорѣ потре-
бовалъ Царь Александръ его, о чемъ
Фотій тако повѣдаю бывшее.

VIII.

Входъ отца Фотія къ Царю, обращеніе и
бесѣды съ Царемъ и какую Господь далъ
благодать Фотію у Царя. 1822 г. 5-го Іюня.

Се отверзаются двери, я оными
вхожу въ комнату, гдѣ былъ Царь;
вижу, что тотчасъ Царь грядетъ при-
нять благословеніе. Я же, не обращая
на Него вниманія, смотрю, гдѣ свя-
тый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть,
дабы сотворить молитву, перекрестився
поклониться прежде Царя земнаго об-
разу Царя небеснаго. Не видя про-
тиву себя, очами обыскавъ въ двухъ
залахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя,
усмотрѣлъ почти назади на лѣвой
сторонѣ у прага образъ въ углу, об-
ратился я, трижды знаменался, покло-
нясь и предсталъ предъ Царемъ. Царь,
видя меня хотѣвшаго прежде честь
Богу сотворить, отступилъ въ сторо-
ну на то малое время, паки со стра-
хомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко
мнѣ, приемлетъ благословеніе, цѣлуетъ
усердно десницу мою; я же тотчасъ
непримѣтно открылъ ликъ Спаси и
далъ Ему приложиться и Ему вручилъ
оный образъ Царь принялъ и привѣт-
ствовалъ сими словами: «Я давно же-
лалъ тебя видѣть, отецъ Фотій, видѣть
и принять твое благословеніе.» На
что я сказалъ Царю: «Якоже Ты хо-

пещь принять благословеніе Божіе отъ меня, яко служителя Святаго олтаря, то, благословляя Тебя, глаголю: миръ Тебѣ, Царю. спасайся, радуйся, Господь съ Тобою буди!» Царь по сихъ словахъ взялъ меня за руку и, указавъ мѣсто, посадилъ меня на стуль; Самъ сѣлъ противу меня, возсѣвъ весьма близъ меня, якоже бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и Царя перекрестилъ. Началъ Царь вопрошать меня о мѣстѣ моей службы въ корпусѣ (*), когда былъ я законоучителемъ и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой Церкви, Вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице Царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; Царь же, смотря на меня, Себя крестилъ, возведя очи Свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико все слово въ сладость принималъ Царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ; толико я крестился, а Царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принять желая, просилъ, чтобы я Его перекрестилъ.» Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что Царь весь сердцемъ прилѣпился къ услышанію слова отъ устъ монаховъ; я въ помыслахъ монаховъ движеніе чувствовалъ сказать Царю слово въ пользу Церкви и Вѣры. Сперва началась рѣчь о Митрополитѣ Серафимѣ. Я внушаю, что пастырь сей есть единственный по своей любви къ Святой Церкви, царству и ко благу, благодать Господня съ нимъ есть. Посемъ Царь, послушавъ съ сладостію, говоритъ ко мнѣ: «Неимѣешь-ли отецъ Фотій, что особенно сказать мнѣ», намекая о разныхъ нуждахъ, о каковыхъ многіе явля-

(*) Фотій былъ прежде законоучителемъ въ детскомъ корпусѣ въ Петербургѣ.

лись утруждать Царя и просили выгоды обителямъ своимъ. Я сказалъ Царю: «Никакихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не имѣю; съ нами Богъ; съ Нимъ все у насъ есть. Едино есть Тебѣ нужно повѣдать для Тебя паче всего нужное: враги Церкви Святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой Вѣры Христовой и царству всему,—но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя столицы въ успѣхахъ немедленно остановить; какъ потокъ водный, всюду нечестіе и зловѣріе разливаются. Господь съ Тобою, о Царю! Все можешь Ты сотворить, дастся Тебѣ благодать и крѣпость все во славу Божію сотворить; праведники скорбятъ, видѣвъ успѣхи враговъ, но чаютъ, что Господня Десница воздвигнетъ Тебя, о Царю, защититъ Церковь и Вѣру.» Царь все послушалъ со вниманіемъ. Многоже и долгое время о семъ бесѣдовали мы, яко часть съ половиною. Наконецъ Фотій сказалъ: «Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить». Все нужное къ дѣлу Вѣры Святой внушилъ Царю въ сердце Его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, Царь также самъ крестился и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою креста, многократно Онъ цѣловалъ руку, благословляющую Его, благодаря за бесѣду. Возставъ же, когда я готовился идти отъ Царя, примѣтилъ, что Царю уже время со мною бесѣду окончить. Царь палъ на колѣни предъ Богомъ и, обратясь ко мнѣ лицомъ, сказалъ: «Возложи руки твои, отче, на главу Мою, и сотвори молитву Господню о Мнѣ,

и прости и разрѣши Меня.» Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ Царемъ, такое благоговѣніе къ Богу Царя втайнѣ, смиреніе Его предъ Великимъ, Святымъ Царемъ царствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу Цареву крестообразно, возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на Него, да проститъ вся прегрѣшенія Царю и исполнитъ умъ и сердце Его сотворити волю Господню въ словѣ, дѣлѣ Святой Церкви и Вѣры и сокрушитъ силы вражія вскорѣ, и прочелъ сію молитву тайно: «Царю Небесный Утѣшителю, Душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю! Прииди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, блаже, души наши.» И посемъ, знаменовавъ главу Царя и лице, руки мои огнялъ; Царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣвахъ; возсталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвахъ поминать и проводилъ самъ меня изъ дверей. Я же, видя явно благодать Божию въ лицѣ Царя ко мнѣ, благодарилъ Бога, радовался и веселился духомъ. Прежде всего проѣхалъ я въ домъ дщери дѣвицы Анны: время уже было яко часъ вечера глубока; все ей повѣдалъ. Возратився въ лавру къ Владыкѣ Архіерею Серафиму, повѣдалъ ему все втайнѣ; онъ, объявши меня въ старческія свои объятія, лобзалъ (радуясь), что Господь благодать далъ втайнѣ предъ лицемъ Царя; уповалъ, что можетъ успѣхъ быть въ дѣлахъ въ Церкви: сила вражія вскорѣ будетъ удержана отъ успѣховъ своихъ и дѣлъ. Когда же видѣлъ князя по семъ, не повѣдалъ ему ничтоже, что съ Царемъ тайное было говорено, ниже Царь никогда не повѣдалъ князю

при всѣхъ его желаніяхъ испытать о сущности бывшія бесѣды. Вотъ первое свиданіе отца Фотія съ Царемъ и какую благодать далъ Господь предъ Царемъ Александромъ отцу Фотію за долговременное его подвижаніе и терпѣніе

IX.

Отъѣздъ о. Фотія въ обитель; представленіе его Царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и награда его отъ Царицы.

Устроивъ ходъ дѣлъ нѣвѣныхъ и расположивъ къ себѣ сердце князя какъ важную особу по всѣмъ дѣламъ, Фотій по благословенію Владыки началъ готовиться ѣхать въ Новгородъ въ обитель свою, какъ вдругъ Императрица Матерь Марія Ѳеодоровна благоволила въ Павловскомъ дворцѣ видѣть отца Фотія и принять отъ него благословеніе. Посему, отправляясь онъ въ свою обитель, остановился въ Царскомъ Селѣ у благочестивой боярыни Маріи Портеръ (*), гдѣ видѣлся прежде съ княземъ; потребованъ же былъ предстать Царицѣ, представился ей, говорилъ съ нею о Царѣ, что Господь Его хранить во всѣхъ опасностяхъ и впредь сохранить, давая всячески разумѣть о тайныхъ внутреннихъ врагахъ; о Митрополитѣ же, что онъ единственный защитникъ Церкви и Вѣры; коснулись до князя Голицына и прочихъ враговъ Вѣры, сыновъ беззаконія. Все было говорено съ тщательностію, дабы удобопріемлемо было сердцу Царицы Маріи; стоялъ Фотій за лице Іерарха Серафима болѣе всего, дабы тѣмъ внушить о немъ большое мнѣніе, какъ бы доставить вѣсь болшій предъ царскими вельможами, врагами Церкви и Вѣры. Былъ отпущенъ

(*) Кто эта боярыня? Въ печати о ней ничего намъ неизвѣстно. Просимъ отъ знающихъ указанія.

съ великимъ благоговѣніемъ Фотій, удостоенъ Ея рескрипта въ награду, притомъ Она часы златы въ даръ прислала. Видѣлъ по семь боярыню Ливенъ, первую довѣренную особу при дворѣ; съ нею много было говорено о Поповѣ, Тургеневѣ, Руничѣ, Кошелевѣ. Царица имѣла въ сіе время великую ненависть къ врагамъ за ихъ противозаконныя дѣйствія по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній; но Фотій, какъ бы поручась, за князя со всею силою и любовію стоялъ, говорилъ слово, что онъ будетъ полезенъ, что онъ не-

совсѣмъ виноватъ, а его окружающіе всѣ пакости дѣлаютъ. Царица и гр. Ливенъ весьма благодарили дщерь дѣвицу Анну, что она отца своего наставника духовнаго дала случай видѣть и благословеніе принять его. Сіе представленіе много дѣйствовало въ пользу Митрополита и во вредъ противныхъ партій. Прибывъ въ монастырь и войдя въ соборную Михаила Архангела церковь во время вечерней службы, услышалъ первую пѣснь: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ....

П И С Ь М А

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской

въ 1822 и 1823-мъ годахъ.

Изъ сличенія Записокъ Фотія съ нижеслѣдующими письмами, содержаніемъ коихъ служить тотъ-же Фотій, читатели сами выведутъ заключеніе о характерѣ лицъ, дѣятельность которыхъ имѣла тогда столь важное значеніе въ судьбахъ Русскаго просвѣщенія. Кажется, нечего распространяться о томъ, на чьей сторонѣ было болѣе искренности. Добродушіе князи А. Н. Голицына воистинѣ здѣсь выражаются. Письма эти печатаются съ своеручныхъ подлинниковъ, за сообщеніе коихъ мы обязаны признательностью П. А. Звягинцеву. *И. Б.*

I.

Милостивая Государыня Графиня Анна Алексѣевна. Приношу мою сердечную благодарность за доставленіе ко мнѣ цвѣтовъ отъ отца Архимандрита Фотія; его воспоминаніе обо мнѣ въ молитвѣ и при сегодняшнемъ служеніи для меня драгоценно.

Встрѣтись сегодня съ Вашимъ Сіятельствомъ, я ѣхалъ отъ него, и онъ меня предупредилъ, что я получу сей подарокъ черезъ васъ.

Я недавно познакомился съ отцемъ Фотіемъ и сожалѣю, что сего не сдѣлалъ прежде, когда онъ имѣлъ здѣсь свое пребываніе. Его разговоръ назидателенъ и имѣетъ силу, которую единъ Господь можетъ дать.

Благодаря Ваше Сіятельство за поздравленіе меня съ праздникомъ, взаимно васъ поздравляю какъ съ нынѣшнимъ, такъ и съ наступающимъ, желая, дабы дѣйствія оныхъ вы ощущали всегда въ вашемъ сердцѣ.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою князь

Александръ Голицынъ.

Санктпетербургъ
21 Маія 1822.

II.

Милостивая Государыня Графиня Анна Алексѣевна. Вы конечно знаете, что я большое участіе беру въ отцѣ Фотіи, но онъ человѣкъ необыкновенный; слѣдовательно надобно такъ поступать, чтобъ не сдѣлать чего противно волѣ Божіей, ежели, его не спрося, доложить Государю. Для того я надѣясь сегодня у васъ быть по письму отца Фотія, который меня увѣдомляетъ, что онъ къ вамъ будетъ въ 12-ть часовъ, а я постараюсь, хотя за полчаса до него, прійхать къ вамъ и поговорить о его болѣзни и что предпринять. Я легко могу ему не говорить, что вы мнѣ писали о его болѣзни, ибо Митрополитъ мнѣ сказалъ о семъ въ Библейскомъ обществѣ; но отецъ Фотій знаетъ, что письмо отъ васъ послано ко мнѣ, онъ мнѣ сіе пишетъ, то я нужнымъ счелъ васъ предупредить.

Господь милостивъ! Станемъ молиться, и Онъ помилуесть и исцѣлитъ болѣзнь и научитъ насъ, что намъ дѣлать. Получа письмо ваше, хотѣлъ я писать Государю, потомъ остановился, считая, что ежели отецъ Фотій имѣетъ какія причины, чтобъ чрезъ доктора не лѣчиться, то какъ взять на себя смѣлость заставлять его противъ какого нибудь чувства свыше? Пбо Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ можетъ Духомъ Своимъ исцѣлять его. И такъ, помолясь еще сего утра, я рѣшился вамъ написать сіе письмо. Будьте увѣрены, что власъ съ главы нашея не спадеть безъ воли Господа: какъ же жизнь человѣка, особливо такого слуги Божія, будетъ оставлена случайности? На все есть Промыслъ Всевышняго (*). Ежели за-

(*). Что это была за болѣзнь и почему о ней надо было докладывать государю, Фотій не объясняетъ

хочеть Господь взять у насъ любезнаго нашего отца Фотія, никакіе врачи, ни лѣкарства не помогутъ; а молитва, можно сказать, теплая иногда по милосердію Божію отстрочить можетъ, даже ежели слѣдовало кому и умереть. Мы видимъ примѣры въ Священномъ Писаніи, что Господь по молитвѣ одного Царя далъ ему нѣсколько жизни болѣе, чѣмъ Его воля была.

И такъ обратите чистое сердце ваше къ Господу нашему Иисусу Христу и попросите Его для пользы душъ, коихъ онъ возбуждаетъ къ любви Господа, чтобъ исцѣлилъ раны его и продлилъ его жизнь. Я, хотя и недостойный и многогрѣшный, но готовъ молиться о томъ же, ибо Господь столь милостивъ, что и грѣшныхъ молитвы принимаетъ; а потомъ предадимъ все Его святой волѣ. Онъ пошлетъ средства и внушитъ можетъ отцу Фотію, что ему дѣлать.

Простите мнѣ, что я васъ какъ бы учу, тогда какъ вы сами лучше знаете, какъ сильна молитва въ самоотверженіи. Желая отъ всего сердца, да Господь услышитъ нашу молитву, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Каменный Островъ
28 Іюня 1822

III.

Петербургъ 25 Іюля 1822. Вторникъ.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что я буду ночевать сегодня на Каменномъ Острову и пробуду за-

въ своихъ Запискахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ тетрадяхъ, которыя у насъ имѣются. Не держался ли онъ и тутъ извѣстнаго изрѣченія: дожь—конь во снѣженіе? Фотій, какъ видно изъ письма VI-го, оставался въ Петербургѣ до Августа.

страшній день въ городѣ, а въ четвергь отправлюсь опять въ Петергофъ: то, ежели возможно Вашему Сіятельству дать мнѣ свиданіе съ отцемъ Фотіемъ у васъ завтра, и въ такомъ случаѣ прошу съ нимъ списаться. Я свободенъ буду въ часъ по полудни и ежели не противно вамъ, то я бы у васъ отобѣдалъ и посидѣлъ, скълько отцу Фотію угодно бы было. Не безпокойтесь о пищѣ: я постное ѣмъ съ удовольствіемъ; прошу меня, Графиня, увѣдомить во всякомъ случаѣ, ежели примите мое предложеніе или вѣтъ, чтобъ я могъ расположить свое время. Имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ*.

IV.

Севодняшній день совсѣмъ взялъ другой оборотъ, о чемъ нужнымъ считаю Ваше Сіятельство увѣдомить. Любезный нашему съ вами сердцу отецъ Фотій, какъ я думаю васъ онъ увѣдомилъ, служить сегодня съ Митрополитомъ въ Петропавловскомъ соборѣ, въ крѣпости, и на него возлагасть Митрополитъ крестъ, Государемъ пожалованный. Я намѣренъ ѣхать къ сей литургіи, и Ваше Сіятельство, можетъ, не будете ли туда; но обѣдать у васъ сегодня не могу, потому что у Государя обѣдъ на Каменномъ Острову, и послѣ обѣда велѣлъ къ себѣ придти. По всему сему расположенію мнѣ не возможно сегодня насладиться бесѣдою нашего Златоуста, завтра же я ѣду въ Царское Село и не прежде возвращусь, какъ къ ночи въ Воскресеніе; то по возвращеніи моемъ я уже сплшусь съ вами, когда бы съѣхаться, и жажду утолить чистою водою, черпаемою чистою рукою и нескудно намъ сообщающею.

Христосъ съ Вами и со мною и со всеми во Христѣ любящими другъ друга. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ*.

Каменный Островъ
1 Августа $\frac{1}{4}$ 9-го часа.

P. S. Обѣдня начнется въ 10-ть часовъ.

V.

Царское Село, 12 Августа 1822.

Сегодняшнее утро вѣроятно, почтеннѣйшая Графиня, Вы пріобщились Святыхъ и Божественныхъ тайнъ изъ рукъ любезнѣйшаго намъ и возлюбленнаго отъ Господа преподобнаго отца Фотія, съ чѣмъ отъ всего сердца васъ поздравляю, и радуюсь, что Господь сподобилъ Васъ вкусить Его Божественныя трапезы. Коль счастливы Вы! Я соединился духомъ съ вами и съ отцемъ Фотіемъ, сегоже дня слушая Божественную литургію, и просилъ да коснется Онъ, Вездѣущій, и моего мерзкаго, бѣднаго крова души моей. — Я, кажется, Вамъ сказывалъ, что я читаю ежедневно Священное Писаніе по порядку главъ въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ, то сего утра мнѣ пришлось читать 9-ю главу (*) къ Евреямъ посланіе. Мнѣ показалась она къ Вамъ прилична сегодня, и прошу ее прочесть. Я просилъ отца Фотія, чтобъ въ день Успенія Божія Матери услышать мнѣ Божественную литургію, имъ совершаемую у Митрополита на сѣняхъ, то прошу Ваше Сіятельство у него спросить, въ которомъ часу онъ будетъ служить, чтобъ онъ самъ избралъ часъ по своей удобности, ибо для меня все равно; а послѣ того, ежели Вамъ не противно бу-

(*) Въ главѣ этой говорится о причащеніи кровіи Христовой.

детъ, я бы въ Успеніевъ день у Васъ отобѣдалъ съ отцемъ Фотіемъ и провели бы оной въ бесѣдѣ духовной.

Устроите такъ, любезная сестра о Господѣ, и думаю, что благо намъ будетъ. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ*.

Прошу прилагаемое здѣсь письмо отослать къ отцу Фотію сегодняже, если не поздно вы получите.

VI.

Отъѣзжая въ Царское Село, я имѣю нужду, почтеннѣйшая Графиня, Вамъ сказать, что сколь для меня было примѣчательно время нынѣшней недѣли съ пріѣзда моего въ Петербургъ, особливо 15-ое и 16-ое числа. Господу благодареніемъ исполнено сердце мое, и орудіе, Имъ употребленное, любезно мнѣ. Слава Ему Царю небесному, Искупителю нашему.

При семъ случаѣ позвольте, Графиня, напомнить Вамъ о крестикѣ, который Отецъ Фотій хотѣлъ, чтобъ Вы сдѣлали для меня и въ которой ризу Спасителю положить. Я бы просилъ, чтобъ онъ небольшой былъ, чтобъ я могъ его носить на себѣ.

По возвращеніи моемъ изъ Царскаго Села спшусь съ Вами, когда бы у Васъ съѣхаться съ любезнѣйшимъ отцемъ Фотіемъ, чтобъ мнѣ свободно было и Васъ не отяготило. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ*.

С. Петербургъ 17 Августа
1822.

VII.

КОПИЯ СЪ ПИСАНИЯ БРАТА ІОАННА КЪ БРАТУ АРКАДІЮ.

Послѣ какъ они разстались другъ съ другомъ для путешествія.

Брате, о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Царѣ нашемъ, брате Аркадіе, земно ти кланяюсь и молю тя, да вземлешь моему повѣствованію.

Въ послѣднее свиданіе наше читали мы еще разъ житіе Святыхъ Аркадіи и Іоанна, о которыхъ читалъ намъ преподобный Авва Ф... Онъ намъ поставилъ какъ бы ихъ въ примѣръ, хотя не буквально, но духовно, и истинно благо бы намъ было, если бы, подражая имъ, каждый изъ насъ по своему состоянію, гдѣ Богъ насъ съ тобою поставилъ, могли бѣ достигъ въ будущей жизни того, что имъ предназначено было.

Я надѣюсь, что кровь Спасителя нашего, проліянная за всѣхъ православныхъ Христіанъ и за насъ обоихъ, молитвами преподобнаго и любезнаго сердцу нашему Аввы Ф... услышана будетъ Отцемъ Небеснымъ, и Духъ Святый, обновивъ насъ, сдѣлаетъ чадами Божиими.

Брате Аркадіе! Благодарю Господа, что молитвы отца уже услышаны о тебѣ, и плаваніе твое по морю жизни тихое имѣетъ направленіе. Кормчій у тебя хорошъ и святъ. Онъ молится о вѣтрѣ, чтобъ не столько спленъ былъ въ страны запада Солнца правды, а напротивъ испрашиваетъ попутныхъ вѣтровъ на востокъ, куда цѣль твоего плаванія. Чистота и строгость жизни твоей дѣлаютъ, что грузъ въ соразмѣрности и легко кораблю тѣла твоего плыти. Отъѣзжая отсюда, пристанешь ты на время у хранилища большихъ сокровищъ духовныхъ, запасешься ими на путь, укрѣпишься яствіемъ и питіемъ жизни, и получишь наставленіе отъ кормчаго и устное и письменное, чтобъ не сблѣться съ дороги, плаваніе твое будетъ благословенно. Прошу тебя, брате, не забудь меня, когда ты будешь насыщаться сею манною небесною, да мнѣ пошлется въ духъ отъ крупницъ, падающихъ отъ богатыя трапезы, которая тебѣ предложена будетъ спмъ кормчимъ.

Онъ, сказываютъ, самъ тебя не повезетъ, но испроситъ отъ Господа тебѣ столь хорошаго духа, что только слушайся его и доведешь благополучно, духа премудрости и разума, духа стра-

ха и любви Божией, который завладеть сердцемъ твоимъ и уратить къ цѣли. Только не запывайся долго, и хотя у кормчаго твоего есть другъ, старецъ благочестивый, который въ случаѣ нужды готовъ содѣйствовать кормчему, и вѣрный слуга Божій, но твое мѣсто по явной должности здѣсь и, ежели воля Божія на то призоветъ тя, то не противься. Братъ твой Іоаннъ зѣло тому обрадуется, ежели онъ еще живъ будетъ или не будетъ отсутственъ. Богъ вѣсть, какое мое будетъ плаваніе; надежда моя на Господа, и сердце мое жаждетъ Его и проситъ, да чисто созиждетъ сердце мое, и да возжетъ въ немъ огонь любви чистой къ Нему, да просвѣтитъ лице на раба своего, да побѣдитъ во мнѣ всѣхъ враговъ Своихъ, да положитъ ихъ подъ подножіе ногъ Своихъ и да воцарится во мнѣ. О когда сіе бы случилось, тогда то ушаду къ негамъ Его внутри храма моего внутренняго и принесу благодареніе за молитвы всѣхъ тѣхъ, кои помогали мнѣ приплыть къ сему тихому и необуреваемому пристанищу.

Станемъ молиться и просить спасенія, а Господь нашъ Іисусъ Христосъ того только и хочетъ, конечно молитву услышитъ и пошлетъ намъ Ангела мира, хранителя и путеводаителя душамъ нашимъ. Аминь.

Братъ твой Іоаннъ, много тебя любящій въ Господь. (*)

Вотъ что я для васъ, почтеннѣйшая Графиня, списалъ въ мое пребываніе въ Гатчинѣ; хотя вы меня не просили о сей копіи, но мнѣ показалось, что она будетъ для васъ любопытна, зная, что вы интересуетесь спми Аркадіемъ и Іоанномъ.

Я, слава Богу, здоровъ и готовлюсь идти въ церковь: сегодня освящаютъ оную въ больницѣ, Павломъ 1-мъ построенной. Для того я сюда и приглашенъ.

Не знаю, получу ли отъ многолюбезнаго письма, чего очень хочется, что

(*) Вся эта воля писана рукою князя А. Н. Голицына.

вы видѣли уже въ послѣднее свиданіе наше. Впрочемъ я еще не получалъ почты изъ Петербурга. Прошу мнѣ написать слова два о полученіи сего письма.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію Вашего Сятельства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Гатчина
12 Октября
1822.

P. S. Изъ Новгорода прошу Васъ написать ко мнѣ, какъ Вы найдете здоровье отца Фотія; также не забудьте ему написать, ежели не написали, что послѣ 17-го числа было извѣстіе, что Государь, слава Богу, здоровъ.

VIII.

Въ день, въ великій день Рождества Спасителя міра, Божественнаго отроча въ ясляхъ, смиренно рождшагося, имѣю я нужду писать къ Вамъ, сестро моя о Господѣ! привѣтствовать съ сею радостью, которую благочестивое сердце Ваше не только раздѣляетъ со мною, но по чистотѣ своей и гораздо лучше чувствуетъ моего. Я увѣренъ, что Вы обо мнѣ вспомнили въ сей день и, можетъ, помолились, а объ обоихъ насъ вѣрно любезнѣйшій нашъ отецъ Фотій помолился при служеніи Божественной литургіи, которую онъ конечно совершалъ. Мы съ нимъ часто переписываемся, и назиданіе большое отъ него получаю.

Я его просилъ, чтобъ онъ мнѣ писалъ тогда, когда имѣетъ побужденіе, ибо съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, нельзя и не должно требовать, чтобъ регулярно всякую почту писалъ. Хотя мнѣ всякое его писаніе пріятно; но въ перепискѣ моей съ нимъ заключается пища духовная которая дается въ мѣру и во время. Я и самъ

гь нему пишу, когда сердце мое жаждет его бесѣды и признаюсь вамъ, что не рѣдко сіе случается. Прошу Васъ, хотя изрѣдка, не оставлять меня увѣдомленіемъ, что Вы здоровы и что обо мнѣ помните.

При семъ посылаю къ Вамъ письмо официальное, которое я пишу къ добротводителямъ для новой подписки, которую я дѣлаю для выкупу Грековъ плѣнныхъ у Турковъ^(*). Оно давно къ Вамъ написано, но у меня пролежало для того, что я хотѣлъ къ Вамъ особо писать и послать продолженіе письма отца Фотія ко мнѣ *О смерти*, которое требовало времени по моимъ недосугамъ, чтобъ его переписать. Наконецъ кончивъ, при семъ посылаю, а другое обѣщавное, когда перепишется, то пришлю также. За симъ, поручая себя молитвамъ Вашимъ, пребуду навсегда Вамъ вѣрный о Господѣ братья князь *Александръ Голицынъ*.

С. Петербургъ.
Въ день Рождества Христа
Спасителя 1822 года.

Р. С. При семъ поздравляя Васъ съ наступающимъ годомъ, желаю Вамъ отъ всего сердца спасенія и ближайшаго и глубочайшаго соединенія съ Спасителемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

IX.

Сестро о Господѣ! Не удивитесь ему началу, оно съ благословенія отца Фотія. Я къ нему писалъ и, получивъ отъ него разрѣшеніе, беру смѣлость

(*) Въ 1821 году, по циркулярнымъ письмамъ вл. А. Н. Галицына ко всѣмъ губернаторамъ, производилась подписка въ пользу спасшихся въ Россію отъ Турецкаго воеводства Грековъ. Изъ имѣющагося у насъ въ Мценскѣ, видно, что тамошніе дворяне жертвовали 196 рублей.

васъ такъ назвать. Господу угодно было, чтобъ, въ послѣднее время вашего пребыванія здѣсь, устроить сношеніе мое съ вами не на мирскихъ основаніяхъ, но о Господѣ, и бесѣды наши вмѣстѣ съ отцемъ Фотіемъ глубокое во мнѣ сдѣлали впечатлѣніе: я видѣлъ, что вы истинно рѣшились служить Господу, и сію любовь къ Нему, столь рѣдко встрѣчаемую въ мірѣ, не могу не уважать и хотя на пути семъ и далеку я отъ васъ, но ищу его и люблю оный, а Господь такъ Милосердъ, что всякому по мѣрѣ его сообщается, но всѣхъ въ чадство свое привлекаетъ и тѣмъ установляетъ сіе родство духовное, которое Господь да благословитъ для моего назиданія. Желаю, чтобъ вы не соблазнились братствомъ симъ, которое я не имѣлъ дерзновеніе прямо къ вамъ написать, хотя и желалъ, но спросилъ любезнаго намъ обоимъ отца Фотія. Истинно мнѣ трудно было писать къ вамъ: *Ваше Сіятельство и проч.*, еще какъ вы были здѣсь, но по отъѣздѣ рѣшился такъ сдѣлать.

Увѣдомьте меня, какъ вы пріѣхали въ Москву; я ожидалъ, что, можетъ, вы мнѣ и напишите, но до сихъ поръ ничего не зналъ. Валужева сюда возвратилась и при мнѣ, я слышалъ, рассказывала, что вы въ четыре дни пріѣхали изъ Новгорода. Думаю, что скучаете безъ отца Фотія, но вѣроятно переписка самая дѣятельная. Я не могу пожаловаться: отъ него получаю довольно часто письма и довольно длинныя, что увидите изъ копій (съ одного) къ вамъ посылаемой. Отецъ Фотій желалъ, чтобъ я оную вамъ доставилъ, и я успѣлъ только переписать часть, а продолженіе когда перепишу, то и доставлю. Онъ и самъ прислалъ продолженіе ко мнѣ на другой почтѣ.

Вы увидите, что мнѣ поручено писать и другое его письмо *О волю*, но прошу нѣсколько пообождать; я буду всякій день по нѣсколькѣ переписывать; истинно не имѣю время, а другому некому повѣрить.

Въ ожиданіи отъ васъ письма, поручаю себя молитвамъ вашимъ, пребываю навсегда вѣрнымъ Вамъ братомъ о Господѣ. Кн. *Александръ Голицынъ*.

С. Петербургъ.
10 Января
1823.

X.

Царское Село, 15 Июня 1823.

На письмо Ваше, любезная сестро о Господѣ, поспѣшаю отвѣчать въ разсужденіи діакона Кондрата Александрова Кокорева. Я просилъ Духовника Государынь Императриць Кривницкаго, такъ какъ отъ него Чесменская зависитъ церковь, и какое отъ него получилъ письмо, посылаю къ вамъ въ оригиналѣ. Вы увидите, что вакансія еще не очистилась, но впредь я не оставляю на помнѣть, въ свое время.

Благодарилъ Господа, что Вамъ нужда была меня попросить, ибо сіе мнѣ доставило удовольствіе получить писаніе, которыми, хотя изрѣдка, но прошу меня не оставлять. Я увѣренъ, что вы меня помните, а особливо въ въ вашихъ молитвахъ; но однакоже пріятно мнѣ сообщаться съ вами письмами. Вы должны быть въ тишинѣ вашего Острова (*), и ежели у васъ такова погода какъ здѣсь, то должно быть пріятно.

Мнѣ сказали, что вы ѣдите въ Кіевѣ, но мнѣ кажется, что сіе несправедливо; ничто, кажется, васъ туда не призываетъ, а на всякомъ мѣстѣ владычество Господа. Служеніе же Ему

(*) Славная полмосковная графовъ Орловыхъ.

можно вездѣ и всегда творить, не переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто.

Когда-то услышу я, что вы начнете собираться къ намъ, ибо надобно, чтобъ за годъ намѣреніе было принято, а о семъ началъ я и не слышу еще. Господь да устроитъ все по Своей Святой волѣ. Давно не получалъ я писемъ отъ нашего любезнаго отца Фотія. Я думаю, что онъ очень захлопотался; я очень радъ, что Государь обитель его обезпечилъ навсегда. Съ будущаго Января положено отпускать изъ казны по четыре тысячи рублей. Я писалъ къ нему въ Троицынъ день, но еще нельзя получить отвѣтъ, и извѣщалъ его, что въ Духовъ день я приготовлялся къ причащенію, котораго Господь меня и сподобилъ. Я очень пріятно проведелъ Троицынъ и Духовъ день. Вы знаете, что мой храмовой праздникъ есть Троицынъ день, то желая нынѣшній годъ никого не принимать подѣ предлогомъ передѣлать въ домѣ, я пріѣхалъ изъ Царскаго Села и, вмѣсто того чтобъ ночевать на Каменномъ Острову, я остался въ городскомъ домѣ и сіи два дни никого не принималъ съ докладами. Такимъ образомъ отъ трудовъ взялъ покой и посреди шуму града и двора сдѣлалъ себѣ пустыню. И долженъ вамъ сказать между нами, что въ Троицынъ день предъ чтеніемъ Символа Вѣры, когда возглашено было: «Возлюбимъ другъ друга», я почувствовалъ такъ живо всѣхъ тѣхъ, коиъ я люблю въ Господѣ, и ихъ имена возговорились, какъ бы такъ сказать, въ моемъ сердцѣ. Вы конечно увѣрены, любезная сестра, что въ семъ числѣ и ваше имя было произнесено. Я васъ увѣряю по истиннѣ, что тѣ лица, кои я люблю, но не о Господѣ а натуральнымъ образомъ, мнѣ тутъ не пришли

не только въ сердце, но даже и на память. И такъ, соединясь со всѣми слугами Божьими мнѣ извѣстными, я тронуть былъ до слезъ и, возлюбивъ всѣхъ Васъ, предалъ Господу, и въ Немъ соединяясь, просилъ, чтобъ Онъ благословилъ и спасъ Насъ всѣхъ Своею Божественною кровію. Христосъ посреди насъ да будетъ всегда, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ аминь. Вамъ преданный навсегда въ Господѣ братъ князь *Александръ Голицынъ*.

XI.

Любезная сестро о Господѣ, благодарю Васъ сердечно, что не забыли дня рожденія меня грѣшнаго и обрадовали меня писаніемъ Вашимъ послѣ столь долгаго молчанія. Болѣзнь отца Амѣлаохія и отъѣздъ Вашъ въ Ростовъ причиною былъ, что и я долго не писалъ къ Вамъ, не хотя беспокоить, а потомъ недосуги мои обыкновенные, съ пріѣздомъ Государя умножившіеся. Такое стеченіе обстоятельствъ пресѣкло нашу переписку, столь для меня пріятную и полезную: ибо сношеніе съ чистою душою какъ Ваша всегда оставляетъ доброе вліяніе. Надежда Васъ видѣть, любезная сестра, мени утѣшаетъ; да благословить Господь путь Вашъ, но я споровъ опасуюсь. Вамъ что собираться? Велите заложить карету и съ Богомъ. Я получаю довольно часто письма отъ любезнаго отца Фотія. Онъ писалъ мнѣ на сихъ дняхъ, что освятилъ придѣлъ во имя Успенія св. Анны, 9-го Декабря, на другой день моего рожденія и что воду освящалъ крестомъ, который я къ нему прислалъ къ сему дню съ большою частицею древа животворящаго креста.

Хочется мнѣ Вамъ сказать слово также о пріѣзжей новообрученной не-

вѣстѣ Великаго Князя Михаила Павловича: удивительная Принцесса для 16-ти лѣтъ! Умна и ловка до безконечности; всѣ Ее полюбили, и Она всѣмъ старается нравиться. Какъ Она порусски старается учиться! Въ день Міропомазанія всѣ молитвы наизусть и съ большимъ чувствомъ читала. Дай Господи, чтобъ была добрая Христіанка! Засимъ поручаю себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда вамъ вѣрнымъ о Господѣ братомъ кн. *Александръ Голицынъ*.

P. S. Царь нашъ здоровъ, слава Богу.

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО

КЪ ГРАФИНЬ С.

(По случаю кончины дѣтей ея)

На сихъ дняхъ, милая Софія Михайловна, получилъ я отъ П. А. Плетнева письмо, въ которомъ онъ между прочимъ, въ немногихъ словахъ, увѣдомляетъ меня о жестокомъ бѣдствіи, которое тебя постигло. Въ этомъ письмѣ нѣтъ подробностей; я не знаю, что съ тобою дѣлается, какое дѣйствіе произвела на твою душу твоя потеря. Но, зная эту нѣжную, любящую душу, могу отчасти угадывать и понимать то, что въ ней происходитъ и чувствую необходимость сказать тебѣ мое слово, отъ сердца; оно конечно отзовется въ твоемъ. Я не имѣю намѣренія утѣшать тебя; утѣшеніе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ обыкновенно, есть нѣчто пошлое, можно сказать, достойное презрѣнія: утѣшиться въ такой потерѣ, какъ твоя, значило бы или перестать ее чувствовать или замѣнить потерянное бывшее чѣмъ ни-

будь новымъ—можно ли желать такого утѣшенія? Пока еще плачется о милыхъ мертвыхъ, по тѣхъ поръ они еще для насъ какъ будто живы; когда же они забыты, тогда они подлинно умерли, и ихъ для насъ нѣтъ. Такого утѣшенія не могу желать для тебя и даже его бы тебѣ не далъ, если бы имѣлъ его въ своей власти. Но я желаю тебѣ указать на утѣшеніе другого рода. Первая инстанція горя, когда вся душа въ конвульсіяхъ и ничему не доступна, теперь для тебя кончилась. Какъ кончилась, я не знаю; но думаю, что эта бѣдная, горемъ утомленная душа, по тому самому, теперь тихо и молча можетъ посмотрѣть въ глаза своему горю и способна разглядѣть его несказанно-величественный образъ. Только не отвращай произвольно своихъ глазъ отъ этого взгляда, не упрямясь мучить свою душу страданіемъ и сѣтованіемъ; увѣрь себя, что твой святѣйшій долгъ состоитъ въ томъ, чтобы благоговѣйно вемотрѣться въ лице этого повидимому грознаго и губительнаго посланника Божія. Ты не можешь еще вообразить *теперь*, сколько чуднаго выйдетъ для тебя *послѣ* изъ этого короткаго знакомства. Все будущее твоей жизни зависитъ отъ того, какъ твое теперешнее, невыразимое, материнское горе будетъ тобою принято, понято и обращено въ твою душевную, сѣдственно вѣчную, несотъемлемую собственность. Что можетъ быть безотрадиѣе, какъ стоять передъ этими двумя могилами, въ которыхъ навсегда исчезло то, что радовало твое сердце и было его земною надеждою! Знаю, какъ мы упорно предаемся этой губящей душу и столь естественной пыткѣ, изъ которой самъ собою вырывается ропотъ противъ Бога. Въ такомъ положеніи видѣлъ я

твою бѣдную мать въ то время, когда умеръ нашъ милый Иосифъ. Тогда я самъ еще былъ *одинокинг* бродягою міра, и для меня человѣческія страданія имѣли смыслъ болѣе матеріальный: я видѣлъ въ нихъ порчу жизни. Однако и тогда раздраженная безнадежностью твоей матери меня поразила и показала мнѣ несоответственную ея высокой, прекрасной душѣ. Теперь, когда я самъ отецъ, и когда мнѣ есть за что собственное уцѣпить ся въ жизни и сѣдственно когда у меня есть сокровище, утраты котораго можно страшиться, именно теперь я постигаю, что наши утраты и самыя тяжкія—не *пора*, а *освященіе* жизни. Милосердіе Божіе еще сохранило меня отъ такого испытанія, какъ твое; и я еще не знаю, какъ встрѣчу такого посланника великой воли, какого твоя душа принять удостоилась. Но я постигаю—если не живую вѣрую (она есть даяніе свыше) то глубокимъ убѣжденіемъ—сколь велика и благотворна миссія такого посланника. Кто же этотъ посланникъ? Кто приходитъ къ намъ, облеченный въ одежду нашего горя? Это Тотъ, Который говоритъ: *Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и удрученныя, и Азъ успокою вы*. Ему можно повѣрить на слово. Когда мы радуемся земною жизнью, она намъ кажется нашимъ лучшимъ благомъ; она обхватываетъ насъ вполнѣ, и ничего выше ея мы себѣ представить не можемъ. И это земное счастье не иное что, какъ волшебный фонарь: и свѣтлыя фигуры, которыя онъ показываетъ намъ на темномъ грунтѣ, не иное что, какъ пробѣгающія тѣни; да и стекло, на которомъ написаны эти образы, можетъ каждую минуту раз

биться въ дребезги. Но когда придетъ ся положить съ воплемъ и плачемъ милыхъ дѣтей въ могилу, тогда всѣ прелести жизни намъ измѣняются и бѣгутъ отъ насъ, какъ отъ зачумленныхъ; за то мы тогдаже узнаемъ и лучшее изъ всѣхъ благъ: надъ могилой, въ которой скрылись изъ глазъ нашихъ наши дѣти, мы видимъ лицомъ къ лицу Христа, Котораго слова только на такомъ мѣстѣ получаютъ свой истинный смыслъ и даруютъ то утѣшеніе, которое не только не рознитъ насъ съ нашими потерянными, но ихъ упрочиваетъ для насъ на жизнь вѣчную. Этотъ невыразимый Христосъ—ничего не даетъ намъ въ *землю* того, что мы потеряли; Онъ только даетъ намъ—*Самого Себя* и становится участникомъ всей судьбы нашей, и это съ Нимъ товарищество возможно только на дорогѣ испытанія. Какая же цѣна можетъ быть велика для приобрѣтенія такого товарищества? Милая, я не философствую съ тобою, я только съ глубокимъ участіемъ къ судьбѣ твоей смотрю на то мѣсто, на которое привела тебя дорога жизни, мѣсто, на которое всякій изъ насъ рано или поздно попадаетъ, отъ котораго начинается для насъ новая дорога или ведущая въ миротворный свѣтъ или въ безотрадную тьму, смотря по тому, что мы на ней увидимъ—увидимъ ли отворенными глазами вѣры Путеводителя, готоваго насъ вести, насъ поддерживать, насъ утѣшать, или, зажмуривъ произвольно глаза, пойдемъ одни, сѣтуя на свое страшное, произвольное одиночество. Блаженъ тотъ, кому дается сдѣлать такую встрѣчу еще въ молодости, когда еще душа свѣжа и полна упованія; онъ тогда рано знакомится съ истиннымъ смысломъ жизни и живо предается ея святому назначенію. А

2. VI.

что это назначеніе? Смиренная, безтревожная покорность волѣ Спасителя и совершенное преданіе въ нее собственной нашей воли. И эта жертва, приносимая нашею душою, только въ такія минуты совершается, какія теперь тебѣ достались на благодатное испытаніе. Когда же и можетъ душа яснѣе понять Спасителя, какъ не въ такія минуты, въ которыя все милое на землѣ для насъ исчезаетъ—*да! исчезаетъ!* такъ кричитъ душа въ *первыя* мгновенія утраты; но въ *слѣдующую минуту*, когда бѣдная мать увидитъ, что ея дитя не въ гробѣ, а на рукахъ Спасителя, съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія пойметъ она, что эта утрата только для того, чтобы убѣдить душу въ *невозможности* утраты *истинныхъ* благъ нашихъ; чтобы открыть намъ тайну Спасителя, Который вдругъ становится должникомъ нашимъ и хранителемъ нашего богатства, если мы только взятое Имъ на сохраненіе сокровище наше ввѣримъ Ему произвольно и безъ залога. Эта необходимость Ему *вѣрится* и этотъ миръ души, истекающій изъ этого ввѣренія, составляютъ для насъ высочайшее земное благо, которымъ уничтожается для насъ всякая горечь утраты, обращающейся въ нѣчто на вѣки спасенное, и болѣе наше, нежели прежде, и только невидимое для глазъ. Но за эту невидимость для глазъ мы получаемъ въ награду видимость для сердца, если оно только прижмется къ любящему сердцу Спасителя. Вотъ что неминуемо должно произойти и съ тобою, моя милая: *твоя чистая душа не можетъ не дойти къ твоему результату*. То, что я теперь къ тебѣ пишу, конечно не произведетъ еще большаго дѣйствія на эту израненную душу; но оно можетъ ее пробудить

русскій архивъ 1869. 31

пзъ летаргическаго, тревожимаго страшными видѣніями, сна печали. Только не отталкивай произвольно чаши спасенія; стой съ терпѣніемъ передъ царскими дверями, еще не растворенными и задернутыми завѣсою; скоро услышишь тамъ: *Твоя отъ Твоихъ! отъ всѣхъ и за вся*; и скоро потомъ скажутъ: *со страхомъ Божиимъ и съ вѣрою приступите*. Наше горе должно быть причащеніемъ Св. таинъ не въ судъ и въ осужденіе, а въ жизнь вѣчную.—Все, что я говорилъ до сихъ поръ, есть для меня глубокое убѣжденіе; но я не хочу, чтобы ты изъ словъ моихъ заключила, что я стою самъ на той высотѣ, на которую тебѣ указываю и на которую зоветь тебя Богъ Своимъ отеческимъ испытаніемъ. Мое убѣжденіе еще не есть этотъ внутренней мнръ, производимый живою вѣрою; я вижу, въ *чемъ* состоитъ верховное, единственное благо жизни, но я слишкомъ поздно началъ это видѣть; жизнь моя прошла въ произвольномъ, бѣдственномъ невниманіи къ святѣйшему, и поздніе годы ея отзываются ничтожностію молодыхъ; жизнь моя прошла безъ тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые потрясаютъ душу, *ее* расталкиваютъ и вырываютъ *ее* изъ того самодовольнаго сна, въ которомъ лелѣютъ *ее* поэтическія сновидѣнія. Вотъ почему и спѣшу сказать тебѣ: прими свою свѣжую душою твое бѣдствіе какъ даръ Божій; оно преобразитъ всю твою жизнь и сдѣлаетъ ее навсегда недоступною для истиннаго бѣдствія. Чѣмъ ранѣе святыня дѣятельнаго Христіанства овладѣетъ душою, тѣмъ легче будетъ имъ проникнута душа, и вся жизнь наконецъ сдѣлается мирною любовью. Но зачѣмъ я все это писалъ? Всего бы простѣе послать тебѣ то письмо, которое здѣсь прилагаю, нарочно для

тебя переписанное. Прочитай его: одна строка его скажетъ тебѣ въ тысячу разъ болѣе всѣхъ моихъ размышленій. Графъ Штольбергъ, который его мнѣ написалъ, есть сынъ знаменитаго поэта Штольберга. Я познакомился съ нимъ въ Дюссельдорфѣ: онъ былъ женатъ на графинѣ Шпее, которая была очень дружна съ моею женою: она въ нынѣшнемъ году умерла. Изъ этого письма увидишь ты ясно, что такое земная скорбь, и что такое вѣра въ Бога Спасителя. — Прости, милая, обними за меня твою мать и скажи дружескій поклонъ сестрамъ и мужу. Жена вамъ всѣмъ посылаетъ сердечный поклонъ. *Жуковский*.

Баденъ-Баденъ
24 Юль
5 Августа 1850 года.

А я опять принужденъ остаться на зиму въ Баденѣ.

Печатается съ подлинника, сохранившагося въ альбомѣ графа В. А. Сологуба.

ДВА СЪ ПОЛОВИНОЮ ГОДА

ВЪ ПЛѢНУ У ЧЕЧЕНЦОВЪ.

1847—1850.

Во время распространившейся въ 1847 году сильной холеры, командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, 12-го іюля командировалъ меня до г. Кизляра и обратно въ Ставрополь съ цѣлію — убѣдиться лично: исполняются ли въ станціяхъ, городахъ и селеніяхъ предварительно сообщенныя предохранительныя мѣры. долженствовавшія способствовать къ возможному ослабленію и прекращенію развитія болѣзни и собрать свѣдѣнія о заболѣвшихъ,

умершихъ и выздоровѣвшихъ. Исполняя возложенное на меня порученіе, на пути я самъ заболѣлъ; но получилъ съ помощію медика въ ст. Щедринской облегченіе въ теченіи 4-хъ дней и слѣдовалъ далѣе до Кизляра.

На обратномъ пути, по выѣздѣ изъ Староглазовской почтовой станціи 24-го іюля, на подорогѣ къ Альбецкому посту, сначала лопнула шина на правомъ переднемъ колесѣ, потомъ отломился кусокъ желѣза, далѣе отпала вся шина, и чрезъ полверсты отлетѣла половина обода со спицами. Повозка остановилась.

Быль 2-й часъ дня, неизвѣрно знойнаго. Сильный, порывистый, еще съ утра дувшій, западный вѣтеръ, отъ котораго близъ Кизляра полноводный Терекъ прорвалъ плотину, несъ тучи пыли и песку.

Ямщикъ, сбросивъ возжи и отстегнувъ одну отъ правой пристяжной лошади, началъ увязывать остальную половину колеса, чтобы какъ нибудь дотащить до бывшей недалеко на Альбецкомъ посту станціи. Я невольно обратилъ на это вниманіе, несколько не подозрѣвая присутствія неприятеля въ близкомъ отъ дороги лѣсу, коимъ покрыто лѣвое притеречное пространство, тѣмъ болѣе, что кромѣ постовъ по тракту, расположены еще станціи и посты по Тереку, а за нимъ укрѣпленія на Кумыкской плоскости.

Замѣтивъ, что ямщикъ увязывалъ колесо несообразно съ цѣлью, я приказалъ ему продернуть ремень иначе.

Взвившаяся порывомъ вѣтра пыль заставила его невольно поднять голову: онъ вскрикнулъ.

Оглянувшись, увидѣлъ я въ двухъ шагахъ отъ себя—неприятеля.

Я не успѣлъ вынуть шашки и со-

скочить съ тѣлеги, какъ на самомъ скачкѣ былъ схваченъ. Ямщикъ тоже.

Связавъ насъ по рукамъ и за шеи, увлекли въ лѣсъ съ лошадьми, тѣлегой и вещами. Тамъ Чеченцы разобрали по рукамъ вещи, 3-хъ лошадей, сломали и спрятали тѣлегу, закусывали и отдыхали всего не болѣе получаса, имѣя часовыхъ на высокой грушѣ, которыхъ тамъ растетъ достаточно.

Я ничего не ѣлъ, хотя мнѣ предлагали кусокъ черствой, пшеничной лепешки. Я былъ спокоенъ какъ никогда, или рѣдко въ жизни, и въ моментъ, когда меня схватили, и когда я сидѣлъ въ лѣсу уже связанный.

Обиравъ взоромъ, я насчиталъ 17-ть Чеченцовъ (но ошибся однимъ—ихъ было 18) оборванныхъ, босыхъ съ ружьями, кинжалами и въ тулупахъ.

Тутъ вспомнилъ я видѣнный мною мѣсяць назадъ тому сонъ: «дорога, «налѣво лѣсъ, направо зеленѣющая «поляна; себя, ѣхавшаго по дорогѣ въ «каретъ, на которую напали разбойники—и увлекли меня».

Это сновидѣніе подтвердилось на яву, кромѣ кареты, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ: лица, костюмы, мѣстность—все какъ въ натурѣ. Карета, какъ закрытый экипажъ, по моему объясненію, означала такое положеніе мое въ моментъ вниманія на увязку колеса, которое не позволяло мнѣ ничего видѣть въ сторонѣ.

Съ воспоминаемъ сна меня тронула серьезность моего положенія; но думать было некогда:—все поднялись и густыми чащами лѣса, рысцей, пробирались въ различныхъ направленіяхъ. Причины послѣдняго: незначительное лѣсное пространство до Терекка и вдоль онаго, много оставшагося времени до вечера и погоня розаковъ, которыхъ чуть слышные

крики раза два доносило къ намъ вѣтромъ. Перебѣгая въ лѣсу поляны, Чеченцы нагинались и меня заставляли гнуться, отдавая приказаніе прикладами. Расправляли руками слѣдъ на травѣ и зигзаги бѣга всегда направляли въ сторону, противную отъ преслѣдованія козаковъ, за наблюденіемъ движеній которыхъ нѣкоторые изъ Чеченцовъ на бѣгу лазили на деревья.

На одной изъ полянъ, сумерками, встрѣтились намъ два конныхъ козака. На вопросъ ихъ: кто ѣдетъ? Чеченцы отвѣчали залпомъ изъ нѣсколькихъ ружей; но козаки ускакали. — Бѣготня по лѣсу продолжалась часовъ до 9-и вечера. Подъ конецъ я усталъ: потъ капалъ сквозь суконное платье мое, отдышка и безсиліе одолѣли—я упалъ. Приклады не помогли, и версты полторы до рѣки меня тащили подъ руки насильно. Было уже совсѣмъ темно; вѣтеръ вылъ, лѣсъ шумѣлъ; полноводный, съ версту ширины, Терекъ ревѣлъ въ полномъ смыслѣ слова.

Раздѣлись, платье уложили въ тулукъ *), подвязали ихъ на спину и бросились въ бѣшеную рѣку. Меня взяли подъ руки, потому что я не умѣлъ плавать. Половину шли доставая *дна*, половину плыли; теченіемъ хотя снесло далеко, но добрались до обрывистаго берега и вкарабкались, хватаясь за сучья деревьевъ. Тутъ меня схватилъ страшный пароксизмъ лихорадки: одновременно явилась неодолимая жажда, за ней утоленіе, рвота и какъ ни въ чемъ не бывало: я выздоровѣлъ. — Прошло около часу, покуда всѣ собрались и одѣлись и затѣмъ отправились далѣе по направ-

*) Или бурдюкъ; это есть цѣльная шкура. преимущественно снятая съ козла; всѣ отверстія крѣпко завязываются, крожъ одного, черезъ которое его надуваютъ и завязываютъ. Шерсть остается въ серединѣ.

ленію къ аулу Илсханъ-Юрту, шибко и всю ночь. Подойдя на разсвѣтѣ къ подошвѣ хребта Качкалыковскаго, остановились, отдыхали часа 1½ и слѣдовали далѣе по дорогѣ чрезъ лѣсистый хребетъ. Часовъ въ 8-мъ утра прошли Илсханъ-Юртъ, а въ 11-мъ прибыли въ аулъ *Оспанъ-Юртъ*, мѣстопробываніе *Тарама*, пятисотеннаго начальника и вожагаго партіи. (25 іюля 1847).

Путь отъ Качкалыка до Оспанъ-Юрта оглашался выстрѣлами изъ ружей и обычною, единственною во всѣхъ случаяхъ пѣсню: «ля-иль-ляга-иль-алла», выраженіемъ радости о приобрѣтеніи дарованной Небомъ добычи.

Толпа старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ съ любопытствомъ смотрѣла на насъ и завидовала счастію своихъ товарищей, которые оцѣнивали вещи и лошадей и дѣлили ихъ между собою. На лицо не оказалось денегъ и эполетъ: я видѣлъ, кто ихъ взялъ въ моментъ поимки, но не обнаружилъ, и этимъ незначительнымъ обстоятельствомъ приобрѣлъ себѣ расположеніе тѣхъ двухъ человѣкъ.

Послѣ дѣлежа, непродолжительнаго отдыха и подкрѣпленія силъ пищею, ямщикъ (изъ Кумыковъ) отправленъ былъ въ другой аулъ. Меня отвели въ саклю, куда съ народомъ пришелъ Тарамъ и, объявивъ, что онъ человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ значеніемъ, что я офицеръ, что по этому торговаться намъ не приходится, спросилъ: Что я дамъ за свободу? Услышавъ отъ меня повтореніе словъ его о неприличности торговли и согласіе: принять на себя впослѣдствіи уплату 600 р. серебр.; если только они могутъ быть выданы ему въ настоящее время, Тарамъ сказалъ мнѣ цѣну выкупа сначала 1000 р., спусти нѣсколько минутъ 2000, потомъ

5000 р. Изумленный его фальшивостью и корыстолюбиемъ, я замолчалъ. Онъ вышелъ съ народомъ, и въ слѣдъ затѣмъ мнѣ были набиты на ноги полновѣсныя желѣзныя кандалы.

Повторивъ въ теченіи слѣдующихъ дней свои требованія и не получивъ отъ меня отвѣта, онъ велѣлъ набить еще другія такія же кандалы. На шею надѣли желѣзную цѣпь (арш. 12 длины) которой конецъ пропускаясь на ночь сквозь дыру въ стѣнѣ изъ моей въ его саклю, гдѣ заматывался за коль.

Ночью у дверей, запертыхъ замкомъ, ложились два Чеченца, и иногда на крышѣ у трубы одинъ.

Кусокъ пшеничной или кукурузной лепешки, немного посоленаго, вислога или прѣснаго молока для обмакиванія, замѣняемаго иногда соленымъ сыромъ и лапшою, во время лихорадки изрѣдка—Калмыцкимъ чаемъ и нѣсколько разъ въ году мясомъ, составляли пищу; сакля, войлокъ и желѣзы съ цѣпью пудоваго вѣса—помѣщеніе, постель и новую сверхъ необходимой одежду.

Въ отведенной мнѣ саклѣ я засталъ плѣнныхъ: солдата и мальчика.

Непріятель, объясняя себѣ изъ бумагъ моихъ, чрезъ грамотныхъ людей, что я адъютантъ младшаго Сардаря (Ставропольскаго, старшій у нихъ Тифлисскій), убѣжденъ былъ, что за меня можно приобрести богатый выкупъ; что рано или поздно выкупъ этотъ долженъ будетъ состояться и что, слѣдовательно, нужно только вооружиться терпѣніемъ и твердостью: ибо Русскіе, какъ говаривали мнѣ нѣкоторые въ видѣ утѣшенія, слабы словомъ и сердцемъ, изъ состраданія соберутъ сумму и согласятся. О деньгахъ же дѣло не станетъ, потому что въ Россіи ихъ много. Утѣшая себя и народъ этою мыслию, Тарамъ кро-

мъ увѣщаній словомъ оставлялъ меня въ покоѣ, а самъ продолжалъ по прежнему дѣлать набѣги въ наши предѣлы.

Неизвѣстность положенія моего тяготила меня въ первыя три недѣли плѣна; но потомъ я былъ совершенно покоенъ, въ слѣдствіе двухъ видѣнныхъ мною сновъ, рѣзко запечатлѣвшихся въ памяти. Въ первомъ съ 12-го на 13 Августа я видѣлъ: «Два невысокія возвышенія, раздѣленные небольшимъ оврагомъ, по которому протекалъ грязный ручей. На немъ съ одного берега до другаго росли три большія зеленыя, вѣтвистыя дерева. Я съ двумя товарищами стоялъ на одномъ возвышеніи и, по какому то непреложному опредѣленію, намъ слѣдовало непременно перейти на другое возвышеніе. Два товарища пошли прямо, перешли, но запачкали ноги. Я подумалъ, влѣзъ на одно дерево, съ него по вѣтвямъ на другое, потомъ на третье и, соскочивъ на землю, вышелъ на курганъ чистымъ».

Второй сонъ, на слѣдующую ночь, съ 13-го на 14-е августа:

«Стою я на срединѣ роскошной, зеленой, но безлѣсной поляны, терявшейся ровно во всѣ стороны далеко необозримою. Небо будто тѣмное. Вдругъ разверзлось оно надъ моей головою, и въ свѣтломъ полукругѣ я увидѣлъ простертую изъ тучи руку Провидѣнія и слышалъ внятно неземной голосъ, пролившій въ мою душу высокое слово утѣшенія».

По окончаніи каждаго сна я просынался тотчасъ, не смыкалъ глазъ до утра, разбиралъ сонъ, и душѣ моей было невыразимо сладко, легко и покойно.

Первый сонъ требовалъ нѣсколько большаго соображенія, и мнѣ каза-

лось, что ручей означалъ границу между Россіей и Чечней, переходъ — предстоящее освобожденіе, деревья — значительныя лица, которыя могли вывести меня изъ моего положенія; силу я открывалъ во второмъ снѣ.

Въ этомъ благодатномъ спокойствіи прошло время до половины октября 1847 года.

Въ этомъ промежуткѣ времени судьба послала мнѣ старшаго брата Тарамъ — *Заура*, который принималъ во мнѣ особенное участіе.

Зауръ былъ человѣкъ пожилой, серьезный, но очень доброй души и уважаемый въ аулѣ. Зауръ не пользовался особеннымъ значеніемъ, потому что не имѣлъ ни достатка, ни военныхъ способностей своего брата, но былъ любимъ за честность, доброту и спокойную разсудительность.

Зауръ, уважая въ братѣ достоинства военныя, не любилъ его за надменность, непомерное честолюбіе и корыстолюбіе, которыя въ Тарамѣ господствовали надъ всѣми страстями. Будучи болѣе покойнаго характера, при здоровомъ смыслѣ, Зауръ понималъ стѣснительное положеніе своихъ соотечественниковъ и постигая, что немного времени остается независимо существовать этой части Чечни, снисходительно смотрѣлъ на Русскихъ и на слабости Чеченцевъ.

Не таковъ былъ братъ его *Тарамъ*, корыстолюбивый въ высшей степени, честолюбивый, личный врагъ Русскихъ, фанатически преданный идеямъ Шамиля, его ученію, и его ревностный поклонникъ; человѣкъ съ здоровымъ смысломъ и съ сильной волей, смѣлый, рѣшительный и строгій Мусульманинъ. Онъ имѣлъ жену, 5-хъ дѣтей (старшему сыну 14 лѣтъ); одѣвался самъ опрятно и даже щеголевато. Деньги, красный товаръ, соль и

плѣнные у него не переводились. Онъ считался богатымъ человѣкомъ.

Смѣлость и удача въ набѣгахъ, строгое соблюденіе требованій религіи, твердый характеръ, достатокъ и, не смотря вообще на скупость, охотно раздаваемая милостыня пріобрѣтали ему значеніе, уваженіе и свою партію приверженцевъ.

Зауръ мнѣ далъ понять, что если я дѣйствительно не въ состояніи обѣщать болѣе 600 р. сер., то онъ употребитъ всѣ средства склонить народъ и брата — согласиться на эту цѣну. Приложенный имъ къ сомнѣтому рту палецъ доказывалъ, какую тайну слѣдовало въ этомъ соблюдать, чтобы избѣжать подозрѣній. Зауръ общалъ заходить ко мнѣ изрѣдка, называть меня то Иваномъ *, то Еядремъ, то Митріи и, достигнувъ цѣли, будетъ считать достаточною для себя наградою, если его отрекомендуютъ Русскому начальству съ хорошей стороны; онъ желалъ этого потому, что хотѣлъ перейти на житѣ къ Русскимъ: тревожная жизнь ему надѣла.

Дѣйствительно онъ успѣлъ сдѣлать многое; дѣло убѣжденія на 600 р. сер. вѣлъ очень искусно и, будучи самъ въ сторонѣ, достигъ того, что народъ и Тарамъ сами согласились наконецъ отдать меня Русскимъ за 600 р. — 8-го октября рѣшено: въ ночь на 10-е число отправить по этому записку къ начальнику лѣваго фланга, въ Грозную.

О происходившемъ Тарамъ мнѣ ничего не говорилъ, да я бы ему и не повѣрилъ. Но что дѣла мои шли хорошо, я зналъ отъ Заура, который самъ радовался предстоящему моему освобожденію и исполненію своихъ

*) Иваномъ называли меня Чеченцы.

предположеній: прежде всего онъ хотѣлъ жениться *); онъ имѣлъ невѣсту, которая по уговору должна была пріѣхать къ нему на свадьбу къ 9-му октябрю; потомъ—выйти къ Русскимъ для болѣе покойной и достаточной жизни.

Въ полдень 9-го числа пріѣхала невѣста къ Зауру (онъ жилъ по соседству); по этому случаю прислали мясѣ мяса, хлѣба и сыру.

Къ вечеру того же дня была приготовлена Муллою записка. Стемнѣло. Послѣ вечерняго намаза (молитвы) хотѣли ее отправить въ Грозную.

Вдругъ на дворъ взвѣхало нѣсколько всадниковъ. Вызвали Тарамъ, перешептались, потомъ зашли въ саклю, закусили. Хозяину осѣдлали коня и—Тарамъ, гости, а съ ними и Зауръ, исчезли.

Записка осталась неотправленною. Двое сутокъ никто не зналъ, куда и зачѣмъ поѣхали. На третью рано утромъ пріѣхалъ на дворъ бѣглый казакъ (Моздок. полка) *Дмитрій Алпатовъ*, зашелъ ко мнѣ и рассказалъ: «Вы, можетъ быть, скоро теперь освободитесь по размыну. Чеченцы попались; я былъ съ ними и только что возвратился едва живой: такъ намъ досталось. Тарамъ будетъ домой дня черезъ два; послѣ такихъ неудачъ стыдно скоро домой являться. Дѣло вотъ какъ было:—Съ выѣздомъ нашимъ на 10-е число изъ аула, собрали дорожную партію до 80 человекъ, въ ту же ночь пріскакали къ Тереку, переправились у дер. Парбочевой и, выѣхавъ уже поздно ночью на большую дорогу, встрѣтили съ арбой Ногайца.

«Ударивъ его плетью, Тарамъ велѣлъ ему сѣсть на коня сзади другаго сѣдока и вести къ конскимъ табу-

намъ; но какъ Ногаецъ не зналъ, гдѣ они пасутся и могъ указать только на ближайшее кочевье, то и отправились къ кочевью. Обычай нашъ не допускаетъ наказанія Мусульманина-непріятеля, если онъ выполнилъ требованіе; по этому, отпустивъ перваго Ногайца, взяли другаго, приказавъ ему вести въ табуны.

«Второй Ногаецъ, по невѣдѣнію, или съ умысломъ, водилъ насъ почти до самаго свѣта и даромъ. Отпустивъ и его, мы шибко поѣхали къ Тереку. Солнце уже взошло, когда мы приближались къ лѣсу. Замѣтивъ тамъ казаковъ, мы поняли ошибку свою съ 1-мъ Ногайцемъ—но поздно.

«Вмигъ предложили: разсыпаться по лѣсу и ждать вечера для ухода. «Этакъ мы погубимъ, закричалъ Тарамъ, потому что Русскіе соберутся и всѣхъ насъ переловятъ. «За мной, кто хочетъ!» и выхвативъ шашку, быстро поскакалъ въ лѣсъ. Все бросилось за нимъ. До самаго берега проскакали мы лѣсъ, полный казаками и, разумѣется, не безъ урона; бросились въ Терекъ, казаки били насъ на рѣкѣ и, къ великому несчастію нашему, на эту тревогу прискакали мирные Чеченцы изъ Акъ-булатъ-Юрта.

«Спасаясь кто какъ могъ, мы лишились 14-и человекъ взятыми въ плѣнъ, нѣсколькихъ раненныхъ и убитыхъ и болѣе 50-и своихъ лошадей.

«Тарамъ виноватъ въ этой неудачѣ: зачѣмъ онъ напрасно ударилъ плетью перваго Ногайца! Зачѣмъ мы его скоро отпустили?!...

«До сихъ поръ не собрались еще люди изъ этой партіи. Зауръ взятъ въ плѣнъ, Тарамъ сильно сконфуженъ.

«Въ войнѣ это дѣло обыкновенное,

*) Зауръ былъ лѣтъ 46 в вдовѣ.

и участь наша общая; теперь вы надѣйтесь на размынъ. Прощайте».

Я видѣлъ Алпатова прежде нѣсколько разъ; вѣрилъ и невѣрилъ его словамъ, и какое то тяжелое чувство овладѣло мною.

Тарамъ дѣйствительно пріѣхалъ чрезъ два дня, одинъ, тихонько, не поздоровался съ семействомъ, и на слѣдующій день, явившись ко мнѣ съ народомъ, объявилъ: «Съ нами случилась неудача, это судьба. Одни умираютъ, другіе въ плѣну у Русскихъ; ты, Иванъ, у меня!»

Народъ прибавилъ: «Теперь не нужны миліоны; отдай намъ нашихъ плѣнныхъ и получишь свободу!»

На отвѣтъ мой, что объ этомъ нужно обратиться къ Русскому начальству, въ рукахъ котораго находятся плѣнные Чеченцы и что мнѣ несообразно вести объ этомъ переговоры,—народъ значительно между собою переглянулся и послѣ криковъ, угрозъ, ругательствъ и толчковъ разошелся, предоставивъ, какъ кажется, убѣждать меня Тараму, въ домѣ котораго по согласію ихъ я жилъ постоянно.

Случилось до этого времени, что, по ложнымъ просьбамъ Тарама отъ имени моего, нѣкоторые воинскіе начальники изъ соблазнованія присылали ко мнѣ бѣлье, табакъ, матеріи на бешметъ и Калмыцкій чай.

Для жадности Чеченца достаточно видѣть одинъ разъ исполненіе своихъ цѣлей, чтобы надѣяться того же во второй, третій и десятый разъ, по очень натуральному сужденію: дали разъ—дадутъ и другой и еще вѣрнѣе, когда я самъ попрошу.

Мнѣ показывали съ удовольствіемъ эти вещи: давали табакъ, иногда ковшъ Калмыцкаго чаю; требовали, чтобы я писалъ и просилъ,—но я

отказывался подъ разными предлогами. Боясь однакоже возбудить къ себѣ негодованіе со стороны нашего начальства за средства, хотя бы и ложныя, къ обогащенію непріятеля, я отправилъ отъ себя записки съ лазутчиками въ укр. Тамъ-Кизу, Воздвиженское и Грозную къ воинскимъ начальникамъ, которыхъ просилъ: не только не присылать мнѣ что либо на будущее время, но ничего не писать и никому ни въ чемъ не вѣрить.

Жадность Тарама не позволяла медлить, тѣмъ болѣе что по дошедшимъ въ короткое время слухамъ изъ 14-и плѣнныхъ Чеченцовъ 3-хъ отдали жителямъ Акбулатъ-Юрта, 2-хъ разстрѣляли и 2-хъ повѣсили, такъ какъ 4-е послѣдніе оказались бѣжавшими изъ мирныхъ и многократно виновными. Въ числѣ семи—оставался Зауръ и другіе родственники его и прочихъ. Оспанъ-Юртовскіе жители просили Тарама особенно о скорѣйшемъ освобожденіи Заура; другіе о всѣхъ остальныхъ; а Тарамъ, для корысти котораго смерть 4-хъ чел. давала надежду получить при размынѣ и деньги,—радъ былъ случаю.

Въ угожденіе народу онъ явно соблазновалъ о плѣнномъ братѣ и прочихъ и требовалъ отъ меня записки къ Русскому начальству о выдачѣ за меня всѣхъ плѣнныхъ; какъ корыстолюбецъ и приверженецъ Шамиля хотѣлъ денегъ: ибо изъ большей суммы большая доля досталась бы Шамилю, а на этомъ угожденіи основывалъ онъ прочность настоящаго своего положенія и виды на лучшее будущее.

Почти каждый день, наединѣ, требовалъ онъ записки, говоря: «многіе изъ нашихъ гибнутъ—это судьба; пусть пропадаетъ братъ мой и Мусульмане! А мнѣ подай денегъ, де-

«негъ и денегъ! Не дашь—тутъ и по-гибнешь! Развѣ я попадусь, тогда обмѣняемся!»

А какъ только кто либо являлся, тогда рѣчь снова заводилась о запискѣ къ кому бы то ни было, вообще объ освобожденіи, но почувствительнѣе содержаніемъ, и чѣмъ болѣе будутъ въ ней выражены:—тягость и неудобства жизни, болѣзнь и проч., хотя бы и ложно,—тѣмъ результатъ ея успѣшнѣе и выгоднѣе (Декабрь 1847).

Чтобы скорѣе достигъ желаемаго, Тарамъ принялся за меня иначе. Вечеромъ явилось ко мнѣ нѣсколько Чеченцовъ, съ бумагою и карандашомъ, и требовали, чтобы я написалъ записку о выдачѣ плѣнныхъ. Я долго не соглашался; мнѣ совали бумагу и карандашъ въ руки, я молчалъ, не бралъ, и они падали на землю. Чеченцы сердились, выходили изъ себя, толкали и били меня гдѣ и чѣмъ ни попало. Тарамъ былъ у себя на половинѣ, отдѣлявшейся отъ моей—стѣною. Вошедшіе вновь два человѣка начали ласково убѣждать меня снова о запискѣ. Я молчалъ. Терпѣніе ихъ допнуло: но я терпѣлъ и не далъ въ отвѣтъ ни полъ-звука. Тогда, замѣтивъ мнѣ, что вѣдь Русскіе вѣшаютъ Чеченцовъ, связали руки, вздернули меня къ верху ногами веревкой за кандалы къ матицѣ,—и я повисъ на воздухѣ. Вошелъ Тарамъ. Я налился кровію, на ногахъ чуть кости не треснули; но къ счастью еще кто-то вошелъ, крикнулъ, и меня сняли. Тарамъ, выхвативъ кинжалъ, бросился на меня, но его удержали и вывели на его половину. Этимъ не кончилось: дымящейся головней подкуривали носъ и глаза, тыкая въ лицо головешку и держа за усы. Какъ ни несносно было подобное об-

ращеніе, но чтобы во первыхъ избавиться его, во вторыхъ — испытать что будетъ, если напишу записку, которая не составляла въ глазахъ моихъ особенной важности, я предположилъ себѣ написать ее, если того потребуютъ.

Развязавъ руки, снова дали мнѣ бумагу и карандашъ, съ крикомъ: «пиши!» Молча написалъ я и бросилъ ее подлѣ (*). Люди вышли довольны; но изъ другой половины, я услышалъ голосъ Тарама: «дуракъ, дуракъ!»

Это меня озадачило: по тому ли я дуракъ, что не выдержалъ характера, или по тому, что допустилъ себя бить, когда, казалось, можно было избѣгнуть этого?

Но я понялъ Тарама: онъ не хотѣлъ вообще моей записки о размѣнѣ плѣнныхъ; ему нужны были деньги, и изъ нихъ, секретно, особенная часть на его долю. Въ этихъ видахъ посредничество мое вредно, потому что не могло быть скрыто отъ людей.

Послали ли мою записку, или нѣтъ, не знаю; но затѣмъ меня не беспокоили въ теченіи нѣсколькихъ недѣль.

Но за то отняли войлокъ и тулупъ, данные мнѣ прежде; не приказывали разводитъ огня; насѣкомыя меня одолѣли; платье превратилось въ грязныя лохмотья: я и плѣнные мерзли. На дворѣ былъ исходъ декабря и суровая зима.

Солдаты и мальчикъ почтительно изумлялись моему терпѣнію и старались на перерывѣ услужить мнѣ чѣмъ либо по возможности.

Днемъ я былъ покоенъ и молчалъ; ночью иногда плакалъ и всегда моллся, часто не смыкая очей до утра. Иначе и быть не могло: кругомъ меня непріятель, а надо мною Богъ,

(*) Въ запискѣ я просилъ о возвратѣ плѣнныхъ.

и молитва къ Нему и воспоминаніе о двухъ снахъ были единственнымъ моимъ утѣшеніемъ: они сгрѣпляли слабую силу духа и тѣла вѣрою и надеждою въ лучшее, если не въ этомъ, такъ въ другомъ мірѣ.

Надзоръ за мною былъ усиленъ; кандалы тщательно осматривались каждый день два раза; конецъ цѣпи на ночь пропускали между ногъ солдата и потомъ въ хозяйскую половину. Подсылали людей склонять меня къ побѣгу, съ цѣлью вывѣдать мое намѣреніе. Я былъ остороженъ; о побѣгѣ думать было безразсудно. Посягать на свою жизнь я считалъ тяжкимъ грѣхомъ и низкимъ малодушіемъ.

Въ исходѣ 1847 года, чрезъ лазутчика получилъ я записку отъ генерала Фрейтага: «увѣдомьте меня, какъ поступить насчетъ размѣна за васъ Чеченцевъ и сколько ихъ можно дать? Я употреблю всѣ средства въ пользу вашу. Молчите, ничего не предпринимайте и никому ни въ чемъ не вѣрьте».

Отправивъ на другой день съ тѣмъ же лазутчикомъ отвѣтъ: «въ числѣ плѣнныхъ находятся старшій братъ Тарама Зауръ, достойный человекъ, и его племянникъ Долтухо. Я думаю, что согласятся отдать меня за 2-хъ, 3-хъ чел. Совѣтъ вашъ исполню» — я сжегъ подлинную записку генерала Фрейтага.

Насталъ 1848-й годъ.

Тарамъ, давъ мнѣ нѣкоторый отдыхъ и желая избѣжать вѣроятно какихъ либо подозрѣній со стороны народа (*), изыскивалъ нарочно случаи, при народѣ же, добиваться отъ меня снова записки, въ слѣдствіе чего по прежнему принимался меня бить нѣско-

(*). Равно и въ слѣдствіе слуха, что плѣнныхъ Чеченцевъ отправляютъ въ Сибирь.

лько разъ, одновременно, — чѣмъ подъ руки попало, привязывалъ въ особой саклѣ къ столбу на нѣсколько часовъ, угрожая кинжаломъ; однажды слегка надрѣзалъ мнѣ три пальца. Разумѣется, я молчалъ какъ могила, и кончалось тѣмъ, что записки отъ меня не получали никогда и никакой.

Народъ, опасаясь за меня, ради свободы своихъ, отнималъ его и удалялъ отъ меня, а на меня плевалъ, и расходился, пожимая плечами.

А Тарамъ, послѣ каждого побоища, по уходѣ народа, собственноручно приносилъ мнѣ мясо и Калмыцкій чай, выражая взглядомъ особенное удовольствіе за мое терпѣніе, значеніе котораго понимала его жена; но вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ за мною усиливался изъ опасенія со стороны моей самоубійства, со стороны людей подкупленныхъ и могшихъ по мнѣнію его меня выкрасть; со стороны же родственниковъ плѣнныхъ Чеченцевъ — также, чтобы меня не украли съ цѣлью избавить отъ Тарама, такъ какъ мало надѣялись на искренность его желанія къ освобожденію Чеченцевъ, которыхъ, можетъ, скорѣе бы выручили по одновочкѣ, еслибы я прежде былъ свободенъ. Тарамъ понималъ это, ибо зналъ себя и людей хорошо.

Такъ прошла первая половина 1848 г., въ теченіи которой убилъ солдатъ по размѣну, а чрезъ нѣсколько дней приведенъ другой съ двумя нашечными ранами въ руку и въ ногу, (безъ поврежденія костей).

По недостатку надзора, я его переязывалъ; онъ пробылъ недолго, выздоравливалъ и также убилъ (*).

(*). Подобные раны излѣчиваются св-ра и тѣмъ образомъ: въ первый разъ присыпаютъ рану мелкой солью, потомъ ветошь или ворсію обмакиваютъ въ сыжее жоровое масло и прикладываютъ. Корлію въ маслѣ перемѣняютъ разъ или два въ день.

Потомъ приведены: въ маѣ мѣсяцѣ изъ Амиръ-Аджи-Юрта—солдатъ карантинной стражи *Ткачевъ*, староватый, глухой и осиплый; а въ концѣ юня — Брагунскій житель *Ильясъ*, сильный, плечистый, здоровый и толковый.

Оба они страшно горевали: первый потому, что, будучи лѣтъ за 40, не любилъ работать, не имѣлъ табаку, водки, порядочной одежды, хотя сносной постели и достаточнаго отдыха; второй — за *своимъ семействомъ*. Каждый день брали ихъ въ поле на работы, и усталые, голодные, опаленные солнечнымъ зноемъ, возвращались къ вечеру въ саклю. Забывая горе свое въ усердной молитвѣ и крѣпкомъ снѣ, они однакоже изыскивали все средства къ свободѣ.

У нихъ на ногахъ были конскія, желѣзныя путы, легкія и не совсѣмъ прочныя; поднявши повыше къ козѣнямъ, въ нихъ можно бѣгать или ходить довольно свободно.

У Ткачева были надѣтыми хошцевая рубашка и такіе же дрянныя штаны и затѣмъ ничего; кромѣ любви къ своему, еще болѣе ненависти къ непріятелю. Первая выражалась пріятнымъ воспоминаемъ объ удобствахъ Амиръ-аджи-юртской жизни, вторая — ворчаньемъ и постоянною бранью.

Слухи объ отправленіи 7 Чеченцевъ на линію и въ Сибирь подтверждались. Сколько я могъ понять, это основано было вѣроятно на томъ, что когда непріятель не соглашался на размѣнъ меня за 2-хъ, 3-хъ или 4-хъ челов. и замолчалъ, то чтобы заставить его прежде просить насъ—сдѣлано было такое распоряженіе.

По слухамъ, плѣнныхъ останавливали на нѣкоторое время, въ выживаніи просьбъ непріятели, въ Черв-

ленной, Моздокѣ, Екатериноградѣ и Ставрополѣ.

Чеченцы узнали, поняли смыслъ этого распоряженія и недумали просить, объясняя напротивъ между собою, что Иванъ стало-быть нужный человѣкъ, когда такъ осторожно и медленно ссылаютъ нашихъ въ Сибирь. (А на этихъ пересылкахъ прошло болѣе полгода).

Но непріятель ошибался, если думалъ, что съ нимъ шутятъ; ибо изъ Ставрополя плѣнныхъ отправили далѣе въ Россію и въ Сибирь, какъ говорили.

Едва эта вѣсть достигла Чечни, какъ вдругъ исчезла гордость, разрушились расчеты, потеряно терпѣніе. Родные плѣнныхъ вѣстступно приставали къ Тараму—спасти единовѣрцевъ; старики и другіе укоряли иногда Тараму за равнодушіе къ брату и прочимъ; а слово Сибирь пуще всего возмущало ихъ воображеніе, которое представляло еѣ гдѣ-то на концѣ міра и какимъ-то чудовищнымъ мѣстомъ, гдѣ только плачь, вѣчная скорбь и вѣчно тяжкія работы (половина 1848).

Повидимому, не слишкомъ трогался этимъ Тарамъ; впрочемъ онъ былъ постоянно суровъ и холоденъ; но дѣлать оставалось нечего: уговорились, выбрали почетныхъ стариковъ и отправили депутацію къ главнокомандующему князю Воронцову въ кр. Воздвиженскую съ просьбою—возвратить 7-мъ плѣнныхъ за мою свободу.

Тарамъ однакоже не пропустилъ объявить мнѣ, что онъ не могъ не согласиться на отправленіе депутаціи, ибо противъ народа идти не хотѣлъ; но если ему денегъ не дадутъ,—то размѣну не состояться. «Мнѣ подай денегъ, а безъ нихъ пропадай братъ и прочіе!»

Надо полагать, что депутація возвратилась съ удовлетворительнымъ свѣдѣніемъ, потому что меня уже болѣе не трогали, подѣ войлокъ подослали соломѣ, улучшили пищу, дали одѣяло.

Но не облегчалось положеніе Ильаса и Ткачева, которые, какъ я уже сказалъ, изыскивали средства къ побѣгу.

Однажды Ткачевъ, будучи въ полѣ на работѣ и желая бѣжать, спрятался тутъ же въ кукурузу; его нашли. но битъ—не били.

Другой разъ онъ выкинулъ такую же штуку посмѣлѣе, отошедши и спрятавшись въ кукурузѣ за $\frac{1}{2}$ версты отъ мѣста работы. Его нашли, немного побили, но Ткачевъ съ бранью кричалъ имъ: «Разумѣется я хотѣлъ бѣжать, но не къ Русскимъ, а съ жалобою къ Шамилю на васъ подлецовъ, которые мучатъ работою, и не кормятъ и амуниціи не даютъ! Бей, «а я въ другой разъ пойду съ жалобой къ Шамилю!»

Ильасъ и я невольно смѣялись этой выходкѣ и она была не бесполезна. Народъ сталъ стыдить Тарама за дурное содержаніе Ткачева, и къ утру другого дня ему дали папахъ, новые холщевые штаны и рубашку и поршни (мачишь) изъ сыромятой кожи. Онъ былъ очень доволенъ своей выдумкой и часто ворчалъ про себя: «надулъ подлецовъ!»

Ильасъ не отставалъ отъ Ткачева: принеши съ собою съ вечера топоръ со двора, онъ ночью, когда кромѣ меня всѣ спали, сталъ ковырять глину около дверей, которыя думалъ вынуть и бѣжать. Но неудачно. Къ утру же заснулъ, оставя топоръ въ углу за дверями, въ которыхъ спалъ часовой. На разсвѣтѣ я припряталъ топоръ, и когда отворили дверь, выбросилъ его поти-

хоньку. При осмотрѣ было замѣчено, что глину ковыряли; но особеннаго вниманія на это не обратили, потому что тамъ ставились рубленные дрова стоймя и могли концами попортить сырую нѣсколько глину и землю около порога. Однако послѣ этого случая, цѣпь съ моей шеи на ночь продѣвалась между ногъ Ильаса и Ткачева, и потомъ уже конецъ ея посылался въ хозяйскую половину для увязки за кодь.

Они призадумались, потому что къ побѣгу прибавилось однимъ затрудненіемъ болѣе.

Обстоятельство это заняло и меня. Я бы могъ въ случаѣ нужды пролѣзть между ногъ Ильаса и Ткачева, но можно ли ручаться, что при случаѣ они меня не обнаружатъ? Я спросилъ себя: какимъ образомъ, не проходя между ногъ напр. Ильаса, можно освободить его отъ цѣпи? «Нужно продержатъ цѣпь между наконечникомъ желѣзнымъ и ногою спереди, обнести цѣпью ступню, такъ, чтобы обѣ стороны цѣпи обошли ногу, и вынуть цѣпь сзади; человекъ отъ нея освобождается.» Но я объ этомъ открытіи молчалъ.

На другую ночь Ильасъ мнѣ сказалъ: «Иванъ, силъ нѣтъ оставаться, «хочу уйти. Можноли выйти въ трубу и какъ избавиться твоей цѣпи?».

«Иди, я тебѣ мѣшать не буду, отвѣчалъ я; чтобы уйти въ трубу, пролѣзь днемъ зачѣмъ нибудь на крышу и измѣрь трубу на крестъ отъ одного угла до другого. Если по плечамъ прійдется—выйдешь; нѣтъ —такъ оставайся. А объ цѣпи подумай; я знаю навѣрное, что ее можешь снять самъ, еслибы даже я не трогался съ мѣста. Подумай!».

Смѣтливый Ильасъ отыскалъ этотъ

способъ и три ночи сряду дѣлалъ репетиции.

Случилось, что Тарамъ съ вечера куда-то уѣхалъ. Настъ давно уже заперли. Слышу — Ткачевъ храпитъ, а Ильясъ подымается, освобождается отъ цѣпи и, подставивъ полѣно въ печь, лѣзетъ въ нее. Но каково его положеніе: провозившись безъ успѣха цѣлый часъ въ печи, вымазавшись въ сажу самымъ чернѣйшимъ образомъ, онъ долженъ былъ спуститься обратно на свое мѣсто. Красивъ онъ былъ на разсвѣтѣ; нельзя было не пожалѣть, но и трудно не засмѣяться.

Ильясъ однако не сконфузился. Едва утромъ взошелъ сынъ Тарама (лѣтъ 14), Ильясъ объявилъ ему, что его во снѣ одолѣлъ нечистый; что ему необходимо выкупаться, иначе и Богу молиться нельзя. Мальчикъ передалъ матери, и Ильяса отпустили на канаву проточной воды.

Онъ обмылся, нѣсколько успокоился за случай, и кажется, отчаявшись въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ, сталъ покойнѣе проводить ночи. Казалось, Ткачевъ также ничего не придумалъ; онъ постоянно храпѣлъ богатырскимъ сномъ послѣ усталости дневной.

А между тѣмъ, къ величайшему удивленію моему, спустя недѣли двѣ послѣ путешествія въ трубу Ильяса — слышу ночью: Ильясъ спитъ крѣпко, а Ткачевъ — ослѣпый, глухой — творить довольно громко усердную молитву, призывая на помощь къ себѣ всѣхъ святыхъ, потомъ онъ же, съ вѣроятнымъ шумомъ, роетъ землю подъ стѣнку къ улицѣ.

Я молчалъ и за него молился. Мнѣ нежели чрезъ часъ обдало меня сырымъ холодомъ — подкопъ былъ готовъ. Слышу — Ткачевъ будитъ Ильяса и предлагаетъ ему лѣзть прежде и убѣдиться: достаточно ли про-

сторно? Ошеломѣвшій со сна и никогда ничего подобнаго не ожидавшій отъ Ткачева, широкоплечій Ильясъ вмигъ освободился отъ цѣпи, полѣзъ, вышелъ назадъ, и проговоривъ: «мало, мало, работай», подобралъ войлокъ и подушку, освободилъ отъ цѣпи Ткачева, и одинъ въ слѣдъ за другимъ исчезли. (Августъ 1848).

Сонъ бѣжалъ отъ меня; я думалъ о спасеніи бѣжавшихъ и призывалъ сонъ, какъ даръ Неба и непременно къ утру, когда могли замѣтить бѣгство. Мнѣ казалось лучше, — если меня застанутъ спящимъ.

Дѣйствительно къ утру я заснулъ и проснулся въ слѣдствіе крика и шума людей. Выходило солнце, когда нечаянно проходившій по улицѣ замѣтилъ подкопъ.

Пѣшіе и конные отправились въ погоню: одни по слѣду отъ сакли, другіе вдоль на пограничныя мѣста.

Тарамъ и народъ между тѣмъ собрались ко мнѣ съ угрозами за содѣйствіе къ побѣгу и за спускъ съ цѣпи. Осмотрѣвъ послѣднюю, нашли ея совершенно цѣлою и одинъ конецъ у меня на шеѣ, другой въ хозяйской половинѣ; удивлялись, покричали, погрозили только и разошлись.

Не знаю за что, но въ тотъ день жена Тарама, Сата накормила меня хорошо.

Я радовался роскошному Чеченскому обѣду, видя въ немъ награду судьбы за мое доброе желаніе.

Но представьте себѣ и мое удивленіе, когда съ закатомъ солнца предсталъ передо мною одинъ пойманный Ткачевъ!?... Я чуть не лопнулъ съ досады.

Тарамъ, накричавъ на него, спросилъ меня: «какъ поступить за это съ Ткачевымъ?»

«Не трогать, теперь онъ хуже наказанъ», отвѣчалъ я.

Тарамъ его побранилъ, но не приказалъ бить; народъ и мальчишки смѣялись на Ткачева; въ вырытое мѣсто вбили обрубокъ дерева невысокаго, но аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметръ, и засыпали землею.

Ткачева поймали потому, что онъ отъ усталости прилѣгъ и заснулъ въ лѣсу, къ сторонѣ Умаханъ-Юрта.

Ильяса слѣдъ простылъ, и съ нимъ исчезли кандалы, войлокъ и подушка.

Ткачевъ послѣ этого пробылъ весьма короткое время; его размѣняли, я остался съ мальчикомъ. Объ немъ ничего не говорю, потому что онъ былъ молодъ, мало понималъ, за кусокъ мяса и пшеничной лепѣшки пересказывалъ мнѣ всё, что видѣлъ и слышалъ, а по робости — всегда былъ у меня въ зависимости. (Въ началѣ сентября 1848).

Но какой результатъ приобрѣла Чеченская депутація? Гдѣ Зауръ, его невѣста и товарищи по плѣну? Предстояла ли скорая и утѣшительная развязка для тѣхъ изъ насъ, у которыхъ мысль и сердце заинтересованы положеніемъ собственнымъ?

Со времени плѣна Заура прошло около года. Невѣста его ждала, ждала, поплакала и уѣхала въ домъ отцовскій.

О Чеченской депутаціи и ея послѣдствіяхъ рассказывали: генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ, сожалея, что Чеченцы не просили о своихъ ранѣе, покуда они были въ районѣ Кавказскаго корпуса (чѣмъ дѣло размѣна могло бы ускориться) изъявили согласіе ходатайствовать у Государя Императора о возвращеніи 7-ми плѣнныхъ изъ Россіи на размѣнъ Ивана, что князь обѣщалъ имъ навѣрное но предложилъ имѣть терпѣніе, ибо Че-

ченцы далеко, въ разныхъ мѣстахъ, и спѣшное возвращеніе ихъ не предвидится.

Я этому вѣрилъ, потому что такое дѣло не могло быть скрыто; извѣстіе объ немъ подтверждалось рассказами мальчика, свободно вездѣ бываваго въ аулѣ, людей, моихъ лазутчиковъ и еще болѣе — оставленіемъ меня въ покоѣ и лучшимъ содержаніемъ.

Недолго я оставался одинъ. Незадолго до убийства Ткачева привели двухъ малолѣтковъ казачьихъ Шелковой станицы, братьевъ Ивановыхъ (и съ ними еще 3-хъ человекъ, отданныхъ другимъ хозяевамъ). Старшему было 17 лѣтъ; младшій — годомъ моложе; мальчики нѣсколько грамотные, умные и чрезвычайно нравственные. Они очень грустили о своей матери (отца лишились прежде) и маленькой сестрѣ. Со слезами на глазахъ вспоминали домашнюю жизнь свою, ласки матери и каждое малѣйшее обстоятельство ея вниманія и любви, и были очень набожны.

Мнѣ было жалъ ихъ, но и отрадно ихъ присутствіе.

Они мнѣ служивали охотно и съ любовью; вечера и ночи рассказывали о своей жизни въ домѣ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ аулѣ, потому что днемъ пользовались свободою и употреблялись на работу, а по смышленности и постоянному обращенію съ мальчиками Чеченскими очень скоро научились мѣстному языку.

Ихъ взяли передъ вечеромъ, на сѣнокосѣ, бывшемъ на одной изъ полянъ въ лѣсу, близъ ст. Шелковой.

При нападеніи Чеченцовъ (съ Тарамомъ) казаки защищались, одного убили, нѣсколькихъ ранили, но отдали плѣнныхъ, потому что были малочисленны.

Случилось это кажется въ Іюль

1848 г. До темной ночи Чеченцы бѣгали по лѣсу, держа направленіе вверхъ лѣваго берега Терека къ ст. Щедринской; ночью прошли мимо поста, потомъ чрезъ Терекъ, мимо дер. Брагувъ и недалеко нынѣшняго укр. Тепли-Кичу перешли р. Сунжу.

Въ этихъ ночныхъ расказахъ открылось, что мальчики Ивановы почти годъ назадъ сидѣли вечеромъ съ казаками у воротъ станицы, когда присакали два казака (одинъ раненный въ руку, другой съ лошадыю раненою) при встрѣчѣ съ пѣшей Чеченской партіей и дали знать о тревогѣ; что мальчики первые взбѣжали на колокольню и ударили въ набатъ; что въ ту же ночь также дали знать о взятомъ днемъ въ плѣнъ проѣзжавшемъ офицерѣ; о найденныхъ въ лѣсу — тѣлѣхъ, пустомъ погребцѣ и чешуйчатыхъ и какихъ-то бумагахъ съ цифрами больныхъ, умершихъ и выздоровѣвшихъ отъ холеры; словомъ, что это былъ я, какъ оказалось по справкѣ на Староглазовской почтовой станицѣ и что возвращавшіеся два гонима, наткнувшіеся на партію, развели секреты.

Я отъ души любилъ этихъ мальчиковъ; присутствіе ихъ и обоюдные расказы облегчали тягость нашего положенія; жизнь казалась намъ сносною, можетъ быть, и потому что при воспоминаніи о лучшемъ забывалось настоящее худшее; а если оно и поражало наше вниманіе, то надежда въ Промысль, вѣра и теплая молитва сглаживали дурную сторону жизни и, примиряя со всѣми окружающими неприятностями, возбуждали въ насъ голосъ о прощеніи и вразумленіи враговъ нашихъ. Мы даже оправдывали поступки непріятеля войною, неавистью къ Русскимъ, всеобщюю бѣдностію и жаждою къ корысти, такъ

какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ составляла для нихъ важный способъ къ поддержанію существованія, способъ, при которомъ и враги наши, если не приносятъ въ жертву жизнь свою со всѣми тягостными ея послѣдствіями, то всегда рискуютъ ею изъ-за добычи по разнымъ побужденіямъ; потому что имъ хорошо извѣстно, что въ неудачѣ набѣга выигриваетъ убитый и спасшійся, а другихъ ожидаетъ или смертная казнь, или ссылка внутрь Россіи и въ Сибирь, или вообще не-свободная жизнь вдали отъ родины и отличная отъ той, въ которой провели лѣта отъ рожденія.

Мы утѣшали себя еще и тѣмъ, что не могли знать и не знали прежде, что попадемся въ плѣнъ. Это было будущее, скрытое отъ насъ, но оно случилось, сдѣлалось прошедшимъ; стало, тому такъ слѣдовало быть, и покоряться обстоятельствамъ съ смиреніемъ поставляли себѣ въ обязанность. Словомъ, для насъ не было такого горя, съ которымъ бы мы не могли примириться.

Счастлирое и это время! Покрайней мѣрѣ въ воспоминаніи и оно приноситъ какую-то невыразимую, душевную сладость!

Такъ проходило время до половины 1849 года, т. е. до возвращенія мальчиковъ на родину; а между тѣмъ въ концѣ 1848 года слухи о плѣнныхъ Чеченцахъ были такіе, что дѣйствительно о возвращеніи ихъ получено разрѣшеніе, что ихъ велѣно выслать на подводахъ въ кр. Грозную и хотя послѣ каждаго подобнаго слуховъ содержаніе мое улучшивалось, т. е. подстилали солому подъ войлокъ, подметали пазу, дали новые штаны и рубашку, для обривія бороды предлагали услугу, въ зиму постоянно отапливали каминъ татарскій и были вообще ласковѣе, какъ хозяева, такъ и посто-

ронные,—но всё это далеко не могло совершенно заглушить тоски по родной жизни, гдѣ утѣшительны: средства лучшія, законы, обезпечивающіе положеніе и будущность каждаго, обычаи и привычки, которыхъ свѣжая прелесть понятна въ ихъ отсутствіи.

Тотъ выразился вѣрно, кто сказалъ, что — «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!» Я самъ ощущалъ въ этомъ дымѣ величайшую сладость и аромат и почти въ тоже время пряталъ голову, чтобы не задохнуться въ саклѣ отъ дыму Чеченскаго, когда порывы вѣтра не давали ему исхода въ трубу.

Въ началѣ 1849 года распространилась вѣсть о прибытіи въ Грозную двухъ Чеченцовъ и чрезъ короткое время еще одного изъ числа назначенныхъ въ размѣнъ за меня. Въ аулѣ радость была общая: родственники плѣнныхъ угощались какимъ нибудь лакомымъ кушаньемъ, дѣти плясали подъ удары въ мѣдный тазъ, женщины занялись приготовленіемъ одежды для будущихъ пришлецовъ.

Вскорѣ потомъ мнѣ мальчики сказали, что жители очень сожалѣли о какомъ-то, въ Россіи умершемъ изъ нашего аула, Чеченцѣ, котораго ожидали въ Грозную, въ добавокъ къ 3-мъ, уже прибывшимъ; что женщины ходили въ домъ оплакивать его смерть, а мужчины были очень грустны; что родственники плѣнныхъ и народъ учащаютъ къ Тараму съ просьбами о скорѣйшемъ размѣнѣ и уговорились скрывать отъ меня смерть Чеченца, чтобы не лишить меня надежды на освобожденіе, и не разстроить меня тѣмъ болѣе, что я былъ тогда сильно нездоровъ и очень слабъ.

Въ это время (въ Мартѣ или Апрельѣ 1849), меня во первыхъ томила

страшная лихорадка *), въ жару которой я пилъ постоянно воду (до рвоты и вылечился); во вторыхъ—неимовѣрная боль подъ ложечкой и чрезвычайное стѣсненіе въ груди: я едва могъ дышать. Опасались за мою жизнь.

Но главная, періодическая болѣзнь моя въ Чечнѣ обыкновенно начиналась съ половины осени и продолжалась до половины весны съ 847 на 848, и съ 848 на 849 годы, обнаруживаясь тѣмъ, что кровь, выступая на тѣлѣ отъ поясицы до пяты, образовала въ ладонь иные струшья. Они не были зловонны, не производили боли, но, при малѣйшемъ движеніи тѣла, отдирались отъ грязнаго бѣлья моего, къ которому присыхали и тогда были крайне неприятны. Цвѣтъ ихъ — мѣдно-красный, и съ весны до новой осени почти не сходилъ, или очень мало. Въ періодъ съ 848 на 849 годъ я совершенно лишился всякой способности двигать ногами; они были безжизненны до того, что если мнѣ предстояла необходимость сдѣлать шага три въ саклѣ, то я обыкновенно ползъ на рукахъ, волоча брюхо и ноги по землѣ. Укрѣпляясь къ веснѣ постепенно въ силахъ, я долженъ былъ сначала устлаваться на ногахъ, придерживаясь за что нибудь, потомъ въ саклѣ дѣлалъ по нѣскольку шаговъ съ помощію палки или костылей. На это время снимали съ меня только одни кандалы; другіе оставались на мнѣ.

Одно обстоятельство странно: эти раны не открывались съ осени 1849 на 1850 годъ, т. е. въ послѣднее полугодіе моего пребыванія.

*) Чеченцы отъ лихорадки принимаютъ горсть мелкой соли, распушенной въ водѣ: потому что хлѣтъ до изнуренія.

Вообще въ два періода, съ осени до весны, кровь моя принимала непріятный бурый цвѣтъ и была водяниста. Тогда мнѣ было тяжело: въ груди я чувствовалъ стѣсненіе, дыханіе частое и неровное; а между тѣмъ миліоны насѣкомыхъ беспокоили неизмѣрно.

Это были періоды замирающаго состоянія тѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что къ тому способствовали полновѣсныя вандалы и цѣпь, препятствовавшая циркуляціи крови, время года, пища, нечистота и тоска.

Къ веснѣ же я постепенно оживалъ: съ высыхающихъ струпуевъ сама собою отдѣлялась ихъ поверхность, оставляя знаки; кровь постепенно принимала розовый цвѣтъ; стѣсненіе въ груди проходило; дыханіе становилось свободнымъ и ровнымъ. Словомъ, я возрождался къ жизни вмѣстѣ съ оживающею весеннею природою.

Въ маѣ 1849 г. пронеслась молва, что изъ числа Чеченцовъ, назначенныхъ въ размѣнъ за меня, еще прибылъ въ Грозную одинъ и еще одинъ умеръ, и что непріятель сталъ сомнѣваться въ справедливости извѣстій о смерти ихъ.

Тарамъ, кажется, пользовался этими случаями, смущая умы для корыстныхъ видовъ своихъ внушеніемъ недовѣрія къ Русскимъ, будто ложно распускающимъ слухи о смерти, тогда какъ, по его убѣжденію, умершіе живы, сосланы въ Сибирь, и ихъ просто не хотятъ возвратить.

Чеченцы зашевелились. Они не трогали меня, не вѣрили вполне Тараму и Русскимъ, стали наблюдать за первымъ, повѣрять слова вторыхъ, боялись и за меня потому, что со смертію моею теряли надежду на возвращеніе своихъ соотечественниковъ. И въ умѣ Тарама опять зашевелилась

VI. 3.

мысль — стргести побольше денегъ, всё равно, отъ Русскихъ или отъ своихъ.

Внушенія его могли продлить размѣнъ на неопредѣленное время, и чѣмъ упорство его было сильнѣе, тѣмъ просьбы Чеченцовъ усиливались болѣе: они набавляли ему плату за свободу своихъ, Тарамъ думалъ получить деньги и отъ Русскихъ, а чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ для него лучше. — «Не отдамъ Ивана, говорилъ онъ, Русскіе лгутъ! Наши живы: они «въ Сибири! Чѣмъ можно доказать, «что Чеченцы плѣнные дѣйствительно умерли?»

А мѣсяцъ спустя рассказывалось, что Ивановы вотъ, вотъ на дняхъ будутъ освобождены.

Съ годъ пробылъ я до прибытія этихъ мальчиковъ; годъ еще просидѣлъ съ ними. Въ теченіи двухъ лѣтъ плѣнные прибывали и убывали, а я всё оставался. Предстоитъ ли мнѣ возвращеніе когда либо?!... Я задумался.

Съ непріятелемъ я всегда избѣгалъ лишнихъ разговоровъ; оставшійся до сихъ поръ первый мальчикъ былъ глупъ и не заслуживалъ довѣрія. Какая же смертная тоска съ уходомъ Ивановыхъ предстояла мнѣ одному? Справедливъ ли предполагаемый размѣнъ? Не можетъ ли встрѣтиться случаевъ, къ тому препятствующихъ? Не думаютъ ли меня далѣе передать куда либо въ горы?

Выйду ли я, если плѣнные будутъ умирать? Слѣдуетъ ли уходить и какъ, или оставаться и ждать конца? А если Чеченцы прійдутъ со мною разговаривать, или требовать чего бы то ни было, — что дѣлать и какъ себя вести во всѣхъ случаяхъ?...

Глубокое раздумье владѣло мною? Я не чувствовалъ потребности жажды, пищи, отдыха или сна. Во мнѣ буд-

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 32

то не было тѣла; я жилъ духомъ; мыслию пробѣгалъ прошедшее отъ начала до этого момента своего существованія и, стараясь разрѣшать вопросы, въ забытіи улеталъ въ пространства надземныя, туда, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни болѣзней, ни воздыханій, но жизнь безконечная! Душа облегчалась...

Я просиживалъ цѣлые дни съ утра до вечера почти неподвижно, проводилъ иногда ночи на пролѣтъ безъ сна и вдохновлялся какою-то особенною силою, углубляясь мыслию во всѣ случайности, которыя мнѣ могли предстоять и которыя я могъ придумать.

Результатъ мышленія рѣшилъ мнѣ, что дѣлать; его я поставилъ себѣ въ обѣтъ священный и далъ клятву исполнить, не взирая ни на какія препятствія въ настоящемъ, ради лучшей, будущей жизни, въ которую сознательно и твердо вѣрилъ.

Я помнилъ извѣстную фразу: «Жить вѣчно невозможно, и смерти не избѣгнешь». Это правда, но въ частности, для пониманія нашего видимаго различія жизни отъ смерти; вообще же въ природѣ смерти не существуетъ: жизнь духа и тѣла — безконечна, только въ разныхъ видахъ. И какъ бы она ни выразилась, отчета за нее неизбѣгнешь. Я почти отрѣшился отъ всего земнаго, — меня увлекала прелесть будущей жизни. Путь въ неѣ и утѣшеніе въ настоящемъ указывалъ мнѣ результатъ моего мышленія; онъ заключался въ томъ, чтобы: «не служить непріятелю ни словомъ, ни дѣломъ, ни орудіемъ; исполнять законы и приличія своего общества — и молчать».

Тяжелое время для меня настало. Помню, какъ-то передъ вечеромъ, въ

іюль 1849 г. мальчиковъ Ивановыхъ внезапно пришли уводить.

Когда съ нихъ снимали кандалы, у нихъ слезы брызнули изъ очей. Они молчали и, глядя на меня, качали головой!

Въ этихъ слезахъ я прочиталъ и радость великую и скорбь глубокую и внутренне благословлялъ ихъ на пути предстоящемъ. Они ушли.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сжалось сильно мое сердце, какъ будто схватило его желѣзными щипцами. Духъ мой и воля закалились какою-то нечеловѣческой твердостью и, не смотря на ослабѣвшее тѣло, я чувствовалъ въ себѣ присутствіе особенной силы, какое-то высшее вдохновеніе. Я объявилъ непріятелю духовную войну, безъ словъ; началъ еѣ съ вечера же по уходѣ мальчиковъ и выражалъ еѣ только одними нѣмыми дѣйствіями, или неподвижностью.

Чтоже давало мнѣ поводъ къ этой войнѣ?

Вѣчное обращеніе Чеченцовъ съ вопросами, большею частію пустыми; вообще — плохое содержаніе, нескончаемое заточеніе въ оковахъ и частая болѣзнь, увѣренность въ знаніи средствъ и добродушія Русскихъ, что 7-ро плѣнныхъ Чеченцовъ живутъ, сравнительно со мною, гораздо лучше; желаніе — довести непріятеля до того, куда все это не улучшится на столько, на сколько средства имъ дозволяютъ, съ цѣлію убѣдиться положительно въ справедливости размѣна; ибо если онъ состоится, сдѣлаютъ возможное, если нѣтъ — угождать не будутъ. И потому я положилъ:

Не говорить ни слова ни днѣмъ, ни ночью даже съ самимъ собою; ничего не писать; не двинуться съ мѣста ни на-волосъ по волѣ непріятеля, покуда на ногахъ кандалы, а если ихъ когда

либо снять — не выйти изъ сакли, куда не дадутъ приличной одежды; ибо, если 7 плѣнныхъ Чеченцовъ снабжаются у Русскихъ бѣльемъ, одеждою, обувью и пищею, хотя бы, и плохую, то для меня одного могутъ найти всё это лучшее, потому что оно составитъ расходъ въ 7-мь разъ менше. Если дадутъ одежду или бѣлье чужие — не брать: оно милостыня, развѣ васильно надѣнуть; если дасть хозяинъ и новое, и изъ своихъ рукъ — взять; если старое, хотя бы и почтенное — не брать. Если въ пищу дадутъ одинъ хлѣбъ — не ѣсть, хотя бы умеръ; а если къ нему будетъ приличная прибавка: мясо, чай, сыръ, яйца — то ѣсть, но не всё, ибо азиатское приличіе требуетъ оставлять что либо. Словомъ: во всемъ, что отъ меня требуютъ, или мнѣ предлагаютъ — дѣйствовать согласно своего положенія, т. е. отвѣчать до извѣстнаго времени — молчаніемъ и неподвижностію.

Война началась.

Въ вечеръ, по уходѣ Ивановыхъ и по осмотрѣ кандаловъ, сказано мнѣ было — продѣть конецъ цѣпи въ хозяйскую половину (на день одинъ только конецъ съ кола отвязывался), я молчалъ и не пошевелился. Это мнѣ показалось немного страннымъ. Тарамъ спросилъ: «что это такое съ тобою, нездоровъ ты?», — посмотрѣлъ на меня, молча продѣлъ конецъ цѣпи въ дыру, вышелъ и заперъ двери, оставивъ меня съ первымъ мальчикомъ, котораго молчаніе мое начало пугать.

На другой день утромъ кричатъ, что цѣпь отвязали и чтобы я ее выдернулъ; опять молчаніе и неподвижность. Вечеромъ и въ послѣдующіе дни тѣ же продѣлки.

Мальчикъ испугался и, въ слѣд-

ствіе его просьбы, ему дозволили спать въ комнатѣ хозяйской.

За мною стали наблюдать днемъ и ночью, открыто и тайно, въ двери, въ щели, прислушивались изъ трубы — и видѣли только, что я обыкновенно утромъ и вечеромъ встаю, умоюсь, если есть вода, помолюсь Богу, потомъ сяду и сижу неподвижно, поѣмъ, когда принесутъ что либо порядочное, и молчу.

Эта необыкновенная перемена удивила всѣхъ, быстро разнеслась, несмотря что ее скрывали, и породила подозрѣніе на Тарамъ. Одни думали что я притворяюсь, другіе, что я сильно тоскую, или болѣю, или оцѣмѣлъ, или одурѣлъ.

Тарамъ, не вѣря самъ вполнѣ, приписывалъ, кажется, перемену тоски и отчаянію, ибо заходилъ ко мнѣ чаще, утѣшалъ скорымъ освобожденіемъ, приказывалъ иногда улучшать пищу, упрекнулъ однажды за мои къ воинскимъ начальникамъ записки, запрещавшія года два назадъ писать и присылать ко мнѣ что либо въ Чечню; наблюдалъ крѣпко и еще болѣе усиливалъ надзоръ.

Тарамъ сталъ самъ бояться за меня, потому, что теряя меня даромъ, лишился надежды удовлетворить своему корыстолюбію; но затѣмъ началъ испытывать: подсылалъ мальчишекъ, сестеръ жены, людей заводилъ разговоры и утѣшать, съ цѣлью — услышать хотя слово отъ меня; доставилъ табакъ, старыя газеты и одну книгу (Отечественныхъ Записокъ; приводилъ людей, будто прѣзжавшихъ съ извѣстіемъ о скоромъ разлѣтѣ; иногда приказывалъ давать одинъ хлѣбъ, который я не ѣлъ по двое сутокъ, такъ что онъ и жена, подумавъ вѣроятно, что я хочу заморить себя голодомъ, давали наконецъ лучшее; въ

осень и зиму исхода 1849 года, разложивъ въ каминѣ огонь и принеши лишніе дрова, предлагали подкладывать самому для поддержанія огня,—я мерзъ и не шевелилъ рукою. Мнѣ данъ былъ тулупъ, но съ короткими рукавами (такой носятъ женщины),—я одѣвалъ его въ вакидку, шерстью на верхъ; принесть въ избу стулъ—я сажусь и остаюсь на немъ неподвижно по цѣлымъ днямъ; нѣтъ его—лежу на подосланномъ на землѣ войлокѣ по цѣлымъ суткамъ и все молчу.

Подобное поведеніе мнѣ было и тяжело и легко; тяжело—въ выполненіи; легко—когда исполненіемъ достигалъ желаемаго.

Я былъ въ здоровомъ умѣ. Воображеніемъ и мыслию то облеталъ вселенную, то спускался на землю, и случалось, что представлявшаяся мнѣ какая нибудь забавная сцена, изъ частной или общественной жизни, возбуждала смѣхъ, отъ котораго я иногда не имѣлъ силы воздержаться, но молчалъ.

О побѣгѣ я не хотѣлъ думать, потому что считалъ неумѣстнымъ нарушать общее довѣріе обѣихъ сторонъ въ то время, когда условія раздѣла опредѣлены; а еслибы освобожденіе не состоялось почему либо, то во всякомъ случаѣ я предоставлялъ себя Божиему Произволу, хотя незатруднился въ отысканіи способа—самому снять съ себя цѣпь и кандалы. Отъ первой легко освободиться, разломавъ слабый замокъ на шеѣ и одну петлю; отъ вторыхъ—необходимо было только связать наружные концы наножиговъ съ концами кандалной палки, потомъ связать между собою внутренніе концы наножиговъ, продѣть въ средину палочку и вертѣть: наножижки должны

расширяться, и ногѣ предстоить свободный выходъ (другой возможности, при моемъ тѣлесномъ безспліи, не представлялось) а сыромятные ремешки висѣли у меня въ саглѣ; времени же на это много не требуется.

Между непріятелемъ, кажется, не предполагалось съ конца осени 1849 г. ожиданія плѣнныхъ въ Грозную изъ Россіи; ибо, сколько я могъ узнать, въ народѣ рассказывалось о затрудненіи скорита раздѣла, по случаю смерти нѣсколькихъ и замѣны ихъ другими, равно по возвращеніи изъ Россіи тѣлъ и костей умершихъ.

А между тѣмъ, въ одну изъ осеннихъ ночей, помню очень хорошо, что я проснулся. Въ саглѣ одна темнота. Лежа на спинѣ, я какъ-то поворотилъ голову на лѣво и вижу ясно: рядомъ со мною съ лѣвой стороны лежитъ голое, мертвое тѣло Заура. Я былъ совершенно спокоенъ; три раза отворачивалъ и поворачивалъ къ нему свою голову, смотрѣлъ на него, видѣлъ его одного только ясно отъ головы до ногъ и чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, лѣвою рукою свою гладилъ его по тѣлу, котораго к жа казалась мнѣ чрезвычайно нѣжною. Поворачивая на лѣво свою голову въ 4-й разъ, я ничего не встрѣтилъ, кромѣ темноты; видѣніе исчезло; я былъ покоенъ: не спалъ до утра и, душевно скорбя объ его судьбѣ, молился о спасеніи его души.

Зауръ пользовался въ аулѣ славою отличнаго человѣка, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣсть объ его кончинѣ была горестна для многихъ. Самое требованіе тѣлъ и костей умершихъ было или въ слѣдствіе недовѣрія къ слухамъ, или изъ видовъ Тарама; но, сколько я замѣчалъ, послѣдній былъ грустенъ и усердно молился. Смерть Заура скрывали отъ меня въ

величайшей тайнѣ и сказали объ ней только на канунѣ моего отбытія; но это для меня была не новость. Скрыты были также отъ меня и дальнѣйшія условія Тарама.

Въ концѣ Ноября мѣсяца, или въ началѣ Декабря, въ одинъ день, прилеталъ ко мнѣ три раза очень красивый мотылекъ. Каждый разъ онъ направлялъ полетъ свой къ моимъ ногамъ, рукамъ, головѣ и постели и потомъ улеталъ. Послѣ 3-го разу болѣе не являлся; но я въ высшей степени радъ былъ этому милому гостю, который мнѣ казался вѣстникомъ освобожденія.

Прошло около 6 мѣсяцевъ со времени освобожденія Ивановыхъ и почти два съ половиною года плѣна. Зима была въ половинѣ, суровая, съ снѣгомъ и морозами.

Въ одинъ день, рано утромъ, вошли ко мнѣ нѣсколько Чеченцовъ; снявъ съ шеи цѣпь и, сказавъ, что сегодня должны меня везти на размѣнъ въ Грозную, просили встать, выйти изъ сакли и сѣсть на сани, которыя стояли у дома, чтобы свезти меня въ Гельдигенъ (ауль въ 3-хъ верстахъ отъ Оспанъ-Юрта), въ кузницу снять кандалы.

Я не пошевельнулся.

На ногахъ у меня было двое тяжелыхъ кандаловъ; наготу мою прикрывала одна изорванная рубашка, да сверху въ накидку наброшенный тулупъ и — ни шапки, ни штановъ, ни обуви; а на дворѣ морозъ градусовъ 10 (по Реомюру).

Просили, убѣждали ласково, кричали, наконецъ подняли меня на руки, завернули въ бурку, вынесли и положили на сани. На дворѣ я видѣлъ много верховыхъ лошадей, спѣшенныхъ людей и Наиба Талгика. Тарамъ оставался въ избѣ.

Когда меня несли до саней, кто-то надѣлъ мнѣ старый, гадкій папахъ; я швырнулъ его о землю; еще разъ надѣли, — еще онъ полетѣлъ; сдѣлали тоже въ третій разъ — я опять бросилъ, и вышедшій въ это время Тарамъ съ яростію бросился на меня съ кинжаломъ. Народъ его отхватилъ, ввелъ въ избу, и болѣе я его не видалъ; его не пускали. Такъ и слѣдовало: онъ не могъ быть при народѣ равнодушнымъ зрителемъ моихъ дерзостей, его поступки могли еще отсрочить размѣнъ, а при умерщвленіи меня онъ бы самъ погибъ, если только освобожденіе мое — дѣло рѣшеное: рѣзня бы завязалась общая, родные плѣнныхъ не стерпѣли бы потери семи правовѣрныхъ Мусульманъ за одного невѣрнаго Христианина.

Но какой-то смѣтливый Чеченецъ рѣшилъ дѣло: показавъ, онъ надѣлъ мнѣ на голову новый папахъ; бивковъ погнали, и сани остановились у кузницы въ Гельдигенѣ. Я лежалъ неподвиженъ.

Просьбы не помогли, и меня снесли на рукахъ въ кузницу, сняли кандалы, совали въ руки штаны, тщательно зачищенные, — я стоялъ какъ истуканъ.

Штаны на меня надѣли Чеченцы и подвязали веревочкой.

Потомъ надѣли мнѣ на ноги войлочные, обшитые козломъ, сапоги азіатскіе и бурку.

Я молча повернулся, вышелъ и сѣлъ на сани. Между людьми поднялся крикъ: одни бранили, другіе смѣялись, третьи удивлялись.

Пріѣхали къ саклѣ. Я самъ сошелъ съ саней, вошелъ въ свою избу и сталъ противъ камина; въ немъ горѣлъ большой огонь, а сакля была чисто подметена.

Люди вошли съ предложеніемъ мнѣ выходить, ибо пора ѣхать.

На это молча я снялъ съ себя рубашку, показалъ взорванныя мѣста и бросилъ ее между людей. Мигомъ отнесли ее къ Сатѣ и чрезъ нѣсколько минутъ принесли заштопою — я надѣлъ.

«Пойдемъ Иванъ, не дурачься!» Я взялъ тулупъ за короткіе рукава, показалъ ихъ людямъ и бросилъ тулупъ.

Какой-то Чеченецъ подошелъ ко мнѣ, снялъ свой полушолковый бешметъ и подаль мнѣ.

Я не взялъ. Бешметъ мнѣ надѣли.

«Пойдемъ же, а то къ вечеру не доѣдемъ въ Грозную, далеко!»

Приблизившись къ огню, я крикнулъ, показавъ видъ, что холодно. На меня надѣли бурку и завязали. Не дожидаясь напоминаній, я тотчасъ повернулся и, выйдя изъ сакли, сталъ на крыльцѣ; на мнѣ было все лучшее: новая папаха, зашитая рубашка, чистыя цѣлые штаны, полушолковый бешметъ, сапоги и бурка.

Не совѣмъ еще потухшій блескъ впаляхъ очей моихъ, ихъ неподвижный взоръ, длинная черная борода, холодная и ровная серьезность, могильное молчаніе и то неподвижность, то произвольное движеніе, и непонятная смѣлость поступковъ — какъ будто озадачили Чеченцовъ, а ихъ было на дворѣ до сотни.

«Иванъ! Пиди, вотъ недалеко лошадей, садись!»

Я остаюсь неподвиженъ.

Къ крыльцу подвели коня.

Я подошелъ къ нему и сталъ у стремени.

«Садись!»

Ни слова, ни движенія (по думалъ про себя: съ телѣги сняли, тагъ на коня сажайте.) Меня посадили.

Кто-то, забросивъ поводъ, давалъ мнѣ его въ руки.

Я отбросилъ его обратно. (Въ Чечню привели, ведите же назадъ сами.)

На дворѣ образовались партіи: сплеходительныхъ, озлобленныхъ и зрителей; первые однако взяли верхъ и не допускали до меня вторыхъ.

Все съѣли верхомъ. Таагинъ меня конвоировалъ. Тараму не довѣрили совершить развѣтъ, и задержали дома. И ояъ, и люди, кажется, повяли мое умышленное поведеніе, но было поздно. Онъ выходилъ изъ себя, но по пустому.

Меня окружили; лошадь, на которой я сидѣлъ, вели въ поводу. Ыхали довольно шибко. Отъ Оспанъ-Юрта до Ханкальской горы Чеченцы молились два раза, въ полдень и передъ вечеромъ, оставляя меня сплешеннаго, въ центрѣ круга, составленнаго изъ партій.

Начало смеркаться, когда у Ханкальской горы, въ лоцинѣ, оставили меня съ двумя Чеченцами; партія съ Таагиномъ отправилась впередъ. Чрезъ полчаса присланный Чеченецъ приказалъ намъ шибче ѣхать.

Два Чеченца по обѣ стороны схватили почти подъ устцы мою лошадь и помчались во всю прыть.

«Тише! закричалъ одинъ, — убьется! — Небойсь! отвѣчалъ другой, до сихъ поръ не околѣлъ, и теперь не пропадетъ!» Мы мчались по необозримой равнинѣ и похожи были на перекати-поле, несомое сильнымъ порывомъ вѣтра.

На встрѣчу къ намъ подсакали нѣсколько Чеченцовъ и съ ними азійскій офицеръ (*), по знаку котораго мы осадили коней.

Офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Кто вы такой и что съ вами?» Я понялъ, что нужно вѣроятно знать начальнику дѣлага фла-

(*) Арцу-Чермоевъ.

га, вѣмъ ли я, тотъ ли я кого ожидаютъ, или кто другой, потому что въ Грозной знакомыхъ у меня не было; и я отвѣчалъ ему громко:

«Я арміи штабсъ-капитанъ Клиперъ; больше знать вамъ ненужно, убирайтесь!» Онъ принялъ въ сторону. Чеченцы вскричали отъ удивленія, услышавъ мой голосъ; мы снова помчались и врѣзались въ кружокъ Русскихъ.

Меня встрѣтилъ воинскій начальникъ крѣпости Грозной (Ф. Кульманъ) съ маленькимъ отрядомъ.

Я соскочилъ съ коня; мы обнялись, поцѣловались; я не могъ говорить, на глазахъ навертывались слезы: въ нихъ была радость и молитва; въ нихъ было многое, многое, чего языкъ человѣческій не въ силахъ выразить!!!...

Это случилось 1-го Января 1850 г.

Мы поскакали съ казаками въ Грозную. Темно было на дворѣ, но свѣтло и отрадно у меня на душѣ!... Она озарялась вдохновенно-высокой молитвой....

Иванъ Клиперъ.

ОБЩЕСТВО ПОСѢЩЕНІЯ БѢДНЫХЪ

(Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго).

Въ прошедшемъ году Русскаго Архива помѣщены три главы изъ Записокъ В. А. Инсарскаго, изображающія разныя стороны Кавказскаго быта. Пятыя изданы нами дозволеніемъ напечатать еще отрывокъ другаго содержанія, и мы увѣрены, что читатели за одно съ нами поблагодарятъ автора за эту живую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ Петербургской общественной жизни въ походѣ Николаевскаго царствованія. „Общество посѣщенія бѣдныхъ“, возникшее въ Апрельѣ 1846 г., не замедлило возбудить противъ себя ревнивую подозрительность умовъ ограниченныхъ и уже въ Мартѣ 1848 г. было присоединено къ „Императорскому Человѣколюбивому“. Истощивъ силы свои въ неравной борьбѣ съ вышними пренятствіями, оно закрылось въ 1855 году; но живая и плодотворная его дѣятельность никогда не забудется, вмѣстѣ съ именемъ недавно почившаго предѣдателя Общества посѣщенія бѣдныхъ, князя В. Ѳ. Одоевскаго: нижепомѣщаемая статья да будетъ приношеніемъ на его свѣжую могилу. *Ш. Б.*

.....Теперь я могу перейти къ изложенію моего участія въ дѣйствіяхъ Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, которое привлекало тогда своею цѣлью и своими распоряженіями общее вниманіе и сочувствіе. Общество это возникло, какъ тогда говорили и писали, вслѣдствіе частныхъ разговоровъ въ одномъ просвѣщенномъ кружкѣ о постоянномъ распространеніи бѣдности въ столицѣ и о бесплодности безразличнаго пособія, дѣлаемаго тому, кто проситъ, а не тому, кто истинно бѣденъ. Графы М. Ю. Виельгорскій и В. А. Сологубъ едва ли не первые предложили образовать Общество, для разумнаго вспоможенія бѣднымъ людямъ, т. е. не иначе, какъ по должномъ удостовѣреніи въ ихъ бѣдности и по изслѣдованіи: какой именно способъ помощи наиболѣе будетъ полезенъ. Предложеніе это, конечно, не могло не найти живѣйшаго участія въ Петербургскомъ обще-

ствѣ, и дѣло закипѣло. Явилось много желающихъ участвовать въ Обществѣ, а Его Императорскому Высочеству Герцогу Лейхтенбергскому предложено было званіе попечителя, которое имъ и принято. Составленъ подробный уставъ для Общества, который въ 1846 году и удостоился высочайшаго утвержденія.

Вотъ главные черты этого устава.

1) Общество имѣетъ первымъ предметомъ дѣйствій своихъ удостовѣреніе въ настоящемъ положеніи жителей С-Петербурга, которые обращаются съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ. По сему, входя въ посредничество между благотворителями и нуждающимися, оно содѣйствуетъ, чтобъ благотворенія достигли своего назначенія.

2) Помощь дѣйствительно нуждающимся Общество оказываетъ въ слѣдующихъ видахъ: а) престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами, равно сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, помѣщаетъ въ учрежденныя имъ благотворительныя заведенія или ходатайствуетъ о призрѣніи ихъ въ постороннихъ учрежденіяхъ и на счетъ частныхъ людей и б) прочимъ неимущимъ доставляетъ вспоможеніе деньгами или одеждою, дровами и т. п.; больнымъ же оказываетъ врачебное пособіе въ ихъ жилищахъ чрезъ медиковъ Общества, съ безденежнымъ отпускомъ лѣкарствъ.

3) Лица, поступающія въ составъ Общества, раздѣляются: а) на членовъ-благотворителей, б) членовъ-посѣтителей и в) членовъ-распорядителей. Членами-благотворителями именуются тѣ лица, кои обязуются вносить ежегодно въ кассу Общества опредѣленную сумму, или содѣйствовать Обществу безмездно и постоянно

своими трудами. Членъ-посѣтитель, внося ежегодно 15 руб., обязанъ находиться, хотя одинъ день въ мѣсяцъ, въ распоряженіи Распорядительнаго Собранія Общества и по указанію члена-распорядителя, лично посѣщать бѣдныхъ, для собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній. Члены-распорядители составляютъ Распорядительное Собраніе Общества, и изъ нихъ одинъ занимаетъ мѣсто предсѣдателя.

Имѣя много свободнаго времени и зная, что при самомъ учрежденіи Общества князь В. Θ. Одоевскій былъ избранъ единогласно предсѣдателемъ Распорядительнаго Собранія, я какъ-то при встрѣчѣ съ нимъ на одномъ изъ баловъ Дворянскаго Собранія (въ то время лучшихъ общественныхъ баловъ въ Петербургѣ) заявилъ ему мое желаніе зачислиться въ составъ этого полезнаго Общества, что и было исполнено имъ тѣмъ съ болѣею готовностію, что онъ зналъ меня, по совмѣстной моей съ нимъ службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, за человѣка, могущаго принести пользу Обществу.

Сначала я былъ скромнымъ и усерднымъ членомъ-посѣтителемъ и, тщательно посѣщая указанныхъ мнѣ бѣдныхъ, старался представлять самыя отчетливыя свѣдѣнія о ихъ положеніи и о способахъ, какими лучше и вѣрнѣе можно имъ помочь. При этихъ посѣщеніяхъ я, конечно, близко ознакомился со всѣми родами и видами бѣдности: бѣдности истинной, скромной, страдальческой, бѣдности ложной, основанной на подлогахъ и обманахъ, наконецъ бѣдности порочной, самой отвратительной бѣдности, въ формахъ дикихъ и почти звѣрскихъ, бѣдности, гнѣздящейся въ грязныхъ углахъ, сырыхъ подвалахъ или сквозныхъ чердакахъ... Можно поло-

жительно сказать, что талантливый человекъ могъ бы найти въ архивахъ Общества бездну матеріала для изображенія самыхъ потрясающихъ картинъ изъ жизни дѣйствительной, картинъ, какихъ, быть можетъ, самое богатое воображеніе создать не въ силахъ. Но эта сторона не имѣетъ прямого отношенія къ моимъ скромнымъ рассказамъ. Мои донесенія, очень скоро обратили на меня вниманіе общественныхъ властей, которое и выражалось тѣмъ, что всѣ мои мнѣнія утверждались безусловно.

Такъ шло дѣло, когда однажды въ общемъ собраніи Общества, князь В. Ө. Одоевскій заявилъ, что прежній уставъ оказывается недостаточнымъ и что поэтому составленъ проектъ новаго устава. Что бы ознакомить общество въ содержаніемъ этого новаго проекта, Распорядительное Собраніе, по словамъ князя, признало лучшимъ средствомъ положить проектъ открытымъ въ конторѣ Общества, гдѣ всѣ члены могутъ, во всякое время, читать его и дѣлать на него свои замѣчанія. Я тутъ же полунутилъ замѣтилъ Д. П. Хрущову, который въ то время былъ уже членомъ-распорядителемъ и могущественнѣйшимъ членомъ Распорядительнаго Собранія, что эта мѣра не отличается большею практичностью и что триста членовъ насочинять такую гору замѣчаній, что Собранію трудно будетъ съ ними справиться. Хрущовъ, также смѣясь, отвѣчалъ: «повѣрьте, не будетъ сдѣлано никакихъ замѣчаній.» «Ну смотрите», возразилъ я, «если только не лѣнь будетъ, я завтра же приѣду въ контору и постараюсь разбить вашъ проектъ». «Отлично! посмотримъ!» сказалъ Хрущовъ. Ни я не думалъ дѣлать никакихъ замѣчаній, ни Хрущовъ не ожидалъ серьезно отъ меня этихъ замѣ-

чаній. Но на другой день, совершенно случайно проѣзжая мимо конторы Общества, я вспомнилъ нашъ вчерашній разговоръ и, безъ всякой положительной цѣли зайдя въ контору, спросилъ проектъ новаго устава. Едва началъ я читать его, какъ съ первыхъ же строкъ мнѣ удалось замѣтить, что произведеніе это дѣйствительно далеко отъ совершенства. Я началъ отмѣчать параграфы, на которые можно сдѣлать солидныя возраженія, и совокупность отмѣтокъ тотчасъ показала мнѣ возможность сдѣлать на весь проектъ самое серьезное нападеніе. Давъ моимъ замѣчаніямъ соответствующую форму, я въ тотъ же день отослалъ ихъ къ князю В. Ө. Одоевскому. Тотчасъ назначено было экстренное засѣданіе Собранія, въ которое я былъ приглашенъ для прочтенія и объясненія моихъ замѣчаній. И то и другое сдѣлано было съ такимъ успѣхомъ, что Собраніе не только приняло всѣ мои замѣчанія, но въ лицѣ своихъ членовъ и предсѣдателя предложило мнѣ избраніе въ члены-распорядители, во имя той пользы, какую я могу принести Обществу....

Огромное число членовъ-посѣтителей смотрѣло на членовъ-распорядителей, какъ на людей избранныхъ и власть имѣющихъ, и находилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Распорядительнаго Собранія. Вліяніе это простиралось и на выборы и имѣло ту хорошую сторону, что Распорядительное Собраніе, стоя во главѣ Общества, лучше могло видѣть достоинства и дѣятельность членовъ-посѣтителей и дѣлать изъ нихъ полезный выборъ въ члены-распорядители, чѣмъ сама толпа посѣтителей, не имѣвшая возможности дѣлать никакихъ сравненій и раздѣленная на кружки, основанные не на дѣловитости, а единственно

на частныхъ между собою отношеніяхъ. Такимъ образомъ, при наступленіи выборовъ, члены Распорядительнаго Собранія разсматривали списокъ всѣхъ членовъ общества и дѣлали предназначенія, полезныя, по ихъ убѣжденію, для Общества. Составленный такимъ образомъ списокъ лицъ, предназначенныхъ въ различныя званія и должности, члены Распорядительнаго Собранія распространяли въ день общаго собранія между своими знакомыми и этимъ способомъ несомнѣнно обезпечивали большинство за лицами, ими назначенными. Понятно, что при такомъ способѣ мое избраніе въ члены Распорядительнаго Собранія не представлялось нисколько ни труднымъ, ни сомнительнымъ и состоялось въ первомъ же собраніи Общества.

Я живо помню эти первоначальныя, многочисленныя и, можно сказать, блестящія собранія. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время все, что было замѣчательнаго и умнаго въ Петербургѣ, принадлежало Обществу. Почти весь аристократическій міръ стоялъ въ его спискахъ; не было ни одного литератора или журналиста, который не былъ членомъ Общества; большая часть гвардіи снѣшила пріобрѣтать это скромное, но въ то же время лестное званіе; финансовыя знаменитости поддерживали Общество; знаменитѣйшіе доктора предлагали ему свои услуги. И наконецъ огромный списокъ членовъ общества украшался именами Императорской Фамиліи, и первымъ въ числѣ ихъ состоялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣшній славный и любимый Государь. Я очень сожалѣю, что не сохранилъ въ моихъ бумагахъ ни одного экземпляра изъ первоначальныхъ спи-

сковъ Общества *). Съ большимъ трудомъ я досталъ списокъ пятидесятихъ годовъ т. е. того печальнаго времени, когда мы, стѣсненные, обиженные, съ отвращеніемъ владели свое тяжелое существованіе.... Но это впереди, а теперь, какъ ни бѣденъ добытый мною списокъ членовъ Общества, сравнительно съ прежними, я все таки считаю не лишнимъ приложить его къ этимъ Запискамъ **).

Вступивъ въ составъ правленія Общества, я замѣтилъ, что мои сотоварищи ожидаютъ отъ меня чего-то необычайнаго, и мнѣ казалось необходимымъ совершить что нибудь въ этомъ родѣ. Въ этомъ убѣжденіи я обратилъ вниманіе на отсутствіе системы въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ. Наши приходы имѣли характеръ чистой случайности. Между тѣмъ, не зная вовсе, сколько мы получаемъ или можемъ получить ежегоднаго дохода, мы стали учреждать заведенія, требующія постоянныхъ расходовъ. Мнѣ не трудно было доказать, что въ слѣдствіе такихъ смѣлыхъ, но неосновательныхъ дѣйствій, мы можемъ лопнуть и потерять сочувствіе публики, безъ котораго самое существованіе Общества не возможно. Въ то же время я предложилъ подробный планъ, какъ вести это дѣло, какъ составлять бюджеты, какія учредить книги, какую установить отчетность; все это было принято съ полнымъ одобреніемъ и благодарностью. Я окончательнo прославился и сталъ на твердую ногу въ Распорядительномъ Собраніи. Не только товарищи мои, но самъ Герцогъ, нашъ попечитель, на-

*) Въ Чертковской бібліотекѣ хранятся отчеты этого Общества только за 1849, 1850 и 1853 годы; мы были бы обязаны за пополненіе. П. Б.

***) См. ниже.

че не называли меня, какъ министромъ финансовъ, хотя финансовая часть никогда не составляла моей специальности....

Отглядѣвшись въ новомъ положеніи своемъ члена Распорядительнаго Собранія, я тотчасъ замѣтилъ, что всю прелесть его засѣданій составляютъ формы, цѣликомъ и, быть можетъ, въ преувеличенномъ даже видѣ и размѣрѣ, перенесенныя изъ западныхъ палатъ. Нашъ добрый и милый председатель былъ истиннымъ мученикомъ различныхъ затѣй на этотъ ладъ и хотя постоянно дѣйствовалъ и колоколомъ, и молоткомъ, которые у него находились всегда подъ рукой, но мало водворялъ порядка, особенно на первое время, въ нашихъ преніяхъ. Ораторы хотя и записывались впередъ, но (болѣе горячіе, чѣмъ опытные въ парламентскихъ преніяхъ) никакъ не могли воздержаться, чтобъ не ворваться въ рѣчь другаго; а какъ скоро одинъ произносилъ слово, за нимъ прорывались другіе, и начинался общій говоръ съ акомпаниментомъ колокола и молотка нашего председателя. У насъ былъ свой центръ, правая сторона и самая ярая оппозиція, олицетворявшаяся въ А. А. Красевскомъ, покойномъ К. П. Опочивинѣ (весьма образованномъ и даровитомъ лицѣ, рано похищенномъ смертью), князѣ Д. А. Оболенскомъ, Д. П. Хрущовѣ и другихъ. Помню, что споры иногда достигали излишней раздражительности, и борцы часто, по заключеніи ихъ, вставали, удалялись въ другую комнату и тамъ обнимались и паловались, возстановляя такимъ образомъ свои дружескія отношенія, которыя, въ пылу сраженія, казались навсегда и безвозвратно порванными.

Повторяю, что князь В. Ѳ. Одоев-

скій былъ истиннымъ мученикомъ. Трудолюбивый выше всякой мѣры, человекъ съ поэтической душою, чуждою всякихъ стремленій къ проявленію власти и значенія, князь часто приносилъ въ засѣданіе Распорядительнаго Собранія какія-то толстыя тетради, которыя, впрочемъ, рѣдко удавалось ему прочитывать отъ начала до конца: если не въ началѣ, то въ серединѣ, поднимались возраженія и затѣмъ мгновенно все обрушивалось на него. Сдержанъ подобнаго напора онъ рѣшительно не былъ въ состояніи. Если онъ говорилъ и прекрасно, то ужъ никакъ не внушительно. Закипали бурныя пренія, ораторы записывались по нѣскольку разъ, и кончалось обыкновенно тѣмъ, что къ тремъ часамъ ночи князь клалъ свою недочитанную тетрадь въ портфель и, нисколько не злобствуя, привозилъ въ слѣдующее засѣданіе другую тетрадь, которую, большею частію, постигала та же участь. Если дѣйствительно со стороны строгости князь и прихрамывалъ, такъ сказать, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и особенно со стороны сердца и характера, это былъ типъ великолѣпнаго председателя. Кротость и доброта его умѣряли все, и мы любили и уважали его безконечно, хотя каждый изъ насъ грубилъ ему и нападалъ на его произведенія самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Чтобъ показать, до какой степени онъ былъ добръ, приведу замѣчательный рассказъ человека, лично на себѣ испытывшаго эту доброту. Служа въ V отдѣленіи собственной Е. П. В. канцеляріи, я познакомился тамъ, въ числѣ другихъ чиновниковъ этого отдѣленія, съ г. Соколовымъ. Соколовъ былъ глубоко ученый семинаристъ и, по его словамъ, между про-

чимъ, много работалъ для Энциклопедическаго Словаря Плюшара. Этотъ Соколовъ вотъ что мнѣ рассказывалъ. Однажды, въ молодости, онъ искалъ какого-то мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части статистической; увлеченный надеждами, которыя были уже даны ему, онъ внезапно узнаетъ, что мѣсто это отдано князю В. Ѳ. Одоевскому. Стѣняемый самою суровою крайностію, Соколовъ (вообще замѣчательный оригиналь) отправляется къ князю Одоевскому и говоритъ ему: «Ваше Сіятельство! Вамъ отдано мѣсто, на которое я рассчитывалъ. Для васъ оно ничто, для меня единственный кусокъ хлѣба. Вы — князь, богатый аристократическими связями; я бѣдный труженикъ, не имѣющій никакой поддержки. Скажите, справедливо ли это?» Князь В. Ѳ. Одоевскій, удивленный, тронутый, начинаетъ извиняться, увѣрять, что онъ ничего не зналъ. Потомъ приказываетъ заложить карету, сажаетъ туда оригинала Соколова, ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ министру и выпрашиваетъ Соколову мѣсто, на которое самъ былъ назначенъ.

Я не могу безъ восторга говорить объ этой ангельской личности. Находясь долго въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, я получилъ къ нему глубокое благоговѣніе, какъ къ непримѣрному идеалу добра и чести. Самъ весьма и весьма скудный въ средствахъ, онъ положительно готовъ былъ отдать свою рубаху ближнему. За то и онъ окружаемъ былъ нашими членами, какъ дѣтми и братьями, и если у него было какое нибудь честолюбіе, то оно заключалось единственно въ томъ, чтобы окружить себя толпами преданныхъ ему людей.

Нашъ попечитель Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтен-

бергскій принималъ сердечное участіе въ дѣлахъ Общества и постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ нашего Распорядительнаго Собранія, облеченнаго впоследствии въ отрицательное наименованіе «Правленія». Справедливость требуетъ сказать, что это была великолѣпная личность. Съ прекрасною фізіономіею истиннаго Француза, съ самыми плѣнительными манерами, привѣтливый, добрый, онъ не могъ не очаровывать всѣхъ, кто съ нимъ сблизался. Герцогъ пристрастился до изумительной степени къ дѣятельности нашего распорядительнаго кружка, гдѣ, безъ сомнѣнія, ему нравились приемы Запада, приемы не только рѣдкіе, но невѣроятные даже до настоящаго царствованія: отсутствіе всѣхъ чинностей и формальностей, и наконецъ истинная пріязнь къ нему людей, которыхъ въ то время, по справедливости, можно было назвать передовыми. Дебаты наши доставляли ему рѣдкое и пріятное зрѣлище. Онъ часто самъ вмѣшивался въ нихъ и безъ церемоній былъ побиваемъ, если приставалъ къ слабой сторонѣ. И дѣйствительно: это была едва ли не единственная школа публичнаго краснорѣчія. Князь В. Ѳ. Одоевскій пріобрѣлъ навыкъ говорить во всякое время и обо всемъ, всегда умно и складно, безъ всякихъ приготовленій. Д. П. Хрущовъ до такой степени изощрился по этой части, что въ послѣдствіи, перенеся свою дѣятельность на поприще городского хозяйства, онъ завладѣлъ Думой, изумлялъ ее своими рѣчами и сдѣлался главнымъ ея руководителемъ. Герцогу, повторяю, все это не могло не быть весело и пріятно. Часто случалось, что онъ пріѣзжалъ въ нашу, довольно грязноватую, контору, въ дни засѣданій, такъ рано, что

еще никого не находилъ тамъ и отпавлялся кататься. Продолжительныя наши засѣданія онъ высиживалъ до конца, котораго мы достигали обыкновенно не ранѣе 2, 3, а иногда и 4 часовъ ночи. Случалось, что въ теченіи этихъ вечеровъ Герцогу докладывали, что Великая Княгиня изволила пріѣхать за нимъ.

Устройство различныхъ предпріятій въ пользу Общества было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей дѣятельности.

Трудно изобразить ту силу участія, которымъ публика сопровождала наши затѣи. Я помню первый нашъ балъ съ лотереєю аллегри, 3 Января, кажется, 1847 года. Начать съ того, что положительно невозможно было удовлетворить всѣхъ, желавшихъ имѣть билеты на этотъ балъ, и потому цѣнность ихъ, въ послѣдніе дни предъ баломъ, достигла баснословныхъ размѣровъ; потомъ, во время сѣзда на балъ, не было возможности принять на сохраненіе все платье безчисленныхъ посѣтителей, и потому многіе, чтобы только попасть на балъ, просто бросали свои вещи въ сѣняхъ. Разумѣется, что всѣ залы Дворянскаго Собранія были положительно биткомъ набиты; все это ждало момента открытія лотерейныхъ колесъ, потому что въ то время это было дѣломъ довольно новымъ, и оно не опошлилось еще до вынѣшней степени положительнаго отвращенія къ нему. Когда наступилъ этотъ моментъ, трудно было сохранить не только порядокъ, но и самыя вѣтрады, на которыхъ стояли колеса съ назначенными при нихъ членами. Не прошло, кажется, пяти минутъ, какъ всѣ колеса были пусти, а требованія продолжались.

Объ этомъ балѣ долго потомъ го-

ворили, и мы, въ особенности, долго помнили успѣшные его результаты, тѣмъ болѣе, что потомъ, что бы мы ни затѣвали, такихъ результатовъ уже не было. А затѣвали мы много и постоянно. Чего, чего только мы ни придумывали! У насъ были концерты, спектакли; мы учреждали картинныя выставки и безпроигрышныя лотереи. Мы не оставляли въ покоѣ ни одного изъ содержателей публичныхъ увеселеній, а знаменитый И. И. Излеръ постоянно былъ нашимъ покорнѣйшимъ слугою. Какъ только появлялась какая нибудь артистическая знаменитость, наши многочисленные члены тотчасъ опутывали ее своими сѣтями и добивались непременно до того, что она соглашалась служить нашему Обществу. Въ пользу Общества играли всевозможные музыканты, пѣли всевозможные пѣвцы и пѣвицы, и даже знаменитѣйшая изъ знаменитостей — незабвенная Рашель — играла для насъ лучшія сцены изъ своего репертуара.

Предпріятія эти имѣли еще и ту заманчивую для членовъ сторону, что приводили въ движеніе все Общество, сближали всѣхъ членовъ и группировали ихъ вокругъ центра, изображаемаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ. Каждый изъ членовъ получалъ тотчасъ должность въ подобномъ предпріятіи и изъ кожи лѣзъ, чтобы исполнить какъ можно усерднѣе и отчелливѣе обязанности, съ нею сопряженныя; потому что, въ противномъ случаѣ, на него опрокидывался контроль другихъ 300 членовъ, и во главѣ ихъ неумолимаго въ подобныхъ случаяхъ Д. П. Хрущова. При этомъ сближеніи образовывались общіе вечера, обѣды и другія дружескія собранія, на которыхъ, разумѣется, въ весельи и искренности не было недостатка. «Брудеръ-шафтъ»

былъ на первомъ планѣ, хотя не пускалъ глубокихъ корней, въ слѣдствіе различныхъ степеней, на которыхъ стояли наши члены въ службѣ и обществѣ. Такимъ образомъ большею частію случалось, что въ теченіи веселаго вечера всѣ были на «ты», а на утро у многихъ языкъ не поворачивался произносить это дружеское слово такимъ личностямъ, съ которыми, кромѣ вчерашняго вечера, ничего не было и не могло быть ничего общаго *).

Надо замѣтить, что величайшій хлѣбосоль, князь В. Ѳ. Одоевскій, не смотря на ограниченныя свои средства, постоянно собиралъ насъ то на обѣды, то на ужины. Ужины были особенно въ ходу и имѣли въ себѣ много оригинальнаго. Часто, собравшись къ нему въ урочный часъ, мы начинали заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ: одинъ закуривалъ сигару, другой просматривалъ газеты, третій спрашивалъ чаю. У князя царствовала полнѣйшая свобода, и каждый посѣтитель, въ его комнатахъ, былъ положительно, какъ у себя дома...

Но я никогда бы не кончилъ, если бы хотѣлъ исчерпать всѣ воспоминанія о нашемъ миломъ, незабвенномъ и такъ бевременно погибшемъ Обществѣ, соединявшемъ сотни порядочныхъ людей въ одну дружескую семью и имѣвшемъ своимъ старостою неогнѣннаго князя В. Ѳ. Одоевскаго. Для него, безъ преувеличенія можно сказать, Общество составляло семью, которой онъ предался всей душой, всѣми матеріальными и моральными силами. Многие замѣчали, что, не ища блистательныхъ служебныхъ успѣховъ, онъ на этомъ поприщѣ находилъ удовлетвореніе своему

*) Также черта, которою отличались во время-оно блаженной памяти масонскія собранія. Н. Б.

честолюбію; но никто изъ людей, близко знающихъ его, не можетъ раздѣлять этого мнѣнія. Одна чистая любовь къ добру и къ людямъ руководила отношеніями его къ Обществу, точно также какъ она была главнымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій этого общаго христіанна и челоуѣка.

Я выше сказалъ уже, что Общество учреждало различныя заведенія, которыя, въ различныхъ видахъ, должны были содѣйствовать искорененію бѣдности. Перечислить всѣ эти заведенія едва ли нужно; скажу только о двухъ, которыя я самъ лично устроилъ и которыми постоянно управлялъ до выхода моего изъ Общества.

Одно изъ нихъ называлось: «Семейною Квартирою». Въ основаніи устройства этого заведенія лежало то соображеніе, что для бѣдныхъ семействъ самое трудное дѣло, особенно въ Петербургѣ, имѣть сколько нибудь порядочное, свѣтлое и здоровое помѣщеніе. Тѣснясь въ сырыхъ подвалахъ, эти семейства теряютъ здоровье, послѣдній свой капиталъ, а дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ къ праздности и разнымъ порокамъ. Общество признало полезнымъ устроить «Семейную Квартуру» чтобы достойнѣйшимъ изъ этихъ семействъ давать даровое помѣщеніе, съ предоставленіемъ тѣмъ, кто можетъ, тутъ же и работать за установленную плату, въ особой руководимѣ, при Семейной Квартирѣ устроенной; а дѣтей ихъ отдѣлять въ особую комнату, для обученія ихъ и ближайшаго за ними надзора. Изъ заработной платы вычиталась часть на пищу, которая приходилась каждому ежедневно, полагая обѣды и ужины, въ 5 коп. серебр. Казалось бы чего лучше? Но мы и здѣсь, подобно тому, какъ и въ другихъ нашихъ дѣлахъ, видѣли, какъ

мало самыя добрыя начинанія отвѣчали дѣйствительности обстоятельствъ. Начать съ того, что самыя бѣднѣйшія и несчастнѣйшія семейства, когда имъ предлагали помѣщеніе на Семейной Квартирѣ, вмѣсто того, чтобъ считать это помѣщеніе величайшимъ благодѣяніемъ, которымъ они и дѣти ихъ ограждались отъ нищеты и бѣдствій и ставились подъ ближайшее попеченіе Общества, уклонялись отъ нашихъ предложеній, единственно изъ опасенія надзора и пресѣченія способовъ къ попрошайству. Долго Семейная Квартира наша, комфортабельно устроенная, стояла пустая, но съ теченіемъ времени стала наполняться и наполнялась.

Собственный опытъ управленія этимъ заведеніемъ убѣдилъ меня, что едва ли можно представить себѣ дѣло, болѣе трудное. Не смотря на то, что мы выбирали достойнѣйшихъ, эти достойнѣйшіе были, можно сказать, отрѣбемъ челоуѣчества по испорченности, такъ что вопросъ, на который мы давно уже обратили вниманіе: «происходитъ ли испорченность эта отъ бѣдности, или самая бѣдность происходитъ отъ испорченности»—сдѣлался, вслѣдствіе явленій, представленныхъ этимъ заведеніемъ, наиболѣе яснымъ въ томъ смыслѣ, что если бы эти призрѣваемые не были такими негодяями, то они не были бы и такими бѣдняками. Пьянство, ссоры, непослушаніе, безпорядокъ всякаго рода были всегда присущи этому заведенію, не смотря на строгость моего вліянія и энергію лицъ, на которыхъ лежало ближайшее завѣдываніе Семейною Квартирою и ея благоустройство. Ябедамъ самымъ неслѣпымъ не было конца; непрерывныя жалобы сначала, пообыкновенію, приносились мнѣ, потомъ на меня, и жалобы, испол-

ненныя самой ѣдкой злобы и невообразимыхъ сплетней. Я много разъ хотѣлъ бросить это заведеніе, но товарищи мнѣ говорили, что чѣмъ мнѣ труднѣе возиться съ нимъ, тѣмъ я болѣе служу Обществу.

Другимъ заведеніемъ, которое я учредилъ и которымъ также постоянно управлялъ, былъ «Магазинъ Общества посѣщенія бѣдныхъ.» Учрежденіе Магазина основано было на томъ соображеніи, что многіе бѣдные ремесленники не всегда имѣютъ постоянный и вѣрный сбытъ для своихъ произведеній и въ слѣдствіе нужды должны отдавать ихъ болшею частію за безцѣнокъ. Съ другой стороны тотъ же классъ бѣдныхъ людей лишень центра, гдѣ можно было бы пріобрѣтать дешевыя, но доброкачественныя вещи, въ ихъ быту необходимыя, такъ какъ дешевизна Апраксина или Шуккина двора связана съ мошенничествомъ, оправдывая пословицу: «дешево да гнило»; кромѣ того само Общество имѣло постоянную надобность въ платъе, бѣльѣ т. п. для раздачи бѣднымъ. Поэтому Магазинъ долженъ былъ, во первыхъ принимать все приносимыя туда издѣлія бѣдныхъ людей и выплачивать за нихъ тотчасъ деньги по оцѣнкѣ, во вторыхъ сбывать эти вещи съ надбавкою на выплаченную за нихъ цѣнность самаго ничтожнаго процента, въ пользу Магазина, и въ третьихъ поставлять все необходимыя вещи для Общества. Этотъ Магазинъ былъ порученъ управленію той г-жи Д., которую графъ М. Ю. Вельгорскій, во имя артистической славы ея мужа, поручилъ графу В. А. Сологубу, а тотъ мнѣ.

Много было мнѣ возни съ этимъ Магазиномъ, а особенно съ этою г-жею Д. Ясно, что все должно было поста-

вить на самой строгой отчетности, но столько же ясно, до какой степени строгая отчетность соответствовала характеру женщины вообще и характеру такой женщины, какъ Д. въ особенноти.

Всѣ принимаемая мною съ этой стороны мѣры и разныя внушенія приносили мало пользы, и путаница въ номерахъ и числахъ происходила страшная. Д. плакала, извинялась, клялась, что будетъ исправнѣе и вновь путала такъ, что мнѣ и здѣсь предстояло много трудовъ и заботъ, хотя совершенно другаго рода, чѣмъ тѣ, какими надѣяла меня Семейная Квартира.

Говоря о заведеніяхъ Общества, нельзя еще разъ не сказать, какъ разумна и полезна была его дѣятельность, и въ тоже время какъ несправедливы были тѣ подозрѣнія, съ которыми робкіе умы смотрѣли на эту дѣятельность. Ихъ поражало особенно то обстоятельство, что въ нашемъ попеченіи, по отчетамъ, состояло до 15 т. семействъ. Въ этой связи молодыхъ, можно сказать, передовыхъ людей съ такою массою людей бѣдныхъ, нѣкоторые видѣли причину какихъ-то неясныхъ опасеній. Между тѣмъ достаточно указать на единственный теперь почти памятникъ нашихъ дѣлъ: «Лѣчебницу для приходящихъ», чтобъ оправдать мои восхваленія Обществу. Само оно рушилось подъ бременемъ ложныхъ подозрѣній, а тысячи бѣдныхъ людей продолжаютъ находить драгоценную помощь въ самомъ важномъ для каждаго человѣка случаѣ: въ случаѣ недуговъ и болѣзней..

Давленіе сверху на наше Общество началось съ того, что въ одно прекрасное утро найдено неудобнымъ, чтобы военные люди занимались дѣлами Общества, въ слѣдствіе чего оно

разомъ потеряло почти половину своихъ членовъ, принадлежавшихъ къ военному званію. Между этими членами было много истинно полезныхъ личностей. Генералъ-адъютантъ Баранцовъ напр. былъ самымъ энергичскимъ нашимъ дѣятелемъ; но для меня было бы трудно перечислять всѣхъ достойныхъ и замѣчательныхъ нашихъ членовъ, носившихъ военный мундиръ, и изобразить силу и степень удара, нанесеннаго лишеніемъ ихъ нашему Обществу. Но какъ ни прискорбно было это событіе, Общество еще удержалось на ногахъ и продолжало усердно дѣйствовать на пользу страждущаго человѣчества, когда въ 1848 году нанесенъ былъ ему новый и окончательный ударъ. Подъ влияніемъ волненій, происходившихъ въ то время въ Европѣ, признано было за благо присоединить наше Общество къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу.

Наше Общество все могло перенести, только не это...

Отуманенное, такъ сказать, этимъ ударомъ, отнимавшимъ у насъ нашу независимость, Общество потеряло свои надежды, свою энергію и влечило печально свое существованіе. Князь В. Ѳ. Одоевскій ободрялъ, впрочемъ, всѣхъ надеждою на лучшіе дни и въ ожиданіи ихъ началъ сильную, хотя бесплодную, борьбу съ Совѣтомъ Человѣколюбиваго Общества и, главное, съ его Канцеляріею. Чтобъ лучше выяснитъ страданія князя, степень моего участія въ дѣлахъ Общества и существо отношеній нашихъ къ Совѣту Человѣколюбиваго Общества, я считаю не лишнимъ привести здѣсь одно или два изъ писемъ князя, которыми онъ осыпалъ меня въ то время, когда уѣзжалъ въ свой «Ронгасъ», приморское имѣніе близъ Выборга.

а я вступалъ, по старшинству, въ отправленіе должности предсѣдателя правленія.

«20 Іюня 1850 года. Дѣло вотъ въ чемъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Сочленъ! Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ (бывшій тогда помощникомъ попечителя Человѣколюбиваго Общества), у котораго я былъ чрезъ минуту послѣ того, какъ вы вышли, совѣтуетъ намъ съ вами съѣздить къ митрополиту (попечителю) въ пятницу, часовъ въ 6. На этомъ основаніи я буду у васъ, на вашей квартирѣ, въ пятницу 5 $\frac{3}{4}$ часа, откуда и отправимся вмѣстѣ къ его высокопреосвященству. Н. рассказалъ мнѣ всю вашу съ нимъ бесѣду и условія и, кажется, вы ему весьма понравились; онъ вообще человѣкъ прекраснаго сердца... И такъ до свиданія. Должно замѣтить, что ваша поѣздка къ высокопреосвященному нисколько не должна измѣнить вашего и нашихъ добрыхъ товарищей намѣренія провести у меня вечеръ пятницы на дачѣ: ибо у митрополита, мы вѣроятно не останемся болѣе получаса, а вамъ необходимо съ нимъ познакомиться: онъ человѣкъ весьма дѣльный.»

Затѣмъ, отправившись въ свой «Рои-гасъ», кв. Одоевскій скоро прислалъ мнѣ оттуда два громаднѣйшія письма, изъ которыхъ на одномъ было написано: «конфиденціально», а на другомъ «между нами». Первое изъ нихъ, отъ 22 Іюля 1850 года, гласило слѣдующее:

«Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Нездоровье, которое и здѣсь не оставляетъ меня, не позволило мнѣ въ ту же минуту отвѣчать вамъ и признаю, что я не могъ скоро собраться ни съ мыслями, ни съ бумагами; посылка же вами ко мнѣ особаго нарочнаго привела меня

VI. 4.

въ совершенное недоумѣніе; что можетъ находиться въ моихъ бумагахъ кромѣ того, изъ чего весь сокъ выжать въ Отчетъ и приложеніяхъ къ оному, нами представленнымъ? Тутъ явное недоразумѣніе. Сдѣлайте милость, съѣздите къ Густаву Адольфовичу (Шверину, управлявшему тогда канцеляріею Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества) и передайте ему отъ меня, что послѣ моихъ личныхъ объясненій съ нимъ, до моего отъѣзда, и вообще послѣ представленнаго нами подробнаго отчета, новое требованіе еще какого-то отчета удивляетъ меня до изумленія. Въ прошломъ году канцелярія Совѣта замѣтила мнѣ, что нашъ отчетъ, содержащій въ себѣ подлинныя выписки изъ нашихъ протоколовъ въ хронологическомъ порядкѣ, слишкомъ огроменъ и что должно сдѣлать изъ него выводъ; нынѣ мы представляемъ такой выводъ—находятъ, что этого недостаточно. Да чего же угодно? Надобно же когда нибудь высказать это опредѣлительно, а не въ общихъ выраженіяхъ. Составляя отчетъ за 1849 годъ, я принялъ въ соображеніе Отчетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ мимоходомъ упомянуто и объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, въ одинаковыхъ выраженіяхъ съ школою Сословія призрѣнія малолѣтнихъ; что высказывается въ этомъ отчетѣ, на какіе вопросы отвѣчается:

1., О дѣйствіяхъ? Дѣйствія Общества до послѣдней нитки изложены въ Статистической вѣдомости, приложенной къ отчету, представленному въ Совѣтъ.

2., О суммахъ? Движеніе суммъ и по предметамъ и по хронологическому порядку изложено въ балансѣ прихода и расхода и въ хронологической
РУССКІЙ АРХИВЪ 1869. 33

вѣдомости о суммахъ, также при отчетѣ представленныхъ въ Совѣтъ.

3., О заведеніяхъ? Списокъ заведеній составленъ, въ видѣ таблицы, гдѣ находятся всѣ подробности объ оныхъ. Все это приложено къ тому же отчету.

Собственно нашъ отчетъ Совѣту и долженъ, по моему убѣжденію, состоять въ сихъ четырехъ документахъ т. е. статистической вѣдомости о дѣйствіяхъ и пособіяхъ, вѣдомости о балансѣ суммъ и таблицѣ заведеній. Но, недовольствуясь симъ, мы представили Совѣту и отчетъ нашъ, читанный въ Общемъ Собраніи Членовъ, служащій дополненіемъ и объясненіемъ вышеупомянутыхъ документовъ и который, не знаю почему, угодно называть рѣчью. Чтобы намъ сказали, если бы мы не представили того самаго отчета, который былъ читанъ въ общемъ засѣданіи, а нѣчто другое?

Соединеніе сего отчета съ вышеупомянутыми документами, которые сами собою составляютъ полнѣйшій отчетъ, какой только когда нибудь представляло какое либо учрежденіе, отвѣчаетъ на всѣ вопросы, которые могутъ представиться Совѣту и удобно можетъ принять всякую форму, которую угодно будетъ дать нѣсколькимъ строкамъ объ Обществѣ посвщенія бѣдныхъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Чего же еще угодно? угадать, какая форма будетъ дана этимъ строкамъ? Но собственно, къ *нѣсколькимъ строкамъ* привести отчетъ нашъ невозможно. По настоящему, надлежало бы Совѣту внести въ свой отчетъ цѣликомъ главнѣйшія, по его усмотрѣнію, статьи изъ Статистической вѣдомости, весь балансъ суммъ, гдѣ показано ихъ употребленіе и списокъ заведеній; конечно это займетъ нѣсколько мѣста, но чтожъ съ этимъ дѣ-

лать? По крайней мѣрѣ свѣдѣніе положительное объ Обществѣ будетъ повергнуто предъ очи Государя.

Словомъ: чего отъ насъ требуютъ, то выходитъ изъ границъ моего разумнѣя. Будучи на службѣ около 25 лѣтъ, я вѣроятно пишу уже сотый отчетъ по разнымъ вѣдомствамъ, но не смотря на то, я цѣли новаго требованія ни какъ угадать не могу, и канцелярія Совѣта поступила бы милостиво и справедливо, если бы, помогая моему слабому разумнѣю, благоволила означить ту особую форму, въ которой должны представляться отчеты Общества. Высшее мѣсто вправѣ не удостоить насъ ни однимъ добрымъ словомъ въ своихъ отчетахъ; вправѣ медлить цѣлыя мѣсяцы отвѣтомъ на важнѣйшіе вопросы, между прочимъ и позволеніемъ засѣданія для прочтенія того же отчета; вправѣ не позволять намъ ходатайствовать объ учрежденіи благотворительныхъ праздниковъ и тѣмъ лишать насъ способовъ содержанія и приводить въ замѣшательство всѣ наши дѣла: все это подчиненное мѣсто должно принимать съ покорностію; но высшее мѣсто не вправѣ терзаетъ подчиненное ему, неопредѣленными, голословными требованіями, не объяснивъ, въ чемъ именно состоятъ сіи требованія? Это все я прошу передать отъ меня Густаву Адольфовичу конфиденціальнымъ образомъ; можно еще отъ меня, исполнившаго все по крайнему разумнѣю, посѣтовать ему, что онъ не предупредилъ официалаго требованія частнымъ объясненіемъ съ вами или со мною, и попросите у него слезно истолкованія: чего отъ насъ требуется въ этомъ требованіи?

На всякій случай и поелику надобно же отвѣчать официально, я за-

готовилъ форму отчетной вѣдомости, которая, можетъ быть, вамъ пригодится и попадетъ на то, чего отъ насъ требуютъ; но въ этой формѣ все тоже, что было уже представлено Совѣту. Очень сожалѣю, что, желая успокоиться и отдохнуть отъ сладостей жизни, которыя доставляетъ мнѣ Человѣколюбивое Общество, я, противъ ожиданія, ради грѣховъ отцовъ моихъ, доставилъ вамъ такую тревогу.

А между тѣмъ, что же ничего не слышно ли о какомъ праздникѣ въ пользу Общества, какъ мы предполагали? Вѣдь наши суммы скудѣютъ, чѣмъ же мы будемъ существовать? Неужели опять затрудненіе со стороны Совѣта? Въ такомъ случаѣ надобно будетъ обратиться къ нему съ просьбою указать намъ средства содержанія заведеній — больше ничего дѣлать не останется, а иначе и въ нашихъ отчетахъ, которыми мы никакъ угодить не можемъ, придется выставлять одни нули.

Если затрудняются дозволить, то просите, по прежнимъ примѣрамъ, не о дозволеніи на самый праздникъ (балъ, концертъ, цыганъ, не знаю, что вы думаете), но о дозволеніи *просить дозволенія* генераль-губернатора — такъ было намъ дозволено въ прошедшемъ году. Въ представленіи Совѣту или лучше прямо къ Абраму Сергѣевичу, а равно и въ представленіи къ генераль-губернатору необходимо упомянуть, что въ прошедшемъ году аллегри у насъ не было, а концертъ принесъ весьма мало. Сдѣлайте милость, не выпустите этого изъ вида; вѣдь мы должны употреблять паровую машину, чтобъ поднять соломенку.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, и еще съ большимъ нетерпѣніемъ васъ самихъ, и тѣхъ доб-

рыхъ людей, которые обѣщали посѣтить мой «кусочекъ камня посреди водицы». Я на этотъ конецъ сдѣлалъ даже пристройку въ домѣ. Сдѣлайте милость, господа, сдержите слово: дватри дня никому разницы не сдѣлаютъ, а между тѣмъ вы вздохнете здѣшнимъ чуднымъ воздухомъ. Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ почтеннымъ сочленамъ; помогай вамъ Богъ въ нашемъ добромъ дѣлѣ, не смотря на всѣ бѣды, на которыя оно натывается».

Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ нашимъ къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу мы лишились права печатать отдѣльно наши отчеты, а должны были представлять ихъ въ Совѣтъ Общества, который и включалъ ихъ, какъ и отчеты другихъ учрежденій, ему подвѣдомственныхъ, въ свой общій всеподданный отчетъ. Можно представить, какъ пріятно было стоять въ этомъ отчетѣ на ряду съ Институтомъ слѣпыхъ, Отдѣленіемъ малолѣтнихъ, о которомъ князь В. Ѳ. Одоевскій говоритъ въ своемъ письмѣ и т. п. Впрочемъ, сколько могу припомнить, на первыхъ порахъ мы послали Совѣту настоящій и довольно подробный отчетъ, въ смутной надеждѣ, что наши дѣйствія составятъ лучшія страницы всеподданнышаго отчета Совѣта Человѣколюбиваго Общества и обратятъ вниманіе Государя. Не тутъ-то было. Во первыхъ насъ поставили въ этомъ отчетѣ далеко не на первомъ планѣ, а во вторыхъ сказали о насъ только нѣсколько сухихъ словъ. Ясно, что это позорное для насъ униженіе не могло доставить нашему Обществу никакой пріятности, а князь, нашъ представитель, просто исполнился ярости, до той степени, въ какой это чувство могло

вмѣститься въ его кроткую душу. На слѣдующій годъ онъ послалъ, вмѣсто отчета, копію съ нашихъ журналовъ. Пусть, дескать, извлекаютъ изъ нихъ сами, что хотятъ. Загорѣлась война. Намъ старались доказать, что эти копіи не составляютъ отчета и что необходимы разные числительные выводы; мы старались не понимать и по части цифирной послали Совѣту только то, что онъ опредѣлительно указывалъ. На слѣдующій годъ князь В. О. Одоевскій послалъ Совѣту одни цифирныя вѣдомости. Загорѣлась новая война, продолженіемъ которой и служить вышеприведенное письмо князя...

Замѣчательно, что князь В. О. Одоевскій, о добротѣ и кротости котораго я такъ много говорилъ, слышать не могъ равнодушно ни объ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ, ни о канцеляріи его. Всегда тихій, деликатный, онъ постоянно и ожесточенно велъ неустанную войну съ этими врагами. На каждую бумагу, оттуда полученную, онъ смотрѣлъ, какъ на оскорбленіе и, не смотря на безчисленные повторенія, оставлялъ ее безъ исполненія и безъ отвѣта, до послѣдней возможности. Нечего и говорить, что намъ платили такими же любезностями, такъ что дѣла наши, поставленныя въ полную зависимость отъ Совѣта, принимали дѣйствительно весьма печальный видъ.

Что касается до поѣздки въ Ронгасъ, то изъ «тѣхъ добрыхъ людей», которые обѣщали князю посѣтить его, нашлось немного охотниковъ. Но на меня, лично, поѣзка эта произвела очаровательное впечатлѣніе, котораго никогда не забуду.

Во первыхъ она познакомила меня съ оригинальною, сумрачною природою Финляндіи, во вторыхъ князь

принялъ и проводилъ насъ самымъ радушнымъ и, можно сказать, великодушнымъ образомъ. Немногіе дни, тамъ нами проведенные, мгновенно пролетѣли въ прогулкахъ по каменнымъ глыбамъ, которыя осыпали Ронгасъ; въ поѣздкахъ по морю, въ купаньяхъ, въ рыбной ловлѣ и наконецъ въ роскошнѣйшихъ трапезахъ, на которыя князь такой великій мастеръ.

Во время нашего посѣщенія князь производилъ какія-то пристройки въ домѣ и особенно ласкалъ главнаго плотника, русскаго бородача, весьма смышленаго парня. Въ концѣ обѣда князь постоянно призывалъ его и давалъ ему бокалъ шампанскаго. Въ первый разъ, когда онъ выпилъ шампанскаго и когда князь спросилъ его: «хорошо ли?» плотникъ, разглаживая бороду, сказалъ: «знатно! Только чудно право: холодное, а кипить!»

Въ 1852 г. князь В. О. Одоевскій снова отправился въ Ронгасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возгорѣлась, по прежнему, между нами жаркая переписка по дѣламъ Общества, украшенная, какъ и прежде, милѣйшимъ приглашеніемъ посѣтить «его кусочекъ камня посреди водицы.» Вотъ отрывки одного, изъ его писемъ. «6 Іюня 1852 года. Я не успѣлъ отвѣчать на ваше милое и дружеское письмо, ибо получилъ его, садясь уже въ дорожную коляску. Благодарю васъ душевно за ваши дружескія ко мнѣ чувства, которыя, повѣрьте, цѣню дорогою цѣною. Поѣзка моя была довольно счастлива, ибо насъ опрокинуло колесами вверхъ, но мы заплатились лишь разбитыми стеклами и безпорядкомъ; впрочемъ, если бы лошадямъ не вздумалось остановиться, то мы были бы приведены въ состояніе стеколъ; любопытно, что это случилось на ровномъ мѣстѣ, и слѣдственно финская

флегма въ полномъ цвѣтѣ. Бѣдный мой Ронгасъ я нашель въ большомъ запущеніи; много значить долго не побывать на родномъ пенелищѣ; но теперь онъ снова ожилъ и готовъ принять дорогихъ гостей, которымъ, начиная съ себя, напомнимте, если они забыли ихъ обѣщаніе. Нѣсколько словъ о нашихъ дѣлахъ: по нѣкоторымъ я въ долгу передъ конторой, но не замедлю расплатиться, начиная съ нынѣшняго дня. Я не могъ ихъ кончить въ Петербургѣ, ибо всѣ они долговязы; иначе, я никогда бы не выѣхалъ; надобно было разсѣчь гордіевъ узелъ и уѣхать во что бы то ни стало; но я занялся ими тотчасъ же, какъ могъ пріютиться, хотя теперь пишу къ вамъ среди шума и стука рабочихъ, которые строятъ Ронгасъ почти съ изнова».... Письмо сканчивалось такъ: «Блюдите, почтеннѣйшій товарищъ, наше благое дѣло, особливо теперь. Канцелярія Совѣта (этотъ постоянный врагъ князя) видимо насъ хочетъ доканать. Бога ради, сохраните вашу обычную твердость и во всѣхъ случаяхъ сваливайте всѣ бѣды на меня, безъ всякой «редемоніи.» Здѣсь мнѣ время будетъ отвѣчать на всѣ ихъ отношенія и разгадывать ихъ загадки. Поторопите, Бога ради, Никитенку съ уставомъ Кузнецовскаго училища. Уставъ Школы малолѣтнихъ не замедлю прислать. Прошу извинить за непомѣрно длинное письмо; я съ нѣкотораго времени сталъ какъ-то росписываться, хотя мнѣ это и ножъ вострый, да дѣлать нечего. Прощайте, любезный товарищъ, поклонитесь нашимъ сочленамъ»....

Въ августѣ того же года полученъ былъ мною отъ князя В. О. Одоевскаго слѣдующій документъ:

«Друзьямъ и товарищамъ, собиравшимся въ Ронгасъ,

Окружное посланіе, которое покорнѣйше прошу Василя Антоновича его гармоническимъ голосомъ прочитывать во всеуслышаніе.

Дошли до меня, друзья, не добрыя вѣсти, будто бы вы отложили попеченіе пріѣхать подышать ронгасскимъ воздухомъ и познакомиться или возобновить знакомство съ его скалами, морями и прочими тому подобными вещами. Это меня жестоко огорчило, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, это происходитъ отъ того, что вы дали себѣ взаимное слово одинъ безъ другаго не ѣздить; затѣмъ разумѣется, одному недосугъ, другому некогда, и дѣло не улаживается. На что это похоже? Надѣюсь, господа, что моя дружба съ вами не только, что со всѣми *вкупъ*, но и съ каждымъ *особо*; иначе не за чѣмъ бы и на свѣтѣ жить. Кому дѣйствительно нельзя—нечего дѣлать. Но и кому нельзя—на недѣлю вынырнуть изъ душнаго Петербурга и освѣжиться духомъ и тѣломъ въ блаженной Чухландіи, зане она подъ бокомъ? Вы войдите только въ мое положеніе: приносятъ мнѣ корзины клубники, малины, грибовъ, какихъ въ Петербургѣ не показываютъ и за деньги, а мы только тушимъ: гдѣ наши петербургскіе друзья? Присылаютъ мнѣ ящикъ хереса *pâte*, и я ума не приложу, какъ мнѣ распить одному этотъ блѣдно желтый напитокъ? Рыба сама наскакиваетъ на удочку—некому помочь вытаскивать! Рябчики и молодые тетерева, чуть не жареные падаютъ съ облаковъ—некому поднимать ихъ. Помогите, друзья, въ такой бѣдѣ. Фридрихъ съ погребомъ, Вильгельмъ съ парусами приходятъ въ отчаяніе; даже «кока» (собака) смотритъ все на дорогу и машетъ хвостомъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. И изъ чего

всѣ хлопоты? Стоитъ взять четверомѣстную коляску, а двѣ и того лучше, подорожную до Раіаіоки (а не то и безъ подорожной), сѣли по утру, вечеромъ вы въ Ронгасѣ, гдѣ васъ ждутъ и свѣжія постели, и свѣжее море, и моя, всегда свѣжая, дружба! Пробыли у меня нѣсколько дней и въ одни сутки вы опять въ Петербургѣ. Нарушите же, господа, вашъ контрактъ, который приводитъ меня въ отчаяніе, а, можетъ быть, и вамъ не много бороздить, и разомъ, дружно, прикатите къ любящему и ожидающему васъ товарищу.» Не смотря, однако же, на такое милѣйшее приглашеніе, имъ воспользовались весьма немногіе. Я по крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ, въ Ронгасѣ не ѣздилъ...

Между тѣмъ нашъ попечитель, Герцогъ Лейхтенбергскій, продолжалъ бороться съ своими недугами, такъ рано и безвременно его атаковавшими, и въ этой борьбѣ то появлялся въ Петербургѣ, то снова отправлялся за границу.

Я имѣлъ счастье видѣть Герцога въ своихъ комнатахъ, и тогда онъ благосклонно рассказывалъ и исторію своихъ болѣзней и вліяніе, какое производить на нихъ тотъ или другой климатъ. Объ островѣ Мадерѣ онъ вспоминалъ съ восторгомъ и говорилъ, что нигдѣ такъ не чувствовалъ себя хорошо, какъ тамъ. Тѣмъ не менѣе Герцогъ гаснулъ быстро и наконецъ угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Я живо помню, что во время толковъ о болѣзни Герцога, толковъ, къ которымъ всѣ уже привыкли, мы съ женою, въ одинъ прекрасный день, дѣлали въ экипажѣ обычную нашу прогулку. Проѣзжая мимо дворца Герцога, мы замѣтили только что подвезенный къ крыльцу его траурный катафалкъ и тотчасъ поняли, что Герцога не стало!

Намъ предстояло великое дѣло: избрать на мѣсто Герцога другаго попечителя, который обладалъ бы достаточной силой для того, чтобъ поднять насъ изъ праха, въ который мы ввергнуты были.

Дѣло я помню тянулось долго, и едва ли нужно говорить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ мы ожидали результата. Наконецъ 31 Декабря 1852 года я получилъ отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго слѣдующую записку: «Выпейте сегодня за здравіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Попечителя, Высочайше утвержденнаго, Общества Посѣщенія бѣдныхъ. Сообщите о томъ же товарищамъ, кого увидите».

Представители Общества совершили Великому Князю торжественное представленіе; но я въ немъ, кажется, по болѣзни не могъ участвовать и представлялся отдѣльно, чрезъ нѣсколько дней, вечеромъ. Эта аудіенція оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Великій Князь былъ ласковъ, и очевидно доволенъ моими бойкими отвѣтами. Отпуская меня, Онъ далъ мнѣ руку и сказалъ, что будетъ навѣщать наши засѣданія.

Въ ожиданіи перваго Его посѣщенія, мы съ княземъ Одоевскимъ немножко трусили и заботились, чтобы первое впечатлѣніе, какое будетъ произведено на Великаго Князя нашимъ засѣданіемъ и нашими дѣлами, было въ нашу пользу. Вотъ одна изъ записокъ князя, сюда относящихся: «18 февраля 1853 г. Въ которомъ часу вы будете въ конторѣ, любезнѣйшій Василій Антоновичъ, и вообще, гдѣ вы теперь и гдѣ будете до засѣданія? Намъ бы необходимо свидѣться до 7 часовъ. Великій Князь будетъ не-

премѣнно—отвѣчаю за это. Какъ бы намъ на первыхъ порахъ не замучить Его и не надоѣсть, а между тѣмъ объяснить Ему все наше устройство? Задача трудная, для рѣшенія которой прошу вашего содѣйствія, любезный товарищъ. Ожидаю вашего отвѣта. Я совершенно свободенъ до 6 часовъ: у васъ, у себя, въ конторѣ».

Сначала Великій Князь сталъ ѣздить къ намъ довольно часто и видимо хотѣлъ вникнуть подробно и въ наше устройство и въ нашу дѣятельность. Но потому ли, что Его Высочество изучилъ все то, что считалъ нужнымъ, или потому, что кругъ нашихъ дѣйствій, сравнительно съ другими государственными дѣлами, которыми былъ занятъ Великій Князь, казался ему незначительнымъ, посвѣщенія Его нашихъ засѣданій становились рѣже и рѣже и наконецъ совершенно прекратились, такъ что всѣ дѣла, подлежащія утвержденію Попечителя, возилъ князь В. Ѡ. Одоевскій на домъ къ Великому Князю.

При самомъ вступленіи Его Высочества въ должность Попечителя князь В. Ѡ. Одоевскій тотчасъ представилъ Ему подробный и трогательный докладъ о нашихъ страданіяхъ въ оковахъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и объ условіяхъ, при которыхъ мы можемъ свободно дышать и съ пользою дѣйствовать. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ не имѣлъ успѣха. Мы окончательно съжились и апатически поддерживали кое какъ свое разбитое существованіе. Многіе члены потихоньку начали выбираться. Одинъ князь В. Ѡ. Одоевскій, можно сказать, пригнанный къ Обществу своимъ именемъ, своею извѣстностію, своими отношеніями, не могъ и не хотѣлъ бросить Общества, не

хотѣлъ потому, что ему жаль было покинуть корабль, которымъ такъ долго командовалъ, да и потому, наконецъ, что князь, не смотря на всѣ бури, не переставалъ питать надеждъ на лучшее будущее.

Само собою разумѣется, что собственно личность его, любимая до обожанія, сдерживала и другихъ остальныхъ членовъ въ Обществѣ. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые держались тамъ до послѣдней крайности. Но когда внезапно и неожиданно, а главное совершенно незаслуженно, сверху обрушилось на меня пагубное недоумѣніе и когда, подъ гнетомъ этого недоумѣнія, я все таки пробилъ стѣну, заградившую мнѣ дальнѣйшее поприще, я представилъ своимъ товарищамъ простой вопросъ: признаютъ ли они справедливымъ, послѣ тяжкихъ испытаній, мною перенесенныхъ, удерживать меня въ Обществѣ и на развалинахъ его подвергать меня новымъ опасностямъ, благородные мои товарищи и во главѣ ихъ князь В. Ѡ. Одоевскій, нашли, что послѣ заслугъ, оказанныхъ мною Обществу и главное послѣ громовъ, пронесшихся надъ моею головою, мнѣ можно позволить убраться по добру-по-здорову. Но на журналѣ Правленія, въ которомъ внесена была статья о моемъ увольненіи, Великій Князь собственноручно написалъ: «иопросить отъ меня г. Инсарскаго продолжать свою весьма полезную для Общества дѣятельность. 6 апрѣля 1854 г.» Сохраняя уваженіе къ такой обязательной просьбѣ Великаго Князя, я оставался въ Обществѣ нѣкоторое время, до производства новыхъ выборовъ, и затѣмъ окончательно оставилъ это поле благотворительныхъ моихъ подвиговъ....

СОСТАВЪ

Высочайше утвержденного Общества
поощренія бѣдныхъ.
(1852 г.)

I. Попечитель:

Его Императорское Высочество Герцогъ
Максимиліанъ Лейхтенбергскій.

II. Члены:

Его Императорское Высочество Государь
Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Его Императорское Высочество Государь
Великій Князь Константинъ Николаевичъ.
С. Петербургскій Военный Генераль-Губерна-
торъ, Генераль отъ Инфантеріи Дмитрій Ива-
новичъ Шульгинъ.

Членъ Совѣта Императорскаго Человѣко-
любиваго Общества, Тайный Совѣтникъ Фе-
доръ Ивановичъ Прянишниковъ. (Исправля-
ющей должность Попечителя Общества.)

III. Члены Благотворители:

1. Алферовскій, Василій Абрамовичъ.
2. Вѣльгорскій, Графъ Матвій Юрьевичъ.
3. Вѣльгорскій, Графъ Михаилъ Юрьевичъ.
4. Воронцовъ-Дашковъ, Графъ Иванъ Ил-
ларіоновичъ.
5. Жуковъ, Василій Григорьевичъ.
6. Ланской, Сергій Степановичъ.
7. Одоевскій, Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ
(Предсѣдатель Правленія Общества).
8. Потемкинъ, Александръ Михайловичъ
9. Смирновъ, Владиміръ Савичъ.
10. Сологубъ, Графъ Владиміръ Александро-
вичъ.

IV. Правленіе Общества

A. ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій.

B. ТОВАРИЩЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

B. ЧЛЕНЫ РАСПОРЯДИТЕЛИ.

1. Николай Васильевичъ Путята.
2. Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ.
3. Захаръ Николаевичъ Мухорговъ.
4. Василій Антоновичъ Инсарскій
5. Александръ Васильевичъ Никитенко.
6. Иванъ Ильичъ Масловъ (*).
7. Графъ Алексій Сергѣевичъ Уваровъ.
8. Александръ Карловичъ Оде-де-Сіонъ.
9. Иванъ Ивановичъ Нанаевъ.
10. Дмитрій Петровичъ Хрущевъ.
11. Павелъ Александровичъ Галаховъ.

V. Управленіе заведеніями Обще- ства.

A. КУЗНЕЦОВСКОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

a.) Предсѣдатель комитета.

Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

б) Члены.

Николай Васильевичъ Путята. Александръ
Васильевичъ Никитенко.

Николай Петровичъ Перцовъ }
Николай Дмитріевичъ Фило- } (Чл. Посвѣт.)
софовъ.)

B. ОБЩАЯ КВАРТИРА ОДИНОКИХЪ ПРЕСТАРѢ- ЛЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

a., Распорядитель

Демьянъ Демьяновичъ Булычевъ (Чл.
Посвѣт.)

б., Товарищъ его

Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ (Чл. По-
свѣт.)

B. ПЕРВЫЙ ДѢТСКІЙ НОЧЛЕГЪ

a., Распорядитель

Василій Васильевичъ Дерикеръ (Чл. По-
свѣт.)

Г. ШКОЛА МАЛОЛѢТНЫХЪ:

Распорядитель

Александръ Карловичъ Оде-де-Сіонъ.

Д. ПЕРВАЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

a., Распорядитель.

Иванъ Ильичъ Масловъ

б., Товарищъ его.

Александръ Ивановичъ Проворовъ (Чл.
Посвѣт.)

E. ВТОРАЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

a., Распорядитель

Михаилъ Ѳеодоровичъ Ильинъ (Чл. Посвѣт.)

б., Товарищъ его

Василій Васильевичъ Дерикеръ (Чл. Посвѣт.)

Ж. СЕМЕЙНАЯ КВАРТИРА И ПРИ НЕЙ ТРЕТЬЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

Распорядитель

Василій Антоновичъ Инсарскій.

З. МАГАЗИНЪ

Распорядитель

Василій Антоновичъ Инсарскій.

И. ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ

Распорядитель

Николай Васильевичъ Путята.

Управляющій

Францъ Францовичъ Фонъ-Деръ-Флаасъ
(Чл. Медикъ.)

VI. Управление отдѣльными частями.**А. ОБОЗРѢНІЕ ЗАВЕДЕНІЙ**

Андрей Николаевичъ Карамзинъ
Николай Васильевичъ Путьата
Захаръ Николаевичъ Мухортовъ.

Б. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ДѢЛОПРОИЗВОДСТВОМЪ

Василій Антоновичъ Инсарскій.

В. ХРАНЕНІЕ БИБЛИОТЕКИ

Александръ Васильевичъ Никитенко.

Г. МЕДИЦИНСКАЯ ЧАСТЬ

Николай Васильевичъ Путьата.

Д. ОТПРАВЛЕНІЕ БѢДНЫХЪ ИЗЪ СТОЛИЦЫ

Демьянъ Демьяновичъ Булычевъ (Чл. посѣт.)

Карлъ Станиславовичъ Обертъ. (Чл. Посѣт.)

Е. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ДѢТЬМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИСЯ НА СЧЕТЪ ОБЩЕСТВА ВЪ ПОСТОРОВНИХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

Александръ Осиповичъ Гурко (чл. посѣт.)

Ж. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА КРУЖКАМИ

Александръ Осиповичъ Гурко (чл. посѣт.)

VII. Члены посѣтители.

1. Абаза, Александръ Аггѣвичъ (*)
2. Алединскій, Николай Александровичъ.
3. Аллмпіевъ, Александръ Петровичъ.
4. Ананьинъ, Александръ Андреевичъ.
5. Анненковъ, Павелъ Васильевичъ.
6. Апраксинъ, Графъ Николай Александровичъ
7. Балабинъ, Евгенийъ Петровичъ.
8. Бартевевъ, Ипатій Арсентьевичъ. (*)
9. Батюшковъ, Помпей Николаевичъ. (*)
10. Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ.
11. Блумбергъ, Андрей Григорьевичъ.
12. Бобринской, Графъ Александръ Алексѣевичъ.
13. Бобринскій, Графъ Владиміръ Алексѣевичъ. (*)
14. Борхъ, Графъ Александръ Михайловичъ.
15. Боссаковский, Осипъ Францовичъ.
16. Булычевъ, Иванъ Демьяновичъ.
17. Булычевъ, Демьянъ Демьяновичъ.
18. Бюллеръ, Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ.

(*) Лаца, означенныя звѣздочкою, находятся въ отсутствіи.

19. Вагнеръ, Андрей Андреевичъ.
20. Васильевъ, Александръ Сергѣевичъ.
21. Васильевъ, Тимофѣй Сергѣевичъ.
22. Веліо, Баронъ Иванъ Осиповичъ (*)
23. Веревкинъ, Петръ Владиміровичъ (*)
24. Владиміровъ, Яковъ Петровичъ.
25. Водовъ, Николай Ивановичъ.
26. Волковъ, Николай Степановичъ.
27. Вяземскій, Князь Александръ Егоровичъ.
28. Гагаринъ, Князь Левъ Николаевичъ.
29. Гаевскій, Викторъ Павловичъ.
30. Геденовъ, Степанъ Александровичъ.
31. Гербачевскій, Павелъ Михайловичъ.
32. Голицынъ, Князь Сергѣй Павловичъ. (*)
33. Голубцовъ, Ѳедоръ Платоновичъ.
34. Городковъ, Михаилъ Ивановичъ.
35. Горьловъ, Герасимъ Васильевичъ.
36. Григорьевъ, Василій Васильевичъ.
37. Гротъ, Константинъ Карловичъ.
38. Гурко, Александръ Осиповичъ.
39. Далеръ, Иванъ Христіановичъ.
40. Дерикеръ, Василій Васильевичъ.
41. Долгоруковъ, Князь Сергѣй Васильевичъ. (*)
42. Дружининъ, Александръ Васильевичъ.
43. Дьяконовъ, Павелъ Павловичъ.
44. Желяевъ, Рудольфъ Андреевичъ.
45. Захревскій, Иванъ Васильевичъ.
46. Зимняковъ, Харитонъ Николаевичъ.
47. Ивинъ, Евграфъ Петровичъ.
48. Излеръ, Иванъ Ивановичъ.
49. Ильинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
50. Кайсаровъ, Юлій Михайловичъ. (*)
51. Кирьевъ, Александръ Дмитріевичъ.
52. Кознаковъ, Петръ Всеволодовичъ.
53. Колошинъ, Николай Николаевичъ.
54. Комаровъ, Александръ Александровичъ.
55. Коновницинъ, Графъ Алексѣй Петровичъ.
56. Кореневъ, Андрей Петровичъ.
57. Корсаковъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
58. Корсини, Іеронимъ Деметрѣевичъ.
59. Корфъ, Баронъ Николай Николаевичъ.
60. Косиковскій, Всеволодъ Андреевичъ.
61. Кочубей, Василій Васильевичъ.
62. Кочубей, Василій Аркадѣевичъ.
63. Кочубей, Николай Аркадѣевичъ.
64. Краевскій, Андрей Александровичъ.
65. Кристафовичъ, Михаилъ Егоровичъ.
66. Кувальдинъ, Павелъ Ивановичъ.
67. Кудряшевъ, Павелъ Ивановичъ.
68. Кюзель, Августъ Ѳедоровичъ.
69. Ладанъ, Александръ Осиповичъ.
70. Лаутонъ, Карлъ Ивановичъ.
71. Лебедевъ, Николай Андреевичъ.
72. Левенштимъ, Василій Ивановичъ.
73. Леонтьевъ, Михаилъ Ивановичъ.
74. Ливчнъ, Князь Павелъ Ивановичъ.
75. Лихтенгаль Германъ Генриховичъ.
76. Лонгиновъ, Дмитрій Николаевичъ.
77. Мансуровъ, Борисъ Павловичъ.
78. Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ. (*)
79. Мартыновъ, Михаилъ Алексѣевичъ.

80. Масловъ, Николай Дмитріевичъ. (*)
 81. Миклашевскій, Михайлъ Осиповичъ.
 82. Миллеръ, Николай Александровичъ.
 83. Могилатовъ, Николай Петровичъ.
 84. Мордвиновъ, Семень Александровичъ.
 85. Мундтъ, Николай Петровичъ.
 86. Муравьевъ, Николай Михайловичъ.
 87. Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Алексѣй Ивановичъ.
 88. Мягковъ, Николай Дмитріевичъ.
 89. Набоковъ, Петръ Ивановичъ.
 90. Нарышкинъ, Эмануилъ Дмитріевичъ.
 91. Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ.
 92. Новаковский, Антонъ Игнатъевичъ.
 93. Новиковъ, Евгений Петровичъ.
 94. Новосельскій, Николай Александровичъ.
 95. Обертъ, Карлъ Станиславовичъ.
 96. Ободовскій, Платонъ Григорьевичъ.
 97. Оболенскій, Бнязь Дмитрій Александровичъ.
 98. Озеровъ, Александръ Петровичъ (*)
 99. Озерскій, Александръ Дмитріевичъ.
 100. Ознобишинъ, Иванъ Ильичъ.
 101. Осокинъ, Александръ Гавриловичъ. (*)
 102. Очкинъ, Амплій Николаевичъ.
 103. Павловъ, Николай Ивановичъ.
 104. Перцовъ, Николай Петровичъ.
 105. Петрово-Соловово, Михайлъ Ѳедоровичъ. (*)
 106. Петцольдъ, Августъ Васильевичъ.
 107. Пивоваровъ, Василій Андреевичъ.
 108. Политковскій, Александръ Гавриловичъ.
 109. Потуловъ, Николай Григорьевичъ.
 110. Проворовъ, Александръ Ивановичъ.
 111. Пургольдъ, Даниилъ Ѳедоровичъ.
 112. Пфѣль, Александръ Карловичъ.
 113. Рыжовъ, Алексѣй Сидоровичъ.
 114. Салтыковъ, Бнязь Дмитрій Петровичъ.
 115. Селезневъ, Андрей Ивановичъ.
 116. Сиверсъ, Графъ Александръ Карловичъ.
 118. Сиверсъ, Графъ Эдуардъ Карловичъ.
 119. Слингертъ, Василій Матвѣевичъ.
 119. Слонецкій, Николай Демьяновичъ.
 120. Смирновскій, Платонъ Семеновичъ.
 121. Сназинъ, Павелъ Ивановичъ.
 122. Соколовъ, Дмитрій Александровичъ.
 123. Стадницкій, Графъ Владиславъ Ксаверьевичъ.
 124. Степановъ, Степанъ Логиновичъ.
 125. Стобеусъ, Александръ Яковлевичъ.
 126. Стобеусъ, Николай Яковлевичъ.
 127. Столыпинъ, Дмитрій Александровичъ. (*)
 128. Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ.
 129. Сушковъ, Сергѣй Петровичъ.
 130. Тимофеевъ, Николай Ильичъ.
 131. Толь, Графъ Константинъ Карловичъ. (*)
 132. Тютчевъ, Николай Николаевичъ (*)
 133. Ушаковъ, Николай Аполлоновичъ.
 134. Фейгинъ, Елеазаръ Исааковичъ.
 135. Философовъ, Николай Дмитріевичъ.
 136. Фитинговъ, Баронъ Борясъ Павловичъ.
 137. Фонъ-Бахъ, Генрихъ Эбергардовичъ.
 138. Фонъ-Дервизъ, Григорій Ивановичъ. (*)
 139. Фредро, Графъ Максимилианъ Максимилиановичъ.
 140. Фридрихсъ, Иванъ Евстафьевичъ.
 141. Фридбергъ, Петръ Ивановичъ.
 142. Шамардинъ, Платонъ Яковлевичъ.
 143. Шахматовъ, Александръ Николаевичъ.
 144. Шиловъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
 145. Шпиловъ, Иванъ Васильевичъ.
 146. Шустовъ, Александръ Смарагдовичъ.
 147. Щербининъ, Александръ Григорьевичъ.
 148. Щулепниковъ, Михайлъ Павловичъ.
 149. Эмичевъ, Алексѣй Ивановичъ.
 150. Эмме, Густавъ Карловичъ.
 151. Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ. (*)
 152. Языковъ Михайлъ Александровичъ.
 153. Якушкинъ, Вячеславъ Ивановичъ.
 154. Ѳедоровъ, Николай Михайловичъ.

VIII. Члены Медики:

1. Бекъ, Александръ Христіановичъ.
2. Блашке, Эдуардъ Леонтьевичъ.
3. Бронштейнъ, Павелъ Яковлевичъ.
4. Ваксманъ, Адольфъ Карловичъ.
5. Вальденбергъ, Максимъ Григорьевичъ.
6. Вальцъ, Карлъ Фридриховичъ.
7. Вейтко, Андрей Валеріановичъ.
8. Возняковскій, Михайлъ Станиславовичъ.
9. Вучаховскій, Германъ Ѳедоровичъ.
10. Гофманъ, Богданъ Ефимовичъ.
11. Грефе, Карлъ Богдановичъ.
12. Гуть, Яковъ Яковлевичъ.
13. Зидлеръ, Карлъ Карловичъ.
14. Залеманъ, Юлій Михайловичъ.
15. Каанъ, Андрей Ѳедоровичъ. (*)
16. Кириловъ, Иванъ Алексѣевичъ.
17. Ковалевскій, Оскаръ Юліановичъ.
18. Козловскій, Юрій Юрьевичъ.
19. Маркусъ, Михайлъ Антоновичъ.
20. Меллеръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
21. Миквицъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
22. Миллеръ, Эрнестъ Логиновичъ.
23. Нешпоркевичъ, Викентій Валентиновичъ.
24. Окель, Петръ Ѳедоровичъ.
25. Пресонъ, Иванъ Ивановичъ.
26. Прозоровъ, Александръ Михайловичъ.
27. Радзивилловичъ, Игнатій Осиповичъ.
28. Развингъ, Александръ Ѳедоровичъ.
29. Розенбергъ, Карлъ Оттовичъ.
30. Третьяковъ, Августинъ Алексѣевичъ.
31. Фонъ-дёръ-Флаасъ, Францъ Францовичъ.
32. Шеллеръ, Альбертъ Георгіевичъ.
33. Шейлинь, Василій Христіановичъ.
34. Шнее, Андрей Андреевичъ.
35. Шнейдеръ, Боголюбовъ Христіановичъ.
36. Шольцъ, Василій Богдановичъ.
37. Шторре, Петръ Андреевичъ.
38. Шульцъ, Германъ Ѳедоровичъ. (*)
39. Ярковскій, Александръ Альбертовичъ. (*)

ЗУБНЫЕ ВРАЧИ:

40. Вагенгеймъ, Мартынъ Карловичъ.
 41. Вагенгеймъ, Самуилъ Бернардовичъ.
 42. Вагенгеймъ, Яковъ Григорьевичъ.
 43. Соссеротъ, Александръ Карловичъ.
- Кромѣ того содѣйствуютъ Обществу консультаціями при лѣчебницѣ и пользованіемъ бѣдныхъ въ заведеніяхъ Общества и на до-
махъ Г: г: Медики.
1. Арендтъ, Николай Федоровичъ.
 2. Брунъ, Павелъ Константиновичъ.
 3. Гартманъ, Карлъ Карловичъ.
 4. Гаусманъ, Александръ Семеновичъ.
 5. Городковъ, Гавріилъ Родіоновичъ.
 6. Гуненбергеръ, Карлъ Ивановичъ.
 7. Дземышкевичъ, Мартынъ Петровичъ.
 8. Добролюбовъ, Сергій Матвѣевичъ.
 9. Доброхотовъ, Иванъ Сергѣевичъ.
 10. Заблоцкій, Павелъ Парфеновичъ.
 11. Здекауеръ, Николай Федоровичъ.
 12. Вабатъ, Иванъ Ивановичъ.

13. Каменецкій, Валентинъ Гордановичъ.
14. Китеръ, Александръ Александровичъ.
15. Краснопольскій, Александръ Андреевичъ.
16. Кребель, Рудольфъ Христіановичъ.
17. Кулаковскій, Генрихъ Казиміровичъ.
18. Либау, Андрей Андреевичъ.
19. Маляга, Борисъ Ивановичъ.
20. Мессершхидтъ, Александръ Егоровичъ.
21. Мянковскій, Осипъ Игнатьевичъ.
22. Немертъ, Юлій Петровичъ.
23. Оксель, Федоръ Петровичъ.
24. Отто, Федоръ Ивановичъ.
25. Павловъ, Борисъ Павловичъ.
26. Пеликанъ, Евгенийъ Венцеславовичъ.
27. Пироговъ, Николай Ивановичъ.
28. Садовскій, Антонъ Ивановичъ.
29. Чистовичъ, Яковъ Алексѣевичъ.
30. Шавровъ, Иванъ Владиміровичъ.
31. Шульцъ, Иванъ Егоровичъ.
32. Эйхвальдъ, Карлъ Ивановичъ.
33. Яновскій, Валеріанъ Андреевичъ.
34. Ярошевскій, Платонъ Ивановичъ.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО О ВЗЯТИИ ШАМИЛЯ.

Тбились, 2 Сентября, 1859 г.

Мнѣ страшно и даже совѣстно принимать за такое безконечное письмо; мы столько объѣхали и столько видѣли интереснаго въ теченіи мѣсяца, увѣнчавшагося самымъ благополучнымъ, счастливымъ и блестящимъ окончаніемъ экспедиціи, что я боюсь оказать совершенно неспособнымъ передать какъ слѣдуетъ свои впечатлѣнія. Надо приняться за старое и вернуться къ тому періоду экспедиціи, когда еще все оставалось впереди, въ неизвѣстномъ будущемъ, и я прошу не обращать вниманія на формы моего слога, потому что перо мое слишкомъ туго скользитъ по бумагѣ, чтобы поспѣвать за столпившимися въ моей памяти фактами и свѣжими воспоминаніями.

Утромъ 27-го Іюля всѣ собрались на благодарственный молебенъ и по здравленіе у палатки К. Б. (въ лагерь на Андійскихъ высотахъ), по

случаю извѣстїи, повезенныхъ на другой день III—вымъ въ Петербургъ. Вечеромъ смотрѣли на огромное количество Андійскихъ, Аварскихъ, Тавлинскихъ и др. переселенцевъ, переезжавшихъ, съ своимъ имуществомъ и разноцвѣтными значками, изъ опустошенныхъ ауловъ, на новое мѣсто жительства, черезъ нашъ лагерь. Между ними попадалось много характеристическихъ и немало звѣрскихъ лицъ. 28-го. Обѣдалъ съ Н—нымъ и Ф—номъ, у Ч—ова, который славится своимъ хлѣбосолецствомъ. Послѣ обѣда прїѣхалъ III—въ въ дорожномъ костюмѣ, и весь нашъ штабъ съ нимъ; пошла прощальная попойка, проводы, продолжавшіеся до 10 ч. вечера. Въ заключеніе мы всѣ за нимъ поскакали, съ джигитовкою и стрѣльбой.

29-го. С—овъ пазначенъ командовать конвоемъ на мѣсто III—ва. Весь день переселенцы и семейства Рус-

ских плѣнныхъ проходятъ черезъ нашъ лагерь. Мы дѣлаемъ подписку въ пользу послѣднихъ. Вечеромъ узнаемъ, что у кн. М—ва, на Лезгинской линіи, было удачное дѣло и только 7 человекъ потери.

30-го. Ужасный вѣтеръ, съ дождемъ и градомъ, на нашей горѣ; нашу и многія другія палатки сноситъ, все мокро, много вещей сломано, вообще пренеприятная погода. Баронъ В—ль, виновникъ геройской и страшной переправы черезъ Андійскій Койсу, при *Саретло*, пріѣзжаетъ къ намъ въ лагерь, съ своею свитою. За ужиномъ длинный столъ нашъ еще увеличился.

31-го. Всю ночь зябли. Утромъ были съ визитами у Б. В—ля и начальника штаба его, кн. М—аго, съ которымъ очень рады были увидѣться. Къ вечеру опять разыгралась страшная погода, и градъ оглушительно барабанилъ по палаткѣ и даже нерѣдко по кровати.

1-го Августа. Не двигаемся съ мѣста и, признаюсь, эта жизнь начинается намъ надобдаться. Большой обѣдъ для Кабардинцевъ по случаю ихъ полковаго праздника. Вечеромъ заводимъ игры: барръ, разные *tours de force* и пр., но дождикъ опять разгоняетъ насъ по палаткамъ.

2-го. Встаемъ въ 5 ч. утра для прогулки и осмотра дорогъ. Обѣзжаемъ вокругъ озера Ретло. Посѣщаемъ укрѣпленія и вагенбургъ и къ 5 ч. возвращаемся обѣдать въ лагерь.

3-го. Въ 6 ч. утра отправляемся на рекогносцировку внизъ, къ Андійскому Койсу, по новой дорогѣ. Посѣщаемъ полураззоренные, но уже обитаемые аулы и съ удовольствіемъ скрываемся отъ знойной жары въ роскошныхъ и тѣнистыхъ садахъ, отъ

которыхъ совершенно отвыкли. Ёдемъ вдоль Койсу, текущаго со страшною быстротою между скалами, по очень трудной дорогѣ, къ аулу *Конхидатль*, гдѣ осматриваемъ Шамилевскій перекидной мостъ. Съ моста возвращаемся въ сады, завтракаемъ и отдыхаемъ, а въ это время жители всѣхъ сосѣднихъ ауловъ *Техпуцала* толпятся около насъ, поютъ, пляшутъ, приносятъ фрукты, а имъ щедро раздаютъ золото и серебро, на которое они бросаются съ жадностью. Шамиль ихъ раззорилъ. Жара ужасная. На одномъ изъ приваловъ К. Б. получаетъ письмо отъ кн. М—ва:—Онъ прошелъ все пространство съ Лезгинской линіи безъ выстрѣла и чрезъ нѣсколько дней долженъ самъ быть къ намъ. Возвращаемся въ лагерь въ 6-мъ ч. вечера. Очень довольны прогулкою, но до нельзя устали.

4-го. Я дежурный съ 5 ч. утра. Снимаемся съ позиціи. Часть багажа отправляемъ съ Сергѣемъ въ Грозную, потому что приказано быть на легкахъ для объѣзда края и преслѣдованія Шамиля, который, говорятъ, хочетъ укрѣпиться въ неприступномъ *Гулибѣ*. Переходимъ къ берегу Койсу, въ тѣ самые сады, гдѣ наканунѣ отдыхали, попадаемъ въ сердитый пчельникъ и едва оттуда ускользаемъ, съ распухшими ушами и носами и становимся лагеремъ на берегу шумнаго потока.

5-го. Въ 8 ч. утра пріѣзжаетъ кн. Ме—въ, съ драгунами и большою свитою воинственныхъ Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ. Проходятъ мимо дяденькиной палатки, съ музыкою и дикими пѣснями.

6-го. Днѣвка. Утромъ — закладка Преображенской крѣпости, съ большою церемоніею, молебномъ, пальбою и смотромъ. Большой обѣдъ, вмѣстѣ

съ К. Б. Вечеромъ ѣзжу верхомъ съ С—нымъ и О—вымъ, въ гости къ Т. командиру драгунъ.

7-го, Приѣздъ Даніель-Бека—знаменитаго султана Элисуйскаго, бывшаго генераломъ нашей службы, передавашаго Шамилю, выдавашаго свою дочь за сына Шамилева — Кази-Магому и наводящаго страхъ на всю Кахетію своими набѣгами изъ неприступной горной крѣпости *Эриба*; теперь онъ измѣнилъ Шамилю, сдалъ Эрибъ и самъ явился къ намъ въ лагерь. Прекрасная наружность и благородное лицо. Пробуемъ вновь пущенный на Койсу плотъ—надувной, для переправы. Благополучно переправляюсь на тотъ берегъ и назадъ съ Г—нымъ, но чувство неприятное и сильное головокруженіе. Ѣзжу верхомъ съ В—номъ, В—вымъ и О—вымъ въ сосѣдній аулъ. Старухи показываютъ намъ кулакъ, а дѣти бросаютъ каменя, къ счастью небольшіе. Ужинъ у Ф—на. Завтра должны съѣздить въ *Каратю*—одинъ изъ самыхъ большихъ и замѣчательныхъ ауловъ по своей продолжительной независимости отъ самого Шамиля.

8-го. Выступаемъ въ 6 ч. утра. Должны переправиться на гутта-перчевомъ плоту. Всѣ мы стоимъ на берегу; С—въ, штатскій чиновникъ В—въ и братъ переправляются первые; мы ждемъ своей очереди. Видно веревки на плоту иначе были привязаны на канунъ. Въ самомъ сильномъ теченіи плотъ вдругъ быстро опрокидывается, и всѣ трое летятъ въ воду, и въ 1 минуту ихъ уноситъ, какъ перья по рѣкѣ. Вы не можете себѣ вообразить, какое ужасное чувство овладѣло мною. Говорятъ, что я былъ блѣденъ, какъ мѣртвый. К. Б., не смотря на боль въ ногѣ, выбѣжалъ къ берегу, не менѣе блѣдный. Я уже

лѣзъ въ воду, когда увидѣлъ, что С—въ и братъ, которыхъ поставилъ на ноги одинъ молодецъ, Кабардинскій князь Наурузовъ, сами выходятъ на берегъ; но бѣднаго В—ва, который не умѣетъ плавать, вытащили уже далеко безъ чувствъ. Когда онъ опомнился, его хотѣли опять переправить на нашъ берегъ, и вообразите, плотъ опять перевернулся, и В—ва опять, Богъ знаетъ куда, снесло, совершенно уже, какъ трупъ. К. Б. былъ въ отчаяніи, и мы всѣ были увѣрены, что онъ утонулъ, но къ счастью Наурузовъ бросился верхомъ въ воду и опять вытащилъ его. Долго откачивали его, спасли и перенесли въ лагерь, въ обходъ черезъ Конхидатльскій мостъ. Конечно плотъ велѣно уничтожить, и мы всѣ пошли обходною дорогою на мостъ. Слава Богу, что К. Б. не переправился первымъ; тогда всѣ бросились бы спасать, и навѣрное многіе-бы утонули.

Прогулка очень длинная, но интересная. Проѣзжаемъ по крытымъ улицамъ аула *Конхидатль* и оттуда въ огромный аулъ *Каратю*, гдѣ Русскіе вѣкогда носа не показывали и гдѣ похороненъ несчастный сынъ Шамиля — Джемаль-Эддинъ. Любопытно видѣть восторженный пріемъ жителей, залпъ изъ ружей, пляски и пѣсни. Все это Шамиль запрещалъ имъ; теперь они его не боятся. Къ 5 ч. мы возвращаемся въ свой лагерь и послѣ обѣда сидимъ и разговариваемъ у К. Б.

9-го. Курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ о пожалованіи С. флигель-адъютантомъ. Ѣзжу верхомъ. Вечеромъ ужинъ у Н.

Завтра ѣдемъ далѣе, но еще болѣе на легкахъ, и потому сдѣлано распоряженіе, чтобы половину адъютантовъ отослать въ Тифлисъ, черезъ Гроз-

ную. Бросаемъ жребій; мы оба едва дышемъ отъ страха. Въдѣ все интересное вперед! Вообразите наше счастье и всеобщее удивленіе, когда мы оба въ числѣ 4-хъ вынимаемъ хорошіе билеты. Л—въ, С—въ, В—въ, и Ф—въ возвращаются. В—въ получаетъ конвойную команду, на мѣсто С—ва.

10-го. Прощаемся съ своими товарищами и въ 6 ч. снимаемся. Идемъ все вдоль скалистыхъ береговъ Койсу. За Конхидатлемъ солѣный грунтъ земли и большія соловарни, потомъ идутъ прекрасные поля и сады. За завтракомъ великолѣпный виноградъ. Маленькій сынъ знаменитаго Хаджи-Мурата очень забавляетъ насъ. Мы вступили въ предѣлы Аваріи и стали лагеремъ на небольшой возвышенной плоскости.

11-го. Я дежурный. Выступаемъ въ 6 ч. Дорога чрезвычайно трудная, все вдоль Койсу. У аула *Егамі* находимъ отрядъ генерала кн. М—скаго. Здѣсь было ужасное пораженіе Граббе въ 1842-мъ г.: теперь мы ѣдемъ съ небольшимъ количествомъ войскъ. Дальше посѣщаемъ *Сагетло*, мѣсто замѣчательной переправы В—ля. Далѣе идемъ, все вдоль Койсу, то скалами, то зеленымъ паркомъ садовъ. На привалѣ за закускою опять обиліе винограда.

Влѣво оставляемъ аулъ *Чиркаты* и отсюда взбираемся по ужасно крутому и скалистому подъему къ скалѣ, съ которой видимъ знаменитыя и страшныя скалы *Ахульд* и *Сурхаевой башни*, гдѣ мюриды такъ храбро защищали Шамиля, который на веревкѣ спустился въ Койсу и такимъ образомъ скрылся. Прощедъ черезъ аулъ *Ашильта*, гдѣ Апшеронскій полкъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ 1839-мъ году, мы остановились ночевать на горѣ, потому что

уже стемнѣло и всё такъ устали, что не было возможности идти далѣе. Бѣсть было рѣшительно нечего, кромѣ скуднаго завтрака, взятаго съ собою. Вьюки не поспѣли за нами, и ихъ захватила ночь гдѣ нибудь въ горахъ. Для К. Б. дѣлаютъ шалашъ, а мы ночуемъ на буркахъ подъ открытымъ небомъ.

12-го. Просыпаемся мокрые отъ сырости. Вьюки по немногу приходятъ къ 10 ч. утра, нѣкоторые попадали съ кручи въ воду. Для отдыха назначена дневка. Она была необходима.

13-го. Выступаемъ въ 5 ч. утра, по узкой и крутой тропинкѣ. Несчастный драгунъ въ моихъ глазахъ сорвался съ крутой скалы и въ двухъ шагахъ отъ меня ударился вмѣстѣ съ лошадыю объ камни и въ тотъ-же день, говорятъ, умеръ.

Вьюки наши поднимаются прямо на *Бетлинскія* высоты, а мы, по красивой горной дорогѣ, вдаемся въ сердце Аваріи. На лѣво возвышается великолѣпный *Каранай*, за нимъ видна плоскость линіи и дальняя полоса Каспійскаго моря. Спускаемся въ большой аулъ *Умцукуль*—столицу *Койсубу*, гдѣ жители принимаютъ насъ съ восторгомъ; потомъ спускаемся далѣе въ равнину *Аварскаго Койсу* и продолжаемъ идти вдоль береговъ бушующей рѣки, по узкому и опасному карнизу, между отвѣсными скалами, грозно свисшими надъ нашими головами, сажень на 200 вверхъ. Черезъ висячій мостъ переправляемся въ знаменитыя *Гилри*—мѣсто рожденія Шамиля и геройской смерти Кази-Муллы, его предшественника. Прекрасный аулъ, у подножія Караная, окруженъ богатыми садами. Жители принимаютъ насъ съ хлѣбомъ и солью и подчу-

ють бараниною, сыромъ и отличными фруктами. Тяжело подыматься назадъ, въ гору; жара нестерпимая; наконецъ приходимъ въ свой лагерь, на высотахъ, около ауловъ *Бетли* и *Ажентъ*. Плохая позиція: — дурная вода и большой недостатокъ въ подножномъ кормѣ.

14-го. Скудный переходъ, ни одного аула и ночлегъ въ горахъ.

15-го. Въ день Успенія выступаемъ въ 5 ч., проходимъ черезъ большой аулъ *Танусъ*, гдѣ насъ встрѣчаютъ съ пушечною пальбою, въ *Гунзахъ* — столицу Аварскаго ханства. Осматриваемъ мѣсто бывшей здѣсь Русской крѣпости, нами же разрушенной и тутъ-же становимся лагеремъ, около чистаго ручья.

Раздача подарковъ главнымъ жителямъ и старухъ - матери Хаджи-Мурата. Ночью страшная гроза.

16-го. Выступаемъ въ 6 ч. и приходимъ къ полдню — отдыху и закускѣ — въ богатый аулъ *Голотль*, на Аварскомъ Койсу. Кибитъ-Магома, могущественный наибъ *Тилитлинскій*, является къ главнокомандующему и провожаетъ насъ до своей резиденціи *Тилитли*, гдѣ даетъ намъ большой и жирный обѣдъ на коврахъ въ своемъ домѣ. Въ 3-хъ верстахъ отъ аула, на возвышенности становимся лагеремъ. Завтра послѣдній переходъ нашъ въ *Гунибъ*, или скорѣе, подъ Гунибъ, гдѣ Шамиль съ 500 мюридовъ укрѣпился, какъ въ послѣднемъ и неприступномъ убѣжищѣ. Онъ можетъ держаться тамъ долго; скалы кругомъ отвѣсныя, а на вершинѣ находятся аулы, поля, лѣса и обильные источники.

17-го. Выступаемъ въ 6 ч. и подымаемся на скалу, откуда видимъ всю равнину *Куяды*, усѣянную аулами; усѣченный конусъ Гуниба съ

выдающимися со всѣхъ сторонъ скалами и бѣлѣющіяся у его подножія палатки разсыпанныхъ вокругъ лагерей В — левскаго отряда, блокирующаго Шамиля. Спускаемся внизъ, огибаемъ Гунибъ и къ вечеру становимся лагеремъ около отряда кн. Т — ва. На вершинѣ горы едва видны люди, отдѣлившіеся вѣроятно отъ пикета, чтобы наблюдать за нашими движеніями. Батальоны принимаютъ насъ залпами. Вечеромъ слышна дальняя перестрѣлка за Гунибомъ, вѣроятно съ нашими аванпостами. Маленькое приключеніе смѣшить все общество: — молодой бѣшеный быкъ, приведенный въ подарокъ жителями, вырывается на волю, кой кого опрокидываетъ, заставляетъ насъ всѣхъ со стыдомъ разбѣжаться; кончается тѣмъ, что его тутъ-же убиваютъ.

18-го. Должны присоединиться къ В — вскому отряду; выступаемъ въ 6 ч., еще огибаемъ Гунибъ, направляясь къ *Чоху*. Три пушечныхъ удара отъ непріятели привѣтствуютъ насъ, но ядра перелетаютъ черезъ хвостъ нашей колонны, надъ головами драгунъ и вьюковъ. Въ то-же время изъ крѣпости *Чоха*, недавно нами занятаго, салютуетъ намъ нашъ гарнизонъ. Жители аула принимаютъ насъ съ жертвоприношеніями и въ глазахъ нашихъ перерѣзываютъ горло нѣсколькимъ быкамъ. Чай пьемъ у баталіоннаго командира, въ крѣпости. Удивляемся отличнымъ работамъ укрѣпленія, которое, при хорошей защитѣ, можетъ быть совершенно недоступнымъ. Около 2-хъ часовъ приходимъ на гору, къ отряду В — ля. Никогда не видалъ я еще такой торжественной и воинственной встрѣчи. — 12 орудій, съ высотъ привѣтствуютъ насъ 101 пуш. ударомъ. 16.000 войска кричитъ «ура»; по обѣимъ

сторонамъ дороги, во всѣхъ полкахъ, играетъ музыка. К. Б. благодаритъ войска отъ имени Государя, потому пропускаетъ ихъ мимо себя. За обѣдомъ у В—ля провозглашаются тосты, и солдаты приходятъ поздравлять К. Б. и съ криками «ура» окружаютъ палатку. Съ Шамилемъ войдутъ въ переговоры; но, говорятъ, что онъ едва-ли сдастся и, что вѣроятно будетъ штурмъ.

19-го. Переговоры съ Шамилемъ начались, посредствомъ Даніель-Султана и полковника Л—ва. Въ нашемъ лагерѣ идутъ большіе толки и пари: сдастся ли Шамиль, или будетъ штурмъ.

20-го. Ничего еще неизвѣстно. К. Б. отправляется послѣ обѣда осмотрѣть сосѣдній аулъ *Турчидагъ*. Вечеромъ пріѣзжаетъ кн. Л. М—въ, съ Лезгинской линіи, съ своими Тушинами и Хевсурами. Нѣсколько позже пріѣзжаютъ Даніель-Султанъ и Лазаревъ, съ переговоровъ, но намъ смертнымъ ничего неизвѣстно; кажется, еще ничего не рѣшено.

21-го. Весь день мы въ ожиданіи, что Шамиль, или его сыновья явятся въ лагерь. Шамилю предлагаютъ пенсію и идти въ Мекку, но онъ упрямится. Вечеромъ К. Б. посылаетъ за нами, и мы у него сидимъ часа два. Изъ лагеря очень хорошо видна гора, которая плоскостью нѣсколько поката къ намъ; единственный почти подступъ перерѣзанъ бѣлѣющими завалами; среди зелени садовъ видна бѣлая точка, а въ трубу очень ясно видна палатка Шамиля. Аулъ *Гунибъ* находится въ углубленіи, въ самой срединѣ плоскости.

22-го. Въ 9 ч. утра пріѣзжаетъ курьеръ Ф. изъ Петербурга, съ Монаршими милостями: К. Б.—Георгія 2-й степени, Е—ву и М—ну генераль-

адъютанта, В—лю Георгія 3-й степени. К. Б. чрезвычайно доволенъ и посылаетъ меня съ поздравленіемъ къ Ми—ну, въ аулъ у подошвы Гуниба, гдѣ идутъ окончательные переговоры. Скверный спускъ къ лагерю конныхъ мусульманъ; укрѣпленія Гуниба отлично видны. Застаю Ми—на и поздравляю его, потому обѣдаю съ нимъ и Даніель-Султаномъ и возвращаюсь съ письмомъ къ К. Б. Вскорѣ пріѣзжаетъ и самъ М—нъ. Переговоры прерваны. Шамиль ни на что не соглашается. Быть штурму, или осадѣ; во второмъ случаѣ простоишь еще долго и увидимъ горную зиму, грязь и снѣгъ.

23-го. Большое передвиженіе войскъ. Перемиріе прекращено, и войска стягиваются подъ Гунибъ, для работъ, закладки баттарей и пр. Я дежурный. Непріятель открываетъ пальбу съ разныхъ точекъ горы по нашимъ войскамъ; намъ почти невозможно еще отвѣчать, но ихъ огонь безвреденъ, и ядра Богъ знаетъ куда ложатся. Общее поздравленіе К. Б., въ парадной формѣ. Пальба изрѣдка продолжается въ теченіи цѣлаго дня. Мы ожидаемъ на дняхъ штурма; въ войскахъ проявляется большое нетерпѣніе. Осадный отрядъ порученъ инженерному генералу К. Отъѣздъ въ Тифлисъ къ 30-му, на который К. Б. такъ рассчитывалъ, отложенъ.

Настала тихая лунная ночь. Вдали идетъ перестрѣлка. На темныхъ покостяхъ Гуниба мелькаютъ огоньки, и вслѣдъ за ними раздаются выстрѣлы, иногда залпами, иногда дробью. Мы стоимъ у дверей своихъ палатокъ и болѣе слушаемъ, чѣмъ смотримъ въ темную даль. Иногда раздаются 3 отдѣльные сухіе залпы;—это значитъ похороны—и на сердцѣ какъ-то становится тяжело.

24-го. Пушечные выстрѣлы продолжаютъ до обѣда. Дымъ обрисовывается на разныхъ пунктахъ горы. Вчера вечеромъ, говорятъ, нѣсколько человѣкъ ранено камнями въ Ширванскомъ полку и 1 совершенно раздавленъ. Говорятъ, что въ Шуру послано за припасами на 2 мѣсяца, такъ что придется стоять долго. Вечеромъ идутъ толки, что на скатѣ горы хотятъ занять позицію, для дальнѣйшихъ работъ.

25-го. Ночью слышна перестрѣлка, и къ утру глухіе раскаты, въ родѣ грома. Въ 8 ч. утра прискакиваетъ Граббе, который ночевалъ у брата, съ извѣстіемъ, что *Гунибъ взятъ штурмомъ на разсвѣтѣ!*

Кн. Тархановъ, этотъ храбрый изъ храбрыхъ, съ своею колонною, обманулъ непріятеля: велѣлъ забить въ барабаны и кричать «ура» съ правой стороны; въ тоже мгновеніе съ горы посыпались груды скалъ и камней, а черезъ 1 ч. или 1½ онъ потихоньку взобрался по неимовѣрно труднымъ скаламъ, посредствомъ веревочъ, лѣстницъ и крючочковъ, на гору; солдатъ уже нельзя было остановить. К—ръ услышалъ, какъ за непріятелемъ въ тылу грянуло «ура» и тотчасъ сталъ подыматься прямо на завалы. Здѣсь дѣло было самое жаркое. Въ тоже время 3-я колонна карабкалась съ лѣвой стороны. Шамиль самъ, въ глазахъ кн. Тарханова, бросилъ свою палатку и бѣжалъ въ аулъ, гдѣ и заперся съ остатками мюридовъ, семействомъ и имуществомъ.

К. Б. тотчасъ садится верхомъ, и мы всѣ за нимъ ѣдемъ на Гунибъ. Чтобы Шамиль какъ нибудь не убѣжалъ, или не былъ убитъ, К. Б. обѣщаетъ 10.000 р. с. тому, кто приведетъ его живаго. Переѣзжаемъ черезъ

Карá-Койсу, текущей у подошвы Гуниба; на горѣ продолжается перестрѣлка въ лѣсистыхъ покатосяхъ, холмахъ, около аула, въ пещерахъ и оврагахъ. Нѣкоторые мюриды скрылись въ скалахъ, и ихъ всюду ищутъ. Подымаемся въ гору. Тамъ и сямъ лежатъ обезображенные трупы мюридовъ; здѣсь въ одиночку, тамъ по два и по три; у нѣкоторыхъ снесено полъ-черепа, и весь мозгъ лежитъ возлѣ; этотъ перерубленъ пополамъ, у того нѣтъ ни головы, ни рукъ, ни ногъ; у другаго половина тѣла сторѣла, третій соскользнулъ со скалы и стоитъ почти на ногахъ, вперивши глаза прямо въ насъ и уже весь облѣпленный мухами. Тутъ лежитъ несчастный, умершій въ страшныхъ конвульсіяхъ, или другой совершенно раздавленный камнями. У ручья перевязываютъ нашего тяжело раненнаго: у него перерубленъ черепъ, все лицо и спина. Весь источникъ въ крови. У перваго завала намъ объявляютъ, что Шамиль окруженъ въ аулѣ. Тутъ же лежатъ въ рядъ подобранные наши убитые. У стѣнки перевязываютъ нашихъ раненныхъ. Всѣ болѣею частью отъ шашечныхъ ударовъ и кинжаловъ. Стоны раздирающіе! Одинъ несчастный, съ подвязанною головою, лицомъ, руками и ногами, какъ сумасшедшій качаетъ головою и ни слова не можетъ выговорить. Раненымъ даютъ по 10 р. с. Одинъ изъ нихъ не протянулъ даже руки, покачалъ головою, показалъ на глубокую рану въ груди, со вздохомъ простоналъ:—болжно! и тутъ же умеръ. Первое впечатлѣніе ужасно! Раненный офицеръ стоялъ во фрунтѣ, съ повязанною головою. Тутъ же раздавались кресты и поздравляли юнкеровъ и офицеровъ съ повышеніями въ слѣдующіе чины.

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1869. 34

Подъѣзжаемъ наконецъ къ аулу, отъ котораго отдѣлены глубокимъ оврагомъ. *Шамиль тамъ!* Останавливаемся на лѣсистомъ холмѣ. Въ ауль брошено нѣсколько бомбъ, и кругомъ стоитъ на всѣхъ холмахъ, во всѣхъ оврагахъ 8.000 войска. За нами въ лѣсу стоитъ цѣпь, потому что мюриды еще рыскаютъ и прячутся по пещерамъ.

Шамиль присылаетъ своего приближеннаго Януса, чтобы удостовѣриться, здѣсь-ли самъ главно-командующій и вступить въ переговоры. Ему велѣно передать, чтобы онъ тотчасъ самъ явился, что его жизнь, семейство и имущество обезпечены и что другихъ условій нѣтъ. Шамиль говоритъ, что его убьютъ, если не удалятъ войска. Ему говорятъ, что этого быть не можетъ. Проходитъ 1 ч.—Шамиль не выходитъ. Генералы просятъ штурмовать ауль; но К. Б. говоритъ, что хоть-бы до завтрага надо дожидаться. Вдругъ по всей горѣ грянуло восторженное, дикое «*ура*»—Шамиль выходитъ изъ аула, а за нимъ человекъ 60 вооруженныхъ мюридовъ. На половинѣ дороги мюридовъ останавливаютъ и Шамиля ведутъ однаго, однако при оружїи. К. Б. жалѣлъ старика, крестился и благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Онъ сидѣлъ на скалѣ, съ протянутою на стулѣ ногою; мы всѣ стояли возлѣ, и кругомъ цѣпь драгунъ.

Шагахъ въ 6 остановили Шамиля. Лицо у него прекрасное. Ростъ мужественный, большая борода; онъ былъ въ зеленомъ, и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ. Лицо было очень блѣдно, и губы его дрожали, но голосъ былъ твердъ. Онъ сталъ припоминать старое, объ томъ, что Русскіе его обманывали и что вѣроятно и теперь убьютъ. Его успокоивали и говорили,

что неприлично и неосновательно такъ о Русскихъ отзываться. Торжественно и странно было слышать этотъ разговоръ, иногда дерзкій со стороны Шамиля. Имамъ въ нашихъ рукахъ: не сонъ-ли это?! Онъ заговорилъ о Турціи и объ обѣщанїи его туда отпустить.—*„Я тебя звалъ къ себѣ“*—сказалъ ему К. Б. — *„и предлагалъ тебѣ условїя. Ты не повѣрилъ, теперь я пришелъ къ тебѣ, и условїя быть не можетъ, а ты можешь только надѣяться на милость твою Государя.“* Потомъ опять увѣрилъ его, что его жизнь и семейство въ безопасности.

К. Б. представилъ ему Тр — каго какъ своего друга, которому онъ его поручаетъ и приказалъ ему ѣхать вслѣдъ за нимъ въ нашъ лагерь. Тутъ К. Б. сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Шамиль все еще не довѣрялъ и присѣлъ въ ожиданїи лошади. При немъ остались Ев—въ, Тр — кій, Н — нъ и я, который хотѣлъ видѣть до конца, какъ онъ доѣдетъ до лагеря. Мы тронулись кругомъ, впереди и сзади шли драгуны и казаки съ вынутыми изъ чехловъ ружьями. Тутъ же Шамиль сдѣлалъ намазъ (молитву), прощаясь вѣроятно съ своею горою. Его окружала въ это время цѣпь. Солнце закатывалось за горою, и картина была хороша. Мы продолжали ѣхать за Шамилемъ; у ручья онъ опять остановился и, подымаясь на нашу гору, снова остановился молиться на цѣпль часть.

Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, и къ 9 ч. мы вѣхали въ лагерь. Шамиля помѣстили въ палаткѣ, окруженной густою цѣпью стрѣлковъ. Надо было видѣть радость, написанную на лицахъ солдатъ. *Шамиль въ кляткѣ! Великій день!!!* Весь восточный Кавказъ усмирень, до

Военно-Грузинской дороги; Грузія — въ безопасности. Шамиль просить плава, чаю и пишетъ письмо, чтобы успокоить семейство, которое завтра будетъ въ нашъ лагерь. Послѣ завтра 27-го, Тр—кій везетъ Шамиля и Кази-Магому въ Петербургъ. Семейство и имущество останутся въ Шурѣ, впредь до приказанія отъ Государя. К. В. призываетъ насъ и посылаетъ въ Тифлисъ, чтобы объявить городу великую вѣсть къ 30-му.

Маршрутъ нашъ пролегаетъ черезъ Южный Дагестанъ, Кази-Кумухское ханство, Самурскую область и часть Кахетіи, на Царскіе Колодцы, въ Тифлисъ. Путь интересный, но утомительный, потому что весь верхомъ, на перемѣнныхъ Татарскихъ клячахъ, по самой Кахетіи.

26-го. Отсылаемъ Ефима въ Грозную, а сами ѣдемъ совершенно одни, съ новымъ адъютантомъ А—вымъ, 3-мя проводниками Татарами и маленькимъ вьюкомъ на 3-хъ.

Проѣзжаемъ большой аулъ и крѣпость *Кумухъ* — столицу ханства; закусываемъ безъ церемоніи у незнакомой гостепріимной маіорши; отсюда въ *Хозрегъ* и въ *Чирагъ*, поздно ночью. Дождливый день и утомительная дорога по зеленымъ горамъ. Чай пьемъ въ крѣпости; проѣхали 80 верстъ и продолжаемъ.

Къ утру 27-го проѣхали черезъ *Ричо* въ *Усу*; очень изнурены и съ большимъ трудомъ боролись противъ сна.

Проводникъ нашъ не говоритъ по Русски и почти ничего не понимаетъ. Край живописный и вездѣ отличная вода. Проѣзжаемъ *Курагъ*, закусываемъ у маіора и по безконечному подъему и спуску приходимъ въ *Ахты*.

Ауль утопаетъ въ садахъ чудной долины *Самури*, пробивающагося свѣт-

лою и шумною струею между 2-мя стѣнами черныхъ скалъ. Роскошная равнина окружена дикими и разнообразными скалами. Знаменитая крѣпость, выдержавшая блокаду въ 1848 году, стоитъ верстахъ въ 2-хъ отъ аула. Мы совершенно поражены величиною и красотою аула, напоминавшаго намъ, своими зелеными улицами и изобилиемъ ручьевъ, предмѣстія Дамаска.

Обѣдаемъ у жены воинскаго начальника Б—ва и продолжаемъ путь по высокимъ скаламъ, залитымъ серебряннымъ свѣтомъ луны, вдоль Самура. Приѣзжаемъ въ *Сумгулъ*, около 12 ч. ночи, насилу пробравшись по самымъ опаснымъ тропинкамъ. Отдыхаемъ до разсвѣта на гумнѣ.

28-го. Проѣхали еще 80 верстъ. Проѣзжаемъ *Хновъ*, *Борчи*, по крутейшимъ чернымъ скаламъ, вдоль шумныхъ потоковъ, питаемся кой-чѣмъ у Татаръ и спускаемся съ громадной горы *Салаватъ* въ прелестный аулъ *Гейнюкъ*, весь разсыпанный въ густыхъ садахъ, уже въ богатой и зеленой равнинѣ Кахетіи. Продолжаемъ ѣхать всю ночь, черезъ *Новый Гейнюкъ* и къ разсвѣту приѣзжаемъ на Дербентскую почтовую дорогу, къ *Аккобурской* станціи. Разбиты и изнурены до нельзя.

Проѣхали отъ Ахтовъ 120 вер.; неизбежный споръ съ грубымъ старостою. Принуждены сѣсть въ одну перекладную втроемъ и летимъ въ Тифлисъ. Вездѣ объявляемъ о взятіи Шамиля. Въ Кахетіи радость неописанная. Въ 12 ч. приѣзжаемъ въ Царскіе Колодцы, прямо къ кн. М—ву и обѣдаемъ у него. Настоящій праздникъ радости и веселья; тотчасъ 101 пушечн. ударъ и шампанское. Спѣшимъ далѣе и приѣзжаемъ въ Тифлисъ къ разсвѣту 30-го числа Будимъ коменданта, который тотчасъ приказываетъ раз-

будить городъ 101-мъ пуш. ударомъ, потомъ будимъ разныхъ другихъ генераловъ и начальниковъ, къ которымъ имѣли бумаги. Радость и всеобщій восторгъ. Отдыхаемъ какихъ нибудь 3 часа. Въ 2 ч. обѣдаемъ у Д—выхъ и вечеромъ заѣзжаемъ къ Экзарху и др. лицамъ. 31-го завтракаемъ и обѣдаемъ у Guillaume. Вотъ вамъ и пошла старая проза. Вечеръ проводимъ у коменданта.

1-го Сентября. Обѣдаемъ у Ш—каго и весь день рассказываемъ всѣмъ знакомымъ то, что я теперь только что намаралъ на этихъ 10 листахъ и, къ счастью для моей головы и пальцевъ, подвожу къ концу. Вечеромъ слушаемъ оперу «Lombardi».

Завтра утр. торжественный въѣздъ К. Б. въ Тифлисъ. Большія приготовления: триумфальные ворота, адреса отъ имени города и дворянства, приготовления въ саду для пышнаго праздника, иллюминація, вензеля, вѣроятно зурна, амкары и пр. и пр. все это можно предвидѣть. День будетъ не хуже Наполеонова въѣзда въ Парижъ. *Гр. А. О.-Д.*

ДВА АВТОГРАФА ПУШКИНА.

Болховской помѣщикъ Николай Петровичъ Барышниковъ, бывши недавно въ Калугѣ, зашелъ тамъ въ лавочку мѣщанина Ивана Ѳомина Антипина, издавна торгующаго старыми книгами, и приобрѣлъ у него два автографа Пушкина, которые обязательно передалъ мнѣ. Сообщаю текстъ этихъ автографовъ съ необходимыми объясненіями.

I.

Пушкинъ, живя въ Москвѣ, сдѣлалъ 21 Апрѣля 1830 года предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой и получилъ отъ нея семейства согласіе на бракъ съ нею. (Соч. Пушк. Изд. Анненк. Т. I, стр. 278.)

Въ исходѣ лѣта того же года Пушкинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ жило его семейство, для устройства своихъ дѣлъ (Ibid. стр. 279) передъ свадьбой, которая была сыграна гораздо позже, именно 18 Февраля 1831 (Ibid. стр. 315.)

Весною и въ началѣ лѣта 1830 года, Пушкинъ гостилъ въ семействѣ своей невѣсты, которое проводило эту пору года въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, въ извѣстномъ имѣніи Гончаровыхъ „Полотняный Заводъ“, лежащемъ въ 18 верстахъ отъ Калуги близъ Медынской дороги.

Извѣстно, что это была эпоха наибольшей популярности и славы Пушкина. Многіе мѣстные жители желали узнать лично знаменитаго поэта. Въ томъ числѣ были упомянутый выше Иванъ Ѳомичъ Антипинъ и пріятель его Ѳаддей Ивановичъ Абакумовъ, жившіе въ Калугѣ. Они стоворились посвятить Пушкина и выразить ему свое уваженіе къ его генію. Въ одинъ весенній день они отправились пѣшкомъ на Полотняный Заводъ. Пушкинъ, разумѣется, принялъ ихъ очень любезно, угощалъ и пр. а на прощанье написалъ имъ на четвертушкѣ бумаги на память слѣдующія строки:

«Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27 «Мая 1830. П. Заводъ».

Записка эта написана на прощанье, которое вѣроятно происходило на другой день прибытія изъ Калуги гостей, сломавшихъ походъ свой пѣшкомъ, а потому конечно и ночевавшихъ на Полотняномъ Заводѣ. Изъ этого можно заключить, что посѣтители явились къ Пушкину 26 Мая, которое было днемъ его рожденія, о чемъ могли они провѣдать, и отправились познакомиться и въ то же время поздравить его.

II.

Глубокую осень 1833 года Пушкинъ провелъ въ Нижегородскомъ имѣніи своемъ, Болдино, гдѣ пробылъ съ 2 Октября до второй половины Ноября (ibid. стр. 373.) Тамъ между прочимъ кончилъ онъ „Мѣднаго Всадника“, 31 Октября (ibid.) и „Исторію Пугачевского бунта“ 2 Ноября (ibid.) Въ Петербургъ пріѣхалъ онъ 28 Ноября (ibid.) Въ началѣ Декабря онъ представилъ на разсмотрѣніе начальства „Исторію Пугачевского бунта“ (ibid. стр. 389), которая разрѣшена была къ печатанію 31 Декабря (ibid.), причѣмъ ему были пожалованы: званіе Камеръ-Юнкера и 20.000 рублей ассигнаціями заимообразно на изданіе книги, съ правомъ печатать ее въ одной изъ казенныхъ типографій, по его выбору. Что касается до „Мѣднаго Всадника“, то извѣстно, что первый отрывокъ изъ него, „Родословная моего героя“, напечатанъ Пушкинымъ лишь въ 1836 году (Соврем., Т. III, стр. 152), а самая поэма, съ большими пропусками, явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти поэта, въ 1837 году (Соврем., Т. V, стр. 1.) Сопоставленіемъ всѣхъ этихъ данныхъ съ обстоятельствами, изложенными въ нижеслѣдующемъ письмѣ, не имѣющемъ никакой помѣты, можно съ точностію опредѣлить, что оно писано Пушкинымъ около половины Декабря 1833 года, изъ Петербурга. Упоминаемый выше Иванъ Ѳомичъ Антипинъ былъ въ это время въ Петербургѣ и посѣтилъ Пушкина, поручившаго ему на обратномъ пути въ Калугу завести это письмо въ Москвѣ къ другу поэта, извѣстному Павлу Воиновичу Нащокину (умершему въ 1854 году), котораго Пушкинъ повидимому не засталъ въ Москвѣ, когда проѣзжалъ въ Ноябрь изъ Болдина въ Петербургъ. Иванъ Ѳомичъ также не засталъ Нащокина въ Москвѣ; ожидать его онъ не имѣлъ времени, а оставить въ Москвѣ или пересылать потомъ по почтѣ письмо, отданное для личнаго врученія, онъ не счелъ возможнымъ.

Онъ увезъ письмо въ Калугу и такъ какъ потомъ уже не имѣлъ случая встрѣтиться съ Нащокинымъ, то и оставилъ его у себя. Такимъ образомъ хранилось оно у него слишкомъ тридцать пять лѣтъ — Должно сказать, что Кн. Дмитрій Ивановичъ Эристовъ былъ лицейскій товарищъ и большой пріятель Пушкина и Нащокина. Крестникъ Нащокина — старшій сынъ поэта Александръ Александровичъ Пушкинъ (род. 1833), бывший въ послѣдствіи Конногвардейскимъ офицеромъ. Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Гагаринъ (род. 1786, ум. 6 Сентября 1863), отставной генералъ-майоръ, извѣстный въ свое время храбрый кавалеристъ и дуэлистъ. Не знаю, кто упоминаемые въ письмѣ: Григорій Ѳеодоровичъ, мальчикъ, старикъ отецъ его и Павелъ (*). Что касается до наслѣдства дяди, то вѣроятно рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ извѣстнаго стихотворца Василя Львовича Пушкина (1770—1830), возбуждавшемъ, какъ видно, какія-то недоразумѣнія даже три года послѣ его кончины. Вотъ что писалъ Пушкинъ Нащокину:

«Я получилъ отъ тебя два грустныхъ письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ ветерпѣніемъ желая знать что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты вѣроятно слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе».

«Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳеодоровичъ) пила твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ (NB тутъ вычеркнуто имя: *Алеша* и сверху написано слово, которое невозможно разобрать) «не имѣю извѣстія; онъ живеть у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Су-

(*) Павелъ—сынъ Нащокина. П. Б.

«масшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать; онъ беспокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ, не плачеть-ли мальчикъ и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ? Успокой старика какъ умѣешь».

«Не знаю, буду-ли я у васъ въ Январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства.—Не знаю, войдутъ ли они въ новыя (sic) переговоры. Здѣсь имѣлъ я неприятности (sic) денежные: я сговорился было со Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила—это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг. (NB Пугачевскаго бунта), то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень неприятно (sic). На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій».

«Всѣ мои здоровы—крестникъ твой тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не гово-

рилъ, потому что дѣло не къ спѣху. «Прощай—плачюся князю Гагарину и желаю вамъ обоимъ щастія (sic). «А. П.»

Почтовый листъ въ четвертку, на трехъ страницахъ котораго написано это письмо, сложенъ былъ такъ, что вскрыть его нельзя, и запечатанъ былою облаткой. а на обратной части четвертой бѣлой страницы надписанъ адресъ: „Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нашокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ въ приходѣ Вознесенія, у священника въ домѣ“.

Въ просвѣтѣ этого почтоваго листа видна надпись: „Гончаровъ, 1830“, окруженная бордюромъ. Часть такого же точно бордюра есть также въ просвѣтѣ четвертушки, на которой написана въ 1830 году вышеприведенная благодарность г. г. Антипину и Абакумову. Изъ этого видно, что Пушкинъ постоянно употреблялъ бумагу, приготовленную на писчебумажной фабрикѣ его тестя, на Полотняномъ Заводѣ, существующей до нынѣ и производство которой въ 1863 году простиралось до 61.552 р. сер. (Статист. Временникъ Россійск. Имп. 1866, Отдѣлъ II, стр. 71.)

М. Логиновъ.

Орель. 25 марта 1869.

КНЯЗЬ А. С. МЕНЬШИКОВЪ ¹⁾.

Въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля скончался одинъ изъ послѣднихъ сподвижниковъ императора Александра I, адмиралъ, генераль-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, родившійся 15-го августа 1787 г. ²⁾.

¹⁾ Князь А. С. Меншиковъ былъ правнукомъ знаменитаго Александра Даниловича (1673—1729), сынъ котораго кн. Александръ Александровичъ (1714—1764) имѣлъ сына кн. Сергѣя Александровича (1746—1815), и у него отъ брата съ княжной Екатериною Николаевною Голицыной (1764—1832), внукъ фельд-маршала кн. Мих. Мих. Голицына-старшаго, князь Александръ Сергѣевичъ. П. Б.

²⁾ Въ Родословной книгѣ кн. Долгорукаго II, 47, показано днемъ рожденія 11 Сентября. П. Б.

Князь Александръ Сергѣевичъ определенъ въ 1805 году въ службу по дипломатической части, съ званіемъ камеръ-юнкера V-го класса. Однако это званіе не удовлетворило желаній 17-лѣтняго юноши, — онъ непременно хотѣлъ быть военнымъ. Отецъ его и покровители, уступивъ его настойчивости, перевели его въ армейскую артиллерию подпоручикомъ и отправили въ молдавскую армию, рассчитывая вѣроятно на то, что молодой человекъ скоро разочаруется и будетъ самъ проситься въ дипломаты: но кн. Меншиковъ понравился генералу

граду Каменскому, который взял его къ себѣ въ адъютанты, и князь полюбилъ своего генерала всѣмъ сердцемъ. Дальнѣйшее прохожденіе князи въ чинахъ не имѣетъ существеннаго значенія въ исторіи жизни его; съ самаго начала и до конца службы личность князя стояла выше его чина. Въ первый разъ является онъ замѣтнымъ дѣителемъ въ 1812 году. 25 лѣтъ отъ роду, во время бородинскаго дѣла, былъ онъ квартирмейстеромъ, а въ слѣдующемъ году, когда Наполеонъ I занималъ Дрезденъ, кн. Меншиковъ былъ однимъ изъ тѣхъ военныхъ курьеровъ, которымъ поручено было пробраться чрезъ неприятельскую армію, къ Бернадотту, съ извѣстіемъ, что наши союзныя войска соединились и что государь начинаетъ дѣйствія наступательныя. Изъ этихъ обреченныхъ на смерть курьеровъ, кн. Меншиковъ одинъ пробрался благополучно къ шведскому лагерю, — одинъ въ полномъ смыслѣ, потому что всѣ бывшіе при немъ казаки перебиты. Съ этихъ поръ кн. Меншиковъ оставался постоянно въ свѣтѣ государя Александра Павловича, во время войны — въ главной квартирѣ или на боевомъ полѣ, по заключеніи мира — на конгрессахъ и во всѣхъ высочайшихъ путешествіяхъ по Россіи. Свита государя была богата людьми, какихъ любилъ государь имѣть около своей особы, богата блестящими великосвѣтскими кавалерами; но кн. Меншиковъ возвышался надъ прочими своею неутомимою дѣятельностью и необъятною памятью. Князь былъ директоромъ канцелярїи начальника главнаго штаба князя Волконскаго, но на дѣлѣ — factotum въ поѣздкахъ государя. Государь Александръ Павловичъ, мужъ наблюдательнаго ума и впечатлительной природы, сообщалъ кн. Меншикову, сидѣвшему въ его коляскѣ, сотни замѣчаній, давалъ ему сотни приказаній; записывать было некогда. Исполненіе этихъ приказаній совершалось въ теченіи ближайшей ночи. У князя сохранились долго его, какъ онъ называлъ, походныя канцелярїи: прос-

твы изъ темнозеленаго перкаля, на которыхъ нашиты были ряды кармановъ величиной въ оффиціальныи форматъ бумаги, съ ярлыкомъ на каждомъ карманѣ. Тотчасъ по прїѣздѣ на ночлегъ, иногда въ крестьянской избѣ, князь развертывалъ эти простыни, прибавлялъ гвоздями къ стѣнѣ и такимъ образомъ устраивалъ канцелярїю; передъ выѣздомъ снималъ ихъ, складывалъ и перетягивалъ ремнемъ съ пражкой. До 1820 года князь Меншиковъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и особенною благосклонностью императора. Съ 1820 года вліяніе гр. Аракчеева, противника кн. Волконскаго, стало усиливаться, и вслѣдствіе того, отношенія государя къ князю Меншикову утратили прежнюю прочность. Государь цѣнилъ по прежнему необыкновенный умъ князя, но вѣроятно не находилъ уже прежняго удовольствія съ нимъ работать. Въ это время маркизь де Траверсе, морской министръ, просился въ отставку. Государь предполагалъ назначить на его мѣсто адмирала Грейга, а командованіе черноморскимъ флотомъ предложилъ кн. Меншикову. Кн. Меншиковъ не принялъ этого предложенія. Не имѣи никакихъ познаній по морской части, онъ былъ бы плохимъ главнымъ командиромъ черноморскихъ портовъ, повредивъ и флоту, и себѣ лично. Между тѣмъ прежнія отношенія его къ государю не только не возстановлялись, но, благодаря ловкой клеветѣ, которой способствовали не мало остроумныя его выходки, видимо измѣнились. Меншиковъ прослылъ у двора вольнодумцемъ и либераломъ. Въ 1824 году Новосильцевъ, гр. Воронцовъ, кн. Меншиковъ и гр. Потоцкій представили проэктъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Проэктъ былъ принятъ неблагоклонно, и главнымъ виновникомъ его назвали кн. Меншикова. Государь, съ явною холодною, объявилъ князю, что онъ намѣренъ назначить его посланникомъ въ Дрезденъ. 33-лѣтній генералъ счелъ такое назначеніе — немилостью и подаль-

въ отставку. Въ отставку, послѣ столь дѣятельной службы, князь Меншиковъ страдалъ отъ бездѣйствія. Передаемъ его рассказъ почти слово въ слово: „Измученный праздностью, страдаю безсонницею отъ *нечего-дѣлать*, и отправился за совѣтомъ къ А. П. Ермолову. „Вы тоже были въ опалѣ—сказалъ я ему—тоже въ отставку послѣ дѣятельной жизни; скажите мнѣ, что вы сдѣлали, чтобы не сойти съ ума?“—„Любезной Меншиковъ, отвѣчалъ Ермоловъ: я нанялъ деревенскаго попа учить меня по-латынѣ, прочиталъ съ нимъ Тита-Ливія, Тацита, Горация; это чтеніе наполнило праздное время, укрѣпило во мнѣ духъ и дало мнѣ тотъ слогъ, который такъ нравится нашей молодежи.“ Я послѣдовалъ было его совѣту, взялъ деревенскаго священника и сталъ повторять латынѣ; но учитель мой рѣдко бывалъ въ совершенно нормальномъ видѣ, а между тѣмъ *подвернулся* мнѣ сосѣдъ мой, почтенный Глотовъ, авторъ морской практики, которая и *о-сю-пору* служить учебникомъ въ морскомъ корпусѣ. Я вспомнилъ, что мнѣ предлагали черноморскій флотъ и что я не могъ принять его, потому что не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ,—и сталъ учиться у Глотова.“ По вознѣщеніи на престолъ государя Николая Павловича, кн. Меншиковъ, принятый по его прошенію вновь на службу съ званіемъ генераль-адъютанта, посланъ былъ къ персидскому шаху съ чрезвычайною миссією, гдѣ онъ долгое время содержался подъ арестомъ, и воротился въ 1827 году. Велѣдъ за тѣмъ, князь получилъ высочайшее порученіе преобразовать морское министерство. Здѣсь онъ явилъ всю свою дѣятельность: располагая только однимъ чиновникомъ отъ морскаго вѣдомства да писаремъ, онъ одинъ, съ помощью двухъ или трехъ сотрудниковъ, работавшихъ съ нимъ, какъ онъ говорилъ *по дружбѣ* (въ числѣ ихъ Н. И. Бахтинъ, умершій незадолго передъ смертью князя, въ званіи члена государственнаго совѣта), исполнилъ порученіе по 1828

годъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ того же года посланъ на восточный берегъ Чернаго моря, для покоренія крѣпости Анапа. Анапа была взята, между тѣмъ какъ войска наши въ европейской Турціи облагали крѣпость Варну. Государь, недовольный медленностью дѣйствій противъ этой крѣпости, „которая ему нужна во что бы ни стало“, возложилъ покореніе ея на кн. Меншикова въ томъ же 1828 году. Подъ стѣнами Варны князь раненъ: вечеромъ, когда князь, прекративъ огонь, сходилъ съ лошади, и одною ногою уперся уже въ землю, пушечное ядро на излетѣ пролетѣло ему между ногъ и вырвало ему мясо съ обѣихъ ляшекъ; внослѣдствіи оказалось, что и внутренне органы получили контузію, отъ которой онъ до самой кончины страдалъ. На его мѣсто назначенъ князь Воронцовъ. По взятіи Варны, князь удостоился высочайшаго рескрипта слѣдующаго содержанія: „Князь Александръ Сергѣевичъ! Осада Варны, столь твердо и благоразумно вами начатая и подготовленная, нынѣ благополучно довершена и увѣнчана полнымъ успѣхомъ. Слѣдуя стезѣ вами проложенной, войска наши покорили крѣпость, не знавшую дотолѣ побѣдителей! Тяжкая рана, полученная на самомъ поприщѣ подвиговъ вашихъ, не допустила васъ быть личнымъ свидѣтелемъ успѣховъ вами приготовленныхъ. Признавая однако полное участіе ваше въ повомъ блескѣ, ознаменованшемъ славу русскаго оружія, жалую вамъ одну изъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ въ Варнѣ, желая, чтобъ сей знакъ особаго моего къ вамъ благоволенія послужилъ памятникомъ заслугъ, оказанныхъ вами при осадѣ и къ покоренію Варны.“

Анапа и Варна, сколько намъ извѣстно, были главные трофеи нашихъ военныхъ дѣйствій въ 1828 году. Легко представить себѣ, какою монаршею милостію долженъ былъ въ то время пользоваться кн. Меншиковъ. Рана его зажила едва въ концѣ 1829 года, но онъ уже съ осени того года вступилъ въ

управленіе морскими силами имперіи, по званію начальника главнаго морскаго штаба, въ которое онъ возведенъ въ началѣ 1828 года. Въ 1830 г. князь назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, финляндскимъ генераль-губернаторомъ, а въ 1853 году посланъ въ Константинополь, по вопросу о святыхъ мѣстахъ и, по разрывѣ съ Оттоманскою Портою, назначенъ главнокомандующимъ войскъ на Крымскомъ полуостровѣ. Въ 1855 году кн. Меншиковъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и члена государственнаго совѣта. Съ этихъ поръ онъ принималъ мало участія въ дѣлахъ: физическія силы его, упавшія въ Севастополь, видимо продолжали падать, но умственная его дѣятельность не ослабывала до самой его смерти. Такъ, прослуживъ 64 года, въ числѣ которыхъ 42 года генераль-адъютантомъ, 27 лѣтъ въ званіи начальника главнаго морскаго штаба и 24 года финляндскимъ генераль-губернаторомъ, кн. Меншиковъ кончилъ жизнь 82 лѣтъ, не переставая ни на минуту слѣдить за всѣми политическими событіями и за всѣми успѣхами науки ³⁾.

Едва ли можно встрѣтить другаго человека, оценываемаго столь различными образомъ не только различными, но и одними и тѣми же судьями, какъ князь Меншиковъ. Ума обширнаго, соображенія необыкновенно быстро, памяти изумительной, князь Меншиковъ съ независимостью мнѣній соединялъ безпредѣльную преданность и покорность самодержавному своему государю; вольнодумство 18-го вѣка, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, оставило въ немъ свой отбѣнокъ на долгое время, но не могло поборотъ въ немъ чувствъ и обязанностей вѣрноподданнаго. Когда онъ считалъ долгомъ представить какое либо возраженіе на мысль, высказанную го-

³⁾ Начитанность князя была изумительна, равно какъ и порянокъ, который онъ самъ умѣлъ сохранять въ обширной своей библіотекѣ. Читая все относящееся до Крымской войны, онъ нисколько не оторчался неблагопріятными отзывами о собственной его дѣятельности въ Крыму. П. Б.

сударемъ, онъ ждалъ случая представить его на единѣ, *глазъ на глазъ*, какъ онъ выражался, — находя не совмѣстнымъ возражать царю при свидѣтеляхъ. Только совершенное изнеможеніе силъ могло заставить его не быть во дворцѣ, въ дни назначенные для пріѣзда ко двору, и въ этихъ случаяхъ никакой медицинскій совѣтъ не въ силахъ былъ уговорить его выѣхать, для того, чтобы свѣжимъ воздухомъ подкрѣпить свои силы. „Неприлично!“ говорилъ онъ въ отвѣтъ на настоящія врача. Какъ питомецъ 18-го вѣка, онъ стыдился мягкосердія и скрывалъ его подъ личиною насмѣшки, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ былъ впечатлительнень и сострадателень. Одному изъ близкихъ къ нему лицъ случилось одинъ разъ увидѣть въ глазахъ его слезу, которую онъ не успѣлъ отереть. „Зачѣмъ скрываете вы добрыя волненія души? — сказалъ онъ князю, — и то говорятъ про васъ, что вы неспособны ни къ какому человѣческому чувству“. „Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, отвѣчалъ князь, вы убѣдитесь, что люди не стоятъ того, чтобы безпокоиться о ихъ мнѣніи“. Въ домѣ своемъ князь былъ кротокъ и снисходителень: занимаясь съ своимъ секретаремъ до 2-хъ часовъ по полуночи каждый вечеръ, онъ никогда не забывалъ, послѣ 11 часовъ, отпустить свою прислугу. Окончивъ работу, онъ вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ гасилъ лампы въ кабинетѣ, зажигалъ свѣчу и провожалъ секретаря, въ его домѣ жившаго, по коридору, до дверей его квартиры. Огласивъ своей благотворительности онъ опасался такъ, какъ будто она была дѣломъ позорнымъ; придумывалъ способы *какъ бы лучше это уладить*, безпокоился о томъ, не разгласилось ли его благотвореніе, и на замѣчаніе, что его опасенія доходятъ до странности, онъ отвѣчалъ смѣясь: „Я имѣю репутацію скунца; я дорожу этою репутаціею и не хочу ее портить“ ⁴⁾. Легко ввѣрившійся людямъ,

⁴⁾ Мы слышали, что, когда ему былъ пожалованъ домъ въ Петербургѣ на англійской набережной, онъ внесъ въ инвализный капиталъ *отъ неизвѣстнаго* сумму, равную стоимости этого дома. П. Б.

не смотря на то, что зналъ наизусть *maximes de la Rochefoucault* и, неоднократно обманутый тѣми, кому ввѣрялся, — князь сдѣлался недовѣрчивымъ, но къ кому сохранилъ довѣріе, тому вѣрилъ безгранично. Любознательность его была совершенно исключительная; его интересовало все, а въ особенности военныя дѣйствія. Возникала ли война между Сѣверо-Американскими Штатами. — онъ собиралъ лучшія карты Америки, разноцвѣтными булавками означалъ относительное расположеніе и движеніе воюющихъ, слѣдилъ съ нетерпѣніемъ за дѣйствіями и соображалъ вѣроятности послѣдствій. Открывались ли военныя дѣйствія въ Италіи, — онъ съ тою же заботливостью слѣдилъ за итальянскими событіями. Замѣчательнаго его отзывъ при разрывѣ между Пруссіею и Австріею. Прочитавъ приказъ войскамъ Бенедека, онъ сморщился и, покачавъ головой, сказалъ: „Поколотятъ Бенедека“! До самой смерти князь сохранилъ свойственную ему одному художественность повѣствованія. Онъ не украшалъ разсказа ни однимъ отборнымъ словомъ, ни одною эффектною фразою; ни возвышеніе голоса, ни жестъ не шли къ нему на помощь. Устремивъ свои умные, темносиніе глаза на слушателя, князь спокойнымъ, почти лѣнивымъ голосомъ, обстановкаивалъ прежде всего сцену, потомъ излагалъ событія съ такою отчетливостью, что въ представленіяхъ слушателя обрисовывалась живая картина, которая такъ сильно врѣзывалась въ память, что уже никогда не могла быть забыта. Забывались числа, имена, но событіе никогда не теряло въ памяти всей свѣжести и рельефности очерковъ. Память князя Меншикова характеризуется покойнымъ г.-ад. Перовскимъ. „Память князя, говорилъ Перовскій, тоже, что его кабинетъ: шкафы и шкафы съ полками и полочками, на которыхъ систематически уложены матеріалы; если князь въ 30 лѣтъ не говорилъ ни разу о какомъ либо предметѣ — это не значитъ, что онъ забылъ объ немъ,

онъ только не выдвигалъ той полочки; при надобности, онъ ее выдвинетъ, и все найдетъ въ порядкѣ“. Слабостью можно назвать въ князѣ его остроуміе и его улыбку. Остроуміе его выливалось сарказмами, надѣлавшими ему враговъ; но надобно замѣтить, что отъ этой слабости онъ давно уже освободился: на него часто взваливали слова, какихъ онъ не говорилъ, — или для того чтобы дать имъ патентъ на остроуміе (съ этимъ патентомъ ходило много пошлостей), или чтобы повредить ему. Улыбка его была поддѣльная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, какъ мы уже прежде замѣчали, онъ стыдился. Словомъ, князь А. С. Меншиковъ былъ человѣкъ необыкновенный и умомъ, и сердцемъ, истинный патриотъ, преданный безпрѣдѣльно государю, вѣрный другъ и снисходительный къ подчиненнымъ.

Что же касается до враговъ, то въ извѣстномъ политическомъ положеніи вражда людей возникаетъ часто, и почти всегда, изъ обстоятельствъ отъ насъ независящихъ, и въ которыхъ мы неповинны.

(Изъ Газеты „Вѣсть“. 1862 № 113 *).

СИНОДИКЪ 1670 ГОДА

БОГОСЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ЧТО ИЛѢ ВАГЪ.

Въ числѣ рукописей недавно мною купленныхъ достался мнѣ Синодикъ Богословскаго монастыря. Синодикъ этотъ въ 4-ку, писанъ на лощеной бумагѣ, полууставомъ, съ заглавіями писанными кинноварью. На первомъ листѣ читается: «Сія книга глаголемая Синодикъ Богословскаго мона-

*) Такъ какъ въ Газетѣ „Вѣсть“ появлялись нерѣдко выдержки изъ нашего изданія, то я мы позволяемъ себѣ заимствовать эту статью. П. Б.

стыря; написася сія книга въ лѣто 7178 (1670) при игуменѣ тогожъ Богословскаго монастыря Іонѣ и при келарѣ старцѣ Сергіи».

Богословскій монастырь, которому принадлежалъ Синодикъ, основанъ въ 1444 году Новгородскимъ посадникомъ Василиемъ Степановичемъ Своеземцевымъ, который въ 1452 году, во время игуменства Серапіона, отдалъ Богословскому монастырю изъ своихъ имѣній три села съ значительными землями. Впослѣдствіи Василій Степановичъ поступилъ самъ въ Богословскую обитель и принялъ монашество съ именемъ Варлаама; достигши маститой старости, онъ скончался 19 Іюня 1462 года. Нетлѣнныя его мощи открыты въ 1557 году. Основанный имъ монастырь Богословскій упраздненъ въ 1764 году; мощи препод. Варлаама, Пинежскаго чудотворца, почиваютъ въ бывшей монастырской, а нынѣ приходской Богословской церкви, находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ города Шенкурска.

Въ Синодикѣ бывшаго Богословскаго монастыря помѣщены поминавения: *Государей Русскихъ*, отъ царя и великаго князя Іоанна, въ монашѣхъ Іоны, до императора Петра I включительно. *Благовѣрныхъ царицъ*, отъ ц. и в. кн. Анастасіи до императрицы Анны Іоанновны. *Патріарховъ Всероссійскихъ*, отъ Іова до Адріана. *Митрополитовъ Новгородскихъ*, съ митр. Макарія до епископа Аполлоса; противъ именъ: архіепископа Германа замѣчено, преставился 1735 года Іюля 25 дня; архіепископа Аарона преставился 1708 Маія 7 дня. *Настоятелей Богословскаго монастыря* 1). Начинается такъ: «Помяни

1) Такъ какъ въ „Исторіи Россійской Іе-

Господи начальнига святыя обители сея преподобнаго отца нашего Варлаама; священно-игуменовъ: Θεодосія, Кирилла 2), Геронтія, Варлаама, Паисія 3), Иринарха, Евфимія, Данила 4), Измаила, Іоны, Варлаама, Симеона, Игнатія, Θεодосія, Евфимія, Іоны, Ефрема, Іосифа, Іоанникія, Серапіона, Антонія, Варсонофія, Гурія, Макарія схимника 5), Исаи схимника, Іоны 6).

За тѣмъ слѣдуютъ *родовыя поминавения*. Изъ числа ихъ укажемъ на слѣдующія: родъ игумена Богословскаго монастыря Макарія Долгобородовыхъ, родъ Богословскаго монастыря игумена Іоны, родъ Богословскаго монастыря игумена Пароенія 7), родъ Богословскаго монастыря игумена Евфимія 8), родъ князя Ивана Михайловича Коркодинова 9): «По-

рархія“ не поименованы настоятели обители, основанной на Вагѣ, во имя св. Евангелиста Іоанна Богослова, то я счелъ нужнымъ выписать имена ихъ изъ Синодика и напечатать. Въ поминавение не внесены упоминаемые: въ грамотахъ 1452 г. игумень Серапіонъ и въ Житіи преп. Варлаама, подъ 1552 годомъ, игумень Герасимъ.

2) Великокняжеская грамота Богословскаго монастыря игумену Кириллу отъ 5 Января 1482 года хранится въ Богословскомъ храмѣ.

3) Упомянется подъ 1557 годомъ въ Житіи преп. Варлаама.

4) По просьбѣ игумена Данила, іеромонахъ Іона въ 1589 году описалъ жизнь и чудеса преп. Варлаама Пинежскаго чудотворца.

5) Противъ имени игумена Макарія сдѣлана отмѣтка: „Преставился 7177 (1669) 1 Января“; игумень Макарій Долгобородовыхъ считалъ себя потомкомъ преп. Варлаама Пинежскаго.

6) При семь игуменъ Іонѣ написанъ Синодикъ въ 1670 году.

7) Игумень Пароеній собственноручно вписалъ родъ свой въ Синодикъ.

8) Игумены Евфимій и Пароеній были вроятно изъ послѣднихъ по времени настоятелей Богословской обители.

9) Князья Коркодиновы происходили отъ владѣтельныхъ князей Смоленскихъ. Для опредѣленія лицъ, упоминаемыхъ въ Сино-

мѣни Господи души усопшихъ рабъ своихъ: раба своего инока схимника Мисаила, Ксеніи, Марѣы, князя Петра, князя Василія, Евдокеи, княгини Елены, княгини Θεодосіи, Михаила, Евдокеи, Наталіи, Іоанна убіеннаго, князя Іоанна младен., Алексѣя, Θεодора, Іоанна, Пелагеи, князя Іакова, князя Даніила, схимницу Екатерину. Родъ звонаря-монаха Іоасафа Карамзина ¹⁰⁾: «Дѣта 7195 (1687) Сентября въ 8 день поставилъ сію святую икону въ церковь Іоанна Богослова, чудотворца Варлаама, по своихъ родителейхъ и по себѣ въ поминовеніе въ вѣкъ неотъемлемо, звонарь-монахъ Іоасафъ Карамзинъ. Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ и рабынь: раба своего инока Θεодосія схим., инока Игнатія схим., іереа Димитрія, іереа Іоанна, Анисима, Димитрія, іереа Космы, иноки, Екатерины схим., иноки Марѣы схим. дважды, Варвары, Іустины, Наталіи, Ксеніи, инока Іоны схим., Лазаря, Георгія, Іоанна, Θεодосія, Петра, Анастасіи, Іоанна, Григорія, Евдокима, Іоанна, Іоанна младен., Маріи

дѣтъ, помѣщено здѣсь ихъ родословіе въ Приложеніи.

¹⁰⁾ Родъ Карамзинныхъ вписанъ въ Синодикъ собственноручно монахомъ Іоасафомъ Карамзиннымъ. Вѣроятно, онъ поступилъ въ монашество въ очень молодыхъ годахъ, и послушаніе, возложенное на него, — звонить въ колокола для созыва братіи на молитву, не только не казалось ему тягостнымъ, но напротивъ было ему по душѣ: это можно заключить изъ того, что онъ въ своемъ титулѣ поставилъ слово *звонарь* прежде слова *монахъ*. Потѣшаться колокольнымъ звономъ было въ духъ того времени: вспомнимъ при этомъ, что любимую забавою царей Івана Васильевича Грознаго и Θεодора Іоанновича было — звонить въ колокола. — Но слово *звонарь* въ послѣдствіи въ Синодикъ въ обонихъ мѣстахъ кто-то постарался тщательно вымыть. Это, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлано было уже по смерти Іоасафа, когда его имя было внесено въ Синодикъ, гдѣ онъ названъ только монахомъ Іоасафомъ.

младен., Евлампіи младен., Симеона младен., монаха Мееодія схимника, іереа Михаила, іереа Θεодора утоп., монаха Іоасафа, Іоанна младенца дважды, Іуліаніи, Стефана и ихъ сродниковъ».

Изъ Синодика Богословскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго, родъ Карамзинныхъ я внесъ на вѣчное поминовеніе въ Синодикъ церкви пресвятыя Богородицы Тихвинскія иконы ея, находящейся Московскои губерніи Дмитровскаго уѣзда въ родовой моей отчинѣ селѣ Глуховѣ.

К. М. Оболенскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ КОРКОДИНОВЪХЪ.

Князья Коркодиновы происходили отъ владѣтельныхъ князей Смоленскихъ. Родъ ихъ не былъ внесенъ въ древнія родословныя книги потому, что когда Литовскій великій князь Витовтъ взялъ Смоленскъ, то изъ потомковъ князей Смоленскихъ князь Димитрій и князь Иванъ, происходившіе отъ князя Глѣба Святославича Смоленскаго, вынужденными нашлись служить въ Великому Княжеству Литовскому. У князя Ивана въ Литвѣ былъ одинъ сынъ князь Юрій Коркода, и у князя Юрія князь Иванъ Коркодиновъ. Отъ него пошли князья Коркодиновы, которыхъ родъ только въ позднѣйшее время, по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, внесенъ въ бархатную родословную книгу.

№

№
отца

1. Князь Иванъ Юрьевичъ Коркодиновъ пріѣхалъ изъ Литвы въ 1514 г. служить къ в. к. Василію Ивановичу.
2. Князь Семеновъ Ивановичъ въ 7079 (1571) году былъ въ Смоленскѣ воеводою; въ 7082 (1574) былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Свверскомъ; въ 7083 (1575)

- и въ 7084 (1576) годахъ былъ на берегу у обоза Головою; въ 7084 (1576) былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ; въ 7085 (1577) г. былъ у наряда въ Лифляндскій походъ воеводою въ 7085 (1577), въ 7086 (1578) и въ 7087 (1579) годахъ былъ воеводою въ Курнось; въ 7088 (1580) г. съ Орда былъ за рѣкою, а стоялъ у Антонія святаго полковымъ воеводою.
3. Князь Иванъ Ивановичъ . . . 1. бездѣтенъ.
 4. Князь Михайло Ивановичъ . . . 1. бездѣтенъ.
 5. Князь Никита Ивановичъ . . . 1. бездѣтенъ.
 6. Князь Григорій Ивановичъ . . . 1. Въ 7079 (1571) году былъ на Пловъ и на Соловъ воеводою; въ 7081 (1573) былъ намѣстникомъ въ Рославлѣ; въ 7083 (1575), въ 7084 (1576) и въ 7085 (1577) годахъ былъ воеводою въ Астрахани.
 7. Князь Гаврило Семеновичъ. . . 2. Въ 7099 (1591) году собиралъ въ лѣвую руку на Коломну Муромцевъ; въ томъ же году былъ за Москвою рѣкою объѣзжимъ головою; въ 7100 (1592) былъ головою въ Свейскомъ походѣ, въ 7101 (1593) и въ 7102 (1594) былъ воеводою на Крапивнѣ; въ 7103 (1595) былъ посланъ къ Ногайскимъ Мурзамъ; въ 7104 (1596) былъ Рязскимъ воеводою; въ 7106 (1598) былъ въ Орлѣ воеводою; въ 7107 (1599) и въ 7109 (1601) годахъ былъ воеводою въ Черниговѣ; въ 7110 (1602) былъ воеводою въ Почепѣ; въ 7111 (1603) былъ воеводою въ Переяславлѣ Рязанскомъ; въ 7112 (1604) былъ воеводою на Рязани; въ 7112 (1604) Сентября въ 1 день былъ у Государя у руки, а быть ему въ Смоленску; въ 7115 (1607) убитъ въ Путивлѣ.
 8. Князь Ѳедоръ Семеновичъ . . . 2. Въ 7130 (1622) былъ въ Москвѣ объѣзжимъ головою для огней въ Кремль-городѣ. Дворянинъ Московскій 1627—1640. Постригся и умеръ.
 9. Князь Иванъ Семеновичъ . . . 2.
 10. Князь Семень Григорьевичъ . . . 6. бездѣтенъ.
 11. Князь Яковъ Гавриловичъ: . . . 7. бездѣтенъ. Стольникъ 1627—1629.
 12. Князь Данило Гавриловичъ; бездѣтенъ. 7. Стольникъ 1627—1629.
 13. Князь Ѳедоръ Ивановичъ . . . 9. Въ 7124 (1618) и въ 7125 (1619) годахъ былъ воеводою въ Тюмени.
 14. Князь Михайло Ивановичъ, въ монашествѣ Мисаилъ 9. Стряпчій съ платьемъ 1627—1629; Стольникъ 1636—1658.
 15. Князь Иванъ Михайловичъ . . . 14. Стряпчій 1636—1640. Стольникъ 1658—1676. Околыничій 1681—1686. Бояринъ 1691—1692.
 16. Князь Алексѣй Михайловичъ . . . 14. Дворянинъ Московскій 1640. Стольникъ 1638—1676.
 17. Князь Андрей Михайловичъ . . . 14. Стольникъ 1658—1686.
 18. Князь Ѳедоръ Михайловичъ . . . 14. Стряпчій 1658—1676. Стольникъ 1676—1692.
 19. Князь Андрей Ивановичъ . . . 15. Стряпчій 1658.
 20. Князь Петръ Алексѣевичъ . . . 16. Стольникъ 1686—1692.

МИХАЙЛА МЕДВѢДЬ,

РАЗВОЙНИЧІЙ ЕСАУЛЬ.

Много разъ, при государѣ Петрѣ I и преемникахъ его, объявляемо было

указами, чтобъ дѣти духовныхъ, не опредѣленные на мѣста, или шли учиться въ школы, или избирали себѣ другой родъ жизни, т. е. записывались въ подушный окладъ за помѣщиками, приписывались на фабрики и заводы и пр. Но безмѣстныхъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей всегда оставалось много.

Занятіе священноцерковнослужительскихъ мѣстъ, при новыхъ положеніяхъ Петра I, сдѣлалось очень затруднительно, потому что число членовъ причта при церквахъ ограничено штатами 1722 авг. 10, и для поступленія къ церквамъ въ причтъ, кромѣ искусства въ чтеніи и пѣніи, потребовалось знаніе науку особыхъ книжекъ о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ. Идти въ школы обучаться наукамъ у дѣтей совсѣмъ не было охоты, потому, что учителя, прибывшіе въ школы изъ Малороссіи, имѣли обращеніе суровое, и розги или наказаніе они считали лучшимъ средствомъ къ успѣхамъ.

Извѣстенъ привѣтъ педагоговъ того времени:

Все мене блюдитесь,
Недѣлю учитеся.

Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.
Лоза разумъ дѣтямъ въ голову вгоняетъ
И отъ злыхъ на добрыхъ дѣла воздвизаетъ;
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ

И Божественнаго разума премудро научаетъ.
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шею скоро ему свѣтъ.

Отдавать дѣтей помѣщикамъ въ крѣпостное состояніе, или приписывать ихъ въ посады для торговли, на фабрики и заводы для ремесла и мастерства, самимъ родителямъ не хотѣлось. Отъ того дѣти священноцерковнослужителей проживали при своихъ родителяхъ урослыми и, не находя себѣ опредѣленныхъ занятій,

часто обращали свои силы и способности на занятія совсѣмъ не свойственныя духовному сословію.

Въ архивѣ Московской Консисторіи есть дѣло 1750 г. о дракѣ безмѣстныхъ сыновей Московскаго уѣзда, села Богородскаго, Масальское тожъ, попа Михаила Андреева съ фабричными сосѣдняго села Фрянова. Изъ дѣла видно, что сыновья попа Андреева были Феодоръ 32 лѣтъ, Михайла 30 и Алексѣй 27 лѣтъ; кромѣ драки они занимались грабежомъ, а средній изъ нихъ Михайла, по отвагѣ и силѣ, прозванъ *Медвѣдемъ* и былъ разбойничій есаулъ.

Дѣло началось тѣмъ, что показанныя дѣти попа Михаила Андреева въ 1750 г. 29 іюня, были также въ сосѣднемъ селѣ Никольскомъ, Желтухино тожъ, на ярмаркѣ. Неизвѣстно за что и какъ, тамъ завязалась драка между крестьянами разныхъ селеній и фабричными шелковой фабрики, которую содержалъ иностранецъ Игнатій Францовъ Шириманъ. Поповы дѣти приняли сторону крестьянъ, и по окончаніи драки, оказалось 17 человекъ фабричныхъ съ тяжкими ранами. Шириманъ донесъ о семъ въ Мануфактуръ-Коллегію. Коллегія послала своего чиновника Веригина для осмотра избитыхъ фабричныхъ и изслѣдованія дѣла. Веригинъ донесъ Коллегіи, что, по обыску его, соцкихъ и десятицкихъ, главными зачинщиками бывшей драки между фабричными Ширимана и крестьянами были дѣти попа села Богородскаго Михаила Андреева: Феодоръ, Михайла и Алексѣй. Они производили даже стрѣльбу по фабричнымъ и кричали «бейте фабричныхъ до смерти.» Коллегія сообщила о семъ на разсмотрѣніе Московской Св. Синода Конторы, а Контора предписала Консисторіи разсмотрѣть дѣло.

Попъ села Богородскаго Михайла Андреевъ въ Консistoriи показалъ, что сыновья его на ярмаркѣ въ Петровъ день въ селѣ Никольскомъ дѣйствительно были, но драки не производили; а 5 июля сынъ его Ѳедоръ ѣхалъ въ село Весѣды, отстоящее отъ села Богородскаго въ 5 верстахъ, и Ширимащъ захватилъ его на свою фабрику, содержалъ въ цѣпи, а фабричные били ѣзжалымъ кнудомъ, дубиною и кулаками. На другой день онъ попъ пріѣхалъ за сыномъ къ Шириману; Шириманъ велѣлъ и его схватить и, заковавъ обоихъ, привезъ къ себѣ въ домъ въ Москву; отсюда отправилъ ихъ въ Мануфактуръ-Коллегію, а Коллегія отослала ихъ въ Московскую Св. Синода Контору, изъ котораго сынъ его бѣжалъ и гдѣ находится, неизвѣстно.

Консistorія, для сыска поповыхъ дѣтей и представленія къ допросу, послала своего подканцеляриста съ 2 солдатами въ село Богородское. Посланные на подводѣ Ширимана прибыли въ село Фряново и, взявъ тамошнихъ попа и дячка и 20 челоувѣкъ фабричныхъ, прибыли въ село Богородское. Здѣсь, окруживъ домъ попа Михаила Андреева, приступили къ обыску. Младшій поповъ сынъ Алексѣй успѣлъ было изъ дома скрыться въ пустые барскіе покои; но оттуда, по указанію какой-то бабы, взять. Ѳедоръ засѣлъ въ омшаникѣ на своемъ дворѣ и началъ отстрѣливаться, но принужденъ былъ сдаться; при немъ въ омшаникѣ нашли два ружья, пистолеты, ножъ большой и рожокъ съ порохомъ. Михайлы въ это время дома не было: онъ ночевалъ, по близости въ деревнѣ Горбунахъ, у помѣщицы Бурцовой, которая объявила, что Михайла, узнавъ о сыскной зачѣпкѣ, уѣхалъ отъ нея, куда неизвѣ-

стно. Подканцеляристъ и солдаты, заковавъ поповыхъ дѣтей Ѳедора и Алексѣя въ желѣза, повезли ихъ въ Москву. Когда прибыли они въ Москву, то близь Сухаревой башни, Михайла «не вѣдомо откуда взявшись (какъ доносили послѣ Консistoriи подканцеляристъ и солдаты) напалъ на нихъ съ отбоемъ и закричалъ караулъ». По сему всѣ они взяты въ съѣзжій домъ, гдѣ Михайла объявилъ, что взявшіе братьевъ его, изъ дома отца, пограбили всѣ ихъ пожитки, и тутъ же указалъ на консistorскомъ солдатѣ свой коломенковой камзолъ.

Пока шла переписка Полиціи съ Консistorіею, служитель изъ вотчины г. Лачинова села Старкова подалъ объявленіе въ полицію, что въ 1747 г. февраля 6 ночнымъ временемъ въ то село Старково пріѣхали воровскіе люди множествомъ съ ружьями и рогатинами и, разбивъ господскія житницы, много пограбили всякаго скарбу и денегъ; а во время обыска дома попа села Богородскаго Михайла Андреева, при поимкѣ сыновей его, въ пожиткахъ ихъ много оказалось изъ пограбленныхъ вещей господина его, и просилъ о всемъ допросить поповыхъ дѣтей съ пристрастіемъ, что значило въ то время сдѣлать имъ пытку. Поповы дѣти изъ полиціи препровождены въ Судный Приказъ; въ Приказѣ «оня поповы дѣти пытаны и съ трехъ пытокъ въ томъ разбоѣ не виновались.» Посему они изъ Приказа отпущены, и дѣло, бывшее объ нихъ въ Консistoriи, прекращено. Сыновья попа Михайла Андреева продолжали оставаться безмѣстными.

Въ 1755 г. окт. 30, солдаты Приказа розыскныхъ дѣлъ увидали попова сына Михайла близь Консistoriи, которая тогда помѣщалась во второмъ этажѣ заднихъ зданій Чудо-

ва монастыря, и хотѣли схватить его, но Михайла ушелъ въ Консисторію. Солдаты преслѣдовали его; объявили, что онъ разбойникъ и розыскивался въ Контору Военной Коллегіи по оговору разбойника Шорулина. Секретарь Консисторіи Донской объявилъ имъ, что преслѣдуемый ими человекъ добрый и имѣетъ хожденіе въ Консисторію за дѣломъ. Дѣйствительно въ Консисторіи было дѣло по просьбѣ Михайлы объ опредѣленіи его въ какой-то сельской приходъ дьячкомъ. По настоянію солдатъ, Михайла задержанъ въ Консисторіи подъ стражею въ оковахъ и цѣпи. Консисторскіе солдаты, сторожившіе арестантовъ, донесли Консисторіи, что 11 ноября Михайла поутру пошелъ въ сѣни для тѣлесной нужды и, подошедъ къ сѣнному окну, сшибъ съ себя оковы и, снявъ цѣпи, кинулся въ окно прямо на землю; они отперли сѣнныя двери и гнали въ слѣдъ за нимъ, но не догнали.

Въ 1756 іюля 13, по представленію Военной Коллегіи, послѣдовалъ въ Консисторію указъ Св. Синода «о сыску Московскаго уѣзда, села Богородскаго поповича, разбойнаго есаула, Михайла Михайлова, прозваніемъ Медвѣдя, и по сыску отослать его въ Военную Контору, заклепавъ въ кандалы подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ.» Секре-

тарь Донской тѣмъ же указомъ, за упускъ Михайлы изъ Консисторіи, подвергнутъ денежному штрафу. О сыскѣ Михайлы изъ Консисторіи посланы указы по всей Московской епархіи съ описаніемъ его примѣтъ, а именно: отъ роду ему 35 лѣтъ, роста большаго, лицомъ бѣлъ, сухощавъ, волосы на головѣ и бородѣ черные, не велики, глаза черные жъ.

Искали Михайлу по епархіи, но не нашли. Неизвѣстно, какая судьба его постигла. Есть небольшая книжка подъ названіемъ «Жизнь Ваньки Каина» (изд. 1859 Спб), будто бы біографія, написанная самимъ Иваномъ Каиномъ. Это современникъ Михайлы, сыщикъ и плутъ (*); объ немъ также есть свѣдѣнія по дѣламъ архива Консисторіи. Въ автобіографіи говорится, что Каинъ поймалъ многихъ разбойниковъ, въ томъ числѣ упоминается и разбойникъ Медвѣдь.

Въ 1759 г. 7 іюля безмѣстнымъ священноцерковнослужительскимъ дѣтямъ данъ трехмѣсячный срокъ на избраніе себѣ рода жизни; а послѣ того не избравшіе себѣ рода жизни обращены въ военную службу.

Н. Розановъ.

(*) См. о немъ статью Г. В. Есипова въ 3-й книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка.“

Къ стр. 942. Во время печатанія этого выпуска, мы узнали, что «благочестивая боярыня», о которой говоритъ Фотій, была Марія Θεодоровна Портеръ († 1827), урожд. княжна Щербатова, единокровная сестра графини Дарьи Θεодоровны Дмитріевой-Мамоновой. Супругъ ея былъ англичанинъ, занимавшійся живописью.

Впредь до объявленія, Чертковская Библиотека
закрывается для чтенія.

- VX. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія:
- а) О Хорватѣ.
 - б) О Мировичѣ.
 - в) О Лифляндскихъ депутатахъ
 - г) Письма Екатерины II-й къ разнымъ лицамъ.
- XVI. Письмо архимандрита *Амеросія* къ преосвященному Платону.
- XVII. Изъ воспоминаній графа Нелли, статья *М. Θ. Шурова*.
- XVIII. Записки *Великаго Князя Павла Петровича* къ офиціанту Курдюкову.
- XIX. Письма князя *А. Б. Куракина*, *Великаго Князя Павла Петровича* и *Великой Княгини Маріи Θεодоровны* къ *Θ. И. Вадковскому*.
- XX. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.
- XXI. Изъ бумагъ *Е. И. Нелидовой*. Переписка императора *Павла Петровича* и императрицы *Маріи Θεодоровны* съ *Е. И. Нелидовой*.
- XXII. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ *Екатеринѣ* съ предисловіемъ *Ев. Ев. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).
- XXIII. Былое изъ Пугачевщины, рассказъ *Аскалона Труворова*.
- XXIV. О премьеръ-маіорѣ *Рославлевѣ*, дополнительная замѣтка *М. Н. Лонгинова*.

Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. Желаящіе получить эту книгу обращаются въ *Москву* въ *Чертковскую бібліотеку* къ издателю *П. И. Бартеневу*.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ТРИ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной какой либо книгѣ Оснадцатаго Вѣка 10 р., а Русск. Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ Оснадцатаго Вѣка, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ тремъ книгамъ Оснадцатаго вѣка, — 15 рублей съ пересылкою. Книги XVIII в. продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р. вторая и третья по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.,

Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили двѣ книги Оснадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослатъ, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать Русскій Архивъ или Оснадцатый Вѣкъ, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *въ Москву*, въ Чертковскую библиотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу* Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева пользуются уступкою 10% и бесплатною пересылкою.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 8 р.; *во Францію и Бельгію* 8 р. 50 к.; *въ Англію* 9 р.; *въ Швейцарію и Италію* 10 р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеньевъ.**